

Ex libris
viri clarissimi
Vegetatis est
Anno Domini MMVII
all

Ф. П. Филин

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РУССКОГО, УКРАИНСКОГО
И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ**

**Историко-
диалектологический
очерк**

Издание второе, стереотипное

МОСКВА

URSS

Филин Федот Петрович

Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2006. — 656 с.

Предлагаемая вниманию читателя книга, написанная выдающимся отечественным языковедом Ф. П. Филиным (1908–1982), посвящена проблеме образования восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского. Автор считает, что при изучении происхождения языков, их исходных основ историческая диалектология — важнейшая, определяющая дисциплина, так как решающие изменения в общенародных языках происходили в сфере устной речи. В настоящей книге исследуется история восточнославянских диалектных явлений, прежде всего явлений древних, предшествующих и сопутствующих образованию русского, украинского и белорусского языков, многие из которых стали различительными особенностями этих языков.

Рекомендуется специалистам-языковедам, историкам, а также преподавателям, студентам и аспирантам филологических факультетов вузов.

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Подписано к печати 19.05.2006 г. Формат 60×90/16. Печ. л. 41. Зак. № 508.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

10-значный ISBN, применяемый до 2007 г.:
ISBN 5-484-00518-3
Соотв. 13-значный ISBN, вводимый с 2007 г.:
ISBN 978-5-484-00518-5

© Ф. П. Филин, 1972, 2006
© КомКнига, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский, украинский и белорусский языки — языки-братья, имеющие одного предка — древнерусский (восточнославянский) язык. Древнерусский язык образовался в VII—VIII вв. на базе многочисленных близкородственных говоров древнейшего общеславянского (праславянского) языка, исторические истоки которого уходят в глубокую древность. О том, как складывался древнерусский язык в сложном процессе распада древнейшего общеславянского языка, рассказано в моей книге «Образование языка восточных славян» (М. — Л., 1962). Настоящая книга, будучи вполне самостоятельным исследованием, является продолжением названной монографии. Все имеет свое начало и конец, в том числе и языки. Исторические обстоятельства сложились так, что в XIII—XIV вв. древнерусская народность разделяется на три близкородственные народности — русскую, украинскую и белорусскую, что повлекло за собой возникновение трех близких языков с их самобытными, оригинальными путями развития. Процесс образования новых восточнославянских языков был длительным. Многие их особенности, составляющие специфику каждого из языков, появились значительно позже XIII—XIV вв., другие, наоборот, возникали столетиями раньше. Четкую хронологическую границу между древнерусским языком и русским, украинским и белорусским языками провести невозможно, тем более что письменный (не разговорный) древнерусский язык с локальными вариантами сохраняется во многих письменных памятниках в XIV—XV столетиях.

В настоящее время, время высокоразвитых литературных языков и всеобщей грамотности населения, письменная форма речи оказывает огромное влияние на речь разговорную. В былые времена положение было иным. До конца IX в. восточные славяне не имели своей письменности, и все изменения в их языке происходили в сфере устной речи. Положение изменяется, когда в древней Руси получает распространение письменный старославянский язык, а вслед за этим появляется письменность, в основе которой был разговорный язык народа в некоторых его разновидностях.

Некоторая часть населения овладевает грамотой, весь народ, принявший христианскую религию, так или иначе соприкасается со старославянским языком, на котором была написана вся богослужебная литература и на котором отправлялись религиозные обряды. Начинается сложное взаимодействие между разговорной речью и различными разновидностями письменного языка, повлекшее за собой серьезные последствия для обеих языковых стихий. Нам уже многое известно из того, какое воздействие оказывала устная народная речь на язык письменности. Мы можем предполагать, что и разговорный язык народных масс еще в древнерусскую эпоху вбирал в себя некоторые особенности письменного языка, хотя достоверными фактами этого рода мы не располагаем. Однако совершенно очевидно, что в отличие от всеобъемлющих функций современных литературных языков общественные функции письменных языков феодального времени были ограничены. Решающие изменения в общенародных языках происходили в сфере устной речи. Среди этих изменений были и такие, которые приводили к образованию в общенародных языках локальных (диалектных) вариантов. Так было и в древнерусском языке. Диалектные различия при надлежащих условиях перерастали в различия языковые. Языковая система распадалась на близкородственные, но самостоятельные языковые системы с присущими для них особыми внутренними законами развития. На базе древнерусского языка возникли русский, украинский и белорусский языки.

Из сказанного следует, что проблема образования восточнославянских (как и многих других) языков главным образом является историко-диалектологической проблемой. В изучении происхождения языков, их исходных основ историческая диалектология — важнейшая, определяющая дисциплина. Естественно поэтому, что в настоящей книге исследуется история восточнославянских диалектных явлений, прежде всего явлений древних, предшествующих и сопутствующих образованию русского, украинского и белорусского языков, многие из которых стали различными особенностями этих языков. Тема исследования и различные ее аспекты неисчерпаемы. Многое остается спорным, а многое нам и вовсе неизвестно. Если настоящая книга в какой-либо мере способствует решению поставленной огромной проблемы, автор будет считать свою задачу выполненной.

Приношу благодарность доктору филологических наук Ф. П. Сороколетову за помощь в уточнении некоторых библиографических данных. Бесконечно признателен моему другу и жене Анне Ивановне Дубровской, постоянная поддержка которой при написании этой книги и других моих работ для меня значила очень многое.

ВВЕДЕНИЕ

В русской исторической и лингвистической литературе сложилась традиция начинать *ab ovo*, когда речь идет о происхождении славян и их языков. Это вполне естественно: чтобы понять, как сложился тот или иной народ и его речь, нужно уяснить себе его исторические истоки. Нельзя говорить об образовании славян как определенного этноязыкового единства, не поставив проблемы древнего индоевропейского этноязыкового сообщества, из которого славяне выделились в результате длительной и сложной дифференциации и интеграции праиндоевропейских групп, столкновений и схождения с неиндоевропейскими племенами. Точно так же выяснить, «откуда пошла есть русская земля», как, где и когда появились на арене истории предки русских, украинцев и белорусов — древние восточные славяне и их язык, значит исследовать историю происхождения, развития и распада общеславянского единства и общеславянского языка и возникновения качественно новых явлений, которые и составили специфику восточных славян. В духе этой традиции была написана и моя книга «Образование языка восточных славян».¹ Мои рецензенты В. Пизани² и Д. Брозович³ отметили, что содержание этой книги значительно шире ее названия. Это верно, но это было неизбежно. И настоящая книга охватывает значительный исторический период, включающий не только и не столько время образования русского, украинского и белорусского языков, сколько предшествующие столетия.

Прежде чем приступить к изложению исследования, считаю необходимым во «Введении» коротко изложить главные выводы указанной выше книги с некоторыми замечаниями общего характера, дать критический обзор важнейших гипотез о происхождении и развитии древних восточнославянских диалектов и возник-

¹ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.

² V. P i s a n i. [Рец. на:] Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962. — *Paideia*, XX, 2—3, 1965, стр. 134—135.

³ D. B r o z o v i č. [Рец. на:] Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962. — 36. на филологију и лингвистику, VII. Нови Сад, 1964, стр. 169—180.

новении современных восточнославянских языков, а также высказать некоторые соображения методологического и методического характера. Мы строим свое здание не на пустом месте.

О ПРАРОДИНЕ СЛАВЯН, РАСПАДЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И ОБРАЗОВАНИИ ЯЗЫКА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Отношения между современными славянскими языками иные, чем между разными группами индоевропейских языков. Сравнительно-историческое исследование славянских языков позволяет реконструировать древний общеславянский язык как реальную лингвистическую единицу, существовавшую в течение многих веков и прекратившую свое существование примерно в VI—VII вв. н. э. Иное дело реконструкция индоевропейского языкового состояния. В результате этой реконструкции восстанавливается индоевропейская языковая система как абстракция: исторически реальный «индоевропейский праязык» остается недоступным, и в его существование можно верить, а можно и сомневаться, был когда-нибудь такой или его вовсе не было. Реальными оказываются реконструируемые диалектные индоевропейские зоны, между которыми имелись соответствия. За этими зонами, по-видимому, скрываются отдельные языки или группы языков, находившихся в родственных отношениях. Древнейшие письменные памятники свидетельствуют о наличии уже совершенно самостоятельных индоевропейских языков. Как возникло индоевропейское языковое родство, какие конкретно-исторические события соответствовали его появлению и раннему его развитию, остается неизвестным. На этот счет высказываются только более или менее вероятные догадки. Является искомой, а не достоверной величинной территория («прародина»), на которой формировалась древнейшая индоевропейская речь, и время возникновения индоевропейского языкового сообщества. Разные косвенные соображения (прямых свидетельств нет) позволяют предполагать, что древнейшая индоевропейская речь складывалась в степных и лесостепных областях между Волгой и Дунаем. Гипотезы балканской и центрально-европейской «прародины» индоевропейцев представляются менее вероятными.⁴ Опыты периодизации истории древнейшего индоевропейского состояния также представляют собой более или менее удачные или неудачные рабочие гипотезы, несмотря на множество остроумных и интересных наблюдений и соображений.

⁴ Некоторые индоевропеисты и археологи утверждают, что прародина индоевропейцев находилась в южной части центральной Европы, см.: W. Wissmann. Der Name der Buche. Berlin, 1952; W. Krogmann. Das Buchenargument. Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung, 72, 1955; P. Thieme. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. Wiesbaden, 1953; P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropeo. Mexico, 1960; G. Devoto. Origini indoeuropee. Firenze, 1962.

Северобалканскую (гесп. нижнедунайскую) локализацию того ареала, где сложился пучок изоглосс, охвативший ряд «доиндоевропейских» диалектов и сделавший их «индоевропейскими» по ряду сложившихся сходных черт и общему направлению дальнейшего развития, принимает (при решительном отрицании традиционного понимания «прародины» и «праязыка») и Б. В. Горнунг в ряде своих статей начиная с середины 50-х годов. Систематическое изложение этой концепции автор дал в первых главах своей книги «Из предьстории образования общеславянского языкового единства»; в брошюре «К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности»⁵ Б. В. Горнунг, сохраняя и несколько уточняя ту же локализацию исходного «протоиндоевропейского» ареала, дополняет (описывая отчасти на работы Э. Форрера, К. К. Уленбека, Н. С. Трубецкого и С. П. Толстова) свою концепцию гипотезой о том, что сложение индоевропейского единства на указанном ареале было результатом с к р е щ е н и я маргинальных диалектов двух более ранних общностей — «североевразийской» и «восточноевропейско-переднеазиатской» (причем «уральская» и «семито-хамитская» языковые семьи и группы «кавказских» языков рассматриваются Б. В. Горнунгом также как результат скрещения частей этих двух общностей с частями других доисторических языковых групп). Точка зрения Б. В. Горнунга была принята с некоторыми оговорками В. Пизани. Как видно из этого, проблема происхождения индоевропейцев и локализации их «прародины» еще далека от своего решения.

Иначе обстоит дело с древним общеславянским (праславянским) языком. Закономерные фонетические, фонологические, грамматические и лексические соответствия между известными нам славянскими языками могут быть объяснены только при предположении происхождения славянских языков от одного общего для них языка-предка. Этот язык, который мы называем общеславянским, уже восстановлен во всех существенных чертах (менее всего поддается реконструкции общеславянский синтаксис и лексическая семантика) и оказывается довольно близким к языку дошедших до нас славянских письменных памятников X—XI вв. Начинают проявляться этапы развития общеславянского языка. Разумеется, в объяснении происхождения общеславянской языковой системы, постоянно возникавших инноваций и их хронологической последовательности многое еще остается спорным и нерешенным, но общий облик общеславянского языка известен. Древние исторические сведения о славянах (прежде всего греческих и римских авторов) представляют их как группу родственных племен. Сознание своего родства и общности своего происхождения до сих пор сохраняется

⁵ Б. В. Горнунг. 1) Из предьстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; 2) К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.

у всех славянских народов и не только в книжных источниках или под воздействием литературы. Конечно, общеславянский язык никогда не был монолитной системой, исключаящей диалектное деление. Древние славянские племена были многочисленны, постоянно соседнили и сталкивались с иноязычными племенами, меняли места своего жительства, испытывали сложные общественные переустройства и т. д., т. е. переживали длительную историю. Все это не могло не отражаться на их языке. Общеславянский язык с самого начала своего существования состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон, состав которых и отношения между которыми должны были постоянно изменяться. Не исключено, что в процессе выделения общеславянского языка из балтославянской лингвистической зоны (или иных зон) в общеславянском единстве оказались генетически разные диалекты. Не каждая диалектная особенность обязательно моложе языковой основы, к которой она относится. К сожалению, древнее диалектное членение общеславянского языка остается пока областью неизведанного. Диалектные зоны, доступные современным методам исследования, относятся к позднему общеславянскому периоду.

Если реальность существования общеславянского языка несомненна и основные особенности его структуры нам известны, то гораздо хуже обстоит дело с определением территории его носителей и абсолютной хронологией его развития, с тем, что носит название славянского этно- и глоттогенеза. Методы реконструкции общеславянского языка (как и любого другого языка) позволяют восстановить его систему, тенденции развития этой системы, этапы ее истории, обнаруживать «действующий языковой механизм», но сами по себе они не дают (или почти не дают) никаких прямых свидетельств о пространственных и временных «координатах» реконструируемого языка, о жизни его творцов и носителей. Между тем задачи историка-языковеда могут считаться выполненными только тогда, когда раскрыт не только механизм языковых изменений, но и условия, в которых эти изменения происходили и которыми они в конечном счете были вызваны, когда за языковыми явлениями открывается история общества, жизнь успешных поколений.

Историческое языковедение дает косвенные свидетельства о пространственно-временных условиях жизни языка, когда об этом нет никаких письменных данных (или такие данные очень скудны и неопределенны). Начало развития общеславянского языка и истории его носителей не поддается определению. Чисто гипотетические предположения на этот счет основываются главным образом на тех или иных взглядах исследователей на характер и диалектное членение индоевропейского языкового состояния, прародину индоевропейской речи, время распада индоевропейского «праязыка» (если историческая реальность такового признается), тип балтославянского языкового родства и т. п.

Показательны в этом отношении предположения Б. В. Горнунга. Б. В. Горнунг в упомянутой книге «Из предистории образования общеславянского языкового единства», критически пересматривая известную схему В. Порцига в его книге «Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets»⁶ и принимая некоторые положения Ф. Шпехта, К. Штегмана-Притцвальда, А. Шерера, В. Пизани и др., решительно отрицает возможность отнесения «протославянских» диалектов к «северо-западной» зоне индоевропейских диалектов вместе с «протобалтийскими» и «протогерманскими», которые, по мнению Б. В. Горнунга, искони входили в эту «зону». «Протославянские» же диалекты исконно связаны с индоевропейской «юго-восточной зоной» (т. е. с языковыми предками греков, армян, индоиранцев, тохар и так называемых «анатолийцев»). Б. В. Горнунг категорически отрицает не только гипотезу об исконном «балто-славянском» единстве, но даже и исконность «балтийской» группы, так как считает, что языковые предки прусов, ятвягов и голяди входили в состав «праславянского» единства на наиболее раннем его этапе. Как полагает Б. В. Горнунг, коренные перегруппировки индоевропейских племен и их союзов, имевшие место на рубеже III и II тысячелетий до н. э. (стремительные передвижения так называемых «племен боевых топоров и шнуровой керамики») привели к отпадению «протославян» от «юго-восточной зоны» и к образованию относительного «германо-балтославянского» языкового единства, после чего языковые предки прусов, ятвягов и голяди сблизились с языковыми предками литовцев и латышей и образовали в т о р и ч н у ю «балтийскую» общность. С этой общностью «праславяне второго этапа» (в пределах которого сложились все основные черты, отличающие славянские языки как от германских, так и от «балтийских») имели первоначально не более тесную связь, чем с языковыми предками тохар и индоиранцев, и лишь долгое взаимодействие (продолжавшееся с V — VI вв. н. э. до эпохи Великого княжества Литовского) привело к появлению ряда сходных черт, о ш и б о ч н о п р и н и м а е м ы х з а и с к о н н ы е. Однако и в эпоху «второго праславянского этапа» возникали некоторые новые изогlossen, охватывающие ряд смежных языковых групп. Такова «изоглосса satem» (переход средненебных в сибиллянты), охватившая все «исконно юго-восточные» диалекты, кроме «протогреческого» и «прототохарского», но включавшая в себя и всю вторичную «балтийскую» общность, уже оторвавшуюся от своих западных соседей (германцев и кельтов). Еще более позднее фонетическое явление, переход *s* в *χ*, уже не захватило всего ареала «изоглоссы satem» и ограничилось его центральной частью (языковые предки славян

⁶ W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.

и иранцев), не затронув периферию этого ареала (языковые предки балтов и индийцев).

Литовские языковеды, часть которых солидаризируется с Б. В. Горнунгом в отрицании исконности «балто-славянского» единства, все единодушно возражают против отрицания им первичности «общепольского» единства и против включения им языковых предков прусов, ятвягов и голяди в состав «праславян первого этапа». Это нашло отражение в острой дискуссии на специальной конференции в Вильнюсе (декабрь 1963 г.), посвященной обсуждению упомянутой книги Б. В. Горнунга.

Гипотетические построения Б. В. Горнунга исходят из языковых фактов, но затем он устанавливает соотношение языкового развития с фактами, известными по археологическим данным. Эти его соотнесения оспариваются не только лингвистами, но и частью археологов. Резко отличные концепции даны в книге П. Н. Третьякова⁷ и в работах Ю. В. Кухаренко. П. Н. Третьяков полностью игнорирует построения Б. В. Горнунга, а Ю. В. Кухаренко с ними полемизирует, утверждая, что в период с III—II вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. не было изолированности славян от «балтов» и болота Полесья не были в ту эпоху непроходимым препятствием для контактов (историко-географическая концепция Г. Н. Танфильева, принимаемая Б. В. Горнунгом). По-видимому, можно с уверенностью утверждать, что в разные доисторические эпохи прародина «протославян» и древнейших славян неоднократно изменяла свои границы и очертания, изменялись также и контакты наших древнейших предков с родственными и неродственными соседями. Совпадения некоторых славянских языковых явлений с соответствующими явлениями романских, германских,⁸ анатолийских⁹ и других языков могут объясняться не только как результат независимого развития, но и как следы прямых контактов в очень отдаленном и хронологически неопределимом прошлом. Что касается славянской прародины незадолго до широкого расселения праславянских племен и распада общеславянского языка, то в современной науке существует две основные противостоящие друг другу гипотезы: висло-одерская и среднеднепровская.

Висло-одерская гипотеза была выдвинута польскими учеными (археологами, лингвистами, этнографами, историками), поддерживается и развивается в настоящее время в Польше и в некоторых

⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.

⁸ Например, О. Н. Трубачев в книге «Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции)» (М., 1966) устанавливает ряд славяно-латинских и славяно-германских изоглоссов в названиях гончарной посуды (при полном отсутствии славяно-балтийских изоглоссов) и предполагает, что в какое-то неопределенное время древнейшей истории существовал центральноевропейский культурно-языковой район.

⁹ Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

других странах.¹⁰ Согласно этой гипотезе, древнейшие славяне сформировались как самостоятельная этноязыковая единица между Вислой и Одером, причем начало их формирования хронологически остается неопределенным (указываются различные приблизительные даты). Примерно в первых веках н. э. (или около этого) из районов современной Польши начинается расселение славянских племен на юг (через Карпаты и Венгерскую низменность к Дунаю и на Балканы), на восток (к Днепру и далее) и отчасти на запад. Широкое расселение славян вызвало распад их древних диалектов, сложившихся еще на прародине, на самостоятельные этноязыковые единства и положило начало исторически известным славянским народам и языкам. Висло-одерская гипотеза называется польскими исследователями еще автохтонной, поскольку ими предполагается, что исконно славянскими землями являются только области современной Польши. Точнее ее следовало бы называть «польско-автохтонной» гипотезой (с точки зрения всех остальных славян).

Среднеднепровская гипотеза была выдвинута еще в прошлом столетии, поддерживалась и развивалась такими крупными славистами, как Л. Нидерле, М. Фасмер, К. Мошинский и другие. Эта гипотеза представляется наиболее вероятной. Древнеславянские племена в последние века до н. э. и в начале н. э. занимали территорию приблизительно между Западным Бугом и средним течением Днепра. На севере их примерной границей была р. Припять, на юге их землями были правобережные лесостепные районы. Иными словами, прародиной славян указанного времени были современные южная Белоруссия и северная (на запад от Днепра) Украина. Какое очертание имела славянская прародина в более древние эпохи, определить трудно.

Вполне возможно, что в будущем исследователям удастся найти новые и более точные доказательства, которые приведут к существенно иным построениям. В настоящее же время приходится мириться с существующими неоднозначными ответами на поставленные вопросы, поскольку более или менее окончательного решения проблемы пока не существует. Поиски прародины славян опираются на следующие доказательства: 1) существенные языковые контакты между праславянскими и их родственными и неродственными соседями; 2) географические показания некоторых слоев праславянской лексики, а также данные топонимики; 3) свидетельства, получаемые посредством других наук. Особо важное значение имеют сведения древних писателей, относящиеся к жизни древних славян и их соседей.

¹⁰ Из советских языковедов висло-одерскую гипотезу поддерживает В. В. Мартынов. См.: В. В. Мартынов. 1) Славяно-германские взаимодействия древнейшей поры. (К проблеме прародины славян). Минск, 1963; 2) Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одерской прародине славян. Минск, 1963.

Показания древних авторов свидетельствуют о том, что южные степные и отчасти лесостепные районы между Волгой и Днестром во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. занимали многочисленные скифские и сарматские племена, принадлежность которых к ираноязычной этнической группировке в настоящее время представляется несомненной.¹¹ На западе древние иранцы соприкасались с дакийцами и фракийцами, занимавшими восточную половину Балканского полуострова, Румынию, часть Венгрии, вероятно, также самую юго-западную часть Украины. В то же время земли севернее Припяти от восточного побережья Балтийского моря, верхнее и отчасти среднее Поднепровье до верховьев Оки и Волги занимали балтийские племена, на востоке смыкавшиеся с финно-угорскими племенами. О контакте между балтийцами и восточными финно-уграми говорят древние лексические заимствования из балтийских языков в финно-угорские, которые обнаруживаются все более и более по мере расширения исследований. Некоторые названия животных и растений древнебалтийского происхождения являются общими в мордовских, марийских и прибалтийско-финских языках. На очертания древней территории балтийских племен указывают языковые связи балтийцев с другими их соседями, а также в известной степени и показания топонимики. В отличие от устаревших взглядов Я. Калима и Э. Сетеле, полагавших, что предки современных прибалтийских финнов колонизировали северо-восточное балтийское побережье только в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. и лишь в это время вошли в контакт с балтийцами, современные исследователи (П. Аристэ, В. Кипарский и др.) считают, что прибалтийско-финские племена были северными соседями балтийцев задолго до н. э., вероятно, еще во II тысячелетии до н. э. Создались возможности поставить вопрос о периодизации древнейших заимствований из балтийских языков в прибалтийско-финские, об их относительной хронологии.¹² Распространение древней балтийской топонимики к востоку от современных Литвы и Латвии является предметом исследований с конца XIX в., начиная с серьезной попытки А. А. Кочубинского.¹³ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев показывают широкое распространение балтийских гидронимов в верхнем течении Днепра и его при-

¹¹ По мнению В. П. Петрова, скифский язык не принадлежит к иранской группе, а представляет собой самостоятельный индоевропейский язык, обнаруживающий ближайшее родство с иранскими, фракийскими и балтийскими языками (В. П. Петров. Язык. Этнос. Фольклор. Киев, 1966, стр. 25—31). То же положение развивается в его книге: В. П. Петров. Скифы. Мова і этнос. Київ, 1968.

¹² W. Steinitz. Zur Periodisierung der alten baltischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. In: Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Warszawa, 1965, стр. 297.

¹³ А. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы. Журн. Мин. нар. просв., 1897, I.

токов, в Подесенье, некоторое проникновение их и южнее Припяти.¹⁴ Если южная граница массовых балтийских топонимов идет довольно четко по Припяти, а северная примерно совпадает с современной северной границей балтийцев, то восточная их граница «остается наиболее неопределенной и расплывчатой».¹⁵ Все же можно говорить о наличии следов древней балтийской топонимики по крайней мере в верховьях Оки и Волги.¹⁶

Таким образом, Прибалтика, северное Поднепровье, центральная Россия, южные области европейской части СССР, по данным современной науки, исключаются как возможные области поселения древних славянских племен (по крайней мере во второй половине I тысячелетия до н. э. — в начале н. э.). Широкую полосу севернее Припяти и нижней Десны занимали балтийцы. Восточнее и севернее их располагались финно-угорские племена. Южные степные районы были территорией иранских племен. Карпаты занимали дакийцы, Балканы — фракийцы, иллирийцы и фригийцы. Какие племена находились севернее Карпат, в бассейнах Вислы и Одры? Как было сказано выше, польские ученые считают эти области древнейшей исконно славянской землей, славянской прародиной. Однако вопрос этот оказывается очень сложным. Многочисленные попытки установить славянские этимологии крупнейших рек этого района (начиная с названий Вислы и Одры) дают весьма зыбкие результаты, если не сказать больше. Далеко не решенным является вопрос о пребывании в этих местах древних германцев. Гипотеза о Швеции как о родине готов, основанная на известном рассказе Иордана, находит все меньше сторонников. Выделение особого скандинавского диалектного ареала происходит позже. В первые века н. э. общегерманский язык делился на западногерманский ареал, в который входила Скандинавия, и восточногерманский ареал, к которому относились готы и другие восточногерманские племена.¹⁷ Если не весь висло-одерский район, то по крайней мере западная его часть была занята восточногерманскими племенами и лишь затем колонизирована древними славянами. Сообщения о венедах, появившихся у юго-восточного побережья Балтийского моря, в которых можно видеть славян, относятся к первым векам н. э. Археологические, антропологические и иные данные при скудности или полном отсутствии прямых исторических свидетельств дают такие многозначные ответы,

¹⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.

¹⁵ В. Н. Топоров. О балтийских следах в топонимике русских территорий. Lietuvių kalbotyros klausimai, II. Vilnius, 1959, стр. 57.

¹⁶ Там же; В. Н. Топоров. Некоторые задачи изучения балтийской топонимики русских территорий. Вопросы географии, 58. Географические названия. М., 1962.

¹⁷ См.: Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965, стр. 24—30. Изд. 2. М.: УРСС, 2003.

что они никак не могут считаться решающими. Решающими могут быть языковые свидетельства.

Что говорят сравнительно-исторические исследования о балто-славяно-германо-иранских взаимосвязях во второй половине I тысячелетия до н. э. — в начале н. э.? Как известно, балто-славянская языковая общность истолковывается по-разному. Одни ученые склонны объяснять ее как наследство балто-славянского праязыка, другие считают ее результатом вторичного схождения и контактирования. Но как бы то ни было, факт сходства общеславянского языка и древних балтийских языков является несомненным. Объяснить его можно только тем, что древне славянские и древнебалтийские племена если не в отдаленной древности, то в интересующее нас время находились в тесных взаимосвязях, в течение веков соседствовали друг с другом. Территория древних балтийцев нам более или менее известна. С какой стороны примыкали к балтийцам славяне? На север от балтийцев находились западные (прибалтийские) финно-угры, на восток — восточные финно-угры. Следовательно, славяне могли быть или к западу, или к югу от балтийцев. Если они находились к западу (или юго-западу) от балтийцев, то в их языке должно быть совпадений с германцами больше, чем у балтийцев, и, наоборот, славяно-иранские связи должны быть слабее связей балтийско-иранских. Однако дело обстоит совсем иначе.

Мы не будем здесь касаться длительной полемики о древнейшем диалектном членении индоевропейской языковой общности. И в настоящее время высказываются на этот счет крайне противоречивые точки зрения. Интересующегося читателя отсылаем к содержательному и объективному очерку Н. С. Чемоданова, излагающему проблему древних связей германских языков с другими индоевропейскими языками.¹⁸ Славяно-германские языковые изоглоссы восходят к временам, когда ни собственно славянских, ни собственно германских языковых групп еще не существовало; эти изоглоссы обычно не являются специфичными только для германцев и славян и находят себе соответствия в других индоевропейских языковых областях. Однозначных свидетельств в пользу непосредственных контактов древних славянских и германских племен в века, предшествующие началу нашей эры, не имеется. Н. С. Чемоданов, исследуя славяно-германские лексические изоглоссы, приходит к выводу, что исконных славяно-германских лексических связей немного, причем почти полностью отсутствуют специально славяно-германские образования в производственной и социальной терминологии. Неширок круг и германо-балто-славянских лексических изоглосс. В то же время обширны и разнообразны германо-балтийские лексические параллели, связанные с различными сторонами трудовой деятельности, названиями частей тела, болезней,

разнообразных явлений природы и т. д. Если прямые связи между древними германцами и балтийцами оказываются несомненными, то, «судя по данным языка, непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть, не раньше начала нашего летоисчисления».¹⁹

Проблематичны специальные балто-иранские связи. М. Фасмер в свое время даже утверждал, что иранские заимствования в балтийских языках отсутствуют полностью.²⁰ В то же время несомненно древний слой иранских заимствований в восточных финно-угорских языках. Устанавливаются определенные языковые связи между древними иранцами и славянами.²¹ Новые исследования обнаруживают широкий круг ирано-славянских лексических изоглосс,²² которые в значительной своей части не были известны науке и не входили ни в какие подсчеты в известных схемах, относящихся к древнему диалектному членению индоевропейской языковой общности. В. И. Абаев пишет: «... бросается в глаза обилие специфических скифо-славянских схождений. По количеству и весу сепаратные скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой».²³

Число вновь открываемых ирано-славянских лексических связей несомненно будет возрастать.²⁴ Реконструируются ирано-славянские контакты в фонологической и грамматической обла-

¹⁸ Там же, стр. 79.

²⁰ M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941, стр. 10.

²¹ Обзор работ о славяно-иранских связях см. в статье: А. А. З а л и а к. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. Вопр. слав. языков., VI. М., 1962.

²² См.: В. И. А б а е в. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958, и ряд других его работ.

²³ В. И. А б а е в. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 135.

²⁴ Ср. новые иранские этимологии славянских слов *азъ, рысь, муръ, инъ* и др. в работе В. И. Абаева: В. И. А б а е в. Несколько замечаний к славянским этимологиям. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1970. Ср. также его «Этимологические заметки» (Studia linguistica slavica baltica. Canuto-Olavo Falk sexagenario a collegis discipulis oblata. Lundae, MCMLXVI) и другие работы. Конечно, не все иранские этимологии славянских слов являются бесспорными. О. Н. Трубачев в своей интересной работе «Из славяно-иранских лексических отношений» (в кн.: Этимология. 1965. М., 1967, стр. 3—81) считает, что некоторые славяно-иранские лексические параллели и заимствования из иранских языков являются сомнительными. В то же время он выдвигает много новых иранских этимологий славянских слов (*стень, сапозь, хата* и др.), делая особый упор на ирано-западославянские (прежде всего ирано-польские) лексические связи. Если его гипотеза о специальных ирано-польских связях окажется правильной, из нее вовсе не должно следовать, что наиболее тесный контакт был между древними иранцами и предками поляков. Во времена скифов и сарматов деления славянства на современные три группы не существовало и предков поляков нельзя отделить от предков других славянских народностей. Сохранение особого польского ареала иранизмов (если он существует) — явление несомненно позднее. Древние границы этого ареала были другими, и они нам неизвестны.

¹⁸ В сб.: Сравнительная грамматика германских языков, I. М., 1962, гл. I.

стях.²⁵ Все это с несомненностью свидетельствует о непосредственном соседстве древних славян с иранскими племенами.

Итак, общеславянский язык во второй половине I тысячелетия до н. э. имел безусловные сходства с древнебалтийскими диалектами и несомненные ощутительные связи с северноиранскими языками. В то же время особенности, которые объединяли его с общегерманским языком, как и с другими европейскими языками, имеют опосредствованный характер и восходят к эпохе древнейших диалектных зон индоевропейского языкового состояния. Попытки обнаружить лексические и иные заимствования из общегерманского языка в общеславянский и обратно положительных результатов не дали. Старая гипотеза об особом германо-балто-славянском языковом единстве, которой продолжают придерживаться некоторые современные языковеды, является мало обоснованной и сомнительной. Иначе обстоит дело с балто-германскими связями. Наличие таких связей, длившихся продолжительное время, не подлежит сомнению. Все это может быть объяснено географическим положением древних славянских племен: древние славяне находились между балтийцами и северными иранцами. От германцев их отделяло какое-то другое население, возможно североиллирийское. Первые достоверные лексические заимствования в общеславянском языке из германского датируются первыми веками н. э. Славяно-восточногерманские контакты начинаются в Привислинье, куда продвинулись славянские племена. Предполагается также относительно кратковременное готское воздействие в среднем Поднепровье и в Поднестровье. Западнбалтийские племена в отличие от славян издревле соприкасались с германцами в низовьях Вислы и других районах южнбалтийского побережья. Славяне несомненно поздно встречаются с угро-финнами. Первые славянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят ко времени не ранее VII—VIII вв., а в восточнофинно-угорские языки — в еще более позднее время. Это обстоятельство указывает на то, что древнеславянские племена жили на запад от Днепра (если не принимать во внимание высказываемой, но пока не доказанной гипотезы о нефинно-угорских загадочных языках центральной России, которые могли быть полностью ассимилированы восточнославянскими диалектами и восточнофинно-угорскими языками). Полоса территории на северо-востоке от них (в Подесенье) занималась балтийцами, которые отделяли финно-угров от славян. В этом районе

Иначе надо предположить, что предки поляков в скифо-сарматское время жили восточнее предков восточных славян, что является абсурдом.

²⁵ См.: В. Н. Топоров. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса. Кр. сообщ. Инст. славяноведения АН СССР, 28, 1960; А. А. З а л и з н я к. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами. Кр. сообщ. Инст. славяноведения АН СССР, 3, 1963; В. И. А б а е в. Преверб и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе. В кн.: Проблемы индоевропейского языковедения. М., 1964, и другие работы.

вероятен контакт между балтийцами и иранцами: непосредственное воздействие иранских языков на балтийские языки было гораздо слабее, чем на общеславянский язык, но полностью оно не исключается, как показывают некоторые современные исследования. Таким образом, взаимосвязи общеславянского языка с соседними языками дают основание предполагать, что славяне во второй половине I тысячелетия до н. э. занимали земли между средним течением Днепра и Западным Бугом. Если бы их местопребыванием был висло-одерский край, невозможно было бы объяснить наличие непосредственных языковых связей между славянами и иранцами и отсутствие таковых между славянами и германцами, значительные и многовековые контакты между балтийцами и германцами и более слабые, чем у славян, связи балтийцев с иранцами. Очень рано, в первые века н. э., славянские племена появляются в Привислинье и у юго-восточного побережья Балтийского моря.

На среднеднепровско-западнбужскую территорию указывает и древняя география некоторых слоев общеславянской лексики. В общеславянском языке широко представлены названия деревьев и растений, животных, птиц и рыб, характерных для умеренной лесной и лесостепной зоны. В то же время обозначения таких типичных представителей леса западных областей, как бук, тис, явор, центральноевропейская лиственница (польск. *modrzewio* и др.) и ряд других деревьев и растений, являются сравнительно поздними заимствованиями локального (не общеславянского) характера. В общеславянской лексике имелось обилие названий озер, болот, лесов и других особенностей ландшафта, обычных для указанной территории. Характерно, что славянские национальные названия болот и озер в основном исконного происхождения. «Заимствования, как правило, имеют узлокальный характер и составляют незначительную часть болотоведческой терминологии. Основная масса — славянская».²⁶ Вместе с тем обнаруживается полное отсутствие исконной морской терминологии, названий животного мира моря, специфических особенностей гор и степей. С точки зрения висло-одерской гипотезы все эти факты необъяснимы, поэтому их научная значимость подвергается сомнению рядом исследователей. Конечно, на пути лингвистической географии древней общеславянской лексики имеются большие трудности. В данном случае особенно важна доказательная увязка истории слов, их значений с историей обозначаемых реалий. На помощь лингвистической палеогеографии должна прийти разработка соответствующих разделов палеоботаники, палеозоологии, палеоландшафта, палеоклимата. Эти науки достигли определенных успехов, которыми

²⁶ В. В. М о к и е н к о. Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением «болото». В кн.: Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений. М., 1966, стр. 20.

мы можем воспользоваться, в частности, и в изучении интересных нас областей. Говорят, что ботанические и зоологические зоны меняются сравнительно быстро, поэтому на основании современных зон распространения тех или иных деревьев или животных нельзя делать глубоких ретроспективных заключений. Конечно, верно, что упомянутые зоны изменяются, особенно в наше время, когда воздействие человека на природу резко усилилось. Однако это вовсе не означает, что история распространения специфических особенностей ландшафта, животного и растительного мира невозможна, особенно если речь идет о последних двух-трех тысячах лет, и несопоставима с лингвистическими данными.

Палеоботанические и палеозоологические находки, сведения, заключающиеся в письменных источниках, сравнительно-историческое изучение соответствующего материала позволяют установить историю природы правобережной лесостепи и лесной зоны. Современные исследователи прослеживают перемены, происходившие к западу от среднего течения Днепра, в то же время указывая, что лесостепь — древний устойчивый ландшафт,²⁷ что южная граница леса и степи, хотя и подвержена колебаниям, особенно в связи с деятельностью человека, в древности проходила приблизительно там же, где и в хорошо известное нам историческое время, что климат за историческое время существенно не изменился.²⁸ В общем известен состав растений и животных областей к западу от Днепра на рубеже н. э., и он соответствует нашим лингвистическим наблюдениям. Известна также (разумеется, не до конца) история растительного и животного мира земель к югу и к юго-востоку от балтийского побережья. «Главнейшее дерево лесов Германии — обыкновенный бук — достигает наибольшего своего распространения в Центральной Европе к концу бронзового века, примерно за 800 лет до н. э.»²⁹ Восточная граница бука за последние две — две с половиной тысячи лет и даже более существенно не менялась. Вполне восстановима даже история распространения культурных растений, наиболее подверженных всякого рода коренным изменениям. «Изучение культурной растительности Старого Света, — писал Н. И. Вавилов, — обнаружило один чрезвычайно важный факт, именно, что несмотря на интернационализацию культурных растений, несмотря на многочисленные переселения народов, колонизацию, глубокую древность земледелия, до сих пор при систематико-географическом изучении можно устанавливать области максимального первичного разнообразия, сортов и ряд закономерностей в распределении наследственных форм. Сопоставление данных по

²⁷ Ф. Н. М и л ь к о в. Лесостепь русской равнины. Опыт ландшафтной характеристики. М., 1950, стр. 107.

²⁸ И. Е. Б у ч и н с к и й. Очерки климата русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954, стр. 25—30.

²⁹ Е. В. В у л ь ф. Историческая география растений. М.—Л., 1954, стр. 408.

географии разновидностей обнаружило, что культурные расы, разновидности, виды характеризуются определенными географическими ареалами и что, в общем, к решению вопроса о центрах формирования культурных растений приложимы те методы, которые ботаники и зоологи применяют для видов диких растений и животных».³⁰ Н. И. Вавилов блестяще определяет первичные районы культурных растений и прослеживает пути их дальнейшего распространения, восстанавливая их историческую географию. Между прочим, он замечает: «На основе такого рода аналитических, ботанических, исторических и лингвистических данных, они могут иногда значительно дополнить и углубить сведения о прошлом культурных растений».³¹ С точки зрения историка-лингвиста данные ботаники и зоологии в определенных случаях должны послужить опорой для лингвистических реконструкций. География растений, животных и особенностей ландшафта не противоречит, а подтверждает наше предположение о некоторых специфических явлениях общеславянской лексики и о среднем Поднепровье и примыкающих к нему с запада областях как о праславянской родине. И если для обоснования этой гипотезы нужно еще многое сделать в исследовании географии общеславянской лексики и в ее увязке с ботаникой и зоологией, то уж во всяком случае очевидно, что в расположении морей и гор за интересующий нас отрезок времени никаких заметных изменений не произошло. Между тем вряд ли можно предполагать, что племена, жившие между Вислой и Одрой, не были знакомы с Балтийским морем и Карпатами.

Конечно, нужно учитывать возможности пребывания предков древних славян в других областях с иными географо-климатическими условиями, в связи с чем значения многих унаследованных от этих предков ботанических и зоологических терминов могли измениться или утратиться. Могло играть свою роль в некоторых случаях табуирование, нужно учитывать также возможности наличия названий «экзотических» животных и растений, отсутствовавших на славянской прародине, трудности установления первичных значений слов по данным современной славянской лексики и многие иные препятствия, стоящие на пути исследователя по исторической лексикологии и этимологии. Однако все эти трудности обычны для исторической лексикологии и этимологии и не являются чем-то специфическим именно для названий растений и животных. Отказываться от реконструкции географии ботанических, зоологических и топографических терминов только потому, что лексикологу приходится встречаться со всякого рода подводными кам-

³⁰ Н. И. В а в и л о в. Центры происхождения культурных растений. Л., 1928, стр. 16.

³¹ Там же, стр. 19.

ниями, было бы равнозначным отказу от исторической лексикологии и этимологии вообще. К счастью, такой скептицизм не имеет под собой никаких серьезных оснований. Лексикология развивалась и будет развиваться, постепенно совершенствуя свои методы. Заманчивые перспективы открываются и перед славянской лингвистической палеогеографией.

В дискуссии о прародине славян широко используются данные топонимики. Конечно, топонимические показания важны, особенно тогда, когда принадлежность топонимов к определенному языку твердо установлена и топонимы поддаются определению с точки зрения относительной хронологии. Следы балтийской топонимики в северном Поднепровье и в верховьях Волги и Оки ясно свидетельствуют о том, что на этих территориях находились когда-то балтийские племена. В какое время появляются здесь балтийцы, были ли они в этих местах единственным этническим образованием или же жили попеременно с племенами иного происхождения, остается пока неясным: на тех же землях прослеживаются угро-финские и славянские топонимы, а также названия неопределенные. На юге России представлены топонимы иранского происхождения (что вполне соответствует свидетельствам Геродота и других писателей древности), перекрываемые более поздними тюркскими названиями и еще более поздними русскими именами. Не подлежит сомнению наличие на севере России и в центральных русских областях мощного гидронимического слоя древних финно-угорских племен. Очень сложным является топонимический состав земель западнее среднего течения Днепра. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев отметили некоторое количество балтийских топонимов южнее Припяти.³² Т. Лер-Сплавинский, один из создателей висло-одерской гипотезы прародины славян и стойкий ее защитник, на основании наблюдений названных авторов поспешил сделать вывод: поскольку балтийские топонимы встречаются по правому берегу Припяти, в северной Волыни и западной Киевщине, вопрос о прародине славян можно считать окончательно решенным — она могла быть только между устьями рек Вислы и Одры и ни в коем случае не в среднем Поднепровье.³³ Однако в среднем Поднепровье имеются также несомненно славянские, иранские и иные, во многих случаях спорного или вовсе невыясненного происхождения, гидронимы. Нельзя также не обратить внимания на то, что севернее Припяти балтийские топонимы имеют более или менее сплошное распространение, тогда как южнее Припяти они

³² См.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья.

³³ См.: Т. Лер-Сплавинский. О северо-восточных окраинах праславянского языка. ВЯ, 1964, № 1. О. Н. Трубачев в своей книге «Названия рек правобережной Украины» (М., 1968) считает точку зрения Т. Лер-Сплавинского односторонней. Он устанавливает довольно густую сеть архаических славянских гидронимов южнее Припяти, а отчасти и по левому берегу Днепра южнее Киева (см. карту № 11 на стр. 271).

располагаются попеременно с явно небалтийскими названиями. Очень сложно обстоит дело с топонимикой висло-одерского бассейна: наряду со славянскими топонимами там имеются топонимы неславянские, а названия крупных рек — сплошь неславянского происхождения (попытки установить их славянские этимологии никак нельзя назвать удачными). Если основываться только на топонимических данных, то получится, что для славян вообще нигде не найдется места, поскольку нет областей с несомненной сплошной славянской гидронимией (как это уже давно отмечалось разными исследователями). Анализ происхождения древних топонимов, как известно, еще очень далек от совершенства. Как правильно замечает в своей очень трезвой статье А. К. Матвеев, в топонимике слабо отражаются «морфологические и синтаксические элементы субстратной топонимики раскрыть крайне трудно», «топонимическое этимологизирование представляет собой область, в которой до сих пор процветает крайний субъективизм», топонимическая этимология «почти всегда условна, так как в огромном большинстве случаев ее невозможно доказать».³⁴

Вообще нужно заметить, что чем дальше в глубь времен, тем труднее установить языковую принадлежность топонимов. Если неизвестно или весьма гадательно значение апеллятивов, лежащих в основе топонимов, если очень условна трактовка их фонетических и морфологических особенностей, то это и означает, что языковая отнесенность топонимов не установлена. Положение особенно осложняется тогда, когда в топонимике отложились древнейшие названия генетически родственных языков, в интересующем нас случае языков славянских и балтийских. В. Н. Топоров, на наблюдения которого ссылается Т. Лер-Сплавинский, пишет, что близость древних славянской и балтийской фонологических систем, «как и тот факт, что огромная часть балтийского и славянского корневого совпадает, значительно затрудняет выяснение всех следов балтийской топонимики на русских территориях и препятствует во многих случаях установлению сколько-нибудь твердых критериев для различения балтийских и славянских названий».³⁵ Нельзя не согласиться с В. П. Петровым, который считает, что балтийские топонимы южнее Припяти следует рассматривать как языковые реликты эпохи общности балто-славянской гидронимии.³⁶ Нужно также иметь в виду, что на славянской прародине как одном из районов древнейшей индоевропейской территории надо предполагать и наличие таких топонимов, происхождение которых

³⁴ А. К. Матвеев. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики. ВЯ, 1965, № 6.

³⁵ В. Н. Топоров. О балтийских следах в топонимике русских территорий, стр. 62—63.

³⁶ В. П. Петров. Балтика і славика в гідронімії України. В кн.: III республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези). Київ, 1965, стр. 116.

относится ко времени, когда еще не было ни праславян, ни прабалтийцев, ни других известных нам индоевропейских этноязыковых групп. Таким образом, данные топонимики вовсе не противоречат нашей гипотезе о прародине славян.

Нужно еще сказать о вкладе археологии и антропологии. Много лет ведутся споры о приоритете в освещении проблем этногенеза между лингвистами и археологами. Археологи, занимающиеся вопросами этнического определения археологических культур, считают, что данные языкознания не позволяют более или менее точно локализовать этнические единицы и не дают возможности устанавливать их хронологию, тогда как археологические материалы имеют определенные пространственные и временные координаты. Конечно, верно, что языкознание в установлении места и времени носителей реконструируемого языка наталкивается на огромные трудности. Все же эти трудности могут преодолеваются в процессе пополнения наших знаний и усовершенствования методов исследования. Сравнение реконструируемых языковых систем, лингвистическая палеогеография, привлечение данных других наук для объяснения древних языковых явлений в определенных случаях позволяют устанавливать пространственно-временной контур искомой этнической величины хотя бы в виде рабочей гипотезы. И уж во всяком случае этническая принадлежность реконструируемой языковой системы беспорна. Можно спорить о деталях структуры общеславянского языка и его диалектов, о ее возникновении и развитии (здесь предстоит сделать еще очень многое), но что на общеславянском языке говорили именно исконные славяне и славянизированные племена (т. е. тоже славяне), это ни у кого не вызывает сомнения. Если определено, где и когда говорили на общеславянском языке, значит установлено, где и когда жили славяне. Если выяснено, как образовался общеславянский язык, значит в основном решена проблема этногенеза славян. Язык — постоянный однозначный признак этнической общности древности, поэтому в его исследовании — ключ к решению этногенетических вопросов.

Разумеется, древние племена и народности не только говорили, но и производили средства к существованию, имели экономическую и общественную организации, сносились со своими соседями и воевали с ними, веровали, создавали фольклор и т. д. Каждая этническая общность имела свои особенности в хозяйстве и культуре. Восстановить историю этнической общности — значит всесторонне описать всю ее жизнь от начала зарождения до распада или поглощения другой общностью или слияния с нею. Это совершенно очевидно.³⁷ К сожалению, от жизни бесписьменных племен в материальной и духовной сфере мало что сохранилось. Приоритет в реконструкции древнего прошлого, воссоздаваемого

³⁷ М. Ю. Брайчевский (Походження Русі. Київ, 1968, стр. 16—18) приписывает мне точку зрения (которой я никогда не придерживался), будто бы

путем анализа остатков материальной культуры, безусловно принадлежит археологии, которая переживает «век великих открытий». Однако материальная культура часто имела сходство у самых разнородных племен и народностей, обусловленное одинаковым уровнем производительных сил и одинаковыми условиями естественной среды, а также и различия, которые были подвижны, изменчивы, поэтому их география далеко не всегда совпадала с географией этнических общностей. Эти своеобразия материальной культуры совершенно очевидны. «Что касается экономической и культурной общности, то обе эти формы общности обычно бывают очень расщеплены, и сравнительно редко границы их совпадают с этническими границами».³⁸ Правда, археологи говорят, что имеются и собственно этнические элементы в остатках материальной культуры (орнамент, своеобразные приемы строительства жилищ, формы одежды и украшений, спелдифика культов и погребальной обрядности и т. д.), по которым можно судить об этнических общностях. Вероятно, это так. Некоторые особенности материальной и духовной культуры, не вызываемые прямой производственной необходимостью, оказываются очень устойчивыми, много веков передаются из поколения в поколение (современная этнография знает немало таких примеров). Однако еще не выработана такая методика исследования подобных явлений, которая позволяла бы безусловно и однозначно определять их этническую принадлежность, когда о племени или народности нет никаких письменных или языковых свидетельств. По-видимому, это обусловлено тем, что устойчивые «этногенные» признаки материальной культуры имели разное происхождение и распространение, какие-то из них совпадали в определенную эпоху с границами этнической общности, а какие-то — не совпадали, и практически нет возможности отличать «этнические» явления от «неэтнических», когда речь идет о доистории. Поэтому если этническая принадлежность общеславянского языка не может вызвать никаких сомнений, то структура археологических признаков носителей этого языка остается неизвестной — археология дает слишком разнозначные ответы.

Нет ни одной археологической культуры, которую все археологи единодушно определяли бы как праславянскую. Известно, какие разноречивые истолкования получали и получают «лужицкая культура», культуры, расположенные на территории современной Польши и в среднем Поднепровье. Поскольку, по нашему мнению, сравнительно-историческое языкознание свидетельствует о среднем Поднепровье как древнем очаге славянства, зарубинецкая культура (II в. до н. э. — конец II в. н. э., а в более северных

я считаю, что этническая единица имела специфическую общность только в языке, и называет это «традиционным индоевропейизмом» (1). Все это можно назвать недоразумением.

³⁸ С. А. Токарев. Проблема типов этнических обобщений. (К методологическим проблемам этнографии). ВФ, 1964, № 11, стр. 44.

областях — до IV—V вв. н. э.) должна считаться славянской, хотя из самих памятников зарубинецкой культуры, рассматриваемых в собственно археологическом аспекте, этого вовсе не видно, и находятся археологи, которые полагают, что «в распоряжении исследователей нет решительно никаких оснований для отнесения этой культуры к славянам», что зарубинецкая культура принадлежала западным балтийцам.³⁹ Разумеется, нет также решительно никаких оснований, в том числе и лингвистических, считать зарубинецкую культуру западнобалтийской.⁴⁰ Одна и та же культура допускает самые различные «этнические» толкования. Например, И. И. Ляпушкин считает, что славянская археологическая культура появляется на Днепре поздно, что славяне появились в Поднепровье откуда-то из западных районов современных славянских земель⁴¹ или же в VI в. н. э. с юга, из поречья Дуная.⁴² Примерами непримиримых противоречий такого рода полна археологическая литература. Даже VI—VIII вв. н. э., буквально накануне образования древнерусского государства, в археологическом отношении оказываются очень неопределенными.⁴³

Если выйти за пределы славянской проблематики, мы в общем столкнемся с тем же положением. Даже культура древних этрусков, богатая и разнообразная, этнически может быть определена лишь тогда, когда будут наконец расшифрованы загадочные этрусские надписи.⁴⁴

³⁹ См.: В. В. Седов. Гидронимия Голяди. В кн.: III республиканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези), стр. 131—132. См. также: В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореф. докт. дисс. М., 1966.

⁴⁰ Гипотеза балтийского субстрата в днепровском бассейне, на которой так настаивает В. В. Седов, была подвергнута убедительной критике со стороны Г. Ф. Соловьевой в ее статье «О роли балтийского субстрата в истории славянских племен верхнего Поднепровья» (Советская археология, 1971, № 2, стр. 124—132). «Балтийские» признаки погребальных обрядов и инвентаря, которые выделяет В. В. Седов, на самом деле не являются балтийскими, поскольку они известны далеко за пределами балтийской этнической территории и в то же время свойственны не всем балтийским племенам. Если археологические балтизмы оказываются во многих отношениях сомнительными и даже для верхнего Поднепровья, то тем более попытки распространить балтийский субстрат на все среднее Поднепровье нельзя считать состоятельными. Зарубинецкую культуру, как нам подсказывают лингвистические данные, надо считать славянской. Можно также полагать, что и значительная часть территории черняховской культуры тоже была славянской.

⁴¹ См.: И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. В кн.: Исследования по археологии СССР. (Сборник в честь М. И. Артамонова). Л., 1961, стр. 208—209.

⁴² См.: И. И. Ляпушкин. Некоторые вопросы из предыстории восточных славян. Кр. сообщ. Инст. археологии АН СССР, 100, 1965, стр. 122—123.

⁴³ См. предисловие к сб.: Славяне накануне образования Киевской Руси. Материалы и исследования по археологии СССР, 108. М., 1963, стр. 5—6.

⁴⁴ См.: Ф. П. Филин. Несколько общих замечаний о проблемах этногенеза. Историко-филологические исследования. В кн.: Сборник статей

Очень часто встречается утверждение, что проблемы этногенеза могут успешно и всесторонне освещаться только в результате совместных усилий ученых разных специальностей.⁴⁵ В принципе это верно. Однако мы далеки еще от научно обоснованных и непротиворечивых синтетических обобщений. Пока что попытки археологов использовать лингвистические данные в общем похожи на неумелые партизанские разведки. То же можно сказать и о «синтетических построениях» представителей других специальностей. А пока что язык продолжает оставаться единственным бесспорным признаком определения этнической принадлежности древних племен и народностей. Опираясь на этот признак, можно и нужно использовать данные археологии, особенно и прежде всего географию и хронологию реальных, названия которых важны для исследований в области лингвистической палеогеографии. «Наложения» археологических культур на реконструируемые лингвистические территории и обратные «наложения» не могут дать каких-либо надежных результатов, так как современная археология восстанавливает историю материальной культуры древнего населения, а не этническую его историю.

Немаловажным является выяснение антропологического происхождения этнических общностей. Расовое смешение древнего населения в эпоху родовой обособленности происходило в гораздо меньших размерах, чем в поздние этапы истории, но все же оно несомненно имело место. Расселение первобытных индоевропейских племен в разных странах Евразии очень рано привело к расовому разнообразию индоевропейского населения, постепенно сталкивавшегося с различными расами и разновидностями рас. Многочисленные попытки реконструировать «исходный» антропологический тип «праиндоевропейцев» относятся, скорее, к области научной фантастики, нежели к науке. Давно уже установлено, что древняя индоевропейская речь, как она восстанавливается в современной науке, — явление историко-культурное, а не расовое. То же можно сказать и о носителях общеславянского языка, имевшего длительную историю. Отрывочные сведения о физическом облике древних славян, имеющиеся у древних писателей, слишком неполны и противоречивы. Достоверного антропологического типа древних славян наука не имеет. Поиски их чистого расового типа обречены на неудачу, так как такового не было. Однако было бы очень интересно выяснить, из каких антропологических компонентов складывались славяне. С течением веков эти ком-

к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада. М., 1967, стр. 197—201. О последних открытиях в расшифровке этрусского языка акад. В. И. Георгиева предоставляем судить специалистам-этрускологам.

⁴⁵ См. обзор мнений в статье: Г. С. Кнабе. Вопрос о соотношении археологических культур и этноса в современной зарубежной литературе. Советская археология, 1959, № 3.

понснты несомненно изменялись. Теперешние славяне представляют очень сложную, смешанную антропологическую картину, конечно, сильно отличающуюся от той, которая была тысячелетия назад. Как устанавливают современные исследователи, русские имеют 12 областных антропологических типов. «В основе русских антропологических вариантов и некоторых дославянских лежит один общий антропологический строй, очень древний, восходящий к раннеолитическому или мезолитическому времени. Исходный общий тип, названный древним восточноевропейским, отчетливо выступает в суммарной характеристике современных групп русского населения». ⁴⁶ Совершенно очевидно, что у других славянских народностей имеется несколько иное антропологическое основание, и в то же время «древний восточноевропейский тип» проступает не только у русских, но и у их некоторых неславянских соседей. Верно, что именно антропологическим данным «в конечном счете принадлежит решающая роль в решении вопроса о физическом родстве различных племен», ⁴⁷ но границы физического родства издревле не совпадали с границами этноязыковыми. Антропология может оказать существенную помощь в освещении проблем этногенеза, но не ее данные являются основными в этой области знаний.

В первые века н. э. древняя славянская территория значительно расширяется. Серьезные изменения происходят в ней в эпохи «великого переселения народов». Бесспорные исторические свидетельства о славянах повествуют о том, что они занимали уже огромные пространства. Как известно, в VI в. н. э. славяне колонизируют Балканский полуостров. На западе к VIII—IX вв. они достигают Эльбы и пересекают ее. На востоке перед образованием древнекиевского государства славянские племена оказываются на Волхове и у Чудского озера, в междуречье Оки и Волги, вероятно, и на Дону. То, что мы достоверно знаем об их расселении, совершенно не совпадает с той территорией, которую они занимали тысячелетием раньше. Поэтому-то наши предположения об их ранней прародине, основывающиеся на косвенных свидетельствах, могут быть только более или менее правдоподобными рабочими гипотезами. Самой правдоподобной, с нашей точки зрения, является гипотеза о среднеднепровско-западнобужской прародине славян.

Общеславянский язык представлял собою систему близкородственных диалектов, вероятно соответствовавших древним племенам и племенным группировкам. Позднейшие бесчисленные изменения границ диалектных зон настолько изменили славянскую лингвистическую географию, что мы пока не можем восста-

новить древнейшее диалектное членение общеславянского языка, которое несомненно существовало. Попытки видеть в современном членении славянских языков прямые результаты развития диалектного членения общеславянского языка на его первичной прародине вряд ли могут иметь серьезное значение. Предполагать деление славян еще на прародине на праюжную, праяпадную и т. п. группировки, из которых якобы и развились современные южные, западные и т. д. славяне, значит допускать неоправданную модернизацию древних диалектных отношений. Например, И. Попович полагает, что до расселения с прародины (И. Попович присоединяется к представителю висло-одерской гипотезы) будущие южные славяне занимали южные области древних славянских земель, причем переходили Карпаты в определенном порядке: словенцы — на западе, сербохорваты — посередине, болгары и македонцы — на востоке. ⁴⁸ Разумеется, в первые века н. э. не было еще ни южных, ни западных, ни восточных славян в современном смысле этого слова, ни тем более словенцев, сербохорватов, болгар и македонцев. Древнейшее диалектное членение общеславянского языка для нас является еще искомым неизвестным. Можно лишь угадывать расположение отдельных изоглоссов, работа по открытию которых еще в основном впереди. ⁴⁹ Во всяком случае то, что нам становится известным в этой области, свидетельствует о том, что границы древних диалектных зон, как правило, не совпадают с современными внутриславянскими лингвистическими границами. Намечаются своеобразные диалектные зоны (например, северная зона), историко-этническое содержание которых еще предстоит объяснить. Границы этих зон неоднократно изменялись, что приводило к наслаиванию одних изоглоссов на другие. Среди древних, доступных современному языкознанию изоглоссов особо выделяются лингвистические границы, которые делили славянскую языковую область на две противопоставленные зоны, с промежуточными переходными территориями между ними (ср. судьбу сочетаний **kv-*, **gv-*, **chv-* в определенном положении, *tl, *dl, *s из *ch, образовавшегося в результате второй палатализации заднеязычных, сочетаний *pj, *bj, *mj, *vj, начального **je-* и некоторых других фонетических форм, некоторых морфологических явлений, довольно многочисленных лексических расхождений и др.). Как уже было сказано, архаические границы этого диалектного ряда обычно не совпадают с границами современных славянских языковых групп. Локальные инновации, объединившие древние диалекты в сов-

⁴⁶ I. P o p o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 47.

⁴⁹ Обстоятельный обзор современного состояния изучения древних славянских диалектов и диалектных явлений см. в статье Генриха Бирнбаума: Henrik B i r n b a u m. The dialects of common slavic. Ancient indo-european dialects. Berkeley and Los Angeles, 1966, стр. 153—197.

⁴⁶ В сб.: Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. Под ред. В. В. Бунака. М., 1965, стр. 272.

⁴⁷ Там же, стр. 179.

ременные этноязыковые группы раннего их состояния, возникают позже, примерно с VII в. н. э. В частности, в VIII—IX вв. образуется язык восточных славян, о существовании которого в более раннее время говорить нет оснований.

Вместе с развитием диалектных различий и возникновением самостоятельных славянских языков происходит постепенный распад древнего общеславянского языка, породившего эти языки. Что было причиной распада общеславянского языка и что значит самостоятельные славянские языки? Лингвисты всегда стремятся выяснить самый механизм изменений языковой системы, что вполне закономерно. На попытки выяснить собственно лингвистические причины распада общеславянского языка потрачено много усилий и предложено немало схем и гипотез. Например, Л. Мошинский в статье с характерным названием «Причины распада праславянской языковой системы»⁵⁰ считает, что распад этой системы вызван прежде всего следующими тенденциями: 1) редукцией кратких высоких гласных, 2) законом открытых слогов и монофтонгизацией дифтонгов, 3) ассимиляцией гласных и согласных по мягкости.

Однако установление фонетико-фонологических и иных собственно языковых закономерностей и тенденций еще не дает ответа на вопрос о причинах языковых изменений. Известно, что многие языковые изменения вызваны так называемым внешним воздействием (влиянием других языков и диалектов, перемнами в структуре общества и т. п.). Многие другие изменения заложены в особенностях самой языковой системы, и какой-либо видимой связи между ними и внешними обстоятельствами не наблюдается. Впрочем, и в этом случае у нас никогда не может быть уверенности в том, что здесь не было никаких внешних толчков: методы обнаружения связей между языковыми изменениями и жизнью общества еще далеки от совершенства. А многое из этой области, относящееся к прошлому, по-видимому, и навсегда потеряно для науки. И все же историк языка, который стремится познать языковое прошлое в его плоти и крови и не собирается ограничиваться абстрактными схемами и моделями, не может не ставить вопрос о действительных причинах языковых изменений. Для диахронического языкознания язык — это система и не система. Наряду с устойчивыми статическими связями, создающими и поддерживающими систему, в нем всегда имеются связи динамические, которые разрушают эту систему. В жизни языка бывают периоды, когда динамические связи усиливаются, что приводит к распаду языковой системы.

Общеславянский язык существовал много столетий, в течение которых не оставался неизменным. Усвоенное им древнее индо-

европейское наследство постоянно видоизменялось, что, однако, не приводило его к распаду. И вот наступает время, когда он перестает существовать. Решающей причиной этого события, столь важного в истории славян, были, конечно, внешние обстоятельства. В VI—VII вв. н. э. славянские племена расселились на огромных пространствах от Ильмена на севере до Греции на юге, от Оки на востоке до Эльбы на западе. Они оказались в разных природных и культурных условиях, вступили в контакты с племенами и народностями разного происхождения и неодинакового уровня развития, хозяйственные и иные связи между отдельными племенными союзами давно уже были нарушены. Славяне не имели в то время письменности и общего стандартизованного языка современного типа, который мог бы подавлять растущие диалектные расхождения. Та или иная языковая тенденция может реализоваться и не реализоваться, а также реализация ее может пойти неодинаковыми путями. Отношения между славянскими диалектами древней эпохи были не иерархически подчиненными, а равноправными. В условиях наступившей разобщенности реализации различных языковых тенденций стали неодинаковыми, имело не всеобщий, а локальный характер. Прекращение всеобщих изменений с одинаковыми результатами и есть конец существования языка. В VIII—IX вв. и позже рефлекс сочетаний типа *tort, *tʔrt, *tj, *dj и **kt'*, деназализация *o* и *e* и ряд других изменений фонетической системы, некоторые грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира с более или менее совпадающими границами. Эта зона и составила язык восточных славян, или древнерусский язык. Разумеется, образование языка восточных славян не означало утраты материальной общности с другими славянскими языками. Восточнославянский (древнерусский) язык, как и другие славянские языки, унаследовал от общеславянского языка фонетико-фонологическую, грамматическую и лексическую основу. В основном этим объясняется несомненная близость славянских языков и в наше время. Общность унаследованной базы обусловила некоторые общеславянские процессы, имевшие место в более позднюю эпоху. В X—XIII вв. во всех славянских языках произошло так называемое падение редуцированных *ъ* и *ь* (исчезновение их в слабых позициях и прояснение в гласные полного образования в сильных). На этом основании некоторые лингвисты выдвинули положение, будто бы общеславянский язык дожил до XII—XIII вв., как бы сосуществуя с появившимися уже древнеболгарским, древнерусским и другими отдельными славянскими языками. Это положение неверно. Изменение унаследованных от общеславянского языка *ъ* и *ь* происходило в разных славянских землях в неодинаковое время, а главное — прояснение сильных *ъ* и *ь* в разных языках и диалектных группах дало совершенно различные результаты. Следовательно, имела

⁵⁰ K. Moszyński. Przyczyny rozkładu prasłowiańskiego systemu językowego. Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, t. 5. Warszawa, 1965, (сборник в честь профессора З. Штибера).

место не общеславянская инновация, а осуществился ряд параллельных и независимых друг от друга процессов. Общим здесь был только «исходный общеславянский материал». Та или иная перестройка исходного общеславянского фонда происходила и в более позднее время на разных «уровнях» языка.

Общеславянский язык перестал существовать сравнительно незадолго до возникновения известных нам памятников славянской письменности. Восточнославянский (древнерусский) язык первоначально был бесписьменным языком, представлявшим собой ряд близкородственных диалектов. В него вошли и диалектные границы, пересекавшие когда-то территорию восточной части славянства. Иными словами, некоторые его диалектные особенности по своему происхождению древнее самого языка. На базе древних диалектных зон восточнославянского языка, постоянно видоизменявшихся, впоследствии складываются современные восточнославянские языки: русский, украинский и белорусский. Прежде чем попытаться реконструировать особенности этих зон, их историю и подойти к освещению проблемы происхождения восточнославянских языков, сначала посмотрим, как ставились и решались указанные вопросы в лингвистической литературе.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА О ДРЕВНЕРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ И ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Изучение древнерусских диалектов и проблемы происхождения современных восточнославянских языков начинается в XIX в. вместе с распространением и развитием сравнительно-исторического языковедения. Среди русских ученых А. Х. Востоков был первым, поставившим вопрос об общеславянском языке и о выделении из него древнерусского языка.⁵¹ В начале прошлого столетия сведения о народных диалектах были еще очень незначительными, язык древних славянских памятников только начал изучаться, поэтому рассуждения по интересующему нас вопросу имели общий характер. А. Х. Востоков склонен отождествлять язык старославянской письменности и народный язык. Он полагает, что во времена Кирилла и Мефодия «все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуместь друг друга так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка».⁵² Существенные различия между славянскими языками возникают лишь 300 или 400 лет спустя «после преложения книг церковных»,

⁵¹ А. Х. Востоков. Рассуждение о славянском языке. Тр. Общ. любителей росс. словеса., вып. XVII. М., 1820

⁵² Там же, стр. 10.

т. е. в XII—XIII вв. А. Х. Востоков пытается установить некоторые отличительные особенности древнерусских говоров.

Традиция выводить древнерусский язык из общеславянского (праславянского) окончательно утверждается в науке И. И. Срезневским.⁵³ И. И. Срезневский, следуя в этом отношении за И. Добровским (так же как и А. Х. Востоков), полагал, что праславянский язык сначала распался на юго-восточный и западный языки, юго-восточный в свою очередь разделился на древнерусский и южнославянские языки. В IX—X вв. древнерусский язык был монолитным языком, без каких-либо диалектных различий. Первые диалектные особенности в нем появляются только в XI—XIV вв. В XV в. происходит разделение древнерусского языка на «наречия» «великорусское» и «малорусское», первое из них в свою очередь делится на северновеликорусское и южновеликорусское наречия. Самостоятельность «белорусского наречия» И. И. Срезневский не признавал, считая его «поднаречием южновеликорусского наречия».⁵⁴

Дальнейший шаг вперед в изучении древнерусских диалектов делает П. А. Лавровский.⁵⁵ Он впервые высказал мысль, что древне-новгородский диалект возник очень рано, еще до появления письменности на Руси.⁵⁶ Разделение древнерусского языка на северные и южные говоры, на базе которых складываются «великорусское и малорусское наречия», П. А. Лавровский связывает с отделением северо-восточной Руси от южной, когда Андрей Боголюбский создает независимое от Киева государство.

Во второй половине XIX в. появляется много историко-диалектологических исследований и описаний, из которых наибольшее значение имели труды А. И. Соболевского.⁵⁷ А. И. Соболевский устанавливает некоторые характерные особенности волинско-галицкого, киевского, смоленско-полоцкого, псковского и новгородского диалектов, открывает для науки «новый ять», описывает ряд свойственных древнерусским диалектам фонети-

⁵³ И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.

⁵⁴ Подробный критический разбор труда И. И. Срезневского сделал И. В. Ягич в своих «Критических заметках по истории русского языка» (СПб., 1889).

⁵⁵ П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.

⁵⁶ Эта мысль П. А. Лавровского долго считалась «крамольной» последователями шлейхеровской гипотезы «родословного дерева»; ср., например, резко отрицательную ее оценку в статье: Е. Ф. Будде. Из занятий по языку Лаврентьевского списка начальной летописи. Филологические записки, вып. I. Воронеж, 1889, стр. 41.

⁵⁷ А. И. Соболевский. 1) Очерки из истории русского языка. Киев, 1888; 2) Лекции по истории русского языка. Киев, 1888; 3) Как говорили в Киеве в XIV—XV вв. Чтения в историческом обществе летописца Нестора, т. II. Киев, 1883, и другие работы. Работа 2) перизд. в УРСС, 2005.

1. «Трехчленная» концепция А. А. Шахматова

А. А. Шахматов был первым ученым, создавшим общую картину происхождения и развития восточнославянских народностей и их языков, начиная от их древних индоевропейских предков и кончая современностью. Мне уже приходилось писать о гипотезах А. А. Шахматова о праславянском языке и прародине славян, поэтому я отсылаю читателей к соответствующим работам.⁶¹ Концепция А. А. Шахматова истории восточного славянства на долгое время определила направление исследователей в этой области. Редкий ученый, ставивший общие вопросы происхождения и развития восточнославянских языков, не начинал с обзора и критики трудов А. А. Шахматова. Многие в этой критике справедливо. Чтобы не повторяться в критических оценках, удобнее будет предоставить слово критикам А. А. Шахматова, но сначала кратко изложить взгляды самого А. А. Шахматова.

Как полагал А. А. Шахматов, «первой прародиной» русских (т. е. восточных славян) были земли, расположенные между низовьями Прута и Днестра. В этих местах примерно в конце V в.—в VI в. происходит разделение юго-восточной ветви славянства на восточную (прарусы) и южную. С этого времени начинается самостоятельная история восточных славян и общерусского праязыка. Позже прарусы, продвигаясь на север, занимают среднее Поднепровье. В эпоху общерусского праязыка предки современных восточных славян составляли «одно этнографическое целое». Общерусский праязык не имел письменности, поэтому его приходится реконструировать. Реконструкция эта производится почти исключительно на фонетическом «уровне». В различных своих работах А. А. Шахматов указывает неодинаковое количество фонетических признаков общерусского праязыка. В принципе же общерусский праязык характеризуют фонетические инновации, отличающие его от других славянских языковых групп и в то же время общие для всех поздних восточнославянских языков и диалектов. В одной из своих работ А. А. Шахматов считает, что общерусский праязык имел следующие фонетические изменения: 1) изменение носовых гласных *o* и *e* в гласные чистого образования *y* и *'a*; 2) изменение *tj*, *dj* в *ч*, *ж*; 3) образование эпентетического *м*; 4) смягчение согласных перед гласными переднего ряда (*с'естра*, *н'изько*); 5) изменение *e* в *ё* после исконно мягких согласных (*жона*, *щока*, *щоку*); 6) изменение *e* в *ё* после вновь смягчившихся согласных перед твердыми (*н'ос*, *м'оду*, украинские диалектные формы *нюос*, *нюс* > *ніс*, указывающие, как полагал А. А. Шахматов, на то, что это явление в общерусскую эпоху

ческих, грамматических и лексических явлений. Его плодотворная деятельность в исторической диалектологии продолжается и в XX в., вплоть до кончины этого выдающегося ученого. В то же время нельзя не отметить определенную пристрастность А. И. Соболевского в освещении этногенетических проблем, имевшую явно великодержавнический характер. А. И. Соболевский подхватил реакционную гипотезу Погодина,⁵⁸ согласно которой древний Киев и его область были «исконно великорусскими» и стали «малорусскими» позже, когда на опустошенные монголо-татарами земли пришли поселенцы из Галиции. В течение второй половины XIX в. и в XX в. время от времени вспыхивала достойная сожаления полемика, в которой сражающиеся стороны пытались «доказать» «великорусское» или «украинское» происхождение древнего Киева. Только позже было установлено, что в эпоху древнекиевской Руси еще не было ни великорусов, ни украинцев, что Киев был центром всего восточного славянства.

От великодержавных шовинистов не отставали и украинские националисты. В 1913 г. австрийский украинист Ст. Смаль-Стоцкий пытался доказать, что украинский язык выделился непосредственно из праславянского языка, что он более близок к сербскому языку, чем к русскому.⁵⁹ «Доводы» Смаль-Стоцкого были столь беспомощными в научном отношении, что они встретили редкое по своему единодушию суровое осуждение крупнейших славистов, в том числе и И. В. Ягича.⁶⁰ Украинские националисты и позже, вплоть до нашего времени, в том или ином виде пытались и пытаются отнестись существование самостоятельного украинского языка или хотя бы некоторых его особенностей в возможно большую глубь времен, однако сравнительно позднее происхождение русского, украинского и белорусского языков как самостоятельных лингвистических единиц из одного общего источника — древнерусского языка и его диалектов — настолько очевидно, что отпадает всякая необходимость в разборе подобных высказываний в настоящей книге.

Изучение древнерусских диалектов и возникновение на их базе современных восточнославянских языков нуждалось в общей теории. Такая теория впервые была выдвинута А. А. Шахматовым. В дальнейшем изложении истории вопроса главное внимание будет уделяться работам более или менее синтетического характера. А вообще работ по исторической диалектологии восточнославянских языков опубликовано так много, что для их анализа потребовалось бы не одно исследование.

⁵⁸ М. П. Погодин. Записки о древнем языке русском. Изв. АН, 1856—1857, и некоторые другие работы.

⁵⁹ St. Smal-Stocki, T. Gartner. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.

⁶⁰ Archiv für slavische Philologie, t. XXXVII. Berlin, 1920, стр. 211.

⁶¹ Ф. П. Филин. 1) Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 20—25; 2) Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова. Изв. АН СССР, Сер. литер. и языка, 1964, т. XXIII, вып. 3, стр. 194—203.

было общевосточнославянским); 7) изменение начального *je* в *o*; 8) отпадение йота в словах с начальными *ju-* (*ju > y*); 9) изменение корневых *ьл* и *ьл* в *ьл* и *ол*; 10) трансформация праславянских сочетаний типа **tьft* в **tьrt*; 11) трансформация начальных **ort*, **olt* в *rot*, *lot*; 12) образование полногласия.⁶² К этим фонетическим инновациям прибавляются немногие морфологические: распространение формы *-ого* вм. *-аго* в род.-вин. пад. ед. ч. м. и ср. рода прилагательных, окончания *-ьмь*, *-ьмь* вм. *-омь*, *-емь* в твор. пад. ед. ч. существительных основ на *ѡ* и некоторые другие.

В IX—X вв. восточнославянские племена занимали уже обширные территории от Черного моря до Ильмена, от Карпат до Дона, что должно было привести к неминуемому распаду общерусского этноязыкового единства. С этого времени начинается новый период в жизни восточнославянских племен — древнерусский. Правда, указывает А. А. Шахматов, граница между общерусским праязыком и древнерусским языком условна, так как общевосточнославянские инновации имели место и позже: падение *ъ* и *ь*, широкое распространение окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* во множественном числе имен существительных и некоторые другие. Однако эти поздние изменения являются свидетельством генетической общности древнерусских «наречий», а не признаком единства языка.⁶³ Древнерусский язык — промежуточная ступень между общерусским праязыком и русским, украинским и белорусским языками («наречиями»). Современные восточнославянские языки — продукт сложных культурно-исторических изменений. Они произошли не непосредственно из общерусского праязыка, а сложились на базе наречий, на которые он распался. Как полагает А. А. Шахматов, общерусский праязык примерно в IX—X вв. распался на три больших паречия: южнорусское, восточнорусское (или среднерусское) и севернорусское. История этих наречий определила судьбу современных восточнославянских языков. Племенной состав наречий, их география, языковые изменения, происходившие в них, постоянно варьируются, но основной костяк концепции остается неизменным, поэтому мы и называем ее «трехчленной». Правда, в самом начале своих попыток создать общую картину восточнославянских языков А. А. Шахматов придерживался несколько иного взгляда.

Впервые А. А. Шахматов выступил с общими своими построениями в 1894 г., опубликовав небольшую статью «К вопросу об образовании русских наречий»,⁶⁴ в этой статье почти вовсе нет

⁶² А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка. В кн.: История русской литературы до XIX в. Под редакцией А. Е. Грузинского, т. I. М., 1916, стр. 48—49.

⁶³ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия слав. филол., вып. II. Пгр., 1915, стр. V.

⁶⁴ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий. Русск. филол. вестн., 1894, № 3, стр. 1—12.

конкретного лингвистического материала: А. А. Шахматов опирается здесь преимущественно на общеисторические соображения, а не на языковые данные. Это очень характерно для исследовательского метода А. А. Шахматова: сначала вырабатывается общая схема, как бы теперь сказали, «модель», а затем уже (в данном случае много лет спустя) отыскиваются факты, которые должны подкрепить эту «модель». А. А. Шахматов часто как бы не замечает, что высказанное им чисто гипотетическое предположение превращается в отправной («фактический») пункт все новых и новых предположений. Больше всего фактического материала он приводит в своей фундаментальной книге «Очерк древнейшего периода истории русского языка». Впрочем, изложение основной части лингвистического исследования в этой книге не соотносится с общеисторической концепцией, «нейтрально» к этой концепции, о которой А. А. Шахматов как бы забывает.

В статье 1894 г. А. А. Шахматов предполагает, что общерусский праязык еще до IX в. сначала распался на два наречия: южное и северное (какие особенности имели эти наречия, остается неизвестным). Дальнейшему обособлению этих наречий помешали события IX—X вв.: в Киеве возникла сильная государственная власть, объединившая русских в политическом, культурном и религиозном отношении. В XI в. окончательно определился состав государства Владимира и его потомков: в него вошли все области, кроме двух окраин — Галича с Владимирско-Волынским княжеством и Полоцка с Минском и Витебском. На основе этого политического деления до XII в. вместо двух первоначальных наречий образуются три наречия: восточное, юго-западное и северо-западное. Восточное наречие заняло области от Новгорода до Киева, от Смоленска до Ростова. Для него характерно было изменение *-ый*, *-ий* в *-ой*, *-ей* (сразу же заметим, что это явление имело место после падения *ъ*, *ь* и что наличие *-ой*, *-ей* в Киевской области ничем не доказуемо!). В орбиту юго-западного наречия входили Галицко-Волынские области, часть земли дреговичей с Гродно и его округом, а северо-западное наречие охватывает другую часть земли дреговичей и Червонную Русь. В конце XII—начале XIII в. в группировке древнерусских племен происходят существенные изменения. Центр восточнорусов переносится из Киева в область Оки. Монголо-татарское нашествие опустошает Киев и Переяславль. Позже выжженные и опустевшие земли среднего Поднепровья занимают галицко-волынские переселенцы, которые в эпоху Литовского государства продвигаются далее на восток. Юго-западные племена превращаются в украинскую народность, а юго-западное наречие становится украинским языком. А. А. Шахматов в этой статье примыкает к гипотезе Погодина—Соболевского, от которой он потом решительно отмежевывается. На северо-востоке на базе древнего восточнорусского наречия, делившегося на северо-во-

сточные и юго-восточные говоры, складывается русский язык, в образовании которого большую роль сыграл новый центр — Москва.

В XIV—XV вв. государство Гедиминовых потомков представляет собой обширный литовско-русский союз, в состав которого вошла и часть юго-восточных племен, под воздействием которых Литва обрусела. В составе Литвы происходит сближение северо-западных и юго-восточных племен, на базе которых складывается белорусская народность. В белорусском языке имеется древнейший пласт северо-западного наречия (окончания *-ый, ий*) и более новый пласт — результат вклада юго-восточных говоров (аканье и сопутствующие ему явления).

Впоследствии А. А. Шахматов отказывается от деления древнерусского языка на два наречия, а его «трехчленная» концепция получает иное содержание,

Впервые исконное деление общерусского праязыка на три древних наречия и образование на базе этих наречий современных восточнославянских языков выдвигается в работе «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей».⁶⁵ Установленная схема наречий не изменяется, детали же ее варьируются от работы к работе. Отправной пункт рассуждений А. А. Шахматова — состояние современных восточнославянских языков и диалектов. Русский язык («великорусское наречие») распадается на два основных наречия — северновеликорусское и южновеликорусское. Деление это древнее самого русского языка в его современном состоянии. Оно началось с того времени, когда прарусские племена начали свое движение из среднего Поднепровья в основном на север и восток. Северная их часть продвинулась в верховья Днепра, Волги и Западной Двины, затем в бассейн Ильмена и Чудского озера, а в IX в. заняла земли между Волгой и Окой, достигнув низовья Оки. Севернорусы представляли собой политический племенной союз, в который были втянуты финно-угорские племена меря, весь, чудь, мурома. А. А. Шахматов колебался в вопросе, какое из восточнославянских племен занимало господствующее положение в этом племенном союзе. В указанной выше работе таким племенем он считает кривичей. Все восточнославянское население древней северной Руси было кривичским. Именно кривичи, двинувшись на восток с верховьев Днепра и Волги, заселили Суздальскую землю. В «Очерке древнейшего периода истории русского языка» он предполагает уже другое: Суздальская земля была занята не кривичами, а словенами.⁶⁶ Легкость замены одного племени другим, столь характерная для гипотез А. А. Шахматова, свидетельствует,

⁶⁵ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Журн. Мин. нар. просв., ч. ССХХII, 1899, апрель.

⁶⁶ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. ХLI.

конечно, о том, что в его распоряжении не было сколько-нибудь ощутимых данных для установления границ восточнославянских племен и истории этих племен. Отсутствие фактического материала не удерживало А. А. Шахматова от искушения нарисовать общую картину истории наших древних предков: недостаток сведений щедро восполнялся творческой фантазией исследователя.

Древнее севернорусское наречие унаследовало от общерусского праязыка оканье, взрывной *г*. Севернорусам в своем движении на север пришлось столкнуться в верховьях великих рек с ляхскими племенами, частично их оттеснить и частично ассимилировать. От ляхов, ранее севернорусов продвигнувшихся из районов современной Польши далеко на восток, севернорусы заимствовали некоторые языковые особенности: цоканье, отчасти смешение свистящих и шипящих *с* и *ш*, *з* и *ж*, *ял*, *ял* на месте общеславянских *dl*, *tl*, сохранившееся в псковских говорах и некоторых других говорах на севере. Древнее севернорусское наречие впоследствии несколько сузилось в своих границах на западе, но зато значительно расширилось на востоке. Оно превратилось в северновеликорусское наречие русского языка, сохранив свои главные особенности до нашего времени. Северновеликорусское наречие монолитно: исследователям не удалось установить в нем сколько-нибудь крупных делений.⁶⁷

Гораздо сложнее оказывается состав и судьба восточнорусского или среднерусского наречия. Колебание в употреблении терминов «восточнорусский» и «среднерусский» не случайно: происхождение этого наречия не очень ясно и для самого А. А. Шахматова: «восточнорусский» — занимавший восточную окраину древнерусской земли, «среднерусский» — занимавший среднее положение между севернорусами и южнорусами. В первом случае территория современной Белоруссии из этого наречия исключается, во втором случае, наоборот, входит. Все же А. А. Шахматов больше склоняется к выделению восточнорусского наречия, образовавшегося восточнее Днепра, в Подонье. Середнее положение это наречие занимает позже, когда аканье продвигается с востока на запад.⁶⁸ С позиций «восточнорусской» гипотезы северная часть Белоруссии была занята севернорусами, а южная часть — южнорусами. Все же полной ясности в этом вопросе в работах А. А. Шахматова нет. Вначале А. А. Шахматов предполагал, что из «общерусского пранарода» выделились среднерусы в составе дреговичей, радимичей, вятичей и северян. Среднерусы распались (когда, каким образом — остается неизвестным) на две ветви: западную (дреговичи, радимичи, вятичи) и восточную (северяне). Известное летописное предание о ляхском происхож-

⁶⁷ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, стр. 382.

⁶⁸ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. VII.

дении радимичей и вятичей основано «на действительной правде». Но эта правда свидетельствует лишь о том, что радимичи и вятичи (а также, разумеется, и дреговичи) были лишь близкими соседями ляхских племен, от которых они унаследовали дзеканье и цеканье, сохранившиеся на современной Могилевщине. Двигались на восток, радимичи и вятичи увлекли за собой балтийское племя голядь, оказавшееся на р. Протве.⁶⁹ Восточные сородичи радимичей и вятичей, северяне, сидевшие по Десне, Семи и Суле, под защитой хазар продвигаются на юго-восток, колонизируют Подонье и северное побережье Азовского моря, основывают Тьмутарокань. Падение Хазарского государства и последовавший за ним напор кочевников заставил русских уйти с Дона и Донца на Оку. Рязанская земля была заселена северянами с юга, а не вятичами — с запада.⁷⁰ Гипотезе о заселении Поочья с юга А. А. Шахматов не изменил, в остальном же его схема существенно изменяется. Радимичи и вятичи объявляются не древнерусскими племенами, сидевшими первоначально поблизости от ляхов, а ляхскими, проникнувшими со своей прародины далеко на восток. Именно через ляхов-радимичей пришлось пробиваться в своем движении по Днепру севернорусским племенам. Вопрос о вятичах затем еще более осложняется, когда А. А. Шахматов начинает относить северян не к восточнорусам, а к южнорусам. «Было время, — писал А. А. Шахматов, — когда средняя Россия начиная от верхнего Поднепровья и далее на восток — по верхнему Поволжью и по Оке — была колонизирована польскими племенами; естественно допустить, что эти племена сидели некогда непрерывной цепью от границ сплошной польской территории и до самых пределов Муромы, жившей по нижнему течению Оки».⁷¹ Но кто же заселил Подонье и Тьмутарокань, если северяне были южнорусами? На место северян А. А. Шахматов подставляет вятичей. Вятичи, отступая на север, заселяют Рязанскую землю. Там они сталкиваются с ляхами-радимичами, ассимилируют их, в связи с чем в летописной легенде их происхождение отождествлено с происхождением радимичей. На самом же деле [вятичи — древнерусское, а не польское племя.⁷² Такие операции с древнерусскими племенами, их происхождением и передвижениями, конечно, вполне произвольны. Они нужны А. А. Шахматову для чисто логических целей — для сохранения стройности своей общей концепции. В последней своей опубликованной работе, посвященной интересующей нас проблеме, А. А. Шахматов вновь

возвращается к мысли, что северяне были восточнорусами (ссылка на Donetz Sewerski на карте Меркатора 1595 г.), а вятичи — чистейшими ляхами.⁷³

На Дону и Донце возникает главная особенность восточнорусского наречия — редукция неударяемых гласных и развившееся из нее аканье. Аканье имеет древнее происхождение — оно образовалось значительно раньше падения глухих, в IX—X вв. А. А. Шахматов не раз называет аканье древней языковой особенностью степняков. Вместе с движением на север и северо-запад степного населения, отходившего под ударами кочевников, аканье появляется в Поочье и затем распространяется далеко на запад и северо-запад, охватывая всю Белоруссию, Смоленщину и южную часть Псковщины.

В Поочье формируется южновеликорусское наречие, которое, сохраняя свои древние особенности, объединяется с северновеликорусским наречием в один русский язык. Объединение это начинается с конца XII—начала XIII в. С этого времени начинают развиваться общевеликорусские особенности: окончания *-ый, -ий* изменяются в *-ой, -ей*, в склонении и спряжении свистящие *з, ц, с* вытесняются в процессе выравнивания основ заднеязычными *г, к, х*, формы им.-вин. пад. дв. ч. на *-а* приобретают значение множественного числа и т. д.⁷⁴ На стыке северновеликорусского и южновеликорусского наречий образуются смешанные или переходные говоры, среди которых громадную роль в истории русского языка сыграл говор Москвы, сложившийся в XIV в. Уже одно то обстоятельство, что в Москве гласные начали произносить по-южному, а согласные — по-северному, что в переходных говорах вообще переплетаются северные и южные черты, свидетельствует о более раннем происхождении северного и южного наречий по сравнению с великорусским языком. Все общевеликорусские инновации возникли позднее исконных северных и южных явлений.

Реконструируя южнорусское наречие, А. А. Шахматов также берет за лингвистическую основу своей гипотезы современное состояние украинского языка и его говоров. К южнорусам он относит тиверцев, уличей, волынян, дулебов (дулебы и волыняне считаются особыми племенами), полян и древлян. Северяне определялись, как мы видели выше, то как восточнорусы, то как южнорусы. Дреговичи считались сначала «среднерусами», затем ляхами, а позже южнорусами. Допускаются колебания и в этнической принадлежности хорватов: они причисляются к южнорусам, а в некоторых работах вовсе выводятся из состава восточнославянских племен и считаются одним из западнославянских племен.

⁶⁹ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, стр. 331.

⁷⁰ Там же, стр. 334.

⁷¹ А. А. Шахматов. Древние ляхские поселения в России. Славянство, 1911, № 4—6, стр. 24.

⁷² А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. ХLI.

⁷³ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 29.

⁷⁴ А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности. . . , стр. 59.

Деление современных украинских говоров на северное и южное наречия, которого придерживался А. А. Шахматов, переносится в глубь времен: древние южнорусы распались на южные племена (уличи, тиверцы и воляняне) и северные (все остальные) или на степные и лесные. Под натиском кочевников южные племена отступают на север, тесня северные племена. Воляняне оттеснили дулебов и древлян, древляне в свою очередь потеснили дреговичей и заняли область южнее Припяти. После татарского разгрома южнорусы покинули среднее Поднепровье, отступив на север, но через столетие были объединены волянянами и перешли в наступление. Под охраной литовских князей южнорусы в XIV в. переходят через Днепр, продвигаются на Полтавщину. В XV в. киевское княжество простирается до Донца и Черного моря, а в XVI в. колонизационное движение на восток становится на прочные рельсы. Южнорусы становятся украинцами. По сравнению с русскими и белорусами украинцы по своему происхождению являются наиболее цельной этнической группой: они целиком сформировались на базе южнорусских племен (русские, как сказано выше, сложились в результате объединения исконно различных этнических единиц: севернорусов и восточной части восточнорусов).⁷⁵ Позже А. А. Шахматов варьирует группировки и передвижения южнорусских племен, но общая схема остается неизменной. Возведение современных диалектных групп к предполагаемому исконному делению древних южнорусских племен сохраняется. Предки южных украинцев — уличи и тиверцы, а северных — поляне, древляне и бужане.⁷⁶ «Прямых потомков полян, древлян, северян можно признать в населении современных северных уездов Киевской губернии и современной Волини, южных уездов Черниговщины и северной Полтавщины».⁷⁷

В работе, специально посвященной происхождению и истории украинского языка,⁷⁸ А. А. Шахматов предполагает, что тесные кочевниками с юга южнорусы занимают весь Днепровский бассейн. Южнорусы покорили ляхские племена — дреговичей и радимичей. Уже в XI в. среди дреговичей и радимичей сидело сплошное южнорусское население. Древляне и северяне массами перешли через Припять, Ипать и Сож. Западнославянские хорваты также потонули в южнорусском море. В XIII в. происходит уменьшение южнорусской территории: колонизационная волна восточно-

⁷⁵ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, стр. 366—368.

⁷⁶ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пгр., 1916, стр. 104.

⁷⁷ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. XLII.

⁷⁸ А. А. Шахматов. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. В сб.: Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II. Пгр., 1916.

руссов, двигавшихся под давлением кочевников на запад, захлестнула все северное Поднепровье и современную Белоруссию.

Древнее наречие южнорусов существовало до середины XIII в. Инновации, которые его объединяли, являются общими для современного украинского и белорусского языков. Еще в XII в. возникают специфические южнорусские явления: а) сочетания *ръ, рь, лъ, ль* в корнях слов изменяются в *ры, ри, лы, ли*; б) полу-краткие *i, y* в абсолютном начале слова претерпевают известные изменения, общие украинскому и белорусскому языкам; в) образуются протетические *e* и *h* перед начальными *a, o, y*; г) *кы, гы, жы > ки, ги, хи* с мягкими заднеязычными, которые позже в украинском языке отвердевают; д) *л* изменяется в конце слога в *й*; е) образуются удвоенные согласные на месте согласный + *j* (*свишня, суддя* и т. п.); ж) удлиняются гласные предшествующего слога перед исчезающими *ъ, ь* (по А. А. Шахматову, дифтонги должны были быть когда-то известными всем белорусским говорам).

С середины XIII в. возникают явления, свойственные только украинскому языку и неизвестные в белорусских говорах: а) отвердевают согласные перед гласными переднего ряда *и, е*; б) гласные *ѓ, ѣ* (реконструируемые А. А. Шахматовым) изменяются в *о, а* (*жона, чоло, жит'т'а*); в) мягкий губной + *a* дает мягкий губной + *ja* (*п'ять, м'ясо*) и т. д. Начинает формироваться «малорусское наречие» (украинский язык). После того как украинцы расселились на больших пространствах, продвинувшись далеко на восток, их общая жизнь прекратилась, «общемалорусский период» закончился и «общемалорусский язык» распался на новые диалекты.

Взгляды А. А. Шахматова на происхождение белорусской народности и белорусского языка изменялись. Вначале он предполагал, что основу белорусской народности составила западная часть «среднерусов» — дреговичи и радимичи. Белорусы по своему происхождению так же «цельны», как и украинцы (в отличие от русских). «Образование белорусской народности стоит в тесной связи с объединением дреговичей и радимичей под литовской гегемонией».⁷⁹ Дреговичи и радимичи на северо-востоке и юго-востоке ассимилировали часть кривичей и древлян, поэтому в северо-восточных белорусских говорах до сих пор сохраняются следы севернорусского наречия, а говоры южной части Минской губернии являются переходными от украинских к белорусским. С переходом от гипотезы о среднерусском наречии к гипотезе о восточнорусском наречии происхождение белорусов объясняется совершенно иначе. Белорусы имеют сложное, «смешанное» этническое происхождение. На территории Белоруссии

⁷⁹ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, стр. 365.

сначала проживали ляхи — дреговичи и радимичи, которые в X—XI вв. захватываются южнорусами и ассимилируются ими. Теперешние белорусские области становятся южнорусскими. В XIII в. волна вятичских переселенцев прокатывается по всей Белоруссии, принеся с собой аканье и некоторые другие восточнорусские особенности. Таким образом, белорусы представляют собой этнический сплав из древнепольских, южнорусских и восточнорусских пластов.⁸⁰ Белорусский язык в основе своей имеет древнее южнорусское наречие (с ляхским субстратом), испытавшее сильное влияние древнего восточнорусского наречия.⁸¹ Эта схема в разных работах А. А. Шахматова варьируется. В последнее время своей научной деятельности он, например, полагал, что юго-восточные племена Дона и Приазовья, названия которых до нас не дошли (это уже не северяне и не вятичи), продвигаясь в северо-западном направлении, достигают современной Белоруссии, где смешиваются с ляхами-радимирами, южнорусами-дреговичами (дреговичи — уже не ляхи) и севернорусами-кривичами. В результате этого смешения возникают белорусы.⁸²

Из вышеизложенного видно, что А. А. Шахматов основной формой развития языка считал его непрерывную дифференциацию, которая вызывалась расселением одноязычного населения, утратой контактов между его разделившимися группами. Это было вполне в духе младограмматического направления и шлейхерского родословного древа. В то же время он допускал и интеграцию близкородственных диалектов, смешение их. Интересна гипотеза А. А. Шахматова о диалектных койне, в частности, койне древнего Киева — центра древнерусского государства. Мысль о древнекиевском койне у него возникает рано. «Некоторые древние памятники, — писал он, — писанные в Киеве, не содержат тех резких диалектических особенностей, которыми отличаются памятники новгородские или даже соседних с Киевом городов деревской, волынской, может быть, даже самой польской земли: очевидно, в общерусском городе создалось такое наречие, которое утратило или сгладило наиболее резкие диалектические черты».⁸³ К сожалению, эта гипотеза не получает положительного решения ни в трудах самого А. А. Шахматова, ни в работах его продолжателей. Сам А. А. Шахматов называет это свое соображение «априорным».⁸⁴ Так же априорно и другое его предположение об

⁸⁰ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. XLIX—L.

⁸¹ А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности. . . , стр. 50.

⁸² А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 63.

⁸³ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, стр. 345.

⁸⁴ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I, стр. 80.

определяющей роли древнекиевского государства в развитии языка. В результате возникновения древнекиевского государства, как полагал А. А. Шахматов, складывается «общерусская жизнь» и языковая дифференциация уступает место языковой интеграции. Языковой интеграцией, реализовавшейся благодаря ведущей роли Киева, объясняется общерусский характер падения глухих *ъ, ь*, вытеснения формы им. пад. мн. ч. основ на *-ѣ* мужского рода формой вин. пад. мн. ч., совпадения им. и вин. пад. мн. ч. местоимений и прилагательных всех родов в одной форме, перенесения окончания *-у* в род. и местн. пад. основ на *-ѣ*, унификации окончаний дат., твор. и местн. пад. мн. ч. слов женского рода, утраты двойственного числа, аориста и имперфекта.⁸⁵

Конечно, всего этого доказать нельзя. Более того, факты противоречат этой гипотезе. Например, утрата глухих *ъ, ь* происходила в XII—XIII вв. (что установлено самим А. А. Шахматовым), когда Киев перестал быть центром восточного славянства и древнерусское государство распалось на ряд спорящих между собой феодальных княжеств, а в XIII в. большая часть восточного славянства подпала под ярмо монголо-татарских завоевателей. Иначе обстоит дело с разработкой проблемы возникновения московского койне и образования русского (великорусского) языка. Если «трехчленная» концепция А. А. Шахматова, сыгравшая большую роль в изучении интересующих нас вопросов, в основном принадлежит в настоящее время истории науки, его схема возникновения русского языка, переходных говоров и говора Москвы и теперь еще не потеряла своей актуальной значимости.

2. «Двухчленная» гипотеза Т. Лер-Сплавинского и Н. С. Трубецкого

С гипотезой о происхождении восточнославянских языков выступил в 1921 г. польский ученый, один из крупнейших славистов, Т. Лер-Сплавинский.⁸⁶ Оценив резко отрицательно националистическо-фантастические построения Ст. Смаль-Стоцкого, Т. Лер-Сплавинский начинает свое исследование с критического разбора концепции А. А. Шахматова, как она представлена в его «Очерке древнейшего периода истории русского языка». Т. Лер-Сплавинский прежде всего считает, что шахматовское деление языка восточных славян на два периода — «общерусский праязык» и «древнерусский язык» — довольно неопределенно и условно.⁸⁷

⁸⁵ А. А. Шахматов. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка, стр. 680—681.

⁸⁶ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. Rocznik slawistyczny, IX, 1, 1921, стр. 23—71. Перепечатано в кн.: T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Studii i skize wybrane z językoznawstwa słowińskiego. Warszawa, 1957 (здесь ссылки даются по этому изданию).

⁸⁷ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich, стр. 259.

А. А. Шахматов отделяет древнерусский от праславянского кратким периодом юго-восточного славянского единства, о котором свидетельствуют такие явления, как *tl, dl > l; kv, gv > cv, zv*, возникновение эпентетического *l* и др. Однако изменение *tl, dl* в *l* представлено не во всех южнославянских языках и не во всех восточнославянских диалектах (*tl, dl* сохраняются в некоторых диалектах словенского языка и в виде сочетаний *kl, gl* в псковском и отчасти новгородском диалекте). Эпентетический *l* в первых слогах не чужд был и западнославянским языкам (ср. его следы в польском *kropła, grobla* и т. п.). Все это диалектные изменения праславянского языка. Диалектным, но праславянским является и изменение *kv, gv* в *cv, zv*, связанное с так называемой второй палатализацией заднеязычных согласных. И если бы даже указанные явления действительно объединяли говоры предков южных и восточных славян, нельзя не видеть и того, что восточнославянские языки имеют не меньшее число особенностей, которые объединяют их с западнославянскими языками (начальные *ro-, lo-* известного происхождения, *-š* в род. пад. ед. ч. и имен.-вин. пад. мн. ч. основ на *-jā* и вин. пад. мн. ч. основ на *-jō* и др.). И эти особенности относятся к праславянской эпохе. Таким образом, разграничить общерусский праязык, якобы имевший общность только с южнославянскими языками, и древнерусский нет никакой возможности.⁸⁸ Нельзя найти хронологическую границу (например, VII—VIII вв. или IX в.), которая была бы языковым рубежом между общерусским и древнерусским языком.

Однако идея прарусского языкового единства, выделившегося из праславянского языка, бесспорна. Ее подтверждают особенности, общие всем «русским языкам» и чуждые другим славянским языкам. К этим особенностям относятся: 1) так называемое полногласие, объяснение которого наталкивается на большие трудности; 2) *tj, dj > č, ž (> ž)* (словенск. *tj > č, dj > j* возникли независимо от прарусского); 3) *je > o* в абсолютном начале слова (сербохорв., чешск., словенск. *omela*, польск. *olcha* и другие аналогичные примеры, по мнению Т. Лер-Сплавинского, не могут ставиться в один ряд с прарусским *je > o*); 4) *e > ѓ* перед твердыми согласными; правда, определенные трудности представляет украинский язык, в котором *e > ѓ* существует лишь после *č, š, ž* и лишь в отдельных примерах имеется после других исконно мягких согласных (*l'odni, s'l'oga* и др.; вероятно, предполагает Т. Лер-Сплавинский, в древних говорах, из которых сложился украинский язык, *e > ѓ* перед твердыми согласными, как общее явление, имелось, но не получило достаточного развития, и *ѓ* под воздействием неизменявшегося *e* вновь обратилось в *e*; в этих говорах была более слабая ступень лабиализации *e*); 5) праславянское *třt, třt, třt, třt* изменилось в прарусском в *trřt, trřt, trřt, trřt (> trřt)*.

⁸⁸ Там же, стр. 260.

К прарусским явлениям принадлежат также *q > u, ř > 'a*, изменение *ъ* в *o* и *ь* в *e*, начального *ju* в *u*, а также такие морфологические инновации, как *-ogo* вместо *-ago* в род. пад. ед. ч. м. р. прилагательных, *-oje* вместо *-uje* в род. пад. ед. ч. ж. р. прилагательных, *-ьть, -ьть* вместо *-оть, -еть* в твор. пад. ед. ч. основ на *-ѓ* и некоторые другие особенности. Правда, *-ogo* имеется и в южнославянских языках, а *-ьть, -ьть* — в западнославянских, однако восточнославянские языки объединяются общими далеко идущими тенденциями развития, сказывающимися и после распада прарусского языка (например, последовательное распространение окончаний *-атъ, -ати, -ачь* во множественном числе основ на *-ѓ*).

Особая близость украинского языка к русскому проявляется и в исконной лексике, а также в древних заимствованиях. Положение это безусловно верно, но доказательства, которые приводит Т. Лер-Сплавинский, довольно наивны и имеют небольшую научную ценность. Он приводит в алфавитном порядке длинный список слов, общих украинскому и русскому языкам и как будто бы неизвестных в других славянских языках (типа *балакать, баламутить, ботать* и т. п.). Слова эти взяты из словарей без какого-либо лингвистического анализа, без учета их происхождения и истории.

Дав общую характеристику прарусскому языку, Т. Лер-Сплавинский переходит к вопросу о возникновении и развитии древнерусских диалектов. Правда, данные, которые имеются, как заявляет Т. Лер-Сплавинский, крайне недостаточны для решения этой проблемы. Переходя к ее освещению, мы вступаем в область более или менее правдоподобных гипотез, не более того. Самым естественным было бы предположение, что древнее диалектное членение соответствовало племенному членению восточного славянства. Эту мысль пытался реализовать в своих «Лекциях по истории русского языка» А. И. Соболевский, опираясь на свое изучение диалектных особенностей языка древнерусских памятников XI—XIV вв. Однако опыт А. И. Соболевского показал, что количество древнерусских диалектных явлений меньше числа древнерусских племен! Без особого труда выделяются диалектные территории кривичей и словен, также галицко-волинского наречия, носителями которого были дубеды, бужане и волыняне. Трудно что-либо сказать о западном наречии, на котором, вероятно, говорили дреговичи. О диалектах полян, северян, вятичей и других племен нам решительно ничего не известно, и всякие догадки на этот счет являются предположениями, построенными на песке. Именно такой характер имеют смелые гипотезы А. А. Шахматова о диалектной принадлежности тех или иных племен.

Как считает Т. Лер-Сплавинский, ввиду отсутствия необходимых данных концепция А. А. Шахматова опирается на чисто теоретические произвольные комбинации. Сразу же видно, что в его работах мы имеем дело с переносом современных отношений

родства восточнославянских языков и диалектов в глубокую древность — в VIII—XI вв. Возьмем, например, южнорусов. А. А. Шахматов считал, что для их диалекта были характерны дифтонги в новых закрытых слогах на месте *o* и *e*, удвоение согласных перед *-bj + a*; *t > ѣ*; *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i*, возникновение протетических *v-, j-, -h*. Однако все эти явления поздние, вызванные падением редуцированных *ъ* и *ь* или по времени относящиеся к эпохе падения редуцированных. Дифтонгизация *o, e* началась никак не раньше XII в. А. И. Соболевский отмечает древнейшие случаи «нового *ѣ*» только в Добриловом евангелии 1164 г. Новые дифтонги свойственны отнюдь не всему белорусскому языку, а преимущественно только говорам, соседним с украинским языком, да и употребляются они не только в закрытых, но и в открытых слогах. Доказать, что новые дифтонги были когда-то общеполорусским явлением, невозможно. Древнейшие следы удвоения согласных (*brat't'a* и т. п.) обнаруживаются только в письменности XV в., и решительно нет никаких оснований переносить это явление на 4—6 столетий назад, ранее падения редуцированных. Кроме того, в ряде украинских говоров (например, в некоторых подольских, буковинских и др.) удвоение согласных совершенно неизвестно. Изменение *t* в *ѣ* отражается в письменности только с XV в. Переход *ky, gy, xy* в *k'i, g'i, x'i* в белорусской письменности также известен только с XV в. В ряде украинских говоров (в лемковских, замишанских, бойковских и др.), не смешивающих *y* и *i*, старые сочетания сохраняются и до настоящего времени. Следовательно, указанный переход никак не мог быть общеполорусской особенностью. Протетические согласные, по данным письменности, возникают только на рубеже XII—XIII вв.

Не лучше обстоит дело и с явлениями, которые А. А. Шахматов называет восточнорусскими. Как убежден Т. Лер-Сплавинский, редукция неударяемых гласных и аканье возникают не раньше конца XIII в., после падения древних *ъ* и *ь*. Древнейшие следы другой особенности — совпадения *ѣ* и *e* — отмечаются в Смоленской грамоте 1229 г. Что касается говоров южнее Оки, то разграничение *ѣ* и *e* сохраняется в них долго, вплоть до XVIII в., а в отдельных случаях — до наших дней. Совпадение *ѣ* и *e* медленно продвигалось с запада на восток, тогда как аканье распространялось в более раннее время с востока на запад. На третьем «восточнорусском» явлении — отвердении *ц'* — настаивает и сам А. А. Шахматов.

Таким образом, шахматовское деление древнерусского языка на три первоначальные диалектные группы лингвистически никак не подтверждается. Теория А. А. Шахматова — типичный продукт лингвистического мышления фортунаатовской школы, для которой характерным было перенесение современных диалектных отношений в глубокое прошлое.

Иначе обстоит дело с реконструкцией севернорусского наречия, хотя и здесь А. А. Шахматов без всяких оснований архаизирует некоторые явления, относя их к общесеве́рнорусской эпохе. Например, по его мнению, севернорусы исконно отличались от восточнорусов в произношении *ѣ*, что доказать невозможно.

Отвергнув шахматовскую гипотезу, Т. Лер-Сплавинский переходит к изложению собственных соображений о древнерусском диалектном членении. По его мнению, до конца XI в. древнерусский язык делился не на три, а на две диалектные группы: сравнительно небольшую северную и очень обширную южную. Каждая из этих групп имела свои характерные фонетические черты. Для южной группы было характерно изменение *g* в *γ*, для северной — сохранение праславянского взрывного *g*. Изменение *g* в *γ* — явление, известное и в некоторых неславянских языках (например, в севернонемецком в интервокальном положении, в некоторых древнегреческих и новогреческих диалектах). В древнечешском и верхнелужицком оно не ранее XIII в. Что касается южнорусской диалектной группы, то в ней следы употребления *γ* отмечаются в памятниках XI—XIII вв.: *укрухъ* вместо *укругъ* в Изборнике 1073 г., *кънихъчий* в Изборнике 1076 г., *не въ ходъ* вместо *не въ годъ* (*bōk ēv 'xavrō*) в слове Феодора Теолога XI в., *осподаря* в надписи на чаше Владимира Давыдовича 1151 г. и др.⁸⁹ Когда произошло изменение *g* в *γ*, точно определить невозможно, но во всяком случае оно имело место до XI в.

По-разному сложилась в южной и северной группах судьба праславянских *tl, dl*: в южной группе эти сочетания упростились в *l*, а в северной изменились в *kl, gl*. Изменение *tl, dl* в *l* было еще праславянским диалектным явлением, не охватившим, однако, все древние юго-восточные говоры, в частности севернорусскую группу. Преобразование древнесаксонского *God(o)lēf* в **Gьdlēbъ > *Gьlēbъ* показывает, что эта фонетическая закономерность действовала в южнорусской группе независимо от южнославянских языков. Лит. *mutlas* 'мыло' показывает, что заимствование из древнерусского языка произошло в то время, когда др.-русск. *y* было еще лабиализованным гласным, причем из говоров, уже не знавших *dl*. Третья особенность, которая разделяла, по мнению Т. Лер-Сплавинского, древнерусский север и юг, это неодинаковая рефлексация сочетаний *trēt, tlēt, trēt, tlēt* в слабой позиции: на севере образовались *ro, lo, re, le*, а на юге — *ry, ly, r'i, l'i*. Сразу же отметим, что в данном случае Т. Лер-Сплавинский, как и А. А. Шахматов, архаизирует относительно позднее явление, имевшее место после падения *ъ* и *ь*, т. е. никак не раньше XII—XIII вв. На это, между прочим, указывает и изо-

⁸⁹ Примеры Т. Лер-Сплавинский заимствует из кн.: А. Е. Крыжовик. Украинская грамматика, т. I. М., 1907, стр. 119—120.

гlossa *ro—ry* и т. п., совершенно не совпадающая с изоглоссами *g > γ* и *kl, gl > l*.

В более поздних своих работах Т. Лер-Сплавинский присоединяет к этим фонетическим явлениям еще несколько особенностей, которые, по его мнению, различали южную и северную диалектные группы. На севере были цоканье и более редкое смешение *s* и *š*, *z* и *ž*, тогда как на юге имело место последовательное различение свистящих и шипящих. На севере праславянские *šš*, *žž* изменились в *šx*, *žj* (древненовгородское *дъжъгъ* и пр.).⁹⁰ Юг и север разделялись также разной рефлексацией праславянского *ǫ в абсолютном начале слова: в русском *ǫ > *i* (*играть*, *иметь*, *иголка*, *из* и т. п.), украинском и белорусском — исчезает (*грати*, *мати*, *голка*, *з* и т. п.). Т. Лер-Сплавинский не согласен с учеными, которые относят это изменение ко времени падения *ъ* и *ь*, и считает, что это древнее диалектное изменение праславянской эпохи.⁹¹ Однако доказать это вряд ли возможно. По мнению Т. Лер-Сплавинского, юг отделяло от севера также и то, что южнорусскую группу сближала с западнославянскими языками, особенно с польскими, поморскими и лужицкими, тенденция к качественному изменению *ǫ*, *ǐ* в новых закрытых слогах.⁹² Но и здесь совершенно очевидно, что такая тенденция могла осуществиться только после падения редуцированных, т. е. в позднее время.

Чему же соответствовало предполагаемое деление древнерусского (прарусского) языка на южную и северную диалектные группы? По мнению Т. Лер-Сплавинского, это деление соответствовало двум культурно-политическим центрам древней Руси — Киеву и Новгороду, которые объединяли восточнославянские племена: Киев был центром полян, древлян, радимичей, северян, вятичей и других южных племен, а Новгород объединял вокруг себя кривичей и словен. Когда начался распад прарусского языка на южную и северную группы, Т. Лер-Сплавинский не определяет. Начиная с XI в. происходит постепенная трансформация двух диалектных групп в три современных восточнославянских языка. Самой древней особенностью, по Т. Лер-Сплавинскому, которая не совпала с первоначальным двухчленным делением, является различная рефлексация древнерусского *ě*. На юге *ě* стало произноситься узко и затем начало совпадать с *i*. Первые примеры смешения *ě* и *i* имеются уже в Изборниках 1073 и 1076 гг. Правда, *ě* > *i*

⁹⁰ T. Le hr-Sp ław i ń s k i. Początki języka ukraińskiego. Sesja naukowa w trzeczsetną rocznicę zjednoczenia Ukrainy z Rosją 1654—1954. Materiały. Warszawa, 1956, стр. 331—351.

⁹¹ T. Le hr-Sp ław i ń s k i. Kilka uwag o wspólności językowej praruskiej. In: Studii i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego. Warszawa, 1957, стр. 298.

⁹² Там же, стр. 300.

не охватило всю украинскую область. На севере развилась противоположная тенденция: совпадение *ě* и *e*, первые примеры которого встречаются в смоленской грамоте 1229 г.

Вторая особенность, нарушившая прежнее диалектное членение, это различие в рефлексации *o* и *e* в новых закрытых слогах после падения редуцированных *ъ* и *ь*. Гласные *o* и *e* претерпели удлинение на украинском юге и затем подверглись дифтонгизации, тогда как на севере они остались без изменений. Наконец, южную территорию отделила от всей остальной территории диспалатализация согласных перед *e* и *i*, которая, как можно полагать, произошла на грани XII и XIII вв. Распад старой южнорусской группы окончательно был завершён возникновением аканья в XIV в., распространившегося далеко на запад. Таким образом, в XIII—XIV вв. возникают современные русский, белорусский и украинский языки. Русский язык возник на основе консолидации древней севернорусской группы с северо-восточной частью южнорусской группы. Белорусский язык вырос из северо-западной части древней южнорусской группы. Украинский язык сложился на базе южной части этой древней группы. Такова в общем схема Т. Лер-Сплавинского, которую он считал правильной и в 1957 г.: в примечании к своей работе он пишет, что «История древнерусского языка» Л. П. Якубинского и комментарии к ней П. С. Кузнецова⁹³ не вносят каких-либо существенных изменений в понимание интересующей его проблемы.⁹⁴

Нужно сказать, что в критике слабых позиций концепции А. А. Шахматова Т. Лер-Сплавинский во многом прав. А. А. Шахматов действительно переносил систему современных диалектных отношений в глубокое прошлое, не обосновывая хронологии исследовавшихся им явлений. В то же время легко заметить, что сам Т. Лер-Сплавинский недалеко ушел от схемы А. А. Шахматова. Он так же, как и А. А. Шахматов, полагает, что древнерусский язык распадался на крупные диалектные единицы. Фактически из схемы А. А. Шахматова устраняется только «восточнорусское наречье». Аргументация двухчленного деления древнерусского языка основывается также на трактовке немногих фонетических явлений, хронологизация которых также довольно условна. Гипотезу Т. Лер-Сплавинского от гипотезы А. А. Шахматова отличает только то, что в ней нет смелого шахматовского размаха и творческой шахматовской выдумки. Крайне неудовлетворительно представлена у Т. Лер-Сплавинского проблема становления русского, украинского и белорусского языков: дан неуверенный схематический набросок, по которому невозможно хотя бы приблизительно представить себе картину возникновения этих языков. Здесь схема Т. Лер-Сплавинского представляет собою шаг назад

⁹³ Л. П. Я к у б и н с к и й. История древнерусского языка. М., 1953.

⁹⁴ T. Le hr-Sp ław i ń s k i. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich, стр. 294.

по сравнению с учением А. А. Шахматова. Гипотеза Т. Лер-Сплавинского не получила широкого распространения среди славистов.⁹⁶

В 1925 г. была напечатана работа Н. С. Трубецкого «Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit», в которой сделана попытка по-новому осветить ту же проблему.⁹⁸ Уже в этой работе Н. С. Трубецкого достаточно чувствуется стремление подойти к языку как к системе, состоящей из бинарных оппозиций, увлечение логикой построения рассуждений, хотя связи с «традиционным» языкознанием полностью сохраняются.

Н. С. Трубецкой начинает с того, что существование общерусского (общевосточнославянского) языка можно считать твердо установленным. Противоположное мнение, которое пытались защищать Ст. Смаль-Стоцкий и Ф. Гартвер, отвергнуто всеми авторитетными славистами с редким для науки единодушием. Однако нерешенным остался вопрос, когда и как распалось древнерусское языковое единство. Попутно Н. С. Трубецкой высказывает небезынттересные мысли о том, что нужно понимать под языковым распадом. Распад наступает тогда, когда носители различных диалектов одного и того же языка начинают плохо понимать друг друга, что возникает в результате накопления различий не в фонетике и морфологии, а в лексике. Начальный этап языкового распада можно установить только по истории лексики. Однако при современном состоянии восточнославянской исторической лексикологии нечего и ставить проблему распада общерусского языка ввиду недостижимости ее решения.

Но под распадом можно понимать и нечто другое, именно такое состояние языка, когда отдельные его диалекты теряют способность переживать общие важные звуковые и формальные изменения. В этом смысле проблему распада общерусского языка можно решать и теперь. Правда, нужно заметить по поводу этого положения Н. С. Трубецкого, остается неясным, что значит «важные» и «неважные» изменения, какими тут должны быть принципы отбора звуковых и формальных изменений. Ссылка на то, что фонетическое развитие, как и любое историческое изменение, имеет свою внутреннюю логику, которую исследователь обязан вскрыть, не проясняет ничего ввиду ее абстрактности.

Далее Н. С. Трубецкой кратко излагает шахматовскую теорию о трех первоначальных древнерусских наречиях. А. А. Шахматов последовательно придерживался «родословного древа» Шлейхера,

⁹⁶ Она повторяется в работах некоторых польских славистов. Ср.: W. Kuraszkiiewicz. Zarys dialektologii wschódnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954, стр. 77.

⁹⁸ Н. Трубецкой. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. Zeitschr. für slavische Philologie, Bd. I, Doppelheft 3/4. Leipzig, 1925.

хотя ему не совсем чужда была и «теория волн» Шмидта (например, в трактовке происхождения белорусского языка). В общем же, как считает Н. С. Трубецкой, концепция А. А. Шахматова — всего только рабочая гипотеза, не подкрепленная хронологией звуковых изменений. Деление общерусского языка на три наречия надо отвергнуть и принять первоначальное его разделение на две диалектные группы, выдвинутое Лер-Сплавинским. Правда, для последовательного приверженца «родословного древа» Шлейхера понимание исторического развития восточнославянских языков, по которому различие между русским и украинским языками оказывается более поздним, чем различие между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями, является парадоксальным; все же такое понимание нужно считать единственным соответствующим исторической действительности и современному состоянию изучения текстов.

Общерусский язык еще в дописьменную эпоху распался на два диалекта: южный и северный, которые были противопоставлены по четырем фонетическим особенностям: 1) южнорусский спирант γ — севернорусский взрывной g ; 2) южнорусское различие $\check{c}$ и c — севернорусское совпадение этих согласных; 3) южнорусское l из $*tl$, $*dl$ — севернорусское kl , gl из $*tl$, $*dl$; 4) южнорусские архаические сочетания $\check{s}\check{c}$, $\check{z}\check{d}\check{z}$ — севернорусские инновации $\check{s}\check{c}$, $\check{z}\check{c}$. Другие явления, указанные Т. Лер-Сплавинским, позднего происхождения. Нужно заметить, считает Н. С. Трубецкой, что изоглоссы противопоставленных особенностей с самого начала не совпадали друг с другом, однако общий принцип деления общерусской территории безусловно существовал. Это деление нужно рассматривать с общеславистической точки зрения. Весьма вероятно, что $g > \gamma$ в южнорусском диалекте и в чехословацко-верхнелужицкой группе имеет одно происхождение. Хотя хронологию $g > \gamma$ в указанной группе трудно установить ввиду того, что латинская буква g могла передавать как g , так и γ , это изменение древнее богемских памятников. Ср. чешск. kde , kdy (произносится gde , gdy) из $*k\check{z}d-$ против $tehdy$ из $*(t\check{z})ydy$, что показывает, что g изменился в h раньше падения редуцированных гласных. Следовательно, можно говорить о «центральнославянской» зоне γ . Общность происхождения южнорусского и южнославянского $*tl$, $*dl > l$ несомненна. Оба изменения были диалектными явлениями праславянского языка поздней эпохи.

Другие особенности нужно рассматривать как специальные севернорусские изменения древнейшего времени. Изменение $*tl$, $*dl$ в kl , gl было особенно распространено в древнепсковском диалекте, напоминая такое же явление в латышском и литовском языках. Совпадение $\check{c}$ и c , как и s и $\check{s}$, ведет к древним западнофинским языкам. Что касается $\check{z}\check{c}$, $\check{s}\check{c} > \check{z}\check{c}$, $\check{s}\check{c}$, то это иная форма той же тенденции — устранение из фонетической системы $\check{z}$ и $\check{c}$.

Двойное диалектное деление общерусской языковой территории соответствовало существовавшим в то время географическим и культурным условиям. В то время как южная часть русских вместе со всем остальным славянством имела контакт с западом и югом, северная часть резко обособилась и была в тесной связи с неславянским населением балтийского побережья. Известные звуковые изменения проникали к русским с славянского запада и юга, но эти изменения не имели силы охватить всю восточнославянскую область, не достигая севера. Оппозиция между ориентирующимся на все славянство восточнославянским югом и связанным с неславянской Балтикой севером возникла очень рано. Позже она реализовалась в двух культурных центрах: Киеве — на юге и Новгороде — на севере. Сразу же заметим, что эта «экстралингвистическая добавка» Н. С. Трубецкого ничем не обосновывается и представляет собой догадку, которая высказывается для того, чтобы как-то исторически осмыслить выдвинутую лингвистическую схему.

Предположенное диалектное членение общерусского языка продолжалось до 60-х годов XII в., когда началось падение слабых *ъ* и *ь* и прояснение их в *о* и *е* в сильной позиции. Падение редуцированных — переломный момент в истории восточнославянской речи, начало ее новой диалектной дифференциации. Оно было общерусским явлением, но зародилось на юге (первый памятник, в котором оно реализовалось, — Добрыйлово евангелие 1164 г.) и распространялось с юга на север (первый северный памятник, отразивший падение редуцированных, — Новгородская кормчая 1282 г.). Эпоху падения редуцированных или полугласных (Halbvokale) Н. С. Трубецкой называет «периодом 1164—1282 гг.». Он полагает, что по судьбе полугласных восток полностью совпал с севером (хотя древних памятников с восточной территории до нас не дошло, и это положение доказать нельзя), а запад — с югом.

В «период 1164—1282 гг.» общерусское языковое единство еще не распалось, но общерусский язык стал делиться не на южный и северный, а на юго-западный и северо-восточный диалекты. Этим объясняется, что черты, объединяющие современные украинский и белорусский языки и отделяющие эти языки от современного русского языка, возникли именно в указанный период. Создаются противопоставления: 1) великорусск. *свинья*, *судья* ~ укр. *свиння*, *суддя*, белор. *свіння*, *судзя* (на юго-западе уже в XII в. утратился *i* между мягкими согласными и *j*, тогда как на северо-востоке такая утрата произошла только в конце XIII в., в связи с чем и получились разные результаты изменения — *-n'lj*, *-d'lj* и т. п.); 2): а) великорусск. *играть* ~ укр. *грати*, белор. *граць*, б) великорусск. *блота* ~ укр. *блиха*, белор. *блыха* (различие объясняется также неодновременностью изменения начального *ji* в открытом неударяемом слоге и корневых сочетаний *гъ*, *лъ*, *ръ*, *ь*); 3) велико-

русск. *мою*, *слепой*, *шея*, *костей* ~ укр. *мию*, *сліпий*, *шия*, *костей*, белор. *мяю*, *сляпый*, *шыя*, *касьцый*; 4) великорусск. *бок*, *печь* ~ укр. *бік* (диалектн. *буок*, *буж* и т. п.), *піч* (диалектн. *піеч*), белор. *буок*, *піеч* (на юго-западе дифтонгизация есть следствие одновременного действия удлинения *ō*, *ē* и падения полувокалов, тогда как на северо-востоке падение полувокалов произошло после утраты квантитативных различий и во время этой утраты *ō*, *ē* сократились; в то же время на северо-востоке возникает противопоставление *ω* и *о*, которое совершенно чуждо украинскому языку).

Бинарная оппозиция «юго-запад ~ северо-восток» объясняется тем, что падение полувокалов и утрата квантитативных и интонационных различий проникает к восточным славянам от западных и южных славян. Поскольку восточнославянская область географически соприкасается с другими славянскими языками на юго-западе, указанные изменения на восточнославянской территории распространялись с юго-запада на северо-восток с ослаблением «звуковых волн» на северо-восточной окраине славянского мира. То же можно сказать и об изменении сочетаний *ky*, *gy* (*γy*), *chy* в *k'i*, *g'i* (*γ'i*), *ch'i*, которое на юго-западе завершилось в XII в., тогда как на северо-востоке оно имело место только в конце XIII в.

Если изменения, шедшие с юго-запада, имеют как бы общеславянский характер, то фонетические инновации, присущие северо-востоку, индивидуальны, изолированы. Например, усиление слабых полувокалов в сочетаниях «согласный+плавный+полувокал» известно кроме русского языка только в кашубских говорах.

Изменение *yj*, *ij* в *ъj*, *ьj* свойственно только русскому языку. Противопоставление *ω* ~ *о* не имеет себе параллелей ни в одном из славянских языков. Таким образом, внешние географические противоположности сопровождаются противоположностями внутренних тенденций языкового развития. На юго-западе все фонетическое развитие «периода 1164—1282 гг.» было пронизано «славянским духом», поддерживались общеславянские традиции, тогда как на северо-востоке под воздействием неславянского мира возникают индивидуальные, сепаратные новообразования. То же можно сказать и о развитии грамматических форм (ср. великорусскую двойную дифференциацию род. пад. *стакан чаю* и *вкус чая*, местн. пад. *в лесу* и *о лесе*, полное устранение родовых различий в некоторых косвенных падежах мн. ч. и т. п.).

После 1282 г. картина диалектного членения восточнославянской речи резко изменяется: все существенные фонетические изменения оказываются локальными, никогда не охватывая восточнославянскую речь целиком. Примером может послужить аканье. А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново выдвинули в высшей степени невероятное предположение, будто бы аканье возникло до падения полувокалов и будто бы долгий *ā* сократился раньше, чем *ū*,

й, ї. Аканье могло возникнуть лишь как прямое следствие утраты квантитета и развития экспираторного удара.

Неспособность совокупности диалектов языка осуществлять общие существенные изменения есть признак наступившего распада языка. Следовательно, после 1282 г. общерусский язык перестал существовать. Общерусское языковое единство породило не три или четыре дочерних языковых единства, а неопределенную массу диалектов. Однородного «правеликорусского языка» не получилось, потому что особенности, разделяющие северновеликорусские и южновеликорусские говоры, гораздо старше так называемых общевеликорусских признаков. То, что создало звуковое своеобразие украинского языка, сложилось в первой половине «периода 1164—1282 гг.», до распада общерусского языка.

В работе Н. С. Трубецкого имеется много интересных мыслей и наблюдений общего и частного характера, но его схема диалектного членения общерусского языка и дальнейшего развития восточнославянских диалектов весьма уязвима и имеет в настоящее время значение только для истории науки. Для этой схемы характерно сведение фактов к заранее созданной «модели», а не выведение из фактов истины. Факты подчинены идее «бинарной оппозиции», которая строится на фоне «теории волн». Главный недостаток — в шаткости хронологии явлений, в чрезмерном «обобщении» диалектных изоглос. Например, совершенно не доказано, что **tl, *dl > kl, gl* — явление общесеве́рновеликорусское, что противопоставление *ω ~ o* было свойственно решительно всему древнему «северо-восточному диалекту», что дифтонгизация *ō* и *ē* в новых закрытых слогах была общей юго-западной особенностью, что *ky, gy, chy > k'i, g'i (γ'i), ch'i* завершилось в XII в. на всем юго-западе (факты решительно противоречат этой гипотезе) и т. д. Если все «общеславянские» инновации распространялись в восточнославянской области из западно-южнославянских стран, остается непонятным, почему до 1164 г. общерусский язык делился на южный и северный диалекты, а после 1164 г. стал делиться на юго-западный и северо-восточный. Иноязычное воздействие на северо-восточные инновации не доказано и не может быть доказано. Схема Н. С. Трубецкого совершенно не объясняет происхождения «тройной оппозиции» — русского, украинского и белорусского языков. Если есть какие-то попытки осветить фонетическое своеобразие украинского и русского языков, то белорусскому языку вовсе не находится места (по-видимому, потому, что он не укладывается в рамки «бинарной оппозиции»).

Работа Н. С. Трубецкого вызвала резкую дискуссию между А. М. Селищевым и Н. Н. Дурново. А. М. Селищев в своей статье «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов» считает, что «языковая система», выдвинутая Н. С. Трубецким, априорна и не выдерживает критики. «Следует сперва в о с т а н о в и т ь эту систему, а потом уже исходить

из нее». ⁹⁷ Н. С. Трубецкой поступает иначе: он предлагает созданную им «систему», а потом пытается подтвердить ее фактами. Факты эти немногочисленны, используются своеобразно, без должного исследования времени их возникновения и районов их распространения. Немногочисленность фактов удобна для построения спекулятивных схем, так как обилие фактов сразу нарушило бы стройность «системы», непротиворечивость ее описания, логику дедуктивных рассуждений. А. М. Селищев решительно возражает против членения общерусского языка на два диалекта. По его мнению, нет никаких оснований считать изменение *g* в *γ* явлением позднего праславянского языка. Это изменение происходило у южнорусов и других славян независимо друг от друга и в разное время, так же как *φ > u* у русских, чехословаков, лужицан и сербохорватов. Явление это позднее, и его не было в древнем общерусском языке. Процесс *g > γ* не закончился до сих пор. Например, в крайних говорах словенского языка перед гласными произносятся и *g* и *γ*, причем обнаруживается явная тенденция в сторону *γ* (по говорам *γ* изменяется в глухой *h*). ⁹⁸ В одних резыанских говорах *g* переходит в *h*, а в других — сохраняется. У чехов изменение *g* в *h* произошло поздно, не раньше XII — XIII вв. Фрикативный *γ* не чужд и северновеликорусским говорам, например *-γo* в род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных и местоимений (этот *-γo* обусловлен частотой употребления местоименных форм, часто не имеющих самостоятельного ударения, что вызвало ослабление артикуляции *g*). ⁹⁹ В некоторых олонечких, архангельских и вятских говорах *γ* имеется перед гласными и вне местоименных форм. В украинском и белорусском языках имело место *g > γ > h*, тогда как в южновеликорусских говорах только *g > γ*. Следовательно, надо полагать, что в южновеликорусской области изменение *g* в *γ* началось позже, чем в украинских и белорусских районах.

Что касается **tl, *dl > l*, то этот процесс имел место у всех южных и восточных славян. Совершенно недопустимо, чтобы в северновеликорусских говорах сохранились древние **tl, *dl* в виде *kl, gl*. Сочетания *kl, gl* поздние, они заимствованы псковичами у балтийцев, если не возникли по аналогии с другими формами тех же основ. Очень субъективно у Н. С. Трубецкого толкование сочетаний *ždž, šč*. В памятниках никакого *ž* не отмечено. В написаниях типа новгородского *дѣжжѣ* надо видеть передачу заднепалатального *žd'*, причем *d'* акустически было близко *g'*.

⁹⁷ А. М. С е л и щ е в. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. *Slavia*, 1928, VII, 1, стр. 34.

⁹⁸ О позднем изменении *g* в *γ* писал А. Мазон: А. М а з о н. Le passage de *g* à *γ* d'après quelques gloses judéo-tchéque. *Revue des Étude slave*, VII, Paris, 1927, стр. 261.

⁹⁹ Ср.: N. van W i j k. Die grossrussische pronominale Genitivendung *-vo*. *Streitberg Festgabe*. Leipzig, 1924, стр. 410—417.

3. Работы советских языковедов тридцатых-сороковых годов

Южновеликорусские *žž*, *šš* по сравнению с северновеликорусскими вариантами представляют собой новшество, а не архаизм.

В духе резкой критики рассматривает А. М. Селищев и схему Н. С. Трубецкого, относящуюся к «периоду 1164—1282 гг.»: Н. С. Трубецкой, не считаясь с показаниями памятников, искусственно подтягивает к этому периоду явления, которые на самом деле возникли в разное время, нередко позже 1282 г. А. М. Селищев заключает: «Подвергая критике статью кн. Трубецкого, я не хочу сказать, что попытки реконструкционной схемы излишни: они нужны, но необходимо при таких реконструкциях пользоваться надежными данными, критически проверенными, объективно-показательными для того или иного утверждения».¹⁰⁰

Несомненно, в критике А. М. Селищева заключается много справедливого. Однако необходимо отметить, что А. М. Селищев, отрицая «теорию волн», проводит с тенденциозной прямолинейностью принципы «родословного древа» (ср. его суждения о *kl*, *gl*, о возникновении в разных языках и диалектах *γ* и др.).

Против возражений А. М. Селищева (особенно против их резкого тона) выступил Н. Н. Дурново в статье «Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков».¹⁰¹ Н. Н. Дурново считает, что если действительно нельзя доказать, что *g* изменилось в *γ* еще в общеславянскую эпоху, то нельзя доказать и обратного. Впрочем, в пользу древности *g > γ* свидетельствует разная судьба общеславянского *a* после мягких согласных и *ε* перед *k* в чешском языке. Общеславянское *a > a*, а общеславянское *ε* перед *k > ε̣: děkuju, pěkný, teký, dīku* и т. п. Это изменение произошло не позже X в. Оно должно было иметь место и перед *g*. Однако перед *g* в чешском *ε > a: tah, táhnouti* и т. п. Следовательно, *ε > a* произошло не перед *g*, а уже перед *h*. Значит, изменение *g* в *γ (h)* имело место раньше исчезновения носовых гласных.

Неправ А. М. Селищев в толковании псковских *kl*, *gl*. Если древние псковичи говорили **veli*, то совершенно непонятно, как они могли усвоить у латышей *kl*, *gl*. Усвоение это оказывается естественным, если предположить, что древние псковичи произносили **vedli*. Спорными или неверными являются и некоторые другие предположения А. М. Селищева (например, о том, что редуцированные *ъ* и *ь* пали на севере так же рано, как и на юге). После нового, содержащего резкие высказывания уже против Н. Н. Дурново выступления А. М. Селищева¹⁰² дискуссия на этом закончилась.

¹⁰⁰ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции..., стр. 43.

¹⁰¹ Н. Н. Дурново. Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков. Изв. по русск. языку и словесности, т. II, Л., 1929.

¹⁰² А. М. Селищев. О критических замечаниях Н. Н. Дурново. Изв. по русск. языку и словесности, т. III, кн. 2, Л., 1930.

В конце тридцатых и начале сороковых годов над проблемой происхождения восточнославянских языков работал замечательный русский славист академик Б. М. Ляпунов, выступивший в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде с несколькими докладами на эту тему. К сожалению, смерть в эвакуации в Казахстане (1943 г.) не позволила Б. М. Ляпунову довести свое исследование до конца. В его архиве сохранился незаконченный черновой набросок труда под заглавием «Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп».¹⁰³

Б. М. Ляпунов, как это вошло в традицию русских славистов, начинает рассмотрение указанной проблемы с освещения некоторых вопросов древнего общеславянского языка. Он предполагает, что уже в эпоху общеславянского языка имелись значительные диалектные расхождения. Единого общеславянского языка, не знаящего диалектов, не существовало. Взаимосвязь между древними славянскими диалектами была сложной. В 1822 г. И. Добровский объединил восточнославянские и южнославянские языки в одну группу, которая выделилась из общеславянского языка. Почему так поступил И. Добровский, вполне объяснимо: он не знал народной речи и живых диалектов и пользовался для сравнения с южнославянскими языками только данными русского литературного языка XVIII — начала XIX в., пропитанного церковнославянскими. Но почему гипотезу И. Добровского повторил А. А. Шахматов, достойно удивления. А. А. Шахматов не придавал должного значения совпадению восточнославянских языков с языками западнославянскими. Эти совпадения не оправдывают его гипотезы «о более раннем выделении из общеславянской второй, по его мнению, прародины на Висле восточного и южного славянства под именем антов и словен». «Сравнительное изучение языков восточнославянских и западнославянских позволяет нам с меньшим правом говорить о единстве севернославянском, разумея в нем комплекс некоторых признаков, общих языкам восточнославянским с языками западнославянскими, в противоположность языкам южнославянским. Все это доказывает, вопреки всем односторонним, хотя и остроумно построенным, теориям, вероятность первоначально непрерывно тянущейся диалектической массы славянских говоров, распадавшейся в течение долгой истории на резко очерченные группы лишь в силу крупных социальных и обще-

¹⁰³ Б. М. Ляпунов. Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп. — Напечатано сокращенно в сб.: Русская историческая лексикология. М., 1968, стр. 163—202.

ственных причин образования культурно-политических центров, действовавших на окрестное диалектное разнообразие ассимилирующим образом».¹⁰⁴

Из массы древних славянских диалектов, занимавших обширные пространства востока славянских земель, образуется общерусский язык. Б. М. Ляпунов приводит традиционный список восточнославянских фонетических и морфологических отличий, отделивших общерусский язык от остальных славянских языковых групп. Между прочим, он относит сюда и зачатки второго полногласия, имевшие место на всей общерусской территории. По-видимому, предполагает Б. М. Ляпунов, диалектов общерусского языка было много, а не три и не два, как считали предшествующие исследователи. Во всяком случае такие особенности, как смещение *ц* и *ч*, *в* и *у* в определенном положении и некоторые другие диалектные явления существовали раньше оформившихся крупных диалектных подразделений. «Особенности, характерные для украинского языка, начинают появляться не раньше XII в. «Не украинский язык древнее, чем его говоры, а наоборот — говоры полян, древлян, бужан существовали в доисторическое, дописьменное время, письменный язык Киевской Руси мы можем датировать с X в., но живой украинский язык мы можем исторически проследить лишь со второй половины XII в.»¹⁰⁵

Б. М. Ляпунов решительно возражает против необъяснимых гипотез о «великорусской» или «украинской» принадлежности древнего Киева и его области. Хотя киевская литература и культура, переносившиеся в Московскую Русь, были созданы руками, может быть, предков нынешних украинцев, тем не менее она является общевосточнославянским достоянием, потому что хотя некоторые украинские особенности очень древни. . . , но не они являются характерными для определения типа украинского языка в отличие его от русского в современном значении этих терминов. Все диалектные особенности древнейших киевских памятников сводятся к немногим сомнительным случаям чередований *ы* и *и*, *ѣ* и *и*, *еѣ* и *у* и характерному для южной Руси, хотя и встречающемуся и в древних памятниках Новгородской области, *ѣ* в слове *срѣбро* (ср. укр. *sr̄iblo* и чешск. *střiblo*).

По Б. М. Ляпунову, примерно с XII в. начинают формироваться особенности, которые составили специфику русского языка. Распад древней Руси на северо-восточную и западную после татарского завоевания кладет начало образованию белорусского языка. В незаконченных фрагментах Б. М. Ляпунова имеются интересные замечания и догадки, относящиеся к некоторым деталям восточнославянского этногенеза. В частности, он высказал предположение, что древняя Ростовско-Суздальская область была занята особым

¹⁰⁴ Там же, стр. 166.

¹⁰⁵ Там же, стр. 188.

древнерусским племенем, название которого до нас не дошло. Положения, выдвинутые Б. М. Ляпуновым, не утратили своего значения и в настоящее время.

В 1940 г. вышла в свет книга автора этих строк, вторая глава которой «Древнерусские (восточнославянские) диалекты» посвящена рассматриваемой здесь проблеме.¹⁰⁶ Автор в то время находился под воздействием некоторых идей «нового учения» о языке П. Я. Марра, что сказалось на его освещении исходных позиций славянского этногенеза. Что же касается рассмотрения древнерусских диалектов и формирования на их базе современных восточнославянских языков, то здесь продолжались традиции русского языкознания. Во второй главе указанной книги дается довольно подробный очерк истории изучения древнерусских диалектов. Рассматриваются и критически оцениваются труды А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, П. А. Лавровского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова и некоторых других исследователей. Особое внимание уделяется концепции А. А. Шахматова. Отмечая огромный вклад А. А. Шахматова в разработку проблемы славянского и специально восточнославянского этногенеза, автор в то же время дал анализ ошибок этого крупнейшего русского языковеда: неправомерное перенесение племенных отношений в позднейшее историческое время, когда родоплеменного строя давно уже не существовало, соответственно недооценка феодализма и местных говоров, возникших в феодальную эпоху, необоснованность «ляшской гипотезы», гипотетический схематизм в делении древнерусского языка на три наречия и т. д. Далее в книге рассматриваются фонетические и морфологические особенности древнерусских диалектов. Особо ставится вопрос о лексических изоглоссах древнерусского языка, которые предшествующими исследователями обычно не принимались во внимание при попытках реконструкции древнерусских диалектов и их дальнейшей судьбы.

Исходным пунктом является попытка на основе скудных историко-диалектологических данных реконструировать хотя бы в самом общем виде древние восточнославянские диалекты — диалекты племен и племенных групп, которые с развитием феодальных отношений трансформировались в диалекты территориальные. Каждое племя имело свой диалект. Однако о племенных диалектах нам мало что известно, поэтому реконструкция хотя бы некоторых их особенностей имеет предположительный характер. На севере выделяется диалект словен, для которого были характерны *оканье*, *цоканье*, *жг* на месте *жд* (как бы ни истолковывалось звуковое значение *жг*), некоторые лексические и иные особенности. Южнее и юго-западнее словенского диалекта располагался диалект кривичей. Кривичи, как и словене, *окали*, *цокали*, в их

¹⁰⁶ Ф. П. Ф и л и н. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. XXVII, 1940.

диалекте имелось совпадение мягких свистящих и шипящих (*č, š*), также *kl, gl* на месте **il, *dl*, сохраняется билабиальный *w*. Кривичи и словене очень рано вступают в тесные взаимоотношения, результатом чего явилась совместная колонизация необъятных пространств нашего севера. Следы кривичской колонизации на севере проявляются в наличии смещения *s* и *ш*, *z* и *ж* в вологодских, кировских, пермских и некоторых других говорах, где это явление хотя и редко, но все же отмечается. Оно представляется в виде постепенно затухающей волны, эпицентр которой расположен в псковских и великолукских говорах. В северных и северо-восточных говорах отмечаются и единичные примеры *kl, gl*.

Поток кривичской колонизации направлялся на восток, в бассейн Оки: севернорязанское цоканье, шепелявые *č, š* рассматриваются не как результат воздействия на русские говоры местной неславянской речи, а как проявление кривичской фонетики. Возникновение переходных говоров разорвало сплошную кривичскую полосу: в переходных говорах некоторые древние диалектные особенности оказались перекрытыми, стертymi.

Особо выделяются владими́ро-суздальские говоры: отсутствие в их значительной части цоканья, особая судьба *ž*, иной тип оканья и некоторые другие черты натолкнули автора на мысль, что эти говоры являются потомками диалекта особого восточнославянского племени, название которого до нас не дошло (ср. выше такое же предположение у Б. М. Ляпунова).

Исчезновение племенных делений и образование феодальных княжеств значительно видоизменило развитие северных диалектов. На базе племенных диалектов формируется северновеликорусское наречие. В него входят древние владими́ро-суздальские говоры, говоры словен и северо-восточных кривичей. Юго-западная часть потомков кривичей постепенно отделяется от северо-восточной. Юго-западные кривичские говоры трансформируются в смоленско-полоцкий диалект. Разъединение древнего кривичского диалекта еще более усиливается с возникновением Литовско-Русского государства. Наличие в основе северновеликорусского наречия генетически различных диалектов (кривичско-словенский и владими́ро-суздальской групп) сказалось на его структуре и в более позднее время. Структура северновеликорусского наречия двойственна. В нем представлены полное и умеренное оканье, произношение *ž* как *и* и как *е* во всех позициях, ёканье и еканье в различных их вариантах, *a* и *e* между мягкими согласными (возникшие из более открытого и более закрытого *ǫ*) и т. д.

Заселение северных областей шло с запада (словене и кривичи) и из бассейна р. Клязьмы. В районах Вологды, Северной Двины и в других местностях происходит встреча западного и юго-восточного колонизационных потоков. В процессе слияния этих потоков складывается северновеликорусское население и северновеликорусское наречие с его более поздними диалектами.

Можно предполагать, что расположенные южнее северных племен дреговичи и вятичи первоначально также имели свои особые диалекты. Однако еще в дописьменную эпоху между этими диалектами происходит известное сближение. Этим «срединным» диалектом было свойственно аканье, которое существовало задолго до падения глухих. Первоначальный тип аканья — аканье полное. То же предполагается и по отношению к яканью. С юга к «срединным» говорам примыкал окающий диалект северян. Северная часть северских говоров была вовлечена в орбиту «срединных» диалектов и усвоила аканье. Усвоение это было своеобразным: возникают различные типы диссимилятивного аканья (яканья), получившие значительное распространение. Не случайно, что полные типы аканья сохраняются на севере «срединных» говоров, а также на востоке и крайнем западе.

Дальнейшее сближение «срединных» говоров было прервано в XIII в. возникновением Литовско-Русского государства. С XIII в. в пределах этого государства на базе говоров, происшедших из диалектов дреговичей, юго-западной части кривичей, отчасти радимичей и северян, начинает складываться белорусский язык. В образовании белорусского языка приняли участие не только потомки «срединных» и северных, но и некоторых южных диалектов. То же самое можно сказать и о сложении русского языка, в основе которого лежат говоры, возникшие на базе северных, срединных и отчасти южных диалектов. Начало образования русского языка относится к концу XII в., когда на северо-востоке создается сильное Владимиро-Суздальское княжество. Дальнейшее оформление и развитие русского языка определяется возникновением и расцветом Московского государства. Объединение в рамках одного языка северных и срединных говоров и образование среднерусских говоров толкуется так же, как оно представлено в гипотезе А. А. Шахматова.

Начала украинского языка также связываются с концом XII в., когда происходит обособление северо-восточной Руси от южной. В основу украинского языка легли говоры — потомки южных племенных диалектов. Вероятно, имело место и какое-то воздействие северных говоров, поскольку издревле существовали тесные связи населения Новгородской и Смоленско-Полоцкой областей с населением среднего Поднепровья. Автор особо останавливается на вопросе о древнекиевском диалекте. «Древнекиевский говор не был ни украинским, ни русским в современном смысле этого слова, и споры о том, кто были древние киевляне — украинцы или великорусы, совершенно беспредметны, неисторичны. Киевский диалект выдвигался как язык общерусский. Однако нашествие татар прервало этот процесс».¹⁰⁷ Легко заме-

¹⁰⁷ Там же, стр. 89.

тить, что это положение полностью совпадает с заключениями Б. М. Ляпунова.

Изложенной выше гипотезе, выдвинутой мною в книге 1940 г., как и другим гипотезам, недоставало одного — фактической доказательности. Общая картина развития древнерусских диалектов и возникновения восточнославянских языков основывалась больше на представлениях о ходе исторического процесса, нежели на лингвистической аргументации. Недостающие «детали» лингвистического развития, как и у А. А. Шахматова и других ученых, восполнялись всякого рода косвенными соображениями, которые оказываются нужными для установления «логических связей» между разрозненными и скудными лингвистическими данными. Впрочем, от этого недостатка наука о реконструкции нашего отдаленного языкового прошлого, вероятно, еще не скоро избавится.

В очерке была предпринята одна из первых попыток наметить лексические особенности древнерусских диалектов, которые обычно не принимались во внимание.¹⁰⁸ В книге «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи»¹⁰⁹ этой проблеме посвящена специальная глава. В результате текстуального сравнения около ста пятидесяти летописных списков «Повести временных лет», изучения более поздних летописных записей и некоторых других древнерусских письменных памятников мне удалось выявить большое количество лексических расхождений («разночтений») разного рода. Около ста тридцати слов и значений слов оказалось возможным географически локализовать, т. е. отнести к разряду лексико-семантических особенностей древнерусских диалектов. Опорой в определении диалектизмов послужила локализация слов по древнерусским памятникам, которую особенно удобно было восстанавливать путем сравнения по разным спискам одних и тех же летописных текстов, и подтверждение этой локализации данными современных восточнославянских говоров. Если слово *рыль* 'заливной луг', 'наносный остров' (и другие значения) фиксировалось только в памятниках новгородской письменности, а в наше время (*рель*, *рёлка*) отмечается лишь в новгородских говорах и говорах новгородских переселенцев, то принималось, что *рыль* в данном значении было характерной особенностью древненовгородского диалекта.

В результате было выделено девять древнерусских диалектных зон: 1) древненовгородский диалект (*вьрьшь* 'посевы', 'хлеб', *обилье* 'хлеб', 'урожай на корню', *тировати* 'пробывать', 'проживать' и др.); 2) древнепсковский диалект (*рагова* 'ссора', *кромь* 'крепостное сооружение', 'детинец' и др.); 3) северо-западная диалектная зона (*пърѣ* 'паруса', *гошити* 'готовить',

¹⁰⁸ Там же, стр. 77—83.

¹⁰⁹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 80, Каф. русск. языка. Л., 1949.

'приготовлять' и др.); 4) севернорусская диалектная зона (*пожсьня* 'сенокосный участок', *село* 'пашня', 'поле' и др.); 5) северо-восточная (владими́ро-суздальская) диалектная зона (*кремль* 'крепость' и др.); 6) восточнорусская диалектная зона (область южнее Оки) (*лошадь*, *ветъхъ* 'тряпка', 'мочалка', *врагъ* 'овраг' и др.); 7) южнорусская диалектная группа (*рѣнь* 'песчаная отмель на реке', *лагодити* 'потворствовать', *лѣпожъ* 'род цветка' и др.); 8) юго-западная диалектная группа (*мѣсто* 'городское поселение', *мѣстичъ* 'горожанин', *бебрь* 'бобр' и др.) и 9) западнорусская группа говоров (*цѣрь* 'легкий сухой трут', *веребей* 'воробей' и др.). Некоторые лексико-семантические диалектизмы были распространены на более широкой территории. Например, слово *вѣлна* 'шерсть' (преимущественно овечья) не употреблялось только на севере. Древнерусские диалекты издревле воздействовали друг на друга, поэтому лексические изоглоссы представляли собой сложную сеть переплетений. Диалекты с четко очерченными границами — плод лингвистической абстракции, а не лингвистическая реальность.

Приведенная выше схема диалектных зон по данным лексики и в 1949 г. была для автора только рабочей гипотезой. Для того чтобы быть полностью уверенным, что то или иное слово в древнерусскую эпоху было действительно диалектным, а не общераспространенным, нужно исчерпывающе обследовать все памятники древней и поздней восточнославянской письменности и иметь доброкачественные карты распространения интересующего нас слова в настоящее время. Даже при соблюдении этого почти невыполнимого условия все же могут быть ошибки, так как, к сожалению, древнерусские памятники дошли до нас далеко не из всех древнерусских областей. Естественно поэтому, что рецензенты, писавшие отзывы о моей книге, дисквалифицировали некоторые примеры приведенных мною лексических диалектизмов. Однако господствовавшее раньше мнение, будто бы древнерусские диалекты не имели или почти не имели лексических различий, было опровергнуто. Об этом свидетельствует хотя бы то, что у меня нашлось много последователей: после 1949 г. появилось много работ различных авторов, которые посвящены разысканиям в области древнерусской диалектной лексики.

В 1947 г. в Вестнике Московского университета (№ 9) была опубликована работа Р. И. Аванесова под заглавием «Вопросы образования русского языка в его говорах». Первые две главы этой работы посвящены критике концепции А. А. Шахматова, причем эта критика в общем совпадает с оценкой трудов А. А. Шахматова, данной Т. Лер-Сплавинским и Н. С. Трубецким.

Мнение А. А. Шахматова, согласно которому единое русское племя к IX в. распалось на три племенные группы, ничем не доказуется. Эти три группы не даны, а предположены и являются плодом абстракции. Для Шахматова характерно отсутствие под-

линного историзма: современные диалектные различия он пытается отнести как можно далее в глубь времен, игнорируя позднюю историю диалектов. Теория Шахматова о происхождении восточнославянских языков в сущности сводится к тому, что современные восточнославянские языки представляют собой новую комбинацию одних и тех же доисторических языковых элементов. Между тем языковые явления, которые Шахматов относит к доистории, возникли только после падения редуцированных гласных.

Отклонив концепцию Шахматова как антиисторическую, Р. И. Аванесов переходит к изложению своих взглядов по интересующей нас проблеме. Как считает Р. И. Аванесов, в эпоху племенного строя у восточных славян должно было быть не три, а много диалектов. Племена были неустойчивыми этническими единицами, слабо связанными с определенными территориями, они находились в постоянных передвижениях, поэтому можно полагать, что диалектные изоглоссы проходили по восточнославянской территории самым прихотливым образом и постоянно изменялись. Возникновение феодализма и вместе с ним становление территориальных диалектов привели к полному разрушению старых племенных диалектов. Древние диалектные изоглоссы оказались почти полностью перекрытыми новыми изоглоссами и не оставили после себя достаточно ощутимых следов. Следовательно, о диалектном делении доисторической эпохи мы почти ничего не знаем.

Для эпохи, непосредственно предшествующей историческому периоду, можно указать лишь немногие диалектные особенности. Это цоканье и противопоставленное ему различие *ц* и *ч*, взрывной *з* и фрикативный *з* и, возможно, билабиальный *ш* и губно-зубной *в*. Указанные особенности прежде всего разделяют восточнославянскую территорию на север и юг. На севере было цоканье и произносился взрывной *з*, на юге *ц* и *ч* различались и был распространен фрикативный *з*. Кроме того, в восточной области срединной полосы имелись как бы переходные говоры, которым были свойственны цоканье и в то же время взрывной *з*. У восточных кривичей, вероятно, имелся губно-зубной *в* (все остальные восточные славяне произносили билабиальный *ш*), хотя он мог развиться из *ш* и позже, во Владимиро-Суздальской Руси. Что касается других диалектных особенностей, то они имели «узкое значение» (например, специфические черты псковских говоров) и их можно не принимать во внимание. Совершенно очевидно, что Р. И. Аванесов следует за схемой Т. Лер-Сплавинского и Н. С. Грубецкого, только «набор» диалектных дифференциальных признаков у него еще более сокращается.

Хронология возникновения противопоставлений *з* и *з*, цоканья и различения *ц* и *ч*, *ш* и *в* не аргументируется, хотя древность *в* и *ш* нуждается в специальных доказательствах.

В IX—X вв. у восточных славян происходит разложение первобытнообщинного строя и переход к классовому обществу, что

влечет за собой возрастание оседлости населения, устойчивости его в территориальном отношении. На смену неустойчивым племенным диалектам появляются устойчивые диалекты областей, тяготеющие к определенным городским центрам. В XII в. вместе с упадком Киевского государства и усилением областных тенденций территориальное дробление древнерусского языка еще более возрастает, появляются новые диалектные различия. К этому времени достаточно четко начинают выделяться новгородский, галицко-волинский и смоленско-полоцкий, менее четко — киевский и ростовско-суздальский диалекты. Вероятно, существовал и особый псковский диалект (хотя псковские памятники дошли до нас от более позднего времени). Границы территориальных диалектов, как правило, не совпадали с древними племенными границами. Исключение представляет только новгородский диалект: новгородские говоры можно считать прямым продолжением говора словен. Таков ход мыслей Р. И. Аванесова о диалектном делении древнерусского языка в IX—X—XII вв. Нетрудно заметить, что это только общие соображения, основывающиеся в основном на исторических событиях того времени, а не на лингвистическом материале. Противопоставление территориальной неустойчивости племен территориальной устойчивости феодального населения очень сомнительно. Конечно, племена передвигались, но современные историки не подтверждают старую гипотезу о бродячем образе жизни наших древних предков. Значительные территориальные передвижки населения имели место и в раннефеодальный период, как и в позднее время. Однако вернемся к изложению дальнейших разысканий Р. И. Аванесова.

Хотя в XII в. происходит усиление областных тенденций, древнерусский язык еще не распадается, о чем наглядно свидетельствует падение редуцированных гласных, имевшее общерусский характер. Впрочем, падение редуцированных в разных областях древней Руси дало неодинаковые фонетические результаты. Более того, оно явилось началом формирования важнейших особенностей, которым впоследствии было суждено стать характерными различительными чертами современных восточнославянских языков.

В результате падения редуцированных в XII—XIII вв. возникают две обширные диалектные зоны: 1) юг и юго-запад и 2) северо-запад, северо-восток и восток. В первой зоне *о* и *е* в новых закрытых слогах удлинняются, а затем видоизменяются в дифтонги (территория современного украинского языка и юго-западная часть современного белорусского языка). Во второй зоне появляются вместе с утратой древних акцентно-интонационных отношений два *о*: *ѵ* закрытый и *о* открытый. Особое место заняли смоленско-полоцкие говоры, которые не пережили ни первого, ни второго новообразования. Следовательно, фактически можно говорить не о двух, а о трех зонах.

Указанные новообразования напластовались на старое диалектное членение. Это привело к созданию в XII—XIII вв. следующих диалектов или диалектных зон: 1) новгородские говоры (взрывной *г*, цоканье, *б* и *о*, *ѣ* на месте *ѣ* и *е*, отсутствие удлинения *о* и *е* в закрытых слогах); 2) ростовско-суздальские говоры (совпадали с новгородскими, но различали *ц* и *ч*); 3) рязанские и «примыкающие к ним на западе и юго-западе» говоры (*γ*, *ц* и *ч*, *б* и *о*, *ѣ* и *е*, отсутствие удлинения *о* и *е* в закрытых слогах); 4) смоленско-полоцкие говоры (взрывной *г*, цоканье, один гласный *о*, совпадение *ѣ* и *е*, отсутствие удлинения *о* и *е* в закрытых слогах); 5) псковские говоры («смешанная зона»). Южнее указанных диалектов шли туrowsко-пинские и иные южные и юго-западные говоры, которые имели *γ*, различали *ц* и *ч*, не имели *б* и *о*, *ѣ* и *е*, но зато развили дифтонги на месте *о* и *е* в новых закрытых слогах.

По поводу этой схемы нельзя не заметить, что предположение о распространении в XII—XIII вв. диалектных фонетических явлений нуждается в фактическом обосновании. В частности, остается неясным, на чем основывается гипотеза о распространении дифтонгов фактически почти на всей территории современного белорусского языка.

В XIII в. в говорах Рязанской земли и, вероятно, части Черниговской земли возникает аканье. Появление этой важной особенности по времени совпало с большими передвижениями населения из этих земель на север, запад и северо-запад, вызванное монгольским нашествием. Акающее и окающее население смешивается в южных пределах Ростово-Суздальской земли, в части Тверской земли, в Смоленской, Полоцкой и Псковской землях. В XIV—XV вв. и позже происходит распространение аканья на огромных территориях. Одновременно происходит экспансия диалектных особенностей с юга на север и северо-восток. Так, отвердение согласных перед *е* и *и*, возникнув на юге, охватило всю теперешнюю Белоруссию, исключая лишь ее восточную окраину. Лишь позже произошло в Белоруссии вторичное усвоение мягкости согласных перед этими гласными. Это усвоение привело к утрированной мягкости — цеканью и дзеканью. С юга же продвигаются на территорию Белоруссии неодинаковая замена старых *trьt* и пр. в открытых и закрытых слогах (*яблыко* и пр.), образование долгих согласных на месте сочетаний согласных с *j*, отвердение *р* и *ч*, изменение *л* в *љ* в конце слова и перед согласной и ряд других новообразований. К сожалению, все эти предположения остаются произвольными допущениями автора. Так или иначе, белорусская территория рассматривается только как арена внешних языковых воздействий, идущих с разных направлений. Как и когда возникает белорусский язык как особая лингвистическая единица, на этот вопрос ответа не дается, хотя и имеется общее замечание, что белорусский язык обособляется «в пределах Литовско-Русского государства в ре-

зультате сложнейших языковых процессов».¹¹⁰ Не ставится и проблема происхождения украинского языка. Об украинском языке лишь сказано, что его обособление происходит ранее, чем формирование белорусского языка. Переходя к проблеме образования русского языка, Р. И. Аванесов сосредоточивает все свое внимание на реконструкции истории русских говоров, прежде всего говоров Ростовско-Суздальской земли и Московского княжества. Он предполагает, что говоры Московского княжества в XIII в. и в начале XIV в. ничем не отличались от владимиросуздальских говоров. Хотя сама Москва расположена на территории вятичей, ничего «вятичского» в говоре ее населения не было. Если когда-то потомки вятичей и имели фрикативный *γ*, то этот согласный был вытеснен владимиросуздальским взрывным *г*. отождествление древнемосковского говора с владимиросуздальскими говорами позволяет Р. И. Аванесову утверждать, что северная племенная граница вятичей не совпадает с границей распространения аканья, из чего следует, что аканье — явление позднее, возникшее в то время, когда племенных диалектов уже не существовало.

В XIV в. происходит усиление Москвы и присоединение к ней ряда княжеств. Образуется Московское государство, территория которого быстро увеличивается. В лингвистическом отношении особенно большие последствия имело присоединение земель на юге — по Оке и за Окой, густо заселенных акающим населением. Удельный вес акающих говоров в составе русских диалектов значительно увеличивается. В районах, которые были присоединены к Москве ранее всего, под воздействием окающих говоров возникает умеренное яканье, заменившее собою яканье диссимилятивное. Вместе с образованием умеренного яканья в тех же говорах *у*, *ў* из *ш* заменяется *в*, *ф*. Это произошло не позднее XV в. Так закладываются основы тульской группы говоров южновеликорусского наречия. Что касается территорий, приобретенных Москвой позже, то они сохраняют разного рода диссимилятивные типы яканья. Но почему в районах поздней колонизации сохраняется архаичное диссимилятивное яканье? Р. И. Аванесов полагает, что это произошло потому, что происходило не просто заселение новых земель выходцами из разных мест, а имело место массовое «сползание» населения с севера на юг, вместе с которым «сползли» и архаические акающие говоры. Место передвинувшихся на юг, в орловско-курские и воронежские земли, занимали «сползавшие» также на юг окающие говоры из-за Оки. Окающие переселенцы видоизменили сохранившиеся в тульских местах говоры исконного населения. Правда, здесь нельзя не обратить внимания на противоречия в этой гипотезе. Если тульские и соседние с ними

¹¹⁰ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. Вестн. МГУ, 1947, № 9, стр. 136.

говоры уже в XV в. развили умеренное яканье вместо диссимилятивного, то откуда могли взяться массы диссимилятивных говоров, «сползшие» на юг в основном только в XVI—XVII вв.? Ведь главное заселение почти опустевших курско-орловских и иных вновь приобретенных земель происходило не в XV, а в XVI—XVII вв.

В Московской Руси на стыке северновеликорусского и южно-великорусского наречий возникают средневеликорусские говоры, своеобразно совместившие в себе северные и южные особенности. Их образование — результат воздействия южновеликорусского начала на северные говоры, а также и обратного воздействия севера на юг. Заметим, что остается неясным, как могло быть активным южновеликорусское начало (аканье продвигается на север) в условиях массового «сползания» населения с севера на юг. Так или иначе, но возникновение средневеликорусских говоров, как подчеркивает Р. И. Аванесов, является важным объективным признаком образования русского языка в отличие от украинского и белорусского языков.

Средневеликорусские говоры имеют сложное происхождение. В свое время А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново полагали, что средневеликорусские говоры представляют собой северновеликорусскую основу с южновеликорусским наслоением. Однако это не так. В средневеликорусских говорах можно выделить три типа: 1) говоры, в которых трудно обнаружить основу и наслоение, 2) говоры с северновеликорусской основой и южнорусским наслоением, 3) говоры с южновеликорусской основой и северновеликорусским наслоением (тульская группа). Первый тип самый ранний, возникший в результате диалектного смешения.

Среди средневеликорусских говоров особая историческая роль принадлежит говору самой Москвы. По происхождению московский говор является смешанным. Неправ был А. А. Шахматов, когда считал, что говор Москвы в своей основе северновеликорусский, но испытавший южновеликорусское влияние. А. А. Шахматов смешивает два разных вопроса: образование московского говора и происхождение русского литературного языка, что не одно и то же. Р. И. Аванесов также не согласен с положением А. А. Шахматова, согласно которому возникновение общих для севера и юга языковых явлений позволяет нам говорить об общей языковой жизни всех русских, о русском языке как о едином языковом целом. По мнению Р. И. Аванесова, такого единого языкового целого возникновение общерусских языковых черт не создает. Северновеликорусское и южновеликорусское наречия сохраняют свои особенности и до сих пор. «Общевеликорусские» явления, появляющиеся не ранее XIV в., распространяются по всей русской территории лишь в XV—XVII вв. и даже позже. Некоторые из них так и не дошли до западных и северо-западных окраин. Северновеликорусские и южновеликорусские говоры продолжали вырабатывать новые диалектные особенности независимо

друг от друга, живя обособленной жизнью. Только общенациональный литературный язык, в основу которого лег московский говор, действительно объединил и объединяет весь русский народ.

В работе Р. И. Аванесова имеется много интересных наблюдений и предположений, относящихся к исторической диалектологии русского языка. Заслуживает особого внимания гипотеза о происхождении средневеликорусских говоров, нашедшая много сторонников и последователей среди русских диалектологов послевоенной поры. В то же время это исследование, опубликованное двадцать с лишним лет тому назад, во многом нас не удовлетворяет. Прежде всего Р. И. Аванесов основывается в своих предположениях исключительно на фактах исторической фонетики, оставляя в стороне грамматические и лексические диалектные явления, без которых историческая диалектология вообще немыслима. В изложении его гипотез, как и у А. А. Шахматова, исторические соображения преобладают над лингвистическим материалом, которого очень недостаточно и в пределах фонетики. Правда, схематический способ изложения объясняется сравнительно небольшим размером работы, но от этого читатель не выигрывает, поскольку доказательность выдвигаемых положений оставляет желать много лучшего.

Происхождение украинского и белорусского языков как самостоятельных лингвистических единиц вовсе не освещается. Нельзя согласиться с положением Р. И. Аванесова, будто бы русского языка вне пределов литературного языка не существует. Здесь безусловно прав А. А. Шахматов, а не Р. И. Аванесов. Конечно, русская народная речь существовала и в известной степени продолжает в своих отмирающих архаических разновидностях существовать и теперь в виде наречий и говоров. Однако это совсем не исключает наличия в русских говорах общей языковой системы, отличающейся от систем близкородственных языков. Начиная примерно с XIV в. в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике северновеликорусских и южновеликорусских говоров накапливается немало явлений, отсутствующих в украинских и белорусских говорах. В свою очередь в украинском и белорусском языках появляются инновации, которые несвойственны русской диалектной речи. Естественно поэтому, что архангелогородца и туляка, говорящих только на своих родных диалектах, легко можно отличить от киевлянина и минчанина, также говорящих только на своих родных говорах. И это отличие составляет прежде всего из того, что объединяет архангелогородца и туляка, а не из того, что их разъединяет.

Отрицание единства русских говоров привело Р. И. Аванесова к тому, что он все свое внимание сосредоточивает на образовании средневеликорусских говоров и их истории, когда речь идет о времени позже XIV в. История новгородских, псковских, смоленских и других «периферийных» говоров, их роль в общей истории

русского языка оставляются в стороне. Таким образом, содержание работы оказывается уже ее заглавием.

Нельзя не отметить совершенно скептического отношения Р. И. Аванесова к возможностям реконструкции восточнославянских диалектов древнейшей поры. Конечно, эта область остается труднодоступной для исследования и в настоящее время. Все же успехи исторической лингвистической географии позволяют делать и здесь более или менее правдоподобные предположения. Уже общеславянский праязык представляет собой совокупность различных диалектных зон. В древнем языке восточных славян сохраняются некоторые праславянские изоглоссы и возникают новые. Впрочем, об этом — в следующих главах книги. Позже Р. И. Аванесов писал о своей работе 1947 г., что «история отдельных диалектов в ней рассматривалась вне связи с историей общенародного русского языка, а вопрос о развитии языков народностей и наций даже не ставился. Мало принимались во внимание данные письменно-литературного языка».¹¹¹

4. Исследования пятидесятих-шестидесятих годов

В пятидесятые-шестидесятые годы появляется огромное количество работ разного научного уровня, в которых так или иначе ставится вопрос об особенностях древнерусских диалектов и о возникновении специфических черт современных восточнославянских языков. Однако почти все эти работы имеют частное значение: в них рассматриваются лишь отдельные диалектные явления (фонетические, грамматические, лексические) и иногда лишь как бы попутно высказываются те или иные взгляды общего характера. Обобщающих исследований не появилось. Указанные годы можно рассматривать как время отдельных поисков и накопления новых фактов. Что же касается обобщений, то центр тяжести здесь был перенесен на освещение проблем становления каждого из восточнославянских языков в отдельности.

Из работ общего характера, посвященных образованию отдельных восточнославянских языков, первое место принадлежит книге Л. А. Булаховского «Питання походження української мови».¹¹²

Л. А. Булаховский крайне скептически относится к возможностям реконструкции древних восточнославянских диалектов. Эта его позиция объясняется не только объективными трудностями такой реконструкции, но и последовательно младограмматической точкой зрения на процессы языковой дифференциации, имевшие место в древнее время. Как полагает Л. А. Булаховский, после распада праславянского языка древнерусский язык во всем су-

¹¹¹ Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. ВЯ, 1955, № 5, стр. 21.

¹¹² Л. А. Булаховський. Питання походження української мови. Київ, 1956.

щественном был един. Никаких особых восточнославянских племенных диалектов не существовало. Во всяком случае доказать их существование нельзя, поэтому всякие предположения на этот счет никогда не выйдут за рамки малообоснованных гипотез.

Можно лишь утверждать, что древнерусский язык после своего выделения из праславянского языка длительное время развивался обособленно, на что указывает отсутствие говоров, переходных между восточнославянскими и другими славянскими языками. Отсутствие польско-украинских и польско-белорусских переходных говоров ясно свидетельствует о том, что восточные славяне появились в Галиции и на Карпатах относительно поздно. Нельзя придавать серьезное значение тому факту, что в украинском и польском языках произошло удлинение *o* и *e* в новых закрытых слогах, как это делает Т. Лер-Сплавинский, так как это явление развилось в указанных языках совершенно независимо друг от друга только после падения редуцированных гласных. Попытки сблизить украинский язык с сербским, которые предприняли Ст. Смаль-Стоцкий¹¹³ и в одной из своих статей Е. К. Тимченко,¹¹⁴ делались для того, чтобы выводить украинский язык непосредственно из праславянского языка. В лингвистической литературе уже достаточно хорошо доказано, что подобного рода лингвистические упражнения антинаучны и продиктованы националистическими соображениями. Безосновательны также гипотезы о «русско-болгарских» или украинско-болгарских переходных говорах в Бессарабии и Молдавии, о других восточнославянско-инославянских переходных говорах на Карпатах и т. п. Древних переходных говоров вообще не было.

Если нет оснований говорить о диалектных расхождениях ранней поры древнерусского языка, то пока преждевременно строить общие концепции происхождения и развития восточнославянских диалектов исторической поры, так как для выполнения этой задачи еще не проведены нужные исследования. Существующие на этот счет гипотезы неудовлетворительны. Известная концепция А. А. Шахматова необоснованна. А. А. Шахматов — «типичный синтетик», который стремился представить историю русского языка во всей ее целостности. Его не останавливали ни ограниченность, ни даже скудность материалов, ни шаткость возможных предположений. Пробелы и провалы в фактическом материале А. А. Шахматов смело заполнял своими гипотезами, поэтому нарисованная им широкая картина субъективна.

Вряд ли может быть принята и гипотеза Т. Лер-Сплавинского, которую он попытался дополнить данными археологии.¹¹⁵ Т. Лер-

¹¹³ Ст. Смаль-Стоцкий. Розвиток поглядів про сім'ю слов'янських мов і їх взаємне опоріднення. Прага, 1927.

¹¹⁴ Е. К. Тимченко. Слов'янська єдність і становище української мови в слов'янській родині. Україна, кн. 3. Київ, 1924.

¹¹⁵ T. L e h r - S p l a w i Ń s k i. Początki słowian. Kraków, 1946.

Славянский видит в археологии больше того, что она может дать по существу. Что касается концепции Н. С. Трубецкого, то она построена на абстрактной «языковой системе» и проходит мимо реальных фактов. Л. А. Булаховский солидаризируется в этом отношении с известной критической статьей А. М. Селищева.¹¹⁶

Л. А. Булаховский также отрицательно относится к работе Р. И. Аванесова, о которой у нас шла речь выше. По его мнению, эта работа отличается больше своими общими установками, нежели лингвистической аргументацией. Откуда, например, известно, что фрикативный *у* был распространен на юге уже на заре восточнославянской истории? Широкое распространение диалектного явления само по себе еще не свидетельствует о древности его происхождения. То же можно сказать и о противопоставлении *ш* и *у* как древнем диалектном признаке. И дальнейшие предположения Р. И. Аванесова о диалектном членении восточнославянской языковой области крайне схематичны и спорны. Например, Р. И. Аванесов считает, что удлинение *о* и *е* в новых закрытых слогах первоначально не было «украинской» особенностью, так как оно имело место и в юго-западной Белоруссии. Но верно ли, что все юго-западные белорусские говоры тоже переживали когда-то это изменение, кто это доказал?

Конечно, Л. А. Булаховский прав, говоря о необходимости накопления материалов и строгой историко-лингвистической обоснованности общих концепций. В то же время вряд ли возможно отрицать полезность и нужность широких гипотез, без развития которых накопление материалов может оказаться бесцельным. Самый метод изолированного рассмотрения явлений и неполнота охвата данных может приводить и приводит к фактической неточности и ошибкам в частных обобщениях и предположениях, чего не избежал сам Л. А. Булаховский.

Круг вопросов, поставленных в книге Л. А. Булаховского, обширен. Начинается книга постановкой некоторых вопросов общего характера (о языке социалистической нации, о литературном языке и др.) и главами, посвященными происхождению современного украинского литературного языка, его связи с современными украинскими говорами, а также литературному языку на Западной Украине. Только после этого автор переходит к освещению вопросов, отвечающих названию книги. Л. А. Булаховский ставит перед собой задачу выявить вероятные особенности украинского языка в письменных памятниках до XIV столетия, ответить на вопрос о характере языка древнего Киева, определить важнейшие черты украинского языка в деловой письменности XIV и более поздних столетий, попытаться заметить южнорусские особенности в лексике древних памятников, осветить исторические связи украинского языка с другими восточнославянскими языками, особенно с бело-

¹¹⁶ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции...

русским языком. Наблюдения свои он строит почти исключительно на материале письменных памятников, лишь эпизодически обращаясь к данным современных восточнославянских диалектов. Особенно скупы сведения, взятые им из современных русских говоров. Недостаточная опора на современные диалекты резко ограничивает возможности реконструкции древних диалектных членений. Выявляя украинизмы в старой письменности, Л. А. Булаховский исходит, конечно, из установления особенностей современного украинского языка, рассмотрению которых посвящена в книге специальная (IX) глава.

Говоря об отражении диалектных черт в древнерусских и староукраинских памятниках, Л. А. Булаховский справедливо указывает на трудности, с которыми сталкивается исследователь. Роль литературного языка в Киевской Руси выполнял традиционный старославянский (древнеболгарский) язык. В древнейших памятниках — сборниках 1073 и 1076 гг., в житиях Феодосия Печерского и Бориса и Глеба, в Словах Григория Богослова конца XII — начала XIII в., Галицком евангелии 1144 г. и других «только лишь просвечиваются» некоторые южнорусские диалектные особенности, да и то только фонетические. Живая народная стихия южнорусской речи того времени оказывается закрытой от нас, и если она выступает на поверхность, то лишь более или менее случайно. Эти случаи — не безусловные факты народной речи, они нуждаются в истолковании и в значительной мере являются лишь предметом догадок. Отталкиваясь при определении диалектизмов от современных особенностей украинского языка, мы всегда должны иметь в виду его длительную историю. Положение осложняется еще и тем, что многие древние явления являются общими для украинской и белорусской языковых областей, следовательно, имеют особую и во многом еще не раскрытую историю.

Поскольку Л. А. Булаховский в выявлении древних диалектных особенностей и установлении их хронологии опирается только на данные, извлеченные различными авторами и отчасти им самим из памятников письменности, глава о языке древнего Киева и Киевщины написана исключительно в плане критического обзора литературы, без каких-либо попыток установить особенности древнекиевского диалекта. Собственно киевских памятников домонгольского периода в оригинале дошло до нас очень мало. Это сборники 1073 и 1076 гг., написанные на древнеболгарском языке. Л. А. Булаховский, приводя мнение историков и высказывая некоторые соображения общего характера, считает возможным лишь заключить, что, несмотря на монгольское нашествие и иные исторические события, можно говорить об этноязыковой непрерывности на территории Киевщины со времен полян до наших дней, хотя, конечно, как указывает он, было бы наивным предполагать, что современный украинский язык имеет непосредственную связь с диалектом полян.

Диалектизмы, которые определенно можно считать зачатками украинского языка, начинают проявляться в письменности только с XII в. В фонетике выделяются следующие особенности: 1) *ѣ* изменяется в *и*. Первые примеры в письменности — с XII в. А. Марков¹¹⁷ обратил внимание и на данные топонимики, представленной в древнерусской письменности: *Зимгола* вм. *Зимѣола* (Лавр. лет.), *Пищана*, *пищаници* (Лавр. и Ипат. лет.) рядом с *Пѣщана*, *пѣщаници* и др. Л. А. Булаховский сюда прибавляет *Черниговѣ* вместо *Чернѣговѣ* (укр. *Чернігів*, а не *Чернигівѣ*), которое уже у К. Багрянородного передается как *Тѣчерниговѣ*; 2) *ы* и *и* совпадают. Это явление — во раньше XII в. Попытки отнести его к XI в. неубедительны, так как основываются на описках, а не на отражении действительного произношения; 3) *о* изменяется в *і*, что свидетельствуется галицкими грамотами с середины XIV ст. (*друздѣ*, *добровольно* и т. п.). Первый более или менее надежный пример изменения *о* в *і* имеется в Буковинской грамоте 1436 г. (*шткилѣ*); 4) *е* изменяется в *і* в новых закрытых слогах в письменности с XIV в.; 5) *е* после шипящих изменяется в *о* перед твердыми согласными. В формах причастия такое изменение фиксируется с XII в., а в корневых слогах — с XIV в.; 6) имела место особая рефлексация в сочетаниях **trѣt*, **tlѣt*, **iltѣt* в открытых слогах. В памятниках XIII—XIV вв. — только отдельные случаи типа *яблыко*; 7) *е* перед согласными изменяется в *у*. Единичные случаи встречаются в памятниках XI—XII вв.; обычно же отражение этого явления с XIII в. Надо полагать, что на севере и востоке восточнославянской территории это явление развивается гораздо позже; 8) *р* отвердевает. Первые случаи, которые можно считать не влиянием южнославянской орфографии, а отражением южно-русского народного произношения, относятся к XI—XII вв.; 9) *л* мягкий отвердевает: *Полицѣ*, *тылко* и др. Правда, замечает Л. А. Булаховский, подобные написания встречаются и в севернорусских памятниках; 10) согласные перед *е* отвердевают, что серьезно отличает украинский язык от белорусского, русского, а также и польского языков. Начало этого смягчения хронологически трудно определить. Вероятно, явление древнее, о чем свидетельствует охват им всех украинских говоров; 11) **zdj*, **zgj* с XII в. передаются через *жч*, которое, вероятно, обозначало *ždž*; 12) *г* выпало перед *н*. В письменности — с XIV в. (*рознѣваса*, *изна*).

Совершенно очевидно, что приведенные у Л. А. Булаховского фонетические явления даются без какой-либо оглядки на фонетическую систему языка, поэтому указания на первые случаи отражения их в письменных памятниках имеют относительную хронологическую ценность. Отверждение согласных перед *е* и совпадение *ы* и *и*, конечно, не изолированные явления, а элементы одного зако-

¹¹⁷ А. Марков. Заметки по русской диалектологии. Русск. филол. вестн., т. XXVI. Варшава, 1916, стр. 164—266.

номерного изменения, с которым несомненно связан и вопрос об изменении *е* в *о*, условиях его реализации или отсутствия таковой. Нуждаются в «системном» объяснении и все другие особенности. С установлением более точной хронологии тесно связана и локализация диалектных черт. Жаль, что автор совершенно не использовал данных современной восточнославянской диалектологии.

В морфологии Л. А. Булаховский отмечает как возможные древние украинизмы: 1) широкое распространение окончания *-ови* (*-еви*) в дат. пад. ед. ч. м. р., которое, как он полагает, было равно утрачено в диалектах — предках русского языка; 2) сохранение форм звательного падежа; 3) сохранение окончания *-ѣ* в род. пад. ед. ч. основ на *-ја* (укр. *землі*); 4) возможно, сюда же можно отнести сохранение форм *тобѣ*, *собѣ* в отличие от русских *тебѣ*, *себѣ*; 5) распространение *ѣ* в формах повелительного наклонения под воздействием аналогии (*ходѣм* из *ходѣмъ* и т. п.); 6) образование форм имперфекта на *-ть*, который, как считает Л. А. Булаховский, был живой грамматической категорией в древнерусском языке; 7) распространение глаголов 3-го лица ед. ч. настоящего времени без окончания *-ть*; 8) образование формы глаголов 1-го лица мн. ч. настоящего времени на *-мо*. В письменности эта форма фиксируется с XIV в., но в живой южнорусской речи она, вероятно, появилась раньше; 9) образование полных форм притяжательных прилагательных ж. р. ед. ч. (*Володимеря*, *Романова* и др.). Конечно, установление действительных ареалов распространения приведенных морфологических особенностей, как и их хронологии, требует специальных разысканий, а не просто гадательных предположений, которые представлены в книге Л. А. Булаховского.

Особая глава посвящена вопросам южнорусской лексики в древнерусских памятниках. Здесь Л. А. Булаховский комментирует мои примеры,¹¹⁸ соглашаясь с ними или отводя их по разным соображениям, и делает свои добавления: *кожухъ*, *луда* 'род плаща', *головникъ* 'убийца', *братаничь*, *дязь* 'ремень', *тулитися* 'закрывать', 'укрывать', *та* 'да' и некоторые другие слова. К сожалению, Л. А. Булаховский для выделения лексических диалектизмов воспользовался лишь некоторыми словарями (прежде всего словарями Срезневского, Даля) и отдельными лексико-этимологическими исследованиями, поэтому выделенные им лексические диалектизмы явно ненадежны и во всяком случае нуждаются в критической проверке.

Таковы важнейшие особенности, которые автор считает диалектизмами, характерными для украинского языка самой начальной эпохи его становления. Если эти древнеукраинские особен-

¹¹⁸ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи.

ности в южнорусской письменности XII—XIII вв. проявляются лишь спорадически, то с XIV в. они становятся совершенно явными. Впрочем, отдельные памятники XIII в. имеют также явно украинские черты, это Евсевьево евангелие 1283 г. и Житие Саввы Освященного XIII в. Украинские языковые явления особенно хорошо проступают в южнорусских грамотах XIV и последующих веков. Совокупность указанных особенностей (среди которых, возможно, те или другие характеризуют дробные диалектные области в рамках южнорусского наречия) позволяет, как считает Л. А. Булаховский, с уверенностью выделять южнорусский тип памятников, в которых представлены диалектные явления, причем некоторые из этих явлений сохранились в современном украинском языке в целом или в его отдельных группах говоров.

Наконец, Л. А. Булаховский касается украинско-белорусских языковых связей. Прежде всего и главным образом он дает исторические комментарии к явлениям, общим украинскому и белорусскому языкам: 1) рефлекс «напряженных редуцированных», которые оказываются архаическими по сравнению с рефлексами их в русском языке; 2) изменение *л* в *ў* в сочетаниях *tblt, *tblt, в глагольных формах прошедшего времени ед. ч. (*ниць* и т. п.) и в других случаях; 3) изменение сочетаний согласных с *ј* в долгие мягкие согласные; 4) отпадение неударяемого начального *і* (*голка*, *граги* и т. п.); 5) совпадение предлогов *съ* и *ізъ*; 6) изменение *г* в *ћ*. Все эти явления, исключая последнее, возникли в результате падения редуцированных гласных. Что касается *г > ǵ > ћ*, то эту особенность Л. А. Булаховский считает древней, не приводя в пользу этой точки зрения каких-либо аргументов (и, кстати сказать, забывая о своем скепсисе по отношению к той же точке зрения Р. И. Аванесова). Вывод, который делает автор, сводится к тому, что украинско-белорусскую языковую общность нельзя рассматривать прямолинейно как прямое продолжение общности древних юго-западных говоров, что история этой общности является сложной и во многом еще не раскрытой.

В книге Л. А. Булаховского имеется много ценных замечаний и наблюдений, которые несомненно являются значительным вкладом в историческое восточнославянское языкознание. Очень ценно, что автор не ограничивается фонетической стороной проблемы, но привлекает также данные морфологии и лексики. Л. А. Булаховский серьезно продвигает вперед изучение вопроса о происхождении украинского языка. Заслуживает внимания его сдержанность и осторожность в построении обобщающих гипотез, когда для этих гипотез нет надлежащего фактического материала. И все же такие существенные проблемы, как особенности древнерусских диалектов, сложение украинского языка как особой языковой системы, происхождение украинско-белорусской лингвистической общности и многие другие не получили своего хотя бы приблизительного объяснения и остались открытыми. Рассмотрен-

ные отдельных явлений без учета системных связей между ними и выяснения внутрилингвистических и внешнелингвистических причин языковых изменений не может привести к реконструкции общей картины нашего языкового прошлого.

Опыт построения истории украинских диалектных групп предположил в ряде своих работ известный украинский диалектолог Ф. Т. Жилко. Если Л. А. Булаховский опирается почти исключительно на данные древней письменности, то Ф. Т. Жилко, наоборот, во главу угла ставит данные современных украинских говоров, которые он хорошо знает. Ф. Т. Жилко опубликовал монографии «Нариси з діалектології української мови», «Говори української мови» и ряд других работ.¹¹⁹ Сжато свои взгляды на образование и историю украинских диалектов Ф. Т. Жилко излагает в статьях «Про виникнення діалектних груп української мови» и «Особенности диалектных групп украинского языка».¹²⁰ Конечно, мы не имеем здесь возможностей даже кратко охарактеризовать достижения современной украинской диалектологии, представленные в трудах Ф. Т. Жилко, поскольку это далеко увело бы нас от темы настоящей книги. нас интересуют здесь общие историко-лингвистические взгляды украинского диалектолога.

Как полагает Ф. Т. Жилко, современные диалектные границы в известной степени отражают древнее членение восточных славян на теперешней украинской территории. До образования украинского языка южные восточнославянские диалекты делились на две группы: юго-западную (южную) и северную. Юг и север различали некоторые важные фонетические особенности. На юге имела оппозиция гласных *ѣ* и *е*, которая реализовалась во всех положениях независимо от ударения. На севере *ѣ* и *е* различались только под ударением, а в неударяемых слогах совпадали в *е*. Доказательство этому Ф. Т. Жилко видит в наличии в современных северноукраинских говорах вне ударения *е* на месте древнего *ѣ*: *пáмет'*, *пíетá*, (*вопи*) *лáвет'*, *нбсет'*, *хбдет'*, *пет'á*, *десет'* и т. п. На юге оппозиция *ѣ* и *е* в любом положении, на севере она имела только под ударением, а в неударяемом положении оба гласных совпали в *е*. На юге *о* и *е* дали одинаковые рефлексy в новых закрытых слогах вне зависимости от ударения, а на севере эти гласные под ударением изменились в дифтонги, а вне ударения произносятся как *о*, *е*. Указанные три явления составляют пучок изоглосс, который пересекает украинскую территорию с северо-востока на юго-запад и проходит севернее Киева.

¹¹⁹ Ф. Т. Ж и л к о. 1) Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955; 2) Говори української мови. Київ, 1958.

¹²⁰ Ф. Т. Ж и л к о. 1) Про виникнення діалектних груп української мови. Діалектологічний бюлетень, вип. IX. Київ, 1962; 2) Особенности диалектных групп украинского языка. В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

К «сравнительно древним» диалектным особенностям Ф. Т. Жилко относит образование формы *-e* из *-ъe* в им. пад. ед. ч. существительных среднего рода (*житѣѣ > житте*), формы *-и* им. п. ед. ч. м. р. прилагательных (*гарни, сил'ни*), которые характерны для юга. На юге в дат. пад. ед. ч. м. р. употребляются окончания *-у(ю)* и *-ов(и)*, *est (-eви)*, тогда как на севере имеется только *-у*. Изоглоссы этих морфологических явлений также делят украинскую территорию на север и юг, причем этот пучок изоглоссы четко очерчен на Правобережье и располагается веерообразно на Левобережье. Поскольку перечисленные выше изоглоссы не соответствуют никаким феодальным границам, их можно считать древними, отражающими еще племенное деление. Древние восточнославянские племена, живущие на территории Украины, распадалась на южную и северную группы. Северную группу составляли древляне и северяне, остальные племена входили в южную группу. Так как указанные изоглоссы проходят севернее Киева, то, стало быть, диалект полян принадлежал к южной, а не к северной диалектной группе, как полагают некоторые исследователи.

Позже происходит переформирование древних диалектов. На базе северных и южных групп говоров возникают три наречия: юго-западное, юго-восточное и северное. Юго-западные говоры — продукт феодальной эпохи. Границы их специфических особенностей главным образом отражают границы феодальных княжеств. Может быть, только некоторые юго-западные изоглоссы сохраняют границы древних племенных диалектов. Неправ И. А. Дзедзевский, который предполагает, что в границе между закарпатскими и бойковскими говорами сохраняется граница между племенными диалектами уличей и хорват. Пучок изоглоссы, отделяющий указанные говоры, образовался в XVI—XVII вв. в результате переселения гудулов в Закарпатье. По данным памятников деловой литературы, юго-западное наречие в XIV—XV вв. делилось на три диалектных массива: 1) галицкие (поднепровские) говоры, 2) буковинские говоры и 3) карпатские говоры.

Юго-восточные говоры, за исключением среднеднепровских, стали формироваться с XVI в. вследствие массовых миграций украинского населения на восток. Эти говоры менее всего представлены в письменности. Самые ранние дошедшие до нас документы относятся только к XVII в. Особую роль сыграли среднеднепровские говоры. Территория Среднего Поднепровья в диалектном отношении, надо полагать, была пестрой. На ней немало было говоров юго-западного (подольского) и северного (полесского) типов. И в наше время здесь имеются говоры с юго-западной и северной основой. В Среднем Поднепровье нашли свое яркое выражение новейшие особенности украинского языка. Установлено, что говоры старых населенных пунктов ближе к украинскому литературному языку, чем говоры поздних поселенцев. Среднеднепровские говоры представляют собой новый этап в развитии

украинского языка. Между юго-западными и юго-восточными диалектами проходит «весьма широкий пучок изоглоссы», который, возможно, связан с древней, ставшей теперь неопределенной, западной границей племенного диалекта полян.

Что касается северного наречия, то оно делится на три группы говоров — восточнополесские, среднеполесские и западнополесские. Особенности северного наречия начинают проявляться в письменности XV—XVI вв. (более ранние памятники до нас не дошли). Такова в общем историко-лингвистическая схема Ф. Т. Жилко.

Нужно сказать, что явления, которые Ф. Т. Жилко относит ко времени племенного строя, позднего происхождения. Невозможно доказать, что северноукраинское *e* возникло не из *'a* после мягкого согласного, а непосредственно из *e*. Изменение *'a* в *e* в неударном положении широко известно и в русских говорах. Отверждение согласных перед *e* из *'a* в северноукраинских говорах вполне можно объяснить как результат обобщения: согласные произносятся твердо перед каждым *e* независимо от происхождения этого *e* (из *e* исконного, *ь*, *'a*). На бывшую мягкость согласных перед *e* из *'a* показывают примеры типа *пйетѣ*. Нет оснований относить к эпохе племенного строя и совпадение *ѣ* и *e* в неударяемых слогах. Совпадение *ѣ* и *e* прежде всего в неударяемых слогах — широко распространенное явление в русских говорах. Этот процесс прослеживается в письменных памятниках сравнительно позднего времени. Все другие изменения, на которые ссылается Ф. Т. Жилко, возникли несомненно после падения редуцированных гласных, т. е. позже XII в. Окончание *-ов(и)* (*-eви*) было достаточно хорошо известно всему древнерусскому языку старшей поры, поэтому отсутствие его в северноукраинских говорах — явление относительно позднее. Остается еще один довод: пучок изоглоссы, отделяющий украинский север от украинского юга, не совпадает ни с какими политическими границами. Однако вовсе не обязательно, чтобы изоглоссы современных говоров на территории старых поселений соответствовали каким-либо феодальным границам. Родственные диалекты обычно активно взаимодействуют, скрещиваются между собой. Из первоначальных своих очагов инновации распространяются на периферию, зачастую перехлестывая через политические границы. Примеров тому можно было бы привести множество. Следовательно, вопрос о происхождении северноукраинского наречия остается пока открытым, хотя вполне вероятно, что истоки его уходят в глубь времен. О диалекте полян и других южнорусских племен мы ничего не знаем и после работ Ф. Т. Жилко. Нельзя же всерьез принимать предположение, будто бы полянский диалект можно относить к южной группе племен только потому, что некоторые изоглоссы относительно позднего происхождения теперь проходят севернее Киева. Очертания этих изоглоссы несомненно изменялись неоднократно, поскольку

история передвижения населения в Среднем Поднепровье была очень сложной. Проблема происхождения украинского языка и его диалектов (как и других славянских языков) может успешно решаться только на пути синтеза данных старой письменности и современных говоров. Если Л. А. Булаховский опирался почти исключительно на материалы письменных памятников и мало привлекал диалектные данные, то у Ф. Т. Жилко мы видим, наоборот, переоценку сведений, получаемых в результате изучения современных говоров, и недостаточное внимание к письменным источникам.

Новых значительных работ о происхождении языка великорусской народности в пятидесятые-шестидесятые годы не появлялось. Из статей, написанных на эту тему, следует выделить уже названную работу Р. И. Аванесова. Эта статья без существенных изменений перепечатана в сборнике «Вопросы формирования русской народности и нации»¹²¹ с прибавлением некоторых соображений о происхождении русского национального языка (что не входит в задачи, поставленные в настоящей книге).

Р. И. Аванесов пишет, что критика концепции А. А. Шахматова, данная им в 1947 г., остается в силе. Сам он продолжает придерживаться гипотезы о первоначальном двучленном членении древнерусского языка на южную и северную диалектные области. Поскольку в настоящей его работе речь идет о происхождении русского (великорусского) языка, естественно, все внимание исследователя сосредоточивается на истории диалектов северной области.

Развитие феодальных отношений и феодальное дробление древней Руси обуславливает возникновение в XII—XIII вв. местных диалектов, которые постепенно усиливаются. Особое значение имело падение редуцированных гласных, имевшее во многих отношениях локально ограниченные последствия, углубившие различия между юго-западом и северо-востоком. На севере и северо-востоке в XII—XIII вв. развиваются следующие диалекты: 1) новгородский (взрывной *з*, билабиальный *ш* «во всяком случае на части территории», цоканье, *ѣ* = узкому *ѣ*, оканье, различие *ѡ* и *о*; в лексике наличие таких диалектизмов, как *рьль*, *вьрьшь*, *обилье*, *олоньсь*, *орати* ‘пахать’, *наволокъ* и др.); 2) псковский (взрывной *з*, билабиальный *ш*, цоканье, оканье, *ѣ* по преимуществу совпадает с широким *е*, *ка*, *га* на месте *tl*, *dl*, *ѣ*, *ѣ*; вероятно, диалект не был вполне единым — часть его говоров была ближе к смоленско-полоцкому диалекту, а другая часть — к новгородскому); 3) смоленский (взрывной *з*, билабиальный *ш*, цоканье, возможно, не во всех говорах, *ѣ* совпало с *е*, *ѡ* и *о* совпали в *о*, оканье, а с XV в. — аканье, несколько раньше взрывной *з* стал заменяться

¹²¹ Р. И. Аванесов. 1) Проблемы образования языка русской (великорусской) народности; 2) Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности. В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.—Л., 1958.

фрикативным *γ*); 4) ростовско-суздальский (взрывной *з*, губно-губной *в*, *ѣ*=*ѣ*, *ѡ* и *о*, оканье, на большей части различие *ѡ* и *ч*; хотя край был колонизирован населением разных мест, здесь довольно рано установился единый диалект; отличие ростовско-суздальского диалекта от смоленского свидетельствует о том, что цоканье, совпадение *ѣ* и *ѣ* в *е* и *ѡ* и *о* в смоленском диалекте развились позже заселения Ростовско-Суздальской земли смольнянами); 5) диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма (фрикативный *γ*, аканье в его диссимилятивных архаических формах, билабиальный *ш*, различие *ѡ* и *ч*, *ѣ* «в значительной части» диалекта произносился как *ѣ*, «в значительной части» *ѡ* и *о*, в лексике — *лошадь*, *пахати*).

Хотя в XII—XIII вв. возникли и развивались диалекты феодальной поры, древнерусский язык в то время еще не распался, древнерусская народность продолжала существовать. Диалектные различия пока не перекрывают собой единства, складывавшегося в течение столетий, имелось сознание этого единства, противопоставление Русской земли враждовавшим местным вотчинам. Лишь позже процесс обособления дал свои результаты. В XIV—XVI вв. образуется великорусская народность и русский язык в современном понимании этого слова. Колыбелью великорусской народности была Владимиро-Суздальская область, ростовско-суздальский диалект — начальным истоком русского языка. Вскоре главным объединяющим центром становится Москва, говор которой входил в состав ростовско-суздальского диалекта. В результате непрерывного расширения границ Московского государства в его пределы начинают включаться новые диалекты, не только северные окающие, но и южные акающие. Диалектную пестроту начинают связывать явления, получившие общее или почти общее распространение на великорусской территории. Язык великорусской народности в значительной степени приближается в структурном отношении к современному русскому языку.

Р. И. Аванесов указывает на явления, из которых сложилась специфика языка великорусской народности в его основе: 1) распространение на большей части территории произношения *е* (из *е* и *ѣ*) как *о* после мягких согласных перед твердыми согласными и в ударяемых слогах; 2) произношение *и* после твердого согласного предлога-приставки как *ы* в начале слова; 3) стабилизация современной системы противопоставления согласных по твердости и мягкости, глухости и звонкости; 4) утрата старой системы прошедших времен; 5) приближение к современной системе склонения; 6) распространение *о*, *е* из слабых редуцированных *ѡ*, *ѣ* после плавных согласных (*жржавый*, *слеза*); 7) изменение *-ый*, *-ий* в *-ой*, *-ей*; 8) утрата формы звательного падежа; 9) замена свистящих заднеязычными в формах склонения; 10) замена формы *-ѣте* формой *-ите* в повелительном наклонении глаголов 1-го спряжения; 11) появление форм повелительного наклонения с *жи* и *зи* от глаголов с ос-

новой на заднебные (*пеки, помоги*, вместо *пыци, помози*). Перечисленные особенности по своему происхождению относятся к разному времени, но в XIV—XVI вв. они охватывают почти всю территорию великорусской народности. Остается невыясненной одна весьма существенная сторона указанного процесса: каковы были первоначальные ареалы этих инноваций и какую роль играл в их широком распространении московский говор. Некоторые особенности, по данным письменности, например замена свистящих заднебными, впервые проявляются (и довольно рано) далеко от Москвы и Владимиро-Суздальской земли — в Новгороде. Другие особенности как бы сразу возникают в различных местностях. Установлено, например, что форма им. пад. мн. ч. на *-а* имен существительных (*берега, рога*) появляется одновременно во многих областях Московской Руси, и ее невозможно связать с объединяющей ролью московского говора. Одним словом, «механизм» процесса сложения языка великорусской народности у Р. И. Аванесова остается нераскрытым. Положение о Владимиро-Суздальской земле как колыбели великорусской народности, о Москве как объединяющем центре основывается на собственно исторических сведениях, а не на лингвистических данных, которые еще надлежит добыть. Сам Р. И. Аванесов правильно пишет: «Задача дальнейшего исследования заключается в том, чтобы на основе тщательного изучения данных лингвистической географии и письменных памятников древности, характеризующих развитие звуковой системы, грамматического строя и словарного состава в органической связи с данными истории народа, шаг за шагом восстановить, насколько это окажется возможным, сложный и многообразный путь развития русского языка в разные эпохи во всем многообразии его структурных типов и функциональных разновидностей (общенародного языка и его диалектных ответвлений, литературнообработанного языка в его разных проявлениях). Для решения этой задачи требуется проведение многочисленных специальных исследований и серьезная разработка новых источников (в особенности письменных памятников)».¹²³

Довольно случайны и малозначительны лексические наблюдения в работе Р. И. Аванесова. Он приводит всего несколько слов, впервые появившихся, по его мнению, в московской письменности и ставших в XVI в. достоянием всего великорусского языка. Это *крестьянин* (новгородское *смерд*), *деньги* (новгородское *векша, куна*), *лавка* 'торговое заведение', *мельник, пашня, пуговица, деревня, кружево* и др.). Эти и иные слова отличали язык великорусской народности от украинского языка и свидетельствовали об интенсивном процессе его становления.

Чтобы закончить эту главу, нам остается еще упомянуть о работе Д. К. Зеленина «О происхождении северновеликорусов

¹²³ Р. И. Аванесов. Вопросы истории русского языка. . . , стр. 156.

Великого Новгорода».¹²³ Д. К. Зеленин возрождает давно оставленную историками гипотезу о переселении балтийских славян морским и сухопутным путем на северо-восток к словенам. По его мнению, словене ассимилировали пришельцев, но восприняли от них некоторые черты языка и быта. Первые партии балтийских славян прибыли на озеро Ильмень так рано, что до летописца XI в. об этом дошли лишь неясные предания. Как полагает Д. К. Зеленин, все явления, которые А. А. Шахматов считал ляхскими особенностями, по происхождению являются прибалтийско-славянскими. Цоканье, «неустойчивость» в произношении мягкого и твердого *р*, свистящих и шипящих и некоторые другие фонетические черты, мазураканье, дзеканье и цеканье — пережиток не только праславянской, но даже балто-славянской эпохи. Особенно хорошо эти особенности, как думает Д. К. Зеленин, сохранились в современных сибирских говорах. Даже так называемое сладкоязычие, отмеченное Богоразом в русских говорах северо-востока Сибири, — архаический пережиток глубокой древности, восходящий к языку прибалтийских славян. Увлеченный своей идеей, Д. К. Зеленин попросту отвергает доводы А. М. Селищева и П. Я. Черныха о появлении сладкоязычия в результате влияния местных языков. В пользу своего мнения он пытается выставить положение, согласно которому случаи с отвердевшим *р*, смешение свистящих и шипящих, следы цеканья и дзеканья будто бы совершенно одинаково распространены в русских говорах на всем громадном пространстве северной Сибири. Это утверждение не соответствует действительности. Даже отмеченное в русских говорах на реках Пясине и Индигирке произношение *яхать* 'ехать' отождествляется с древнепольским *jachac* и уводится в бездонную глубь веков.

Если предположить, что Д. К. Зеленин прав, остается непонятным его пренебрежение к распространению цоканья, например в рязанских говорах, дзеканья и цеканья — в белорусском языке, случаев отвердения *р* — в южновеликорусских говорах и в украинском языке. Что же, везде и всюду надо искать следы прибалтийских славян? «Ляхская гипотеза» А. А. Шахматова выглядит куда более правдоподобной, чем эти предположения Д. К. Зеленина. Д. К. Зеленин, в прошлом крупный диалектолог, много сделавший для изучения русских говоров, оказался неподготовленным для историко-лингвистических исследований. Стоит отметить, что фантастическая гипотеза о появлении славян на территории Восточной Европы из прибалтийских земель продолжает соблазнять и теперь некоторых историков.¹²⁴

¹²³ Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. Докл. и сообщ. Инст. языковедения АН СССР, № 6, 1954.

¹²⁴ Ср., например: В. Б. Вилинбахов. Топонимика и некоторые вопросы истории древней Руси. Всесоюзная конференция по топонимике СССР. 26 января—2 февраля 1965 года. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965, стр. 85—88.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Лингвисты XIX—XX вв. многое сделали для изучения древнерусского (восточнославянского) языка. На основании данных языка древнерусских памятников старшей поры и более позднего времени, сравнительно-исторического интерпретирования современных восточнославянских языков и их говоров, сравнительно-исторического славянского языкознания, исследования контактов с неславянскими языками в общем определены фонетическая и грамматическая системы языка древнего восточнославянского населения, их отношение к древнему общеславянскому языку и другим славянским языкам, установлены абсолютные и относительные даты важнейших фонетико-грамматических изменений. Разумеется, уровень наших знаний древнерусского языка (как и любого другого изученного языка) всегда был и будет относительным, однако их высокая достоверность по сравнению с представлениями об общеславянском языке и о других дописьменных реконструированных языковых системах не подлежит сомнению. Открытие во всех отношениях ценных древневосточных берестяных грамот не внесло каких-либо существенных изменений в наши знания о системе древнерусского языка, о его важнейших особенностях. Конечно, теоретически можно себе представить, что могут быть открыты такие памятники восточнославянской письменности, язык которых серьезно отличается от известного нам древнерусского языка. Однако если бы произошло такое невероятное событие, то нам стал бы известен иной вариант древнерусского языка, существовавший с уже хорошо изученным.

Иначе обстоит дело с изучением древнерусских диалектов. Несмотря на усилия историков языка восточных славян, результаты, достигнутые в этой области, можно назвать более чем скромными. Выявлены некоторые диалектные особенности, относящиеся к разному времени, в фонетике и отчасти морфологии. Остаются проблематичными синтаксические диалектизмы. Только в последние два-три десятилетия начали накапливаться наблюдения, касающиеся диалектной дифференциации лексики древнерусского языка.

Между тем без основательного знания местных говоров невозможно объяснить, как практически реализовалась система древнерусского языка в живой речи носителей, из каких древних диалектов сложилось восточнославянское единство, как долго это единство существовало и как из него возникли русский, украинский и белорусский языки с их многочисленными говорами. Мы не можем согласиться с теми учеными, которые полагают, что понятие языка не что иное, «как логическая абстракция, основанная на сходных явлениях, повторяющихся в единичных языковых актах, которые имеют место в определенных пространственных и временных рам-

ках, устанавливаемых a posteriori».¹²⁶ Конечно, язык всегда реализуется в единичных речевых актах (устных и письменных), и мы непосредственно можем его наблюдать только в формах единичной речевой деятельности. Однако единичные речевые акты, имеющие своей целью взаимопонимание, всегда являются производными от выработанного многими поколениями языка общества. Новшества, вносимые в язык отдельными лицами, сохраняются и входят в языковую традицию лишь в том случае, если они принимаются всеми говорящими на данном языке или диалекте. Следовательно, язык — вовсе не логическая абстракция, созданная мышлением ученого, а реальность, безусловно доминирующая над отдельными речевыми актами и определяющая их. Это хорошо понимали наши отдаленные предки. «Бъ языкъ единъ словѣньскъ» — писал древнерусский летописец. Древнерусский язык, на котором в X—XI вв. говорило примерно четыре-пять миллионов человек, представлял собой систему норм, обязательную для всех говорящих. Общность языковых норм восточнославянского населения древней Руси являлась наследием норм общеславянского языка и результатом специфических инноваций, возникших у обособившихся восточных славян. То, что эти нормы описаны и более или менее нам известны, является немалым достижением науки. В то же время, как известно, система древнерусского языка постоянно изменялась, причем одни инновации получали всеобщее распространение, другие же оказывались локально ограниченными, диалектными. Языковая картина осложнялась еще социальными различиями: между неграмотными массами населения и лицами, владевшими старославянским языком, не могло быть языкового тождества.

Недостаток в изучении древнерусского языка заключается не в том, что языковеды видят в этом языке историческую реальность, а в том, что по разным причинам они мало учитывают его территориальную и социальную дифференциацию. Из этого следует, что реконструкция древнерусской языковой системы оказывается неполной, в значительной мере условной, в определенных отношениях даже переходящей в схему, не отражающую реальное состояние языка. С этим связаны вольное или невольное смешение живого устного языка с письменным, имевшим свои особые традиции, подмена одного из них другим. Для того чтобы приблизиться к знанию древнерусской языковой действительности, какой она была на самом деле (главная и единственная цель научных разысканий в данной области), недостаточно установления общих закономерностей. Необходимы исследования диалектных расхождений и схождения, максимально возможное приближение к разговорной речи населения древней Руси. Без такой работы

¹²⁶ В. П и а н и. К индоевропейской проблеме. ВЯ, 1966, № 4, стр. 3.

невозможно понять процесс распада древнерусского языка и образования теперешних восточнославянских языков.

То, чего достигло славянское языкознание в реконструкции древних диалектов и истории возникновения из них современных языков, представляет собой довольно шаткие гипотетические схемы. А. А. Шахматов, который как никто из ученых поработал над проблемами происхождения древнерусского языка и нынешних восточнославянских языков, опирался на сравнительно небольшой набор фонетических и морфологических особенностей современных диалектов. На его концепции сильно сказалась модернизация языкового состояния древней Руси, перенос современных диалектных отношений в глубокую древность. Задача выявления диалектных отличий в языковой системе древнерусских памятников оказалась на заднем плане. Критики А. А. Шахматова показали произвольность его гипотезы о распаде прарусского языка на севернорусское, южнорусское и восточнорусское (среднерусское) наречия. Предположения о наличии в древнерусском языке двух крупных наречий, северного и южного, выдвинутые Т. Лер-Сплавинским и Н. С. Трубацким и продолженные Р. И. Аванесовым, основываются на еще более скудном материале. Исследователи строят свои далеко идущие концепции на основе историко-географической интерпретации немногих фонетических явлений (различение *ц* и *ч* и цоканье, взрывной *г* и фрикативный *γ* и некоторые другие). Складывается убеждение, генетически восходящее к плейхеровскому родословному дереву, что общерусский (восточнославянский) язык после выделения из распавшегося праславянского языка делился на говоры, которые отличались друг от друга главным образом немногими фонетическими чертами. Таким образом, отсутствие сведений о древнерусских диалектах выдается за фактическое их знание. Конечно, гораздо проще утверждать, что древнерусский язык был монолитным и диалектно почти не расчлененным, чем путем трудных поисков обнаруживать неизвестные пока диалектные его особенности. За последние годы появилось немало работ, в которых обосновывается или намечается значительное диалектное разнообразие древнерусского языка, особенно в его лексике, однако эти наблюдения должным образом еще не обобщены и даже не суммированы. Первоочередная задача реконструкции древнерусских диалектов — настойчивое и неуклонное расширение фактической базы, выявление новых диалектных явлений ранней поры (а что такие явления существовали, об этом свидетельствует развитие исторической диалектологии восточнославянских языков).¹²⁶

¹²⁶ О. Н. Трубачев с основанием заявляет, что традиционные точки зрения о слабом диалектном членении древнерусской лексики «нуждаются в преодолении» (О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи. В кн.: Славянское языкознание. Докл. сов. делегации. V Междунаро. съезд славистов. М., 1963, стр. 185).

Отсутствие достаточных фактов вынуждало исследователей реконструировать древние диалекты или диалектные ареалы не столько на основании лингвистических материалов, сколько на основании исторических сведений и географических признаков. Конечно, история языка теснейшим образом связана с историей народа. Более того, я бы сказал, что пополнение наших знаний об истории народа посредством лингвистических данных — высшая цель исторического языкознания. Однако нельзя подменять один объект исследования другим. От такой подмены и история, и языкознание ничего не выиграют. В практике историко-диалектологических работ обычно выделение диалекта по немногим или даже одному лингвистическому признаку. Например, некоторые исследователи считают, что древний владими́ро-суздальский диалект отличался от новгородского диалекта только тем, что в нем отсутствовало цоканье. Предположим, что это соответствует действительности. Однако, если мы считаем, что диалект представляет собой своеобразную систему сочетания общенародных и локальных языковых элементов, совершенно очевидно, что в данном случае можно говорить не о каком-то особом диалекте, а лишь о зоне распространения различия *ц* и *ч* на территории древней Владимиро-Суздальской земли. Само название «владими́ро-суздальский» относится к истории и географии, а не к лингвистической единице, существование которой указанием на различие в ней *ц* и *ч* вовсе не доказывается. Кстати, зона цоканья и различие *ц* и *ч* не совпадали с границами Владимиро-Суздальской земли, о чем свидетельствуют как данные современных говоров, так и лингвистические факты древнерусской письменности. Между тем исследователи, оперируя немногочисленными, в основном фонетическими явлениями, строят гипотезы о возникновении и развитии диалектов и языков, восполняя отсутствие лингвистических данных сведениями об общей истории и собственными домыслами. Даже при изучении современных, вполне доступных для прямого наблюдения говоров при определении диалекта и его границ общее подменяется частным, т. е. границы распространения отдельных диалектных явлений выдаются за границы всего диалекта. Когда, например, говорят о смоленском диалекте, фактически имеют в виду совокупность системных отношений в речи смоленского населения на всех ее уровнях, а об аканье, совпадении *ѣ* и *е* и некоторых других немногих явлениях. Диалект при таком подходе оказывается не лингвистическим, а только географическим понятием.

Большим достижением лингвистической географии является открытие, что каких-то общих границ диалекта (наподобие границ между княжествами, губерниями, областями и т. п.) не существует. Реальны лишь изоглоссы отдельных явлений, часто причудливо пересекающие языковую территорию в разных направлениях. Некоторые изоглоссы более или менее близки друг к другу, составляя пучки изоглосс. Пучки изоглосс составляют, в свою очередь,

Диалектные зоны, которые можно называть диалектами. Границы между зонами колеблются, являются расплывчатыми. Другие пучки изоглоссы на той же территории могут иметь совершенно иные очертания, т. е. диалектные зоны обычно не покрывают друг друга, так что понятие общего диалектного ядра на территории близких друг другу говоров (каковыми являются, например, говоры русского языка) оказывается довольно условным. Только тогда, когда говоры значительно отдаляются друг от друга, когда основные происходящие в них инновации начинают возникать и развиваться независимым путем, языковая территория распадается на отдельные диалекты с довольно определенными ядрами. Между этими диалектами нередко образуются зоны переходных говоров. Такие диалекты при определенных исторических условиях становятся самостоятельными языками, хотя далеко не всегда. На восточнославянских землях образуются три самостоятельных языка, близких друг другу, на немецкой территории сохраняется общенациональный язык с довольно далеко разошедшимися диалектами. Несовпадение между собою изоглоссы и изоглоссных пучков обычно обуславливается их возникновением в разные исторические эпохи и разной степенью распространения или отступления диалектных явлений. Между прочим, это является счастьем для историка языка. Если бы при формировании новых диалектных зон и диалектов полностью стирались старые диалектные членения, история языка оказалась бы невозможной. Причины возникновения различных диалектных изоглоссы очень сложны и далеко не всегда связаны с политическими границами.¹²⁷

Поскольку за исходную диалектную единицу принимаются отдельная диалектная особенность и ареал ее распространения, постольку первоочередная задача исследователя — установление возможно большего круга локальных языковых различий всех уровней. Хронологическое определение каждого различия, его места в системе языка и его изоглоссы позволяет объективно, без заранее выдвинутых гипотез, установить его отношение к другим диалектным различиям. Идя от различия к различию, можно приблизиться к действительному, а не мнимому познанию диалектных зон и диалектов, и лишь после установления возможно большего количества реально существовавших явлений дать им общую историческую интерпретацию. Не от шатких гипотез и схем к фактам, а от фактов — к научно обоснованным обобщениям. Факты представляют самостоятельную ценность. В свое время Е. Ф. Карский писал: «Гипотезы, построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, со временем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишены цены, тогда как факты

¹²⁷ В. Г. Орлова. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. ВЯ, 1955, № 6, стр. 5—6.

языка никогда не потеряют значения».¹²⁸ По-моему, хорошо сказано.

Применительно к диалектам древнерусского языка факты — это более или менее достоверные диалектные явления всех лингвистических уровней с более или менее достоверными изоглоссами, с установленной относительной хронологией и с приемлемым объяснением их происхождения и места в языковой системе. На пути установления фактической основы древнерусской диалектологии стоят большие трудности, подчас непреодолимые. По-видимому, многие диалектные явления древнерусской эпохи никогда не удастся обнаружить, следовательно, наши знания в этой области не всегда будут полными и свободными от субъективных оценок. И все же если целью науки является выяснение реальных свойств объекта, а не конструирование логических абстрактных схем, правильность которых невозможно проверить, иной дороги, как стремление расширить и углубить фактическую базу древнерусской диалектологии, у нас нет.

Первая трудность — очень неравномерное географическое размещение древнерусских письменных памятников. В сущности, только одна Новгородская область представлена древнерусской письменностью в такой степени, что исследователи могут более или менее полно представить себе особенности новгородских говоров XI—XIV вв. Большая часть дошедших до нас древнерусских письменных памятников относится в Новгороду и его землям. Обширные тексты, жанровое разнообразие — прекрасный материал для лингвистических исследований. Открытие большого числа берестяных грамот существенно пополнило источники изучения языковых особенностей древних новгородцев. Лингвисты не раз уже отмечали, что из древнерусских диалектов более или менее четко выделяются только древненовгородские говоры. Несомненно, это объясняется прежде всего наличием доступных для исследования многочисленных и разнообразных памятников древненовгородской письменности. Другие древнерусские земли представлены письменными памятниками XI—XIV вв. очень слабо или вовсе не представлены.

Ничего не сохранилось от письменности обширных Рязанской и Черниговской земель. Рязанская кормчая 1284 г. представляет собой копию с киевского оригинала, переписанную киевскими писцами, поэтому нет никаких оснований искать в ней проявление особенностей речи исконного населения Рязани. Рязанские и черниговские надписи на вещах X—XIII вв. слишком коротки и немногочисленны, чтобы на их основании можно было делать какие-либо лингвистические заключения (то же можно сказать и о подобном рода надписях всех других областей).

¹²⁸ Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 7.

Письменные памятники, дошедшие до нас с территории между речья Оки и Волги, верховьев Днепра, Псковской земли и всех западных областей, начинаются только с XIII—XIV вв. Погибла почти вся богатейшая письменность Киева. К счастью, до нас дошли Остромирово евангелие, Изборники 1073 и 1076 гг. и некоторые другие южнорусские памятники XI—XIII вв. Письменность юго-западная начинается с XII в. Если бы мы задумали составить по древним памятникам лингвистический атлас, на картах которого были бы относительно равномерно представлены все основные древнерусские территории, нам пришлось бы перейти в XVI в., от которого осталась масса деловых документов из самых различных районов страны. На лингвистическом атласе равных веков многие области занимали бы обширные белые пятна. Все же лингвогеографические исследования, по данным древнерусской письменности, не только возможны, но и необходимы. Они будут лишь не полны. Для лингвистов очень важны новые научные публикации различных памятников письменности и в первую очередь, разумеется, вновь открытых. Книга С. А. Высоцкого «Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв.»¹²⁹ содержит ценные тексты, которые дополняют наши сведения о языке жителей древнего Киева. Важным пособием является труд Б. А. Рыбакова «Русские датированные надписи XI—XIV вв.»¹³⁰ Между прочим, древнейшей датированной надписью теперь нужно считать не надпись на Тьмутароканском камне 1068 г., а открытой С. А. Высоцким в киевском Софийском соборе граффито 1052 г., за которым следует запись 1054 г. на стене в том же соборе о кончине великого князя Ярослава Владимировича. Существенным подспорьем для древнерусской лингвистической географии может быть послепрое сравнение поздних списков утраченных оригиналов древних произведений (например, Повести временных лет, Русской Правды и др.), которое открывает возможности не только с большей или меньшей вероятностью реконструировать первоначальный вид языка этих произведений (их лексики и отчасти грамматики), но и устанавливать некоторые древние диалектные различия.¹³¹

Вторая трудность — нетождественность устного и письменного языка. Подавляющее большинство текстов XI—XIV вв. — религиозного содержания и написано на родственном, но не совпадающем с устной восточнославянской речью старославянском языке так называемой русской редакции. Старославянский язык, как известно, был общим литературным языком для большинства славян. На его структуре лишь отчасти и постепенно сказывались

¹²⁹ С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966.

¹³⁰ Б. А. Р ы б а к о в. Русские датированные надписи XI—XVI вв. М., 1964.

¹³¹ Опыт такого исследования представлен в кн.: Ф. П. Ф и л и н, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи,

различия, своеобразия отдельных славянских языков. С большим трудом проникали в него диалектные особенности каждой славянской языковой области, так как по своему характеру и назначению старославянский язык был типичным наддиалектным языком. Если бы у нас были другие достаточные источники, старославянский язык русской редакции вовсе можно было бы исключить из круга пособий по исторической диалектологии. Однако мы этого сделать не можем, так как другие письменные источники интересующего нас времени довольно скудны. Приходится по крупицам собирать сведения о диалектных явлениях, скупо и весьма неравномерно пробивающихся через броню старославянского языкового стандарта. Правда, в нашем распоряжении имеются оригинальные памятники светского содержания. Как известно, в свое время С. П. Обнорский предполагал, что ранние древнерусские памятники светского содержания адекватно отражали живую древнерусскую речь и что их язык сложился совершенно независимо от старославянского языка.¹³² Однако это предположение осталось недоказанным. Вне всякого сомнения, письменность на Руси распространилась вместе со старославянскими книгами, образование достигалось при помощи старославянского языка. И если схему А. А. Шахматова, согласно которой русский язык является результатом русификации старославянского языка, считать чересчур упрощенной и фактически мало обоснованной, все же факт остается фактом: в языке древнерусской оригинальной письменности обнаруживаются явные следы старославянизмов, особенно в историко-повествовательной и правоучительной литературе.¹³³ Мы не будем здесь касаться недавно вспыхнувшей полемики, что нужно считать в древней Руси собственно литературным языком, но и на языке безыскусной переписки, представленной в ряде берестяных грамот, не могло не сказаться сдерживающее по отношению к диалектным особенностям влияние книжной традиции. Некоторые диалектные явления все же прорывались сквозь господствующий языковой стандарт, другие же вовсе не нашли своего отражения в письменности.

Третья трудность — анонимность древнерусских письменных произведений. Для историко-диалектологических исследований крайне важно локализовать то или иное диалектное явление. Между тем даже в тех сравнительно редких случаях, когда нам известен автор или переписчик, обычно остается неизвестным, уроженцем какой местности он был, какой диалект отражают особенности его речи. Не случайны поэтому непрекращающиеся споры

¹³² С. П. О б н о р с к и й. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

¹³³ Моя точка зрения на эту проблему изложена, в частности, в рецензии: Ф. П. Ф и л и н. [Рец. на:] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946. В сб.: Вестн. ЛГУ, 1947, № 10, стр. 109—116.

о месте написания даже хорошо изученных памятников. Например, обычно считается, что Остромирово евангелие написано в Киеве, но существуют и иные предположения, которые нельзя опровергнуть с полной уверенностью. Самый факт находки рукописи или надписи в том или ином месте хотя и важен, но еще не решает вопроса о диалектной принадлежности их языка: население древнерусских городов было смешанным, грамотные люди несомненно нередко переезжали из одной местности в другую. Мы обычно также не знаем, принадлежали ли переписчики оригиналов (а ведь чаще всего до нас дошли их списки) к той же диалектной среде, что и авторы оригиналов. Можно было бы указать еще немало и других трудностей, свидетельствующих об ограниченных возможностях лингвогеографических исследований на базе древней письменности. Легко понять великого знатока древнерусской письменности А. А. Шахматова, который строил свои историко-лингвистические гипотезы главным образом на основе современных говоров и ставил на второй план возможность установления диалектных областей по данным древних письменных памятников.

И все же древнерусская письменность является первостепенным источником для исторической диалектологии. Широкое сравнительное изучение языка всех известных нам памятников несомненно приведет к открытию многих новых диалектных явлений, особенно в лексике. Локализация диалектизм основывается прежде всего на массовости свидетельств (та или иная особенность встречается не в одном или двух памятниках, а во многих) и на совпадении географии изучаемой особенности в древней письменности и современных говорах (если, конечно, древнерусский диалектизм дожил до наших дней). Мы, например, совершенно уверены в том, что цоканье занимало северные области древней Руси, так как оно встречается не в одном, а во множестве письменных памятников несомненно северного происхождения и в наше время засвидетельствовано как живое или остаточное явление в тех же северных областях. Относительное и тем более полное совпадение ареала распространения древнерусских письменных памятников, в которых отмечается интересующее нас явление, с ареалом этого явления в современных говорах позволяет нам с твердой уверенностью устанавливать лингвистические изоглоссы древнерусской эпохи. Такое совпадение — самое надежное основание для локализации древних диалектизм. Речь идет здесь о географически устойчивых диалектных явлениях, которых в языке не так уж мало. Однако большинство диалектных особенностей и географически, и хронологически подвижно. Многие древнерусские диалектизмы (нам известны примеры такого рода прежде всего в лексике) вовсе не дожили до наших дней, другие решительно изменили границы своего распространения. Реконструкция таких диалектизм по необходимости будет в большей или меньшей мере гипотетичной, хотя

тщательное изучение истории каждого явления может доставить относительно достоверные материалы.

Значительную трудность представляет анализ предположительно древних диалектных особенностей, которые отражены в современных говорах или сравнительно поздних письменных памятниках, а в древней письменности сведения о них отсутствуют или не найдены. Сравнительно-исторические исследования, метод внутренней реконструкции и иные новейшие лингвистические приемы не могут заменить собой письменной документации, дающей основы более или менее надежной хронологии. Можно, например, быть уверенным в том, что если бы цоканье не нашло своего отражения в памятниках древнего и старого письма, были бы выдвинуты гипотезы, в которых доказывалось бы позднее происхождение этой особенности. Прежде чем реконструировать древнюю изоглоссу, необходимо предварительно, по возможности исчерпывающе, изучить всю историю диалектного явления. Между тем это неременное условие в практике лингвистических исследований очень часто нарушается. Примеров таких нарушений можно было бы привести много. Современные диалектные ареалы произвольно переносятся в глубокую древность. Например, отмечается распространение вариантов форм 1 л. мн. ч. наст. вр. (-то — в сербохорватском и словенском, украинском, белорусском и словацких диалектах, -те — в болгарском и македонском, -тъ — в русском, болгарском, древнепольском и старославянском) и делается вывод, что локальное распространение этих форм было характерно для праславянского языка.¹³⁴ Возможно, что в данном случае мы действительно имеем дело с одним из древнейших диалектизм, но для того чтобы выдвигать такое предположение, следует тщательно, по всем имеющимся в нашем распоряжении источникам, проследить историю употребления каждой из указанных форм, ареалы которых неоднократно изменяли свои границы. Распространившиеся за последнее время гипотезы о начале членения современных южнославянских языков и даже географическом расположении этого членения уже на первоначальной славянской прародине, о древнейших болгаро-украинских, балтийско-южнославянских и иных предположительно древнейших изоглоссах не имеют большой научной ценности, поскольку остается неизвестной реальная история этих изоглосс. Отмечены случаи, когда исследователь пытается реконструировать праславянские диалектизмы русской и белорусской лексики, опираясь в основном только на этимологический словарь Фасмера, или восстанавливать древнеукраинские особенности, делая выписки лишь из словаря Срезневского.

Реконструкция древнерусских диалектных явлений прежде всего предполагает по возможности тщательный сравнительный анализ языка древнерусских памятников с обязательным учетом

¹³⁴ I. P o r o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache, стр. 3.

их локальной и хронологической соотнесенности, изучение истории диалектных особенностей по письменным памятникам и литературным произведениям позднего времени, включая современную литературу, их употребление в современных восточнославянских говорах. По отношению к лексике это означает не только наличие собственных разысканий и учета литературы предмета, но и обязательное использование существующих словарных картонок, по отношению к другим явлениям — привлечение материалов диалектологических атласов. Без выполнения этих условий историческая диалектология не может выбраться из дремучего леса гипотез. И если эти задачи далеко не всегда выполнимы по не зависящим от нас причинам, то по крайней мере мы должны стремиться к их осуществлению. Нельзя не согласиться с заявлением В. Пизани, имеющим принципиальное значение: «Я считаю, что если наша наука должна быть исторической, она должна стремиться обнаруживать исторические реальности. Мне совсем неинтересно строить фонологическую или морфологическую систему, чтобы выдать ее за „индоевропейскую“, но мне интересно знать, что представлял собой в действительности этот „индоевропейский“ язык, как он расчленился и изменялся на огромном пространстве своего предполагаемого распространения в течение многих веков своего существования, т. е. географически и хронологически».¹³⁵

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о предмете и методе исторической диалектологии, следовательно, и о характере реконструкции древнерусских диалектов. Диалекты, как известно, существовали и существуют только благодаря наличию в языке или языковой общности локально ограниченных явлений. Естественно поэтому, что предметом древнерусской (как и любой другой) диалектологии является установление существовавших диалектных особенностей, их употребления, ареалов и дальнейшей судьбы. Чтобы понять причины возникновения диалектизмов и их историю, конечно, необходимо исследовать механизм изменений языковой системы, породившей диалектные явления, функционирование диалектных особенностей в общей системе языка, но сами по себе диалектизмы не составляют какой-либо системы. В самом деле, какие системные связи можно установить между аканьем и сосуществующим с ним в большинстве акающих говоров фрикативным *у* или формами личного местоимения род.-вин. п. ед. ч. *мене, тебе, себе*? Иными словами, предметом диалектологии являются прежде всего единичные, отдельные явления. Правда, существует и другой тип диалектных различий, который можно назвать структурным. Поскольку диалектные явления представляют собой составные части системы языка или какой-либо подсистемы, диалекты отличаются друг от друга не только наличием в них локальных «субстанций», но и характером системных отношений, что существ-

¹³⁵ В. Пизани. К индоевропейской проблеме, стр. 5.

вует на любых уровнях языка, в том числе и в лексике. Некоторый опыт установления структурных различий лексических микросистем в славянских языках и диалектах уже имеется (например, в работах Н. И. Толстого). Важность исследования структурных диалектных различий вне всякого сомнения. К сожалению, применительно к исторической диалектологии это пока terra incognita, область неизученного. Опыты изучения истории структур славянских языков относятся прежде всего к попыткам охарактеризовать системные явления и происходившие в них сдвиги в масштабах всего языка (праславянского, старославянского, древнерусского и т. д.), а не его диалектных подразделений. Для исторической диалектологии от этих работ пока что мало пользы. То, что можно отметить как некоторые еще довольно смутные проблески, относится лишь к некоторым фонологическим и акцентологическим аспектам (ср., например, некоторые работы В. В. Колесова). Если мы не хотим откладывать на неопределенный срок попытки представить историю древнерусских диалектов и сложение на их базе восточнославянских языков в более или менее общем виде, мы должны довольствоваться теми историко-лингвистическими результатами, какие имеются в настоящее время. Впрочем, и структурные диалектные различия, взятые как дифференциальные признаки диалектных зон, ни в отдельности, ни в совокупности не могут представлять собой какую-то особую систему, поскольку они являются лишь частью системы или подсистемы языка. Система языка, по-видимому, в каждый момент своего развития потенциально содержит несколько или множество возможностей своего преобразования. Реализация этих возможностей далеко не всегда локально ограничивается. Локальные ограничения указанных реализаций составляют так или иначе отдельные явления, единичные изменения.

Говоря о задачах исторической диалектологии, мы должны подчеркнуть, что нас прежде всего интересуют не логические возможности, заложенные в языковой системе, а действительные реализации языковых изменений. Вообще задачей науки является не только познание общего, но и частного, бесконечного множества отдельных, в котором реализуется общее. Общее неотделимо от частного, не существует вне его. Поэтому для нас совершенно неприемлемы попытки построения абстрактных структурных схем языка, возможных до познания в опыте. Невозможно согласиться с теми лингвистами, которые вопрос о развитии языка подменяют вопросом о разворачивании абстрактной структуры, сконструированной на основе дедуктивно-умозрительных операций. При таком методе история языка оказывается, в сущности, вне науки, так как главным предметом науки оказывается изучение того, что может быть заложено в системе, но что не обязательно будет. Изучать же историю как то, что могло бы быть, но чего на самом деле не было, конечно, бессмысленно. Мы будем придерживаться последовательно исторической точки зрения, поэтому для нас совсем не безразлично,

соответствуют или не соответствуют наши лингвистические представления реальной действительности. То, что для нас действительно безразлично, — это мыльные пузыри многих структуралистических схем, которые не могут долго существовать на поверхности познания. Многообразие языковой действительности невозможно вывести из минимального количества абстрактных и даже фиктивных «репрезентаций».

В общем плане изучения языка метод постулирования абстрактных моделей и «порождения» из них реально существующих языковых форм, вероятно, любопытен и может быть в известном отношении полезен, но крайне сомнительно, чтобы он мог прибавить что-либо к нашим знаниям о действительной истории языка.

Итак, нам представляется целесообразным следующий путь изучения диалектных явлений древнерусского языка и их дальнейшей судьбы. Прежде всего установление самого состава древнерусских диалектизмов разных языковых уровней и разных типов, определение их изоглосс, времени возникновения и сдвигов, которые происходили в их истории. Затем должно решаться, в каком соотношении друг с другом находились диалектные явления и их ареалы, составляли ли они то, что можно назвать диалектными зонами или диалектами. Разумеется, здесь нельзя обойтись без должного учета «экстралингвистических» факторов, но понятие диалектной зоны или диалекта не должно подменяться понятием племени или племенного союза, феодальной земли или каких-либо иных историко-географических образований, как это нередко случалось и случается в исследовательской практике. Только когда ресурсы лингвистического исследования оказываются исчерпанными, следует делать «привязку» диалектных зон и диалектов к известным этническим, социально-экономическим, политическим и иным объединениям. Конечно, все языковые изменения так или иначе социально обусловлены. Изучать историю языка без истории его создателей и носителей, по моему убеждению, бессмысленно. Историкам языка должны быть глубоко чужды нигилистические в отношении истории народов и наций взгляды, согласно которым важна процедура исследования, но не важно или не очень существенно, к каким лингвистическим объектам эта процедура применяется. Однако нужно пытаться избегать любой предвзятости, в том числе и подмены лингвистических положений и выводов общепризнанными концепциями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Как было сказано выше, прежде чем установить диалектные зоны древнерусского языка и их дальнейшую историю вплоть до образования русского, украинского и белорусского языков, необходимо по возможности без предвзятости, как бы еще не имея никакой общей концепции, определить ареалы отдельных диалектных явлений, так как факты — «хлеб истории». То, что мы начинаем с изложения фонетических, а не грамматических или лексических разысканий, для нашей цели не имеет существенного значения — это лишь дань традиции. Вначале важно найти диалектные различия, а потом уже можно судить, насколько существенны были они для диалектного членения и последовавшего на его основе образования восточнославянских языков. Выводы о времени происхождения той или иной локальной особенности и о ее географическом распространении далеко не всегда при теперешнем состоянии нашей науки можно считать бесспорными, поэтому по необходимости мы должны предусматривать разные, даже взаимоисключающие варианты отдельных деталей в общей картине истории восточнославянской речи древнерусского периода, которую мы попытаемся себе представить в конце нашего исследования.

АКАНЬЕ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ

Под современным аканьем в широком смысле этого слова понимается совпадение в безударных слогах гласных неверхнего подъема. Как известно, в восточнославянских языках имеется так называемое динамическое, или силовое, ударение, при котором ударенный гласный отличается от соответствующего ему безударного большей громкостью, долготой, силой, интенсивностью, напряженностью органов речи. Безударные гласные подвержены той или иной степени редукции в зависимости от положения, которое безударный слог занимает по отношению к ударенному. Редукция безударных гласных в настоящее время находится в тесной связи с аканьем и его различными типами, хотя противо-

поставление диалектов с относительно слабо выраженной редукцией диалектам с развитой редукцией не совпадает с противопоставлением оканья аканью. Имеются окающие говоры с достаточно выраженной редукцией и акающие говоры со слабой редукцией безударных гласных. Так или иначе, с реализацией оканья и аканья связана вся система произношения безударных гласных, следовательно, эти явления представляют собой очень существенную сторону фонетики современных восточнославянских языков.

Аканье в собственном смысле этого слова — неразличение *o* и *a* в безударном положении, совпадение их в *a* или его вариантах (в зависимости от различных фонетических позиций). Как известно, существуют различные типы аканья. Наряду с собственно аканьем (совпадением *o* и *a* после твердых согласных) имеются разнообразные типы яканья, иканья, еканья (совпадение безударных *a*, *o* и *e* разного происхождения после мягких согласных). Акающим и якающим говорам противостоят говоры окающие (различающие безударные *o* и *e*) и екающие-ёкающие (различающие безударные *a*, *o* и *e* после мягких согласных или же имеющие иные, не якающие типы их совпадения). В общем картина произношения безударных гласных в современных восточнославянских языках является довольно сложной.¹ А каким было произношение безударных гласных в древнерусском языке до падения редуцированных гласных и после него, что предшествовало теперешней оппозиции оканье—аканье, представленной географически различными ареалами? Однозначного ответа на эти вопросы в современной науке нет.

1. К истории вопроса

В прошлом столетии лингвисты были твердо убеждены в том, что аканье — явление позднее, появившееся в XIV в. или самое раннее в конце XIII в. Основанием для этого убеждения служило то, что первые известные тогда случаи аканья в письменных памятниках появляются только в XIV в. Например, Е. Ф. Будде в свое время писал: «Оканье по памятникам русской письменности несравненно древнее аканья, т. е. произношение неударяемого звука *o* согласно с правописанием является единственно возможным для древнерусского человека до конца XIII—начала XIV в., что видно из полного отсутствия в памятниках письменности какого бы то ни было указания на расширение в произношении неударяемого *o* (иначе бы оно отразилось в правописании)».²

¹ Характеристику типов аканья (яканья) и оканья (ёканья) в многочисленных их разновидностях в современных русских говорах см. в книге «Русская диалектология» (под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964), а в белорусских говорах — в капитальном издании «Дыялекталогічны атлас беларускай мовы» (Мінск, 1963).

² Е. Ф. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии. Русск. филол. вестн., № 3, 1894, стр. 79.

Самый «механизм» изменения оканья в аканье не имел какого-либо серьезного объяснения.

Первым ученым, предложившим научные гипотезы происхождения аканья, был А. А. Шахматов. Дальнейшая разработка этой проблемы вплоть до настоящего времени связана с выдвинутыми им идеями. Многочисленные гипотезы о происхождении аканья можно разделить на две основные группы: 1) аканье — местное диалектное явление, развившееся из оканья в результате изменения характера ударения и редукции безударных гласных неверхнего подъема, имевших место в древнерусском языке; 2) аканье так же древне, как и оканье, или даже древнее оканья; аканье и оканье являются результатом неодинакового развития праславянских гласных, соответствующих древнейшим *ǫ* и *ǫ̃*; таким образом, genesis этих явлений невозможен без учета особенностей развития праславянской вокальной системы; проблема аканья и оканья имеет общеславянское, а не только восточнославянское значение.

Широко распространено мнение, что родоначальником первой группы гипотез является А. А. Шахматов, а второй вид гипотез впервые был выдвинут А. Вайяном и некоторыми другими зарубежными славистами. Однако это мнение не соответствует действительности. Второй путь решения вопроса был также указан А. А. Шахматовым, причем еще в конце прошлого столетия. Исследования древнейших славянских заимствований в греческий, западнофинские и другие языки показывают, что в праславянском языке индоевропейские *ǫ* и *ǫ̃* совпали в звуке нижнего образования *ǫ̃* или *ǫ̃^a*, а *ǫ̃* был очень открытым гласным, «склонным к *a*». Этой точки зрения А. А. Шахматов придерживался и в позднейших своих работах. Изменение *ǫ̃* в *o*, писал он в 1915 г., «происходило на почве отдельных славянских языков. Славяне, а в частности и русские, даже в позднейшие исторические эпохи передавали иноземное *a* через *o*; это зависело от того, что *ǫ̃* было в славянском языке неизвестно: в эпоху распада славянства *ǫ̃* являлось только в конце слова (из *ǫ̃*), между тем как в других положениях оно было долгим или полудолгим».³

Общерусский праязык унаследовал от праславянского языка гласные *o^a*, *e^a*. Когда в нем архаичное музыкально-эспираторное ударение сменилось эспираторным, произошло ослабление «эспираторного веса» гласных неударяемых слогов, за исключением гласных первого предударного слога, которые, наоборот, получили некоторое усиление. Однако результаты усиления *o^a*, *e^a* первого предударного слога в различных говорах общерусского праязыка оказались неодинаковыми. В «среднерусских» (или «восточнорусских») говорах усилилась та часть звуков *o^a*, *e^a*, «которая была ближе всего к ударению», т. е. *o^a*, *e^a* изменились в *a*

³ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгр., 1915, стр. 116—117.

(после твердых и мягких согласных). Так возникло аканье и яканье. В остальных диалектах имело место явление обратного порядка: o^a , e^a получили усиление «в своей первой части», по большей части утратили свой открытый характер и изменились в звуки закрытые. Так произошло оканье.⁴ Таким образом, аканье так же древне, как и оканье. Следы древних o^a и e^a А. А. Шахматов усматривал в наличии в некоторых современных олонечких говорах открытых o и e , «склонных к a », а также в формах типа *плотишь* 'латишь', *посодит* 'посадит'.

Позже А. А. Шахматов решительно отходит от своей первоначальной концепции и предлагает гипотезу, долгое время господствовавшую в русистике. Эта гипотеза неоднократно излагалась и интерпретировалась как ее противниками, так и сторонниками,⁵ поэтому она будет передана здесь в сжатом виде.

В книге «Очерк древнейшего периода истории русского языка»⁶ А. А. Шахматов формулирует свои положения, кладя в их основу определяющую роль редукции неударяемых гласных, имевшую место в эпоху существования «восточнорусского наречия». По его мнению, после смены музыкального ударения экспираторным редукция поразила или неударяемые широкие гласные (в отличие от праславянского языка, в котором, наоборот, редуцировались узкие i и i), или неударяемые краткие гласные. А. А. Шахматов предпочитает предположить, что редуцировались краткие гласные. Такое предположение обязательно влечет за собой другое предположение, согласно которому еще до редукции неударяемых гласный исконный долгий $\bar{a}$ по неизвестно каким причинам сократился и перешел в разряд кратких гласных. В результате все широкие гласные стали краткими, а все узкие — долгими. Под ударением узкие i , y , u , $\bar{e}$ и o под восходящим ударением (звучало как $\bar{y}o$) удлинились, а широкие (они же краткие) a , $\bar{a}$, $\bar{o}$, e и o из $\bar{z}$ (!) удлинения не испытали. В неударяемом положении широкие (краткие) гласные (в том числе и сократившееся a) редуцировались: на месте o и a появился a , а на месте $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$ — e . Редуцированные a , e и теперь сохраняются в акающих южновеликорусских и белорусских говорах, также в русском литературном произношении, в непредударных слогах, представляя собой глубокую старину.

Что касается первого предударного слога, то в нем произошли новые изменения. Первоначально и в первом предударном слоге на месте кратких гласных возникли редуцированные a , e , т. е.

было: 1) *nas't, praš'ŭ, b'er't, stalŷ, kalĕna, karŏva, p'erŏ* и 2) *p'srĕ, v'ss'ŏlyt, vadd, b'er'ĕmen't, p'erŏm*. Редуцированные произносились как перед краткими ударяемыми гласными (второй тип), так и перед долгими (первый тип). После утраты квантитативных различий долгие гласные сократились, что повлекло за собой удлинение a и e предшествующего слога: $a > a$, $e > 'a$ в одних диалектах, $\bar{e}$ (звук среднего ряда полного образования) или e — в других. Так возникло первоначальное аканье, проявившееся только перед бывшими долгими ударяемыми гласными: *nas't, praš'ŭ, kalĕna, karŏva*, а также яканье или еканье: в одних диалектах *b'ar't, v'adŭ, p'arŏ*, в других *b'er't, v'edŭ, p'erŏ*, в третьих *b'er't, v'edŭ, p'erŏ*. Перед бывшими краткими гласными под ударением редуцированные a и e в первом предударном слоге сохранились.

Свою гипотезу А. А. Шахматов пытается обосновать данными современных говоров. Хотя теперь e перед мягким согласным является узким гласным, но в древности он был широким. Доказательство? Такой широкий e О. Брок наблюдал в тотемских говорах. Краткие $\bar{y}$ и $\bar{i}$ также были широкими гласными, поскольку все краткие стали широкими. Таким образом, оказалось *prastŷi, tr'atŷi* (южновеликорусское *трптей*, не *трятеи*). Гласный $\bar{z}$ в «восточнорусском наречии» произносился под ударением как $\bar{o}$, т. е. был узким (долгим), а в неударяемом положении совпал с e , т. е. оказался широким гласным. В этом наречии под ударением различались два o : $\bar{o}$ из o под восходящим ударением и o из o под нисходящим ударением и $\bar{z}$.

Предложенная схема, по А. А. Шахматову, полностью соответствует обоянскому типу диссимильативного яканья, хорошо представленному в диалектологических записях Машкина. Диссимильативные типы аканья и яканья, в которых в наибольшем числе случаев сохранились редуцированные a и e перед бывшими долгими (узкими) ударяемыми гласными, являются наиболее архаичными. Большинство акающих говоров не сохранило сложные отношения «восточнорусской эпохи». В силу «естественного влияния звуковой аналогии» сложные архаические типы стали упрощаться, выравниваться, диссимильативное аканье и яканье — заменяться аканьем и яканьем сильным или умеренным, в котором a и $'a$ произносятся вне зависимости от характера ударяемых гласных.

В других неударяемых слогах архаичным является произношение, при котором сохраняются a и e . Наиболее архаично московское (литературное) произношение, в котором редукция широких гласных неударяемых слогов (исключая первый предударный слог) сохраняется лучше всего. Наличие a в разных неударяемых слогах в белорусском языке решительно противоречит самим принципам аканья и объясняется тем, что аканье в Белоруссии — явление позднее, наносное, принесенное с востока восточнорусскими

⁴ А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.

⁵ См., например, статью: О. Б. Курло. До питання про умови дисимильативного аканья. Зап. історико-філологічного відділу Укр. АН, XVII. Київ, 1928, стр. 48—59.

⁶ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка.

переселенцами. Аканье, как писал А. А. Шахматов в других своих работах, возникло на Дону примерно в VIII—IX вв.

Поскольку А. А. Шахматов исходным пунктом возникновения аканья считает редукцию неударяемых широких (кратких) гласных, возникших в результате распространения экспираторного ударения, его гипотезу можно назвать «редукционной», а ее последователей — «редукционистами». Одни из «редукционистов» в общем принимали и предположение о древнем происхождении аканья, другие подвергли резкой критике эту сторону учения А. А. Шахматова и отвергают ее. К первым принадлежат такие лингвисты, как О. Брок, Н. Н. Дурново, Е. Ф. Будде, С. П. Обнорский и другие. Можно сказать, что в настоящее время мало кто из «редукционистов» поддерживает мнение о древности аканья. Из фонетистов старой школы считает верными доводы А. А. Шахматова М. А. Соколова.⁷ В. Г. Руделев сделал попытку подкрепить гипотезу А. А. Шахматова с фонологических позиций, опираясь на труды по общей фонологии Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона.⁸ Но такие высказывания теперь уже редки. Обычно «редукционисты» считают аканье поздним явлением, возникшим примерно в конце XII—XIII в.

Одним из первых ученых, внесших существенный корректив в редукционную гипотезу, был Н. С. Трубецкой.⁹ Н. С. Трубецкой считает предположение А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново о том, что праславянский долгий $\bar{a}$ сократился раньше, чем долгие $\bar{y}$, $\bar{i}$, $\bar{z}$, в высшей степени невероятным и бездоказательным. Поскольку это предположение произвольно и выдвинуто специально для объяснения аканья, оно должно быть отвергнуто. А без него рушится вся схема А. А. Шахматова. Аканье, по мнению Н. С. Трубецкого, возникло не раньше конца XIII в. как прямое следствие утраты гласными количественных различий и развития экспираторного ударения. Нечто похожее на аканье часто наблюдается в языках с сильным экспираторным ударением и без свободных количественных различий, например в новогреческом, болгарском, вульгарной латыни, древнеармянском. На русской почве это явление моложе падения полувокалов (редуцированных гласных), что и объясняет то, что o и e из сильных $\bar{z}$ и $\bar{y}$ и из y , i в неударяемых слогах разделили ту же судьбу, что и исконные o , e .

То, что называют аканьем, состоит из ряда последовательных отдельных фонетических изменений: 1) монофтонгизации неуда-

⁷ М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, стр. 65—69.

⁸ В. Г. Руделев. К фонологической интерпретации русского аканья. ВЯ, 1963, № 2.

⁹ N. T r u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. Zeitschr. für slavische Philologie, Bd. I, Doppelheft 3/4. Leipzig, 1925, стр. 311—312.

ряемых $\bar{i}e$, $\bar{i}o$ в e , o (совпадение $\bar{e}$ с e и южнобелорусского $\bar{i}o$ с o в неударяемых слогах); 2) делабиализации неударяемого o и его совпадения с неударяемым a в звуке ν (средне-заднешироком лабиализованном); 3) изменения неударяемого ν в e после мягких согласных; 4) сужения неударяемых гласных e , ν , o в e (e), ν (a), o ; 5) расширения неударяемых e , a (или e , ν) в a по говорам в разных положениях. Указанные явления охватывают всю южновеликорусскую область, область белорусского языка, а также некоторые северноукраинские говоры. Границы распространения всех пяти изменений совпадают на юге, тогда как на севере они различны: 1-е, 2-е и 4-е явления встречаются и в современных северновеликорусских говорах, а так называемые средневеликорусские говоры имеют все пять особенностей, совмещающая их со взрывным северновеликорусским g . В деталях в различных южновеликорусских и белорусских говорах указанный комплекс явлений сильно варьируется, так что «аканье» ни по существу, ни географически не представляет единого целого.

Эта схема должна была подкрепить общую гипотезу Н. С. Трубецкого, согласно которой после распада прарусского языка (в 1164—1282 гг.) ни одно из наречий не имело таких фонетических изменений, которые происходили бы только в этих наречиях. Каждое из наречий разбилось на отдельные группы говоров, а отдельные фонетические изменения выходят за границы наречий. Где возникло аканье, Н. С. Трубецкой об этом не говорит, но из его предположений вытекает, что оно формируется на обширной южновеликорусской и белорусской территориях. Отказывается он также от гипотезы архаических типов аканья, из которых развиваются поздние типы. Свою схему он не пытается обосновать фактическими данными, конкретной историей языка древнерусской письменности и народных говоров, поэтому ее доказательная сила ничтожна. Замечание Н. С. Трубецкого о невероятности и бездоказательности предположения А. А. Шахматова о сокращении долгого $\bar{a}$ до сокращения других долгих гласных нужно считать правильным.

Редукционную гипотезу происхождения аканья по существу поддержал Р. О. Якобсон.¹⁰ Он отказывается от предположения количественных различий гласных и делает упор на смену типов ударений и на последовавшие за ней изменения. После смены ударения противопоставление «музыкальное ударение — неударяемость» замещается противопоставлением «ударение динамическое — неударяемость». По его мнению, возникшее динамическое ударение привело к сокращению «сильных» гласных a , o , e , ω , $\bar{e}$ в неударяемых слогах. После палатальных согласных

¹⁰ R. J a k o b s o n. Remarque sur l'évolution phonologique du russe. Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 2. Prague, 1929, стр. 83 и след.

эти гласные изменяются и приближаются к *i*, а после твердых через ступень редукции изменяются в *a*. Так возникают иканье и аканье (яканье). Во всем этом процессе проявилась тенденция упрощения системы неударяемых гласных, причем в разных говорах эта тенденция могла реализоваться неодинаково. Диссимилятивное аканье (яканье) вовсе не является обязательным прототипом других типов аканья (яканья). Различные типы аканья могли возникнуть одновременно. В то же время Р. О. Якобсон так же, как и А. А. Шахматов, считает, что аканье возникло на востоке и только позже оно распространилось на запад.

Отрицая древность происхождения аканья, Р. О. Якобсон в то же время, как и А. А. Шахматов, связывает его возникновение с редукцией неударяемых гласных и трактует его как последовашую за редукцией «дередукцию». Таким образом, его схема является в основном модификацией гипотезы А. А. Шахматова.

Редукционная гипотеза получила свою дальнейшую разработку в трудах Р. И. Аванесова и его учеников. Р. И. Аванесов учитывает факторы внутрilingвистического развития (как он их себе представляет) и экстралингвистические обстоятельства. Как и А. А. Шахматов, исходным пунктом возникновения аканья он считает редукцию неударяемых гласных. «Все признают, — писал он, — что образование аканья так или иначе связано с новым перераспределением экспираторной силы между разными слогами — с редукцией гласных в одних безударных слогах и, напротив, их усилением — в других».¹¹

В то же время предположение А. А. Шахматова о древнем происхождении аканья решительно отвергается. Во-первых, редукция гласных неударяемых слогов произошла после исчезновения слабых *ъ* и *ь*. Если бы эта редукция была древней, то судьба исконных и новых редуцированных совпала бы, чего нет на самом деле.¹² «Об этом же свидетельствует то, что ни в одном акающем говоре не имеется никаких указаний на различия в вокализме исконного первого предударного слога и первого предударного слога, ставшего таковым после падения редуцированных».¹³ Например, при диссимилятивном аканье *силá*, *стйнá*, *рибáя*, *сялú*, *стянú*, *рябúю* и рядом *цвйткá*, *питкá*, *лиснáя*, *цвяткú*, *пяткú* (др.-русск. *цвѣтъка*, *пятъка*, *лѣсъная*). То же нужно сказать о судьбе гласных *o* и *e* на месте сильных *ъ* и *ь*, оказавшихся в первом

предударном слоге: *тынкá*, *тѣмб* (*тѣмъка*, *тѣмъно*), как и *выдá*, *салб*.¹⁴

Во-вторых, аканье возникло после изменения древних *б* (под восходящей интонацией) и *д* (под нисходящей интонацией) в *б* и *о*, так как в архаическом яканье гласные первого предударного слога по-разному реагируют на *б* (из *б*) и *о* (из *д* и *ъ*) (что было открыто еще Л. Л. Васильевым).¹⁵

В-третьих, аканье возникло до изменения в известном положении *'e* в *'o*: в диссимилятивном яканье предударные гласные одинаково реагируют на ударяемые *'e* и *'o* из *'e*. Изменение *'e* в *'o* в южновеликорусском наречии — сравнительно позднее явление.

В-четвертых, на позднее происхождение аканья указывают данные лингвистической географии. Аканье могло возникнуть лишь после того, как бассейн Москвы и верхней Клязьмы вошел в состав Ростово-Суздальской земли, что произошло в 1-й половине XII в. Говор населения указанного района долгое время был акающим. Население же это, по данным археологии, было потомками вятичей. Несовпадение территории вятичей с первоначальным распространением аканья свидетельствует о том, что аканье возникло после распада вятичского племенного образования, следовательно, не в эпоху родоплеменного строя, а уже во время феодализма. Правда, заметим мы, нам пока решительно ничего не известно о живой народной речи бассейна Москвы и верховьев Клязьмы XII в. и более ранних времен. Можно с одинаковым правом предположить, что это население не окало, а акало. Можно также предположить, что акающее население было потеснено акающим во время присоединения этого района к Ростово-Суздальскому княжеству. Оба взаимоисключающих предположения одинаково бездоказательны.

Как считает Р. И. Аванесов, аканье возникло в конце XII — первой половине XIII в. на территории Рязанского, Новгород-Северского и Черниговского княжеств, откуда оно позже распространяется на запад, северо-запад и север.¹⁶

В реконструкции истории аканья Р. И. Аванесов опирается на диссимилятивные типы яканья. Как и А. А. Шахматов, он считает первичным видом диссимилятивное яканье обоянского и задонского типов. Дальнейшее развитие яканья шло по линии упрощения этих типов. Так возникает жыздринское яканье, в котором утрачивается зависимость гласных первого предударного

¹⁴ Другого и нельзя было ожидать, так как слоговая структура слова после падения *ъ* и *ь* была перестроена. Древнейший тип аканья, если он существовал до падения редуцированных, неизбежно подвергся бы соответствующему изменению. Следовательно, данный довод Р. И. Аванесова можно и не принимать во внимание.

¹⁵ С одинаковым правом можно предположить и другое: гласные первого предударного слога по-разному реагировали еще на древние *б* и *о*.

¹⁶ Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. ВЯ, 1952, № 6.

¹¹ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 138.

¹² В. Р. Кипарский по этому поводу замечает, что ничего нельзя сказать о том, действительно ли *ъ* и *ь* должны были быть идентичны новым редуцированным *a* и *e*, которые реконструировал А. А. Шахматов (V. Kirarsky. Russische historische Grammatik, I. Heidelberg, 1963, стр. 139).

¹³ Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка великорусской народности. ВЯ, 1955, № 5, стр. 28.

слога от характера ударяемых гласных среднего и средневверхнего подъема. Донское яканье возникает в конце XVI—XVII в., когда среднее и нижнее течение Дона и Северный Кавказ заселяются русскими поселенцами из разных южновеликорусских областей. Задонское яканье образуется в результате «подравнивания» ранних типов диссимильятивного яканья. Жиздринское яканье возникло раньше задонского — в XV—XVI вв. Оно образовалось в эпоху Литовско-Русского государства, в которое с XIV в. начали входить «верховские княжества» и область Курска. Из этих земель диссимильятивное яканье вместе с аканьем распространилось в Смоленской и Полоцкой областях, где и оформился упрощенный жиздринский тип. Правда, заметим мы, остается совершенно неясным, почему аканье (яканье) не охватило соседние черниговские, полтавские и другие земли, которые также входили в состав указанного государства, почему аканье уже в XIV в. проявляется в Пскове, который никогда не был в составе Литовско-Русского государства. Впрочем, обо всем этом будет сказано позже.

Развивая свою гипотезу, Р. И. Аванесов считает, что древнее южновеликорусское наречие представлено курско-орловской, рязанской и тульской группами. В наибольшей степени исконный тип вокализма первого предударного слога сохранили курско-орловские говоры. Это объясняется тем, что в XIV—XV вв. курско-орловская окраина перешла к Литве и оказалась в изоляции от Москвы, что способствовало консервации архаического яканья. Таким образом, верхнее и среднее течение Оки (с ее правыми притоками) и бассейн верхнего Сейма — территория, на которой возникло аканье и само южновеликорусское наречие. Эта территория не совпадает с границами вятичской земли: вятичи жили и в районе Москвы, где первоначально, как полагает Р. И. Аванесов, не было аканья, а на Сейме жили северяне.

Исходя из вышеизложенного, следует полагать, что архаичное диссимильятивное яканье господствовало и в рязанской, и в тульской группах. Начинаются усиленные поиски разновидностей диссимильятивного яканья во время собирания материалов для диалектологического атласа русского языка в различных южновеликорусских районах. Диалектологические экспедиции, имея такую установку, находят эти разновидности. Так, раньше считалось, что в рязанских говорах господствует сильное яканье. Теперь, указывает Р. И. Аванесов, установлено, что в этих говорах основным типом является не сильное, а ассимильятивно-диссимильятивное яканье. Следовательно, в древности в рязанских говорах было диссимильятивное яканье архаического типа. Выдвигается следующая историческая цепочка: диссимильятивное яканье > умеренно-диссимильятивное > ассимильятивно-диссимильятивное > сильное. В тульских говорах следов диссимильятивного яканья обнаружить не удалось. Однако все же предполага-

ется, что и в них когда-то было диссимильятивное яканье архаического типа, которое позже было заменено яканьем умеренным, которое, как считает В. Н. Сидоров,¹⁷ возникло под влиянием северновеликорусского ёканья.

Правда, остается неясным, почему не сохранилось архаическое диссимильятивное аканье: диссимильятивному яканью всюду сопутствует полное аканье, независящее от характера ударяемых гласных. Исключение составляет лишь жиздринско-белорусский тип аканья, но он считается поздним. Надо обнаружить и диссимильятивное аканье. Ученица Р. И. Аванесова Т. Г. Строганова как будто его обнаруживает и считает (правда, с различными оговорками), что территория диссимильятивного аканья в основном совпадает с территорией диссимильятивного яканья.¹⁸

Следует отметить, что Р. И. Аванесов, предложив свою интерпретацию происхождения и развития современных типов яканья, делает существенную оговорку: он не вовсе исключает иное предположение, согласно которому различия между этими типами могут быть и древними, созданными особенностями ударяемого вокализма, имевшего место до возникновения яканья, т. е. современные типы яканья, может быть, возникли одновременно.¹⁹ Разумеется, указанное предположение находится в полном противоречии с развиваемыми им идеями.

Редукционная гипотеза, как она была сформулирована Р. И. Аванесовым, стала господствующей в советских вузах и нашла свое отражение в ряде учебников и учебных пособий по диалектологии и исторической грамматике русского и белорусского языков.²⁰ Нашла она поддержку и в дискуссии о происхождении аканья, имевшей место на страницах журнала «Вопросы языкознания». П. С. Кузнецов также полагает, что аканье возникло после падения ъ и ѣ, причем в основе его лежат процессы диссимильяции гласных. Правда, диссимильяция гласных в языках мира — довольно редкое явление, но все же она возможна. Остается только неясным, почему диссимильяция распространилась лишь на гласные первого предударного слога и какими причинами она вызвана. «Сложность состоит в том, что диссимильятивная система, представленная в нашем архаическом типе, не является прямо противоположной никакой из систем, представленных в сингармонических языках, где известен сингармонизм или по

¹⁷ В. Н. Сидоров. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, т. II, М., 1952, стр. 57 и след.

¹⁸ Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма. ВЯ, 1955, № 4, стр. 94 и след.

¹⁹ Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка, стр. 38.

²⁰ В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 211—227; Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957, стр. 68 и след., и др.

ряду (переднему-заднему, высокой-низкой тональности, если пользоваться терминологией признаков Якобсона), или по лабиализации (бемольности ~ небемольности), но не по подъему (или компактности ~ диффузности). Вопрос пока остается открытым».²¹ Является ли диссимилиация явлением спонтанным или субстратным, для решения этой задачи, замечает П. С. Кузнецов, у нас нет данных. Если в основе возникновения аканья лежит неизвестно почему появившаяся диссимилиация, то обязательна ли, спрашиваем мы, при этом ступень редукции неударяемых гласных первого предударного слога и как же быть с другими неударяемыми слогами? Эти проблемы, являющиеся кардинальными с позиции гипотезы П. С. Кузнецова, остаются практически неразрешенными. Таким образом, его гипотеза приводит нас в тупик.

Попытки Г. А. Хабургаева,²² В. В. Колесова²³ и некоторых других авторов осмыслить происхождение аканья в свете фонологических теорий или не дали ничего существенно нового, или же остались недоказанными. Правильно пишет сам Г. А. Хабургаев: «Нельзя не заметить, что некоторые предложенные фонологические интерпретации русского аканья не дают принципиально нового решения проблемы, а лишь возводят на уровень фонологии уже высказанные ранее фонетические гипотезы — со всеми их неточностями и противоречиями».²⁴ Отметим лишь, что Г. А. Хабургаев возражает против прямолинейного возведения существующих разнообразных типов аканья-яканья к диссимилативному типу обоянской разновидности. Он считает, что ассимилятивно-диссимилативное аканье-яканье может быть таким же древним, как и диссимилативное.

Если среди сторонников редукционной гипотезы и диссимилативного аканья как первичной ступени аканья имелись и имеются крупные слависты и русисты, то и гипотеза об аканье как наследии древнего общеславянского вокализма поддерживается также известными специалистами в области славистики. Переходной ступенью между двумя конкурирующими гипотезами является мнение Н. Ван-Вейка об интересующем нас явлении.²⁵

Н. Ван-Вейк считает объяснение «механизма» возникновения аканья, выдвинутое А. А. Шахматовым, совершенно неудовлетворительным. Очень слабой стороной гипотезы А. А. Шахматова является количественная характеристика гласных. Остается необъясненным, почему в эпоху предполагаемой редукции неударя-

²¹ П. С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья. ВЯ, 1964, № 1, стр. 41.

²² Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья. ВЯ, 1965, № 6.

²³ В. В. Колесов. О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье. ВЯ, 1964, № 4.

²⁴ Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях... стр. 55.

²⁵ N. van Wijk. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje. Slavia, 1934—1935, XIII.

емых гласных ударяемые гласные *и, ъ, у, ё, ѿ* оставались долгими, а долгое *ā* — сократилось. Предположение об особом расширении кратких гласных и их редукции имеет характер фокуса-покуса и совершенно фантастично. Вовсе не разъяснено создавшееся в гипотезе противоречие между предположенным квантитетом и общеславянским законом сокращения гласных в известных положениях. Теория А. А. Шахматова должна быть отвергнута.

Н. Ван-Вейк полагает, что аканье произошло поздно, не раньше XIII—XIV вв. Какой-либо аргументации в поддержку этого предположения он не выдвигает. Единственное, на что он ссылается, это отсутствие, по его мнению, каких-либо следов аканья в письменности XIII в. Этот довод, как известно, приводился еще лингвистами XIX в., и, конечно, не в нем заключается интерес работы Н. Ван-Вейка. Н. Ван-Вейк, исходя из материалов о типах аканья-яканья и их географическом распространении, приведенных в известной монографии Н. Н. Дурново,²⁶ критикует концепцию происхождения всех типов аканья-яканья из диссимилативного аканья-яканья «архаичного» вида и предлагает свое оригинальное объяснение истории этих типов.

По Н. Ван-Вейку, нет никакой необходимости предполагать в недиссимилативных типах аканья-яканья диссимилативную ступень в прошлом. Эта ступень не подтверждается ни данными письменности, ни материалами современных говоров. Случаи аканья-яканья в письменных памятниках XIV—XV вв. совершенно не обнаруживают принципа диссимилиции. Предположение об «упрощении» сложных типов диссимилативного яканья в недиссимилативное не имеет никакой научной цены. Сильное яканье имеет тот же вокализм первого предударного слога, что и обычное аканье. Можно в связи с этим полагать, что *а, о, е* в неударяемых слогах совпали в одном звуке (без ступени редукции), который имел перед ударенным слогом «*а-тембр*». В положении между мягкими согласными получился звук типа *ǎ*. Не исключено, что тип с *а* и *ǎ* в первом предударном слоге лежит в основе всех типов недиссимилативного яканья, а также еканья и иканья. Изменение *а* между мягкими согласными в *е* в северновеликорусских говорах известно и под ударением: Особенно ясно развитие сильного яканья представлено в умеренном яканье, при котором *ǎ* сохраняется перед твердыми согласными и изменяется в *е* и *и* перед мягкими. Тот же принцип имеется в северновеликорусском ёканье, где перед твердыми согласными — *ǒ*, а перед мягкими — *е* или *и*, при этом вовсе не нужно предполагать, что в говорах с умеренным яканьем этот принцип проник из северновеликорусского наречия. Каждый тип аканья-яканья представляет собой сочетание признаков, каждый из которых в от-

²⁶ Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I, вып. 1. М., 1917; вып. 2. М.—Шмародино, 1917.

дельности в близкородственных говорах мог возникнуть в разное время и получить неодинаковый ареал.

Иной дифференцирующий принцип развился в говорах с диссимилативным яканьем. Здесь оказывается *a* перед гласными верхнего подъема и *e*, *u* или *ь* перед *a* и *e*, тогда как перед гласными среднего подъема действовали местные условия, при которых развитие предударного гласного совпадало с тем же, что произошло перед ударяемыми *a* или *u*, *ы*, *у*. Между умеренным и диссимилативным яканьем образуются смешанные умеренно-диссимилативные и диссимилативно-умеренные типы, к которым относятся суджанское и щигровское яканье. Ассимилативное (сравнительно редкое) яканье является производным от умеренного яканья и иканья, модифицированных посредством нового принципа — ассимиляции. Ассимилативно-диссимилативное яканье в его разновидностях также представляет собой смешение разных принципов (ассимиляции и диссимилации); его возможно объяснить и из сильного яканья при воздействии принципа «умеренности» и диссимилативности.

Вполне можно предположить, что в ранний период развития аканья и яканья в южновеликорусской, средневеликорусской и белорусской областях было два основных типа яканья: умеренное и диссимилативное, которые в свою очередь происходят от исходного сильного яканья. Принципы диссимилации и умеренности стали действовать позже возникновения самого аканья-яканья. Н. Ван-Вейк обращает внимание на то, что ареалы диссимилативного аканья и яканья не совпадают: ареал диссимилативного яканья гораздо шире ареала диссимилативного аканья. Это не случайно: когда начала действовать диссимилативная тенденция, она нашла себе после мягких согласных более благоприятную почву, чем после твердых, потому что «амплитуда» фонемы *a* здесь была больше — нюансы произношения от *a* до *e* и *ь* можно было легко использовать для «дифференцирующей цели». Поскольку в белорусских и западнорусских говорах диссимилация осуществлена и после твердых согласных (диссимилативное аканье), т. е. наиболее полно, можно предположить, что диссимилативная тенденция возникла в Белоруссии и отсюда распространилась на восток в южновеликорусские говоры. В таком случае белорусскую диссимилацию можно считать древнейшей, а так называемые обоянский и задонский «архаические» типы можно рассматривать как локальную вариацию белорусского диссимилативного яканья. Если это так, то указанные типы для вопроса о происхождении и развитии аканья имеют ничтожное значение. Но даже если это предположение не может быть доказано, все равно авторитет «архаических» типов не может не быть потрясен ввиду того, что обоянско-задонские говоры расположены в области, население которой пришло сюда поздно из разных местностей Московского государства. Остается лишь один аргумент в пользу архаичности

обоянского и задонского типов: различная реализация фонемы первого предударного слога перед ударяемыми ω ($y\bar{o}$), $\bar{e}$ ($i\bar{e}$) и o , e . Однако совершенно очевидно, что ω и $\bar{e}$ в своей первой части (*u*, *i*) действовали так же, как и монофтонги *y*, *u*. А в этом нет ничего архаичного.

Схема Н. Ван-Вейка эскизна, и многие вопросы происхождения и развития аканья в ней остаются неосвещенными или недоказанными. Прежде всего остался открытым вопрос о самом образовании аканья, в ней не показано, каковы были причины и каков был механизм сложения предполагаемого первоначального сильного аканья-яканья. И все же нужно считать идею Н. Ван-Вейка о одновременном и различном происхождении отдельных элементов аканьющего предударного вокализма в разное время и на разных территориях интересной и плодотворной. Во всяком случае после работы Н. Ван-Вейка гипотеза непогрешимости редукционной гипотезы и мнения об архаичности диссимилативного аканья прекратил свое действие. К сожалению, сторонники редукционной гипотезы не заметили концепцию Н. Ван-Вейка и не попытались подвергнуть ее критическому анализу.

Родоначальником второй группы гипотез, связывающих происхождение аканья и противопоставленного ему оканья с изменениями в системе гласных позднего праславянского языка, как было сказано выше, также был А. А. Шахматов, который в дальнейшем отказался от своей первоначальной точки зрения и выдвинул редукционную гипотезу. Мысли о древнем возникновении аканья (по-видимому, независимо от А. А. Шахматова) возникли и у других славистов. А. Мейе в свое время писал: «Переход безударного *o* в *a* в части русских диалектов несомненно отдаленно связан с древним различием тембров *o* и *a*».²⁷ Л. В. Щерба высказывал предположение (к сожалению, нигде им не опубликованное), согласно которому аканье и оканье есть результат изменения праславянского o^a или a^o в безударном положении в одних диалектах в *a*, а в других — в *o*. Мысль о том, что аканье и оканье одинаково древни и возникли задолго до развития редукции неударяемых гласных, высказывалась в свое время и автором настоящих строк.²⁸ Предположение о сильном аканье-яканье как об исходном архаическом типе и о диссимилативном аканье-яканье как о более позднем типе выдвигала О. Б. Курило.²⁹

Достаточно определенно высказался в пользу древнего происхождения аканья А. Вайян.³⁰ Гипотеза А. Вайяна сводится

²⁷ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 44.

²⁸ Ф. П. Филин. К вопросу о происхождении аканья. В кн.: Диалектологический сборник под редакцией А. С. Ягодинского, П. Вологда, 1941.

²⁹ О. Курило. До питання про умови дисимілятивного аканья.

³⁰ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Paris, 1950, стр. 107, 234.

к следующему: 1) нет никакой генетической связи между аканьем и редукцией неударяемых гласных; 2) сильное аканье (яканье) является прототипом всех других разновидностей аканья (яканья); 3) первоначальным центром аканья была Белоруссия, скорее всего, ее северо-западные области, а также, возможно, район Пскова; 4) аканье и оканье возникли примерно в VIII в. А. Вайян выводит современные аканье и оканье из праславянского $\check{a}$, существование которого доказывается наличием этого гласного в заимствованных словах раннего периода. Гласный $\check{a}$ под ударением получил большую степень лабиализации и изменился в o во всех славянских языках, а в неударном положении судьба его оказалась двойственной: в одних диалектах он также лабиализовался и изменился в o (образовалось оканье), в других (в Белоруссии) — лабиализация исчезла и $\check{a}$ преобразовался в a (возникло аканье). Также объясняется и яканье, связанное с судьбой праславянского $\check{e}$. Этот $\check{e}$ был очень открытым гласным, почти $\check{e}$. Моделью этому гласному, по А. Вайяну, может послужить современное литовское произношение.³¹ Произношение $\check{e}$ как $\check{a}$, конечно, предшествовало изменению e в o в известных позициях. Под ударением древнее $\check{a}$ сузилось и изменилось в e , а в безударном положении судьба $\check{a}$, так же как и $\check{e}$, оказалась двойной: $\check{a}$ также сузился и изменился в e и $\check{a}$ сохранился (сильное яканье). После изменения характера ударения, развития редукции безударных гласных, преобразования o и o и других перемен, протекавших в восточнославянской области неравномерно, первоначальный исходный тип — сильное аканье и яканье — претерпел существенные локальные изменения. Образовались современные разнообразные типы аканья и яканья.

В пользу древности аканья кроме сравнительно-исторических данных и показаний заимствованной лексики свидетельствуют и некоторые другие факты. Г. Ф. Шило указывает на отсутствие в белорусских и южновеликорусских говорах протетического e в словах с акающим началом (*акнб, анб, агбнь* и т. п., а не *вакнб, ванб, вагбнь*). Следовательно, аканье возникло раньше протетического e .³² По-новому и вполне естественно объясняются «гипернормальное» оканье в таких словах, как русск. *боран, лошадь, товар, хозяин, колпак*, укр. *комбиш, козак, локиш* и т. п., и ряд других явлений.

Особенно много внимания обоснованию древности аканья уделил В. И. Георгиев, посвятивший этой проблеме ряд своих работ.³³ По В. И. Георгиеву, вопрос о происхождении аканья

³¹ Там же, стр. 109.

³² Г. Ф. Шило. Явище протети в слов'янських мовах. Вопр. слав. яз. зн., вып. 2. Львов, 1949, стр. 246.

³³ В. И. Георгиев. 1) Праславянский и индоевропейский языки. В кн.: Славянская филология, т. III. София, 1963; 2) Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка. ВЯ, 1963, № 2; 3) Обще-

должен решаться не столько на базе русской диалектологии и истории русского языка, сколько на основе определения фонематической структуры праславянского языка и дальнейшего ее развития. Как звучало в праславянском языке слово, обозначающее воду, *voda или *vada, это можно решить только на основе сравнительно-исторического изучения всех славянских языков. Сторонники гипотезы позднего происхождения аканья неправильно игнорируют праславянскую фонологическую систему. Реконструкция этой системы дает основание предполагать, что в праславянском языке до конца его существования было соотношение не $\delta : \bar{a}$, а $\check{a} : \bar{a}$. В пользу такого предположения В. И. Георгиев приводит следующие факты: 1) в древних заимствованиях из греческого, латинского, дакийского, германских и других языков гласный o (открытый или закрытый) в славянских языках никогда не передается через o , а всегда передается через $\check{z}$ (или $\check{y}$) и y (или u). Такая передача была бы необъяснима, если бы в праславянском языке произносился o , а не a ; 2) древнеславянские слова, заимствованные в греческий, латинский, финно-угорский и другие языки, передаются в заимствующих языках с a , а не o ; что также свидетельствует о наличии в праславянском языке гласного $\check{a}$. Широко распространенное мнение, согласно которому праславянское δ было открытым гласным, приближающимся к $\check{a}$ (δ^a, δ^o), не доказано. Предположение, что a в латинских документах является субституцией широкого славянского δ ,³⁴ тоже не доказано, тогда как наличие праславянского $\check{a}$ подтверждается не только латинскими, но и финно-угорскими, германскими, румынскими, албанскими, греческими и другими языками; 3) южнославянские (также чешские и словацкие) сочетания *trat, ilat* естественно объясняются, если считать, что в праславянском языке были **tärt, *tält*; предполагаемый же переход **tört, *tölt* > *trat, llat* необъясним. То же нужно сказать и о сочетаниях *rat, lat*, восходящих к **rät, *lät*, а не **röt, *löt*; 4) обычно *je* объясняется из праславянского *jo (*поле* < *poljo и т. п.), однако такое объяснение является искусственным. Если же мы предположим переход *ja* > *jä* > *je*, то все становится на свое место. Совершенно непонятно также предполагаемое изменение праславянского *je в *jo*, тогда естествен переход *ja* > *jä* > *je* > *o* (ст.-сл. *яльха* — русск. *ольха* и т. п.).

Таким образом, в праславянском языке были фонемы $\check{a} : \bar{a}$. В конце праславянского периода краткий $\check{a}$ лабиализовался, изменившись в o , в связи с чем его коррелят $\bar{a}$ утратил ставший излишним свой дифференциальный признак (долготу) и сокра-

славянское значение проблемы аканья. ВЯ, 1964, № 4; 4) Вокалната система в развоја на славянските езици. София, 1964; 5) Аканье и яканье в истории русского языка. В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965; 6) Нови теории и традиционални заблуди. Български език, 1965, кн. 4—5, и др.

³⁴ Я. Риглер. К проблеме аканья. ВЯ, 1964, № 5.

тился в *a*. Изменение *ǎ* в *o* происходило в разных славянских областях неравномерно и не в одинаковое время. Судя по показаниям заимствованных слов, *ǎ* > *o* под ударением началось раньше, может быть, даже с IV в. н. э. Этот процесс захватил все древние славянские диалекты. Древнее *ǎ* сохранилось в ст.-сл. *ал(ъ)диш*, *ал(ъ)кати*, *ал(ъ)чьнъ*, *альниш*. Колебания в старославянском языке *rabъ* и *robъ*, *rabши* и *robши* и другие объясняются вовсе не тем, что формы с *ro-* были заимствованы, а тем, что на почве древнеболгарского языка имел место двойкий процесс изменения *ǎ* под ударением: *ǎ* > *ā* и *ǎ* > *o*. Ср. в современных болгарских диалектах *лѣбѡда* и *лѡбѡда*, *лѣбѡд* и *лѡбѡд*, *лѣдѡ* и *лѡдѡ* и др.

Что касается изменения неударяемого *ǎ* в *o*, то этот процесс начался в VII—VIII вв. В болгарском языке он завершился к середине IX в., как и в большинстве славянских языков и диалектов. В далматинских диалектах сербохорватского языка колебания между древним *a* и новым *o* существовали вплоть до XIV в. В ряде славянских диалектов древний *a* сохранился вплоть до настоящего времени. Таким образом, аканье древнее оканья. Не аканье произошло из оканья, а, наоборот, оканье из аканья.

Аканье сохранилось не только в южновеликорусских говорах, русском литературном и белорусском языках, но и в родопском (смолянском) диалекте болгарского языка, в одном из сербохорватских диалектов,³⁵ в преобразованном виде в словенском языке. В родопском аканье любой предударный *o* произносится как *a*, а в заударных слогах аканье непоследовательно. Оно обычно отсутствует во флексиях (в существительных мужского рода на *o*, в звательной форме мужского и женского рода, в причастиях прошедшего времени единственного числа среднего рода, в глагольной наставке *-оам* и др.). В 1964 г. М. С. Младенов открыл в с. Ракитове аканье, которое охватывает все заударные слоги, в том числе и флексии.³⁶ О происхождении родопского аканья писалось много. Л. Милетич считал, что родопское аканье возникло только после падения редуцированных. Одним из результатов падения *ъ* было возникновение чередования *o* (под ударением) и *a* (в предударном слоге): *дош* ~ *даждѡт* (из *дъждь*). По аналогии с этим чередованием стало произноситься и *вѡда* ~ *вадѡта* и т. п., т. е. образовалось родопское аканье.³⁷ За гипотезой Милетича последовали Стойков, Мирчев, Бернштейн и другие болгар-

³⁵ I. Mahnken. Slavisch und Romanisch im mittelalterlichen Dubrovnik. Zeitschr. für Balkanologie, I, 1962/1963, стр. 60 и след.

³⁶ М. С. Младенов. Неизвестен тип акавизъм в родопските говори. (Следударен акавизъм на с. Ракитово, Пазарджишко). Български език, 1966, кн. 1.

³⁷ Л. Милетич. «Акане» и «гълногласие» в централния родопски говор. Македонски преглед, 1936, X, 1—2.

ристы. С. Стойков, указывая, что гипотеза Милетича не объясняет новые факты, которые стали известны только теперь, также считает, что родопское аканье относительно новое явление, возникшее после исчезновения редуцированных и носовых гласных в эпоху перехода староболгарского языка к новоболгарскому как результат полной перестройки старой вокальной системы.³⁸ Как замечает М. С. Младенов, гипотеза С. И. Стойкова не объясняет оригинальное заударное ракитовское аканье, поэтому вопрос остается открытым.³⁹ В. И. Георгиев рассматривает родопское аканье как локальную архаическую консервацию праславянского *a* в неударном положении.

Что касается аканья некоторых словенских диалектов, то оно обусловлено не безударностью, а краткостью слога, поэтому оно отмечается не только в безударных слогах, но и под ударением. Обычно его считают поздним явлением. Например, Я. Риглер считает, что в словенском языке, вероятно, в IX в. имело место сокращение праславянского старого акута (типа *brātrъ* > *brāt*, *nāšъ* > *nāš*) и удлинение праславянского краткого циркумфлекса (*nōsъ* > *nōs*, *kōlo* > *kōlo*). Следовательно, гласный *o* был в праславянском языке по крайней мере в ударяемых слогах. Скорее всего, в IX в. *o* существовало до сокращения акута, иначе староакутный *a* и новоакутный *o* совпали бы, чего не произошло на самом деле. Я. Риглер относит происхождение словенского аканья к XV—XVI вв. и объясняет его как результат ослабления напряженности артикуляции *o* в безударных и кратких слогах.⁴⁰ Однако, считает В. И. Георгиев, гипотеза Я. Риглера не попадает в цель: изменение *ǎ* в *o* имело место в неударных слогах еще в VIII—IX вв., а под ударением — еще на один-два века раньше, причем оно происходило в разных славянских языках неодновременно.⁴¹

Критически рассматривая редуциционную гипотезу, В. И. Георгиев считает, что сущность редукции неударяемых гласных заключается прежде всего в сужении широких гласных. С этой точки зрения *o* не могло измениться в *a* через ступень редукции, так как *a* — несомненно более широкий гласный, чем *o*. Поскольку *a* не происходит из редуцированного *o*, а является сохранением в безударном положении праславянского *ǎ*, предположение, что аканье не могло возникнуть раньше падения *ъ* и *ь*, отпадает. Не противоречит гипотезе древнего происхождения аканья и совпадение судьбы *ъ* и *ь* с судьбой *o* и *e*: *тѡнкий*—*танка* (< др.-

³⁸ С. Стойков. 1) Българска диалектология. София, 1962, стр. 84 и след.; 2) Акане в говора на с. Триград, Девинско. Български език, 1963, кн. 1.

³⁹ М. С. Младенов. Неизвестен тип акавизъм в родопските говори, стр. 38.

⁴⁰ Я. Риглер. К проблеме аканья.

⁴¹ В. Георгиев. Нови теории и традиционални заблуди, стр. 298—299.

русс. *тѣнкий*) произносится как *крѣткій* — *краткѣ* (< др.-русс. *крѣткій*) — в сильной позиции под ударением $\bar{\epsilon} > o$, а в безударном положении $\bar{\epsilon} > a$, ср. болг., смолянск. *вѣлк*, но *валѣдт*, словацк. *тѣхъ > tach* 'мох').⁴²

В. И. Георгиев находит подтверждение существованию аканья в некоторых древнерусских памятниках XI—XIII вв. В новгородской берестяной грамоте № 87 XI—XII вв. есть «*Ѡ Дрочке Ѡ пана пѣклананіе*» — *пана* 'попа' явное 'отображение аканья, а в *пѣклананіе* буква $\bar{\epsilon}$ передает *a* или *э*. В Смоленской грамоте 1229 г. $\bar{\epsilon}$ в безударном положении также, по мнению В. И. Георгиева, означает *a* (*э*) живого говора писца.⁴³

Гипотеза В. И. Георгиева вызвала оживленную дискуссию на V Международном съезде славистов в сентябре 1963 г. Она была поддержана А. Врачу, В. К. Журавлевым и некоторыми другими языковедами. В. К. Журавлев высказал мысль, что в праславянском языке до монофтонгизации дифтонгов и возникновения нового *и* (< *au*) признак лабиальности гласных не мог быть существенным, следовательно, не могло быть и противопоставления $\bar{o}$ и $\bar{a}$; гласные противопоставлялись по признаку долготы, значит было $\bar{a}$ и $\bar{a}$, как и $\bar{i}:\bar{i}$, $\bar{y}:\bar{y}$, $\bar{e}:\bar{e}$. Только после того как монофтонгизируются дифтонги и появляется лабиализованный гласный *и*, лабиализованность начинает играть существенную роль, а долгота: краткость нейтрализуются. Краткий гласный $\bar{a}$ лабиализуется и изменяется в $\bar{a}, o^*$ (вероятно, первоначально только под циркумфлексным ударением). Возникновение *o* (следовательно, и аканья и оканья в безударном положении) имело место в IX в., незадолго до Кирилла и Мефодия.⁴⁴ Высказывались и возражения. И. Фодор считает, что нельзя забывать о трехстепенной структуре слова в акающих говорах: 1) ударное, 2) первое предударное и 3) другое безударное положения, в которых гласные реализуются по-разному: *гбрѣд* ~ *гѣрадѣ*, *час* ~ *чѣса* *вѣй* и т. п. «Изменение *a > o* может быть доказано только в том случае, если взаимосвязанная современная структура аканья, яканья, еканья и ёканья удовлетворительно выясняется этим путем».⁴⁵ В. Кипарский поставил вопрос, почему в словах типа *кот*, *котѣ*, *котѹ* и пр. имеется *o*, которое всегда было безударным (< **kotѣ*), а нет ни в одном акающем диалекте *кат*, есть *кѣтик*, но нет *кѣтик*? Ср. также *орѣл*, *орлѣ* и т. п., *брлик*, но не *ѣрлик*. «Здесь не было такой параллели, как, например, *хѣдѣть* — *хѣдѣшь*, где могла играть роль чувство говорящих,

⁴² В. И. Георгиев. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, стр. 25—26.

⁴³ В. И. Георгиев. Аканье и иканье в истории русского языка, стр. 74 и след.

⁴⁴ В. К. Журавлев. Выступление по докладу В. Георгиева. В кн.: Славянска филология, т. VII. Езикознание. София, 1965, стр. 107.

⁴⁵ И. Фодор, там же, стр. 105—106.

что *o* и *a* появляются в одной и той же парадигме».⁴⁶ В грамоте 1229 г., указывает В. Кипарский со ссылкой на исследование Тимчиновой, нет ни малейшего следа отражения аканья и редукции безударных гласных. Орфографическая особенность (смещение букв $\bar{\epsilon}$ и *o* и др.) указанной грамоты объясняется тем, что оригинал ее был написан немцем, хорошо владевшим русским языком, но не знавшим традиционной орфографии.

Наконец, следует отметить наличие у ряда лингвистов скептического отношения к возможностям решения проблемы происхождения аканья. П. Арумаа, например, считает, что очень сомнительно, чтобы с помощью далеко не безупречного материала можно было бы решать такой деликатный фонетический вопрос, как тонкая окраска гласного *a* или *a^o* в доисторическую эпоху. Не в состоянии пролить на это свет также и фонологические методы с их логико-абстрактными построениями.⁴⁷

Конечно, скептическое отношение к освещению трудных научных проблем очень удобно, поскольку оно позволяет оставаться в стороне от попыток решения их, однако вряд ли таким путем мы можем приблизиться к искомой истине. Происхождение оканья и аканья продолжает оставаться нерешенным вопросом, все же его выяснение не может считаться безнадежным делом. Мне представляется, что путь к решению этой задачи лежит прежде всего в исследовании всего материала: сравнительно-исторических данных, о которых шла речь выше, показаний памятников и современных говоров.

2. Данные восточнославянской (древнерусской) письменности

О традиционности древнерусского окающего правописания, сложившегося в главных культурных центрах древней Руси (Киев и Новгород прежде всего) в среде окающего населения на основе старославянской орфографии, писалось уже много. Как известно, окающая орфография является обязательной нормой и в современном русском письме, хотя литературное русское произношение является акающим. Правда, в древнерусскую эпоху нормативность орфографии не была столь жесткой, как в наше время. Отступления от орфографических канонов так или иначе происходили — к счастью для современных лингвистов. К сожалению, психология и орфографические навыки древнерусских писцов, мотивы отступлений от традиций очень мало изучены. Далеко не всегда мы можем с уверенностью истолковывать звуковое значение этих отступлений. И все же, не забывая о многих нерешенных вопросах, мы можем если не до конца, то прибли-

⁴⁶ В. Кипарский, там же, стр. 106—107.

⁴⁷ Р. Агумаа. *Urslavische Grammatik*, Bd. I. Heidelberg, 1964, стр. 75 и след.

женно судить о фонетических и фонологических процессах, опираясь на данные письменности.

Как уже было сказано в своем месте, акающие области вовсе не представлены письменными памятниками XI—XII вв., т. е. письменностью до падения редуцированных гласных. Из этого может следовать только один вывод: широко распространенное мнение, будто бы аканье является поздней особенностью, поскольку его отражения нет в ранних памятниках древнерусского письма, не может считаться сколько-нибудь обоснованным. Как могло проявиться аканье в письменности окающих областей? На это обстоятельство обратил внимание еще А. А. Шахматов, в 1941 г. автор этих строк и, как кажется, независимо от А. А. Шахматова и меня А. Вайян.⁴⁸ Правда, кое-какие находки ранней древнерусской письменности в акающих областях имеются. Это надписи на предметах материальной культуры. Их немного, и они совершенно непоказательны. Это древнейшая русская надпись на глиняной корчаге начала X в., найденная в гнездовском кургане в 1949 г.: *гороушца*, или *гороушна*, или *гороуня*, или же *гороушца* (чтения, последовательно предложенные Д. А. Авдусиным и М. Н. Тихомировым, П. Я. Черных, Р. О. Якобсоном и Ф. В. Марешом). Возможны и другие чтения, поэтому судить о произношении неударяемых гласных по этой надписи нельзя. Другие находки не содержат в себе каких-либо указаний на аканье. Ср. надпись XII в. на корчаге, найденной А. Л. Монгайтом в Старой Рязани: *новое ви Добрыло послалъ князю(ю) Богоунка*,⁴⁹ граффити на фресках старорязанского Борисоглебского собора: *Игорь, половни*,⁵⁰ надпись на одном из пяти золотых медальонов, найденных в 1822 г. в Старой Рязани: *Орина*,⁵¹ относительно пространная надпись на напрестольном кресте Лазоря Богши, изготовленном для Евфросиньи Полоцкой, 1161 г. без каких-либо следов аканья,⁵² надпись на Рогволодовом камне у с. Дятловки близ Друцка 1171 г.: *ги помози [р]абу своему... Рогволоду*,⁵³ надпись на борисовых камнях на Западной Двине XII—XIII вв.: *помози рабу своему Борису*,⁵⁴ надпись XII—XIII вв. на амулете-змеевике, найденном в 1872 г. близ д. Песдово Рязанского уезда: *помози рабу своему Аньдръови*⁵⁵ и др.

⁴⁸ См. изложение этого вопроса: V. K i r a g s k y. Russische historische Grammatik, I, стр. 137 и след.

⁴⁹ А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 году. Изв. АН СССР, Сер. истории и философии, 1949, № 5, стр. 461.

⁵⁰ Там же, стр. 462.

⁵¹ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 7.

⁵² Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 32—33.

⁵³ Там же, стр. 33.

⁵⁴ А. С. Орлов. Библиография русских надписей..., стр. 38—44.

⁵⁵ Там же, стр. 58.

Неизвестно, где и кем были произведены надписи на предметах, перевозимых из одной местности в другую, поэтому места находок ни о чем не говорят. «Знаменитая чара черниговского князя Владимира Давыдовича найдена в слоях XIII в. в татарском городе Сарае-Берке, тогда как надпись могла быть сделана только в 1140—1151 гг.»⁵⁶ Можно было бы привести немало других примеров, когда вещь изготавливалась в одном месте, а оказывалась в совершенно другом. Иное дело надписи на стенах, тяжелых крестах и иных недвижимых предметах. Однако и в этих случаях, как правило, остается неизвестным, из какой местности происходил автор надписи, на каком диалекте он говорил. Тексты надписей на предметах обычно так коротки, что чаще всего не дают возможности судить об их диалектной принадлежности. Следовательно, окающее правописание надписей на вещах, найденных в акающих областях, еще не свидетельствует об отсутствии в этих областях аканья в XI—XII вв. И в более позднее время, когда наличие аканья в указанных областях уже проявляется в отдельных памятниках и не вызывает ни у кого сомнения, находки письменности без малейших намеков на аканье в этих местах обычны. В грамоте полоцкого архиепископа Симеона 2-й половины XV в., опубликованной И. И. Матвеевым,⁵⁷ нет никаких следов аканья, хотя полоцкий диалект этого времени был безусловно акающим. Е. Ф. Карский отмечает, что имеется немало памятников XV—XVII вв., написанных несомненно в Белоруссии, но в которых аканье никак не отражено.⁵⁸ Можно было бы указать на огромное количество московских памятников XV—XVII вв., в которых также нет следов аканья. Все зависело от того, кто были авторы и переписчики этих произведений. Многие из них несомненно происходили из окающих культурных центров, другие же строго придерживались окающей орфографической традиции. Нужно также иметь в виду, что значительная, если не большая, часть книжников принадлежала духовенству. Представители духовенства, являющиеся выходцами из акающих районов, и в наше время окают, следуя окающему произношению, издревле освященному церковью. Одним словом, факты говорят о том, что существование в акающих областях строго выдержанной окающей письменности никак не может свидетельствовать против наличия в этих областях аканья.

Обычно считается, что аканье начинает отражаться в некоторых письменных памятниках только в XIV в., да и то оно сначала

⁵⁶ Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. V Междунаrodn. съезд славистов. М., 1963, стр. 42.

⁵⁷ И. И. Матвеев. Неизвестная полоцкая грамота второй половины XV в. Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, IV, 1953.

⁵⁸ Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 1. М., 1955, стр. 134—135.

наблюдается лишь в виде немногочисленных единичных примеров. А. И. Соболевский обнаружил первые следы аканья в Сийском евангелии 1339 г.: *кака ты глаголеши, есть дивна в очю нашею, любодѣяныя творить, въ апустѣвшихъ земли*, в Переяславском евангелии 1354 г.: *всажанъ, на вечерехъ, жалаше*. Памятники XV и XVI вв. имеют уже частые случаи аканья, «хотя, впрочем, огромное большинство их, и книги, и грамоты разного рода, московские и западнорусские, упорно придерживаются старой орфографии».⁶⁰ В духовных грамотах великих московских князей XIV в. отмечаются колебания в написаниях собственных имен: *Брошевуо* и *Брашевая*, *Шагатью* и *Шаготью*, *Колуга* и *Калуга*, в грамотах около 1339 г., 1374—1375 гг., 1390 г. и др. — *Растовец* (деревня Переславского уезда) и др.⁶⁰

Следует сказать, что сторонники позднего происхождения аканья считают, что примеры из памятников XIV в. непоказательны и могут быть истолкованы как описки или иные нефонетические явления. Например, А. М. Селищев написания типа *прадаюцимъ* (Московское евангелие 1393 г.) объясняет как описки (*a* вместо *o* под влиянием *a* следующего слога), типа *прикаснуса* — как явление морфологического характера (здесь *a* как в *касатися*), а написания вроде *Брашевая* и *Брошевая* — как неясные по своему звуковому виду.⁶¹ Такого рода дисквалификация случаев отражения аканья в письменности XIV в. довольно распространена. О. А. Князевская уверенно заявляет, что написания *оукарати*, *оутпазу* и др. в Московском евангелии 1358 г. объясняются морфологически и ни в коей мере не указывают на наличие аканья.⁶²

Правильно по этому поводу замечает С. И. Котков, что такая точка зрения не является обоснованной. Ведь наряду с *укарати* в том же памятнике имеются и варианты типа *укорати*. Чем можно объяснить такой разницей? Как полагает С. И. Котков, написания с *a* перед *a* следующего ударного слога вполне могут отражать ассимилятивный тип аканья.⁶³ А главное, почему нет подобного рода «описок» и колебаний в написании *o* и *a* в глагольных формах в подавляющем большинстве древнерусских памятников? На этот вопрос можно ответить только однозначно:

⁶⁰ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 77. Изд. 5. М.: УРСС, 2005.

⁶¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

⁶² А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка. Уч. зап. Моск. гор. пед. инст., т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 188.

⁶³ О. А. Князевская. К истории русского языка северо-восточной Руси в середине XIV в. Тр. Инст. языковедения АН СССР, т. VIII, 1957, стр. 162.

⁶⁴ С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, стр. 32.

омещение букв *o* и *a* как явление не единичное представляет собой не описки, а отражение аканьющего произношения писца.

Написания *a* вместо *o* встречаются в памятниках XI—XIII вв. Л. А. Булаховский отметил единичный пример в Новгородской минее 1097 г.: *багатьно* (с сомнением, описка это или нет).⁶⁴ В. В. Колесов приводит из Новгородской минее 1095 г. целую серию подобного рода написаний: *ширата, окавасте, прообравава, радити, неополѣвши огньмъ, порьвнанававши*; из других миней XI в.: *неразаримо, даравати, избовляюци, обжаемы, оудабраса, огна полцаго, прилжаниемъ* и др.⁶⁵ По мнению С. И. Коткова, в одном ряду с безусловными случаями отражения аканья, возможно, «находятся редкие случаи взаимной мены *a* и *o* в безударном положении в новгородских грамотах XIII—XIV вв., которые А. А. Шахматов объясняет либо морфологически, либо книжным происхождением, опиской или недоразумением».⁶⁶

Примеры с написанием *a* вместо *o* имеются в некоторых ранних новгородских берестяных грамотах: *Ѡ Дрочке Ѡ папа пѣкланьяше* (№ 87 XI—XII вв.); и *Ѡ меже дахо сарати* (как считает В. И. Борковский, *сѣорати* 'запахать', 'паханьем уничтожить');⁶⁷ № 211, вторая половина XIII в.); *я даю князю дьяскаму гривною сѣрѣра* (= князю денскому, № 222, рубеж XII и XIII вв.); *азо канеце тое сам...* (= я конец тот сам..., текст оборван, № 227, XII—XIII вв.); *Ѡ даи 30 гривно и та 8 Мули и сиа с тебе сюда* (№ 395, вторая половина XIII—начало XIV в.); *Ѡ Михалѣ атцеви* (= от Михалѣ к отцу, № 404, вторая половина XIII в.). К этим примерам можно прибавить еще собственное имя *Акосово* (= Окосово) в грамоте № 55 XIII в., и *во възѣ пашено* (= пшено < пшено, № 108, XIII в.; ср. в современных говорах *пашанб, пашаница, пушанб* и т. п.).⁶⁸ Приведенные примеры нельзя истолковать как грамматическое явление. Это или описки, которым не следует придавать никакого значения, или же отражение аканья. Однако трудно усмотреть без натяжек описки в таких написаниях, как *канеце, тебе, атцеви, пашено*, в которых нет никаких поводов для графических ассоциаций и иных видимых причин для орфографических промахов. Скорее всего, это отражение аканья. Новгородская земля XI—XIII вв. имела сложный состав насе-

⁶⁴ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови. Київ, 1956, стр. 164.

⁶⁵ В. В. Колесов. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. ВЯ, 1968, № 4, стр. 84.

⁶⁶ С. И. Котков. Вопросы истории русского языка... стр. 33.

⁶⁷ В. И. Борковский. Заметка о трех берестяных грамотах. Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 250.

⁶⁸ Подробно об этом см.: Ф. П. Филин. К хронологии русского аканья. *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky.* Helsinki, 1965, стр. 52—55.

ления. В ней несомненно было немало переселенцев из других областей (прежде всего из ближайшей Псковщины и Смоленщины). Не исключено, что писцами некоторых новгородских берестяных грамот были псковичи или смоляне. Любопытно также два случая замены *a* на *o* в имени *Ностасии* (= Анастасии) в грамотах № 43 и № 49.

Конечно, приведенных примеров еще недостаточно для окончательного вывода об отражении аканья в древнерусской письменности XI—XIII вв. Вопрос может считаться решенным только тогда, когда число такого рода находок значительно увеличится. Однако и теперь нельзя уже утверждать, что до XIV в. аканье безусловно не оставило никаких следов в письменности. Ареал акающих написаний в XIV в., как отмечал в свое время А. И. Соболевский, а за ним и другие ученые, уже почти совпадает с современными областями аканья на древних восточнославянских землях. Важно отметить, что наряду с написаниями *a* вместо *o* имеются и случаи *o* вместо *a*. В Докопчании великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. имеются *пологаетъ, предлагаютъ, влогалища, запода, обязонъ, толантъ* и др. — типичные орфографические ошибки акальщика (ср. выше приведенные примеры из мины XI в., найденные В. В. Колесовым). В XV—XVI вв. аканье в памятниках московской письменности уже не редко. Несомненные следы проявления аканья в псковской письменности XIV—XV вв.⁶⁹ В белорусской следованной Псалтыри 1296 г. Е. Ф. Карский отметил написание *ицазаетъ*.⁷⁰ В XIV в. как замечает Е. Ф. Карский, случаи отражения аканья в белорусской письменности уже несомненны, а в XV в. они довольно многочисленны.⁷¹ Наиболее ранние письменные памятники из основных южновеликорусских областей относятся, к сожалению, только к XVI в. Проявление аканья в них совершенно очевидно.

Примерно с того же времени, что и собственно аканье, в древнерусской письменности начинают отражаться яканье, еканье и иканье, т. е. совпадение безударных *'a, e, ѣ* в определенных условиях в *'a, e* или *и*. Ср. примеры В. В. Колесова, а также приведенное выше *пашазерчевъ* (= пашезерцевъ), *видецца* (Московское евангелие 1354 г.), *печатъ кнежа* (надпись на монетах князя Андрея Можайского конца XIV в.), *истезаю, плесасте* и т. п. (Московское евангелие 1393 г.), *вашня, наполнину* и др. (Сийское евангелие 1339 г.), *сиррафимовъ, хирувими* и др. (Служебник преп. Сергия XIV в.)

⁶⁹ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909; Т. Н. Кандаурова. О языке псковского Пролога 1383 г. Тр. Инст. языковедения АН СССР, т. VII, 1957, стр. 238 и др.

⁷⁰ Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904, стр. 370.

⁷¹ Е. Ф. Карский. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. Пгр., 1918, стр. 20—21.

и другие примеры из московской письменности XIV в.⁷² В белорусской письменности: *Любляча, мачьясь, повезаша, Ерслава* (Исторический сборник XV в.), *вчарашний, вясло, светого, заваалъ* (Западнорусская Четья 1489 г.) и т. п.⁷³ Многочисленны такого рода написания в псковской письменности XIV—XV вв. Важно отметить, что еканье (совпадение *a* и *e* в неударяемых слогах) и иканье выходят далеко за пределы аканья-яканья. В современном украинском литературном языке безударный *e* обближается с *и*: *вѣсило, зилѣний* и *вѣсило, зилений*. То же наблюдается и в большинстве украинских говоров.⁷⁴ Сближение неударяемых *e* и *и* проявилось в западноукраинской письменности в виде смешения букв *e* и *и* с середины XV в. (в восточноукраинской — только с XVIII в.).⁷⁵ Случаи еканья и иканья отмечаются в севернорусской окаяющей письменности с XIV—XV вв. Еканье и иканье как сужение более широких гласных несомненно является результатом ослабления гласных в неударяемом положении, происшедшем вследствие возникновения динамического (силового) ударения. Дальнейшая ступень ослабления — сокращение гласного вплоть до потери им некоторых сторон качества, т. е. превращения его в новый редуцированный гласный.

Вопрос об отражении новых редуцированных гласных в древнерусской письменности имеет свою историю. Отмечая случаи смешения букв *o, e* с буквами *ъ* и *ь* в неударяемых слогах, а также пропуски букв типа *горда* 'города', *новгороцмъ*, Б. М. Ляпунов считал, что «около половины XIII в. в некоторых говорах неударяемые гласные отличались большею слабостью (редукцией) произношения от ударяемых», хотя процесс редукции в это время был в самом начале.⁷⁶ А. И. Соболевский, напротив, считал смешение указанных букв явлением чисто графическим, поскольку случаи подобного смешения наблюдаются и под ударением, а также отмечаются они и в памятниках поздних (XV—XVI вв.).⁷⁷

Однако если предположение о фонетической значимости смешения букв дает объяснение причины этого своеобразия древнерусской орфографии, то отрицание этой значимости превращает это смешение в загадочное явление. Его никак нельзя от-

⁷² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 76 и след.

⁷³ Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение, стр. 372 и след.

⁷⁴ Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови. Наук. зап. Київського держ. ун-ту, т. V, вып. 1, 1946, стр. 98—99.

⁷⁵ А. Е. Крымский. Украинская грамматика, т. I. М., 1907, стр. 230—235.

⁷⁶ Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка (в Новгородской летописи). СПб., 1900, стр. 94—95.

⁷⁷ А. И. Соболевский. Отзыв о книге Б. М. Ляпунова. Журн. Мин. нар. просв., 1900, январь.

нести к орфографическому влиянию южнославянских оригиналов, так как оно известно и в оригинальных произведениях самых различных жанров. Непонятно также, почему смешение букв *о*, *е*, *ѣ*, *ѡ* встречается в одних памятниках и отсутствует в других. Все становится на свое место, если мы будем видеть в этом явлении отражение произносительных норм, складывающихся в процессе падения исконных *ѣ* и *ѡ* и усиления ударения. Писцы, недостаточно твердые в орфографических традициях, начинают обозначать буквами *ѣ* и *ѡ* (или пропускают их) новые редуцированные гласные, причем делают это непоследовательно, иногда в процессе письма смешивая ударяемые и неударяемые слоги, а также ставя *о*, *е* и реже *ѣ* на месте слабых *ѣ* и *ѡ*. Наблюдения одесской ученицы Б. М. Ляпунова И. М. Тимчиновой над языком договорной грамоты смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригю и Готским берегом 1229 г. показывают, что в списке А этой грамоты имеется 121 случай смешения букв *о*, *е*, *ѣ* и *ѡ*, *ѡ*, из них на ударяемый слог приходится 25 случаев, а не под ударением — 96 (в предударных слогах — 52, после ударения — 44). «Эти показания, ввиду отсутствия пропуска *о*, *е* в положении под ударением, являются весьма знаменательными, хотя и не следует оставлять без внимания довольно многочисленных случаев замены древних *ѣ*, *ѡ* через *о*, *е* не только в сильных, но и в слабых положениях, что свидетельствует, конечно, о том, что писец смотрел на эти буквы как на знаки для звуков, приблизительно тождественных».⁷⁸

Попытка В. Кипарского объяснить особенности орфографии договора 1229 г. как следствие отсутствия традиционных орфографических навыков у немца, писавшего этот договор и путавшего буквы *о*, *е*, *ѣ*, *ѡ*, *ѡ*, не достигает цели. Точно такая же орфографическая «путаница» наблюдается во многих других памятниках и надписях, авторами или переписчиками которых были безусловно русские люди, а не предполагаемые немцы. Ср., например, граффито, обнаруженное при раскопках развалин храма XII в. в Смоленске: «*гѣ помъзи дому великъму нѣ даж врагомъ изумьнѣ истратити [и][до] кѣнца ни климате*».⁷⁹ Смешение букв и пропуски их в этой надписи такие же, что и в договоре 1229 г.

Интересны и значимы предположения В. М. Маркова о развитии в древнерусском языке «вставочных», «неорганических» редуцированных, обозначавшихся на письме буквами *ѣ* и *ѡ* и паерками.⁸⁰ Исследование В. М. Маркова показывает, что мы не можем безапелляционно заявлять, что некоторые «странности» древнерусской орфографии не имеют никакого звукового значения,

⁷⁸ И. М. Тимчинова. К хронологии явлений, предшествующих аканью. Уч. зап. высшей школы г. Одессы, т. II. Одесса, 1922, стр. 116.

⁷⁹ Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика. . . , стр. 36.

⁸⁰ В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

поскольку они не укладываются в привычные схемы и представления. Этот вывод имеет широкое значение и должен относиться не только к принципам обозначения «неорганических» редуцированных, но и новых редуцированных.

Конечно, при таком подходе к данным древнерусской орфографии возможности всякого рода описок и иных орфографических недоразумений, а также воздействие различных школ и направлений письма вовсе не исключаются. Однако в смешении букв *о*, *е*, *ѣ*, *ѡ* и *ѡ* в определенных случаях можно усматривать фонетическое значение, именно редукцию неударяемых гласных. Проявление редукции имеет место не только в письменности акающих областей. Очень характерны в этом отношении некоторые граффити Софии киевской XIII—XIV вв.: *ѣтоѡъ* 'святого' (запись 17 февраля 1282 г.), *пѣпадиѣ* (конец XIII в.), *мѣ[л]аса* (XIII—XIV вв.), *ѣвѣмоу* (XIII—XIV вв.). Во всех этих случаях *ѣ* на месте безударного *о*, причем такие написания встречаются после падения редуцированных. Крайне сомнительно считать здесь замены буквы *о* буквой *ѣ* описками.

Довольно обычно указанное смешение букв в новгородской письменности XIII—XIV вв. Ср. *ѣтоѡъ гѣргѣя свѣцѣми жѣгутъ ѣвѣкають мѣцьмѣ* (надпись на новгородской иконе Георгия XIV в., хранящейся в Русском музее),⁸¹ *раба своего ѣмѣвна* (намонный крест 1234 г., вмонтированный в крепостную стену новгородского детинца)⁸² и т. д. Такие написания имеются и в новгородских берестяных грамотах. Отмечаются они и в надписях на других областях: *ѣѣмонѣмѣ прогонитель* (надпись на кресте около 1164 г., стоявшем около Покровского собора на Нерли),⁸³ *ѣклимѣ* (оклад евангелия Семена Гордого 1343—1344 гг.)⁸⁴ и др. Следовательно, имеются основания утверждать, что редукция неударяемых гласных, спорадически проявлявшаяся в древнерусской письменности в эпоху падения *ѣ* и *ѡ* и после нее, охватила обширные территории восточнославянских диалектов, включая и несомненно окающие области. Это обстоятельство важно при решении вопроса о происхождении аканья.

С XVI в. начинается письменность южновеликорусских областей. Аканье в ней проявляется достаточно ясно. За последние годы появился ряд исследований, авторы которых пытались установить типы аканья и яканья XVI—XVII вв. Самым значительным из этих исследований является монография С. И. Коткова «Южновеликорусское наречие в XVII столетии». С. И. Котков приходит к выводу, что «непосредственных отражений диссидитивного аканья в старой южновеликорусской письменности

⁸¹ А. С. Орлов. Библиография русских надписей, стр. 90.

⁸² Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика. . . , стр. 38.

⁸³ Там же, стр. 33.

⁸⁴ Там же, стр. 43.

нет».⁸⁵ Правда, замечает С. И. Котков, в русской орфографии XVII в. не было специальной буквы для изображения редуцированного гласного, не было и традиции как-то его обозначать, хотя была все же буква *ы*, которая вполне могла бы быть использована для этой цели. В ином положении находится диссимилятивное яканье, при котором редуцированный гласный первого предударного слога мог бы быть (при полном произношении) обозначен буквами *и* или *е*. «И тем не менее нам неизвестны древние южновеликорусские тексты, где бы диссимилятивное яканье было представлено со всей очевидностью».⁸⁶

Г. А. Хабургаев обследовал пятьсот курских грамот двадцатых-сороковых годов XVII в. В языке этих грамот он обнаружил аканье недиссимилятивного типа и яканье перед ударными *у*, *ы*, *и*, *о*: *всаму*, *яму*, *жаны*, *чатыря*, *чарниговец*, *Брядизин*, *Яроха*, *Пятров* и др. Как полагает Г. А. Хабургаев, яканье в курских говорах указанного времени было диссимилятивным и, «по-видимому, суджанского типа».⁸⁷ По мнению И. С. Новицкой, в новосильских говорах XVI—XVII вв. было недиссимилятивное аканье и ассимилятивно-диссимилятивное яканье.⁸⁸ В. А. Магин, исследовавший письменные документы г. Черкаска XVII—XVIII вв., также отмечает недиссимилятивное аканье, как и все остальные исследователи письменности XVI—XVII вв. акающих областей. Диссимилятивное аканье в южновеликорусских областях XVI—XVII вв., несмотря на многочисленные поиски, никем не обнаружено. Что касается черкасского яканья, то случаи его оказались немногочисленными, поэтому тип его определить нельзя. В черкасской письменности XVII—XVIII вв. явно преобладает иканье и еканье. После *ши* и *ци* как будто бы существовало умеренное яканье.⁸⁹

В. Н. Покровская изучила около двухсот рукописей XVII в. из Рязанской области, в большинстве своем относящихся к районам Рязска и Рязани. Примеров на яканье в этих рукописях много. Автор отмечает, что буква *я* (на месте этимологических *е*, *ь*, *ѣ*) в первом предударном слоге пишется перед *а*, *и*, *у*, *о*, *ы*, а перед *е* и *ѣ* пишется *е*, следовательно, «рязанским говорам XVII в. было свойственно ассимилятивно-диссимилятивное яка-

⁸⁵ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 55.

⁸⁶ Там же, стр. 63.

⁸⁷ Г. А. Хабургаев. К истории некоторых фонетических особенностей курских говоров. В кн.: Вопросы русского языка и методики его преподавания. Курск, 1960, стр. 59.

⁸⁸ И. С. Новицкая. Новосильские говоры в их истории и современном состоянии. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. Л., 1959, стр. 8—11.

⁸⁹ В. А. Магин. Очерк черкасского говора по историческим и современным данным. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. Л., 1962, стр. 6—7.

нье».⁹⁰ Мы бы не стали спешить с таким выводом, поскольку в рязанских и рязанских документах встречаются написания типа *жане*, *сиддетельствующие* и о сильном яканье. Судя по примерам из калужской письменности XVII в., буквы *я* и *е* в первом предударном слоге стоят перед любыми ударяемыми гласными и перед твердыми и мягкими согласными: *сѣмяна*, *яво*, *яму*, *пьяннику*, *попярк*, *имянины*, *скорнека*, *емскою*, *свещенникъ*, *месникъ*, *реды*, *емскую* и т. д., т. е. в калужских говорах сильное яканье существовало с еканьем, хотя Н. Ф. Савченко, вопреки приведенным примерам, пишет о диссимилятивном яканье с элементами перехода к яканью умеренно-диссимилятивному.⁹¹

В. В. Иванов отмечает, что в волоколамской письменности XV—XVI вв. отражается еканье, но с XVI в. в волоколамское произношение начинает вторгаться умеренное яканье.⁹² В «Расходной книге» Волоколамского монастыря 1547—1561 гг., исследованной В. М. Марковым, случаи смещения безударных *а* и *о* очень часты. В тексте «Книги ключей» В. М. Марков насчитал около двухсот случаев такого смещения, с совершенной очевидностью указывающих на недиссимилятивное аканье. После мягких согласных в предударных слогах обычно еканье (*воденых*, *ушекю*, *сраполь* и т. д.), в заударных конечных — яканье (в *воскресенья*, *сербноя* и пр.), а в заударных неконечных яканье сосуществует с еканьем (*благовещенья*, *Тимофееву*, *месяца*, *память* и т. п.).⁹³

Судя по примерам, которые приводит Е. Ф. Карский, в произведениях белорусской (западнорусской) письменности XV в. проявляется недиссимилятивное аканье. О типе яканья по его материалам судить трудно ввиду недостаточного количества примеров.⁹⁴ По мнению авторов учебного пособия «Нарысы па гісторыі беларускай мовы»,⁹⁵ белорусский (жиздринский) тип диссимилятивного аканья возник из «архаического» диссимилятивного аканья в XVI в., хотя доказательств этому утверж-

⁹⁰ В. Н. Покровская. О некоторых особенностях вокализма рязанских говоров XVII века. В кн.: Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959, стр. 5.

⁹¹ Н. Ф. Савченко. Калужские говоры XVII века по данным местной письменности. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. М., 1960, стр. 4.

⁹² В. В. Иванов. Из истории безударного вокализма русского языка. (Аканье и сопутствующие ему явления в волоколамских говорах XV—XVII вв.). В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, стр. 48—49.

⁹³ В. М. Марков. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря. (Материалы к истории московского говора в XVI веке). В сб.: Памяти В. А. Богородицкого. (К столетию со дня рождения). Казань, 1961, стр. 167 и след.

⁹⁴ Е. Ф. Карский. 1) Западнорусский сборник XV в. Публичной библиотеки в С. Петербурге. Q. 1, № 391. Тр. по белор. и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 290 и след.; 2) Особенности письма и языка рукописного сборника, именуемого летописью Авраамки. Там же, стр. 349.

⁹⁵ Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957, стр. 68 и след.

дению никаких не приводится. Предположение, будто бы в XVI в. в белорусском языке утратилось различие между ударными *би* и *о*, ничем не подтверждается, как вообще не доказывается, существовало ли когда-либо в этом языке это различие. Примеры, которые приводятся из Четьи-Минеи 1489 г., договорной грамоты Полоцка с Ригой 1478 г., Студенской служебной минеи XVI в. и некоторых других памятников, не позволяют с уверенностью говорить об определенном типе аканья. Скорее, в них все же можно видеть аканье сильное (полное).

Данные письменности XV—XVII вв. недостаточны, чтобы по ним можно было установить всю сложную картину произношения безударных гласных, существовавшую в народной речи. Все же представляется несомненным, что уже в то время существовали полное и диссимилятивное аканье, сильное, диссимилятивное, ассимилятивное и умеренное яканье, еканье и иканье. Последние (еканье и иканье) выходили за пределы акающих территорий и вклинивались в окающие области. Каких-либо прямых указаний на древность одних типов аканья-яканья и позднее происхождение других в письменности указанного времени пока не найдено. Во всяком случае недиссимилятивное (полное) аканье в южновеликорусских областях, в Москве и в ряде белорусских районов было явлением обычным.

3. Свидетельства современных говоров

Произношению безударных гласных в современных восточнославянских языках посвящена огромная литература, обзор которой, хотя бы сжатый, занял бы не одну книгу. Произношение безударных гласных разделяется на две основные позиции: положение в первом безударном слоге и положение в остальных безударных слогах. Внимание лингвистов почти исключительно было приковано к изучению произношения гласных в первом предударном слоге, хотя для решения вопроса о происхождении аканья (и оканья) не менее важен учет реализации гласных и в других безударных слогах. Характерной в этом отношении является книга «Русская диалектология», в которой делается попытка подвести итоги изучения системы безударных гласных в современных русских говорах. Если положению в первом предударном слоге отводится 35 страниц, то положению в других заударных слогах посвящено всего 2 страницы.

Картина произношения гласных в первом предударном слоге является чрезвычайно сложной. Только одних типов реализации гласных после мягких согласных насчитывается двадцать три, а вместе с произношением после твердых согласных их что-то около тридцати.⁹⁶ Дальнейшие диалектологические разыскания

⁹⁶ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 36 и след.

несомненно могут обнаружить неизвестные до сих пор новые разновидности. При рассмотрении этого чрезвычайного разнообразия типов и подтипов вокализма первого предударного слога встает вопрос, дают ли возможность данные современных говоров ответить на вопрос (объективно, а не предвзято), какой или какие из этих типов являются древнейшими (исходными) и какие можно считать поздними (производными). Сторонники гипотезы позднего происхождения аканья отвечают на этот вопрос положительно: аканье развилось из оканья, а древнейшим видом аканья-яканья, из которого позже образовалось все многообразие современных типов и подтипов, было аканье-яканье обоянского типа, которое вследствие этого называется архаическим. Сторонники гипотезы древнего происхождения аканья, наоборот, считают древнейшим типом аканья аканье полное (недиссимилятивное). Если последние исходят в основном из данных сравнительно-исторической фонетики славянских языков и материалов древних заимствований, рассматривая современное аканье и оканье как видоизмененное продолжение истории фонетической и фонологической системы древнего общеславянского языка, то первые объясняют происхождение противопоставления оканья-аканья вне зависимости от истории общеславянского языка и ищут точки опоры для своей гипотезы в поздней истории отдельных славянских языков и их диалектов. Для первой гипотезы решающее значение имеют данные, которые можно почерпнуть из интерпретации современных диалектных зон и их границ и из старых письменных памятников. Разумеется, эти данные важны и для сторонников гипотезы древнего происхождения аканья как подтверждающие или опровергающие их предположения.

Как было показано выше, современное состояние изучения языка древней восточнославянской письменности не дает никаких оснований говорить об архаичности диссимилятивного аканья (яканья) по сравнению с аканьем (яканьем) недиссимилятивным. В письменности XV—XVII вв. исследователи намечают и недиссимилятивность и диссимилятивность, также и сосуществование с ними ассимилятивности, еканья и иканья, умеренного яканья. Посмотрим, что нам дают свидетельства современных говоров для освещения интересующего нас вопроса.

В средневеликорусских районах (начиная от Пскова и далее на юго-восток) в литературном языке, в так называемой тульской группе говоров существует полное (недиссимилятивное) аканье. Этот тип аканья безусловно господствует и в основных областях южновеликорусского наречия (рязанские, воронежские, орловско-курские и другие говоры). Иными словами, главный массив акающих русских областей занят полным (недиссимилятивным) аканьем. Западные области южновеликорусского наречия знают и диссимилятивное аканье живдринского или белорусского типа: перед ударяемыми гласными, кроме *а*, в первом

предударном слоге произносится *a*, а перед ударным *a* произносится *ы* или *ь*. Граница распространения диссимилятивного аканья этого типа была установлена И. Г. Голановым. И. Г. Голанов провел ее по линии, идущей с северо-востока на юго-запад западнее Болхова, восточнее Брянска и северо-западнее Севска. Он указал, что восточнее этой линии имеется всего лишь несколько селений с таким аканьем на Орловщине и Курщине.⁹⁷ На территории жиздринского аканья встречаются и говоры с полным (недиссимилятивным) аканьем.

В 1955 г. ученица Р. И. Аванесова Т. Г. Строганова сделала заявление, что ею совместно с другими сотрудниками в шестнадцати населенных пунктах Белгородской и Воронежской областей, в которых распространено яканье обоянского типа, открыто точно такое же аканье, хотя и с многими исключениями. Из этих наблюдений автор выводит смелое предположение, что диссимилятивное аканье в своем распространении в основном совпадает с диссимилятивным яканьем, что его типы так же разнообразны, как и типы яканья, что оно подтверждается ответами на «Программу диалектологического атласа русского языка». Т. Г. Строганова спрашивает, почему же диссимилятивное аканье не наблюдалось на столь обширной территории целыми поколениями диалектологов, и отвечает на этот вполне законный вопрос так: раньше диалектологи «не слышали» *a*⁵ и *ъ*^а первого предударного слога, а кроме того, в подавляющем большинстве говоров диссимилятивное аканье утрачивается, поэтому наряду с *a*⁵, *ъ*^а обычно произносится и *a*.⁹⁸ Предположение Т. Г. Строгановой нуждается в массовой проверке на местах. Очень сомнительно, чтобы опытные диалектологи не слышали оттенков качества *a* в первом предударном слоге, а неопытные студенты и аспиранты, составлявшие основную массу собирателей материала для атласа, стали слышать эти оттенки. Л. В. Щерба в свое время любил говорить, что наилучшим собирателем диалектологических сведений на местах, особенно по фонетике, может быть хорошо образованный, но лингвистически по изучаемым говорам вовсе не подготовленный человек, обладающий тонким слухом. У такого человека не будет предвзятости, часто невольно диктуемой его знаниями и гипотезами, и он не будет делать «выборочных», «целенаправленных записей», а будет записывать то, что действительно имеется в местной речи.

В курсе «Русская диалектология» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой о распространении диссимилятивного аканья в южновеликорусских говорах говорится более осторожно.

⁹⁷ И. Г. Голанов. 1) О диссимилятивном аканье. Тр. Моск. диалектол. комиссии, вып. 3. М., 1914; 2) Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. СІ, № 3. Л., 1928.

⁹⁸ Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма, стр. 94 и след.

В нем не выдвигается предположение, что диссимилятивное аканье имеет те же типы, что и яканье, и что ареал диссимилятивного аканья совпадает с ареалом диссимилятивного яканья. В названной книге отмечается, что кроме жиздринского типа аканья можно предполагать существование еще двух типов диссимилятивного аканья: 1) *a* в первом предударном слоге произносится перед ударными верхнего подъема *и*, *у*, а перед ударными гласными верхнего и среднего подъема произносится *ъ*; 2) аканья обоянского («архаичного») типа. Первый тип, «по недостаточно достоверным материалам», распространен в нескольких населенных пунктах Белгородской области, а второй — на территории Белгородской, Липецкой и Воронежской областей, прежде всего в некоторых селениях Белгородской и Липецкой областей.⁹⁹ Все это нуждается в дополнительной проверке. Г. В. Денисевич, много лет изучавший говоры с «архаическим» яканьем, приходит именно к этому выводу. Он отмечает в статье Т. Г. Строгановой «немало противоречивых примеров» и указывает, что современные наблюдатели, в частности, не учитывают того, что в этих говорах распространено произношение первого предударного *ъ* «с *у*-образным оттенком» в положении после губных согласных вне зависимости от качества ударяемых гласных.¹⁰⁰

Господство в южно- и средневеликорусских говорах недиссимилятивного аканья, наличие в западновеликорусских и небольшой части южновеликорусских говоров диссимилятивного аканья само по себе никак не свидетельствует о первичности или вторичности того или другого типа аканья, поскольку мы фактически не знаем подлинной истории аканья во всех его конкретных проявлениях на протяжении сменявших друг друга столетий. Как было сказано выше, письменные памятники не дают должной опоры для построения такой истории и во всяком случае вовсе не свидетельствуют в пользу архаичности диссимилятивного принципа. Можно, конечно, предположить, что диссимилятивное аканье когда-то было распространено по всей первичной территории аканья (что и делают представители редуцированной гипотезы), но это предположение вовсе не вытекает из современного его употребления. С тем же основанием можно предположить и другое: диссимилятивное аканье с самого начала своего возникновения было локальным явлением. В данном случае, по-видимому, путь решения проблемы лежит не в интерпретации современных изоглосс. Можно вполне согласиться с В. Г. Орловой, которая писала: «Постановка подобных вопросов на основе интерпретации изоглосс всегда имеет предварительный и более или менее условный

⁹⁹ Русская диалектология, стр. 38—39.

¹⁰⁰ Г. В. Денисевич. О системе гласных фонем в говорах с архаическим типом яканья на Курско-Белгородской территории. В кн.: Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания. Воронеж, 1965, стр. 127—128.

характер, их полное разрешение требует синтеза с показаниями памятников письменности и еще более детального изучения каждого явления в отдельности».¹⁰¹

Сказанное, конечно, относится и к интерпретации изоглосс аканья. Если бы даже диссимильативное аканье было бы так же разнообразно по своим типам, как и яканье, и занимало бы ту же территорию, что и диссимильативное яканье, из одного этого факта все равно еще ничего не следовало бы, пока не будет удовлетворительно объяснен самый «механизм» возникновения аканья-яканья.

Теперь перейдем к краткому изложению употребления аканья-яканья на белорусской территории. Белорусское аканье в настоящее время после публикации «Диалектологического атласа белорусского языка» можно считать хорошо изученным. На основании материалов атласа Н. Т. Войтович написала ценную монографию, сжатое изложение которой опубликовано в автореферате «Безударный вокализм народных говоров Белоруссии».¹⁰² Диссимильативное аканье белорусского или жиздринского типа последовательно употребляется в восточной части Витебской и Могилевской областей. На западе Витебской области, на западной окраине распространения этого аканья Могилевской и Гомельской областей диссимильативность сосуществует с недиссимильативностью, образуя смешанный тип. Недиссимильативное аканье распространено в центральной Белоруссии — Минской, Гродненской, юго-западной части Могилевской, восточной части Гомельской и северной части Брестской областей, а в смешении с диссимильативным аканьем — и в районах восточнее этого ареала. Обнаружено очень интересное «гиперическое» аканье и некоторые другие разновидности безударного вокализма. Диссимильативное яканье представлено жиздринским, или белорусским, типом и витебским (и перед слогом с ударными *a* и *e* разного происхождения, а перед остальными гласными). Первый тип распространен в общем там же, где и белорусское (жиздринское) аканье, а второй — в некоторых говорах Витебской области. Ареал сильного (недиссимильативного) яканья в общем совпадает с ареалом недиссимильативного аканья. В некоторых белорусских говорах отмечается также еканье и иканье. Таково фактическое положение дел.

Н. Т. Войтович, следуя за Р. И. Аванесовым, считает, что аканье проникло в Белоруссию с востока, и первоначально оно было диссимильативным. Продвигаясь далее на запад в районы окающих говоров, аканье видоизменилось, превратившись в полное. Однако для таких выводов Н. Т. Войтович не приводит

¹⁰¹ В. Г. Орлова. Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. II. М., 1961, стр. 5.

¹⁰² Н. Т. Войтович. Безударный вокализм народных говоров Белоруссии. Минск, 1966.

достаточных оснований. Вот ее доводы. Диссимильативное яканье белорусского и витебского типов наблюдается и после твердых теперь шипящих, *ц* и *р*, следовательно, это яканье возникло до отвердения этих согласных, т. е. до XV—XVI вв. Однако этот факт может быть истолкован двояко: диссимильативное яканье могло возникнуть и до и после указанного отвердения. Гласный первого предупредительного слога 'а после отвердения согласных изменился в *a* и подвергся диссимильации, как и любой предупредительный *a*. Если же диссимильативное яканье все же возникло до отвердения согласных, это еще ни в коей мере не говорит о позднем происхождении недиссимильативного аканья (яканья). В говорах с недиссимильативным яканьем после отвердевших согласных произносится *a*, а не *ы* (*ъ*).

На позднее происхождение недиссимильативного аканья, по мнению Н. Т. Войтович, указывает его периферийное положение по отношению к общему массиву восточнославянского аканья, существование окающе-акающих говоров, а также наличие неполного аканья и остатков оканья на окраинах недиссимильативного аканья. «На стыке оканья и диссимильативного аканья недиссимильативное аканье могло развиваться под воздействием окающего вокализма соседних говоров и вследствие этнографического смешивания окающего и акающего населения».¹⁰³ Довод о смешанных окающе-акающих говорах и элементах оканья в акающих говорах является серьезным. Кажется, все говорит об «агрессивности» аканья по крайней мере в XIX—XX вв. Аканье в это время наступает на оканье, и не только на белорусской территории. Аканье проникает с севера и востока в украинские говоры. Оно проводится последовательно или спорадически в ряде северно-украинских (полесских) говоров,¹⁰⁴ вторгается в пограничные юго-восточные украинские говоры. Некоторое продвижение аканья отмечалось и на русской окающей территории. Ввиду этого обстоятельства говоры, в которых имеется смешение оканья и аканья или следы оканья в акающей системе, скорее всего, в прошлом были окающими. Наступление аканья на оканье несомненно было связано с мощным воздействием таких культурных центров, как Москва и Минск, влиянием русского и белорусского литературного произношения. Однако вопрос об основном белорусском массиве недиссимильативного аканья по данным современных

¹⁰³ Н. Т. Войтович. Безударный вокализм народных говоров Белоруссии. Автореф. докт. дисс. Минск, 1966, стр. 51. В 1968 г., когда эта глава книги была уже закончена, Н. Т. Войтович опубликовала монографию «Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі» (Минск, 1968, 218 стр.), в которой обстоятельно (по данным современной белорусской диалектологии) описано белорусское аканье-яканье и связанные с ним явления безударного вокализма. Теоретические установки автора те же, что и в автореферате докторской диссертации, на который здесь делаются ссылки.

¹⁰⁴ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 77, 82, 86.

говоров остается нерешенным. Действительно ли недиссимилятивное аканье возникает в результате взаимодействия (скрещения) диссимилятивного аканья и оканья? Факты не подтверждают это предположение.

На территории псковских и тверских земель расположен массив недиссимилятивного аканья и сильного яканья. На северных и восточных окраинах этого массива давно уже отмечались говоры с остатками оканья. В то же время на окраинах псковского аканья А. П. Евгеньева со своими учениками в 1946—1947 гг. открыла диссимилятивное аканье и яканье так называемого гдовского типа.¹⁰⁵ В говорах вдоль Чудского озера и реки Нарвы, местами и восточнее, перед гласными верхнего и нижнего подъема *и*, *ы*, *у*, *а* в первом предударном слоге произносятся *а*, *'а*, а перед гласными среднего подъема *о* и *е* произносятся: после твердых согласных — *о* или сильно лабиализованный *δ* и *у*, после мягких согласных — *и* и изредка *е*. Позже было открыто аканье (яканье) полновского типа, в котором аканье и яканье наличествуют перед ударными гласными верхнего подъема *и*, *ы*, *у*, а перед ударными гласными среднего и нижнего подъема гласные *о*, *а* (*'а*), *е* первого предударного слога различаются.¹⁰⁶ К югу от Гдова также обнаружено аканье (яканье) гдовского типа.¹⁰⁷ Сходный тип безударного вокализма открыт в одном из говоров Пензенской области Л. И. Баранниковой (оканье в нем сохраняется не только перед *е* и *о*, но и перед *у*).¹⁰⁸ На границах яканья и оканья не раз отмечались и другие разновидности закономерно ограниченного аканья или оканья (например, ассимилятивное аканье и оканье: *а* только перед ударным *а*, а в остальных случаях сохраняется *о* и наоборот, и др.).

Таким образом, в результате столкновения аканья и оканья вовсе не обязательно образуется только смешанное оканье и аканье в их различных разновидностях и затем недиссимилятивное аканье, но и разные типы диссимилятивного и ассимилятивного аканья (яканья). Следовательно, говорить о позднем происхождении недиссимилятивного аканья (яканья), если мы будем опираться только на данные говоров, у нас нет никаких оснований. Не всякое периферийное расположение того или иного явления свидетельствует о его позднем происхождении. Иначе мы должны считать южновеликорусские говоры с диссимилятивным яканьем

¹⁰⁵ А. П. Евгеньева. Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета. Докл. и сообщ. ЛГУ, 1949, вып. 1, стр. 211 и след.

¹⁰⁶ Т. Г. Строганова. О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. III. М., 1962, стр. 101 и след.

¹⁰⁷ З. В. Жукowska. О типе говоров к югу от Гдова. В кн.: Псковские говоры, вып. I. Псков, 1962, стр. 7 и след.

¹⁰⁸ Л. И. Баранникова. Северновеликорусские элементы в говорах северо-западной части Сердобского района Пензенской области. Уч. зап. Саратовск. ун-ва., т. XX, вып. филологический, 1948.

также периферийными по отношению к акающему русскому массиву и только на этом основании считать диссимилятивный принцип поздним. Так, между прочим, можно истолковать гипотезу Г. В. Денисевича о сложении говоров с так называемым «архаическим» яканьем (аканьем). По Г. В. Денисевичу, говоры с обоянским и задонским яканьем стали формироваться только в конце XVI—начале XVII в. Первоначальными носителями этих говоров были путивльские севрюки, смешавшиеся с поселенцами из других различных местностей.¹⁰⁹ Гипотеза о якобы равномерном сползании говоров с севера на юг во время массового заселения южных окраин Московского государства в XVI—XVII вв., в результате которого говоры с «архаическим» диссимилятивным аканьем (яканьем) переместились из тульских мест в курско-орловские, а на их месте образовались теперешние тульские «переходные» говоры, является не фактом, а всего лишь предположением, нужным для подкрепления редукционной теории.

Различное воздействие ударяемых гласных на гласные типа *о*, *а*, *е* первого предударного слога может быть обнаружено и в глубинных акающих говорах. Любопытно в этом отношении наблюдение Р. С. Овчинниковой над говором д. Большой Кунгур Кировской области.¹¹⁰ В указанном говоре в первом предударном слоге произносятся два *о*: *о* открытый и *δ* закрытый. Гласный *δ* закрытый произносится в том случае, если под ударением стоят *о* (закрытый или открытый), *е* (и *δ*), а *о* открытый перед остальными ударяемыми гласными. Этот пример (несомненно, могут быть обнаружены и другие) лишней раз указывает на то, что принцип зависимости гласных предударного слога от качества ударяемых гласных и происхождение аканья или оканья не связаны друг с другом в генетическом отношении.

Н. Т. Войтович указывает также на то, что в фольклорно-диалектных записях конца XIX—начала XX в., произведенных во многих говорах с неполным аканьем, оканье проявляется не только в конечном открытом слоге, но и в других безударных позициях. Однако к этим записям надо относиться с большой осторожностью, так как фонетическая транскрипция применялась в них весьма непоследовательно. Можно было бы привести немало примеров, когда в старых диалектных записях из безусловно акающих областей постоянно встречаются случаи чисто орфографического написания *о* и *е* в различных безударных слогах. К сожалению, в нашем распоряжении имеется слишком мало сведений о направлении изменения изоглосс внутри акающего

¹⁰⁹ Г. В. Денисевич. Вопрос о древних носителях говоров с архаическим типом аканья на курской земле. В кн.: Вопросы русского языка и методики его преподавания. Курск, 1960, стр. 53 и след.

¹¹⁰ Р. С. Овчинникова. Фонетические особенности говора деревни Большой Кунгур Кировской области. Уч. зап. Владимирск. ГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского, Сер. «Русский язык», вып. 1, 1967, стр. 83—84, 92.

ареала. Воздействие литературного безударного вокализма на говоры отмечалось диалектологами много раз, но оно не может бросить какой-либо свет на происхождение аканья и его типов. Мало помогут нам в освещении этого вопроса и исследования процессов изменения безударного вокализма в говорах заведомо поздней колонизации (такие исследования проводились и проводятся). Незначительные данные о передвижке изоглос в старых акающих областях не позволяют сделать общие выводы. Все же эти данные указывают не только на отступление диссимилятивного аканья и яканья, но и на его наступление. Например, большой знаток западновеликорусских и белорусских говоров П. А. Расторгуев отметил, что в говоре Стародуба Брянской области и его района сильное яканье в настоящее время интенсивно заменяется диссимилятивным. Вообще в говорах севера бывшей Черниговской губернии лет 30—40 назад господствовало сильное яканье. Теперь оно сохраняется почти исключительно у пожилых людей, а у молодежи и людей среднего возраста утвердилось яканье диссимилятивное. «Поступательное движение диссимилятивного яканья нельзя не считать любопытным явлением в развитии данных говоров». ¹¹¹ Интенсивное вытеснение сильного яканья умеренным мною наблюдалось в говоре с. Воскресенского Дубенского района Тульской области, ¹¹² а также в пригороде Тулы — бывшем с. Мяснове. Не исключено, что установление сильного яканья в рязанских и некоторых иных говорах прежними диалектологами и констатирование современными наблюдателями в тех говорах диссимилятивных и ассимилятивно-диссимилятивных типов яканья объясняется не только тем, что прежние диалектологи не слышали оттенков качества гласного первого предударного слога и не обращали достаточного внимания на зависимость вокализма первого предударного слога от ударных гласных, но и отступлением сильного яканья под нажимом диссимилятивных и ассимилятивных типов. Сильное яканье слишком резко отличается от нормы литературного произношения. Другие типы яканья являются как бы промежуточной ступенью между ним и литературным первым предударным *e* (и).

4. Заключение

Из вышеизложенного видно, что данные древней восточнославянской письменности и современных русских и белорусских говоров пока что не могут считаться решающими в освещении

¹¹¹ П. А. Р а с т о р г у е в. Диалектологические заметки. Бюлл. диалектол. сектора Инст. русск. языка АН СССР, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 41 и след.

¹¹² Ф. П. Ф и л и н. Говор д. Селяно Дубенского района Тульской области. (Фонетический очерк). В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949, стр. 292—293.

проблемы происхождения аканья. Доказать на их основе архаичность аканья (яканья) обоянского типа и производность всех других его типов невозможно. Это становится очевидным и для некоторых сторонников гипотезы позднего происхождения аканья. Например, Г. А. Хабургаев в своей рецензии на книгу В. В. Иванова пишет: «Автор, мне кажется, недостаточно осторожен при изложении истории аканья, выводя все известные его типы из диссимилятивного и утверждая, что разновидности диссимилятивного аканья-яканья развивались в последовательности: обоянский—цигровский—суджанский (см. стр. 216). Факты южновеликорусских памятников письменности XVI—XVII вв. подсказывают мысль о достаточной древности ассимилятивно-диссимилятивного типа аканья (вопреки мнению, высказанному на стр. 217). Такой же вывод напрашивается и при знакомстве с географией этого типа». ¹¹³ Факты древней восточнославянской письменности, добавим мы, подсказывают и мысль о древности недиссимилятивного аканья (яканья). Эти факты вместе с фактами современных говоров показывают также и несостоятельность редуционной гипотезы.

Прав был Н. С. Трубецкой, когда говорил об аканье как ряде различных изменений. То же можно сказать и о безударном вокализме восточнославянских (и не только восточнославянских) диалектов в целом. Сложный комплекс взаимосвязанных явлений безударного вокализма, как он представлен в наше время, является результатом длительного исторического развития. Отдельные элементы этого комплекса возникали в разное время и по разным причинам.

Редукция неударяемых гласных, как признают все лингвисты, явилась следствием развития экспираторного удара, повлекшего за собой усиление ударяемых гласных и ослабление гласных безударных, особенно гласных непервого предударного слога. Ослабление безударных гласных означало их сокращение, сужение широких *a*, *o*, *e* (разного происхождения), а в определенных позициях — изменение их в редуцированные *ъ* и *ь*. Экспираторное ударение и последовавшая за ним перестройка фонетической структуры слова, по-видимому, развивалась после падения древних *ъ* и *ь*. Судя по орфографическим особенностям некоторых древнерусских памятников (о чем см. выше), редукция начала проявляться со второй половины XII в., постепенно нарастая в последующие века. Захватывает она всю восточнославянскую территорию, но реализуется в разных областях неодинаково. Для проверки редуционной гипотезы происхождения аканья нас, конечно, интересует распространение сужения *'a* в *e* и *и*, *e* и *и* и сокращения *a*, *o* в *ъ* и *'a*, *e* в *ь*. Уже памятники древнерус-

¹¹³ Г. А. Х а б у р г а е в. [Рец. на:] В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.—Русский язык в школе, 1965, № 2, стр. 104.

ской письменности указывают на то, что новые редуцированные $\bar{z}$, $\bar{y}$, еканье и иканье обнаруживаются и в окающих районах. В частности, написания $\bar{z}$ и $\bar{y}$ на месте безударных o и e , а также пропуски букв o , e в безударных слогах (не в первом предударном слоге) отмечаются в древненовгородской и древнекиевской письменности. Иными словами, ареал редукции неударяемых гласных с самого начала ее возникновения решительно не совпадает с ареалом аканья.

Та же картина и в современных говорах. Р. И. Аванесов отмечает, что различия в распределении экспираторной силы слогов не соответствуют противопоставлению северновеликорусского и южновеликорусского наречий. Во многих владими́ро-поволжских говорах и ряде других северновеликорусских редуцированные $\bar{z}$ и $\bar{y}$ не в первом предударном слоге произносятся в общем так же, как и в литературном языке.¹¹⁴ Неполное оканье (произношение типа *м̄ло́кб, тр̄ькторіст*) широко распространено в восточной части окающих «среднерусских» говоров.¹¹⁵ Встречается оно и в «глубинных» окающих говорах на всей территории северновеликорусского наречия. Наиболее четко $\bar{z}$ и $\bar{y}$ представлены в современном литературном произношении.

Безударные гласные непервого предударного слога в южновеликорусских говорах до сих пор изучены недостаточно. Однако очевидно, что, как и в северновеликорусских говорах с полным и неполным оканьем, в южновеликорусских говорах имеется полное и неполное аканье. В свое время Е. Ф. Карский считал, что полное аканье распространено в основной массе южновеликорусских говоров, т. е. редукция в них выражена гораздо слабее, чем в литературном языке.¹¹⁶ Н. М. Каринский, исследовавший говор д. Ванилово Бронницкого уезда Московской губернии в 1903 и в 1932 гг., пришел к выводу, что редукционная система в этом говоре — явление, развивающееся только в наше время под несомненным влиянием литературного языка.¹¹⁷ В южновеликорусском говоре д. Селино Дубенского района Тульской области мною наблюдалась наиболее обычная экспираторная модель слова, в которой сила ударного слога, обозначенной цифрой 3, соответствует сила безударных слогов, которую можно обозначить цифрой 2 (таким образом, в этом говоре экспираторная модель 2 : 2 : 2 : 3 : 2 : 2 вместо модели литературного языка 1 : 1 : 2 : 3 : 1 : 1). В связи с этим я писал: «Для меня представляется (в общем виде) несомненным, что редукция неударяемых гласных

наиболее развита в говорах более позднего происхождения (в так называемых среднерусских переходных, в поволжских и др.), в том числе и в литературном языке. В говорах северных и южных... экспираторность неударяемых слогов при всем своем различии имеет много общего: и в тех и в других редуцированные гласные представлены слабо».¹¹⁸

П. С. Кузнецов в говоре с. Морозовы Борки Можарского района Рязанской области в 1939 г. наблюдал колебание в произношении a и $\bar{z}$ в безударных слогах, исключая непервый предударный слог. «Говоря о явлениях безударного вокализма, характеризующих систему акающих говоров в целом, надо отметить прежде всего неустойчивость, колебания в очень широких пределах. В этом одно из отличий указанных говоров от литературного языка и его более выкристаллизовавшейся системой произносительных норм, хотя, конечно, известные колебания языка, зависящие от стиля и темпа речи, имеются и в литературном языке».¹¹⁹ Здесь уместно будет вспомнить положение Л. В. Щербы о полном и неполном произношении. При полном стиле вместо редуцированных гласных обычно выступают гласные полного образования. То же наблюдается и в говорах: неустойчивость при полном произношении устранивается, и в безударных слогах произносятся a или $\bar{y}$, а не $\bar{z}$ и $\bar{y}$, а не $\bar{z}$.

Произношение безударных гласных непервого предударного слога в белорусских говорах после выхода в свет диалектологического атласа стало более или менее хорошо изученным.

В северо-восточных говорах во втором и дальнейших предударных слогах произносятся после твердых согласных $\bar{y}$ или $\bar{z}$, в определенных случаях y , в некоторых говорах также a , а в центральных говорах и литературном языке — обычно a . После мягких согласных на северо-востоке — u , реже — $\bar{y}$, в центре — $\bar{a}$. В заударных слогах будут a , $\bar{y}$, реже — $\bar{z}$.¹²⁰

Таким образом, факты говорят о следующем. 1) Редукция неударяемых гласных, возникшая после установления экспираторного ударения, так или иначе затронула все восточнославянские диалекты. Произношение новых редуцированных $\bar{z}$ и $\bar{y}$ на месте o , a , e спорадически имело место и в окающих новгородских и украинских говорах, как на то указывают письменные памятники. 2) Редукция неударяемых гласных в разных говорах развивалась неравномерно. Наиболее выраженные формы она получила в средневеликорусских переходных говорах, возникших в результате взаимодействия северновеликорусских и южновеликорусских

¹¹⁴ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949, стр. 58 и след.

¹¹⁵ Русская диалектология, стр. 67.

¹¹⁶ Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Л., 1924, стр. 54.

¹¹⁷ Н. М. Каринский. 1) О говорах восточной половины Бронницкого уезда. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1903, т. VIII, кн. 1 и 2; 2) Очерки языка русских крестьян. М.—Л., 1936, стр. 35, и др.

¹¹⁸ Ф. П. Филин. Говор д. Селино. . . , стр. 283.

¹¹⁹ П. С. Кузнецов. К вопросу о качестве безударных гласных непервого предударного слога в акающих говорах. Бюлл. диалектол. сектора Инст. русск. языка АН СССР, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 33.

¹²⁰ Н. Т. Войтович. Безударный вокализм народных говоров Белоруссии, стр. 28 и след.

диалектов, в том числе и в литературном языке. Редукция — явление несомненно развивающееся, в своем наиболее развитом виде — позднее. И в говорах с диссимилятивным аканьем и яканьем в первом предударном слоге наряду с *ъ* и *ь* произносятся *ы*, *и* и разные оттенки *а*. Нет никаких оснований утверждать, что образование *ъ* и *ь* предшествует образованию *ы*, *и*.

Доказать, что в современных акающих говорах была когда-то сильно выраженная редукция неударяемых *а*, *о*, *е*, невозможно. Предположение А. А. Шахматова, что аканью и яканью предшествовало произношение *nas'ŭ*, *galavŭ*, *regŭt*, *s'em'ena* и т. п., выдвинутое специально для объяснения происхождения аканья, ничем подтвердить нельзя. Оно является всего лишь плодом научного воображения.

Несовпадение редукции неударяемых гласных и аканья наблюдается и в других славянских языках. Как отмечает Я. Риглер, в ряде словенских говоров имеется сильная редукция, но отсутствует аканье и, наоборот, в акающих говорах нет редукции *i*, *u* (в словенском языке редуцируются гласные верхнего подъема). И в русском и в белорусском языках, как считает Я. Риглер, ступень *ъ*, *ь* совершенно излишня. «Это снимает и то возражение, что редуцированное *о*, если аканье было бы очень древнего происхождения, должно было совпасть с *ъ* и исчезнуть в слабой позиции».¹²¹ Я. Риглер полагает, что *о* в акающих говорах непосредственно изменялось в *а* в результате его ослабления.

В болгарских говорах известна редукция широких *а*, *е*, *о*. Балканские говоры имеют полную редукцию указанных гласных в безударном положении, некоторые родопские и фракийские говоры — частичную и полную редукцию, рупские (восточные) имеют частичную редукцию и, наконец, западные (и восточные около ятевой границы) вовсе не знают редукции.¹²² Ареал редукции совершенно не совпадает с ареалом аканья.

Из всего вышеизложенного можно сделать только один вывод: аканье в своем происхождении ничего общего не имеет с редукцией неударяемых гласных. К этому пришли и такие сторонники гипотезы позднего происхождения аканья, как Н. С. Трубецкой и Н. Ван-Вейк, а в наши дни — Я. Риглер.

Р. И. Аванесов и его последователи не предложили какой-либо новой гипотезы, подтверждающей существование «ступени *ъ*, *ь* (*а*, *е*)» перед сложением аканья, взамен гипотезы А. А. Шахматова. Редукционная теория оказывается недоказуемой. Противники «ступени *ъ*» и в то же время сторонники позднего происхождения аканья также не объясняют «механизма» его возникновения и причин, его породивших. Н. С. Трубецкой говорил о делабиализа-

ции неударяемого *о* и расширении неударяемого *е*, Н. Ван-Вейк — о совпадении *а*, *о*, *е* в неударяемых слогах в одном звуке (без ступени редукции), имевшем «*а*-тембр» и развившемся в *а* (после твердых согласных) и *'а* (после мягких), Я. Риглер — об ослаблении напряженности артикуляции *о*. Эти объяснения наталкиваются на непреодолимые трудности. Почему произошло изменение *о*, *е* в *а*, *'а* только в части восточнославянских диалектов, когда экспираторное ударение охватило всю восточнославянскую языковую область? Как можно доказать делабиализацию или ослабление напряженности *о* и расширение *е*, когда многочисленные факты заимствованных слов ясно свидетельствуют об обратном процессе, продолжавшемся и в древнерусскую эпоху, — а лабиализации *о* и сужении *е*? Эти предположения выдвинуты также специально для объяснения происхождения аканья и не только не доказываются фактами, но и противоречат им. Аканье остается необъяснимым, загадочным явлением. Но все становится на свое место, если считать аканье особенностью, являющейся следствием фонетической системы древнего общеславянского (праславянского) языка, как это предполагают А. Вайян, В. Георгиев и другие ученые. Все слависты сходятся на том, что в общеславянском языке было не таким, каким оно является в современных славянских языках. Расходятся они только в трактовке этого общеславянского гласного. Одни из них считают, что в общеславянском языке имелся очень открытый краткий гласный *o* (*o^a*, *o^o*), другие же говорят о кратком гласном *а*. В последнее время и первой точке зрения (которую поддерживают А. А. Шахматов, Н. Ван-Вейк, Т. Лер-Сплавинский, С. Б. Бернштейн и многие другие) присоединился Ив. Дуриданов,¹²³ против которого выступил В. Георгиев, сторонник второй точки зрения.¹²⁴ Расхождение это для объяснения происхождения аканья не столь существенно. Мне представляется более правдоподобным наличие в общеславянском языке гласного *o^o*, в самой природе которого был заложен двойственный путь его развития: изменение в лабиализованный *о* и изменение при полной потере лабиализации в *а*. Примеры, которые приводит В. Георгиев (ст.-сл. *алъди*, *ладии*, *рабъ*, *градъ* и др.), вполне объяснимы с позиции *o^o* > *а*. Попытка фонологического объяснения *а* > *о* (как процесс заполнения «пустой клетки») представляется весьма гадательной.

Под ударением во всех славянских языках гласный *o^o* приобрел усиление напряженности артикуляции и лабиализировался, за исключением тех случаев, о которых говорит В. Георгиев,

¹²³ Ив. Дуриданов. Към дискусията за развоја на праславянската вокална система. Изв. на Института за български език, XI. София, 1964, стр. 43 и след.

¹²⁴ В. Георгиев. Нови теории и традиционални заблуди, стр. 300 и след.

¹²¹ Я. Риглер. К проблеме аканья, стр. 43.

¹²² Стойко Стойков. Българска диалектология. София, 1962, стр. 126—127.

где a^o в особых частных позициях диалектально изменился в a (в южнославянских языках и примыкавшей к ним чехословацкой группе). В безударном положении в большей части славянских диалектов произошло то же, что и под ударением, а в некоторой их части a^o делябиализовался и стал произноситься как a . Так возникли аканье и противопоставленное ему оканье, причем процесс этот развивался довольно медленно. Произношение o вместо a в заимствованных словах, имевшее место еще в древнерусскую эпоху, свидетельствовало о том, что безударный o в окающих диалектах не сразу утратил свой открытый характер. Между прочим, безударный гласный типа a^o и o^a наблюдается в некоторых современных русских и белорусских говорах.¹²⁵ По всей видимости, такой гласный по своему происхождению является поздним, поскольку его обычно наблюдают в говорах на границе оканья и аканья, но само произношение a^o , o^a не является чем-то необычным, сконструированным творческим воображением лингвистов.

Географическое расположение восточнославянского аканья подсказывает, в какое примерно время возникли аканье и оканье. Восточнославянские племена из областей своего исконного местожительства, расположенных между средним Днепром и Западным Бугом, стали расселяться на север, северо-восток и восток. С финно-угорскими племенами они приходят в соприкосновение в бассейне озера Ильмень примерно в VI—VII вв. н. э. Северные племена словене и кривичи несомненно говорили на окающем диалекте. Следовательно, аканье не могло возникнуть раньше VI—VII вв., иначе оно охватило бы и кривичей и словен, предки которых когда-то жили южнее, на территории, занятой аканьем. Аканье и оканье начали формироваться примерно в VII—VIII вв., что как будто подтверждается и характером произношения безударных гласных в заимствованиях. Позже, в эпоху древнерусского письменного языка, противопоставление аканья и оканья, с полной утратой открытости безударного o в окающих говорах, устанавливается окончательно.

Изменение $a^o > o$ могло пойти и по другому пути, по пути совпадения безударного a^o и a в одном гласном o . Такое «гиперическое» оканье, которое раньше можно было представлять только теоретически, недавно было открыто в некоторых белорусских говорах. Например, в д. Гребень Житковичского района Гомельской области o вместо a произносится во всех неударяемых слогах, независимо от качества соседних согласных и ударяемых гласных (Морыс'о, тобокў, прбмогу и т. п.).¹²⁶ Это гиперическое оканье

¹²⁵ Имеются они и в некоторых украинских говорах. См.: Т. В. Назарова. Аканья в українських нижньонаддніп'ятських говірках. Діалектологічний бюлетень, вип. IX. Київ, 1962, стр. 56—57.

¹²⁶ Н. Т. Войтович. Окающе-акающий вокализм в белорусских говорах. В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков, М., 1964, стр. 114 и след.

можно объяснить как следствие столкновения акающих и окающих говоров, когда окающие говоры усваивают неразличение безударных a и o , но реализуют их не в звуке a , а в звуке o . Однако вопрос осложняется тем, что произношение o вместо a встречается и в глубинных окающих говорах, где нет соседства оканья и аканья. А. А. Шахматов отмечал наличие таких говоров с «неясными по происхождению переходами a в o » в Пермской и Вятской губерниях.¹²⁷ Такие же говоры наблюдаются в Мурманской области¹²⁸ и некоторых других глубинных окающих районах. Вместе с тем во многих окающих говорах наблюдатели давно уже отмечали произношение a вместо этимологического o в заведомо старых словах. Попытки некоторых лингвистов объяснять o вместо a в окающих говорах специальными условиями (влиянием соседнего губного или заднеязычного согласного и пр.) малоубедительны, так как далеко не все примеры укладываются в жесткие рамки этих условий. К сожалению, это интересное явление остается малоизученным. Не исключено, что оно является пережитком того состояния, когда изменение a^o в одном и том же диалекте могло реализоваться по-разному: обычно $a^o > o$, а в отдельных случаях и $a^o > a$, а также процесс изменения a^o в o мог захватить при утрате квантитативных различий и исконное a . Любопытно, что в некоторых западнобрянских говорах наблюдается произношение o вместо a под ударением в словах, где воздействие родственных форм трудно предположить: *хбта*, *пбшет* и т. п.¹²⁹ Все это подлежит специальному исследованию.

Сложнее обстоит дело с происхождением яканья. Если принять гипотезу А. Вайна о праславянском $e = 'a$, то развитие яканья и противопоставленного ему оканья происходило так же, как и развитие аканья-оканья: в одних диалектах безударный $'a$ сохранялся, в других он сужался в e (процесс, аналогичный сужению $a^o > o$). Однако если наличие в общеславянском a^o (или $'a^o$) несомненно, то произношение в нем $'a$ (или $'a^o$) нуждается в доказательствах, которых еще недостаточно. Правда, в некоторых окающих говорах наблюдатели отмечают произношение широкого e (любого происхождения) или даже $'a$, который, может быть, может рассматриваться как архаизм. Гласный e^a мною наблюдался в говоре на берегу Ильменя юго-западнее Новгорода. Безударный $'a$ сосуществует в одних и тех же позициях перед твердым согласным с $'e$ и $'o$ в говорах восточного побережья

¹²⁷ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. 2. СПб., 1911—1912, стр. 259—260.

¹²⁸ И. С. Меркурьев. Мурманский говор. (Фонетика. Вокализм). Мурманск, 1960, стр. 9.

¹²⁹ В. Н. Новопокровская. К вопросу о развитии аканья. (По материалам западнобрянских памятников письменности XVIII в.). Тималогія і гісторыя славянскіх моў і ўзаемасувяі славянскіх літаратур (Тавісы дакладу і паведамленняў). Мінск, 1967, стр. 112—114.

озера Ильмень.¹³⁰ Произношение *сл'ага, бр'авноб, с'алб, спр'асуйец'ца, б'адб, пр'асны* и т. п. фиксирует И. С. Меркурьев в мурманских говорах.¹³¹ Наблюдается это *е^а* или *'а* и в некоторых других исконных окающих говорах. Однако эти *е^а* и *'а* необходимо специально исследовать.

Яканье могло развиваться и позже под воздействием древнего аканья после установления или в процессе становления корреляции твердость-мягкость согласных. В это время диалекты значительно расходились между собой как по реализации противопоставления твердости-мягкости согласных, так и по судьбе ударных гласных *о* и *е*, поэтому одновременно могли возникнуть независимо друг от друга разные типы недиссимильятивного и диссимильятивного яканья. В таком случае можно понять, почему ареалы диссимильятивного яканья (небелорусского типа) и произношения ударяемых *б* и *о*, *э* и *е* решительно не совпадают друг с другом: диссимильятивное яканье возникло в пределах акающей области. Несовпадение указанных ареалов совершенно необъяснимо с позиций редуционной гипотезы, считающей, как известно, обоянский тип яканья исходным для всех остальных типов. Если яканье (аканье) возникло через ступень редукции при условии определенной реакции предударных гласных на ударяемые *б* и *о*, *э* и *е*, то почему его нет за пределами акающих говоров на севере, где *б* и *о*, *э* и *е* до сих пор в некоторых местностях существуют, а раньше существовали повсеместно? Это остается неразрешимой загадкой: условия одни и те же, а результаты различны.

Первоначальное аканье было полным, т. е. *а* на месте *а^о* и *а* исконого произносился во всех безударных слогах. После возникновения экспираторного удара и падения *ъ* и *ь* безударный вокализм восточнославянских диалектов сильно изменился, соответственно изменились аканье и оканье. Стала развиваться редукция неударяемых гласных, которая в разной степени затронула все восточнославянские диалекты. Возникают редуцированные *ъ* и *ь* непервого предударного слога, причем наибольшее распространение они получают в средневеликорусских говорах — говорах позднего образования. Особо выделяется позиция первого предударного слога. В акающих говорах, в которых стабилизировалось различие *б* и *о*, начали действовать диссимильятивные процессы (диссимильяция по подъему). Поскольку по подъему *б* и *о*, *э* и *е* в различных говорах варьировались, диссимильятивные типы яканья и, может быть, аканья оказывались различными. В дальнейшем, когда импульсы диссимильятивного яканья перестали действовать, могли образовываться говоры, в которых типы яканья стали не совпадать с характером ударяемых гласных.

¹³⁰ В. И. Чагишева. Говоры восточного побережья озера Ильмень. Автореф. канд. дисс. Л., 1949, стр. 6.

¹³¹ И. С. Меркурьев. Мурманский говор, стр. 10—11.

По свидетельству Г. В. Денисевича, на курско-белгородской территории имеются говоры, в которых ударяемые *б* и *о*, *э* и *е* совпали в *о* и *е*, но продолжает сохраняться яканье обоянского или водонского типа.¹³² На юго-западе южновеликорусской территории имеется и обратное явление: в ряде говоров отсутствует диссимильятивное яканье, но различие между *б* и *о* хорошо сохраняется.¹³³ Не исключено, что во время зарождения диссимильятивного яканья наличие в говорах ударяемых *б* и *о*, *э* и *е* необязательно влекло за собой развитие диссимильятивного принципа. Возможно, для этого нужны были дополнительные условия внешнего порядка, например соседство с окающими украинскими и русскими поволжскими говорами.

Диссимильятивное аканье и яканье белорусского (жиздринского) типа возникло независимо от других диссимильятивных типов. Оно возникло на территории, где различие между *б* и *о*, *э* и *е* было утрачено рано, а противопоставления *б* и *о*, может быть, и вообще не было. Диссимильяция на этой территории развилась совсем на другом основании: *а* первого предударного слога изменился в *и*, *ъ* только перед гласным *а* подударного слога. Здесь получила развитие диссимильяция по качеству самого гласного (прямая диссимильяция), а не только по подъему. Возможно, что и эта диссимильяция возникла в процессе воздействия оканья на аканье.

Наряду с локальным распространением диссимильяции развиваются и ассимильятивные процессы. Ассимильятивное аканье и ассимильятивное оканье фиксируются только в пограничных окающе-акающих районах, поэтому происхождение их прозрачно. Сложнее обстоит дело с ассимильятивным принципом в яканье, проникающим далеко в глубь южновеликорусских говоров и обычно сочетающимся с диссимильяцией.

Особо обстоит дело с умеренным яканьем. То, что оно является вторичным образованием, кажется несомненным. В свое время И. Н. Дурново предложил две гипотезы его возникновения: 1) умеренное яканье сложилось под воздействием северновеликорусских говоров, 2) оно развилось имманентно из диссимильятивного яканья.¹³⁴ Однако последнее предположение доказать нельзя: на территории тульской группы говоров не имеется ни малейших следов диссимильятивности,¹³⁵ тогда как островки сильного яканья на ней были довольно обычны еще в недавнем прошлом. Первую

¹³² Г. В. Денисевич. О системе гласных фонем. . . , стр. 127—128.

¹³³ К. Ф. Захарова. Некоторые случаи утраты архаического типа диссимильятивного яканья. (По материалам «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР»). В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 41.

¹³⁴ И. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I, вып. 1, стр. 118—141; вып. 2, стр. 73—78.

¹³⁵ Н. Б. Паркова. Умеренное яканье в тульских говорах. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II, стр. 32.

гипотезу Н. Н. Дурново развил В. Н. Сидоров. В. Н. Сидоров указывает на полное совпадение принципа умеренного яканья ('а перед твердыми согласными, и перед мягкими) с северновеликорусским ёканьем ('о перед твердыми согласными, и или е перед мягкими). Умеренное яканье средневеликорусских говоров образовалось на базе северновеликорусского ёканья (в процессе продвижения аканья-яканья на север). Из средневеликорусских говоров этот тип яканья распространился на юг — на исконные территории южновеликорусского наречия.¹³⁶ По мнению Н. Б. Париковой, умеренное яканье начало складываться в конце XIV, но в основном оформилось в XV—XVI вв.¹³⁷ Для генезиса умеренного яканья представляет интерес остров костромских акающих говоров, окруженный со всех сторон окающим массивом. В обследованных Г. В. Шайтановой акающих говорах Костромской области имеется умеренное яканье, которое сопровождается в заударных слогах ёканьем.¹³⁸

С развитием экспираторного ударения возникает ёканье (совпадение этимологических 'а и е в е) и иканье ('а, е > и), которые лучше всего представлены в средневеликорусских и отчасти в северновеликорусских говорах. Все эти явления как следствия редукции гласных надвигались на первоначальную территорию аканья, значительно видоизменяя безударный вокализм первичных акающих диалектов. С одной стороны, аканье, расширяясь за счет оканья, видоизменялось под воздействием оканья на бывших окающих землях, с другой стороны, его архаический полный вид постепенно суживался, замещаясь многообразием диссимилятивных и ассимилятивных типов. Особенно потесненным оказалось полное яканье. Безударный вокализм восточнославянских диалектов после падения древних ѣ и ѝ и смены архаического музыкально-экспираторного ударения экспираторным постепенно чрезвычайно усложняется, его типы по говорам становятся разнообразными. Значительные изменения происходят и в безударном вокализме окающих земель. Все это вполне согласуется с процессом нарастающего диалектного дробления восточнославянской территории, происходившем в течение ряда столетий.

Итак, мы полагаем, что аканье и оканье в их первоначальном виде возникли в VII—VIII вв. Поскольку процесс изменения древнего общеславянского безударного а⁰ в а и о развертывался постепенно, противоставление акающих и окающих говоров со временем увеличивалось. Границы между аканьем и оканьем

¹³⁶ В. Н. Сидоров. 1) О происхождении умеренного яканья в средне-русских говорах. Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, 1951, т. X, вып. 2; 2) Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах.

¹³⁷ Н. Б. Парикова. Умеренное яканье в тульских говорах, стр. 34.

¹³⁸ Г. В. Шайтанова. Говоры по верхнему течению реки Костромы. (Говоры по северной границе акающего острова в Костромской области). Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 7.

изменялись. Если за последние столетия аканье наступало на оканье и потеснило его в ряде районов, то не исключено, что в более раннее время могло быть и обратное движение (наступление оканья на аканье), особенно в X—XII вв., когда в древней Руси господствовали окающие культурные центры — Киев и Новгород.

Возможно, аканье первоначально имело небольшой ареал распространения, однако этого доказать нельзя, как нельзя установить, имело ли место продвижение аканья с востока на запад (как полагают А. А. Шахматов, Р. И. Аванесов и др.) или, наоборот, с запада на восток. Во всяком случае распространение аканья на западной части кривичской территории (Смоленск, Полоцк, Псков), бывшей когда-то окающей, должно было потребовать немало времени. Явные признаки аканья, пробивавшегося сквозь окающую орфографию, в письменности XIV в. Москвы, Белоруссии, Смоленска, Пскова, т. е. на огромной территории, делают и вовсе невероятной редукционную гипотезу, по которой аканье возникло только в XIII в. на ограниченном пространстве районов южнее Оки. Объяснить почти молниеносное распространение аканья на обширных землях запада и северо-запада невозможно. В частности, бегство населения с территории Рязанщины во время нашествия монголо-татарских полчищ происходило не только на запад, но и на север, куда аканье продвинулось незначительно. Да и вряд ли говор беглецов мог произвести столь значительные перемены в безударном вокализме коренного населения. Оканье даже в наше время принадлежит к категории довольно устойчивых особенностей.

Остается предположить только одно: аканье перед разложением племенного строя занимало центральную полосу восточнославянской территории, от вятичей на востоке до дреговичей на западе. Акали вятичи, радимичи и дреговичи. Что послужило толчком для возникновения аканья и оканья, сказать трудно. Скорее всего, причиной было внутриязыковое развитие (безударный а⁰ или о⁰ мог развиваться в двух разных направлениях: в сторону дальнейшей лабиализации и в сторону полной утраты лабиализации). Предположения о балтийском или финно-угорском субстрате не исключены, но труднодоказуемы.¹³⁹

В заключение нужно сказать, что проблему аканья преждевременно считать окончательно решенной. Для ее дальнейшего освещения были бы очень важны находки новых письменных документов ранней поры, особенно на старых акающих территориях. Если мы считаем вопрос о происхождении и истории аканья открытым, то Я. Риглер и особенно П. Ивич полагают, что он окончательно решен. Для них аканье — явление «вторичное», позднее. Свое мнение они изложили в страстной (я бы сказал —

¹³⁹ Ср. гипотезу древнемордовского субстрата: В. И. Лыткин. Еще к вопросу о происхождении русского аканья. ВЯ, 1965, № 4.

пристрастной) полемике с авторами книги «Общеславянское значение проблемы аканья», изданной в Софии в 1968 г.¹⁴⁰ Главный тезис статьи Я. Риглера, направленной в основном против гипотезы В. И. Георгиева,¹⁴¹ сводится к тому, что аканье в словенском языке безусловно развилось из оканья, что совсем не нужно стремиться дать одно и то же объяснение аканью в разных славянских языках. «Если бы даже русское аканье действительно было реликтом праславянского состояния, из этого не вытекает, что и словенское аканье должно иметь такое же происхождение».¹⁴² Я. Риглер критикует предложенную В. И. Георгиевым схему деления словенского языка на диалектные группы (по признаку оканья и аканья), считая ее несоответствующей фактическому положению дела. Однако современное состояние словенских диалектов как определенной системы — явление несомненно позднее, исторически сложившееся за последние века. Речь же идет о реконструкции древнего состояния, осуществить которую невозможно, опираясь только на современные факты словенского языка (каково бы ни было действительное происхождение словенского аканья). Такой реконструкции Я. Риглер не предлагает, поэтому его положение о вторичности аканья остается на уровне ничем не подтвержденных предположений. Заявляя, что аканье в разных славянских языках может иметь неодинаковое происхождение (поскольку проблема еще не решена, это не исключено), Я. Риглер не замечает, что он противоречит самому себе, когда пишет: «И поскольку для решения вопроса о происхождении русского аканья нет достаточного числа убедительных аргументов, в то время как вторичность словенского аканья в полной мере доказуема, то именно факты словенского языка могут быть использованы при объяснении аканья в других языках».¹⁴³ Кажется, должно было быть ясно, что факты современного словенского языка, взятые изолированно от фактов других славянских языков, не могут быть навязаны истории славянских языков, если придерживаться беспристрастного суждения об интересующей нас проблеме.

В статье другого югославского диалектолога — П. Ивича «О древности аканья в славянских языках»¹⁴⁴ никаких новых фактов, относящихся к аканью, не предлагается. В ней высказываются лишь скептические замечания по поводу древности происхождения аканья, уже известные в литературе, и некоторые общие соображения. Кстати, П. Ивич допускает и фактические ошибки.

¹⁴⁰ В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков. *Общеславянское значение проблемы аканья*. София, 1968.

¹⁴¹ Я. Риглер. *Общеславянское значение проблемы аканья*. ВЯ, 1969, № 3.

¹⁴² Там же, стр. 48—49.

¹⁴³ Там же, стр. 49.

¹⁴⁴ П. Ивич. *О древности аканья в славянских языках* ВЯ, 1969, № 3.

Он, например, полагает, что мне не удалось опровергнуть аргументов противников древности аканья, в частности, «почему в памятниках из акающих областей до XVI в. нет ни одного примера аканья (но есть достаточно примеров оканья)?».¹⁴⁵ По-видимому, П. Ивич невнимательно читал критикуемую им книгу. А в ней достаточно ясно сказано, что памятников с территории исконно акающих говоров до XVI в. вообще не сохранилось, что имеются очевидные признаки аканья в московской, смоленско-полоцкой и псковской письменности XIV (не XVI) в., что заслуживает внимания акающее написание ряда слов в новгородской письменности XI—XIII вв. и т. д. Для П. Ивича аргументы противников древности аканья представляются несомненными, но от простого перечисления этих аргументов их убедительность несколько не возрастает даже в том случае, если их повторяет такой диалектолог, как П. Ивич. П. Ивич заключает свою статью следующими словами: «Вывод, который может быть сделан, очевиден: ни один факт, ни один использованный аргумент не может служить доказательством праславянского происхождения аканья. Более того, нет ничего, что указывало бы на вероятность гипотезы о таком происхождении».¹⁴⁶ Что и говорить, такой вывод звучит как приговор. История, однако, знает немало случаев, когда приговоры выносились несправедливыми или некомпетентными судьями. Для П. Ивича все ясно, тогда как на самом деле неясностей осталось гораздо больше, чем ясности. Поскольку предложенная выше гипотеза о происхождении и истории аканья не все объясняет, она является уязвимой. Однако простое ее отрицание несколько не продвигает нас к познанию истины. Настоящая дискуссия может состояться только в том случае, если вместо одной гипотезы будет выдвинута другая, которая будет содержать в себе попытку позитивного решения вопроса. Пока такой гипотезы ни Я. Риглер, ни П. Ивич, ни другие наши критики не предложили, что дает нам право считать, что мы стоим на правильном пути.

СУДЬБА ГЛАСНЫХ *о* И *ѵ*

Еще в прошлом столетии диалектологи отметили в некоторых говорах русского языка произношение под ударением двух *о*: лабиализованного *о* открытого, такого же, как и в литературном языке, и особого закрытого, напряженного *о*, лабиализованного гласного верхне-среднего подъема (*ѵ*). Кроме *ѵ* было зафиксировано произношение дифтонга *ѵѵ* (записи В. И. Даля, М. А. Колосова, А. Шайтанова, Н. Машкина и др.). В начале нашего

¹⁴⁵ Там же, стр. 67.

¹⁴⁶ Там же, стр. 69. Непонятно, почему редакция журнала «Вопросы языкознания» решила подвести итоги «первому этапу» (?) дискуссии о происхождении аканья чисто негативными статьями Я. Риглера и П. Ивича.

века количество наблюдений увеличилось, однако наличие двух *o* оставалось необъясненным. Первым, кто попытался объяснить условия произношения *δ*, был О. Брок, по мнению которого *δ* в юго-западных говорах Тотемского уезда образовалось под ударением в закрытых слогах.¹⁴⁷ Однако это объяснение не подходило к фактам других говоров, в которых *δ* было обнаружено и в открытых слогах.

Наблюдения О. Брока дали ключ к раскрытию загадки двух *o* Л. Л. Васильеву, который исследовал акцентированные рукописи XVI—XVII вв. Л. Л. Васильев разгадал значение каморы (значка $\curvearrowright$) в Псалтыри Ф. I. № 7 XVI в. и Сборнике Софийской библиотеки № 1460 XVI в. Этот значок в указанных памятниках означает напряженный гласный *δ* под ударением. Л. Л. Васильев подробно излагает свои наблюдения над употреблением *δ* и *o* в разных позициях и разных грамматических категориях и сопоставляет эти *o* с сохранившимися интонационными особенностями ударения в словинском, сербохорватском и некоторых других славянских языках. Сравнительно-историческая трактовка *δ* и *o* привела его к выводу, что закрытый *δ* восходит к праславянскому *δ* с восходящей интонацией, а открытый *o* — к праславянскому *δ* с нисходящей интонацией, а также к новому *o* из $\mathring{z}$. Различение *δ* и *o* на восточнославянской почве — явление диалектное, хотя Л. Л. Васильев не пытается определить, в каких именно древнерусских диалектах оно развилось. Не очень определенно говорит он и о времени его возникновения. «Ввиду совпадения условий появления напряженного *δ* в русском и словинском языках, а при известном желании, возможности видеть следы однородного явления и в других славянских языках (чешском, польском и лужицких), зачатки этого явления следует относить к общеславянскому языку».¹⁴⁸

Независимо от замечательного открытия Л. Л. Васильева свою теорию происхождения *δ* и *o* выдвинул А. А. Шахматов, работа которого «Дифтонги $\mathring{u}$ и $\mathring{e}$ в великорусских говорах» опубликована В. В. Колесовым только в наше время.¹⁴⁹ А. А. Шахматов, как и Л. Л. Васильев, отмечает большую заслугу О. Брока и посвящает ему свое исследование, но исходит из иных позиций, опираясь на данные современных русских говоров и сравнительно-исторической акцентологии славянских языков. В этой своей работе А. А. Шахматов усматривает два условия изменения общеславян-

¹⁴⁷ О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. 83, 1907.

¹⁴⁸ Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *o* в великорусских говорах. Л., 1929, стр. 17 (работа была готова к печати в 1913 г.).

¹⁴⁹ А. А. Шахматов. Дифтонги $\mathring{u}$ и $\mathring{e}$ в великорусских говорах. ВЯ, 1964, №№ 5 и 6.

ного *δ* в дифтонг $\mathring{uo}$: 1) лабиализованность согласных перед гласными заднего ряда в общеславянском языке и 2) характер древнего ударения. По А. А. Шахматову, в древнерусском языке имело место «диалектическое явление», когда исконный *δ* под ударением заменился в дифтонг $\mathring{uo}$. Это изменение вызвано не природой самого гласного *o*, а характером предшествующего ему согласного. В праславянском языке согласные перед гласными заднего ряда были лабиализованными или полулабиализованными, как они были палатализованными или полупалатализованными перед гласными переднего ряда. Хотя согласный *a*^o утратил свою лабиальность, а *й*, *й* изменились в гласные среднего ряда *y*, $\mathring{z}$, лабиальность согласных продолжала сохраняться и была унаследована прарусским языком, за исключением согласных перед $\mathring{z}$. Согласные перед $\mathring{z}$ «передали» свою лабиальность $\mathring{z}$, который только поэтому изменился в *o*. Поэтому-то *o* из $\mathring{z}$ не изменился в $\mathring{uo}$. Изменение *δ* в $\mathring{uo}$ имело место после падения $\mathring{z}$, $\mathring{y}$, иначе *o* из $\mathring{z}$ тоже должен был перейти в $\mathring{uo}$, чего не было на самом деле.

Однако не всякий *δ* изменился в дифтонг. Для этого нужно было еще и другое условие. Исконный *δ*, как правило, переходит в $\mathring{uo}$ во всех неначальных слогах. Что же касается начальных слогов и односложных слов, то рефлекс исконного *o* двойкий: *o* > $\mathring{uo}$ и *o*. Это соответствует характеру праславянского ударения, которое в неначальных слогах было восходящим, а в начальных (позже и односложных словах) слогах — восходящим и нисходящим. Дифтонг $\mathring{uo}$ образовался только из *δ* под восходящим ударением. Следовательно, противопоставление *o* : $\mathring{uo}$ могло возникнуть в то время, когда в древнерусском языке не были еще утрачены «в некоторых наречиях» старые интонационные различия. Восходящее ударение было экспираторным, а нисходящее — музикальным. В других древнерусских диалектах музыкальное ударение было полностью вытеснено экспираторным и не оставило после себя никаких следов. В этих диалектах *o* : $\mathring{uo}$ не могло возникнуть. Но и в тех диалектах, где оппозиция *o* : $\mathring{uo}$ образовалась, под воздействием различных факторов она сразу же стала разрушаться, поэтому в письменных памятниках и в современных говорах она представлена или со всякого рода исключениями, или же сохранилась лишь в виде остаточных и нерегулярных примеров.

Где располагались древнерусские диалекты с *o* : $\mathring{uo}$, А. А. Шахматов не определяет, но считает, что это явление имело место не только на территории великорусской, но и на белорусской территории.

Образования и распространения *δ* : *o* А. А. Шахматов касается и в других своих работах. В «Очерке» он пишет, что это противо-

поставление было и у «восточнорусов» и возникло оно до падения $\dot{\text{z}}$, $\dot{\text{b}}$, «иначе замене через ω подверглось бы и это o »¹⁶⁰ (т. е. o из $\dot{\text{z}}$).

Говоря об открытии Л. Л. Васильева, А. А. Шахматов вносит в него серьезное уточнение: «Автор упустил из вида следующее основное и вместе с тем простое положение. Открытое o в русских говорах, различающих o и δ , может находиться только в начале слова, ибо нисходящее ударение в общеславянском праязыке, так же как позже в отдельных славянских языках (ср. современный сербский и энклизу в русском), могло сохраняться только на начальном слоге, переносясь с других слогов на начальный. Ввиду этого Л. Л. Васильеву с самого начала исследования надлежало уяснить, что колебание между o и δ возможно только на начальном слоге, в середине же на слогах закрытых и открытых возможно только напряженное δ ».¹⁶¹

Положение о зависимости δ и o от общеславянской интонации было принято всеми славистами. Оно только уточнялось и модифицировалось. Что касается лабиализующего воздействия согласных на o , то вряд ли оно могло иметь в данном случае существенное значение. Нельзя доказать, что первоначально новоакутовый δ изменился в дифтонг $\dot{\text{io}}$, который позже упростился в закрытый напряженный δ , на чем настаивал А. А. Шахматов. Лабиализующее воздействие губных и заднеязычных согласных на гласный o широко известно и в неударяемом положении, и под ударением, когда гласный o восходит к δ с нисходящей интонацией. Ареал распространения δ и o в русских говорах не совпадает с ареалом лабиализующего воздействия указанных согласных. Подобная лабиализация гласных известна многим белорусским и украинским говорам. Совершенно очевидно, что $\delta : o$ и лабиализующее воздействие согласных на гласные — явления разного происхождения, хотя они и могут перекрещиваться.

В отношении акутированного δ можно только сказать, что он был более долгим и иным по качеству. Как он звучал в произношении и какие имел оттенки, этого мы не знаем. Можно выдвигать различные предположения. Н. С. Трубецкой, например, полагал, что в праславянском языке акут и циркумфлекс имели восходяще-нисходящую интонацию. Разница между ними заключалась в том, что у акута первая часть была длиннее второй, а у циркумфлекса — короче. Акутированное δ произносилось как $o\delta$, а циркумфлексное o — как δo (Н. С. Трубецкой считал, что δ под нисходящим ударением тоже было долгим). На северо-востоке восточнославянской территории, когда возникало противопоставление $\delta : o$, циркумфлексное δo изменилось в широкое (открытое) o , а акутовое $o\delta$ —

¹⁶⁰ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 334.

¹⁶¹ А. А. Шахматов, Отзыв о труде Л. Л. Васильева, в кн.: Л. Л. Васильев. О значении каморы..., стр. VII.

в уякое (закрытое) δ (короткая часть дифтонга ассимилировалась с долгой). С утратой интонационных и количественных различий получилась известная нам оппозиция $\delta : o$. Произошло это между 1164—1282 гг.». На юго-западе оппозиция $\delta : o$ не возникла в связи с тем, что древние интонационные различия исчезли там раньше, чем на северо-востоке. В современном украинском языке нет ни малейшего следа гласного δ . Затруднение представляет распространение δ в белорусском языке. Некоторые лингвисты связывают его с северноукраинским $\dot{\text{yo}}$ совершенно иного происхождения, другие же настаивают на общности белорусского дифтонга с русским δ . Н. С. Трубецкой допускал, что верны обе точки зрения, если учитывать географическое положение белорусского языка и его роль как связующего звена между русским и украинским языками. Оппозиция $\delta : o$, возникнув на северо-востоке, стала распространяться до некоторых пределов на запад.¹⁶²

Мы здесь не будем приводить другие варианты гипотезы происхождения $\delta : o$ на базе праславянских интонационных различий. С принципиально иной гипотезой выступил Е. Курилович, который назвал предположение о возникновении $\delta : o$ и ряда других явлений из праславянских интонационных различий «фикцией сравнительного языкознания».¹⁶³ По Е. Куриловичу, для объяснения $\delta : o$ нет надобности обращаться к праславянской интонации, а достаточно исходить из акцентуации (места ударения). Как он полагает, в древнерусскую эпоху в говорах лекинского типа, в которых образовались $\delta : o$, происходило следующее: а) фонологическое совпадение слав. $\dot{\text{z}}$ и o в безударных слогах (в других говорах это совпадение происходит во всех положениях, т. е. и в подударных слогах) при одновременном сохранении различия $\dot{\text{z}}$ и o в подударных слогах; рефлексом этого противопоставления является $o : \delta$ (o с «каморой»); б) перенесение o из позиций основных в позиции вторичные, т. е. из оборотов с предлогом, в которых o безударно, в изолированные формы: так, $na\ \dot{\text{z}}\ nos$ с «правильным o » дает nos , но ср. $na\ st\delta l$ и $st\delta l$ ».¹⁶⁴ В результате выравнивания изолированных форм по модели предложных конструкций и сложений δ и o в начальных слогах чередуются в зависимости от ударения, а во всех внутренних и конечных слогах устанавливается δ . Конечно, теоретически можно представить себе и такой путь развития. Однако предположение о фонологическом совпадении в части древнерусских диалектов $\dot{\text{z}}$ и o и сохранении в этих диалектах фонологического различия между $\dot{\text{z}}$ и o под ударением является совершенно умозрительным и

¹⁶² N. T r u b e t z k o u. Einiges über die russische Lautentwicklung. . . , стр. 301—306.

¹⁶³ Е. Курилович. О некоторых фикциях сравнительного языкознания. ВЯ, 1962, № 1.

¹⁶⁴ Там же, стр. 35.

подтвердить его какими-либо фактами невозможно. Данные древнерусской письменности не содержат в себе ни малейшего намека на фонологическое совпадение и в то же время различие в безударной и подударной позициях гласных $\dot{\delta}$ и δ в северо-восточных диалектах. И если общепринятое в славистике положение о зависимости $\delta : o$ от праславянской интонации (которое Е. Курилович критикует довольно поверхностно) опирается на известные интонационные соответствия славянских языков, то гипотеза Е. Куриловича не имеет никакой опоры и, как одна из фикций фонологической умозрительности, вряд ли может быть принята.

Когда произошла утрата зависимости δ от нового акута и как следствие этой утраты возникновение фонологической оппозиции $\delta : o$? Установить абсолютную хронологию этого явления не представляется возможным, так как древнерусское письмо первоначально не располагало средствами различения этих гласных. Хронология здесь может быть только относительной. Несомненно, противопоставление $\delta : o$ устанавливается в процессе утраты древних интонационных различий, которая протекала, как и падение $\dot{\delta}$ и $\dot{\delta}$, в различных славянских языках и диалектах неравномерно и не в одно и то же время. Время падения $\dot{\delta}$ и $\dot{\delta}$ более или менее установлено: на юге восточнославянской области оно завершилось в XII в., а на севере — в XIII в. Падение редуцированных и утрата древних интонаций, по общему признанию, связаны между собой. Некоторые лингвисты даже предполагают, что становление нового экспираторного ударения является причиной дефонологизации $\dot{\delta}$ и $\dot{\delta}$ и их утраты, другие считают, что оба процесса (падение $\dot{\delta}$ и $\dot{\delta}$ и исчезновение древних интонаций) протекали одновременно или почти одновременно. По Н. С. Трубецкому, интонационные различия исчезли на восточнославянском юго-западе примерно в XII в., а на северо-востоке они еще сохранялись в XIII в. Если это так, то в XII в. в древнерусском языке возникло важное диалектное членение: одни диалекты (юго-западные) получили новый тип ударения со всеми вытекающими из этого последствиями, другие (северо-восточные) еще сохраняли старую акцентно-интонационную структуру. После разрушения этой структуры и на северо-востоке установившееся диалектное членение не исчезает, оно только принимает новый вид: δ (и его рефлекс в новых закрытых слогах) — на юго-западе и $\delta : o$ — на северо-востоке. С этой точки зрения $\delta : o$ должно было возникнуть примерно в XIII—XIV вв. По-видимому, это самая поздняя хронологическая граница возникновения $\delta : o$.

Другие ученые относят исчезновение древней интонации и, следовательно, образование $\delta : o$ к более раннему времени. Этого мнения, в частности, придерживался Л. Л. Васильев, который, как и А. А. Шахматов, относил $\delta > \delta$ ко времени до изменения $\dot{\delta}$ в δ , т. е. до падения редуцированных. Эта точка зрения стала довольно распространенной. Она развивается в статье Л. Оссов-

ского,¹⁵⁶ ее популяризируют авторы учебных пособий. В. В. Иванов, например, полагает, что фонема δ возникла в X—XI вв.¹⁵⁶ Раннюю хронологическую границу сложения оппозиции $\delta : o$ более или менее точно определить невозможно. Будем считать, что $\delta : o$ появляется в период между XI и XIII вв.

Второй важный для исторической диалектологии восточнославянских языков вопрос — каково было географическое распространение противопоставления новых фонем δ и δ ? Лингвисты, относящие возникновение $\delta : o$ до падения редуцированных, обычно считают, что первоначально эта инновация была общевосточнославянской и лишь затем, когда в отдельных древнерусских диалектах произошло совпадение фонем $\dot{\delta}$ и δ , поддерживавших существование δ и δ в фонологической системе, а также когда δ и δ на юге было перекрыто δ иного происхождения в новых закрытых слогах, территория распространения $\delta : o$ значительно сузилась, и явление это из категории общевосточнославянских особенностей перешло в разряд диалектизм. Поскольку на юге падение редуцированных и образование новых закрытых слогов произошло в XII в., следовательно, исчезновение там δ нужно отнести примерно к этому же времени. Если это так, то мы в конечном итоге должны прийти к тому же выводу, что и Н. С. Трубецкой: в XII в. устанавливается диалектное членение древнерусского языка: отсутствие $\delta : o$ на юго-западе и наличие такового на северо-востоке. Теоретически вполне возможно допустить, что $\delta : o$ первоначально охватывало всю восточнославянскую территорию, но доказать это нельзя. Уже неоднократно отмечалось, что в украинском языке нет никаких следов δ на месте δ с восходящей интонацией.¹⁵⁷ Следовательно, его там могло и не быть в XI—XII вв. Это предположение вполне закономерно, если не придерживаться традиционной схемы гипотезы праязыка. Развитие $\delta : o$ и $\dot{\delta} : \delta$ также не всегда бывает параллельным, о чем свидетельствуют данные современных русских говоров: ареалы $\delta : o$ (и рефлексов δ) и $\dot{\delta} : \delta$ (и рефлексов $\dot{\delta}$ в говорах, где различие между $\dot{\delta}$ и δ сохраняется) не совпадают: имеются говоры, в которых произносятся δ и δ , но нет $\dot{\delta}$ и δ , и наоборот.

Данные письменности пока не позволяют установить наличие $\delta : o$ в отдельных собственно русских диалектах. После Л. Л. Васильева новые рукописи с различием двух δ обнаружил Н. Н. Дурново.¹⁵⁸ Особенно важные открытия сделал В. В. Ко-

¹⁵⁶ L. Ossowski. O zwięzonym lub dyftongicznym δ w pewnych gwaraх i zabytkach rosyjskich. Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, X, 1950.

¹⁵⁷ В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка, стр. 128.
¹⁵⁸ См., например: М. Dolobko. Der sekundäre δ -Vorschlag im Russischen. Zeitschr. für slavische Philologie, 1926, III, стр. 144.

¹⁵⁸ N. Durново. Manuscrits russes distinguant l'ancien δ «acuté» et l' δ d'une autre origine. Annales Academiae Scientiarum Fennicae, XXVII. Helsinki, 1932.

лесов, после исследований которого стало очевидным произношение $\delta : o$ в древненовгородском диалекте. Для обозначения δ закрытого древнерусские писцы использовали не только камору, но и букву ω . В Карамзинском списке Новгородской IV летописи конца XV в. последовательно проводится различие букв o и ω , соответствующее условиям употребления фонем o и δ .¹⁵⁹ Весьма существенно, что, исследуя указанную рукопись, а также описанные Л. Л. Васильевым Псалтырь Ф. I. № 7, Сборник Софийской библиотеки № 1460 и еще новгородский Служебник начала XVI в. (Псковское древнехранилище, № 86), Евангелие № 2 1559—1567 гг. и служебную Минею № 542 второй половины XVI в., В. В. Колесов не только устанавливает наличие в этих рукописях $\delta : o$ и условия их употребления, но изучает также исключения из общего правила и на этом основании прослеживает историю этих фонем. В некоторых позициях, прежде всего в конечном слоге, гласный δ исчезает. Открытый слог вообще оказывается слабой позицией δ . В псковских памятниках (Евангелии № 2 и Минея № 542) наблюдается не только фонетическое перераспределение δ и o в зависимости от открытости и закрытости слога, но и распространение o посредством грамматической аналогии. Процесс падения δ как самостоятельной фонемы прослеживается уже в рукописях XV—XVI вв. В. В. Колесов приходит к интересным лингво-географическим выводам: «Оказывается, что ряд псковских говоров был близок к новгородским, и подобно последним имел фонему δ . Все ли древнепсковские говоры знали фонему δ или только близкие к новгородским, пока остается неясным. Во всяком случае, южнопсковские говоры могли и не иметь фонемы δ в своей системе гласных, так же как не имели ее соседние им смоленско-полоцкие говоры».¹⁶⁰ Наличие в севернопсковских говорах δ подтверждается недавно открытыми гдовским и полновским типами диссимилативного яканья. Следы δ как будто имеются в некоторых южновеликорусских рукописях XVII в. С. И. Котков приводит примеры с y на месте o (*рабуту*, *дубруву*, *уполунников* и т. п.), которые можно истолковать как δ .¹⁶¹ Н. Ф. Савченко отмечает в калужской письменности мену букв y и o (правда, только в двух случаях: *угуди* 'угодья' и *тотошних* 'тутошних').¹⁶² Наличие в некоторых современных южновеликорусских и средневеликорусских говорах фонемы δ и ее вариантов $\dot{y}\delta$ и δy позволяет предположить, что в древней диалектной зоне, на базе которой сформиро-

¹⁵⁹ В. В. Колесов. *O* (o^* закрытое) в древненовгородском говоре. В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. III. Уч. зап. ЛГУ, № 302, 1962.

¹⁶⁰ В. В. Колесов. Эволюция фонемы o в русских северо-западных говорах. Научн. докл. высшей школы. Филол. науки, 1962, № 3, стр. 103.

¹⁶¹ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 28 и след.

¹⁶² Н. Ф. Савченко. Калужские говоры XVII в. по данным местной письменности. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 3.

вались южновеликорусские говоры, имелось $\delta : o$. Говоры с δ и его вариантами расположены островками в Курской, Орловской, Калужской, Белгородской, Воронежской и Рязанской областях. Совершенно очевидно, что система противопоставления $\delta : o$ находится в стадии разрушения, а ареал ее постоянно суживается. Почти повсеместно δ из δ под восходящим ударением заменяется через o в конечных открытых слогах,¹⁶³ также при отсутствии логического ударения и в беглой речи.¹⁶⁴ На старый δ ($\dot{y}\delta$) местами наслаивается дифтонгическое произношение o иного происхождения (в новых закрытых слогах, перенос по аналогии и др.).¹⁶⁵

Падение δ в современных говорах происходит на наших глазах. Хорошо известны знаменитые наблюдения А. А. Шахматова, проведенные им в д. Леке Егорьевского уезда Рязанской губернии в конце декабря 1912 г. и в начале апреля 1913 г. А. А. Шахматов отметил, что «оба звука o и ω сильно различаются говорящими, и употребление одного из них на месте другого ведет к недоразумению».¹⁶⁶ Через тридцать с небольшим лет гласный δ в Леке относительно выдержанно употреблялся только лицами престарелого возраста и только при тщательном произношении слов и замедленном темпе речи.¹⁶⁷ Гласный δ (и его варианты) встречается и в ряде северновеликорусских говоров, причем его распространение не дает изоглоссы, которая выделяла бы компактную территорию. Часто δ отмечается только в отдельных словах, проявляя тенденцию к лексикализации.

Островное распространение δ , захватывающее обширную территорию великорусских говоров, очевидное сужение ареала δ , наблюдавшееся диалектологами уже в XIX в., с несомненностью указывает на то, что $\delta : o$ в древнерусскую эпоху имело широкое распространение на великорусских землях. Об этом говорят и некоторые другие факты. Как установил В. И. Лыткин, древние заимствования из русского языка в коми свидетельствуют о наличии в прошлом в севернорусских говорах интересующей нас фонемы. В коми языке имеется два o — o , тождественное современному русскому o , и δ — нелабиализованный открытый гласный среднего ряда среднего подъема. В древних заимствованиях коми o соответствует этимологическому севернорусскому δ , а δ — севернорусскому o из δ с нисходящим ударением и ϵ . Таким образом, коми язык продолжительное время соседил с северно-

¹⁶³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 44.

¹⁶⁴ Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка, стр. 30.

¹⁶⁵ Г. В. Денисевич. Вопрос о древних носителях говоров архаическим типом аканья на курской земле, стр. 57.

¹⁶⁶ А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. СПб., 1914, стр. 12.

¹⁶⁷ С. С. Висотский. О говоре д. Лека. (По материалам экспедиции 1945 г.). В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.—Л., 1949, стр. 10 и след.

русскими говорами, имевшими *б* и *о*.¹⁶⁸ Как подлагает В. И. Лыткин, основная масса заимствований из русского языка в коми-зырянский проникла в «послестефановское время» (с XIV—XV вв.), когда имела место перекрестная русско-комийская колонизация севера (низовьев Вычегоды, Лузы, Мезени и других районов), а в коми-пермяцкий язык массовое заимствование русских слов началось с XVI—XVII вв.¹⁶⁹ Следовательно, русские северо-восточные говоры в XIV—XVII вв. имели *б : о* так норму. В настоящее время в говорах, пограничных с коми языком, *б* не произносится. В пользу наличия *б : о* свидетельствуют и фонологические соображения. Как считает К. В. Горшкова, *б : о* несомненно имелось в ростовско-суздальских говорах XIV в. хотя ростовско-суздальская письменность не знает отражения различия между *б* и *о*. Это заключение К. В. Горшкова делает «на основании представления и возможности системы». В ростовско-суздальской письменности XIV в. хорошо представлено различие между *ѣ* и *е*, которое сохранялось благодаря поддержке *б* и *о*. Там, где *б : о* не образовалось, различие между *ѣ* и *е* рано утрачивалось. Так произошло в смоленско-полоцком диалекте и той части псковских говоров, которые сблизились со смоленско-полоцкими. Уже в Смоленской грамоте 1229 г. и ряде псковских текстов XIV в. имеется смешение буквы *ѣ* с *е* и *ь*, не ограниченное фонетическими и морфологическими условиями, что свидетельствует о ранней утрате фонемы *ѣ* и, следовательно, отсутствии *б*.¹⁷⁰ Правда, как показывают древнерусские письменные памятники и современные говоры, параллельность развития *б* и *о*, *ѣ* и *е* не является совершенно обязательной. Фонологические схемы, не подкрепленные фактами, могут быть только средством построения возможных, но трудно доказуемых или вовсе недоказуемых гипотез. Однако наличие в некоторых костромских, ярославских и владимирских говорах пережитков фонемы *б* в данном случае делает предположение о существовании *б : о* и его взаимосвязи с *ѣ : е* в древнем владимиро-суздальском диалекте довольно обоснованным. О существовании фонемы *б* в древненовгородском диалекте и древних севернопсковских говорах ясно свидетельствуют акцентированные письменные памятники XV—XVI вв.

Дискуссионным оказался вопрос о фонеме *б* в белорусском языке. Е. Ф. Карский впервые собрал богатый фактический материал, относящийся к произношению *о* в белорусских говорах в разных позициях. В ряде белорусских говоров, особенно в западных и южных, граничащих с украинскими, на месте *о* произно-

сится *у* в позиции после губных и особенно перед губными как под ударением, так и в безударном положении: *друбненькие, дарували* и т. п. Ясно, что позиционно обусловленная лабиализация *о*, в различных формах известная и в русских говорах, генетически не связана с фонемой *б*. Однако примеры Е. Ф. Карского типа *вурӯдна* лабиализацией объяснить нельзя. Сам Е. Ф. Карский указывает, что дифтонг *ю* в белорусских говорах употребляется почти всегда только в закрытых слогах (как в северноукраинских говорах), а случаи его произношения в открытых и конечных слогах немногочисленны.¹⁷¹ Следовательно, этот дифтонг также не имеет отношения к нашему *б*. Иначе к этому факту подошел Т. Лер-Сплавинский, который усмотрел в белорусском дифтонге *ю* следы древних интонационных отношений.¹⁷² Гипотезу Т. Лер-Сплавинского принял В. Курашкевич.¹⁷³ Богатый материал приводится в карте № 35 диалектологического атласа белорусского языка.¹⁷⁴ Все примеры произношения *о* как *б* и *ю* относятся к положению в закрытом слоге. Карта на произношение *о* в открытом слоге не дается, хотя вопрос об этом в «Программе» для собирания материалов был предусмотрен. Можно считать, что западные диалекты древнерусского языка не знали фонемы *б*.

Вышеизложенные факты и соображения позволяют сделать некоторые лингвогеографические выводы. Язык древних восточных славян унаследовал от общеславянского состояния древнюю интонационную систему, которая примерно до XI в. была свойственна всем восточнославянским диалектам. В XI—XII вв. началось разрушение древней интонации и становление современного экспираторного ударения. Падение интонации, как и падение редуцированных, охватило восточнославянскую территорию не сразу. Вначале новое ударение утвердилось на современных украинско-белорусских землях и в Смоленской области. Смоленская грамота 1229 г. показывает, что в смоленском диалекте начала XIII в. старых редуцированных *ъ* и *ь* уже не было и начала проявляться редукция безударных гласных, свидетельствующая о господстве нового типа ударения. По-видимому, в говорах верховьев Днепра падение редуцированных завершилось, как и на юге, в XII в. Следовательно, в XI—XII вв. возникает важная изоглосса, которая начиналась южнее Пскова, шла на восток в район Смоленска, а оттуда опускалась на юг. На юге и западе в это время установилось экспираторное ударение, начали исчезать и исчезли старые *ъ* и *ь*, *б* под восходящим ударением и *д* под

¹⁶⁸ В. И. Лыткин. К вопросу о севернорусском закрытом *б*. Бюлл. диалектол. сектора Инст. русск. языка АН СССР, вып. 2. М.—Л., 1948.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси. (По данным исторической фонологии). Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 18—19.

¹⁷¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 123.

¹⁷² T. Lehr-Spławinski. Ślady dawnych różnic intonacyjnych w językach ruskich. Rocznik slawistyczny, VIII, 1918, стр. 258.

¹⁷³ W. Kuraszkievicz. Przyczynek do iloczasu małoruskiego. Lud słowiański, III, 1933.

¹⁷⁴ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, стр. 334—391.

нисходящим ударением совпали в одном *o*. На северо-западе (северная половина Псковской земли, Новгородская область), севере и северо-востоке сохранялся старый тип ударения с его интонационными различиями и старые *ъ* и *ь*. В XIII—XIV вв. этот рубеж сохраняется, но получает иное содержание. На северо-востоке возникает оппозиция *ѣ* и *е*, сохраняется фонологическое противопоставление *ѣ* и *е*, складывается целый ряд специфических особенностей, являющихся результатом падения *ъ* и *ь*, тогда как на юго-западе ударяемый *o* в разных диалектах терпит новые превращения в зависимости от фонетических позиций или сохраняется, *ѣ* и *е* в Смоленско-Полоцкой земле совпадают в *е*, формируются свои особенности как следствия падения *ъ* и *ь*.

О ФОНЕМЕ *ѣ* И ЕЕ ИСТОРИИ

Ятевая проблема породила огромную литературу. Фонема, получившая название «ять», разного происхождения, прототипы ее относятся к различным историческим эпохам. Древнейший ее прототип в общеславянском языке — унаследованный от индоевропейского состояния долгий гласный *ē*. В различных индоевропейских языках *ē* имеет неодинаковую судьбу. В классических языках, а также в хеттском первоначальное качество древнейшего реконструируемого *ē*, как правило, сохраняется. В общегерманском языке индоевр. *ē** было широким открытым гласным (еще в готском было *ē*), который позже изменяется в *ā*. В индоиранских языках *ē* дает *ā*. В кельтских языках и армянском, наоборот, усиливается закрытость этого гласного и он переходит в фонему *ī*. В прабалтийском языке *ē* как будто приобретает закрытое произношение: в современном литовском эта фонема выступает как узкое *ē* (*é*), а в части древнепрусского (в самляндском) развивается в *ī*. В латышском языке степень открытости *ē* зависит от качества гласного последующего слога. Славянские языки и их диалекты представляют весьма противоречивые сведения, поэтому вопрос о качестве унаследованного *ē* остается открытым. Не исключено, что гласный *ē* еще в эпоху индоевропейского состояния имел различные локально ограниченные варианты по своему качеству, что и вызвало различное его развитие в разных индоевропейских языках. Фонема *ѣ* из индоевропейского *ē* в общеславянском языке обычно обозначается как *ѣ*¹. Перед этой фонемой заднеязычные *g*, *k*, *ch* изменились в *ж*², *ѣ*³, *ѣ*³ (первая палатализация заднеязычных).

В общеславянском языке в процессе монофтонгизации дифтонгов *ѣj*, *āj* образовался гласный (монофтонг или дифтонг), включившийся в фонему *ѣ*. Его обозначают *ѣ*². Перед *ѣ*² заднеязычные *g*, *k*, *ch* преобразовались в свистящие *dž* (*ž*), *č*, *š* (в западнославянских языках *š* > *š*) (вторая палатализация заднеязычных, имевшая место позже первой).

В южнославянских языках, а также в чешском и словацком образовался в еще более позднее время третий *ѣ* в процессе преобразования общеславянских сочетаний **tert*, **telt* > *trět*, *tlět*. Четвертый *ѣ* возник в северной славянской зоне в некоторых окончаниях имен существительных (род. ед. *землѣ* и т. п.). Наконец, отмечается в разных славянских диалектах еще несколько *ѣ* из различных прототипов. В Вондрак указал на *ѣ* как на возможный источник образования *ѣ*: *ѣ* изменяется в *ѣ* перед носовыми огласными и перед слогом с *ѣ*: *nъназь* (< герм. *phenning*), *мѣсць* < **męsęcь* (ср. лат. *mēnsis*, лит. *mėnuo*, *mėnesis*).¹⁷⁵ И. Зубатый предположил еще *tā* > *ѣ*: **zěvatl* 'зевать' (лит. *žtov-*, латыш. *zāv-* < **zjāv-*, лат. *hla(tus)* и **sěverъ*, лит. *šitaurė*).¹⁷⁶ На территории чешского языка примерно в XIII в. появился *ѣ* из *a* между мягкими согласными в середине слов и после мягких в конце. Не очень ясен чешский *ѣ* в рукописях XIV в. из *o* (вероятно, по аналогии): *oráčovi* > *oráčevl* (не *oráčevl!*). Наконец, на восточнославянской территории после падения редуцированных *ъ* и *ь* появляется «новый» *ѣ*.

Из всех этих ятей главное значение имеют, конечно, *ѣ*¹ и *ѣ*², поскольку они общеславянского происхождения и поскольку они представлены во множестве словоформ. Первый вопрос, который встает перед исследователями: совпали ли *ѣ*¹ и *ѣ*² в общеславянском языке в один гласный, или же они различались. Рефлексы *ѣ*¹ и *ѣ*² во всех славянских языках и диалектах совершенно одинаковы, поэтому большинство славистов считает, что оба ятя звучали в общеславянском языке одинаково. Однако высказывалась и противоположная точка зрения. Еще В. Ягич высказал предположение, что *ѣ*¹ произносился как широкий гласный, а *ѣ*² — как узкий, о чем как будто говорят различные результаты первой и второй палатализации заднеязычных согласных.¹⁷⁷ Той же гипотезы придерживались Ф. Лорентц¹⁷⁸ и Р. Нахтигаль.¹⁷⁹ Доказать такое предположение на основе результатов палатализации невозможно. Имеются попытки реконструировать различие между *ѣ*¹ и *ѣ*² на основании произношения *ѣ* в заимствованных из славянских языков словах. В. В. Колесов, например, полагает, что общеславянские *ѣ*¹ и *ѣ*² в древненовгородском диалекте XI в. звучали как *ā* и *ē*, которые совпали в одном звуке позже. Предполагаемое противопоставление *ѣ*¹ и *ѣ*² в такое позднее время, по его мнению,

¹⁷⁵ V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, I. Göttingen, 1924, стр. 79—80.

¹⁷⁶ J. Z u b a t ý. Zum slavischen *ž. Archiv für slavische Philologie, XIII, 1891, стр. 622—625.

¹⁷⁷ V. J a g i ć. Die Umlauterscheinungen bei den Vokal ž, e, g in den slavischen Sprachen. Archiv für slavische Philologie, VI, 1882, стр. 74.

¹⁷⁸ F. L o r e n t z. Slovinzische Grammatik. St. Petersburg, 1903, стр. 48.

¹⁷⁹ R. N a c h t i g a l. Slovanski jeziki. (2-е изд.). Lublana, 1952, стр. 33, 166.

подтверждается финскими заимствованиями из восточнославянского — $\dot{\epsilon}^1$ соответствует в прибалтийских финно-угорских языках гласным $\ddot{a}\ddot{a}$, $\ddot{a}$, $e\ddot{a}$, а $\dot{\epsilon}^2$ — ie : финск. *määrä*, карельск. *meätä*, вепск. *m'är* < др.-русск. *мѣра*; карельск. *mtela* < др.-русск. *мѣль* и т. п.¹⁸⁰ Восточнославянские заимствования в прибалтийских финно-угорских языках были капитально исследованы В. Р. Кипарским.¹⁸¹ Однако В. Р. Кипарский объясняет разную передачу древнерусского $\dot{\epsilon}$ в этих языках иначе: $\dot{\epsilon} = \ddot{a}\ddot{a}$, $\ddot{a}$, $e\ddot{a}$ имеется в словах раннего заимствования, тогда как $\dot{\epsilon} = ie$ отмечается в словах, заимствованных позже. Из этого В. Р. Кипарский делает вывод, что древнерусское $\dot{\epsilon}$ сначала было широким и открытым гласным, а затем подверглось сужению. Нужно иметь в виду, что и слова с $\dot{\epsilon}^1$ в прибалтийско-финских языках могут передаваться через ie , ср. др.-русск. *сѣра* > финск. *viero*, карельск. *viero*, *vier* (общеслав. * $v\dot{\epsilon}^1ra$ из индоевр. * $vet-$). К тому же далеко не все слова с $\dot{\epsilon}$, заимствованные финнами, имеют бесспорную этимологию. Например, происхождение др.-русск. *мѣль*, лит. *miėlas* 'гипс', на которое ссылается В. В. Колесов, остается непонятным ввиду отсутствия несомненных индоевропейских соответствий. Мы присоединяемся к той точке зрения, согласно которой $\dot{\epsilon}^1$ и $\dot{\epsilon}^2$ совпали в общеславянском языке.

Второй вопрос — как звучал $\dot{\epsilon}$ в общеславянском языке? От ответа на этот вопрос зависит определение качества этого гласного, унаследованного древнерусским языком. Решение этой проблемы чрезвычайно затруднительно, если оно возможно вообще. В 1964 г. опубликована очень полезная работа М. Самилова, в которой подводятся итоги изучения $\dot{\epsilon}$ (по состоянию на 1961 г.).¹⁸² М. Самилов приводит семь групп гипотез о произношении $\dot{\epsilon}$ в общеславянском языке: 1) $\dot{\epsilon}$ был простым долгим $\dot{\epsilon}$. Это малопопулярное предположение было высказано еще Ф. И. Буслаевым. Позже его пытались обосновать Ван-Вейк, Э. Сиверс, М. Фасмер и Т. Милевский; 2) $\dot{\epsilon}^1$ и $\dot{\epsilon}^2$ в общеславянском языке не совпадали, представляя собой различные гласные (см. об этой точке зрения выше); 3) $\dot{\epsilon}$ был дифтонгом $i\dot{\epsilon}$ или $i\dot{\epsilon}$, образовавшимся, согласно Ф. Ф. Фортунатову, из индоевр. $\dot{\epsilon}$, которое сначала изменилось в $\dot{\epsilon}^1$, из которого получилось $i\dot{\epsilon}$. Точно так же

¹⁸⁰ В. В. Колесов. Изменение фонемы $\dot{\epsilon}$ в древнерусском языке. (К вопросу о фонологической системе гласных в древнерусском языке старшей поры). *Slavia*, 1966, 2, стр. 183.

¹⁸¹ V. K i p a r s k y. 1) Über die Vertretung des $\dot{\epsilon}$ in den slavischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, XXIX, 1944, стр. 76—78; 2) The Earliest Contacts of the Russian with the Finns and Balts. *Oxford Slavonic Papers*, III, 1952, стр. 70 и след.; 3) Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises. *Revue des Études slaves*, XXIV, 1948; 4) О хронологии славяно-финских лексических отношений. *Scando-slavica*, IV, 1958.

¹⁸² M. S a m i l o v. The Phoneme *Jat'* in Slavic. Mouton et Co. London—The Hague—Paris, 1964.

дифтонг * $\dot{\epsilon}i$ развился в $\dot{\epsilon}^1$, изменившийся в $i\dot{\epsilon}$. Авторитет Ф. Ф. Фортунатова способствовал широкому распространению этой гипотезы, которую поддерживали и развивали Э. Бернекер, Е. Ф. Будде, В. Поржезинский и многие другие ученые. Попытка поддержать и модифицировать с фонологических позиций точку зрения Ф. Ф. Фортунатова была сделана Р. О. Якобсоном. Гипотеза об $\dot{\epsilon}$ как дифтонге $i\dot{\epsilon}$ излагалась во многих учебниках и учебных пособиях русских языковедов; 4) $\dot{\epsilon}$ был долгим закрытым $\dot{\epsilon}$ (Ф. Миклошич и А. Лескин); 5) уже в общеславянском языке $\dot{\epsilon}$ произносился различно, в зависимости от палатальности или волярности следующего согласного. Эта гипотеза в различных ее вариантах выдвигалась И. Миккола, А. А. Шахматовым, В. М. Ляпуновым, в наше время И. Хаммом; 6) $\dot{\epsilon}$ был широкий монофтонг $\dot{\epsilon}$ (Х. Педерсен, А. Мейе, Ф. Рамовш и др.); 7) $\dot{\epsilon}$ был открытым дифтонгом типа $i\dot{\epsilon}$, $i\dot{\epsilon}$ (М. А. Колосов, Р. Брандт, Г. А. Ильинский и др.).

М. Самилов, который в своей книге дает основательно составленные сводки рефлексов $\dot{\epsilon}$ в современных славянских языках и диалектах и заимствований, произведенных в результате контактов общеславянского языка и отдельных славянских языков с германскими, прибалтийско-финно-угорскими, румынским, венгерским, греческим, албанским и прибалтийскими языками, предлагает и свою гипотезу. По его мнению, $\dot{\epsilon}$ в общеславянском языке произносился двояко: как дифтонг $e\dot{\epsilon}$ или $e\dot{\epsilon}$ и как монофтонг $\dot{\epsilon}$. Дифтонг и монофтонг сосуществовали в одной и той же фонологической системе, причем каждый из них употреблялся в своем «стиле» — «дифтонгическом и монофтонгическом». В дальнейшем развилась тенденция к сужению как дифтонга, так и монофтонга. История $\dot{\epsilon}$ имела три хронологически последовательные ступени: I) $e\dot{\epsilon}/\dot{\epsilon}$ > II) $e\dot{\epsilon}/e$ > III) $i\dot{\epsilon}/\dot{\epsilon}$. Когда в древнерусском языке носовой ϵ изменился в $\dot{\epsilon}$, произошло преобразование I ступени во II, причем $e\dot{\epsilon}$ и e совпали в e . Такое преобразование имело место в диалектах, на базе которых сложились северно-белорусские говоры, а также южновеликорусские, смыкающиеся с севернобелорусскими. В говорах праукраинских и прасевернобелорусских развитие дошло до III ступени, когда $\dot{\epsilon}$ под новоаккутовым ударением изменился в $\dot{\epsilon}o$.

Гипотеза М. Самилова не более убедительна, чем все другие предположения. Рефлексы общеславянского $\dot{\epsilon}$ в современных славянских языках и диалектах удивительно многообразны. Их диапазон — от узкого i до широкого a в монофтонгах, от $i\dot{\epsilon}$ до $i\dot{\epsilon}$ и $e\dot{\epsilon}$ до $i\dot{\epsilon}$ в дифтонгах самых разных оттенков. Имеются даже дифтонги $a\dot{\epsilon}$ и $o\dot{\epsilon}$. Как замечает В. К. Журавлев, «только в диалектах словенского языка можно насчитать до 16 „главных“ рефлексов праславянского $\dot{\epsilon}$, резко отличных друг от друга. Такого многообразия рефлексации не знает ни одна праславян-

ская фонема». ¹⁸³ Показания заимствованных слов также разнообразны и противоречивы. При таких условиях реконструкция качества общеславянского *ě* всегда будет наткаться на чрезвычайные трудности. Не исключено, что единой общеславянской нормы произношения *ě* вообще не существовало и мы ищем того, чего на самом деле не было. Возможно, что фонема *ě* в фонетическом отношении была неустойчивой и объединяла собой аллофоны, которые частью сосуществовали в одной диалектной системе, а частью употреблялись только в определенных диалектных зонах. При изменениях фонологической системы, приведших к ослаблению и затем утрате особой фонемы *ě*, прежние аллофоны явились благоприятной почвой для многообразия современных рефлексов. Развитию аллофонов могли способствовать как внутренние, так и внешние факторы. В. И. Георгиев предполагает, например, что *ě* = *a*, *a* в восточной ветви южнославянской языковой зоны субстратного дакийского происхождения. В дакийском языке индоевр. *ē* изменилось в *ā* и затем в *a* в I—IV вв. н. э. Широко произношение *ě* древними болгарами было усвоено от ассимилированных ими дакийцев между VI и X вв. ¹⁸⁴

Так или иначе, наличие множества рефлексов *ě* предоставляет широкие возможности для всякого рода взаимоисключающих предположений о качестве общеславянского *ě*. М. Самилев совсем не объяснил, почему развилась тенденция к сужению *ea* и *ā* в большинстве славянских языков и диалектов. К тому же он почти вовсе не использовал данные древней и старой письменности славянских языков (за исключением старославянского языка), без чего нельзя строить историю фонемы *ě* (как и любых других языковых явлений). Это является слабой стороной его интересной книги.

Говоря о гипотезах, относящихся к реконструкции качества общеславянского *ě*, следует сказать еще о точке зрения З. Штибера. ¹⁸⁵ З. Штибер относится скептически к возможностям такой реконструкции. В частности, он считает, что нет никаких оснований определять общеславянский *ě* как открытый гласный монофтонг или дифтонг. Некоторые позиционные изменения в общеславянском языке, на которые обычно ссылаются сторонники гипотезы об открытости *ě*, еще ничего не говорят о произношении этого гласного во всех позициях (примеры типа *slъshati* < *slъxěti — еще не аргумент). В современных славянских языках и диалектах *ě* в разных позициях рефлектирует то как широкий, то как узкий гласный. Данные заимствований противоречивы, поэтому не дают каких-либо твердых свидетельств в пользу ка-

¹⁸³ В. К. Журавлев. [Рец. на:] М. Samilov. The Phonem Jat' in Slavic. — ВЯ, 1965, № 1, стр. 114.

¹⁸⁴ В. И. Георгиев. Праславянский и индоевропейский языки, стр. 40—41.

¹⁸⁵ Z. Stieber. Jak brzmiało prastowiańskie Jat? Prace filologiczne, t. XVIII, cz. 2. Warszawa, 1964.

кого-либо одного типа произношения *ě*. Факты восточнославянских языков не показывают на широкое произношение *ě*. Наоборот, факты этих языков указывают на узкое *ě*, по крайней мере в правосточнославянскую эпоху. Как же все-таки звучало общеславянское *ять*? На этот вопрос З. Штибер отвечает: как оно звучало, мы не знаем и никогда не узнаем. Ясно только одно, что *ь* был долгим гласным в противоположность краткому *e*. З. Штибер поэтому считает, что лучше название «*ять*» вовсе не применять в общеславянской эпохе, а попросту говорить об общеславянском долготом *ě*, которое в большинстве славянских языков, если иметь в виду позиционные изменения, развилось в сторону сужения (*e, ē, i, ĭē, ēi* и т. п.). Конечно, верно, что долгота в отличие от краткости была характерным признаком *ě*. Это положение принимается славистами всех направлений. Что касается качества произношения этого гласного, то, кроме противоречивых гипотез, пока ничего не существует, причем такое положение, вероятно, изменится еще не скоро. Как было сказано выше, вполне возможно, что в действительности существовал не один, а несколько типов произношения *ě*, в фонетическом отношении оказавшегося неустойчивым звуком. Не исключено, что и в древнерусских диалектах дописьменной эпохи существовало несколько вариантов произношения *ě*, в том числе и *ā*, на которое как будто указывают взаимоотношения из древнерусского языка в прибалтийские и финно-угорские языки. Однако все случаи смешения буквы *ѣ* с другими буквами в древнерусской письменности начиная с XI в. свидетельствуют о произношении *ě* как узкого гласного (смешение *ѣ* и *и*) или же о наклонности *ě* к *e* (смешение *ѣ* и *e*), в это время уже не бывшему в окружающих областях широким гласным.

В лингвистической литературе давно уже идут споры о качестве *ě* в древнерусском языке. Еще Ф. Е. Корш высказал мысль, что *ě* в древнерусском языке произносился как дифтонг *iē*. ¹⁸⁶ Это предположение было развито Ф. Ф. Фортунатовым, принято А. А. Шахматовым и получило широкое распространение среди русистов. Доводы в пользу *ě* = *iē* приводились различные. А. А. Шахматов, исследуя язык новгородских грамот XIII—XIV вв., указывал, что буквы *ѣ* и *e* в этих грамотах в общем строго различаются, за исключением йотированного *ѣ* и *ѣ*, которые смешиваются, что, по его мнению, указывает на *ě* = *iē*. ¹⁸⁷ Однако совершенно очевидно, что распространение такого вывода на всю восточнославянскую область, да еще времени XIII—XIV вв., было бы слишком поспешным. Позже А. А. Шахматов исходил из гипотезы общеславянского *iē*, которое было унаследовано пра-

¹⁸⁶ Ф. Е. Корш. О звуках *e* и *o* в греческом языке. Журн. Мин. нар. просв., 1881, № 3, стр. 139.

¹⁸⁷ А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков. В кн.: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1885—1895, стр. 136.

русским языком. В общерусском праязыке *iĕ*, сохраняясь в основных позициях, стало изменяться в некоторых положениях. Например, после *i* *iĕ* > *e* в окончаниях слов: *sviniĭĕ, *dobryiĭĕ и т. п. дали *sviniĕ*, *dobryiĕ*, доказательством чему должны являться северновеликорусские *добрыĕ*, *синиĕ*, моск. *еѣ*, *самоѣ*, *твоѣ* и т. п., а в памятниках — написания *Ѣ братиѣ* (Мстиславово евангелие), *ѣдиноѣ* (Чудовская псалтырь XI в.), *ѣуѣимнѣ* (Миня 1095 г.) и т. д. Позже под влиянием форм типа *землѣ* вновь появляется нефонетическим путем *-ѣ*, примеров чему много в древнерусских памятниках. Перед слогом с ударяемым *i* *iĕ*, по-видимому, могло изменяться в *i*: *sĕditĭ* > *siditĭ* (но *sĕlĭtĭ*), *dĕtina* > *ditina*, откуда *dit'a*, *mĕzintĕsĭ* > *mizintĕsĭ* и др.¹⁸⁸ Кроме того, *ĕ* произносилось не совсем одинаково перед мягкими согласными и в конце слов и перед твердыми согласными: перед мягкими и в конце слов — как дифтонг *iĕ*, а перед твердыми — как дифтонг *ĕa*. После распада общерусского языка на наречия судьба *ĕ* была неодинаковой. В севернорусском наречии *ĕ* произносилось не так, как в «восточнорусском». В севернорусском *iĕ* изменилось в *iĕ* и далее в *ĕ*, а *ĕa* > *iĕ*. Современные северновеликорусские говоры распадаются на четыре группы, отражающие дальнейшую историю *ĕ*: 1) *iĕ* > *e* открытый, *iĕ* > *ĕ* закрытый; 2) *iĕ* > *e*, *iĕ* > *i*; 3) *iĕ* и *iĕ* > *ĕ* и 4) *iĕ* и *iĕ* > *i*.¹⁸⁹ В «восточнорусском» наречии *ĕ* под ударением сохранился как дифтонг *iĕ*, а в безударном положении совпал с *e*, но в ряде говоров еще в восточнорусскую эпоху *ĕ* совпал с *e* во всех позициях, как и в диалектах, из которых сложился белорусский язык.¹⁹⁰ Эта широкая схема подчтена концепции единого праязыка, в котором должен быть обязательно единственный архетип, распадающийся затем на различные производные. Многие в такой схеме остаются недоказанными.

Сторонники исходного *ĕ* как дифтонга *iĕ* ссылаются на наличие в современных северноукраинских и северновеликорусских говорах произношения *ĕ* как *iĕ*, *iĕ*, *i'* и т. п.¹⁹¹ Однако, как правильно в свое время говорил об этом А. М. Селищев, надо сначала доказать, что эти дифтонгические сочетания были свойственны указанным говорам на протяжении всей их истории, а не возникли из закрытого напряженного *ĕ* в долгом слого. Доказать же это нельзя.¹⁹² Ради краткости изложения мы не будем здесь приводить других вариантов гипотезы о древнерусском

исходном *ĕ* как дифтонге *iĕ*. Подробное и систематическое изложение всех точек зрения на этот вопрос несомненно составило бы обширный и поучительный очерк, но не прибавило бы ничего принципиально нового.

Получило широкое распространение и иное предположение, согласно которому древнерусский исходный *ĕ* был закрытым гласным типа *ĕ*, который после падения редуцированных и диалектного удлинения гласных закрытых слогов стал изменяться в дифтонг *iĕ*. Следовательно, дифтонг *iĕ* является не исходным, а только одним из производных вариантов архетипа *ĕ*. Теоретически говоря, возможен и такой путь развития, однако исключительность исходного *ĕ* доказать так же трудно, как и *iĕ*. Это признается рядом лингвистов. «Не решен вопрос о том, было ли древнерусское *ĕ* просто закрытым *ĕ* или носило дифтонгический, а возможно, и полидифтонгический характер (*iĕ*, *iĕ*)».¹⁹³ Вернее всего будет признать, что *iĕ* и *ĕ* могли сосуществовать в одно и то же время как варианты одной фонемы. Возможна ли будет обоснованная реконструкция разных вариантов и тем более их локализация, сказать пока трудно.

Для установления более или менее достоверных изоглоссов важно рассмотрение данных письменности и современных говоров, выявленных по отдельным областям.

Прежде всего особо выделяется смоленско-полоцкий диалект и прилегающие к нему говоры. А. И. Соболевский еще в прошлом столетии пришел к выводу, что в смоленско-полоцком диалекте уже в XII—XIII вв. *ĕ* и *e* совпали в одном гласном *e* во всех позициях.¹⁹⁴ Это положение им было повторено и позже.¹⁹⁵ Того же мнения придерживался и Е. Ф. Карский, который считал, что не только в смоленско-полоцком, но и в других диалектах территории белорусской территории *ĕ* рано изменился в *e*, за исключением белорусского юго-запада. Е. Ф. Карский приводит примеры из памятников XIII—XV вв., в которых взаимная мена букв *ĕ* и *e* — явление обычное.¹⁹⁶ Случаи мены *ĕ* и *i* в западнорусских памятниках, например в Летописи Авраамки,¹⁹⁷ он относит к воздействию севернорусских оригиналов. Что касается дифтонгического произношения *ĕ* в юго-западных говорах, общего с северноукраинскими говорами, то, по мнению Е. Ф. Карского, юго-западные белорусы и северные украинцы восприняли *iĕ*

¹⁸⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 47. Изд. 3. М.: КомКнига, 2006.

¹⁸⁹ А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Русск. филол. вестн., 1886, т. XV.

¹⁹⁰ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 70.

¹⁹¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 202 и след.

¹⁹² Е. Ф. Карский. Особенности письма и языка рукописного сборника, именуемого Летописью Авраамки, стр. 352.

¹⁸⁸ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 113—115.

¹⁸⁹ Там же, стр. 322—323.

¹⁹⁰ Там же, стр. 344.

¹⁹¹ Н. Н. Дурново. Очерки истории русского языка. М., 1924, стр. 114.

¹⁹² А. М. Селищев. О критических замечаниях Н. Н. Дурново. Изв. по русск. языку и словесности, т. III, кн. 2. Л., 1930, стр. 634.

от дреговичей.¹⁹⁸ Можно думать, что совпадение *ě* и *e* Е. Ф. Карский считал наследством кривичей и радимичей. В то же время он подчеркивал, что *ě* > *e* произошло лишь после изменения *e* в *'o* под ударением перед твердыми согласными, поскольку *e* и *ě* сохранилось в отличие от исконного *e*.

Иное мнение высказал Л. Л. Васильев, который допускал, что в смоленско-полоцких говорах *ě* изменился в *i*,¹⁹⁹ однако это мнение нельзя считать основательным, поскольку Л. Л. Васильев опирался только на данные языка Летописи Авраамки и Софийского евангелия № 2 — памятников новгородского происхождения. В. В. Виноградов «по общим соображениям» допускал сохранение различия *ě* и *e* в севернобелорусских говорах XIV—XVI вв., поскольку эти говоры «северного происхождения» и в них частично должно было сохраняться различие между *ě* и *e* и после наплыва «восточнорусских элементов».²⁰⁰ Эти соображения надо отклонить, поскольку в «восточнорусских» говорах *ě*, как теперь выяснилось, сохранялся долго, следовательно, совпадение *ě* и *e* в смоленско-полоцком диалекте никак нельзя относить за счет «восточнорусского» влияния. Произношение *ě* как *e* в указанном диалекте устанавливает Хр. Станг.²⁰¹ В настоящее время эта точка зрения является общепризнанной.

Безразличное употребление букв *ѣ* и *e* (и *ь*) фиксируется в Смоленском договоре 1229 г. и в более поздних памятниках, следовательно, совпадение *ě* и *e* по данным письменности в смоленско-полоцком диалекте и в прилегающих к ним других западнорусских говорах начинается с XIII в. Интересны показания современных белорусских говоров по данным диалектологического атласа белорусского языка (карта № 34 и комментарии к ней).²⁰² Произношение *ě* как *e* отмечается на всей белорусской территории, за исключением крайнего юго-запада и некоторых других пограничных с украинским языком районов. В областях южнее Минска (от Немана и до Днепра по нижнему течению Березины) расположен массив говоров с закрытым узким *ě* под ударением. Эти говоры перемежаются с говорами, в которых *ě* > *e*. Закрытый *ě* изредка встречается и на севере среди сплошного диалектного массива с *ě* > *e*. В южных областях белорусского языка имеются также говоры с дифтонгом *iě*, клином поднимающиеся почти до Минска. Крайний юго-запад весь занят говорами с *ě* > *i*, которые отдель-

ными островками встречаются и в других южных районах. Говоры с *ě* = *iě* и *i* под ударением, как известно, захватывают и север Украины. Что касается *ě* в безударном положении, то на всей белорусской и севернорусской территории, а также и на обширных пространствах русского языка он разделил судьбу гласного *e*.

Из показаний западнорусской письменности и современных говоров можно сделать некоторые выводы. Неустойчивый в фонетическом отношении гласный *ě* в срединных областях восточнославянского (теперешние Белоруссия, северная Украина и южно-великорусские территории) рано совпал с *e* в безударном положении. В акающих диалектах этот гласный включился в систему иканья. Когда это произошло, точно определить нельзя. Во всяком случае, процесс совпадения *ě* и *e* в безударном положении начался раньше XII—XIII вв. Этот процесс расплывал позиции *ě* как фонемы, которая сохранялась под ударением. В XII—XIII вв. в говорах верховьев Днепра и на Западной Двине (северная Белоруссия и Смоленщина) гласный *e* появляется на месте *ě* и под ударением, сначала будучи аллофоном *ě*, а затем и вовсе вытесняя этот гласный. Судя по современным севернорусским говорам, в которых достаточно кое-где сохраняется *ě*, фонема *ě* на указанной территории произносилась как узкий закрытый гласный *ě*, акустически сближавшийся с *e*, что и облегчило вытеснение фонемы *ě* фонемой *e*. Такой же тип говоров сложился и на юге Псковской области.

Иная ситуация была на севере Руси. В древненовгородской письменности *ѣ* в течение длительного времени употреблялся в общем правильно как под ударением, так и в безударном положении. Показательны в этом отношении новгородские берестяные грамоты, в которых, по наблюдениям В. И. Борковского, *ѣ* как особая фонема сохраняется до второй половины XIV в.,²⁰³ а по мнению Р. И. Аванесова, по крайней мере в некоторых новгородских говорах, *ѣ* совпал с *i* перед мягкими согласными в XV в., но перед твердыми последовательно — только лишь в XVII в.²⁰⁴ В то же время исследователи давно уже отмечали случаи смешения *ѣ* с *e* и *и* в новгородских памятниках начиная с XI в. Ср. в Минее 1095 г.: *сежыроу, въздвигете, стиноу, звири, сѣлѣ* = *силѣ* и др.²⁰⁵ в Минее 1096 г.: *плєнение, плєница, ицєлєнии, повєлєнии*,²⁰⁶ в Ефремовской кормчей XII в.: *довѣлєть, мѣнєнємь, илєтити* и т. п. Единичные случаи смешения букв *ѣ*, *e* и *и* имеются

¹⁹⁸ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 132 и след.

¹⁹⁹ Л. Л. Васильев. Богдановский златоуст. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., X, 3, 1905, стр. 305, 308.

²⁰⁰ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., XXIV, 2, 1923, стр. 217 и след.

²⁰¹ Chr. S. Stang. Die altrussische Urkundersprache der Stadt Polotzk Oslo, 1939, стр. 6.

²⁰² Дыялекталагічны атлас беларускай мовы.

²⁰³ В. И. Борковский. Фонетико-морфологические заметки о грамотах на бересте из раскопок 1953—1954 гг. ВЯ, 1957, № 4, стр. 75.

²⁰⁴ Р. И. Аванесов. Фонетика. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, стр. 87 и след.

²⁰⁵ М. Карнеева. Язык служебной Минее 1095 г. Русск. филол. вестн., 1917, вып. 3—4.

²⁰⁶ В. Комарович. Язык служебной октябрьской Минее 1096 г. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XXX, 1925.

и в берестяных грамотах XII—XIII вв. Смещение ять с другими буквами встречается в различных надписях новгородского происхождения: глаголическая надпись в Софийском соборе XI—XII вв. ѡѣшѣрѣѣи = *грешеньи*,²⁰⁷ второй серебряный кратир в ризнице того же собора XII в. — *грѣховъ*,²⁰⁸ каменные кресты у бывших владимирских ворот кремля 1234 г. — *грѣшьнаго*, в лето²⁰⁹ и др.

Некоторые исследователи, например В. К. Метьюс, придают слишком буквальное значение случаям смешения буквы ѣ с другими буквами, полагая, что ѣ уже в XI в. в древнерусском языке совпал с е, поскольку в новгородских памятниках XI в. ѣ иногда смешивается с е.²¹⁰ В таком случае остаются непонятными более или менее последовательное употребление буквы ѣ в соответствии с этимологией в севернорусской письменности поздних веков и показания северновеликорусских говоров. Другие ученые, наоборот, пренебрегают случаями смешения ѣ с другими буквами ввиду их противоречивости и сравнительной малочисленности. Однако пренебрежение, мягко выражаясь, не есть лучший способ объяснения фактов. В языковой системе всегда имеются вызванные различными причинами противоречия, не видеть которые означает упрощать и огрублять языковую действительность, следовательно, исказить ее в угоду «стройности» той или иной предлагаемой схемы.

У нас нет оснований считать, что в новгородском диалекте XI—XIII вв. ѣ совпал с е или і. Смещение буквы ѣ с е, и, иногда и ъ, скорее всего, отражает наличие в древненовгородском диалекте разных аллофонов фонемы ѣ, причем под ударением и в безударных позициях, перед твердыми и перед мягкими согласными. Как звучали варианты фонемы ѣ, определить невозможно. Вероятно, это был *ѣ*, в одних случаях по звучанию близкий к е, в других — к і, а также дифтонг *іѣ* разных оттенков. Новгородский диалект XI—XIII вв. был сложным по своему составу, что отмечалось исследователями. Возможно, что в нем были разные «стили» произношения ѣ (применяя терминологию М. Самилова), не исключено также, что варианты ѣ имели и локально ограниченное распространение. В. В. Виноградов, говоря о языке памятников «новгородского типа», устанавливает в них шесть вариантов ѣ в зависимости уже от позиционного положения этой фонемы, которое начинает заметно сказываться в новгородской письменности XIV—XVI вв.: «I — памятники, употребляющие и вместо

²⁰⁷ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti. Тр. Моск. археол. общества, т. 19, вып. 3. М., 1902, стр. 34.

²⁰⁸ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 24.

²⁰⁹ А. С. Орлов. Библиография русских надписей. . . , стр. 56.

²¹⁰ W. K. Matthews. The pronunciation of medieval Russian. SEER, т. XXX, № 7, стр. 108.

ѣ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными; II — памятники с переходом ѣ в и в положении перед мягкими согласными; III — памятники, в которых случаи и вместо ѣ, ограниченные строго определенными условиями, например перед і, встречаются в небольшом количестве; IV — памятники, различающие, вообще говоря, ѣ и е согласно с этимологией, но с известными исключениями; V — памятники, смешивающие ѣ и е только перед мягкими согласными; VI — памятники с беспорядочным смешением ѣ и е.²¹¹ Конечно, было бы правильное классифицировать не памятники, а самые варианты употребления буквы ѣ, поскольку в одном и том же памятнике иногда сочетаются два и более вариантов. Все же схема В. В. Виноградова, несмотря на ее условность, не потеряла значения и теперь.

Важно отметить, что в отличие от белорусских, северноукраинских и южновеликорусских говоров в древненовгородском диалекте и его потомках ѣ и его варианты сохранялись не только под ударением, но и в безударных слогах. Во многих новгородских памятниках XIV—XVI вв. ѣ смешивается с и или с е одинаково как под ударением, так и в безударном положении. Сложная история ѣ в новгородском диалекте наложила свой отпечаток на рефлексы ѣ в современных северновеликорусских говорах, сложившихся на базе этого диалекта. Рефлексы ѣ в этих говорах весьма разнообразны. Они могут быть позиционно не обусловленными и позиционно обусловленными. К первым принадлежат типы: 1) *ѣ=e*; 2) *ѣ=ѣ*; 3) *ѣ=іѣ*; 4) *e=i*. Позиционно обусловленных типов значительно больше, причем рефлекс неударяемого ѣ все более теряет свои особенности, совпадая по разным говорам с е, е', і, 'о, и лучше сохраняются под ударением. Под ударением позиционная обусловленность зависит главным образом от палатальности и веларности последующих согласных. Можно указать на следующие типы: 1) перед твердыми согласными — е, перед мягкими — і; соответственно: 2) *ѣ=i*; 3) *іѣ=i*; 4) *іѣ=e*; 5) *іѣ=ѣ*; 6) *ѣі=ѣ*; 7) *іѣ=e* и др. К этому следует добавить, что имеется немало говоров, в которых разные рефлексы ѣ сосуществуют, что неоднократно отмечалось наблюдателями. Например, в Шунгенской волости на р. Костроме *ѣ=i* в любых позициях, но там же наряду с этим рефлексом сосуществовало произношение *іѣ* перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова.²¹² В настоящее время в связи с всеобщим распространением норм литературного языка повсеместно утверждается такое же произношение ѣ, как и в литературном языке. Характерное для старых новгородских го-

²¹¹ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XXIV, 1, 1923, стр. 173.

²¹² С. А. Еремин. Характеристика народных говоров по р. Костроме. Тр. Костромского научного общества, вып. X, 1. Кострома, 1927, стр. 2.

воров $\dot{\epsilon} = i$ теперь сохраняется в архаической речи лишь в некоторых населенных пунктах. Нередко прежние рефлексы отмечаются только в отдельных словах.²¹³ Литература о произношении $\dot{\epsilon}$ в северновеликорусских говорах огромна, хотя должной обработки всех собранных материалов пока еще нет.²¹⁴ Во всяком случае, рефлексы $\dot{\epsilon}$ в северновеликорусских говорах XIX—XX вв. — продукт длительного исторического развития. Одни из рефлексов являются ранними, другие поздними и, следовательно, производными, причем последовательность их развития не всегда бесспорна. Несмотря на сложность общей картины, все же можно предполагать, что в древнем новгородском диалекте имелось несколько вариантов фонемы $\dot{\epsilon}$. Амплитуда колебаний этих вариантов постепенно увеличивалась, что привело в XIV—XVI вв. к падению фонемы $\dot{\epsilon}$ в подавляющем большинстве говоров новгородского происхождения и в конечном счете к тому состоянию рефлексов $\dot{\epsilon}$, которое отразилось в говорах XIX—XX вв. Такой же сложной была история $\dot{\epsilon}$ и в севернопсковской группе говоров.

Более стойкой фонема $\dot{\epsilon}$ оказалась в северо-восточных ростовско-суздальских диалектах. В ранних северо-восточных памятниках буква $\dot{\epsilon}$ употребляется этимологически правильно. Случай совпадения ее с e — нефонетического характера. К таким выводам приходит исследователь Устюжской кормчей XIII—XIV вв. В. Е. Ушаков, противопоставляющий по судьбе $\dot{\epsilon}$ северо-восточные диалекты древнему новгородскому диалекту.²¹⁵ Падение $\dot{\epsilon}$ на северо-востоке начинается примерно с XIV—XV вв. в неударяемых слогах, где буквы $\dot{\epsilon}$ и e стали смешиваться, затем происходит совпадение $\dot{\epsilon}$ и e перед мягкими согласными и под ударением. Этот процесс находит свое отражение в Переяславском евангелии 1354 г.²¹⁶ В Лаврентьевском списке летописи 1377 г. буква $\dot{\epsilon}$ употребляется правильно.²¹⁷ В. В. Васильев, исследовавший язык московских грамот XIV—XVII вв., считает, что $\dot{\epsilon}$ и e различались в них под ударением вплоть до XVII в.²¹⁸ Сохранение $\dot{\epsilon}$ под ударением, прежде всего перед твердыми согласными,

²¹³ С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. Уч. зап. Калининск. ГПИ, т. X, вып. 3, 1945, стр. 13.

²¹⁴ Попытка обобщения этой литературы дана в работе: Е. В. Сорokin а. Классификация рефлексов старого ять в современных севернорусских говорах. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Изд. МГПИ им. В. И. Ленина, 1958.

²¹⁵ В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв. Киров, 1961, стр. 37 и след.

²¹⁶ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростовско-суздальских говоров. Докл. и сообщ. Инст. русск. яз. АН СССР, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 136 и след.

²¹⁷ Н. П. Некрасов. Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи. СПб., 1887, стр. 57—60, 68—70.

²¹⁸ Л. Л. Васильев. К истории звука $\dot{\epsilon}$ в московском говоре в XIV—XVII вв. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. X, 2, 1905, стр. 177—227.

и северо-восточной и московской письменности XIV—XVII вв. отмечают и другие исследователи.²¹⁹

По-видимому, в северо-восточных диалектах древнерусского языка $\dot{\epsilon}$ произносился как узкий закрытый $\dot{\epsilon}$, перед мягкими согласными склонный к i .²²⁰ Конечно, не исключена возможность и сосуществования с $\dot{\epsilon}$ дифтонга $i\dot{\epsilon}$, который кое-где был отмечен в современных владимирско-поволжских говорах, однако такого колебания вариантов $\dot{\epsilon}$, которое было в древненовгородском диалекте, на северо-востоке не было. Если учесть генетическое родство северо-восточных диалектов со смоленско-полоцким диалектом (и те, и другие восходят к диалекту кривичей), то можно с большей уверенностью говорить об $\dot{\epsilon}$ как об основном типе произношения фонемы $\dot{\epsilon}$, поскольку вероятность $\dot{\epsilon} = \dot{\epsilon}$ в смоленско-полоцком диалекте значительна.

Фонема $\dot{\epsilon}$ довольно долго держалась и в южновеликорусских говорах. Исследования южновеликорусских и средневеликорусских памятников, отражающих аканье, а также современных говоров показали, что старое традиционное предположение, согласно которому в южновеликорусских говорах еще в древнюю эпоху их развития $\dot{\epsilon}$ совпал с гласным e , неверно. В некоторых южновеликорусских говорах наблюдатели отмечали дифтонгическое произношение $\dot{\epsilon}$ прежде всего там, где еще сохраняется дифтонг на месте $\dot{\epsilon}$ под восходящим ударением. Такие говоры наблюдались в начале XX в. в Епифанском и Ефремовском уездах Тульской губернии, в Землянском и Задонском уездах Воронежской губернии, в Рязанском уезде.²²¹ Произношение $i\dot{\epsilon}$ и $\dot{\epsilon}$ отмечается в юго-восточной части современной Курской области²²² и в некоторых других местах. На территории центральных областей к востоку от Москвы в некоторых южновеликорусских говорах сохраняется $\dot{\epsilon}$, которому иногда сопутствует $i\dot{\epsilon}$, а перед мягкими согласными — и i . Нет или почти нет говоров, в которых было бы только $i\dot{\epsilon}$. Следовательно, $\dot{\epsilon}$ здесь является основным архаичным рефлексом $\dot{\epsilon}$.²²³ Разумеется, архаичные рефлексы известны только под ударением.

Исследователь южновеликорусских письменных памятников С. И. Котков отмечает в курско-орловских письменных докумен-

²¹⁹ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, гл. V; Н. А. Ростовцева. К вопросу о произношении ударного $\dot{\epsilon}$ в переяславль-алесском говоре XVI—XVII вв. Вопросы языка и литературы. Тематический сборник, вып. 1, ч. 1. Новосибирск, 1966, стр. 33—52.

²²⁰ О. А. Князевская. К истории московского говора. Уч. зап. Моск. гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина, т. XLII, вып. 4. М., 1957, стр. 284.

²²¹ П. Я. Черных. К фонетике южнорусских говоров. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949, стр. 254.

²²² В. Г. Орлова. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. ВЯ, 1955, № 6, стр. 6.

²²³ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957, стр. 422.

тах XVII в. полное совпадение *ě* и *e* в безударном положении, но сохранение этимологического *ě* (= *ě*, *iě*) под ударением.²²⁴ В. Н. Сидоров вывод С. И. Коткова считает убедительным и определяет его как одно «из наиболее интересных и ценных приобретенных исторической фонетики русского языка за последнее время».²²⁵ Рефлексы *ě* в южновеликорусских говорах распространены неравномерно. В подавляющем большинстве этих говоров *ě* совпал с *e* во всех позициях. По-видимому, падение фонемы *ě* в южновеликорусских областях происходило неравномерно. В московских памятниках с отражением аканья совпадение *ě* и *e* фиксируется уже в XVI в.²²⁶ Новосильские памятники XVII в. также не знают различия *ě* и *e*.²²⁷ То же можно сказать и о ряде других письменных документов XVII в. из различных южновеликорусских областей. Совпадение *ě* и *e* волною надвигалось на южновеликорусские и средневеликорусские земли из Смоленско-Полоцкой области. «Только на самом западе территории, занятой южнорусским наречием, находились говоры, в которых *ě* рано изменился в *e*. Трудно сказать, где в XV—XVI вв. проходила их восточная граница, но, по всей вероятности, где-то неподалеку от г. Волоколамска».²²⁸

Теперь нам остается рассмотреть судьбу *я* на украинской территории.

В древнейших южнорусских памятниках письменности *ѣ* употребляется этимологически правильно, однако исключения из правила начинаются очень рано. В качестве примера самого раннего изменения *ѣ* в *i* Л. А. Булаховский приводит передачу названия города Чернигова у К. Багрянородного (X в.) — *Тсѣрнигѣ*, которое, скорее всего, от *Черньговѣ (укр. *Чернігів*, а не *Чернигів*). Впрочем, замечает Л. А. Булаховский, этимология этого слова гадательна.²²⁹ Написание *Черниговѣ* с *и*, а не с *ѣ* устойчиво в древнерусской письменности. В Изборнике 1073 г. *e* вместо *ѣ* употреблено 83 раза, имеется в нем также *исцили*, *върозумини* (последнее может быть от глагола *розумити*). Мена букв *ѣ* и *e* встречается в граффити киевской Софии начиная с XI в.: в записи о княжении Святослава Ярославича — *лѣта, неделѣ* (XI в.); в записи в алтарной части Георгиевского придела — *утоплѣ*[н]ѣ (XI в.);

²²⁴ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 36 и след.

²²⁵ В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 25.

²²⁶ В. М. Марков. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря, стр. 170—172.

²²⁷ И. С. Новикова. Новосильские говоры в их истории и современном состоянии. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. Л., 1959, стр. 11.

²²⁸ В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики, стр. 28.

²²⁹ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 48.

в записи Воинега из Полоцка — *Воинегъ* (XII в.; дополнительное свидетельство о совпадении *ě* и *e* в полоцком диалекте); в надписи на центральном нефѣ — *андреѣви, грехи, [и до] брыми делы* (XII в.); в записи в приделе Иоакима и Анны — *грешному* (XII в.); в надписях XIII—XIV вв. — *грешны [и]*, *грешному* (рядом с написаниями *грѣш-*).²³⁰ У Б. А. Рыбакова приводится граффито из киевской Софии XII в. (1113—1121 гг.?): *помози рабу своему Василеву грешникоу*.²³¹ Замена *ѣ* через *e* имеется в Добролювом евангелии 1164 г. (*свѣтъ, обрѣтая, нехыи, беси* и т. п.) и в других южнорусских памятниках XI—XII вв. С XIII в. начинается мена букв *ѣ* и *и*, которая в XIV—XV вв. становится обычной. В Галицком евангелии 1283 г. имеются *видяше* (= вѣдыше), *пнязь, ныкы, ископѣ* (= ископи) и т. п.,²³² в «Житии» Саввы Освященного XIII в. — *свѣдѣтельствоуютъ, пострѣциса* (= пострижися).²³³

Судя по данным письменности, на юге восточного славянства, как и на новгородском севере, фонема *ѣ* имела различные варианты в своем произношении, имела склонность к фонетической неустойчивости. Начиная с конца XIII в. в большинстве южных диалектов *ѣ* совпал с *i* во всех позициях, хотя несомненно существовали и другие его рефлексы. В. Курашкевич, например, обратил внимание на то, что писец перемышльских грамот 1359 и 1377 гг. ставил над *ѣ* две точки, отличая тем самым *ѣ* от *i*: *рускоѣ, обѣѣздоѣ, рѣки* и т. п. Как полагает В. Курашкевич, *ѣ* обозначал дифтонг *iě*.²³⁴ В современных юго-западных говорах украинского языка картина рефлексов *я* является очень сложной. Господствующая норма произношения *ѣ* в них — *i*, но наряду с *i* П. И. Приступа, опираясь на материалы, собранные для диалектологического атласа украинского языка, приводит одиннадцать иных рефлексов *ѣ*: 1) *йи*; 2) *i'*; 3) *и* (*билиш, вира, дид* и пр. о твердыми согласными перед *и*); 4) *йі*; 5) *'и* (с сохранением полумякости или мягкости предшествующих согласных); 6) *э* (гласный, средний между *и* и *e*); 7) *йэ* (после отвердевших *б, в, н*); 8) *'э*; 9) *e* (с твердыми предшествующими согласными); 10) *йе*; 11) *e*, *'e*.²³⁵

²³⁰ С. А. Выходки. Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв., вып. 1. Киев, 1966.

²³¹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 20.

²³² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 73.

²³³ А. Колесса. *Dialektologische Merkmale des südrussischen «Žitije sv. Savvy»*. Archiv für slavische Philologie, XVIII, 1896, стр. 219—220.

²³⁴ W. Kuraszkievicz. *Gramoty halicko-wolyńskie XIV—XV wieku*. Byzantinoslavica, IV, 1932, стр. 354—355.

²³⁵ П. И. Приступа. Рефлексы давнього наголошеного *ѣ* на території західних говорів української мови. (На основі матеріалів до II тома Діалектологічного атласу української мови). Дослідження і матеріали з української мови, т. IV. Київ, 1961, стр. 147—149.

В закарпатских украинских говорах на р. Спиш постоянными рефлексами $\dot{\epsilon}$ в любых позициях являются y и $\dot{\epsilon}$ (*жыцка, хл'ыза* и т. п.), а сопутствующими им вариантами — $i^{\#}$ и $y^{\#}$, причем В. П. Латта даже считает, что y есть более древняя стадия рефлексации $\dot{\epsilon}$, а $i^{\#}$ и $y^{\#}$ являются переходной ступенью от y к новому i .²³⁶

В среднеднепровских говорах, являвшихся сложными по своему составу (отчасти с юго-западной, отчасти с северной основой), начиная с самых старших памятников (Люстрация Киевской земли 1471 г.) $\dot{\epsilon}=i$ во всех позициях,²³⁷ хотя несомненно в них имелись и другие рефлексы. Юго-восточные украинские диалекты в письменности представлены только с XVII в. Обычно здесь $\dot{\epsilon}=i$. Как, например, отмечает В. С. Ващенко, в полтавских актовых книгах второй половины XVII в. рефлекс i проводится последовательно во всех позициях.²³⁸ Та же картина в стародубских, пирятинских, бориспольских и других актах XVII в. В кролевецкой ратушной книге 1655—1743 гг. примешивается к юго-восточной основе и северноукраинская особенность — $\dot{\epsilon}=e$ в неударяемом положении (наряду с безударным $\dot{\epsilon} > i$).²⁴⁰

Очень сложная рефлексация $\dot{\epsilon}$ имеется в северноукраинских говорах. В неударяемых слогах уже в самых ранних письменных памятниках (XV в.) $\dot{\epsilon}$ совпал с e .²⁴¹ Многочисленность рефлексов $\dot{\epsilon}$ имеется под ударением. Наряду с характерным для северноукраинских говоров дифтонгом $i\dot{\epsilon}$ в разнообразных его оттенках отмечаются рефлексы i , в некоторых среднеполюсских и восточночерниговских говорах после губных твердых согласных — u (*били, витер, змина* и т. п.), $i\dot{\epsilon}$ (также после отвердевших согласных), e , а в полесских говорах еще $'\dot{\epsilon}$ (*м'уесто*), $i\dot{\epsilon}$ (*п्राбийу*), $i\dot{\epsilon}$ (*пообідаю*), $\dot{\epsilon}i$, $\dot{\epsilon}o$ (*хруин, хруон*) и др.²⁴² (с переносом на место ятя дифтонгов из o в новых закрытых слогах).

Итак, можно предположить, что в древнерусском языке начальных этапов его развития фонема $\dot{\epsilon}$ имела различные оттенки произношения, которые частично были свойственны отдельным

²³⁶ В. П. Латта. Рефлексы общеславянского $\dot{\epsilon}$ и изменение $u > i$ в украинских говорах восточной Словакии. *Jazykovedný časopis*, XIII, 1, Bratislava, 1962.

²³⁷ А. П. Могила. Говоры западной Черкасщины в составе полтавско-киевского диалекта. Автореф. канд. дисс. Киев, 1956.

²³⁸ Ф. Т. Жилко. Про виникнення діалектних груп української мови. *Діалектологічний бюлетень*, вып. IX. Київ, 1962, стр. 13.

²³⁹ В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків, 1957, стр. 34—35.

²⁴⁰ А. О. Сващенко. Фонетичні особливості мови актових книг Кролевецького міського уряду XVII—XVIII ст. у порівнянні з сучасними говорами (вокалізм). *Вісник Харківського унів.*, № 7, Сер. філол., вып. 1, 1965, стр. 112.

²⁴¹ Ф. Т. Жилко. Про виникнення діалектних груп української мови, стр. 11.

²⁴² І. О. Варченко. Етимологія і лінгвогеографія. (Кілька штрихів з роботи над I томом Атласа української мови). Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965, стр. 106—107.

диалектам, а частично сосуществовали в одних и тех же областях. Фонетическая неустойчивость $\dot{\epsilon}$ привела в конце концов к ее падению в подавляющем большинстве восточнославянских говоров. Процесс исчезновения $\dot{\epsilon}$ как особой фонемы протекал неодновременно и дал в различных местностях неодинаковые рефлексы. Анализацию первоначальных вариантов $\dot{\epsilon}$ установить невозможно. Падение фонемы $\dot{\epsilon}$ началось прежде всего в неударяемых слогах в эпоху становления нового типа ударения. Началось оно примерно в XI—XII вв. в смоленско-полоцких землях. Смоленско-полоцкий диалект в это время по данной особенности составил особую зону, противопоставленную всем другим диалектам. На указанной зоне совпадение безударных $\dot{\epsilon}$ и e в e стало распространяться на юг, охватив северноукраинские говоры, и восток, в южновеликорусские и средневеликорусские области. На акающих территориях безударный $\dot{\epsilon}$ разделил судьбу безударного e . На севере совпадение $\dot{\epsilon}$ и e или $\dot{\epsilon}$ и i в безударных слогах происходило позже. Особое произношение безударного $\dot{\epsilon}$ в некоторых северновеликорусских говорах сохраняется и в настоящее время. На юге (юго-западные и юго-восточные украинские диалекты) судьба ударяемого и безударного $\dot{\epsilon}$ в большинстве местностей совпала: в любых позициях изменился в i . Изменение $\dot{\epsilon} > i$ произошло после отвердения согласных перед u , иначе i из $\dot{\epsilon}$ также превратился бы в u , перед которым согласные отвердели бы.²⁴³ Наличие в некоторых говорах u из i (см. выше) вызвано специальным отверждением губных согласных (ср. *п'ять, м'ясо* и т. п.), которое повлекло за собой $i (< \dot{\epsilon}) > ji > ju > u$ и т. п. Труднее объяснить случаи u из i перед другими согласными (*дид* вместо ожидаемого *дид* и пр.). Это или распространение u после губных согласных на другие позиции, или же отверждение согласных перед u (из y и i) в отдельных (немногих) говорах, которое хронологически совпало с изменением $\dot{\epsilon} > i$.

После совпадения в смоленско-полоцком диалекте XI—XII вв. $\dot{\epsilon}$ и o в одном гласном o в нем начинает исчезать $\dot{\epsilon}$ и под ударением. В XIII в. этот диалект (по крайней мере большинство его говоров) вовсе утратил фонему $\dot{\epsilon}$, как об этом свидетельствуют смоленско-полоцкие письменные памятники. Конечно, утрата ударяемого $\dot{\epsilon}$ должна была произойти позже изменения e в $'o$ под ударением перед твердыми согласными. Утрата фонемы $\dot{\epsilon}$ (совпадение ее с e) стала распространяться на юг по белорусской территории и, вероятно, отчасти на восток и на север (в Псковскую землю). Особое положение занимал новгородский диалект XI—XIII вв., для которого было характерно наличие разнообразия вариантов фонемы $\dot{\epsilon}$ как под ударением, так и в неударяемом положении.

²⁴³ М. Ф. Наконечный. До вивчення історичного розвитку фонетичної системи української мови. Питання розвитку української мови. Тези доповідей. Харків, 1959, стр. 5.

Позже в нем *ě* изменился в *i* перед мягкими и затем перед твердыми согласными. Конечно, новгородское *ě* > *i* непосредственно не связано с тем же процессом в украинском языке. Наиболее устойчивыми позиции *ě* оказались на северо-востоке, во владими́ро-суздальских землях и в некоторых среднерусских говорах, где этот гласный под ударением сохранялся до XVI—XVII вв., а в традиционном книжном произношении следы его отмечаются даже в XVIII в.²⁴⁴ Долго сохраняется особое произношение *ě* (как *ě*, *iđ* и пр.) под ударением и во многих южновеликорусских говорах. Таким образом, можно считать, что древнерусский язык по судьбе *ě* распадался на следующие диалектные зоны: 1) смоленско-полоцкую с примыкающими к ней районами, в которой *ě* совпал с *e*; 2) новгородскую (наличие нескольких вариантов произношения *ě*); 3) ростовско-суздальскую; 4) южновеликорусскую; 5) северноукраинскую и 6) южноукраинскую. Зоны эти формировались не сразу, в них имелись и более мелкие локальные группы.

СОВПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ *ы* И *i* В ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ

Как известно, в древнем общеславянском языке гласные *ī* и *ī̃* подверглись делябиализации, в результате которой появились гласные *ȳ* (*ы*) и *ǔ* (*ѣ*). Это повлекло за собой перестройку системы вокализма: *ȳ* (*ы*) стала парной фонемой *i*, а *ǔ* (*ѣ*) соответственно — *ь*. В нашу задачу не входит здесь давать фонетическое и фонологическое истолкование указанной перестройки, также и времени ее протекания.²⁴⁵ Нужно сказать только, что формирование оппозиционной пары *y*:*i*, безусловно, было завершено до начала образования языка восточных славян. Как всегда, в этом отношении представляют интерес древние заимствования из славянских языков в соседние языки. В кипарский, подытожив наблюдения своих предшественников и собственные исследования славянских слов, заимствованных в западные финно-угорские языки, приходит к выводу, что в «прарусскую эпоху» *ȳ* произносился как долгий неделабиализованный гласный среднего ряда верхнего подъема, приблизительно близкий к современному русскому *ы*.²⁴⁶ Удовлетворимся пока этим, хотя, конечно, как в точности произносился *ȳ* в древнюю эпоху, мы не знаем. Даже в современном русском языке, как заметил еще А. И. Томсон, *ы* может произноситься дифтонгически (*мы^ило*, *смы^ил*) и монофтонгически

²⁴⁴ П. Н. Берков. Несколько замечаний о букве «ять» по литературным данным XVIII в. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greiswald, Jahrgang XIII. Gesellschaft- und sprachwissenschaftliche Reihe*, 1964, № 5/6, стр. 411—413.

²⁴⁵ См. об этом: В. К. Ж у р а в л е в. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 9—10.

²⁴⁶ V. K i p a r s k y. *Russische historische Grammatik*, I, стр. 78—79.

(*мыло*, *смыл*).²⁴⁷ Так или иначе, гласные *y* и *i* противопоставлялись и представляли собой особые фонемы.

Довольно рано в разных славянских языках и диалектах различительный признак («дизность») фонем *y* и *i*, как и *ъ* и *ь*, начинает утрачиваться, вследствие чего происходит сближение и совпадение этих парных гласных. В частности, совпадение *y* и *i* происходит во всех южнославянских языках, за исключением некоторых говоров (например, в болгарском говоре с. Тихомир гласный *ы* последовательно и этимологически правильно употребляется и в настоящее время).²⁴⁸ Первые признаки совпадения *ы* и *i* имеются уже в памятниках старославянской письменности. Ср. в Саввиной книге — *рибѣ*, *рибиць*, *отъкрити*, в Зографских кириллических листках — *съ ными* и т. п.

Смещение гласного *y* из среднего ряда в передний, т. е. совпадение его с *i*, по-видимому, прежде всего охватывает сербохорватскую и словенскую области, затем болгарские и македонские диалекты, позже чешские и словацкие земли. Процесс изменения праславянского *y* в славистической литературе описывался неоднократно. Библиографические сведения об этом см. в работе П. Зволинского.²⁴⁹ З. Штибер полагает, что праиндоевропейское *ī* на славянской почве сначала изменилось в *ω* (гласный высокий, как *u*, но узкий, как *i*), который в разных славянских языках дал *ы* > *ь* > *y* > *i*. З. Штибер видит подтверждение своей гипотезы в фактах карпатских говоров украинского языка, где имеются *ω*, *ы*, *ь* и *y*.²⁵⁰ Доказать, что в карпатских говорах сохранились разные ступени изменения *ī*, в том числе и древнейшие, невозможно.

Интересна статья А. Зарембы,²⁵¹ в которой кратко подводятся итоги изучения проблемы, дана схематическая карта рефлексов *y* на славянской территории и приводятся данные польских говоров. В общем русский, белорусский и польский языки, сохраняя различие *y* и *i*, составляют севернославянскую зону. В южнославянских языках, а также чешском и словацком произошло совпадение *y* и *i* (центрально-южнославянская зона), причем совпадение ука-

²⁴⁷ А. И. Томсон. Фонетические этюды. *Русск. филол. вестн.*, № 2, 1905.

²⁴⁸ Д. Тилков. Гласна *ы* в говора на с. Тихомир Кърджалийско. Изв. на Институт за български език, 8, 1962, стр. 237—240.

²⁴⁹ P. Zwoliński. Stosunek fonemu *y* do *i* w historii języków słowiańskich. *Z polskich studiów slawistycznych. Prace językoznawcze i etnogenetyczne na IV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Moskwie 1958*. Warszawa, 1958, стр. 52—60.

²⁵⁰ Z. Stieber. 1) Jak brzmiało prastowiańskie *y*? *Z polskich studiów slawistycznych, Ser. 2. Językoznawstwo*. Warszawa, 1963, стр. 19—21; 2) *Rzym, krzyż i Żyd*. *Rocznik slawistyczny*, XXVI, 1, 1966, стр. 33—34; 3) Nowe osiągnięcia gramatyki porównawczej języków słowiańskich. *Rocznik slawistyczny*, XXVIII, 1, 1967, стр. 3—20.

²⁵¹ A. Zareba. O tylnej artykulacji *y* w polszczyźnie. *Język polski*, XLVIII, № 4, 1968, стр. 266—275.

занных гласных, по-видимому, распространялось с юга на север. Процесс этот охватил и южные диалекты восточного славянства. На восточнославянской почве совпадение *y* и *i* позже совместилось с другим изменением: отверждением согласных перед гласными *i* и *e*. «Твердость-мягкость согласных — качество, первоначально целиком зависимое от качества следующей гласной, на последнем этапе (после смягчения полумягких и до падения редуцированных) — взаимозависимое, после падения редуцированных стало независимым, самостоятельным. Твердость-мягкость согласных полностью освободилась от позиционных условий и стала фонемообразующей категорией».²⁵² Развитие твердости-мягкости в разных диалектах проходило неодинаково и могло давать разные результаты. В южных восточнославянских диалектах, по-видимому, совмещение *y* и *i* происходило тогда, когда качество гласного и смягчение предшествующих согласных (перед гласными передними) были взаимозависимы. Тенденция к совпадению *y* и *i* оказала свое воздействие на произношение согласных перед рефлексом старых *y* и *i*, а также *e*, способствовала их отверждению. Процесс этот развивался в южных диалектах постепенно, рефлекс *y* и *i*, надо полагать, имели разные колеблющиеся варианты, пока не установился относительно единообразный тип произношения гласного *u* («среднего между *y* и *i*»), господствующий в современном украинском языке. Однако в различных украинских говорах вариантность продолжает сохраняться.

Первые признаки тенденции совпадения *y* и *i* отмечаются в южнорусских памятниках XI—XII вв. (примеры, которые обычно приводятся в различных работах): *неправди, прикрива, риба, трызны, плътолюбыа* (Изборник 1073 г.), *годыны, рыбы* (Архангельское евангелие 1092 г.), *ти 'ты', бити 'быти', погубывыи, просыти, съвѣтъныкъ, конь 'кони'* (Добрилово евангелие 1164 г.) и т. п. Еще А. Е. Крымский считал, что такого рода примеры свидетельствуют о совпадении в живом произношении на юге древней Руси *y* и *i* в одном звуке в XI—XII вв.²⁵³ Этого же мнения придерживались Б. М. Ляпунов²⁵⁴ и ряд других исследователей. Иначе думал А. И. Соболевский, считавший, что подобного рода случаи смешения букв *ы* и *и* «редки и «не внушают к себе доверия».²⁵⁵ Любопытно, что А. И. Соболевский, обычно с большим доверием относившийся к фонетической значимости орфографии древнерусских памятников, в данном случае отступает от своего

²⁵² Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. Вестн. МГУ, 1947, № 1, стр. 49.

²⁵³ А. Е. Крымский. Древнекиевский говор. СПб., 1907, стр. 5—6.

²⁵⁴ Б. М. Ляпунов. Отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПб., 1909). Сб. отчетов о премиях и наградах за 1909 год. СПб., 1911, стр. 551.

²⁵⁵ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 135.

принципа, так как он был приверженцем ложной идеи о «великорусском» характере говора древнего Киева. Совпадение *y* и *i* явно противоречило этой «идее».

Другими соображениями в своем скептическом отношении к ранним примерам смешения букв *ы* и *и* руководствовался А. А. Шахматов. По его мнению, в «общемалорусском праязыке» *y* и *i* строго различались, о чем свидетельствуют некоторые карпатские говоры, в которых сохранилось различие между этими гласными. Следовательно, совпадение *y* и *i* в украинском языке могло произойти только после распада «общемалорусского праязыка», т. е. не раньше XIV в. Что же касается случаев смешения букв *ы* и *и* в памятниках XI—XIII вв., то их нужно объяснять влиянием на орфографию неоригинальных древнерусских рукописей орфографии болгарских оригиналов, особенно западноболгарских, в которых такое смешение было обычным.²⁵⁶ Так, приверженность к прямолинейной праязыковой схеме не позволила А. А. Шахматову подойти к этому явлению более объективно. Той же точки зрения придерживается Л. А. Булаховский, который также усматривает в ранних смешениях букв *ы* и *и* влияние южнославянской орфографии или описки.²⁵⁷ Конечно, влияние южнославянской орфографии на древнерусскую не исключается, однако непонятно, почему в данном случае это влияние действовало избирательно: оно проявляется в южнорусских памятниках XI—XIII вв. и отсутствует в новгородской и вообще северной письменности того же времени. Кроме того, смешение *ы* и *и* наблюдается не только в рукописях, переписанных с южнославянских оригиналов, но и в оригинальных древнекиевских записях. Ср., например, граффито XII в. на фреске «сорока севастьянских мучеников» в киевском Софийском соборе: *помозыте*.²⁵⁸ Вряд ли тут можно видеть и описки, поскольку такие «описки» характерны только для юга. Случаи замены букв *ы* буквой *и* и обратно, скорее всего, указывают на то, что в южных восточнославянских диалектах в XI—XIII вв., как и во многих других славянских языках, начался процесс совпадения *y* и *i*. Писцы, следуя орфографической традиции различать буквы *ы* и *и*, не всегда могли это делать и ошибались, поскольку в их живом произношении гласные *y* и *i* различались недостаточно четко. Таким образом, в XI—XIII вв. появляется новая изоглосса, отделяющая южную зону от остальных восточнославянских областей. Эта изоглосса возникает до изменения *ѣ* в *i*, иначе новый *i* разде-

²⁵⁶ А. А. Шахматов. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. В кн.: Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II. Пгр., 1916, стр. 695.

²⁵⁷ Л. А. Булаховский. Питание походження української мови, стр. 48—49.

²⁵⁸ С. А. Выходки. Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв., стр. 89.

лил бы участь исконного *i*, чего нет в подавляющем большинстве украинских говоров.

Начиная с XIV в. смешение букв *ы* и *и* в украинских памятниках становится обычным явлением, причем уже в письме отражаются некоторые варианты рефлексов *y* и *i*. В молдавских грамотах XIV—XV вв. наряду с систематическим смешением *ы* и *и* имеются случаи, когда *и* заменяется буквой *e*: *Некита, не ждали* 'не ожидали' и др., что, по мнению Н. С. Антошина, «свидетельствует о передвижении места артикуляции *и* в средний ряд и изменении подъема языка, который снижается».²⁶⁰ Частое смешение букв *ы* и *и* в украинской письменности XIV в. и более позднего времени отмечают Ф. Ф. Медведев,²⁶⁰ И. М. Керницький²⁶¹ и другие современные историки украинского языка. Наличие его в белорусских грамотах XV в. пограничных с Украиной областей устанавливает Е. Ф. Карский.²⁶²

Ф. Т. Жилко на основании данных древнеукраинской письменности намечает особенности рефлексации *y* и *i* в разных диалектных группах украинского языка. По его классификации, юго-западные говоры делились на три диалектных массива: 1) галицкие (поднеэтровские) говоры, 2) буковинские говоры и 3) карпатские говоры. В галицких (поднеэтровских) говорах XIV—XV вв. совпадение *y* и *i* имело позиционный характер. Новая фонема *и* появляется лишь после губных, шипящих и *p*, которые отвердели ранее других согласных. Прежнее противопоставление *y* и *i* было заменено противопоставлением *и*:*i*, причем «звуковое поле фонемы *и* вбирает в себя звуковое поле фонемы *ы*». Ср. *Ивановичь, Лопевичь, Кузьмыч* (Перемышльская грамота 1366 г.).²⁶³ В буковинской письменности XIV—XV вв. смешение букв *ы* и *и* происходит после любого согласного, следовательно, новая фонема *и* позиционно ничем не ограничена.²⁶⁴ Ср. *жывота, ми 'мы', от коси, ти 'ты', синь, скотыны* и т. п.²⁶⁵ Тем же путем, что и буковинские говоры, пошли все украинские диалекты, за исключением некоторых карпатских и северных. В карпатских письменных памятниках наряду

²⁶⁰ Н. С. Антошин. Язык молдавских грамот XIV—XV веков. Автореф. докт. дисс. Л., 1961, стр. 24.

²⁶⁰ Ф. П. Медведев. Українські грамоти XIV—XV століть як пам'ятки мови української народності. В кн.: Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962, стр. 174.

²⁶¹ И. М. Керницький. Фонетичні особливості мови в'їтківських книг XVI—XVII ст. села Одрехови в порівнянні з сучасними лемківськими говорами. В кн.: Дослідження і матеріали з української мови, т. IV. Київ, 1961, стр. 92—93.

²⁶² Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 224—225.

²⁶³ Ф. Т. Жилко. Про виникнення діалектних груп української мови, стр. 7.

²⁶⁴ Там же, стр. 8.

²⁶⁵ В. Ярошенко. Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв. Зб. матеріалів для дослідження історії української мови, т. 1. Київ, 1931, стр. 30.

со смешением букв *и* и *ы* наблюдается и замена *и* через *e*. Ср. в марморских грамотах конца XIV—начала XV в.: *Vasselius, Maksem, Greva*.²⁶⁶ Это свидетельствует о наклонности нового *и* в сторону *e*, об акустической близости *и* и *e*. В юго-восточных диалектах фонема *и* на месте *y* и *i* закрепляется во всех позициях.²⁶⁷ К этому следует добавить, что орфографические возможности, конечно, были ограничены, и разного рода оттенки в произношении рефлексов *y* и *i* не находили своего отражения. Географическое распространение вариантов указанных рефлексов, надо полагать, также было гораздо сложнее. Деление языка на диалектные массивы с четко очерченными границами методически удобно, но оно почти всегда упрощает подлинное распространение диалектных явлений.

В современных украинских говорах рефлекс *y* и *i* имеют различия в своем произношении. В части северноукраинских говоров литературному *и* соответствуют *и'* и *и''*, в некоторых юго-западных говорах — *e'* и *и'*.²⁶⁸ Процесс совпадения *y* и *i* охватил не все южные диалекты восточных славян. В какой-то их части древнее различие между этими гласными сохранялось. Отголоском этого являются некоторые современные карпатские говоры, в которых и теперь имеется гласный *ы*. Этот *ы* не одинакового происхождения и не всегда является непосредственным продолжением древнего *y*: 1) *ы* — рефлекс древнего *y* в середине слов и в окончаниях; 2) *ы* сохраняется в древних сочетаниях *ky, gy, chy*; 3) *ы* на месте сочетаний *ъ+i*; 4) *ы* — рефлекс *ъ* в сочетаниях **tъrt, *trъt, *ilъt*; 5) *ы* — рефлекс этимологического *o* в новых закрытых слогах; 6) *ы* — заместитель древнего *i* после *š, ž*, иногда и *č*; 7) в редких случаях — как результат ассимиляции *ы* из *e*.²⁶⁹ Произношение закарпатского *ы* различно, причем различие это связано прежде всего с наличием неодинаковой степени лабиализации этого гласного.²⁷⁰

²⁶⁶ I. Панькевич. Нарис історії українських закарпатських говірів, ч. 1. Фонетика. Acta universitatis Carolinae. Philologica, I. Praha, 1958, стр. 49.

²⁶⁷ Ф. Т. Жилко. Про виникнення діалектних груп української мови, стр. 13.

²⁶⁸ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Видання друге. Київ, 1966, стр. 54. Когда настоящая книга была уже сдана в печать, появилась содержательная статья А. М. Залесского (А. М. З а л е с ь к и й). Про конвергенцію давніх *y, *i в південно-західних говорах української мови. Праці XIII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1970, стр. 34—51, в которой дается характеристика рефлексации древних *y, *i в юго-западных украинских говорах и приводится обширная литература предмета. Сохранению древних *y, *i в основном лишь в окранных юго-западных говорах способствовали и контакты этих говоров с говорами соседних славянских языков, в которых *ы* и *i* выступают как особые звуковые единицы.

²⁶⁹ I. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, ч. 1. Звучня і морфологія. V Прага, 1938, стр. 60.

²⁷⁰ С. П. Веваченко. Лабіалізоване *ы* (ѣ) в говорах Закарпаття. Наук. зб. Ужгородськ. унів., т. XIV. Діалектологічний збірник. Ужгород, 1955.

Следует еще сказать о произношении в некоторых русских говорах на месте *ы* гласного *и*, перед которым предшествующие согласные не смягчаются и который акустически близок к украинскому *и*. Такие говоры отмечались наблюдателями в отдельных населенных пунктах Жиздрийского и Козельского уездов Калужской губернии и Беловского уезда Тульской губернии.²⁷¹ В этих говорах согласные не смягчаются также перед *е*. Е. Ф. Будде прямо связывает указанные говоры с украинскими и полагает (без каких-либо доказательств), что носители их переселились в эти места с юга во время татарского нашествия (в XIII в. и позже).²⁷² Однако говоры с неполным смягчением согласных перед *и*, *е* и в некоторых других позициях встречаются и в отдельных северновеликорусских говорах.²⁷³ Вряд ли можно предполагать здесь переселения с юга. По-видимому, реализация твердости мягкости происходила не везде одинаково и в русских говорах. Карты №№ 52 и 54 белорусского атласа показывают, что и в белорусских говорах имеются различные рефлексы *i*, вызванные особенностями относительно поздних процессов развития твердости мягкости согласных.

ИЗМЕНЕНИЕ *е* в *о*

Как известно, в восточнославянских языках в разной степени и с неодинаковыми результатами распространено изменение *е* в *о* перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова. В русском и белорусском литературных языках, белорусских говорах и в южновеликорусском наречии (исключая некоторые говоры) *е* (из *е* и *ь*) > *о* после исконно смягченных и бывших полумягких согласных под ударением, в северновеликорусском наречии, кроме того, — во многих говорах и в безударном положении. В украинском языке *е* (из *е* и *ь*) > *о* только после шипящих и *ј* и лишь в отдельных словах — после бывших полумягких как под ударением, так и в неударяемых слогах. Сходное явление имеется в польском и в лужицких языках. В польском языке *е* (только из исконного *е*) > *о* перед твердыми согласными зубными и сонорными (*t, d, s, z, n, l, r*), а перед остальными твердыми остается неизменным. В лужицких языках *е* (из *е* и *ь*) > *о* перед всеми твердыми согласными в открытых слогах в середине и абсолютном конце слов. В остальных славянских языках это явление неизвестно.

²⁷¹ Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях, т. I. СПб., 1897; Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губернии. СПб., 1903, и др.

²⁷² Е. Ф. Будде. О народных говорах в Тульской губернии. СПб., 1898, стр. 4.

²⁷³ Р. Ф. Пауфшима. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 75.

Раньше всего изменение *е* в *о* началось в польско-поморской языковой группе. Оно там предшествовало образованию старопольских долгих гласных и проявлению *ь* в сильной позиции в *е*. Проявление *ь* в *е* имело место в XI—XII вв. В это время закономерность изменения *е* в *о* уже не действовала, ср. *pies* (< *рьсь*), *ten* (*льнь*) и т. п. С. Слоньский²⁷⁴ и З. Штибер²⁷⁵ указывают, что во время заимствований в древнепольский язык слов *kościół* < др.-чешск. *kostel* < лат. *castellum*, *anioł* < др.-чешск. *anjel* < лат. *angelus*, *Piotr* < др.-чешск. *Petr* эта закономерность была еще живой. Заимствования указанных слов относятся к началу распространения в Польше христианской религии, т. е. ко второй половине X в. Изменение *е* в *о* имело место после преобразования общеславянских сочетаний *tort, *tert, *tolt, *telt в *trot*, *tret*, *trot*, *tlet*, следовательно, это явление на древнепольской почве развивалось примерно в IX—X вв. В лужицких языках *е* > *о* действовало несколько позже, поскольку в них *ь* в сильной позиции при соответствующих условиях изменялся в *е* и затем в *о*, но не всегда, из чего можно предположить, что *е* > *о* на древнелужицкой почве прекращалось, но еще не прекратилось совсем в эпоху падения редуцированных гласных. В восточнославянских языках *е* (из *ь*) > *о* закономерно, следовательно, в них интересующее нас явление было жизненным и во время падения *ь* и *ь*, и позже. Верхняя граница действия *е* > *о* определяется прежде всего временем отвердения шипящих согласных и *ц*, о чем будет сказано ниже.

О времени возникновения *е* > *о* не в абсолютном начале слова и в восточнославянской языковой области, о характере протекания этого процесса в разных местностях и возникновении на этой почве соответствующих изоглосс писалось очень много. Еще в прошлом столетии возникло предположение, согласно которому изменение *е* в *о* было общерусским процессом. Различие точек зрения вывилось по вопросу, было ли изменение *е* в *о* общерусским процессом и в безударном положении, или же в безударном положении оно было локальным. А. А. Потехин определенно считал, что в южновеликорусском наречии (следовательно, и в белорусском языке) *е* > *о* имело место только под ударением, тогда как в безударном положении в нем этого изменения не было и не могло быть (ввиду наличия *аканья-яканья*).²⁷⁶ М. А. Колосов, напротив, предполагал, что *е* изменилось в *о* на всей восточнославянской территории как под ударением, так и в безударном положении.²⁷⁷ Нужно учесть, что история и диалектология восточнославянских языков

²⁷⁴ S. Słoński. Historia języka polskiego w zagysie. Warszawa, 1953.

²⁷⁵ Z. Stieber. Les éléments tchèques dans le polonais littéraire. Revue des Études slaves, t. 39, 1961, стр. 8.

²⁷⁶ А. А. Потехин. Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866.

²⁷⁷ М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей восточного языка. Варшава, 1878.

в прошлом столетии не имели еще под собой хотя бы относительно достаточной фактической базы, поэтому обе вышеупомянутые точки зрения были во многом умозрительны. Впрочем, споры на эту тему продолжались и в XX в., включая и наше время. Л. П. Якубинский, например, придерживался мнения А. А. Потебни,²⁷⁸ тогда как П. Я. Черных,²⁷⁹ М. Т. Баранов²⁸⁰ и другие повторяют гипотезу М. А. Колосова.

Вторым важным вопросом, поднятым уже давно, является выяснение последовательности изменения *e* в *o* после шипящих и / и бывших полумягких согласных. Как полагал еще И. В. Ягич, *e* > *o* сначала было после шипящих и *j* и только позже этот процесс развился после неисконно мягких согласных. И. В. Ягич указывал, что в ранних письменных памятниках случаи *e* > *o* приходится главным образом на положение после шипящих и *j*, кроме того, именно в этой позиции представлено данное явление в украинском языке.²⁸¹ Точка зрения И. В. Ягича поддерживалась и развивалась А. А. Шахматовым,²⁸² Н. Н. Дурново²⁸³ и многими другими учеными. Впрочем, А. А. Шахматов высказывал и иное мнение. Одно время он считал, что смягчение всех праславянских полумягких перед *e*, *ɛ*, *i*, *ʃ* и *ʒ* и изменение *e* и *ǫ* в *ǫ* и *o* как после исконно смягченных (шипящих, *j* и *p*, *l*, *n* < *pj*, *lj*, *nj*), так и смягчившихся полумягких перед твердыми согласными (*лѣду*, *мѣд*, *сѣстра*, *жѣна*, *чѣтыре*, *полѣ*) произошли еще в «общерусском праязыке» (в VI—VII—VIII вв.).²⁸⁴ В отличие от И. В. Ягича, А. И. Соболевский утверждал, что *e* > *o* имело место одновременно как после шипящих и *j*, так и после бывших полумягких. Отсутствие написаний *o* на месте *e* после бывших полумягких, по его мнению, объясняется тем, что древнерусские писцы не умели передавать *o* после этих согласных (точно так же, как не умеем передавать и мы). Эту гипотезу попытался развить А. М. Селищев. По А. М. Селищеву, изменение *e* в *o* было давним общевосточнославянским процессом. И в диалектах, из которых сложился украинский язык, этот процесс имел силу общего фонетического закона, т. е. в них *e* > *o* было во всех случаях и после неисконно мягких со-

²⁷⁸ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 151.

²⁷⁹ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 127—128.

²⁸⁰ М. Т. Баранов. К вопросу о результатах древнего изменения *e* в *o* в первом предударном слоге в северновеликорусском наречии. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

²⁸¹ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 37.

²⁸² А. А. Шахматов. 1) Исследования в области русской фонетики; 2) Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 8—9, и другие работы.

²⁸³ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 168—169.

²⁸⁴ А. А. Шахматов. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка, стр. 672.

гласных. Лишь позже в украинском языке в результате отвердения небо-зубных и губных согласных перед гласными переднего ряда произошла делабиализация *o* (*ǫ* > *e*), которая сохранилась только после мягких *j*, *ж* и *ш*. Отверждение указанных согласных и делабиализация *o* были пережиты и немногими русскими говорами, например некоторыми рязанскими, в которых произносят *мэж*, *эж*, *вэрст*.²⁸⁵ К гипотезе А. М. Селищева присоединяется Е. Ф. Васеко.²⁸⁶ Нужно прямо сказать, что эта гипотеза недоказуема. Отверждение согласных в украинском языке происходило только перед гласными *e* и *u* (< *i*), тогда как в тех случаях, когда *e* изменялся в *o* после бывших полумягких согласных (*сѣбмий* и т. п.), ни отвердения, ни делабиализации не было. Вместо того чтобы произвольно предполагать, будто бы в южных восточнославянских диалектах было *e* > *o* > *e*, естественнее считать, что в этих диалектах закономерно было лишь *e* > *o* после шипящих и *j*, что подтверждается не только современным украинским языком, но и данными южной древнерусской и староукраинской письменности, в которой в отличие от севера нет написаний *o* после бывших полумягких согласных. Что касается немногих русских говоров, в частности рязанских, на которые ссылается А. М. Селищев, то их особенности получают совершенно иное объяснение (о чем см. ниже).

Третий вопрос принципиального значения — условия изменения *e* в *o*, с чем связана и хронология этого явления. Для всех лингвистов совершенно очевидно лабиализующее воздействие на *e* последующих твердых согласных. Все случаи *e* > *o* перед мягкими согласными — аналогического (не фонетического) происхождения. Кроме того, лабиализация *e* предполагает обязательную мягкость предшествующих согласных. В то время когда полумягкие еще не подверглись смягчению, лабиализация *e* влекла за собой отверждение предшествующих согласных. Так, общеславянское *telt на восточнославянской почве изменилось в *tolot*, а не в *t'olot* (*melko > *молоко* и т. п.). Ср. также изменение *tolt в *tolit* (*volkъ > *волкъ* > *волк*). Следовательно, смягчение полумягких и *e* > *o* не в абсолютном начале слова несомненно имели место после образования полногласия, т. е. во всяком случае позже VII—VIII вв. Хронология смягчения полумягких и *e* > *o*, предложенная А. А. Шахматовым, ввиду указанных фактов не может быть принята. Вместе с тем и нет очевидных данных, которые заставили бы нас приурочивать интересующее нас явление ко времени после падения *ʃ* и *ʒ*, как полагает В. Н. Сидоров. «Вопреки общепринятому мнению, в свое время обоснованному академиком А. А. Шахматовым, — пишет В. Н. Сидоров, — что переход *e* в *o* был обще-

²⁸⁵ А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка, стр. 178.

²⁸⁶ Е. Ф. Васеко. К вопросу об изменении *e* в *o* в русском языке. В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, стр. 68—69.

русским процессом доисторической поры, мной развивалась точка зрения об относительно поздней хронологии этого процесса. Основанием для этой точки зрения было положение, что в древнерусском языке с исключительной последовательностью проводился принцип сингармонизма, а поэтому в нем не было условий для изменения e в $'o$, которое порождало многочисленные слоги, противоречащие сингармонической слоговой модели. Естественно поэтому было предполагать, что наиболее благоприятные условия для изменения e в $'o$ сложились именно в то время, когда в русском языке разрушалась традиционная слоговая модель, когда он утратил открытые слоги, подчиненные принципу слогового сингармонизма. Поскольку такое разрушение слоговой модели было связано с падением глухих, то естественно, что переход e в $'o$ следует относить ко времени после утраты редуцированных гласных.²⁸⁷ К сожалению, В. Н. Сидоров не опубликовал свою работу об изменении e в o , поэтому мы можем судить о его гипотезе только по приведенной выше цитате и по замечанию П. С. Кузнецова о докладе на данную тему, сделанном В. Н. Сидоровым еще в 1945 г. По В. Н. Сидорову, «воздействие согласного на предшествующий гласный легче могло осуществиться в пределах одного слога, что могло иметь место лишь в закрытых слогах . . . с этих слогов и начинается процесс, распространяясь затем и на открытые слоги».²⁸⁸

Мы не будем здесь отвлекаться в сторону рассмотрения вопроса о слоговом сингармонизме в древнерусском языке, а скажем только, что гипотеза В. Н. Сидорова может быть оправдана только в том случае, если удастся доказать, что изменение e в o началось в закрытых слогах и лишь потом стало всеобщим и охватило и открытые слоги. Однако таких доказательств нет. В современных восточнославянских (и западнославянских) языках нет таких фактов, которые указывали бы на преимущественное употребление $e > o$ в закрытых слогах или на какие-либо другие признаки в пользу этого предположения. Примеры из древнерусской письменности также не подтверждают первоначального изменения e в o в закрытых слогах. А если нет материальных доказательств, то любая, даже самая остроумная гипотеза будет не больше догадки, которую можно принимать во внимание, а можно и нет.

Нет сомнения, что изменение e в o тесно связано с развитием корреляции твердость-мягкость согласных. Шипящие согласные $ш$ и $ж$ были искони непарными мягкими, поэтому лабиализация e после них могла быть осуществлена довольно рано. Что касается $e > o$ после парных мягких согласных, то оно могло развиваться только в процессе становления корреляции твердость-мягкость. Конечно,

²⁸⁷ В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966, стр. 3—4.

²⁸⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 132.

теоретически можно представить себе, что процесс $e > o$ осуществился после шипящих и $ж$ одновременно с развитием противопоставления твердость-мягкость согласных. Все же данные украинского языка и древних письменных памятников, скорее, свидетельствуют о большей древности $e > o$ после шипящих и $ж$. Вместе с тем вряд ли можно относить это явление ко времени, когда еще не произошло изменения $'a$ в e . Между тем такое мнение было высказано Р. Айцетмюллером. Р. Айцетмюллер исходит из положения А. Вайяна, согласно которому индоевропейское $*e$ произносилось в общеславянском языке как открытый гласный $'a$ (подробно об этом см. в главе о происхождении аканья). Этот $'a$ дожил до времени распада общеславянского языка, и сужение его происходило в отдельных славянских языках. В диалектах, из которых образовались русский и белорусский языки, $'a$ перед мягкими согласными сузилось в e , а перед твердыми — в $'o$. В украинском языке $'a > 'o$ имело место только после шипящих и $ж$. В акающих диалектах $'a > e$ и $'o$ произошло только под ударением. Р. Айцетмюллер объединяет $'a > a > o$ в абсолютном начале слова (восточнославянское *озеро*, *одни* и т. п.) с интересующим нас явлением, хотя и подчеркивает, что происхождение их различно.²⁸⁹

Данные древнерусской письменности — против предположения Р. Айцетмюллера. Уже в самых ранних памятниках употребление буквы e (под ударением!) является единственной нормой во всех славянских языках, в том числе и древнерусском. Если принять схему $'a > 'o$, а не $e > 'o$, то пришлось бы отнести происхождение $'a > 'o$ ко времени задолго до возникновения славянской письменности, что находится в непримиримом противоречии с процессом развития корреляции твердость-мягкость. Совершенно очевидно, что гипотеза Р. Айцетмюллера не может быть принята. В древнерусском языке мы имеем дело не с $'a > 'o$, а с $e > 'o$ (в акающих диалектах в положении под ударением).²⁹⁰

Все исследователи дружно отмечают, что написание o вместо e в самых ранних примерах относится к положению после шипящих. Первые примеры относятся к XI в.: *чоловѣка* (Изборник 1073 г.), *жона* (Изборник 1076 г.). Некоторые языковеды считают эти написания описками. Однако когда такие написания совпадают с более поздними и с нормой современного произношения, приходится отказываться от подобного скептицизма. Спорадичность подобных написаний вполне объяснима. Древнерусская орфография в основном была морфематической. Комбинаторные изменения звуков, не перешедшие в фонематические различия, могли вовсе не находить своего отражения в орфографии. К таким ком-

²⁸⁹ R. Aizetmüller. Die Relation 'e—'o bzw. o in den ostslavischen Sprachen. Die Welt der Slaven, X, Hf. 1, 1955.

²⁹⁰ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1902, стр. 195—203.

бинаторным изменениям относилась и лабиализация *e* после шипящих и *j*. Гласный *o* был вариантом фонемы *e*. Лишь после того как *o* вместо *e* утверждается после парных смягченных согласных, а на украинской почве после отвердения шипящих,²⁹¹ отношения между *e* и новым *o* становятся фонематическими. Фонетические изменения, не имеющие фонематической значимости, могли отражаться в орфографии у писцов, особо внимательных к звуковой стороне текста, или же «по рассеянности» в виде своеобразных «описок». Такое предположение получает обоснование, если учесть, что в работе писцов имело место проговаривание текста про себя, «внутренний диктант» (Д. С. Лихачев). Следовательно, мы можем считать, что *e* стало изменяться в *o* после шипящих и *j* по крайней мере в XI в. Процесс этот в разных диалектах развивался неравномерно. В древнейших новгородских памятниках пока что не найдено ни одного примера с *e* > *o*. По-видимому, *e* > *o* после шипящих и *j* первоначально охватывает только южные и западные диалекты. Восточнославянскую языковую территорию в XI в. пересекает фонетическая изоглосса, деля ее на южную и северную части. Лишь позже *e* > *o* в указанной позиции распространяется и на север.

В XII—XIII вв. написания *o* вместо *e* становятся более частыми. А. И. Соболевский приводит примеры: *съкажомъ, блажонъ, мужомъ, бывшомъ* и др. (Слово Ипполита об антихристе XII в.), *врѣжонъ, съврьшонъ, осужонъ, шьдѣшомъ, врачомъ* и др. (Житие Епифания Кипрского XII в.), *брющомуся, носящюму, режшюму* и др. (Лествица XII в.), *приемишюму, стоящомъ, поживѣшюму* и др. (Триодь Моисея Киевлянина XII—XIII вв.) и т. п.²⁹² Е. Ф. Карский находит в западнорусской грамоте 1284 г. *вашому, нашому* и отмечает, что в памятниках XIV—XV вв. *e* > *o* довольно часто в разных позициях.²⁹³ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что *o* вместо *e* преобладает в причастных формах и в формах склонения. Такое *o* в формах склонения может объясняться не как фонетическое явление, а как выравнивание форм по твердому склонению. В этом, например, совершенно уверена А. Н. Добромыслова.²⁹⁴ Такое предположение как бы напрашивается само собой. Однако его можно считать безусловно верным только для эпохи, когда противопоставление нового *o* и *e* приобретает фонологическое значение. Для времени, когда *e* > *o* имело фонетико-комбинаторный

²⁹¹ М. Ф. Накопечный. До вивчення процесу становлення й розвитку фонетичної системи української мови. Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962, стр. 134—135.

²⁹² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 59.

²⁹³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 171—173.

²⁹⁴ А. Н. Добромыслова. К вопросу о корреспонденции *o—e* в творительном падеже женского склонения. Вестн. МГУ, Сер. VII. Филология, журналистика, 1963, № 1, стр. 77.

характер, написание *o* вместо *e* в формах можно объяснить как отражающее особенности живого произношения: воздействие аналогии облегчало писцам отражение существовавшего фонетического явления. Если в формах склонения воздействие аналогии вполне естественно, то причастные формы объяснять таким образом гораздо труднее, если не невозможно. Кроме того, в памятниках XII—XIII вв. имеются и случаи (правда, редкие) написаний *o* вместо *e* и в корневых морфемах: *жонъ, чоловѣка, чоловѣчскыи* (Учительное евангелие Константина Болгарского XII—XIII вв.) и некоторые другие примеры. Интересно отметить, что и в письменности XIV—XVI вв. написания *o* вместо *e* в формах явно преобладают над такими же написаниями в корневых морфемах, в которых сила орфографической традиции не ограничивалась аналогическими воздействиями. Следовательно, фонетическое изменение *e* в *o* после шипящих и *j* в XI—XIII вв. было несомненным фактом.

Из сводки примеров, которые приводит А. И. Соболевский,²⁹⁵ видно, что это явление в XI—XII вв. отражалось в киевской и галицко-волинской письменности, а в XIII—XIV вв. оно имеется в смоленско-полоцких, новгородско-псковских, тверских, ростовско-суздальских и московских памятниках. Сплошным белым пятном остаются рязанско-черниговские области, так как письменные памятники этих мест до нас не дошли. Наблюдения позднейших исследователей в общем подтверждают лингвогеографическую картину, которую можно восстановить по материалам А. И. Соболевского.

С развитием корреляции твердость-мягкость согласных происходит изменение *e* в *o* и после парных смягченных. В тех диалектах, в которых происходит этот процесс, *e* > *o* после шипящих и *j* теряет свой чисто фонетический характер и включается в общую закономерность. В письменности *e* > *o* после парных смягченных находит свое отражение со второй половины XII—XIII в. Наиболее ранний случай имеется в новгородской берестяной грамоте № 153 второй половины XII в.: *Ѹ Фодора* = у Федора. В новгородской берестяной грамоте № 61 XIII в.: *з гостомо* = с гостем. Пример, отмеченный А. И. Соболевским в Новгородском евангелии 1270 г.: *дньотъ < днь-тѣ*,²⁹⁶ теперь является не единичным. В новгородских берестяных грамотах XIV—XV вв. *e* > *o* после шипящих и *ц* и парных смягченных согласных встречаются не редко: *между нобомъ* и *землю, к ному* (№ 10, XV в.), *чоловекомъ* (№ 24, XV в.), *беросто* (№ 27, XIV в.), *з беростомъ* (№ 40, XV в.), *чоловекъ* (№ 43, XIV—XV вв.), *от Потра* = от Петра (№ 53, рубеж XIII и XIV вв.), *чоловѣка* (№ 99, XIV в.), *чолобитѣ, чоловекъ* (№ 167, XIV в.), *Стопане* = Степан, *цетвортъ* (№ 169, XIV в.), *чолобитѣ* (№ 242, 1-я половина

²⁹⁵ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 60—61.

²⁹⁶ Там же, стр. 61.

XV в.), *цоломъ бѣю* (№ 243, 1-я половина XV в.), *оу Вымолчовъ* = у Вымолцев (№ 248, начало XV в.), *рублво* = рублёв (№ 256, XIV в.), *Фовро* = уменьшительное от Февронья (№ 265, XIV—XV вв.), *зелоного* (два раза, № 288, 1-я половина XIV в.), *от Торохо, и Торохѣ, в Торохо...* = Терѣх, Терѣха от Терентий (№ 300, 1-я половина XV в.), *цоло, цоломи блио* (№ 301, 1-я половина XV в.), *цоломъ, цоломъ бѣю* (№ 307, 1-я половина XV в.), *перостаи* (№ 283, XIV в.), *за по[но]ви-чомъ* (№ 302, 1-я половина XV в.), *на Княжоострови* (№ 324, XIV в.), *Торжокъ* (№ 358, XIV в.), *людомъ давать* = людемъ (№ 362, рубеж XIV и XV вв.), *от ного, цоломъ, чоловѣка* (№ 370, XIV в.), *жонку* (№ 402, XV в.). Эти свидетельства новгородских берестяных грамот достаточно показательны. Такие же написания известны в псковской письменности XIV—XV вв. Любопытно, что в 1-й и 2-й Псковских летописях в записях XIV—XV вв. 'о передается не только через о, но и через ео: *креомъ* 'кром', 'кремль'.²⁹⁷ Ср. аналогичные написания *Юлеоны* = Елены (Новгородское евангелие до 1362 г.), *Юлеона, Юлеонѣ* (Коломенская палея 1406 г.).

Изменение *e* в *o* после парных смягченных согласных отражается и в письменности других областей. В. Е. Ушаков отмечает в Устюжской кормчей XIII—XIV вв. *тотради, тотратъ* = тетрадь.²⁹⁸ В северодвинских грамотах XIV—XV вв. имеются *озора*, за *моромъ, рубловъ* и др. Отмечаются подобные надписания в московской письменности. Ср. *Семонюмъ* на окладе евангелия великого князя Семёна Ивановича Гордого 1343—1344 гг.²⁹⁹ В Переяславском евангелии 1354 г. П. С. Кузнецов находит *возомъ, померкнотъ*.³⁰⁰ Е. Ф. Васеко обследованы 47 московских грамот XVI в., в которых написания *o* вместо *e* после шипящих и *ц* довольно часты, вместе с тем имеются и примеры *сола* 'сѣла', *в сож* 'в сѣм', *оу Семонова* и др.³⁰¹ Эти факты с совершенной очевидностью опровергают мнение Л. Л. Васильева, полагавшего, что в московском говоре XVI—XVII вв. не было перехода *e* в *o*.³⁰²

Древний смоленско-полоцкий диалект также знал *e > o*, ср. *Семона* в полоцкой грамоте княгини Андреевой XIV в. Е. Ф. Карский отмечает, как уже было сказано выше, изменение

²⁹⁷ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, стр. 243.

²⁹⁸ В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв., стр. 50.

²⁹⁹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 43.

³⁰⁰ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 135.

³⁰¹ Е. Ф. Васеко. К вопросу об изменении *e* в *o* в русском языке, стр. 78.

³⁰² Л. Л. Васильев. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XVI—XVII вв.

e в *o* как после шипящих, так и после парных смягченных согласных в памятниках, написанных на белорусской территории. Исследователи древней южнорусской и староукраинской письменности, указывая на факты изменения *e* в *o* после шипящих и *ж*, приводят на это изменение после других согласных не приводят. Неизвестно, что было в южновеликорусской области. В дошедших до нас на этих мест памятниках XVII в. *e > o* после различных согласных проявляется «довольно заметно». Некоторые языковеды считают, что *e > o* в южновеликорусских говорах в глагольных формах настоящего времени — явление совсем позднее. Однако С. И. Котков находит в белгородском документе 1624 г. *биот челом* и замечает по этому поводу, что это написание «оставляет все же некоторое сомнение в правомерности этой точки зрения».³⁰⁴

Данные письменности мы, как всегда, должны дополнить фактами современных восточнославянских языков и их говоров. Обстоятельную работу о реализации старого фонетического изменения *e* в *o* в современном русском языке написал С. П. Обнорский.³⁰⁵ С. П. Обнорский сначала рассматривает это явление в литературном языке, но основное внимание уделяет исследованию диалектного материала, собранного до начала работы над диалектологическим атласом русского языка. В современном русском литературном языке имеется немало исключений, противоречащих фонетическому закону.

Произошло ли *o* на месте *e* в ряде слов перед мягкими *ч* и *щ* (*мешочек, жѣстче*) является результатом воздействия аналогии. Отсутствие перехода *e* в *o* перед твердым *ц* указывает на то, что фонетический закон перестал действовать, когда наступило отверждение ранее мягкого *ц*. Противоречивы показания современного языка в отношении судьбы *e* перед *ж* и *ш* (ср. *лѣжа, дѣшево, лепѣшка, молодѣжь, идѣшь* и т. п. и в то же время *головешка, смежный, чешет* и под.). В свое время Р. Ф. Брандт и А. И. Соболевский безуспешно пытались утверждать, что перед *ж* и *ш* перехода *e* в *o* вообще не было, а произношение типа *грабѣж, идѣшь* образовалось в результате аналогии. С этим утверждением нельзя согласиться, поскольку для таких случаев, как *мерѣжа, корѣжить* и пр., аналогию подыскать нельзя. Согласные *ж* и *ш* стали отверждаться раньше, чем *ц*. Их неравномерное (добавим от себя) отверждение в разных диалектах, совпавшее по времени с концом действия *e > o*, наложило свой отпечаток на состав слов с наличием или отсутствием *o* из *e* перед *ж* и *ш*. Далее С. П. Обнорский подробно рассматривает другие весьма многочисленные исключения из пра-

³⁰³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 171—177.

³⁰⁴ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 53.

³⁰⁵ С. П. Обнорский. Переход *e* в *o* в современном русском языке. В сб.: Академик А. А. Шахматов. М.—Л., 1947.

вила в современном литературном языке (*e* перед позже отвердевшими согласными, *e* в книжных по происхождению словах и др.), показывая, что нарушения закона о переходе *e* в *o* весьма значительны. Противоречивы и показания говоров. Случаи неперехода *e* в *o* типа *ребрышко, перышко, пес* (соликамское), *рев* (кашинское) и другие по говорам разрозненны и не связываются «единством какого-либо звукового явления». ³⁰⁶ Данные об отсутствии перехода *e* в *o* в некоторых рязанских и других южновеликорусских говорах слишком отрывочны, чтобы на их основании можно было сделать какие-либо выводы. Далее С. П. Обнорский приводит значительный список слов, в которых имеется *ѣ > o* (*бесѣда, сусѣд, телѣга* и т. п.), и делает вывод, что это явление свойственно только северновеликорусским и переходным с северновеликорусской основой говорам, а «в южнорусских, исконно акающих говорах эта черта начисто отсутствует». ³⁰⁷ По мнению С. П. Обнорского, *ѣ > o* объясняется тем, что *ѣ* рано совпал в безударном положении с *e* и разделил его судьбу, а факты *ѣ > o* под ударением — вторичного, позднего происхождения: *бѣгу* привело к *бѣг*, *посѣвать* к *сѣв*, *звѣзда* к *звѣзды* и т. п. Однако следует заметить, что такие случаи, как *телѣга* и под., вряд ли можно объяснить аналогией. Совпадение *ѣ* и *e*, протекавшее по говорам неравномерно, могло частично начаться и под ударением в то время, когда *e > o* как живое явление еще не совсем угасло.

Позднейшие исследования показывают, что проблема изменения *e* в *o* в русском языке является более сложной, чем это представлялось раньше. Если прежде, например, казалось несомненным, что изменение *e* в *o* было свойственно всему северновеликорусскому наречию не только под ударением, но и в неударяемом положении, то теперь это положение поставлено под сомнение. Как известно, далеко не все современные северновеликорусские говоры являются ёкающими (т. е. имеют *'o* на месте *e* разного происхождения перед твердыми согласными в безударном положении). Все ли они были ёкающими в прошлом? Диалектологи раньше в этом не сомневались. Этой точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи. Например, М. Т. Баранов ³⁰⁸ и О. А. Князевская ³⁰⁹ производят северновеликорусское ёканье из ёканья. Однако Н. Н. Соколов еще в 1914 г. высказал мысль, что изменения неударяемого *'o* в *e* могло и не быть. Говоры, в ко-

³⁰⁶ Там же, стр. 302.

³⁰⁷ Там же, стр. 311.

³⁰⁸ М. Т. Баранов. К вопросу о результатах древнего изменения *e* в *o*...

³⁰⁹ О. А. Князевская. О произношении гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных в некоторых говорах Новгородской области. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. III. М., 1962.

торых нормой является ёканье или иканье (*с'елѣ* и *с'илѣ*), в прошлом могли никогда не знать ёканья. ³¹⁰

Используя старые и новые диалектологические данные, С. К. Пожарицкая указывает на отсутствие ёканья во многих северновеликорусских говорах. ³¹¹ В другой своей работе она картографирует ёканье и отсутствие его и приходит к выводу, что хотя ёканье и «пронизывает всю территорию северновеликорусских говоров», однако реализуется оно в разных местностях далеко не одинаково. В новгородских и владимиро-поволжских землях говоры с ёканьем преобладают, тогда как в районах севернее Волги и приблизительно западнее линии Вологда—Ярославль по направлению на восток и юго-восток значительная часть говоров вовсе не знает ёканья, а другие говоры на этой территории имеют ёканье ослабленное. Как считает С. К. Пожарицкая, нет оснований предполагать, что ёканье в северо-восточных говорах развилось из ёканья. ³¹² Е. Н. Иваницкая, использовавшая данные обследования новгородских говоров в 1954—1960 гг., отмечает отсутствие ёканья в ряде новгородских говоров (Опеченский, Мошенский, Боровичский, Пестовский и отчасти Хвойнинский районы). Как она считает, ёканье вообще распространено на севере значительно меньше, чем это обычно предполагалось. Оно отсутствует во многих районах Ленинградской, Архангельской, Калининской и других областей. Чем объяснить этот факт? Относить его за счет воздействия литературного языка на северновеликорусские говоры невозможно (по крайней мере полностью), так как будет непонятно, почему это воздействие оказалось в глубинных районах Архангельской области более эффективным, чем в населенных пунктах, расположенных поблизости от Новгорода. Широкое распространение ёканья в северновеликорусских говорах нельзя также объяснить влиянием южновеликорусских говоров (икающих и икающих). ³¹³

Надо полагать, что противопоставление ёканья и иканья на севере — явление исконное. Предположение, что все северновеликорусские говоры сначала пережили лабиализацию неударяемого *e*, а потом в части из них произошла по каким-то причинам делябиализация (*e > o > e*), невероятно и доказано быть не может. Ги-

³¹⁰ Н. Н. Соколов. Народные говоры Новгородской губернии в связи с вопросом о составе и границах северновеликорусского наречия. Тр. Моск. диалектол. комиссии, вып. 3. Варшава, 1914.

³¹¹ С. К. Пожарицкая. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 65—67.

³¹² С. К. Пожарицкая. Проблема изменения *e* в *o* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, стр. 87—101.

³¹³ Е. Н. Иваницкая. Некоторые результаты изменения *e* в *o* в современных северновеликорусских говорах. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1964, стр. 188—202.

потеза о разных типах первоначальной лабиализации, давших разные результаты в современных говорах, также искусственна и ничем не документирована. Следовательно, когда началось изменение *e* в *o*, на севере в безударном положении оно охватило только часть говоров. Представляли ли эти говоры сплошной массив или оказались разбросанными по всей северной территории, неизвестно. Для решения этого вопроса пока нет данных.

Особую проблему составляет изменение *e* в *o* под ударением в южновеликорусских говорах. Вопрос этот имеет уже свою историю. Еще в прошлом столетии Е. Ф. Будде отмечал в некоторых тульских говорах случаи неперехода *e* в *o* под ударением, прежде всего в глагольных формах: *придѣм, живѣм, ткѣм* и др.³¹⁴ Во время сбора ответов на «Программу» Московской диалектологической комиссии говоры, не имеющие перехода *e* в *o* под ударением, стали обнаруживаться к северу и северо-западу от Рязани. Это в свое время позволило Р. О. Якобсону выдвинуть предположение, что изменение *e* в *o* имело место в громадном большинстве русских диалектов, но все же не во всех.³¹⁵ Позже А. Н. Гвоздев обнаружил говоры с сохранившимся *e* перед твердыми согласными в западной части Вадского района Пензенской области.³¹⁶ Р. И. Аванесов в обследованном им говоре с. Кидусово и д. Нагорной Спасского района Рязанской области установил сохранение *e* как закономерность: *берѣза, лен, панѣва, тѣплай, прив'ѣл, кат'ѣнак* и т. п. Гласный *e* перед твердыми согласными довольно последовательно произносится также после шипящих и *ц*: *кашѣлка, тежѣлая, медвежѣнак, цѣрнай, бацѣнак* и т. п., хотя известно в этом положении и *o*: *атишбл, патишбл, жблтай*. Только в грамматических формах употребляется *o* нефонетического происхождения: *зямлѣй, ружѣй* и под.³¹⁷ В. Н. Сидоров в 1927 г. в говоре с. Непрядево Тульской губернии записал *панѣва, свѣклу, пѣстрый, кашѣлка, прилѣх, рабѣнѣк* и др. Правда, особенность эта проводится непоследовательно, но эта непоследовательность «указывает на то, что она для говора является исчезающей, вытесняемой произношением *с o* под влиянием литературного языка и говоров окрестных селений».³¹⁸

³¹⁴ Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях, стр. 5 и след.

³¹⁵ Р. Якобсон. Рецензия на «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Этнографическое обозрение, 1916, № 1—2, стр. 102—107.

³¹⁶ А. Н. Гвоздев. Говор западной части Вадского района Пензенской области. Уч. зап. Куйбышевск. ГПИ, вып. 5, 1942.

³¹⁷ Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской Мещеры, I. Описание одного говора по течению р. Пры. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, I. М.—Л., 1949, стр. 146—148.

³¹⁸ В. Н. Сидоров. Об одном тульском говоре с гласной *e*, не изменившейся в *o*. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.—Л., 1949, стр. 277 и след.

На карте № 15 Атласа русских народных говоров³¹⁹ указано 43 населенных пункта, в которых известно произношение *e* перед твердыми согласными, и несколько десятков населенных пунктов, где это явление отмечено только в отдельных словах. Если говоры со сравнительно регулярным произношением *e* расположены главным образом южнее, восточнее и северо-восточнее Рязани, то спорадическое произношение *e* разбросано почти по всей территории «Атласа». Что это явление исчезающее, вытесняемое на наших глазах произношением *o*, видно хотя бы из примечания к пункту 568 указанной карты: «В произношении старшего поколения села — звук *e*, в произношении молодежи — звук *o*».

Как было сказано выше, С. П. Обнорский считал данные южновеликорусских говоров слишком отрывочными и недостаточными для того, чтобы на их основе делать какие-либо выводы. Л. А. Булаховский высказался осторожно: по его мнению, вопрос «не может еще считаться решенным, но не исключенной остается возможность, что переход *e* в *o* (*ѣ*) в великорусском наречии действительно, несмотря на свою давность, не охватил полностью всех говоров».³²⁰ До сбора массовых материалов для диалектологического атласа русского языка взгляды С. П. Обнорского и Л. А. Булаховского имели свое оправдание. Когда же сведения о произношении *e* перед твердыми согласными значительно расширились, исследователи получили возможность высказываться более определенно. «Широкое распространение „неперехода“ *e* в *o* опровергает принятое до сих пор в истории русского языка мнение об изменении *e* в *o* как о черте, общей для всего русского языка (разделяемой также в значительной мере белорусским языком в отличие от украинского). Изменение *e* в *o* и сейчас отсутствует во многих архаических рязанских говорах, а в прошлом, видимо, его не было и во многих других южновеликорусских говорах».³²¹ В. Г. Орлова считает, что в прошлом *e* > *o* не было в «основных» южновеликорусских говорах и распространение этого явления в южновеликорусском наречии произошло «поздно».³²² Правда, мы не знаем, что может означать это «поздно». Южновеликорусские памятники XVII в. довольно широко отражают *o* на месте *e*.

Отсутствие изменения *e* в *o* наблюдается и во многих средневеликорусских и северо-западных говорах, но случаи его действительно разрозненными и лексически ограничены: *свѣкла, свѣкор*,

³¹⁹ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

³²⁰ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 67.

³²¹ Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка, стр. 32.

³²² В. Г. Орлова. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных, стр. 10.

котёнок и др., причем слова с *e* в разных говорах различны.³²³ Ср. еще в мурманских говорах: *рев, соберёмся*.³²⁴ Вероятно, лексикализованное *e* найдется и в других северновеликорусских говорах. Может быть, это архаические остатки произношения, существовавшего до лабиализации *o*, а может быть, каждый из этих примеров имеет различное происхождение (воздействие аналогии, книжные заимствования, остатки *e* в формах и суффиксах и т. п.).

Диалектологический атлас белорусского языка является фундаментальным пособием для изучения интересующего нас явления. Н. В. Бирило, опираясь на материалы атласа, собранные из 1027 населенных пунктов БССР, дал общую картину судьбы *e* (из *e* и *ь*) перед твердыми согласными под ударением, а в окружающих говорах — и в безударном положении в белорусском языке.³²⁵ В белорусском литературном языке и в говорах, как и в русском языке, обычно *e* > *o* под ударением. Однако белорусский язык имеет и свои особенности. На юг от линии (примерно) Радунь—Любча—Столбцы—Узда—Марына горка—Осиповичи—Паричи—Речица—Гомель имеются говоры, в которых *o* на месте *e* в новых закрытых слогах произносится как закрытое *o*, *y* или *yo* (часто наряду с обычным *o*), т. е. в этом положении подвергается модификации. В юго-западной части Брестской области мягкие согласные перед *e* (из *e* и *ь*) являются, как и в украинском языке, твердыми и изменение *e* в *o* отсутствует.

Изменение *e* в *o* особенно последовательно проведено в северо-восточных белорусских говорах, в которых сохранение *e* перед твердыми согласными встречается, как и в северо-западных русских говорах, очень редко в единичных и разрозненных словах. На юге и юго-западе Белоруссии сохранение *e* представлено значительно большим числом случаев. Н. В. Бирило показывает на карте распространения произношения *ав'эс, дал'эко, н'ес'эм, в'ез'эм, идз'эм* и др., *л'эк'и, сал'эны, з'ел'эны, в'ес'элы, ц'эмны, с'эстры, с'элы, кал'эсы* и некоторых других слов. Изоглоссы произношения *e* в отдельных словах не совпадают друг с другом. Наибольшие сгущения слов с *e* имеются в говорах, территориально примыкающих к украинскому языку. Перед *ц*, как и в русском языке, повсеместно произносится только *e*. Перед шипящими и когда-то смягченным *р* наблюдается разнობой: в одних случаях имеется *o*, в других — *e* (разнობой того же типа существует и в русском языке). В отдельных случаях распространены оба варианта (*ц'бшча* и *ц'бшча, dz'бшча* и *dz'бшча* и т. п.), причем изоглоссы их по отдельным словам не совпадают друг с другом.

³²³ Некоторые новые данные о русских народных говорах. (По материалам диалектологических атласов). ВЯ, 1957, № 5, стр. 85 (без указания авторов).

³²⁴ И. С. Меркурьев. Мурманский говор, стр. 6.

³²⁵ М. В. Бірыла. Вынікі пераходу *e* (< *e*, *ь*) у *o* і з'явы, звязаныя з ім, у беларускай мове. Праца філologicznej, т. XVIII, cz. 2. Warszawa, 1964, стр. 315—334.

После шипящих картина более или менее однообразная: произносится *o* (за исключением положения перед бывшим смягченным *р*), но в отдельных словах имеются и колебания, имеющие неодинаковые изоглоссы. Белорусские говоры имеют то же нефонетическое *e* > *o* перед мягкими согласными, что и русский язык, однако в северных говорах это явление проводится гораздо последовательнее, чем в южных. В общем то же можно сказать и о *e* > *o* в абсолютном конце слова. На юге и юго-западе в ряде слов произносится *e*: *жыц'ц'э, кос'с'э, пл'еч'э, ус'э'всэ, май'э, твай'э, свай'э* и т. п. На месте *ь* во всех говорах, в которых *e* > *o* проводится последовательно, как и в русском языке, в известной категории слов произносится *o*: *с'бды, зн'бды, в'бды, зв'бды* и др. Довольно широко распространено произношение *ас'л'оп*, в Бобруйском районе отмечено *пал'бз*, на юго-востоке *хл'оу*. Наконец, в говорах, не знающих аканья (в Брестской и Гомельской областях), как и в украинском языке, *o* произносится после шипящих и в безударных слогах: *пчол'ь, жон'аты, жоў'тк, в'эчор* и т. п., а также *сл'озь*. В гродненско-барановичских говорах встречается произношение *o* в безударном положении после *j* в абсолютном конце слова: *сабр'ан'о, нбвай'о, тбй'о, п'атай'о* и т. п. Таким образом, совершенно очевидно, что наиболее последовательно *e* > *o* в белорусском языке проводится на севере и в центре, менее последовательно — на юге. Говоры с отвердевшими согласными перед *e*, *i*, вовсе не знающие *e* > *o* после парных смягченных согласных, примыкают к украинскому языку. Такое географическое расположение данного явления, скорее всего, свидетельствует о том, что распространение *e* > *o* после парных смягченных согласных шло с севера на юг.

К сожалению, мы пока не имеем обобщающих исследований, в которых были бы даны подробные сведения о судьбе *e* перед твердыми согласными на украинской территории. Как известно, в украинском литературном языке и в большинстве его говоров *e* произносится как *o* после шипящих и *j*, перед твердыми согласными как под ударением, так и в неударяемом положении: *вчбра, жбвтий, чот'ири, жо'б* и т. п. Под воздействием аналогии такое произношение возникает и перед мягкими согласными: *жон'и, цо'ц'и, бджол'и, воряч'и, св'жой, св'жост'и, б'льшост'и* и т. п. В глагольных формах перед шипящими *e* сохраняется, что объясняется тем, что изменение *e* в *o* перестало быть живой закономерностью до отвердения шипящих (*п'наси, пишеш, можеш, хочеш*, а по аналогии также *зна'ємо, пиш'ємо, хоч'ємо*). Ср. также образования типа *кн'ижечка, ложечка, коп'іечка*. Отсутствует *e* > *o* в страдательных причастиях *збудже'ний, озбро'ений* и т. п. (в отличие от древних южнорусских памятников!), где *e* было восстановлено под воздействием форм *несен'ий, варен'ий* и под. Не изменяется *e* в *o* в книжных и заимствованных словах. Однако далеко не все исключения из правила можно объяснить действием аналогии. Ср. *ч'епурно, ч'епурний, ч'ес'ати, шеп'тати, ш'еп'ит* и т. д. Не исключено, что *e* > *o* не охватило всю

лексику. Возможно также, что были говоры, в которых $e > o$ распространилось позже. В ряде юго-западных говоров e в некоторых словах сохраняется: *учэра, вчэра, вчэрака*.³²⁶ И. Пянкевич отмечает, что в Закарпатье иногда произносятся *женá, челб*.³²⁷ Дальнейшие разыскания в этой области могут дать интересные сведения.

Нерегулярно изменение $e > o$ после мягкого $л$: *льоду, льоту, львова*, диалектные *пасльон, пасльону, кльон, кльону* и др., но *зелений* и пр. В отдельных словах $e > o$ и после других согласных: *дьоготь, бадьорий, сьорбати, сластьон* и др. Объяснение этих случаев различно. Р. Якобсон в свое время предположил, что на украинской почве изменение e в o совпало с отвердением согласных перед e . Если $t'e$ изменилось в $t'o$ до отвердения, то обратное изменение $t'o$ в $t'e$ было бы невозможно, если же, наоборот, отвердение произошло до $e > o$, то это изменение не могло бы осуществиться.³²⁸ Таким образом, разноречивое произношение e после шипящих можно истолковать как одновременное столкновение взаимоисключающих фонетических закономерностей. Эта гипотеза маловероятна. Изменение e в o после шипящих и j и сохранение e после остальных согласных является в украинском языке правилом, а нарушения этого правила являются исключениями. Л. А. Булаховский случаи типа *бадьорий, сьорбати, сластьон, кльон, запальоний* и т. п. склонен считать белорусизмами.³²⁹ Во всяком случае, произношение *пшениця, женити* и т. п. указывает на то, что изменение $e > o$ после шипящих имело место до отвердения согласных перед e и i .

Итак, мы можем подвести итоги. Изменение e в o , возникшее в диалектах древнерусского языка, не связано с падением редуцированных гласных: оно началось раньше этого явления. У нас также нет никаких оснований предполагать, что o развилось из древнего a или, как мы считаем, e^a : o возникло после преобразования праславянских a^o (o^a), a^o (e^a), после того как сформировались оканье и аканье. Лабиялизующее воздействие последующих твердых согласных на e несомненно. Первоначально $e > o$ развилось после шипящих, $ц$ и $ж$. Это обстоятельство указывает на то, что $e > o$ в указанной позиции имело место до образования фонологической оппозиции мягкость ~ твердость согласных. Наши предположения подтверждаются случаями, правда, очень редкими, написания o

³²⁶ О. П. Безпалько ж-др. Исторична граматика української мови. Київ, 1962, стр. 148.

³²⁷ І. Пянкевич. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, стр. 105.

³²⁸ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 2. Prague, 1929, стр. 66.

³²⁹ Л. А. Булаховський. Питання походження української мови, стр. 165.

вместо e после шипящих в памятниках письменности XI—XII вв. Такие написания не описки. Если бы это были описки, то их можно было бы ожидать и в новгородской письменности этого времени, однако там они пока не обнаружены: «описки» встречаются в юго-западных памятниках, написанных в местностях, где произношение o на месте e после шипящих в более позднее время не вызывает никаких сомнений. Произношение o вместо e после шипящих, $ц$ и $ж$ возникло на юго-западной территории восточного славянства в XI в., а может быть, и несколько раньше. Не исключено, что это явление не охватило все южные говоры, если судить по остаткам сохранения e в указанной позиции в современных юго-западных говорах украинского языка. Может быть, в окраинных диалектах Прикарпатья $e > o$ появилось позже под влиянием основного массива украинских говоров. Северные и северо-восточные восточнославянские диалекты в XI в. изменения e в o не знали. Таким образом, двойное произношение после шипящих, $ц$ и $ж$ исходного e ($e > o$ и $e > e$) разделило восточнославянскую территорию на две диалектные зоны: южную (может быть, исключая окраинный запад юга) и северную, северо-восточную.

В XII—XIII вв. начинается развитие корреляции твердость ~ мягкость согласных. В то же время на современной украинской территории полумягкие согласные перед гласными e и i постепенно стали отвердевать. Это обстоятельство явилось причиной новых диалектных членений. На севере и северо-востоке получает свое развитие изменение e в o перед твердыми согласными после всех мягких и смягченных согласных, тогда как на юге сохраняется прежнее положение. Это, между прочим, дало повод А. Вайяну считать, что по произношению e украинский язык принципиально совпадает с южнославянскими языками и расходится с русским и белорусским.³³⁰ Это, конечно, не так. Украинский язык своеобразием судьбы e занимает особое положение среди других славянских языков.

Изменение e в o в окающих говорах произошло только под ударением (в неударяемом положении e не было). На севере в окающих областях $e > o$ под ударением распространилось повсеместно, а в неударяемых слогах одни говоры пережили $e > o$ (возникновение e канья), а другие сохранили старое e (e канье). Как территориально размещались e канье и o канье, мы пока не знаем. Особое место заняли говоры верховьев Оки и Дона (бывшие вятичские земли). В XII—XIII вв. в них не развилось e в o , насколько мы можем судить об этом по некоторым южновеликорусским говорам, до сих пор сохранившим e перед твердыми согласными. Это своеобразие верхнеокско-верхнедонских диалектов можно объяснить только одной причиной: развитие противопоставления твердость ~

³³⁰ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 109.

~мягкость согласных в них запоздало. Когда $e > o$ начало охватывать южновеликорусские говоры, мы не знаем. В. В. Иванов считает, что это событие могло иметь место не раньше XIV в.³³¹ Следовательно, древнерусский язык в XII—XIII вв. по судьбе e не в абсолютном начале слова распадается на ряд диалектных зон: 1) южную ($e > o$ после шипящих, ψ и j независимо от ударения); 2) западную ($e > o$ после всех мягких и смягченных согласных только под ударением); 3) северную (новгородскую) и северо-восточную (ростовско-суздальскую) ($e > o$ после всех мягких и смягченных согласных под ударением и частично в неударяемых слогах); 4) верхнеокскую-верхнедонскую (отсутствие $e > o$) и, может быть, 5) прикарпатскую (сохранение e как под ударением, так и в неударяемых слогах).

В дальнейшем четвертая и пятая зоны постепенно сокращаются, причем последняя вовсе исчезает, а от первой сохраняются лишь небольшие островки. Раньше всего $e > o$ как фонетическая закономерность прекращает свое действие в южной зоне. В остальных зонах (2-й, 3-й и 4-й) затухание этой закономерности, по-видимому, приходится на XV в. В XIV в. шипящие согласные подвергаются отвердению, причем процесс этот в зависимости от позиции в слове и по разным говорам протекал неравномерно. Перед шипящими в русском и белорусском языках в большинстве случаев e произносится как o , но имеются всякого рода исключения, указывающие на неравномерность отвердения шипящих. Отверждение согласного ψ в большинстве говоров происходит примерно в XV в. Как известно, e перед ψ всегда сохраняется. Следовательно, поздняя хронологическая граница действия $e > o$ лежит между отверждением шипящих и отверждением ψ . К этому нужно сделать одно примечание: в северновеликорусских e кающих говорах произношение o вместо e в неударяемом положении в поздних заимствованных словах наблюдается и в наше время. История ψ и некоторые другие явления подтверждают предположение о затухании $e > o$ в указанную эпоху.

Наконец, следует сказать о произношении o на месте e в абсолютном конце слова. Все лингвисты сходятся на одном мнении: o в этой позиции не фонетического происхождения. По-видимому, это верно. Стоит только заметить, что произношение типа *ружьѡ*, *лицѡ* и т. п., как и o вместо e перед мягкими согласными в грамматических формах, осуществляется только тогда, когда имеет поддержку со стороны фонетического изменения. В этом отношении показательны белорусские говоры: действие аналогии в них наиболее ярко проявляется на северо-востоке, где последовательно всего проводится $e > o$ перед твердыми согласными. Языки, в которых нет закономерного фонетического изменения e в o , обычно не знают o вместо e аналогического происхождения.

³³¹ В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка, стр. 191.

ИЗМЕНЕНИЕ 'а в е

Некоторые украинские лингвисты, прямо или косвенно выдвигавшие гипотезу о выделении украинского языка непосредственно из древнего общеславянского, одним из доказательств своего предположения считали изменение в северноукраинских и некоторых юго-западных украинских говорах носового ϵ непосредственно в e без общевосточнославянской ступени 'а. Как известно, эта бездоказательная гипотеза, сторонники которой руководствовались ненаучными мотивами, была отвергнута всеми славистами. Однако и среди серьезных ученых имелись попытки увидеть в украинских говорах произношение e на месте 'а как древнейшую особенность, отражающую непосредственный переход ϵ в e . С такой идеей выступил в свое время крупный исследователь украинского языка В. Тимченко.³³² Е. Тимченко обратил внимание на то, что в северноукраинских и в крайних западноукраинских говорах, особенно в переходных к южноукраинским или к белорусским, наблюдается произношение *мнесо*, *мнесоїд*, *мнети* 'мять', *коледа*, *порједок*, *свети*, *десетка*, *ходить(ь)*, *гледіти*, *деветь* и т. д. А. А. Шахматов по поводу этих фактов писал: «Встречающиеся в различных русских говорах e , $\ddot{a}$ на месте a в соответствии с общеславянским ϵ нельзя возвести к непосредственной замене ϵ ; ср. сев.-великорусск.: *себу*, *взел*, *петь*, малорусск. галицк. *себу*, *тежко* и т. п., моск. *з'ят'* и т. д. Эти e , $\ddot{a}$ несомненно нового происхождения; они изменились в результате изменения звука a (не только из ϵ , но также из исконного a) после мягких согласных, а частью только между двумя согласными».³³³

Е. Тимченко не согласен с этим объяснением А. А. Шахматова. Как он считает, А. А. Шахматов исходит из априорного предположения, согласно которому изменение $\epsilon > 'a$ было свойственно всей восточнославянской языковой области, поэтому диалектный переход $\epsilon > e$ недопустим, а было диалектное изменение 'а $> e$. Е. Тимченко находит в объяснении А. А. Шахматова противоречие: как в одних и тех же говорах могли ужиться две противоположные тенденции — сначала расширение носового ϵ до $\ddot{a} > 'a$, а затем опять сужение 'а в e . Одна тенденция должна была бы помешать другой. По мнению Е. Тимченко, на самом деле имел место другой процесс: «Праслов. ϵ в северноукраинских говорах, как полосе переходной к польской языковой области, утратило свой носовой признак и дало в слогах ударяемых 'e (позже e), а в неударяемых — ϵ (позже e), т. е. совпавши с рефлексом праслов. ϵ и переживая с ним одинаковую судьбу (ср.: *в'едра* — *ведро*)».³³⁴ Что касается

³³² Е. Тимченко. К вопросу о рефлексах праславянского ϵ в северноукраинских говорах. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. 101, № 3. Л., 1928, стр. 476—478.

³³³ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 110.

³³⁴ Е. Тимченко. К вопросу о рефлексах. . . , стр. 477.

сужения исконного 'а после исконно мягких согласных в е, то оно произошло под влиянием перехода е в е. Точно так же в южноукраинских говорах изменение е в 'а втянуло в свою сферу исконное е после исконно мягких согласных: *життя, щастя* и т. п.

Нужно сказать, что Е. Тимченко в данном случае не считается с историей украинского языка и других восточнославянских языков, с данными древнерусских памятников. В северноукраинских говорах наряду с произношением *порјѣдок, мнесо* и пр. — обычно под ударением 'а на месте древнего е и 'а, что Тимченко никак не объясняет. Произношение е под ударением и в неударяемом положении имеется и в ряде русских говоров. Изолировать северноукраинские факты от всех других восточнославянских невозможно — все они нуждаются в том или ином объяснении. Изменение 'а в е под влиянием предполагаемого е > е недоказуемо, как и не обосновано фонетическое изменение е в 'а под влиянием е > 'а: формы *життя, щастя* появились поздно, ряд столетий спустя после деназализации носовых. Примеры типа *мнесо, мнети* показывают, что е в этих словах появляется после отвердения губных согласных и замещения вставочного j согласным н (прогрессивная ассимиляция по носовому признаку). Если бы е > е имелось на самом деле, то нужно было бы ожидать произношения *месо* (с твердым м), а не *мнесо*. Неизвестно, почему северноукраинские говоры мы должны определять как переходные к польскому языку. Одним словом, гипотеза Е. Тимченко не может быть принята.

Мнения о рефлексе общеславянского е в северноукраинском е в наше время придерживается в ряде своих работ Ф. Т. Жилко,³³⁶ о чем было уже сказано во «Введении». Как считает Ф. Т. Жилко, в древних диалектах — предках украинского языка существовала оппозиция фонем е и е, которая на юге реализовалась во всех положениях, отсюда в южных диалектах е > 'а как под ударением, так и в неударяемых слогах, а на севере оппозиция была только под ударением, а в неударяемых слогах е совпало с е, т. е. в неударяемом положении произошло прямое изменение е в е. В части северноукраинских говоров, именно в полесских, наблюдается чередование а||е: *пјат'—пѣта, вјаз—вѣзат', пот'аг—потѣгат', свјатѣ—свѣтѣ* и т. п. Ср. также *пѣмет', дѣсет', вони робѣт', просѣт', нѣсѣци, хѣдѣчи* и др. Это чередование и должно доказать, что в говорах — предках современных полесских е в неударном положении непосредственно изменилось в е без ступени 'а. Данное диалектное явление, как полагает Ф. Т. Жилко, восходит ко времени племенного строя и было присуще группе племенных диалектов, из которых позже формируются северноукраинские говоры.

³³⁶ Ф. Т. Ж и л к о. 1) Про виникнення діалектних груп української мови, стр. 43; 2) Особливості діалектних груп українського мови. В сб. *Вопросы диалектологии восточнославянских языков*. М., 1964, стр. 26—28; 3) *Нариси з діалектології української мови*, стр. 40—41, 142.

Однако как в таком случае нужно объяснять произношение в тех же полесских говорах е на месте исконного 'а: *јегн'а, јерина, јечмѣн'* и т. п.? Становиться на позиции Е. Тимченко? Отверждение согласных перед е можно толковать по-разному: 'а > е имело место в предках полесских говоров до указанного отверждения или же после, под воздействием большого разряда слов, в которых отверждение было нормальным фонетическим процессом. Если принять первое предположение (а > е произошло до отверждения согласных перед е и і), все равно нет никакой необходимости относить произношение е к середине X в., т. е. ко времени деназализации носовых гласных. Таким образом, гипотезу об е > е нужно отнести к разряду чисто умозрительных предположений.

С обстоятельной статьёй на интересующую нас тему недавно выступил А. М. Залесский.³³⁸ В этой статье дается критический разбор гипотез об изменении в некоторых украинских говорах е в е (Е. Тимченко, П. Бузука и др.). А. М. Залесский указывает, что различная рефлексия праславянского е в украинских говорах освещалась слишком прямолинейно, без достаточного учета фактических материалов. В настоящее время, когда собраны нужные сведения для диалектологического атласа украинского языка, можно в основных чертах дать общую картину современного произношения древних е и 'а на украинской почве в различных позициях. Во всех юго-восточных говорах, а также в юго-западных подольских, бойковских, среднезакарпатских и лемковских говорах на месте е и 'а во всех позициях (независимо от ударения) произносится 'а. В других юго-западных говорах на месте е и 'а под ударением выступают более или менее закрытые звуки типа е (е, е́, е", и"), а в неударяемом положении — узкие оттопки закрытого гласного переднего ряда верхнего подъема і. Во всех северных говорах на месте е в неударяемых слогах «сравнительно часто» произносится е, перед которым согласные являются твердыми. Однако в лево- и правобережных полесских говорах этот е в основном выступает после j (*јекий, појес*), а на Черниговщине — и после иных мягких согласных (*капуст'ений, в'єв'ул'є*). В северных говорах в неударяемом положении имеются и примеры произношения 'а на месте 'а и е. Дальнейший сбор материала, вероятно, еще более усложнит общую картину рефлексии е и 'а в украинских говорах.

Предпринимая попытку объяснения украинских фактов, А. М. Залесский справедливо исходит из шахматовской позиции об изменении в дописьменную эпоху на всей восточнославянской территории е в ѣ и ѿ (ѧ) — в ѿ. Дальнейшее изменение ѣ (после деназализации ѣ) в разных говорах происходило неодинаково.

³³⁸ А. М. З а л е с с ь к и й. Континуанти праслов'янських е та а (після м'яких приголосних) у говорах української мови. *Мовознавство*, 1970, № 3, стр. 39—50.

Как считает А. М. Залесский, переход *a* в *e* в юго-западных говорах (на территории Галицко-Волынского княжества) имел место в XIV—XV вв. Нейтрализация оппозиции *ā*—*e* в неударяемых слогах в северноукраинских говорах началась после смены музыкального политоничного ударения динамическим монотоничным ударением, но до отвердения согласных перед гласными *e* и *i*. Все это очень вероятно. Из этого следует, что начало изменения *ā* в *e* в северноукраинских говорах можно отнести к XI—XII вв., т. е. ко времени, когда южнорусских племен уже не было.

Изменение *'a* в *e* в различных восточнославянских диалектах имело неодинаковое происхождение. Обратимся к примерам из древнерусских памятников, которые приводит А. И. Соболевский: *въждедая*, *суграженнѣ* (Новгородская миня 1095 г.), *дивѣщеса* (Новгородская миня 1097 г.), *болѣщиимѣ* (Путятин миня XI в.), *учещую* (Стихирарь Академии наук XII в.), святого *Георгие* (Трефолой 1260 г.), *освященъ* (Новгородская кормчая 1282 г.), *Юмилиена* (евангелие до 1362 г.), *пршет мя*, *просвѣщенъ* (требник Шереметьева XIV в.) и др. Все эти примеры выбраны из древненовгородской письменности. Довольно много таких написаний имеется и в псковских памятниках XIV—XV вв.: *провѣщель* (Пролог 1383 г.), *вътшеше*, *кровью измѣненою* (Параклитик 1386 г.) и т. п. Такие же написания встречаются изредка в западнорусской письменности: *непреетелю* (Четья 1489 г.), *неприетеля* (лютеранский Катехизис 1562 г.). А. И. Соболевский считает, что большинство примеров из новгородской письменности «не внушает доверия», так как они не совпадают с тем, что имеется в современных новгородских говорах. По его мнению, не внушают доверия и аналогичные показания Добролюва евангелия 1164 г. и других памятников галицко-волынской письменности.

Верно, что большинство примеров не совпадает с современными нормами произношения *e* на месте *'a*, которое обычно между мягкими согласными. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что написания *e* вместо *a*, приведенные А. И. Соболевским, относятся к позиции после шипящих, *ц* и *ж*, т. е. после исконно мягких согласных. Такие написания изредка встречаются и в новгородских берестяных грамотах: *воспрашееть* = «вспрашивать» (грамота № 68, XIII в.), *попечелилеса* = «попечалился» (грамота № 167, XIV в.), *юрово*, ср. *ярица* во 2-й Новгородской летописи под 1569 г., современное новг. *ярица* «яровая рожь» (грамота № 256, XIV в.), *была жалоба передо вами і поцьеми*, ср. в духовной грамоте Ивана Калиты около 1339 г.: *a то роздадять по поцьемъ* (грамота № 276, XIV в.; В. И. Борковский считает, что здесь не фонетическое явление, а влияние формы им. п. ед. ч. имени существительного собирательного,³³⁷ однако это сомни-

³³⁷ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963, стр. 206.

тельно). Подобного рода примеры имеются в новгородских и псковских грамотах (ср. в псковской грамоте 1308—1312 гг. *желуеса* рядом с *жалуеса*³³⁸ и др.) и в других памятниках новгородско-псковской письменности. Довольно ясная фонетическая позиция написаний *e* на месте *a* (*ta*) указывает на то, что перед нами не описки и не случаи, не внушающие доверия. После исконно мягких согласных *'a* очень рано подвергается сужению и затем произойдет как *e*. Изменение *'a* в *e* в указанном положении вряд ли могло быть общевосточнославянской особенностью. В большом количестве памятников нет ни одного примера с написанием *e*. Например, в граффити киевской Софии не обнаружено ни одного такого случая. Вряд ли это можно объяснить только устойчивостью орфографической традиции.

После развития корреляции твердость ~ мягкость согласного совпались новые возможности сужения гласного *'a*: изменение *'a* > *ä* > *e* стало возможным после любого смягчившегося согласного. Такая возможность реализуется в ряде диалектов, причем в одних из них только перед последующим мягким согласным, в других — как перед мягкими, так и перед твердыми согласными. Первые примеры написания *e* вместо *a*, *ta* относятся к XIV в. Поскольку в это время начинает отражаться в письменности еканье, убедительными могут быть только случаи с *e* на месте *'a* под ударением. Ср. в псковской письменности *мѣдвеню* (Параклитик 1369 г.), *въ стѣльници* (Пролог 1383 г.), *смереся* (Параклитик 1386 г.) и др.; в новгородской *дрѣбъ* = «дрябь» «зыбкое болотистое место» (Академический и Толстовский списки 1-й Новгородской летописи под 977 г.)³³⁹ и т. п. Примеры эти приходятся на положение *'a* > *e* между мягкими согласными. В юго-западных (галицких, буковинских и др.) грамотах XIV—XV вв. нередки написания *e* как перед мягкими, так и перед твердыми согласными, а также в абсолютном конце слова: *узети*, *десетникъ*, *проклетому*, *кѣрнище*, *чедъ*, *хомѣкъ*, *кнѣзь*, *опет* и т. п. В молдавских грамотах XIV—XV вв. Н. С. Антошин отметил *пет* «пять», *на име*,³⁴⁰ М. Ф. Станіевский — *болер*, *десетник* и другие примеры.³⁴¹ В. Курашкевич в галицко-волынских грамотах XIV—XV вв. находит *e* на месте *'a* в неударяемом положении: *память*, *порадивше се*, *десетинѣ* и др., тогда как под ударением только *'a*.³⁴²

³³⁸ Грамоты великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949, стр. 318.

³³⁹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи, стр. 251.

³⁴⁰ Н. С. Антошин. Язык молдавских грамот XIV—XV веков. Автореф. докт. дисс. Л., 1961, стр. 24.

³⁴¹ М. Ф. Станіевский. Спостереження над мовою буковинсько-молдавських пам'яток XIV—XVIII століть. В кн.: Питання історії і діалектології східнослов'янських мов. Чернівці, 1958, стр. 11—12.

³⁴² W. Kuraszkiwicz. Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku, стр. 350.

Подавляющее большинство современных восточнославянских говоров, как и восточнославянские литературные языки, не знает изменения 'а в е (не считая ёканья в безударном положении). В тех говорах, в которых это изменение есть, древний этап 'а > е (только после исконно мягких согласных) перекрыт поздним, поэтому выделить его особо не представляется возможным. В современных русских говорах (по материалам диалектологического атласа русского языка) выделяются обособленные ареалы произношения 'а как е: вологодский, владими́ро-пово́лжский, западно-южновеликорусский и рязанский. Вологодский (вологодские, лачские, севернобелозерские и севернокостромские говоры) ареал описан М. Н. Преображенской.³⁴³ Только в нем изменение 'а в е имеет закономерно фонетический характер, причем, как полагает М. Н. Преображенская, оно присуще также и безударным слога́м. Чередование а и е между мягкими согласными имеется в корнях слов (д'éd'a, н'én'a, гр'ес' и т. п.), в словообразовательных аффиксах (т'ел'эт'ница, коров'эт'ников и т. п.), в грамматических формах (гул'эл'и, но гул'áл'; кр'ич'эт', но кр'ич'áл'; они ложéц'ц'а, соглас'éц'ц'а, кон'эм'и и т. п.). Теперь эта система разрушается. В тех же говорах имеется и другой тип вокализма. В других ареалах 'а=е проводится непоследовательно, большей частью только в отдельных словах, т. е. системность явления сильно разрушена. В лексикализованном виде 'а=е известно и ряду других говоров, например северо-западным, причем изоглоссы отдельных слов с е на месте 'а не совпадают друг с другом. Иногда 'а=е встречается только в единичных топонимах, ср. д. Ребики (=Рябики) на Псковщине.³⁴⁴ Совершенно очевидно, что в прошлом изменение а в е между мягкими согласными занимало значительную территорию. Оно было широко распространено в северновеликорусских говорах, хотя нельзя утверждать, что оно было свойственно всему северновеликорусскому наречью. Скорее всего, многие северновеликорусские говоры никогда не знали 'а > е, как не во всех этих говорах развилось, например, ёканье. В основном массиве южновеликорусских говоров этого изменения также не было, поскольку следов его в них не наблюдается.

Карта № 36 диалектологического атласа белорусского языка показывает только произношение а после шипящих согласных в инфинитиве и формах прошедшего времени в глаголах типа маўчаць, дрыжаць, крычаць. Произношение маўчэць, маучэў, маўчэла, маўчэлі и пр. широко представлено в северо-восточных и меньше — в южных белорусских говорах и почти отсутствует

³⁴³ М. Н. Преображенская. Чередование а|е как фонетическое явление в вологодских говорах. Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, 1965, т. XXIV, вып. 4.

³⁴⁴ А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической диалектологии. (По материалам топонимики Псковской области). В кн.: Очерки истории языка. Л., 1960, стр. 180.

в говорах центральных областей. Наряду с е в тех же говорах обычно и а. В говорах севернее Минска и в некоторых центральных говорах известно произношение маўчбў, а в крайних юго-западных говорах — маўчйёла, маўчйў и т. п. Для освещения вопроса об изменении 'а в е эти примеры малопоказательны, поскольку их можно объяснить как результат аналогического воздействия. В старых белорусских памятниках, как было уже отмечено выше, написания е на месте а под ударением единичны. В современном белорусском языке произношение е встречается только в отдельных словах: глédзячы, наглéдзэў, даглéдвэў, дрéнна, дрéнны и некоторые другие.

В современном украинском языке 'а > е отмечается в юго-западных говорах, т. е. там же, где это явление нашло свое отражение в письменности XIV—XV вв. И. Панкевич в юго-западных говорах Закарпатья нашел несколько примеров в корнях слов, суффиксах и грамматических формах: iéice, piényi, vod'ény'i, vod'énka, ž'éba, š'épka, d'és, piét', mn'ěso, mn'ěta, čer'éšn'e, šabl'ě и т. п., но в то же время он указывает, что обычно произношение 'а.³⁴⁵ В севернобуковинских и гуцульских говорах в общем та же картина: кош'эра, ж'эти, уз'эв, крич'эв, т'эмити, ж'эба, ш'эпка и т. п. В севернобуковинских говорах наблюдается дальнейшее развитие е в і (под ударением, но обычно в безударных слогах): námi'it', m'ic'iu', sv'ituij, u'icm'e, č'el'id' и др.³⁴⁶ Произношение 'а как е наблюдается и в ряде других юго-западных говоров. О североукраинских говорах речь шла выше. Большая же часть украинского языка этого явления не знает.

Итак, изменение 'а в е довольно рано (с XI в.) началось после шипящих, ц и ј. Оно охватило только некоторые диалекты древнерусского языка, на большей же части восточнославянской территории ему в этой позиции противостояло, по-видимому, а. Границы ареала этого е очертить невозможно. Во всяком случае они не совпадали ни с племенными границами, ни с политическими. Этот е был известен в ряде древних новгородских и псковских говоров, на территории Галицко-Волынской Руси, может быть, в некоторых западных областях. В XIII—XIV вв. после смягчения полумягких согласных сужение ä начало развиваться в юго-западных и северных украинских говорах, в некоторых западных говорах южновеликорусского наречья, некоторых рязанских, во многих северновеликорусских и псковских говорах, возможно, и в некоторых белорусских районах. Совершенно очевидно, что этот процесс протекал в разных местностях как независимые друг от друга (в территориальном отношении) фонетические изменения.

³⁴⁵ I. Панькевич. Українські говори Підкарпатські Русі... , стр. 80—81.

³⁴⁶ М. В. Леонова. До характеристики говірок північних районів Буковини. В кн.: Питання історії діалектології східнослов'янських мов. Чернівці, 1958, стр. 90.

Позже под воздействием соседних диалектных массивов, а затем и литературных языков 'а > е как фонетическая закономерность стало разрушаться, а его ареалы суживаться. В наше время в большинстве районов 'а > е стало нерегулярным явлением или же от него сохраняются только отдельные слова с е на месте этимологического 'а (из *ѣ* и 'а).

ВТОРОЕ ПОЛНОГЛАСИЕ

Очерк происхождения второго полногласия мною был дан в книге «Образование языка восточных славян», к которой я отсылаю читателя.³⁴⁷ Как и современные исследователи интересующей нас проблемы (В. Ф. Мареш, В. М. Марков и др.), я считаю, что второе полногласие начало развиваться в то же время, когда возникло первое полногласие, т. е. в VIII в. Условия образования первого и второго полногласия были тождественны. Если мы считаем, что фонетико-фонологические явления в своей взаимосвязи составляют в данном языке на данном этапе его развития определенную систему, мы не можем рассматривать второе полногласие в изоляции от первого и игнорировать тождественность условий употребления плавных *г* и *л* в сочетании с гласными полного образования или редуцированными *ъ* и *ь* между согласными.

Сторонники позднего происхождения второго полногласия не могут удовлетворительно объяснить «механизм» его развития. До А. А. Шахматова, начиная с И. В. Ягича, выдвигалось утверждение, что написание двух редуцированных по обеим сторонам плавного *г* или *л* представляет собой соединение отражения в письме древнерусского произношения с нормой старославянской орфографии. Таким образом, написания типа *стълъбъ*, *въръхъ* толковались как орфографические особенности, обусловленные конфликтом между живым произношением и орфографическими традициями писцов. Собственно лингвистически эта гипотеза никак не обосновывалась. Делались лишь ссылки на несоответствие древнерусских написаний с современным вторым полногласием, выступающим, как правило, только в закрытых слогах.

А. А. Шахматов, приняв точку зрения И. В. Ягича, в то же время попытался объяснить происхождение современного второго полногласия. Как известно, А. А. Шахматов считал, что второе полногласие возникло только после падения глухих, в результате этого падения. По его мнению, падение глухих вызвало удлинение плавных согласных перед следующим согласным. Плавные *г* и *л* в этой позиции стали полудолгими, слоговыми. В большинстве древнерусских диалектов эти полудолгие сократились бесследно, но в некоторых говорах в закрытых слогах сокращение было возмещено образованием нового гласного (*trgrъ > *torg > *torog*). Так образовалось второе полногласие. Любопытно, что А. А. Шах-

³⁴⁷ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян, стр. 252—259.

матов все же проводит параллель между вторым и первым полногласием: при образовании второго полногласия произошло то же, что и при возникновении первого (*vorpa > *vorona*).³⁴⁸ Авторитет А. А. Шахматова был настолько велик, что его гипотеза, которую он развивал и повторял в ряде своих работ, была принята многими учеными, в том числе и великим Ф. Ф. Фортунатовым,³⁴⁹ а в большинстве учебных пособий по исторической грамматике русского языка из гипотезы превратилась в аксиому.

Между тем она заключает в себе непримиримое противоречие. Как известно, до падения редуцированных во всех славянских языках господствовала тенденция открытых слогов или возрастающей звучности слога. Всякого рода преобразования, в том числе возникновение первого полногласия и его «эквивалентов» в других славянских языках, происходили по необходимости избегать закрытые слоги. Исчезновение слабых *ъ* и *ь* и превращение сильных *ъ* и *ь* в гласные полного образования положили конец тенденции открытых слогов: закрытые слоги стали таким же нормальным элементом структуры слова, как и открытые. Из этого следует, что условия для превращения плавных *г* и *л* в полудолгие согласные отпадают. То, что было естественным в эпоху возникновения первого полногласия, становится противоестественным. Сравнение, которое делает А. А. Шахматов между первым и вторым полногласием, говорит не в пользу его гипотезы, а против нее. Если следовать за А. А. Шахматовым, нужно предполагать, что в части древнерусских диалектов после полудолгих *г* и *л* возникают новые редуцированные в то время, когда во всех других позициях *ъ* и *ь* уже исчезали, и из этих новых редуцированных образуются *о* и *е*. Все это невероятно, поскольку данное частное явление находилось бы в полном и необъяснимом противоречии с общей закономерностью развития языка. Данная гипотеза не является попыткой отобразить действительный ход развития фонетико-фонологической системы древнерусского языка, а создана специально для того, чтобы отвергнуть фонетическую значимость написаний типа *стълъбъ*, *въръхъ*. Действительной заслугой А. А. Шахматова является лишь то, что он установил условия реализации второго полногласия в его современном виде.

Не менее противоречивым представляется и объяснение В. Н. Сидорова, которое отличается от гипотезы А. А. Шахматова только некоторыми своими деталями.³⁵⁰ Как предполагает В. Н. Сидоров, тенденция к открытости слогов могла не охватить сочетаний типа *trrt, которые в древнерусском языке XI в. состояли из сло-

³⁴⁸ А. А. Ша х м а т о в. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 273 и след.

³⁴⁹ Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в. Состав Остромирова евангелия. Сб. статей, посвященных В. И. Ламанскому, ч. II. СПб., 1908, стр. 1421.

³⁵⁰ В. Н. С и д о р о в. Редуцированные гласные в древнерусском языке. Тр. Инст. языковедения АН СССР, т. 2, 1953; Из истории звуков русского языка, стр. 14 и след.

гового редуцированного и неслогового плавного между согласными и образовывали закрытые слоги. Эти сочетания были явлением «совершенно исключительным». Только потом (когда?) *tъrt подчиняется принципу слогового гармонизма и открытого слога и изменяется в *tъrt, причем *r* и *l* не имели самостоятельного фонологического значения, а были вариантами неслоговых *r* и *l*. После падения редуцированных закрытые слоги стали нормальным явлением. Плавные *r* и *l* утрачивали свою позиционно обусловленную слоговость, в результате чего стоящие перед ними *ъ* и *ь* удлинялись и изменялись в *о* и *е* подобно всем сильным *ъ* и *ь*. В положении перед слогами со слабыми *ъ* и *ь* плавные *r* и *l* были не только слоговыми, но и долгими. При падении глухих эти плавные утрачивали свою слоговость и долготу, но не только перед ними, а и после них развивались *о* и *е*, в результате чего и образовалось второе полногласие.

В. Н. Сидоров прав, когда говорит, что регулярные древнерусские написания *търъгъ*, *пълкъ* и тому подобные указывают на произношение перед плавными нормальных *ъ* и *ь*, а не каких-либо призвуков при плавных согласных. Однако допущение закрытых слогов в сочетаниях типа *tъrt в XI в. является чисто умозрительным и доказано быть не может ни самими фактами языка, ни особенностями его структуры. Таким же умозрительным является предположение о превращении после XI в. (в XII—XIII вв. во время падения редуцированных, иначе когда же?) *r* и *l* в слоговые, а перед слабым *ъ* и *ь* — еще и в долгие. С. И. Цыпин по этому поводу замечает: «При таком предположении остается невыясненной хронология превращения неслоговых плавных в слоговые: они появляются на какой-то неопределенный период, чтобы исчезнуть».³⁵¹ Остается неясным, как в одно и то же время возникали плавные слоговые, сразу же утрачивающие слоговость, как могли плавные слоговые приобретать еще долготу перед слабым *ъ* и *ь*, когда эти *ъ* и *ь* исчезали и исчезли, почему должны были развиваться слоговость и долгота *r* и *l*, когда закрытые слоги в процессе падения редуцированных становились нормальным явлением.

Второй после плавного согласного гласный — *о* или *е* не мог возникнуть из ничего, ему должно было что-то предшествовать. Развиваясь как звуки, замещающие слоговость или долготу (по А. А. Шахматову, полудолготу) плавных, они не могли, так как действие тенденции к открытости слога после падения редуцированных в общем прекратилось. Не было в сочетаниях типа *tъrt и условий для аналогических воздействий. Развитие ошутительной редукции неударяемых гласных, когда в неударяемых слогах при плавных согласных произносятся призвуки (ср. современное *Дързгамилъвская застава*), тоже не могло оказать никакого воз-

³⁵¹ С. И. Цыпин. Рефлексы сочетаний плавных с редуцированными в восточнославянских языках. Наук. зап. Днепропетровського державного унів., т. 63. Мовознавство, вип. 14. Харків, 1958, стр. 100.

действия на образование второго полногласия. Остается только одно: считать, что второму полногласию предшествовали сочетания типа *tъrt, возникшие так же, как и первое полногласие, и примерно в одно время с ним. В. М. Марков считает, что вторые *ъ* и *ь* были частным случаем общей тенденции образования «новых» или «неорганических» редуцированных, появившихся в различных группах согласных. По его интересной и перспективной теории, развитие «неорганических» редуцированных, не бывших фонемами, привело к дефонологизации исконных *ъ* и *ь*, следствием чего и было их падение.³⁵²

Звуковая значимость вторых букв *ъ* и *ь* после плавных согласных и паерков доказывается рядом свидетельств древнерусской письменности. 1) Употребление в ряде рукописей нотных знаков над вторыми *ъ* и *ь* или над *p*, *л*, а также написаний вроде *цьбрьрьькы* (Ковдакаръ XII—XIII вв.) не только после падения, но и до падения редуцированных (ср., например, нотные знаки в Нотной книге XI—XII вв. Публичной библиотеки Q. n. № 12). А. А. Шахматов приписывает этой особенности «искусственное церковное произношение», но никаких доказательств для своей гипотезы не приводит. Совершенно естественно видеть в нотных знаках и указанных написаниях отражение живого произношения. 2) Исследуя язык Путьиной книги XI в., а также некоторых других памятников XI—XII вв., В. М. Марков устанавливает определенную закономерность в употреблении вторых букв *ъ* и *ь*: перед полумягкими и мягкими согласными пишется *ь*, перед твердыми *ъ*: *сърьдъца*, *търьлѣти*, *низъвьрьженъ* и т. п., но *жьрътву*, *търьдо*, *пърьсты* и т. д. Если написания типа *пърьвуму* (*ърь* перед твердыми непереднеязычными) встречаются, то перед переднеязычными имеются только *ърь*. Ср. в новгородской берестяной грамоте № 247 XI в.: *сърьди*, но *сърьда*. Далее: если в старославянских памятниках в написаниях типа *pъ*, *pъ* буквы *ъ* и *ь* нередко смешиваются, то в древнерусских памятниках XI—XII вв. случаи фонетически не оправданного смешения *ъ* и *ь* в этом и других позициях исключительно редки, в то же время в написаниях *pъ*, *pъ* наблюдается та же закономерность: перед переднеязычными согласными вместо *pъ* пишется *pъ*: *мъртву*, *търьдо* и т. п. Из этого можно сделать вывод: древнерусские писцы слышали после плавных *r* и *l* гласные призвуки и различали их качество, которое зависело от качества предшествующих исконных *ъ* и *ь* и отчасти от характера последующего согласного. Второй *ъ* и *ь* особенно явно слышался перед группой согласных: написания *ърь* по преимуществу встречаются именно в этой позиции: *бесъмъртне*, но *умърьтвиев* и т. п. Интересен параллелизм в опущении на письме буквы *ь* после *p* в сочетаниях *tъrt и исконных согласных: *дърьникъ* (вместо *дърь-*

³⁵² В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. Оценку теории В. М. Маркова см. в моей рецензии на его книгу: ВЯ, 1965, № 4, стр. 137—142.

никъ), *мирныи* и пр., имеющийся в древнерусских памятниках XI—XII вв. Опускание исконного и несомненно звучащего в живой речи *ь* после *р* указывает на то, что древнерусские писцы придерживались выработывавшихся приемов орфографических навыков, проводившихся непоследовательно. О произношении «нового» редуцированного после плавных *г* и *л* свидетельствуют двуерывые написания как норма в отдельных словах: *стълъпъ*, *чьръньць*, *вьръхъ* и др., что было бы необъяснимо, если бы написание *ъ* и *ь* после плавных было чисто графическим явлением, не имеющим никакого звукового содержания. Имеются и другие факты, говорящие в пользу наличия второго полногласия до падения редуцированных. «Древнерусские писцы, руководствуясь слухом, так или иначе, непоследовательно и противоречиво, стремились передать именно полногласные сочетания, не находящие опоры в ранее сложившейся системе орфографических знаков».³⁵³ 3) Странники позднего происхождения второго полногласия часто ссылаются на правило окончания строки гласной буквой, сложившееся у писцов старославянских книг и затем перенесенное в древнюю Русь. Если строка оканчивалась на согласный, то после такого согласного искусственно ставились буквы *ъ* и *ь*, не имевшие никакого фонетического значения. По наблюдениям В. С. Голышенко, в рукописи Чудовского собрания № 12 второй половины XII в. имеется написаний глухой плюс плавный между согласными 212 случаев, а написаний с двумя *ъ* или *ь* — всего 12 случаев, причем второй *ъ* или *ь* 10 раз приходится на конец строки. Из этого делается вывод, что двойные написания *ъ* и *ь* с плавными — явление чисто орфографическое.³⁵⁴ В Житии Нифонта 1219 г. из 37 случаев двойных написаний 30 приходится также на переносы.³⁵⁵ В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что правило конца строки, когда строка кончается буквой *р* или *л*, часто нарушается. Следовательно, считает В. С. Голышенко, плавные *г* и *л* выполняли функцию гласных звуков, т. е. были слоговыми.³⁵⁶ Встает вопрос —

³⁵³ В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке, стр. 213. См. его же работы, в которых идет речь о втором полногласии: В. М. Марков. 1) Замечания о втором полногласии в русском языке, Уч. зап. Казанск. ГПИ, вып. 15, 1958; 2) Особенности письма и языка Путевой мины. В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка, Казань, 1960, стр. 213 и след.

³⁵⁴ В. С. Голышенко. 1) Сочетания редуцированных с плавными в положении между согласными в корнях слов в памятнике XII века. (Рукопись № 12 Чудовского собрания, Государственный исторический музей). Уч. зап. Моск. гор. пед. инст., т. LXVII, 1959; 2) К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *ьrt, *ьrt, *ьll в древнерусском языке XII—XIII вв. (На материале рукописи Чудовского собрания № 12). В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962.

³⁵⁵ К. И. Ходова. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника («Житие Нифонта» в русском списке 1219 г.). Канд. дисс. М., 1954, стр. 383—384.

³⁵⁶ В. С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного в корнях. . . , стр. 26.

почему возникло «правило» конца строки? «Внутреннее чтение» того, что писалось, сосредоточивало особое внимание писцов (старославянских и древнерусских) на окончании строки, являвшейся при произношении невольной паузой. Действие тенденции к открытости слога при этом условии получало благоприятные условия для своего орфографического обозначения. Написания типа *анъ/тихристъ* при *анъ/тиосъ* и т. п. отражали фонетическую закономерность — произношение «новых» *ъ* и *ь*, ликвидирующих закрытость слога. Важно заметить, что совсем нет таких написаний *ъ* и *ь* в сочетаниях согласных в конце строки, которые бы не встречались ни в конце строки. «Правило окончания строки», проводившееся, впрочем, далеко не последовательно, не опровергает, а как раз, наоборот, подтверждает наличие второго полногласия в древнерусском языке до падения редуцированных.³⁵⁷

Было ли второе полногласие в древнерусском языке до падения редуцированных общераспространенным или диалектным явлением? Поскольку второе полногласие имело идентичные позиции в слове, что и первое, надо полагать, что на начальном этапе своего развития оно было явлением общевосточнославянским. Однако между вторым и первым полногласием имеется и существенное различие. Если первое полногласие стало жизненным явлением, составляющим одну из характернейших особенностей восточнославянских языков, то второе полногласие в большинстве диалектов не получило своего развития, сохранившись в них лишь в виде немногих лексикализованных рудиментов или даже не оставив никаких следов. Такое различие должно было иметь свои причины. На мой взгляд, основной причиной является то, что гласный призвук в первом полногласии, возникший после *г* и *л*, имел поддержку в виде гласных полного образования *о* или *е*. Этот призвук развился до *о* и *е* задолго до падения редуцированных и, таким образом, не подлежал сокращению ни при каких условиях. Иное дело — судьба призвуков в сочетаниях типа *ьrt. В этих сочетаниях призвук мог оставаться гласным элементом при плавных *г* и *л*, не нейтрализующим их слоговой характер, и мог превратиться в нормальное *ъ* и *ь* с нейтрализацией слоговости плавных. В первом случае в процессе падения редуцированных и образования закрытых слогов призвук исчезал, во втором случае он закономерно изменялся в закрытых слогах в гласные полного образования *о* и *е*, давая современное второе полногласие.

Когда в языке существует возможность двойкой (или множественной) реализации тех или иных условий, в одних диалектах преобладает один вариант такой реализации, а в других — другой. Н. П. Гринкова обратила внимание на то, что далеко не во всех древнерусских памятниках XI—XIII вв. представлены написания с двумя *ъ* или *ь* около плавных. Преобладающее количество

³⁵⁷ См. об этом также: В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке, стр. 214—216.

случаев таких написаний приходится на новгородскую письменность.³⁵⁸ В северо-восточных памятниках: в рукописи Чудовского собрания XII в. двойных написаний — 12, в ростовском «Житии Нифонта» 1219 г. — 37, в южных: в Остромировом евангелии 1056—1057 гг. — 43, в Архангельском евангелии 1092 г. — 5, тогда как в новгородских: в Минее 1096 г. — 280 (из 520 возможных написаний), в Минее 1097 г. — 41 (при преобладании старославянских написаний, написаний типа *ѣр* — 83), в Ефремовской кормчей XII в. — 81 и т. д. Иными словами, в тех неновгородских памятниках, в которых встречаются двойные написания, эти написания по сравнению с написаниями с одним глухим представляют собой редкое явление. Как считает Н. П. Гринкова, нотные знаки над вторым *ѣ* и *ѥ* и над плавными согласными — также в большинстве случаев новгородская особенность. Конечно, было бы очень важно обследовать с точки зрения написаний *ѣ* и *ѥ* с плавными и постановки нотных знаков все древнерусские памятники XI—XIII вв. строго статистическим методом и результаты такого обследования представить в пространственной проекции. Это дало бы прочную основу для вывода, имелось ли в реализации второго полногласия диалектное различие между восточнославянскими диалектами. А пока предположение о таком различии подтверждается как вышеприведенными предварительными данными, так и показаниями письменности XIV и следующих веков и распространением второго полногласия в современных говорах.

В новгородской письменности после падения редуцированных случаи второго полногласия нередки, причем в памятниках различных жанров. Ср. примеры, которые приводит А. А. Шахматов: *вербных недѣла* (Паремейник, 1271 г.), *поверѣши* (Кормчая 1282 г.), *Поволожье* (1-я Синодальная летопись), *пересть* (Софийская 1-я летопись по списку XVI в.), *четвереть* (Двинская грамота № 22 XV в.) и др. Остальные примеры А. А. Шахматова приходится на псковские и лишь в исключительных случаях на северо-восточные памятники.³⁵⁹ Та же картина представляется и по данным Н. П. Гринковой. Знаменательно, что в новгородских грамотах XIII—XIV вв. второе полногласие отражается почти исключительно в местных географических названиях: *Торожку*, *Перемь* и др.³⁶⁰ Это вполне понятно: если в нарицательных словах писцы старались придерживаться орфографических традиций, скрывавших живое произношение, то географические названия были более независимы от этих традиций.

³⁵⁸ Н. П. Гринкова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. (По материалам, собранным для Дialeктологического атласа русского языка). Тр. Инст. русск. яз. АН СССР, т. II. М.—Л., 1950.

³⁵⁹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 274—277.

³⁶⁰ Н. П. Гринкова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах, стр. 216.

Случаи второго полногласия имеются и в новгородских берестяных грамотах: *молови ему* (№ 8, XII в.), *вереше* (№ 254, XIV в.), *верешь* (№ 361, XIV—XV вв., 2 раза), *четверетьчи* (№ 297, XV в.), *четверете* (№ 348, XIII в.), *бороть* (№ 390, XIII в.) и др.

Массовые примеры в современных говорах, по данным наблюдателей XIX—XX вв. и диалектологического атласа русского языка, приходится на русский северо-запад. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разряд слов со вторым полногласием в письменных памятниках и современных северо-западных говорах настолько широк, что можно говорить о втором полногласии на северо-западе как о закономерном, фонетическом явлении. Правда, имеется некоторое количество слов, составляющих исключение: *волк* (в Моршанском уезде Тамбовской губернии отмечена форма *волѣк* 'волк'), *волна* (*волна* 'овечья шерсть' для северо-запада нехарактерно), *горло* и некоторые другие. Попытки объяснить эти исключения какими-то фонетическими условиями (зависимость от характера звуков, следующих за плавными,³⁶¹ от характера ударения³⁶²) нельзя признать удачными. Я полагаю, что эти исключения связаны с историей каждого отдельного слова.

В местностях, лежащих за пределами северо-запада, второе полногласие как в письменности XIV и следующих веков, так и в современных говорах представлено только единичными случаями и фонетической закономерности не составляет. Е. Ф. Карский приводит следующие примеры из белорусских памятников: *городость*; *моланья* (Четья 1489 г.), *жерело* (Библийская книга XVI в.), *молония*, *холомьски*, *чолонь* (Летопись Авраамки XV в.), *маланья* (Евангелие Тяпинского 1580 г.), *тороговя* (Тайна тайных XVI в.). Часть этих примеров определенно принадлежит к районам, несомненно относящимся к северо-западу (например, примеры смоленской Летописи Авраамки). Примеры из современных белорусских говоров (они единичны) Е. Ф. Карский приводит по словарю И. И. Носовича: *молонья*, *натолочь* («натолочь народу на торгу»), *човен*, *товист*.³⁶³

Авторы диалектологического атласа белорусского языка не могли необходимым картографировать единичные случаи второго полногласия, хотя география этих случаев несомненно была бы интересна.

Единичны слова со вторым полногласием во всех русских говорах, исключая северо-западные. Наиболее широкое распространение имеет слово *молонья*, что имеет место также на украинской и белорусской территориях. Любопытно, что в некоторых

³⁶¹ Там же, стр. 227.

³⁶² В. В. Колесов. 1) К исторической фонетике новгородских говоров (δ закрытое, «новый» ѣ и доканье в новгородских рукописях XI—XVI веков). Автореф. канд. дисс. Л., 1962, стр. 15; 2) Развитие второго полногласия в русских северо-западных говорах. Уч. зап. ЛГУ, вып. 68, 1963.

³⁶³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 257.

говорах, сосуществуя с формой *молния*, оно имеет другое лексическое значение. Так, например, в тульских говорах — *маланья* 'зарница вечером или ночью без грома, обычно в ясную погоду' (собирательное *маланье*), а *молния* — в том же значении, что и в литературном языке.

Так же лексикализовано второе полногласие на украинской территории. А. А. Шахматов приводит *оужеретвиц* (Поликарпово евангелие 1307 г.), *молонья* (Киевский псалтырь 1397 г.), *горон* (екатеринославское), *жеревник* 'пищевод', *джолонка* 'дятел' (словарь Е. И. Желеховского), *веренце* (там же), *горобок* (гуцульское) и немногие другие примеры.³⁸⁴ Отдельные случаи в разных украинских говорах фиксируют и другие исследователи. Ср. единичный пример у И. Панкевича: *šerest* 'образующийся лед на реке' (у Огоновского — *шереш*, *шерестать* в некоторых русских говорах).³⁸⁵ Дальнейший и тщательный сбор материала может дать важные сведения о распространении отдельных слов со вторым полногласием, но существенно география этого явления в восточнославянских языках уже не изменится.

Итак, северо-запад по второму полногласию противопоставлен всей остальной восточнославянской территории. На северо-западе второе полногласие в течение многих веков было фонетической закономерностью, тогда как в остальных областях оно проявлялось только в отдельных немногих словах. По-видимому, второе полногласие было закономерностью и в некоторых северных говорах (например, северодвинских), являющихся непосредственными потомками древнего новгородского диалекта. Однако с удалением на восток от исконно новгородских земель явление это явно замирает. Такое географическое распределение второго полногласия не может быть случайным, оно имеет свои генетические корни. Языковеды, которые считают второе полногласие в том виде, как оно зафиксировано в памятниках и народных говорах, общей восточнославянской особенностью, игнорируют несомненные факты. В то же время, говоря о диалектном характере этого явления, нельзя забывать о распространении единичных случаев его проявления на всей восточнославянской территории. По-видимому, сочетания типа **tǫrt*, подчиняясь тенденции к открытости слога, примерно в VIII в. у восточных славян изменились в **tǫrət* или **tǫrʲt*. В дальнейшем на северо-западе (вероятно, у кривичей и словен) **tǫrʲt* эволюционировало в *tǫrət*, в остальных же областях эта эволюция оказалась незавершенной. Единичные случаи второго полногласия могут быть истолкованы двояко: 1) изменение *ə* в *ǫ* в указанных условиях было прекращено в самом его начале и от него сохранились только отдельные,

³⁸⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 279.

³⁸⁵ И. Панкевич. Українські говори Підкарпатської Русі, стр. 157.

лексически изолированные примеры (что имело место, судя по орфографии древних памятников, уже в XI в.); 2) отдельные слова со вторым полногласием распространились в других диалектах из северо-западной зоны. Вероятно, действовали оба эти фактора, хотя первый из них был основным. После падения редуцированных северо-западная диалектная зона выделилась еще четче.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГЛАСНЫХ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПАДЕНИЕМ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Как признают все слависты, падение редуцированных гласных имело своим следствием серьезную перестройку фонетической и фонологической системы всех славянских языков. Фонемный состав не только сократился на две гласные *ъ* и *ь*, но изменилась структура слогов, произошли многообразные изменения в системе гласных и согласных, их сочетаний и т. д. На восточнославянской почве ряд изменений оказался тождественным для всех говоров, а то же время многие преобразования были неодинаковы и составили различные диалектные зоны. Диалектные инновации были в значительной степени обусловлены предшествующим ходом развития восточнославянских диалектов. Важным условием их возникновения несомненно был и хронологически неравномерный процесс падения редуцированных.

О времени падения редуцированных в древнерусском языке до сих пор высказываются различные точки зрения. В. К. Метьюз, например, полагал, что к XI в. в древнерусском языке они уже исчезли.³⁸⁶ Однако эта точка зрения не может быть принята. Закономерное употребление букв *ъ* и *ь* в письменности XI в. свидетельствует о том, что в XI в. фонемы *ъ* и *ь* еще существовали как на юге, так и на севере восточнославянских земель. А. А. Шахматов, а в наше время В. Н. Сидоров привели ряд убедительных доказательств в пользу этого предположения. Е. Кошмидер хорошо показал, что в XI—XII вв. в нотных рукописях слабые *ъ* и *ь* еще были произносимыми гласными. Можно считать установленным, что изменение сильных *ъ*, *ь* в *о* и *е* и исчезновение слабых *ъ*, *ь* как регулярное «массовое» явление происходило в XII—XIII вв. Большинство славистов вслед за А. А. Шахматовым считает, что падение редуцированных началось на юге, а на севере оно имело место позже: на юге процесс этот завершился во второй половине XII в., а на севере — только в первой половине XIII в. «Точкой отсчета» принято считать Добрилово евангелие 1164 г. — галицко-волынский памятник. О. В. Малкова отмечает, что в нем написание *о*, *е* вместо *ъ*, *ь* в сильной позиции является «почти нормой». В сочетаниях типа *tǫrt* все 100% случаев падают на буквы *о*, *е*, а в *tǫrət* — 98% таких написаний, в кор-

³⁸⁶ W. K. Matthews. Russian historical grammar. London, 1960, стр. 95, 155 и след.

нях слов (помимо указанных сочетаний) *o*, *e* занимают 96%, в суффиксах и окончаниях — 96%. Буквы *ъ* и *ь*, соответствующие этимологическим редуцированным в слабом положении, пропускаются в 90% случаев.³⁶⁷ Хотя в Добриловом евангелии смешения букв *o*, *e* и *ъ*, *ь* нет, орфографические особенности этого памятника свидетельствуют о том, что в произношении его писца редуцированных гласных как особых фонем уже не было.

В свое время А. М. Селищев высказал сомнение в справедливости мнения А. А. Шахматова о более позднем падении редуцированных на севере. Как он полагал, написание редуцированных в северных памятниках вовсе не обязательно свидетельствует об их произношении.³⁶⁸ Однако чем же в таком случае объяснить, что на юге во второй половине XII в. на месте букв *ъ* и *ь* регулярно пишутся *o* и *e* или эти буквы пропускаются, тогда как в северных памятниках *ъ* и *ь* в общем соответствуют этимологическим редуцированным? Новгородские берестяные грамоты XI—XII вв., по данным Р. И. Аванесова, «указывают на сохранение среди гласных фонем редуцированных *ъ* и *ь*».³⁶⁹ В XII в. процесс падения редуцированных начался и на севере, но завершился он там только в XIII в. Это обстоятельство является очень важным для древнерусской лингвистической географии. Локально-хронологическая неравномерность падения редуцированных была не только одним из условий возникновения различных диалектных инноваций, но и сама по себе представляла существенное диалектное явление. В середине XII в. образовалась изоглосса, разделившая юг и север, причем по признаку, относящемуся к самой фонетико-фонологической структуре языка. Хотя эта изоглосса была временной и несомненно географически подвижной, мы не можем ее сбрасывать со счетов исторической восточнославянской диалектологии. Диалектные изоглоссы бывают длительными во времени и кратковременными, локально относительно устойчивыми и подвижными, но важность их для образования диалектных зон и новых языков вовсе не исчезивается этими их особенностями. Говоря о противопоставлении в середине XII в. юга, уже потерявшего редуцированные, и севера, еще сохранившего их, мы, конечно, имеем в виду юго-запад и новгородский север. Каково было положение в других восточнославянских областях, очень слабо или вовсе не представленных письменностью XI—XII вв., об этом мы можем судить только по косвенным данным.

³⁶⁷ О. В. Малкова. К истории редуцированных гласных *ъ* и *ь* в южных говорах древнерусского языка. (По материалам рукописи 1164 г.). Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, 1966, т. XXV, вып. 3, стр. 241—242.

³⁶⁸ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. *Slavia*, VII, 1. Praha, 19, 28, стр. 39.

³⁶⁹ Р. И. Аванесов. Фонетика. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 100.

1. Судьба исконных *o* и *e* в новых закрытых слогах

Рефлексация исконных *o* и *e*, обусловленная закрытостью слога, представляет собой в восточнославянских языках очень сложную картину и вместе с тем очень существенна при учете специфических особенностей этих языков и их диалектных членений.

Обычно считается, что своеобразия в рефлексации *o* и *e* возникли после падения редуцированных на основе заместительного удлинения этих гласных в закрытых слогах в одних диалектах и отсутствия такого удлинения в других. В тех диалектах, в которых образовались долгие *ō*, *ē*, эти гласные подверглись различным, подчас очень сложным преобразованиям, а в диалектах, в которых удлинения не произошло, *o*, *e* сохранились или видоизменились по другим причинам. Впрочем, лингвисты, стоявшие на пряминой позиции праязыка, считали, что удлинение *o*, *e* произошло на всей восточнославянской территории, затем на севере и северо-востоке вновь приобретенная долготы сократилась. Доказать такое кратковременное удлинение и затем сокращение невозможно, к тому же в этом предположении нет никакой надобности. Затруднение в гипотезе о новых *ō* и *ē* вызывает другое: как можно объяснить возникновение новой долготы, если закрытые слоги стали обычным явлением всюду, почему не подверглись удлинению *o* и *e* из *ъ* и *ь* в сильном положении, если *ō* и *ē* возникают не до, а после падения редуцированных, когда *o* и *e* из *ъ* и *ь* совпали с исконными *o* и *e*, почему *e* перед слогом с *ъ* изменяется иначе, чем перед слогом с *ь*, когда эти *ъ* и *ь* уже исчезли? По-видимому, удлинение гласных *o* и *e* имело место до падения редуцированных *ъ* и *ь* в слабом положении. Падение *ъ* и *ь* нужно отличать от их количественного сокращения, которое началось еще в общеславянскую эпоху. Это сокращение создавало условия для удлинения кратких гласных предшествующих слогов, что и реализовалось в ряде диалектов. Если мы предположим в южных восточнославянских диалектах развитие *o*, *e* в *ō*, *ē* перед *ъ* и *ь* в слабом положении, тогда станет понятным, почему в украинском языке произносится *кiнь* и *пiч*, но *сон* и *день*: когда происходило падение редуцированных, исконные *o* и *e* в закрытых слогах количественно отличались от *o* и *e* из *ъ* и *ь*. Будет также понятно, почему «новый ять» (и его рефлекс) закономерен перед слогом с *ь*: удлинению *e* способствовало ассимилятивное воздействие последующего *ь*. Процесс удлинения *o* и *e* перед слабыми *ъ* и *ь* начался, вероятно, довольно рано, когда еще не закончилось завершение формирования первого полногласия: вторые *o* и *e* в сочетаниях типа *torot*, *teret* количественно отличались от *o* и *e* в указанной позиции, поэтому они сохранились в украинском языке; для их изменения в сторону *i* требовались особые дополнительные условия (по мнению Л. А. Булаховского, своеобразие древней интонации). В дальнейшем, после падения глухих, долгие *ō* и *ē* не сохранились

и претерпели сложные изменения, став неоднородными гласными, что было полностью обусловлено исчезновением слабых *ъ* и *ь* и образованием закрытых слогов. Долгие *ō* и *ē* были позиционными вариантами фонем *o* и *e*, но они оказались «исходным материалом» для преобразования фонологической системы в более позднее время. Поскольку долгота *ō* и *ē* не имела фонематического значения, в древнерусском письме она, как правило, не находила своего отражения. Исключением из этого правила, может быть, являются написания *воовьця*, *воовьччъ* (Галицкое евангелие около 1266 г.), *воотця* 'отца' (Поликарпово евангелие 1307 г.), *воотчину* (галицко-волынская часть Ипатьевской летописи). Если написания с двумя *o* отображают долготу, то можно в таком случае говорить о том, что преобразование долгих *ō* и *ē* в неоднородные гласные в южных диалектах происходило одновременно.

Мысль об удлинении *o* и *e* до падения редуцированных высказывалась рядом ученых. Этой точки зрения придерживался, например, Н. С. Трубецкой.³⁷⁰ О невозможности удлинения гласных в закрытых слогах писал А. И. Томсон. «Говорят, что удлинение и дифтонгизация в малорусском языке произошли в (новых) закрытых слогах. Но беда в том, что гласные в закрытых слогах как раз короче, чем в открытых».³⁷¹ По мнению А. И. Томсона, удлинение *o* и *e* могло быть только при наличии «минимальных полугласных» в следующих за этими гласными слогах.

Следовательно, можно предполагать, что довольно рано, до падения редуцированных, в восточнославянской языковой области появились две диалектные зоны: южная, в которой осуществилось удлинение *o* и *e* перед слабыми *ъ* и *ь*, и северная, где возможности такого удлинения не были реализованы.

О дальнейшей судьбе долгих *ō* и *ē* существуют различные мнения. Некоторые западнославянские слависты полагают, что в южных говорах украинского языка эти *ō* и *ē* изменились в современные монофтонги, минуя стадию дифтонгов, которые образовались только в северноукраинском наречии.³⁷² Большинство лингвистов, однако, считает, что все современные украинские говоры прошли ступень дифтонгизации указанных гласных. По-видимому, правы те, кто высказывается за дифтонгизацию как явление, общее когда-то для всех южных восточнославянских диалектов. Об этом свидетельствует наличие дифтонгов за преде-

³⁷⁰ N. T r u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung. . . стр. 299.

³⁷¹ А. И. Томсон. О дифтонгизации *e*, *o* в украинском языке. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. 101, № 3. Л., 1928, стр. 318.

³⁷² T. L e h r - S p ł a w i Ń s k i. [Рец. на:] І. Зелінський. Проба упорядкування українських говорів. — Rocznik slawistyczny, t. VIII, 1918, стр. 212—213; W. K u r a s z k i e w i c z. Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954, стр. 36; І. Панькевич. Увага до вияснення процесу ікавізму в українських південнокарпатських говорах. Прага, 1942.

лами северноукраинских говоров. Например, П. И. Приступа отмечает, что в западной части украинских говоров на месте этимологического *o* в закрытых слогах представлены все известные варианты рефлексов этого *o*, начиная от *i* и кончая различными дифтонгами.³⁷³ В ряде кролевецких сел наряду с монофтонгом *u* произносятся также дифтонги *yi* и *yl*. Эти дифтонги явно вытесняются монофтонгом.³⁷⁴ Сосуществование дифтонгов с монофтонгами и постепенное отступление дифтонгов свидетельствуется многими исследователями украинских говоров.

Чтобы закончить изложение вопроса о происхождении рефлексов *o*, *e*, надо остановиться на гипотезе, выдвинутой Ф. Т. Жилко.³⁷⁵ Ф. Т. Жилко попытался применить к украинским материалам предположение Е. Куриловича о зависимости *ō* русских диалектов от характера ударения (оценка предположения Е. Куриловича дана нами в главе «Судьба гласных *ō* и *ō̄*»). Ф. Т. Жилко, как и многие лингвисты раньше, исходит из того, что удлинение гласного *o* произошло только после падения редуцированных в закрытых слогах. К этому старому положению в соответствии с мнением Е. Куриловича он добавляет, что дифтонги возникли в новых закрытых слогах только под ударением. Древний пласт дифтонгов имеется в полногласных формах, в которых *o*, *e* после впадения находятся под ударением, перенесенным со слогов с исчезнувшими редуцированными *ъ* и *ь*. Только в этой позиции *o*, *e* изменяются в *i*, в остальных же случаях они сохраняются. Отклонения от этого правила вызваны особенностями морфемного различия или грамматической аналогией. Точно так же переносение ударения вне полногласных форм вызвало изменение артикуляции ранее неударяемого *o*: удлиненный *o* получил усиленную лабиализацию в начале артикуляции и расширение раствора в конце ее. Так образовались дифтонги, различные варианты которых зависели от разной степени расширения раствора при артикуляции новоударяемого *o* в новых закрытых слогах: *yo*, *ye*, *yi*, *yl* и др. Такое изменение *o* «явилося основополагающим» для соответствующих изменений древнего *e*. В соответствии с этой схемой северноукраинские говоры, в которых дифтонги, как правило, произносятся только под ударением, а в неударяемых слогах сохраняются *o* и *e*, показывают раннее состояние по сравнению с южноукраинскими. Произношение *i* и других

³⁷³ П. І. П р и с т у п а. Рефлекси давнього наголошеного *o* в нових закритих складах на території західних говорів української мови. В кн.: Дослідження і матеріали з української мови, т. V. Київ, 1962.

³⁷⁴ Ф. Т. Ж и л к о. Про неоднорідні голосні («дифтонги») в українській мові. Тези доповідей V Міжвузівської республіканської славистичної конференції 25—30 вересня 1962 року. Ужгород, 1962.

³⁷⁵ Ф. Т. Ж и л к о. Возникновение дифтонгов в украинском языке. (Древние *o*, *e* в новых закрытых слогах). В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963.

рефлексов *o* и *e* в неударяемых слогах в южноукраинских говорах и в литературном языке надо признавать явлением вторичным, поздним.

Гипотеза Ф. Т. Жилко остается схемой, не подтвержденной соответствующими фактами. Во-первых, перенос ударения со слогов с *ъ* и *ь* должен был быть массовым явлением, чтобы создать такую жизненную модель, которая могла бы воздействовать на все другие *o*, *e* в закрытых слогах. Такой массовый перенос ударения решительно ничем не доказывается. Во-вторых, совершенно непонятно, как мог произойти перенос ударения с исчезнувших *ъ* и *ь* (а Ф. Т. Жилко пишет об этом!), — ударение на этих гласных могло существовать только тогда, когда они произносились. Если изменение *o*, *e* действительно происходило в новоударяемых слогах, то это должно было быть до падения редуцированных гласных. В-третьих, сужение (редукция) неударяемого *o* (и *e*?), которое в разной степени проявляется в ряде славянских языков, в том числе и в украинском, — явление несомненно позднее, вызванное развитием динамического ударения. А ведь Ф. Т. Жилко предполагает, что дифтонги развились в новоударяемых *o* на почве ранее неударного суженного *o*, такого же, как *ѵ* закрытый в русских говорах. Как все эти предполагаемые процессы соотнесены друг с другом хронологически? Все это остается без какого-либо ответа. Наконец (и это решает дело), если бы развитие дифтонгов началось в ударных слогах, то это явление несомненно должно было найти свое отражение в древнерусской письменности. Однако с того времени, как в южной письменности появляется «новый ять» и некоторые проявления рефлексации долгого *ѵ*, примеры на дифтонги и возникшие из них монофтонги приходится как на положение под ударением, так и на безударные слоги. Следовательно, появление *o*, *e* и соответственно дифтонгов никак не было связано с ударением, ни тем более с его переносом. Удлинение *o*, *e* в слогах перед *ъ*, *ь* в слабой позиции также не имеет ничего общего с различием *o* и *ѵ* (из *ѵ* и *ѵ*) в русских говорах.

Рефлексы долгого *ѵ* в новых закрытых слогах проявляются в юго-западной письменности начиная с XIII в. Обычно на месте *o* пишется буква *y* (*ю*), звуковое значение которой трудно определить. По-видимому, буква *y* сначала обозначала неоднородный гласный дифтонгического характера, а позже — монофтонг *y*, который произносится в современных юго-западных говорах. А. И. Соболевский приводит довольно большое количество примеров написания такого *y* как в ударяемых, так и в безударных закрытых слогах, в корнях и формантах: *субутныи*, *щюдръ* (Тиснографское евангелие № 6 XII—XIII вв.), *щюдъюжъ* (Галицкое евангелие около 1266 г.), *унужумъ* (дат. мн.), *друздъ*, *доброуцълю*, *торгуцъля*, *у Вышкучовскуи граници*, *Федутъ*, *Нестюръ* (галицкие грамоты XIV—XV вв.), при *тум то*, *быхумъ*, *слюбуюмъ*,

точюмъ (молдавские грамоты XIV—XV вв.) и др.³⁷⁶ Материалы более поздних исследователей пока что не дают ничего нового по сравнению с наблюдениями А. И. Соболевского. Как видно из примеров, в то же время, когда происходило изменение *ѵ* > *y* > *u*, то же преобразование переживает в юго-западных диалектах *e* перед твердыми согласными (перед бывшими слогами с *ъ* в слабом положении): *ѣ* > *іѣ* > *іѵ* > *ѵ* > *ü* (результат лабиализующего воздействия твердых согласных). Написание *y* и *ю* в юго-западной письменности было довольно устойчивым и держалось в ней до XVII в.³⁷⁷ В подавляющем большинстве южных говоров монофтонгизация дифтонгов развивалась в сторону дальнейшего сужения гласного, результатом чего явилось возникновение *i* на месте этимологического *o* — особенность, резко выделяющая украинский язык среди всех других славянских языков, являющаяся одной из самых оригинальных черт украинской фонетической системы. Первый более или менее надежный пример передачи *i* на письме приводит А. Е. Крымский: *иткиль* (=відкіля) (буковинская грамота 1436 г.).³⁷⁸ По-видимому, конец эволюции древнего *ѵ* в новых закрытых слогах в большинстве украинских говоров приходится на XV—XVI вв.

Честь открытия отражения рефлексации *ѣ* в новых закрытых слогах обычно в положении перед бывшими слогами с *ъ* в слабой позиции принадлежит А. И. Соболевскому. А. И. Соболевский обнаружил в галицко-волинской письменности XII в. и следующих веков написания на месте *e* в указанном положении буквы *ѣ*, которая в лингвистической литературе получила название «новый ять».³⁷⁹ Довольно много примеров «нового ять» имеется в Добриловом евангелии 1164 г. А. А. Шахматов делил эти примеры на три группы случаев: 1) *ѣ* перед бывшим *ъ*; 2) *ѣ* перед бывшим *ь*, изменившимся в *i*: *камѣные*, *корѣныя* и т. п.; 3) *ѣ* непосредственно перед *i*, изменившимся после падения редуцированных в *i*: *ѣъ нѣи*, *сѣи*, *по всѣи*, *нѣ иму*, *нѣистовъ* и др.³⁸⁰ «Новый ять»

³⁷⁶ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 67—68. — В записи о Бояновой земле XII в. (графито в киевской Софии) имеется написание *сьмьюнь*, которое представлено также в графито киевской Софии XIII—XIV вв.: *нѣпадиь сьмьюна*. Однако это не фонетическое явление, а морфологическое «пересмысление» заимствованного имени *Симеон*, *Семеон* (оформление по разряду суффикса *-юнь*). Ср. также в новгородской берестяной грамоте № 198 (вторая половина XIII в.): *Сьмьюна*. Как известно, никаких следов изменения *e* в *i* в древнем и новом новгородском диалекте не имеется. Имя *Семеон* подвергается и другим морфологическим изменениям: *Семанко* (Акты юридические, 1490 г.), *попъ Семанъ* (там же, 1501 г.), белор. *Сямон* и др.

³⁷⁷ І. П а н ь к е в и ч. Дві лемківські грамоти в початку XVI століття. *Slavia*, XXIII, 1, 1954, стр. 25.

³⁷⁸ А. Е. К р ы м с к и й. Украинская грамматика, т. I, стр. 152.

³⁷⁹ А. И. С о б о л е в с к и й. Очерки из истории русского языка, I. Киев, 1884.

³⁸⁰ А. А. Ш а х м а т о в. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 299—300.

отмечается в Типографском евангелии № 7 XII в., Типографском евангелии № 6 XIII в., Житии Саввы Освященного XIII в., Ирмолое Григоровича XII—XIII вв., Поучении Ефрема Сирина XIII в., Галицком евангелии около 1266 г., Евсееве евангелии 1283 г., Холмском евангелии XIII—XIV вв., многих украинских грамотах XIV и следующих веков и в ряде других произведений южной письменности. Первые примеры монофтонгизации *ѣ* на месте *ѣ*, т. е. произношения его как *i*, относятся к XIV в.: ср. в Путенском евангелии XIV в. *нестроинья, крѣнь сильныхъ* (=кринь сельныхъ).

В особом положении оказывается *ѣ* перед бывшими слогами с *ѣ* в слабой позиции. Как было сказано выше, в ряде говоров этот *ѣ* подвергается лабиализации. В украинском литературном языке и большинстве говоров *е* сохраняются, за исключением определенных случаев: *мед, клен, перепел, рев, тес, підметка* и т. п., ср. также в суффиксе *-енко*: *Коваленко, Чаленко, Ващенко, Бондаренко* и пр. В то же время в глагольных формах на согласный *-ль* *е* произносится как *i*: *пик* (но *пекла*), *ніс* (но *несла*), также в формах **-dlъ, *-tlъ: вівъ, плив* и пр., в формах мн. ч. род. пад. *сіл* (к *село*), *плиц* (к *плесо*), перед суффиксом *-ѣка*: *тітка, пятірка* и т. п. Имеются колебания в отдельных словах: *попел* и *попіл* и др. Если рассмотреть произношение *е* в указанных и других случаях по говорам, то картина представится очень сложной и противоречивой. Многие детали остаются невыясненными.

В северноукраинских и некоторых западных говорах, как известно, на месте *о* и *е* в новых закрытых слогах произносятся разнообразие дифтонги с ударяемой первой или второй частью, с обширной гаммой звуковых оттенков. Рассмотрение этих дифтонгов, нередко позиционно обусловленных, варианты которых часто сосуществуют в одном и том же говоре, а также произносятся и наряду с монофтонгами, также имеющими различные варианты, — большая специальная задача украинской диалектологии. Надо полагать, что публикация давно ожидаемых томов диалектологического атласа украинского языка даст надежную фактическую базу для исследования чрезвычайно сложной проблемы украинских дифтонгов. Здесь же мы пока только отметим, что в северноукраинских говорах, судя по памятникам примерно с XVI в., начинается монофтонгизация дифтонгов в безударном положении. По-видимому, в безударных слогах дифтонги в этих говорах с самого начала не получили достаточного развития и позже по мере развития редукции неударяемых гласных изменились в *о* и *е*. Однако дифтонги в неударяемом положении были, о чем свидетельствуют «исключения» из правила в современных северноукраинских говорах (произношение дифтонгов наряду с *о*, *е*, что вряд ли можно объяснить аналогией), а также и показанные письменных памятников. Например, в кролевецких актовых

книгах XVII—XVIII вв. в закрытых неударяемых слогах пишется *о*, *е*, но вместе с тем встречаются и иные написания, указывающие на дифтонги в этих слогах.³⁸¹ Как отмечает сам Ф. Т. Жилко, дифтонги — исчезающие фонемы в украинских говорах, они непрерывно отступают, заменяясь монофтонгами.³⁸² Это отступление имело разные формы, в том числе и позиционную обусловленность (слабое положение — неударяемость).

В южнобелорусских говорах (по данным диалектологического атласа белорусского языка) в акающих областях под ударением на месте *о* представлен дифтонг *ѳо*, монофтонги *у* и *i* (со смягчением предшествующих согласных): *гѳодд, л'есѳодѳ, крутѳодѳ, нѳодѳ, нѳодѳ, вуз, двур, вул, кун', к'ін', дв'ір* и т. п. Все примеры приходится на закрытые слоги.³⁸³ Случай указанной рефлексации *о* в открытых слогах единичны, и их можно объяснить нефонетически (тенденция к фонетическому выравниванию слогов). Говоры с дифтонгом *ѳо* в основном расположены в срединных южных говорах (южнее Минска) и северо-западнее Бреста, с монофтонгом *у* в узкой полосе от верховьев р. Ясельды через Пинск к границе с УССР между реками Стырь и Горынь, а говоры с *i* составляют почти сплошной массив на крайнем юго-западе Белоруссии и примыкают к западноукраинским говорам. В крайних юго-западных говорах наряду с *i* изредка встречаются *ы* (*стыл'ко, ныг* и др.), *ѳѳи* (*вѳѳѳз, нѳѳѳѳѳ* и др.), *ѳѳѳи, ѳѳѳѳѳ* и некоторые другие варианты в единичных населенных пунктах, отмеченные и в некоторых других южных районах в бассейне Припяти. Особенно широко распространен монофтонг *ѳ* (*о* закрытый), известный во многих говорах юго-западной части белорусского языка (исключая крайний юго-запад, где господствует *i*). В отдельных населенных пунктах *ѳ* звучит и на севере (наряду с господствующим *о*). В общем, то же географическое распространение имеют *ѳѳѳѳѳ*, *ѳѳѳѳѳ*, *i* под ударением в закрытых (и открытых) слогах на месте этимологического *ѳѳѳѳѳ*. К сожалению, в атласе нет карты, на которой было бы показано произношение искомого *е* под ударением в закрытых слогах. Не показано также произношение *о* и *е* в неударяемых закрытых слогах в акающих говорах на территории Белоруссии (что является существенным недостатком белорусского атласа, программа которого слишком последовательно ориентировалась на «Программу» диалектологического атласа

³⁸¹ А. О. Свашенко. Фонетичні особливості мови актових книг кролевецького міського уряду XVII—XVIII ст. у порівнянні з сучасними говорами (вокаліа́м). Вісн. Харківськ. унів., № 7, Сер. філол., в. 1, 1965, стр. 111.

³⁸² Ф. Т. Жилко. Нариси з диалектології української мови, стр. 66.

³⁸³ Д. С. Телентюк (Лунинецкие говоры. (Исследование в области белорусской диалектологии). Автореф. канд. дисс. Л., 1950, стр. 10) отмечает в среднелунинецких говорах дифтонг *ѳѳѳѳѳ*: *кѳѳѳѳѳ* и *кѳѳѳѳѳ*, *ѳѳѳѳѳ* и т. п.

русского языка). Во всяком случае, давно стало очевидным, что по произношению *o* и *e* в закрытых слогах южнобелорусские говоры составляют одну диалектную зону вместе с северными и юго-западными украинскими говорами. Зона эта начала оформляться еще до падения редуцированных гласных, когда происходило удлинение *o* и *e* перед слогами с *ѣ* и *ь* в слабой позиции (о чем см. выше). Правда, мы не знаем, какими были первоначальные границы этой зоны: то ли удлинение *o* и *e* в указанном положении одновременно охватило диалекты восточных славян южнее Припяти, то ли имелся какой-то более ограниченный очаг возникновения данного явления, из которого рефлекс *ō* и *ē* распространились в соседние области. В свое время Е. Ф. Карский предполагал, что дифтонгизация возникла в диалекте дреговичей, откуда, по его мнению, она перешла на север Украины. Он думал, что северные украинцы заимствовали эту особенность у белорусов.³⁸⁴ Такое освещение проблемы никак нельзя считать объективным. Дифтонгизация *ō* и *ē* была свойственна всем диалектам — предкам украинского языка, а не только предкам северноукраинцев. Южнобелорусские говоры по данному явлению представляют собой в географическом отношении периферию обширной диалектной зоны, охватывающей все юго-западные области восточного славянства. Скорее, можно предполагать, что движение этой особенности шло с юга на север, а не наоборот (если первоначально она была распространена на сравнительно ограниченной территории). Конечно, результат изменения *ō* и *ē* в закрытых слогах — монофтонг *i* является одной из ярких и оригинальных особенностей украинского языка, отличающей его от всех других славянских языков.

Нам остается остановиться на вопросе о «новом» *ѣ* в русских говорах, вызвавшем оживленную дискуссию. Еще в прошлом столетии было замечено, что в некоторых русских говорах гласный *и* произносится на месте этимологического *e* (под ударением). Позже были найдены в отдельных севернорусских рукописях написания буквы *ѣ* вместо *ь* и *e*. Это дало повод некоторым лингвистам отождествить «новый» *ѣ* южнорусских памятников с указанным явлением в русских диалектах. Е. Ф. Будде, Р. Ф. Брандт и некоторые другие ученые высказали предположение, что удлинение *e* в новых закрытых слогах было явлением общерусским, поэтому изменение этого *e* в дифтонги и *i* на юге и севере имело одну исходную базу. Однако эта точка зрения подверглась справедливой критике и была отвергнута как фактически несостоятельная. В южной восточнославянской области «новый» *ѣ* развился из исконного *e*, тогда как на севере «новый» *ѣ* наблюдается главным образом на месте этимологического *ь*. А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев, В. В. Виноградов и некоторые другие

³⁸⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 132—133.

лингвисты развили мысль, что на севере совершенно независимо от юга после падения редуцированных в некоторых диалектах *ѣ* на месте *e* (из *ь* и *e*) образовался в результате ассимилирующего воздействия последующих мягких согласных. Эта точка зрения, ставшая традиционной в наше время, обосновывается и уточняется В. Н. Сидоровым, который использовал наблюдения своих предшественников.³⁸⁵ «Новый» *ѣ* наиболее ярко представлен в Новгородском евангелии Публичной библиотеки XIV в., детально обследованном Л. Л. Васильевым.³⁸⁶ В этом евангелии *ѣ* вместо этимологического *e* встречается всего 8 раз (в 6 случаях — перед мягким слогом), тогда как эта буква *ѣ* на месте *ь* перед мягким слогом ставится много раз, причем довольно часто в сочетаниях **ьѣrt*. Случаи типа *мѣдлѣть* не противоречат положению, согласно которому «новый» *ѣ* развился перед мягкими согласными. Новгородский говор, отразившийся в Евангелии Публичной библиотеки, еще не знал ассимиляции мягких зубных и губных согласных последующими твердыми зубными, следовательно, согласные, перед которыми писался *ѣ*, были мягкими и только впоследствии отвердели. Согласный *r* в **ьѣrt* под действием тенденции к слоговому сингармонизму был мягким во всех фонетических позициях, в том числе и перед твердыми согласными. Следовательно, написания *ѣ* вместо *e* из *ь* в сочетаниях **ьѣrt* — вполне закономерны. Далее В. Н. Сидоров использует примеры, собранные В. В. Виноградовым из других новгородских памятников.³⁸⁷ Эти примеры также подтверждают положение о разнице *ѣ* из *e* перед мягкими согласными, в том числе и случаи, которые В. В. Виноградов без достаточных оснований отнес к категории «церковных, книжных» слов, в которых *ѣ* будто бы мог возникать перед твердыми согласными. Как считает В. Н. Сидоров, *ѣ* на месте *e* возник перед мягкими согласными прежде всего в закрытом слоге, так как «именно в закрытом слоге в наибольшей степени сказывалось на гласной *e* ассимилятивное воздействие окружающих ее мягких согласных, благодаря чему она изменялась в увкий звук *и*, сближаясь по своему звучанию и образованию с гласной *ѣ* (*ѣ*), обозначалась иногда на письме буквой *ѣ*».³⁸⁸ При этом объяснении встает вопрос, почему *ѣ* главным образом обозначает *e* из *ь* и сравнительно редко — исконное *e*, особенно же часты написания *ѣ* на месте *ь* в сочетаниях **ьѣrt*. В. Н. Сидоров считает, что за этой орфографической осо-

³⁸⁵ В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка, стр. 52 и след.

³⁸⁶ Л. Л. Васильев. Новгородское евангелие императорской Публичной библиотеки и его западнорусские владычные. Русск. филол. вестн., XLVII, 1902, №№ 1 и 2, стр. 152—168.

³⁸⁷ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1, стр. 332—341.

³⁸⁸ В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка, стр. 69.

бенностью вовсе не стоит различие между *e* из *ь* исконным и *e*, которые фонетически после падения редуцированных совпали в одном гласном *e*. Дело в том, что закрытые слоги с *e* из *ь* встречаются гораздо чаще, чем закрытые слоги с исконным *e*. Однако В. Н. Сидоров отказывается объяснить, почему *ѣ* вместо исконного *e* чаще употребляется в закрытых слогах, а не в открытых. Написания *ѣ* в открытых слогах, хотя и более редкие, но все же встречающиеся (*дѣвять*, *клѣнеться* и др., где *ѣ* из *e* и из *ь*), в том числе и безусловно перед твердыми согласными (*клѣннися*, *лѣво* и др.), просто отводятся как «нетипичные».

С иной гипотезой выступил В. В. Колесов.³⁸⁹ В. В. Колесов считает, что традиционная точка зрения о возникновении «нового» *ѣ* перед мягкими согласными является неверной. Используя факты, собранные его предшественниками, а также собственное обследование древненовгородских памятников, В. В. Колесов приходит к выводу, что «новый» *ѣ* возник в древненовгородских говорах в XIII в. после падения редуцированных из *e* (< *ь*) под ударением в «постоянно закрытых» слогах. Этот *ѣ* соответствовал «новому» *o* при тех же условиях: под ударением в постоянно закрытых слогах. Примеры с «новым» *ѣ* начинают встречаться в новгородских рукописях начиная со 2-й половины XIII в. «Новый» *ѣ* употребляется: 1) в сочетаниях *ьѣrti; 2) вместо *ь* в корневой группе *-ьсть-*; 3) вместо *ь* в суффиксе *-ьць*; 4) вместо *ь* в окончании род. пад. мн. ч. (*зѣрѣи ѣ* т. п.); 5) вместо *ь* «в некоторых других случаях» и 6) в немногих случаях вместо *e*. Уже в памятниках XIV в. «новый» *ѣ* часто чередуется с *и*, как и исконный *ѣ*, что свидетельствует о совпадении их судьбы. До этого совпадения «новый» *ѣ* звучал как *ia̯*, в пользу чего говорит произношение в некоторых современных говорах (потомках древненовгородского диалекта) типа *красло*, *извѣстка*, *сарп*. Впоследствии *ia̯* перед мягкими согласными суживается в *и*, а перед твердыми преимущественно расширяется в *'a*. В XIII в., когда падение редуцированных было еще живым процессом, всякий *ь* в сильной позиции, в том числе и в неударяемых слогах, изменялся в *ѣ*, и только позже в процессе перестройки акцентологической системы «новый» *ѣ*, как и *o*, сохранился только под ударением.

В. Н. Сидоров считает гипотезу В. В. Колесова необоснованной.³⁹⁰ Однако он возражает только против интерпретации В. В. Колесовым некоторых фактов современных говоров, вовсе не касаясь данных древнерусской письменности, на которые

³⁸⁹ В. В. Колесов. 1) К исторической фонетике новгородских говоров; 2) Новый *ѣ* в рукописях новгородского происхождения. Вестн. ЛГУ, № 14, вып. 3, 1961.

³⁹⁰ В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка, стр. 92 и след.

В. В. Колесов опирается. Обширную сводку примеров на *и*, *i̯*, *e̯*, *ѣ̯* под ударением из северновеликорусских говоров приводит В. В. Виноградов.³⁹¹ Примеры на произношение *e* в безударном положении двусмысленны, так как *e* в безударных слогах подвержен редукции. Правда, представили бы интерес наблюдения безударного *e* в открытых и закрытых слогах, но таковые никем специально не проводились. Большинство приводимых В. В. Виноградовым примеров приходится на закрытые слоги перед мягкими согласными, причем интересующие нас рефлекс относятся одинаково как к *e* из *ь*, так и к исконному *e*. Есть примеры, когда *и* и его варианты произносятся и в открытых слогах: *либедь*, *двизать*, *двизать* и др. Во всех говорах, в которых отмечается *e* > *и*, данное явление имеет спорадический характер. Какого-либо сплошного ареала, который бы позволил установить изоглоссу, эти говоры не составляют. Нередко *e* > *и* представлено всего двумя-тремя словами. Во многих северновеликорусских говорах, в том числе и новгородских, нет никаких признаков интересующей нас особенности. Сведения более поздних наблюдателей в общем рисуют ту же картину: *и* произносится на месте *e* из *ь* и *e* исконного почти всегда перед мягким согласным и в большинстве случаев — в закрытых слогах. С. А. Еремин отметил в костромских говорах *артилью*, *щили*, *щавиль*, *диверь*, *ля модилы* (=для модели), *динь*, *двирь*, *килья* и т. п.³⁹² В оставшихся говорах *e* > *и* наблюдается в немногочисленной группе слов: *д'ин'*, *п'ур'вѣя*, *тап'ур'*, *д'ис'т'ь*, *д'ар'ивн'и*. С. А. Копорский полагает, что в начале XVII в. жители владими́ро-поволжских земель переселились на разоренную Тверскую землю, где не только усвоили от местного населения новгородское произношение *ѣ* как *и*, но и распространили его на любой *e* между мягкими согласными.³⁹³ В. Н. Сидоров согласен с гипотезой С. А. Копорского, считая, что фактор воздействия соседних говоров на происхождение произношения *и* как *e* имел место и в других областях и что указанное произношение возникло в разных говорах независимо от древнерусского фонетического изменения. Теоретически можно представить себе, что все это имело место в действительности. Однако, чтобы быть уверенным в правильности такого предположения, надо доказать, что носители оставшихся говоров действительно в XVII в. переселились из Владимиро-Поволжья на озеро Селигер, что и в других подобных случаях произошло столкновение таких-то конкретных говоров с другими. Поскольку

³⁹¹ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия (окончание), стр. 305—309.

³⁹² С. А. Еремин. Характеристика народных говоров по р. Костроме. Тр. Костромск. науч. общ., вып. XLI. Кострома, 1927, стр. 3—5.

³⁹³ С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. Уч. зап. Калининск. ГПИ, т. X, вып. 3, 1945, стр. 13—14.

таких доказательств не приводится, высказанную гипотезу нельзя считать обоснованной.

Д. И. Алексеев в северновеликорусском говоре владимиро-поволжского типа Ульяновской области записал довольно много примеров $e > u$ под ударением. Большинство примеров приходится на закрытые слоги, но есть и другие: *бр'ид'ѣн, в'ис'ѣль, гр'иб'ѣн, д'ив'ѣр, д'ив'ѣт', д'ир'ѣа, д'ис'ѣт', даже с'ис'ѣид, жыр'ѣх, шыр'шѣн* и др.³⁹⁴ Л. Н. Булатова отметила произношение u и $\acute{e}$ на месте e любого происхождения во владимирских говорах: *д'ин, дв'ир', с'им', д'ин'г'и, ф'ид'ѣ, с'ир'п, в'ис', топ'ир', кон'ишно, шыст', д'ѣн', д'ет'ѣй, б'ир'ѣн'икѣм* и т. п.³⁹⁵ Ср. также примеры из современных новгородских говоров: *кон'ишно, л'ина* (=Лена), *ф'иршалу* и др.³⁹⁶ Аналогичные записи имеются и из ряда других мест. Хотя наблюдения над современными говорами далеко не полны, все же на их основании можно сделать некоторые выводы. Гласный u (и другие варианты) на месте e обычно встречается в говорах, в которых $\acute{e}$ изменился в u , $\acute{e}$ или дифтонг. В современных говорах $e > u$ — явление, безусловно, отмирающее, о чем говорит его лексикализация и характер географического распространения. Можно предполагать, что в ранние времена $e > u$ имело относительно компактные ареалы, хотя вряд ли оно было общесверновеликорусским явлением. Изменение e в u было неразрывно связано с историей рефлексов древнего $\acute{e}$. Гласный e из $\acute{e}$ и исконного e , претерпевая сужение перед мягкими согласными, артикуляционно и акустически совпал с вариантами древнего $\acute{e}$ и был вовлечен в его фонетическую сферу. Не исключено, что в отдельных случаях $\acute{e}$ произносился как $\acute{e}$, $i\acute{e}$, u и т. п. и перед твердыми согласными, поскольку e начало было отождествляться с $\acute{e}$ и фонологически (ср. примеры с «новым» $\acute{e}$ перед твердыми согласными в древненовгородских рукописях). Как бы ни соблазнительно было выдвигать стройные гипотетические схемы, однако такие схемы имеют мало цены, если при их построении устраняются всякого рода «исключения», противоречащие этим схемам. Наличие «исключений» нас всегда должно настораживать и заставлять сомневаться в правильности той или иной гипотезы. Фонологическому совпадению e и $\acute{e}$ препятствовало то обстоятельство, что перед твердыми согласными $\acute{e}$, как правило, сохранялся, в связи с чем закономерному изменению e перед мягкими согласными мешала его этимологическая связь с e перед твердыми

³⁹⁴ Д. И. Алексеев. Об одной фонетической особенности владимиро-поволжских говоров. (О переходе e в u под ударением). Уч. зап. Куйбышевск. ГПИ, вып. 12, Каф. русск. языка, 1954, стр. 61 и след.

³⁹⁵ Л. Н. Булатова. Об оказавшихся в говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области. Бюлл. диалектол. сектора Инст. русск. яз. АН СССР, вып. 5. М.—Л., 1949, стр. 70.

³⁹⁶ Е. В. Сорокин. Судьба старого $\acute{e}$ под ударением в говорах Новгородской области. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Изд. МГПИ им. В. И. Ленина, 1959, стр. 345.

согласными, а также наличие в определенных случаях чередований $e +$ твердый согласный || $e +$ мягкий согласный, которое стало постепенно устанавливаться после падения редуцированных (*день — денской* и т. п.). В связи с этим $e > u$ вряд ли было всегда закономерным, оно было только тенденцией, которая одновременно осуществлялась и не осуществлялась, что было хорошей почвой для лексикализации этого фонетического явления.

Не все еще ясно в изменении e в u , не все факты собраны и должным образом объяснены, но те данные, которые имеются в нашем распоряжении в настоящее время, пока что подтверждают справедливость традиционной точки зрения, согласно которой $\acute{e}$ (из e и $\acute{e}$) стал изменяться в u перед мягкими согласными и преимущественно в закрытых слогах. Во всяком случае, северный «новый» $\acute{e}$ фонетически не связан с «новым» $\acute{e}$ южных восточнославянских земель.

2. Отпадение начального *jъ-

Как известно, предполагается, что в общеславянском языке в открытых слогах в абсолютном начале слова имелся *jъ-, судьба которого в разных славянских языках оказалась различной. В западнославянских языках оказалась различной. В западнославянских языках, а также в украинском и белорусском, это *jъ- исчезло, тогда как в южнославянских языках и русском языке оно видоизменилось в i . Ср. укр. z 'из', *голка*, *Гнат*, *грати*, *маємо*, *грище* и т. п., чешск. *tám*, *hra*, z 'из', *ho* 'яго', *du* 'иду' и т. д., луж. *tam*, *mě* или *mjeno* 'имя', в.-луж. *grac*, н.-луж. *gras*, *škra* 'искра', z 'из', н.-луж. *gta* 'игла' и пр., польск. *tam*, *gra*, *grac*, *skra*, z 'из' и т. п. Из этого правила имеются разного рода исключения (ср. словацк. *ihra*, польск. *skra*, но и *iskra* и т. д.), которые нуждаются в специальном объяснении. Об этом явлении достаточно много писалось в сравнительно-исторических грамматиках славянских языков и в грамматиках отдельных языков.

Предполагается, что там, где общеславянское *jъ- изменилось в i или i , произошло исчезновение гласного, а где из него развилось i , последнее сохранилось. Все лингвисты связывают исчезновение i с падением редуцированных. Следовательно, этот процесс в западнославянских языках и в украинско-белорусской области осуществлялся независимо. Однако вряд ли можно считать случайным, что отпадение i заняло довольно компактную географическую область. Изменение *jъ- в i и i должно было произойти до падения редуцированных, что признается некоторыми лингвистами.³⁹⁷ На восточнославянской почве в хронологически неопределенное время, но до падения $\acute{e}$ и $\acute{e}$, возникла изоглосса, которая отделила юго-западные диалекты

³⁹⁷ А. М. Солищев. Критические замечания о реконструкции... стр. 41.

от северо-восточных. После отпадения на юго-западе *i* эта изоглосса получила новое содержание: вместо противопоставления *i* и *i* стали противопоставляться нуль гласного и *i*. К сожалению, в нашем распоряжении нет подробных лингвогеографических данных, которые позволили бы дать конкретно-исторический очерк интересующего нас явления и установить разного рода локальные частности. Следовало бы точно установить все случаи с отпадением и наличием начального *i* и проследить их географическое распространение.

В письменности отпадение *i* фиксируется с XIII в. В Галицком евангелии 1283 г. имеется *не мати* 'не имать', *истязашася* (вместо *стязашася*, характерная ошибка писца, не знавшего, где нужно употреблять *из*), в украинских грамотах XIV—XV вв. — *здавна* (1393 г.), *масть* (1424 г.), *маемъ* (1427 г.), *менованья* (1433 г.), *спустити* 'испустить' (1435 г.) и т. п. В грамоте Витовта 1383 г. — *а лѣсомъ*, *з лугами*, в Лудском евангелии XIV в. — *иствори*, 'створи', *ис нимъ*, в белорусских памятниках XV в. — *Зяславъ*, *стомился*, *з Гродна* и т. п. В «Лексиконе» Памвы Берынды написаний, указывающих на отпадение начального *i*, довольно много: *грають*, *змѣряю*, *зводъ*, *збавился* и т. п.

3. Изменения в сочетаниях *trət*, *tlət*, *trət*, *tlət*

Как известно, на восточнославянском юго-западе развитие указанных сочетаний пошло иначе, чем на северо-востоке: укр. *крывавий*, *дрижати*, *грімѣти*, *глитати*, *тривога* и т. п., белор. *кывавы*, *дрыжаць*, *грымець*, *глытаць*, *трывога* и пр., тогда как в русском языке имеется *кровавый*, *дрожать*, *греметь*, *глотать*, *тревога* и т. д. Гласные *ъ* и *ь* в слабой позиции (перед слогами с гласными полного образования) закономерно исчезали, если не было каких-либо специальных условий, которые давали иное направление фонетическому развитию. В данных сочетаниях такое специальное условие было: исчезновение редуцированного приводило к тому, что плавные *r* и *l* оказывались в окружении шумных согласных меньшей звучности: *крв-*, *држ-*, *глт-* и т. п. Наличие подобных сочетаний противоречило фонетической структуре восточнославянского слога, поэтому эти сочетания так или иначе должны были видоизмениться: в них должно было произойти образование нового гласного или выпадение плавного. В общем все славысты, расходясь между собой в частности, принимают объяснение «механизма» изменений в указанных сочетаниях, предложенное А. А. Шахматовым.³⁹⁸ Как полагает А. А. Шахматов, плавные согласные *r* и *l* после падения редуцированных между шумными согласными в неударяемом положении становятся слогаобразующими,

³⁹⁸ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 181 и след.

уюющими, а затем на юго-западе при этих слогаобразующих *r* и *l* развиваются гласные *y* и *i*, принимающие на себя функцию слогаобразования. В дальнейшем *y* и *i* изменяются в соответствии с судьбой этих гласных в украинском и белорусском языках. Обычно *y* и *i* образовывались после *r* и *l*, но в карпатских говорах имеются *дыреа*, *кывавый*, *грымѣты*, *хырбет*, *тырвога*, *мырныца*, *сылза* и т. п. Остается неясным, развились ли звуки *y* и *i* перед плавными, или здесь имела место метатеза. «Чистота» фонетического изменения впоследствии была «замутнена» воздействием аналогии. Ср. укр. *слѣза* (диалектное *слиза*, являющееся фонетически закономерным), белор. *слѣза* и т. п.

На северо-востоке новообразованные сочетания *ро*, *ло*, *ре*, *ле*, скорее всего, нефонетического происхождения: они возникли по аналогии с родственными формами (*кывавый* под воздействием *кывь*, *глотати* < *глотка*, *слѣза* < *слѣз*, *слѣзка* и т. п.). В отдельных случаях и на севере развитие пошло фонетическим путем: диалектное *кстить*, *кстѣны* (из *крѣстити*), географическое название *Псков* (из *Пльсковъ*).

Уязвимым местом изложенной гипотезы является предположение о грамматической аналогии. «Исключения» из фонетической закономерности в украинских и белорусских говорах занимают разные ареалы и, скорее, говорят о реализации различных возможностей изменения интересующих нас сочетаний и о сложных взаимодействиях близкородственных диалектов, нежели об аналогии. К сожалению, мы не располагаем обстоятельными диалектными данными об этом явлении. В белорусском диалектологическом атласе вовсе нет карты (и соответствующих комментариев к ней), посвященной рефлексам *trət* и пр., как нет данных и об отпадении начального *jь, о котором у нас шла речь выше. Было бы важно учесть весь лексический материал, относящийся к этому явлению, и проследить распространение каждой отдельной словоформы. Приходится только пожалеть, что авторы белорусского атласа в программе и подготовке карт слишком слепо следовали за диалектологическим атласом русского языка, не всегда учитывая своеобразие белорусских говоров. Представляется недостаточно доказанным предположение о грамматической аналогии и в русском языке, где *ро*, *ло*, *ре*, *ле* проводятся с чрезвычайной последовательностью (если вычесть фонетические изменения, связанные с редукцией неударяемых слогов и разными типами аканья-яканья), говорящей, скорее, в пользу фонетики, а не грамматики. В связи с этим не невероятна гипотеза Н. С. Трубоцкого, который полагал, что на северо-востоке вовсе не было выпадения слабых *ъ* и *ь* после *r* и *l*, а, наоборот, произошло усиление этих *ъ* и *ь* в частной позиции — в сочетании с плавными.³⁹⁹

³⁹⁹ N. T r u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung. . . , стр. 296—297.

В таком случае перед падением редуцированных, т. е. в XI—XII вв. на юго-западе и северо-востоке имели место противоположные процессы: дальнейшее ослабление слабых *ъ, ь*, затем их исчезновение и возникновение вставочных *у* и *и* (не обязательно через ступень слогаобразующих *г, ъ*) и, наоборот, усиление слабых *ъ, ь*, которое было связано с потребностью избежать наметившегося возникновение необычных сочетаний согласных. В некоторых северных диалектах возникла та же тенденция, что и на юго-западе, приведшая к выпадению плавных согласных, но она реализовалась только в отдельных словах.

Написания *ро, ло, ре, ле* появились на севере в XIII в., т. е. в то же время, когда там шло падение редуцированных, и непосредственно вслед за ним: *креню* 'куплю' (Чудовский список Пандектов Никона Черногорца XIV в.), *въ дровѣхъ* (Русская Правда 1282 г.), *до крове, въ крови, оустремися, яблоко, слеза* (Пандекты Никона Черногорца 1286 г.), *крови* (новгородские грамоты XIII в.) и т. д. Такое раннее появление указанных написаний свидетельствует в пользу фонетического изменения *ръ, лъ, рь, ль* в *ро, ло, ре, ле*. Чтобы доказать гипотезу о грамматической аналогии, следовало бы обнаружить какой-то этап в северо-восточной письменности, когда господствовали бы написания одних плавных без гласных. Подобные написания (типа *крее*) встречаются, но нерегулярно, и фонетическая значимость их неясна. Если уж говорить о воздействии аналогии, то с таким же успехом его можно предположить и до падения редуцированных (подравнивание слабых *ъ* и *ь* к сильным в специальных условиях наших словосочетаний), как и после такового.

На юго-западе написания *ры, лы, ри, ли* появляются также в XIII в. Если учесть, что падение редуцированных в юго-западных областях завершилось в середине XII в., существование гласных, вполне возможно (во второй половине XII—начало XIII в.). И. Панкевич отмечает написание *kirnicze* (современное *кирница, криница*) в документе 1248 г.⁴⁰⁰ В соответствующих пособиях обычно приводятся примеры: *яблыко* (Житие Саввы Освященного, XIII в.), *скрыжеть* (Луцкое евангелие XIV в.), *дрыжати, криницами* и др. (украинские грамоты XIV в.) и т. п. Как указывает Е. Ф. Карский, в белорусской письменности *ры* и прочие появляются в XV в.: *раскрываваляня* (грамота 1432 г.), *дрыжаху* (Четья 1489 г.) и т. д.⁴⁰¹ Ср. еще в западнорусском сборнике XV в.: *на кристе, христыя, хришон* и др. Однако сочетания типа *ры* на западе появляются несомненно раньше. Ср. *яблыко* в псковской рукописи библиотеки Софийского кафедраль-

ного собора 1282 г. Псковские говоры занимали крайний север ареала данных сочетаний. По-видимому, написания типа *крави* (западнорусская Псалтырь 1296 г.) передавали произношение *ры*. Впрочем, такого рода написания, как указано выше, нуждаются в специальном разыскании. Важно отметить, что в ряде говоров устанавливались взаимоисключающие варианты произношения, причем победа одного из вариантов достигалась не сразу. Например, в современных полтавских говорах наряду с *ри* (*ри^о*) существует и *ро* (*кривавий* и *крававий*), которое представлено довольно широко, хотя *ри* уже господствует.⁴⁰²

4. О рефлексах редуцированных *ъ* и *ь*

Наличие в славянских языках форм типа сербохорв. *добрѣ*, чешск. *dobrý*, польск. *dobry*, ст.-сл. *добрый* и т. п. предполагает, как считают все слависты, что в общеславянском языке были особые редуцированные гласные *ъ* и *ь*, употреблявшиеся перед *ј*. Не исключено, что уже в общеславянскую эпоху эти гласные имели по диалектам различные варианты произношения, хотя такое предположение может быть пока только гипотетическим.

Вместе с утратой редуцированных *ъ* и *ь* видоизменились и гласные *ъ* и *ь*. Восточнославянская языковая область по судьбе *ъ* и *ь* (в сильной позиции) в общем разделилась на две зоны — северо-восточную и юго-западную: русск. *мою, рою, слепой, шей, пей* — укр. *мюю, рюю, слпий, шия, пий*, белор. *мью, рью, мяпы, шия, пий*. Произношение *ој, еј* в этом положении — характерная особенность русского языка, неизвестная другим славянским языкам. Исключения из этого правила имеют частный характер, требующий специального объяснения, или вызваны книжным (церковно-славянским) влиянием. Например, современное литературное произношение *-ый, -ий* в неударяемых слогах (*добрый, синий*) вызвано орфографической традицией (произносить так, как пишется), тогда как в говорах обычно *-ой, -ай, -ей, -'ай* (или *-ъй, -ьй*) и в этом положении. Книжные нормы произношения установились в словах *убийство, кровопийца* и т. п.

Современное положение рефлексов *ъ, ь* в восточнославянских говорах исследовала Н. Н. Пшеничнова, использовавшая материалы диалектологических атласов русского, украинского и белорусского языков.⁴⁰³ В личных формах глаголов (*мою, можешь* и т. п.)

⁴⁰² В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків, 1957, стр. 46.

⁴⁰³ Н. Н. Пшеничнова. 1) К истории редуцированных *ъ, ь* в восточнославянских языках. Научн. докл. высшей школы. Филол. науки, 1960, № 1; 2) Гласные на месте редуцированного *ъ, ь* в говорах восточнославянских языков. В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964; 3) К истории редуцированных *ъ* и *ь* в восточнославянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

⁴⁰⁰ И. П а н ь к е в и ч. Нарис історії українських закарпатських говорів, стр. 35—36.

⁴⁰¹ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, вып. 1, стр. 150 и след.

о на месте *ǫ* занимает территорию восточнее и севернее линии Псков—Залучье—Торопец—Ржев—Белев—Кромы—Суджа—Белгород и далее по русско-украинской границе. На юго-западе Калужской и севере Орловской областей имеется зона произношения *э* (*мэю, мэшь* и т. п.). Западнее и южнее указанной линии лежит массив говоров с *ы* (исключая зону произношения *э*). Под влиянием русского литературного языка произношение *о* (как и в других категориях слов) продвигается на юго-запад, охватывая, таким образом, всю территорию русского языка. Географическое разграничение произношения *о* и *ы* в именах прилагательных именительного падежа единственного числа мужского рода примерно то же, что и в личных глагольных формах, но все же в данном случае граница проходит западнее. Произношение *э* (*молодэй, глукэй* и т. п.) занимает значительно большее пространство, захватывая многие западнорусские говоры и окраинные северо-восточные говоры белорусского языка. Произношение *ы* и *э* имеется также в небольшой группе олонецких говоров, а в единичных словах — и на востоке северновеликорусского наречия. Значительно отличаются от указанных изоглоссы границы распространения вариантов произношения местоимения *ты*. Подавляющее большинство русских говоров, а также украинские говоры Закарпатья употребляют форму *тот*, которая, естественно, выпадает из нашего рассмотрения. Для западной части восточнославянских диалектов характерен вариант *той* (*о* на месте *ǫ*). Варианты *тый* и *тэй* известны в ряде украинских и белорусских говоров, а также в некоторых западных и северных русских говорах.

Далее Н. Н. Пшеничнова рассматривает рефлексацию *ї* прежде всего в начальном ударенном открытом слоге (*šja). На северо-востоке произносится в этой позиции *e*, на юго-западе — *i* (*i > y*) — граница примерно та же, что и граница между *о* и *у*. Наличие в некоторых северновеликорусских говорах *i* объясняется совершенно другой причиной (*e > i* между мягкими согласными). В общем та же граница между *e* и *i* и в формах повелительного наклонения (*пей, пейте* и т. п.), то же происхождение *i* в отдельных северновеликорусских говорах. Нужно только отметить, что *e* произносится также в брестских говорах белорусского языка (особо стоит белорусская юго-западная форма *пеце*, где *-еце* — из *-бце*).⁴⁰⁴ Особое положение занимает форма родительного падежа множественного числа, имен существительных основ на **-i* и **-jǫ*. Мы и здесь ожидали бы ту же картину рефлексации *ї*, что и в вышеприведенных случаях, однако положение тут иное: форма *-ей* свойственна не только русскому языку, она господствует и на украинско-белорусской территории. Произношение

-ий отмечается в юго-западных украинских говорах, причем наиболее последовательно проводится в говорах Закарпатья. Это *-ий* имеется также в некоторых брянских говорах. Наконец особняком стоит произношение *ї* в словах *соловей, муравей* и *воробей*. Во всех восточнославянских языках господствует *-ей*. Лишь в немногих украинских говорах в этих словах произносится *-ий*, которое также известно в тех южновеликорусских брянских говорах, которые знают *-ий* в родительном падеже множественного числа основ на **-i* и **-jǫ*.

Теперь обратимся к данным древней восточнославянской письменности. Нужно заметить, что древнерусская орфография в написании рефлексов *ǫ* и *ї* следовала за старославянской традицией, особенно в орфографии именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода. Современные русские орфограммы *добрый, синий* и т. п. являются наследием этой традиции, которая в безударном положении не была сломлена в течение многих столетий и теперь переходит в само произношение. Естественно поэтому, что нормы древнерусского произношения с трудом пробивались через броню орфографического наследия, о чем мы никогда не должны забывать. Обычно считается, что северо-восточные *-ой, -ей* впервые находят свое отражение в письменности не ранее XIII в. Однако написания *-ой* и *-ѣй* встречаются и в более ранних памятниках: *Нестере чюдной* (Новгородская минья 1096 г.), *вѣчной животъ* (Новгородская минья 1097 г.), *день соудной* (Евгеньевская псалтырь), *видѣти, державнѣти, нарицаемѣти* (Остромирово евангелие), *умърѣти* (Милятино евангелие), *пречистѣти, блаженѣти* (Житие Нифонта) и т. п. Таких случаев в древнерусской письменности XI—XII вв. довольно много, поэтому отнести их к категории описок оказалось невозможно. Было высказано предположение, что написания *-ои, -ѣи* в памятниках XI—XII вв. были перенесены переписчиками из южнославянских оригиналов и поэтому они ни в какой мере не отражают восточнославянское произношение. В Зографском евангелии и Синайской псалтыри встречаются *-ои* и *-ѣи*, причем их образование нужно отнести за счет аналогии (влияние именных форм прилагательных на местоименные).⁴⁰⁵ Следует заметить, что *-ои, -ѣи* имеются не только в прилагательных, но и в местоимениях: *всѣкѣи* (Милятино евангелие 1215 г.), *тѣи* (Евангелие 1270 г.) и др. Для старославянской письменности в целом были характерны написания *-ыи*, а не *-ои, -ѣи*. Возможность механического переноса *-ои, -ѣи* со старославянской почвы на древнерусскую не исключается, но в то же время и не может быть доказанной. Указанные написания, поскольку нет каких-либо убедительных доказательств их старославянского чисто

⁴⁰⁵ Б. М. Ляпунов. Памяти академика Алексея Александровича Шахматова. Обзор его лингвистических трудов. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XXVIII, 1925.

⁴⁰⁴ Ю. Ф. Мацкевич. Марфалогія дзеяслова *ў* беларускай мове. Мінск, 1959, стр. 234 и след.

орфографического происхождения, нельзя игнорировать при освещении проблемы истории *ǫ*, *ї* на восточнославянской почве, хотя они и противоречат нашим представлениям о времени падения редуцированных в древнерусском языке.

К бесспорным случаям отражения произношения *ǫ* и *ї* как *o* и *e* относят, как сказано выше, примеры из северо-восточных памятников XIII—XIV вв.: *попъ новгородокъ* (вместо *новгородокъ*), *нѣмецкѣ* (вместо *нѣмецкѣи*) в новгородском договоре 1189—1199 г. (по копии 2-й половины XIII в.), *жеребей* (вместо *жеребейи*) (там же), род. пад. мн. ч. *треи* (Новгородская договорная грамота около 1263 г.), *бес треи кунъ* (Русская Правда 1282 г.), *дѣжюи* (1-я Новгородская летопись по Синодальному списку), *свиней* (духовная грамота Климента Новгородца до 1270 г.), *винопейца* (Переяславское евангелие 1354 г.), *князь великой* (Московское евангелие 1339 г.) и т. д. Ср. еще в новгородских берестяных грамотах: *Ѡ Василеа*, *Ѡ Терьнтеа* (№ 263, XIV в.), *Зѣновеи* (№ 308, 1-я половина XV в.) и др. Иначе обстоит дело с отражением в письменности *э* на месте *ǫ*. Е. Ф. Карский замечает, что «в старых западнорусских памятниках рассматриваемое явление отражения не имеет; отсюда можем заключить, что оно происхождения не особенно древнего». ⁴⁰⁸ Пример на *э* неожиданно обнаруживается в новгородской берестяной грамоте № 19 XV в.: *хлебъ сухей* (если это не описка, такое написание лишней раз указывает на смешанный характер населения средневекового Новгорода). В псковской письменности XV—XVI вв. написания *-ей* на месте *ǫ*, в которых можно видеть произношение *-эй*, уже не единичны: *пѣсней члкъ* (Новороссийский список 4-й Новгородской летописи), *въ новей городок* (Синодальный список XV в. 2-й Псковской летописи), *рѣчней*, *красней*, *старей* и др. (Погодянский список 1-й Псковской летописи) и т. д. Как показывают данные лингвистической географии, произношение *э* тесно связано с произношением *ы*. По всей видимости, первоначально оно было вариантом *ы*, поэтому понятно, почему оно почти не находило своего отражения в письменности. Идревле усвоенные написания *ы* и *и* могли скрывать различные варианты рефлексов *ǫ* и *ї* на юго-западной и западной территории.

Объяснения истории редуцированных *ǫ* и *ї* на восточнославянской почве различны. Высказанные на этот счет мнения можно разбить на две группы: 1) морфологическую и 2) фонетическую. Согласно морфологической точке зрения, произношение *o* и *e* в северо-восточной зоне и *э* в западной возникло в результате воздействия родственных форм: *молодой* вместо *молодый* образовалось под влиянием *молодого*, *молодому* и т. п., *той* под влиянием *того* и т. д., *молодэй* — под воздействием формы дательного падежа *синей* и т. п. Однако эта старая точка зрения плохо объясняет

⁴⁰⁸ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 156.

рефлексы *ǫ* и *ї* в глагольных формах, является искусственной, поэтому в настоящее время не имеет приверженцев. В основе интересующего нас явления лежат фонетические причины, скрытые пружины которых остаются еще во многом неясными. В свое время Р. Ф. Брандт выдвинул предположение, что в северо-восточной зоне *ǫ*, *ї* изменились в «нормальные» *э*, *е*, которые в сильном положении проявились в *o*, *e*. ⁴⁰⁷ Эта точка зрения поддерживалась А. И. Соболевским, Е. Ф. Будде, Н. С. Трубецким, Л. А. Булаховским и рядом других ученых. Н. С. Трубецкой, например, исходил из того, что на северо-востоке произошло «усиление» *ǫ*, *ї* перед *j* независимо от ударения и следующего за йотом гласного, в результате которого образовались сочетания *эj*, *еj*, с падением редуцированных превратившиеся в *oj*, *ej* (*слепой*, *мою*, *Лукоян*, *костей*, *шея*, *ручек*). На юго-западе этого усиления не произошло и не могло произойти, так как во время действия указанного усиления редуцированные гласные там уже превратились в гласные полного образования. ⁴⁰⁸ Однако такое объяснение представляется искусственным, специально подогнанным к северо-восточному процессу. Доказать, что «усиление» происходило в середине XII до середины XIII в., а не раньше (если оно вообще имело место), невозможно, хотя предположение о *эj*, *еj* само по себе исключать нельзя, поскольку оно проще всего объясняет происхождение *oj*, *ej*.

С точки зрения другой группы ученых, никакого преобразования *ǫj*, *їj* в *эj*, *еj* («напряженные глухие») не было. А. А. Шахматов одно время считал (его позиции изменялись), что *ǫ* перед *j* лабиализовался и изменился в ненапряженный открытый *o*, а *ї* изменился в нелабиализованный *e*, причем наличие и отсутствие лабиализации зависело от твердости и мягкости предшествующего согласного. ⁴⁰⁹ Остается совершенно неясным, почему этот процесс имел место только на северо-востоке, а не на всей восточнославянской территории, поскольку специальные условия для него не определялись. А. М. Селищев, критикуя Л. А. Булаховского за его приверженность к гипотезе «напряженных глухих», полагал, что первоначальные *ǫ*, *ї* находились не перед *j*, а перед *i*. После изменения *i* в *j* редуцированные *ǫ*, *ї* превратились в гласные полного образования *у*, *и* в результате их удлинения. В русском языке *uj*, *ij* любого происхождения «подверглись диссимиляции в отношении подъема спинки языка»: *yi* > *oj*, *ij* > *ej*: *новой*, *слепой*, *сам-третьей*, *Кеев*, *Купреян*, поволжское *Англея*, *анг-*

⁴⁰⁷ Р. Ф. Брандт. О мнимом переходе *ы*, *и* в *o*, *e*. Русск. филол. вестн., 1881, № 1, стр. 253—257.

⁴⁰⁸ N. T g u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung. . . стр. 297—298.

⁴⁰⁹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 349 и след.

лейский.⁴¹⁰ Верно, что в русских говорах в настоящее время существует тенденция заменять сочетание *ij* сочетанием *ei* (рассейский, кампанейский и т. п.), но доказанной эту тенденцию можно считать только в положении под ударением. Находится ли она в прямой связи с древним изменением, которое нас здесь интересует, остается недоказанным. Произношение *Англея* (*ej* в ударяемом положении) свойственно лишь некоторым русским говорам. Как подтвердить диссимиляцию в сочетании *uj* и почему при такой диссимиляции *ь* изменился в *о*, а не в *е* — вопросы, которые остаются открытыми.

Н. Н. Пшеничнова, присоединяясь к лингвистам, отрицающим ступень развития *ъj*, *ьj* в северо-восточной зоне, видит причину диалектных расхождений в том, что в различных говорах древнерусского языка *ъ* и *ь* произносились неодинаково по подъему. Редуцированный *ъ* более верхнего образования изменился в *у*, а менее верхнего образования — в *о*, соответственно *ъ* > *и* и *ь*. Чтобы объяснить изменение *ъ* в *о*, ей приходится допустить, что в диалектах, имевших *ъ* менее верхнего образования, этот гласный сохранял лабиализацию (иначе происхождение *о* было бы непонятным), тогда как у более верхнего образования такую лабиализацию утратил.⁴¹¹ Подобного рода допущение исходит не из фактов, а выдвигается специально к данному случаю, и доказать его нельзя. Что касается объяснения *э* как гласного, развившегося из *ь* в относительно позднее время, то оно выглядит правдоподобно.

Итак, вопрос о происхождении восточнославянских рефлексов *ъ*, *ь* остается открытым. По-видимому, его невозможно окончательно решить, если оставаться на чисто фонетических позициях. Общеславянские редуцированные *ъ*, *ь*, вероятно, выполняли те же фонологические функции, что и *ъ* и *ь*, и были их позиционно обусловленными вариантами (положение перед *j*). Написания типа *гостъи*, *мъж*, *добръи* в старославянских и древнерусских памятниках (о них см. выше) свидетельствуют о фонологической общности всех редуцированных. Еще до падения редуцированных *ъ* и *ь* имели разные оттенки произношения как по отдельным диалектам, так и в различных категориях слов. Их дальнейшая судьба зависела от изменяющихся фонетических условий и от грамматических факторов. В северо-восточной зоне варианты *ъ*, *ь* и *ъ*, *ь* полностью совпали в *ъ* и *ь*, чего не произошло на юго-западе. По-видимому, такое различие зависело в первую очередь от судьбы последующего *j*: в диалектах, в которых произошло ослабление *j* и затем его выпадение, *ъ*, *ь* изменились в *у* и *и* (ср. отпадение *j* в именительном падеже единственного числа мужского рода имен прилагательных и в некоторых других формах не

⁴¹⁰ А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка, стр. 178—179.

⁴¹¹ Н. Н. Пшеничнова. К истории редуцированных *ъ*, *ь* в восточнославянских языках, стр. 21—22.

только в инославянских языках, но и в белорусском языке и в некоторых говорах украинского языка). Этому изменению в определенных случаях способствовали грамматические факторы: необходимость отличать единственное число от множественного в именах прилагательных, воздействие основ инфинитива в личных глагольных формах и др. На северо-востоке *j* сохранял свои позиции, что способствовало совпадению *ъ* с *ъ*, а *ь* — с *ь*. Позиции *j* оказались более прочными в именных основах **-j*, **-jo* в родительном падеже множественного числа и в словах *соловей*, *муравей* и *воробей* (по-видимому, также не без влияния грамматики). В этих позициях совпадение *ъ* с *ь* произошло в подавляющем большинстве восточнославянских диалектов. Нет никакой надобности прибегать здесь к предположению о поздней аналогии, когда *е* разъясняется естественным путем. Таким образом, судьба новообразованных вариантов *ъ*, *ь* прежде всего зависела от истории *j*, наличие которого еще в общеславянском языке и обусловило само существование этих гласных. К сожалению, история *j* изучена еще очень недостаточно, поэтому предположения о происхождении рефлексов *ъ*, *ь* поневоле имеют пока что самый общий и гипотетический характер.

Как и по многим другим явлениям, диалектный распад восточнославянской территории по произношению *ъ*, *ь* начался еще до падения редуцированных: где-либо в XI—XII вв. на северо-востоке были распространены *ъj*, *ьj*, тогда как на юго-западе в личных глагольных формах и именительном падеже единственного числа мужского рода имен прилагательных продолжали употребляться *ъi*, *ьi*. После падения редуцированных возникло географическое противопоставление *y(j)*, *i(j)* — *oj*, *ej*, затем осложненное через промежуточные ступени *y^o*, *э^o* (отмеченные в некоторых говорах) вариантом *эj*. Ввиду разной судьбы *j* и грамматических факторов развитие *ъ*, *ь* в разных категориях слов стало не совпадать, в связи с чем изоглоссы рефлексов *ъ*, *ь* в этих категориях оказались неодинаковыми. Конечно, за многостолетнюю историю восточнославянских говоров в географии рефлексов *ъ*, *ь* произошло немало изменений. По всей вероятности, в XIV—XVI вв. имело место продвижение *ыj*, *эj* на восток и северо-восток, связанное с экспансией других белорусских особенностей. Исследователи не раз отмечали эту экспансию, говоря о древнерусских говорах, в своей основе бывших северновеликорусскими. Западная волна частично докатилась до онежских (олопецких) говоров. Предположение, согласно которому *эj* возникло будто бы на Псковщине и лишь затем распространилось на юг, вряд ли приемлемо, поскольку оно противоречит общему движению диалектных явлений указанного времени и поскольку главная территория распространения *эj* лежит южнее псковских земель.

Заканчивая описание диалектных явлений в системе гласных, вызванных падением редуцированных или связанных с таковыми,

мы далеко не исчерпываем открывающихся в данном направлении возможностей исследования. Это касается не только всякого рода частных, о которых уже писалось в лингвистической литературе. На указанном пути возможны открытия и существенных явлений. А теперь мы переходим к анализу диалектных особенностей в системе согласных.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФРИКАТИВНОГО γ И ФАРИНГАЛЬНОГО h

По произношению g и $\gamma(h)$ славянские языки делятся на три зоны: 1) центральнославянскую, 2) южную и 3) северную. В центральной зоне, к которой относятся южновеликорусское наречие русского языка, белорусский, украинский, словацкий, чешский и верхнелужицкий языки, а также западнословенские говоры, произносится фрикативный γ или фарингальный h . В северной (северновеликорусское наречие, польский, кашубский, полабский и нижнелужицкий языки) и южной (болгарский, македонский, сербохорватский языки и основная часть словенского языка) зонах нормой является взрывной g . Произношение $\gamma(h)$, как правило, — черта очень устойчивая. Взрывной g появляется только в немногих заимствованных словах. Фрикативный γ свойствен южновеликорусским говорам, белорусскому языку и западнословенским говорам, на всей остальной территории центральнославянской зоны представлен фарингальный h . Фарингальный h сосуществует с γ в западнословенских говорах, имеется он и в ряде юго-западных говоров белорусского языка (к сожалению, авторы белорусского диалектологического атласа вовсе обошли вопрос о распространении h в Белоруссии).

Линия разграничения g и γ на восточнославянской территории идет от г. Себежа с запада на восток к пунктам несколько южнее Великих Лук и Торопца, западнее Ржева круто опускается на юго-восток к Медвьи Калужской области (не доходя р. Угры), далее тянется на восток между Москвой и течением р. Оки до пунктов западнее Муром, откуда направляется круто на юго-восток в сторону Волги. Авторы книги «Русская диалектология» практически отождествляют зону распространения γ с территорией южновеликорусского наречия. Если в речи коренного населения южновеликорусских говоров, не освоившего нормы литературного произношения, взрывной g исключается (даже в новых заимствованных словах произносится только γ), то на севере, наоборот, пртивостоящий ему фрикативный γ возможен в определенных случаях (в некоторых словах, связанных в прошлом с церковно-религиозным обиходом, в сочетаниях $\gamma d - \gamma de$, $когда$ и пр., в междометиях типа $ага$, $угу$, в некоторых словах, передающих крики животных, — $реучет$, $гумкает$ и др.). Наличие γ в указанных категориях слов вполне объяснимо — мы имеем дело с церков-

ным произношением, а также с ослаблением затвора в взрывном g в определенных случаях перед взрывными звонкими согласными и между гласными. Впрочем, нужно заметить, что γ в указанных группах слов известен далеко не всем северновеликорусским говорам. Многие из этих говоров знают только g , которое произносится и в словах типа *господь*, *богатый* и пр. По-видимому, ослаблением затвора взрывного g объясняется наличие в немногих (например, онежско-беломорских) говорах фрикативного γ в окончаниях родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и особенно местоимений (*доброю*, *синою*, *кою*, *ею* и т. п.). Особый интерес представляют немногие северновеликорусские говоры (например, островок говоров южнее Онежского озера), в которых γ является нормой. Пока трудно сказать, являются ли такие говоры говорами переселенцев с юга или в них проявилась тенденция изменения g в γ независимо от южновеликорусского наречия. Скорее, можно предположить первое, если учесть движение некоторых диалектных черт с юго-запада на северо-восток и чрезвычайную устойчивость произношения γ , с большим трудом поддающегося воздействию со стороны g .

О происхождении $\gamma(h)$ и времени его появления написано много работ. Л. Новак в свое время выдвинул гипотезу, согласно которой γ будто бы возник после IV в. н. э. как «структуральное проявление монголизации праславянского языка». Фрикативный γ стал характерной особенностью всего праславянского языка, который после его распада в одних диалектах сохранился, а в других был заменен g .⁴¹² Гипотеза об общеславянском γ и позднем возникновении g была высказана С. Буличем еще в конце прошлого века.⁴¹³ Подобная точка зрения на происхождение γ дружно отвергается всеми славистами как необоснованная. Первичность общеславянского g и вторичность γ считается доказанной и не подлежащей сомнению. Возникновение γ из g объясняется фонетическими и физиологическими причинами. В общеславянском языке спирант ch не имел себе звонкого соответствия: существовало соотношение $k—ch$. Позже в ряде диалектов произошло перераспределение фонем: $g—ch$. Физиологически это означало утрату затвора в фонеме g — взрывной согласный превратился в фрикативный, а в дальнейшем в ряде языков — в фарингальный ($g > \gamma > h$). Будем считать, что эта исходная позиция является верной. Однако когда имело место изменение g в h ? На этот вопрос в лингвистической литературе нет однозначного ответа. Существуют две основные гипотезы: 1) фрикативный γ возник

⁴¹² L. N o v á k. Neznáme nemecké vplyvy na zapadnoslovanský, východoslovanský a maďarský konsonantismus. *Linguistica slovacca*, 1939—1940, 1—2, стр. 109 и след.

⁴¹³ S. B u l i t s c h. Slavische Miscellen. *Indogermanische Forschungen*, Strassburg, 1895, 5, стр. 389—396.

рано, еще в эпоху общеславянского языка; 2) этот согласный развился из *g* сравнительно поздно, после распада общеславянского языка на самостоятельные языки, причем в каждом отдельном славянском языке процесс изменения *g* в *γ* протекал независимо друг от друга.

А. А. Шахматов, ссылаясь на широкое распространение *γ* в современных славянских языках, высказал предположение, что *γ* возникло в диалектах общеславянского языка на позднем этапе общеславянской эпохи. Ссылаясь на Ф. Ф. Фортунатова, он также считал, что *γ* могло развиться в некоторых словах на протетического *h* (перед *o* в абсолютном начале слова, перед местоименным корнем *e*, между гласными в сочетаниях *o, eo, do*). Это *γ* в диалектах, сохранивших взрывной *g*, обычно затем заменялось этим *g*.⁴¹⁴ Н. С. Трубецкой также высказался за общеславянское происхождение *γ*. По его мнению, изменение велярного *g* в спирант *γ* произошло в тех общеславянских диалектах, в которых имело место изменение *g'* в *dž > ž*, кроме говоров, в которых совпали *с* и *š* и *χ* проявило тенденцию к исчезновению. В этих диалектах образовались два трехчленных ряда: *š—ž—ž* и *с—s—z*. Этой системе уже не мог соответствовать трехчленный ряд *k—χ—h*, в котором третьим членом был велярный *g*, — он был заменен *γ*. Таким образом, сложились три трехчленных ряда: *š—ž—ž*, *с—s—z* и *k—χ—γ* (< *g).⁴¹⁵ Нужно сказать, что фонологическая схема Н. С. Трубецкого никак не объясняет отсутствие *γ* в южнославянских языках и в тех говорах русского языка и лехитской языковой группы, в которых имеются оба первых ряда и нет совпадения *с* и *š*. Следовательно, гипотеза Н. С. Трубецкого не может быть принята. Ранее Н. С. Трубецкой, присоединяясь к гипотезе А. А. Шахматова, приводил в ее пользу конкретные исторические факты. Он, например, указывал, что в древнечешском языке *g*, возникший из *k* после падения редуцированных, уже не подвергся изменению *γ > h*: ср. чешск. *kde, kdy* (приносятся *gde, gdy*) из *kъd-*, тогда как чешск. *tehdy* — из *tъ-γъd-*. Следовательно, возникновение *γ* древнее падения редуцированных в древнечешском языке, древнее дошедших до нас богемских письменных памятников. Вполне вероятно прямая связь в образовании *γ* между диалектами, из которых сложились чешский, верхнелужицкий, украинский и другие языки. Центральнославянское *γ* возникло в то же время, когда в южнославянских и других языках произошло упрощение групп *tl, dl* в *l*. Те словенские диалекты, в которых имеется *g > γ > h* и одновременно сохраняются *tl, dl*, в древнюю эпоху были ближе к центральнославян-

ским, чем к южнославянским диалектам.⁴¹⁶ К хронологии *g > γ*, предложенной А. А. Шахматовым, присоединились Р. О. Якобсон⁴¹⁷ и ряд других ученых. Фонологическую гипотезу, близкую к схеме Н. С. Трубецкого, высказал А. Вайян, который считает *γ* продуктом системы чередования. Отношение *γ*: *ž* точно такое же, как *χ*: *š*. Вследствие этого в чешском языке, например, старое отношение *blagy: *blažiti* было заменено отношением *blahý:blažiti*.⁴¹⁸

В отличие от А. А. Шахматова Р. И. Аванесов полагает, что восточнославянское *γ* в своем происхождении не зависело от чешско-словацкого *h*. Однако *γ* возникло на восточнославянской почве рано, задолго до падения редуцированных. В украинском языке в конце слов возможно произношение оглушенного *g*, а это *x*, которое появилось после падения редуцированных, соответствует не *h*, а *γ*. Современные украинские говоры сохранили различные степени перехода *γ* в *h*. Следовательно, было время, когда на восточнославянской территории имела единая диалектная зона распространения *γ*. В основном эта зона соответствует «Русской земле» конца XI—начала XII в. с некоторым расширением ее на северо-восток по течению р. Оки от Коломны до Старой Рязани и дальше и с включением южных областей Белоруссии. Киевское, Переяславское и Черниговское княжества были первоначальной территорией *γ*. В северо-восточной Белоруссии *γ* появляется позже. Само *γ* возникло до сложения «Русской земли», в эпоху, предшествующую XI—XII вв. Что касается *h*, то этот согласный появился поздно, когда формировался украинский язык.⁴¹⁹

Большинство современных славистов стоит за то, что *γ* возникло из *g* поздно, в каждом славянском языке независимо от других языков. Мысль о позднем происхождении *γ* (в историческое время развития славянских языков) высказал Я. Гебауэр.⁴²⁰ Для хронологизации *γ* И. Иречек⁴²¹ и Ф. Бергманн⁴²² обратились к анализу языковых особенностей древнечешских дипломатических источников. А. Мазон для тех же целей исследовал чешско-европейские глоссы,⁴²³ а Е. Шварц — чешско-немецкие.⁴²⁴ С критикой

⁴¹⁶ N. T r u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung. . . стр. 292.

⁴¹⁷ См.: R. J a k o b s o n, F. T r á v n í č e k. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. Slavia, 1925—1926, IV, 4, стр. 812—814.

⁴¹⁸ A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, § 11.

⁴¹⁹ Р. И. А в а н е с о в. Лингвистическая география и история русского языка, стр. 44 и след.

⁴²⁰ J. G e b a u e r. Historická mluvnice jazyka českého, I. Praha, 1894, стр. 456 и след.

⁴²¹ J. J i r o č e k. Alter des czechischen *h* für *g*. JA, II, 1877, стр. 333—336.

⁴²² F. B e r g m a n n. K chronologii některých staročeských zjevů mluvnických. Listy filologické, XLVIII, 1921, стр. 237.

⁴²³ A. M a z o n. Le passage de *g* à *h* après quelques gloses judéo-thèques. Revue des Études slaves, VII, 1927, стр. 261 и след.

⁴²⁴ E. S c h w a r z. Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. Prag, 1931, стр. 295—314.

⁴¹⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 33 и след.

⁴¹⁵ N. S. T r u b e t z k o y. Zur Entwicklung der Gutturale in slavischen Sprachen. Сб. в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933, стр. 267 и след.

схемы Н. С. Трубецкого выступил Ф. Травничек.⁴²⁵ Ф. Травничек считает, что эта схема противоречит реальным историческим фактам: 1) фонема γ акустически близка к h ; если бы γ в чешском был унаследован из общеславянского языка, то в латинской графике древнечешской письменности он передавался бы буквой h , а на самом деле в ранних древнечешских памятниках употребляется только буква g ; 2) древнечешские местные названия в немецком и латинском языках усвоены с g , а не с h (нем. *Prag*, лат. *Praga*, нем. *Iglau*, *Gödning* и т. д.); 3) в заимствованных в чешский язык словах имеется два слоя: с h и k — *pohan* < лат. *paganus*, *hrabě* < нем. *Gravio* и т. д. и *Markéta* < *Margarette* и т. д.; в последнем случае действовала субституция, когда g в чешском языке уже не было. Если бы g не было в более древнюю эпоху, то и в первой группе слов тоже была бы субституция, чего на самом деле нет. Ф. Травничек считает, что изменение g в γ в древнечешском языке произошло во второй половине XII—первой половине XIII в., не раньше. Х. Бартек еще до исследования Ф. Травничка счел возможным высказаться еще более определенно: $g > \gamma$ в древнесловацком языке произошло в первой трети XIII в. (первый достоверный случай — написание *hrad* в документе 1206 г.).⁴²⁸

Детально обсуждается каждое отдельное написание в древнечешских памятниках. Например, Я. Станислав указал на грамоту 1138 г., в которой имеется *Bahaan* (< *Boyan), *Behi*, *Behu* (= *Beu) и аналогичные написания, из чего он сделал вывод, что g изменился в γ во второй четверти XII в.⁴²⁷ Р. Крайчович спешит поправить, подчеркивая, что грамота 1138 г. сохранилась не в оригинале, а в списках 1329 г., поэтому такая датировка сомнительна. Сам Р. Крайчович, пользуясь фонологическими методами противопоставления и нейтрализации, полагает, что $g \rightarrow \gamma$ в древнечешском языке произошло на грани XI и XII вв., а в верхнелужицком языке — на грани XII и XIII вв.⁴²⁸ На позднем происхождении изменения g в γ в западославянских языках настаивают Е. Деко,⁴²⁹ З. Штибер,⁴³⁰ С. Роспанд⁴³¹ и другие ученые.

⁴²⁵ F. Trávníček. *Historická mluvnice československá*. Praha, 1935, стр. 122 и след.

⁴²⁶ H. Bartek. *Le passage de g à h en slovaque*. *Revue des Études slaves*, tome 11, fasc. 1 et 2. Paris, 1931, стр. 41—49.

⁴²⁷ J. Stanislav. *Kronologiji zmeny g > γ > h v slovenčine*. *Ročnik Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi*. Brno, 1948, стр. 368—376.

⁴²⁸ R. Krajšovič. *Zmena g > γ > (h) v západoslovenskej skupine*. *Slavia*, XXVI, 3. Praha, 1957, стр. 341 и след.

⁴²⁹ E. Decoux. *Le passage de g à h et le groupe zg*. *Revue des Études slaves*, 1957.

⁴³⁰ T. Lehr-Spławiński, Z. Stieber, S. Urbanczyk. *Gramatyka historyczna języka czeskiego*, I. Warszawa, 1957, § 114.

⁴³¹ S. Rospond. *Spirantyzacja g > h w języku staroczeskim*. *Studia linguistica in honorem Thaddej Lehr-Spławiński*, 1963 (место издания не обозначено), стр. 489—498.

И все же убедительность доводов сторонников гипотезы позднего происхождения γ относительна. В сущности, неизвестно, какие звуки передавали буквы g и h в древнечешской и древнесловацкой письменности. Степень ослабления затвора в согласном g бывает различной. Изменение g в γ произошло не сразу, а прошло через ряд ступеней ослабления затвора. То же можно сказать и о процессе $\gamma > h$. Р. И. Аванесов правильно указывает (как было сказано выше) на то, что в современных украинских говорах сохраняются следы перехода от γ к h . Между g с ослабленным затвором (g^h) и h несомненно имеется большая акустическая разница. Это g^h вполне могло субституироваться соседями центральнославянской зоны через g и на письме передаваться буквой g . Не следует также уменьшать различие между γ и h . Акустическая неотжественность их воспринимается достаточно четко. Южновеликорусское *γора* и украинское *hora* вряд ли можно спутать. Исследователи, поставившие перед собой задачу проследить, как передается неславянами согласный h , пока что не имеют данных, как передается γ . То, что в древнечешском и древнесловацком языках h появляется не раньше XII—XIII вв., можно считать доказанным, а вот происхождение γ и тем более g^h ранее этого времени никак не исключается.

С точки зрения позднего происхождения γ остается необъясненным своеобразие географического расположения этого согласного и его производного h . Почему γ и h занимают компактную географическую зону (перерывы этой зоны в виде отдельных островков словенских диалектов и верхнелужицкого языка вполне объяснимы)? Если бы γ возник независимо в каждом языке, то его распространение могло бы быть совершенно некомпактным. Во всяком случае, случайность географического единства зоны γ и h остается недоказанной, поэтому соображения на этот счет А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого, Т. Лер-Сплавинского⁴³² и других не могут быть отвергнуты без специальной аргументации (которой пока нет).

С гипотезой о древнем происхождении γ недавно выступил наш виднейший иранист В. И. Абаев.⁴³³ В. И. Абаев указывает, что судьбе g в славянских языках имеется полная аналогия в иранских языках. В древнеиранском индоевропейские * g и * gh сопали в * g . Позже в восточной ветви иранских языков (скифские и сарматские диалекты, хорезмийский, согдийский, афганский и памирские языки) g изменился в γ . В дигорском диалекте осетинского языка всякий g произносится как γ , в иронском диалекте начальный g звучит как g , но это явление позднее ($\gamma > g$). Процесс изменения g в γ в восточноиранских языках начался еще до нашей

⁴³² T. Lehr-Spławiński. *O dialektach prastowiańskich*. *Studia i szkice wybrane*. Warszawa, 1957, стр. 213—214.

⁴³³ В. И. Абаев. 1) О происхождении фонемы γ (h) в славянском. В кн.: *Проблемы индоевропейского языкознания*. М., 1964, стр. 115—121; 2) Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

эры. Для скифо-сарматских племен γ может считаться исконным согласным. Как известно, скифо-сарматские племена в течение ряда столетий занимали степные и лесостепные области южной России и несомненно имели длительный контакт со славянами. Ареал восточнославянского γ (h) почти полностью совпадает с иранской топонимикой и материальной культурой. Нужно также учитывать, что в VIII—IX вв. в Приднестровье существовала аланская салтово-маяцкая культура. Предки восточных славян восприняли у иранцев фрикативный γ . Что касается предков чехов и словаков, то они в древнейшие времена могли жить гораздо восточнее. Кроме того, сигинны Геродота локализируются в Чехословакия, а они были мидийцами, т. е. иранцами. Фонетические изоглоссы, как считает В. И. Абаев, очень стойко держатся на определенной территории, в то время как этнический состав населения этой территории может неоднократно измениться. Примеры тому — церебральные согласные в Индии и смежных областях Ирана, смычно-гортанные согласные на Кавказе. Итак, «фонема γ в славянском есть вклад скифо-сарматской речи, которой искони была присуща эта фонема».⁴³⁴

Гипотеза В. И. Абаева уязвима, Иранцы занимали южную часть России во второй половине I тысячелетия до н. э. и в начале н. э. Позже широкий контакт славян с иранцами был прерван волнами тюркоязычных и иных кочевников. Во второй половине I тысячелетия до н. э. славянские племена говорили на одном языке, о диалектном членении которого мы пока ничего не знаем (известные или предполагаемые диалектные явления общеславянского языка относятся к более позднему времени). Важные фонетические и фонологические изменения в это время охватывали всю славянскую языковую область. Территория всех славянских племен была относительно небольшой (по нашим предположениям, это теперешняя северная Украина и южная Белоруссия, по мнению польских ученых — области между Вислой и Одрой). Современные языки и вообще этнические группировки славян — явление позднее. Славянское население на протяжении тысячелетий неоднократно передвигалось и перемешивалось. Если славянское γ является наследием иранского γ , остается непонятным, почему это γ не стало общеславянским явлением. Славяне восточнее Днепра, в Подонье и Поочье — выходцы из правобережных областей, причем заселяли эти земли тогда, когда иранцев в этих местах уже не было. Надо было бы доказать, что в речи бесконечно сменявших друг друга разноразличных племен южной России фрикативный γ передавался как бы по эстафете и таким образом сохранял свою древнейшую изоглоссу. Однако доказать это невозможно, поэтому гипотезу В. И. Абаева мы можем рассматривать только как чисто теоретическое предположение, которое пока ни к чему

⁴³⁴ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы, стр. 51.

нас не обязывает. Впрочем, сама идея о субстратной подкладке γ не может быть отброшена.

Итак, время происхождения γ остается неизвестным. Если учитывать, что g , прежде чем измениться в γ , прошел через ступени постепенного ослабления затвора и что компактное географическое распространение γ (h) вряд ли является игрою случая, то можно утверждать, что начало интересующего нас процесса относится к более раннему времени, чем XI—XII вв.

Поиски отражения фрикативного γ в древнерусской письменности крайне затруднительны ввиду того, что буква g с одинаковым успехом могла изображать g и γ . Замечено, что малограмотные лица, в речи которых γ является нормой, никогда не смешивают буквы g и x не в позиции оглушения, появившейся после падения редуцированных. Только с приближением γ к h такие ошибки становятся возможными. Отмечено также, что противопоставление взрывному g невзрывного согласного начинается только на стадии h : в говорах, имеющих γ , произношение g исключено (так обстоит дело в южновеликорусских говорах), тогда как в диалектах с h заимствованные слова могут произноситься со взрывным g , который существует с h как особый, не смешивающийся с ним согласный. Все же следы невзрывного согласного (γ или h ?) в древнерусской письменности имеются.

Прежде всего отметим написания x вместо g . Древнейший, но спорный случай имеется у К. Багрянородного (949 г.): 'Остро-
р α хъ прахъ, где прахъ = прагъ (=порогъ). Как известно, об этом слове в течение длительного времени идут безуспешные споры, породившие большую литературу. Одни исследователи толкуют прахъ в значении 'порог', другие считают, что прахъ = прагъ 'пыль' (от падения воды в пороге). Все же по смыслу здесь, скорее, 'порог'. А. И. Толкачев, соглашаясь с толкованием этого слова в значении 'порог', считает, что x здесь отражает греческую, а не славянскую фонетику (также и в слове $\beta\omicron\upsilon\lambda\upsilon\eta$ прахъ), поэтому никак не может быть доказательством произношения γ в древнерусском языке X в.⁴³⁵ Такое предположение, конечно, исключать нельзя, хотя и доказать его невозможно. Одиночный пример вообще ничего не может решать в подобных вопросах. Но вот в памятниках XI в. встречаются написания не совсем одиночные: неоднократно $x\omicron\delta\upsilon$ вместо $годъ$ (Изборник 1073 и 1076 гг., Слова Григория Богослова XI в. и др.), $x\eta\eta\iota\chi\eta$ (Изборник 1073 г.), $x\eta\eta\alpha$ (Слова Григория Богослова XI в.), гиперизм $укругъ$ вместо $укрухъ$ (Изборник 1073 г.) и др. Конечно, такие примеры проще всего было бы отнести к категории описок и в дальнейшем игнорировать их, как это делают многие исследо-

⁴³⁵ А. И. Толкачев. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio». (В связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему). В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, стр. 48 и след.

ватели. Однако непонятно, почему такие «описки» встречаются только в южных памятниках и отсутствуют в северной письменности, почему написания *x* вместо *g* имеются и в поздних памятниках (опять-таки на юге!): *могила*, *хроши*, *хородинькь*, *Хришкова* и т. д. (молдавские грамоты XIV—XV вв.).⁴³⁶ Все эти примеры *x* вместо *g* становятся понятными, если предположить, что в южной письменности намечалась тенденция обозначать буквой *x* фрикативный *γ* или фарингальный *h*. В свете этих фактов и прах К. Багрянородного выглядит уже не одиночным примером.

Далее внимание исследователей привлекают пропуски буквы *g* и в некоторых случаях замены ее буквой *с*. Эти орфографические явления отражают произношение *γ* или *h*, а также выпадение этих согласных и частичную их замену билабиальным *w*. Самый ранний случай — *осподара* (надпись на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича 1151 г.). Позже появляются написания *осподарь* (Галицкое евангелие 1266—1301 гг.), *осподинь*, *оспода* и т. д. (в той же лексеме). Ср. в современных украинских говорах *орох* 'горох' и др. Написания *оспод-* позже появляются и на севере, как предполагается, в результате влияния юга. Любопытно, что различие в произношении *оспод-* и *господ-* осознается: в Новгородской летописи под 1476 г., по А. Н. Пышину, имеется такой текст: «Тои же зимы нѣкоторые философовѣ начаша пѣти: о *господи* помилуй, а друзѣи: *осподи* помилуй».⁴³⁷ Р. И. Аванесов, отмечая в новгородских берестяных грамотах XV в. *к осподину*, *осподине*, *осподинь*, считает, что слова с корнем *господ-* часто употреблялись в роли обращения, поэтому в них *g* изменилось в *γ*, которое затем выпало. Следовательно, это единичное явление и к югу никакого отношения не имеет.⁴³⁸ Так это или нет, во всяком случае северные примеры с *оспод-* не компрометируют южных написаний. К. В. Горшкова допускает, что изменение *g* в *γ* было характерно «для части говоров новгородского диалекта» до падения редуцированных.⁴³⁹ Отметим, что в современных северновеликорусских говорах зафиксированы: *восподин*, *восподá*, *восподистый* 'такой, как господин', *восподский*, *восподь*, *вспода*, *воспожá*, *воспожйн*, *воспожйнка*, *воспожйнки*.⁴⁴⁰ Нормой в этих говорах является взрывной *g*.

⁴³⁶ Ф. П. Медведев. Нариси з української історичної граматики. Харків, 1964, стр. 61.

⁴³⁷ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 109.

⁴³⁸ Р. И. Аванесов. Фонетика. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 98—99.

⁴³⁹ К. В. Горшкова. Из истории консонантных диалектных различий русского языка. Научн. докл. высшей школы. Филол. науки, 1964, № 4, стр. 17.

⁴⁴⁰ Словарь русских народных говоров, вып. 5. Л., 1970, стр. 142.

В особом положении находится выпадение *g* перед *n*, на котором мы остановимся в своем месте специально. Поскольку это явление заходит, и не в единичных примерах, далеко за пределы зоны распространения *γ* (*h*) (ср. сев.-двин. *напрынут* = напрыгнут 'напрыгают' и т. п.), мы пока отводим выпадение *g* перед *n* как показатель *γ* или *h*.

О выпадении *g*, как свидетеле *γ* (*h*), имеются некоторые косвенные данные. Один из спорных примеров представлен в знаменитой подписи французской королевы Анны, дочери великого киевского князя Ярослава. Как известно, эта подпись русской по происхождению королевы породила большую литературу. Если эта подпись (*Ана Рѣина*) сделана на латинском языке (кирилловскими буквами), то можно предполагать, что *Ана* написано вместо *Агна*, а *рѣина* — вместо *regina*. В таком случае вместо *g* в речи Анны звучал *γ* или *h* или согласный в этом положении не произносился.⁴⁴¹ Любопытно наличие двойного написания *р*. Други и города на ней в Полоцкой земле *Дръютъ*, *Дръютскъ* (Троицкая летопись) и *Дръвьютскъ* (Хлебниковский и Погодинский списки Ипатьевской летописи). Современное *Друть* — из *Дрють* < *Дръвьютъ* < *Дръвьютъ (*Дръвьютъ). Если верно предположение О. Н. Трубачева, высказавшееся и многими его предшественниками, что первичной формой названия древнерусского племени уличи было *уличи*,⁴⁴² то мы имеем в *уличи* один из древних примеров выпадения *γ*. Возможно, что к интересующему нас явлению относится чешск. и словацк. *javor*, в.-луж. *javor*, укр. *явір*, белор. *явар* < др.-в.-нем. *ahorn*. Наконец, в галицких грамотах XIV—XV вв., написанных латинскими буквами, вместо *g* употребляется *h*: *auhust*, *joho*, *huidokiego* и др. Примерно в то же время появляется передача буквами *кz*, *к*, *гk* взрывного *g* в заимствованных словах: *Скиргашло*, *буркжмистры*, *рокгозеньский*, *Жыкмонт*, *Швитрикайло* (украинские и молдавские грамоты XIV—XV вв.), *кгедроитские*, *Жикжмонт*, *Туркенево* село и т. д. (белорусские памятники XIV—XV вв.). Для обозначения взрывного *g* с XVI в. появляется даже особая буква *г*. По наблюдениям Е. Ф. Карского, в тех иностранных словах, в которых произносилось *h*, употреблялась буква *z* (*зетманъ* < польск. *hetman*, *тарени* < чешск. *threni*), а в заимствованных словах с взрывным *g* были нередки вышеуказанные *кz*, *гk* или *к*.⁴⁴³ На основании этих и некоторых других данных М. М. Пещак считает, что в украинском языке переход *γ*

⁴⁴¹ П. Я. Черныш. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны. Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ, вып. 3. М., 1947, стр. 30; см. также: Elsa Melin. Die kyrillische Unterschrift Ана Рѣина aus dem Jahre 1063. Scando-Slavica, XI. Copenhagen, 1965, стр. 122—131.

⁴⁴² О. Н. Трубачев. О племенном названии «уличи». Вопр. слав. языкозн., вып. 5. М., 1961, стр. 186—190.

⁴⁴³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 369—370.

в *h* произошел в XIII—XIV вв.⁴⁴⁴ По-видимому, противопоставление функционально ограниченного взрывного *g* не взрывному согласному является одним из показателей изменения *γ* в *h*. По крайней мере это относится к украинскому языку; в белорусском языке имеется противопоставление *γ* и функционально ограниченного *g*, чего нет в южновеликорусском наречии. В некоторых современных окраинных говорах наблюдается сосуществование *γ*, *h* и *g*. Таково, например, положение в западнобрянских говорах, расположенных на стыке русского, украинского и белорусского языков. По наблюдениям А. Б. Пеньковского, взрывной *g* обнаруживается в западнобрянских говорах не только в узком кругу иноязычной лексики (*гáнки* 'ступеньки крыльца', 'крыльцо', *гáрка* 'кружка', *гáвик* 'пуговица', *гáля* 'прыщ', *дзýга* 'юла'), но и в словах звукоподражательного происхождения (*гáвкaть*, *гéгaть* и др.), а также перед сонорными в разных словах (*глей* 'ил', 'глина', *грунт* и др.).⁴⁴⁵ Нечто противоположное имеется в северновеликорусских говорах, где в звукоподражательных и иных словах используется *γ* при взрывном *g* как норма. В западнобрянских говорах отмечается также *h*, который быстро вытесняется господствующим *γ*.⁴⁴⁶

Как мы видели выше, следы произношения *γ* на юге проявляются в древнерусской письменности с самого начала ее возникновения. Отдельные случаи этого проявления спорны, но, взятые в совокупности, они приобретают некоторую доказательную силу. Компактность ареала *γ* (*h*) на восточнославянской почве также указывает на древность изменения *g* в *h*. Нет решительно никаких доказательств, которые могли бы свидетельствовать о позднем распространении *γ* из какого-либо ограниченного района. В белорусской письменности *γ* достаточно ясно отражается с XIV в. (более ранних письменных памятников с белорусской территории до нас не дошло). Впрочем, вполне возможно, если учитывать древнюю северную основу смоленско-полоцких диалектов, что в смоленско-полоцкой области *γ* распространяется относительно поздно. В южновеликорусской письменности *γ* ярко отразился (многочисленные случаи его оглушения в *x* и пропуски) с самого начала существования дошедших до нас южновеликорусских письменных памятников (с XVI в.).⁴⁴⁷ Что касается отражения в письменности северного взрывного *g*, то оно достаточно хорошо представлено со времени падения редуцированных, после которого *g* в известных

позициях стал оглушаться в к. Ср., например, написание *Гришки* вместо *Григши* (от *Григорий*) в новгородской берестяной грамоте № 3 XIV в. Иноязычное *h* в северных диалектах передавалось через *g*. Ср. *Гугоро* < финск. *Huhmar* (новгородская берестяная грамота № 2, XIV—XV вв.) и др.

Итак, с нашей точки зрения правы те исследователи, которые считают, что восточнославянская языковая область очень рано по произношению общеславянского *g* разделилась на две большие диалектные зоны: южную и северную. Когда это произошло, мы не знаем. Если учитывать, что утрата затвора во взрывном *g* происходила не сразу, а постепенно, то можно сказать, что начало этого явления имело место еще в общеславянскую эпоху. Взрывной сохранился у восточных славян в диалектах словен и кривичей, а в остальных племенных диалектах он изменился в *γ*.

К ИСТОРИИ СВИСТЯЩИХ И ШИПЯЩИХ СОГЛАСНЫХ

На севере славянской языковой области выделяется диалектный ареал, для которого характерно полное или частичное совпадение свистящих согласных в одном звуковом ряде. Географическим центром этого ареала являются так называемые мазуракающие горы Польши, в которых шипящие *š*, *ṣ̌*, *ž* заменяются свистящими *s*, *ṣ*, *z*. Мазуракающие говоры (мазовецкие, малопольские и силезские) занимают большую часть польской языковой территории. Мы не будем здесь касаться сложного переплетения мазуракающих и немазуракающих особенностей в других говорах, издавна являющихся объектом исследования колонистов. Совпадение *ṣ̌*, *ṣ̣̌*, *ẓ̌* и *s*, *ṣ*, *z* имелось также в непосредственно примыкавшем к польской территории полабском языке. Западнее польско-полабского географического центра в нижнелужицком языке представлено только совпадение *ṣ̌* и *s* в согласном *s* (цоканье) при сохранении различия между *ṣ̌* и *ṣ*, *ẓ̌* и *z*. На востоке в севернорусских и в северновеликорусских говорах было широко представлено также цоканье, которое в большинстве ранее цокающих говоров теперь быстро исчезает или исчезло. На северо-западе русской территории, непосредственно примыкающей к балтийским языкам (псковские, западнотверские, юго-западные новгородские говоры), имеется область, в которой издревле существовало смещение шипящих и свистящих. Совпадение *ṣ̌*, *ẓ̌* и *s*, *z* в свистящем ряде было характерно для древнепрусского языка, было также пережито предками латышей, отражается в топонимии областей пруссов, ятвягов, куров, селивов. Таким образом, мы имеем дело с прибалтийской языковой зоной, объединенной одной общей чертой, со своим ядром и периферией. Возникла ли эта зона одновременно в глубокой древности или же она является результатом хронологически разных процессов, генетически не связанных между собой, — вопрос спорный, на котором мы остановимся позже. Во всяком слу-

⁴⁴⁴ М. М. Пещак. История заднеязычных согласных и их общеславянских рефлексов в украинском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1960, стр. 4.

⁴⁴⁵ А. Б. Пеньковский. Фонетика говоров западной Белоруссии. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 24—25.

⁴⁴⁶ Там же, стр. 26.

⁴⁴⁷ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. стр. 120—123.

чае наличие более или менее географически компактной зоны полного (в центре) или частичного (на западной и восточной периферии) совпадения шипящих и свистящих согласных в историческое время совершенно очевидно, независимо от автогенности или гетерогенности ее компонентов. Наше внимание, в соответствии с темой настоящей книги, естественно, будет направлено на изложение истории свистящих и шипящих согласных в восточнославянских языках. Начнем с цоканья, которое нашло свое отражение в древнерусской письменности с самого начала ее возникновения.

1. Цоканье

Исследователи давно уже отмечали смешение букв ч и ц в древней новгородской письменности. Типы этого смешения различны: в одних памятниках преимущественно или почти всегда буква ц заменяет букву ч, в других — буква ч ставится чаще буквы ц, в третьих — употребление обеих букв безразлично, в четвертых — ц вместо ч и ч вместо ц пишутся изредка (при правильном в большинстве случаев употреблении букв ц и ч), наконец, имеются несомненные новгородские памятники со строго выдержанным написанием ц и ч. В. В. Колесов попытался выделить особую группу новгородских памятников XIII—XV вв., в которых будто бы ц употребляется вместо ч только перед гласными верхнего подъема и перед мягкими согласными, а ч вместо ц — лишь перед гласными неверхнего подъема,⁴⁴⁸ что сомнительно ввиду наличия «исключений», которые не могут не приниматься во внимание. Впрочем, поиски качества согласных в живом говоре писцов по данным орфографии памятников в принципе следует приветствовать. Опора только на показания современных говоров при исследовании исторического развития фонетической и фонологической системы всегда таит в себе опасность модернизации древних явлений, необоснованных выводов. К сожалению, за исключением немногих попыток, серьезных исследований качества согласного или согласных на месте этимологических ц и ч по данным орфографии древних памятников не предпринималось, поэтому соображения на этот счет во многих отношениях являются шаткими. Например, считается, что преимущественное употребление ч вместо ц (например, в Новгородской минее 1095 г.) или безразличное смешение ц и ч свойственно главным образом древнейшим новгородским рукописям, в чем якобы отражается только столкновение цоканья со старославянской (или южнорусской) орфографией. Однако памятники с более частым написанием ч вместо ц не так уж редки и в более позднее время, когда, казалось бы, у писцов должна была выработаться устойчивая традиция в передаче того, что мы назы-

⁴⁴⁸ В. В. Колесов. К исторической фонетике новгородских говоров, стр. 18—19.

ваем цоканьем. Например, по наблюдению А. Г. Исакина, на листах 110—134 Пандектов Никона Черногорца по Ярославскому списку XIV в. ч вместо ц встречается 29 раз, а ц вместо ч — только 12.⁴⁴⁹

Характерной чертой новгородских берестяных грамот является, наоборот, систематическое написание ц вместо ч.⁴⁵⁰ Случаи написания ч вместо ц очень редки: *сорок лисичь* (грамота № 7, XII в.), *вбверичь тихъ дѣла* (№ 105, начало XII в.), *заволочько* (№ 143, XIII в.), *сочычми* (№ 157, XV в.) и некоторые другие. Замены буквы ц буквой ч относятся к различному времени (встречаются не только в древнейших грамотах). В то же время среди новгородских берестяных грамот, по другим языковым особенностям и по содержанию ничем не отличающихся от остальных, имеются такие, в которых этимологические ц и ч строго различаются (например, грамоты №№ 109, 142, 156, 157, 161, 162, 177, 309, 311 и др.). Возможно, что писцы этих грамот были более начитаны и придерживались традиционной орфографии, но доказать это нельзя. Тут могли быть и другие причины, например различение ц и ч в живой речи. Предположение о наличии на территории древней Новгородчины наряду с цоканьем говорами, различающих ц и ч, высказывалось неоднократно. Например, Л. П. Жуковская считает, что Остромирово евангелие было написано в Новгороде, хотя в нем полностью отсутствует смешение букв ц и ч.⁴⁵¹ К этой точке зрения присоединяется Е. И. Мельников.⁴⁵² Почти исключительное написание ц вместо ч А. А. Шахматов отмечает в большинстве северодвинских грамот XV в. Вместе с тем в других северодвинских грамотах имеется правильное употребление букв ц и ч.⁴⁵³ В общем та же картина представлена в псковской письменности и в письменности других цоканящих областей. Например, как установил Н. М. Каринский, в псковской Палее 1494 г. преимущественно пишется ц вместо ч, тогда как в псковской Палее 1477 г. буква ч, наоборот, чаще заменяет ц.⁴⁵⁴ Что скрывается за этими своеобразиями написаний букв ц и ч, мы пока не знаем. Было бы важно провести строгий статистический анализ этих написаний во всех «цоканящих» памятниках с учетом фонетических позиций ц

⁴⁴⁹ А. Г. Исакин. Палеографическое описание пандектов Никона Черногорца по Ярославскому рукописному списку XIV в. Тр. каф. русск. языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока, I. Иркутск, 1960, стр. 79.

⁴⁵⁰ В. И. Борковский. 1) Новые находки берестяных грамот. ВЯ, 1953, № 4, стр. 128 и след.; 2) Фонетико-морфологические заметки о грамотах на бересте. . . , стр. 76.

⁴⁵¹ Л. П. Жуковская. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия. В кн.: Исслед. по лексикологии и грамматике русск. языка. М., 1961, стр. 22 и след.

⁴⁵² Е. И. Мельников. К проблеме происхождения Остромирова евангелия. Slavia, XXXVII, 4, 1968, стр. 537—547.

⁴⁵³ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3. СПб., 1903, стр. 80.

⁴⁵⁴ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в., стр. 29.

и ч и других языковых особенностей. Возможно, что за различиями употреблений букв *ц* и *ч* стоят разные «школы» письма, случайности в орфографии людей, не знавших в своем произношении разницы между согласными *ц* и *ч*, а возможно, что в этом находило свое отражение качество согласного. Не исключено, что преимущественное употребление буквы *ц* отражало произношение мягкого *с*, а за преимущественным употреблением *ч* и безразличным смешением букв *ц* и *ч* стояло произношение мягкого шепелявого *с*».

Цоканье фиксируется и смоленско-полоцкой письменностью. Интересна надпись в киевской Софии, датируемая XII в.: *Воинегъ Журяговиць полоцанинъ*.⁴⁵⁵ Полоцанин Воинег Журягович не изменил своему родному диалекту и в Киеве. В надписи XIII в. в церкви Спаса близ Полоцка имеется написание *чръньцьства*.⁴⁵⁶ Неразличение *ц* и *ч* отразилось в договорной грамоте смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом 1229 г.: *гочкый* (2 раза), *коуѣчельъ, на гочкомъ* (17 раз), *немчицю* (и тут же *немчича*), *гочкого* (3 раза), *коупче, оумниш коупчи*, в смоленской грамоте около 1230 г.: *нѣмчиць, при Романовици, суличами* и др., в полоцкой грамоте начала XV в.: *немечкий, по ровничи*. Е. Ф. Карский безразличное смешение букв *ц* и *ч* в смоленской летописи Авраамки (1495 г.) считает «выдающей особенностью» этого памятника.⁴⁵⁷ Цоканье находит свое проявление в вологодских, вятских, западносибирских и других памятниках северновеликорусской письменности. Однако оно отражается не во всех северновеликорусских областях. Особое внимание в этом отношении заслуживает письменность Ростовской и Владимиро-Суздальской областей. А. А. Шахматов предполагал, что цоканье было особенностью племенных диалектов «севернорусов», поэтому считал, что это явление должно было быть свойственно всему северновеликорусскому наречью. Если в некоторых северновеликорусских говорах нет цоканья, то это явление неисконное, позднее, вызванное воздействием на северные диалекты говоров «восточнорусов». Исходя из этой гипотезы, А. А. Шахматов считал, что и во владими́ро-суздальских говорах эпохи древнерусского языка должно было быть цоканье. Следы цоканья он находит в Синодальной рукописи 1296 г., написанной, как он полагает, в Суздальской земле, а также в Лаврентьевской летописи 1377 г. Правда, все это единичные случаи. В Лаврентьевской летописи отмечается *робичица, около Торонча, сѣдзлуса*.⁴⁵⁸ Обычно же ростовская и владими́ро-суздальская, а также москов-

⁴⁵⁵ С. А. Высокый. Древнерусские надписи Софии киевской... стр. 59.

⁴⁵⁶ А. С. Орлов. Библиография русских надписей... стр. 58.

⁴⁵⁷ Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 358—359.

⁴⁵⁸ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 317—319.

ская письменность представлены памятниками, строго различающимися *ц* и *ч*. Нет, например, отражения цоканья в ростовском Житии Нифонта 1219 г., в ростовском Апостоле 1220 г., в Устюжской кормчей XIII—XIV вв.⁴⁵⁹ и ряде других памятников.

П. С. Кузнецов отмечает только два случая цоканья в Переславском евангелии 1354 г. (*домы вдовичъ и ѿ ѿца*, где *ц* переправлено из *ч*) и считает, что это следы новгородского оригинала памятника, а не отражение живого ростовско-суздальского произношения. По мнению П. С. Кузнецова, примеры цоканья в Лаврентьевском списке, приходящиеся на Суздальскую летопись, также представляют собой воздействие какого-либо цокающего оригинала. Цоканье некоторых современных ростовско-суздальских говоров могло быть перенесено западными колонистами, а скорее всего, оно возникло как результат иноязычного влияния.⁴⁶⁰ Нет цоканья в Московском евангелии 1358 г.,⁴⁶¹ в «Расходной книге» Волоколамского монастыря 1547—1561 гг.⁴⁶² и в ряде других московских памятников.

Таким образом, отсутствие цоканья в ростовско-суздальской письменности XIII—XIV вв. и более позднего времени, а также в московской письменности XIV—XVI вв. несомненно. В междуречье между Окой и Волгой существовал массив говоров, различавших *ц* и *ч*. В то же время не исключено, особенно если судить по данным современных говоров, что на той же территории существовали в некоторых районах и цокающие говоры. Отступало ли в указанном междуречье цоканье (как полагал А. А. Шахматов) или, наоборот, наступало (как считал А. И. Соболевский), мы не знаем и можем выдвигать на этот счет лишь малонадежные гипотетические предположения.

Как видно из вышеизложенного, цоканье было в новгородском, ростовском, смоленско-полоцком диалектах, захватывало верховья Волги, местами проникало в волжско-окское междуречье, было широко распространено в северных и северо-восточных областях древней Руси. Теперь мы обратимся к данным современных говоров.

В 1959 г. вышел в свет капитальный труд В. Г. Орловой, посвященный истории аффрикат в современных русских говорах.⁴⁶³ Эта работа ценна прежде всего потому, что в ней обобщен материал, собранный для диалектологического атласа русского языка. Пока-

⁴⁵⁹ В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв., стр. 53.

⁴⁶⁰ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростовско-суздальских говоров. Докл. и сообщ. Инст. русск. яз. АН СССР, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 149 и след.

⁴⁶¹ О. А. Князевская. К истории Московского говора. Уч. зап. Моск. гор. пед. инст., т. XLII, вып. 4. М., 1957, стр. 295.

⁴⁶² В. М. Марков. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря, стр. 174 и след.

⁴⁶³ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

зания материалов атласа имеют массовый характер, поэтому на их основе можно судить как о типах произношения *ц* и *ч*, так и о географическом распространении интересующего нас явления.

Восточноевропейская территория русского языка делится на две большие зоны: 1) говоры, различающие *ц* и *ч* с двумя основными подтипами: а) *ч* мягкий и *ц* твердый и б) *ч* твердый и *ц* твердый; 2) говоры, не различающие *ч* и *ц*. Среди последних выделяются говоры, в которых на месте этимологических *ч* и *ц* преимущественно произносится мягкий *ц'* (мягкое цоканье). Мягкое цоканье распространено главным образом в северо-восточных областях северновеликорусского наречия (КАССР, крайние северо-восточные районы Ленинградской области, Архангельская, Вологодская, Кировская и Пермская области, части Арбажского, Даниловского и Пречистенского районов Ярославской области, восточные районы Костромской области, ряд районов Горьковской области). На этой же территории широко известно и произношение шепелявого *ц''* (*ц'ч'*), который является разновидностью мягкого цоканья. В. Г. Орлова допускает, что *ц''* — явление позднее, возникшее в результате влияния на говоры нормализованного (литературного) языка и представляющее собой своего рода переходную ступень к различению *ц* и *ч*.⁴⁶⁴ Однако это допущение априори и ничем не подтверждается. Важно отметить, что *ц'* (или *ц''*) произносится и на месте этимологических *-чн-* и *-чт-* (*конецц'но*, *ц'то* и т. п.), что несомненно свидетельствует о древности северовосточного цоканья (в говорах, различающих *ц* и *ч*, *-чн-* и *-чт-* обычно изменяются в *шн* и *шт*).

Особый вопрос составляет совпадение *ц'* и *ч'* в одном звуке *ч'* (чоканье). Собственно чокающих говоров, в которых последовательно произносится *ч'*, немного, хотя они все же имеются. Чаще цоканье сосуществует с преобладающим мягким цоканьем, затем имеются говоры, в которых отмечается *ц'* мягкий, *ц* твердый и большое число случаев цоканья, есть говоры, в которых *ч'* нерегулярно появляется только на месте этимологического *ч'*, и т. д. Чоканье не занимает какую-либо компактную территорию. Исходя из этого, В. Г. Орлова твердо убеждена в том, что чоканье возникает в результате воздействия нормированного языка на чокающие говоры, что явление это «начинает особенно ощутительно сказываться» в период формирования русского национального языка, а во многих говорах развивается только во 2-й половине XIX в. и даже после 1917 г. как ступень к различению *ц* и *ч*.⁴⁶⁵ Конечно, заметим мы, такой путь возникновения чоканья теоретически не исключается, но его достоверность может быть установлена только в результате основательных исторических исследований. В современной лингвистической литературе имеются и иные мнения насчет древности

⁴⁶⁴ Там же, стр. 24—25.

⁴⁶⁵ Там же, стр. 43—44.

цоканья и чоканья в отдельных говорах. Например, Р. С. Овчинникова считает, что последовательное цоканье в говоре д. Б. Кунгур Кировской области представлено в речи старшего поколения и чоканье в этом говоре является архаическим явлением.⁴⁶⁶ Архаичность чоканья (по сравнению с цоканьем) отметила в котельнических говорах Е. Н. Каринская,⁴⁶⁷ в других говорах она отмечалась рядом диалектологов. Господство мягкого цоканья в северо-восточной зоне В. Г. Орлова объясняет господством в этих областях в прошлом новгородской колонизации, с чем вполне можно согласиться.

Иную разновидность имеет цоканье на северо-западе и западе русской территории. Говоры, в которых сохранилось цоканье (обычно пережиточно в виде остаточных явлений), имеют на месте *ц'* и *ч'* твердый *ц* (или *ц''*). Несомненно, твердое цоканье возникло из цоканья мягкого, когда в большинстве русских говоров происходило отверждение исконно мягкого *ц'*. Наряду с говорами, различающими *ч'* и *ц*, в северо-западных и западных областях широко распространены говоры, противопоставляющие твердому *ц* твердый *ч*. Наличие твердого *ч* в этих районах свидетельствует о распространении в них в прошлом твердого цоканья: при переходе к различению *ц* и *ч* труднее всего усваивается мягкость *ч*. Твердый *ч*, являющийся наследством цоканья, нужно отличать от отверждения *ч*, происшедшего на юго-западе восточнославянской территории и не имевшего никакого отношения к цоканью. Точно определить границу между твердым *ч* разного происхождения довольно трудно, ее можно провести только приблизительно. Серьезную помощь могло бы оказать в этом деле массовое обследование топонимики. С. А. Копорский в своей прекрасной работе о цоканье в Калининской области⁴⁶⁸ прослеживает также распространение в тверских говорах *т* и *т'* на месте *ц* и *ч* (*ат'ет*, *к'ут'* и пр.) как разложение аффрикат *ц* и *ч'*, формы *ушотцы* (последие цоканья), отмечает наряду с твердым цоканьем случаи цоканья мягкого, чоканья и произношения шепелявого *ц''*. Мягкий *ц'* и *ц''* на месте *ц* и *ч* и чоканье sporadически встречается и в других северо-западных говорах.

Северо-западное цоканье распространено в Ленинградской, Псковской, Новгородской и Калининской областях (за исключением самых восточных ее районов). Оно отмечается также в западных районах Смоленской и Брянской областей, на северной и северо-восточной окраинах Белоруссии.

⁴⁶⁶ Р. С. Овчинникова. Фонетические особенности говора деревни Большой Кунгур Кировской области, стр. 91.

⁴⁶⁷ Е. Н. Каринская. Описание говора д. Толстовской Молосниновской волости Котельнического уезда Вятской губернии. Тр. Комиссии по диалектологии русск. яз., вып. 9. Л., 1927.

⁴⁶⁸ С. А. Копорский. 1) Цоканье в Калининской области. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III. М.—Л., 1949; 2) Архаические говоры Осташковского района Калининской области.

Наконец, выделяется цоканье юго-восточное, которое представляет собой географический остров, почти обособленный от северо-восточного и северо-западного ареалов цоканья. В юго-восточном ареале имеются говоры с твердым цоканьем, довольно распространено произношение *ц'* и шепелявого *ц''* на месте этимологического *ч'* и твердого *ц* на месте этимологического *ч'*, в Мещерском крае представлено мягкое цоканье, в ряде говоров произносятся твердый *ц* и твердый *ч* (след былого цоканья), отмечаются случаи цоканья. В. Г. Орлова, согласно своей установке о первичности мягкого цоканья и переходе его на юго-востоке, как и на северо-западе, в цоканье твердое, произношение *ц'* и *ц''* на месте этимологического *ч'* считает явлением совсем поздним, возникшим в конце XIX и первой половине XX в. То же относится и к другим разновидностям цоканья, которые производятся из цоканья твердого. Исключение делается для мещерских говоров, мягкое цоканье которых допускается как исконное.⁴⁶⁹

Юго-восточное цоканье известно в районах Владимирской (в том числе вокруг Владимира и Суздаля), юго-восточной части Московской, в северной и восточной части Рязанской, в южных районах Ивановской областей, а также на территории Мордовской и Чувашской АССР. Цоканье или его следы отмечены многими наблюдателями в районах поздней русской колонизации как в европейской, так и азиатской частях СССР. В настоящее время цоканье под мощным воздействием культурных факторов быстро исчезает. Вероятно, через два-три поколения от него ничего не останется.

Данные современных говоров в основном совпадают с данными древнерусской письменности и позволяют установить ареал распространения цоканья в древнерусскую эпоху. Цоканье в древней Руси охватывало смоленско-полоцкие, псковские, новгородские земли и области на северо-восток и восток от Новгорода, колонизованные новгородцами. Цоканье до Урала и за Урал перенесли западные переселенцы, хотя не исключена возможность, что в некоторых восточных районах это явление могло возникнуть самостоятельно под воздействием неславянских языков. Сложнее обстоит дело с цоканьем во Владимиро-Суздальской области. Как было отмечено выше, письменные памятники Ростова, Владимира и Суздаля в отличие от новгородской письменности не знают цоканья (за исключением редких случаев, которые можно объяснить как влияние северо-западных оригиналов). Между тем в современных владими́ро-суздальских районах наряду с говорами, различающимися *ц* и *ч*, имеются и говоры с цоканьем или с явными следами цоканья. Как отмечает В. Г. Орлова, только в северной и северо-западной части так называемой владими́ро-поволжской диалектной группы имеется массив говоров, в котором отсутствуют какие-

⁴⁶⁹ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке. . . , стр. 82 и след.

либо следы цоканья (ярославская группа говоров). Это расхождение между ростовско-владимирской письменностью и современными говорами, скорее всего, можно истолковать как указание на сравнительно позднее распространение цоканья во Владимиро-Суздальском крае. Что же касается цоканья рязанских и иных примыкающих к ним земель, то о времени его появления (как и о самом его происхождении) мы можем строить только догадки, поскольку древние письменные памятники из этих районов до нас не дошли.

Из изложенного видно, что цоканье — несомненно древнее диалектное явление. То, что оно проявляется в письменности только в конце XI в., еще не означает, что оно возникло в XI в., поскольку более ранних северных письменных памятников мы не имеем. Точно время возникновения цоканья определить невозможно. Оно возникло где-то между временем заселения славянами верховьев Днепра и Волги и бассейнов Ильменя и Чудского озера в XI в. Заселение славянами указанных территорий, скорее всего, приходится на VI—VIII вв. н. э. Ранее этого времени цоканье не могло существовать, иначе его следы должны были обнаружиться в среднем Поднепровье и смежных с ним областях, откуда пошло славянское расселение. Колонизационный славянский поток с юга на север имел ответвление на восток, в волго-окское междуречье. В районе Владимира—Суздаля—Ростова славяне, по-видимому, начинают оседать в VIII—IX вв. Для продвижения на эти земли с берегов Днепра им потребовалось какое-то время. Если считать, что различие *ц* и *ч* в древнем ростовско-суздальском диалекте — явление исконное (а не наносное, как предполагал А. А. Шахматов), то это тоже дает некоторый хронологический ориентир при определении времени возникновения цоканья. Можно также предполагать, что в диалекте славянских поселенцев верховьев Днепра—Волги и бассейнов озер Ильменя и Чудского цоканье развилось не сразу. Если учесть все эти общехисторические соображения, то можно предположить, что начала цоканья относятся примерно к VIII—IX вв. Возникает цоканье в землях смоленско-полоцких кривичей не позже (а может быть, и раньше), чем у чудских и ильменских поселенцев: движение языковых изоглосс в общем шло с юга на север, а не наоборот.

О причинах появления цоканья, как известно, писалось много. Существуют две противопоставленные друг другу гипотезы: 1) цоканье — спонтанное явление северных диалектов древнерусского языка; 2) цоканье — явление субстратное, возникшее под воздействием неславянских языков. Обе гипотезы в своих предпосылках сходятся: славянские *ц'* и *ч'* по своим фонологическим функциям не были противопоставлены друг другу, не неся особых смысловых различительных нагрузок. Даже теперь смысловая различительная роль *ц* и *ч* минимальна. К тому же *ц* и *ч* по своим физиолого-акустическим свойствам были очень близки друг к

другу и отличались лишь местом взрыва и свистящим и шипящим оттенками. Согласные *ц'* и *ч'* оказались «слабым местом» в фонологическом-фонетической системе славянских языков. Предпосылки для их совпадения были на всей славянской языковой территории. Совпадение *ц'* и *ч'* могло иметь только орфоэпическое (фонетическое), а не смысловозначительное (фонологическое) значение. Однако имеющаяся в языке предпосылка может реализоваться и может не реализоваться. Далее обе гипотезы расходятся.

Первая гипотеза прежде всего представлена в монографии В. Г. Орловой, на которую мы неоднократно ссылались выше. В. Г. Орлова считает, что вытеснение согласного *ч'* согласным *ц'*, в результате которого возникло мягкое цоканье — прототип всех разновидностей современного цоканья и чоканья, произошло в северных диалектах древнерусского языка вне всякой зависимости от иноязычных воздействий. Главный аргумент ее гипотезы — единообразие русского цоканья на всей обширной территории, где оно существует, которого не могло бы быть, если бы это явление возникало независимо друг от друга в разных центрах при столкновении русских говоров с разными финно-угорскими языками, фонетический строй которых неодинаков. Непонятно, почему ассимиляция финно-угорского населения в одних случаях вызывала цоканье, а в других — нет. Например, северная часть Ростовско-Суздальской земли до славян так же была заселена финно-угорскими племенами, как и другие северные области древней Руси, а цоканье в древнерусских говорах этой местности вовсе не развилось. Цоканье первоначально возникло в Смоленской и Новгородской землях в то время, когда массовой ассимиляции славянами финно-угорского населения еще не было, следовательно, финно-угорский субстрат к возникновению цоканья никакого отношения не имеет. Цоканье, скорее всего, спонтанно возникнув в областях Новгорода и Смоленска, из этих местностей распространилось по русскому северу, проникло также в ряд районов Рязанской земли и смежных с нею областей. Русское цоканье имеет единое генетическое происхождение, в том числе и цоканье мещерских говоров.⁴⁷⁰

Изложенная гипотеза имеет свои сильные и слабые стороны. Нам достоверно известно, что цоканье, как и многие другие диалектные явления, распространялось с новгородского запада на восток и северо-восток до Мурманска, Урала и берегов Тихого океана. Этот факт не может отрицать ни один историк и диалектолог: русский язык распространялся русскими переселенцами. В то же время пока никем не показано и не доказано, что цоканье в одних районах принесено переселенцами, а в других оно возникло независимо от его северо-западного очага под воздействием иноязычного

⁴⁷⁰ Там же, гл. «К вопросу о возникновении мягкого цоканья», стр. 118 и след.

населения. О том, что в современных рязанских «мещерских» говорах цоканье развилось в результате ассимиляции мещеряков-славян, мы можем только предполагать, но доказать этого не можем (мещерский язык нам неизвестен). Можно было бы привести много примеров, когда русское население, вступая в самые тесные контакты с финно-угорским и иным неславянским населением, не теряло и не теряет различия между *ц* и *ч*. Следовательно, можно считать, что цоканье, по крайней мере в основном массиве своего распространения, — моногенетического происхождения, хотя теоретически нельзя отрицать и возможности независимого его образования локального характера. В то же время гипотеза В. Г. Орловой оставляет неясным один кардинальный вопрос: почему цоканье возникло только на северо-западе, хотя одни и те же предпосылки для его реализации существовали во всех славянских диалектах. В. Г. Орлова сама осознает слабость своей точки зрения в этом вопросе и допускает, что цоканье, может быть, возникло в результате взаимодействия с какими-то неславянскими языками, хотя этого утверждать нельзя и предпочтительнее говорить о его спонтанном развитии.

Этот камень преткновения спонтанной гипотезы давно уже толкнул исследователей в сторону поисков иноязычного происхождения цоканья. А. А. Шахматов выдвинул так называемую лингвистическую гипотезу, которой в настоящее время никто уже не придерживается. И. А. Бодуэн де Куртене в 1901 г.⁴⁷¹ и, кажется, независимо от него В. И. Чернышев в 1902 г.⁴⁷² выдвинули гипотезу финно-угорского субстрата, которая была поддержана многими лингвистами и является в настоящее время господствующей. История этой гипотезы изложена в труде В. Г. Орловой, поэтому нет необходимости ее здесь излагать. После выхода в свет монографии В. Г. Орловой сторонники концепции финно-угорского субстрата продолжают отрицать спонтанную гипотезу, указывая на ее действительные и мнимые слабые стороны.⁴⁷³

Случайно ли, что древнейший очаг цоканья возник на восточно-славянском северо-западе, примыкающем к юго-востоку и востоку бассейна Балтийского моря? Случайно ли также, что в центре ареала имеется полное совпадение свистящего и шипящего ряда, а на его восточной и западной периферии совпали лишь *ц* и *ч'*? Если это случайность, то она должна быть как-то объяснена, так как простая ссылка на «случайность» не может быть ответом

⁴⁷¹ И. А. Бодуэн де Куртене. О смешанном характере всех языков. Журн. Мин. нар. просв., 1901, сентябрь.

⁴⁷² В. Чернышев. Как произошла мена *ц* и *ч* в русских говорах? (Вопрос лингвистам). Русск. филол. вестн., т. XLVII, № 1—2, 1902.

⁴⁷³ См., например, рецензию В. И. Лыткина на книгу В. Г. Орловой «История аффрикат в русском языке. . .»: Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, т. XX, вып. 1, 1961, стр. 79—86.

по существу на естественный (а не надуманный) вопрос. Вероятнее всего, в прибалтийском районе издревле существовала тенденция к устранению противопоставления свистящих и шипящих. По мнению Д. В. Бубриха, первоначальным источником этой тенденции был древнесаамский язык, носители которого когда-то жили гораздо южнее теперешнего ареала распространения саами. У саами в древности произошло совпадение свистящих и шипящих.

В тесном контакте с саами оказались западные финны, которые восприняли от саами указанную особенность. «Близость самоедской нетерпимости к шипящим согласным и такой же нетерпимости в прошлом лопарской речи бросается в глаза. Прибалтийско-финское былое устранение шипящих включается в тот же круг явлений; вероятно, в состав прибалтийских финнов вошли по-лопарски говорившие элементы». ⁴⁷⁴ У прибалтийских финнов произошло преобразование шипящих в нешипящие. Появление шипящих в некоторых из этих языков — явление позднее. Отсутствие шипящего ряда оказалось стимулом для возникновения цоканья и сходных с ним явлений в северо-западных славянских и балтийских диалектах. Конечно, это предположение и ему подобные являются трудно доказуемой гипотезой. Непонятным, например, остается польское мазуренье, поскольку, как доказал еще М. Фасмер, на территории Польши финнов никогда не было. ⁴⁷⁵ Скорее всего, первичный очаг совпадения свистящих и шипящих, если судить по известным нам лингвогеографическим данным, находился у юго-восточного изгиба Балтийского моря. Отсюда это явление стало распространяться на восток, юг и запад среди прибалтийских племен. Предки кривичей также были вовлечены в орбиту этого ареала, полностью утратив противопоставление свистящих и шипящих, а предки словен, продвигавшиеся на север восточнее кривичей, усвоили лишь совпадение *ц* и *ч*.

Спорным остается время возникновения мазуренья, которое несомненно распространялось в глубь Польши от балтийского побережья. Многие польские лингвисты, прежде всего К. Нитш, ⁴⁷⁶ относят это явление (как и нижнелужицкое цоканье) к эпохе праславянских диалектов. Другие, наоборот, считают, что мазуренье — явление относительно позднее. З. Штибер, например, полагает, что мазуренье возникло не раньше второй половины XII в. ⁴⁷⁷

Изложение хода длительной дискуссии о происхождении мазуренья дано В. Ташицким. ⁴⁷⁸ Спор этот продолжается. ⁴⁷⁹

Как свидетельствуют данные древнерусской письменности, цоканье охватило в XI—XIV вв. обширные территории восточнославянского северо-запада и севера. Не исключено, что на этой же территории имелись и нецокающие говоры. Цоканье изначально могло быть представлено не только совпадением *ц'* и *ч'* в мягком *ц'*, но и в шепелявом *ц''*, которое вовсе не обязательно нужно рассматривать как результат воздействия нецокающих говоров на цоканье.

Начиная с XIV в. постепенно складываются локально ограниченные типы произношения *ц* и *ч* на восточнославянской территории, хорошо описанные В. Г. Орловой. Главные из них: русское твердое *ц* и мягкое *ч'* (на северо-западе — твердые *ц* и *ч*, цоканье в его различных вариантах; белор. твердые *ц* и *ч*, укр. мягкий *ц'* в определенных позициях) и твердый *ч*. Наряду с этими типами существуют и многие другие. Г. Ф. Шило открыл, например, в южноровенских говорах твердый *ц* во всех возможных позициях, что еще не отмечалось в украинских диалектах; ⁴⁸⁰ в гудульских говорах имеется мягкий *ч'* во всех положениях ⁴⁸¹ и т. д. Известно также, что в ряде северновеликорусских говоров шипящие *ж* и *ш* произносятся мягко всегда или в определенных позициях. ⁴⁸² Дальнейшие диалектологические разыскания могут привести к новым открытиям в этой области.

2. Совпадение *з* и *ж*, *с* и *ш*

Как давно уже установлено исследователями, смешение букв *с* и *ш*, *з* и *ж* имеет место главным образом в древнепсковской письменности. Примеров этому смешению в лингвистической литературе приводилось много. Ср., например, употребление свистящих вместо шипящих: *помѣсати*, *псенице*, *носаше* (=ношаше), *наеаеи*, *зѣлаше*, *в затву*, *наказются*, *о сапозниѣѣ*, *сапозникѣ* (Пролог 1383 г.), *зялуются* (грамота Пскова 1463—1465 гг. № 336), *ѣлание*, *здати* (=ждати), *когоздо* (Апостол 1307 г.), *прилезно*,

⁴⁷⁸ W. Tańczycki. Rozprawy i studia polonistyczne, II. Wrocław, 1961, стр. 166—188.

⁴⁷⁹ См., например, интересную статью: J. Wójtowicz. Mazurzenie w granice plemienne. Pogańnik językowy, 4, 1967, стр. 165—172.

⁴⁸⁰ Г. Ф. Шило. Найважливіші мовні явища південно-західних районів Ровенщини. Наук. зап. Львівськ. пед. інституту, т. XVI, 1960, стр. 85.

⁴⁸¹ І. Палеєвич. Українські говори Підкарпатської Русі, стр. 135.

⁴⁸² Е. П. Луипова. О мягких шипящих *ш*, *ж* в говорах Кировской области. Уч. зап. Лен. гор. пед. инст., т. XV, вып. 4, 1956, стр. 190—220; Л. П. Смолякова. Некоторые фонетические особенности русских говоров Среднего Покамья (юго-западные районы Пермской области). Автореф. канд. дисс. Казань, 1961, стр. 8, и другие работы.

⁴⁷⁴ В. Бубрих. К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, т. VII, вып. 6, 1948, стр. 516.

⁴⁷⁵ M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, II. Ehemalige Ausbreitung der ostseefinnischen Stämme. Berlin, 1934.

⁴⁷⁶ K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych, IV. Wrocław, 1958, стр. 87.

⁴⁷⁷ Z. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego. 2-е изд. Warszawa, 1958, § 82.

овице (Параклитик 1369 г.), *козя* (=кожа), *позру*, *васи*, *несося* (Параклитик 1386 г.), *сепотъ* (=шепоть), *отсла* (=отшла), *зрѣбий* (сб. Синодальной библиотеки № 53/258) и многие другие случаи. Примеры употребления шипящих на месте свистящих: *смѣшилъ* (=смѣсилъ), *искушьна* (Апостол 1307 г.), *стежю*, *прожябе*, *кладяжи*, *донеши*, *вию*, *ношиси* (Параклитик 1369 г.), *ноже* (=нозѣ), *поражи*, *вешъ*, *до шего дне* (Параклитик 1386 г.), *Герашимю*, *жимою*, *кладяжъ*, *сапожи* (Пролог 1383 г.), *осталошь*, *княжя*, *жбегле* (грамота Пскова 1463—1465 гг.), у *Вашиля*, *Вашиль* (Купчая XV в., § 343), *ношаше* (=носяше), *мышлящую* (сб. Синодальной библиотеки № 53/258) и т. д. Это явление обычно не только в текстах, но и в приписках: *порошата* (=поросята) (Шестоднев 1374 г.), *охъ охъ голова мя болить не мочи псати а оуже ноцъ ляжы спати* (Пролог 1-й четверти XV в.)⁴⁸⁹ и др.

А. А. Шахматов отмечает случаи смешения свистящих и шипящих в западнорусских и даже южнорусских памятниках: *прославися* (=прославиша), *понесося*, *вопросяхуть*, *погрузяти*, *помозе*, *случиша* (=случися), *крестисяша* и т. д. (Супрасльский сборник 1520 г.), *службу*, *тамоснимъ* (Акт 1530 г.), *въжложити*, *ложье*, *съжижю*, *отверзешися* (Поликарпово евангелие 1307 г.), *такозде*, *тозде же* (Луцкое евангелие), *помысли*, *скрусьна*, *раздизається* (Поучение Ефрема Сирина XIII в.)⁴⁸⁴ Однако чем дальше от пределов Псковской земли, тем случаи такого рода становятся все более единичными. Е. Ф. Карский замечает, что в древнебелорусской письменности они являются редкими: *Ижеславлич* (Летопись Авраамки), *Жаславль*, *Ижаславль*.⁴⁸⁵ Не исключено, что южнорусские и некоторые западнорусские примеры иного происхождения.

Не совсем ясны редкие примеры из древненовгородской письменности. В. Н. Щепкин в граффито XI—XII вв. новгородской Софии *гй помози* усматривает «псковскую смену *з* и *ж*».⁴⁸⁶ Если это не грамматическая аналогия, то мы в этой надписи имели бы древнейшее письменное свидетельство совпадения свистящих и шипящих. Такой же древний пример отмечается в новгородской свинцовой грамоте XI—XII вв.: *заожеричъ* (=заозерич, из Заозерья, т. е. с южного берега Ильмена).⁴⁸⁷ Шепелявость *с''*, *з''* Б. А. Ларин находит в северодвинском диалекте XVI в.⁴⁸⁸

⁴⁸³ А. Седелъников. Литературно-фольклорные этюды. Slavia, VI, 1, 1927, стр. 66—67.

⁴⁸⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 315.

⁴⁸⁵ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 358.

⁴⁸⁶ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. Тр. Моск. археол. общ., т. 19, вып. III. М., 1902, стр. 44.

⁴⁸⁷ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте, стр. 154—155.

⁴⁸⁸ Б. А. Ларин. Парижский «Словарь Московитов» 1586 г. Рига, 1948, стр. 33.

Это же явление отмечается в современном холмогорском говоре.⁴⁹⁹ Следовательно, мнение о том, что шепелявые согласные занимают лишь узкую пограничную полосу говоров на русском северо-западе, не соответствует действительности. Шепелявые *с''*, *з''* в тех же позициях, что и в псковских говорах, произносятся в ряде мест Вологодской области и в некоторых других районах севера. Написание *зеребе* (=жеребий) в новгородской берестяной грамоте № 99 XIV в., скорее всего, принадлежит нерусскому человеку. Частичное проникновение совпадения свистящих и шипящих на новгородскую территорию не исключено (примеры см. выше).

Как видно из приведенных выше примеров, в древнерусской письменности имело место смешение букв, обозначающих не вообще свистящие и шипящие, а только эти согласные, имеющие мягкость. Т. Н. Кандаурова отмечает, что в Прологе 1383 г. нет ни одного случая употребления *ш*, *ж* вместо твердых *с*, *з*.⁴⁹⁰ Если при специальной сплошной проверке фактов во всех северо-западных памятниках это наблюдение подтвердится, то мы будем иметь возможность сделать вывод, что совпадение свистящих и шипящих на нашем северо-западе (как, впрочем, во всей балтославянской области) происходило только в их мягкой позиции. Это является серьезным доводом в пользу генетического единства данного явления с совпадением всегда мягких *ц* и *ч*. Позже в результате ассимиляции по мягкости стали возможны и такие нормы произношения, как *жбегле* (=сѣбѣлъ > з'бегл > ж'бегл), а после отвердения шипящих совпадение свистящих и шипящих стало возможным и в твердой позиции, хотя и осталось относительно редким. Исходной нормой произношения в этих говорах были шепелявые *с''*, *з''* — согласные с повышенной степенью их палатальности, т. е. с увеличенной степенью подъема средней части спинки языка к твердому нёбу, на месте *с'*, *з'*. Близость свистящих и шипящих в мягкой позиции (*с''*, *з''* и *ш'*, *ж'*) могла приводить к колебаниям в произношении этих согласных и в твердом положении. В современных псковских говорах отмечаются *сапка* 'шапка', *суба* 'шуба', *солк* 'шелк', *волтъй* 'желтый', *зир* 'жир', *шад* 'сад', *жубы* 'зубы' и т. д. Ср. также арх. *вырзаветь* 'заржаветь'. Произношение *с''*, *з''* на месте *ш*, *ж* в тех же говорах, теперь уже редкое (*ш''ила*, *ж''ить* и т. п.), указывает на совпадение *с'*, *з'* и *ш'*, *ж'* в отдаленном прошлом. Впрочем, следует заметить, что указанное явление во всем комплексе своих черт еще не подвергалось всестороннему исследованию. Все же по записям диалектологов XIX—XX вв. можно судить о районе его распространения.

Шепелявые *с''*, *з''* и их аналоги отмечались прежде всего

⁴⁸⁹ Л. И. Пирогова. Говор Холмогорского района Архангельской области. Автореф. канд. дисс. М., 1962, стр. 8.

⁴⁹⁰ Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта. Тр. Инст. языковедения АН СССР, т. VIII, 1957.

в псковских и великолудских говорах. Например, В. И. Чернышев в 1917 г. наблюдал с'', з'' в Псковском уезде как обычное явление.⁴⁹¹ Л. И. Царева свидетельствует, что в юго-западных районах Псковской области мена свистящих и шипящих (*жмея, суба*) в настоящее время наблюдается редко, но шепелявость мягких свистящих сохраняется и изживается гораздо медленнее цоканья, поскольку она малозаметна.⁴⁹² Авторы «Русской диалектологии», опирающиеся на анкетные данные материалов диалектологического атласа русского языка, пишут, что с'', з'' на месте с', з' распространены «в ряде среднерусских говоров на территории Псковской, Великолукской областей, а также наиболее окраинных (западных) частей Смоленской и Брянской областей, т. е. в говорах по границе с Белоруссией, и в среднерусских говорах более восточных областей, например Владимирской».⁴⁹³ Что касается случаев шепелявого произношения твердых *с, ш* (*жнайте, шын, сшобака, навозжк*), то они единичны.⁴⁹⁴ Лингвисты отмечают с'', з'' и редкое *ш', ж'* (*Ш'имичкин, важ'му* и др.) и в Калининской области.⁴⁹⁵ С. А. Копорский указывает, что эта особенность является убывающей, поэтому «можно думать, что шепелявость в прошлом имела распространение в Калининской области».⁴⁹⁶ Он же ставит с'', з'' в один ряд с ц'' (т. е. с цоканьем). В 1936 г. на юго-западном побережье оз. Селигер с'', з'', близкие к *ш', ж'*, отмечались и автором этих строк (*з'мей з'ел'оныи глажы* = глаза). Шепелявые с'', з'' слышали И. Т. Смирнов в Кашинском уезде Тверской губернии (*Кесшове* = Кесове, *жзначительно й* др.),⁴⁹⁷ Н. П. Гринкова в д. Приездово Ржевского уезда (*восшмдесят, песшни, зжнаю, сштаринны, зжнал, зжатыльк*)⁴⁹⁸ и другие наблюдатели в различных районах Калининской и юго-западной части Новгородской областей. Если шепелявые на месте твердых *с, з* собиратели материалов для диалектологического атласа отмечают в редких, единичных случаях, то в более ранних диалектологических записях они встречаются чаще.

У нас нет никаких оснований отделять современные шепелявые согласные от того произношения свистящих и шипящих, которое нашло свое отражение в северо-западной (прежде всего псковской)

⁴⁹¹ В. И. Чернышев. Псковское наречие. (Наблюдения над говорами бывшего Псковского уезда в 1917 году). Изв. Комиссии по русск. яз., т. I. Л., 1929, стр. 162.

⁴⁹² Л. И. Царева. Говоры юго-западной части Псковской области. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. Л., 1954, стр. 10.

⁴⁹³ Русская диалектология, стр. 86.

⁴⁹⁴ Там же, стр. 86.

⁴⁹⁵ С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области, стр. 19—20.

⁴⁹⁶ С. А. Копорский. Цоканье в Калининской области, стр. 174.

⁴⁹⁷ И. Т. Смирнов. Кашинский говор. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. 77, № 9. СПб., 1904, стр. 177.

⁴⁹⁸ Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева. Практические занятия по диалектологии. Л., 1957, стр. 99.

письменности. Современные с'', з'' и их аналоги несомненно являются наследием древнего сближения *с', з'* и *ш', ж'* на древней территории кривичей. Длительное воздействие соседних диалектов, а позже и литературного языка довольно рано начало расшатывать локальную произносительную норму. Прежде всего отверждение шипящих охватило северо-запад. Это привело к тому, что исконные *ш', ж'*, с которыми сблизились исконные с', з', отвердели и, таким образом, отделились от с'', з''. Однако следы их прежней близости и, может быть, частичного полного совпадения современные говоры сохранили (ср. единичные псковские *с''есть* = шесть, *з''ир* = жир и др.). Постепенно началось и вытеснение с'', з'' обычными свистящими с', з' (процесс, который не совсем закончился и в наше время).

Шепелявость с', з' встречается и в ряде восточных говоров (вплоть до Великого океана). Не исключено, что она была занесена на восток переселенцами с запада, однако трудно установить границу между древним занесенным явлением и новообразованиями, возникшими под влиянием соседних неславянских языков. Наличие таких новообразований отмечалось рядом диалектологов. Н. М. Малеча в говоре уральских казаков устанавливает значительное распространение в наше время шепелявых с'', з'' на месте с', з' по сравнению с XIX в.⁴⁹⁹ Важные наблюдения об употреблении с'', з'' в белорусских говорах сделаны В. Н. Чекманом.⁵⁰⁰ Замечания о наличии с'', з'' на белорусской территории высказывались рядом лингвистов начиная с Е. Ф. Карского, но в послевоенное время об этом факте или не упоминалось, или же достоверность его отрицалась. В 1966—1967 гг. В. Н. Чекман обследовал белорусские говоры по специальной анкете и установил, что для этих говоров характерно переднесреднеязычное-передне-среднеязычное («краепалатальное», по классификации О. Брока) произношение с'', з'', отличающееся от польского произношения (среднеязычного-среднеязычного). Однако степень шепелявости у с'', з'' неодинакова: наиболее четко она проявляется в восточной Белоруссии (в задвинской части Витебщины, заднепровской Могилевщине и Гомельщине). «Вообще в северо-восточных она выше, чем в юго-западных; „шепелявость“ особенно слаба в обследованных нами говорах к югу от Припяти».⁵⁰¹ Одним словом, белорусская зона примыкает к русскому северо-западу, где осуществлялось совпадение *с'* и *ш'*, *з'* и *ж'*, *ц'* и *ч'*.

⁴⁹⁹ Н. М. Малеча. Говоры Уральских казаков. Матер. и исслед. по русск. диалектологии, т. III. М.—Л., 1949, стр. 11.

⁵⁰⁰ В. Н. Чекман. 1) Развитие противопоставлений твердых и мягких согласных фонем в белорусском языке. (Типологическое и сравнительно-историческое исследование). Автореф. канд. дисс. Минск, 1968; 2) Да пытання аб «шапелявых» с'' і з'' у беларускіх гаворках. Весті Акадэміі навук Беларускай ССР, Сер. грамадскіх навук, № 3, 1969, и другие статьи.

⁵⁰¹ В. Н. Чекман. Развитие противопоставлений твердых и мягких согласных фонем в белорусском языке, стр. 14.

Исходя из некоторых фонологических соображений, В. Н. Чекман выступает против древности «шепелявости» и считает, что это явление позднее, возникшее после падения редуцированных и в процессе развития противопоставления твердости-мягкости согласных. Конечно, развитие указанного противопоставления не могло не сказаться на истории интересующих нас согласных, однако совпадение свистящих и шипящих согласных зафиксировано в новгородской письменности до падения редуцированных и истоки его восходят ко времени до возникновения этого противопоставления.

Совпадение или сближение мягких свистящих и шипящих — по своей фонологической характеристике то же явление, что и цоканье. Естественно видеть между цоканьем и c'' , z'' прямую генетическую связь (никто, например, не сомневается в том, что все элементы магуренья имеют одно и то же происхождение). В. Г. Орлова этой связи не усматривает. Более того, она с уверенностью считает, что эти явления генетически различны, поскольку у них совершенно различные изоглоссы.⁵⁰² Однако ссылка на различие изоглоссы не может быть принята. Диалектологи хорошо известны случаи «затухания» или неполного проявления инноваций на перифериях их ареалов. Хронологическое различие проявления цоканья и c'' , z'' в древнерусских памятниках также вполне объяснимо: древнепсковская письменность раннего времени до нас не дошла. Если первые достоверные случаи смешения букв c и $ш$, z и $ж$ относятся к самому началу XIV в. (ср. в Рижской грамоте около 1300 г.: *лишии* = лисии, *Смоленъце*, *Витебъце* = Смоленъсць, Витебъсць), то в живой речи соответствующее этому смешению явление возникло гораздо раньше. Между прочим, исходные c'' , z'' косвенным образом указывают на то, что и при совпадении $ц'$ и $ч'$ первоначально образовался шепелявый $ч''$, из которого постепенно развились все известные нам типы того, что мы называем цоканьем. Мы полагаем, что совпадение (или сближение) свистящих и шипящих представляет собой продукт развития праславянского звукового наследия, поддержанного иноязычным воздействием в балтийском районе, имевшим место приблизительно в VIII—IX вв. Вероятно, можно говорить о складывавшемся в то время балтийском языковом союзе.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СОЧЕТАНИЙ *kl, gl*

Мне уже приходилось писать о возникновении в эпоху общеславянского языка диалектных инноваций, деливших славянскую языковую область на две противопоставленные зоны. К та-

⁵⁰² В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке. . . , стр. 122—123.

ким инновациям относится изменение сочетаний *tl, dl* в *l* не в начале слова: северо-западная зона сохранила древние сочетания, тогда как в обширной юго-восточной зоне произошло их упрощение. Указанные изоглоссы возникли задолго до формирования современных славянских языковых групп, они не совпадают с современными лингвистическими границами. Правда, по этому вопросу высказывается и другая точка зрения. Е. Налепе в своей содержательной книге⁵⁰³ считает, что изменение *tl, dl > l* произошло не раньше конца IX—X вв. и какой-либо ценности в решении вопроса о распаде праславянского языка не представляет. Свою гипотезу Е. Налепе обосновывает тем, что изоглосса *tl, dl : l* на южнославянской территории (в Словении) совпадает с границей Немецкой империи конца IX—X в. Изменение *tl, dl > l*, распространяясь с юго-востока на северо-запад, натолкнулось на эту границу и дальше не пошло, следовательно, оно было живой фонетической закономерностью в это время. Однако вряд ли современные диалектные изоглоссы так непосредственно можно переносить в древность, не учитывая многочисленных исторических перемен, имевших место в Словении на протяжении тысячи лет. Е. Налепе ссылается также на местные названия в Австрии и Западной Венгрии: *Zedles, Edlesbach, Padling, Edlitz, Jedlonig* и *Motschidel*, которые сосуществуют с названиями, имеющими *l* вместо *tl, dl*. Как известно, венгры пришли в эти места после 896 г. и, как полагает Е. Налепе, застали здесь южных славян, в языке которых еще сохранялось *dl*. Однако эти факты вполне могут быть истолкованы и по-другому: упрощение интересующих нас сочетаний проникло в Венгрию и Австрию с юго-востока задолго до появления в этих местах венгров, но не могло окончательно вытеснить архаическую форму, особенно в местных названиях. Лексикализация исчезающих фонетических закономерностей — явление, хорошо известное в диалектологии. Е. Налепе, ссылаясь на статьи Н. С. Трубецкого,⁵⁰⁴ М. Рудницкого,⁵⁰⁵ Р. Экблома⁵⁰⁶ и Х. Шустер-Шевца,⁵⁰⁷ представляет себе дело так, что упрощение *tl, dl* произошло после метатезы плавных согласных, что не является доказанным.

⁵⁰³ J. Nalepa. Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968, стр. 28 и след.

⁵⁰⁴ N. Trubetzkoy. Die Behandlung der Lautverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen. Zeitschr. für slavische Philologie, II, 1/2, 1925, стр. 28 и след.

⁵⁰⁵ M. Rudnicki. Grupy *tl, dl* w językach słowiańskich. Prace Filologiczne. Warszawa, 1927, XII, стр. 32 и след.

⁵⁰⁶ R. Ekblom. Le développement de *dl, tl* en slave. Symbolae grammaticae in honorem I. Rozwadowski, II. Cracoviae, 1927, стр. 57—70.

⁵⁰⁷ H. Schuster-Sevs. Noch einmal zur Behandlung der Liquidaverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen. Slavia, XXXIII, 1964, стр. 359 и след.

Оценивая гипотезу Е. Налепы, мы должны иметь в виду, что ее автор является убежденным сторонником висло-одерской прародины славян. Подбор фактов (в основном лексических) ведется таким образом, чтобы доказать, что южные славяне попали на Балканский полуостров с территории Польши, а юго-восточной славянской группы никогда не существовало. Наша точка зрения по этому вопросу изложена в начале настоящей книги. И после работы Налепы мы продолжаем считать, что зоны *tl*, *dl* образовались еще в праславянскую эпоху. Северо-восточная окраина зоны *tl*, *dl* впоследствии оказалась в пределах сформировавшейся примерно в VIII—IX вв. восточнославянской языковой группы, где представлена в виде *kl*, *gl* прежде всего в псковском диалекте.⁵⁰⁸ По своему происхождению и распространению сочетания *kl*, *gl* относятся к тому же кругу явлений, что и совпадение свистящих и шипящих. Правда, лингвисты до сих пор спорят о происхождении *kl*, *gl*. Некоторые из них считали и считают, что *kl*, *gl* являются поздними образованиями и никакого отношения к праславянской старине не имеют. В основе этого мнения лежит старая шлейхеровская схема, согласно которой история языков сводится к прямолинейному их дроблению. В свое время А. М. Селищев считал, что просто недопустимо предполагать будто предки севернорусской группы могли сохранить древние *tl*, *dl*, так как это противоречило бы понятию «прарусское языковое единство, выделившееся из праславянского языка».⁵⁰⁹ В наше время это положение повторяет П. С. Кузнецов: предки искивятиан, как и все древнерусское население, утратили *d* и *t* в указанных сочетаниях, затем под воздействием аналогии восстановили их, так как «невозможно представить себе сохранение указанных сочетаний в каком-то из диалектов, выделившихся из общеславянского диалекта, если в то же время этот последний этих сочетаний в таком виде уже не имел».⁵¹⁰ Однако эта консервативная точка зрения наталкивается на непреодолимые фактические затруднения. Во-первых, совершенно непонятно, почему аналогия оказала свое воздействие именно на территории, примыкающей к Прибалтике, и вовсе отсутствовала во всех других восточнославянских областях. Во-вторых, как можно объяснить с позиции действия аналогии возникновение таких форм, как *жерегло*, *саглице* 'сальце', *негла* 'лиственница', и других, им подобных, остается неизвестным. Распространение сочетаний *kl*, *gl* в разных языках на компактной прибалтийской территории не может быть случайным.

В балтийских языках, как известно, исходные сочетания *tl*, *dl* сохраняются, однако наряду с ними имеются и производные

⁵⁰⁸ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 181—188.

⁵⁰⁹ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. *Slavia*, 1928, VII, 1, стр. 37.

⁵¹⁰ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 95.

kl, *gl*. В древнерусском языке наряду с *tl* употребляется и *kl*: *auclō*, *gurclē*, *piuclan*, *stacle* и т. п.⁵¹¹ В латышском и литовском языках *kl*, *gl* представлены в ряде корневых слогов (лит. *egle*, латыш. *ēgle*, но др.-прус. *addle* 'ель' и др.), в отглагольных существительных (типа латыш. *arkls* 'рало', *dzīvoklis* 'квартира', *adiklis* 'вязанье', *biedēklis* 'пугало' и др.), иногда в отыменных существительных (латыш. *burveklis* 'приворотное зелье' и др.) и некоторых других формах.⁵¹² Наличие сочетаний *kl*, *gl* для латышского и литовского языков является закономерностью.⁵¹³

В. Ташицкий исследовал распространение сочетания *gl* в польских говорах.⁵¹⁴ По его наблюдениям, формы *mgły* 'тошнотворный, приторный' и другие значения, *mgleć*, *mglić*, *mgłość* и т. п., соответствующие литературному *mdt*-(*mdl*-), распространены в народной речи на всей польской территории, за исключением Силезии. Отсутствие *gl* в силезских говорах объясняется влиянием чешского языка, как и господство *dl* в древнепольском письменном языке (в котором начиная с XV в. имеется и *gl*). Формы *moglić się* 'молиться' и *moglitwa* отмечаются также с XV в. Они встречаются не только в мазовецких памятниках, но и в великопольских и малопольских и были широко распространены в разговорном языке. Формы *modlić się* и *modlitwa* были книжными, и их утверждению в литературном языке способствовало чешское влияние. Кроме указанных лексических групп, в польских народных говорах имеются такие примеры *gl* на месте *dl*, как *hanglarz*, *hanglirz* 'торговец', *hanglerstwo*, *hanglować* и другие слова того же корня, *jęgła*, *jęgłina* и пр.,⁵¹⁵ *nugle* 'макароны' (из нем. *Nudeln*), *iřnagła* 'птица овсянка', *vaglina* (<*vędlina*) 'колбасные изделия', 'копчености' и др. В. Ташицкий приходит к выводу, что сочетание *gl* в польском языке было распространено в прошлом значительно шире, чем теперь. Что касается происхождения *gl*, В. Ташицкий, как и З. Штибер,⁵¹⁶ полагает, что *dl* > *gl* произошло в результате диссимиляции на польской почве, вне зависимости от балтийских языков. Однако затухание распространения *gl* вместо *dl* в направлении с севера на юг не подтверждает этого предположения.

⁵¹¹ J. Endzelin. *Altprussische Grammatik*. Riga, 1944, стр. 55.

⁵¹² J. Endzelins. *Latviešu valodas gramatika*. Riga, 1951, стр. 340—353.

⁵¹³ М. Ф. Семенова. К вопросу о сочетаниях *dl*, *tl*. Уч. зап. ЛГУ им. Петра Стучки. Рига, 1959, т. XXX, стр. 89.

⁵¹⁴ W. Taszycki. O gwarowych formach *mgleć*, *mgły*, *moglić się* i tp. (Rozdział z historycznej dialektologii polskiej). *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 2. Warszawa, 1957, стр. 230—246.

⁵¹⁵ K. Nitsch i E. Mrozówna (Ostrowska). *Mazowieckie nazwy przyrodnicze*. 4. *Jęgła* 'jodla' (Picca Excelsa). *Lud słowiański*, II/A, 1931, стр. 199—222.

⁵¹⁶ Z. Stieber. *Rozwój fonologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1952, стр. 87.

Наличие *kl, gl* на месте *tl, dl* отмечалось в словацких диалектах — в липтовском⁵¹⁷ и zvolенском.⁵¹⁸ Систематическое описание явления дал П. Ондрус.⁵¹⁹ П. Ондрус, вслед за Й. Станиславом, полагает, что в среднесловацких говорах первоначальные *tl, dl* упростились в *l*. Это изменение сохранилось в таких словах, как *šilo, salo, zubalo, vili* и др., и в некоторых местных названиях вроде *Šielnica, Jel'a, Selce* и др., а также в единичных глаголах *jeť, ukrali, spala, pomolit sa*. Впоследствии происходит реставрация *tl, dl*, которые в результате диссимиляции изменились в *kl, gl*. Как полагает П. Ондрус, изменение *tl, dl* в *kl, gl* произошло между серединой XII и первой третью XIII в., после изменения *g* в *h* (иначе возникло бы сочетание *hl*, а не *gl*). Диссимиляции подверглись и древние сочетания *tъl, dъl, tьl, dьl*, о чем свидетельствуют *meglit'* в Липтове и *moglit'* в Турце. Следовательно, диссимиляция была живым процессом после падения редуцированных.

Положения, выдвинутые П. Ондрусом, не представляются нам достаточно убедительными. Объясняя *kl, gl* в среднесловацких говорах, нельзя игнорировать это явление от наличия этих сочетаний в польских диалектах и псковских говорах. Распространение *kl, gl* на компактной славянской и балтийской территории говорит о многом. Осталось бы совершенно непонятным, почему эти сочетания возникли именно в этой зоне, а не в каких-либо других местах. Если реставрация *tl, dl* в глагольных формах, в которых сохраняется возможность восстановления исходных основ, теоретически не исключается, то такая реставрация в изолированных корневых морфемах невероятна. Конечно, изоглоссы *tl, dl, kl, gl* и *l* постоянно видоизменялись. На территории Словакии столкнулись разные сочетания, что вызвало пестроту их распространения и колебания в ту или иную сторону. Что это так, достаточно посмотреть на рефлексы редуцированных: в словацких говорах, по данным диалектологического атласа словацкого языка, самым причудливым образом сочетаются, можно сказать, все рефлексы *ъ* и *ь*, которые имеются в славянских языках, причем зачастую проводятся они непосредственно, с колебаниями от слова к слову. Такая же непоследовательность наблюдается и в реализации интересующих нас сочетаний. Вполне вероятно, что в истории среднесловацких говоров имела место некоторая экспансия сочетаний *kl, gl*, однако *kl, gl* в них представлены в отдельных словах, а не в определенных разрядах слов: *ožlka, klk, meglit', glho* и др., причем изоглоссы этих слов далеко

⁵¹⁷ J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka, I. Bratislava, 1956, стр. 505.

⁵¹⁸ J. Laubert. O štúdiu nárečia zvolenského Horehronia. Carpatica, I, 2, 1939, стр. 167.

⁵¹⁹ P. Ondrus. Zmena *tl, dl* na *kl, gl* v stredoslovenských nárečiach. Jazykovedný časopis, 1. Bratislava, 1962, стр. 70 и след.

не совпадают друг с другом. Нерегулярны и формы с *l* на месте *tl, dl*.

Словацкие диалекты в ряде отношений оказались на стыке различных славянских языковых групп. В свое время Ф. Травничек объяснял чешские и словацкие формы с *l* как результат упрощения стечения согласных после падения редуцированных: *šdla > šdla > šla*, а *šel* возникло по аналогии и т. д. По мнению Ф. Травничка, в нижнеоравском и липтовском диалектах словацкого языка имело место позднее упрощение в результате ассимиляции: *mydlo > myllo* (формы с *ll* имеются в этих говорах) > *mylo* и т. п.⁵²⁰ Ни о каком тотальном древнем упрощении *tl, dl* и затем неожиданной их реставрации не может быть речи. Наряду с местными фонеморфологическими изменениями, о которых писал Ф. Травничек, были взаимодействия чешских, словацких и соседних славянских диалектов, в результате которых происходили сложные передвижки изоглосс, возникли разного рода «исключения».

Остается непреложным фактом, что сочетания *kl, gl* возникли в славянских диалектах, соседящих с балтийскими языками. Исходным материалом для этих *kl, gl* могли быть только сочетания *tl, dl*. Вполне вероятно, что *tl, dl > kl, gl* есть результат регрессивной диссимиляции (латеральный плавный *l*, имея точку смыкания у зубов, является зубным, как *t* и *d*, но при его артикуляции поднимается задняя часть спинки языка, как при произношении *g* и *k*). Что касается изменения *tl, dl* в юго-восточной половине древней славянской языковой области в *l*, то не исключено, как полагал М. Рудницкий,⁵²¹ уточняя положение Н. С. Трубетцкого,⁵²² что оно вызвано большей интенсивностью и длительностью в этом районе тенденции открытых слогов.

Из всего сказанного следует, что предки носителей псковских и соседних с ними говоров были непосредственными соседями предков западных славян и сохраняли в своем языке сочетания *tl, dl*. Первоначальной областью их расселения перед движением на север мог быть район верхней и средней Припяти. Когда эта славянская группа примерно в VIII—IX вв. вступила в тесный контакт с балтийцами, *tl, dl* в их речи, как и у балтийских соседей, изменились в *kl, gl*. Сочетания *kl, gl*, как и совпадение свистящих и шипящих, оказались элементами складывавшегося балтийского языкового союза.

Образование языка восточных славян, в зону которого вошел и древнепсковский диалект, по всем своим основным чертам истинно близкий к остальным восточнославянским диалектам, при-

⁵²⁰ F. Trávníček. Přspěvky k českému hláskosloví. Brno, 1926, стр. 113—124.

⁵²¹ M. Rudnicki. Grupy *tl, dl* w językach słowiańskich, стр. 30—33.

⁵²² N. Trubetzkoy. Die Behandlung der Lautverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen, стр. 117—121.

вело к тому, что сочетания *kl*, *gl* стали постепенно вытесняться общевосточнославянской произносительной нормой. До нас дошли только рудименты древнепсковского, а точнее, северо-западного диалектного явления. О его распространении в древнепсковском диалекте и современных псковских говорах я уже писал.⁵²³ Подчеркну здесь, что следы сочетаний *kl*, *gl* встречаются и за пределами псковской территории. Как отметил еще А. А. Шахматов, *чькли* имеется в новгородском Хлудовском списке Стоглава (XVI в.), *сочклись*, *сочклисе* — в северодвинских Лодомских актах 1585 и 1571 гг., *негла* 'лиственница' — в каргопольских говорах,⁵²⁴ борович. *ёгла* 'ель'. Любопытно свердл. *велегливий* 'заносчивый'. Интересно вепс. *mugl* 'щелок', заимствованное из древненовгородского *myglo < *mydlo. Оно свидетельствует о распространении *kl*, *gl* (по крайней мере в отдельных словах) на восток, в древнюю область словен. Важные данные может представить топонимика. К сожалению, должного обследования топонимики под этим углом зрения мы пока не имеем. Из разрозненных наблюдений выясняется, что сочетания *kl*, *gl* и *tl*, *dl* в топонимике фиксируются как на Псковской земле, так и за ее пределами.

Древнепсковское *Жерегло* — широкое устье р. Мды, впадающей в Чудское озеро, *Жерагло* — пролив между Чудским и Псковским озерами. А. И. Лебедева отмечает поле *Жерегло*, пожною *Вонягла*, пустошь *Жаглово*.⁵²⁵ Северо-западнее Новгорода имеется населенный пункт *Раглицы* (ср. новг. *Ралицы*). На русском северо-западе встречаются названия *Еглино*, *Еглинка* (например, в Тосненском районе Ленинградской области р. *Еглинка*, станция *Еглино*, под Боровичами д. *Еглы*), чередующиеся с *Едлинка*, *Елино* и др. (не имеют отношения к *Иглинка*, *Иглино* и пр., вопреки предложениям некоторых лингвистов). В Могилевской области течет р. *Видлинка*, которая впадает в *Вилье*, приток Ресты, которая в свою очередь впадает в Пронку могилевскую, у Ладожского озера есть ручей *Виглинка*, а на рязанской реке Проне стоит село *Вилинка*. Можно думать, что в этих и подобных им названиях (которые, несомненно, найдутся) сохраняются остатки глубокой старины. По-видимому, сочетания *tl*, *dl*, которые затем изменились в *kl*, *gl*, были характерны для говоров группы кривичских племен, отчасти и словен.

Белор. *быдла* (русс. *быдло*), *кавадла*, *малявидла*, *страшвидла*, *прасцїрадла*, *мадлення* и др., как и отдельные случаи *dl* и *ll* в закарпатских говорах украинского языка, являются поздними заимствованиями из польского и словацкого языков.

⁵²³ Ф. П. Флиин. Образование языка восточных славян, стр. 181—188.

⁵²⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 103.

⁵²⁵ А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической диалектологии. (По материалам топонимики Псковской области). Очерки истории языка. Уч. зап. ЛГУ, 267, Сер. филол., 1960, стр. 181.

Давно уже было обращено внимание на своеобразную местоименную форму *вхоу* в Хутынской грамоте 1192 г. (*вхоу же тоу землю хоутинскоую*). Б. М. Ляпунов обнаружил в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи под 1217 г. форму *вхе* (*вхе полъ* = 'весь полъ').⁵²⁶ Им было высказано мнение, что в обоих случаях мы имеем дело не с описками, а с 'интересным остатком праславянской старины'.⁵²⁷ Эта мысль подтверждается позднейшими находками: в новгородской берестяной грамоте № 87 XII в. имеется написание *кз вьхемо вамо* (в той же грамоте пример вероятного акаанья: *папа* = 'попа'), в грамоте № 211 XIII в. — *вхого*, а в грамоте № 359 начала XV в. — *вххъ*. «Новые примеры подобных употреблений данного местоимения отыскиваются и в письменных памятниках древнего Новгорода, сохранных пергаменами: В. В. Колесов указал нам на текст неизданного Новгородского стихиря 1157—1164 гг. (Соф. № 384), где на л. 13 форма местоимения „весь“ исправлена писцом на „вху“. Таким образом, сейчас мы имеем почти полную парадигму употреблений данной разновидности местоимения, зафиксированной древними новгородскими письменными памятниками. Данный факт ставит вне сомнений отсутствие второй палатализации заднеязычных согласных в древнейшем новгородском говоре и одновременно помогает правильно интерпретировать и понимать тексты грамот». ⁵²⁸ Общеславянское местоимение *всь* восходит к древней праславянской форме *вьхъ (*вьха, *вьхо), которая позже в соответствии со второй палатализацией заднеязычных согласных изменилась в *вьсь > *вьсь. По-видимому, вторая палатализация на северо-восточной окраине славянской языковой области реализовалась не без исключений. Таким исключением оказалось местоимение *вьхъ. Если считать, что вторая палатализация заднеязычных имела место примерно в III—V вв. н. э., то сохранение непалатализованной формы является одним из древнейших славянских диалектизмов. Можно полагать, что *вьхъ сохранялось в языке предков словен и кривичей, а в древнерусскую эпоху стало рудиментом, позже вовсе исчезнувшим.

В особом положении находится согласный *x* на месте *ш* и *с* в современных псковских говорах. Примеры на такой *x* отмеча-

⁵²⁶ Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899, стр. 61, 73, 281.

⁵²⁷ Б. М. Ляпунов, Отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПб., 1909). Сб. отчетов о премиях и наградах за 1909 год. СПб., 1911, стр. 529.

⁵²⁸ Н. А. Мещерский. К филологической интерпретации новгородских берестяных грамот. Программа и краткое содержание докладов X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов, ч. II. Л., 1968, стр. 62.

лись некоторыми наблюдателями еще в прошлом столетии. Замечательный знаток псковских говоров В. И. Чернышев указывал прежде всего на то, что этого рода *x* встречается прежде всего в глаголах на -*ать*, -*шать* и -*шивать*: *опояхать*, *вехать*, *спрашивать* и т. п.,⁵²⁹ *помехала*, *перемехала*, *смахалась*, *спрашивал*, *мехала*, *не мехало бы*.⁵³⁰ Анализом примеров с *x* и вопросом об их происхождении занялась С. М. Глускина, впервые посвятившая этой проблеме специальное исследование.⁵³¹ Как отмечает С. М. Глускина, наибольшее количество примеров *x* в псковских говорах приходится на глаголы -*ать*, -*ывать*, -*ануть*: *вехать*, *подпояхать*, *скашивать* (=скашивать), *сполохнуть* (=сполоснуть), *чехануть* (=чесануть), *кухать* (=кушать), *нахывать*, *развехать*, *плахать*, *выслушивать*, *расчехывать*, *подпыхывать*, *приголаживать*, *прикрашивать*, *выколачивать*, *отпыхивать* (=обтесывать), *вывехивать*, *засухывать*, *кухнуть* (=куснуть), *кохнуть* (=коснуть косой), *сполохнуть*, *пыхнуть*, *втихнуть* (=втиснуть), *приухнуть* (=ухнуть ненадолго), *полохнуть* и др. Гораздо реже *x* встречается в других положениях: *мяхо*, *мяхной*, *техниться*, *вмехный* (=совместный), *хвет* (=свет), *пихмо*, *верехник* (=вересняк), *свихиваться* (=совсвистываться), *принеху* (=принесу). Дальнейшие разыскания, по-видимому, могут увеличить количество подобных примеров. Ср. *балляный* 'большой', 'видный', 'красивый' (пск.-калуж.), *балляхенький* 'хорошенький', 'красивенький' (калуж.), *голох* 'голуб' (алт.), *волохатик* (волог.), *волохатый*, 'волосатый' (обоян., калуж., пенз.), фамилия *Волохов* (=Волосов) и др.

Как полагает С. М. Глускина, образование псковского «этимологического *x*» относится к глубокой древности. Причиной его возникновения, по ее мнению, является древнейшее неразличение в речи предков псковичей свистящих и шипящих согласных (об этом явлении см. выше). Вопреки мнению некоторых лингвистов, согласно которому в псковских говорах шепелявые *s'*, *z'* закономерно употребляются только на месте *s*, *z*, а смешение свистящих и шипящих встречается лишь в немногих отдельных словах, С. М. Глускина считает, что в псковских говорах имеются доказательства полного совпадения свистящих и шипящих в отдаленном прошлом. Смешение свистящих и шипящих и в твердой позиции лексически не ограничено: *нос*⁵³², *шмоль* (=смоль), *леш*, *шосны*, *жавите* (=зовите), *сапка*, *нозычек*, *сайка* (=шайка), *заних* (=жених) и т. д. (примеров приводится много).⁵³³ Совпаде-

ние свистящих и шипящих в одном ряде *s'* и *z'* у предков псковичей имело место еще до первого смягчения заднеязычных и было вызвано их контактом с прибалтийскими племенами. С. М. Глускина присоединяется к гипотезе А. Мейе, по которой в начале первой палатализации *s* после *i*, *u*, *r*, *k* изменилось не в *x*, а в *ž*. Это *ž* было заменено нефонетическим путем согласным *x* после первой палатализации в результате аналогического воздействия чередования *č* || *k*, *ž* || *g*. По модели чередования заднеязычных *k*, *g* с шипящими *č*, *ž* возникло позиционное чередование *x* || *ž*. Поскольку в прапсковском диалекте *s* не было в любой позиции (на его месте было *s'*), в нем на месте *s'* появляется *x* не только после *i*, *u*, *r*, *k*, но и во всех остальных случаях (также и на месте древнейшего *s* из индоевропейского *k*). Остатки этого *x* сохранились в современных псковских *мяхо*, *вмехный*, *хвет* и др. Того же происхождения *x* и в псковских глаголах типа *опояхать*, *нахывать*, *кухнуть*, поскольку общеславянские противопоставления в глагольных формах *s—ž* и *ž—x* не могли быть реализованы в прапсковском диалекте, не зная различия свистящих и шипящих. В этом диалекте возникло лишь чередование *ž* || *x* для морфологического противопоставления разных глагольных основ: *развещивать* — *развехать* и т. п. Эти глаголы на -*хать* создали диалектную морфологическую модель: несмягченную основу глаголов на -*ать*.

По этой модели образовались псковские *сустрекать* (=встречать), *примекать*, *наmekать*, *замекать* (=примечать, намечать, замечать), *рогать* (=рожать) и др., противопоставленные мягким основам *приметить*, *родить* и прочим и представляющие собою примеры «обратного производства».

Гипотеза С. М. Глускиной наталкивается на непреодолимые трудности. Если в прапсковском диалекте *s'* изменялся в *x* в любых позициях, то *s'* в нем вообще должен был бы исчезнуть, чего нет на самом деле. С. М. Глускина понимает это, но все же настаивает на своей точке зрения, полагая, что полного исчезновения *s'* не произошло потому, что «взаимодействие с другими славянскими диалектами должно было способствовать сохранению сходного звучания общего лексического запаса».⁵³³ Доказать такое предположение, конечно, нельзя, как и невозможно полагать, что совпадение свистящих и шипящих в прапсковском диалекте существовало еще до первого смягчения согласных, т. е. на древнейшем этапе развития общеславянского языка. Остается также непонятным, почему совпадение свистящих и шипящих нашло свое яркое отражение в древнепсковской письменности, а произношение *x* на месте *s*, *ž* не имело его.

Глагольные формы -*хать*, -*хывать*, -*хнуть* гораздо правдоподобнее объяснять как образование по аналогии «модели» не-

⁵²⁹ В. И. Чернышев. Изучение псковского наречия. В сб.: Повный свой край, вып. 4. Псков, 1929, стр. 85.

⁵³⁰ В. И. Чернышев. Псковское наречие. (Наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 году). Тр. Комиссии по русск. яз., т. I. Л., 1931, стр. 168, 174, 176.

⁵³¹ С. М. Глускина. Морфологические наблюдения над звуком *x* в псковских говорах. Псковские говоры, I. Псков, 1962, стр. 28—57.

⁵³² Там же, стр. 34.

⁵³³ Там же, стр. 35.

смягченной глагольной основы. В русском языке мы имеем *трусить* (рысцой) — *потрусивать*, *трясти*—*тряхнуть*—*вытряхивать* и т. п. Чередование в глагольных формах *з* и *ж* оказывается продуктивным и в диалектах захватывает глаголы, в которых литературный язык этого чередования не имеет (тульск. *ужахаться*—*ужахнуться*—*ужас* и др.). Особенно продуктивным этот тип чередования оказался в псковских говорах. «Обратное словопроизводство» распространяется в них и на другие глаголы с «восстановлением» ложных заднеязычных *g* и *k*: *сустрекать*, *роговать* и пр. Явление это позднее, поэтому оно не нашло своего отражения в древнерусской письменности. Впрочем, в Строевском списке 1-й Псковской летописи имеется *соустрѣкли* (белор. *сустракаць*), в котором ошибочно усматривают сочетание *kl* из *il*.

Гораздо труднее объяснить случаи типа *мяхо*, *пихъмо* и др. Не исключено, что здесь мы имеем ранние замены (по невыясненным причинам) *з* согласным *х*. В новгородских граффити XI—XII вв. имеется написание *тѣхънова*, которое В. Н. Щепкин объясняет как *тѣсьнова*.⁵⁸⁴

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ *вл*, *гн*

Исследуя язык новгородских грамот XIII—XIV вв., А. А. Шахматов приводит два примера написания *л* вместо *вл*: *присталивати* (грамота № 3) и *Жидьслаличь* (грамота № 12). Комментируя эти написания, А. А. Шахматов указывает, что чаще всего они встречаются во второй части 1-й Новгородской летописи: *Ярослави*, *Мстислалви*, *Ярослалихъ*, *Ярослалъ*, *Переяслалъ* и т. п. В первой части этой летописи: *на Яколю улицы*, в третьей части: *Горислалича*, *Вячеслаличь*, во 2-й Псковской летописи: *нороляне*, *запсколяне*, *посталаша*, в 4-й Новгородской летописи: *Яколь*, в Ипатьевской летописи: *Родьслалича*, *Мьстислалича*, *Мстислаличю*. Имеются также написания в двинских грамотах XIV в.: *Яколича*, в Радельной грамоте 1583 г.: *Яколю улицу*, *Яколи улицы*, *Яколскою*. Весьма возможно, что написания *iakele*, *jakele* в нижненемецком тексте грамоты 1396 г. следует читать как *Яколь*.⁵⁸⁵ Такие же написания отмечены в договоре Новгорода с Тверью 1270 г.: *присталивати*, в договоре 1314 г.: *Жидьслаличь*, в псковском Параклитике 1369 г.: *испраливаюця*, в записи псковского Пролога 1425 г.: *испраливаюче*, в западнорусском Трефоле 1446 г.: *испраливая*.⁵⁸⁶ Эта особенность была найдена свое отражение и в новгородских берестяных грамотах: *Яколь* (№ 12, XV—XVI вв.), *[Pa]дослала* (№ 50, XIV в.), *оу Смена оу Яколя* (№ 138, XIII в.), *у Ольксан*

оу Рацлала (№ 260, XIV в.), *от Горислалича* (№ 262, XIV в.).

Специальному обследованию в современных говорах это явление не подвергалось. Не было оно учтено и в вопросниках для диалектологического атласа русского языка. В нашем распоряжении имеются лишь случайные фиксации произношения *л* вместо *вл* у отдельных наблюдателей. Все же география *л* на месте *вл* более или менее выясняется — это новгородско-псковские говоры. В. И. Чернышев отметил в Псковском уезде *асталаямся*, *дасталаяют*, *асталаяется*, *асталаяет*, *кроля*.⁵⁸⁷ *Кроля* изредка встречается на всей псковско-новгородской территории. Ср. еще *стададож*, *голааль*, *голаали*, новг. *осталять*, *засталаять*, борович. *Ярослалъ* (город) и некоторые другие примеры. Судя по этим примерам, упрощение *вл* в *л* произошло исключительно в древнем сочетании **vj*, на месте которого образовался *v* с эвентическим *l*. Однако упрощению подвергалось не всякое *vl* из **vj*, например не отмечено ни одного случая упрощения в глаголах 1-го лица единственного числа настоящего времени. Фонетическое изменение не реализовалось, когда оно могло привести к затемнению значения слова. Впервые *вл* > *л* фиксируется в новгородской письменности с XIII в. Когда оно возникло в разговорной речи жителей древней Новгородско-Псковской земли, определить не представляется возможным. Не исключено, что это упрощение было вызвано вытеснением билабиального *w* губно-зубным *v*.

Упрощение различных групп согласных началось еще в древнем общеславянском языке и в разной степени представлено во всех славянских языках. Особое место в этом процессе занимает выпадение *в*, *р*, *д*, *т*, *г*, *к*, *х* перед глагольными суффиксами *-пг-*, *-пв-*. На территории восточнославянских языков тенденция опущения указанных согласных перед этими суффиксами наиболее отчетливо представлена в северновеликорусских и псковских говорах. Из псковских говоров довольно много примеров приводит С. М. Глускина.⁵⁸⁸ Ср. широко распространенное в новгородских говорах *кренуть* (несов. вид. *кретать*) 'сдвинуть', 'стронуть', *блямор*, *захленуться* (=захлебнуться), *селигер*, *вотнуть* (=воткнуть), арх. *выкурнуть* 'высунуться', 'выглянуть', 'вынырнуть' (*выкуркивать*), *выкышнуть* 'выгнать птицу криком «кыш»' (*выкышкивать*), сев. *толнуть* (=толкнуть), *торнуть* 'ткнуть' (=торкнуть), *замнуть* (=замкнуть) и др.

Особо отчетливую территорию распространения имеет упрощение *гн* > *п*, которое представлено не только в глагольных формах. Обильно представлено это упрощение в псковских говорах: *пастенуть*, *пристенуть*, *застинуть*, *вышмырнуть* (=вышмург-

⁵⁸⁴ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti, стр. 43.

⁵⁸⁵ А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв., стр. 174—175.

⁵⁸⁶ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 36.

⁵⁸⁷ В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 167, 170, 184.

⁵⁸⁸ С. М. Глускина. Упрощение некоторых групп согласных. (На материале Псковского областного словаря). Слово в народных говорах русского севера. Л., 1962, стр. 86—97.

нуть), *суяная* (овца), *янеок*, *янятки*, *янитъся*, *онище*, *занеток*, *занетка* и др.⁵³⁹ Не менее широко *gn > n* распространено в новгородских говорах и говорах переселенцев из древней новгородской земли: *суяная*, *янитъся*, *напрынут* (=напрыгнут) 'напрыгают' (сев.-двин.), *застенуть*, *оневался* (=огневался) 'разгневался' (беломор.) и др.

А. И. Соболевский более широко по сравнению с современным упрощением *gn > n* находит в древних южнорусских памятниках: *разнѣваеся* (Изборник 1073 г., Житие Саввы Освященного XIII в.), *разнѣваеся* (Холмское евангелие XIII в.), *ражнѣваеся* (Изборник 1073 г.), *ражнѣваеся* (Архангельское евангелие 1092 г., Златоструй XII в.), *огнь понѣщаетъ* (Учительное евангелие Константина болгарского XII—XIII вв.), *Разнистеса нозѣ* имеется также в ростовском Житии Нифонта 1219 г.⁵⁴⁰ Л. А. Булаховский, вслед за А. Колесою, полагает, что эти написания (к которым добавляются еще два примера: *рознѣваеся* из Холмского евангелия XIV в. и *изна* из Поликарпова евангелия XIV в.) отражают древнюю южнорусскую диалектную особенность, не сохранившуюся в современном украинском языке (за исключением *знуцатися* из **згнуцатися*).⁵⁴¹ Это предположение не лишено вероятности. Обращает на себя внимание то, что южнорусское *gn > n*, представленное в двух-трех лексемах, реализуется только после приставок, тогда как псковско-новгородское упрощение реализуется не только в этой позиции, но и в корнях слов в разном положении, причем лексически оно, по-видимому, раньше не ограничивалось. С. М. Глускина считает, что псковско-новгородская особенность может быть отнесена к дописьменной поре.⁵⁴² К сожалению, псковско-новгородская письменность с точки зрения наличия или отсутствия в ней этого упрощения остается неисследованной. Впрочем, некоторые случаи выпадения *g* перед *n* уже отмечались. Ср. в «Домострое» *ни знилo*, *зництѣ* и др.⁵⁴³

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕФЛЕКСОВ *zdj, *zgj, *zg' и dj

Древние общеславянские сочетания согласных *zdj, *zgj, *zg', как известно, должны были видоизмениться в *ždž*, а *stj, *skj, sk' — в *šš*, являвшийся глухим соответствием *ždž*. Дальнейшая судьба глухих и звонких сочетаний была различна. В современных

⁵³⁹ Там же, стр. 91—92.

⁵⁴⁰ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 29.

⁵⁴¹ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 65.

⁵⁴² С. М. Глускина. Упрощение некоторых групп согласных, стр. 95.

⁵⁴³ М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, стр. 81.

восточнославянских языках основными вариантами древнего *ždž* являются *ždž* и *žž* (с мягкой и твердой разновидностями). В древнерусской письменности передача сочетания (или сочетаний), образованного на месте исходных *zdj, *zgj и zg', оказалась различной, что давно уже привлекло внимание историков восточнославянских языков.

А. И. Соболевский установил, что в юго-западных и западных памятниках нередко встречаются написания *жч*: *дѣжчѣ*, *ижчелнуться* (=ижженуться), *вѣжчелѣшиа*, *рожчѣ* и др. (Галицкое евангелие 1144 г.), *дѣжчѣ*, *рожчѣ* (род. пад.), *измѣжчание*, *ижчивите*, *ражчизати*, *бежчены* (=без жены) (Христинопольский апостол XII в.), *дожчѣ*, *бездожчѣ*, *ижчѣну*, *вѣжчелаетъ* и др. (Галицкое евангелие 1266 г.), *одѣжчѣшиаго*, *измѣжчѣние*, *пригвожчѣнѣ*, *пригвожчѣние*, *ижчѣну*, *ижчѣвѣ*, *ражчизая* и др. (Триодь XIII в.), *рожчѣ* (Лужское евангелие XIV в.), *наѣждчати*, *приѣждчалѣ* (грамоты литовских князей), *дѣжчѣвнымѣ* (западнорусская Псалтырь 1296 г.), *приѣждчѣе*, *приѣждчачи*, *наѣждчалѣ* и т. п. (Литовский статут 1588 г.), *дожчѣ*, *дожчѣть* и др. (Евангелие Тянинского 2-й половины XVI в.). В новгородско-псковской письменности довольно часто написание *жг*: *измѣжчѣние*, *одѣжги* (Новгородская минея 1095 г.), *дѣжгѣ*, *одѣжгаея*, *пригважгаема* (Новгородская минея 1096 г.), *одѣжгивыи* (Стихирарь 1157 г.), *пригвожгѣнаго* (Триодь 1311 г.), *дожгѣ*, *дожгитѣ*, *рожгѣ* (Евангелие до 1362 г.), *дѣжгѣ*, *дѣжгѣмѣ*, *дѣжгѣво* (1-я Новгородская летопись), *дожгѣ*, *надѣжгити*, *пригвожгѣше*, *рожгѣ* (псковский Апостол 1307 г.), *дѣжгѣ*, *пригважгѣя* (псковский Параклитик 1369 г.), *дожгѣ* (1-я Псковская летопись).⁵⁴⁴ А. А. Шахматов к этим примерам прибавляет новые: *ижгиль*, *прѣжге* (Минея 1095 г.), *пригвожгѣно* (Пролог XIII в.), *рожгѣныхѣ*, *побѣжгѣнѣ*, *чюжгѣи* (Псалтырь XIV в.), *яжгѣние* (псковская типографская Псалтырь XIV в.) и др. Любопытны написания в Погодинском списке 1-й Псковской летописи: *дожгѣ*, *наѣжгати*, *недожгѣя*, *сѣзжѣяся*,⁵⁴⁵ в которых *ж* заменяется *з* — отражение совпадения свистящих и шипящих, о котором говорилось выше. В дальнейшем существенных добавлений к извлеченным из памятников А. И. Соболевским и А. А. Шахматовым примерам сделано не было. Ср. еще *ноужгѣныи* (Новгородская минея 1096 г.; по другим спискам — *ноуждѣныи*). Лингвисты сосредоточили свое внимание на истолковании этих примеров, причем были выдвинуты противоречивые гипотезы.

А. И. Соболевский полагал, что юго-западное и западное *жч* передает *ш'ч'* (*шч*), а новгородско-псковское *жг* так и произносилось, как писалось. К его мнению о фонетическом содержании на-

⁵⁴⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 35, 37—38.

⁵⁴⁵ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 179—180, 321—322, 326—327.

писания *жс* присоединился Н. М. Каринский.⁵⁴⁶ Остаток произношения *жс* А. И. Соболевский видел в перм. *вожгаться*. Действительно, в современных архангельских, псковских, пермских, смоленских и сибирских говорах этот глагол отмечен в значении 'возжаться', 'долго возиться с чем-либо' (имеет он и другие значения), ср. еще перм. *вожготня* 'возня', 'хлопоты', 'суетня', перм. *вбжгать* 'быстро хлебать', в ряде северновеликорусских говоров в значении 'возжаться' выступает также *вбжкаться*, *вбжкаться*, *вбжкаться*. Ввиду наличия сложных отношений *вожгаться* с *вбжкаться* и другими словами пример этот становится сомнительным, да к тому же он является пока что единственным.

А. А. Шахматов,⁵⁴⁷ а вслед за ним Н. Н. Дурново⁵⁴⁸ предполагали, что новгородско-псковское написание *жс* обозначало *žj*, которое впоследствии изменилось в *žž*. Чтобы подкрепить эту гипотезу, А. А. Шахматов выдвинул новое, более невероятное предположение о наличии в новгородско-псковском диалекте *žx* (глухом аналоге *žj*) > *žč* из *skj*, *sk'*, однако каких-либо доказательств в пользу своей точки зрения не привел. Н. С. Трубецкой, несколько видоизменив гипотезу А. А. Шахматова, считал, что во всем древнем севернорусском наречии *ždž* изменилось в *žy*.⁵⁴⁹ Остается неясным, как в таком случае в некоторых северновеликорусских говорах сохранилось *ždž*, засвидетельствованное в некоторых диалектологических описаниях.

По мнению А. М. Селищева, второй элемент в написании *жс* обозначал заднепалатальный затворный согласный, акустически близкий к *d'*.⁵⁵⁰ П. С. Кузнецов думает, что этот элемент представлял собою краепалатальный затворный согласный со слабой фрикацией (типа сербского *ћ*).⁵⁵¹

Со специальной статьей об этом спорном вопросе древнерусского правописания в 1937 г. выступил Р. О. Якобсон.⁵⁵² Дав краткий обзор высказанных до него гипотез и указав на их несостоятельность, Р. О. Якобсон предположил, что буквы *ж* и *ч* в написаниях *жс*, *жч* условно передают один и тот же соглас-

ный — аффрикату $\frac{ž}{č}$ ($\sqrt{dž}$). Как на севере, так и на юге произношение рефлекса $\frac{ž}{č}$ было одинаковым. Различие между севером и югом было только в неодинаковых фонологических отношениях. На юге звонкое сочетание $\frac{ž}{č}$ было противопоставлено глухому *šč*. Фонема *č* в положении после *ž* реализовалась в виде комбинаторного варианта $\frac{ž}{č}$, поэтому, по мнению Р. О. Якобсона, единству фонемы *č* и $\frac{ž}{č}$ на письме соответствовало единство графемы *ч*, передававшей и *č*, и $\frac{ž}{č}$. Эти условия отсутствовали на севере из-за господствовавшего там цоканья. Наличие цоканья привело к тому, что *с'* и *č'* «были осмыслены как комбинаторные варианты глухой фонемы *к*, а $\frac{ž}{č}$ — как комбинаторный вариант соответствующей звонкой *г*». ⁵⁵³ Фонологические отношения между $\frac{ž}{č}$ и *г* привели к тому, что севернорусские писцы стали обозначать $\frac{ž}{č}$ буквой *г*.

Трудно поверить, чтобы древнерусское население в своем языковом сознании имело представление о гиперфонемах и их комбинаторных вариантах, причем такое устойчивое, что оно нашло свое отражение в орфографии. Остроумная гипотеза Р. О. Якобсона — плод фонологических рассуждений, которые не поддаются проверке. Остается совершенно непонятным, почему в нецокающих северо-восточных памятниках нет написаний *жч*, а в цокающих северных областях в подавляющем большинстве памятников нет написаний *жс*. Ареалы цоканья и *жс* явно не совпадают.

Мнение о повсеместном распространении *ж'д'ж'* на 'месте *жг*' высказывает и Г. И. Геровский. Говоря о написании *жс*, он пишет: «Единственным возможным значением *г* в этом слове было *д'ж'*. Под написанием *г* в значении *д'ж'* в этом слове не скрывается какая-то мнимая диалектная особенность древнего новгородского говора, теперь будто бы исчезнувшая; оно является обозначением того же явления, которое в киевском и северо-восточном письме обозначалось посредством традиционного (церковнославянского) *д* после *ж* (*дъждь*), в галицко-волыньском и западнорусском — при помощи *ч* (*дъжчь*). Всеми тремя написаниями и передавался один и тот же закономерный заместитель праславянского *ж* перед передними гласными, т. е. смягченное сочетание *ж'д'ж'*. Различная графическая передача одной и той же аффрикаты *д'ж'* в древнерусской письменности не может вызывать удивления: в кириллическом письме, в основе которого лежал старославянский звуковой состав, не было особого знака для аффрикаты *д'ж'*». ⁵⁵⁴

И все же, несмотря на заверения Г. И. Геровского, удивление остается. Когда бывают колебания в написаниях из-за недостатка букв для обозначения какой-либо одной и той же особенности произношения, эти колебания обычно хаотичны и могут встречаться не только в письменности одной и той же местности, но и

⁵⁴⁶ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке, стр. 178 и след.

⁵⁴⁷ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 321.

⁵⁴⁸ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 178.

⁵⁴⁹ N. Tрубецкой. Einiges über die russische Lautentwicklung... стр. 291.

⁵⁵⁰ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, стр. 38.

⁵⁵¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 91.

⁵⁵² Р. О. Якобсон. Спорный вопрос древнерусского правописания (*дъжсь*, *дъжчь*). In: R. Jakobson. Selected writings, I. Mouton and Co. 's-Gravenhage, 1962, стр. 245—253.

⁵⁵³ Там же, стр. 252.

⁵⁵⁴ Г. И. Геровский. Древнерусские написания *жч*, *жс* и *г* перед передними гласными. ВЯ, 1959, № 4, стр. 59.

в одном и том же памятнике. Ср., например, в псковских летописях передачу 'o (из e и ъ) то по традиции через e, то через eo, то через o (*кремъ, креомъ, кромъ*). Написания же *жч* и *жг* имеют четко выраженные ареалы распространения. Г. И. Геровский почему-то оставляет без внимания то обстоятельство, что *жг* пишется не только на месте предполагаемого *zg'*, но и на месте *zdj, zgj* (примеры см. выше), а также и *dj* (*прѣжге*). Рефлексы этих сочетаний уже в самых ранних памятниках передавались и через *ж*, а *zg* — через *зг*. И вот почему-то через древнерусские и традиционно церковнославянские написания на северо-западе проступает *жг*, на юго-западе *жч*, тогда как на северо-востоке и в Киеве писцы довольствуются установившимися орфографическими средствами. Это обстоятельство останется совершенно необъяснимым, если не предположить, что за написаниями *жг* и *жч* стоят особые нормы произношения, имевшие свои диалектные ареалы. Что обозначало северо-западное *жг*, определению пока ъе поддается. П. Я. Черных, например, возвращается к гипотезе А. И. Соболевского, полагая, что имел место процесс $ж'д'ж' > ж'д' > ж'г'$.⁵⁵⁵ Круг, как говорится, замкнулся. Очень любопытны псковские написания *зг* на месте *жг*: *дозгя, недоезгя* и пр. Эти написания исключают произношение $ж'д'ж'$, так как в таком случае при совпадении свистящих и шипящих можно было бы ожидать *зга*, но никак не *зг*. Буква *г*, скорее всего, означала согласный, близкий к *g'* или *d'*.

Лучше обстоит дело с расшифровкой юго-западного *жч*. Давно уже указывалось на то, что имеются некоторые факты, свидетельствующие об отражении написанием *жч* произношения $ж'д'ж'$. Например, написания в Ипатьевской летописи *Мечибожье, Дорогобучь* соответствуют произношению *Меджибожье* (ср. название районного центра Винницкой области *Меджибіж*) и *Дорогобужь*. Написание *ѣждчиваль* чередуется с *ѣдживаль* (Западнорусская грамота 1359 г.). В грамоте татарского хана Тохтамыша польскому королю Ягайле 1393 г. (русский текст ее составлен, по-видимому, в канцелярии Ягайла) тюркское *ходжа* 'учитель', 'ученый' передано через написание *Хожча* (в юго-западном произношении *хожджа*). В галичской грамоте 1424 г. имеется отчество *Жчюръевичь* = Д'ж'урд'ж'евич. Грамота князя Свидригайлы 1434 г. содержит прозвище пана Есифа — *Чусь*. Это *Чуса* в грамоте Свидригайла 1433 г. передается как *Дчуса*. Эти и другие подобного рода примеры указывают на то, что буква *ч* на юго-западе использовалась для передачи не только аффрикаты *ч*, но и для ее звонкого соответствия $д'ж'$. Не было никаких причин не использовать эту букву для $д'ж'$ и в других восточно-

славянских областях (например, на северо-востоке), если бы там $д'ж'$ произносилось.

Написания *жч* и *жг* встречаются в самых ранних памятниках северо-западной и юго-западной письменности (Новгородские миссы 1095 и 1096 гг., Галицкое евангелие 1144 г.), что свидетельствует о древности изоглоссы, разделивших восточнославянскую языковую территорию. На северо-западе на месте *zdj, zgj, zg'*, а также и *dj* возникает диалектное произношение, которое было чем-то вроде $ж'г'$ или $ж'д'$. По-видимому, такое произношение было неустойчивым, поэтому оно было вытеснено общерусскими нормами $ж'$, $ж'ж'$ ($ж'д'ж'$). На юго-западе утверждается $ж'д'ж'$, $д'ж'$, а в остальных областях — $ж'$, $ж'ж'$ ($ж'д'ж'$).

В связи с вышесказанным мне придется изменить свою точку зрения, высказанную в 1962 г.,⁵⁵⁶ согласно которой всякие украинские и белорусские *дж* являются результатом поздних аналогий. Я и теперь думаю, что формы типа *ходжу, воджу, витеб. саджалка*, укр. (у писателя конца XIX в. Стефана Ковалева) *саджівка* 'небольшой пруд', 'устройство для хранения живой рыбы' и т. п. сами по себе мало надежны для того, чтобы доказывать сохранение на юго-западе $дж$, возникшего непосредственно из общеславянского *dj*. Они легко могут быть объяснены и как результат контаминированного произношения *д* и *ж* (*ходить — тожу*), и как ставшего продуктивным неэтимологического $дж$. Такое гиперическое $дж$ встречается в украинских и белорусских говорах в ряде слов: *джерело, жарити, жаворонок, джурчат* и др.⁵⁵⁷ Явление это лексикализовано и не имеет характера закономерности. И все же остаются примеры, которые никак нельзя объяснить как результат контаминирования, аналогии и пр.: украинские диалектные *меджа, чужий, саджа* (связь с *садити* утрачена очень давно) и т. п. Наличие аффрикаты $дж$ в древних юго-западных диалектах, на мой взгляд, решает дело в пользу того, что изменение $дж$ из *dj* в *ж* было в древних восточнославянских диалектах процессом неравномерным. Тотальное изменение $дж$ в *ж* охватило северо-восточную часть восточного славянства. На юго-западе оно оказалось замедленным: в некоторой категории корней слов сохранилось $дж$. Это $дж$ стало поддерживаться и аналогией. Аффриката $дж$, утратив свою этимологическую сущность в корневых позициях, лексикализовалась, что создало возможность ее переноса в положения, в которых ее никогда не было

⁵⁵⁶ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 285—287.

⁵⁵⁷ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 124.

⁵⁵⁵ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, стр. 149.

(джерело и пр.). Аналогичным является перенос в украинские говоры аффрикаты $\overline{dz}$ (ср. этимологическое $\overline{dz}$ *дзвізда* > *звізда* и пр.) в ряд слов, где этого $\overline{dz}$ не должно было бы быть: *дзвініт'*, *дзвер'*, *дзолото*, *дзелено*, полтав. *дзеркало*, *дзвони*, *дз'обают'* 'клюют', *дзурчит'* 'журчит' и др.⁵⁵⁸

БИЛАБИАЛЬНЫЙ w — ГУБНО-ЗУБНОЙ v

Прежде всего остановимся на данных, которые представляют в наше распоряжение древнерусская письменность. Некоторые исследователи высказывают весьма скептическое отношение к этим данным, поскольку буква v одинаково могла обозначать как билабиальный w , так и губно-зубной v . Это, конечно, верно, но у нас нет другого выхода, если мы не хотим переносить сложную картину употребления этого согласного в современных восточнославянских (и в других славянских) языках сразу в древность или же субъективными гипотезами подменять реальную действительность.

Как бы ни были недостаточны показания древнерусских памятников, все же в них ясно представлено два типа употребления буквы v : 1) памятники, в которых sporadически или часто имеется мена v и y , и 2) памятники, в которых такая мена вовсе не представлена. Мена букв v и y не может быть приписана какой-либо случайности. За нею стоит отражение особенности произношения. Если артикуляционно w и v серьезно отличаются друг от друга, то акустически они очень близки. Мена букв v и y могла обозначать артикуляционную близость обоих гласных или переход сонанта в определенных условиях в гласный y . И в том, и в другом случае такие факты с несомненностью свидетельствуют о произношении в говоре писца билабиального w . Отсутствие смещения букв v и y , взятое изолированно, еще не говорит ни о чем, но в сравнении со смещением этих букв оно становится красноречивым. В самом деле, почему в одних памятниках такое смещение имеется, а в других его нет? Очевидно, что в речи писцов памятников без смещения v и y имелся не билабиальный w , а губно-зубной v , не близкий к y не только артикуляционно, но и акустически. Конечно, нужно учитывать и огромную силу орфографической традиции: в областях, где был распространен w , можно найти немало памятников, не знающих мены букв v и y . И все же наличие в одних древнерусских землях памятников с такой меной и отсутствие таковых в других землях говорят о многом. Данные современных говоров, когда они географически совпадают с показаниями письменности, ставят наши предположения на твердую основу.

Рассматривая употребление w и v , мы должны учитывать различные их позиции в слове. В. Г. Орлова выделяет следующие

позиции: «Позиция Ia — позиция перед гласными в начале слова (типа *вода*), Ib — между гласными звуками (типа *довод*), Iv — после согласного перед гласным (типа *свой*). Позиция IIa — перед согласными в начале слова (*внук*), IIb — после гласного перед согласными (*деревня*), IIv — в исходе слова (типа *дров*)».⁵⁵⁹ Позиции перед гласными наименее благоприятны для выявления различий между w и v , поскольку здесь отсутствовали условия обложения w и v и тем более v в диалектах, имевших w . Исключение представляет позиция Ib, когда w находился в соседстве с лабиализованными гласными (прежде всего y). В этой позиции w оказывается в слабом положении и может исчезать, что и нашло свое отражение в памятниках. Наиболее благоприятным для изменения $w > v > y$ является положение w в начале слова перед согласным (IIa): после падения редуцированных возможность присоединения к предшествующему слогу здесь отсутствовала. Как замечает В. Г. Орлова, изменение v в y и отрывало этот звук от дальнейшего развития w в других позициях, поэтому в говорах, в которых имел место переход w в v , такой y продолжал сохраняться. Следовательно, говоры, имеющие v и в то же время y из y , в прошлом знали w . Понятно, что подавляющее большинство примеров мены букв v и y приходится на позицию IIa.

Первые примеры мены букв v и y отмечаются в южнорусских памятниках XI—XII вв.: *паоулъ*, *прауда*, *оуселеноу*, *аугоуста*, *вводити* (Изборник 1073 г.), *вгодънии* (Изборник 1076 г.), *оуселена* (Слово Григория Назиянзина XI в.), *оупрашаше*, *успъмъ*, *аже* (Галицкое евангелие 1144 г.) и некоторые другие. По поводу этих ранних примеров Л. А. Булаховский справедливо замечает, что их нельзя считать перенесенными из южнославянских оригиналов, поскольку эти мнимые «южнославянизмы» почему-то отсутствуют в древнейших северо-восточных памятниках.⁵⁶⁰ Исследователь фонетического строя языка Добрилова евангелия 1164 г. О. В. Малкова не без основания предполагает, что «регулярное употребление $\tilde{z}$ на месте слабого редуцированного в положении после v в Добриловом евангелии и в некоторых других южнорусских рукописях, может быть, следует объяснить тем, что сочетание $v\tilde{z}$ является в них графическим средством передачи особого звука, отличного от v и от y , скорее всего, звука $\tilde{z}$, который возник на месте $v\tilde{z}$ в положении перед согласным после падения редуцированных».⁵⁶¹ Ср. в Добриловом евангелии *доуулѣть*. Мена букв v и y в южных памятниках XIII и последующих веков стано-

⁵⁵⁹ В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. Тр. Инст. русск. яз. АН СССР, т. II. М.—Л., 1950, стр. 181.

⁵⁶⁰ Л. А. Булаховский. Питание происхождения украинской мовы, стр. 60.

⁵⁶¹ О. В. Малкова. К истории редуцированных гласных $\tilde{z}$ и $\tilde{z}$ в южных говорах древнерусского языка. (По материалам рукописи 1164 г.). Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, т. XXV, вып. 3, 1966, стр. 295.

⁵⁵⁸ В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 86.

вится обычным явлением. Ср. *вгодънии* (Житие Саввы Освященного XIII в.), *оукупѣ, оузати, оулести оу корабль, въмрети* (Галицкое евангелие 1266—1301 гг.) и т. д. Часта мена букв *в* и *у*, особенно в позиции IIa, в украинских грамотах XIV—XV вв.⁵⁶²

Обычным представляется это явление в западнорусской письменности XIII и следующих веков: *ѡдоумалѣ, оу Рязѣ, оу Роусе, оустоко, оу Смольнѣскѣ, оузати, оу дыбоу, оу погрѣбѣ* и т. д. (Смоленская грамота 1229 г.), *во отьца, оу Полотеско* (грамота полоцкого епископа Иакова к рижанам около 1300 г.), *оу пудныи ремень, оузати, оу рускои земљи, оу Ригу* (договорная торговая грамота Полоцка с Ригой около 1330 г.), *оуво снѣ, оув огонь* (Четья 1489 г.), *ни намѣ ѡз себѣ въ Смольнѣскѣ* (Смоленская грамота 1284 г.) и т. п.

Нередка мена букв *в* и *у* в псковской письменности: *укусивъшу, уввеличиса* и др. (Параклитик 1386 г.). То же отмечается в 1-й и 2-й Псковских летописях и в ряде других псковских памятников. С. И. Котков устанавливает проявление безраздельного господства губно-губного *ш* в южновеликорусских памятниках XVI—XVII вв.⁵⁶³

Особый интерес для нас представляет древненовгородская письменность. В некоторых новгородских памятниках мена букв *в* и *у* имеется: *уторникѣ, оу Вели, оу Тошьмѣ, ноугородско* (Новгородская кормчая 1282 г.), *оу праздъникѣ* (Евангелие 1355 г.) и др. Однако подавляющее большинство новгородских памятников не знает этой особенности. Строго выдерживаются буквы *в* и *у* в новгородских берестяных грамотах, в языке которых местные речевые особенности проявляются особенно ярко. Повидимому, как полагал еще А. А. Шахматов, билабиальный *ш* был свойствен только некоторой части говоров древнего новгородского диалекта (по его мнению, *ш* был в северноновгородских говорах).⁵⁶⁴ Мена букв *в* и *у* известна северодвинским грамотам XV в.: *у Тикиничѣ земљи, у томѣ острови, унужѣ* и др. Но и в этих грамотах отражается два типа говора: один из них знал *ш*, в другом этого *ш* не было.⁵⁶⁵ Основной массив древнего новгородского диалекта не имел *ш*, и предположение К. В. Горшковой об общеновгородском *ш* является необоснованным.⁵⁶⁶

⁵⁶² Ф. П. Медведев. Украинські грамоти XIV—XV століть. . . , стр. 174.

⁵⁶³ С. И. Котков. Южновеликорусское наречье в XVII столетии, стр. 88.

⁵⁶⁴ А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков, стр. 163.

⁵⁶⁵ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 291.

⁵⁶⁶ К. В. Горшкова. Из истории консонантных диалектных различий русского языка. Научн. докл. высшей школы. Филол. науки, 1964, № 4, стр. 17.

Все исследователи довольно дружно утверждают, что северо-восточная письменность начиная с ее первых памятников XIII в. не знала мены букв *в* и *у*. Случаи такой мены буквально единичны и могут быть объяснены как заносные со стороны. Ср. *оунику* в Лаврентьевской летописи (возможно влияние южного протографа), *оудовица, оустрѣтены* и другие в Московском евангелии 1339 г. (влияние южных говоров; в том же евангелии — и отраженно аканья) и др.

Таким образом, по мене *в* и *у* и отсутствию таковой древнерусская письменность XI—XIII вв. делится на две большие области: с одной стороны, юг, запад, северо-запад (*в* и *у* смешиваются) и новгородский север (в своей основной части начиная с середины конца XI в.), с другой — ростово-vladимирский северо-восток (мена *в* и *у* отсутствует). Наиболее ярко мена *в* и *у* представлена в письменности после падения редуцированных, что вполне объяснимо: *ш* в определенных условиях, прежде всего в позиции IIa, стал изменяться в *ѡ* и *и*, что создавало благоприятные условия для передачи этого явления в орфографии. Однако отдельные случаи мены *в* и *у* в южных памятниках XI—XII вв. и отсутствие таковых в новгородской письменности XI—XII вв. не могут быть оставлены без внимания. Мы вполне согласны с Р. И. Аванесовым, который предположительно относит противопоставление *ш* и *у* в древних восточнославянских диалектах ко времени, непосредственно предшествующему историческому периоду.⁵⁶⁷ Только приверженность к консервативным взглядам, в частности к шлейхеровской гипотезе праязыка, когда речь идет о конкретно-исторических явлениях, а не общих теориях, приводит П. С. Кузнецова к отрицанию диалектного противопоставления *ш* и *у* даже уже в эпоху древнейших памятников.⁵⁶⁸

Теперь перейдем к употреблению *ш* и *у* в современных восточнославянских языках и диалектах. Для украинского и белорусского языков, составляющих в этом отношении единство, характерен *ш*. Авторы диалектологического атласа белорусского языка не сочли нужным выделить вопрос в своей программе, который предусматривал бы наличие в отдельных говорах губно-зубного *ш*. Наоборот, в русском литературном языке употребляется *у*. Сложнее обстоит дело в русских говорах: в них представлено *ш* и *у*. К сожалению, мы не имеем монографических исследований употребления этих согласных. Данные диалектологического атласа русского языка нам тоже пока недоступны. Наиболее полную сводку материалов по сведениям, собранным до работы над диалектологическим атласом, дает В. Г. Орлова.⁵⁶⁹ В. Г. Орлова схематически

⁵⁶⁷ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 125.

⁵⁶⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 53.

⁵⁶⁹ В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке, стр. 186—207.

устанавливает по употреблению губных спирантов четыре типа русских говоров. В первом типе имеется исключительно звонкий губной спирант, не имеющий себе глухого соответствия. Обычно это *w*, а *v* употребляется спорадически только перед гласными. Можно сказать, что *v* в этих говорах является поздним. Согласный *w* данного типа занимает сплошную территорию юго-западной части южновеликорусского наречия (брянские, курские, орловские говоры), отмечается в западной части Тульской области, в ряде калужских, московских (д. Парфёнки Рузского уезда), воронежских говоров, даже в Спасском и Касимовском уезде Рязанской губернии. В Тульской области, по моим данным, исключительное употребление *w* известно и в центральных районах.⁵⁷⁰ Этот *w* был обычен и для коренных жителей самой Тулы. Распространение *v* в этих местах шло в результате воздействия литературного языка. Во втором типе говоров перед гласными обычен *v*, а перед согласными не в начале слова употребляются *w* и *v* (последний при оглушении произносится как *f*). Перед согласными в абсолютном начале слова произносится *u* (< *w*), который может перебиваться *v* и *f*. В. Г. Орлова определяет этот тип как переходный от *w* к *v*. Известен он в Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Калужской, Тверской и Рязанской губерниях, в Пушкинском районе Псковской области, а также в некоторых населенных пунктах Вологодской области. Третий тип — «полное распространение губно-зубного *v* во всех позициях в слове», но с заменой исконного сочетания *xv* согласным *f* (*фост*, *фатать* и пр.) и с эпизодической заменой *f* в заимствованных словах сочетанием *xv* (*хаабрика*, *хвунт*). Такие говоры диалектологи отметили в ряде населенных пунктов Воронежской, Вологодской, Тульской, Ярославской, Олонецкой, Рязанской, Московской и Новгородской губерний. В четвертом типе говоров норма произношения та же, что и в литературном языке. Это говоры Владимирской, Костромской, Вологодской, Новгородской, Казанской, Ленинградской, Московской и Рязанской губерний.

Эти очень неполные данные подтверждают давно установившееся мнение, по которому билабиальный *w* характерен прежде всего для южной и северо-западной групп южновеликорусского наречия. В восточной (рязанской) группе южновеликорусского наречия *w* и его заместители известны, по новейшим данным, в ряде говоров, расположенных на северо-востоке, востоке и юго-востоке от Рязани.⁵⁷¹ Примерно там же, а также в отдельных средневеликорусских и даже северновеликорусских говорах⁵⁷² наблюдается перед согласными и в конце слов, особенно же в окончаниях *-ов* родительного падежа множественного числа имен

⁵⁷⁰ Ф. П. Филин. Говор д. Селино. . . , стр. 295—298.

⁵⁷¹ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957, карты №№ 45, 47, 49—51, 54.

⁵⁷² Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 144.

существительных, замена *v* на *x* (перед звонкими согласными — на *y*): *дежки*, *тражка*, *на лажку*, *сохсем*, *брат жых*, *готовх*, *марох*, *голох*, *у доме* и т. п. Это явление еще не подвергалось специальному исследованию. Возможно, что мы имеем здесь дело со своеобразным результатом оглушения *w*.

Для северновеликорусских, в том числе и новгородских, говоров в общем типично употребление губно-зубного *v* с его оглушением в *f*. Впрочем, отдельные островки произношения *w* или его явных следов имеются. Происхождение таких островков *w* среди окающих северновеликорусских говоров пока неизвестно. Обычно считают, что произношение *f* как *xv*, *x* в заимствованных словах свидетельствует о том, что в таких говорах когда-то был *w*, а не *v*. Однако это не обязательно. Передача такого *f* через *xv*, *x* и пр. могла быть и в говорах, имевших только *v* во время, когда оглушение звонких согласных еще не было закономерностью. Известно, что оглушение звонких согласных, по крайней мере во многих говорах, стало происходить значительно позже утраты слабых редуцированных. Звук *f* был для этих говоров так же чужд, как и для говоров, знавших *w*.

Не всегда свидетельствует о наличии в прошлом *w* выпадение губного спиранта между гласными. Нужно считаться с возможностью изменения губно-зубного *v* в билабиальный *w* и выпадения этого вторичного *w* в определенных условиях. В уломском и ваучском говорах, описанных С. А. Ереминым, нормой является произношение пары *v—f*, согласный *f* в заимствованных словах произносится как *f*. В то же время между лабиальными гласными или перед лабиальным *u* губно-зубной *v* спорадически произносится как *w*, а чаще выпадает: *vdoŭ* 'вдову', *gólou* 'голову', *voŭt* 'зовут', *loŭška* 'ловушка', *d'ěuška* 'девушка', *r'eŭn* 'ревун' и т. п. В указанных говорах *v* выпадает и в ряде стечений согласных: *skos's'ŭ* 'сквозь всю', *nŭk-ot* 'внук-от', *s'ivolót* 'Всеволод', *vábol'snoj* 'взабольшной', *aršava* 'Варшава' и др. Там же выпадает зубной *d* в случаях *glejŭ* 'гляди', *poŭbŭm* 'походим', *d'aina* 'дядина', *projbŭm* 'пройдем', и т. д. С. А. Еремин определенно говорит о вторичности образования *w* из *v*.⁵⁷³ В часто употребляемых словах согласный *v* выпадает в произношении, в котором полностью отсутствует *w*. Ср. в общераспространенном просторечии: *ишь*, *рази*, *ты ить* 'ты ведь' и т. п. Одним словом, в случаях выпадения *v* между гласными и в некоторых других позициях совсем не обязательно усматривать наличие в прошлом в системе говора фонемы *w*. Новгородское *vi > l*, о котором см. выше, также не является свидетельством употребления *w* в древненовгородском диалекте: здесь было специальное условие для выпадения *v* — упрощение сочетания *vl*. Иначе было бы непонятным,

⁵⁷³ С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. Пгр., 1922, стр. 15—16.

почему *w* не исчез в сочетании *wl* в других восточнославянских областях, где этот *w* был нормой.

Таким образом, данные древнерусских письменных памятников и современных говоров позволяют нам с большей или меньшей уверенностью предполагать, что по крайней мере в XI—XIII вв. восточнославянская языковая область по произношению губного спиранта *v* распалась на две части: весь юго-запад (включая верховья Днепра), а также верховья Оки и Дона знали билабиальный *w*, тогда как северо-восток (Ростовско-Суздальская земля) и основной массив северных говоров имели губно-зубной *v*. Совсем не исключено, что это диалектное членение существовало и раньше. Когда оно возникло, нам пока неизвестно, так как продолжает оставаться спорным вопрос о возникновении *w* и *v* во всей славянской языковой области.

ПРОТЕТИЧЕСКИЕ СОГЛАСНЫЕ

Под протезами в славистической литературе обычно понимают согласные начала слова, которые не имеют себе соответствий в других индоевропейских языках. Одной из особенностей употребления протетических согласных в славянских языках является непоследовательность их реализации, чрезвычайная пестрота по отдельным славянским языкам и даже диалектам. То, что нам известно о славянском протезировании, позволяет говорить не о фонетическом законе, а только о фонетической тенденции, которая в разных диалектах реализуется различно. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет решение вопроса о первоначальных условиях возникновения протезов, в связи с чем в лингвистической литературе выдвигались и выдвигаются разные и довольно противоречивые гипотезы. Мы не будем здесь излагать эти гипотезы, краткая характеристика которых дана в статье В. К. Журавлева,⁵⁷⁴ к которой и отсылаем интересующегося читателя. Отметим лишь, что начало протезирования лингвисты относят к эпохе праславянского языка. Как полагает В. К. Журавлев, «появление протезов следует отнести к периоду, несколько более раннему, чем эта дата».⁵⁷⁵ Так или иначе, протетические согласные имеют свою длительную историю. По мнению С. Б. Бернштейна, собственно протезами нужно считать лишь те явления, которые имеются во всех славянских языках, а противоречивые формы нужно определять как поздние вторичные начальные согласные, имевшие различное происхождение.⁵⁷⁶

А. А. Шахматов предполагал, что в праславянском языке в

⁵⁷⁴ В. К. Журавлев. Генезис протезов в славянских языках. ВЯ, 1965, № 4.

⁵⁷⁵ Там же, стр. 17.

⁵⁷⁶ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 185—187.

абсолютном начале слова перед гласными *i* и *y* развился протетический *u* (> *w*, *v*), перед гласными переднего ряда и *a* — *j* (*i*), а перед гласными заднего ряда — *h*. Но уже довольно рано эта фонетическая закономерность перестала действовать, поэтому в разных диалектах праславянского языка протетические согласные стали употребляться и вне указанных условий или же отпадать. Например, протеза *h* перед гласным *o* в ряде диалектов исчезла (ее нет в русском, болгарском, сербском, польском языках), исчезла она и перед *u* (в большинстве славянских языков ее нет).⁵⁷⁷ Верно то, что употребление протетических согласных в течение их длительной истории постоянно изменялось, однако перенос современного языкового состояния в глубокую древность может оказаться неоправданным. Нас здесь интересует прежде всего то, когда и как установились диалектные зоны в восточнославянской языковой области.

Современные восточнославянские языки и диалекты значительно различаются между собою по употреблению протетических согласных. Особенно серьезно это различие в употреблении или отсутствии протезы *h*. Русский язык и его говоры вовсе не знают этого протетического согласного. Пск. *гогорожонка* (= огорожонка) 'место около гумна' сомнительно.⁵⁷⁸ Единичными являются борович., волог. *гойкать* (сов. вид *гойкнуть*) 'ойкать', 'кричать', 'вопить', дон. *гаспид*, смол. *гатту* 'ату'⁵⁷⁹ и некоторые другие. Иначе обстоит дело в белорусском языке. Как отмечал Е. Ф. Карский, в части юго-западных и отчасти окраинных южных говоров протеза обычна.⁵⁸⁰ По данным диалектологического атласа белорусского языка, произношение *убсен*, *убзыро*, *убкни*, *убрази*, *убха*, *убчаца*, *убчи*, *убжен'ка* и др. (т. е. перед ударными *o* и *u* в разных категориях слов) характерно для говоров верхнего течения Припяти и ее притоков, что и отмечено на карте.⁵⁸¹ Однако в отдельных словах (главным образом *убстры* — *убстры*, *ублица* — *ублица*) *у* (*h*) известно во многих говорах юго-запада. Изоглосса этой протезы начинается на крайнем западе южнее Вилии, идет на юг, пересекая Неман у впадения в него неманской Березины, спускается к Барановичам, идет на восток к Слуцку, от Слуцка поворачивает на юг к Припяти и по течению Припяти идет на восток до Днепра.⁵⁸² Поскольку *у* (*h*) не свойствен в данной позиции литературному языку, естественно, в настоящее время он вытесняется литературной нормой произношения. Исклю-

⁵⁷⁷ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 57.

⁵⁷⁸ Словарь русских народных говоров, вып. 6. Л., 1970, стр. 264.

⁵⁷⁹ Там же, стр. 152, 153.

⁵⁸⁰ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 338.

⁵⁸¹ Диалектологический атлас белорусской мовы, карта № 47.

⁵⁸² Там же, карта № 48 (показано только распространение произношения слова *вулица*).

чение представляют *у́ты* (*уэты*) и *у́ны* (*у'эны*), которые распространены, можно сказать, на всей территории белорусского языка (с этим произношением сосуществуют *йты* и *йны* в крайних северо-восточных и в массиве юго-восточных говоров).⁵⁸³

Украинские говоры по употреблению протетических согласных, по данным Г. Ф. Шило,⁵⁸⁴ представляют собой своеобразную мозаику. В некоторых говорах протеза настолько распространена, что она выступает перед каждым начальным гласным, а в других — имеет факультативный характер. Г. Ф. Шило, делая различные оговорки, делит украинские говоры на правобережные и левобережные. Южная часть Правобережья по преимуществу знает протетические *w* и *v*, тогда как на севере господствует *h*. Приблизительная граница между *w* (*v*) и *h* начинается южнее Грубешова и идет через Броды, Збараж и р. Збруч, далее — по Южному Бугу южнее Умани. О более восточных районах у автора не было сведений. Нередко протетические *w* и *h* сосуществуют. На Волыни, например, преобладает *h* над *w*, а во Львовской, Дрогобычской, Станиславской и южной части Тернопольской областей — *w* над *h*. Более распространен *h* (по сравнению с *w*) в Ровенской, Житомирской, частично в Винницкой и Киевской областях. В ряде говоров *h* употребляется перед каждым начальным гласным: *гонучі, горчик, гулиця, гожина, гулій, гінчи, гіндик, Гамерика, Гапонія* и т. п. В других говорах *h* выступает не перед каждым гласным (*гонучка, говес, горіх, гострий, Гандрей, Гантін, гиржа* и др., но *вухо, воко, обора, Остап* и т. п.), в третьих говорах *h* употребляется в немногих словах, и, наконец, есть говоры, в которых *h* почти вовсе неизвестен. Примечательно, что в северной части Правобережья лабиализация начальных гласных была более слабой, чем в южной, поэтому в северных говорах больше развивается придыхательный *h*, а *w* может появляться только перед *o* и *u*. В левобережных говорах протеза выступает лишь sporadически, в отдельных словах. Это подтверждает исследователь полтавских говоров В. С. Ващенко, который отмечает, что *h* в этих говорах произносится лишь в немногих словах: *гострий, горіх, гарбузами*.⁵⁸⁵ Я. В. Закревская вносит поправки к данным Г. Ф. Шило, указывая, что четких изоглосс протез *h*, *w* и отсутствия их на территории западных говоров (западнее 28° долготы) нет, что разные слова и группы слов с протетическими согласными имеют неодинаковые изоглоссы.⁵⁸⁶ Более или менее точные данные по всему украинскому языку мы будем иметь лишь после пуб-

⁵⁸³ Там же, карта № 49.

⁵⁸⁴ Г. Ф. Шило. Явище протези в слов'янських мовах. Вопр. слав. яз. Кн. II. Львов, 1949, стр. 229—247.

⁵⁸⁵ В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 57.

⁵⁸⁶ Я. В. Закревська. Явище протези в західних говорах української мови. В кн.: Дослідження і матеріали з української мови, т. IV. Київ, 1961, стр. 66—73.

ликации томов украинского диалектологического атласа. Однако уже и теперь, по-видимому, можно говорить, что протеза *h* наиболее употребительна на севере украинской территории (ареал ее распространения смыкается с белорусским ареалом), но в факультативном и лексикализованном виде она известна всему украинскому языку.

Протеза *h* в отдельных словах употребляется и в литературном украинском языке: *габа* 'аба' (сукно), *гальябарда* 'алебарда', *гам* 'ам' (детское), *гаранник, гарбуз, гого* 'ого', *горіх, горобина* 'рибина', *гострий, Ганна* и др.

Протетический *h* первоначально представлял собой придыхание, вероятно, слабой интенсивности и лишь позже стал совпадать с фарингальным *h* и фрикативным *γ*. Придыхание не имело фонетической значимости и являлось аллофоном гласного без придыхания. По-видимому, развитие придыхания в *h* и *γ* произошло поздно, поэтому в древней юго-западной письменности протетический *h* не нашел своего отражения. Кажется, одним из первых примеров *h* в письменности является написание *Гарбузенку* в Полтавских актах XVII в.⁵⁸⁷ Впрочем, ср. еще *Гольга* в Забелинском списке Тверской летописи. Протетический *h* в разной степени распространенности и при неодинаковых условиях известен в некоторых пограничных говорах польского языка, в которых является результатом иноязычного воздействия, в кашубском, чешском (в чешских говорах картина такая же сложная, что и в украинских диалектах), словацком (в некоторых говорах) и лужицком языках.⁵⁸⁸ Протезирование в целом наиболее полно представлено в украинском, белорусском, верхне- и нижне-лужицких языках.

Значительно шире (по сравнению с *h*) в восточнославянских языках распространен протетический *w* (*v*). Русский литературный язык вообще не знает протетических согласных, за исключением немногих слов (*восемь, вотчина*, устарелые *вотчим, возра*, может быть, *вобла*). Однако в говорах дело обстоит иначе: перед начальными *o*, *реже* и (также перед этими гласными после других гласных в середине слов) протетический *w* (*v*) известен. К сожалению, мы пока не имеем ни одной работы, специально посвященной этому явлению (а данные диалектологического атласа все еще остаются недоступными), поэтому можем говорить о его распространении только приблизительно. Во многих диалектологических описаниях отмечается широкое употребление протезы *w* (*v*) в западных и южных говорах средневеликорусского и южновеликорусского наречий. В ряде курско-белгородских и орловских говоров произношение *вокны, возеро, восень, вушный, вутка, вухи* 'уши' и т. п. обычно. Чем дальше на север и восток, тем более

⁵⁸⁷ О. П. Безпалько и др. Исторична грамматика української мови, стр. 179.

⁵⁸⁸ Г. Ф. Шило. Явище протези в слов'янських мовах, стр. 238.

употребление протезы убывает. В хорошо мне известных говорах к западу от Тулы *w* нормален между гласными (*Радивон, радиво, на возеро, на вулицу* и т. п.), а в абсолютном начале слова в начале предложения и после согласных факультативен (*возеро* и *озеро, вулица* и *улица, вузи* и *узи* и т. д.). В говорах центральных областей на восток от Москвы протетический *v* «перед начальными *o* и *y* по большей части не получает репитительного и безусловного распространения, а отмечается, как правило, лишь в небольшом количестве случаев».⁵⁸⁹ Для северновеликорусских говоров протетический *w* (*v*) в общем не характерен. В отдельных словах этот согласный имеет широкое распространение в самых различных говорах: *восенсь* (вят.), *воспа* (было и в литературном языке), *вострый* (также) и др.⁵⁹⁰ Особое место занимают предлоги-приставки *уо-, уоу-* (*уобеснь, увогнали* и пр.), которые образовались в говорах с билабialsным *w*, — они не имеют прямого отношения к протезированию.

В белорусском языке протетический *w* обычен. В говорах он распространен на всей территории, в ряде областей сосуществует с *h* (об этом см. выше), а также с произношением без протезы. Обычен он и для литературного языка: *вббллка, вбблласць, вббраз, вббраць, вббрыск, вббпуск, вбб ой', вббка, вббпис, вббпыт, вббхнуць, вббгаль, вбббр, вбблицца, вббжа, вббчбны, вббчбць* и др. Известен *w* в разной степени и во всех украинских говорах, а также и в литературном языке: *вісць 'овса', вісць, від* (предлог и приставка), *він (воня, вонб), вогбнь, вббра, вббгаль, вббгол 'угол', вбббр, вббдила, вббж, вббгол, вббзький, вбблицца, вбблій, вббтлий, вббхо* и др. Сводку распространения протетического *w* (*v, u*) в других славянских языках см. в работе Г. Ф. Шило.⁵⁹¹

В отличие от *h* протетический *w* довольно рано стал восприниматься как фонема *w*, поэтому эта протеза нашла свое отражение в древнерусской письменности. А. И. Соболевский приводит *вовьца, воовца* (Галицкое евангелие 1266 г.), *вовца* (Галицкое евангелие 1283 г., Поликарпово евангелие 1307 г., Луцкое евангелие XIV в.), *воотца, волтарь* (Поликарпово евангелие XIV в.), *Вольга* (Лаврентьевская летопись 1377 г.), *въ ворду* (духовная грамота Ивана Калиты XIV в.), *водръ* (евангелие 1354 г.). Вставка *v* между гласными (главным образом перед *o*) в заимствованных словах фиксируется с XIII в.⁵⁹² К этому можно добавить примеры из словаря И. И. Срезневского: *возненный* (грамота Алексея Михайловича 1646 г.), *воко* (Житие Симеона Столпника 1296 г.), *волха* (грамота Ивана и Катерины Рясиных на деревни в Ка-

⁵⁸⁹ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии, стр. 582.

⁵⁹⁰ Словарь русских народных говоров, вып. 5. Л., 1970.

⁵⁹¹ Г. Ф. Шило. Явище протезы в слов'янських мовах, стр. 238 и след.

⁵⁹² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 142.

ширском и Бежецком уездах 1540 г.), *вонь 'он'* (грамота Олега Рязанского после 1356 г.), *ворамыи* (грамота Артемия Чернорица Чухченемскому монастырю около 1350 г.), *ворда* (Лаврентьевская летопись 1377 г.), *восьмь, восьмнадцать, восьмниче* (повгородские, двинские и московские грамоты XIV—XV вв.), *востлица 'крюковой знак'* (Стихирарь XVII в.), *вотчина 'вотчина'* (грамота галицкого и княгининского старосты Бенка 1398 г.), *вотчина, вотчинный, вотчиць* (московские грамоты XVI в.), *воть 'от'* (евангелие 1354 г.), *вудбль* (грамота Василия Васильевича 1435 г.), *емше за вужа 'веревки'* (Ипатьевская летопись XV в.), *вузы* (Пандекты Никона Черногорца 1296 г.), *вузиллице* (Московская четья-минья XVI в.), *вуи* (Ипатьевская летопись XV в.), *вустие, вутроба* (Повесть временных лет, введение и под 986 г.), *вобежь, вобжи* (2-я Новгородская летопись под 1478 г.). Количество примеров, безусловно, можно было бы умножить.

Вне всякого сомнения, употребление протетических согласных на протяжении их весьма длительной истории существенно менялось. Обычно считается, что экспансия протетических *h* и *w* в восточнославянских языках — явление сравнительно позднее. На это как будто указывают и поздние заимствования, получающие протезу. А. А. Шахматов писал: «Некоторые славянские языки уже в позднейшее время развили вновь, усилив или востановив (разрядка наша, — Ф. Ф.) его, придыхательный приступ к начальным гласным; таковы языки малорусский и белорусский; наречия польские и чешские, также великорусские; поэтому малорусские: *вулицца, ворати* и *горати, гострий, вузький* и т. п. но дают прямых указаний на придыхательный приступ в общеславянском праязыке; ср. в малорусском также и *гаспид, гарбуз*».⁵⁹³ Усиление какого-либо явления — дело обычное, а вот как в языке может восстанавливаться утраченное, остается нераскрытой тайной. Да и усиление протезирования, само по себе вполне возможное, ничем не аргументируется, кроме *h* в заимствованиях типа *гаспид* и *гарбуз*.

Как предположил Н. С. Трубецкой, протетический *w* возник сначала на юге между 1164 и 1282 гг., а позже распространился и на севере. На юге *w* образуется перед каждым начальным ударяемым **uo-*, а в русских говорах — перед начальным *o* (*o* новоаккутированным): почти все примеры из русских говоров приходится на такой *o*: *восемь, вобла, воспа, вольха, вобжа* и т. д. Напротив, перед *o* из праславянского *o* циркумфлексного *w* не возникает: *ось, озеро, осень* и т. п. Протеза *w* перед неударяемым гласным — результат переноса этого *w* по аналогии. Существование *вобжа* и *обжа, воспа* и *оспа* и прочих объясняется тем, что протеза возникла только после предшествующего слова

⁵⁹³ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 58.

(ср. во 2-й Софийской летописи под 1476 г.: 7 сотъ *обежъ*, 20 *обежъ*, но полътриста *вобежъ*, три *вобжи*) в результате *sandhi*. В словах с начальным *ω* она выступила в двух формах: с *ш* и без *ш*. Впоследствии это правило было утрачено и формы с *ш* и *ω* стали смешиваться, затем та или иная из них в отдельных словах стала употребляться исключительно. Указанное правило впервые сформулировал Н. Н. Дурново.⁵⁹⁴ В белорусских говорах *ш* встречается и там, где в русском мы ожидали бы *ω*-, и там, где в украинском языке было *ш*-, что дает возможность предполагать в этих говорах двойное происхождение протезы *ш*. Эту «системную» протезу *ш* не следует смешивать со спорадическими *ш* и *ћ* перед *о* циркумфлексного происхождения и перед *и*, которые имеются в украинских и белорусских говорах.⁵⁹⁵

Гипотеза Н. С. Трубецкого остается фактически необоснованной. Этот исследователь оперировал только немногими примерами. В русских говорах, как и в украинских и белорусских, немало примеров с *ш* перед *о* циркумфлексного происхождения и перед *и*: *восень*, *возеро*, *вось*, *вон* 'он', *вутка* и т. д. В письменных памятниках *ш* перед *о* разного происхождения и перед *и* появляется примерно в одно и то же время. Что является в примерах с *ш* «системным», а что — спорадическим, это надо еще доказать. Совершенно нерешенным остается вопрос, каково генетическое взаимоотношение «системных» и «несистемных» форм, есть ли связь между праславянским и восточнославянским протезированием.

В. К. Журавлев в отличие от распространенных гипотез считает, что история отдельных славянских языков указывает не на позднюю экспансию, а, наоборот, на затухание протезирования. Как он полагает, делабиализация древнейшего индоевропейского *ǵ, повлекшая совпадение *ǵ и **ǵ̃*, а затем делабиализация **ǵ̃* (> *у*, *ѣ*) повлекла за собой передачу признака «бемольности» (лабиальности) предшествующему согласному, а когда предшествующее слово оканчивалось на гласный, признак «бемольности» превращался в протезу *у*-. Однако протеза первоначально не могла образоваться передисконным **ǵ̃*, не имевшим бемольности, но потом, поскольку начальные гласные оказались «прикрытыми» протезами, перед этим *а* тоже образуется какая-нибудь протеза (например, *ћ*). Точно так же образовалась протеза *ј* (*і*) перед гласными переднего ряда в результате выделения из них признака «диезности» (палатальности). Все это произошло в эпоху первого смягчения заднеязычных (I—V вв. н. э. или немного раньше), которое развилось в результате передачи «диезности» согласным *g*, *k*, *ch* последующими за ними гласными переднего ряда. Позже в разных славян-

ских диалектах, а затем языках произошли многочисленные преобразования протезирования. В истории русского языка происходило не образование протезы *ш* перед закрытым *ѡ*, а, наоборот, утрата протезы перед *о*.⁵⁹⁶

Как видим из вышеизложенного, бедность фактов и отсутствие капитальных исследований о славянских *и*, в частности, восточнославянских протезах позволяет ученым выдвигать взаимноисключающие гипотезы. Но, как бы то ни было, генетическая связь между древним общеславянским и более поздним восточнославянским протезированием должна была существовать. Развитие протезы *ћ* если и было когда-либо у древних предков русских говоров, то оно было утрачено еще в доисторическое время. Зона протезы *ћ* находилась на юго-западе восточного славянства. Протеза *ћ* в юго-западных областях оказалась живым явлением, на что указывают поздние заимствования с этой протезой. Не исключено, что протеза *ћ* с течением времени в ряде говоров проявляла экспансию, захватывая все новые группы слов. О том, что протетический *ћ* мог быть известен в живой речи юго-запада еще в доисторическое время, писал и Г. Ф. Шило.⁵⁹⁷

Пока трудно сказать, имела ли место экспансия *и*, наоборот, затухание протетического *ш* в истории восточнославянских языков. Однако совершенно очевидно, что употребление *ш* (*у*) в разных восточнославянских говорах было и остается неравномерным. Не случайно, что чем дальше на северо-восток, тем спорадичнее становится это употребление. Памятники древнерусской письменности, а также показания современных говоров говорят о том, что протетический *ш* (*у*) так или иначе был известен в общем всей восточнославянской языковой области. Однако на северо-востоке и севере эта протеза, по-видимому, была с давних времен нерегулярной, тогда как на остальной территории она была, по крайней мере факультативно, обычным явлением. Диалектные зоны отличаются друг от друга не только, с одной стороны, наличием, а с другой стороны, отсутствием какой-либо особенности, но и регулярностью и нерегулярностью того или иного явления, разной степенью его частотности и т. п.

ОТВЕРДЕНИЕ И СМЯГЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Сложный и длительный процесс отвердения и смягчения согласных имел важное значение в перестройке фонетико-фонематической структуры славянских языков и диалектов. Обусловлен он был разными причинами, но прежде всего развитием противопоставления твердость—мягкость согласных, которое получило могу-

⁵⁹⁴ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 195.

⁵⁹⁵ N. T r u b e t z k o u. Einiges über die russische Lautentwicklung. . . , стр. 313—316.

⁵⁹⁶ В. К. Журавлев. Генезис протезов в славянских языках, стр. 35 и след.

⁵⁹⁷ Г. Ф. Шило. Явище протези в слов'янських мовах, стр. 247.

чий стимул, когда в результате падения редуцированных *ъ* и *ь* твердость и мягкость приобрели фонематическое значение. О развитии твердости и мягкости согласных в восточнославянских языках писалось много. Нас здесь будут интересовать только те явления, которые имели диалектный характер.

1. Изменение сочетаний *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*

В свое время И. В. Ягич,⁵⁹⁸ затем М. П. Некрасов⁵⁹⁹ и некоторые другие ученые предполагали, что указанное изменение совершилось в XI в. или даже раньше. Основывались они на том, что написания *ки, ги, хи* встречаются уже в древнерусских памятниках XI в. Однако подобные написания в ранних памятниках имеются только в заимствованных словах, причем как на юге, так и на севере: *кинъсь* 'монета' (Остромирово евангелие 1056—1057 гг.; греч. κίνσος), *кивотъ* 'ковчег', 'рамка' (Путьтина минаея XI в.; греч. κιβωτός), *гигасъ* 'гигант' (Изборник 1073 г.; греч. γίγας), *хитонъ* (Юрьевское евангелие после 1119 г.; греч. χιτών) и др.⁶⁰⁰ Нередки *ки, ги, хи* в собственных именах иноязычного происхождения: *Георгии, Никифоръ, Никита, Иоакимъ* и т. п. Все это слова книжного употребления, в сферу народной речи проникшие позже или вовсе не попавшие в нее. Сочетания *ки, ги, хи* заимствовались из греческих оригиналов или попадали в устную речь книжников из языка греческого духовенства. Собственные имена постепенно распространялись и в народной речи. Ср. в новгородской берестяной грамоте № 120 XI в.: *ω Λκιμα* (*ω = ѡ*). Как в точности произносились *ки, ги, хи* в заимствованных словах в XI в., сказать трудно. Во всяком случае эти *ки, ги, хи* были аллофонами нормальных в то время *кы, гы, хы*.

В исконных славянских словах (куда включаются и давние заимствования) в XI—XII вв. всюду еще господствуют *кы, гы, хы* как норма. В граффити киевской Софии XI—XII вв. мы находим *великыи, роустьскыи, благыи, белогородцьскыи, князьини, послухы, грехы, цркы*. Исключения представляют заимствованные собственные имена: *попинъ Иккимъ, Георгъи[ю], Георгъиеви*.⁶⁰¹ Однако в южнорусских памятниках XII—XIII вв. начинают появляться *ки, ги, хи*: *великыи, кийхъ* (Юрьевское евангелие после 1119 г.), *небеськымъ, члчскыи* (Галицкое евангелие 1144 г.), *секира, никыи*,

ѡськисе (Добрилово евангелие 1164 г.), *великыими, акы* (Лествица XII в.), *паки, плътьскыи, акы* (Иоанн Дамаскин XII в.), *великыи, паки* (Житие Феодосия Печерского по списку XII в.), *паки, великыи* (Успенский сборник XII в.), *кныги* (Христинопольский апостол XII в.) и т. д. Из этого следует, что в южных диалектах в XII в. старая норма произношения начала вытесняться новой. В начале XIII в. (а может быть, и раньше) этот процесс распространяется в верховьях Днепра: в Смоленской грамоте 1229 г. написания *ки, ги, хи* встречаются часто, сосуществуя с написаниями *кы, гы, хы*. В то же время А. А. Шахматов замечает (со ссылкой на Е. Ф. Карского), что «в белорусских памятниках долго и упорно держались написания *кы, гы, хы*». ⁶⁰² Объясняет он это тем, что на белорусские говоры в данном случае оказывали воздействие говоры «восточнорусские» и севернорусские.

Позже (со второй половины XIII в.) появляются написания *ки, ги, хи* в новгородской письменности. Интересны в этом отношении данные берестяных грамот — XI в.: *в рукы* (№ 9), *кнъльыны* (№ 109); XII—XIII вв. (т. е. на рубеже XII и XIII вв.): *про сигы* (№ 147); XIII в.: *лоньскыи* (№ 218), *паки* (№ 227), *паки* (№ 295), *лпкыто* (№ 138); 2-я половина XIII в.: *оу Ладонги, Гришки, сапоги, дружи* (№ 141), *ѡ Микиты* (№ 377); XIII—XIV вв.: *лишки* (№ 47), *поруки* (№ 59), *лоньски* (№ 196), *оу Рикиница* (№ 320), *ѡ Микифора* (№ 346), *ѡто Юрки* (№ 357), *секите* (№ 391); XIV в.: *сухыто, сохыи* (№ 263), *корилескыи* (№ 266), *ѡ другы* (№ 272), *къ сотьскымъ* (№ 279), *ѡ Лоуки* (№ 389), *у Гымуева брата* (№ 403), но большинство примеров приходится на новую норму: *у Мики* (№ 2), *Микитъ* (№ 4), *суки, на рики, у Шеленкина* (№ 20), *кобилькеи* (№ 42), *улоки, улки* (№ 50), *бѣлки* (№ 136), *Овдокиму* (№ 169), *ѣщерски, широки* (№ 178), *Рьбѣкина* (№ 179), *оу Дамилки* (№ 186), *оу Микитъ* (№ 249), *погиха* (№ 266), *кима* (№ 269), *..нѣжинѣ* (№ 270), *лонески* (№ 286), *други* (№ 288), *смердынъски* (№ 313), *други, Мизи, пшенки* (№ 354), *с кимъ* (№ 358), *испеки* (№ 363), *Лукмъ сынъ* (№ 366), *погибли* (№ 370).

Как видно из этих фактов, в новгородском диалекте со второй половины XIII в. сочетания *ки, ги, хи* становятся преобладающими. Однако старая норма выходит из употребления не сразу, сосуществуя с новой. Даже в грамотах XV в. имеются еще с *кым* (№ 24), с *соцкыи* (№ 154), причем диалектные написания не позволяют думать лишь о сохранении традиционной орфографии.

На северо-востоке новая норма произношения начинает развиваться в XIII в. и утверждается в XIV в. В «Житии Нифонта» 1219 г. еще обычны *кы, гы, хы*, хотя встречаются и случаи новых написаний. В «Устюжской кормчей» XIII—XIV вв. в говоре пяти

⁵⁹⁸ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 78.

⁵⁹⁹ М. П. Некрасов. По поводу замечаний Г. Петровского. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1898, т. III, стр. 360—361.

⁶⁰⁰ Н. М. Дылевский. Очерк исторической грамматики русского языка. София, 1965, стр. 242.

⁶⁰¹ См.: С. А. Висоцкий. Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв.

⁶⁰² А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 313.

писцов (из шести) *к, г, х*, скорее всего, были еще твердыми.⁶⁰³ В XIV в. в грамотах московских князей и других среднеерусских памятниках *ки, ги, хи* уже довольно часты. В Московском евангелии 1358 г. написаний *кы, гы, хы* уже не имеется.⁶⁰⁴ Однако в отдельных северных говорах произношение *кы, гы, хы* задержалось до XV и даже XVI в., что нашло свое отражение в некоторых северодвинских грамотах XV в. и беломорских грамотах XVI в. Русск. *сухой, другой, такой, Лукоян* и прочие указывают на то, что *кы, гы, хы* на севере и северо-востоке восточнославянской территории изменились в *ки, ги, хи*, по крайней мере в указанных позициях, только после преобразования *ǫjъ* в *oj*.

Таким образом, в XII и первой половине XIII в. существовали две диалектные зоны: зона *ки, ги, хи* и зона *кы, гы, хы*. Первая зона включала в себя большинство южных говоров и говоры верховья Днепра. Крайние говоры крайнего юго-запада сохраняли старую норму произношения. Они ее сохраняют и до настоящего времени: произношение *кы, гы, хы* — характерная особенность современных карпатских говоров.⁶⁰⁵ Ср. также примеры в юго-западных грамотах XIV—XV вв.: *кольбановськыи* (1349 г.), *свѣдкы* (1328 г.), *к могылкам* (1413 г.)⁶⁰⁶ и др. Произношение *ки, ги, хи* вместо *кi, gi, xi* нередко встречается в современных галицких (подкарпатских) говорах.⁶⁰⁷ Самый процесс изменения древних *кы, гы, хы* в южной зоне является предметом дискуссии. Некоторые языковеды полагают, что сначала имело место *кы, гы, хы > ki, gi, xi*, а потом уже *ki, gi, xi* изменились в современные украинские *ки, ги, хи*. Доказательство этому видят в сев.-укр. *кi, gi, xi*, имеющихся также в некоторых юго-западных говорах, в украинских словах типа *руський, низький* (где *с* и *з* могли смягчиться только перед *ki*), в том, что и в польском языке имело место изменение *ki, gi* в *ку, гу*. Другие исследователи считают, что старые *кы, гы, хы* сразу преобразовались в укр. *ки, ги, хи*, поскольку совпадение гласных *ы* и *i* на юге произошло ранее смягчения *к, г, х*, а современные укр. *кi, gi, xi* — позднего происхождения.⁶⁰⁸ Вероятно, истина лежит где-нибудь посередине: нужно учитывать неравномерность развития диалектных явлений и сложные процессы взаимодействия говоров.

⁶⁰³ В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв., стр. 55.

⁶⁰⁴ О. А. Князевская. История московского говора. Уч. зап. Моск. гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина, т. XLII, вып. 4, 1957, стр. 291.

⁶⁰⁵ І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі... , стр. 60.

⁶⁰⁶ І. Панькевич. Дві лемківські грамоти з початку XVI століття, стр. 26.

⁶⁰⁷ Ф. Т. Жилко. Про виникнення діалектних груп української мови, стр. 7.

⁶⁰⁸ М. М. Пещак. История заднеязычных согласных и их общеславянских рефлексов в украинском языке. Киев, 1960, стр. 6.

Во вторую зону входили север и северо-восток (кроме крайнего юго-запада), возможно также крайний запад. Ничего нельзя сказать о районах южнее Оки, поскольку древние письменные памятники из этих мест до нас не дошли. В современном русском языке сочетания *кы, гы, хы* сохраняются в строго ограниченной позиции — на стыке слов, особенно часто после предлога *к* (*кыбам, кызгороди, так ы надо* и т. п.). В говорах эти сочетания встречаются в отдельных словах: *кыса, кыска, кыс-кыс, кыка, кык* (о лебедь), *кыкать, кыркать* 'быть нездоровым', *кыркнуть* 'пропасть', 'упасть', *кыти, кытюшки* 'овечки', 'сережки на вербе', *кыть-кыть* (призыв овец), *кыря* (отгон овец), *гыль* (отгон гусей), *гысь* (отгон свиней) и др. Ср. еще пск. *магылки, магыльники, магыльнички*.⁶⁰⁹ Безусловно, могут быть найдены и другие примеры подобного рода. Несмягченность *г, к, х* встречается в отдельных белорусских говорах.

Границы между обеими зонами уже в самый ранний период несомненно были подвижными. После того как смягчение заднеязычных распространяется почти по всей восточнославянской территории, противопоставление смягченных и несмягченных *г, к, х* исчезло. Сохранившиеся островки произношения *кы, гы, хы* превратились в частные, второстепенные (с общевосточнославянской точки зрения) диалектные особенности. Новая норма из днепровского бассейна распространялась на северо-восток, север, северо-запад и запад. Ее происхождение и развитие не зависело от сходных процессов, происходивших в других славянских языках. География распространения *ки, ги, хи* показывает, что Н. С. Трубецкой был неправ, когда считал, что *ку > ki* и прочие распространялись с юго-запада на северо-восток потому, что русская языковая область соприкасалась с другими славянскими языками только на юго-западе и западе, откуда и шли инновации (кроме *ку > ki* еще падение редуцированных и потеря интонационных и количественных различий).⁶¹⁰ Как мы видели, *кы, гы, хы* до сих пор сохраняются на юго-западе.

2. Отверждение согласных перед *e* и *и*

В своем месте (см. гл. «Совпадение гласных *ы* и *i* в южных диалектах») мы уже писали о совмещении процессов смещения исконных *ы* и *i* в сторону одного «среднего» между ними гласного *и* и отверждения согласных перед *и* и *e* на юге восточного славянства. Совпадение *ы* и *i* началось раньше отверждения согласных в указанной позиции. Об этом свидетельствует широкое распространение совпадения *ы* и *i* в южнославянских и отчасти западно-

⁶⁰⁹ В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 176.

⁶¹⁰ N. T r u b e t z k o u. Einiges über die russische Lautentwicklung... , стр. 307—308.

славянских языках, тогда как отверждение согласных, как оно представлено в украинском языке, — специфически локальное явление. К примерам смещения букв *ы* и *и* в ранней древнерусской письменности можно добавить еще любопытное написание в записи XII в. о Бояновой земле в граффито киевской Софии: *Иванъ Пнъчынъ*. Конечно, вряд ли можно говорить об отверждении *ч* в XII в. Этот пример можно истолковать только как орфографическое отображение совпадения *ы* и *и* (если это не случайная описка.)

Не исключено, что возникновение нового *и* в южных диалектах явилось причиной отверждения согласных не только перед этим гласным, но и перед *е*. Так или иначе, на юге произошло резкое нарушение развития твердости-мягкости, имевшего место в восточнославянских диалектах. На юге твердость-мягкость реализовалась только перед исконным *ѣ*'а (из *е*), *ь* в слабой позиции, *і* нового происхождения и в некоторых других случаях.

О самом процессе отверждения согласных перед *е* (из *е* и *ь*) и *и* были высказаны разные мнения. Некоторые лингвисты считают, что полумягкие согласные стали мягкими во всем древнерусском языке, включая и южные диалекты, затем на юге мягкие перед *е* и *и* отвердели. Такого мнения, в частности, придерживался А. А. Шахматов. В пользу своего предположения он ссылается на отверждение перед *е* и *и* в украинском языке не только полумягких, но и исконно мягких согласных (*нива, книга, від них, к нему, поле* и т. д.), на сохранение в лемковском говоре мягкости согласных перед *і*, что он считает глубоким архаизмом, а также на наличие мягкости согласных в украинском языке перед другими согласными переднего ряда.⁶¹¹ Но, конечно, главным соображением было стремление выдержать стройность праязыковой схемы в шлейхеровском ее понимании: нельзя допустить, что на юге полумягкость согласных сохранялась, поскольку смягчение полумягких трактовалось как общий процесс для «пра-русского» языка.

Мы не можем согласиться с этой гипотезой. Исконно мягкие, оказавшись в той же позиции, что и полумягкие, подверглись отверждению, что вовсе не должно свидетельствовать о существовании этапа смягчения полумягких. Сохранение мягкости согласных в лемковском говоре перед *і* может быть архаизмом, но только в том смысле, что развитие твердости-мягкости и на юге в разных диалектах протекало не одинаково. Там, где сохранилось древнее различие *ы* и *и*, развилась и мягкость перед *і*. В диалектах, в которых произошло совпадение *ы* и *и*, изменение полумягких в мягкие перед новым *и* не могло быть осуществлено (иначе

надо было предположить изменение нового *и* в *і* и затем снова превращение его в *и* или совпадение *ы* и *и* в *і*, а затем превращение его в *и*, что невозможно).

Естественно предположить, что в большинстве южнорусских диалектов твердость согласных перед *е* и *и* развилась из полумягкости. Это мнение было высказано В. А. Богородицким, который считал возможным, говоря об отверждении согласных в указанной позиции, «что диалектические задатки этих отличий украинского языка имелись и в восточнославянском языке, в котором таким образом уже в рассматриваемую эпоху намечалось разветвление на два главных наречия — северное (предок языков русского и белорусского) и южное (предок украинского)».⁶¹² Мысль о непосредственном возникновении интересующих нас твердых из полумягких согласных развивает А. Н. Савченко.⁶¹³ В сев.-укр. *житте, зделле, полідесе* и т. п. согласные перед *е* произносятся мягко в отличие от обычной позиции перед *е*. Как установил еще Н. С. Трубецкой, *tj, dj, lj* и т. п. изменились в *t't', d'd', l'l'* и пр. после падения полувокалов *ъ* и *ь*. Следовательно, замечает А. Н. Савченко, отверждение согласных перед *е* произошло до указанной трансформации согласных в сочетании с *j*, иначе отвердели бы и *t't'* и пр., и смягчения полумягких в южных диалектах не было бы, за исключением особых случаев. Архаическая полумягкость согласных до сих пор сохраняется в некоторых украинских говорах. Предположение об изменении древних полумягких в твердые поддерживают М. Ф. Наконечный,⁶¹⁴ Ф. Ф. Медведев⁶¹⁵ и некоторые другие ученые.

Когда происходило отверждение полумягких? На этот вопрос ответ может быть только приблизительным, поскольку отверждение перед *е* не имело особого обозначения в орфографии. Можно считать, что совпадение *ы* и *и*, которое отражается в южнорусских памятниках с XI в., предшествовало отверждению полумягких. В то же время это отверждение предшествовало изменению на юге *ѣ* в *і* во всех позициях, которое осуществлялось в большинстве южных говоров с конца XIII в. Некоторые указания на сохранение полумягких на юге в XI—XII вв. находит Н. Н. Дурново в написаниях *н, л* перед *е* во втором почерке Архангельского евангелия 1092 г., Ефремовской кормчей XI—XII вв. и в типографском «Уставе» № 142 XI—XII в., что отражает различие между исконно мягкими и полумягкими *н, л*. Исконно мягкие *н, л*

⁶¹² В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 288. Изд. 6. М.: КомКнига, 2005.

⁶¹³ О. Н. Савченко. Деякі звукові особливості староруських діалектів. Українська мова в школі, 1954, № 6, стр. 15—17.

⁶¹⁴ М. Ф. Наконечный. До вивчення процесу становлення й розвитку фонетичної системи української мови, стр. 140.

⁶¹⁵ Ф. П. Медведев. Нариси з української історичної граматики, стр. 102—104.

⁶¹¹ А. А. Шахматов. 1) Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 12; 2) Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка, стр. 693.

в указанных памятниках пишутся с паерком и после них ставится буква ю, тогда как полумягкие обозначаются без паерка и после них пишется буква ю (ср. *глаголюеть, приемлюеть, съ ѿкго, къ ѿкму*, но *възлеже, небо* и т. п.).⁶¹⁶ Н. Ван-Вейк считал, что в написаниях *юе, рюе, люе* и *не, ре, ле* отражаются разные фонемы: *н'—н, р'—р, л'—л*.⁶¹⁷ К точке зрения Н. Ван-Вейка присоединяется В. Р. Кипарский, ссылаясь на *жърюе* 'приносил жертву' и *жъре* 'жрал'. В. Р. Кипарский полагает также, что *-jo-* основы *конь* (*жоня*) и *-i-* основы *конь* (*жони*) в именительном падеже единственного числа отличались друг от друга только благодаря фонологическому противопоставлению *н'* и *н*. То же противопоставление представлено в *любъ:любъ* и пр.⁶¹⁸ Это фонологическое противопоставление возникло задолго до XI—XII вв., но находило еще свое отражение в письменности указанного времени. Однако положение осложняется тем, что в таких южнорусских памятниках, как Галицкое евангелие 1144 г., Добролюбово евангелие 1164 г., и ряде других буква ю часто пишется и после неисконно мягких согласных (ср. *възлеже, знаменіе* и т. п.). Смещение букв ю и е дает основание полагать, что южнорусские писцы уже в XII в. стали терять различие между исконно мягкими и полумягкими и начали произносить их одинаково (твердо или со слабым смягчением) перед гласным е.

Очень важным является то обстоятельство, что перед е из ь согласные в украинском языке произносятся твердо, тогда как перед ъ в слабой позиции они произносятся мягко (*дэн', пэн'* и т. д.). Это указывает на то, что отверждение полумягких перед е в южных диалектах развивалось вместе с падением редуцированных, что позволяет приурочивать этот процесс к XII в.

Т. Лер-Сплавинский предложил еще один способ хронологизации интересующего нас явления. Как он полагает, отверждение полумягких на юге произошло до совпадения *ѣ* и *е* на территории современной Белоруссии. Совпадение *ѣ* и *е* не могло распространиться на юг, так как там вместо е уже произносился *э*.⁶¹⁹ Как известно, совпадение *ѣ* и *е* засвидетельствовано уже в смоленско-полоцкой письменности начала XIII в. Следовательно, и это обстоятельство указывает на то, что отверждение полумягких происходило в XII в. Правда, Т. Лер-Сплавинский исходит из априорного предположения о существовании «пражнорусского наречия», на базе которого сложились украинский и белорусский языки. Остается непонятным, почему совпадение *ѣ* и *е* не распространилось в то же время на восток, где отверждения полу-

мягких не было (во всяком случае в подавляющем большинстве говоров): ведь, по Т. Лер-Сплавинскому, и предки южновеликорусских говоров входили в состав предполагаемого им «пражнорусского наречия».

Так или иначе, можно предполагать, что отверждение согласных перед е и *i* (очень яркая особенность украинского языка — ни один другой славянский язык не знает ее в такой степени) началось в XII в. и, по всей вероятности, завершилось в XIII в. Такое же отверждение известно в некоторых белорусских говорах. В диалектологическом атласе белорусского языка карты №№ 29—31 и 52—57 показывают распространение отверждения согласных перед е и *i* на белорусской территории. В основном это крайний юго-запад (Брестская область, район Пинска) и южные говоры, пограничные с украинскими. Совершенно очевидно, что эти говоры по данной особенности (и некоторым другим) относятся к южному ареалу. Исключение представляет произношение слова *сърдце*: вариант *сърца* главенствует на всем белорусском западе и известен во многих восточных говорах. По-видимому, здесь имела место регрессивная ассимиляция по твердости.

Как уже в своем месте отмечалось, твердые согласные или согласные неполного смягчения перед е и *i*, а также в некоторых других позициях имеются и в немногих как южновеликорусских, так и в северновеликорусских говорах. Р. Ф. Пауфшима указывает на употребление согласных неполного смягчения в говорах Харовского района Вологодской области не только перед е и *и*, но и в конце слова: а) в инфинитиве: *искáт, п'исáт, уц'ít, быт* и т. д., 2) в существительных с нулевой флексией, количественных числительных и наречиях: *пов'ít, lбиáт, пар'ет* и т. п., а также перед согласными: *Тóтма* и пр.⁶²⁰ Каково бы ни было происхождение харовского отверждения согласных (например, не исключено воздействие нерусского субстрата), оно несомненно развивалось независимо от южнорусского отверждения, на что указывают и иные условия его реализации.

Обстоятельное исследование об отверждении парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах опубликовано Ю. С. Азарх.⁶²¹ Обычно в этих говорах произносятся полумягкие согласные, тогда как полностью отвердевшие согласные слышатся крайне редко. Наиболее часто полумягкие произносятся перед е, реже — перед *о, а, у* и перед твердыми согласными в середине слова и на конце слова, что вовсе не свойственно юго-западному

⁶¹⁶ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 144—149.

⁶¹⁷ Н. van Wijk. Zum ur-slavischen sogenannten Synharmonismus der Silben. *Linguistica Slovaca*, III. Bratislava, 1941, стр. 41—48.

⁶¹⁸ V. Kiparsky. *Russische historische Grammatik*, I, стр. 115.

⁶¹⁹ T. Lehr-Spławiński. *Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. Studii i szkice wybrane*. Warszawa, 1957, стр. 291—293.

⁶²⁰ Р. Ф. Пауфшима. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области, стр. 75.

⁶²¹ Ю. С. Азарх. Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. В кн.: *Очерки по фонетике северновеликорусских говоров*. М., 1967, стр. 137—152.

ареалу отвердения согласных. Ю. С. Аварх приходит к выводу, что несмягченные согласные в вологодско-кировских говорах появляются сравнительно поздно, являясь следствием не только внутренних тенденций развития фонологической системы этих говоров, но и контактов русского населения с финно-угорскими народами, в языках которых имеется более слабое противопоставление согласных по твердости-мягкости, чем в русском языке.

В весьма немногочисленных южновеликорусских говорах (например, некоторых рязанских) полумягкое или твердое произношение чаще всего встречается у губных и зубных согласных перед *e*, причем по большей части в безударных слогах, реже — перед *и* и совсем редко — перед другими гласными и в абсолютном конце слова. Интересно, что полумягкое или твердое произношение согласных перед *e* обычно отмечается в говорах, которые не изменяют *e* в *o*.⁶²² К сожалению, мы не имеем никаких точек опоры, которые позволили бы говорить хотя бы об относительной хронологии этого явления.

3. Дзеканье и цеканье

Как известно, дзеканье и цеканье — характернейшая особенность белорусского консонантизма. В белорусском литературном языке и большинстве белорусских говоров любой мягкий *д'* и *ц'* (перед гласными переднего ряда, перед мягкими согласными и в абсолютном конце слов) произносится как *д'з'* и *ц'з'* (исключая *д'* в приставках). Нет никакого сомнения в том, что аффрикаты *д'з'* и *ц'з'* могли развиваться только после смягчения полумягких согласных. Более того, можно сказать, что их возникновение явилось следствием своеобразной локальной-реализации противопоставления твердости-мягкости согласных. Это само по себе снимает гипотезу А. А. Шахматова о «ляшском» происхождении дзеканья и цеканья, поскольку в этой предполагаемой им ассимиляции «ляшских» племен восточнославянским населением полумягкие согласные, безусловно, еще не подверглись смягчению.

Как считал Е. Ф. Карский, «явление дзеканья и цеканья развилось на белорусской почве самостоятельно, не позже XIV в. Соседство польского языка, в котором есть подобное, но не вполне совпадающее с белорусским явление только поддерживало его». ⁶²³ Мысль о возможности развития белорусского дзеканья и цеканья без польского влияния поддерживает и известный польский славист В. Курашкевич. ⁶²⁴ По-видимому, с этим положением надо

согласиться, особенно если учесть, что белорусские и польские аффрикаты из *д'* и *т'* несколько различаются по своему произношению: белорусские *д'з'* и *ц'з'* имеют свистящий оттенок, тогда как польские *dź* и *ć* произносятся с шипящей фрикацией. Все же непосредственное соседство белорусского и польского ареалов было не безразличным для истории указанных аффрикат. Любопытное свидетельство различия белорусских и польских аффрикат в XV в. приводит Ю. Крижанич: польск. *zarowiedź*, *miłość* и т. д. он передает как *заповѣдзь*, *милоць*, а простонародное белорусское произношение — через *ходзиць*, *вадзиць* и пр. ⁶²⁵

Фрикация *д'* и *т'*, надо полагать, развивалась постепенно, и письменность она проникла не сразу, орфографические традиции налагали на ее обозначение запрет. «Старинные писцы вообще всячески избегали обозначать свистящее произношение мягких *д'* и *т'*, часто, может быть, с целью отличить его от польского письма». ⁶²⁶ В старопечатных книгах дзеканье и цеканье не отражено вовсе. Эта особенность имела, по-видимому, яркий социальный привкус. Высшие слои общества избегали белорусского произношения *д'* и *т'*. Положение изменилось лишь совсем недавно, когда дзеканье и цеканье было признано нормой белорусского литературного языка.

Белорусские аффрикаты *д'з'* и *ц'з'* находят свое отражение в западнорусской письменности только с XV в.: *людзи* (грамота 1409 г.), *поводае* (грамота 1543 г.), *обидець*, *глаголець*, *ходець* (3-е лицо ед. ч.) (Библейская книга Вилонской Публичной библиотеки XVI в.), *метацы*, *дзедзич* (Литовская метрика XVI в.), *жерждзье озеродное* (грамота 1582 г.), *Цимошка*, *Арцёмъ* (грамоты XVII в.) и некоторые другие примеры, которых собрано пока что не так много (главным образом Е. Ф. Карским).

Не исключено, что фрикация *д'* и *т'* в западной части восточнославянских диалектов начала развиваться вместе с развитием противопоставления твердости-мягкости согласных после падения редуцированных, т. е. в XII—XIII вв. Дзеканье и цеканье выходит за пределы белорусской территории. Оно зафиксировано в северо-западных говорах русского языка, например в Островском уезде Псковской губернии, ⁶²⁷ в оstashковских ⁶²⁸ и некоторых других говорах. Свистящий оттенок мягких *д'* и *т'* имеется в произношении населения многих русских местностей.

⁶²⁵ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 345.

⁶²⁶ Там же, стр. 345.

⁶²⁷ А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической диалектологии, стр. 181.

⁶²⁸ С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области, стр. 20.

⁶²² Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, стр. 85.

⁶²³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 345.

⁶²⁴ W. Kuraszkiwicz. Zagry dialektologii wschodnio-slowianskiej. . . , стр. 42.

4. Отверждение плавного согласного р

Пеструю и сложную картину представляет собой история исконно мягкого *г'* (*г'* из *гј*) и смягченного *г*. Уже в старославянском языке обнаруживается тенденция к ликвидации противопоставления *г'* и *г* (ср. *рыкати*—*рикати*, *рыбѣ*—*рибѣ* и др.). В Савиной книге и Супрасльской рукописи имеются такие написания, как *раствра*, *вараеть* 'ожидает,' *сэмбраеть* са, *сътворж*, *твораста*, *оувърж* и пр. Эти написания, по-видимому, указывают на отверждение мягкого *г'* в некоторых древнеболгарских говорах уже в XI в., а может быть, и еще раньше.

Изменение мягкого *г'* в славянских языках шло двумя путями: 1) развития фрикации при произношении *г'*, 2) отверждения *г'*. В одних языках и диалектах такое изменение реализовалось во всех позициях, в других оно было частичным, имевшим место лишь в определенных позициях или даже в отдельных словах. В чешском языке имела место фрикация, приведшая к изменению *г'* в мягкий шипящий согласный *ř* (звонкий или глухой в зависимости от позиций в слове), в письме обозначаемый буквой *ř*. Такое изменение *г'* находит свое отражение в древнечешской письменности с XIII в. У поляков и поморян *г'* стал произноситься, как шипящие *ż* и *ź* (в зависимости от позиции), однако в ряде говоров и теперь шипящий согласный произносится с вибрацией кончика языка. Своеобразна история плавного *г'* в лужицких языках. Различия между мягким *г'* и твердым *г* в них сохраняются, но в исконном положении после глухих согласных *k, p, t* *г* твердый в нижнелужицком языке изменился в шипящий *š*, а мягкий *г'* в обоих лужицких языках стал фрикативным согласным: в верхнелужицком — *š*, в нижнелужицком — *ś*, в восточнелужицких говорах — *č*. В словацком языке *г'* отвердел. То же имело место в сербохорватском языке.

В восточнославянских языках изменение *г'* пошло по линии его отверждения (как в южнославянских языках и словацком языке), однако это отверждение реализовалось в них неравномерно. В русском языке сохраняется фонологическое противопоставление *г'*—*г* (ср. *ряса*—*раса*, *ряб*—*раб* и т. п.) и отверждение *г'* имеет позиционный характер или проявляется в отдельных словах. В белорусском литературном языке и большинстве говоров мягкий *г'* отвердел во всех позициях. Украинский язык занимает как бы среднее положение между русским и белорусским языками: в литературной своей разновидности он имеет твердый *г* на месте мягкого в конце слогов и слов (*тепер*, *вір*, *вірте*, *тхір*, *звір*, *гіркий*, *зірка*, *косар*, *матір*, *Харків* и т. п.) и сохраняет мягкий *г'* перед гласными переднего образования (*курю*, *порядок*, *ряд*, *рябий*, *рясний*, *грюкати* и т. п.).

Что касается украинских говоров, то нормы произношения мягкого *г'* являются в них пестрыми.

Первые случаи отверждения *г'* встречаются уже в южнорусских памятниках XI—XII вв. Возможно, что некоторые из этих случаев являются результатом орфографического воздействия южнославянских оригиналов на древнерусские списки. Однако, как замечает Л. А. Булаховский, вполне можно допустить, что в случаях отсутствия обозначения мягкости *г* перед по-восточнославянски замененными юсами отражается процесс отверждения мягкого *г* в произношении южнорусских писцов. Ср. в Изборниках 1073 и 1076 гг.: *твора*, *сътвороу*, *бороуться*, в Архангельском евангелии 1092 г. — *приобрацеть*, в галицко-волинском Выголексинском сборнике XII—XIII вв. — *градуца* и др.⁶²⁹ Показательны также написания в Архангельском евангелии 1092 г. — *оупокрйти*, *оубокрйти* (передача греч. *hipokrites*), *рызы*.⁶³⁰ По наблюдениям Л. Л. Васильева, в Христинопольском апостоле 2-й половины XII в. также имеется отражение отверждения *г'*. По мнению Л. Л. Васильева, написание в этом памятнике сочетаний *ра* наряду с обычными *на*, *ла* указывает на то, что *а* обозначало гласный *ä*, не смягчавший предшествующий *г*. Об отверждении *г'* свидетельствует написание *ре*, отличавшееся от *ие* и *ле*, а также отсутствие знака смягчения над буквой *р*, ставившегося над буквами *н* и *л*.⁶³¹ То обстоятельство, что в северных памятниках XI—XII вв. такое явление как будто не отмечено, говорит в пользу предположения, что в некоторых южных диалектах отверждение мягкого *г'* началось. Признаки отверждения *г'* в украинских памятниках XIV—XVI вв. очевидны: *мунастырь* (грамота 1478 г.), *писарь* (Опись Брацлавского замка 1545 г.), *теперь*, *чоботарь*, *шинкарь*, *бондарь*, *комарь*, *господарь*, *пушкарь*, *писарь*, *золотарь* (Опись Киевского замка 1552 г.) и т. д.

В западнорусской письменности «твердоэрой» зоны отверждение *г'* проявляется с XIV в., т. е. с начала этой письменности. К сожалению, памятники из этой области предшествующих веков не сохранились. Много примеров на отверждение *г'* из письменности XIV—XVI вв. собрано Е. Ф. Карским, причем отверждение *г'* приходится на все позиции в слове: *сентябра* (грамота 1395 г.), *терать* (грамота 1398 г.), *Дрысы* (грамота до 1399 г.), *писарь* (грамота 1499 г.) и т. д.⁶³² Очень характерна постановка мягкого *р* на место твердого (*днепра*, *старие*, *рибы* и т. п.), т. е. беспорядочное смешение обозначений твердости и мягкости *г*, указывающее на полную утрату противопоставления *г'*—*г*. В то же время

⁶²⁹ Л. А. Булаховський. Питання походження української мови, стр. 61.

⁶³⁰ М. А. Соколова. К истории русского языка в XI в. Изв. по русск. яз. и словесн., т. III. Л., 1930, стр. 117 и 121.

⁶³¹ Л. Л. Васильев. С каким звуком могла ассоциироваться буква нейотированный юс малый (л) в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников. Русск. филол. вестн. Варшава, 1913, LXIX, стр. 181—186.

⁶³² Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 307 и след.

в западнорусской письменности XIV—XVI вв. имеется и обозначение мягкости *г'*, в одних памятниках проводящееся непоследовательно, в других — более последовательно, что отражает борьбу орфографической традиции с живым произношением, а также воздействие говоров, различавших *г'* и *г*.

В памятниках северных и северо-восточных отвердение *г'* перед гласными имеется лишь в отдельных словах: *крячание* (Златоуст XVI в. Публичной библиотеки), *закрычал* (письмо Алексея Михайловича 1652 г.) и др. Иначе обстоит дело в древнепсковской письменности: Н. М. Каринский приводит ряд примеров отвердения *г'* в разных позициях, подкрепляя эти примеры фактами из современных псковских говоров. По его мнению, отвердение *г'* на Псковщине является следствием воздействия на псковские говоры белорусского языка.⁶³³ С. И. Котков отмечает случаи отвердения *г'* в южновеликорусской письменности XVII в.: *Кирушку*, *пчол разорали*, *рызы*, *кобыла караѣи* и др. (такого рода примеры встречаются даже в рязанских грамотах: *Раского уезду* = Рязского, *по сей радной записи* и др.). Как полагает С. И. Котков, явление это не заносное, а местное, которое отчасти находит свое отражение в современных южновеликорусских говорах.⁶³⁴ Если это действительно местное явление, то его нужно считать убывающим. В современных русских говорах имеется лексикализированное произношение *ры* вместо *ри* и неударного *ре*: *скрып*, *скрыпеть*, *крячать*, *крянка*, *грыб*, *рыба*, *стрычь*, *стрылять*, *трыпать*, *крысать*, *рынуться*, *капрыз*, *рыск* и др. По-видимому, в данном случае проявляется тенденция избегать сочетания *ри*, которая непосредственно не связана с явлением отвердения *г'*. Эта тенденция в некоторых случаях дает себя знать и в наше время. Ср. произношение *Рык* вместо *Рик* (аббревиатура: РИК = районный исполнительный комитет) в несниженном стиле речи в говоре д. Селино Дубенского района Тульской области (20—30-е годы).

Судя по карте № 42 диалектологического атласа белорусского языка, в подавляющем большинстве современных белорусских говоров мягкий *г'* и твердый *г* совпали в одном твердом *г* во всех позициях, иными словами, мягкий *г'* этим говорам совершенно неизвестен. Та же норма произношения характерна и для белорусского литературного языка. Существование мягкого *г'* с твердым отмечается в окраинных северо-восточных и восточных говорах (по линии Невель—Полоцк и далее на восток по направлению к Гомелю, но далеко не во всех населенных пунктах). В северо-восточных и восточных говорах мягкий *г'* в большей или

меньшей степени сохраняется (часто очень непоследовательно) перед гласными *и*, *е*, *о*, *а*, *у* и в конце слов, сравнительно редко он произносится на месте исконного твердого *г*. Встречаются единичные говоры, в которых *г'* и *г* строго различаются (как в русском языке), за исключением некоторых случаев произношения *г'* на месте *г* (см. населенный пункт 105 северо-западнее Витебска: *рама*, *р'амжа*, *ур'ат*, *пуп'ур'оса*, *стар'атица*, *Јагор'жа*). В южных говорах *г'* произносится перед рефлексамі подударного (*ад*, *и*, *е*) и этимологического *о* в закрытых слогах (*и*), а также передка и на месте этимологического твердого *г*.

Мы пока не имеем систематических лингвогеографических данных о произношении *г'* и *г* в украинских говорах, поэтому наши сведения об этом имеют предварительный характер. В юго-восточных говорах *г'* отвердел главным образом в середине слов перед согласными и в конце неизменяемых слов (*гіркий*, *тепер* и пр.), в остальных позициях мягкость этого плавного сохраняется. В. С. Ващенко отмечает, что в современных полтавских говорах перед гласными и в абсолютном конце слова обычно произносится мягкий *г'* (*р'атувати*, *бур'ак*, *цар'*, *цар'а*, *зор'а* и т. п.), но в памятниках XVII в. наблюдается колебание *г'* и *г* (на месте этимологического *г*): *писара*, *урадом* и *урадом* и пр. Следовательно, включает В. С. Ващенко, последовательное произношение мягкого *г'* в полтавских говорах — явление новое.⁶³⁵ В значительной части северных и юго-западных говоров имеет место твердое произношение *г* не только перед согласными, но и перед гласными и в конце слов: *расно*, *писару*, *трох*, *цар* и т. п. Впрочем, на юго-западе и севере имеются и говоры иного типа. Например, в закарпатских говорах *г'* сохраняет свою палатальность перед гласными (исключая *е*, *и*) и перед бывшим *ь* (*ver'ba*, *car'stvo* и пр.).⁶³⁶

По данным современных восточнославянских языков и их диалектов центром отвердения *г'* является белорусский язык. Отвердение *г'* захватило североукраинские и западноукраинские территории, хотя проводится на них без такой последовательности, как в белорусском языке, проникло и на левобережную Украину, в некоторые южновеликорусские говоры вплоть до Рязанщины, на смоленские и псковские земли. С чем связана такая экспансия «твердозрости», сказать трудно. Вероятно, воздействие «твердых» говоров на «мягкозрые» связано с культурно-этническим влиянием населения Русско-Литовского государства, ядром которого были белорусы, на соседние области. Позже наблюдается явное убывание твердозрости. В южновеликорусских говорах уже нет твердого *г* на месте мягкого перед гласными. В современных псковских говорах мена твердого и мягкого *г* отмечается только

⁶³³ Н. М. Каринский. 1) Язык Пскова и его области в XV веке; 2) Исследование о языке псковского Шестоднева 1374 г. Журн. Мин. нар. проsv., 1916, стр. 227 и след.

⁶³⁴ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетий, стр. 133—134.

⁶³⁵ В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 62—70.

⁶³⁶ І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі... стр. 169.

в топонимических названиях,⁶³⁷ а такие примеры, как *сахарь*, сюда не относятся, поскольку это слово получает по аналогии суффиксальное оформление. Твердоарость убывает в полтавских и других юго-восточных украинских говорах. Произношение *г'* на месте этимологического *г* в некоторых северо-восточных, восточных и южных белорусских говорах является результатом воздействия на бывшие твердоарые говоры диалектов, имевших *г'* и *г*, в связи с чем и возникает гиперпалатализация, смещение *г'* и *г*.

В особом положении находятся древние южные диалекты, в которых, судя по памятникам, отвердение *г'* происходило уже в XI—XII вв. В свое время А. А. Шахматов предполагал, что украинское твердое *г* никак не связано с белорусским и обусловлено отвердением *г'* перед *е* и *и* (как и любых мягких согласных перед этими гласными) и затем дальнейшим его распространением на другие позиции.⁶³⁸ Однако такое искусственное предположение понадобилось А. А. Шахматову для подтверждения «ляшского» происхождения белорусского отвердения *г'*. Допустить единство происхождения украинского и белорусского отвердения *г'* означало бы признание «ляшского» субстрата и в южнорусских племенах и фактический отказ от «ляшской» гипотезы, поскольку летописная легенда указывала лишь на вятичей и радимичей, что они «от роду ляхов» (к ним А. А. Шахматов присоединял и дреговичей). Между тем совершенно очевидно, что история мягкого *г'* в ляшской языковой группе и в белорусско-украинских говорах была различна: у потомков древних ляхов при произношении *г'* развивалась фрикатива, приведшая к образованию шипящих *ж* и *ж'*, тогда как на белорусско-украинских землях имело место отвердение *г'* без каких-либо признаков фрикатива. В то же время географическая компактность твердоарых говоров, постепенное затухание твердоарости от основной зоны ее распространения на север, восток и юго-восток говорят в пользу единства происхождения отвердения *г'* на восточнославянской почве. Отвердение *г'*, по-видимому, началось в западных диалектах к северу от Припяти, откуда довольно рано проникло на правобережную Украину, а в эпоху расцвета Русско-Литовского государства стало распространяться и в других соседних областях.

Когда началось отвердение *г'*, точно мы не знаем. Е. Ф. Карский по этому поводу писал: «Если мы обратим внимание на то, что твердый *р* на месте мягкого знают иногда старославянские памятники, что в настоящее время исключительно твердый *р* знают сербы и отчасти словинцы, что *р* мягкий в чистом виде неизвестен полякам и чехам, то можем прийти к заключению, что

⁶³⁷ А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической диалектологии, стр. 182.

⁶³⁸ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 316.

диалектно нерасположенность к мягкому *р* уже заложена в основном славянском языке и что одна часть русских племен пережила твердость *р* еще в общеславянскую эпоху вместе с некоторыми юго-славянскими диалектами. Припомним дреговичей возле Солуны. Соседство поляков с белорусской прародиной поддерживало эту склонность к *р* твердому, вследствие чего последняя оказывается несовместной у потомков дреговичей — юго-западных белорусов. Радимичи рано ушли от соседства с поляками, вследствие этого твердость *р* у них не развилась вполне: до сих пор... существует колебание — то твердый *р* на месте мягкого, то мягкий на месте твердого».⁶³⁹

Е. Ф. Карский был неправ, относя отвердение *г'* к праславянской эпохе. В славянских языках нерасположенность к мягкому *г'* реализовалась разными путями, следовательно, процесс изменения *г'* протекал в них параллельно и в более позднее время. В некоторых южнорусских диалектах отвердение *г'* перед гласными (т. е. в сильной позиции) начало отражаться в XI—XII вв. Если мы признаем, что основной очаг отвердения *г'* находился в бассейне Припяти, то можем предположить, что тенденция к отвердению *г'* восходит на западнорусской территории примерно к X—XI вв. Полную силу твердость приобрела после падения редуцированных и в процессе развития противопоставления твердости и мягкости согласных.

5. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных *к*, *г*, *х*

В большинстве современных южновеликорусских говоров и в ряде средневеликорусских и северновеликорусских (новгородских, вологодских, кировских, ярославских, владимирских и некоторых других) распространено мягкое произношение *к*, *г*, *х* в позиции после мягких согласных. Обычно мягко произносятся *к*, поскольку частотность употребления *г* и *х* в указанной позиции очень низка. Наиболее широко распространен мягкий *к* после парных мягких согласных. Если в говорах интересующее нас смягчение известно, то после парных мягких согласных оно обязательно. В белгородских, курских, орловских и калужских (т. е. в западной части южновеликорусских), а также во владимирских, кировских, ярославских, костромских и восточноризанских говорах *к'* произносится и после *й*, в ряде вологодских (кроме парных мягких согласных) — и после *ч'*. Наконец, в тульских, рязанских, воронежских, восточных курско-орловских и белгородских (восточная часть южновеликорусского наречия), на севере во многих вологодских и некоторых других говорах *к'* появляется после парных мягких согласных, *й* и *ч'*.

⁶³⁹ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 306.

От указанного правила имеются отступления. Во-первых, *к'* sporadически произносится после *ш* (из *ш'* и *ж'*): *Маиш'а*, *чаиш'у*, *рошк'ом* (=рожком) и т. п. Относительно чаще подобного рода случаи встречаются в северновеликорусском наречии. Во-вторых, *к'* в отдельных словах произносится после твердых согласных: *трафк'а*, *палк'у*, *Никк'а*, *Лариск'а* и пр. В-третьих, незакономерный *к'* смягчает предшествующие твердые согласные: *Н'ур'к'а*, *косын'к'у*, *бал'к'у* и т. д. Наконец, в-четвертых, *к'* иногда выступает после гласных (передних и редко передних): *т'лак'а*, *брусн'ик'а*, *к' празн'ик'у*, *от мнук'а* и т. п. География указанных отступлений довольно неопределенна и не составляет сколько-нибудь компактных ареалов. Три последних типа отступлений вполне могут быть истолкованы как явления нефонетические, возникшие по аналогии. Само возникновение их (вероятно, позднее) указывает на то, что смягчение *к* переставало быть фонетической закономерностью. Что касается *к'* после *ш*, то тут процесс мог быть двойным: а) *к'* закономерно после мягкого *ш'*, б) *к'* возникло после отвердевшего *ш* по аналогии.

Первый пример отражения в письменности смягчения *к* (не очень надежный) относится к концу XIV в.: *пагубу еретичьскую* (Псковский пролог 1383 г). В XV в. примеров также немного, но они определены: *купечки* (=к'ой) в северодвинских грамотах XV в., *бочью* (письмо Герасима к Иосифу Полоцкому 1489 г.) и др. Скупое проникает эта диалектная особенность и в письменность XVI в., хотя количество примеров увеличивается (ср. в московской грамоте 1517 г.: *Степанкя*, *Володкю* и др.). Положение изменяется в южновеликорусской письменности XVII в. Богатый фактический материал впервые извлекает С. И. Котков из Елецкой явочной книги 1616 г.⁶⁴⁰ «Дальнейшие поиски в рукописных источниках южновеликорусского происхождения, — пишет С. И. Котков, — дали немало новых сведений, которые свидетельствуют о необыкновенно широком распространении данного явления в прошлом в южновеликорусской области и довольно свободном его отражении в старой локальной письменности».⁶⁴¹ Между прочим С. И. Котков отмечает, что в исследованных им памятниках XVII в. нет смягчения *к* после *ш*.⁶⁴² Если это наблюдение будет подтверждено данными всех южновеликорусских памятников XVI—XVII вв., тогда можно будет с полной уверенностью сказать, что *к'* после *ш* в южновеликорусском наречии — явно нефонетического происхождения. И теперь вероятность этого предположения весьма значительна.

⁶⁴⁰ С. И. Котков. К изучению орловских говоров. Уч. зап. Орловск. ГПИ, т. VII, Каф. русск. яз., вып. 3, 1952, стр. 52.

⁶⁴¹ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 124.

⁶⁴² Там же, стр. 126.

Первым, кто капитально обследовал прогрессивное смягчение задненебных *к*, *г*, *х*, был Д. К. Зеленин, монография которого до сих пор не утратила своего значения.⁶⁴³ Д. К. Зеленин выдвинул и гипотезу происхождения этого смягчения. Смягчение задненебных возникло в силу физиологической причины ассимиляции по мягкости в XV в. неподалеку от Москвы (где-то в районе Коломны) сначала у «детей боярских», служивших у московских князей, затем в качестве модного произношения попало в Москву, а из Москвы стало распространяться в провинции. В Москве мода эта скоро прошла, поэтому смягчение задненебных не успело охватить все великорусские области. А. А. Шахматов, выступивший с критикой гипотезы Д. К. Зеленина, указал, что невозможно фактически доказать, будто смягчение задненебных сначала было явлением социальным и что оно в XV в. явилось скоропреходящей модой в Москве. Сам А. А. Шахматов возводил прогрессивное смягчение *к'*, *г'*, *х'* к древней «восточнорусской эпохе».⁶⁴⁴ Древней «восточнорусской» особенностью смягчение *к'* считала и Н. П. Гринкова.⁶⁴⁵

Недавно прогрессивное смягчение задненебных исследовал Л. Л. Касаткин.⁶⁴⁶ Его работы очень ценны прежде всего потому, что в них не только подытоживаются усилия его предшественников, но и широко привлекаются неопубликованные материалы диалектологического атласа русского языка, а само явление рассматривается дифференцированно, с учетом различных позиций и не без внимания к частотности употребления предшествующих смягченному *к'* согласных. Недостатком исследования Л. Л. Касаткина является отсутствие должного внимания к памятникам старой письменности. Такое невнимание накладывает отпечаток на его попытки объяснить происхождение смягчения с фонологических позиций, которые не выходят за пределы умозрительных схем.⁶⁴⁷

Представляется очевидным, что прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных могло совершиться только после падения

⁶⁴³ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

⁶⁴⁴ А. А. Шахматов. [Рец. на кн.:] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры. . . СПб., 1913. — Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XX, 1915, кн. 3.

⁶⁴⁵ Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. V, 1947, стр. 261.

⁶⁴⁶ Л. Л. Касаткин. 1) Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. III. М., 1962, стр. 33—59;

2) Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. Автореф. канд. дисс. М., 1965. Подробно это явление описывается в книге: Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.

⁶⁴⁷ Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах, стр. 8 и след.

редуцированных и изменения полумягких согласных в мягкие. Как полагает Л. Л. Касаткин, это смягчение произошло сразу после падения *ъ* и *ь* «на ранней стадии аканья», т. е. (по Р. И. Аванесову) во второй половине XII—первой половине XIII в. Вначале оно не отражалось в письме, так как имело чисто позиционный характер и не имело фонологической значимости. Смягчение распространено во всех говорах бывшей Коломенской земли. Коломна в 1300 г. была присоединена к Москве, и после этого она не могла испытывать влияния южновеликорусских говоров, следовательно, смягчение возникло до 1300 г. Северновеликорусское смягчение заднебных возникло независимо от южновеликорусского, что доказывается отсутствием других южновеликорусизмов в тех же северных говорах.⁶⁴⁸

Конечно, теоретически нельзя исключить возможность возникновения смягчения заднебных сразу после падения редуцированных и изменения полумягких согласных в мягкие, однако убедительных доказательств этой гипотезы пока нет. Прогрессивное смягчение и в настоящее время является позиционным, не имеющим фонологической значимости. Между тем с XV в. оно все же начинает отражаться в письменности. Присоединение Коломны к Москве вовсе не означало, что контакты между коломенским и рязанским населением прекратились. Невозможно также доказать, что южновеликорусское и северновеликорусское смягчение возникли независимо друг от друга. Распространение одного какого-либо диалектного явления не обязательно сопровождается одновременным распространением других диалектных особенностей.

Особенность географического распространения смягчения заднебных, не считающегося со старыми этноязыковыми границами, указывает, скорее всего, на позднее происхождение этого явления. По-видимому, прогрессивное смягчение заднебных возникло примерно в XIV в. Вначале оно развивалось в основном ядре южновеликорусских говоров, затем стало распространяться на север, однако не исключено, что при одинаковых фонетических условиях оно могло образовываться в разных местах одновременно. О физиологических условиях возникновения смягчения Л. Л. Касаткин пишет: «Передвижка артикуляции *к* в более переднюю область связана с тем, что предшествующий палатальный звук произносится с сильным мышечным напряжением. При произношении таких напряженных звуков органы речи дольше сохраняют свой уклад и не успевают вполне измениться для произнесения следующего *к*. Поэтому артикуляция *к* и получается более передней. Изменение же уклада органов речи при переходе от произнесения звуков с меньшей степенью напряженности к произнесению *к* совершается легче. Артикуляция *к* в этом случае

⁶⁴⁸ Там же, стр. 18 и след.

испытывает меньшее влияние артикуляции предшествующего звука. Кроме того, переход от более открытой артикуляции к артикуляции *к* совершается легче, чем от более закрытой. Поэтому *к* как звук более открытый и менее напряженный обладает меньшей способностью смягчать последующее *к*, чем *й*. Все это подтверждается и тем, что смягчение *к* не наблюдается в русских народных говорах после гласного *и*».⁶⁴⁹

Возможно, что именно разная степень напряженности палатальных согласных в русских говорах XIV—XV вв. обусловила их разделение на имеющих прогрессивное смягчение заднебных и не имеющих такового. Смягчение имело место не после любого палатального. По-видимому, шипящий фриктивный *ш'* никогда не смягчал заднебные. В современных Кировских говорах до сих пор сохраняется мягкое произношение *ш* (и *ж*).⁶⁵⁰ В них же (в западной и южной частях области) распространено прогрессивное смягчение заднебных (примеры на *г'* и *х'*: *Ол'г'а*, *коч'ер'г'а*, *д'ен'г'ам'и*, *шан'г'а*, *кв'ер'х'у*, *с'в'ер'х'у*, *в'ер'х'бж*) после парных мягких согласных, *й* и *ч'* (*ч'*), однако смягчение после *ш'* наблюдается «крайне редко».⁶⁵¹

При таком предположении становится понятным, почему заднебные не смягчаются после *ч'* в западно-южновеликорусских и некоторых других говорах. В западно-южновеликорусских говорах согласный *ч'* в момент возникновения (или распространения с востока) в них смягчения заднебных утратил затвор и стал произноситься как *ш'*. Произношение *ч'* как *ш'* широко известно в этих говорах и в настоящее время (о самом происхождении *ш'* из *ч'* существуют разные точки зрения, чего мы здесь не касаемся). В одних говорах, не знающих смягчения после *ч*, *ч* произносился как твердый согласный, или нормой произношения было твердое цоканье, сменившееся позже твердым произношением *ч*.

6. Судьба согласных в их сочетаниях с *й*

После падения редуцированных *ъ*, *ь* вновь возникшие сочетания с *й* в большинстве славянских языков подверглись существенным изменениям. Этот процесс имел место и в восточнославянской языковой области. В отличие от результатов изменения древних сочетаний согласных с *й* в группах *tj*, *dj* и пр. не изменилось качество согласных, а произошло или удлинение согласных, предшествующих *йоту*, или же сохранение исходных сочетаний. Первый

⁶⁴⁹ Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах, стр. 55.

⁶⁵⁰ Е. П. Луппова. О мягких шипящих в говорах Кировской области. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1956, т. XV, вып. 4, стр. 189—225.

⁶⁵¹ Е. П. Луппова. К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области. В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, стр. 249.

путь (ассимиляция йота предшествующим согласным и удлинение последнего) характерен для восточнославянского юго-запада, второй — для севера и северо-востока (за исключениями, о которых будет сказано ниже).

Удлинение или удвоение охватило переднеязычные согласные *н, л, т, д, с, з, ц, ч, ш, ж*. Другие согласные, оказавшиеся перед *й*, удваиваются редко и только в немногих говорах. Удвоение реализуется в морфологически ограниченных условиях: на стыке основы или корня с окончанием. В очень немногих словах и далеко не во всех говорах оно имеет место в корнях слов и на стыке приставки с корнем (ср. укр. *люю, леш, лляти*, русск. диалектное *б'авол, б'ак, г'едим* 'съедим', *с'ела* 'села').

Удвоение согласных в положении после гласных является нормой для украинского литературного языка (после согласных в украинском языке обычно произношение не удвоенного согласного без *й*: *щастя, вістю* и т. п.). В украинских говорах представлены два типа рефлексов новых сочетаний с *й* в положении после гласных: удвоенный и сократившийся согласный. Сократившийся согласный (*жите, зиле* и пр.) распространен в большинстве юго-западных говоров, тогда как в северных и юго-восточных говорах господствует удвоение. Из этого правила есть исключения. Например, в украинском литературном произношении в отдельных словах вместо ожидаемых долгих согласных утвердились краткие: *свин'а, кут'а*.⁶⁵²

Особое место в украинском литературном языке, а также в юго-восточных и некоторых других говорах занимают формы на *'а* в именах среднего рода на *-е*: *взуття, життя, зілья* и т. п. Происхождение этих форм издавна вызывало споры, итоги которых критически подвел Г. Ильинский.⁶⁵³ Отвергнув фонетические объяснения, Г. А. Ильинский поддержал морфологическую гипотезу. По его мнению, формы типа *життя* возникли под влиянием форм именительного падежа единственного числа основ на *-а* (*земля*), а также в связи с переосмыслением форм единственного числа среднего рода как множественного (*листе > листья*). П. Д. Тимошенко попытался объединить морфологическую и фонетическую точки зрения. Как он полагает, удвоение согласных в юго-восточных и карпатских говорах произошло в то время, когда произошло отверждение полумягких и мягких перед *е*. Поскольку произношение *л'е, з'е* и пр. противоречило бы общему закону отверждения согласных перед *е*, создались условия для морфологического влияния форм на *'а* на формы с *-е*.⁶⁵⁴ Однако

⁶⁵² Курс сучасної української літературної мови, т. I. Київ, 1951, стр. 218.

⁶⁵³ Г. И л ь и н с ь к и й. Як виникли українські форми називного відмінка однини середнього роду типу *зілля*. Зб. комісії для дослідження історії української мови. Київ, 1931.

⁶⁵⁴ П. Д. Т и м о ш е н к о. Взаємозв'язки між фонетичними і морфологічними явищами в українській мові. В кн.: Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962, стр. 184 и след.

доказать, что отверждение согласных перед *е* в юго-восточных говорах произошло раньше, чем в юго-западных, невозможно, потому что собственно морфологическое объяснение происхождения форм на *'а* является предпочтительным.

Своеобразно расположены рефлексы новых сочетаний согласных с *й* на белорусской территории. В белорусском литературном языке и большинстве говоров в позиции после гласных обычных удвоенные согласные (как и в украинском языке). Через всю территорию Белоруссии, начиная от ее западных границ, тянется в юго-восточном направлении широкая полоса говоров, в которых произносится краткий согласный. Правда, это не сплошная полоса, а пучок изоглосс, состоящий из несовпадающих границ отдельных согласных и даже слов. В этой полосе отмечены также сочетания согласных с *й* (*наснійе, вбсенійо* и т. п.). Сочетания согласных с *й* делят Белоруссию на две неравные части: большую северо-восточную и меньшую юго-западную (брестско-пинские говоры). В обеих частях обычны удвоенные согласные, а между ними полоса говоров, имеющих наряду с *t't', t'* и сочетания согласных с *й*.⁶⁵⁵ Как объяснить наличие среди сплошной массы говоров с *t't* и *t'* полосы говоров, в которых известны и сочетания согласных с *й*? Являются ли сочетания с *й* новым явлением или же они — остаток глубокой старины?

Л. К. Андреева, многое сделавшая для изучения новых сочетаний согласных с *й* в восточнославянских языках,⁶⁵⁶ видит в сочетаниях с *й* в современных белорусских говорах реликтовое явление. Как она полагает, во время возникновения удвоенных согласных говоры турово-пинского Полесья и прилегающих к нему земель оказались изолированными и в них эта инновация не распространялась. Е. Ф. Карский объяснял наличие сочетаний согласных с *й* на белорусской территории иначе. Он считал возможным вторичное возникновение таких сочетаний под влиянием форм типа *люю, сплюся, рыбля* и др. (т. е. сочетаний *-и-й*).⁶⁵⁷

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, по данным Е. Ф. Карского, пользовавшегося записями XIX в., сочетания *tj* встречаются «очень редко».⁶⁵⁸ В записях XX в., сделанных для диалектологического атласа белорусского языка, такие

⁶⁵⁵ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 64.

⁶⁵⁶ Л. К. А н д р е е в а. 1) Явление ассимиляции в новых сочетаниях согласных с *й* в говорах северновеликорусского наречия. Уч. зап. Пермск. гос. унив. им. А. М. Горького, т. XVI, вып. 1(68), 1960; 2) Новые сочетания *е-й* в восточнославянских языках. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. III. М., 1962; 3) К истории новых сочетаний согласных с *й* в восточнославянских языках. Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Тр. 4-й зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала, вып. I. Пермь, 1964.

⁶⁵⁷ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, вып. 1, стр. 299—300.

⁶⁵⁸ Там же, стр. 294.

сочетания уже не редкость. Не исключено, что расхождения в наблюдениях XIX и XX вв. вызваны не субъективными причинами (степенью внимательности наблюдателей и разницей в массовости обследования). Казалось бы, в XIX в., когда белорусская орфография не имела еще устойчивых традиций и наблюдатели несомненно находились под воздействием русской орфографии, можно было ожидать много случаев написания типа *нѣ, тѣ* и пр. как простых отступлений от норм произношения. На самом же деле подобного рода написания были очень редки. Можно думать, что и в живом произношении сочетания согласных с *j* также были еще очень редки и в объяснении их прав Е. Ф. Карский. Нужно заметить, что в наше время в большинстве населенных пунктов наряду с *tj* произносится и *t'*, а не *t'i*, как мы ожидали бы, которое как литературная норма должно было бы вытеснить *tj*. Во всяком случае на основании лишь данных современных говором без глубокого и всестороннего изучения языка древнерусской и старобелорусской письменности строить гипотезы о направлении движения какого-либо явления довольно рискованно.

Произношение двойных мягких согласных охватывает значительную территорию великорусского запада: западные части Белгородской, Курской и Орловской областей, большую часть Брянской области, западные районы Калужской области, Смоленскую область, западную часть Калининской области и южную половину Псковской области. Связь этой территории с украинско-белорусским ареалом несомненна. Это единый юго-западный восточнославянский диалектный ареал. Происхождение двойных мягких согласных на западновеликорусской территории может быть различным. С. И. Котков, отмечая в южновеликорусской письменности XVII в. написания типа *адоння, Ильлюшку, жалованья, бораннихъ, а дочеррю* и др., определяет их как следы украинской и белорусской фонетики.⁶⁶⁹ Учитывая то обстоятельство, что массовые контакты русского и украинского населения на юге Московского государства начались в XVI—XVII в., можно предполагать, что удвоение согласных в курско-орловских говорах распространилось в это время под влиянием украинского языка. В северной половине западновеликорусских говоров удвоение возникло гораздо раньше.

Произношение двойных мягких согласных отмечается в единичных говорах северной половины Псковской области, Новгородской и Ленинградской областей и в северных областях, а также в виде многочисленных небольших островов на территории северновеликорусского наречия. Р. И. Аванесов высказал мысль, что удвоение согласных в северновеликорусской области никак не связано с юго-западным ареалом и возникло независимо от него

⁶⁶⁹ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 140.

как субстратное явление: в ряде финно-угорских языков имеется такое же удвоение согласных в позиции перед *j*.⁶⁶⁰ Л. К. Андреева, ссылаясь на полную идентичность удвоения согласных в северновеликорусских говорах и на восточнославянском юго-западе, считает, что нет никакой надобности говорить о финно-угорском влиянии. Удвоение через Полоцк и Смоленск распространилось в Новгородской земле, откуда вместе с новгородской колонизацией попало в северные и северо-восточные районы.⁶⁶¹ Вопрос этот можно считать открытым. Мы еще мало знаем о распространении на севере XV—XVI вв. финно-угорского населения, и там, где теперь его нет, оно могло быть раньше. Не исключено, что удвоение согласных в северновеликорусских говорах имеет разное происхождение: или оно было занесено с юго-запада, или оно является продуктом финно-угорского субстрата, или, наконец, оно могло возникнуть на северновеликорусской почве независимо, имея в своей основе те же фонетические условия образования, что и на юго-западе.

Удвоение согласных относится к тем фонетическим явлениям, которые с большим трудом прорывались в письменность через каноны орфографической традиции. Самый старший и одиночный пример, который можно истолковать как отражение двойного мягкого согласного, отмечен в Успенском сборнике XII в.: *в безаконьнхъ*. Далее следует также единичный пример в Бучацком евангелии XIII в.: *печало и лествю*. Очень немного примеров найдено и в письменности XIV в.: *нарощеню* (галицкая грамота 1375 г.), *богомале* (вкладная 1376 г.) и некоторые другие. В украинских грамотах XV в., изданных недавно Институтом языковедения АН УССР,⁶⁶² написания сочетаний согласных с *j* в подавляющем большинстве случаев даны по правилам традиционной орфографии. Произношение двойных согласных представлено немногими случаями: *Васи(л)та, Васи(л)ю, чолоби(т)та* (луцкая грамота 1490 г.), *хр(с)тиан* (грамота великого князя литовского Александра 1493 г.), *по(ѳ) печатю* (грамота перемышльского епископа Луки 1422 г.), *с даню* (грамота молдавского воеводы Стефана 1434 г.) и др. Ср. еще *набыванья, без усмыняня, без умышленья*,⁶⁶³ *осуженню* (евангелие Верковича XIV в.), *обезнань, вымовленнѣмъ* (присяга воеводы Стефана 1462 г.), *браття* (Студийский устав XV в.) и др. В письменных памятниках XV в. (например, в молдавских грамотах) встречаются написания с одним согласным: *мешкане, уживана, прирожена, цѣловане* и пр.

⁶⁶⁰ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 206.

⁶⁶¹ Л. К. Андреева. Явление ассимиляции в новых сочетаниях согласных с *j* в говорах северновеликорусского наречия, стр. 10—11.

⁶⁶² Українські грамоти XV ст. Підготовка тексту, вступна стаття і коментарії В. М. Русанівського. Київ, 1965.

⁶⁶³ Ф. П. Медведев. Українські грамоти XIV—XV століть. . . , стр. 175.

О звуковой значимости таких написаний трудно судить, так как не исключено, что тут имеет место неумение писцов передавать живое произношение (может быть, в живом произношении был двойной, а не стяженный согласный).

Та же картина, что имеется в староукраинской письменности, выявляется и в старобелорусских памятниках: в XIV в. примеры очень редки, а с XV в. они начинают встречаться чаще (с написаниями двух согласных и одного согласного), как это засвидетельствовано Е. Ф. Карским.⁶⁶⁴ К сожалению, у нас нет сколько-нибудь систематических обследований написаний новых сочетаний согласных с *j* в северновеликорусской письменности. В новгородских берестяных грамотах случаев написания двойных или стяженных согласных нет.

Все лингвисты сходятся на том, что удвоение согласных произошло в результате выпадения редуцированного *i* между согласным и *j*. Неясности (следовательно, и различные ответы) сохраняются в характеристике механизма самого фонетического закона (от которой зависит объяснение того, почему на юго-западе произошло удвоение согласных, а на северо-востоке — нет), в хронологии явления и в объяснении географических путей его распространения.

Как предполагал А. А. Шахматов, после падения на юге редуцированных в XII в. предшествовавший мягкий согласный ассимилировал *j*, в результате чего образовался двойной мягкий согласный. На севере удвоения не произошло, так как на месте *j* произносился *i*.⁶⁶⁵ Н. С. Трубецкой, как уже отмечалось в своем месте (см. стр. 52), считал, что удвоение согласных на юге произошло потому, что там раньше исчезли редуцированные, тогда как на севере редуцированные утратились только в XIII в., когда тенденция к ассимиляции мягкими согласными *j* уже не действовала. Объяснение А. А. Шахматова, как и Н. С. Трубецкого, возможно, но фактически обосновать его нельзя, поскольку мы не знаем, каково было произношение *j* в древнерусских диалектах XII—XIII вв. Даже о том, как произносится *j* в современных восточнославянских говорах, мы знаем очень мало. Е. Ф. Карский предполагал, что после утраты *ь* произошло дальнейшее смягчение согласных, которое способствовало прогрессивной ассимиляции *j* мягкими согласными.⁶⁶⁶ Эту точку зрения развивает Л. К. Андреева, которая считает, что древнерусские диалекты различались по степени смягчения согласных, оказавшихся перед *j*. «Можно предположить, что переднеязычные согласные в говорах, знающих ассимиляцию, были и раньше более палатализованными и, следовательно, артикуля-

ционно ближе к *j*, чем в других говорах».⁶⁶⁷ И такое предположение нельзя исключить, хотя доказать его так же трудно, как и гипотезу А. А. Шахматова. Во всяком случае представляется несомненным, что удвоение согласных, оказавшихся перед *j*, могло быть осуществлено во время смягчения полумягких. Удвоение согласных произошло позже отвердения согласных перед *e*, имевшего место на юге в XII—XIII в., о чем ясно свидетельствуют *вѣл'ѣ*, *осужен'н'е*, *жит'т'е* и т. п. в северных и юго-западных украинских говорах. Если бы удвоение произошло раньше или во время указанного отвердения, мягкость двойного согласного вряд ли была бы возможна. Удвоение согласных было реализовано также позже отвердения *p'* (XI—XII вв.), так как сочетание *pj* в украинском и белорусском языках сохранилось. Однако в говорах, знающих мягкий *p'*, его удвоение в результате ассимиляции *j* происходит: ср. вост.-белор. *п'ер'р'а*, *матер'р'ю*, южн.-великорусск. *а дочер'р'у*, новг. *двер'ру* и т. п. По-видимому, удвоение согласных произошло позже отвердения губных, поскольку сочетания губных с *j* остались неизменными, хотя в принципе удвоение губных возможно: в некоторых белорусских говорах произносится *з вараб'ѣм*, *рыббѣ*, *подлавѣ*, *Дзем'яна* и др.⁶⁶⁸ Наконец, удвоение согласных произошло раньше отвердения шипящих: новые сочетания *ж'j*, *ш'j*, *ч'j* удваиваются в украинском и белорусском языках. Произношение *ружжѣ*, *лебежжѣ*, *заглушишѣ* иногда встречается и в русских говорах.⁶⁶⁹ Все это позволяет считать, что удвоение согласных перед *j* на юго-западе восточного славянства произошло примерно во второй половине XIII—XIV в., что не противоречит и данным юго-западной письменности. Вполне возможно, что эта особенность распространялась с юго-запада на северо-восток и довольно рано достигла верховьев Днепра. Что касается удвоения в северновеликорусских говорах, то вопрос о времени его появления на севере остается открытым.

7. Отвердение губных согласных

В процессе развития твердости-мягкости согласных происходило позиционное «перераспределение» твердости и мягкости. В частности, бывшие полумягкие в определенных случаях могли отвердевать, причем это отвердение происходило неравномерно, в результате чего возникли новые диалектные изоглоссы. Отвердение коснулось различных согласных, в том числе и губных. В одних случаях отвердение губных согласных охватило всю восточнославянскую языковую область. В середине слова перед

⁶⁶⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 292—293.

⁶⁶⁵ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, стр. 129.

⁶⁶⁶ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 291—292.

⁶⁶⁷ Л. К. Андреева. К истории новых сочетаний согласных с *j* в восточнославянских языках, стр. 17—18.

⁶⁶⁸ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 297.

⁶⁶⁹ Л. К. Андреева. Явление ассимиляции в новых сочетаниях согласных с *j* в говорах северновеликорусского наречия, стр. 7.

согласными после исчезновения в первые случаи отвердения отражаются в письменности начиная с XII в.: *нивьныхъ* (Добрылово евангелие 1164 г.), *пъхашети* (Житие Феодосия Печерского XII в.), *равъны, темъны, правъды* (Галицкое евангелие около 1266 г.), *мъда, любъе* (Поликарпово евангелие 1307 г.), *гнѣвную* (Пролог 1356 г.), *землю* (западнорусская грамота 1398 г.) и т. д. В то же время или несколько позже наступает общевосточнославянское отвердение конечного полумягкого м, не поддерживаемого аналогией других мягких форм (в творительном падеже единственного числа мужского рода имен существительных, прилагательных, местоимений и числительных, в 1-м лице единственного числа настоящего-будущего времени атематических глаголов, в местном падеже единственного числа мужского и среднего рода прилагательных, местоимений и числительных): *прѣдъ отцѣмъ вашимъ, небеснымъ, прѣдъ олтарѣмъ, съ братѣмъ твоимъ, о друземъ, на камени семъ, въздамъ, дамъ, прѣдамъ* и т. п. (новгородское Милитино евангелие 1215 г.), *за Волховома* (Вкладная Варлама после 1192 г.), *съ всѣмъ* (грамота Александра Невского 1262—1263 гг.), *вътромъ, с невѣрнымъ, прибыкомъ, в всемъ, горломъ красномъ* и др. (Пандекты Никона Черногогорца 1296 г.) и т. д. В XIV в. -мъ вместо -ь встречается часто в письменности всех областей. В Лаврентьевской летописи такое написание является почти нормой. По-видимому, полумягкий м в указанном положении отвердел в XIV в. повсеместно. Л. А. Булаховский полагает, что отвердение этого м раньше наступило после палатальных гласных (*ѣм, конем*) как проявление своеобразной диссимиляции, а затем уже после веларных.⁶⁷⁰ Это предположение нуждается в фактической проверке.

Далеко не повсеместным оказалось отвердение губных в абсолютном конце слова, где имелась возможность аналогических воздействий мягкого произношения, а также перед *j* (после выпадения *ŕ*). Такое отвердение оказалось закономерным на всем юго-западе и является нормой в современном украинском и белорусском языках. На русской территории положение оказалось более сложным. Указанное отвердение захватило южные и западные говоры южновеликорусского наречия, западную часть средневеликорусских говоров и многие говоры северновеликорусского наречия (особенно северо-западные). В противоположность этому в русском литературном языке, в центральных и восточных говорах южновеликорусского наречия, в средневеликорусских говорах (исключая их западную часть) и в значительной части северновеликорусского наречия полумягкие губные в указанной позиции изменились в мягкие, создав чередование мягких и твердых губных на конце слова (*крофъ* и *кроф*, *с'ем'* и *с'ѣм* и т. п.).

⁶⁷⁰ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 100.

Впрочем, в отдельных словах диалектное произношение вторгается и в сферу литературного языка (произношение *с'ем, с'емд'ес'ат, с'емсот* вместо нормативных *с'ем', с'ем'д'ес'ат, с'ем'сот* нередко слышится и у образованных людей, хорошо владеющих литературным языком).

Отвердение губных в указанной позиции, по-видимому, началось в XIV в. и распространилось по обширной территории, совершенно не совпадающей с современными языковыми границами. Оно нашло свое отражение не только в юго-западной, но и в северной письменности: *кровъ* 'кровь', *любовъ, семъ* (Ипатьевский список летописи XV в.), *скорбъ, голубъ* (Палея 1477 г.) и др.⁶⁷¹ Центральные русские области и часть северновеликорусских земель оказались противопоставленными всей остальной восточнославянской территории. Особо выделяется отвердение губных согласных перед гласными. В украинском языке кроме общего отвердения согласных перед *и* и *е* развилось отвердение губных перед *'а*; отвердение губных в этой позиции повлекло за собой возникновение *j* или *i*, а после *м* — замещение *j* согласным *н*: *мн'асо, смн'а, памн'ат'* и др. Диалектно такое же явление имеется перед *е* и его рефlekсами: ср. карпат. *муд, мн'уд*⁶⁷² и пр. Отвердение губных перед *'а* захватило и южнобелорусские области, где произносятся *пйац', пйаты, рабйаты, жарабйа, вйануц', увйаска, д'вйаты, ровйада, мйаса* и *мн'аса* и т. п. В тех же говорах губные перед новым *j* могут произноситься мягко. Северная граница этого ареала, являющегося продолжением украинской языковой области, начинается от советско-польской границы северо-западнее Пружан, далее идет в общем северо-восточном направлении до верховьев Немана, затем спускается на юго-восток южнее Бобруйска к Днепру (после впадения в него Березины) и к низовьям Сожа.⁶⁷³ Отвердение губных перед *'а* проникает и в некоторые южновеликорусские говоры, пограничные с украинским языком.

В письменности это явление начинает отражаться с XV в., ср. *обвьязуемься* — в Присяге господарской рады 1448 г.

ИЗМЕНЕНИЕ СОГЛАСНОГО *л* В *ŕ*

Начиная с XIV в. в украинской и белорусской письменности встречаются случаи написания буквы *ѣ* вместо *л* в определенных позициях: 1) в древнем сочетании *trlt* (из **trlt* и **trlt*); 2) в глаголах отрицательного происхождения на -лъ в единственном числе мужского рода; 3) в слогах на -л в середине слов

⁶⁷¹ А. Э. Калнынь. Развитие категории твердости и мягкости в русском языке. Уч. зап. Инст. славяноведения, т. 13. М., 1956, стр. 152.

⁶⁷² И. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі... стр. 170.

⁶⁷³ Дьялекталагічны атлас беларускай мовы, карты №№ 50 и 51.

в отдельных заимствованных словах: *наводнився* и всю землю *покрывъ* и до насъ *пролявся* (Слово о «законе и благодати» митрополита Илариона по списку XIV в.), *повнѣишее* (Буковинская грамота 1411 г.), *Витовода* (западнорусская грамота 1442 г.), *не вдовѣѣ* (Четья 1489 г.), *Воечькевичъ* (грамота 1497 г.), *товстий* (Опись Киевского замка 1552 г.), *зуповное* (Креховский апостол 1560 г.), *стовбъ* (Инвентарь 1573 г.), *Сажавка* (Литовский статут 1588 г.), *самъ своею рукою переписавъ*, *тотъ князь учинивъ* (приписка конца XVI в. в евангелии Слуцкого монастыря), *за довгъ* (приписка XVI—XVII вв. в Румянцевском евангелии) и т. п. В первой позиции написания *в* на месте *л* постепенно учащаются и становятся обычными, тогда как в глагольных формах *л*, как правило, сохраняется до конца XVIII в.

В современных украинском и белорусском языках *ѣ* или *ш* произносятся в тех же условиях: *воєвъ шовк*, *товстий*, *знав*, *ходив*, *сказав*, но *орел*, *віл*, *стіл*, *дѣл*, *горілка* и т. д. В некоторых северо-западных украинских говорах *ѣ(w)* на месте *л* произносится в закрытом слоге любого происхождения: *орѣѣ*, *віѣѣ*, *стіѣѣ*, *діѣѣ*, *горіѣлка*, *соніѣлка* и т. п. В ряде юго-западных русских говоров, соседних с украинским и белорусским языками (преимущественно брянских, смоленских и великолукских), наблюдается то же произношение *л*, которое является нормой для указанных языков; *дошго*, *стовб*, *дав*, *умыис'а* и т. п., но *дала*, *пошда*, *стол*, *пол*, *палка* и т. д. Лишь изредка в этих говорах *ш(ѣ)* на месте *л* произносится в любых закрытых слогах: *пашка*, *ишошка* и др. Все эти факты говорят о едином лингвистическом ареале, охватывающем Украину, Белоруссию и юго-западные окраины русской территории.

Хронология этого явления представляется спорной. Довольно распространено мнение, что произношение *л* как *ѣ(w)* возникло после падения редуцированных, причем не раньше XV или даже XVI в. Объясняется оно чисто физиологическими причинами. Ср., например, толкование П. С. Кузнецова: «Вследствие ослабления артикуляции в новом закрытом слоге... кончик языка перестает касаться верхней десны (или зубов), преграда, характеризующая согласный, теряется, высокий же подъем задней части языка (как при гласных заднего ряда верхнего подъема) и лабиализация остаются, получается гласный типа *ѣ*, но не занимающий слога».⁶⁷⁴ Такое объяснение было бы приемлемым, если бы *л* изменился в *ѣ(w)* в любом положении, когда им оканчивается слог. Однако, как было сказано выше, *л* изменился в *ѣ(w)* в юго-западной восточнославянской области только в сочетаниях *лѣл* и в причастиях на *-лѣ*, сохраняясь во всех остальных случаях. По-видимому, объяснить это явление как следствие падения редуцированных невозможно. Можно, конечно, предполагать, что на

⁶⁷⁴ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 127.

распространение *л > ѣ(w)* воздействовали ограничивающим образом родственные формы (*стѣл* произносится потому, что есть *стола*, *орел* — *вірла*, *горілка* — *горілочка* и т. п.), но почему в таком случае произносится *ходив* при *ходила*, *знав* при *знала* и пр.? И с каких пор началось воздействие аналогии? Уже в самых ранних написаниях *в* вместо *л* проявляется произношение *ѣ(w)* в тех же позициях, что и в наше время. Иными словами, ограничивающее воздействие аналогии можно предполагать только чисто теоретически, доказать же его невозможно.

Уже давно было обращено внимание на то, что *л > ѣ(w)*, если не считать глагольных форм на *-лѣ*, имеет место только в сочетании *лѣл*, где *л* стоит перед согласным. В тех же случаях, когда *л* находился перед редуцированным *ѣ*, этот согласный сохраняется: *стѣлѣѣ > стоѣѣѣ*, но *игѣлѣѣка > голка*. Это наводит на мысль, что физиолого-акустическое различие *лѣ* и *лѣѣ* восходит ко времени до падения редуцированных. К такому выводу пришел в свое время П. А. Бузук, считавший, что *л > ѣ* в сочетаниях *лѣлѣ* имело место ранее падения редуцированных.⁶⁷⁵ Об изменении *л > ѣ(w)* в сочетании *лѣлѣ* до падения редуцированных пишет Ф. Ф. Медведев⁶⁷⁶ и некоторые другие исследователи. Иного происхождения *ѣ(w)* на месте *л* в глагольных формах: это *ѣ(w)* возникло под воздействием причастных форм мужского рода единственного числа действительного залога на *-ѣѣ*. Как известно, в древнерусском языке причастные формы на *-ѣѣ* могли выполнять роль второстепенного сказуемого. На северо-западе формы *-ѣѣ*, *-ѣѣѣ*, *-ѣѣѣѣ* и другие постепенно стали занимать место главного сказуемого наряду с формами на *-лѣѣ*, в то же время отличаясь от них перфективным значением. На юго-западе сближение форм на *-лѣѣѣ* и *-ѣѣѣѣ* пошло другим путем: на месте *-лѣѣѣѣ* стал произноситься *ѣѣѣѣ(w)* как явление псевдофонетическое. Возможности чередования *л* и *ѣ(w)* привели к тому, что в некоторых говорах *ѣ(w)* на месте *л* в любом закрытом слоге стал явлением собственно фонетическим. Впрочем, как ни объяснять северо-западные говоры украинского языка, произношение в них *ѣ(w)* на месте *л* в указанном положении надо считать поздним по происхождению.

Произношение *ѣ(w)* на месте велярного *л* довольно широко представлено в северновеликорусских говорах, особенно в центральных и северо-восточных. В. Н. Теплова,⁶⁷⁷ обобщая ответы на программу для диалектологического атласа русского языка,

⁶⁷⁵ П. А. Бузук. Спроба гісторыі дагістарычнай эпохі славянскай фонетыкі. Інстытут беларускай культуры. Зап. аддзела гуманітарн. навук, вып. 2. Мінск, 1928.

⁶⁷⁶ Ф. П. Медведев. Нариси з української історичної граматики, стр. 92—93.

⁶⁷⁷ В. Н. Теплова. Звуки *л*, *лѣ*, *ѣ* на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, стр. 153—176.

устанавливает пять типов реализации фонемы *л*: 1) *ǰ(w)* — перед согласными и на конце слова — *l* «средний» перед гласными непереднего ряда; 2) *ǰ(w)-л* (в тех же позициях); 3) *l* «средний» и перед гласными непереднего ряда, и перед согласными, и на конце слова; 4) *l* «средний» — перед согласными на конце слова — *л* перед гласными непереднего ряда и 5) веларный *л*, как и в литературном языке. Наиболее широко *ǰ(w)* представлен первым типом. Говоры с таким произношением занимают почти всю территорию Вологодской области, северные районы Костромской области, некоторые западные районы Кировской области и часть южных районов Архангельской области. Вторым тип представлен в горах южнее Онежского озера, а также в некоторых других местностях. Оба типа мною наблюдались в 1939 г. на западном побережье Онежской губы. Совершенно очевидно, что *ǰ(w)* в северновеликорусских говорах иного происхождения, чем на восточнославянском юго-западе, поскольку его употребление непохоже на юго-западное: этот согласный произносится на конце слога и слова без каких-либо ограничений, а также во многих говорах чередуется со «средним» *l*. Установившееся мнение о субстратной (финно-угорской) подоснове северновеликорусского *ǰ(w)* надо считать наиболее правдоподобным. Когда проникает в северновеликорусские говоры *ǰ(w)*, как и «средний» *l*, — определить пока невозможно. Любопытен случай написания *е* вместо *л* в новгородской берестяной грамоте № 27 XIV в.: *написаво*. Если автор этого письма на бересте некий Фалей не описался, а передал свое произношение, то мы имеем здесь наиболее ранний зафиксированный случай северновеликорусского *ǰ(w)*.

СОХРАНЕНИЕ ЗВОНКОСТИ СОГЛАСНЫХ НА КОНЦЕ СЛОВА И ПЕРЕД ГЛУХИМИ СОГЛАСНЫМИ

Как известно, падение редуцированных повлекло за собой серьезные изменения в системе согласных восточнославянских языков (как и всех славянских языков). В частности, в новых сочетаниях согласных возникли условия для ассимиляций по звонкости и глухости. Процесс озвончения глухих согласных, оказавшихся перед звонкими, охватил всю восточнославянскую территорию, хотя не исключено, что он мог протекать в разных областях неодновременно, в связи с чем могли возникать кратковременные диалектные ареалы. В письменности ассимилятивное озвончение глухих согласных нашло свое отражение с начала XIII в. (Житие Нифонта 1219 г., Смоленская грамота 1229 г. и т. д.). Иначе обстояло дело с оглушением звонких перед глухими согласными и на конце слова. По-видимому, оглушение началось несколько позже озвончения. Первые примеры в письменности приходится на XIV в. — соответствующие примеры из памятников различных местностей приведены у А. И. Соболев-

ского.⁶⁷⁸ Данные А. И. Соболевского подтверждаются аналогичными написаниями в новгородских берестяных грамотах: *на роство* (с упрощением группы согласных, № 144, XIII—XIV в.); *на безатъщине* (№ 3, XIV в.); *полотретиднацате* (с упрощением группы согласных, № 130, XIV—XV вв.); *лотку* (№ 249, XIV—XV вв.); *с Васильемъ со Желутковымъ* (№ 25, XIV—XV вв.); *на жеренце* (№ 43, XIV—XV вв.); *трицать* (с упрощением группы согласных, № 1, XV в.); *в поткълѣтъ* (№ 363, XIV—XV вв.); *во поткълете* (№ 40, XIV—XV вв.). Только с XV—XVI вв. начинают встречаться написания глухих согласных на месте звонких на конце слова. Однако преждевременно было бы ваявлять, что оглушение звонких сначала произошло в середине слова перед глухими согласными и лишь позже осуществилось на конце слова, хотя это и не исключено. Ввиду большей поддержки со стороны родственных грамматических форм (*дуп—дуба*) и сохранения звонкости перед словами, начинающимися с гласных и звонких согласных, орфографическая традиция могла занимать в написании конечных согласных более прочные позиции.

Оглушение звонких не охватило все восточнославянские диалекты; следовательно, уже с конца XIII—XIV вв. восточнославянская языковая территория по сохранению звонкости и утрате звонкости согласных распалась на две диалектные зоны. Каковы были границы этих зон в то время, мы не знаем. Было бы важно провести лингвогеографическое обследование для установления этих границ всех восточнославянских памятников XIII—XIV вв. и более позднего времени, но эта задача остается пока невыполнимой. Можно только предполагать, что зона оглушения в течение истекших веков расширялась за счет зоны сохранения звонкости.

В настоящее время основным районом сохранения звонкости согласных перед глухими согласными и на конце слова являются юго-восточные и северные говоры украинского языка. Звонкость обычно сохраняется и в украинском литературном языке, в котором имеются исключения из этого правила: звонкие согласные могут оглушаться в абсолютном начале слова (*тхнути* из *дѣхнути*, соответственно в производных *натхнути*, *натхнення*, *тхир* из *дѣхорь*, предлог-префикс *з* < *из* обычно произносится как *с*: *с саду*, *с кіжнати*, *с подвірря*, *спекти*, *скривити* и т. п., с глухим согласным могут произноситься *роз-* и *без-*), а в отдельных случаях — и в середине слов: *легко*, *ніжті*, *кіжті* и др. В западноукраинских говорах наряду с сохранением звонкости широко распространено оглушение звонких, аналогичное оглушению в русском языке. Сохранение звонких согласных наблюдается и во многих белорусских говорах. Как показывают карты №№ 45 и 46 диалектологического атласа белорусского языка,

⁶⁷⁸ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 104—105.

говору с сохранением звонкости согласных (в ряде мест факультативным) занимают весь юг и юго-восток Белоруссии. Наиболее последовательно проводится эта особенность на юго-востоке. Отдельные говоры с сохранением звонкости согласных отмечаются в северо-западной, центральной и северо-восточной Белоруссии (в окружении говоров с оглушением). Сохранение звонкости в середине слова географически представлено несколько шире, чем на конце слова. Такая географическая особенность настораживает в том смысле, что предположения о более позднем оглушении звонких согласных на конце слова могут оказаться преждевременными. С такими предположениями ввиду отсутствия надлежащих данных не следует спешить. Сохранение звонкости согласных имеется и в немногих русских говорах. «В некоторых с-в-р говорах звонкие согласные на конце слова не оглушаются или, что, видимо, вернее, оглушаются не в полной мере и таким образом не совпадают с соответствующими глухими фонемами. Произносят, например, *хлеб, склад, город, мороз, сторож, пирог, снег* с звонкими или полувзвонкими согласными в корне. Такие говоры отмечены, например, в Костромском районе Костромской обл., в Поветлужье и в некоторых других местах». ⁶⁷⁹ В. Г. Орлова сохранение звонкости конечных согласных наблюдала в 1944 г. в с. Никола-Межа Георгиевского района Костромской области, ⁶⁸⁰ а В. И. Тагунова — в некоторых селениях Муромского района Владимирской области. ⁶⁸¹ Небольшие островки говоров, сохраняющих конечные звонкие согласные *б, д, з, ж*, отмечены в центральных областях на восток от Москвы. ⁶⁸² Данные этих немногих русских говоров как будто свидетельствуют о более позднем оглушении звонких на конце слова.

Сохранению звонких согласных способствовало наличие после этих звонких дефонологизированных признаков, генетически восходящих к исчезнувшим редуцированным фонемам *ъ* и *ь*. Не исключено, что в некоторых говорах на северо-востоке восточного славянства сыграли роль и субстратные (неславянские) воздействия.

НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Дифференциальные признаки древних восточнославянских диалектных зон описанными выше явлениями, конечно, не исчерпываются. Мы здесь ограничиваемся исследованием только части

⁶⁷⁹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 145.

⁶⁸⁰ В. Г. Орлова. Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов. (К проблеме метода исследования). В сб.: Славянская филология, I. М., 1958, стр. 175.

⁶⁸¹ В. И. Тагунова. О сохранении звонких согласных в конце слова и перед глухими в муромских говорах. Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, № 4, 1953, стр. 17—19.

⁶⁸² Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, карта № 46.

существовавших диалектных различий потому, что объем нашей книги и так становится очень большим, а кроме того, и потому, что многое в истории произносительных средств восточнославянских языков остается мало или вовсе не исследованным. Можно быть уверенным, что «набор» диалектных произносительных особенностей с течением времени будет постоянно расширяться. Пока совершенно не начато исследование интонационной структуры предложения, хотя диалектологи не раз делали попутные замечания о диалектных явлениях в этой области при описании фонетической системы говоров. Эти замечания разрозненны, сделаны на разных научных уровнях и обобщать в плане историко-диалектологическом здесь еще нечего. Между тем можно а priori утверждать, что восточнославянские диалекты имели в своей истории неодинаково выраженную интонацию, что было обусловлено противоречиями их внутреннего развития и воздействием соседних славянских и неславянских языков.

Заманчивые перспективы для исторической диалектологии открываются в области акцентологических исследований. Л. Л. Васильев в свое время считал, что акцентологические системы восточнославянских диалектов таят в себе существенные различия. Он даже пытался наметить конкретные диалектные расхождения в типах глагольного ударения. Устанавливая три типа: 1) *п ráв ить—п ráв ю—п ráв ишь*, 2) *л ю б ить—л ю б иль—л ю б ишь* и 3) *св ят ить—св яч ю—св ят ишь*, Л. Л. Васильев полагает, что третий тип в древнерусском языке был распространен гораздо больше, чем теперь. «В настоящее время язык имеет тенденцию переводить глаголы из последнего типа акцентировки во второй («сено косят», но в специальном выражении: «глазами косят»), причем в акающих говорах это явление замечается в более широком размере, нежели в окающих, а в белорусском наречии этот переход достигает огромных размеров». ⁶⁸³ Немало ценных наблюдений, относящихся к диалектной акцентологии, содержат в себе известные труды С. П. Обнорского. ⁶⁸⁴ В. Р. Кипарский многое сделал для выявления развития акцентологических типов русских говоров, легших в основу русского литературного языка. ⁶⁸⁵ З. М. Веселовская в ряде статей попыталась определить некоторые акцентологические отличия, характеризующие русские, украинские и белорусские памятники XV—XVIII вв. ⁶⁸⁶ В. В. Колесов,

⁶⁸³ Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков, стр. 79.

⁶⁸⁴ С. П. Обнорский. 1) Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927; вып. 2. Л., 1931; 2) Очерки по морфологии русского глагола. М., 1955.

⁶⁸⁵ V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.

⁶⁸⁶ З. М. Веселовська. 1) Український наголос у «Лексиконі» П. Беринди. Зап. істор.-філол. відділу ВАН, кн. XXI—XXII. Київ, 1929;

начавший исследование древнерусских акцентологических систем, считает, что «диалектное своеобразие древнерусских говоров и в области акцентологической весьма значительно».⁶⁸⁷ Следует ожидать, что будут открыты и изучены в последовательно-историческом плане как развивавшееся диалектологическое своеобразие акцентологических закономерностей, так и колебания от говора к говору в ударении отдельных многочисленных слов. Восточнославянская акцентология с ее «своеобразным» ударением исторически порождала чрезвычайное разнообразие передвижки ударения не только в определенных разрядах слов, но и в отдельных акцентологически «не подчиняющихся» словах.

Различия, которые предстоит еще открыть, несомненно имелись и в фонологических системах. Пока что мы имеем опыты фонологических интерпретаций известных фонетических изменений (происхождение *аканья*, *цоканья* и т. п.), но историко-диалектологическое исследование состава фонем, эволюции фонологических систем и отдельных фонологических явлений еще нужно только разворачивать. Некоторые опыты в этом направлении уже имеются. Прежде всего нужно отметить исследование К. В. Горшковой, посвященное выяснению фонологических особенностей древних диалектов северной Руси. Особое значение К. В. Горшкова придает развитию категории твердости-мягкости согласных фонем, раскрытие которой она считает ключом к пониманию всей фонологической системы русских говоров XIV—XV вв. В частности, она пишет, что «древненовгородский и близкий к нему древнепсковский диалект характеризуются более слабым противопоставлением твердых-мягких согласных фонем. Это заключение относится к числу основных выводов диссертации».⁶⁸⁸

Немалую работу предстоит выполнить и в традиционной историко-фонетической области, в которой далеко не все еще исследовано, обнаружено и объяснено. Приведем несколько наугад взятых примеров, о которых ничего не сказано в настоящей книге. Очень интересно было бы попытаться установить историю долгих шиплящих, различие вариантов которых несомненно имеет диалектную окраску. Далеко не изучены историко-географические колебания сочетаний *ск*, *сц*, *ст* в известных грамматических формах.

2) З історії українського наголосу. Уч. зап. Харківск. унів., т. XIV, 1953; 3) Наголос іменників білоруської мови. Філол. зб. Київ, 1958; 4) Про деякі особливості наголосу прикметників української мови кінця XVI—початку XVII століть. Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962; 5) З історії наголосу східнослов'янських мов (кінець XVI—початок XVIII століть). Славістичний збірник. Київ, 1963, и др.

⁶⁸⁷ В. В. Колесов. Об одной древнерусской диалектной системе ударения. Вестн. ЛГУ, № 8, Сер. истории, языка и литературы, вып. 2, 1965, стр. 128.

⁶⁸⁸ К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси, стр. 14.

Лексически разнородны вариации глухости-звонкости по отдельным словам в разных говорах, историю чего предстоит еще исследовать. Внимание исследователей должна привлечь история чередований корневых гласных в таких лексических парах, как *золот—велет*, *Волос—Велес*, *лобода—лебеда*, *полова—пелева*, *воробей—верей*, *попел—пепел*, *бобр—бебр* и др. Список мало исследованных фонетических явлений, представляющих интерес для восточнославянской исторической диалектологии, можно было бы продолжить, но и без этого ясно, что эти явления представляют собой большой комплекс разнородных проблем. Опыт мировой лингвистической географии подсказывает, что в диалектах существовало и существует немало индивидуальных лексических отклонений от фонетических закономерностей, имеющих свои особые зоны распространения. Установление лексико-фонетических изоглосс и их историческое объяснение у нас почти не начаты.

Одним словом, определение всего реально существовавшего репертуара диалектных произносительных явлений, общих и частных, во всем их многообразии, чрезвычайно существенно изменило бы наши представления о длительном историческом пути развития восточнославянских языков и диалектов. Дело за будущими исследованиями.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ФОНЕТИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ

Еще со времен А. Х. Востокова и И. И. Срезневского прочно установилось мнение, что древнерусский язык (язык древних восточных славян) был монолитным, без каких-либо существенных диалектных различий. Диалектные особенности, и то только фонетические, начинают появляться в нем не раньше XI—XIV вв. Это убеждение основывалось на фактическом отождествлении древнерусского письменного языка с разговорным языком древнерусского населения. Правда, ученик И. И. Срезневского П. А. Лавровский допускал, что некоторые особенности древнего новгородского диалекта могли возникнуть еще «в доисторическое время», однако каких-либо доказательств этой мысли им не приводилось. Во времена И. В. Ягича и молодого А. И. Соболевского положение дела не изменилось, хотя И. В. Ягич чисто теоретически предполагал, что в эпоху существования древнерусских племен язык восточных славян, вероятно, распадался на множество диалектов. Так было до работ А. А. Шахматова.

А. А. Шахматов, конструируя свою общую концепцию происхождения и истории древних славян и славянских языков, нарушает установившуюся в XIX в. традицию. Возникновение ряда фонетических и отчасти морфологических диалектных различий современных восточнославянских языков (*аканье*, *цоканье*, изменение сочетаний *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* и др.) он относит ко вре-

мени VIII—XI вв. Это вызывает резкую (и во многом справедливую) критику со стороны Т. Лер-Сплавинского, Н. С. Трубецкого, позже Р. И. Аванесова и других славистов. А. А. Шахматов упрекают в том, что он переносит в глубь времен происхождение фонетических явлений, возникших в результате падения редуцированных *ъ* и *ь*, бесосновательно архаизирует современные или во всяком случае поздние диалектные отношения.

После А. А. Шахматова историческая диалектология восточнославянских языков как бы возвратилась на позиции XIX в. Теоретически признается всеми, что древнерусский язык ранней поры, как и его предок праславянский язык, несомненно распался на диалекты, однако древнее диалектное членение настолько перекрыто поздними изменениями, что выявление его недоступно для исследователей. Иногда делается исключение только для древненовгородского диалекта, который считается прямым продолжателем племенного диалекта словен. Все современные диалектные особенности — продукт позднего времени, возникли они в эпоху падения редуцированных гласных или еще позже. Все известные нам диалектизмы и их изоглоссы — порождение времени феодальной раздробленности. Лишь очень немногие фонетические диалектные ареалы (цоканье и различение *ц* и *ч*, *у* фрикативный и *г* взрывной, *ш* билабиальный и *в* губно-зубной) признаются как возникшие до падения редуцированных *ъ* и *ь*. Однако и такая «уступка древности» некоторыми авторитетными славистами отвергается. В этом был главный смысл критики гипотезы Н. С. Трубецкого со стороны А. М. Селищева и позже гипотезы Р. И. Аванесова со стороны Л. А. Булаховского: происхождение губно-зубного *в* и некоторых других явлений ранее XII в. считается недоказанным. Та же тенденция приурочивать диалектные явления к возможно более позднему времени получила широкое распространение и в исторической диалектологии других славянских языков (гипотезы о позднем происхождении мазуренья в польской диалектологии, перехода взрывного *g* в фарингальный *h* в чехо- словацкой диалектологии и др.).

Создавшееся положение, на наш взгляд, объясняется следующими причинами. Во-первых, большими (объективными) трудностями, стоящими перед исследователями в реконструкции древних диалектных ареалов (сравнительно позднее возникновение письменности у славян, крайняя неравномерность ее распределения в раннее время на различных территориях, традиционность орфографии, недостаточность обстоятельных диалектологических атласов, исторических и областных словарей и т. д.), и отрицательной реакцией на недостаточно обоснованные гипотезы некоторых языковедов старшего поколения (А. А. Шахматова, Я. Розвадовского и др.), разочарованием в возможностях палеолингвострографии. Во-вторых, продолжающимся господством младограмматических воззрений на историю языка, согласно которым ре-

шающим признаком исторического развития является непрерывное дробление языка на диалекты, факторы же взаимодействия языков и диалектов считаются второстепенными. В основе этих воззрений лежит знаменитое шлейхеровское родословное древо, так или иначе модифицируемое. Такой взгляд на развитие языка влечет за собой большие последствия в практике исследования. Достаточно вспомнить, сколько противоречивых гипотез и доходящих до виртуозности ухищрений делалось и делается в вопросе о происхождении аканья, направленных на то, чтобы уничтожить мысль о древности этого явления и, таким образом, сохранить стройную концепцию о монолитности древнерусского языка, целью ветвью выделившегося из языка праславянского, о позднем его дроблении на диалекты.

Этот путь исследования, на наш взгляд, не открывает никаких перспектив в изучении древней истории восточнославянских (и других) языков. Более того, это тупик — ведь ясно же (с позиций скептиков), что древние диалектные различия (если они существовали!) давно стерлись и нам совершенно недоступны, значит, и изучать нечего, коли нет объекта для изучения.

И все же дело славянской палеолингвострографии не так уж безнадежно. Конечно, трудности в реконструкции древних диалектных ареалов очень велики, а порой в настоящее время и вовсе непреодолимы. Несомненно также, что говоры языка древних восточных славян были близки друг к другу (как и говоры других древних славянских языков). Однако в современном сравнительно-историческом славянском языкознании накопилось довольно много фактов, не укладывающихся в жесткие рамки привычной концепции. В наше время стало совершенно очевидным, что целый ряд диалектных явлений современного русского языка по происхождению старше самого великорусского языка. Если мы допустим, что и в языке древних восточных славян имелись диалектные различия, восходящие к тому времени, когда этого языка еще не было, иначе говоря, обратимся при объяснении таких различий к особенностям древнего общеславянского языкового состояния, то некоторые преграды, стоящие на пути исследователя, окажутся искусственными, надуманными. Это начинают понимать многие современные слависты.

В результате наших исследований мы пришли к следующим выводам. Фонетические диалектные явления, имевшиеся в древнерусском языке, с точки зрения исторической можно разделить на несколько групп: 1) древнейшие, возникшие до образования языка восточных славян или в самом начале его сложения; 2) древние, появившиеся после формирования языка восточных славян, но раньше падения редуцированных *ъ* и *ь*, и 3) поздние, оформившиеся во время падения редуцированных гласных и после падения редуцированных.

Первая группа фонетических ареалов

1. *kv'*-, *gv'*-, *chv'*- || *cv'*-, *zv'*-, *sv'*-. Смягчение данной группы согласных является разновидностью второго смягчения заднеязычных, которое обычно приурочивают к III—IV вв. н. э. Если даже допустить, что смягчение *k*, *g*, *ch* в специфических условиях указанных сочетаний произошло несколько позже, все равно диалектное противопоставление заднеязычных и смягчающихся относится к одному из самых древних известных нам диалектных ареалов праславянского языка. Впрочем, некоторые ученые относят это явление к позднему времени. Например, Е. Налера полагает, что смягчение *kv'*-, *gv'*- произошло в VII или первой половине VIII в., причем в разных славянских языках независимо друг от друга.⁶⁸⁹ Эта гипотеза ему нужна для того, чтобы отрицать особые генетические связи между восточными и южными славянами и выводить южных славян с территории Польши. Не разделяя взглядов сторонников гипотезы вислодерского происхождения всего славяинства, мы придерживаемся иной точки зрения на время возникновения смягчения *kv'*-, *gv'*-. В славистике установилась устойчивая традиция считать, что несмягченные сочетания искони являются характерной особенностью западнославянских языков, а смягченные — восточных и южных. Действительно, главной областью распространения сочетаний *kv-*, *gv-*, *chv-* в настоящее время являются западнославянские языки. Однако несмягченные формы употребляются наряду со смягченными и в восточнославянских языках: укр. *квіт*, *квітка*, белор. *квет*, *кветка*, русск. диал. *квет* с его многочисленными производными, в том числе и глагольными формами, укр. *квилити* 'стонать', *квил* 'стонать' и др., русск. диал. *квелить*, *квилить* 'раздражать', 'плакать' и другие значения, *квилкий* 'плаксивый', 'слабый', 'хилый', *квелый*, *кёлый* 'слабый', 'хилый' и другие слова того же корня, укр. *квичати*, русск. диал. *квичать* 'пищать', 'кричать на кого-либо' и др., русск. диал. *огвездить*, *гвездануть* 'ударить', укр. *хвистати*, русск. диал. *хвистать* 'свистеть', *хвист* и еще некоторые другие слова. Несмягченные формы не совсем чужды и южнославянским языкам, ср.: болг. *кайча* 'визжать', 'хрюкать', болг. (диал.) *кувил'ѣ*, *ръскувил'ѣвѣм*, *ръскувил'ѣ* 'дразнить до слез', 'сердить';⁶⁹⁰ сербохорв. *квѣчати* 'визжать', 'подвизгивать', 'пищать', ст.-серб. *хвистати* и др. В то же время на западнославянской территории отмечается: в-луж. *swilić*, *čwilić*, н.-луж. *swiliś*, название притока р. Ниды в Польше *Cwilina*.

⁶⁸⁹ J. Nalera. Słowiańszczyzna północno-zachodnia, стр. 22 и след.
⁶⁹⁰ И. Е л е и с к и. Един интересен архаизм в болгарските говори. Изв. на института за български език, кн. XVI. София, 1968, стр. 141—146.

Эти резко противоречащие распространенной точке зрения факты пытались объяснить как исключения из правила, возникшие по разным причинам: будто это заимствования из польского и украинский и белорусский языки, или результат восстановления несмягченных форм по аналогии, или как сохранение этих форм в словах звукоподражательного происхождения, или же объявляли эти явления «неясными» и т. д. Однако ни одно из таких весьма противоречивых объяснений не выдерживает серьезной критики. Несмягченные сочетания (например, *квет*) распространены в виде островных ареалов на всей или почти на всей территории русского языка, включая и восточные говоры, так что ни о каком польском и вообще западнославянском заимствовании не может быть и речи. Предположение А. А. Шахматова о восстановлении в восточнославянских говорах *kv-*, *gv-* по аналогии неприемлемо, так как смягчение заднеязычных в этих сочетаниях, вопреки мнению А. А. Шахматова, происходило не только перед *ѣ*, но и перед другими гласными переднего ряда (например, *ѣ* и *ѝ*), следовательно, не было никакой базы для аналогий. В составе слов с интересующими нас сочетаниями имеются звукоподражания, однако такие слова, как *квет*, к звукоподражанию не имеют отношения, следовательно, и звукоподражательная гипотеза ничего не объясняет. И уж, конечно, определение «неясно» не является лучшим способом объяснения.

Все эти надуманные толкования или отказ от всякого объяснения вызваны тенденциозными представлениями, по которым праславянский язык непосредственно разделился на три (западную, южную и восточную) или две (западную и юго-восточную) группы, а до этого деления никаких диалектных членений в нем не было. Отсюда и все усилия так или иначе истолковать «непокорные» факты как поздние явления, не разрушающие чистоты принятой схемы.

При таком положении дел самым естественным остается предположить, что противопоставление *kv'*-, *gv'*-, *chv'*- || *cv'*-, *zv'*-, *sv'*- относится ко времени, когда еще не было современных славянских языковых групп и диалектные деления древнего общеславянского языка совершенно не совпадали с поздними языковыми границами. Это предположение было выдвинуто мною в 1962 г.⁶⁹¹ Мысль о том, что несмягченные сочетания на восточнославянской территории являются остатком глубокой праславянской старины, была высказана еще В. Поржезинским.⁶⁹² Мнение В. Поржезинского позже счел справедливым А. Фурдаль.⁶⁹³ В 1963 г. обстоятельную статью публикует М. Юрковский, который приводит ряд веских

⁶⁹¹ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян, стр. 174—181.

⁶⁹² W. Porzeziński. O stosunkach wzajemnych języków zachodnio-słowiańskich. Slavia orientalis, III/IV, 1925, стр. 222—223, 225.

⁶⁹³ A. Furdal. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961, стр. 24.

оснований в пользу наличия архаических сочетаний *kv'*-, *gv'*-, *čhv'*- на восточнославянской территории.⁶⁹⁴

Со времени второго смягчения заднеязычных согласных прошло 1600—1700 лет, насыщенных чрезвычайно многими и важными изменениями в славянской речи. Смягчение *kv'*-, *gv'*-, *čhv'*- лексикализовалось, давно перестав быть фонетической закономерностью. Границы первоначального распространения несмягченных и смягченных сочетаний были перекрыты разными другими изменениями, трансформировались, поэтому древнейшие ареалы этих сочетаний восстановить невозможно. Сама территория славянских племен того отдаленного времени имела совершенно другую конфигурацию, чем славянские земли в настоящее время. Можно только предполагать, что основным ядром ареала архаических форм был тогдашний славянский запад, а ареал новообразованных форм находился на востоке. Однако мы напрасно стали бы искать древнюю границу между западом (или северо-западом) и востоком (или юго-востоком) в исторически известных нам языковых границах. На востоке лексикализованные формы в течение длительной истории изменяли свои изоглоссы, которые стали не зависеть друг от друга. Все же на территории современных восточнославянских языков распространение архаических сочетаний постепенно затухает по направлению с запада на восток.

2. Отсутствие прогрессивного смягчения заднеязычного *ch*. Уже давно высказывалась мысль, что смягчение заднеязычных в свистящие протекало на древней славянской территории неравномерно и могло в некоторых диалектах не охватывать все позиции. Примером тому являются несмягченные сочетания *kv'*-, *gv'*-, *čhv'*-, о которых у нас шла речь выше. К этому явлению примыкает такой раритет, как местоименные формы *exoу* — в новгородском стихираре 1157—1164 гг. и новгородской хутынской грамоте после 1192 г., *exe* (=вьсь) — в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи, *кѣ въхемо вамо* — в новгородской берестяной грамоте № 87 XII в. и *въхьхѣ* — в новгородской берестяной грамоте № 359 XV в. Эти формы восходят к древнейшему общеславянскому **vchъ*, причем предполагать в них восстановление архетипа по аналогии не представляется никакой возможности. Почти на всей территории древнего общеславянского языка *ch* смягчилось в *s'* и *š'*, но на какой-то, теперь неопределимой, ее части сохранилось исходное **vchъ*, которое донесла до нас древняя новгородская письменность. Однако и в древненовгородском диалекте *vchъ* было уже исчезающим явлением, так как в новгородских памятниках обычным написанием было *вьсь*, *весь*. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что в дописьменную эпоху территория распространения *vchъ* была шире. Возможно, отсутствие

прогрессивного смягчения не ограничивалось только этим местоимением. Хронологически противопоставление *vchъ* || *vьсь* восходит к тому же времени, что и противопоставление *květъ* || *cvětъ* и др. Первоначальные ареалы этого противопоставления также восстановить невозможно.

Особо стоят искюские *мяхо* 'мясо', *вмехный* 'совместный', *свет* 'свет' и др., которые пока не имеют удовлетворительного объяснения и время происхождения которых не установлено.

3. *tl, dl* || *l*. Распространение в древнепольском и отчасти древненовгородском диалекте сочетаний *kl, gl* на месте исходных древнеобщеславянских *tl, dl* нарушает наши представления о современном языковом членении славянства, поскольку считается, что сохранение сочетаний *tl, dl* является специфической западнославянской особенностью. Лингвисты, стоящие на позициях «родословного древа» Шлейхера, пытались русские *kl, gl* объяснить как позднее восстановление этих сочетаний по аналогии или как воздействие ляхского или балтийского субстрата. Эти безуспешные попытки диктовались методологическим соображением: в прарусском языке, выделившемся из праславянского языка, не могло быть двух сосуществующих закономерностей. Однако предположение о восстановлении по аналогии *kl, gl* в словах типа *мыгло, саглице* и др. решительно ничем нельзя подтвердить, а гипотезы о субстратном воздействии также оказываются бездоказательными. Остается один естественный выход — видеть в северо-западных *kl, gl* часть древнего диалектного ареала, возникшего в то время, когда деления славянских говоров на три известные нам славянские группы еще не существовало. Конечно, мы не можем реконструировать древнюю границу между *tl, dl* и *l* на востоке славянской территории. Можно только сказать, что восточная окраина *tl, dl* являлась непосредственным продолжением сплошной территории говоров, сохранявших эти сочетания. Не исключено, что восточная часть ареала *tl, dl* находилась где-либо в районе верхней и средней Припяти. Если принять во внимание ставшую уже традиционной гипотезу о фонетической тождественности и хронологической близости смягчения *kv'*-, *gv'*-, *čhv'*- и упрощения *tl, dl*, то можно предполагать, что разделение славянской языковой территории на ареал сохранения *tl, dl* и ареал упрощения его в *l* произошло приблизительно тогда же, когда имело место возникновение противопоставления *kv'*-, *gv'*-, *čhv'*- и *cv'*-, *zv'*-, *sv'*-, т. е. примерно в III—IV вв. н. э. или несколько позже этого. Во всяком случае изменение *tl, dl* в *l* имело место раньше образования неполногласных форм в сочетаниях типа **tort* (ср. сохранение этих сочетаний в словах типа ст.-сл. *длань*). Славянские племена (предки древних псковичей и новгородцев), продвинувшись к озерам Чудскому и Ильмень, сохранили *tl, dl*. Эти *tl, dl* (как в ряде балтийских диалектов, а также в польских и частично в словацких говорах) изменились в *kl, gl*, состав-

⁶⁹⁴ M. Jurkowski. Losy prasłowiańskich grup **kv'*-, **gv'*-, **čhv'*-. Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1963, стр. 51—64.

вившие особый балтийский диалектный ареал, имевший черты языкового союза. Оказавшись составной частью сформировавшегося языка восточных славян (древнерусского языка), северозападные диалекты постепенно стали терять сочетания *kl*, *gl*, от которых дошли только сравнительно немногие примеры (частично лишь в топонимических названиях).

4. **Аканье—оканье.** На мой взгляд, становится совершенно очевидным, что редукция неударяемых гласных, в разной степени развившаяся относительно поздно во многих славянских языках и диалектах, и аканье генетически не связаны друг с другом, и возникли они в разные исторические эпохи. А это означает, что наиболее устойчивая гипотеза о происхождении аканья через ступень редукции гласных *a*, *o*, *e* должна быть отклонена. Во всяком случае современные восточнославянские говоры и древнерусские письменные памятники не представляют нам данных, свидетельствующих о позднем происхождении аканья. Упорные попытки изолировать при постановке вопроса о происхождении аканья от характерных особенностей развития фонетической системы древнего общеславянского языка и замкнуться в рамки отдельного языка или диалекта заводят в тупик, вынуждают громоздить целые горы искусственных и весьма шатких построений.

Все становится на свое место, если мы будем считать аканье наследством фонетической системы древнего общеславянского языка. Независимо от того, считать ли праславянский краткий гласный, развившийся на месте кратких *ǝ* и *ǣ* открытым *o^a* (или *a^a*) или кратким *ǝ*, противопоставление аканья и оканья связано с историей этого гласного. Я предпочитаю говорить об *o^a*, поскольку наличие такого гласного лучше объясняет дуализм его дальнейшего развития: 1) усиление лабиализации (возникновение оканья) и 2) ослабление лабиализации (возникновение аканья). Эти две возможности, заключенные в самой природе краткого *o^a*, в безударных слогах реализовались в разных древних славянских диалектах по-разному: в одних областях развилось оканье, в других — аканье. Что касается яканья, то оно могло развиться из древнего *e^a* или же позже под влиянием аканья.

Мы полагаем, что аканье и противопоставленное ему оканье в своем древнейшем виде возникли примерно в VII—VIII вв., т. е. в эпоху, когда начал формироваться древний язык восточных славян. Какова была первоначальная территория распространения аканья у восточных славян, определить невозможно. Скорее всего, аканье занимало центральную полосу восточнославянских земель — от вятичей на востоке до дреговичей на западе.

5. **Фрикативный γ — взрывной g .** За последнее время усилия славистов были направлены на то, чтобы доказать, что изменение взрывного g в фрикативный γ — явление позднее, развившееся в разных славянских языках независимо. В результате этих усилий можно считать доказанным, что фарингальный h

в древнечешском и в древнесловацком языках появился на грани XII—XIII вв. (примерно в то же время и в верхнелужицком языке). Однако фарингальный h является продуктом длительного развития через ступень фрикативного γ исходного взрывного g . Нужно также учитывать, что фрикативный γ возник не сразу, а путем постепенного ослабления затвора взрывного g . Взрывной g с ослабленным затвором (g^h) и фрикативный γ на территории сплошного распространения фарингального h известны современной диалектологии. Если установлена субституция западнославянского h в соседних языках и средневековой латыни, то как передавался фрикативный γ и тем более g^h с ослаблением (но не полной утратой) затвора, остается пока не изученным. Эти γ и g^h вполне могли заменяться взрывным g в заимствующих языках. Следовательно, мы можем утверждать, что история g^h и γ относится к более раннему времени, чем XII—XIII вв. Но к какому? На этот вопрос косвенный ответ дает сама территория распространения γ и h . Эта территория вполне компактна: южновеликорусское наречие, украинский, белорусский, словацкий, чешский, верхнелужицкий языки и отдельные говоры словенского языка (отделенные от северного славянского массива венгерским нашествием). Сторонники позднего происхождения не могут объяснить этой компактности. Однако вряд ли мы тут имеем дело с игрой случая. Естественнее предположить, что изменение взрывного g в g^h и затем в γ составило когда-то единый центральнославянский диалектный ареал (как в свое время и считали Н. С. Трубецкой, Т. Лер-Сплавинский и другие слависты). Доказательность независимого изменения g в γ , в сущности, того же рода, если бы мы предположили, что и на восточнославянской территории γ и h в разных говорах возникли тоже независимым путем. Однако такое предположение никто не выдвигает. Уже давно высказывалась мысль, что в говорах, имеющих фрикативный γ , утрата затвора взрывным g произошла позже, чем в говорах с фарингальным h , прошедших более длительный путь развития ($g > g^h > \gamma > h$). Если это так, то замечательно, что фрикативный γ занимает периферию ареала: южновеликорусские и белорусские говоры — на северо-востоке и словенские говоры — на юго-западе. Это лишний раз подтверждает правильность предположения о единстве происхождения фрикативного γ .

6. **Различение свистящих и шипящих — совпадение свистящих и шипящих.** Как и о других явлениях, о которых речь идет выше, у лингвистов нет единого мнения о происхождении совпадения свистящих и шипящих согласных. Если слависты старшего поколения (А. А. Шахматов, К. Нитш и др.) считали, что это явление своими корнями уходит в праславянскую древность, то за последнее время главный упор делается на то, чтобы доказать, что польское мазуренье и аналогичные явления в других славянских языках — явление позднее, что мазуренье и северновеликорусское цоканье, псковское смещение свистящих и шипящих (аналог

мазуренью) в генетическом отношении не имеют между собой ничего общего. Однако слависты этого направления не могут ответить на один очень существенный вопрос: почему основной массив «мазурующих» и цоканющих говоров представляет собой единый географический ареал, почему в центре этого ареала (малопольские, мазовецкие и силезские говоры польского языка, полабский язык, северо-западные говоры русского языка) реализуется полное совпадение свистящих и шипящих, а на его северо-восточной (большинство северновеликорусских говоров) и западной (нижнедужицкий язык) окраинах развивается только частичное (совпадение *c'* и *š'* в *c'*)? Ссылка на чистую случайность этой весьма характерной особенности данного ареала ничего не объясняет. Правы были слависты старшего поколения: совпадение свистящих и шипящих согласных на севере славянской языковой территории имеет единое происхождение и относится в своих истоках к эпохе древнего общеславянского языка. Первичный очаг этого явления, по-видимому, находился у юго-восточного изгиба Балтийского моря на территории балтийских племен. По мере установления тесных контактов с прибалтийскими племенами и частичной их ассимиляции в языке северной группы славян осваивалось совпадение свистящих и шипящих, которое стало распространяться в разные стороны. Чем дальше от центра этой инновации, тем больше ослабевала «волна» ее распространения, превращаясь в частичное совпадение свистящих и шипящих (цоканье).

Как известно, самые ранние памятники древненовгородской письменности (XI в.) уже достаточно ярко отражают цоканье. Можно быть уверенным в том, что цоканье в древненовгородском диалекте существовало до XI в. Если частичное совпадение свистящих и шипящих имело место до XI в. на периферии, то в первичном своем очаге интересующее нас явление возникло значительно раньше. Предки словен и кривичей, появившиеся у Ильменя и Чудского озера в VI—VIII вв., уже имели полное и частичное совпадение свистящих и шипящих, когда стали продвигаться в указанные районы с верховьев Днепра и Западной Двины.

В дальнейшем рассмотренные выше древние диалектные особенности как наследие предшествующей эпохи были унаследованы обособившимся языком восточных славян, сохраняя в нем роль диалектизмов. В позднейшую эпоху судьба этих особенностей была неодинаковой. Одни из них (*kv'*-, *gv'*-, *chv'*-, *kl*, *gl*; *vьchъ*) лексикализировались, другие также пошлы на убыль, оставаясь диалектизмами (шепелявенье, цоканье), третьи сохранили свою жизнеспособность, являясь существенными признаками некоторых современных восточнославянских языков (аканье, фарингальный *h* и фрикативный *ʝ*). Однако ни одно из этих явлений не стало специфической особенностью какого-либо одного языка (русского, или украинского, или белорусского), оставаясь на уровне диалектизма или же сохра-

няясь в двух или даже трех языках. Это и вполне понятно: особенности, характеризующие только один из современных языков, возникают значительно позже, как и сами эти языки.

Вторая группа фонетических ареалов

1. Второе полногласие — отсутствие второго полногласия. Как и первое полногласие, второе полногласие возникло примерно в VIII в. в результате действия тенденции к открытому слогу и охватило всю восточнославянскую территорию. Однако эволюция сочетаний типа **tɛr't* (или **tɛrʲt*) в большинстве диалектов осталась незавершенной. Только на северо-западе **tɛr't* изменилось в *tɛrɛt*, а после падения редуцированных — в *torot* (при закрытости слога). На всей остальной территории второе полногласие проявилось только в отдельных немногих словах, став лексикализированным явлением.

2. *o* || *o:δ*. Исчезновение древних интонационных различий, сменившихся экспираторным ударением, на восточнославянской территории происходило неравномерно и дало неодинаковые результаты. Примерно в XI—XII вв. (перед падением редуцированных) в южных и западных диалектах, а также смоленско-полоцких говорах с образованием экспираторного ударения акутовый и циркумфлексный *o* совпали в одном гласном *o*, тогда как на северо-востоке циркумфлексный *δ* преобразовался в *o* открытый, а акутовый *δ* — в *δ* закрытый (с его монофонгическими и дифтонгическими вариантами). Произошло это, по-видимому, в XII—XIII вв. Таким образом, в XI—XII вв. образовались две зоны: *o* с экспираторным ударением — *δ* циркумфлексное и *δ* акутовое, а с XII—XIII вв. *o* — *o* открытый и *δ* закрытое. Но уже довольно рано (с XV—XVI вв.) процесс падения закрытого *δ* как самостоятельной фонемы начался и на северо-востоке. К настоящему времени различие *o* и *δ* в виде островов сохраняется как в северновеликорусских, так и в средне- и южновеликорусских говорах. В литературном произношении нет никаких следов различия *o* и *δ*, что обусловило интенсивное вытеснение этого явления и в диалектной речи.

3. Изменение *ě* в безударном положении. В то время, когда исчезали интонационно-квантитативные различия и устанавливалось экспираторное ударение, началось падение фонемы *ě* в безударном положении. Процесс этот начался в XI—XII вв. в смоленско-полоцких говорах, большинство которых в XIII в. утратило эту фонему и под ударением. Следовательно, в XI—XII вв. восточнославянские диалекты были разделены на два ареала: смоленско-полоцкий диалект, где *ě* совпало с *e*, и все остальные диалекты, в которых фонема *ě* сохранялась. По наличию различных комбинаций аллофонов *ě* остальные диалекты также распались на различные группы.

4. Различение *ы* и *и* — совпадение *ы* и *и*. Как известно, некоторые старославянские памятники (Саввина книга и др.) отражают процесс совпадения *ы* и *и* в одном гласном в южнославянских языках, начавшийся несколько позже и в чехословацкой области. Сближение *ы* и *и* и затем их совпадение, сначала, по-видимому, имевшее позиционный характер, в XI—XII вв. началось и на восточнославянском юге. Оно реализовалось раньше сближения и совпадения *ѣ* и *и*, иначе «новый» *и* разделит бы судьбу *и* исконного. Явление это распространялось постепенно и охватило не все области восточнославянского юга. Отголоском сохранения на юге в ряде диалектов древнего различия *ы* и *и* являются некоторые современные карпатские говоры, в которых продолжают звучать *ы* и *и*. Центральные и северные земли восточного славянства в XI—XII вв. (и позже) противопоставлялись по судьбе *ы* и *и* большинству районов юга.

5. Изменение *е* в *о* перед твердыми согласными — отсутствие или частичность такого изменения. Вначале изменение *е* в *о* имело место только после *ј* и шипящих согласных. Вопреки широко распространенному мнению, согласно которому такое изменение было общевосточнославянским, можно предполагать, что в XI—XII вв. оно охватило только южные говоры, поскольку в XI—XII вв. написание типа *чоловѣкъ, жона, врьжонѣ* и пр. встречаются только в памятниках южной письменности. Следовательно, в это время возникает фонетическая изоглосса, которая делит восточнославянскую область на юг и север. Позже, когда происходит смягчение полумягких, положение изменяется: на севере в большинстве говоров (исключением были, по-видимому, вятчские земли) *е* под ударением изменяется в *о* после всех исконно мягких и смягченных согласных, тогда как на юге в общем сохраняется прежнее положение.

6. Сужение гласного *а* в *е*. Как свидетельствуют об этом памятники древнерусской письменности, примерно с XI в. в некоторых восточнославянских диалектах начинается сужение гласного *а* в *е* после исконно мягких согласных как под ударением, так и в ударяемом положении (обычно перед мягкими или полумягкими согласными). Первые примеры этого явления представлены в древне-новгородской письменности XI в. В то же время данная особенность не отмечается в древнекиевской письменности. Позже, когда устанавливается корреляция согласных по твердости-мягкости, создаются иные условия для сужения *а*. Древнее явление перекрывается новым, границы распространения которого не совпали с границами прежнего сужения, поэтому определить территорию древнего ареала не представляется возможным. Может быть, это были новгородско-псковские говоры и некоторые юго-западные.

7. Удлинение *о, е* перед редуцированными *ъ* и *ь* — отсутствие такого удлинения. Обычно предполагается, что удлинение (и затем

дифтонгизация и другие последующие изменения) *о, е* на восточнославянском юге произошло после падения редуцированных в условиях закрытого слога. В общем это верно. Однако А. И. Томсон, Н. С. Трубецкой и некоторые другие лингвисты заметили, что в этом объяснении имеется противоречие. Во-первых, непонятно, почему такого удлинения не произошло в других диалектах, в которых также образовались закрытые слоги, и, во-вторых, после прояснения редуцированных в сильном положении *о* и *е* совпали с *ъ* и *ь*, между тем как *о* и *е* из *ъ* и *ь* никакого удлинения не испытывали. Остается предположить, что перед падением редуцированных *ъ* и *ь* в слабой позиции в разных диалектах сокращались (но не до нуля звука) неравномерно и неодинаково. На юге сокращение оказалось более ощутимым, что и создало условия для некоторого удлинения *о* и *е* перед слабыми *ъ* и *ь*. Значит, начало данного явления можно относить примерно к XI—XII вв., т. е. ко времени перед падением редуцированных. Это явление охватило не только восточнославянский юг, но частично и запад. Разумеется, границы рефлексов *о* и *е* за их многовековую историю могли изменяться.

8. Упрощение сочетания *гн* — сохранение этого сочетания. В южно-восточнославянских памятниках начиная с XI в. появляются написание с *н* вместо *гн* (*разнѣвавься, изна* и др.), где упрощение происходит на стыке корня с приставкой. Вслед за А. Колессою и Л. А. Булаховским мы полагаем, что такое упрощение было на юге восточнославянской территории как одно из древних диалектных явлений, начало которого определить невозможно. Впоследствии эта южная особенность исчезла и не сохранилась в современном украинском языке (за исключением *знуцатися < *згнуцатися*). По-видимому, независимо от юга упрощение сочетания *гн* происходило и в некоторых северных говорах (не только на стыке корня с приставкой, но и в других позициях). В настоящее время северное упрощение *гн* хорошо прослеживается в новгородско-псковских говорах, но уже в явно лексикализированном виде, что указывает на его архаичность.

9. Локальные ареалы рефлексов *ѣdj, ѣgj, ѣg'*. Выделяются три типа рефлексов указанных исходных сочетаний. На северо-западе уже с XI в. в письменности появляются написание *жг*, фонетическая значимость которых вызвала оживленную дискуссию, которая остается далеко не законченной. Мы до сих пор не знаем, как произносилось это письменное *жг*. Во всяком случае за ним не стояло *ѣ'd'ѣ'*, так как этому противоречат написание типа *догзя, недогзя*, имеющиеся в древнепсковской письменности, скорее всего, на северо-западе произносились сочетания *ѣ'g'* или *ѣ'd'*, которые впоследствии были вытеснены общерусскими *ѣ', ѣ'ѣ'* (> *ѣ, ѣѣ*). Написание на юго-западе *жч* несомненно обозначали *ѣ'd'ѣ'*. На остальной восточнославянской территории затворный элемент аффрикаты был рано утрачен и произносилось *ѣ'ѣ', ѣ'*.

10. **Ареалы рефлексов *dj*.** Преобразование исходного сочетания *dj*, происходившего в эпоху формирования древнего языка восточных славян, протекало в разных местностях неравномерно. На северо-востоке аффриката $\overline{d'z}$ довольно рано (когда в точности мы не знаем) утратила свой затвор и изменилась в *ž*. Впрочем, северо-западные написания типа *рожьство* указывают на существование и другого рефлекса в Новгородско-Псковской области. На юго-западе утрата затвора в аффрикате $\overline{d'z}$ происходила замедленными темпами: в отдельных корнях слов сохранился архаизм $\overline{d'z}$, который позже в некоторых формах стал поддерживаться аналогией. В корнях слов аффриката $\overline{d'z}$ лексикализировалась.

11. **Билабиальный *w* — губно-зубной *v*.** Данные древнерусской письменности и современных говоров свидетельствуют о том, что по крайней мере в XI—XIII вв. восточнославянская языковая территория распадалась на две зоны. К зоне билабиального *w* относился весь юг и запад (включая верховья Днепра), верховья Оки и Дона и какая-то часть севера (некоторые новгородские говоры). Зона губно-зубного *v* охватывала владими́ро-суздальский северо-восток и значительную часть севера. Мы не знаем, когда возникло это диалектное противопоставление, поскольку вопрос о возникновении *w* и *v* во всей славянской языковой области продолжает оставаться спорным. Если верно, что древний восточнославянский язык унаследовал от праславянского языка билабиальный *w*, то губно-зубной *v* мы должны рассматривать как инновацию, возникшую в междуречье Оки и Волги и затем постепенно распространившуюся в соседние области. Во всяком случае поздняя история русских говоров указывает на расширение зоны губно-зубного *v* за счет билабиального *w*.

12. **Протетические согласные — отсутствие этих согласных.** Образование протетических согласных уходит в глубокую праславянскую древность, однако мы не знаем, различались по употреблению этих согласных диалекты праславянского языка или нет. Современные восточнославянские говоры различаются прежде всего по произношению протетических *w* и *h*(*γ*).

Протетический *w* перед начальными гласными *o* и *u* находит свое отражение в письменности начиная с XIII в. Как призвук *w* он несомненно возникает раньше этого времени и так или иначе охватывает всю территорию восточного славянства. Однако если на юге и западе он был явлением обычным, то чем дальше на северо-восток, тем больше его проявление становится все более ограниченным, лексикализированным. Иначе обстояло дело с протетой *h*(*γ*). Север и северо-восток не знают *h*, надо полагать, в древнерусскую эпоху не знали протетического *h*(*γ*). Не всюду он был распространен на юге и западе. Основным ареалом *h*(*γ*), по-видимому, были говоры теперешнего Полесья.

13. **Отверждение *r'* — наличие мягкого и твердого *r*.** Можно полагать, что очень рано (в X—XI вв.) в западных диалектах, расположенных в бассейне Припяти, началось отверждение мягкого *r'*, которое впоследствии в белорусском языке привело к полному устранению этого согласного. Из этого района тенденция к отверждению *r'* стала распространяться на юг и другие соседние области. Примеры с отвердевшим *r* встречаются уже в южнорусских памятниках XI—XII вв.

14. *tolt* > *tsüt* — сохранение *tolt*. Вероятнее всего, изменение согласного *l* в *š* имело место до падения редуцированных, о чем свидетельствуют укр., белор. *стойб* (< *stьlьbь*), но *голка* (< *igьlьka*). Такое различие естественнее всего можно объяснить тем, что *l* подвергался сильной лабиализации в закрытом слоге в результате реализации тенденции к открытому слогу, чего не могло произойти перед гласным *ь*. Лабиализация плавного — своеобразное частное проявление того же развития, которое имело место при образовании второго полногласия. Если оно осуществлялось одновременно со вторым полногласием, тогда начало его возникновения мы должны отнести примерно к VIII в. Явление это охватило весь восточнославянский юго-запад.

Как и границы ареалов первой группы, границы рассмотренных здесь явлений, как правило, не совпадают с границами современных восточнославянских языков, поскольку они возникли до сложения этих языков. Однако некоторые из этих явлений впоследствии становятся характерными особенностями одного какого-либо языка: совпадение *ь* и *i*, изменение *e* в *o* после исконно мягких согласных — украинский язык, полное отверждение мягкого *r'* — белорусский язык, сохранение плавного *l* в сочетаниях *tolt*, развитие корреляций твердый *r* — мягкий *r'* — русский язык. Близилось время формирования современных языков.

Третья группа фонетических ареалов

1. **Судьба *ō*, *ē* в новых закрытых слогах.** На территории современной Украины и южной Белоруссии удлинившиеся перед гласными *ь*, *ь* в слабой позиции (перед их падением) *ō*, *ē* стали дифтонгизироваться, что нашло свое отражение в юго-западной письменности начиная с XII—XIII вв. Процесс дифтонгизации шел различными путями и дал неоднородные результаты. Гласный *ō* в подавляющем большинстве южных говоров примерно в XV—XVI вв. сузился в *i* — особенность, резко выделившая украинский язык в системе славянских языков. Гласный *ē* перед слабым *ь* и *ь* в новых закрытых слогах разделяет судьбу *ē*, но перед *ь* развивает разные рефлексy, по большей части сохраняясь. Дальнейшее развитие рефлексов *ō*, *ē* создает чрезвычайно сложную и до конца еще не выясненную картину дифтонгов и монофтонгов, столь характерную для современных украинских и южнобелорусских

говоров. Свообразное развитие имело *e* перед мягкими согласными в закрытых слогах во многих северновеликорусских говорах, в значительной мере совпав в своей судьбе с *ě*. Процесс этот (начиная с XIII в.) протекал независимо от юго-западной зоны.

2. Отпадение начального *ǰь — сохранение его рефлекса. По-видимому, еще до падения редуцированных праславянское начальное *ǰь на восточнославянской почве в своем изменении дало два различных результата: *ǰ-* и *i-*. Восточнославянская языковая область распалась на две зоны: *ǰ-* — на юго-западе и *i-* — на северо-востоке. С падением редуцированных на юго-западе начальный *ǰ* разделил судьбу *ь* в слабой позиции, а *i-* на северо-востоке сохранился. Отпадение *ǰ-* в юго-западной письменности отмечается с конца XIII в. Написания без начальной буквы *и-* в этой письменности в XIV—XV вв. становятся обычными.

3. Рефлексы сочетаний *trst*, *tlst*, *trbt*, *tlbt*. Можно думать, что перед падением редуцированных (в XI—XII вв.) на юго-западе и северо-востоке восточного славянства наметились две тенденции в развитии указанных сочетаний: дальнейшее ослабление *ъ* и *ь*, приведшее к их исчезновению, и, наоборот, усиление этих *ъ* и *ь* и позже прояснение в *о* и *е*. Падение редуцированных резко разграничило юго-запад и северо-восток. На юго-западе на месте исчезнувших редуцированных развиваются вставочные *у* и *и* (обычно после плавных, частично — в карпатских говорах — перед плавными). Ареал выпадения *ъ* и *ь* на севере достигал псковско-новгородских пределов (ср. в современных северных говорах лексикализированное *кстить*, также *Псков*). Первые написания типа *ры*, *лы* фиксируются с XIII в. В дальнейшем украинская и белорусская территории отличаются друг от друга качеством произношения *у* и *и*. На северо-востоке написания *ро* и пр. начинаются с XIII в.

4. Рефлексы *ǰj*, *ǰj*. Как и в предыдущих случаях, различие рефлексации *ǰj* и *ǰj* в юго-западной и северо-восточной зонах было вызвано наметившимся различием в произношении *ǰ* и *ǰ* перед падением редуцированных; что и предполагают некоторые исследователи, выдвигающие на этот счет разные гипотезы. С падением редуцированных в личных формах глаголов, в именительном падеже единственного числа мужского рода членных прилагательных, в формах повелительного наклонения и некоторых существительных (*stja) на юго-западе развиваются гласные *у*, *и*, а на северо-востоке — *о*, *е*. Позже в особой зоне (между русским и белорусским языками) на месте *ǰ* возникает *э*, не смягчающее предшествующий согласный. Произношение *-ой*, *-ей* становится характерной и оригинальной чертой русского языка. Украинский и белорусский языки, унаследовавшие одну общую особенность, стали отличаться друг от друга качеством произношения *у* и *и*.

5. Сочетания *кы*, *гы*, *хы* — *ки*, *ги*, *хи*. В XII и первой половине XIII в. существуют две диалектные зоны временного характера. Первая, днепровская, зона имела в это время смяг-

ченные *ки*, *ги*, *хи*, тогда как остальные восточнославянские говоры сохраняли архаичные *кы*, *гы*, *хы*. Со второй половины XIII в. смягченные сочетания начинают распространяться и в других областях.

6. Отвердение согласных перед *e* и *i* — развитие смягчения в этой позиции. В XII—XIII вв. в южных диалектах полумягкие согласные в положении перед *e* и *i* (уже начавшим совпадать с *у*) отвердевают, что является одной из характернейших фонетических особенностей украинского языка. На остальной восточнославянской территории установление корреляции твердость-мягкость согласных распространяется и на эти позиции (исключая положения после *р* в западной зоне). Отмеченное в некоторых русских говорах произношение согласных перед гласными переднего ряда (изредка и в конце слога) как полумягких и редко твердых имеет иное происхождение и неустановленную хронологию.

7. Дзеканье и цеканье — отсутствие этого явления. В процессе смягчения полумягких согласных в западных диалектах развивалась фрикация смягченных *д'* и *т'* перед гласными переднего ряда, смягченными и мягкими согласными и в абсолютном конце слова (когда *д* и *т* были полумягкими). Эта особенность стала характерной чертой белорусского языка. Явная или ослабленная фрикация *д'* и *т'*, распространяясь с запада на восток, проникла и в некоторые русские говоры.

8. Рефлексы новых сочетаний согласных с *j*. Падение редуцированных вызвало возникновение сочетаний согласных с *j*, которые в дальнейшей своей истории имели неодинаковую судьбу. На всем юго-западе сочетания переднеязычных (редко и других) согласных с *j* изменились в двойные мягкие согласные, которые в ряде говоров упростились в один согласный. Двойные мягкие согласные из главных очагов своего образования распространились на восток, захватив значительную часть западной русской территории. В юго-западной письменности данное явление начало отражаться с XII—XIII вв. Наличие сочетаний согласных с *j* в центральнобелорусских говорах по всей вероятности позднее по своему происхождению. Двойные согласные имеются и в некоторых северновеликорусских говорах. Происхождение их является спорным.

9. Прогрессивное смягчение заднеязычных согласных — отсутствие такого смягчения. В связи с развитием категории мягкости-твердости согласных примерно в XIV в. возникает прогрессивное смягчение заднеязычных (прежде всего и главным образом согласного *к*). Это смягчение охватило большую часть южнобелорусских говоров и значительную часть говоров северновеликорусских. В остальных восточнославянских областях оно неизвестно.

10. **Отверждение губных** — смягчение губных согласных в некоторых позициях. Полумягкие губные согласные в абсолютном конце слова отвердели на всем юго-западе, а также во многих русских говорах. Развитие их мягкости имело место главным образом в центральных русских говорах и русских говорах северо-востока. Особую зону заняло отверждение губных перед *a* (*njam'*, *ж/жн* и т. п.) — это явление охватило Украину и южную часть Белоруссии.

11. **Сохранение звонкости согласных** — оглушение звонких согласных. Примерно с XIV в. начинается оглушение звонких согласных, по-видимому, сначала перед глухими согласными, потом — на конце слова. Однако в некоторых областях звонкость в этих позициях сохранилась. Первоначально она сохранилась на всем юге (позже в юго-западных украинских областях началось до сих пор не завершённое оглушение) и частично на западе (юг и особенно юго-восток Белоруссии). Незначительные островки сохранения звонкости согласных имеются и на русской территории.

12. **Упрощение сочетания *вл*** — сохранение этого сочетания. На северо-западе (Новгородско-Псковская область) происходит упрощение сочетания *вл* (*вл > л*), которое в письменности начинает отражаться с XIII в. На всей остальной восточнославянской территории *вл* изменению не подвергается.

Вышеприведенные изменения отнюдь не исчерпывают список диалектных фонетических явлений, возникших в результате падения редуцированных гласных и других поздних процессов. Эти явления были многообразны и продолжали нарастать, в результате чего и создавалось неповторимое своеобразие современных восточнославянских говоров. Однако и те особенности, которые нами рассмотрены, в достаточной мере характерны. В XII—XIV вв. возникают явления, которые становятся отличительными чертами современных восточнославянских языков. В то же время складываются совокупности явлений (единицы структурно-системного порядка), свойственные каждому из этих языков (что надлежит еще исследовать).

Вместе с тем границы между новыми близкородственными языками еще довольно неустойчивы и проницаемы для разного рода инноваций, еще продолжают образовываться зоны, не совпадающие с этими намечающимися границами. Не прекращается и процесс возникновения и узко локальных особенностей, свидетельствующих о нарастании диалектных отличий внутри новых языковых единиц.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МОРФОЛОГИИ

В прежних историко-диалектологических исследованиях восточнославянских языков морфология занимала скромное место. Предполагалось, что грамматический строй изменялся медленно и постепенно, изменения в нем почти всегда охватывали всю территорию языка и в древности морфологических диалектизмов было ничтожно мало или их вовсе не было. Эта традиционная точка зрения была прямым следствием упрощенных представлений о языке как об идеальном единстве исходной грамматической системы. Допускалось, что в праславянском и прарусском языках могли быть фонетические и лексические отличия, но грамматические диалектные расхождения не касались. Однако грамматика не могла быть исключением. Грамматические изменения состояли не только из возникновения новых и замены старых формантов. Возникали новые значения, происходило перераспределение слов в основах склонения и глагольных классах, одни типы или классы оказывались продуктивными, другие — отмирающими, причем все эти процессы в разных говорах развивались неравномерно, что и создавало диалектное разнообразие. Работы по исторической восточнославянской диалектологии последних двух-трех десятилетий показывают, что наши сведения о диалектных ареалах морфологических явлений возрастают и число этих ареалов, происхождение которых относится к разным историческим эпохам, заметно увеличивается. Материалы славянских лингвистических атласов и дальнейшее интенсивное изучение языка письменных памятников различных географических областей несомненно откроют новые диалектные зоны морфологических явлений и уточнят или даже существенно изменят наши теперешние представления об этом предмете.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В СКЛОНЕНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Уже древнейшее славянское склонение имен теряло архаический тип, который представлял собой чистую корневую основу. Особые показатели, которые группировали слова в разные типы склонения, слились с корнем, составляя вместе с ним единую имен-

ную основу. Остатком древнеиндоевропейской корневой основы считается праслав. *kry 'кровь'. Уже в общеславянском языке им. пад. *kry был вытеснен формой вин. пад. *kryъь, что позже перевело это слово в склонение основ на *-i. Однако в старопольских памятниках XIV—начала XV в. сохранилось *kry*. Та же архаическая форма представлена в полабск. *k(a)rbī*, др.-словенск. *kri*, в современных хорватско-чакавских и словенских говорах — *kri*. Это ясно указывает на то, что общеславянский язык распадался на две диалектные зоны: зону архаизма *kry и зону новообразования *kryъь (в значении именительного падежа), причем несомненно происходило расширение зоны новообразования за счет зоны архаизма.

Первоначальные значения показателей основ склонения были давным-давно утрачены. А что такие значения были, на это хотя бы косвенно указывают до сих пор сохранившиеся значения основ **-ent* и **-er*: слова с **-ent* были названиями детенышей (ст.-слав. *теля*—*теляте*, русск. *теленюк*—*телята* и все прочие имена с *-ят-*), а с **-er* — относились к названиям родства (ст.-слав. *мати*—*матере*, *дѣшти*—*дѣштере*, *братръ*). Утрата первоначальных значений превратила показатели основ в чисто формальный элемент имени, что создало условия для всякого рода фонетических и морфологических изменений исходных типов склонения. Уже в древнейшем периоде жизни общеславянского языка одни типы склонения становятся продуктивными, а другие, наоборот, отмирающими. Основы склонения на гласные постепенно вытесняют склонения основ на согласные, причем этот длительный процесс завершается после распада общеславянского языка в отдельных славянских языках. Фонетические изменения конца слова привели к перераспределению основ и окончаний (в пользу последних), что еще больше затемнило древнейшую структуру склонения и дальнейший отход от исходных позиций. Постепенно складываются новые тенденции, которые определяют особенности склонения имен существительных современных славянских языков: воздействие на группирование слов в то или иное склонение грамматического рода, совпадение форм именительного и винительного падежа единственного числа слов мужского, среднего и отчасти женского рода, унификация падежных форм твердой и мягкой равновидности одного и того же склонения и форм множественного числа и некоторые другие. Все эти сложные процессы в условиях стихийного развития языка приводили к значительному колебанию, вариантности форм в одном и том же говоре. Естественно, что на всей славянской территории эта вариантность не могла быть абсолютно одинаковой. Непрерывно возникали диалектные различия, которые напластовывались друг на друга и сменяли друг друга с самого начала существования общеславянского языка. Поскольку в системе склонения регулярность всегда преобладает над вариантностью, то диалектные варианты обычно поглощались

регулярностью, поэтому огромное большинство древних диалектных ареалов, создававшихся в сложном процессе развития склонения, надо полагать, полностью было «перекрыто» последующими изменениями, стерто и безвозвратно потеряно для науки. Все же кое-что несомненно будет обнаружено.

Сказанное выше относится, разумеется, и к древнерусскому языку, в котором с самого начала его истории имелись диалектные ареалы, унаследованные от общеславянской эпохи и вновь возникшие. Примером древних диалектных ареалов может послужить неравномерный распад склонения древних основ на -i. Еще в общеславянскую эпоху в ряде диалектов форма именительного падежа единственного числа стала заменяться формой винительного падежа. В древнерусском письменном языке от этого склонения сохранились лишь остатки в виде отдельных словоформ. Такие слова, как общеслав. *kry (о нем см. выше) и *bry 'бровь', известны только в формах *кръвь* и *бръвь*, употреблявшихся и в значении именительного падежа. *Брады* 'секира', 'топор' употребляется лишь в церковнославянских текстах, и неизвестно, было ли оно в живой речи восточных славян, но и в этих текстах именительный падеж не отмечен, а форма *брады* наряду с *брадьвъ* употреблена в значении винительного падежа. *Буки* в именительном падеже единственного числа тоже не зафиксировано (за исключением названия буквы б, пришедшего на Русь вместе с письменностью из Болгарии). Древнее *žьrny в именительном падеже выступает только в форме *жърньвъ* (*жърньовъ*, *жърновъ*). Иначе представлено *любы*. В ряде памятников, преимущественно старославянского происхождения, сохраняется архаическая форма, которая изредка встречается и в ранних оригинальных памятниках, ср. *и бѣ миръ межъ ими и любы* (Повесть временных лет, 996 г.). Однако наряду с этой формой в значении именительного падежа употребляется и *любовь*. Форма *любы* используется также и для обозначения именительного множественного числа (*исакинуть любы многихъ* — евангелие 1358 г.). Не исключено, что *любы* в правильном значении еще сохранялось в некоторых говорах XI в., но очень рано эта форма или потеряла это значение, или вовсе исчезла из живой речи. Довольно выдержанно употребляется в именительном падеже *неплоды* 'бесплодная (о женщине)', но это слово встречается исключительно в церковнославянских текстах и в древней Руси было книжным. Только в форме винительного падежа, распространенной и на именительный, отмечены *тыкъвъ* 'тыква', *хоругъвъ* 'знамя', 'стяг', 'хоругвь' (Изборник 1073 г., Слово о полку Игореве, Ипатьевская летопись под 1229 г. и др.). Именительный падеж слова 'церковь' выступает в двойной форме: *църки* и *църкъвъ*, причем архаическая форма встречается и в летописных записях. Также не исключено, что форма *църки* могла в ранний период христианства на Руси употребляться в живой речи.

Особый интерес представляют для нас слова *свекры* 'свекрови' и *ятры* (< *ятры*) 'жена брата', которые несомненно относились к исконному словарному фонду восточных славян. Можно считать, что очень рано, еще во время распада общеславянского языка, в одних диалектах удерживалось в значении именительного падежа *свекры* и *ятры*, а в других стали употребляться *свекръвъ* и *ятръвъ*. Остатком архаической формы является *свекры*, употребляющееся в окаменелом виде (во всех падежах) в современных рязанских, севернотульских и некоторых других южновеликорусских говорах. Ср. *свекры Ирина* в елецком документе 1660 г. (по указанию С. И. Коткова). Безусловно, ареал *свекры* в течение веков сужался. Однако остается фактом, что часть древнерусских диалектов сохраняла архаическую форму, другая же часть ее утратила. В старопольских памятниках XIV—XVI вв. имеются *svékry* и *jętry*, в ряде хорватских говоров употребляются *tiki* (< *tyky*), *smoki* (< *smoky*), *crki* (< *сърку*). Склонение основ на *-i* сокращалось от слова к слову. Совпадение в нем форм именительного и винительного падежей и последовавший за этим перевод слов в другие типы склонения осуществлялись во времени и пространстве неравномерно, постоянно создавая многочисленные (по каждому слову) диалектные ареалы, географические очертания которых все время изменялись.

В предлагаемых ниже очерках мы остановимся только на тех диалектных явлениях, сведения о которых более или менее уже собраны.

1. Формы родительного падежа единственного числа основ на *-a(-ja)*

По данным древнерусской письменности, уже в XI в. имел место процесс ликвидации древнейших разновидностей твердого и мягкого склонения основ на *-a(-ja)*. В устной речи этот процесс, надо полагать, начался еще раньше. В мягком склонении вместо *-iъ (-ьъ)* в родительном падеже появляется *-и (ы)*: *изъ отроковичи, преподобныхъ Евфросини* (Минея 1095 г.), *пророка Захарии, святыхъ Мариа египтянини, святыхъ Марии* (Стихирарь 1157 г.), *отъ судии* (Житие Феоодосия Печерского по списку XII в.) и т. п.¹ А. И. Соболевский указывает, что такие примеры встречаются в памятниках XI—XII вв., как новгородских, так и киевских, однако он тут же замечает, что «памятники XIII—XIV вв., особенно севернорусские (разрядка наша, — *Ф. Ф.*), имеют формы на *и* очень часто».² Ломка и унификация старых типов склонения протекали

в течение длительного времени. Варианты *-ъ* и *-и* сосуществовали долго, пока один из них не побеждал окончательно. По говорам процесс этот протекал неравномерно. Наиболее интенсивным он был на новгородском севере.

По данным Л. И. Молодых, в новгородских грамотах³ подавляющее большинство случаев употребления родительного падежа мягкой разновидности приходится на *-и*, а старая форма *-ъ* встречается редко. В Синодальном списке 1-й Новгородской летописи окончание *-ъ(e)* в мягком склонении обычно выступает в словах церковного обихода. Новая форма *-и* «совсем вытеснила *-ъ(e)* из словаря бытового содержания, географических восточнославянских названий: *оу Лоукни оулици; из грѣчьскѣ земли; доша до Копорѣ; до гребли* и др.»⁴ Показательны в этом отношении новгородские берестяные грамоты: на 16 случаев окончания *-ъ(-e)* приходится 24 случая окончания *-и*, причем лексические примеры безразличны: *пшенице* (грамота № 211) и *пшеници* (№ 136), *Ѡ Грикии* (№ 11) и *у Ратие* (№ 348) и т. д. Судя по этим грамотам, можно сказать, что в новгородском диалекте XI—XII вв. окончания *-ъ(e)* и *-и* были равноправными или почти равноправными вариантами. Новое окончание встречается в грамоте XI—XII вв. (№ 84): *оу господыни*, а старое — в грамоте XIII и XIV вв.: *Ѡ попадек* (№ 212), *на лидиѣ* (= *лодиѣ*) (№ 131) и др. Ударное и безударное положение окончания здесь тоже не имело значения.

По наблюдениям И. Э. Еселевич, окончание *-и* в галицко-волынской письменности проявляется позже, чем в северо-западной.⁵ Наличие в современном украинском языке окончания *-и* (< *-ъ*) (*землі, волі, душі* и т. п.) расценивается украинистами как сохранение древнего окончания *-ъ*.⁶ Украинский язык в отличие от русского и белорусского сохраняет в родительном падеже различие между твердым и мягким склонением: *води — землі*.⁷ Следовательно, когда на севере в XI в. (а может быть, и раньше) началось смещение в родительном падеже твердых и мягких основ, на юге имелись говоры, не знавшие этого явления. Где проходила граница

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949. Цит. по: Л. И. Молодых. Именное склонение в новгородских грамотах старшей поры. Уч. зап. Мордовск. ГПИ, вып. VI. Саранск, 1957, стр. 144—145.

⁴ М. Ф. Паракхина. Имена с основой на *-a* в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. В кн.: Вопросы русского языковедения. Книга вторая. Львов, 1956, стр. 102.

⁵ И. Э. Еселевич. Исследование о языке записей и приписок XI—XVI веков на древнерусских пергаментных рукописях. Автореф. канд. дисс. Кавань, 1965, стр. 12.

⁶ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови. Київ, 1956, стр. 68.

⁷ Т. П. Ломтев. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. М., 1961, стр. 57.

¹ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 181. — Те же примеры в кн.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 82.

² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка.

между этими диалектными особенностями, определить нельзя. Если учесть, что новое окончание *-и* охватило всю русскую и белорусскую территорию и известно в некоторых южных памятниках ранней поры, то можно предположить, что архаическое состояние сохранялось в какой-то части южных восточнославянских диалектов. Невозможно согласиться с Л. С. Измайловой, которая считает, что на юге к началу XII в. вытеснение формы *-ѣ* формой *-и* было уже завершено.⁸ Ее заключение основывается на изучении языка Макарьевского списка «Хождения» игумена Даниила. Указанный список относится к XVI в., написан на севере и никак не может свидетельствовать о состоянии склонения на юге в XII в.

Граница между смешением и различием *-ѣ* и *-и* несомненно не была постоянной. Нужно также учесть, что формы типа *от земли, от свиные*, встречающиеся в русских говорах, являются поздними по своему образованию и не могут рассматриваться как продолжение древнего *-ѣ*.⁹

Новое окончание *-и* появилось в результате сложных грамматических воздействий, прежде всего выравнивания формы родительного падежа (при наличии *-ы* в твердом склонении эквивалентом этого *-ы* является *-и* в мягком склонении). Когда стало происходить это выравнивание, оно могло иметь свою «обратную сторону»: *-ѣ* из мягкого склонения могло заменять собой *-ы* в твердом склонении. Так оно и случилось, причем диалектная неравномерность развития этого явления похожа на замещение формы *-ѣ* формой *-и*, хотя и далеко не во всем совпадает.

Замещение окончания *-ы* окончанием *-ѣ* проявляется также в памятниках XI в., а в устной речи оно, вероятно, началось еще раньше. Многочисленные примеры, собранные А. И. Соболевским, почти все приходятся на новгородско-псковские памятники XI—XV вв.: *съ высотѣ* (Миня 1096 г.), *съ полузривѣ* (Русская Правда по списку 1282 г.), *отъ Козодоеве лавици* (псковский Трефолой 1446 г.) и т. д. Эта форма нашла свое распространение и в северодвинских грамотах XIV—XV вв., а отчасти и в северовосточной письменности.¹⁰ О том же свидетельствуют и примеры, которые приводит А. А. Шахматов.¹¹ «Характерной севернорусской чертой» называет это явление С. П. Обнорский.¹² Формы *ищуци себѣ чти а князю славѣ; уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ, как и тяжко ти головы кромѣ плечю*, имен-

⁸ Л. С. Измайлова. Именное склонение в «Хождении» игумена Даниила. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 11.

⁹ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Единственное число. Л., 1927, стр. 87.

¹⁰ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 183.

¹¹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 345.

¹² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 19.

щиеся в «Слове о полку Игореве», он относит к «новгородскому диалекту последнего писца памятника или предшествующего его переписчика».¹³

Преимущественное концентрирование случаев употребления *-ѣ* вместо *-ы* в новгородско-псковской письменности отмечают и позднейшие исследователи. По подсчету Л. И. Молодых, в новгородских грамотах старшей поры примерно треть всех словоформ родительного падежа единственного числа твердого склонения приходится на окончание *-ѣ*.¹⁴ А. Н. Добромysłова полагает, что новая форма к началу XIV в. в новгородском диалекте почти полностью вытесняет старую, которая в это время сохраняется лишь в небольшом количестве,¹⁵ что древнее двухвидовое женское склонение в этом диалекте к концу XIII—началу XIV в. утратилось.¹⁶ М. Ф. Парахина распределяет слова с окончанием *-ѣ* в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи по смыслу. Это имена новгородских посадников, восточнославянские географические названия, названия растений, термины родства и др., т. е. лексика обиходной речи (не книжная). Все же на *-ѣ(е)* в Синодальном списке приходится 18 случаев, тогда как на старую форму *-ы* — 138 случаев.¹⁷ Конечно, нужно считать показательными прежде всего данные берестяных грамот, язык которых лучше, чем другие письменные памятники, отражал живую речь древнего населения Новгородской земли. По моим подсчетам, на 21 случай правильного употребления старой формы *-ы* приходится 40 примеров новой формы, причем в хронологическом отношении *-ы* и *-ѣ(е)* распределяются по векам более или менее равномерно. Ранние примеры с *-ѣ(е)* имеются в грамотах XI—XII вв. (*полматѣ*, № 238; *Дрочке*, № 87, и др.), а поздние примеры с *-ы* наличествуют в грамотах XIV—XV вв. (*василевы рыбы*, № 169; *Вавулы*, № 310, и др.). Ср. также подсчеты употребления *-ѣ(е)* и *-и* (см. выше). Таким образом, берестяные грамоты свидетельствуют о том, что в новгородской речи XI—XIV вв. твердая и мягкая разновидности склонения основ на *-а (-ја)* в родительном падеже единственного числа были смешаны, их раздельное существование исчезло, но окончания *-ы* и *-ѣ(е)* сохранились, являясь почти равноправными вариантами одного склонения. Возможно, между этими вариантами в устной речи намечалась какая-нибудь дифференциация, но у нас пока нет данных, чтобы судить об этом. В XIV—XV вв. на северо-западе происходит существенная перемена: в процессе унификации падежных форм окончания роди-

¹³ Там же, стр. 155.

¹⁴ Л. И. Молодых. Именное склонение... стр. 142.

¹⁵ А. Н. Добромysłова. К истории форм женского склонения в древнем новгородском говоре. Вестн. МГУ, Сер. VII, 1961, № 4, стр. 46—47.

¹⁶ А. Н. Добромysłова. К интерпретации одного явления падежного синкретизма в древнем новгородском говоре. ВЯ, 1961, № 6, стр. 83.

¹⁷ М. Ф. Парахина. Имена с основой на *-а*... стр. 100—101.

тельного падежа -ы, -и (вытеснившее -ѣ в мягкой разновидности) переносятся в дательный и местный падежи: на одной *страны* (Сильвестровский сборник XIV в.), *ко святыма Козмы и Дамьяну* (Пролог 1400 г.) и т. п.¹⁸ В XVI—XVII вв. число подобных примеров в северо-западной письменности резко возрастает. Новая система «накладывается» на старую, что приводит к вытеснению формы -ѣ. А. Л. Мирецкий устанавливает, что в «Описи торговой стороны в писцовой книге по Новгороду великому XVI века» (СПб., 1912) и в новгородских бобыльских порядных 1623—1685 гг. в родительном падеже обычно окончание -ы, а окончание -ѣ составляет всего 14.7% словоформ.¹⁹ В современных северо-западных говорах господствует в родительном, дательном и предложном падежах окончание -ы (-и), хотя -ѣ кое-где пережиточно сохраняется; ср., например, в селигерских говорах: *с той стороне, много земле, у жене, у сестре* и т. п.,²⁰ в юго-западной части псковских говоров: *у сестре, для жене*²¹ и др.

В настоящее время окончание -ѣ(-е) наиболее распространено в южновеликорусском наречии, особенно в его западной половине. Достаточно хорошо представлено оно в южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. Из-за отсутствия более ранних памятников южновеликорусской письменности мы не знаем, когда стало развиваться данное явление на этой территории. Можно только предполагать, что оно возникло довольно рано, если учитывать, что начало смещения и унификации падежных окончаний проявляется в самых ранних древнерусских памятниках. Известно окончание -ѣ (-е) во многих средневеликорусских говорах, островками встречается в говорах северновеликорусского центра и северо-востока. Ср., например, в -ярославских говорах: *у хозяйке, из избы*²² и др. Однако для большинства вологодских и северо-восточных говоров оно не характерно. В современных русских говорах окончание -ѣ (-е) сосуществует вместе с -ы и -и, причем намечается некоторая дифференциация этих форм.²³ В прошлом окончание -ѣ (-е) было не чуждо и русскому литературному языку, встречаясь у таких писателей, как Грибоедов и

¹⁸ Примеры приведены у А. И. Соболевского: Лекции по истории русского языка, стр. 202—203.

¹⁹ А. Л. Мирецкий. К вопросу об истории форм родительного, дательного и местного падежей singularis женского склонения в новгородском говоре. (По материалам новгородских деловых памятников конца XVI—XVII вв.). Вестн. ЛГУ, 1965, № 4, стр. 136.

²⁰ М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.—Л., 1949, карта № 23.

²¹ Л. И. Царева. Говоры юго-западной части Псковской области. (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. Л., 1954, стр. 18.

²² О. А. Соцкова. Говоры Мышкинского Поволжья (Ярославская область). Фонетика и морфология. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 12.

²³ Русская диалектология. Под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 103—104.

Пушкин.²⁴ Ср. остаток его в поговорке «у голодной куме хлеб на уме».

Форма -ѣ изредка встречается и в юго-западной письменности. Изредка она употребляется и в современных белорусских и украинских говорах. Е. Ф. Карский пишет, что форма на -е в родительном падеже единственного числа имен существительных на -а (-я) вовсе не свойственна белорусскому языку, но все же он летом 1895 г. в д. Жуки Сокольского уезда Гродненской губернии записал *од земле, из руке, хустка сястрэ, бочка вода, воз трава* и т. п. (с отвердением согласного основы, за исключением заднеязычных).²⁵ Ту же форму отмечает С. П. Обнорский в говорах б. Августовского уезда Сувалкской губ. и Городокского и Себежского уездов Витебской губернии.²⁶ Ср. также укр. *справді* и др.

В раннюю эпоху истории древнерусского языка замена формы -ы формой -ѣ была возможна на всей восточнославянской территории, однако в одних говорах эта замена реализовалась в единичных случаях и не была регулярной, в других же она приняла широкие размеры. Нам точно известно, что вариантность -ы и -ѣ в Новгородской области стала развиваться по крайней мере с XI в., если не раньше. Нам также известно, что эта вариантность была представлена в псковской и северодвинской письменности XIV—XV вв., в некоторых центральных и севернорусских памятниках того же времени, в южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. Можно в связи с этим выдвинуть два предположения: 1) указанная вариантность вначале возникла на новгородском севере, затем стала распространяться на юг через тверские, смоленские и московские земли в южновеликорусские области; 2) уже в XI в. или раньше окончание -ѣ вместо -ы употреблялось на обширной территории восточнославянского северо-запада, в западной части волго-окского междуречья и в верховьях Оки и Дона. Оба предположения вероятны, но ни одно из них доказать нельзя. В северо-восточных областях обобщение пошло по линии распространения окончаний твердой разновидности склонения на мягкую (*воды—земли*, дат. *водѣ—землѣ*, местн. *о водѣ—о землѣ*). Унификация разновидностей в форме родительного падежа, по мнению А. Н. Добромысловой, в этих областях была проведена уже в начале XIII в.²⁷ На юге главной тенденцией было сохранение в родительном падеже древних различий -ы и -ѣ, а на западе произошло то же, что и на северо-востоке

²⁴ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 96.

²⁵ Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 251.

²⁶ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 97.

²⁷ А. Н. Добромыслова. К интерпретации одного явления падежного синкретизма. . . , стр. 86.

(белор. *вады—зямы*). Во всяком случае уже в XI в. или раньше намечилось диалектное расчленение древнерусского языка по употреблению окончаний родительного падежа единственного числа склонения основ на *-a* (*-ja*). Крайние ареалы этого расхождения (крайний северный и южный) нам известны.

2. Окончания дательного падежа единственного числа имен существительных мужского рода

Воздействие склонения основ на *-й* на склонение основ на *-o* в дательном падеже началось очень рано. Уже в памятниках старославянского языка, особенно в Супрасльской рукописи, окончания *-ови*, *-еви* на месте *-у*, *-ю* довольно часто встречаются в собственных именах и названиях лиц: *Петрови*, *богови*, *господеви*, *мжжеви* и т. п. Распространение *-ови*, *-еви* было, по-видимому, общеславянским явлением и началось еще до возникновения славянской письменности. Однако это распространение в разных диалектных областях с самого начала его возникновения и особенно в дальнейшем было неравномерным, что привело к полной утрате в одних районах и, наоборот, к еще большему расширению в других данного окончания. В современных южнославянских языках (сохранивших именное склонение) *-ови*, *-еви* утрачено. В западнославянских языках окончания *-ови*, *-еви* получили широкое развитие. В польском языке в односложных и некоторых двусложных существительных обычно *-и* (*bratu*, *pani*, *ojcu*, *chłopi* и т. п.), а во всех остальных существительных, независимо от того, обозначают ли они категории живых существ или предметы, господствует окончание *-ови*.²⁸ В чешском языке существительные, обозначающие не-лица, имеют *-и*, но могут употребляться и с *-ови* (*věku* и *věkovi* и т. п.), в названиях же живых существ обычно *-ови*, хотя при обозначении животных нормально и *-и* (*oslu* и *oslovi*, *volu* и *volovi* и т. п.).²⁹ Известно окончание *-ови*, *-еви* и в других западнославянских языках.

История форм *-у* (*-ю*) и *-ови* (*-еви*) на восточнославянской почве является сложной. Исследователи уже с давних пор пытались уяснить себе их взаимосвязь и употребление в древнерусском языке. П. А. Лавровский в свое время предполагал, что окончание *-ови* (*-еви*) в древнерусской письменности было явлением чисто книжным, заимствованным из языка старославянских текстов, а в народном языке древней Руси его вовсе не было.³⁰ Как мы увидим ниже, это предположение не оправдалось.

²⁸ S. S z o b e r. Grammatika języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 166—167.

²⁹ Фр. Т р а в н и ч о к. Грамматика чешского литературного языка, I. М., 1950, стр. 309 и след.

³⁰ П. А. Л а в р о в с к и й. О языке северных русских летописей. СПб., 1852, стр. 37.

Рано был поставлен вопрос о диалектном распространении интересующей нас формы в древнерусскую эпоху. И. В. Ягич предположительно писал: «В связи с тем, что этой формы в современной великорусском наречии нет — она свойственна югу и юго-западу, — то встает вопрос, не обязан ли древнерусский литературный язык — чисто народного языка мы так и не знаем — значительным распространением этой формы во всех памятниках как юга, так и севера зарождению русско-славянской письменности именно на юге? Иными словами, не есть ли дательный падеж на *-ови*, *-еви* в древнерусском языке — южнорусская особенность? Я оставляю и этот вопрос пока без окончательного ответа, будучи уверенным, что будущие исследования не обойдут его молчанием».³¹ Окончательный ответ на поставленный И. В. Ягичем вопрос будет дан тогда, когда все древнерусские памятники с учетом их жанрово-стилистических различий будут обследованы с применением статистических подсчетов. И все же уже теперь накоплены материалы, которые позволяют с большой долей вероятности сделать определенные выводы.

Говоря о языке ранних древнерусских памятников, А. А. Шахматов еще в 1886 г. писал: «Окончание *-ови* мы находим как в собственных, так и во многих других существительных в древнерусском языке очень часто, причем как в северных, так и в южных памятниках».³² Позже А. А. Шахматов окончательно утверждает в своем мнении: «В современном великорусском окончании *-ови* неизвестно совсем. Но памятники доказывают, что его знал старый язык. Нет основания думать, что Новгородские и Суздальские летописи или Двинские акты употребляют формы на *-ови* под влиянием книжного южнорусского языка».³³ Как полагает А. А. Шахматов, окончание *-ови* на севере и северо-востоке исчезло сравнительно поздно, в процессе становления русского языка. Далее он приводит довольно много примеров на *-ови* из различных древнерусских памятников (старшим из них является *Георгиеви* из грамоты Мстислава около 1130 г.) без попытки установить частоту употребления этой формы в письменности различных местностей и ее стилистического использования. Он устанавливает, что *-ови* в раннем древнерусском языке получило особое значение: отличать имена одушевленные от неодушевленных. По его мнению, в связи с тем, что старые основы на *-o* заимствовали в родительном и местном падежах имен неодушевленных окончание *-у* из основ на *-й*, совпадавшее с дательным падежом (таким образом, в словах с неподвижным ударением все три падежа оказались тожде-

³¹ И. В. Я г и ч. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 106—107.

³² А. А. Ш а х м а т о в. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. СПб., 1886, стр. 199.

³³ А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка, стр. 257.

ственными, ср. *Торжку*), окончание *-ови* стало ассоциироваться с другими окончаниями в склонении имен мужского рода, именно с окончаниями *-а* и *-ѣ* (род. и местн. пад.), которые были единственно возможными в склонении имен одушевленных. Значению одушевленности с окончаний *-а*, *-ѣ* перешло на окончание *-ови*. Однако уже довольно рано на юге и западе *-ови* стало употребляться и в склонении имен неодушевленных (например, в Галицко-Волынской летописи в топонимических названиях типа *к Савнови*, *к Донови* и в других существительных с основой на *-jō*: *по ручаеви*, *к боеви* и т. п.), тогда как на севере такое применение окончания *-ови* «почти неизвестно».³⁴ Таким образом, по А. А. Шахматову, диалектное распространение окончания *-ови* в истории восточнославянских языков имело два этапа: 1) в древнерусскую эпоху юг противопоставлялся северу семантически и 2) во время разделения восточнославянских языков на юго-западе (в том числе и в белорусском языке) *-ови* сохранилось, а на севере и северо-востоке исчезло.

Положение А. А. Шахматова о преимущественном употреблении формы *-ови* в склонении имен одушевленных (прежде всего названий лиц) верно. Что касается объяснения самого «механизма» возникновения основного значения *-ови*, то оно представляется искусственным. Проникновение в склонение основ на *-о* окончаний *-у* (род. и местн. пад.) и *-ови* происходило одновременно, окончания *-а* и *-ѣ* были двузначными (применялись не только в склонении имен одушевленных, но очень широко и в именах неодушевленных), так что о переносе значения по ассоциации форм вряд ли можно говорить. Как заметила С. В. Фролова, к тому же имена не-лица имеют факультативное *-ови*, *-еви*. По мнению самой С. В. Фроловой, форма *-ови*, *-еви* употреблялась в склонении только тех имен, от которых образовались притяжательные прилагательные на *-ов* и *-ев*. Если же притяжательные прилагательные образовались с помощью других суффиксов (*-j*, *-b*), то дательный падеж имени имеет только окончание *-у*. С. В. Фролова обследовала Лаврентьевский список летописи и «Хронику» Георгия Амартола. Она отмечает, что эта соотношенность имеется как в собственных, так и в нарицательных именах со значением лица: *Александрови*, *Борисови* и т. п., но только *Брячеславу*, *Володимиру* и пр., *цареви*, *кесареви*, *стриеви*, *мужеви*, но только *князю*, *старцю*, *отцю*, *брату*. Впрочем, С. В. Фролова замечает: «Материал, извлеченный из двух памятников, требует проверки путем более широких наблюдений».³⁵ Это замечание совсем не лишне, так как в других памятниках встречаются исключения из сформулированного правила: *отъцеви*, *братови* и др., как и в Лаврентьевской летописи довольно

³⁴ Там же, стр. 259.

³⁵ С. В. Фролова. Об одной грамматической особенности древнерусского языка. Уч. зап. Куйбышевск. ГПИ, вып. 13, 1955, стр. 283.

часто употребляются *богови*, *господеви*. Объясняя дифференциацию употреблений окончаний *-у* (*-ю*) и *-ови* (*-еви*), как и других вариантов форм, создавшихся в результате разрушения старых типов склонения, надо всегда иметь в виду как воздействие многих других факторов (например, акцентологических), так и то обстоятельство, что в дифференциации окончаний часто намечались лишь тенденции, а не строгие закономерности. То, что употребления окончаний были факультативны, создавало широкие возможности разного рода колебаний и новообразований, неодинаково реализовавшихся в разных диалектах.

После А. А. Шахматова накоплено много новых материалов и наблюдений. Почти все исследователи отмечают распространение *-ови*, *-еви* в ранний период древнерусской письменности на всей восточнославянской территории, в том числе и на севере. В то же время констатируется факт, что степень (частота) употребительности этой формы на севере и на юге была неодинаковой. Т. А. Якубайтис приходит к выводу, что *-ови* в южнорусских памятниках «встречается очень часто, между тем в памятниках северной и восточной Руси число примеров дательного единственного на *-ови* крайне ограничено, а к XIV в. они исчезли совсем».³⁶ Того же мнения придерживается и П. С. Кузнецов: «Особенно широко распространены формы, унаследованные от склонения с основой на *-ѣ* (дат. пад. ед. ч. на *-ови*, им. п. мн. ч. на *-ове* и т. п.), в юго-западных памятниках и, в частности, в Волынской части Ипатьевской летописи. Много остатков старых форм с основой на *-ѣ* мы находим и в западных памятниках, т. е. в памятниках тех земель, где формировался белорусский язык».³⁷ И. Х. Тот даже приходит к выводу, что отличительной чертой древнего новгородского говора «по сравнению с южными и юго-западными говорами является отсутствие флексий *-ови*, *-еви* в дательном падеже единственного числа мужского рода».³⁸ И. Х. Тот полагает, что примеры с *-ови*, *-еви* в древненовгородской письменности являются продуктом влияния книжного языка. С этим, однако, трудно согласиться. В новгородских письмах на бересте *-ови*, *-еви* употребляются в применении к именам конкретных лиц в языке, насыщенном местными особенностями, наряду с *-у* (*-ю*), причем без какой-либо видимой стилистической окраски. Данные этих писем очень показательны, поскольку дательный падеж лица в них употребляется

³⁶ Т. А. Якубайтис. История окончания дательного единственного существительного мужск. рода в восточнославянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 7.

³⁷ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 13. Изд. 2. М.: УРСС, 2005.

³⁸ И. Х. Тот. К истории склонения имен существительных в русском языке. (На материале Музейного евангелия). *Dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen.* Материалы и сообщения по славяноведению. Szeged, 1962, стр. 9.

часто. Соотношение окончаний *-у (-ю)* и *-ови (-еви)* показывает, что хотя вариант *-ови (-еви)* не был чужд разговорной речи древних новгородцев, однако употреблялся он редко, что позже и вызвало его исчезновение. На 119 подсчитанных мною примеров дательного падежа лица на *-у (-ю)* в берестяных грамотах приходится всего 9 примеров форм на *-ови (-еви)* (7% всех случаев): *Ѡ Жировита къ Столнови* (грамота № 246, 1-я половина XI в., — самый ранний пример *-ови* в древнерусской письменности),³⁹ *от Гостяты к Васильви* (№ 9, XI в.), *посъли къ томоу мочжеви грамоту* (№ 109, XI в.), *Ѡ Петра грамота къ Влазнькови*. *То еси ты повѣдалъ къ Рожанътови* (№ 336, XI—XII вв.), *а водаи Михалеви* (№ 79, XII в.), *Ѡ Михала к атцеви* (№ 404, XIII в.), *а что обилие... житрови* (= Дмитрови) (№ 266, XIV в.), *Науму Соленови* (= Солену) (№ 44, XIV в.).

Интересно сопоставить эти данные с данными граффити Софии киевской. В этих граффити встретилось 22 примера дательного лица мужского рода, из них 11 примеров (половина) содержат *-ови, -еви* и 11 — *-у*: *Ставърови, Иванъви, Георгиеви, Васильви* (как в новгородской берестяной грамоте!), *Григореви, попови, Съмеоновъ[и], Фсънорови* (XII в.), *Лазореви забойнику* (XIII—XIV вв.), *Борисови* (без даты), *Павъллови* (без даты) и *Георгъви[ю]* (пример спорный, здесь может быть и *Георгиеви*), *Акуоню, Михаилу, Меркурию, Иоанъ, Петру; Феодулоу, Ивану* (дважды), *Никону и Феогностъ*. Правда, почти все эти примеры встретились в религиозной формуле «господи, помози рабу своему (имя рек)». Однако на севере и в этой формуле обычно *-у (ю)*, ср.: *гѣ помози рабу своему Ононму* (берестяная грамота № 203, XII—XIII вв.), *гѣ помози рабу своему Борису* (три раза на полоцких камнях XII—XIII вв.), *гѣ помози рабу своему Антону* (надпись на воздвизальном кресте новгородского архиепископа Антония, умер в 1238 г.) и др., а *-ови, -еви* встречаются редко (ср., например, надпись на новгородском кратире XII в.: *гѣ помози рабу своему Ѡглорови*; к сожалению, мы не знаем, кем был выбивший эту надпись мастер Братило — новгородцем или киевлянином). В примерах, взятых мною из труда Б. А. Рыбакова «Русские датированные надписи XI—XIV веков», выясняется та же картина: в формуле *господи помози*, содержащейся в надписях на памятниках севера, представлена почти исключительно форма дательного падежа *-у (-ю)* — *гѣ помози рабъ своему Костанътинъ* (надпись на дне кратира Софийской ризницы в Новгороде XII в.), *гѣ помози рабу своему Лазору* (надпись на напрестольном кресте Ефросинии Полоцкой 1161 г.), *гѣ помози*

³⁹ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 года. М., 1963, стр. 227.

рабу своему Василию в крещені именемъ Роговолоду (надпись на Роговолодовом камне у Друцка 1171 г.), *Михаиле помози рабъ своему Ѡеодоръ* (надпись XII—XIII вв. на племе, найденном на месте Липицких битв близ Юрьева Польского; правда, где и кто сделал эту надпись, неизвестно), *гѣ помъзи дому великъму* (надпись — граффито XII в. в развалинах храма в Смоленске), *гѣ помози рабу своему Кирилоу* (граффито 1279 г. в новгородской церкви Спаса на Нередице). Лишь только в надписи на змеевике XIV в. (тверского происхождения?) имеется *гѣ помози рабу своему Андрѣви*. Как видно из этих примеров, и в религиозно-словесных штампах окончание *-ови (-еви)*, хорошо представленное на юге, было редким на севере.

В дальнейшем форма *-ови (-еви)* вовсе исчезает на севере, изредка сохраняясь в письменных памятниках с ярко выраженной книжной стилистической окраской. Б. В. Куликов, исследовавший язык свыше 250 северо-восточных памятников 1380—1505 гг. по изданию «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» (т. I. М., 1952), отмечает, что в этих памятниках употребляется только окончание *-у (-ю)*.⁴⁰ Интересные цифры приводит Т. А. Якубайтис, изучавшая язык Уваровского списка XVI в. Московского летописного свода 1479 г.: на записи XI—XII вв. (южной по своему происхождению; 90 страниц текста) приходится 128 словоформ с *-ови (-еви)*, соответственно на XIII в. (60 стр.) — 37, на XIV в. (70 стр.) — 8 и на XV в. (100 стр.) — только 2 словоформы.⁴¹ Нет ни одного новообразования (неизвестного в «Слове о полку Игореве») в тексте «Задонщины». ⁴² Ни одного примера с формой *-ови (-еви)* не находит в южновеликорусской письменности XVII в. С. И. Котков.⁴³ Тот же результат получился и у М. Х. Партенадзе по данным языка русских грамот XVII в.⁴⁴ Другие исследователи, отмечавшие наличие окончания *-ови (-еви)* в русских памятниках XIV—XVII вв., дружно говорят о его книжно-стилистическом употреблении. «Флексия *-ови (-еви)* встречена только у слов: *бог, дом, господъ, муж, змий, царь*, притом в произведениях церковно-книжного стиля», следовательно, в языке второй половины XVI века эта

⁴⁰ Б. В. Куликов. Именное склонение в памятниках письменности северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Тр. Узб. гос. унив. им. Алишера Навои, Нов. сер., вып. 95. Самарканд, 1959, стр. 80.

⁴¹ Т. А. Якубайтис. История окончания дательного... стр. 8.

⁴² А. Н. Котляренко. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. XV, вып. 4, 1956, стр. 134.

⁴³ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 175—177.

⁴⁴ М. Х. Партенадзе. Значения дательного падежа в грамотах XVII века. О некоторых вопросах русского языка и литературы. Батуми, 1958, стр. 3—34.

флексия была неживой», — писал С. Д. Никифоров.⁴⁵ «В языке „Хождения“ флексия *-ови* стилистически окрашена и употребляется при цитации церковных текстов, рассказе о святых, о боге и т. п.»⁴⁶ О стилистической ограниченности окончания *-ови* пишут также М. А. Соколова,⁴⁷ С. В. Фролова⁴⁸ и другие исследователи.

По-видимому, на восточнославянском севере в речи основной массы населения в XIV—XVI вв. форма дательного падежа единственного числа имен мужского рода *-у(-ю)* бывших основ на *-о* становится единственной. Вариант *-ови, -еви,* и ранее бывший побочным, вовсе выходит из употребления. Изоглосса *-ови, -еви* постепенно передвигается все далее на юг. Передвижение этой изоглоссы захватывает и белорусскую территорию. Как отмечает Е. Ф. Карский, «древнейшие памятники западнорусского языка, не без поддержки, вероятно, соседних украинских говоров и польского языка, также знают это окончание».⁴⁹ Эти окончания в редких случаях выступают и в нарицательных именах, не обозначающих категорию лица: *ко ишеви, шленеви, розумови*. Все же «обыкновенным окончанием» является *-у(-ю)*, которое постепенно становится единственным. Однако на белорусской территории *-ови(-еви)* задерживаются дольше, чем на русской. А. А. Шахматов приводит примеры на *-ови(-еви)* из сокольских, гродненских, пинских, слупских, свенцицких и пружанских говоров белорусского языка (примеры эти единичны) и на основании этих довольно скудных данных делает ошибочное заключение, будто данная форма свойственна не только украинскому, но и современному белорусскому языку.⁵⁰ Лучший знаток белорусских говоров Е. Ф. Карский решительно утверждает, что окончание *-ови(-еви)* известно только на крайнем белорусском юго-западе — в говорах, соседящих с польским и украинским языками.⁵¹ То же говорят и современные белорусские диалектологи, которые указывают, что это окончание имеют и имена существительные неодушевленные, в том числе среднего и даже женского рода, причем

⁴⁵ С. Д. Н и к и ф о р о в. Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в. Вopr. слав. языкозн. Книга первая. Львов, 1948, стр. 144 и 145. См.: С. Д. Н и к и ф о р о в. Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. XLVII, 1947, стр. 61.

⁴⁶ Л. С. И з а м а й л о в а. Именное склонение. . . , стр. 13.

⁴⁷ М. А. С о к о л о в а. 1) Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957, стр. 121; 2) Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, стр. 107.

⁴⁸ С. В. Ф р о л о в а. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий. Уч. зап. Куйбышевск. ГПИ, вып. 5, 1942, стр. 29—30.

⁴⁹ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 125.

⁵⁰ А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка, стр. 260.

⁵¹ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, вып. 2—3, стр. 125.

в предложном падеже (на *луговы, на пн'овы, в гныздб'и, на гр'блев'и* и т. п.). Изоглосса этого явления идет от границы с Польшей на юго-восток через Пружаны, Дрогичин, Иваново и восточнее Пинска круто опускается на юг к границе с Украиной.⁵² Как считают многие слависты, на севере от формы дательного падежа древнего склонения на *-й* остались наречия *домой, долой* (< *домовь, доловь* < *домови, долови*).

Иной оказалась история формы *-ови (-еви)* на восточнославянском юге. Как было сказано выше, уже в ранних южнорусских памятниках эта форма употребляется довольно часто (значительно чаще, чем на севере). В дальнейшем происходит ее закрепление и семантико-грамматическое расширение. Еще А. И. Соболевский отметил: «Формы дат. на *ови* встречаются также в грамотах галицких, но особенно часты в Волынской летописи, сохранившейся в Ипатском списке: *Воицелгови, Данилови, холцови, ледови, соньмови, Юрьеви, цареви* и т. п.»⁵³

По наблюдениям Н. С. Антошина, форма *-ови, -еви* типична для одушевленных имен существительных, а спорадически встречается и в неодушевленных в молдавских грамотах XIV—XV вв.⁵⁴ Л. В. Веневцева, исследовавшая язык молдавских грамот, указывает, что обычно с этим окончанием употребляются и собственные заимствованные имена: *Аж-Гериеви, Т'зутулови, Станчулови, Ольбрах'тлови* и др. Это свидетельствует о значительном расширении *-ови, -еви* в живой речи буковинцев XV в.⁵⁵ Как отмечает Л. И. Коломиец, если в белорусских грамотах XV—XVI вв. *-ови, -еви* представлено единичными случаями, то в украинских грамотах, изданных Розовым и Богданом, это окончание имеет массовое распространение. Та же картина наблюдается и в украинских грамотах XVI—XVII вв.⁵⁶ Язык украинских грамот XIV—XV вв. исследовал и Ф. Ф. Медведев. В этих грамотах представлен и другой вариант интересующей нас формы — *-овѣ, -евѣ*.⁵⁷ В некоторых говорах *-ови* становится единственной формой, вытеснившей собой форму *-еви*. В лемковских «войтовских книгах» XVI—XVII вв. И. М. Керницкий находит *затови, Федови, Грищови* и др. В современных лемковских говорах процесс вытеснения

⁵² Нарисы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, стр. 155—157.

⁵³ А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка, стр. 171.

⁵⁴ Н. С. А н т о ш и н. Язык молдавских грамот XIV—XV вв. Л., 1961, стр. 18.

⁵⁵ Л. В. В е н е в ц е в а. До характеристики морфологічних особливостей мови молдавських грамот XV ст. Вісн. Харківськ. унів., № 7, Сер. філол., вип. 1, 1965, стр. 103.

⁵⁶ Л. І. К о л о м і е ц ь. З історії флексії давального відмінка однини іменників чоловічого роду *-ові*. В кн.: Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962, стр. 213—214.

⁵⁷ Ф. П. М е д в е д е в. Українські грамоти XIV—XV століть як пам'ятки мови української народності. Там же, стр. 176.

формы *-еви* формой *-ови* завершен.⁵⁸ И. М. Керницький подробно описывает употребление окончаний дательного падежа единственного числа в своей основательной книге «Система словозміни в українській мові».⁵⁹ В украинских памятниках XVI в. территориальное распространение *-ови*, *-еви* и *-у* и *-ю* такое же, что и в украинских грамотах XIV—XV вв. Употребление этих окончаний зависит от жанров памятников: в официальных документах господствует *-у*, *-ю*; тогда как в частной переписке и документах, исходящих не из государственных канцелярий, встречаются *-ови*, *-еви*. В религиозных памятниках *-ови*, *-еви* довольно часты.

Особый интерес представляет окончание *-овѣ*, *-евѣ*, которое в современном украинском языке закономерно произносится как *-ові*, *-еві*. А. Е. Крымский предполагал, что это окончание появилось очень рано. Уже в Изборнике 1076 г. имеется форма дательного падежа *дѣвѣ*.⁶⁰ Правда, в древнейших памятниках такого рода примеры единичны. В украинских грамотах XIV—XV вв. и других южных памятниках того же времени они уже не редки. А. И. Соболевский еще в 1884 г. объяснил появление *-овѣ*, *-евѣ* как результат аналогического воздействия со стороны форм, исконно имевших окончание *-ѣ* (дат. пад. *женѣ*, вин. мн. *конѣ*, род. ед. и имен. мн. *землѣ*).⁶¹ С. П. Бевзенко указывает на возможность воздействия смешения именительного и винительного двойственного числа притяжательных прилагательных с дательным падежом единственного числа имен мужского рода. Некоторые примеры оказываются омонимичными: *далъ свою рѣчь Васковѣ роуцѣ* можно понять и как *Васковѣ в роуцѣ* (существительное), и как в *Васковѣ руцѣ* (прилагательное). Нужно также учитывать особую связь дательного и местного падежей, ср. современное укр. *на братові*, *на синові*, *при дідові* и т. п. Очень вероятно перенос *-ѣ* в дательный падеж из местного падежа твердого варианта склонения основ на *-о*.⁶² Так или иначе, появление *-овѣ*, *-евѣ* на месте *-ови*, *-еви* в результате аналогического воздействия представляется несомненным. Время возникновения этого *-овѣ*, *-евѣ*, по-видимому, следует приурочивать к периоду,

⁵⁸ И. М. Керницький. Морфологічні особливості мови «війтівських книг» XVI—XVII ст. с. Одрезови, колишнього Сякоцького повіту, на Лемківщині. В кн.: Дослідження і матеріали з української мови, т. V. Київ, 1962, стр. 91.

⁵⁹ И. М. Керницький. Система словозміни в українській мові на матеріалах пам'яток XVI ст. Київ, 1967, стр. 41—46.

⁶⁰ А. Е. Крымский. Украинская грамматика, т. I, вып. 1. М., 1967, стр. 101—102.

⁶¹ А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884, стр. 88.

⁶² С. П. Бевзенко. Исторична морфологія української мови. Ужгород, 1960, стр. 41. Краткое изложение истории вопроса см. в кн.: И. М. Керницький. Система словозміни в українській мові... стр. 45—46.

непосредственно предшествующему изменению *ѣ* в большинстве южных диалектов, т. е. к XIII в. Единичные случаи употребления *-овѣ*, *-евѣ* могли возникнуть и раньше. Написание *-овѣ*, *-евѣ* в южно-украинских памятниках XIV—XVII вв. соответствовали *-ові*, *-еві* в произношении.

Формы *-ові*, *-еві* и *-ови*, *-еви* — характерная особенность украинского языка, выделяющая его среди восточнославянских языков. В свое время замечательный украинский диалектолог К. Михальчук предполагал, что украинский язык делится на западное и восточное наречия. В западном (правобережном) наречии преимущественно употребляется *-ові*, а в восточном (левобережном) — *-у*, хотя и в восточном все же имеется и *-ові*.⁶³ Дальнейшие исследования не оправдали этого предположения. В именах существительных — названиях людей и живых существ окончание *-ові* является основной формой и в юго-восточных говорах.

Как отмечает В. С. Ващенко, в полтавских говорах обычнее *кон'ев'і* — *кон'ов'і*, но часто и *кон'у*, причем основная форма и ее варианты в целом географически не различаются, географические различия касаются только отдельных слов. Та же картина и в полтавских «Актовых книгах» XVII в. В именах мужского рода неодушевленных (*дуб*, *ліс*, *гай*) основная масса словоформ тоже приходится на *-ові*, *-еві*, а *-у*, *-ю* являются сосуществующим вариантом. И в этих именах территориальное различие в употреблении форм реализуется по отдельным словам: форма каждого слова имеет свою собственную изоглоссу. Изредка в полтавских говорах употребляется и *-ови*, *-еви*. В словах на *-ен* (*пл'ем'а*, *вим'а*, *тім'а*) побочным вариантом оказывается *-еви* (*пл'емн'ев'і*, *пл'емн'ов'і*), а основной формой — *-ені* (*пл'емн'і*).⁶⁴ Когда речь идет о географическом распределении форм дательного падежа мужского рода единственного числа на украинской территории, можно говорить о преимущественном распространении какой-либо из форм в определенных группах говоров, а не об абсолютных диалектных зонах. Старая форма *-ови*, *-еви* преимущественно сохраняется в юго-западных говорах, но и в этих говорах наряду с этим окончанием употребляются и иные. Например, в закарпатских говорах, согласно данным И. Панкевича, выступают окончания *-ови*, *-ові*, *-оі* (< *ові*) и *-у*.⁶⁵ В правобережном селе Ройлянки обычно *-ови*, но там же известно и *-ові*.⁶⁶ Это *-ові* (на письме *-овѣ*) отмечается в лемко-

⁶³ К. Михальчук. Наречия, поднаречия и говоры южной Руси. Тр. этн.-статист. экспедиции, т. VII. СПб., 1877, стр. 531.

⁶⁴ В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків, 1957, стр. 112—119.

⁶⁵ И. Панкевич. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, ч. 1. Звучня і морфологія. V Прага, 1938, стр. 184—185, 188, 199—200.

⁶⁶ В. П. Логвин. Морфологічна система говірок нижньої правобережної Наддністрянщини. В кн.: Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965, стр. 35—36.

вских «войтовских книгах» XVI—XVII вв.: *Федоровъ, Лукачовъ, Василевъ* и т. д.,⁶⁷ следовательно, данное окончание существовало на юго-западе давно, а не было занесено в наше время литературным языком. Окончание *-овъ, -евъ* в старой буковинской письменности находит В. Ярошенко.⁶⁸ Вариантность *-ови* и *-овъ* имела в старших памятниках среднего Поднепровья.⁶⁹ Все же, по-видимому, можно сказать, что преимущество *-ови* и *-овъ* над формой *-у(-ю)* усиливается на украинской территории по направлению с востока на запад и с севера на юг. Впрочем, это предположение нуждается в проверке на массовых материалах.

В современном украинском литературном языке происходит процесс стилистического ограничения флексии *-ови*. Эта форма в названиях живых существ последовательно сохраняется только в художественной прозе и в поэзии. В деловых жанрах, особенно в послевоенный период, ее употребление начинает заметно ограничиваться. Зато она распространяется на имена — названия собирательных, абстрактных и иных понятий для устранения морфологической омонимии, ср. *допомога заводу* и *допомога заводові*.⁷⁰

Остается еще один вопрос: является ли окончание *-ови, -еви* продуктом спонтанного развития грамматической системы украинского языка, или же оно заимствовано из западнорусских языков, прежде всего из польского. Н. К. Грунский в свое время решал этот вопрос в пользу заимствования.⁷¹ Поскольку *-ови, -еви* широко распространено и в польском языке, в пользу заимствования высказывался и В. Курашкевич.⁷² Однако эта точка зрения бездоказательна. Этому вопросу специальную работу посвятил С. П. Бевзенко.⁷³ С. П. Бевзенко прав, когда говорит, что окончание *-ови, -еви* было унаследовано украинским языком от его исходной основы — древнерусского языка. Гипотеза заимствования не объясняет также, почему *-ови, -еви* сосредоточено

главным образом на юго-западе, в непосредственном соседстве с польским и словацким языками, тогда как *-ови, -еви* преимущественно распространено на юго-востоке. Кроме того, значение украинской формы шире, чем в западнорусских языках, поскольку оно охватывает и другие классы имен (прилагательные, местоимения, числительные и даже причастия). Форма *-ови, -еви* к тому же появляется в южнорусских письменных памятниках в то время, когда о значительном польском влиянии не может быть речи.

Итак, еще в XI в. (а может быть, и раньше) восточнорусская языковая территория делилась на две диалектные зоны — южную и северную. На юге в дательном падеже единственного числа имен мужского рода, обозначающих лицо, получила широкое применение форма *-ови, -еви*, а на севере эта форма оказалась второстепенным, редко употребляющимся вариантом окончания *-у, -ю*. В XIV—XV вв. на севере окончание *-ови, -еви* вовсе выходит из употребления, в письменности по традиции сохраняясь как стилизованная книжная форма, тогда как на юге оно, наоборот, становится жизненным грамматическим явлением. Может быть, этому способствовало воздействие на украинский язык польского языка.

3. Обобщение основ на заднеязычные согласные

Как известно, в современном украинском и белорусском языках сохраняются свистящие *ц, з, с*, чередующиеся с заднеязычными *к, г, х*, в дательном падеже единственного числа имен на *-а* и в предложном падеже тех же имен, а также имен с бывшими основами на *-ѡ*. В украинском литературном языке и говорах перед окончанием *-и* (< *-ѣ*) систематически произносятся *ц, з, с*: *руці, кнїжці, на бцї, нозї, райдузі, на бєрезі, у мїві, задїсі, вїлїсі, у рїсі, у вїсі* и т. п. В предложном падеже слова мужского рода, оканчивающиеся на *-ок, -ик, -ак, -як, -ек, -лк, -ск*, а также и некоторые другие группы слов имеют флексию *-у*, перед которой заднеязычные, как и должно быть, сохраняются: *у лїску, у шовку, по дїху, по початку* и пр.⁷⁴ Это окончание произошло из основ на *-й* (общевосточнославянский процесс, нашедший свое отражение уже в ранних древнерусских памятниках). В предложном падеже мужского рода могут выступать и окончания *-ови, -ови*, о чем см. в предшествующем очерке.

В общем та же картина и в белорусском языке. В дательном и предложном падежах имен на *-а* после *ц* (из *к*) в ударяемом положении выступает окончание *-е*, а в безударном положении — *-ы* (фонетического происхождения): *даццѣ, рацѣ, руцѣ, шцацѣ, рѣццѣ, усмѣшццѣ, гутѣрццѣ, жбнццѣ, на ступѣнццѣ, на*

⁷⁴ Курс сучасної української літературної мови. За редакцією Л. А. Булаховського, т. I. Київ, 1951, стр. 442—443.

⁶⁷ І. М. Керницький. Система словозміни в українській мові. . . , стр. 92.

⁶⁸ В. Ярошенко. Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв. Зб. комісії для дослідження історії української мови, т. I. Київ, 1931, стр. 292.

⁶⁹ Ф. Т. Жилко. Про виникнення діалектних груп української мови. Діалектологічний бюлетень, вип. IX. Київ, 1962, стр. 9.

⁷⁰ П. Д. Тимошенко. Зміни в морфологічній структурі української мови повоєнного періоду. Підручки і проблеми наукового вивчення української мови в повоєнний період. (Тези доповідей республіканської наукової конференції). Київ, 1967, стр. 20.

⁷¹ М. Грунський. Історія форм української мови. Київ, 1931, стр. 33 и след.

⁷² W. Kurowski. Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku. Byzantinoslavica, IV, 1932, стр. 108—110.

⁷³ С. П. Бевзенко. Форми давального однина на *-ови* українських іменників на тлі загальнослов'янському. Тези доповідей IV міжвузівської республіканської славістичної конференції 12—14 жовтня 1961 року. Одеса, 1961, стр. 49—51.

палляцы и т. п., а после *з* (из *г*) и *с* (из *х*) — всегда *-е* (независимо от ударения): *кнізе, заслўзе, адебае, назе, вбльсе, завірусе* и т. д. В предложном падеже единственного числа имен на *-а* наряду с *-це, -зе, -се* в определенных категориях слов или с определенной стилистической нагрузкой употребляется также окончание *-у*.⁷⁵ Как показано на картах №№ 65, 66, 73 и 74 «Диалектологического атласа белорусского языка», в некоторых белорусских говорах употребляются и формы с обобщенными основами: *к дуге́, к наге́, к дугі́, к нагі́, на дуге́, на наге́, на дугі́, на нагі́, на раке́, аб дачке́, на ракі́, аб дачкі́, на быке́, аб ваўке́, на луге́, на стоге́, на лузі́, на стагі́* и т. п. Формы *-ге, -ке* в словах женского рода распространены значительно шире, чем в именах мужского рода: они известны преимущественно в северо-восточных говорах, но изредка встречаются и в центральных. В именах мужского рода они редки и отмечаются в отдельных населенных пунктах на севере Белоруссии (карта № 74) и в четырех населенных пунктах на юге (карта № 73). Формы *-г, -к* засвидетельствованы как редкое явление только в именах на *-а* в некоторых населенных пунктах на юге в районах, сопредельных с Украиной.

Украинский и белорусский языки в склонении имен на *-а* и *-о* единственного числа сохранили чередование заднеязычных и свистящих, возникшее в древнем общеславянском языке в эпоху так называемого второго смягчения заднеязычных согласных. По-видимому, этот очевидный факт привел к тому, что исследователи исторической грамматики украинского и белорусского языков обычно не дают сведений об истории интересующих нас форм. А. И. Соболевский писал: «Памятники XIV в., по преимуществу севернорусские, имеют горланье вместо свистящих и зубного уже нередко».⁷⁶ Однако по преимуществу не означает исключительно, поэтому вопрос о наличии обобщенных основ на заднеязычные в юго-западной письменности остается не совсем ясным. Надо полагать, что таких основ на юго-западе вообще не было. Е. Ф. Карский, исследовавший много памятников западнорусской письменности, отмечает в них только формы с чередованием и ничего не говорит о наличии обобщенных форм.⁷⁷ А. А. Шахматов, описывая формы *-кѣ, -гѣ, -хѣ* в древнерусских памятниках, относит их в раздел «Великорусский язык».⁷⁸ Б. М. Ляпунов высказывается определенно, считая, что этих форм вовсе

⁷⁵ Граматыка беларускай мовы. Под редакцией К. К. Атраховича (Кривы) и М. Г. Булахова, т. I. Минск, 1962, стр. 53—55.

⁷⁶ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 213.

⁷⁷ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 161—162 и 166.

⁷⁸ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 326—327.

нет в южной письменности.⁷⁹ В. С. Ващенко указывает, что как в современных полтавских говорах, так и в языке полтавской письменности XVII в. формы с чередованием употребляются вполне последовательно.⁸⁰ Аналогичные высказывания имеются и у некоторых других исследователей истории украинского и белорусского языков. Наличие обобщенных основ в некоторых белорусских говорах будем считать результатом позднего влияния русского языка.

В русском языке в отличие от украинского и белорусского языка формы со свистящими согласными не сохранились, обобщение основ на заднеязычные проведено во всех формах с полной последовательностью. Форма *вкратце* является книжной по происхождению. Ср. еще песенное в предложном падеже множественного числа «во лугах» (*въ лувѣхъ*), которое Г. А. Ильинский пытался (неосновательно) производить от *лугъ* 'луг'.⁸¹ Следы *-це, -зе, -се* сохранились в некоторых южновеликорусских говорах: новосильск. *на бѣреви, при дорбзе, на вѣрся, на порбзе, в кабацѣ, потолцѣ*, брянск. *у дарбзи, рущѣ, нозѣ, о ббзе, о порбзе, о горбсе*, курск. *на бѣреве, при дорбзе*, грайвор. *в астрбэл, на рущѣ, на порбзе, на дорбзе, на назѣ*, обоян. *у кабацѣ, путивл. у кабацѣ, на ряцѣ, на кряцѣ, на дарбзи, у лозі*.⁸² То же явление наблюдается в некоторых русских говорах в украинском окружении, ср. в говорах Дергачевского района Харьковской области: *на парбзе, на рущѣ, у харосе*.⁸³

Когда началось обобщение основ на заднеязычные согласные на восточнославянском северо-востоке? В свое время я выдвинул предположение, что второе смягчение заднеязычных согласных было не общеславянским, а диалектным явлением праславянской эпохи, не охватившим диалекты, из которых впоследствии сложился русский язык. Что касается наличия случаев второго смягчения, в частности в склонении, в севернорусской письменности, то они объяснялись как книжные языковые элементы.⁸⁴ Ср. также предположение П. Я. Черных: «Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к, г, х* под влиянием других падежей *к, г, х*

⁷⁹ Б. М. Ляпунов. Отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПб., 1909). Сб. отчетов о премиях и наградах за 1909 г. СПб., 1911, стр. 526.

⁸⁰ В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 75.

⁸¹ Г. А. Ильинский. Из русской диалектологии. Живая старина, вып. 1, год XVI, 1907, стр. 39—42.

⁸² С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 295.

⁸³ Л. Ф. Бузник. Говор русских сел Дергачевского района Харьковской области. (Фонетико-морфологическая характеристика). Автореф. канд. дисс. Харьков, 1965, стр. 16.

⁸⁴ Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 63—65.

с доисторических времен сохранялись без изменения в *ц, з, с* — в нарушение закона так называемого „второго смягчения“.⁸⁶ Однако эту гипотезу доказать нельзя. Более того, бесспорное наличие свистящих согласных на месте заднеязычных в других формах склонения и иных позициях и в севернорусской письменности говорит о действии закона второго смягчения и на древнем восточнославянском севере. Начавшееся на севере обобщение основ на заднеязычные согласные — явление вторичное и относительно позднее.

Иной точки зрения придерживаются З. Глускина⁸⁶ и З. Штибер.⁸⁷ З. Глускина считает, что до появления письменности в новгородско-псковской области второй палатализации заднеязычных вообще не было. Главный довод в пользу этой гипотезы — наличие в новгородских и псковских говорах слов с сохранением *н* в корнях слов, в которых трудно предположить воздействие аналогии. К стати, на слова этого рода обратил внимание еще Н. Н. Дурново.⁸⁸ Слова эти хозяйственно-бытового значения, поэтому сохранение в них заднеязычного *к* объясняется отсутствием книжного воздействия на этот лексический разряд. Этих слов немного, причем все они образованы от трех корней — *кѣд-*, *кѣв-* и *кѣп-*: 1) *кѣд-* — *кежь* (арх., олон., пск.) ‘особого рода кушанье’, *кедѣть* ‘цедить’, *кедѣлка*, *кедѣшка* ‘цедилка’ (гдов., полнов.); 2) *кѣв-* — *кѣвка*, *кѣвочка* ‘цѣвка’ (няндом., сланц., гдов., лядск.), *кевѣца*, *кевѣча* ‘то же’ (медвежьегор., пск.), *кевѣца* ‘деревянная игла для вязания сети’ (опоч.), *кевь*, *кевѣк*, *кевина* ‘ручка цепа’ (пск.), *кевѣц* ‘било цепа’ (славк.), ‘острый молоточек, с помощью которого обивают зерна’ (стругокрасн.), *кивѣц*, *кивѣчка*, *кивѣца* ‘клубок ниток, вложенный в челнок’ (олон.); 3) *кѣп-* — *кеп* ‘цеп’ (палк.), ‘ручка цепа’ (остров., палк., печор.), ‘било цепа’ (гдов., пск., славк., стругокрасн.), *кепѣк* ‘цеп’ (остров.), ‘ручка цепа’ (славк.), ‘било цепа’ (ряд районов Псковской обл.), *кепѣц* ‘ручка цепа’ (павск., стругокрасн.), ‘било цепа’ (чудов. и ряд районов Псковской обл.), ‘цеп’ (олон.), *кепѣтик* ‘било цепа’ (лядск.), *кеп*, *кепѣ*, *кепѣ* ‘нить или круглая палка в ткацких станинах’ (пинеж., опечен. и ряд районов Псковской обл.), *кепки* ‘округлые палочки, к которым привязываются ниченки’ (дедов., остров.), *кепки* ‘цѣвки’ (опоч.), *кепѣца* ‘цѣвка’ (середк.), *кеп*, *кепѣ* (сев., Даль), *кепѣ* ‘ткацкая ниченка’ (Астра-

⁸⁶ П. Я. Черныш. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 174.

⁸⁶ Z. Głuskińska. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzycznych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich. *Slavia orientalis*, XV, № 4, Warszawa, 1966, стр. 475—482.

⁸⁷ Z. Stieber. Druga palatalizacja tylnojęzycznych w świetle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy. *Rocznik slawistyczny*, XX, I, 1968, стр. 3—6.

⁸⁸ N. Durново. Le traitement de *sk dans les langues slaves. *Revue des Études slaves*, VI, № 3—4, 1926.

ханские акты 1622—1623 гг.). З. Глускина в дополнение к этому несомненно интересному материалу приводит сев.-зап. *квѣсти*, *кѣвѣльи*, *стега*, *польга*, пск. (в недавнем прошлом) *звезда* и приходит к заключению, что второе смягчение заднеязычных на северной окраине славянского мира не произошло в связи с тем, что окраинные племена оторвались от остального славянства. Поскольку славяне достигли Ильменя и Псковского озера в VI—VII вв., следовательно, и второе смягчение возникло примерно в это время.

Пока трудно сказать что-либо определенное о происхождении слов с *к* от *кѣд-*, *кѣв-* и *кѣп-*. Не исключено, что они действительно представляют собой фонетический архаизм, хотя с уверенностью об этом сказать нельзя. Однако нельзя ставить в один ряд эти слова с интересующими нас здесь падежными формами. Невозможно себе представить, чтобы падежные формы со свистящими согласными, широко представленные в новгородско-псковской письменности XI—XVI вв. (об исключениях см. ниже), были целиком привнесены на русский север книжным путем. Во всяком случае естественнее объяснять появление *к, з, х* в падежных формах как результат выравнивания основ, имевший место и в некоторых других славянских областях. Еще далее в отрицании наличия в народной речи у части восточных славян второго смягчения заднеязычных пошел З. Штибер. Формы *кепѣц*, *кепѣлка* он находит в говорах на восток от Москвы. В произношении *твет*, *тепѣнка*, *тепѣц* он усматривает «полуархаизм» (*к' > т'*). З. Штибер полагает, что второго смягчения заднеязычных не было у всех русских и в русском языке его наличие нужно целиком отнести на счет влияния церковнославянского языка. Однако факты древнерусской письменности полностью противоречат этой гипотезе.

Старший случай написания заднеязычных на месте свистящих зафиксирован в Новгородской минее 1096 г.: *рабу своему Дѣмѣтѣ*. Любопытна описка в той же минее: *на върѣстѣ* вместо *на върѣсѣ* (форма *на върѣсѣ* оказалась непонятной?). Как отмечает А. А. Шахматов, в XIII в. подобные написания в северных памятниках перестают быть единичными.⁸⁹ Позднейшие исследователи указывают, что употребление форм с палатализованными и заднеязычными согласными зависело от жанра письменных памятников. В богослужебных книгах, летописях, официальных договорах и пр. господствовали архаические формы. В Синодальном списке 1-й Новгородской летописи в дательном падеже на 12 примеров с *ц, з, с* приходится всего 2 примера с *к, з* (*и вѣдши Мирошки, по Лоугѣ*), соответственно в местном падеже на 15 архаических форм — 4 новые формы. «Следует отметить, что новообразованные формы и в других летописных текстах встреча-

⁸⁹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 326—327.

ются не часто, вероятно, в силу большей консервативности языка летописей по сравнению с языком деловой письменности.⁹⁰ Для «делового языка» показательны данные новгородских берестяных грамот. По моим подсчетам, на 24 случая основ с *к*, *з*, *х* в дательном и местном падежах единственного числа приходится всего 2 примера с *ц*, *з*: на *отроке* (грамота № 241, XI—XII вв.), *къ Коулотакъ* (№ 105, XII в.), *ко Оуике* (№ 114, XII в.), *къ Лоукъ* (№ 156, XII в.), *по великъ д(ь)не* (№ 380, XII в.), на *Тѣскъ* (№ 218, XIII в.), *к тьтокъ* (№ 346, XIII—XIV вв.), *Фешке* (№ 32, XIV в.), в *Пудоги*, в *Пудогъ* (№ 131, XIV в.), *по бѣжи* (№ 136, XIV в.), на *Суике* (№ 92, XIV в.), на *торгъ* (№ 154, XIV в.), на *Местлукъ* (№ 213, XIII в.), на *замкъ* (№ 179, XIV в.), на *лицидциникъ*, на *кожевникъ* (№ 358, XIV в.), на *Волоки* (№ 2, XIV—XV вв.), *о ключникъ* (№ 94, XIV—XV вв.), *к нефстукъ*, на *свѣтникъ* (№ 363, XIV—XV вв.), *по блкъ* (№ 1, XV в.), на *Терехъ*, на *Маикъ* (№ 162, XV в.), и слова за мене *аладыцъ* (№ 244, XV в.), в *бозѣ* (№ 203, XIII в.). Совершенно очевидно, что последние два примера не отражают нормы живой речи и явно выполняют стилистически ограниченную функцию (в грамоте № 244 речь идет о новгородском архиепископе). Обычны основы с заднеязычными и в формах родительного падежа единственного числа: *от Дрочке* (№ 87, XII в.) и др.

В. И. Борковский, изучавший язык новгородских берестяных грамот, отмечает, что все примеры с новыми формами не входят в состав традиционных формул и не являются церковнославянскими. Он высказывает предположение, «что среди новгородских говоров были такие, в которых новые формы вытеснили старые (с переходным смягчением заднеязычных) уже в XIV веке».⁹¹ Г. П. Мягченкова предполагает другую датировку: «Анализ слов со второй палатализацией в зависимости от жанра памятника и характера лексики позволяет думать, что в новгородском диалекте уже в XI—XII вв. заднеязычные в конце основы не чередовались со свистящими. Для псковского диалекта тот же вывод можно сделать только по XIV в., так как псковская письменность более древнего периода не сохранилась».⁹² Трудно сказать, когда этот процесс в древнем новгородском диалекте завершился и был ли он неодинаковым в разных новгородских говорах (хотя последнее не исключено). Во всяком случае начался он по крайней мере в XI в., а может быть, и раньше. В новгородских бер-

стяных грамотах основы с заднеязычными согласными являются нормой начиная с XI—XII вв. Следовательно, древний новгородский диалект уже в XI в. по этой особенности (независимо от того, завершён в нем был процесс обобщения основ на заднеязычные или нет) составлял особую диалектную зону, противопоставленную всем другим восточнославянским диалектам.

В других областях, вошедших в состав русской земли, обобщение основ на заднеязычные произошло позже. В договоре Смоленска с Ригой и готским берегом 1229 г. палатализация еще выступает как правило (на *взлцѣ*, *березѣ*, *оу Русѣ* и пр.). А. А. Шахматов приводит примеры с палатализованными согласными из различных грамот XIII—XV вв.: *оу Вежиензѣ*, *Пинезѣ*, *Волоцѣ*, в *Бѣжицком верѣ* и др.,⁹³ которые нельзя заподозрить в стилизации. По Б. В. Куликову, в северо-восточных грамотах XV в. *реце Оцѣ*, *дороге*, *Волзѣ*, *сносѣ* и пр. — обычное явление и лишь в XVI в. *-кѣ*, *-гѣ* являются правилами, а *-цѣ*, *-сѣ* становятся признаками церковнославянизмов.⁹⁴ Только *-зѣ* держится несколько позже, чем *-цѣ*, *-сѣ*. Б. О. Унбегаун называет первую половину XVI в. «критическим периодом» для формы *-зѣ*.⁹⁵ Как отмечает Хр. С. Станг, в книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г. в дательном падеже употребляются только *рукѣ*, *книгѣ*, *поруѣ*, а в местном падеже *цѣ*, *-зѣ*, *-сѣ* выступают как церковнославянизмы.⁹⁶ В северо-восточных и центральных областях XVI век можно считать временем завершения обобщения основ на заднеязычные согласные. В южновеликорусских говорах остатки чередования согласных в именном склонении в единственном числе, как уже было сказано, сохранились до XX в. Таким образом, интересующее нас новообразование, возникнув на новгородском севере в XI в. или даже раньше, продвигалось на юг медленно, в течение ряда столетий. К границам украинского и белорусского языков оно подошло уже тогда, когда эти языки сформировались как самостоятельные лингвистические единицы.

Иначе обстояло дело с устранением свистящих согласных в других формах склонения. Замена формы *-цѣ* формой *-кѣ* было общевосточнославянским явлением, хотя и она, вероятно, в разных местностях происходила неравномерно. То же можно сказать и о формах именительного падежа множественного числа основ на *-ѣ*, которые вытеснялись окончаниями винительного падежа

⁹⁰ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 327.

⁹¹ Б. В. Куликов. Именное склонение. . . , стр. 81, 101—102.

⁹² В. О. Унбегаун. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550), I. La flexion des noms. Paris, 1935, стр. 242.

⁹³ Chr. S. Stang. La langue du livre Učenje i chitrost' ratnago strojenja pëchotnyh ljudej 1647. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Klasse, 1952, № 1, стр. 24.

⁹⁰ М. Ф. Парахина. Имена с основой на *-а*. . . , стр. 106.

⁹¹ А. В. Ардиховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 года. М., 1958, стр. 112.

⁹² Г. П. Мягченкова. О второй палатализации заднеязычных согласных в формах склонения в новгородской и псковской письменности. Научно-техническая конференция преподавателей и студентов 29 марта—2 апреля 1965 года. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1965, стр. 48.

-кы, ы, хы (>-ки, -ги, -хи), и об исчезнувших формах именительного и винительного падежей двойственного числа основ на -а. Между прочим, в новгородских берестяных грамотах имеются: *возми саповѣ* (№ 4, XIV в.); *а на то радѣцѣ и послушѣ* (№ 336, XIV в.), *авляются позовницѣ* (№ 307, XV в.) (здесь *ѣ* обозначает *и*). Г. И. Демидова отмечает, что вытеснение основ на *ц, з, с* основами на заднеязычные согласные особенно ярко проявилось в XIV в. В XVI в. новые формы господствуют. «Данный процесс типичен для языка великорусской народности».⁹⁷ Он в достаточной мере проявился также в украинском и белорусском языках, но протекал там неравномерно. Как указывает Л. А. Булаховский, в галицких грамотах часты формы *сѣдци, намѣстци* и пр., тогда как в волинско-белорусских грамотах употребляются только *сѣдѣки, намѣстѣки*.⁹⁸ А. А. Шахматов свидетельствует, что и в современных лемковских и угро-русских говорах произносятся *птаси, друзи, дусѣ, пастуси, урядници, партици, рибацци, волци, вояцци*, а в двойственном числе в белорусских и украинских говорах — *дзвѣе рѣцѣ, назѣ, двѣ рѣцѣ, назѣ*.⁹⁹ Отступление основ на свистящие согласные на юго-западе шло медленнее, чем на северо-востоке.

4. К истории звательных форм

Как отмечают все исследователи, замена звательных форм, употреблявшихся при обращении, началась еще в древнем общеславянском языке. Множественное и двойственное число в славянских языках не имеют каких-либо признаков звательных форм. В старославянском языке и древнейших памятниках русской письменности звательную форму не имели и в единственном числе имена среднего рода, имена с основами на -й и на согласные. Но и в остальных именах уже в памятниках XI в. имеются примеры замены звательной формы формой именительного падежа и наоборот. А. И. Соболевский приводит случаи из Остромирова евангелия: *Марѣа, Марѣа, печѣшися* и из Зографского евангелия: *горе тебѣ, Хоравинѣ, горе тебѣ, Витѣсаида*.¹⁰⁰ Частичное падение звательной формы было общеславянским процессом, охватило оно и всю восточнославянскую территорию. Однако уже в раннюю пору вытеснение звательной формы или

использование ее в значении именительного падежа в разных местностях проходило с неодинаковой интенсивностью. В южно-русских памятниках — Остромировом евангелии, Изборниках 1073 и 1076 гг. и др. отступления от звательной формы единичны. Очень последовательно и в применении к разнообразным именам употребляются звательные формы в «Слове о полку Игореве». В нем имеется свыше сорока звательных словоформ: *братие и дружино; о, Бояне, соловюю старого времени; ты, Игорю; сѣдлай, брате; о, русская земля; ни тебѣ ... поганьи половчине; туре Всеволоде; уже, княже; ты, буи Рюриче и Всеволоде; о, вѣтрѣ; о, Днепре Словутицю; о, Донце* и др. Несомненных отступлений от звательной формы нет.

Довольно обычно употребление звательных форм в более поздней южной письменности, которые сохранились в современном украинском языке. Как пишет И. М. Керницький, в украинской письменности XVI в. звательные формы употребляются примерно так же, как и в современном украинском языке. В религиозных памятниках они употреблялись чаще, чем в деловой письменности.¹⁰¹ В украинском литературном языке при обращении часть имен, прежде всего названия существ, получает звательные формы: *Кáтре, Пѣ́тре, ба́тьку, мамѣ́ню, сько́ле, ре́же дѣ́брѣа, дѣ́бе*.¹⁰² В первом склонении твердой разновидности — окончание -о (*маши́но, рѣ́кѣ*), в мягкой разновидности — -е (*ма́йстерне, подѣ́*), в смешанном склонении — -е (*дѣ́че*); во втором склонении — -е, -у, -ю (твердая разновидность: *завѣ́де, мѣ́су, ба́тьку*; мягкая разновидность: *ко́жсамблѣ́цю, про́водѣ́рю, га́ю*; смешанное склонение: *тѣ́кѣчу, ву́гляре, гáлузе*).¹⁰³ Распространены звательные формы и в украинских говорах. Например, И. Панкевич отмечает в карпатских говорах, что в словах с основой на -ѣ обычно окончание -е (*ра́не, свате́, дѣ́бе, џолови́че* и т. п.), а в именах с суффиксами -ко, -ик, -ок — -у (*п'а́п'ки, Іва́нки, ру́шничѣ́ку, тра́тѣльни́ку* и пр.);¹⁰⁴ в основах на -а употребляется окончание -о, а на -ја — -е (*мо́я люба́ Тѣ́со; ми ходѣ́ме, ба́бо; зѣ́тле; дѣ́ше* и т. д.).¹⁰⁵

Звательные формы известны и западнорусской письменности на протяжении всей ее истории. Сохраняются они и в современном белорусском языке, хотя и в меньшей степени, чем в украинском. В белорусской художественной литературе, особенно в первой половине XX в., эти формы употреблялись довольно широко, что теперь не является нормой литературного языка. Звательные

⁹⁷ Г. И. Демидова. История форм именительного падежа множественного числа имен существительных в русских памятниках XII—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1958, стр. 5.

⁹⁸ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 40.

⁹⁹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 48.

¹⁰⁰ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 190.

¹⁰¹ И. М. Керницький. Система словозміни в українській мові. . . , стр. 51—53.

¹⁰² Курс сучасної української літературної мови, I, стр. 306.

¹⁰³ Там же, стр. 430—432.

¹⁰⁴ И. Панкевич. Українські говори Підкарпатської Русі. . . , стр. 186—187.

¹⁰⁵ Там же, стр. 216.

формы получают собственные имена, реже — имена, обозначающие животных, птиц, насекомых и иных живых существ (часто в переносном значении), а также и имена неодушевленных предметов в значении одушевленных: *Симоне, сыне, дзеду, коню, голубе, вужу, гадае, жучку, ветру, лесе* и т. п. В некоторых случаях формы могут колебаться, например *саколе* и *саколю*.¹⁰⁶ Неодинаково употребляются звательные формы в белорусских говорах. Наиболее широко они распространены в говорах западных и юго-западных районов Белоруссии (Гродненская и Брестская области), где употребляются у имен мужского рода окончания *-е (-а)* и *-у*, а у имен женского рода — окончания *-о* и *-е*. Имена мужского рода с основой на мягкий согласный имеют окончание *-ю*: *Михасю, Антосю* и т. п. Имена мужского рода на *-а* имеют (как и имена женского рода) окончание *-о*: *старшыню, дзядзюхню, бацюню, зяцюхню* и под. Звательная форма *-о (-ё)* у имен женского рода на *-а* распространена на юго-западе и юге Белоруссии.¹⁰⁷

Иначе складывалась история звательных форм на восточнославянском севере и северо-востоке. Уже в Новгородской минее 1095 г. имеются замены звательного падежа именительным и именительного — звательным: *земля, веселиса; радусца, гна агница; отроковице Марша днь родиса; прѣдана бы чстатъ твоа пръвомчнице; Аино уже ни прибываеть неплоды* и др.¹⁰⁸ Ср. еще в Путятиной минее XI в.: *стрѣлу избъранж та съкры важьть, Икремия; Пелагиа прѣславная, попырала еси*, в Софийской минее XI—XII вв.: *радусца, пресеѣтъла хвала и радости* и др. Как пишет А. И. Соболевский, «памятники XIII—XIV вв. севернорусские имеют эту замену нередко».¹⁰⁹ И далее: «Трудно сомневаться, что в великорусских говорах в XIV в. уже преобладала в значении зват. п. — форма имен., но, несомненно, древние формы зват. от некоторых слов были еще в полном употреблении. Таковы формы *господине, княже, сыну*... они нередко встречаются и после XIV в.»¹¹⁰ Это наблюдение вполне подтверждается данными новгородских берестяных грамот. В этих грамотах (опубликованных к настоящему времени) 35 раз употреблено в обращении *господине* и только в грамоте № 135 (XIV—XV вв.) находим: *нонеце, осподин, пецалесь дѣтьмѣ моимѣ. Господине* еще обычно в Новгородских записных каменных книгах XVI в.¹¹¹ В грамоте № 49 (XIV в.) имеется: *как се, господо,*

¹⁰⁶ Граматыка беларускай мовы, I, стр. 46—48.

¹⁰⁷ Нарысы па беларускай дыялекталогіі, стр. 152—154.

¹⁰⁸ М. А. Соколов. Очерки по исторической грамматике русского языка, стр. 100.

¹⁰⁹ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 190.

¹¹⁰ Там же, стр. 190.

¹¹¹ Г. А. Яковлева. Формы склонения существительных в новгородских письменных памятниках делового стиля XVI века. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 5.

мною попецалуе. Дважды встречается *братъ* (= брате) — в грамоте № 68 (XIII в.) и № 82 (XII в.). Ср. еще: *кѣме* (№ 146, XIII—XIV вв.); *се благослови, попе Максиме* (№ 368, XIV в.). Впрочем, последние примеры сомнительны, так как в берестяных грамотах форма на *-е* в именах мужского рода обычна в значении именительного падежа (о чем см. ниже).

Л. И. Молодых в новгородских грамотах XII—XV вв. отметил звательную форму только в словоформе *господа* (употреблена 5 раз).¹¹² Интересное наблюдение сделал А. Н. Котляренко. Сравнивая язык «Задонщины» с языком «Слова о полку Игореве», он приходит к выводу: «В „Задонщине“ звательные формы старого образования употребляются только для определенного узкого круга слов: *брате, господине, Доне, брате Пересвете, господи, боже*. Все остальные существительные в роли обращения употребляются в форме именительного падежа. В „Слове“ как норма — правильное употребление звательных форм старого образования; именительный падеж в виде исключения употребляется только тогда, когда существительное находится в сочетании с прилагательным».¹¹³ «Задонщина» написана не только примерно на двести лет позже «Слова»; главное — она написана на северо-востоке. По свидетельству Б. В. Куликова, в «Актах социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» звательная форма сохраняется только в отдельных именах, причем даже при обращении к нескольким лицам, т. е. в значении множественного числа: «И судьи спросили: де тот Гридка Ракуля? — И Давыдко так рек: тот, *господине*, Гридка умерлъ» (документ около 1464—1478 гг.).¹¹⁴ Совершенно очевидно, что звательная форма здесь выступает не как элемент живого языка, а как речевой штамп. В списках XV—XVI вв. «Хождения» игумена Даниила, как отмечает Л. С. Измайлова, «звательные формы лексически строго ограничены и, как правило, приходится на выдержки из церковных текстов или входят в специфические фразеологические обороты, характерные для жанра исследуемого памятника».¹¹⁵ Ю. П. Ульянов пишет: «По всей вероятности, с XVII в. звательные формы в живой русской речи были окончательно замещены формами именительного падежа».¹¹⁶ Те же мысли высказывает и П. Я. Черных: «В московских, новгородских и прочих грамотах XIV—XV ст. звательный падеж употребляется в лексически

¹¹² Л. И. Молодых. Именное склонение... стр. 160.

¹¹³ А. Н. Котляренко. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». В сб.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 193—194.

¹¹⁴ Б. В. Куликов. Именное склонение... стр. 80.

¹¹⁵ Л. С. Измайлова. Именное склонение... стр. 8.

¹¹⁶ Ю. П. Ульянов. История склонения имен существительных с основой на *-i в памятниках русской письменности XI—XVII вв. Уч. зап. Чарджоуск. ГПИ, № 5, выпуск второй, 1959, стр. 18.

строго определенных случаях: *господине, госпоже, брате, княже* — как особенность условной фразеологии». И далее: «К середине XV в. эти формы кое-где перестали восприниматься как формы живого языка. Отсюда возможность в некоторых северо-западных памятниках актового языка этого времени таких сочетаний, как: „Пожалуйте, *господине* посадники и ратманы“ . . . или „и судьи спросили Якова и его товарищев: скажите, *брате*“». ¹¹⁷ Однако форма *господине* еще употребляется в московских документах XVII в. Звательные формы встречаются и в языке писателей XVIII в. Ср. у Кантемира: «молчи, *уме*, не скучай», «что так смутен, *друзе мой*», «*музо*, не пора ли» и т. п., и в северных сказках и былинах: «ай же ты *ратаю, ратаюшко*», «пришел, ввалился, *князю*, засельщина» и др. П. Я. Черных указывает, что в новгородских и сибирских говорах остаточно сохраняются *мамо, бабо, девко, Окулино, Манько, Гришо* и пр. В Сибири *дево* в обращении довольно обычно. ¹¹⁸

По-видимому, невозможно сказать, когда именно выходят на употребление в живом русском языке звательные формы. Остатки их в фольклоре и в некоторых говорах сами нуждаются в объяснении. Взаимодействие книжного языка и народной речи было процессом обоюдным. А. И. Попов справедливо замечает, что в говорах мы найдем немало элементов, попавших в них из церковнославянского источника, в частности из речи начетчиков-старообрядцев и старообрядческой литературы. ¹¹⁹ Не исключено, что это относится и к звательным формам, на которые ссылается П. Я. Черных. Во всяком случае затухание этих форм на северо-востоке длилось в течение столетий. Началось оно по крайней мере в XI в. Уже в это время степень употребительности названных форм на северо-востоке была иной, чем на юго-западе. Лексическая ограниченность их в северо-восточной письменности XII—XVI вв. и их стилистическая окрашенность (о чем пишут все исследователи) указывают на то, что в живой речи населения северо-восточных областей звательные формы если и сохранялись, то лишь в отдельных именах и при определенных речевых ситуациях. Их употребление поддерживалось книжной традицией. На юго-западе они были живой категорией и сохранились до наших дней.

Выше было сказано, что замена звательной формы именительного падежа могла сопровождаться и обратным процессом: звательная форма стала использоваться как показатель именительного падежа. Исследователи давно обратили внимание на то, что в древнерусских памятниках, особенно новгородских и псковских,

¹¹⁷ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, стр. 162.

¹¹⁸ Там же, стр. 163.

¹¹⁹ А. И. Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, стр. 7—8.

встречаются формы вроде *загорѣса Савъкине дворе* (Новгородская Синодальная летопись под 1194 г.) = Савькинъ дворъ, а *останъке разидеса* (там же под 1215 г.) = останъкъ. Объяснение этой формы давалось различное (вплоть до попытки видеть здесь фонетическое изменение). Наиболее вероятное объяснение было выдвинуто еще А. И. Соболевским, который усматривает в этих необычных написаниях звательную форму в значении именительного падежа. А. И. Соболевский приводит довольно много примеров из новгородских и северодвинских памятников: *вдале Варламе* (Хутынская грамота около 1192 г.), *Юрьк Володимѣричъ, Юрьк съде* (Новгородская кормчая 1282 г.), *Завке ста на судѣ, Савке рче, Смене Ночине имале* (Двинская Рядная XIV—XV вв.) и т. д. «Памятники не новгородского происхождения XII—XIV вв. знают употребление формы звательного падеж. муж. р. вместо имен. падеж. почти исключительно в собственных именах, и то очень редко». ¹²⁰ А. А. Шахматов, вначале пытавшийся истолковать эти написания чисто фонетически, позже присоединился к точке зрения А. И. Соболевского. Он ссылается при этом на то, что форма звательного падежа в значении именительного известна и в других славянских языках, в частности в сербохорватском, и приводит много примеров из древнерусских памятников: *Александро, Лестько, Данило, Гаерило* и др. ¹²¹ Формы на -о известны всему древнерусскому языку, а формы на -е, особенно от основ на твердый согласный, — только в северо-западной и северодвинской письменности. Обычны они в новгородских берестяных грамотах: *нѣмцине, Лазъвке, Родиване, Падинозине, кожюхе, Марке, Фине* (= Филипп), *Стоике, Дом[асл]аве, Наузь, Филимонъ, Васке, Онтане, Максиме, Иване, Ортимие, Борисе, Петре, Смоланине, Домитре, Милославе, Нестере, Василке, Ондрике, Яковъ, лудине*. Формы типа *Харѣтонъ, послухо Игнато* в них единичны. Ср. еще смоленское: *посадникъ Александре Фомини* (Летопись Авраамки XV в.) и др. В. Р. Кипарский замечает: нужно учитывать, что древненовгородские писцы нередко ставили на конце слов *е* вместо *ь*, *о* вместо *ъ*, поэтому к такого рода примерам нужно подходить осторожно. ¹²² Это, конечно, верно. Однако *е* здесь стоит на месте *ъ*, а, главное, формы на -е имеются в современных северо-западных говорах: онеж. *Садке, Петре, вбронке* 'конь вороной масти', петрозаводск., олон. *гнеткѣ* 'домовой, который по ночам гнетет, давит человека, вызывая кошмары', остров. *псе* 'пес', пск., остров. *братке*, петрозаводск. *бурке*,

¹²⁰ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 192.

¹²¹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 49.

¹²² V. Kiparsky. Russische historische Grammatik, Bd. II. Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967, стр. 41.

Медвежьегор. *бурже* 'бурая лошадь', 'бурка' и др. Следовательно, это окончание по крайней мере с XII в. было одной из особенностей северо-западного диалектного ареала.

5. О распространении форм именительного падежа множественного числа *-ове, -еве*

Распространение окончаний *-ове, -еве* в склонении основ на *-ѡ, (-jѡ)* началось очень рано (как и *-ови, -еви* в дательном падеже) и в разных славянских языковых группах. Вероятно, в самом начале этого процесса данные формы стали специализироваться для обозначения категории лица, хотя и непоследовательно. Уже в памятниках старославянского языка мы находим такие примеры, как *попове* (Синайский требник), *доушове, сждове, змише, дарове, садове, зноше* (Супрасльская рукопись), *грѣшове* (Остромирово евангелие) и т. п. На основе контаминации окончаний *-и* и *-ове, -еве* появляются формы *-ови, -еви* и *-овы: жидови* (Зографское евангелие и другие памятники), *жижителеви* (Новгородская летопись 1097 г.) и др. Исходные формы предшествовали контаминированным, что подтверждает предположение о раннем распространении *-ове, -еве*. Позже происходит нарастание употребления *-ове, -еве*, а затем на восточнославянской почве — и их упадок. В разных диалектных зонах процесс этот протекал неравномерно, но не совсем так, как это происходило с окончаниями *-ови, -еви* в дательном падеже единственного числа.

Как мы видели выше, окончания *-ови, -еви* сохранились в современном украинском языке и на территории юго-западной Белоруссии. Иначе обстоит дело с формами *-ове, -еве*. Их нет в современном украинском литературном языке и большинстве говоров. Исключение составляет лишь *панове*, получившее стилистическую окраску. Однако в древних южнорусских памятниках и староукраинской письменности *-ове, -еве* были широко распространены. Л. В. Веневцева отмечает обычность употребления этих форм в молдавских грамотах: *братове, братаничеве, волохове, князове, предкове* и т. п., а также и *возове, кутове*.¹²³ На то же указывает и Н. С. Антошин: *татарове, свѣдкове* и др. «Флексия *-ове, -еве* настолько поправилась молдавским писарям, что в иных случаях ее употребляли и при изменении слов среднего рода, напр., *тоти селове*».¹²⁴ Эта флексия часто встречается в галицких грамотах: *лишове* и пр.¹²⁵ В. Демьянчук считает, что в юго-западных диалектах XIV—XV вв. она была значительно употребительнее, чем

в более позднее время.¹²⁶ По Ф. Ф. Медведеву, *-ове, -еве* были известны и в других украинских грамотах XIV—XV вв.¹²⁷ Продолжается употребление этого окончания и в украинской письменности XVI—XVII вв.

В богатой коллекции примеров на *-ове, -еве*, собранной А. А. Шахматовым, подавляющее большинство их приходится на южнорусские памятники, причем А. А. Шахматов пишет: «В южнорусских памятниках видим распространение *-ове* и на неодушевленные предметы. Вероятно, это стоит в связи с общим распространением в украинском окончаниях, свойственных одушевленному, в слова со значением неодушевленных». ¹²⁸ Окончание *-ове, -еве* встречается часто в самых различных жанрах южнорусской письменности, в том числе в летописном и житийном. Особенно часто оно в Ипатьевской летописи (в части «Повести временных лет» и в галицко-волынской летописи: *сторожеве, оуеве, псареве, приателеве, берендѣевѣ, татарове, лахове, медове, борове, дарове, станове, дворове, громове, оудове* и т. п. Ср. также в «Слове о полку Игореве»: *ратаевѣ, дятлове*, в «Житии Бориса и Глеба» по Успенскому списку XII в.: *бѣсове* и т. д. В некоторых случаях *-ове* становится признаком речевого штампа: *аки борове* (о поднятых копьях множества воинов) употребляется как образное сравнение во всей древнерусской письменности только в этой форме. Можно считать, что формы *-ове, -еве* были обычны для определенной категории слов в южной восточнославянской зоне XI—XVII вв. Л. С. Измайлова на основании анализа форм южнорусского по происхождению памятника «Хождение» игумена Даниила даже пишет: «В отличие от исконных форм, употребляемых и в разговорной речи, и в письменном литературном языке, новообразования на *-ове*, видимо, считались формами, принадлежащими обычно разговорной речи, и употреблялись главным образом в тех случаях, когда речь шла о вещах сугубо бытовых, определенных». ¹²⁹ По данным И. М. Керницкого, *-ове, -еве* в XVI в. употребляются главным образом в галицкой письменности, как религиозной, так и деловой. Имеются они и в молдавских памятниках, но очень редки в деловой письменности Волыни, Киевщины и Черниговщины.¹³⁰

Позже *-ове, -еве* стали выходить из употребления. Авторы «Историчної граматики української мови»¹³¹ полагают, что это

¹²⁶ В. Дем'яничук. Морфологія українських грамот XIV і першої половини XV в. Зап. істор.-філол. відділу ВУАН, кн. XVI. Київ, 1928, стр. 7.

¹²⁷ Ф. П. Медведев. Нариси з української історичної граматики. Харків, 1964, стр. 140.

¹²⁸ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 261.

¹²⁹ Л. С. Измайлова. Именное склонение. . . , стр. 13—14.

¹³⁰ И. М. Керницький. Система словозміни в українській мові. . . , стр. 54—55.

¹³¹ Исторична граматика української мови. Київ, 1962, стр. 216.

¹²³ Л. В. Веневцева. До характеристики морфологічних особливостей молдавських грамот. . . , стр. 105.

¹²⁴ Н. С. Антошин. Язык молдавских грамот XIV—XV вв., стр. 18.

¹²⁵ Л. А. Булаховський. Питання походження української мови, стр. 40.

было обусловлено распространением форм винительного падежа множественного числа на именительный падеж, с чем трудно согласиться, так как употребление форм винительного падежа в значении именительного и исчезновение окончаний *-ове, -еве* хронологически совершенно не совпадают. Формы *-ове, -еве* никогда не были единственно возможными и всегда или почти всегда сосуществовали в одних и тех же словах с окончаниями *-ы, -и*. Последние оказались более жизнеспособными и вытеснили своих конкурентов. В наше время *-ове, -еве* сохраняются в западноукраинских говорах (вероятно, не без поддержки польского и словацкого языков). И. Панкевич отмечает *-ове, -еве* в закарпатских говорах: *svatove, bratove, maistrove, ranove, synove, kumove, družbove, susidovi, princovi*.¹³² И. Верхратский записал у батюков *боярбве, дружббве, сватбве* и т. п.,¹³³ те же формы записал у гуцулов Б. В. Кобылянский¹³⁴ и др.

Примерно то же положение, что и на юге, сложилось и на западе. Как пишет Е. Ф. Карский, «в старинных западнорусских произведениях это окончание довольно обычно; живым белорусским говорам оно чуждо, хотя иногда заходит и сюда».¹³⁵ Многочисленные примеры, которые приводит Е. Ф. Карский, относятся к памятникам белорусской письменности XIV—XVII вв. самых различных жанров. В белорусских говорах XIX в. *-ове, -еве* еще изредка встречаются: *сватбве, братбве, жидбѣ, сталярбве* и др. Там же Е. Ф. Карский указывает, что это полонизмы, и приводит интересную запись Шейна: «. . . што за *ханове*, што за *сватове*. . . По-русску ходзюць, по-польску мовюць». Осознание употребления этих форм как характерных признаков польского языка (где в именах одушевленных они господствуют) у белорусов несомненно было, но вряд ли все случаи бытования *-ове, -еве* в белорусских говорах XIX в. можно приписать исключительно польскому влиянию. Среди них могли быть и рудименты, сохранившиеся от прежнего времени (ср. такие же рудименты в северновеликорусском фольклоре). В настоящее время *-ове, -еве* вовсе исчезли в белорусском языке. Как пишет И. М. Щербакова, «богатый и разнообразный материал, собранный для белорусского диалектологического атласа, совсем не дает нам примеров употребления *-ове* в современных белорусских говорах. В сочинениях белорусских писателей встречается только одна форма на *-ове — панове*».¹³⁶

¹³² И. Панкевич. Українські говори Підкарпатської Русі. . . стр. 189.

¹³³ И. Верхратский. Говір батюків. Зб. філол. секції наук. товариства ім. Шевченка, т. XV. Львів, 1912, стр. 46

¹³⁴ Б. В. Кобылянский. Діалект і літературна мова. Київ, 1960, стр. 51.

¹³⁵ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2, стр. 139.

¹³⁶ И. М. Щербакова. Формы назваўнага і вінавальнага склонаў назваўнікаў мужчынскага роду множнага ліку у сучаснай беларускай мове. В кн.: Даследаванні па беларускай і рускай мовах. Мінск, 1960, стр. 177.

Употребление *-ове, -еве* на севере и востоке восточнославянской территории было иным: хотя эти формы были там известны, но встречались они значительно реже, чем на юго-западе. В новгородских берестяных грамотах не встретилось ни одного случая употребления этих окончаний. Примеры, выбранные А. А. Шахматовым из севернорусских памятников, очень немногочисленны: *pop[o]ve, чехове, лажове* (1-я Новгородская летопись; последние относятся к древним летописным текстам, возникшим на юге), *послове* (Погодинский список Псковской летописи) и др. Среди них встречаются и такие, как *борове, дождеве, грозове, полкове, бродове, судове*. По их поводу А. А. Шахматов замечает: «Встречающиеся в таких памятниках формы на *-ове* от имен неодушевленных едва ли не обязаны книжному языку, языку, находящемуся под влиянием южнорусского».¹³⁷ Некоторые исследователи указывают на книжный характер *-ове, -еве* в северо-восточной письменности. В. П. Ананьева, исследовавшая грамматику «Казанского летописца» XVI в., считает, что *послове, врачеве* и другие аналогичные словоформы не были живой особенностью русского языка (за исключением *татарове* и, может быть, еще нескольких слов), а выполняли функцию стилистических признаков книжного языка. «Живой речи второй половины XVI в. формы на *-ове* не были известны».¹³⁸ М. А. Соколова нашла в «Домострое» только два примера явно книжного характера: *гранове* и *жидове*.¹³⁹ А. Н. Котляренко, отмечая окончание *-ы, -и* как норму в «Задонщине», приводит три примера на *-ове*: *хиновѣ, фрязове, щурове*.¹⁴⁰ Г. И. Демидова, обстоятельно исследовавшая историю форм *-ове, -еве* в русском языке, сообщает, что преобладающее число собранных ею словоформ (более 300) приходится на русские памятники книжно-литературного жанра и лишь около 20 словоформ извлечено из деловых документов, в основном из русско-ливонских актов (в чем можно усматривать воздействие западнорусского языка). «Для разговорного же языка северо-восточной Руси формы на *-ове* нехарактерны. Оказавшись без поддержки живой разговорной речи, формы на *-ове* с XV в. постепенно теряют свою силу и в письменных памятниках различных жанров великорусской народности».¹⁴¹ Впрочем, *-ове, -еве* еще держатся в XVI в. Б. О. Унбегаун приводит

¹³⁷ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 261.

¹³⁸ В. П. Ананьева. К вопросу о формах именительного падежа множественного числа имен существительных на *-и, -ы, -ове, -а* в «Казанском летописце». В кн.: Русский язык. Статьи и исследования. М., 1960, стр. 324.

¹³⁹ М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в., стр. 124.

¹⁴⁰ А. Н. Котляренко. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века, стр. 142.

¹⁴¹ Г. И. Демидова. Новообразования именительного падежа множественного числа на *-а* имен существительных мужского рода в памятниках XV—XVII вв. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 164, ч. IV, 1958, стр. 12.

из памятников XVI в. *сынове, татарове, угрове, фрязове, грекове, приставове*.¹⁴² П. Я. Черных полагает, что «окончание *-ове, -еве* постепенно (к XVI в.) закрепилось, по крайней мере в языке Москвы, за личными (особенно этническими названиями) существительными мужского рода: *татарове, угрове, грекове, также государеве*». ¹⁴³ По его мнению, как и по мнению Хр. Станга,¹⁴⁴ *-ове, -еве* в русском языке окончательно сходят на нет только в XVII в.

Так или иначе, нам представляется несомненным, что эти формы на юго-западе в XI—XVII вв. были явлением более обычным, чем на северо-востоке. Этому же мнению придерживается и П. С. Кузнецов, который пишет: «Больше всего таких форм обнаруживается в памятниках юго-западных и западных, т. е. возникших на территориях, где впоследствии, с дроблением древнерусской народности, оформляются языки украинской и белорусской народности (впоследствии наций)».¹⁴⁵

С. П. Обнорский отмечает форму *-ове* в современном северо-западном фольклоре: *дарове, панове, татарове, уланове* и приводит еще поговорку (явно книжного, церковнославянского происхождения), записанную П. А. Лавровским: «Данила в рове — испугалися *львове*».¹⁴⁶ Известно, что в былинах и исторических песнях имеются книжные речевые элементы, поэтому указанные примеры могут объясняться по-разному. Все же окончания *-ове, -еве* хотя и редко, но все же употреблялись в старину и на северо-востоке. Об этом свидетельствуют появившиеся, может быть фонетически, еще в XVI в. *-овя, -евя*: *татаровя, рейтаровя, улановя, бояровя* и др., изредка встречающиеся и в современном северновеликорусском фольклоре. В результате контаминации этой формы с окончанием *-ья* (*братья* и др.) появляются современные *-овья, -евья*: *сыновья, кумовья, зятевья, сватовья, дядевья* и др., которые в северновеликорусских говорах представлены более широким кругом слов и даже распространяются там на некоторые неодушевленные имена: *кустовья, кучевья, луговья* и др. Как справедливо замечает С. П. Обнорский, формы на *-овья* в неодушевленных именах существительных «несомненно позднейшего диалектического происхождения».¹⁴⁷ То же следует сказать о контаминированных формах *-ова*, возникших под влиянием формы *-ва* (*Литва, Мордва, татарва* и пр.): *боярева, кумова, сватова, дарова* и т. п., известных главным образом в северновеликорусских говорах.

¹⁴² В. О. U n b e g a u n. La langue russe au XVIe siècle, стр. 159—162.

¹⁴³ П. Я. Ч е р н ы х. Историческая грамматика русского языка, стр. 173.

¹⁴⁴ Chr. S t a n g. La langue du livre Učenje i čitrost'... , стр. 20.

¹⁴⁵ П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология, стр. 72.

¹⁴⁶ С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Множественное число. Л., 1931, стр. 72—73.

¹⁴⁷ Там же, стр. 78.

6. Возникновение окончаний *-а, -я* в именительном и винительном падежах множественного числа мужского рода

Окончания *-а, -я* в именительном и винительном падежах множественного числа мужского рода появились поздно и представляют собой специфическую особенность русского языка. В украинском языке *-а, -я* имеются только в некоторых существительных с собирательным значением, сблизившихся с именами среднего рода: *рукавъ, вусъ, хлібъ, віска, очеретъ, ліска, голоска*. Небольшое число примеров с этой формой встречается и в белорусских памятниках: *реастра, привелея, аргумента, догмата* (сплошь заимствованные слова).¹⁴⁸ В современных белорусских говорах изредка употребляются такие формы, как *мужья, цвѣта, города, труда*, которые Е. Ф. Карский объясняет как русизмы.¹⁴⁹ В самом русском языке формы на *-а, -я* в течение длительного времени фиксируются только в единичных словах, что свидетельствует о медленном и постепенном их распространении. Конечно, нужно учитывать также и то обстоятельство, что это новообразование возникло в устной речи и в книжном языке долго не могло получить признания. Первые примеры были отмечены Н. М. Каринским в Псковском Шестодневѣ 1374 г.: *фси бугра, фси путя*.¹⁵⁰ Единичными являются и примеры в письменности XV в.: *города* (Летопись Авраамки). Т. А. Иванова, обследовавшая значительный круг источников русского делового письма, обнаружила в памятниках XV—XVII ст. 16 имен существительных с окончанием *-а* в именительном-винительном падеже: *глаза, города, жернова, колокола* (от *колоколъ*, не *колоколо*), *лѣса, луга, мастера, мѣсяца, образа, рога, снѣга, сторожа, струга, стула, суда, тагана*,¹⁵¹ из них *глаза* и *рога* являются обозначением парных предметов. Форму *рога* А. И. Соболевский приводит из Чудовского Нового Завета XIV в., Амартола XIV в., Козьмы Индикоплова XVI в., но с согласованием именительного-винительного в двойственном числе (*рога висока*).¹⁵² В работе Г. И. Демидовой мы находим еще (в значении множественного числа) *мыта* (от *мытъ*), *рукава, вѣса, моста*.¹⁵³ Таким образом, нам пока известно всего около 20 имен, имеющих

¹⁴⁸ И. М. Щ е р б а к о в а. Формы именительного и винительного падежей существительных мужского рода множественного числа основ на *-а, -я* в белорусском языке. Автореф. канд. дисс. Минск, 1961, стр. 11.

¹⁴⁹ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, вып. 2, стр. 140.

¹⁵⁰ Н. М. К а р и н с к и й. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. Журн. Мин. нар. просв., Нов. сер., 1916, февраль, стр. 233.

¹⁵¹ Т. А. И в а н о в а. Из истории именного склонения. (К вопросу о происхождении именительного-винительного падежа множественного числа мужского рода на *-а* в русском языке). ВЯ, 1957, № 6, стр. 52.

¹⁵² А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка, стр. 218.

¹⁵³ Г. И. Д е м и д о в а. Новообразования именительного падежа. . . , стр. 71—86.

во множественном числе форму *-а*, в письменности XIV—XVII вв. Вряд ли можно ожидать, что новые разыскания значительно пополнят этот список.

Как замечает Т. А. Иванова, большинство слов этого рода относится к бытовой лексике. В разговорной русской речи XV—XVII вв., «несомненно, употребление формы им. пад. мн. ч. на *-а* было более широким».¹⁵⁴

В XVIII в. количество имен с формой *-а* увеличивается, но старые формы еще продолжают преобладать. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова 1755 г. без колебаний даются только *роза, бока, глаза*, остальные примеры выступают в виде вариантов: *береги—берега, луги—луга, лѣсы—лѣса, острова—острова, снѣги—снега, струи—струга, колоколы—колокола*. Рост форм на *-а* продолжается в XIX—XX вв. В «Грамматике» А. Х. Востокова¹⁵⁵ слов с такой формой уже 70, в списке В. И. Чернышева¹⁵⁶ их уже около 200, в исследовании С. П. Обнорского, учитывавшего и весь доступный ему диалектный материал,¹⁵⁷ — около 400, а А. С. Фидровская приводит уже свыше 600 таких слов.¹⁵⁸ Как отмечает Я. Домин, распространение форм на *-а* в наше время представляет собой исключительно активный процесс.¹⁵⁹

Формы на *-а, -я* довольно быстро охватили почти всю русскую территорию («Эта форма одинаково употребительна как в севернорусских (новгородских, двинских, кольских, кашинских и др.), так и в южнорусских (рязанских, тульских, воронежских, донских, оскольских и др.) документах. В московских грамотах и актах эта форма встречается постоянно».¹⁶⁰ Исключение представляет собой западная полоса русских говоров, в которой и до сих пор наряду с *-а, -я* можно встретить формы *-ы, -и*: *боки, береги, глаза, снега* и пр. По данным диалектологического атласа русского языка, говоры, сохраняющие формы *-ы, -и*, приблизительно расположены западнее линии Севск—Брянск—Вязьма—Сычевка—Новгород, а островками разбросаны и в некоторых других районах.¹⁶¹ Старые формы встречаются и в фольклоре разных местностей.

Происхождение форм на *-а, -я* давно уже обсуждается исследователями. Обзор относящихся к этому вопросу гипотез дан в ра-

¹⁵⁴ Т. А. Иванова. Из истории именного склонения, стр. 54.

¹⁵⁵ А. Х. Востоков. Русская грамматика. Изд. 1-е. СПб., 1831.

¹⁵⁶ В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Пгр., 1915.

¹⁵⁷ С. П. Обнорский. Именное склонение. . . , вып. 2, стр. 1—48.

¹⁵⁸ А. С. Фидровская. Имена существительные мужского рода с формами на *-а* в именительном падеже множественного числа. (Опыт нормативного изучения). Изд. Казанского унив., 1961.

¹⁵⁹ Я. Домин. Существительные мужского рода на *-а (-я)* в именительном падеже множественного числа. Русский язык в школе, 1967, № 6, стр. 73.

¹⁶⁰ Т. А. Иванова. Из истории именного склонения, стр. 54.

¹⁶¹ Некоторые новые данные о русских народных говорах. (По материалам диалектологических атласов). ВЯ, 1957, № 5 (без подписи).

ботах Т. А. Ивановой,¹⁶² А. С. Фидровской¹⁶³ и Г. И. Демидовой.¹⁶⁴ Гипотезы эти можно разделить на три основные группы: 1) исходной базой новых форм были имена собирательные, 2) формы на *-а, -я* возникли под воздействием форм именительного-винительного падежа множественного числа среднего рода, 3) решающую роль в образовании новых форм сыграли формы двойственного числа.

Еще Ф. И. Буслаев выдвинул предположение, что формы на *-а* возникли под воздействием имен собирательных на *-ие, -ье (-ия, -ья)* и особенно на *-а, -ия, -ья*.¹⁶⁵ Эта мысль была развита А. И. Соболевским.¹⁶⁶ Как указывает А. И. Соболевский, в древнерусском языке употреблялись существительные женского рода с собирательным значением типа *своя, латина, господа, князья* (откуда *князья*), *братья, зятя* и пр., которые нередко имели при себе глагол и определение во множественном числе. Вследствие такого согласования указанные существительные постепенно стали пересмысляться, теряя свою собирательность и приобретая значение множественного числа. Равным образом и имена среднего рода *каменья, колья* и пр., изменившиеся в *каменья, колья*, также стали обозначать множественное число. Эти формы вызвали образование типа *города, леса*. Впоследствии многие исследователи так или иначе считались с собирательными именами как одним из факторов образования интересующих нас форм. Однако сразу после выхода в свет исследования А. И. Соболевского против этой гипотезы выступил И. В. Ягич, который указал, что предположение А. И. Соболевского противоречит фактам: во-первых, непонятно, почему собирательные одушевленные вызвали формы на *-а, -я* у имен неодушевленных, во-вторых, далеко не все собирательные на *-а, -я* имеют окончное ударение, тогда как все имена множественного числа мужского рода типа *городя* обязательно имеют окончное ударение.¹⁶⁷

И. В. Ягич выдвинул иное предположение: «Разница же между *глоба и голоса, пберега и погребя, бжорока и ожорока* напоминает очень живо такое же различие у существительных среднего рода: *слоба и слова, дѣрева и деревя*. Спрашивается, не действовала ли тут в самом деле аналогия окончания среднего рода на

¹⁶² Т. А. Иванова. Из истории именного склонения, стр. 50—52.

¹⁶³ А. С. Фидровская. К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. Уч. зап. Казанск. гос. унив., т. 112, кн. 6, 1952.

¹⁶⁴ Г. И. Демидова. Новообразования именительного падежа. . . , стр. 72—76.

¹⁶⁵ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1868, стр. 243—244. Изд. 7. М.: КомКнига, 2006.

¹⁶⁶ А. И. Соболевский. Лекция по истории русского языка. Киев, 1888, стр. 152—154. Изд. 5. М.: УРСС, 2005.

¹⁶⁷ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, стр. 114.

-а?». ¹⁶⁸ Эта гипотеза была поддержана И. А. Бодуэном де Куртене, ¹⁶⁹ Б. О. Унбегауном, ¹⁷⁰ Л. А. Булаховским и рядом других ученых. Л. А. Булаховский, сомневаясь в предположении, согласно которому исходной базой для новых форм послужили существительные парного значения типа *берега, рогá*, писал: «Первоначально они могли звучать в соответствии с показанием словенского языка как *bérega, rōga*, а потом по аналогии отношений в Neutra — род. ед. *slava*: им.-вин. мн. ч. *slavá* изменить место ударения. В дальнейшем обобщении подударного *-a* играли роль эти уже образовавшиеся из Dualis формы мн. ч. на *-a* и аналогия Neutra вообще». ¹⁷¹ Могло иметь значение также и то обстоятельство, что в древнерусском языке имелись имена, род которых колебался: *оболокъ (облакъ) — облако, пькъль (пьколъ, пекль) — стекло, сверделъ — свѣрдьло, припѣль — припѣло, гръзнъ — гръзано, дивѣ — диво, бытъ — было, мытъ — мыто, удѣ — удо, торокъ — тороко*. Колебания между мужским и средним родом в какой-то мере могли способствовать переносу форм именительного-винительного падежа множественного числа среднего рода на те же формы мужского рода. ¹⁷²

Г. И. Демидова, не отрицая воздействия различных факторов на образование форм на *-a*, отдает предпочтение влиянию имен среднего рода, выдвигая для этого следующие основания: 1) ранние формы им.-вин. пад. мн. ч. на *-a* представлены, как правило, именами, колеблющимися между мужским и средним родом: *колокол(о), мыт(о), лѣс(о)*; 2) все формы им.-вин. пад. мн. ч. м. р. на *-a* в XV—XVII вв. принадлежат существительным, обозначающим категорию не-лица (особняком стоит форма *мастера*), а, как известно, категория лица чужда среднему роду; 3) убедительным представляется акцентологическое воздействие род. пад. ед. ч. — им. пад. мн. ч. имен среднего рода (*облака — облакъ*) на акцентное отношение новых форм в род. пад. ед. ч. — им.-пад. мн. ч. (*бѣрега — берега*); 4) средний род тесно связан с категорией собирательности в семантическом (отвлеченность, обобщенность, «негация рода») и формальном отношениях (окончание *-a* имен среднего рода этимологически тождественно окончанию *-a* имен собирательных); «а так как средний род был собирательным, то это дает возможность рассматривать в тесной связи взаимодействие имен собирательных и имен среднего рода. Этим самым достигается некоторое единство в подходе к изучению причин происхождения форм на *-a*». ¹⁷³

¹⁶⁸ Там же, стр. 114.

¹⁶⁹ И. А. Бодуэн де Куртене. Лингвистические заметки и афоризмы. Журн. Мин. нар. просв., 1903, май, стр. 5.

¹⁷⁰ В. О. Унбегаун. La langue russe au XVIe siècle, стр. 216.

¹⁷¹ Л. А. Булаховский. Игтонация и количество форм Dualis именного склонения в древнем славянском языке. Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, т. V, вып. 4, 1946, стр. 302.

¹⁷² V. Kiragsky. Russische historische Grammatik, II, стр. 47.

¹⁷³ Г. И. Демидова. Новообразования именительного падежа. . . , стр. 85.

Иначе к освещению происхождения интересующих нас форм подошел А. А. Шахматов, гипотеза которого получила широкое распространение среди русистов. Как известно, в древнерусском языке старшего периода существовала категория двойственного числа, которая требовала полного согласования имен существительных с числительным *дѣва: дѣва брата* (им. пад. дв. ч.). С числительными *три, четыре* существительные согласовывались во множественном числе (*трие города, четыре стѣны*), а числительные *пять—десять* управляли существительными, которые стояли при них в родительном падеже множественного числа (*пять городѣ, шесть стѣнъ* и т. п.). С утратой двойственного числа неминуемо должны были возникнуть «попытки обобщения той или иной системы». Представление о двойственном числе сменилось представлением о множественном числе. Возникают такие обороты, как *самѣ* (мн. ч.) *два брата* *бесерменина утекла* (Лаврентьевская летопись под 1284 г.), *ва два города галичскими* (прилагательное стоит во множественном числе, Ипатьевская летопись) и др. Форма *два города* в русском языке стала осознаваться как сочетание числительного *два* с именем существительным в родительном падеже единственного числа (так же как и *три, четыре города* по аналогии с управлением числительных *пять—десять* родительным падежом). В то же время с *два города* ассоциировалось и представление о множественном числе именительного падежа (ср. новую вариантную форму *два города*, возникшую по аналогии с *трие, четыре города* и употреблявшуюся в древнерусских памятниках). Возникшее противоречие в русском языке разрешилось тем, что за *два города* закрепилось значение родительного падежа единственного числа, а форма *города* (вне сочетания с числительным *два*) получает значение именительного-винительного падежа множественного числа. По мнению А. А. Шахматова, имена с формой на *-a* в двойственном числе именительного-винительного падежа имели окончное ударение (*дѣва городá, носá, разá, родá* и пр.), что и объясняет, почему все формы на *-a* именительного-винительного множественного числа мужского рода имеют окончное ударение. Так возникли интересующие нас формы, являющиеся специфической особенностью русского языка. Важно отметить, что замена согласования существительных в двойственном числе с числительным *дѣва* управлением существительным в родительном падеже единственного числа происходит главным образом в русском языке, тогда как в украинском и белорусском языках получает преимущественное распространение согласование с числительным *два* существительных во множественном числе, что бросает свет на то, почему формы на *-a* в им.-вин. пад. мн. ч. мужского рода употребляются только в русском языке. ¹⁷⁴

¹⁷⁴ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 207—219.

С. П. Обнорский, принявший гипотезу А. А. Шахматова, указывает на ее недостатки. Главным недостатком этой гипотезы он считает наличие многих исключений из общего правила, согласно которому все слова с подвижным ударением должны были бы иметь форму на *-а*, чего на самом деле нет (ср. *столбы́, посты́, дворы́, суды́* и т. п.). Сам С. П. Обнорский решающее значение придает акцентологическому фактору: формы на *-а* образовались в односложных именах существительных с подвижным ударением, в которых первоначальное ударение было на исконно кратких или нисходящих гласных основы.¹⁷⁵ Однако остается неясным, как объяснить большой хронологический разрыв между ранней утратой квантитативно-интонационных особенностей ударяемых гласных и поздним возникновением форм на *-а*.

Т. А. Иванова выдвинула новые варианты гипотезы образования форм на *-а* в связи с утратой категории двойственного числа. Ссылаясь на мнение Н. Ван-Вейка и Л. А. Булаховского, она считает, что в именительном и винительном падеже единственного числа ударение было не на конечном гласном (*збрѡда*, а не *городѡ*) (хотя сам Л. А. Булаховский признавал дискуссионность этого предположения), следовательно, гипотеза А. А. Шахматова в одном из ее важных положений не оправдывается. Как полагает Т. А. Иванова, возникновение форм на *-а* связано с историей сочетаний числительных *два* и *оба* с существительными. Осмысление этих сочетаний во множественном числе было в русском языке не таким, как в других славянских языках. Существительные с числительными *два* и *оба* стали осознаться как формы родительного падежа единственного числа, причем то же в порядке обобщения произошло и с сочетаниями существительных с числительными *три*, *четыре*. Однако в течение длительного времени формы имен существительных в этих сочетаниях колебались: то выступал родительный падеж единственного числа, то старый именительный-винительный падеж множественного числа, что захватило и слова среднего рода. В среднем роде употреблялось *два, три, четыре мѣста* и *два, три, четыре мѣста*. По аналогии со словами среднего рода стало употребляться *два, три, четыре збрѡда* и *два, три, четыре городѡ*, а затем «и просто *городѡ*, как и в именах среднего рода».¹⁷⁶ Формы на *-а* в мужском роде образовались только в тех существительных, в которых, как и в именах среднего рода, ударение было подвижным. В отличие от русского языка в украинском и белорусском языках не было взаимовлияния форм в указанных словосочетаниях, поэтому формы на *-а* в этих языках не получили своего развития.

Все изложенные выше гипотезы имеют свои уязвимые места. Как замечает В. Кипарский, безударные окончания *-ѡ* имеют

своим исходным пунктом формы женского рода собирательные (*братѡ = frat̃ia*) и имеют совершенно другое происхождение по сравнению с формами на *-а*.¹⁷⁷ Влияние собирательных форм и форм среднего рода остается непонятным, поскольку нельзя объяснить, почему в таком случае формы на *-а* не распространились в других славянских языках (условия их предполагаемого влияния имелись в украинском и в белорусском языках). С этой точки зрения является более убедительной гипотеза о связи происхождения форм на *-а* с историей сочетаний существительных с числительными *два, три, четыре*. Однако перенос форм существительных из сочетаний с числительными в свободное их употребление не имеет себе аналогий в других языках и плохо подкрепляется фактами. Как было сказано выше, первые фиксации форм на *-а* именительного-винительного падежа мужского рода относятся к XIV—XV вв. Между тем А. М. Иорданский в своем обстоятельном исследовании приходит к выводу, что «употребление форм на *-а* после числительных *три* и *четыре* стало обычным только к XVIII веку. . . Лишь в еще более поздний период формы родительного единственного на *-а* нормализуются в литературном языке в сочетаниях с числительными *три* и *четыре* как единственно возможные формы».¹⁷⁸ Как известно, причина обычно предшествует следствию.

Как кажется, наиболее естественно первичной базой форм на *-а* считать существительные с подвижным ударением, издревле употреблявшиеся в свободном двойственном числе (*рога, бока* и др.), о чем в свое время писали А. Белич,¹⁷⁹ Р. Нахтигаль¹⁸⁰ и другие исследователи, но и в этом предположении многое остается неясным. Не исключено, что формы на *-а* в русском языке получили широкое распространение в результате сложного действия целого комплекса различных факторов.

7. Развитие родительного-винительного падежа имен одушевленных

Как известно, уже в древнейших памятниках славянской письменности в названиях лиц в склонении основ на *-ѡ* (а затем и в других основах склонения) форма старого винительного падежа в единственном числе нередко замещается формой родительного падежа (*оузърѣ Ісоуса идѣща* — в Остромировом евангелии, *зѡваахъ слѣпѣца, зѡзърѣ на Петра* — в Мариинском евангелии и т. п.). Это явление давно уже привлекает к себе внимание славистов,

¹⁷⁷ V. Kiparsky. Russische historische Grammatik, II, стр. 47—48.

¹⁷⁸ А. М. Иорданский. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960, стр. 110.

¹⁷⁹ А. Белич. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932, стр. 177.

¹⁸⁰ R. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Heidelberg, 1922, стр. 169.

¹⁷⁵ С. П. Обнорский. Именное склонение. . . , вып. 2, стр. 25—26.

¹⁷⁶ Т. А. Иванова. Из истории именного склонения, стр. 57.

которые высказали о его происхождении различные гипотезы; ср. работы А. Мейе,¹⁸¹ К. Мюленбаха,¹⁸² В. Вондрака,¹⁸³ Н. П. Некрасова,¹⁸⁴ А. И. Томсона¹⁸⁵ и многих других. В нашу задачу не входит давать оценку этим гипотезам, поскольку история родительного-винительного падежа имен одушевленных в единственном числе, начало которой относится еще к общеславянскому периоду, не дает на восточнославянской почве каких-либо данных для установления диалектных зон. Как устанавливает Е. И. Кедайтене, «развитие формы родительного-винительного падежа от названий лиц в ед. числе происходило одинаково и одновременно как на юге, так и на севере, западе и в средней Руси».¹⁸⁶

Иначе обстояло дело во множественном числе. Во множественном числе в древнерусском языке именительный и винительный падежи различались, и лишь только со времени их совпадения возникает необходимость в их дифференциации. Первые случаи употребления родительного падежа в значении винительного в письменности появляются поздно — в XIV в.: *пожаловалъ есмь соколниковъ печерскихъ* (грамота Ивана Калиты в копии XIV в.), *остави мертвыхъ погребсти своя мертвеца* (Евангелие 1383 г.), *знаеть своего истца или дѣтѣи его* (Новгородская грамота 1371 г.), а *велѣлъ миръ имати на семъ аже братью нашу попуцати без окупа, новгородскихъ бояръ и новоторьскихъ бояръ, житыхъ мѣдѣи и сирот Новгородской волости* (Новгородская грамота 1372 г.) и т. п. Довольно много замен формы винительного падежа формой родительного имеется в Лаврентьевском списке летописи 1377 г. и других северных летописных списках. Бросается в глаза, что в южных и западных письменных памятниках не только XIV, но и XV в. такие замены единичны. Следовательно, в XIV в. восточнославянская территория делится на две зоны: 1) северо-восточную, где замена форм винительного падежа

¹⁸¹ A. Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux slave. Paris, 1897.

¹⁸² К. Мюленбах. Об употреблении родительного падежа вместо винительного в славянских языках. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1899, т. IV.

¹⁸³ V. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1900, стр. 282 и след.

¹⁸⁴ Н. П. Некрасов. 1) О заменительных падежах: родительном и винительном в современном русском языке. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1905, т. X, кн. 2; 2) По поводу двух статей А. И. Томсона о родительном-винительном падеже. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1909, т. XIV, кн. 3.

¹⁸⁵ А. И. Томсон. 1) Родительный-винительный при названиях живых существ в славянских языках. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1908, т. XIII, кн. 2; 2) К вопросу о возникновении родительного-винительного падежа в славянских языках. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1909, т. XIV, кн. 1.

¹⁸⁶ Е. И. Кедайтене. Формы винительного и формы родительного-винительного падежа от названий лиц и одушевленных предметов по оригинальным памятникам восточнославянской письменности. Автореф. канд. дисс. М., 1958, стр. 8.

формами родительного становится частой, и 2) юго-западную, где эта замена реализуется лишь спорадически. Следы такого разделения сохраняются до настоящего времени.

Замена формы винительного падежа формой родительного сначала проводилась в названиях лиц, а позже — в названиях животных, птиц и других одушевленных существительных. «На основании фактического материала, извлеченного главным образом из грамот, а также из летописей, можно предположить, что замена старой формы винительного падежа формой родительного-винительного во множ. числе проходила неодновременно на территории древней Руси. В западных памятниках, отражающих особенности тех говоров, которые впоследствии легли в основу белорусского языка, и в южных памятниках, отражающих особенности говоров, легших в основу украинского языка, существительные, обозначающие лиц, во множ. числе в XIV в. засвидетельствованы только в старой форме винительного падежа, если не считать единичных случаев, отмеченных в форме родительного-винительного падежа. В московских же памятниках, напротив, форма родительного-винительного падежа быстро распространяется на названия лиц, и к концу XIV в. отмечены лишь отдельные случаи употребления старых форм».¹⁸⁷ В XV в. в русском языке новая форма становится нормой, хотя в определенных сочетаниях и в отдельных жанрах старая форма сохраняется и позже. Начиная с XVII в. форма родительного падежа распространяется и на существительные, обозначающие животных, птиц и иные живые существа. Несколько раньше, в XVI в., родительный падеж в значении винительного проявляется в названиях лиц женского пола, ср. в «Домострое»: *и рабынь научити, и подобает поучити мужемъ женъ своих*. В современном русском литературном языке старая форма сохраняется в известных продуктивных сочетаниях: *в солдаты, в офицеры, в студенты, в профессора, в люди* и т. п. В говорах отмечаются незначительные остатки старого винительного падежа в названиях животных, птиц и пр.: *посмотри кони* (волог.), *пошел кони искать* (КАССР), *бьет звери, пасу коровы, гоню овцы* (сиб.), *попы, попы, возьмите наши клопы* (тульск.) и др.

В украинском языке замена формы винительного падежа формой родительного началась позже, чем в русском, развертывалась медленнее и осталась незавершенной и в настоящее время. Даже в XVII в. в украинской письменности старая форма в названиях лиц представлена еще довольно широко. Часто встречается она в современном фольклоре (*присилай свати до хати; свої кавалери вікном випускає* и пр.) и является характерной особенностью современных юго-западных украинских говоров. В названиях животных и птиц современные украинские говоры употребляют старую и новую формы.

¹⁸⁷ Там же, стр. 9.

По наблюдениям И. М. Щербаковой, в белорусской письменности XIV—XVI вв. обычна форма винительного падежа, а форма родительного падежа употребляется редко. Лишь только в XVII в. обороты типа *за другиx товарищов, врядниковъ поставити* получают достаточное распространение. В современном белорусском литературном языке форма родительного-винительного падежа является нормой. Старая форма часто встречается в фольклоре. Старую форму сохраняют южные белорусские говоры, а северные (гродненские, молодеченские, могилевские и витебские) ее утратили (за исключением *пагнаў кони*). Минские говоры по этой особенности являются переходными между южными и северными. Ареал старой формы, употребляющейся независимо от лексического состава, лежит южнее линии Берестовичи—Волковыск—Руденск—Бобруйск—Речица—Лоев.¹⁸⁸

8. О возникновении и распространении падежной формы *-охъ*

К одному из ранних проявлений обобщения окончаний в именном склонении множественного числа относится возникновение формы местного падежа *-охъ* и распространение ее на различные основы склонения. Многие лингвисты датируют это явление X—XI вв. Окончание *-охъ* появляется уже в старославянских памятниках, сначала в склонении основ на *-й*, а затем и на *-ѡ*: *домохъ* (Зографское, Марииное, Ассеманиево евангелия, *сынохъ* (Синайская псалтырь), *дарохъ* (Синайский Евхологий), *жидохъ* (Супрасльская рукопись) и др. То, что здесь не фонетическое изменение *ъ* в *о* (*-ъхъ* > *-охъ*), а результат обобщения в основах на *-й* окончаний под воздействием основ на *-ѡ*, указывает то обстоятельство, что *-омъ*, *-охъ* вместо *-ѡмъ*, *-ѡхъ* имеются в Саввиной книге и Супрасльской рукописи, в которых нет замены гласного *ъ* гласным *о*. «Такое образование обязано воздействию форм с прежней основой на *-о*: *братомъ*, *возомъ*, *возомъ*; основа с *о* проведена в этих новообразованиях и в форму местного множественного вместо *ъ* [*хъ*]».¹⁸⁹

Окончание *-охъ* распространилось в различных славянских языках. А. Лавров в свое время привел ряд примеров из среднеболгарской Хроники Манасия XIV в.: *въ внукохъ, въ егунтѣнохъ, въ филосоfoxъ, въ вѣтрохъ, на плещохъ, древесохъ, о мужеубиствохъ* и др.¹⁹⁰ Из рукописи Григоровича № 1735 А. Лавров извлекает и пример на женский род: *въ водохъ*. До-

полнительные примеры из Хроники Манасия приводит К. Мирчев.¹⁹¹ Форма *-охъ* имеется и в других среднеболгарских памятниках. Например, в волошских грамотах 1369—1490 гг., изданных в 1938 г. П. П. Панаитеску, она встречается в десятках случаев, в том числе и в среднем роде: *на чадохъ*. Отмечается эта форма, хотя и реже, в болгаро-молдавских грамотах, в болгарских памятниках более позднего времени (XVI—XVII вв.)¹⁹² и исчезает из болгарского языка вместе с утратой им склонения. Окончание *-охъ* употреблялось и в сербохорватском языке с XII до конца XVII в., причем также в среднем роде (*селоx, лѣтоx* и др.), и, кроме того, в мягком склонении (*пристанищох, архіереоx*),¹⁹³ известно оно и в старом словенском языке: *rokoх, hriboх, otrokoх*.¹⁹⁴ Неоднократно описывалось употребление формы *-охъ* в западнославянских языках. В старопольской письменности она известна с XV в. в склонении имен мужского и среднего рода разных основ: *narodoch, króloch, dnioch, krajoch, synoch* и т. п., перешла в слова женского рода на *-i* (*postacioch, geşloch* и др.), позже и в другие имена женского рода (*rekoх* и пр.), но во второй половине XVII в. исчезла. Такое же употребление *-охъ* установлено в древних чешских и словацких памятниках.

Как отмечает в своей обстоятельной работе Г. Ожеховская, окончание *-охъ* в южнославянской области было распространено главным образом в ее северо-восточной части, территориально наиболее близкой к Украине (реже оно употреблялось у сербохорватов, а у словен известно только с конца XVII в.), на западе — на чехословацкой территории (особенно у словаков) и у лужичан, а в Польше прежде всего — в южнопольских говорах.¹⁹⁵ Учитывая распространение *-охъ* у восточных славян, можно сказать, что это окончание было характерно для центральнославянских территорий. Его можно назвать особенностью карпатского диалектного ареала, имевшего обширную территорию. Примерно с XVII в. окончание *-охъ* всюду стало исчезать, сохранившись лишь в части чешских и большинстве словацких говоров, а также в словацком литературном языке, в верхнелужицких и частично в нижнелужицких говорах.

В восточнословацких говорах окончание *-охъ* сосредоточено главным образом в юго-западной их части, что доказывается как показаниями древней письменности, так и современными свиде-

¹⁹¹ К. Мирчев. Историческа граматика на български език. София, 1958, стр. 151, 153.

¹⁹² См.: Hanna Orzechowska. Locativus pluralis na *-охъ w językach słowiańskich. Rocznik slawistyczny, XXVI, 1. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, стр. 40—41.

¹⁹³ Там же, стр. 42.

¹⁹⁴ F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952, стр. 49.

¹⁹⁵ См.: Hanna Orzechowska. Locativus pluralis na *-охъ. . ., стр. 48.

¹⁸⁸ И. М. Щербакова. Формы именительного и винительного падежей. . ., стр. 13.

¹⁸⁹ А. М. Селіщев. Старославянский язык, ч. II. Учпедгиз, М., 1952, стр. 95. Изд.3. М.: УРСС, 2005.

¹⁹⁰ А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, стр. 181.

тельствами. В молдавских грамотах XIV—XV вв., по наблюдениям Н. С. Антошина, примеры на эту форму относятся к различным основам склонения: на *чадохъ, часохъ, оу селохъ, на млинохъ*.¹⁹⁶ Л. В. Веневцева добавляет к этим примерам из тех же грамот *в грабежахъ, местохъ, въ записохъ*,¹⁹⁷ а Г. Ожеховская — *оу днохъ, у Ясохъ, въ Олтмохъ*.¹⁹⁸ В этих грамотах окончание *-охъ* появляется и в родительном падеже: *от оурадничкохъ, от селохъ, от панохъ, от тръгохъ, от Ясохъ*.¹⁹⁹ То же явление отмечается и в части современных словацких говоров.²⁰⁰ В войтовских книгах XVI—XVII вв., написанных на Лемковщине, И. М. Керницкий фиксирует: *в тых бокохъ, присяжничкохъ, в садохъ*.²⁰¹ В другой своей работе И. М. Керницкий сообщает, что окончание *-охъ (-ухъ)* в XVI в. хотя и редко, но встречается не только в галицкой письменности, но и в украинских памятниках других территорий.²⁰² И. Г. Чередниченко указывает, что форма *-охъ* в закарпатских говорах XVIII в. была обычна как в значении местного, так и в значении родительного падежа: *на високихъ грункохъ, на телекохъ, на загородахъ, другихъ хуторохъ, від звіріхъ*.²⁰³ Форма *-охъ* имеется и в украинских грамотах XIV в. (изд. В. Розовым): *на землянохъ, на ланохъ, на листохъ, при городицохъ, ловчихохъ*.²⁰⁴ В настоящее время эта форма употребляется довольно часто в закарпатских говорах (наряду с *-ах* и новой формой *-ах*), причем в западной их части она преобладает: *и varošoch, и lisoch, и Lyčkoch, пры vojakoch, ро lisoch, на dубoch, ро tych rapoch, в потокохъ, о годоx, по пецох, в міхоx, в кошарох, по Ясенох* и др.²⁰⁵ В тех же

¹⁹⁶ Н. С. Антошин. Язык молдавских грамот XIV—XV вв. М., 1961.

¹⁹⁷ Л. В. Веневцева. До характеристики морфологічних особливостей мови молдавських грамот. . .

¹⁹⁸ Hanna Ogrzeszowska. Locativus pluralis na *-охъ. . ., стр. 46.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ См.: J. Stanislav. Dějiny slovenskeho jazyka, II. Tvaroslovie. Bratislava, 1958, стр. 21, 82.

²⁰¹ И. М. Керницкий. Морфологічні особливості мови «війтівських» книг с. Одрехови, колишнього Сяноцького повіту, на Лемківщині. В кн.: Дослідження і матеріали з української мови, т. V. Київ, 1962, стр. 94.

²⁰² И. М. Керницкий. Система словозміни в українській мові. . ., стр. 62—63.

²⁰³ И. Г. Чередниченко. Діалектні явища закарпатських українських говорів кінця XVIII с., засвідчені урбаріальними записами 1772—1774 років. Питання історії і діалектології східнослов'янських мов. Вид. Чернів. держ. унів., 1958, стр. 86.

²⁰⁴ В. Дем'янчук. Морфологія українських грамот XIV і першої половини XV в., стр. 83.

²⁰⁵ И. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі. . ., 1938, стр. 395—398; И. Г. Чередниченко. Деякі особливості говірок Ужгородської округи Закарпатської області. Діал. бюл., вип. 2. Київ, 1956, стр. 56.

говорах *-охъ* может употребляться и в родительном падеже: *від тых волохъ, до тых хлопохъ, зо снопохъ, для тых быкохъ, двохъ воякохъ, великихъ панохъ*. Наличие *-охъ* в говорах Закарпатья (особенно около Ужгорода) поддерживается соседством словацких говоров, где эта форма господствует.²⁰⁶

Однако закарпатские говоры не представляют собой исключения. Форма *-охъ* отмечается в говорах Поднестровья (после мягкой основы: *на з'ат'охъ, у пол'охъ, у чбот'охъ*),²⁰⁷ в других юго-западных говорах,²⁰⁸ а также, как пишет С. П. Бевзенко, ее можно встретить и на востоке, вплоть до черниговских и слобожанских говоров.²⁰⁹ Форма *-охъ* (в твердом и мягком склонении) нередко встречается и в литературе XIX в. Ср. *в пісняхъ, по книжничьохъ* (М. Шашкевич).²¹⁰ В украинских письменных памятниках и в современных украинских говорах окончание *-охъ* употребляется и в мягком склонении. По мнению ряда исследователей, такое употребление *-охъ* в украинском, а также белорусском языках является поздней специализацией этой формы.²¹¹ Н. К. Грунский и П. К. Ковалев считают, что *-охъ* в украинских памятниках от основ на *-і* — явление позднее, к тому же встречающееся редко.²¹²

Форма *-охъ* известна в белорусских памятниках начиная с XIV в.: *о бѣлгцохъ* (1347 г.), *в грабежохъ* (1502), *на замкохъ* (1579), *о полоненикохъ* (1580), *на мещанохъ* (1605),²¹³ *домоx* (Тайна Тайных XVI в. и др.),²¹⁴ *на гневоx, в Грекоx, в Дякоx* (Радзивилловская летопись)²¹⁵ и т. п. Эта форма проникает и в древнеческовский говор: *на столнохъ* (Псковский сборник XVI в.). По данным диалектологического атласа белорусского языка, произношение на *ұрыбъx, на муъbъx, у кабанъx, у садъbъx, на плуъbъx, на л'асъbъx, пры панъbъx, пры сынъbъx, на снапъbъx, на валъbъx* и т. д. занимает обширный ареал на территории Белоруссии. Распространена форма *-охъ* в юго-западных

²⁰⁶ См.: И. Г. Чередниченко. Діалектні явища. . ., стр. 86.

²⁰⁷ В. П. Логвин. Морфологічна система говірок. . ., стр. 37.

²⁰⁸ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1965, стр. 96.

²⁰⁹ См.: С. П. Бевзенко. Історична морфологія української мови, стр. 92.

²¹⁰ Українська діалектна морфологія. Київ, 1969, стр. 139.

²¹¹ См.: J. Mackiewicz, A. Muraszka, A. Obrębska-Jabłońska. O niektórych gramatycznych osobliwościach gwar białoruskich. Slavia orientalis, XI, 1, 1962; E. Smutkova. Przykłady zróznicowania morfologicznego gwar białoruskich Białostoczczyzny. Z prac na IV zjazd slawistów. Komitet Językoznawstwa. Warszawa, 1958, стр. 45—56.

²¹² См.: М. К. Груньський, П. К. Ковалів. Нариси з історії української мови. Львів, 1941, стр. 152.

²¹³ Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957, стр. 112.

²¹⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 159 (многочисленные примеры приведены на стр. 155).

²¹⁵ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 269.

(исключая крайний юго-запад), центральных и в отдельных северных и восточных говорах. В некоторых говорах она является господствующей (и лексически не ограниченной), в других сосуществует с *-ax*, в третьих употребляется изредка.²¹⁶ Встречается *-ox* изредка и у белорусских писателей.²¹⁷ Нужно также отметить, что по всей территории белорусского языка островками разбросаны говоры, в которых употребляется в мягком склонении окончание *-ѣх*: *аб людзѣх, у грудзѣх, у санѣх, у лапцѣх* и т. п.²¹⁸

Употребление формы *-oxъ* на русской территории — явление редкое. С. П. Обнорский отмечает единичные случаи в севернорусском фольклоре: *в зеленых садох* (олон.), *в устох* (романо-борисоглеб.). Смол. и ржев. *на кнох, бярнох, ў панох* он считает результатом белорусского влияния.²¹⁹ Современные диалектологи отмечают *-ox* в отдельных севернорусских говорах. Ф. Л. Скитова в верхневишерских говорах Пермской области открыла *-ox* в значении родительного падежа множественного числа: *сынѣх, делѣх, старѣшкѣх* и т. п. (там же в мягком склонении *олѣнѣх* и др.).²²⁰

Иначе обстоит дело с окончанием *-ѣх* в мягком склонении. Это окончание, сопутствующее окончанием *-ѣм* дательного падежа множественного числа, было довольно обычным во многих южно-великорусских говорах: *лошадѣм, лошадѣх, гостѣм, гостѣх* и т. п. С. П. Обнорский считал, что *-ѣм, -ѣх* — «явление специфически южновеликорусское», хотя оно в единичных случаях встречается вне пределов южновеликорусского наречия (кинеш. *лошадѣм, ростов. в лаптѣх, на санѣх, на днѣх*).²²¹

Объяснение приведенных фактов различно. Обзор существующих гипотез дан в работе Ганны Ожеховской.²²² Имеются две основные гипотезы. Согласно фонетической гипотезе, которую поддерживали Лось, Гебауэр, Важны, Карский, Обнорский и другие ученые, во время падения редуцированных гласных окончание *-ѣ* основ *-ѣхъ* изменилось в *-ox*; это *-ox* в процессе смещения основ распространилось в других типах склонения. Однако фонетическая гипотеза вполне удовлетворительно объясняет только восточнославянские факты и совершенно не может быть применена к языкам, в которых *ѣ* в сильном положении изменился не в *o*, а дали другие рефлексы. Поэтому И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в 1868 г.,

объясняя польские факты, выдвинул морфологическую гипотезу: *oxъ* возникло по аналогии при выравнивании падежных форм основ на *-ѣ* (под воздействием *-омь, -омъ*). По-видимому, морфологическое объяснение является единственным возможным по отношению к фактам западославянских и южнославянских языков. Ганна Ожеховская, подходя к возникновению *-oxъ* как к явлению межславянскому, считает, что и у восточных славян эта форма образовалась не фонетическим, а морфологическим путем. Между прочим, А. А. Шахматов, придерживавшийся фонетической гипотезы, допускал и морфологическое объяснение: «... сопоставление с польским языком, где находим в древнем языке *w obrazoch, o synoch, o bratoch, o koniocy*, указывает на возможность и иного объяснения русского окончания *-oxъ*: *женахъ* при *женамъ* вызвало *братохъ* при *братомъ*».²²³

Морфологическую гипотезу для объяснения восточнославянского *-oxъ* можно принять лишь в том случае, если считать, что это окончание появилось на восточнославянском юго-западе поздно, после падения редуцированных, а не в X—XI вв., как в старославянском языке. Иначе исконный *o* в новом закрытом слоге изменился бы в южных диалектах в *i* или дифтонг (т. е. было бы *-ix, -юдх* и т. п.), чего не произошло. Изредка встречающееся в украинских говорах окончание *-ix* (например, в закарпатских говорах) легко объясняется как фонетическая эволюция формы *-ѣхъ*. У нас пока нет данных, употреблялось ли и насколько широко *-ѣхъ* в склонении основ на *-ѣ* и других основ в древнерусских памятниках южного происхождения до падения редуцированных. Если факты такого употребления будут твердо установлены, то от морфологической гипотезы объяснения восточнославянской формы лучше будет отказаться. Можно будет лишь допустить, что форма *-oxъ*, возникшая фонетическим путем, получила поддержку со стороны соседних западославянских языков, поэтому закрепилась главным образом в западной полосе восточнославянских диалектов. Не следует забывать, что еще в древних восточнославянских диалектах окончание *-омь* было вытеснено окончанием *-ѣмъ*, что указывает на жизненную силу воздействия форм основ на *-ѣ* на формы склонения других основ, особенно на юго-западе. Общность восточнославянской формы *-oxъ* с формой *-oxъ* других славянских языков могла быть достигнута разными путями.

Что касается белорусского и русского окончания *-ѣх*, как и *-ѣм*, то их фонетическое происхождение достаточно ясно: в тех случаях, когда на них не падает ударение, они выступают в виде *-ѣх, -ѣм*. Следовательно, *-ѣх, -ѣм* непосредственно восходит к *-ѣхъ, -ѣмъ*.

Спорным оказывается объяснение северновеликорусской формы *-ox*. Р. И. Аванесов и его ученики считают, что *-ox* в родительном

²²³ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 269.

²¹⁶ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта № 105.

²¹⁷ Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 112.

²¹⁸ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 106.

²¹⁹ С. П. Обнорский. Именное склонение... вып. 2, стр. 364—365.

²²⁰ Ф. Л. Скитова. Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития. Автореф. канд. дисс. Л., 1961, стр. 8—9.

²²¹ С. П. Обнорский. Именное склонение... вып. 2, стр. 306—307.

²²² Hanna O g z e c h o w s k a. Locativus pluralis па *-oxъ... стр. 35 и след.

падеже множественного числа не имеет ничего общего с древними окончаниями *-ъхъ* или *-ахъ* и является фактом не грамматики, а фонетики. «В северных говорах встречается чередование согласного *в* (*ш*) с *х* в конце слога перед глухими согласными и на конце слова, ср. *водѣ—прѣвѣда, давнѣб, но: травѣ—трѣхѣка, дровѣ—дрѣхѣ*, а также и вне чередования — во флексии род. п. мн. ч. — *столѣхѣ*. В таких говорах намечается соотносительность фонем *в* (*ш*)—*в'* (*ш'*) с фонемой *х* (*х'*), как соответствующей глухой. Явление это в основном встречается в говорах, совершающих переход от употребления *в* (*ш*) к *в—ф*».²²⁴ Ф. Л. Скитова не согласна с фонетическим объяснением маловишерского *-ох*, указывая на то, что в маловишерских говорах нет никаких признаков, которые говорили бы о наличии в них в прошлом фонемы *ш*. В этих говорах нормальным является соотношение *в—ф*. Как полагает Ф. Л. Скитова, окончание *-ох* в данном случае восходит к *-ъхъ*.²²⁵ Остается лишь неясным, почему в маловишерских говорах форма *-ох* совсем не употребляется в предложном падеже.

Окончание *-охъ* не могло проникнуть с юго-запада далеко на северо-восток (исключая отдельные незначительные «прорывы»), так как на северо-востоке раньше, чем на юго-западе, начался иной процесс — распространение формы *-ахъ* (также *-амъ, -ами*) в склонении разных основ во множественном числе. Этот процесс начался довольно рано и продолжался в течение многих столетий. Обычно считалось, что первые случаи переноса окончаний основ на *-а* в склонение других основ отмечены в Паремейнике 1271 г. (*егуптянамъ, безакониямъ, съ клубуками, матигорыцамъ*).²²⁶ Однако В. М. Марков обнаружил *жителямъ* (вместо *жителейъ*) в Путятиной минее XI в.²²⁷ Как считает И. В. Маденко, распространение форм основ на *-а* на другие основы раньше всего началось на северо-западе (в Новгородской и Псковской областях) и позже стало осуществляться на северо-востоке.²²⁸ Во всяком случае на восточнославянском юго-западе перенос форм основ на *-а* на другие основы начался значительно позже, чем распространение окончания *-охъ*, и позже, чем на севере и северо-востоке.

²²⁴ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, стр. 78.

²²⁵ Ф. Л. Скитова. Верхневолжские говоры. . . , стр. 8—9.

²²⁶ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 177.

²²⁷ В. М. Марков. Особенности письма и языка Путятиной минее. В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960, стр. 236.

²²⁸ И. В. Маденко. К вопросу о грамматической индукции в дательном падеже мн. ч. существительных мужского рода. (На материале новгородских и московских грамот XIV—XV вв.). В кн.: Дослідження з літературознавства та мовознавства, т. II. Київ, 1961, стр. 64—65.

ДИАЛЕКТНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В МЕСТОИМЕННОМ СКЛОНЕНИИ

Как и в именном склонении, изменения в местоименном склонении начались очень рано, еще в общеславянскую эпоху, и диапазон их был довольно велик. Достаточно вспомнить изменения в оформлении местоименных прилагательных, приведших к образованию в восточнославянских диалектах форм *-ого, -ому* и пр. Нет никакого сомнения в том, что установление употребления этих новообразований (в деталях не во всем ясное) произошло не сразу на всей известной нам территории их распространения. Новые формы какое-то время должны были сосуществовать со старыми, причем состояние это в разных диалектах было неодинаковым. Ко времени возникновения древнерусской письменности старые формы были, вероятно, уже вытеснены. Унификация падежных окончаний (во множественном числе), стяжение, колебания в формах рода и числа, в распределении прилагательных по твердым и мягким основам и другие процессы породили много новых диалектных изоглоссов, относящихся как к целым разрядам явлений, так и к отдельным словам. К сожалению, этот несомненно огромный материал очень мало проработан с лингвогеографической и исторической точек зрения, поэтому в настоящем очерке мы вынуждены ограничиться немногим. Нам поневоле приходится из множества реально существующих диалектизмов выбирать лишь одиночные явления (это относится не только к данному разделу книги).

1. Окончание родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода

Русский литературный язык резко отличается в указанном окончании от других славянских языков, в том числе украинского и белорусского, имея форму *-во* (*-ово -ево*): *товѣб, бѣлово, сѣнево* (*тавѣб, бѣлѣва, сѣн'ѣва*) и т. п. Только в кашубском языке имеется та же форма: *tewo, kowo, dobrévo, novévo* и пр., но ее мы касаться здесь не будем, поскольку считаем, что в русском и кашубском языках эти явления возникли независимо друг от друга. Форма *-во* в настоящее время распространена во всех русских говорах, однако наряду с общеупотребительным *-во* некоторые архаические говоры сохраняют (или сохраняли) старое окончание *-го* (*-ю*) и промежуточное *-оо*. Очень интересный материал дают северо-западные говоры (см. составленную мною карту «Варианты окончания *-ого* (*-его*) в русских северо-западных говорах», опубликованную в виде приложения к книге Р. И. Аванесова «Очерки русской диалектологии»).²²⁹ Окончание *-ого* (*-ою*), *-его* (*-ею*) распространено на крайнем севере (побережье Онежской и Двинской губы Белого моря, течение р. Онеги, вся территория между р. Онегой и Онежским

²²⁹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949.

озером почти до Белого моря, побережье Онежского озера, течение р. Свирь). Наряду с *-во* указанное окончание отмечено в немногих населенных пунктах северо-восточнее Лихославля и на р. Мете. На северном побережье Онежского озера и южнее изредка встречаются говоры, в которых *-го (-ю)* сохранилось только в местоимениях. Еще южнее, от Ладожского озера на восток к Белому озеру и озеру Паче, идет полоса говоров с *-оо*. Южнее этой полосы начинается почти сплошная территория исключительного распространения *-во*. Ступенчатое распространение этих вариантов окончания родительного падежа мужского и среднего рода прилагательных и неличных местоимений наглядно показывает, в каком историческом порядке шло с юга на север вытеснение исходной формы новообразованиями.

Наиболее полные данные о распространении интересующих нас форм во всех русских говорах собраны А. И. Толкачевым.²³⁰ Кроме северо-западных говоров *-го* зафиксировано в северной части Шенкурского и в Холмогорском уезде Архангельской губернии, на Верхней Пинеге, в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии, *-ю* — в Никольском районе Вологодской области, т. е. на севере центральной северновеликорусской территории, *-оо* — в Холмогорском уезде Архангельской губернии и на Верхней Пинеге и Верхней Тойме. По данным диалектологического атласа русского языка, *-го* и *-оо* встречаются в западновологодских говорах (*когб, молодбго, глупого, коб, молодф, глупоо*). В г. Устюжно Новгородской губернии «при быстрой речи» отмечено и *дбброа, худба*. Изредка архаическая форма встречается и в других районах северновеликорусского наречия. П. Я. Черных записал, например, *цогуб, когуб, тогуб* в говоре с. Пустошей Судогодского уезда Владимирской губернии.²³¹ В основном же в северновеликорусском наречии по записям XIX и XX вв. господствуют варианты *-во, -ва* без наличия каких-либо признаков архаических форм. Совсем иначе обстоит дело в южновеликорусском наречии. По данным, собранным А. И. Толкачевым, наряду с новыми *-об, -ва* окончание *-уб, -уа* известно во многих смоленских, калужских, тульских, орловских, курских и воронежских говорах. Важно отметить, что форма *-аб, -аа*, встречающаяся в ряде южновеликорусских и средневеликорусских говоров (*каб, нычаб, дббраа* и пр.), по справедливому объяснению А. И. Толкачева, имеет совершенно иное происхождение, чем северное *-оо*: на юге имело место выпадение не *у*, а билабиального *ш* в положении между гласными (ср. *дуб-*

²³⁰ А. И. Толкачев. Об изменении *-ого > -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка. В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, стр. 235—267.

²³¹ П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. I. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник северновеликорусской речи XVII-го столетия. Иркутск, 1927, стр. 42.

рбушка, пайнык и пр.). Многие наблюдатели отмечают, что в ряде говоров южновеликорусского наречия *-уб, -уа* вышли из употребления недавно. На карте № 7 книги «Русская диалектология», составленной по материалам диалектологического атласа русского языка,²³² показано, что исчезновение архаической формы идет от Москвы широким клином с севера на юг через Калугу, Тулу на Орел и Курск. Западнее этого клина (Смоленская, Брянская, западные районы Орловской и Курской областей), а также южнее и юго-восточнее его острия (Белгородская и Воронежская области) располагается сплошной диалектный массив, сохраняющий (наряду с употреблением новой формы) *-уб, -уа*. Восточнее клина имеются большие «острова» говоров, еще не утративших *-уб, -уа*. Эти лингвогеографические данные ясно указывают на то, что в сравнительно недавнем прошлом все говоры южнее Оки знали архаическую форму.

Самый ранний пример написания *-во* в письменности отмечен в московской грамоте великого князя Василия Дмитриевича около 1396 г. (правда, сохранившейся в списке середины XV в.): *великово Новагоро*²³³. В московской письменности XV в. встречаются такого рода написания: *третьево* (московская приписка 1440 г. к грамоте галичского князя Дмитрия Юрьевича 1436 г.), *другово докончана* (приписка на грамоте князя Бориса Васильевича 1473 г.), *белово камени* (разводная грамота великого князя Ивана Васильевича 1483 г.).²³⁴ М. Г. Булахов пишет, что в Московском летописном своде конца XV в. окончание *-во*, особенно в поздних записях, употребляется довольно часто: с *Новагорода* с *великово, тысяцково, литовьсково, поганово, Шуйсково, нѣкоторово* и т. п.²³⁵ В московской письменности XVI в. *-ово* нередко в памятниках различных жанров. Довольно обычна эта форма, например, в «Домострое»,²³⁶ в котором написание *чево* употребляется в десять раз чаще *чего*. М. А. Соколова высказывает мысль, что, может быть, распространение новой формы шло неравномерно, охватывало не сразу весь состав прилагательных, так как в отличие от *чево* написание *ково* встретилось только один раз.²³⁶ В памятниках немосковских XV в. *-во* зафиксировано как очень редкое явление: *великово Новагорода, рукою убоговз калуера* (Новгородский Пролог 1432 г.), *енохова закона* (псков-

²³² Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, стр. 253.

²³³ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 164—165.

²³⁴ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV века как памятник русского литературного языка. Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, стр. 51.

²³⁵ М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в., стр. 157.

²³⁶ М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка, стр. 146—147.

ская Палея 1494 г.), мужа *моово* (смоленская Летопись Авраамки 1495 г.). В. Я. Симонова, исследовавшая формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоименного склонения в Комиссионном и Академическом списках 1-й Новгородской летописи и в Ипатьевской летописи, не нашла ни одного написания *-оо* в указанных севернорусских памятниках XV—XVI вв.²³⁷ Нет новой формы в новгородских берестяных грамотах, в двинских грамотах XV в. и во многих других памятниках севернорусской письменности. В новгородской письменности *-оо* появляется с XVI в., по и то случаи его употребления не часты, так же как в письменности Тверской, Псковской, Владимирской и других областей. В XVI в. *-оо* начинает встречаться в памятниках рязанских и тульских. С. И. Котков приводит довольно много примеров на эту форму из письменности конца XVI—XVIII в. разных южновеликорусских областей.²³⁸ Исходя из этих фактов, П. С. Кузнецов приходит к выводу, что форма *-оо* первоначально появилась в Москве и в районах, географически близких к Москве.²³⁹ Если это так (окончательно это можно установить лишь в результате тщательного лингвогеографического обследования — с получением соответствующих статистических данных — русской письменности XIV—XVII вв.), то в происхождении этой формы (как увидим ниже) проявляется многое.

О происхождении формы *-оо* высказано много гипотез, критический обзор которых (с приведением соответствующих библиографических сведений) дан А. И. Толкачевым.²⁴⁰ Более подробный разбор взглядов по этому вопросу лингвистов XIX и начала XX в. приводится у М. Крынского²⁴¹ и Г. А. Ильинского.²⁴² Теперь считается установленным, что многочисленные попытки найти объяснение формы *-оо* в особенностях фонетического строя древнего общеславянского языка и видеть в *-оо* и *-оо* остатки глубокой старины являются несостоятельными. Форма *-оо* возникла в живой народной речи не ранее XIV века (или даже его конца), иначе было бы непонятно, почему она не нашла никакого отражения в достаточно богато представленной письменности XIII—XIV вв.

²³⁷ В. Я. Симонова. Членное склонение имен прилагательных в древнерусских летописных списках XIII—XVI веков. Уч. зап. Воронежского ГПИ, Сер. истор.-филол. наук, вып. 1, 1957, стр. 273—282.

²³⁸ С. И. Котков. К изучению орловских говоров. Уч. зап. Орловского ГПИ, т. VII, 1952, стр. 126—127.

²³⁹ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка, стр. 164.

²⁴⁰ А. И. Толкачев. Об изменении *-ого > -оо* . . . , стр. 235 и след.

²⁴¹ М. Z. Kgułski. Końcówka *-go* w dopełniaczu deklinacji zaimkowej języków słowiańskich. Prace filologiczne, VIII, 2. Warszawa, 1915, стр. 439—625.

²⁴² Г. А. Ильинский. Сложные местоимения и окончания родительного падеж. ед. ч. м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках. М., 1905, стр. 1—18 и др.

центральных русских областей и почему она стала проявляться только в XV—XVII вв.

Если не считать указанных несостоятельных предположений, существуют две основные гипотезы о происхождении *-оо* — фонетическая и морфологическая, высказанные еще в XIX в. и так или иначе видоизменяемые в наше время. Сначала М. А. Колосов,²⁴³ затем А. И. Соболевский,²⁴⁴ А. Мейе,²⁴⁵ Н. Ван-Вейк²⁴⁶ и другие лингвисты предположили, что в окончании *-ого* произошло ослабление *g* (в интервокальном положении), которое сначала утратило свой затвор и изменилось в *γ*, а последнее вовсе исчезло, но поскольку русскому языку несвойственно стечение однородных гласных, между двумя *o* (*oo*) появился вставочный *ε*. Э. К. Плотникова, обследовавшая заонежские и свирские говоры, показала, что все теоретически предполагаемые ступени изменения (*-ого > -оγo > -oo > -ооo*) представлены в этих говорах и таким образом предлагаемая гипотеза получает хорошее фактическое подкрепление.²⁴⁷ А. И. Толкачев добавляет к этому, что появившийся в окончании *-ого* фрикативный *γ* был несвойствен северновеликорусским говорам, нормой которых был взрывной *g*, что обусловило неустойчивость этого *γ*, «поэтому он в устах говорящих или вновь заменялся далеко не последовательно звуком *g*, в результате чего возникла дублетность *-ого || -оγo*, или же выпадал, и тогда на стыке двух гласных развивался в конце концов более привычный звук *ε*: *-ооo*. Возможно, появление *ε* было связано с образованием призвуча перед вторым *o* и его дальнейшей фонетической эволюцией: *-oo > -оγo > -оγo > -ооo (> -ооa)*». ²⁴⁸ Остается только необъясненным, почему *-ого*, *-оγo*, *-oo* сохранились только на северных окраинах северновеликорусского наречия, почему, по данным письменности, *-ооo* появляется сначала в московских землях и лишь позже — в северновеликорусских землях. Если бы *-оγo* возникло сразу на всей территории северновеликорусских говоров, как предполагает А. И. Толкачев, то написания *-ооo* одновременно и с одинаковой частотой появились бы во всей северновеликорусской письменности, а вариантность *-ого || -оγo || -oo || -ооo* так или иначе проявлялась бы во всех северновеликорусских говорах, чего нет на самом деле.

²⁴³ М. Колосов. Почему в родительном падеже ед. ч. прилагательных и местоимений окончание *-го (-аго, -ого)* сменилось на *-оо (-аоо, -ооо)*? Филол. зап., т. XVI, вып. 2. Воронеж, 1877, стр. 71 и след.

²⁴⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 126.

²⁴⁵ A. Meillet. Sur la prononciation du génitif *togo* en russe. Mémoires de la société linguistique de Paris, XIX, 1914, стр. 115—118.

²⁴⁶ N. van Wijk. Die grossrussische pronominale Genitivendung *-vo*. Streitherg Festgabe. Leipzig, 1924, стр. 410—417.

²⁴⁷ Э. К. Плотникова. К вопросу об окончании род. падеж. ед. ч. м. и ср. рода местоимений и сложных прилагательных. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XXIV, кн. 1. Пгр., 1922, стр. 285—304.

²⁴⁸ А. И. Толкачев. Об изменении *-ого > -ооo* . . . , стр. 249.

Морфологическую гипотезу выдвинул Л. Малиновский.²⁴⁹ По его мнению, фонетический подход не может объяснить, почему в русском языке нет закономерного изменения *з* в *в* в аналогичных фонетических позициях (например, *строго*, *дорого* и т. п.). Окончание *-во* возникло не фонетическим путем, а по аналогии с формами родительного падежа единственного числа притяжательных прилагательных: *Иванова*, *Толстова* и пр. вызвало *зеленова* и т. п. Морфологическая гипотеза в разных ее вариантах поддерживается некоторыми лингвистами и в настоящее время. Например, П. Я. Черных, возражая против фонетического объяснения, пишет: «Непонятно, однако, почему фрикативная *з* произошла только в окончаниях *о/его*: законы фонетических изменений обыкновенно действуют с одинаковой строгостью как в основах, так и в окончаниях».²⁵⁰ По его мнению, есть более простое объяснение. Сначала возникли формы *-ова*, *-ева*, которые были заимствованы из родительного падежа кратких прилагательных: *Иванова сына*, *Андреева сына* и т. п., затем было восстановлено *-ово* под влиянием неличных местоимений с окончанием ударением: *тогб* и пр.

Такое объяснение не может быть принято. Еще М. Колосов указал, что остается непонятным, почему предполагаемая аналогия произошла только в части славянских диалектов, а не всюду и почему она так поздно осуществилась.²⁵¹ К этому можно добавить, что данные письменности ясно указывают на то, что сначала возникает *-во* и лишь после этого, примерно в середине XVI в., появляется *-ва*. Эта хронология полностью опровергает морфологическую гипотезу.

Нам остается в принципе согласиться с тем, что исходным пунктом возникновения *-во* является ослабление взрывного *з* в фрикативный *γ* в интервокальном положении. Это могло произойти в говорах, в которых взрывной *з* был фонемой и являлся нормой произношения. Еще в 1949 г. я высказал мысль, что произношение *γ* в таких говорах создало противоречие между этим *γ* и нормальным *з*, поэтому фрикативный *γ* мог выпадать, а поскольку стечение однородных гласных русскому языку мало свойственно, между двумя *о* (*оо*) образуется согласный *в*.²⁵² Ту же мысль позже развивает и обосновывает А. И. Толкачев. В частности, он указывает на то, что это фонетическое изменение было строго ограничено морфологическими условиями. «Переход *з* > *в* в *строго*, *дорого* и т. п. не совершился потому, что корень *строг-*, *дорог-* был связан

через посредство морфологических чередований *з/ж* и т. п. с другими словами, которые не допускали обособления слов *строго*, *дорого* в виде *строво*, *дрово*. Кроме того, форма *строго*, *дорого* была морфологически связана с *строг*, *дорог*, в которых к тому времени, когда совершался переход *-ого* > *-ово* (XV в.), конечное *з* фонетически (т. е. в положении не между согласными) сохранялось без изменений».²⁵³ Из сказанного следует, что окончание *-ово* (*-ова*), ограниченное в своем возникновении морфологическими условиями, приобрело морфологическое значение и стало дублетом окончания *-ого* (*-ога*). Можно считать, что в говорах, имевших фрикативный *γ* или фарингальный *ħ* (т. е. в южновеликорусских, украинских и белорусских областях), форма *-ово* возникнуть не могла, поскольку в них *γ* или *ħ* были нормой и произношение *-ого*, *-оно* было лишь частным случаем этой нормы.

Правда, в лингвистической литературе на этот счет высказаны разные мнения. С. И. Котков, обнаружив в южновеликорусской письменности XVII—XVIII вв. частые написания *-ово*, *-ова*, пришел к выводу, что эти формы в южновеликорусских говорах — черта не заносная с севера, а местная и что *-во*, *-ва* литературного языка является не только северным, но и южным вкладом.²⁵⁴ С. И. Коткову возразил П. Я. Черных, который, ссылаясь на то, что *-во* в московских памятниках известно с XV в., а в южновеликорусской письменности отмечается лишь в XVII—XVIII вв., относит *-во* в южновеликорусских говорах к особенностям, проникшим в эти говоры с севера.²⁵⁵ С. И. Котков не согласился с этим доводом, справедливо указывая на то, что поскольку южновеликорусских памятников ранее конца XVI в. до нас не дошло, сравнивать данные московской и южновеликорусской письменности невозможно. В то же время С. И. Котков не согласен и с А. И. Толкачевым в вопросе об устойчивости фрикативного *γ* в южновеликорусских говорах.²⁵⁶ Однако должных доказательств неустойчивости *γ* в этих говорах он не приводит. Характер распространения *-вб*, *-ва* в современных южновеликорусских говорах, исчезновение *-γб*, *-γв* в тульских, орловских и иных говорах на глазах нашего поколения свидетельствуют о том, что новая форма продвигалась из московских земель на юг.

Наличие ее в южновеликорусской письменности XVII—XVIII вв. указывает на то, что это продвижение началось довольно

²⁴⁹ L. Malinowski. Über die Endung des Genitivs sing., mask., neutr. der pronominalen und zusammengesetzten Deklination im Russischen und Kaschubischen. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, VIII, 3. Berlin, 1875, стр. 356.

²⁵⁰ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, стр. 198.

²⁵¹ М. Колосов. Почему в родительном падеже... стр. 71 и след.

²⁵² Ф. П. Филин. Говор д. Селино Дубенского района Тульской области. (Фонетический очерк). В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949, стр. 299—300.

²⁵³ А. И. Толкачев. Об изменении *-ого* > *-ово*. . . , стр. 250.

²⁵⁴ С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 126—127; см. также: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 188.

²⁵⁵ П. Я. Черных. О начале и характере формирования русского национального языка. Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1958, № 3, стр. 140.

²⁵⁶ С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. В кн.: Вопросы образования восточнославянских языков. М., 1962, стр. 37—39.

рано. В течение длительного времени во многих южновеликорусских говорах *-об*, *-ва* и *-уб*, *-ва* сосуществовали, и только в наше время вместе с массовым распространением литературного языка происходит решительное вытеснение архаической формы. Во многих районах старая форма полностью исчезла.

И все же остается неясным, что послужило толчком изменению $-го > -го > -оо > -во$. Предположение А. Мейе²⁵⁷ и других ученых, будто бы исходным пунктом процесса $-го > -го$ явилось ослабление *г* в *у* во второстепенных местоименных словах, не оправдывается фактами: первые примеры с *-во* в письменности относятся к обычным прилагательным. В. Феенкер полагает, что в $г > в$ отражается финно-угорское субстратное воздействие,²⁵⁸ но это весьма гадательно и доказать его вряд ли возможно. Скорее всего, это изменение возникло в говорах со смещением произношения *г* и *у*, т. е. в среднерусской речевой полосе. Такие говоры и теперь известны на границе распространения *г* и *у* (например, на Псковщине) и в Заонежье. В Москве и прилегающих к ней местностях в XIV в. столкнулись северные и южные говоры с *г* взрывным и с фрикативным *у*. По мере сложения нового московского «переходного» говора в его фонетической системе закрепляется взрывной *г*, но происходит это не сразу. Фрикативный *у* в окончании *-го* оказывается в слабой позиции в системе говора с господствующим *г*, исчезает, и в сочетании *оо* развивается вставочный *в*. Морфологически ограниченные условия $г > в$ приводят к тому, что *-го*, *-оо* и *-во* не выходят за рамки форманта, становятся новыми морфологическими показателями. Полоса переходных говоров с этими показателями была, вероятно, значительной, да к тому же роль говора Москвы XV—XVI вв. должна была быть достаточно эффективной.

К Москве присоединяются Псков и Новгород, происходит значительная смена городского населения в Новгороде, особенно среди служилого люда. Новая форма из срединных говоров распространяется на север, а затем и на юг. Не случайно, что *-во* прежде всего появляется в московской письменности, а в новгородской — только в XVI в. Географические «ступеньки» на северо-западе (*-ого* и *-оуб* — у Белого моря, *-оо* — на юг от этой полосы и *-во*, распространенное южнее *-оо*); можно сказать, в идеальном виде сохранили историческое развитие новых формативов и их распространение с юга на север. На юг этим формативам было распростра-

²⁵⁷ A. Meillet. Recherches sur l'emploi... , стр. 115—118.

²⁵⁸ W. Veenker. Die Frage des finnougri-schen Substrat in der russischen Sprache. Indiana university. Bloomington, 1967, стр. 59—60. Недавно опубликована содержательная работа В. Р. Кипарского: V. Kiparsky. Gibt es ein finno-ugrisches Substrat im Slavischen? Annales academiae scientiarum Fennicae, seria B, T. 153, 4. Helsinki, 1969, в которой дается критический разбор книги В. Феенкера и других исследований, посвященных проблеме финно-угорских субстратных явлений в славянских языках (собственно, в русском языке).

няться труднее, поскольку в южновеликорусских говорах *-оуо* было исконным окончанием, а для возникновения *-оо* не было условий. Форма *-ово*, проникшая на юг, как заносная особенность сосуществовала с *-оуо*. Это предположение подтверждается и распространением в окающих говорах формы *-ова*. Морфологическое объяснение этого *-ова*, как было сказано выше, явно неудовлетворительно. Попытка А. И. Толкачева объяснить возникновение *-ова* как результат «расширения узкого лабиализованного *о* в конечном открытом слоге: $-ово > -ово^a > -ова$ » или как результат прогрессивной диссимилиации — конечный *о* расподоблялся и изменялся в a^{259} — решительно ничем не обосновывается и должна быть отвергнута.

Форма *-ова* возникла в среднерусских говорах как акающий вариант *-ово*. Ее распространение в окающих говорах было не проникновением на север элемента акация (такое предположение невероятно), а экспансией морфологического элемента, показателя родительного падежа единственного числа прилагательных и неличных местоимений мужского и среднего рода. Характерно, что крайние северные говоры (архангельские), многие новгородские и некоторые другие северновеликорусские вовсе не знали формы *-ова*, а в большинстве других окающих говоров *-ова* и *-ово* сосуществуют, чего нельзя объяснить ни фонетическими, ни морфологическими изменениями.

2. Разные явления

Из многочисленных диалектных изменений форм местоименного склонения можно назвать стяжение местоименных прилагательных и неличных местоимений, реализовавшееся в разных восточнославянских областях неодинаково. Стяжение указанных прилагательных известно во многих русских говорах, особенно в северновеликорусских, но большого массива русских говоров оно не коснулось, нет его и в литературном языке. Иначе обстоит дело на украинской и белорусской территориях, где стяжение формы именительного-винительного падежа мужского и женского рода единственного числа стало нормой литературных языков. Специфически ареальной особенностью в системе восточнославянских форм является стяженное окончание среднего рода единственного числа именительного-винительного падежа *-е* (<*-ое*). Его вовсе нет в русском языке и в большей части белорусских говоров. Древнейший, однако, единичный пример отмечен в Изборнике 1076 г.: *чужое* (=чужое). Возможно, стяженная форма *-е* на юге появляется довольно рано, но бессорные примеры имеются только в украинских грамотах XIV—XV вв.: село *Черепыне* = Черепыное (грамота 1386 г.), *усесердечне поклонанне* (молдавская грамота 1388 г.),

²⁵⁹ А. И. Толкачев. Об изменении $-ого > -ово$ ... , стр. 264.

крещене има (грамота 1412 г.), паматне (грамота 1451 г.) и т. д.²⁶⁰ До XVI в. стяженные и нестяженные формы в украинской письменности употребляются параллельно. Ср. в Креховском апостоле 1560 г.: *досконале* и *досконалое*. С конца XVI—начала XVII в. стяженные формы начинают преобладать, а в XIX в. становятся нормой украинского литературного языка. Нестяженная форма *-е* сравнительно редко встречается в художественной литературе: *Розіллється червоне море* (Шевченко), *І сонця радіснеє коло світить нам буде з висоти* (Сосюра), *Свою ненависть переліть у строгеє звучання літер* (Гычина).²⁶¹ Форма *-е* возникла, по-видимому, в XIV в. (если не раньше) в среднем Поднепровье, откуда стала распространяться на запад и на север (это относится и к другим стяженным формам). В Люстрациях Черкасского замка 1552 г. стяженные формы господствуют над нестяженными, тогда как в Описи Заборальского маетку 1556 г. (около Луцка), наоборот, нестяженные формы еще сбывают господствующие позиции.²⁶² Неравномерно распределены эти формы в современных украинских говорах. Для юго-восточных и многих юго-западных говоров типичны стяженные формы, тогда как в северных и части юго-западных, особенно карпатских, наряду со стяженными широко распространены архаичные (нестяженные) формы. И. Панкевич отмечает в карпатских говорах разнообразие форм именительного-винительного падежа среднего рода единственного числа твердого склонения: *добре pole, доуће село, н'іме d'it'a, доуho pole, боhато село, мало jahh'a, dobroj pole, доуhoj село, н'імоj d'it'a, dobroje, доуhoje, н'імоje* и т. п. (нестяженные формы занимают полосу от долины р. Уга до Великой реки и далее до Теремли).²⁶³

Форма *-е* проникает и на белорусскую территорию. Ср. диалектное белорусское *нбве выдрб, жыт'і'е л'это, в'ел'і'ке с'елб, шырбке пбл'е, дал'бке с'елб, ст'аре гумнб, маладб в'і'нб* и т. п. Говоры, знающие эту стяженную форму, занимают Брестскую область и почти весь бассейн р. Припяти (самым северным районом их распространения является Слуцк).²⁶⁴ Чаще всего стяженная форма представлена в прилагательных с неударяемым окончанием. Надо полагать, что перед стяжением произошло обобщение местоименных окончаний по мягкому склонению (*добрее* вместо *доброе* по образцу *синее*) и только затем *-ее* подверглось гаплогогическому стяжению, в результате которого возникла интересующая нас форма *-е*. Та же форма широко распространена

²⁶⁰ С. П. Бевзенко. Исторична морфологія української мови, стр. 193.

²⁶¹ Курс сучасної української літературної мови, I, стр. 454.

²⁶² О. П. Безпалько и др. Исторична граматика української мови. Київ, 1962, стр. 296.

²⁶³ І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі... стр. 250.

²⁶⁴ Дзялекталагічны атлас беларускай мовы, карты №№ 114 и 115.

в западнославянских языках: чешск. *dobré*, словацк. *dobré*, польск. *dobrze*. Территория распространения *-е* на украинских и белорусских землях, а также наличие в украинских и белорусских говорах переходной нестяженной формы *червонеє, строгеє, добреє* и т. п. указывают на то, что эта форма возникла в восточнославянской языковой области независимо от западнославянской.

Мы пока не можем с уверенностью восстанавливать ареалы целого ряда новообразований в формах местоименного склонения из-за недостаточной исследованности фактического материала. В историко-диалектологическом плане представляет несомненный интерес местоименная форма притяжательных прилагательных, которая использовалась в узко специальном значении — обозначала жену или дочь какого-либо лица. По-видимому, эта форма была характерна для восточнославянского юго-запада. П. С. Кузнецов отмечает ее наличие в Лаврентьевском списке летописи в записях, относящихся к древнекиевскому периоду: *послаша всеволожю^ю и митрополита Николу* (в поздних Радзивилловском и Академическом списках — *всеволожю княгиню*), *престависа володимерша, и ст'ополчаа престависа, престависа князьни изславлша, а ростиславлюю м'тръ ихъ с снохата приша володимерци* и др.²⁶⁵ Эта форма встречается в украинских грамотах XIV—XV вв. разных областей: *его королевая Ядвига* (грамота 1393 г.), *мы княгини Александровая Настася Киевская* (грамота 1378 г.) и др. Большое распространение она имела в старобелорусской письменности,²⁶⁶ а иногда встречается и в новгородско-псковских памятниках.

О ДИАЛЕКТНЫХ ФОРМАХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Как известно, в именительном падеже единственного числа личного местоимения в славянских языках издревле употреблялись три формы: *азъ, азь, аз*. По-видимому, форма *азъ* была распространена в тех диалектах общеславянского языка позднего времени, которые вошли в состав болгарского языка. Произношение начального *а* без йота в том же районе (*аблоко, агода, авити, агньць* и т. п.) подтверждает это предположение. Вместе со старославянской письменностью форма *азъ* проникла в другие южнославянские области, а также и на восточнославянскую территорию. На старославянское происхождение *азъ* в древнерусской письменности указывает его стилистическая приуроченность, а также и то обстоятельство, что древние восточнославянские диалекты не терпели *а* в абсолютном начале слова. В западнославян-

²⁶⁵ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка, стр. 159.

²⁶⁶ Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 163 и след.

ских языках форма *азъ* никогда не употреблялась. Таким образом, можно считать, что в позднем общеславянском языке выделялась сравнительно небольшая область где-то у северо-западного и западного побережья Черного моря, для которой было характерно произношение *азъ*. В старославянском языке форма *азъ* является нормой. То же имелось и в среднеболгарском языке. Современные болгарские говоры знают *аз*, *яз* и *я*, причем нейотированный вариант преимущественно распространен в восточных областях, а *я* — в западных.

Гораздо труднее локализовать *язъ* и *я*. Вполне возможно, что обе эти формы были сосуществующими вариантами в подавляющем большинстве общеславянских диалектов и не имели локальной ограниченности. В историческом развитии отдельных славянских языков вариант *я* полностью вытесняет *яз* (за исключением болгарских и македонских говоров; особо стоит *jest*, распространенное в ряде словенских говоров).²⁶⁷ М. А. Гадолина выдвинула иную гипотезу. По ее мнению, «употребление варианта *я* в древнейшие эпохи в русском языке носило характер локально ограниченный, и всему древнерусскому языку эта форма была, по-видимому, неизвестна». ²⁶⁸ «Почти все известные нам древние примеры употребления формы *я* фиксируются в памятниках письменности северо-западной территориальной отнесенности — в новгородских, псковских грамотах, Лаврентьевской, Новгородской и Псковской летописях». ²⁶⁹ В 35 собраниях различных деловых документов, относящихся в основном к центральным и южным областям Московского государства XV—XVI вв., которые исследовал Б. О. Унбегаун, форма *я* встретилась лишь дважды, что было объяснено Б. О. Унбегауном как описка писца или ошибка издателя. ²⁷⁰ Форма *я* в центральных и юго-восточных районах русского языка появляется не раньше XVI в. и становится там общеупотребительной только в XVII в. В XVII в. *язъ* окончательно выходит из употребления в русском языке. Иначе обстояло дело на украинской и белорусской территориях. На юго-западе *язъ* полностью заменяется *я* еще до XIV в. Незначительное место занимала форма *язъ* и в древней западнорусской письменности. ²⁷¹ Таким образом, заключает М. А. Гадолина, «наблюдения над употреблением форм *язъ* и *я* в древнерусских памятниках письменности различной территориальной отнесенности, а также в староукраинском и старобелорусском языках дают основание считать, что форма **ja* была известна лишь тем правосточнославянским группам говоров, на основе

²⁶⁷ F. R a m o v š. Morfologija slovenskega jezika, стр. 82.

²⁶⁸ М. А. Гадолина. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963, стр. 24.

²⁶⁹ Там же, стр. 24.

²⁷⁰ В. О. Унбегаун. La langue russe au XVIe siècle, стр. 354.

²⁷¹ А. А. Крывіцкі. Формы асабовых і аваротнага займеннікаў сучаснай беларускай мовы в іх гісторыі. Мінск, 1958, стр. 24.

которых впоследствии сложились севернорусские говоры, украинский и белорусский языки». ²⁷²

Что вытеснение формы *язъ* формой *я* было в территориальном отношении неравномерным, представляется несомненным фактом. Вполне возможно, что *язъ* раньше исчезло на юго-западе и дольше задержалось на северо-востоке, особенно в районе Москвы. Мнение на этот счет подтверждается П. Я. Черных («в Москве в первой половине XVI столетия она еще была обычной, если не единственно возможной формой») ²⁷³ и рядом других исследователей. Правда, для более уверенного вывода следовало бы провести массовое сравнительно-географическое обследование восточнославянской письменности XI—XVII вв. с выяснением частотности употребления и стилистических контекстов вариантов *азъ*, *язъ* и *я*, чего еще не сделано. Пока что будем считать как вероятное допущение, что восточнославянская территория по употреблению в разговорном языке форм *язъ* и *я* делилась еще до XIV в. на два диалектных ареала: юго-западный (преимущественно или исключительно распространение *я*) и северо-восточный (преимущественное распространение *язъ*), причем граница между этими ареалами все время изменялась (*я* вытесняло *язъ*). Форма *язъ*, исчезнув и на севере, остаточное еще сохранялась в северных былинах XIX в.: *Из-то Дюку ведь не матушка, только яз Владимир один холост* и т. п. В новгородских берестяных грамотах XI—XV вв. еще преобладает форма *язъ*: по моим подсчетам, она встречается 18 раз, а форма *я* — 11 (включая сюда сомнительный случай в грамоте № 197 XIII в.: *се да я Иеве Матвею*, где вероятнее представлено *даа* а не *да я*). Форма *азъ* в этих грамотах употреблена два раза (грамоты №№ 42 и 137, XIV и XIII вв.), причем с книжной стилистической окраской (*се азо рабо божии Сельвьстро*).

Была ли форма *я* в древнерусском языке локально ограниченной, как предполагает М. А. Гадолина? На этот вопрос нельзя дать ответа. До нас не дошли памятники южновеликорусских областей ранее конца XV в. Говор Москвы, как известно, является сложной производной речевой единицей, возникшей на базе северновеликорусских и южновеликорусских диалектов. В северновеликорусских говорах форма *я* существовала, а употреблялась ли она в говорах южновеликорусских до XVI в., мы не знаем. Говоря о московской письменности XIV—XVI вв., нужно учитывать стилистические особенности ее языка. Форма *язъ* перед своим исчезновением стала осознаться, как и форма *азъ*, элементом книжной речи. В московской деловой письменности указанного времени *язъ* в подавляющем большинстве случаев употребляется в речевом штампе *се язъ* и в начальных статьях документов с обычным торжественным зачином (ср., например, зачины в «Духовных и дого-

²⁷² М. А. Гадолина. История форм личных и возвратного местоимений. . . , стр. 27.

²⁷³ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, стр. 204

ворных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв. (М.—Л., 1950): во има о[т]ца и с[ы]на и с[в]ята[го] д[у]ха, се изъ, грѣшныи худыи рабъ б[о]жии Иван — духовная грамота Ивана Даниловича Калиты около 1339 г.; во има о[т]ца и с[ы]на и с[в]а[т]а[го] д[у]ха, се изъ, худыи грѣшныи рабъ б[о]жии Созонтъ — духовная грамота Семена Ивановича 1353 г. и т. п.). На основании этих данных опасно утверждать, что в разговорном языке Москвы и ее области не было местоименной формы я.

Ценный материал для исторической диалектологии восточнославянских языков представляет история форм личных местоимений родительного и винительного падежей. В древнерусской письменности XI—XIII вв. всех областей полные формы мене, тебе, себе и краткие ма, та, са были нормой, что отражает употребление их в живой речи древнерусского населения. Правда, в древнейших памятниках русского письма (также разных областей) встречаются и формы с конечным ѣ: въ себѣ пришедѣ, възьмете иго мое на себѣ (Остромирово евангелие), не постѣихомъ тебѣ (Архангельское евангелие), и с тебѣ (Новгородская миней 1095 г.), видѣ самъ себѣ (ростовское Житие Нифонта 1219 г.) и т. д.²⁷⁴ А. И. Соболевский ошибочно полагал, что современное украинское, белорусское и южновеликорусское -е является продолжением древнерусского окончания -ѣ. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что окончание -ѣ встречается в древних переводных текстах богослужебного содержания и не характерно для оригинальных текстов. По-видимому, оно книжного происхождения. В. Кипарский называет его даже «графическим вариантом» формы -е.²⁷⁵ Скорее всего, менѣ, тебѣ, себѣ являются результатом воздействия на формы родительного-винительного падежа форм дательного-местного падежа. Имеют ли отношение древние менѣ, тебѣ, себѣ к современным диалектным русским и украинским мени, мені и т. п., сказать трудно. А что современные мене, тебе, себе являются прямым продолжением древнерусских мене, тебе, себе, об этом говорит судьба конечного -е, совпавшая с судьбой исконного е, а не ѣ.

В XIV в. в севернорусской и московской письменности появляются первые случаи употребления новых форм меня, тебя, себя. Самый ранний пример приводит П. М. Кравченко (правда, не из рукописи, а из печатного издания): И гнѣвъ на себя отъ него принимаетъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная (грамота царя Узбека митрополиту Петру 1313 г.).²⁷⁶ Несомненные

примеры начинаются с конца XIV в.: а что татарская мѣста отоималъ князь великий Дмитрий Иванович за себя от татаръ (грамота Олега Ивановича Дмитрию Ивановичу 1382 г.), имѣти ти меня собѣ братомъ (грамота Василия Дмитриевича 1389 г.), а чимъ благословилъ тебя отецъ твои (докончание Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1389 г.), безъ меня (2 раза), и тебя, гсѣ князь велик (докончание Василия Дмитриевича с Юрием Дмитриевичем 1390 г.), съ себя (уставная грамота Василия Дмитриевича 1397 г.), князь литовский Ягайло идет на тебя (Московский летописный свод конца XV в., под 1380 г.), наперед собя, до себя, у себя (Московский летописный свод конца XV в.),²⁷⁷ а что Новгородъ пожаловалъ отца моего и меня (духовная грамота новгородца Остафия Ананьевича около 1396 г.)-и др.

В новгородских берестяных грамотах XI—XV вв. нормой являются архаические формы: на 30 подсчитанных мной словоформ с окончанием -е приходится 5 словоформ с новым окончанием -я, причем употреблены они в грамотах XIV—XV вв.: а на меня вѣстѣ перецина... (грамота № 286, XIV в.), и ты у себя избѣли (№ 21, XV в.), чтобы са на меня не родила грамота бесуднаа (№ 302, XV в.) которыи хрестияни съ лова пришли за тебя; надеяса, шподине, на бога и на тебя (№ 310, XV в.). В то же время см. в грамотах XV в.: что поवालъ тебе Сава (№ 14), а судно есть у мене (№ 19), за мене (№ 244), мой кони оу тебе, а твои конь оу мене (№ 374) и др. Если учитывать, что в письменности новообразования, происходящие в устной народной речи, появляются с некоторым запозданием, то можно считать, что окончание -я возникло в XIV в., может быть, даже в его начале. Старое и новое окончания некоторое время сосуществовали как варианты, выражающие одно и то же грамматическое значение. По-видимому, новое окончание более или менее одновременно распространилось во всех основных северновеликорусских диалектах, а также в центральных и некоторых других средневеликорусских говорах. По данным М. А. Гадолиной, в московской и северной письменности до середины XV в. формы меня, тебя, себя (возникшие одновременно в родительном и винительном падежах) употреблялись спорадически, без какого-либо стилистического или иного отличия от форм мене, тебе, себе. С середины XV в. новые формы стали решительно преобладать над старыми, а к концу XV в. старые формы становятся архаизмами.²⁷⁸

²⁷⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 137.
²⁷⁵ V. Kiparsky. Gibt es ein finno-ugrisches Substrat im Slavischen?, стр. 132.

²⁷⁶ П. М. Кравченко. История форм личных местоимений по памятникам древнерусской письменности XI—XV вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1949.

²⁷⁷ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV века... стр. 52.

²⁷⁸ М. А. Гадолина. К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке XIII—XVII вв. Тр. Инст. языкознания АН СССР, т. V. М., 1954, стр. 5.

Дискуссионным оказывается вопрос о распространении новых форм в южновеликорусской письменности XVI—XVII вв. М. А. Гадолина отмечает сосуществование старых и новых форм в рязанских грамотах этого времени. По ее мнению, новые формы, по видимому, «поддерживались самим рязанским диалектом».²⁷⁹ По наблюдениям С. И. Коткова, в южновеликорусских грамотах XVI—XVII вв. *меня, тебя, себя* употребляются вдвое чаще, чем *мене, тебе, себе*. С. И. Котков не исключает возможности воздействия на южновеликорусских писцов московского приказного языка, но в то же время склоняется к мысли, что указанная особенность южновеликорусской орфографии отражает «переходный этап в южновеликорусских говорах от сохранения форм на *-e* (в украинском языке) до полной замены этих форм формами на *-я* (на северной территории русского языка)».²⁸⁰ Однако данные современных говоров исключают такое предположение. Во всех южновеликорусских говорах произносятся только *мене, тебе, себе*,²⁸¹ причем эта диалектная особенность является очень стойкой и нередко встречается и в речи интеллигентов — выходцев из южновеликорусских областей. Формы *мене, тебе, себе* устойчивы также и в некоторых переходных говорах — южноповолжских, великолукских, торжковских и крайних восточных средневеликорусских (на границе южновеликорусского наречия). *Мене, тебе, себе* в рассеянном виде (без сплошного ареала) встречаются даже в некоторых северновеликорусских говорах, например в ладожско-тихвинских, где выступают то в винительном, то в родительном падеже (при окончании *-я*, являющемся нормой в этих говорах). Трудно представить себе, что новообразование *-я*, распространившись в XVI—XVII вв. в южновеликорусских говорах, позже было вытеснено старыми формами. Следовательно, окончание *-я* в старой южновеликорусской письменности может рассматриваться как пришедшее из московского приказного языка. Нужно учитывать, что среди южновеликорусских делопроизводителей было немало москвичей или лиц, прошедших московскую канцелярскую школу. Итак, в XIV в. на севере восточнославянской территории возник новый диалектный ареал (распространение *меня, тебя, себя*), противопоставленный всем остальным восточнославянским областям (распространение архаических форм *мене, тебе, себе*).

Трудноразрешимым оказался вопрос о происхождении форм *меня, тебя, себя*. А. А. Шахматов предположил, что *-я* возникло

²⁷⁹ Там же, стр. 45—46.

²⁸⁰ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 202.

²⁸¹ Е. С. Скобликова. Географическое распространение диалектных форм личных местоимений. Уч. зап. Куйбышевского ГПИ, вып. 13, 1955, стр. 264.

из *-e* фонетическим путем: *-e > 'a* в безударном положении (ср. случаи *просил меня, звал тебя*). В подтверждение своей гипотезы он ссылается на написания *есмя, крестьяня, бояря* (из *крестьяне, бояре*), *татаровя, басурмановя* (из *татарове, басурманове*) и т. п.²⁸² Фонетическую гипотезу поддержали Н. Н. Дурново²⁸³ и некоторые другие ученые. Однако это объяснение встретило решительное возражение со стороны многих языковедов.²⁸⁴ Мы ожидали бы, что безударное *e* в интересующих нас формах, скорее, изменилось бы в *'a* в являющихся южновеликорусских говорах, чем в говорах северновеликорусских. Употребляющиеся в письменности с XIV в. *крестьяня, бояря* и пр. распространены преимущественно в средне- и южновеликорусских говорах, следовательно, их ареал не совпадает с территорией распространения *меня, тебя, себя*. То же можно сказать и о произношении *нельзя* (из *нельзѣ*), *окромья* (*окромѣ*), *посля* (*послѣ*), *есмя* (*есме*) и др. Все это — явления разного происхождения, не имеющие связей с *меня, тебя, себя*. Неудовлетворительна и гипотеза А. И. Соболевского, согласно которой формы на *-'a* образовались по образцу форм именного склонения типа *глеба, коня*,²⁸⁵ так как остается совершенно непонятным, почему эти формы возникли только на территории северновеликорусских и среднерусских говоров. Не объясняет этого и П. С. Кузнецов, который считает гипотезу А. И. Соболевского вероятнее других предположений.²⁸⁶

Справедливо отвергая мысль о фонетическом происхождении форм на *-я*, И. В. Ягич писал еще в прошлом столетии: «Не перешло ли в „мужья“ и т. д. *e* в *я* как раз потому, что это были формы множественного числа, в котором язык мог согласиться на окончание *-a*, потому что оно было ему знакомо со слов среднего рода, между тем как *-e* (*-jo*) втянуло бы эти формы в категорию слов единственного числа? Как же объяснить тогда формы ед. *меня, тебя*? Тут, мне кажется, втихомолку влияла аналогия исчезнувшего сразу винительного падежа *ма, та*».²⁸⁷ Сходную мысль высказывал еще ранее А. Лескин.²⁸⁸ За И. В. Ягичем последовали

²⁸² А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 155 и след.

²⁸³ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 203.

²⁸⁴ Ср., например: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3-е. Киев, 1950, стр. 152.

²⁸⁵ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 186—187.

²⁸⁶ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка, стр. 116.

²⁸⁷ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, стр. 49—50.

²⁸⁸ A. Leskien. Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876, стр. 145.

В. Вондрак,²⁸⁹ К. Х. Мейер²⁹⁰ и другие лингвисты. В ранний период своей научной деятельности того же взгляда придерживался и А. А. Шахматов. В письме Ф. Ф. Фортунатову от 18 сентября 1892 г. он писал: «Но я в *меня, тебя* не могу объяснить фонетически и склоняюсь к мысли о влиянии форм *мя, тл*, причем отношение *меня* вместо *мене* к *мя* такое же, как, напр., отношение диалект. великор., малор., белор. вин. ед. *ю* вместо *ее* к *ю*. Если объяснить *меня* из *мене* как явление фонетическое, непонятным останется южновеликор. *мене, тебе*, с одной стороны, северновеликор. формы как *спитѣ, дадутѣ* — с другой».²⁹¹ Л. А. Булаховский, считая догадку И. В. Ягича вероятной, подкрепляет ее ссылкой на аналогию словацких фактов: словацк. род.-вин. *тѣа, тѣ, тебѣ, тѣ, себѣ, сѣ*.²⁹² Автор настоящих строк пытался распространение *меня, тебя, себя* в северновеликорусских говорах объяснить тем, что краткие формы *мя, тл, ся* в XIV—XV вв. преимущественно употреблялись на севере, тогда как в южновеликорусских областях они уже выходили из употребления, о чем свидетельствуют данные современных русских говоров.²⁹³ С других позиций подкрепляет эту гипотезу И. Шутц. И. Шутц исходит из того, что первоначально в винительном падеже употреблялась только форма *мя*, стоявшая как под ударением, так и без ударения. Позже, когда возникла категория родительного-винительного падежа, форма *мене*, раньше употреблявшаяся только в родительном падеже, стала употребляться и в винительном падеже. Эта новая пара *мене: мя* включилась в «грамматическое поле» дифференцированной пары дательного падежа *мѣнѣ: ми*. С XIV в. *мене* стало выступать как ударяемая полная форма, а *мя* — как неударяемая краткая форма. Гласный *я* формы *мя* в этих условиях перешел в форму *ене*, в результате чего и возникло *меня*.²⁹⁴ Остроумные соображения И. Шутца, нуждающиеся в большем фактическом обосновании, не объясняют одного: почему предполагаемый процесс произошел только в северно- и средне-русских говорах.

С. Ф. Самойленко считает все высказанные о происхождении форм *меня, тебя, себя* гипотезы неудовлетворительными. В частности, он обращает внимание на то, что краткие местоимения *мя, тл, ся* были хорошо известны в старинном украинском и старин-

ном белорусском языках и сохранились до настоящего времени в современных украинских юго-западных говорах, однако на юго-западе форм на *-я* не образовалось, что подрывает гипотезу о решающей роли *мя, тл, ся* в создании этих форм. По мнению С. Ф. Самойленко, причиной русского (и словацкого) новообразования является полное совпадение в этих языках форм родительного-винительного и дательного-местного падежей. Он предполагает, что наряду с формами *тобѣ, собѣ*, широко распространенными в древнерусском языке, в некоторых древнерусских говорах употреблялись и *тебѣ, себѣ*. После фонетической эволюции *тебѣ, себѣ* > *тебе, себе* получилось совпадение форм указанных падежей. «Настоятельная потребность в дифференциации грамматических форм родительного-винительного и дательного-местного падежей и вызвала в севернорусских говорах, в большей части средне-русских говоров, в литературном русском и словацком языках появление новообразований с конечным гласным *-а* вместо исконного *-е*. Возможность такого рода замены значительно облегчалась тем существенным обстоятельством, что и фонетически видоизмененные первичные формы винительного падежа личных местоимений в этих языках имели конечное *-а* (ср. восточнославянские *мѣ, тѣ, сѣ*, словацкие *та, т'а, са*). Следует учесть также, что флексия *-а* (*я*) родительного-винительного *меня, тебя, себя* сближает формы русских местоимений с обширным и продуктивным типом склонения имен с основой на *-ѣ-* (в украинском и белорусском языках в формах родительного ед. ч. значительная роль принадлежит и склонению имен с основой на *-ѣ*)».²⁹⁵ Иными словами, С. Ф. Самойленко объединяет гипотезы И. В. Ягича и А. И. Соболевского, прибавляя к ним специфическое для словацкого и части русского языка совпадение форм родительного-винительного и дательного-местного падежей.

Если гипотеза С. Ф. Самойленко была бы фактически обоснована, ее можно было бы считать наиболее достоверной. Посмотрим, о чем говорят факты. В XIV в., когда возникли *меня, тебя, себя*, не могло быть полного совпадения форм родительного-винительного и дательного-местного падежей в северновеликорусских и средне-великорусских говорах. Гласный *ѣ* (в разных своих аллофонах) еще достаточно отличался от *е*. Особенно устойчивым он оказался в северо-восточной диалектной речи и в московском говоре, где держался до XVI—XVII вв. Следовательно, формы родительного-винительного и дательного-местного падежей различались по крайней мере по своим окончаниям (*-е* и *-ѣ*).

²⁹⁵ С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений. Автореф. докт. дисс. Л., 1960, стр. 36. Много интересных сведений и соображений об истории местоимений имеется в книге того же автора: С. П. Самойленко. Нариси з історичної морфології української мови, частина II. Київ, 1970.

²⁸⁹ V. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I—II. Göttingen, 1906—1908, Bd. II, стр. 71.

²⁹⁰ К. Н. Мейер. Historische Grammatik der russischen Sprache, I. Bonn, 1923, стр. 146.

²⁹¹ Из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым. ВЯ, 1958, № 3, стр. 63.

²⁹² Л. А. Булаховский. Исторический комментарий. . ., стр. 152.

²⁹³ Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 132.

²⁹⁴ J. S c h ü t z. Über die Eigenart des enklitischen Pronominalsystems in Altrussischen. Opera Slavica, IV. Göttingen, 1963, стр. 221—232.

А как обстоит дело с гласными основы? Данные сравнительно-исторической грамматики славянских языков свидетельствуют о том, что в древнем общеславянском языке основы дательного-местного падежа были представлены двумя вариантами — *teb-*, *seb-* и *tob-*, *sob-*. По крайней мере перед распадом этого языка вариант *teb-*, *seb-* был распространен на юге славянской территории, а *tob-*, *sob-* — на западе. А что было на востоке? Преобладающими основами в древнерусской письменности были *tob-*, *sob-*, которые нередко употреблялись и в переводных памятниках, по языку являвшихся старославянскими «русской редакции»: *sobъ* и т. п. (Изборник 1073 г.), *о sobъ, въ sobъ, къ sobъ, по tobъ, къ tobъ* и др. (Архангельское евангелие 1092 г.), *о tobъ* (Новгородская минея 1095 г.) и т. д. В оригинальной письменности *tob-*, *sob-* являются нормой. В новгородских берестяных грамотах 100% словоупотреблений приходится на эти основы. Основы *teb-*, *seb-* часто встречаются только в памятниках старославянского письма или в письменности, язык которой находился под воздействием старославянских канонических норм (например, в грамотах духовных лиц). Основы *tob-*, *sob-* обычны в летописях. По наблюдениям М. А. Гадолиной, в 1-й Новгородской летописи они являются единственными. В Лаврентьевском списке 1377 г. на *teb-*, *seb-* приходится всего 16% словоупотреблений, но и эти словоупотребления встречаются преимущественно в евангельских цитатах, изречениях святых, молитвах и т. п. В грамотах светских лиц XIV в. *teb-*, *seb-* очень редки. Например, в московских грамотах при 40 случаях употребления формы *tobъ* и 20 *sobъ* всего 4 раза встретилось *tebъ* и 1 раз — *sebъ*. Только в XV—XVI вв. в московской и северновеликорусской письменности *teb-*, *seb-* начинают употребляться наравне с *tob-*, *sob-*, а в XVII в. становятся нормой русского литературного языка.²⁹⁶ В современных северновеликорусских говорах обычны формы *тебе* (*теби*), *себе* (*себи*), хотя преимущественно в них встречаются и *тобе*, *собе* (*тоби*, *соби*), тогда как для южновеликорусских говоров характерны *табе*, *сабе*,²⁹⁷ которые в наше время вытесняются литературными формами. В белорусском языке норма *табе*, *сабе*, в украинском *тобі*, *собі* (в некоторых говорах известны и *тебі*, *себі*).

Указанные факты привели М. А. Гадолину к выводу, что в древних восточнославянских диалектах основы *tob-*, *sob-* были единственными, а основы *teb-*, *seb-* появляются поздно.²⁹⁸ На этот счет высказывались и другие точки зрения. Например, А. А. Шахматов писал: «Достаточных оснований для признания вообще во всех русских памятниках форм *тебъ*, *себъ* заимствован-

²⁹⁶ М. А. Гадолина. К истории некоторых форм... стр. 64—65.
²⁹⁷ Е. С. Скобликова. Географическое распространение... стр. 265.

²⁹⁸ М. А. Гадолина. 1) К истории некоторых форм... стр. 61 и след.; 2) История форм личных и возвратного местоимений... стр. 70.

ными из церковного языка или для признания современ. *тебе*, *себе* происшедшими фонетически из *тобъ*, *sobъ* (ср. *теперь* вм. *топерь*) мы не имеем; по-видимому, многие русские говоры сохраняли общеслав. формы *тебъ*, *себъ*».²⁹⁹ Действительно, трудно представить себе, чтобы влияние церковнославянского языка на речь северновеликорусских народных масс было так могущественно. Вряд ли тут можно предположить и фонетическое изменение *o* в *e*. В то же время гипотеза о сохранении во многих или в некоторых русских говорах праславянских **tebъ*, **sebъ* пока что остается малодоказанной: *teb-*, *seb-* по данным древнерусской письменности не имеют хотя бы распылчатого ареала распространения, встречаясь в памятниках со старославянской основой письма во всех древнерусских областях. По-видимому, основы *teb-*, *seb-*, получившие в XV—XVII вв. на русском севере и в московской области массовое распространение, не имеют ничего общего с праславянскими **teb-*, **seb-*. Надо полагать, они возникли в результате обобщения основ дательного-местного и родительного-винительного падежей: корневой *e* в формах дательного-местного падежа был «интродуцирован» из форм родительного-винительного падежа. Что это так, на это указывают случаи обратной «интродукции».

В XIV в. в русской письменности появляются в родительном-винительном падеже основы *tob-*, *sob-*: *близъ тебе*, *оу тебе*, *оуѣдѣти тебе* и др. (Лаврентьевская летопись), *отъ тебе*, *без тебе* (договор 1362 г.), *бес тебе* (договор 1388 г.), *оу тебе* (договор 1389 г.) и т. п.³⁰⁰ А. А. Шахматов даже предполагал, что эти формы были диалектным явлением эпохи «общерусского языка»,³⁰¹ однако каких-либо доказательств их глубокой древности не привел. «Как видно из памятников, — пишет М. А. Гадолина, — формы родительного-винительного падежа с корневым *o*, видимо, не имели определенной территориальной отнесенности и были широко распространены в разговорном русском языке».³⁰²

Обобщение основ имело место и в первом лице. В древнерусской письменности употреблялась только одна форма дательного-местного падежа — *мнѣ*, что, по-видимому, свидетельствует о ее исключительном распространении в древнерусском языке. Кажется, единственный древний случай употребления формы *менѣ* (если это не описка) представлен в граффито XII в. киевской Софии: *и помози рабу своему Ивану имамъ Раватъ попови Ивану и*

²⁹⁹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 159.

³⁰⁰ Там же, стр. 155.

³⁰¹ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, читанный в Санкт-Петербургском университете в 1910—1911 учебном году, т. III. Литограф. издание, стр. 225.

³⁰² М. А. Гадолина. К истории некоторых форм... стр. 47.

всѣм хръстьянам и менѣ грѣшнику.³⁰³ Регулярные случаи употребления форм *менѣ* (*минѣ*, *мини*) в староукраинской письменности начинаются лишь с XVI—XVII вв.³⁰⁴ В современном украинском языке форма *мені* почти полностью вытеснила форму *мні*. Последняя пережиточно сохраняется в некоторых западно-украинских говорах. Форма *менѣ* известна в южных белорусских говорах, граничащих с украинским языком, характерна для многих южновеликорусских говоров, встречается в некоторых среднерусских и немногих северновеликорусских говорах (где не составляет определенного ареала).

Как видно из изложенных фактов, в XIV в. начинается совпадение основ родительного-винительного и дательного-местного падежей местоимений 2-го лица и возвратного в центральных и северных районах Московской Руси. В то же время и в тех же районах появляются новообразования *меня*, *тебя*, *себя*. Не исключено, что совпадение основ указанных падежей послужило толчком для образования форм *меня*, *тебя*, *себя*, так как смысловозначительная роль окончаний *-е* и *-ѣ* оказалась недостаточной. Окончание *-а* в полные местоимения было заимствовано из кратких форм *мя*, *тя*, *ся*.

Об употреблении кратких форм писалось много. В славистической литературе давно установилась традиция рассматривать эти формы как энклитики или полуэнклитики. В противоположность этому мнению, другие слависты полагают, что краткие местоимения не только в общеславянском, но и в старославянском и древнерусском языке, являясь по происхождению первичными формами дательного и винительного падежей, еще сохраняли свою полноту и энклитиками не были. Переход их в категорию энклитик — явление сравнительно позднее.

С. Ф. Самойленко, проводивший систематическое обследование большого количества древнерусских (и старославянских) памятников, пришел к выводу, что *ма*, *та*, *са* свободно употребляются после предлогов не только в позиции после глаголов, но и перед глаголами, не зависят от порядка слов в предложении, могут стоять в начале фразы или текста, могут иметь на себе тоническое и логическое ударения. Все это энклитикам «противопоставлено». Наличие *ма*, *та*, *са* как полнотных местоимений во всех жанрах древнерусской письменности указывает на то, что в XI—XII вв. они были свойственны всей живой восточнославян-

³⁰³ С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв., вып. 1. Киев, 1966, стр. 87.

³⁰⁴ С. П. С а м і й л е н к о. 1) З історичних коментаріів до української мови. Займенник. Українська мова в школі, 1955, № 6, стр. 22; 2) З історії форм давального відмінка однини особових займенників у давньоруській і українській мовах. В кн.: Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962, стр. 245.

ской речи.³⁰⁵ Вытеснение первичных кратких форм дательного падежа *ми*, *ти*, *си* формами вторичными началось раньше, чем вытеснение *ма*, *та*, *са*. С. Ф. Самойленко считает, что форма *си* в древнерусскую эпоху сохранялась в живом произношении только на восточнославянском юго-западе, образуя, таким образом, особый диалектный ареал довольно раннего происхождения. Эта форма до сих пор сохраняется в юго-западных украинских говорах. В XIV—XV вв. исчезает из живого употребления форма *ти*, сохраняясь, однако, в юго-западных украинских диалектах. В XVI в. то же самое происходит и с формой *ми*. В остальных областях *ми* и *ти* переходят в разряд элементов высокого книжного стиля.³⁰⁶

Исчезновение *мя*, *тя*, *ся* на великорусской территории, надо полагать, происходило неравномерно. Однако у нас пока нет достаточных данных, которые позволили бы утверждать, что в одних областях (например, на северо-западе) эти формы были вытеснены раньше, чем в других. В наше время краткие формы употребляются в пределах распространения *меня*, *тебя*, *себя*, т. е. преимущественно в северновеликорусских говорах. Вопрос о происхождении современных диалектных *мя*, *тя*, *ся* является спорным. А. М. Селищев, например, считает, что эти формы возникли чисто фонетически в результате утраты слабосмычного *б* (*тебѣ*, > *тея* > *тя*) и с древними краткими формами они не имеют ничего общего.³⁰⁷ Ту же гипотезу развивает и М. А. Гадолина. В пользу этой гипотезы, как она считает, свидетельствуют следующие факты: 1) *мя*, *тя*, *ся* употребляются там же, где и *меня*, *тебя*, *себя*, и неизвестны в говорах с *мене*, *тебе*, *себе*; 2) редкие формы *ме*, *те*, *се*, наоборот, известны там, где распространены *мене*, *тебе*, *себе*; 3) древние краткие формы исчезли прежде всего в новгородско-псковской письменности, т. е. там, где стяженные *мя*, *тя*, *ся* употребляются особенно часто. Правда, остается непонятным возникновение из *меня* *мя*, так как сонорный *н* не мог выпасть. М. А. Гадолина полагает, что *мя* появилось по аналогии с *тя*, *ся*.³⁰⁸ Это предположение как будто подтверждает и наличие форм *тея*, *сея*, *тее*, *сее*, по данным Е. С. Скобликовой, особенно распространенных во владимиро-поволжской группе говоров.³⁰⁹

Однако указанные факты можно объяснить иначе. Совпадение ареалов *мя*, *тя*, *ся* и *меня*, *тебя*, *себя* является указанием на то,

³⁰⁵ С. Ф. С а м о й л е н к о. Из истории восточнославянских местоимений, стр. 24.

³⁰⁶ Там же, стр. 28—29.

³⁰⁷ А. М. С е л и щ е в. Критические заметки по истории русского языка. Уч. зап. Моск. гор. пед. инст., т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 182.

³⁰⁸ М. А. Г а д о л и н а. К истории некоторых форм..., стр. 53—54.

³⁰⁹ Е. С. С к о б л и к о в а. Географическое распространение..., стр. 270.

что древние краткие формы в южновеликорусских областях вышли из употребления раньше, чем на севере, поэтому в процессе замещения корневого гласного *о* гласным *е*, происходившем на севере, архаические *мя*, *тя*, *ся* послужили образцом образования *меня*, *тебя*, *себя*. Следует обратить внимание на то, что формы *мя*, *тя*, *ся* встречаются лишь спорадически, известны далеко не во всех говорах, в которых *меня*, *тебя*, *себя* являются нормой, т. е. производят впечатление остаточного, вымирающего явления, а не новообразования. Камнем преткновения для гипотезы фонетического происхождения современных *мя*, *тя*, *ся* является форма *мя*. Объяснение ее, данное М. А. Гадолиной, представляется гадательным. Остается неясным, почему согласный *б* выпадал в северновеликорусских говорах и сохранился в тех же условиях в южновеликорусских. Ссылка на редкие *ме*, *те*, *се* недоказательна, так как географическое распространение их не установлено. Эти формы известны и в некоторых северновеликорусских говорах. А. З. Трубачева отмечает в языке беломорских былин М. С. Крюковой формы *те* и *ти*, считая их безударными вариантами местоимения *тя*.³¹⁰ Недоказанным является положение о более раннем, чем в других областях, исчезновении древних кратких форм в новгородско-псковской письменности. Фонетическое происхождение форм *мя*, *тея*, *сея*, *тее*, *сее*, *тае*, *сае* и пр., географическое распространение которых узко локально и раздично, тоже еще нуждается в своем обосновании. Между прочим, современные краткие формы, как отмечает ряд исследователей, употребляются не только в родительном, но и в винительном падеже,³¹¹ т. е. имеют то же грамматическое значение, что и древние *ма*, *та*, *са*.

О. Д. Кузнецова попыталась отрицать генетическую связь древних и современных кратких форм на другом основании: «В род.-вин. падеже иногда говорят (произносят, употребляют, — Ф. Ф.) сокращенные формы *мя*, *тя*, *ся* или *ме*, *те*, *се*. Они ничего общего не имеют с древними энклитиками, так как всегда ударны и могут употребляться после предлогов как самостоятельные слова».³¹² Этот довод можно было бы принять, если бы древние краткие формы были только энклитиками.

³¹⁰ А. З. Трубачева. Морфологическая система языка беломорских былин новой записи. (На материале былин М. С. Крюковой). Автореф. канд. дисс. Горький, 1967, стр. 13—14.

³¹¹ Ф. Д. Перевозчикова. Морфологический очерк говора северной части Уржумского района Кировской области. Автореф. канд. дисс. М.—Л., 1952, стр. 13; В. С. Овчинникова. Поозёрский говор. Автореф. канд. дисс. Л., 1951, стр. 8; А. Д. Прозорова. Говоры Медянского района Кировской области. Автореф. канд. дисс. Киров, 1955, стр. 8; О. А. Соцкова. Говоры Мышкинского Поволжья, стр. 15 и др.

³¹² О. Д. Кузнецова. Фонетико-морфологические особенности говоров по р. Б. Иргия Куйбышевской области. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1952, стр. 12.

Из сказанного выше можно заключить, что в таком вопросе, как история кратких местоименных форм, не следует спешить с решительными выводами. Сохранились ли в современных говорах древние краткие формы или современные *мя*, *тя*, *ся* являются результатом фонетического изменения, это не говорит против гипотезы о происхождении современных *меня*, *тебя*, *себя* под воздействием древних *ма*, *та*, *са*. Как считает Л. Я. Маловицкий, древние формы *ма*, *та* сохраняются в живой русской речи «вплоть до XVI в.», тогда как формы *меня*, *тебя*, *себя* возникли в XIV в.³¹³

Чтобы закончить очерк о личных местоимениях, нам остается еще остановиться на одном диалектном явлении, которое выделяет С. Ф. Самойленко. Речь идет об употреблении формы *ны* в именительном падеже множественного числа. Это *ны* шесть раз встретилось в киевских глаголических листках, имеется в Сборнике Клоца, в памятниках болгарской письменности XII—XIII вв.: в Добромировом евангелии XII в. и в Музейном апостоле XIII в. С XIV—XV вв. форма *ны* все более проникает в болгарский литературный язык. Производные от *ны* формы *ний*, *ние* характерны для современных болгарского и македонского литературных языков. Современные болгарские говоры по употреблению форм местоимения первого лица множественного числа именительного падежа представляют довольно пеструю картину: в одних из них распространены формы *ние*, *ния*, *нии*, *ни*, *не*, в других — *ми*, *мие*, в третьих — как формы с *н*-, так и формы с *м*-, наконец, есть и контаминационные формы типа *мние*. *Ние*, *ни* отмечены и в некоторых сербских говорах.

Форма *ны* была обнаружена и на восточнославянской территории. В послевоенные годы диалектологические экспедиции Ленинградского университета под руководством А. П. Евгеньевой открыли область ее распространения в говорах восточнее Чудского озера и р. Наровы. «Наиболее часто форма им. пад. *ны* вместо *мы* фиксируется на территории так называемого Гдовского ареала, непосредственно примыкающей с востока к Чудскому озеру и р. Нарове. По мере же удаления от Чудского озера и р. Наровы на восток говоры, обладающие этой формой, встречаются все реже и реже, суживаясь по направлению к г. Луге и не заходя за него. Из 99 обследованных населенных пунктов форма им. пад. *ны* фиксируется лишь в 21 населенном пункте».³¹⁴

Как считает С. Ф. Самойленко, *ны* «употребляется в говорах Гдовского ареала по преимуществу в тех случаях, когда необхо-

³¹³ Л. Я. Маловицкий. Место прямого дополнения, выраженного личным местоимением, в древнерусском языке. Уч. зап. Череповецкого ГПИ, т. III, вып. 2. Вологда, 1962, стр. 63.

³¹⁴ С. Ф. Самойленко. Из истории основ и грамматических форм личных местоимений в славянских языках. Научн. докл. высшей школы. Филологические науки, 1960, № 1, стр. 57.

димо указать на замкнутость, ограниченность в каком-либо отношении коллектива, обозначаемого формой *мы* и противопоставляемого какому-то другому коллективу». ³¹⁵ С. Ф. Самойленко указывает также, что форма *мы* имеется в псковском Шестодневе 1374 г., что свидетельствует о древности современного севернопсковского диалектного явления. По мнению С. Ф. Самойленко, форма *мы* существовала еще в глубокой древности, причем в общеславянском языке она отличалась от более поздней формы *мы* своим значением: *мы* обозначала «эксклюзив», т. е. тот или те, к кому была обращена речь, исключался из коллектива, который обозначается этим местоимением (*мы* — «инклюзив»). Если это предположение верно, то распространение *мы* в болгарском, македонском языках и севернопсковском ареале является остатком диалектного членения, своими истоками уходящего в праславянскую древность. Однако доказать такую гипотезу невозможно. Не исключено, что *мы* севернопсковского ареала возникло независимо от южнославянского *мы* в процессе обобщения основ и устранения супплетивизма. Все же и в этом случае мы имеем дело с диалектным явлением, возникшим в эпоху древнерусского языка. Судя по тому, что в современных говорах *мы* — явление исчезающее, можно считать, что в древнерусскую эпоху оно занимало более обширную территорию, хотя вряд ли охватывало всю Псковскую область. Иначе это *мы* должно было найти более широкое отображение в древнепсковской письменности.

С. Ф. Самойленко установил и другую диалектную особенность в употреблении форм личных местоимений множественного числа. В древнерусском языке происходил неравномерный процесс вытеснения кратких форм дательного падежа *мы*, *вы* полными формами *намъ*, *вамъ*. В древнейших памятниках формы *мы*, *вы* употреблялись повсеместно, являясь общевосточнославянской чертой, затем они начинают исчезать. В древнерусских летописях *мы*, *вы* в дательном падеже широко известны только в тексте «Повести временных лет». В поздних летописных текстах эти формы встречаются очень редко и являются одним из грамматико-стилистических средств книжной речи, используемых при цитации древних текстов, в целях намеренной архаизации и т. п. ³¹⁶ В современных восточнославянских языках и их диалектах *мы*, *вы* в этом значении вовсе не сохранились. Исчезновение их началось на восточнославянском юго-западе. По данным С. Ф. Самойленко, *мы*, *вы* в дательном падеже вовсе нет в украинских и белорусских грамотах XIV—XV вв., а также в псковских грамотах. Единичны они в грамотах Новгорода и Смоленска. «Формы дат. п. *мы*, *вы* харак-

терны прежде всего для грамот средней или северо-восточной Руси» ³¹⁷ — тверских, московских, рязанских, галичских и суздальских, причем, как правило, эти формы употребляются в инфинитивных предложениях: *быти ны за одинъ, всѣсти вы на конь* и т. п. Следовательно, в XIV—XV вв. по этой особенности северо-восточные диалекты отличались от всех других восточнославянских. Позже *мы*, *вы* вышли из употребления и на северо-востоке.

К ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ФОРМ

Современные восточнославянские языки и диалекты имеют значительное количество различий в глагольных формах, причем эти различия образовались в разные исторические эпохи. В. Курашкевич, устанавливая отличия русского языка от украинского и белорусского в области морфологии, примерно половину этих отличий отнес к глагольным формам. По В. Курашкевичу, русский язык отличается от украинского и белорусского в глагольной морфологии следующими особенностями: 1) в русском языке в повелительном наклонении произносятся *г*, *к*, *х* (*бегите, пеките*), а в украинском и белорусском — *ж*, *ч*, *ш* (*поможите, пеките*); 2) в русском языке формы повелительного и изъявительного наклонений в 1-м лице множественного числа совпадают, в украинском и белорусском различаются и теперь; 3) имеется различие в русском и украинско-белорусском в употреблении формы глагола *есть*; 4) русское *дашь, ешь* — украинское и белорусское *даси, еси*; 5) имеются между восточнославянскими языками значительные различия в формах 3-го лица настоящего и будущего времени; 6) в глаголах 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени в русском употребляется окончание *-м*, а в украинском и южно-белорусском наряду с этим окончанием известно еще *-мо*, в карпатских говорах — *-ме*; 7) в русском и севернорусском в повелительном наклонении выступает тематический гласный *-и* (*сберите* и пр.), тогда как в украинском и южнобелорусском наблюдается иная картина; 8) в русском языке *-ти* в инфинитиве употребляется только под ударением, в украинском и белорусском языке — и в неударном положении (наряду с *-ть*); 9) в русском инфинитиве выступают формы *печь, мочь*, в украинском и белорусском — *-ти* с его вариантами; 10) в русском языке форматив *-ся* обычен только после согласных и *ж*, в украинском и белорусском он обычен (наряду с *-сь*) и после гласных. ³¹⁸

На самом деле диалектных явлений в глагольных формах значительно больше и географическое их распределение подчас очень сложно. Далекое не все они изучены настолько, что можно с уверенностью говорить об их ареалах и времени возникновения,

³¹⁵ Там же, стр. 57.

³¹⁶ С. Ф. Самойленко. Об одной морфологической особенности в языке памятников XIV—XV вв. северо-восточной Руси. Вopr. теории и истории языка. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 281.

³¹⁷ Там же, стр. 282.

³¹⁸ W. K u r a s z k i e w i c z. Zarys dialektologii wschodnio-slowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954, стр. 25—30.

а многое даже не имеет элементарного описания, поэтому мы остановимся здесь только на немногих из существовавших и существующих диалектных особенностях.

1. Формы 3-го лица настоящего и будущего времени

Возможности вариантного обозначения категории 3-го лица настоящего и будущего времени в современных славянских языках очень значительны. В русском литературном языке представлено окончание *-т*, выступающее в глаголах всех классов в единственном и во множественном числе. Исключения составляют остатки атематических глаголов: *есть*, (*бог*) *вествь*, *невествь что*, *суть*, в которых имеется окончание *-ть*. Следовательно, русский литературный язык, если не считать единичных примеров с *-ть*, имеет только одну форму и не допускает других вариантов. В отличие от литературного языка в русских говорах имеется очень большое разнообразие форм обозначения 3-го лица, выражающееся в различной комбинации окончаний *-т* и *-ть*, а также форм без окончаний. Если схематизировать конкретное выражение окончаний 3-го лица в говорах, то можно сказать, что типы или системы этих окончаний зависят от принадлежности каждого глагола к тому или иному спряжению, а также от числа и места ударения. В зависимости от указанных условий русские говоры распадаются на группы, в которых глаголы имеют окончание *-т* или его не имеют. Основная масса говоров допускает окончание *-т* во всех глаголах. Наиболее противопоставлены этим говорам небольшие диалектные группы (к востоку от Чудского озера, а также между Тихвином и Ладожским озером), в которых все глаголы в единственном и множественном числе могут употребляться без *-т*.³¹⁹ Однако и в этих немногих говорах такое отношение является вариантным, а не единственным: наряду с формами без *-т* употребляются и формы с *-т* в одних и тех же глаголах. Русские говоры, в которых отсутствие *-т* во всех глаголах было бы единственной нормой, никем не засвидетельствованы и, скорее всего, их не существовало и не существует.

Большинство русских говоров, в которых употребляется *-т*, в разной степени знает определенные глагольные группы, в которых *-т* может отсутствовать. Формы без *-т* прежде всего употребляются в глаголах единственного числа 1-го спряжения. По степени распространенности форм на *-т* можно схематически установить следующие диалектные типы спряжения глаголов 3-го лица: 1) *-т* может отсутствовать только в глаголах ед. ч. 1-го спряжения с неударяемым окончанием (*читáе*,

лéзе, *пíше* и т. п.); 2) то же и еще в глаголах ед. ч. 1-го спряжения с ударяемым окончанием (*ведé*, *несé*, *придé* и т. п.); 3) *-т* отсутствует только в ед. ч. глаголов 1-го и 2-го спряжения с неударяемым окончанием (*читáе*, *лéзе*, *пíше*, *нóси*, *вíди* и пр.); 4) то же, что в 3-м типе, а также в ед. ч. 1-го спряжения с ударяемым окончанием (*ведé*, *несé* и т. п.) и 2-го спряжения с неударяемым окончанием (*вíди*, *хóди* и пр.); 5) *-т* может отсутствовать в ед. ч. всех глаголов (*ведé*, *читáе*, *сидí*, *нóси*); 6) *-т* может не употребляться в ед. ч. всех глаголов 1-го спряжения, в глаголах с безударным окончанием ед. ч. 2-го спряжения и во мн. ч. глаголов 2-го спряжения с ударяемым окончанием (*ведé*, *читáе*, *глядя́*); 7) *-т* может отсутствовать в глаголах ед. ч. 1-го спряжения и в глаголах мн. ч. 2-го спряжения (*ведé*, *читáе*, *глядя́*, *нóся*); 8) то же, что в 7-м типе и еще в глаголах ед. ч. 2-го спряжения с безударным окончанием (*ведé*, *читáе*, *глядя́*, *нóся*, *нóси*); 9) *-т* может не употребляться в глаголах ед. ч. 1-го спряжения и во всех глаголах 2-го спряжения (*ведé*, *читáе*, *глядя́*, *вíди*, *глядя́*); 10) *-т* может отсутствовать во всех глаголах, за исключением глаголов 1-го спряжения мн. ч. с ударяемым окончанием (типа *ведúт*, *несúт*); 11) *-т* может не употребляться во всех глаголах (о распространении этого типа сказано выше). Все приведенные выше типы спряжения зафиксированы в разных говорах наблюдателями, в частности во время собирания материалов для диалектологического атласа русского языка.³²⁰ Вероятно, этих типов существует значительно больше, поскольку имеется возможность комбинирования различных признаков, и диалектологов могут ожидать новые открытия.

Как сказано выше, более всего распространены формы без *-т* в глаголах ед. ч. 1-го спряжения. В частности, во многих северновеликорусских говорах известен 2-й тип, а в южновеликорусском наречии наиболее распространены 3-й и 4-й типы. Что касается глаголов 2-го спряжения, то, по наблюдениям О. Г. Гецово́й, в южновеликорусских говорах преимущественно формы без *-т* употребляются в единственном числе в глаголах с безударным окончанием, а в северновеликорусском наречии эти формы чаще встречаются в глаголах множественного числа как с безударным, так и с ударяемым окончанием.³²¹ Больше всего формы без *-т* представлены на русском северо-западе и на юге. Конечно, эта сложная картина употребления в говорах глагольных форм с *-т* и без *-т* является продуктом длительного исторического развития, результатом действия различных грамматических и, может быть, фонетических факторов. Г. П. Смолицкая,

³¹⁹ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесовой и В. Г. Орловой, стр. 161.

³²⁰ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 124 и след.

³²¹ О. Г. Гецово́й. К вопросу о формах 3-го лица глагола в русских говорах. Славянская филология, вып. 5. М., 1963, стр. 115—116.

например, пыталась доказать, что широкое распространение форм без *-т-* обусловлено стремлением органов речи освободиться от лишней работы в конце слова: *-т-* после *е* (1-е спряжение) требует дополнительной артикуляции, а после *и* (2-е спряжение) не требует ввиду близости артикуляции *и* и *т*.³²² Однако и после этимологического *и* формы без *-т-* хорошо известны во многих говорах. О. Г. Гецова также предполагает воздействие на распространение форм без *-т-* в глаголах 2-го спряжения в южновеликорусском наречии возникновения и развития аканья.³²³ Все такого рода предположения допустимы, но мало доказательны, если должным образом не учитываются данные славянского сравнительно-исторического языкознания.

Менее сложным и четко противопоставленным является в русских говорах отношение окончаний *-т* и *-ть*. Распространение окончаний *-т* и *-ть* имеет два географических ареала: северный (*-т*) и южный (*-ть*). Граница между этими ареалами на западе начинается в районе Пскова и извилистой линией идет в общем направлении на юго-восток через Селигер, Старицу, Волоколамск, несколько южнее Москвы, севернее Коломны, к Касимову и далее на юго-восток к Волге. В общем эта граница идет по территории средневеликорусских говоров. Имеются говоры со смешанным употреблением *-т* и *-ть*. На территории северновеликорусского наречия встречаются небольшие островки говоров, в которых употребляется окончание *-ть*: в районе Онежского озера, у Боровичей, в Калининской и Владимирской областях и некоторых других местах. Особый интерес у лингвистов вызвали сообщения, что в некоторых олонечских и других северновеликорусских говорах в единственном числе употребляется *-т*, а во множественном — *-ть*. По более поздним данным, *-ть* в этих говорах возможно и в единственном числе.

В современном белорусском литературном языке употребление окончаний 3-го лица единственного числа настоящего и будущего времени зависит от спряжения глаголов: в 1-м спряжении выступают формы без *-ць* (<*-ть*), а во 2-м спряжении нормой является окончание *-ць* (*бярэ, н'е, чытае, кажа, нясе, маўчыць, сядзіць* и т. п.). Во множественном числе для всех глаголов обязательно окончание *-ць*. В говорах представлены разные формы. Еще Е. Ф. Карский отметил, что в юго-западной части белорусского языка в отличие от северо-восточной в глаголах с основой на *-е*, а иногда и на *-и*, в единственном числе преобладают формы без *-ць*.³²⁴ Материалы диалектологического атласа белорусского

языка, в части глагольных форм исследованные Ю. Ф. Мацкевич,³²⁵ позволяют представить более или менее ясную картину употребления этих форм в белорусских говорах. Юго-западная (большая) половина белорусской территории занята говорами, в которых в глаголах 1-го спряжения единственного числа нормой являются формы без *-ць* (*ідае, бярэ, нясе, кажа, мэле, грэе* и т. п.), причем место ударения не играет существенной роли, хотя изоглосса форм без *-ць* с ударением на основе проходит несколько севернее изоглоссы форм без *-ць* с ударением на окончании. На территории юго-западных говоров изредка встречаются говоры с окончанием *-ць* в глаголах с ударением на основе (*жажыць, мелиць, грэіць*). В глаголах 2-го спряжения на юго-западе, как и в литературном языке, употребляется *-ць*. В северо-восточной (меньшей половине) белорусского языка во всех глаголах нормой является окончание *-ць* (если не учитывать влияние литературного языка). Между юго-западными и северо-восточными говорами проходит полоса говоров смешанного или переходного типа, в которых наличие или отсутствие *-ць* зависит от характера ударения или формы с *-ць* и без *-ць* беспорядочно смешиваются. Особое место занимают разнообразные формы вспомогательного глагола *есть*: *йес'ць, йес'т', йес'ц'е, йес'ц'а, йес'т'е, йес'т'а, йос'ц', йос'т', йос', йос'ц'и, йе, уйё, уйёй, йо, йест, йэсты*. Господствующей является форма *йос'ц'*. Форма *йе* известна в южной Белоруссии, а форма *йест*, которую следует рассматривать как полонизм, распространена главным образом южнее и западнее Минска. Во множественном числе во всем белорусском языке известно только окончание *-ць*. Противопоставления *-ць* (<*-ть*) и *-т* в белорусском языке нет (если не считать единичного *ест, есты*).

Как полагает Ю. Ф. Мацкевич, формы без *-ць* в глаголах 1-го спряжения единственного числа — явление, существовавшее задолго до возникновения белорусского языка. О его древности свидетельствует то, что оно сосуществует в одном комплексе с другими древними морфологическими особенностями: формами *-ем* и *-мо* (*-ма*) 1-го лица множественного числа (*идз'эм, рббимо, ст'аньма*), формами 2-го лица множественного числа с ударением на конце (*ид'ац'э, н'ас'ац'э*), инфинитивом на *-ци*, формами будущего времени с *-му* (*раб'іц'му*) и др. Формы без *-ць* в указанной категории глаголов свойственны также украинскому языку, их ареал не совпадает ни с какими политическими объединениями феодального

³²² Г. П. С м о л и ц к а я. Некоторые условия употребления глагола 3-го лица без *-т* в современных южнорусских говорах. Докл. высшей школы. Филол. науки, 1959, № 2.

³²³ О. Г. Г е ц о в а. К вопросу о формах. . . , стр. 116.

³²⁴ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, вып. 2—3, стр. 255.

³²⁵ Ю. Ф. м а ц к е в и ч. 1) Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959; 2) Формы 3 асобы адзіночнага ліку цяперашняга і будучага прастага часу ў беларускай мове. Slavia, XXXIX, 3, 1960; Ю. Ф. М а ц к е в и ч, А. Г. М у р а ш к о, А. В. О р е ш о н к о в а. Об итогах работы по составлению атласа белорусских народных говоров. Вопр. диал. восточнослав. языков, М., 1964.

времени и отражает границы древних племенных объединений (каких именно, это не уточняется).³²⁶

В украинском литературном языке картина та же, что и в белорусском: в единственном числе глаголов 1-го спряжения нормальной являются формы без *-ть*, а во 2-м спряжении и во множественном числе всех глаголов употребляется окончание *-ть* (*несё, каже, грів, тбчить, кбсить, пбить, несуть, кажут, грють, тбчать, кбсять, пбять*). Противопоставления *-ть* и *-т* тоже нет. В говорах дело обстоит значительно сложнее. Не имея данных атласа украинского языка, мы не можем дать полной характеристики типов окончаний глаголов 3-го лица и их точного географического распространения. Первая попытка дать общую характеристику глагольных форм и их распространения в украинских говорах была сделана, как кажется, К. Михальчуком. К. Михальчук указывает, с одной стороны, на употребление форм с *-ть* и форм без *-ть* (полных и стяженных) в глаголах 3-го лица 1-го спряжения (например, в харьковско-полтавском и киевском наречиях *літбе, літá* и *літають*) и в глаголах 2-го спряжения, имеющих обычно *-ть*, но в харьковско-полтавском и киевском наречиях и в Новороссии употребляющихся и без *-ть* (*хбде, прбе, прбсе*), с другой стороны, на противопоставление мягкого *-ть* и твердого *-т* (обычно *-ть*, но в Галиции, Подолии и в юго-западной части Киевской губернии также и *-т*).³²⁷ Позже обычно стали указывать, что *-ть* характерно для всех левобережных, части правобережных, а *-т* для северных, западных, галицких и большей части карпатских говоров.³²⁸ На самом деле картина является более сложной. В. С. Ващенко отмечает, например, что на Полтавщине, причем часто в одних и тех же говорах, употребляются три варианты формы: не только *хбде* и *хбдит'*, но и *хбдит*.³²⁹ Все же современные исследователи признают, что окончание с твердым *-т* преимущественно распространено на юго-западе Украины, хотя оно может встречаться и в других местах (например, в среднеполюсских говорах).³³⁰ Как отмечает И. Панкевич, карпатские говоры по мягкости и твердости *-т* делятся на две группы, причем твердый *-т* он считает явлением новым.³³¹

³²⁶ Ю. Ф. Мацкевич. Марфалогія дзяслова... стр. 130—131 и 201—202, 46.

³²⁷ К. Михальчук. Наречия, поднаречия и говоры Южной Руси. Тр. этнограф.-статист. экспедиции, т. VII, 1877, стр. 533.

³²⁸ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 345; Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Л., 1924, стр. 144 и другие работы.

³²⁹ В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 228.

³³⁰ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови, стр. 84, 99; С. П. Бевзенко. Історична морфологія української мови, стр. 280.

³³¹ І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі... стр. 310—311.

Из других славянских языков формы с окончанием *-t* частично сохраняются в болгарском языке. Как отмечает С. Стойков, почти во всех восточных и в большинстве западных говоров *-т* имеется в глаголах 3-го лица множественного числа: *берѣт, ѡдѣт, берѣт, ѡдѣт* и т. п. В некоторых юго-западных (например, в западнософийском) и в некоторых западных рупских (например, в разложском) говорах *-т* или вовсе отсутствует, или одновременно употребляются формы с *-т* и без *-т*.³³² Форма *-т* известна в сербохорватском языке, хотя далеко не во всех говорах. Л. Хадрович, исследуя язык старокроатских текстов, считает, что употребление в них *-т* не является результатом воздействия старославянского языка и не представляет собой новообразования, как думали Даничич и Белич, а должно рассматриваться как отражение непрерывной традиции народной речи.³³³ Авторы исторической грамматики польского языка, отмечая, что формы с *-t* уже отсутствуют в самых ранних польских памятниках, пишут, что по данным польского языка нельзя проследить историческое развитие глагольных форм 3-го лица.³³⁴ В западнославянских языках *-t* имеется только в форме настоящего времени глагола *быть*: польск. *jest* (редкие *jesć* и *je*, употреблявшиеся в письменности XIV—XV вв.), чешск. и словацк. *jest*.

Поскольку различные варианты форм 3-го лица настоящего и будущего времени представлены лишь в памятниках древнеболгарской и восточнославянской письменности, обратимся к данным этих памятников. Как известно, нормой для старославянского языка является окончание *-ть*, но наряду с этим окончанием имеются формы с *-ть* и без *-t*. Написание *-ть* sporadически встречается в таких формах, как *вѣсть* (Саввина книга), несколько чаще в *вѣсть* (Мариинское евангелие и другие памятники). Чаще *-ть* встречается в Ассеманиевом евангелии, 12 примеров с этим окончанием имеется в Саввиной книге. Формы без *-t* отмечены в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом евангелиях, в Клоцовом сборнике, Саввиной книге, Супрасльской рукописи и др., причем принадлежат они к различным глагольным классам (*достои, бжде, вѣ, хощте, оутваряе, желѣе, отъгони, ѡ, нѣ* и т. п.). В среднеболгарских памятниках XII—XIV вв. употребление форм без *-t* возрастает. В нормальном окончании *-ть* согласный несомненно произносился твердо, на что ясно указывают написания *емлеты и, поставиты и, можето съ, свѣбрито i* и др. Что касается sporadического окончания *-ть*, то обычно оно считается нехарактерным для старославянского языка, хотя некоторые исследователи допускают возможным наличие в древне-

³³² Стойко Стойков. Българска диалектология. София, 1962, стр. 142.

³³³ L. Hadrovics. Die Endung *-t* der 3. Person des Präsens im Altkroatischen. Studia slavica, VIII, 3—4. Budapest, 1967, стр. 269—283.

³³⁴ Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Ubrañczuk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 360.

болгарском языке какого-то диалекта, имевшего *-тъ*, а не *-ть*. Теоретически такое предположение возможно, так как объяснить случаи старославянского *-тъ* как имитацию окончания имен существительных на *-тъ* (*въсть* глагол и существительное)³³⁸ или отклонять их как «нехарактерные» вряд ли можно считать убедительным.

Иную картину мы видим в памятниках старославянского языка древнерусской редакции, в которых господствует форма *-тъ*. Большинство славистов считает эту форму типичным русизмом и отклоняет мысль о *-тъ* как особенности одного из диалектов старославянского языка. «Собственно древнеболгарские памятники не позволяют нам допустить существование древнеболгарского диалекта с таким же частым употреблением форм на *-тъ*, какое мы находим в Остромировом евангелии, Киевских листках и в Слуцкой псалтыри; *-тъ* в этих памятниках надо считать русизмом (в противовес мнению Фортунатова и других русских исследователей)». ³³⁶ Окончание *-тъ* несомненно является характерным для древнерусского языка, что очень осложняет использование данных старославянских памятников древнерусской редакции для гипотезы о древнеболгарском диалекте, имевшем такое окончание. Все же можно допустить, что некоторые древнеболгарские говоры имели *-тъ* как архаическое исчезающее явление (не случайно, что *-тъ* сохраняется преимущественно в асематических глаголах).

Во всех древнерусских памятниках (равных местностей и разных жанров) обычно окончание *-тъ*. Однако в самых ранних рукописях имеются также формы с *-ть* и без *-т*. Формы с *-тъ* считаются старославянизмами и решительно отводятся, когда речь идет о характеристике глагольной системы древнерусского языка. Основанием, которое служит для выделения собственно древнерусского окончания с твердым *-т* и различения этого окончания и старославянского *-тъ*, является жанр памятников: когда написания *-тъ*, *-т* появляются в памятниках деловой письменности, считается, что мы имеем дело с отражением особенности древнерусского живого произношения. Первые примеры написания *-тъ* относятся к новгородским деловым документам XIII в.: *оучинить*, *придеть*, *оубьютъ* (грамота 1257—1263 гг. и копии XIII в. с грамоты 1189—1199 гг.), *гостить* (грамота 1266—1277 гг.), *дѣлать* (Русская Правда по списку 1282 г.).³³⁷ О. Т. Бархатова, проводящая сплошное обследование глагольных форм языка новгородских, двинских и псковских грамот XII—XV вв. по академическому

изданию,³³⁸ устанавливает, что «формы на *-тъ* и *-ть* даже от одних и тех же глаголов встречаются не только в разных грамотах одного и того же века, но и в одной и той же грамоте. Однако в подлинных новгородских грамотах XII—XIV вв. преобладают формы на *-тъ*, тогда как в двинских грамотах XV в. тех и других — равное количество, а в новгородских грамотах XV в. форм на *-тъ* значительно больше, чем форм на *-ть*». ³³⁹ Иными словами, в новгородской деловой письменности начиная с XIII в. наблюдается постепенный рост употребления окончания *-тъ*. Данные новгородских берестяных грамот подтверждают это наблюдение — в ранних грамотах господствует окончание *-тъ*, а форма *-ть* появляется позже: *хоцет* (№ 232, XII в.), *пришьлт* (№ 222, XII—XIII вв.), *нѣтъ* (№ 49, XIV в.), *приедутъ*, *будитъ* (№ 345, XIV в.), *возметъ* (№ 354, XIV в.), *суитъ* (№ 19, XV в.), *не можетса* (№ 124, XIV—XV вв.), *увѣдаетса* (№ 154, XV в.), *биютъ* (№ 157, XV в.), *авлаютса*, *авлатса* (№ 307, XV в.), *велитъ* (№ 157, XV в.), *бьютъ* (№ 313, XIV—XV вв.), *поводитъ*, *проливаютса* (№ 317, XIV в.) и др. Форма *-тъ* появляется в московских и иных грамотах севера и средней Руси конца XIV—XV вв. В связи с такими показателями деловой письменности появление окончания *-тъ* в памятниках XIV—XV вв. других жанров также расценивается как отражение норм живой речи. Н. М. Каринский, исследовавший язык псковской письменности разных жанров, считает, что твердый *-т* в говорах Псковской земли появляется в XV в.³⁴⁰ А. М. Назарова устанавливает, что в 1-й Псковской летописи *-тъ* обычно только на первых двадцати страницах (в выдержках из Начальной и 1-й Новгородской летописи), в основной же части текста господствует твердый *-т*.³⁴¹

Отсутствие в памятнике формы *-тъ* считается одним из признаков его архаичности. Например, В. Е. Ушаков, отмечая, что в Устюжской кормчей XIII—XIV вв. вовсе нет окончания *-тъ*, полагает, что эта кормчая старше таких ростово-суздальских памятников, как Переяславское евангелие 1354 г. и Галичское евангелие 1357 г., в которых имеется эта форма. Любопытно, что в Переяславском евангелии 1354 г. *-т* твердый встречается только в единственном числе: *стоитъ*, *достойтъ*, *погубитъ*, *напойтъ*, *пуститъ*, *прѣдъстойтъ*, *възвѣститъ*, *оупвѣютъ*, *придетъ*.³⁴²

³³⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

³³⁹ О. Т. Бархатова. Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв. (На материале новгородских, двинских и псковских грамот). Автореф. канд. дисс. Л., 1955, стр. 7.

³⁴⁰ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909, стр. 193.

³⁴¹ А. М. Назарова. К вопросу о сказуемом в псковских летописях. Изв. Крымского ГПИ им. М. В. Фрунзе, т. XIV. Симферополь, 1949, стр. 123.

³⁴² В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв. Киров, 1961, стр. 33.

³³⁶ А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 248—249. Изд. 3. М.: УРСС, 2004.

³³⁷ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 301—302.

³³⁸ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгр., 1915, стр. 320.

В XV—XVI вв. окончание *-т* становится обычным в северновеликорусской и средневеликорусской письменности. М. Г. Булахов отмечает нередкое *-т* в Московском летописном своде конца XV в.³⁴³ В «Домострое» написания *-тъ* и *-т* являются уже нормой.³⁴⁴ Часто *-т* в Устюжском летописном своде конца XVI в.³⁴⁵ В памятниках XVII в., особенно деловых, твердый *-т* представлен исключительно.³⁴⁶ Указаний такого рода в различных исследованиях можно было бы привести еще много. К сожалению, трудно воспользоваться данными южновеликорусской письменности XVII в., поскольку в скорописи этого времени *ъ* и *ь* изображались одинаково, а, кроме того, конечный *-т* часто писался вверху строки без *ъ* и *ь*, поэтому эти особенности написания не позволяют судить, что было в языке грамот — *-тъ* или *-т*.³⁴⁷ Надо полагать, что в южновеликорусских говорах древле было *-тъ*.

Обычным является *-тъ* в памятниках белорусской письменности.

Иначе обстоит дело в письменности украинской. И в украинских памятниках преобладает форма *-тъ*. Однако с XIV в. в них появляется и окончание с твердым *-т*. Ср. в украинских грамотах XIV—XV вв.: *лежитъ, приходитъ, идетъ, будетъ, впадает, имаютъ, отдаютъ* и т. д. Спорадически это окончание встречается в различных местностях, но локализуется главным образом на юго-западе. Как отмечает Л. В. Веневцева, в молдавских грамотах XV в. форма *-т* встречается чаще формы *-тъ*.³⁴⁸ В Няговских Поучениях XVI в. и Углянском Ключе XVII в. *-т* обычно (*могутъ, текутъ, речютъ, слухатъ, гадатъ, даже естъ* и т. п.).³⁴⁹ Особенно широкое распространение формы с *-т* получают в украинских памятниках XVI—XVII вв., хотя окончание *-тъ* никогда не вытесняется из украинской письменности.³⁵⁰ Употребление *-т* наряду с *-тъ* прослеживается в украинских па-

мятниках различных местностей (прежде всего в деловой письменности) И. М. Керницким.³⁵¹ Позже *-тъ*, как известно, в украинском литературном языке в определенных классах глаголов становится единственно возможным.

Таким образом, географическое распространение противопоставленных форм *-тъ* и *-т*, представленное в современных восточнославянских языках, в общем подтверждается и данными древней восточнославянской письменности, по крайней мере начиная с XIII—XIV вв. Формы на *-тъ* более ранних древнерусских письменных памятников, как уже было сказано выше, считаются старославянизмами. Однако вряд ли этот вопрос нужно считать окончательно решенным. Это *-тъ* отмечалось прежде всего в новгородских памятниках: Минея 1095 г., в которой М. Попруженко нашел 29 примеров с *-тъ*,³⁵² Минея 1096 г. и других. Следовало бы провести сплошное сравнительное исследование всех восточнославянских памятников XI—XIII вв. и в зависимости от полученных результатов сделать соответствующие выводы. Без тщательного лингвогеографического обследования памятников ничто нам не помешает признать форму *-тъ* церковнославянизмом и в письменности XIV—XVII вв., по крайней мере в «неделовых» памятниках (в свое время Миккола так и утверждал, что любое *-тъ* в русской письменности XV в. есть результат церковнославянского влияния).

Уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности имеются формы без *-т*: *напише* (Остромирово евангелие 1056—1057 гг.), *обраше* (Новгородская минея 1095 г.) и др. «Можно сказать, все сколько-нибудь значительные по объему памятники старшей поры дают одни большее, другие меньшее количество примеров подобных форм». ³⁵³ Довольно много их в киевском Изборнике 1073 г.,³⁵⁴ в Изборнике 1076 г.,³⁵⁵ в «Словах Григория Назиянина» XI в.,³⁵⁶ Архангельском евангелии 1092 г.,³⁵⁷ Пандектах Антиоха XI в.,³⁵⁸ Пандектах Никона Черногорца XII—

³⁴³ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. . . , стр. 50.

³⁴⁴ С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. XLII, 1947, стр. 30—31; М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в., стр. 139.

³⁴⁵ Е. С. Магура. Морфологические особенности Устюжского летописного свода. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1959.

³⁴⁶ Ср. «Слово и дело государево»; С. П. Лопуханская. Очерки по истории глагольного формообразования (часть первая). Казань, 1967, стр. 58.

³⁴⁷ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 208.

³⁴⁸ Л. В. Веневцева. Форми дієслів у молдавських грамотах XV ст. Вісн. Харківськ. унів., № 7, Сер. філол., вип. 1, 1965, стр. 129.

³⁴⁹ Ласло Даже. Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1967, стр. 151—152.

³⁵⁰ С. П. Бевзенко. Исторична морфологія української мови, стр. 279.

³⁵¹ И. М. Керницкий. Система словоизменения в украинской мове, стр. 184—191.

³⁵² М. Попруженко. Заметки о языке Новгородской служебной мины 1096 г. Филологические записки, вып. 3—4. Воронеж, 1889.

³⁵³ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 132.

³⁵⁴ А. Розенфельд. Язык Святослава Изборника 1073 г. Русск. филол. вестн., 1899, кн. 1—2, стр. 193.

³⁵⁵ В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1894, стр. 80.

³⁵⁶ А. Будилович. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова. СПб., 1871, стр. 18—19.

³⁵⁷ А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот. . . , стр. 206.

³⁵⁸ М. П. Копко. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. Изв. II Отд. Академии наук, т. XX, вып. 4, [б. г.], стр. 84.

XIII вв.,³⁵⁹ «Жития Феодосия» по рукописи Успенского сборника XII в.³⁶⁰ и в других памятниках XI—XIII вв. По наблюдению О. Т. Бархатовой, формы без *-т-* в северных и северо-западных грамотах XII—XIV вв. «немногочисленны и употребляются только в 3 л. ед. ч.», хотя образуются они от глаголов различных классов (*прииде, сведе, иде, почне, жалуется, володѣе, вывѣчае, везе, хоце, поруши, наступи* и др.).³⁶¹ В новгородских берестяных грамотах эти формы довольно часты, употребляются как в единственном, так и во множественном числе и образуются от разных классов: *е ли оу него роба* (№ 109, XI в.), *не дѣе* (№ 247, XI в.), *водадѣ* (№ 163, XII в.), *живе* (№ 153, XII в.), *пришьде* (№ 165, XII в.), *поиде* (№ 332, XII—XIII вв.), *поведе* (№ 53, XIII—XIV вв.), *не кладе, не взме* (№ 142, XIII в.), *поцте* (215, XIII в.), *хоце* (№ 227, XIII в.), *буде* (№ 295, XIII в.), *поиде* (№ 404, XIII в.), *приде* (№ 43, XIV—XV вв.), *смерди не платѣ* (№ 99, XIV в.), *поцне* (№ 129, XIV—XV вв.), *буде* (№№ 271 и 272, XIV в.), *меце* (№ 317, XIV в.), *пошле* (№ 274, XIV в.), *не гнее* (№ 361, XIV—XV вв.), *чоломъ бѣю хрѣстьянѣ избоицанѣ* (№ 307, XV в.) и др. Как видно из этих примеров, форма без *-т-* главным образом употребляется в единственном числе глаголов 1-го спряжения. Наличие ее в ранних грамотах исключает мысль, будто бы она была заимствована из старославянского языка, как того хотел А. М. Селищев.³⁶²

Формы без *-т-* в тех же условиях хорошо известны в старой украинской и белорусской письменности. Все же не исключено, что их распространение в древнерусскую эпоху было не повсеместным. В. И. Борковский отмечает, что в старейшей части Лаврентьевской летописи, включающей «Повесть временных лет», имеются десятки случаев употребления форм без *-т-*, тогда как в суздальской части этой летописи найдено всего два примера (*не може, не возможе*) при массовом употреблении окончания *-т-*.³⁶³ С. П. Обнорский по поводу этого наблюдения пишет: «Очевидно, не на всем протяжении русского языка в старую пору интересующие нас формы без *t* были в одинаковом распространении; несомненно, в частности, что эти формы на Суздальской территории не были известны».³⁶⁴ Малохарактерно отсутствие *-т-* и в современных зла-

³⁵⁹ А. Тихвинский. Ярославский список Пандекта Никона Черногогорца XII—XIII вв. Русск. филол. вестн., 1892, т. 28, стр. 132; 1893, т. 30, стр. 345; 1894, т. 32, стр. 114—115.

³⁶⁰ А. М. Лукьяненко. О языке Нестерова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков. Русск. филол. вестн., т. 58, 1907, стр. 60.

³⁶¹ О. Т. Бархатова. Система спряжения глагола. . . , стр. 7—8.

³⁶² А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, стр. 156. Изд. 3. М.: УРСС, 2005.

³⁶³ В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. Изв. Комиссии по русскому языку, т. I. Л., 1931, стр. 81.

³⁶⁴ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 132.

димиро-суздальских говорах, что как будто подтверждает показания Суздальской летописи. Если С. П. Обнорский прав (как и в других подобных случаях, нужно статистико-географическое обследование многих памятников), то, следовательно, по употреблению форм с *-т-* и без *-т-* восточнославянская территория в древнерусскую эпоху распадалась по крайней мере на два диалектных ареала: основной и северо-восточный. Не совсем понятно отсутствие форм без *-т-* в южновеликорусской письменности XVII в., установленное С. И. Котковым.³⁶⁵ С. П. Лопушанская в «Слове и деле государеве» нашла единственный случай употребления глагольной формы без *-т-*: *буде* (наряду с обычным *будетъ*). Вся масса глаголов имеет окончание *-т-*.³⁶⁶ Такое положение, по видимому, характерно для всей поздней московской письменности. Данная особенность была унаследована современным русским литературным языком. Когда возникли указанные ареалы? Ответ на этот вопрос в значительной мере зависит от точки зрения на происхождение форм 3-го лица глаголов настоящего и будущего времени. На этот счет существуют различные противоречивые гипотезы, свидетельствующие о том, что мы еще далеки от решения интересующей нас сложной проблемы.

Литература о происхождении глагольных форм 3-го лица огромна, и ее обзор занял бы много места. Классики индоевропейской и славянской компаративистики выдвинули фонетическую гипотезу происхождения форм *-тъ* и без *-т-*, согласно которой индоевропейское **-ti* закономерно изменилось на праславянской почве в **-tь*. Др.-русск. *-тъ* — древнейшая праславянская форма, другие же формы образовались из **-tь* через фонетические изменения. Предполагается, что праславянское **-tь* фонетически изменилось в *-tь* еще в дописьменную эпоху, причем это *-tь* представлено в старославянском языке. Что касается северновеликорусского и украинского *-т-*, то оно возникло поздно (не раньше XIII—XIV вв.); независимо от старославянского *-тъ*. Относительно причин изменения **-tь* в старославянское *-тъ* высказывались и высказываются различные предположения, но все они мало удовлетворительны, что еще было замечено Ф. Ф. Фортунатовым. Например, В. Вондрак предполагает, что *ь* изменилось в *ѣ* (это вызвало отвердение *-т-*) под влиянием местоимения *тъ*.³⁶⁷ Однако В. Вондрак «не знает, как образовалось старославянское *-тъ* в 3-м лице из *-ti* и насколько это изменение было фонетическим, хотя думает все-таки, что нельзя предполагать для старославянского *-тъ* иное происхождение, чем для древне-

³⁶⁵ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 210—211.

³⁶⁶ С. П. Лопушанская. Очерки по истории глагольного формообразования, стр. 59.

³⁶⁷ V. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, стр. 190.

русского *-ть*, полученного из общеиндоевропейского *-ti*.³⁶⁸ Е. Бернекер видит причину изменения *ь* в *ъ* в изолированном положении *ь* в формах глаголов 3-го лица, где оно не было защищено от воздействия всякого рода ассоциаций и диссоциаций в отличие, например, от имен типа *конь*, *гость*, где *ь* поддерживалось влиянием косвенных падежей, или от форм творительного падежа (*коньмь*, *путьмь*), в которых *ь* сохранялся благодаря влиянию *-ми* и т. п. Ф. Ф. Фортунатов по этому поводу замечает, что гипотеза Е. Бернекера не объясняет, почему *ь* сохранился в таких «изолированных» формах, как *вспасть*, *свободь*, *правь*, *прѣмь*, *опать*, в местоименных формах *емь*, *томь* и др. Поскольку такого объяснения нет, значит, предполагаемая фонетическая закономерность является не действительной, а мнимой, придуманной «для данного случая». К. Бругман, придерживаясь фонетической гипотезы, ссылается на изменение индоевропейского **oti* ‘через’ в старославянское *отъ* (*отълъ бжъ* ‘остаюк’).³⁶⁹ Параллель, приводимая К. Бругманом, не имеет значения, поскольку указанный *отъ* является единичным случаем и этимология его далеко не бесспорна.

По мнению А. Мейе, старославянское *-тъ* возникло в то время, когда конечные слабые редуцированные стали исчезать раньше всего после глухих согласных, в связи с чем «очень рано» мягкий согласный *-t-* отвердел, в результате чего и получилось *-тъ* (*береть* > *беретьъ*). И в русских диалектах, имеющих *-тъ*, *-t-* когда-то стал твердым, а современная его мягкость — явление позднее, вторичное.³⁷⁰ А. Мейе не приводит никаких доказательств в пользу того, что конечные редуцированные в старославянском языке уже исчезли и написание *ъ* в *-тъ* было лишь обозначением твердости согласного и что в древнерусском языке *-t-* тоже отвердел повсеместно. Его гипотеза полностью противоречит фактам, поэтому должна быть отвергнута. Не более убедительным является и сравнительно недавнее предположение Ф. Ливера о первичной полумягкости *-t-*, затем отвердевшего под воздействием вторичных окончаний *-t* и *-nt*.³⁷¹ Критика гипотезы Ф. Ливера дана в рецензии П. С. Кузнецова.³⁷²

Настойчивость представителей фонетической гипотезы неучительна. Если предполагается, что исходной была одна общеиндоевропейская и одна общеславянская форма, то ставится задача во что бы то ни стало доказать, что остальные формы являются

фонетическими инновациями. Такова особенность прямолинейного праязыкового метода, исключаящего наличие диалектных расхождений до образования того или иного праязыкового состояния (праиндоевропейского, праславянского, прарусского и т. п.). А. М. Селищев категорически отрицает все другие гипотезы происхождения твердого *-t-* в глагольных формах, кроме фонетической. Исключения из фонетического изменения *-ti* в *-tiъ* в «изолированной» позиции он объясняет частными причинами: в *опать* *-ть* не отвердело потому, что это слово иной категории, с иным значением в речевом контексте, *есть* — тоже слово с иным значением и т. д.³⁷³ Однако и после таких объяснений фонетическая гипотеза не становится убедительной.

Ф. Ф. Фортунатов, кажется, был первым, кто предложил развернутое морфологическое объяснение происхождения *-тъ*.³⁷⁴ По Ф. Ф. Фортунатову, окончание *-тъ* возникло независимо от *-ть* (< индоевр. **-ti*) и представляет собой балто-славянское новообразование. По происхождению оно представляет собой указательное местоимение *тъ*, балтийское *-tas* (редуцированное *-ts*). Местоимение *тъ* первоначально присоединилось к формам аориста единственного числа (ср. *питъ*, *битъ*), откуда было перенесено в настоящее время — сначала в единственное число, затем — во множественное.³⁷⁵ Гипотеза Ф. Ф. Фортунатова несомненно интересна, хотя в ней есть свои неясности. Как отмечает С. П. Обнорский, Ф. Ф. Фортунатову приходится допускать распространение *-тъ* из единственного числа на множественное (*-тъ*, *-tas*, *-ts* — формы местоимения ед. ч.), а кроме того, предполагать наличие *-тъ* лишь в тематических глаголах, а распространение этого *-тъ* на глаголы атематические объяснять как явление аналогии, что, как считает С. П. Обнорский, недоказуемо.³⁷⁶ Не обязательно также предположение переноса *-тъ* из аориста в настоящее время: *-тъ* могло образоваться в формах настоящего времени независимо от форм аориста. Как показывает поздняя история глагольных форм настоящего времени, распространение окончаний (и форм без окончаний) единственного числа на множественное — явление известное. Оно могло иметь место и в древности, что в некоторой степени ослабляет возражение С. П. Обнорского. Если Ф. Ф. Фортунатов прав, то это означает, что еще на раннем этапе развития древнего общеславянского языка сосуществовали две диалектные формы: *-тъ* и *-ть*, которые, вероятно, имели локальное распространение.

³⁶⁸ Ф. Ф. Фортунатов. Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XIII, кн. 2. СПб., 1908, стр. 2.

³⁶⁹ К. Бругманн. Kurze vergleichende Grammatik indogermanischer Sprachen. Strassburg, 1904, стр. 466, 591.

³⁷⁰ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 256.

³⁷¹ F. Liewehr. Slawische Sprachwissenschaft in Einzeldarstellung. Wien, 1955, стр. 45 и след.

³⁷² П. С. Кузнецов. [Рец. на кн.:] F. Liewehr. Slawische Sprachwissenschaft in Einzeldarstellung. Wien, 1955. ВЯ, 1957, № 2, стр. 111—112.

³⁷³ А. М. Селищев. Критические заметки . . . , стр. 182.

³⁷⁴ Сама мысль о морфологическом воздействии — влиянии местоимения *тъ* на глагольное окончание 3-го лица высказывалась давно. Ср., например: Р. Ф. Брандт. Грамматические заметки, I. 2-е изд. СПб., 1886.

³⁷⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Старославянское *-тъ*. . . , стр. 1—44.

³⁷⁶ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 118.

Трезвое заключение о происхождении *-тъ* в наше время делает В. Н. Топоров. Указывая на исследования Брандта, Фортунатова, Шахматова, Богородицкого, Мейе, Ван-Вейка, Арума, Вайяна, Лекова, Обнорского, Селищева, Станга и других (здесь нужно особо отметить обстоятельные работы Хр. Станга³⁷⁷ и И. Лекова³⁷⁸), он дает следующую оценку состоянию разработки этой проблемы: «Многие из предложенных гипотез старались определенно связать *-тъ* с фактами других индоевропейских языков. При этом, как правило, или приводились фонетически близкие, но в отношении значения слишком различные формы, или, наоборот, путем сложных фонетических процессов выводилось *-тъ*, причем часто указывалось на возможность контаминации и на разного рода незакономерные (что было ясно и самим авторам этих теорий) спорадические явления. По-видимому, вопрос о происхождении *-тъ* принадлежит к числу таких в славянском языкознании, которые пока лучше оставить без объяснения, и не столько потому, что его решение слишком сложно (вполне возможно, что в числе предложенных точек зрения есть такие, которые правильно объясняют эту флексию), сколько из-за того, что пока, видимо, нет средств, чтобы доказать правильность того или иного решения. Поэтому более целесообразным было бы просто констатировать факт наличия такого окончания и описать условия его употребления и его распространения и, где возможно, его отношение к другим окончаниям в этой форме».³⁷⁹

Факт наличия в древнеболгарском языке окончания *-тъ* в глаголах всех классов (наряду со спорадическим употреблением бесфлективной формы и в некоторых памятниках *-тъ*) в IX—X вв. несомненен. Можно считать, как полагает и В. Н. Топоров, что форма *-тъ* существовала и в общеславянскую эпоху. Гораздо сложнее обстоит дело со временем возникновения *-т* в восточнославянской языковой области. Решающим в определении хронологии этого явления обстоятельством представляются данные древнерусской письменности. Поскольку форма *-т* появляется только в XIII—XIV вв., считается, что и в живой речи она возникла примерно в это же время, причем северный и юго-западный ареалы ее распространения возникли независимо друг от друга. Обычно предполагается, что *-т* образовалось в результате отвердения «изолированного» полумягкого *-t* после падения редуцированных гласных, причем процесс этот раньше всего начался в древне Новгородском диалекте, в котором развитие корреляции твердость-мягкость согласных как будто бы имело менее выраженный характер, чем в других диалектах. П. С. Кузнецов, взвешивая факты

³⁷⁷ Chr. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.

³⁷⁸ И. Леков. Праславянские глагольные формы и отражения им в днешние славянские языки. София, 1934.

³⁷⁹ В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. Вопр. слав. языкозн., вып. 5. М., 1961, стр. 65—66.

за и против фонетической гипотезы, пишет, что в северных говорах наблюдается менее напряженное произношение согласных, чем в южных, на что указывают: 1) утрата интервокальных *j* и *d*; 2) более широко распространенное отвердение конечных губных; 3) утрата конечного *t* после *s* (*мос* 'мост' и т. п.) и некоторые другие явления.³⁸⁰ Однако те же явления довольно широко представлены и на территориях, где распространено окончание *-тъ*. Фонетическое объяснение северновеликорусского *-т* наталкивается почти на те же трудности, что и фонетическая гипотеза старославянского *-тъ* (наличие необъясненных «исключений» типа *есть*, *опять*, *невесть* что, яросл., владимир. *бознать* 'бог знает' и т. п.).

Пытаясь найти выход из положения, П. Я. Черных предложил гипотезу «морфологической диссимиляции»: когда древнерусская форма инфинитива *-ти* сократилась в *-тъ*, получилось ее совпадение с формой 3-го лица; чтобы избежать нежелательного омонимизма, возникла «морфологическая диссимиляция», в результате которой в 3-м лице утвердилось окончание *-т*.³⁸¹ Факты не подтверждают эту гипотезу: в северновеликорусских говорах, где господствует окончание *-т*, в качестве архаизма сохраняется безударная форма инфинитива на *-ти*, а в южнославянских говорах, употребляющих окончание *-тъ*, эта инфинитивная форма представляет собой редкое явление. Вовсе остаются необъясненными специфические условия образования юго-западного окончания *-т*.

Казалось бы, просто и естественно видеть в северном и юго-западном (южном) *-т* ту же праславянскую диалектную форму, что и старославянское *-тъ*. Подобного рода предположения возникли давно. Б. М. Ляпунов в свое время писал, что северное *-т*, скорее, «восходит к тому окончанию *-тъ*, которое господствовало в старославянском языке и представляет общеславянский вариант при *-тъ*».³⁸² Та же мысль высказывается и некоторыми современными исследователями по отношению не только к северному, но и к украинскому *-т*.³⁸³ Однако для того чтобы считать это предположение правильным, надо доказать, что написание *-тъ*, встречающееся в древнерусских памятниках XI—XII вв., является не старославянизмом, а отражением живого восточнославянского произношения. Пока это не будет сделано (возможно, этого сделать вообще нельзя), гипотеза о тождестве восточнославянского *-т* и

³⁸⁰ П. С. Кузнецов. К истории форм 3-го лица настоящего времени в русском языке. Slavia, XXV, 2, 1956, стр. 177.

³⁸¹ П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия, 1. Иркутск, 1927, стр. 59 и след.

³⁸² Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899, стр. 233.

³⁸³ См., например: В. С. Ващенко. Полтавські говори, стр. 233; Ф. Т. Жилко. Очерки по диалектологии украинского языка. Автореф. докт. дисс. Киев, 1959, стр. 24.

старославянского *-тъ* не может считаться доказанной. Мы в данном случае не можем ссылаться на отсутствие древних памятников из районов распространения *-т*, как мы вправе были сделать при освещении проблемы происхождения аканья. Данные письменности ясно указывают на нарастание употребления окончаний *-т* в северновеликорусской и украинской областях начиная с XIII—XIV вв. И как бы ни объяснять происхождение этого *-т*, остается несомненным, что в XIII—XIV вв. восточнославянская языковая территория распадалась на три диалектных ареала: 1) северный, где начинало господствовать окончание *-т*, 2) центральный, в котором вовсе не было *-т*, а употреблялось *-тъ*, и 3) южный или юго-западный, где *-тъ* и *т* сосуществовали. Границы этих ареалов не совпадают с границами современных восточнославянских языков. Не исключена возможность, что начало формирования указанных диалектных областей относится к гораздо более раннему времени, но такое предположение остается пока не доказанным.

Теперь мы коснемся проблемы происхождения бесфлексивной формы. Ее решение не менее трудно, чем выяснение возникновения окончания *-тъ*. Как известно, обычно считается, что бесфлексивная форма образовалась в результате отпадения конечного *-т*. Какие препятствия встречает такое объяснение на балто-славянской почве, об этом см. в работе В. Н. Топорова.³⁸⁴ Существование мнения, что в истории восточнославянских языков отпадение *-т* — явление позднее. Т. П. Ломтев в своей полемике с П. С. Кузнецовым категорически заявляет, что предположение об отпадении *-т* в дописьменную эпоху совершенно неприемлемо для фактов белорусского и русского языков, поскольку в возвратных глаголах этих языков всегда присутствует *-т*, следовательно, это *-т* исчезло в невозвратных глаголах после того, как частицы *ся*, *сь*, *си* слились с глаголами. По мнению Т. П. Ломтева, если бы *-т* отпало раньше, его не было бы и в возвратных формах.³⁸⁵ Та же мысль была высказана еще раньше Е. Ф. Карским.³⁸⁶

Однако возражение Т. П. Ломтева основывается лишь на логике рассуждения без должного учета реальных фактов. Во-первых, наличие бесфлексивных форм в самых ранних памятниках древнерусской письменности (включая и такие, как новгородские берестяные грамоты), в которых возвратные частицы еще употребляются свободно. Во-вторых, в современных юго-западных украинских говорах частица *ся* до сих пор остается незакре-

пленной на определенном месте и в то же время бесфлексивные глагольные формы в них обычны. Совершенно очевидно, что и на восточнославянской почве бесфлексивные формы существовали задолго до времени слияния возвратных частиц с глаголами. «Восстановление» *-т* в возвратных глаголах обусловлено структурой этих глаголов, необходимостью их четкого отличия от других глагольных форм.

С. П. Обнорский выдвинул иную гипотезу, противоположную общему мнению о вторичности бесфлексивных форм. Как считает С. П. Обнорский, первичны бесфлексивные формы, а формы с *-т* — вторичны. На каком-то этапе истории древнего общеславянского языка (но задолго до возникновения славянской письменности) «возможно представлять, что глагольные формы 3-го лица ед. ч. и мн. ч. первичного типа образования, т. е. *несе*—*несж*, *хвали*—*хвала*, *ю*—*сж*, в определенных синтаксических и семантико-синтаксических условиях (для выражения своей тесной связи как предикативов с субъектами предложения) сопровождалась постпозитивным членом, по происхождению указательным местоимением *тъ*, *та*, *то* в ед. ч., *ти*, *ты*, *та* — во мн. ч.»³⁸⁷ Постпозитивный член затем слился с глаголом, став его флексией, причем произошла «стабилизация» какой-либо одной формы постпозитивного члена и для единственного и для множественного числа всех родов, хотя «сама по себе эта стабилизация отнюдь не обязательна».³⁸⁸ Таким образом, окончание *-тъ* по своему происхождению является указательным местоимением ед. ч. м. р. *тъ*, а *-тъ* — испытавшим редукцию местоимением мн. ч. м. р. *ти*. В некоторых русских говорах имеются и окончания *-то* (< местоимение *то*), *-та* (< *та*), *-ти* (< *ти*), *-ты* (< *ты*): *идето*, *берето*, *носито*, *ходита*, *летита*, *прядеты*, *говориты* и т. п.³⁸⁹ Окончание *-ти* было найдено Н. М. Каринским в Псковской Палее 1494 г. (*смыслити* и др.),³⁹⁰ известно оно как архаизм и в современных псковских и некоторых других говорах. Имеется еще и флексия *-те*, отмеченная В. И. Чернышевым в одном из псковских говоров (*дровы есте*, *боу дасте*),³⁹¹ ср. в одном из псковских памятников XIV в.: *вдасте*, *снесте*.³⁹²

Гипотеза С. П. Обнорского, впервые изложенная им в 1941 г.,³⁹³ не была принята славистами. Один из ее критиков, Л. А. Була-

³⁸⁷ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 135.

³⁸⁸ Там же, стр. 135.

³⁸⁹ Там же, стр. 136—137.

³⁹⁰ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в., стр. 147.
³⁹¹ В. И. Чернышев. Псковское наречие. (Наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 году). Изв. Комиссии по русскому языку, т. 1. Л., 1931, стр. 166, 181.

³⁹² Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в., стр. 148.

³⁹³ С. П. Обнорский. Образование глагольных форм 3 лица настоящего времени в русском языке. Отд. литер. и яз. АН СССР, вып. 3, 1941.

³⁸⁴ В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола.

³⁸⁵ Т. П. Ломтев. [Рец. на:] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. МГУ, 1953, стр. 307.—ВЯ, 1954, № 5, стр. 141—142. Ср. также: Т. П. Ломтев. [Рец. на:] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. — Русский язык в школе, 1954, № 5, стр. 77—80.

³⁸⁶ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 257.

ховский, хотя и считает (как и многие старые компаративисты) предположение о местоименном происхождении глагольных окончаний вполне вероятным, но в целом оценивает гипотезу С. П. Обнорского как малоубедительную, недоказанную.³⁹⁴ Нам пока остается констатировать, что бесфлексивные формы, во всяком случае и на восточнославянской почве, существовали до возникновения древнерусской письменности. Преимущественно они употреблялись в единственном числе глаголов 1-го, 2-го и 3-го классов, хотя известны и в глаголах с приметой на *-i-*, а в отдельных случаях — и во множественном числе. Можно предполагать, что употребление бесфлексивных форм вне 1-го, 2-го и 3-го класса глаголов единственного числа — явление вторичное. Из восточнославянских языков ближе всего подходит к древней (первичной) системе употребления бесфлексивных форм украинский литературный язык. Весьма сложная система (с многими подсистемами) сочетаний флексивных и бесфлексивных форм в современных восточнославянских диалектах несомненно является продуктом поздней и еще не установленной истории. Как было уже сказано выше, в древнерусскую эпоху, по-видимому, существовало два диалектных ареала: 1) говоры, в которых бесфлексивные формы вовсе не употреблялись (Владими́ро-Суздальская, позже Московская земли); 2) говоры, в которых бесфлексивные формы употреблялись (в разных пропорциях) вместе с флексивными (вся остальная восточнославянская территория).

2. Глагольные формы 3-го лица прошедшего времени *-ле, -ло*

Мне уже приходилось писать об этой до сих пор не объясненной форме.³⁹⁵ Несколько раньше А. И. Толкачев подробно изложил историю попыток выяснить происхождение загадочного *-ле* в связи с формами именительного падежа единственного числа имен прилагательных мужского рода.³⁹⁶

Форма *-ле* на севере отражается в памятниках с XI в., т. е. вместе с появлением письменности. Очень показательны данные изданных новгородских берестяных грамот. В этих грамотах мною насчитано 175 случаев употребления прошедшего времени, выраженного причастиями на *-ль* (с глагольными связками и без них). 13 случаев употребления причастий в женском роде и 3 случая в среднем роде единственного числа имеют правильное согласование (окончания *-а* и *о*) и замечаний не вызывают. 29 раз употреблено

³⁹⁴ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий. . . , стр. 186—187.

³⁹⁵ Ф. П. Филин. Об одном загадочном явлении в языке северных памятников древнерусской письменности. Prace filologiczne, XVIII, 2, Warszawa, 1964, стр. 337—345.

³⁹⁶ А. И. Толкачев. К истории именительного падежа единственного числа мужского рода членных прилагательных русского языка. В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, стр. 177—180.

множественное число с нормальным окончанием *-и*. В 11 случаях отмечено написание *-ль*, которое может быть приписано множественному числу (из контекста далеко не всегда ясно в этих случаях, с каким числом мы имеем дело). Если это всегда множественное число, то написание *-ль* вполне можно объяснить как орфографическое явление (смещение букв *и* и *ѣ* в результате сближения и затем полного совпадения гласных *и* и *ѣ* в новгородском диалекте). Остается 119 случаев употребления причастий на *-ль* в мужском роде единственного числа, на которые и приходятся колебания форм: 39 примеров с написанием *-ль*, 17 — с *ло* и 63 (большая половина) — с *-ле*. Написания *-ль* вряд ли можно объяснить только орфографической традицией, принятой новгородцами из Киева. Можно считать, что в древненовгородском диалекте сосуществовали формы *-ле, -ло, -ль* или же каждая из них преимущественно употреблялась в разных говорах этого диалекта. Ср. примеры на *-ле* (*-ль, -ла*) в берестяных грамотах: *вдале љемь* (№ 119, XI в.), *љеи вдале двѣѣ коунѣ* (№ 238, XI—XII вв.), *то ти љемь дале* (№ 384, XI—XII вв.), *поле двѣѣѣ оу Домаслава. . . на мѣѣ ти Домаславе взалѣ 12 гривнѣ* (№ 155, XII в.), *а то далѣ* (№ 133, XIV в.), *а нине есеме к тобѣ рыбько послала* (№ 131, XIV в.), *вдалѣ за та* (№ 231, XII в.) и т. п. Абсолютно господствующим написанием является *-ле*. Это *-ле* употребляется и перед возвратной частицей: *како ли ты венилеса* (№ 30, XIV в.), *чоби, господине, попецелилеса горюнами* (№ 167, XIV в.) и др. То же *-ле* хорошо известно в других северных (новгородских, псковских, северодвинских) памятниках: *Акиме писале* (поздняя приписка в Новгородской минее 1096 г.), *се вдале Варламе* (вкладная грамота Варлама Хутынского монастырю около 1192 г.), *крестѣ не доиле Царяграда* (Новгородская кормчая 1282 г.), *Святослав ослѣ* (Синодальный список 1-й Новгородской летописи), *Смене Ночине имале. . . взяле. . . доспеле* (северодвинская грамота XIV—XV вв.), *князь великоу. . . Марфу с собою повеле, велиле великоу князь* (Погодинский список 1-й Псковской летописи XIV в.) и т. д., и т. п.

Примеры на *-ло* в новгородских берестяных грамотах: *съ ввало љемь у Храпа* (№ 198, XIII в.), *како љкавало было на Местатке 7 гривено. . . а самого щупало в ыном суде* (№ 213, XIII в.), *а лоньского намо недоплатило. . . купанка перешло по семцине* (№ 218, XIII в.), *а ввало љемь* (№ 345, XIV в.), *ко Смену послало оську* (№ 133, XIV в.), *поставило 4 кадце пшенице. . . повелело љемю* (№ 196, XIII—XIV вв.) и др. Один раз отмечено *-лы*: *и диду молиса чтобы ихалы в Юриевѣ монастырь* (№ 354, XIII—XIV вв.). Ср. в других памятниках: *а за десятишчина са кало потѣ Семень*³⁹⁷ и др.

³⁹⁷ А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 46.

Спорадически «странные» окончания употребляются и во множественном числе: *славоне двлале* (каменный воймерецкий крест в часовне с. Воймерцы Боровичского уезда XIII в.)³⁹⁸ и др.

Самое простое объяснение, которое напрашивается при разборе подобных весьма многочисленных фактов, — считать *-ле*, *-ло* и пр. явлением чисто орфографическим, не имеющим никакого отношения к языку. Именно такое толкование и было предложено В. П. Курашквичем, который писал: «Мену букв *ъ* и *ь*, их обозначение буквами *о* и *е* даже в самых древних грамотах XII в. в середине и в конце слов следует объяснять неграмотностью писцов. Слабые звуки *ъ*, *ь* в XII в. были, очевидно, близки; их, по-видимому, читали как слабые, очень короткие *о*, *е* в школьной грамоте. Это графическое явление позже унаследовали некоторые писцы XIII и следующих веков, которые этимологически неправильно употребляли буквы *ъ*, *ь* — *о*, *е* в середине и в конце слов и часто писали *о*, *е* с целью обозначить конец слова. Например, *поклоно* (№№ 6, 23, 27, 67, 98), *полотрѣтиа двѣсто гривѣно сѣрѣбра* (№ 61) и пр... то же в формах перфекта: *покосиле* (№ 53), *сложиле* (№ 25), *венилеса* (№ 30), *пале* (№ 20), *купиле* (№ 32), *оставиле* (№ 11). Неправильное употребление букв *ъ*, *ь* — *о*, *е* встречается и в галицких грамотах XIV—XV вв. По моему мнению, здесь явление исключительно графическое, без фонетического или морфологического значения».³⁹⁹

Действительно, многие случаи смещения *ъ*, *ь*, *о*, *е* и *ѣ* являются фактом орфографии, обусловленным падением редуцированных гласных. Традиционные приемы письма, сохранявшие буквы *ъ* и *ь*, приводили к тому, что писцы часто не знали, где можно с этимологической точки зрения ставить буквы *ъ* и *ь*, а где — *нелзя*, в связи с чем происходило смещение букв *ъ*, *ь*, *о*, *е*, *ѣ*. Однако во всех ли случаях такого смещения можно видеть только орфографическое явление?

Обращают на себя внимание написания типа *въдале* в памятниках XI—XII вв., когда редуцированные гласные в древненовгородском диалекте еще существовали. Предположение о том, что гласные *ъ* и *ь* в слабой позиции будто бы были «очень близки» друг к другу, противоречит твердо установленному факту, что в древнерусском языке эти гласные продолжали различаться вплоть до их исчезновения. В современных северных говорах в определенных категориях слов обнаруживается произношение *о* и *е*, полностью соответствующее написанию букв *о* и *е* в древненовгородских и иных древнесеверных памятниках: онеж. *Садке*, *Петре*,

³⁹⁸ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 64.

³⁹⁹ В. П. Курашквич. [Рец. на:] Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1953. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 123—124.

воронке,⁴⁰⁰ остров. (пск.) *псе*,⁴⁰¹ сев.-великорусск. *Олександро*, *Вельско*, *мужико*, *домо*, *пастухо*, *извошишко*, *Мило* (=Нил), *мело*, *мечо* и т. п.⁴⁰² Согласование подобного рода существительных на *-о* осуществляется в мужском роде (*большой домо* и пр.), употребление их не зависит от особого фонетико-интонационного положения в предложении.

В говорах достаточно хорошо представлены перфективные формы на *-ле*, отмечаются и формы на *-ло*, согласующиеся с именами мужского рода. Ср.: *мы проехали*, *барин уишлѣ* (д. Мда на Псковщине),⁴⁰³ *быле*, *стале* и пр.,⁴⁰⁴ горьк. *подарише*, *пер'говориле*, *пролетеле*, *жиле*, *послале*, *добежале*, *встале*, *смололе*, *быле*, *вырубале*, *согласилеся*,⁴⁰⁵ волог. она *драле* из дома 'удрала' и др. А. В. Крутова пишет: «Наличие форм на *-ле* во мн. ч. прошедшего времени стойкая особенность, отразившаяся и в письмах болдинских крестьян к А. С. Пушкину».⁴⁰⁶ Б. В. Попов то же произношение отмечает как сосуществующее с *-ли* в говоре с. Залазны Омутнинского района Кировской области: *пригнале*, *рубиле*, *махале* и т. п.⁴⁰⁷ Э. П. Здобнова находит *-ле* в говоре с. Вольно-Сухарево Уфимского района Башкирской АССР: «В глаголах прошедшего времени множественного числа преобладает *-е*»: *мяле*, *потерялесе*, *рвале*, *колотиле*, *ткале*, *мыле*, *купиле*, *продале*, *выстроиле*, *думале*, *положиле*, *не быле*, *набрале*, *выписале*, *звале*, *пахале*, *роскрыле*, *жале* и т. п.⁴⁰⁸ Это *-ле* в современных говорах можно было бы истолковать фонетически (*ли* > *ле*) или как результат позднего аналогического преобразования (что и делают некоторые диалектологи), если бы не было его употребления (правда, более редкого) в единственном числе. Ср. в записи М. Колосова в Каргопольском уезде Архангельской губернии:

⁴⁰⁰ А. И. Соболевский. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1884, стр. 41.

⁴⁰¹ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в., стр. 189.

⁴⁰² С. П. Обнорский. Именное склонение... вып. 1, стр. 19, 31, 33.

⁴⁰³ Н. М. Каринский. Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г. Журн. Мин. нар. проsv., 1916, вып. 2, стр. 234.

⁴⁰⁴ Н. М. Каринский. Отчет об экспедиции в Устюжско-Весьегонский район, 5 декабря 1928 г. Архив АН СССР, фонд 197, опись 1, № 18 (рукопись).

⁴⁰⁵ В. И. Чернышев. Говоры южной части бывшей Нижегородской губернии (Нижегородского или Горьковского края). Lud słowiański. Kraków, 1933, стр. 70.

⁴⁰⁶ А. В. Крутова. Говор села Большого Болдина Горьковской области. Автореф. канд. дисс. Л., 1949, стр. 6.

⁴⁰⁷ Б. В. Попов. Тульский говор на территории Кировской области. (К вопросу о взаимодействии территориальных диалектов). Автореф. канд. дисс. Л., 1954, стр. 11.

⁴⁰⁸ Э. П. Здобнова. Об одной фонетической особенности в говоре с. Вольно-Сухарево Уфимского района БАССР. Уч. зап. Башкирского гос. унив., вып. 6, 1958, стр. 28.

*уготовивале родной татенька.*⁴⁰⁹ В 1939 г. мною в д. Ворвогоры Онежского района Архангельской области записано: *пьянство до тюрьмы довелé, яблoк упале, девко убежалe*. Ср. еще в боровичском говоре: *дом на горы стояле, он в школы читале* и др. Подобного рода факты, которые при специальном обследовании несомненно умножатся, показывают, что *-ле* в современных говорах далеко не всегда можно объяснить как результат позднего фонетического или аналогического изменения и что оно в ряде случаев восходит к древнему северному *-ле*.

То же можно сказать и о форме *-ло* (когда она согласуется в мужском роде). Ср. в современных северновеликорусских говорах: моложск. (яросл.) *бог далб, бог знамб* (= знает),⁴¹⁰ ленингр. *чай кончилось, там было Репников, новг. дождь было*,⁴¹¹ пск. *вечер приилб, чей-то пес прибежало* и др.

В русской науке установилась прочная традиция рассматривать форму *-ле* как особенность, реально существовавшую в северных древнерусских диалектах. Происхождение этого *-ле* остается невыясненным. Еще А. А. Потебня и М. А. Колосов пытались объяснить это загадочное явление как спонтанное фонетическое изменение. Как полагал А. А. Потебня, в древнерусском языке написания *Варламе вдале, конь косматые* и пр. отражают изменение конечных слабых *ъ* и *ь* в *е*, причем первоначально эти *ъ* и *ь* совпали в одном гласном.⁴¹² Смещение конечных *ъ* и *ь* предполагал и М. А. Колосов (откуда *Варламе* > *Варламе*), а возникновение форм *покое* 'покой', *мое* 'мой' толковал как параллель к *Варламе*.⁴¹³ Позже М. А. Колосов отказался от гипотезы смещения *ъ* и *ь* и объяснял случаи типа *Варламе* как изменение *о* в *е* в результате тенденции смягчения твердых согласных и замены широких гласных узкими.⁴¹⁴ Искусственность подобного рода объяснений совершенно очевидна. А. А. Потебня позже решительно отходит от фонетической гипотезы и считает, что написания *о* и *е* в слабой позиции вместо *ъ* и *ь* — явление графическое (все же он думает, что *вдале* произносилось с мягким *л*).⁴¹⁵

Не менее искусственные и сомнительные объяснения предлагал А. А. Шахматов. Сначала он считал возможным усматривать и

⁴⁰⁹ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 152.

⁴¹⁰ Там же, стр. 152—153.

⁴¹¹ Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. Бюлл. диалектол. сектора Инст. русск. яз. АН СССР, вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 49—50.

⁴¹² А. А. Потебня. Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866, стр. 74—75.

⁴¹³ М. А. Колосов. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVII столетие. Варшава, 1872, стр. 74—78.

⁴¹⁴ М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 2—3, 5.

⁴¹⁵ А. А. Потебня. К истории звуков русского языка, 1. Варшава, 1879, стр. 42—43.

написаниях *мою, покою* произношение *мои, покои*, а окончание *-е* в *Петре, Павле* рассматривал, вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, как признак среднего рода.⁴¹⁶ Позже он выдвинул надуманную фонетико-грамматическую гипотезу. После падения редуцированных в кратких прилагательных и причастиях на *-л* и *-н* якобы возникло противоречие: если полные прилагательные и причастия имели окончания *-ый, -ая, -ое*, то в их кратких формах в мужском роде оказалась чистая основа. «Языку было трудно помириться сразу с тем, что при окончании *-а* ж. р., *-о* ср. р. в мужском роде не стало совсем окончания с исчезновением конечного *ъ*»,⁴¹⁷ в связи с чем возникло стремление удержать *ъ* (после его исчезновения!), который под воздействием местоименных окончаний изменился в иррациональный *ы*, звучавший как *ѳ*, склонное к *і* (*ѳі*). Кроме того, это *ѳі* после смягчения согласных изменилось в *еі*. Так получились *вдале, написане, вврне есть, тѳ товаръ* и пр. Конечные гласные *ѳі, еі* отразили стремление сохранить равное число слогов в различных грамматических формах.⁴¹⁸

Не менее фантастической является и гипотеза А. А. Шахматова о слоговых конечных *г* и *л* (*dvog, kol* и т. п.), которые под влиянием косвенных падежей (*kolá, dvorá*) утратили слоговой характер, в результате чего после них развился звук *а* (*-ra, -la*). Неслоговой *а* затем изменился в слоговой *е*, перед которым согласные не смягчались (*вдале, дошле, коле, дворе* и пр.).⁴¹⁹ В более поздних своих работах А. А. Шахматов дает совершенно иное объяснение тем же фактам. Например, формы типа *Олександре* он определяет как звательный падеж в значении именительного.⁴²⁰

Один из вариантов фонетической гипотезы выдвинул В. И. Борковский. По его мнению, в написаниях *-ле* нашло свое отражение «среднее», «европейское» *l*, хорошо известное в ряде северновеликорусских говоров и предположительно существовавшее в некоторых древних говорах, входивших в состав новгородского диалекта.⁴²¹ С критикой этого предположения выступила В. А. Матвеевко. Как считает В. А. Матвеевко, невозможно допустить непосредственный переход *ъ* в *ь*. Можно было бы предположить, что это *е* образовалось из *ь* (*ь* < *ъ* после полупалатального *l*), однако в еди-

⁴¹⁶ А. Schachmatov. Beiträge zur russischen Grammatik. Archiv für slavische Philologie, VII. Berlin, 1884, стр. 57 и след.

⁴¹⁷ А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 45—49.

⁴¹⁸ К этой гипотезе присоединился Б. М. Ляпунов: Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 142—143.

⁴¹⁹ А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Отд. русск. яз. и словесн., т. VIII, кн. 2, 1903, стр. 318—319.

⁴²⁰ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 367.

⁴²¹ В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. ВЯ, 1953, № 4, стр. 130—131.

ничных написаниях типа *видьль* (берестяная грамота № 23), скорее всего, отражена графическая мена *ъ* на *ь* или *е* на *ь*.⁴²² Самая возможность перехода *ъ* в *ь* или *ъ* в *е* после средневропейского / маловероятна. Современные говоры, имеющие согласный *л*, не подтверждают такого изменения. Весьма спорного фонетического объяснения придерживается А. И. Толкачев.⁴²³

Еще в прошлом столетии получила свое начало другая группа гипотез, морфологических. А. И. Соболевский доказывает, что в древнерусских памятниках, особенно северных, очень рано началась утрата особой формы звательного падежа, в связи с чем форма этого падежа, десемантизируясь, начинает употребляться в значении именительного. Форма звательного падежа в значении именительного оказала воздействие на согласующиеся с ней формы причастий и прилагательных. В результате уравнивания окончаний возникло *въдале*, *Варламе* и пр.⁴²⁴ Эта гипотеза поддерживается и некоторыми лингвистами нашего времени,⁴²⁵ хотя истории языка обычно относятся к ней с недоверием.

По мнению автора настоящих строк, в *-ле* мы должны видеть результат смешения родовых окончаний в причастиях и закрепления на севере окончания *-лѣ*, по своему происхождению являющегося формой двойственного числа женского и среднего рода.⁴²⁶ Однако остается неясным, почему в памятниках обычно пишется *-ле*, а не *-лѣ* и почему это *-ле* закрепилось только в причастиях на *-лѣ* мужского рода единственного числа (можно было ожидать, что *-лѣ* станет употребляться во множественном числе, однако случаи *-ле* во множественном числе в памятниках единичны).

Форма *-ле* (как и форма *-ло* в мужском роде) продолжает оставаться загадочной. Не исключена возможность, что эта «странная» особенность древних новгородских и псковских говоров имеет субстратное происхождение. Во всяком случае это *-ле* появляется до падения редуцированных гласных, и его образование не связано с их исчезновением.

⁴²² В. А. Матвеевко. Заметки о языке новгородских берестяных грамот. ВЯ, 1956, № 4, стр. 89. Ответ В. И. Борковского см. в работе: А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 года. М., 1958, стр. 103—109.

⁴²³ А. И. Толкачев. К истории именительного падежа... стр. 181.

⁴²⁴ А. И. Соболевский. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1884, стр. 46—49.

⁴²⁵ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 186; И. Э. Еселевич. Исследование о языке записей и приписок XI—XVI веков на древнерусских пергаменных рукописях. Автореф. канд. дисс. Казань, 1965, стр. 14—15 и др.

⁴²⁶ Ф. П. Филин. Об одном загадочном явлении... стр. 343—345.

3. Формы 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени

Окончание 1-го лица мн. ч. в славянских языках представлено различными формами: *-т*, *-то*, *-те*, *ту-*, *-та*, *-ва* и др. Некоторые из них древнего происхождения, другие в значении 1-го лица мн. ч. стали использоваться поздно. По данным сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, формы *-т* (<*-тъ*) и *-то* могут восходить к индоевропейским **-mos* (> праслав. с отпадением конечного *-s* > *-mo*) и **-mus* (> *-тъ*) или **-ton* (> *-то*) и **-tin* (> *-тъ*), а *-то* может непосредственно отражать вероятное индоевр. **-то*. Что-либо утверждать, претендуя на абсолютную точность, здесь невозможно. Если *-т* и *-то* произошли из одной праформы, то об условиях их дифференциации можно только гадать. П. С. Кузнецов, например, предполагает, что «различие окончаний *-то* и *-тъ* может объясняться тем, что последняя форма представляет собой результат развития соответствующей формы перед паузой, где действуют особенно отчетливо законы конца слова, форма же *-то* первоначально фигурировала в таких случаях, когда глагольная форма являлась в тесном сочетании с последующими словами, вследствие чего *о* развивалось как гласный внутреннего слога. Впоследствии в результате аналогических воздействий связь соответствующих форм с положением перед паузой была утрачена».⁴²⁷

Форма *-те* восходит к индоевр. **-tes* (ср. др.-греч. дорическое *φέροτες*), или **-ten* (ср. др.-греч. ионическо-аттийское *φέροτην*), или же к **-те* (хотя не исключено, что *-те* образовалось на славянской почве в результате воздействия окончания 2-го лица мн. ч. *-те*). Что касается формы *-ту*, то обычно ее объясняют как славянское новообразование — результат влияния на глагольную форму личного местоимения *мы*, однако эта форма может восходить и к индоевр. **-mos*. Формы *-та*, *-ва* в значении 1-го лица мн. ч. — явление позднее, они представляют собой окончание 1-го лица дв. ч., перенесенное на множественное число.

Какие формы были в древнем общеславянском языке и как они соотносились между собой? На этот вопрос можно дать разные ответы. Если *-т*, *-то*, *-те* и *-ту* являются результатом развития неодинаковых индоевропейских форм, то мы должны будем признать, что древний общеславянский язык уже с самого начала его возникновения, по-видимому, распался на отдельные диалектные зоны, в каждой из которых преимущественно употреблялась одна из форм. Такое предположение возможно, но доказать его нельзя. Если же указанные формы образовались из одной какой-либо индоевропейской формы на славянской почве, то диалектное деление

⁴²⁷ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 206.

общеславянского языка по данному признаку могло осуществиться только на позднем этапе его истории (что тоже невозможно доказать). «Возможности объяснений здесь столь разнообразны, что мы не можем утверждать чего-либо определенного».⁴²⁸ Однако данные древней славянской письменности указывают на то, что диалектные различия в использовании форм 1-го лица мн. ч. во всяком случае уже имелись в эпоху образования отдельных славянских языков и были унаследованы ими от общеславянского языка.

В старославянском языке форма *-мъ* являлась нормой. Вместе с тем в старославянских памятниках изредка встречается и *-мы* (явно нефонетического происхождения): *да оувѣмы таскы* (Клоцов сборник), *мы вѣмы* (Зографское евангелие), особенно в Супрасльской рукописи: *вѣштаѣмы, накажемъ, напльнѣжмы, имамы* и др., в повелительном наклонении: *видимы, позьримы, имѣмы са, постѣшимы* и т. п., в аористе: *побихомъ, сънидохомы са* и т. д. Если в Супрасльской рукописи такое распространение *-мы* частично связано с необходимостью отличать множественное число от единственного из-за отвердения *-мъ* (>*-мъ*) в 1-м лице ед. ч., то это само по себе не свидетельствует о том, что форма *-мы* возникла в то же время, когда произошло это отвердение. Форма *-мы* существовала несомненно раньше указанного отвердения. То же можно сказать и о *-ме*, появившемся в среднеболгарском языке с XII в. «Несомненно, были в областях, занятых тогда болгарскими славянами, и формы с окончанием *-ме*».⁴²⁹ В современном болгарском языке, как и в старославянском, нормой является *-м* (<*-мъ*), но в некоторых западных говорах, в которых в глаголах первого и второго спряжения в 1-м лице ед. ч. распространено окончание *-м* (<*-мъ*), употребляется *-ме* (*плетеме, водиме*).⁴³⁰ Это окончание встречается и в литературном языке, но только в поэзии. В западноболгарских говорах имеется и форма *-мо*.⁴³¹ Форма *-мо*, известная в древнесербских памятниках с XII в., свойственна сербохорватскому и словенскому языкам.

Довольно сложной является картина употребления форм 1-го лица мн. ч. в западнославянских языках, в которых зависимость этих форм от характера форм 1-го лица ед. ч. сказывается особенно заметно (как и в сербохорватском и словенском языках). В чешском языке в 1-м лице ед. ч. форма *-т* (<*-тъ*) стала употребляться не только в атематических глаголах, но и в глаголах тематических с основой на *-а-* (*-аіе-*) и *-і-* (<*-і-* и *-іе-*): *pitām, dělām, prostm, umām* и т. п. Чтобы отличать множественное

число от единственного, в этих глаголах в 1-м лице мн. ч. употребляется окончание *-те* (образование новых форм в единственном числе засвидетельствовано с XIV в.), а в остальных глаголах — окончание *-т* или *-те*. В словацком языке форма *-т* (<*-тъ*) в единственном числе получила распространение в глаголах всех классов, поэтому во множественном числе обычно окончание *-те*. В древнечешском языке было еще и окончание *-ту*, сохранившееся и теперь в некоторых моравских говорах. На севере Моравии и на северо-востоке Словакии имеется и новая форма *-та*, возникшая под влиянием формы двойственного числа. В некоторых словацких говорах употребляется еще окончание *-то*. В польском литературном языке обычна форма *-ту*, а в глаголах с основами на *-а-* — форма *-т*. В польских говорах есть *-т*, *-ту*, *-та*, *-ва* (бывшее двойственное число), в Силезии и на Подгалье (в соседстве с чешскими говорами) — *-те*. В лужицких языках наиболее распространена форма *-ту*, известно и *-те*. В полабском языке в 1-м лице мн. ч. употреблялось *-те*, но есть следы и окончания *-ту*.

В древнерусских письменных памятниках, как и в старославянском языке, нормой является форма *-мъ*. Эта форма является единственно возможной в современном русском литературном языке и во всех русских говорах (за очень редкими исключениями). Такое исключительное распространение *-мъ* на восточнославянском северо-востоке, по-видимому, связано с тем, что окончание 1-го лица ед. ч. *-мъ* не получило здесь никакого распространения (старые атематические формы употреблялись лишь в немногих атематических глаголах, рано начавших терять свои особенности). Особое место занимает история формы настоящего времени от глагола *быть* (до времени ее исчезновения из живой речи). Наряду с *есмъ* в северо-западной письменности рано появляются и другие формы, особенно *есме*: около 10 раз в Прологе 1262 г., часто в Новгородской Синодальной летописи, отмечено в Псковском апостоле 1307 г., в грамоте рижан в Витебск около 1300 г., в грамоте Витовта 1399 г., в Новгородской грамоте 1614 г.⁴³² Ср. также в новгородских берестяных грамотах: *приблизени есмъ* (здесь *ь* на месте *е*) с *нѣмѣчкою половиноѣ, а сами есмъ* (грамота № 248, XIV—XV вв.), *а нынеца ксеме гнѣ погилби* (№ 361, XIV—XV вв.). Случаи употребления *есме* в новгородско-псковских и северодвинских грамотах отмечает О. Т. Бархатова.⁴³³ Редкие примеры с *есме* имеются и в Московском евангелии 1358 г. Окончание *-ме* на северо-западе в одиночных случаях встречается и в других глаголах: *не проливаеме крѣви* (Новгородская Синодальная летопись), *мужамъся* (Слово о полку Игореве).⁴³⁴ По-видимому,

⁴²⁸ А. Мейер. Общеславянский язык, стр. 252.

⁴²⁹ А. М. Селищев. Старославянский язык, стр. 150.

⁴³⁰ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 148; Ст. Стойков. Окончания *-м* и *-ме* за 1 л. мн. ч. сег. време в български език. Сб. в чест на акад. А. Теодоров-Балан. София, 1955, стр. 365—374.

⁴³¹ Стойко Стойков. Българска диалектология, стр. 142.

⁴³² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 161.

⁴³³ О. Т. Бархатова. Система спряжения глагола. . ., стр. 10.

⁴³⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 161.

форма *-ме* в разговорной речи была распространена шире по сравнению с тем, как она оказалась представленной в письменности, в которой почти безраздельно господствовало ставшее каноническим *-мъ*.

На северо-западе как редкое явление были известны и окончания *-мы* и *-мо*: *есмы* (новгородская грамота около 1260 г.), *дамы*, *продамы* (рижская грамота около 1300 г.), несколько случаев употребления *-мо* в псковской Палее 1477 г. и в псковском Сборнике Синодальной библиотеки № 154, в новгородских берестяных грамотах; *грамоту с тобо[й] спишемо* (№ 257, XIV в.), *а мы него не хвтимо* (№ 311, XIV—XV вв.), *гне, молотимо и сыплемо* (№ 352, XV в.). Конечно, написание *-мо* можно истолковать и как явление графическое (т. е. *о* стоит вместо *ъ*, поскольку буквы *ъ* и *о* в северо-западной письменности нередко смешиваются), однако окончание *-мо*, правда, как очень редкое явление, отмечается в некоторых современных северновеликорусских говорах: моложск. (Ярославской губернии) *ищѣмо, сработаемо*, белозерск. *-ма*: *идема, знаема*.⁴³⁵ Как отмечает наблюдатель, моложск. *-мо* уже в конце XIX в. вовсе вышло из употребления, следовательно, раньше оно было распространено шире. Это обстоятельство позволяет предполагать, что написание *-мо* в северо-западной письменности было отражением живого произношения, а не графическим явлением.

Следует указать, что в новгородских памятниках наряду с *есмъ*, *есме* и *есмы*, *есмо* имеется еще и форма *есми* (может быть, перенесенная из единственного числа): *насъ продаеть и окрадоци ѿ ного ксми* (берестяная грамота № 370, XIV в.), *а ми есми в томъ погубли* (там же) и др. Таким образом, можно сказать, что на древнерусском северо-западе господствовало окончание *-мъ* и в то же время имелась частичная пестрота форм, по-видимому, сохранившаяся в трансформированном виде от более раннего состояния, которое характеризовалось позже утраченной специализацией окончаний по глагольным классам. С XIV в. в русской языковой области появляется новообразование *есмя* (происхождение его неясно), сравнительно скоро ставшее характерным признаком канцелярской речи.

В белорусском литературном языке нормой является окончание *-м*, но в языке художественной литературы под влиянием некоторых говоров довольно часто встречается форма *-мо* (в безударном положении *-ма*). Эта форма преимущественно образуется в глаголах, основа которых в повелительном наклонении 2-го лица ед. ч. оканчивается на *й* или другой согласный звук: *развѣтаймаса, уцякайма, ратуймаса, спяшаймаса, хаваймаса, кіньма, станьма, сыпма* и т. п. Окончание *-м* известно всем белорусским говорам.

⁴³⁵ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 136.

В части говоров наряду с *-м* употребляется и *-мо* в глаголах как 1-го, так и 2-го спряжения: *идз'эмо, жн'эмо, н'ес'эмо, кажемо, с'н'ймо, рбб'имо* и т. д. В глаголах 2-го спряжения (иногда и 1-го) ударение может передвигаться с основы на окончание: *маўчымб, стайимб, гл'адз'имб, с'адз'имб, кладз'имб* и пр.

Окончание *-мо* распространено в юго-западных говорах, причем изоглоссы отдельных словоформ не совпадают друг с другом. Некоторые словоформы с *-мо* (*стѣн'мо, с'н'ймо*) занимают всю южную половину Белоруссии, другие располагаются в районах, соседящих с украинской территорией. Несомненно, распространение *-мо* в белорусском языке составляет один ареал с украинским *-мо*. Форма *-мо* постепенно становится архаичной и отступает под нажимом окончания *-м*. В белорусской письменности *-мо* (наряду с господствующим *-м*) выступает с XIV в., причем как в атематических, так и в тематических глаголах (ср. в повести о битве Витовта с ханом Темиркутлуем 1399 г.: *подемо, забиемо*). Кроме того, имеются случаи употребления формы *-мы* (*есмы дали* — договорная грамота 1347 г., *чинимы* — договорная грамота 1349 г. и др.), которая, по-видимому, поддерживалась соседством белорусского языка с польским. Наконец, надо отметить редкую форму *-ме*, связанную с северо-западным ареалом этой формы.

Довольно сложной является картина употребления форм 1-го лица мн. ч. на украинской территории, где известны окончания *-м, -мо*, а также *-мы* и *-ме*. Форма *-мо* наряду с *-мъ* встречается в памятниках древнерусской эпохи: *пнѣмо* (Изборник 1073 г.), *не вѣруемо* (Слова Григория Назиянзина XI в.), *прѣдступаемо* (Успенский сборник XII в.) и др. Это *-мо* мы не можем приписать влиянию старославянского языка, поскольку в старославянском языке нормой была форма *-мъ*. В украинских грамотах XIV—XV вв. *-мо* употребляется часто: *чинимо* (грамота 1389 г.), *приводимо* (грамота 1422 г.), *надаемо* (грамота 1438 г.) и т. п. Огромное количество примеров на *-мо* имеется в украинской письменности XVI—XVII вв. И. М. Керницкий, описывая употребление форм 1-го лица мн. ч. в украинской письменности XVI в., указывает, что окончание *-м* в ее языке было господствующим, но довольно часто встречается и *-мо*, которое в галицких памятниках употребляется чаще, чем *-м*. Значительно реже фиксируется *-мы*. Окончание *-мы* и теперь встречается в форме *есмы* в западной части Закарпатья на границе с Польшей. В одном прикарпатском учительском евангелии XVI в. засвидетельствовано *-ме*, которое и теперь известно в закарпатских говорах. Возможно, *-ме* проникло в эти говоры из словацкого языка.⁴³⁶ Форма *-мо*

⁴³⁶ И. М. Керницкий. Система словозміни в українській мові... , стр. 191—194.

обычна в современном украинском языке,⁴³⁷ хотя она за последнее время в литературном языке заметно начинает сдавать свои позиции, особенно в прозе.⁴³⁸

В большинстве украинских говоров формы *-м* и *-мо* сосуществуют, не давая особых ареалов⁴³⁹ и, по-видимому, вступая друг с другом в различные виды взаимодействий.

Подводя итоги, можно сказать, что уже в древнерусскую эпоху восточнославянские диалекты были неодинаковы по употреблению форм 1-го лица мн. ч. В северовосточных говорах установилось исключительное употребление окончания *-мъ*. В большинстве восточнославянских диалектов наряду с господствующим *-мъ* в глаголах различных классов имело место употребление *-мо*. В область распространения *-мо* входили все земли теперешней Украины, Белоруссии, верховьев Днепра, Западной Двины и Волги, древние новгородские и псковские земли. Постепенно *-мо* на своих восточных окраинах стало сдавать свои позиции. Конкретную историю взаимосвязей форм *-м* и *-мо* в разных диалектных группах и на разных этапах их развития предстоит еще установить. Особый ареал составляло окончание *-ме*, которое было распространено в северо-западных областях. Как относятся древнерусские ареалы *-мо* и *-ме* к праславянским ареалам тех же окончаний, пока определить не представляется возможным, хотя генетическая связь между ними должна иметься.

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ О ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В МОРФОЛОГИИ

Как было сказано выше, многие морфологические диалектизмы оказались за пределами нашего исследования. Некоторые из них несомненно позднего происхождения, а другие еще не изучены. Полный охват морфологических диалектизмов разного рода — цель, вряд ли достижимая в ближайшем будущем. И все же описанные выше морфологические явления, составляющие лишь какую-то часть объективно существовавших и существующих диалектных особенностей в морфологии, на наш взгляд, позволяют в известной мере судить о некоторых процессах, происходивших в восточнославянской морфологической системе. Нет никакого сомнения в том, что древнерусский язык имел единую морфологическую основу, которая достаточно ясно прослеживается и в современных восточнославянских языках. Однако эта основа реализовалась

⁴³⁷ С. П. Бевзенко. Исторична морфологія української мови, стр. 286—287.

⁴³⁸ П. Д. Тимошенко. Зміни в морфологічній структурі української мови поживтневого періоду, стр. 22.

⁴³⁹ В. С. Васьенко. Полтавські говори, стр. 235.

в различных местностях не во всем одинаково. Несомненно, диалектные различия в морфологии существовали еще до образования древнерусского языка. Часть этих различий древнерусский язык унаследовал от общеславянской языковой эпохи. Это ведет нас к признанию методологически важного положения: любые диалектизмы (в том числе и морфологические) не всегда являются результатом дифференциации исходной единой языковой системы. Имелись диалектизмы, которые древнее этой системы, предшествовали ей. Среди диалектных изоглосс существуют и такие, которые являются своего рода рубцами, шрамами исчезнувших языковых и диалектных областей. Правда, чаще всего остатки диалектных членений оказываются сильно трансформированными поздними языковыми изменениями, поэтому о древних диалектных зонах мы можем судить только приблизительно. Большинство известных нам восточнославянских морфологических диалектизмов возникло позже, в процессе развития и дробления древнерусского языка, а также и после его распада.

Рассмотренные нами диалектизмы с исторической точки зрения можно разделить на три группы: 1) древние, восходящие к общеславянской эпохе, 2) возникшие в древнерусское время и 3) поздние, образовавшиеся после распада древнерусского языка.

Можно полагать, что к морфологическим диалектизмам древнейшей поры относится географически неравномерная замена формы им. пад. ед. ч. формой вин. пад. в основах на *-й* (*свекръвь* вместо *свекры*, *ятръвь* вместо *ятры* и т. п.). Форма винительного падежа в значении именительного известна в самых ранних памятниках старославянской и древнерусской письменности. Вытеснение архаической формы повлекло за собой разрушение особого типа склонения основ на *-й*, которое к XI в. зашло уже довольно далеко. Начало этого процесса относится к глубокой общеславянской древности. Сужающаяся зона форм типа *свекры*, по-видимому, представляла собой группу изоглосс, которые не совпадали друг с другом (каждое слово имело свою особую изоглоссу). Форма *свекры* наиболее устойчивой была в языке восточнославянского населения бассейна Оки и Дона. К этой же группе диалектизмов можно отнести форму местоимения *та*. Возникла эта форма несомненно до образования древнерусского языка. Если исходить из того, что в древнерусскую эпоху на юго-западе и северо-западе преимущественно употреблялось *та*, а на северо-востоке — *тазъ*, то можно предположить, что новая форма *та* вначале была известна в среднеднепровско-днестровской области, откуда постепенно стала распространяться на север и затем на северо-восток. Архаизмы *-ы* и *тазъ* лучше сохранялись на северо-восточной окраине.

Как бы ни объяснять происхождение глагольных форм 3-го лица настоящего времени с *-t-* и без *-t-*, представляется несомненным наличие их в общеславянской эпохе. Исключительное или почти

исключительное бытование форм с *-t-* в северо-восточной письменности XIII—XIV вв. и более позднего времени, подтверждаемое современными владими́ро-суздальскими говорами, указывает на то, что господство форм с *-t-* было также особенностью языка северо-восточного населения. Сочетание форм с *-t-* и без *-t-*, которое уже в древности могло иметь локальные своеобразия, также распространялось с юго-запада на север и северо-восток. Для северо-восточной зоны было также характерно употребление окончаний 1-го лица мн. ч. *-мъ*, тогда как в остальных районах кроме *-мъ* были известны и другие формы. Это связано с тем, что, по-видимому, на северо-востоке с наибольшей последовательностью очень рано происходило вытеснение атематических форм глаголов. Возникновение указанных диалектных зон морфологических явлений было связано с расселением славянства по обширной восточноевропейской территории. Бассейны Оки и верхнего Дона при тогдашних путях сообщения были отдаленной окраиной славянского мира, что благоприятствовало диалектному обособлению окско-донского славянского населения. Древние изоглоссы стали обособливать и речь славянского севера. К древней северной зоне можно отнести распространение окончания 1-го лица мн. ч. *-ме* и, может быть, также форму им. пад. мн. ч. местоимения *мы*. Такого рода древние диалектизмы были унаследованы древнерусским языком от диалектов общеславянского языка и продолжали существовать в древнерусскую эпоху и в более позднее время.

О морфологических диалектизмах древнерусского языка мы, естественно, можем судить с большей уверенностью, чем о предшествующей группе диалектных явлений. К таким диалектизмам относится ряд явлений в области склонения. В XI в., а может быть, и раньше началась унификация окончаний твердой и мягкой разновидностей род. пад. ед. ч. именных основ на *-а*. Эта унификация в разных областях реализовалась неодинаково. Судя по данным ранних памятников древнерусской письменности, на новгородском севере окончания *-ы* и *-ѣ* смешиваются, тогда как в других районах случаи такого смешения были единичными. На северо-востоке и западе развивается замена окончания *-ѣ* окончанием *-ы*, тогда как на юге сохраняется древнее различие этих окончаний. Следовательно, здесь по крайней мере складываются три диалектные зоны, границы которых не совпадали с современными языковыми границами. Иначе располагались изоглоссы различного употребления окончаний дат. пад. ед. ч. *-у* (*-ю*) и *-ови* (*-еви*). На севере обычно было употребление формы *-у* (*-ю*) и редко — *-ови* (*-еви*), тогда как на юге оба окончания представляли собой своеобразные алломорфы, разграничение которых только намечалось, но никогда не проводилось с достаточной последовательностью. Начало переноса окончания *-ови* (*-еви*) на основы *-ѣ* (*-јѣ*), по-видимому, относится еще к общеславянской эпохе. То же можно сказать

и об окончании им. пад. мн. ч. *-ове*, *-еве*, которое на юге имело большую частоту употребления, чем на севере. На новгородском севере в XI в. (возможно, и раньше) начинается устранение в склонении чередования заднеязычных и свистящих согласных, которое постепенно распространяется почти на всей территории современного русского языка (процесс этот завершается только в XVI в.). На новгородско-псковском севере также раньше, чем в других областях, происходит утрата форм звательного падежа, заменяемых формами именительного падежа, причем имели место и случаи обратной замены, когда окончания *-е* и реже *-о* стали использоваться в значении именительного падежа. Как известно, звательные формы в украинском и в меньшей степени в белорусском языке сохраняются и теперь. Одно из новообразований в именном склонении возникает после падения редуцированных гласных на юго-западе — это окончание *-охъ* в местном падеже множественного числа (в письменности начало отражаться с XIV в.), характерное и для центральнославянских областей, а также для древне- и среднеболгарского языка. Позже зона распространения этого *-охъ* начинает суживаться.

До времени сложения современных восточнославянских языков возникают некоторые морфологические диалектизмы в спряжении. В XIII—XIV вв. на севере начинает распространяться окончание 3-го лица настоящего-будущего времени *-тъ*, сосуществовавшее с *-ть*, а затем вытеснившее его. В центральных областях в то же время употреблялось только *-тъ*, а на юго-западе возникает своеобразное вариантное употребление обоих окончаний. На новгородско-псковском севере довольно рано появляется до сих пор удовлетворительно не объясненная форма *-ле*.

Морфологические диалектные новообразования XIV—XVII вв. многочисленны. Характерным признаком этих новообразований является тенденция известной части их распространяться на всей территории одного из сложившихся в это время восточнославянских языков, что являлось выражением объединительных процессов внутри каждого языка. Некоторые диалектизмы становились элементами общенародной языковой системы и в то же время отличительными особенностями отдельного языка. Распад древнерусского языка сопровождался возникновением новых локальных особенностей, диалектной дифференциацией восточнославянской речи и одновременно объединением определенных групп диалектов вокруг новых языковых центров. Совокупность этих диалектных процессов приводила к созданию русского, украинского и белорусского языков с их оригинальными системами, в том числе и грамматическими.

В XIV—XV вв. в среднерусской полосе возникает окончание родительного-винительного падежа местоименного склонения *-во*, которое, став нормой речи ядра русского населения, постепенно вытесняет старое окончание *-го* (*-го*), сохранившееся

на некоторых окраинах русской территории до нашего времени. В XIV в. образуются местоименные формы *меня, тебя, себя*, распространившиеся в северно- и среднерусских говорах и ставшие также литературной нормой. Уже в XVI—XVII вв. они становятся характерным признаком русского литературного языка, о чем свидетельствует их довольно частое употребление и в южновеликорусской письменности этого времени. С XIV в. возникает и постепенно становится продуктивным окончание *-а (-я)* в именительном и винительном падежах имен мужского рода. Архаические формы вытесняются, сохраняясь в остаточном виде лишь на западных окраинах русского языка. В то же время получает широкое распространение в русской языковой области родительный-винительный падеж множественного числа имен одушевленных, который на украинской и белорусской территориях появляется значительно позже и не до конца вытесняет архаические окончания. По-видимому, с XV в. на севере и в центре Руси возникают новообразованные местоименные основы *теб-, себ-*, которые также становятся нормой русского литературного языка. Соответственные этим новообразованиям архаические формы оказываются специфическими признаками украинского и белорусского языков.

В лингвистической литературе часто высказывается мнение, что в морфологии для русского языка (восточнославянского севера и северо-востока) характерно развитие новообразований, а для украинского и белорусского языков (восточнославянского юго-запада) — сохранение старых форм. В общем это положение верно, однако его не следует понимать чересчур прямолинейно. Немало морфологических новообразований имеется и на юго-западе, причем некоторые из них стали нормами украинского или белорусского языков. Например, в XIV—XV вв. в украинской письменности появляются стяженные формы местоименных прилагательных типа *чюже* (=чужое), *усердечне, памятне* и т. п., ставшие нормой украинского литературного языка. Указанное новообразование несвойственно русскому языку. Кстати, следует заметить, что прав С. Б. Бернштейн, когда он называет анахронизмом распространенное в славистической литературе утверждение, будто бы стяжение (контракция) неизвестно в восточнославянских языках.⁴⁴⁰ Разные виды стяжения хорошо известны восточнославянским говорам, что давно уже установлено восточнославянской диалектологией. В XVI—XVII вв. в украинской письменности довольно регулярно употребляется новообразованная форма дат. пад. ед. ч. личного местоимения *менѣ* (укр. *мені*), получившая также распространение в южнобелорусских и южновеликорусских

говорах и лишь изредка встречающаяся на других восточнославянских территориях. Можно назвать также новые формы будущего простого времени типа *робитиму*, местоименные формы притяжательных прилагательных типа *всеволожая, александровая*, обычные на юго-западе с XIV в. и лишь изредка встречающиеся в северной письменности, и ряд других юго-западных новообразований.

В древности направление распространения морфологических инноваций было иным: оно шло с юго-запада на северо-восток (падение окончания им. пад. ед. ч. *-ы* в основах склонения на *-и*, наступление местоименной формы *я* и др.), архаизмы больше сохранялись на северо-восточной окраине восточного славянства. В разные исторические эпохи главенствующие движения новообразований существенно изменяются.

⁴⁴⁰ С. Б. Бернштейн. Контракция и структура слога в славянских языках. Славянское языковедение. VI Международный съезд славистов (Прага, август, 1968). Докл. сов. делегации. М., 1968, стр. 19.

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМАХ

Мы пока можем говорить лишь о некоторых диалектных явлениях в синтаксисе восточнославянских языков раннего периода его развития, поскольку историко-диалектологические исследования в этой области, в сущности, находятся в зачаточном состоянии. Лингвисты обращали и обращают свое внимание почти исключительно на раскрытие сущности синтаксических конструкций, различных средств выражения синтаксических категорий, не ставя перед собой цели выяснить, во всех ли местностях одинаково в разные исторические периоды реализовались эти конструкции и способы их воплощения. Даже в новейших исследованиях, посвященных сравнительно-сопоставительному и историческому синтаксису восточнославянских и, шире, славянских языков, сведения о локальных синтаксических явлениях и их ареалах случайны и крайне скудны.¹ Сама методика обнаружения таких явлений мало разработана. Не случайно, что до сих пор ведутся споры, возможны ли в синтаксисе реконструкции на основе сравнительно-исторического метода ранних синтаксических состояний, подобные реконструкциям в фонетике, фонологии, морфологии и лексике, причем это относится не только к славянскому языкознанию. Давно уже вошло в традицию считать, что славянские языки на раннем этапе своего развития были в синтаксическом отношении единообразны и их различия в настоящее время все позднего происхождения. Например, Л. А. Булаховский не сомневался в том, что те сравнительно небольшие особенности в синтаксисе, которые отличают теперь украинский язык от русского, не являются особенностями древними² и что лишь в редких случаях в синтаксисе украинского языка в прошлом не было явлений, которые были пережиты

¹ Ср., например, такие крупные труды, как «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов», раздел «Синтаксис» (Київ, 1966, стр. 335—499) и «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» (М., 1968; две книги — «Типы простого предложения», написанная В. И. Борковским, и «Члены предложения», под редакцией В. И. Борковского).

² Л. А. Булаховский. Питання походження української мови. Київ, 1956, стр. 78.

в русском языке.³ Л. А. Булаховский был уверен, что древнерусский язык не имел или почти не имел синтаксических диалектизмов. В обобщающих славистических работах, в которых делались попытки реконструировать языковое прошлое славянства, распад общеславянского языка, возникновение и развитие славянских языков и диалектов, синтаксические факты отсутствуют. Слависты описывали лишь такие синтаксические диалектизмы, которые бросаются в глаза, лежат на поверхности. В силу этих обстоятельств накоплений в этой области сделано мало, поэтому и в нашем историко-диалектологическом очерке синтаксические явления занимают скромное место. Положение с этой отраслью наук осложняется еще и тем, что при выявлении синтаксических диалектизмов синтаксис диалектной речи обычно сравнивается с синтаксисом письменной разновидности литературного языка. Такое сравнение неизбежно, но его явно недостаточно. Синтаксис народных говоров является синтаксисом разговорной речи, поэтому его необходимо сопоставлять и с синтаксисом разговорной разновидности литературного языка, который, как известно, значительно отличается от синтаксиса письменного литературного языка. К сожалению, синтаксис разговорного (устного) литературного языка даже в его современном состоянии еще плохо изучен. Сравнительное изучение диалектного и разговорно-литературного синтаксиса в их сопоставлении с синтаксисом письменно-литературного стандарта безусловно приведет к новым открытиям. Считалось, например, что повторение предлогов — явление, типичное для русского языка эпохи Московской Руси, которое после XVII в. исчезло из литературного языка и пережиточно сохранилось лишь в говорах, главным образом северновеликорусских. Однако А. А. Никольский, произведший большое количество магнитофонных записей диалектной и разговорно-литературной речи, установил, что повторение предлогов обычно и в современной разговорной речи носителей русского литературного языка. Это повторение, необычное в письменном литературном языке, вызывается паузами и некоторыми другими «экстралингвистическими» обстоятельствами.⁴ Сравнительное исследование разговорной речи различных слоев населения несомненно выявит, наряду с прочими явлениями, немало локальных особенностей в интонации, использовании пауз, ударений, порядке слов, союзных и бессоюзных конструкций и другого обширного репертуара синтаксических средств. Все это может дать богатый материал для исторической диалектологии. Сравнительное изучение синтаксиса самих говоров, включая статистический учет частотности употребления различных особенностей, еще более расширит круг интересующих нас

³ Там же, стр. 81.

⁴ А. А. Никольский. 1) Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Душанбе, 1964, стр. 10—28; 2) Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 5—9.

явлений. Само собой разумеется, что систематическое сравнение синтаксиса письменных памятников различных местностей и различных исторических периодов является также первоочередной задачей исторических исследований. Можно быть уверенным в том, что диалектные особенности в синтаксисе так же многочисленны и разнообразны, как и в других сторонах языка. Так обстоит дело теперь, так было и в прошлом. Однако выявление диалектного многообразия в синтаксисе — дело будущего, а в настоящей работе мы ограничимся тем, что уже добыто наукой.

ФОРМА ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕН ЖЕНСКОГО РОДА НА -а (-я) В ЗНАЧЕНИИ АККУЗАТИВА

Существует большая литература, посвященная конструкции *вода пить*.⁵ Эта конструкция резко выделяется в системе славянского управления своей необычностью, поскольку нормой обозначения прямого объекта действия была и является форма винительного падежа, а в определенных случаях — форма родительного (при отрицании, в именах одушевленных и пр.). Ее аномальность обратила на себя внимание А. Х. Востокова, П. А. Лавровского, Ф. И. Буслаева, Ф. Миклошича, А. А. Потебни и других ученых XIX в., и с тех пор интерес лингвистов к ней не ослабевает. В процессе более чем столетнего обсуждения были выявлены следующие узловые взаимосвязанные вопросы: 1) что собой представляла эта конструкция и при каких условиях она реализовалась, 2) каким было ее географическое распространение на разных этапах исторического развития и 3) каково ее происхождение.

Окончание -а (-я) жен. р. ед. ч. — признак именительного падежа, что уже само по себе наводило исследователей на мысль, что объектное значение этой формы — явление вторичное, а исходным в ней является значение грамматического субъекта, именительного падежа. Более того, Ф. Миклошич был даже уверен, что в древнерусских и современных диалектных конструкциях *вода пить* — имя в именительном падеже, зависимое от инфинитива, — является не дополнением, а подлежащим, грамматическим субъектом.⁶ Довольно противоречива на этот счет точка зрения А. А. Шахматова, который был склонен не разграничивать происхождение и употребление форм на -а (-я) при инфинитиве (и других форм именительного падежа) и вслед за Ф. Миклошичем готов был видеть в именах с окончанием -а (-я) (*вода пить*) подлежащее, а не дополнение,⁷ считая, что это — мнимый винительный падеж, являющийся

⁵ Сжатое, но содержательное изложение истории вопроса дает В. Кипарский (V. Kiparsky. Das Nominativobjekt des Infinitivs im slavischen, baltischen und ostseefinnischen. Baltica, V, 2, 1969, стр. 141—148).

⁶ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprache, IV. Heidelberg, 1926, стр. 346.

⁷ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб. 1903, стр. 131.

на самом деле именительным. Близкого мнения придерживались и некоторые другие ученые.

Указанная точка зрения является ошибочной. Как отмечали многие исследователи, имена на -а (-я) при инфинитиве или какой-либо другой глагольной форме всегда управляются переходными глаголами. Уже в самых древних памятниках, в которых отмечена эта конструкция, при тех же самых условиях параллельно форме -а (-я) выступает и форма -у (-ю) с определенно выраженным объектным значением. Ср.: *Такова правда оузати роусиноу оу Ризѣ и на гочкомъ березѣ и Такову правдоу възати роусиноу оу Ризѣ и на гочкомъ березѣ* (Смоленская грамота 1229 г.). Во всех древнерусских памятниках параллельное употребление инфинитивных форм на -а (-я) и -у (-ю) представлено довольно отчетливо. Как отмечает в своей содержательной работе Д. С. Станишева, в более поздних документах (грамотах XVI—XVII вв.) «подобный параллелизм — явление постоянное».⁸ То же наблюдается в языке фольклора и в современных говорах. Более того, конструкция с инфинитивной формой на -у (-ю) и в старое время преобладала над конструкцией с инфинитивной формой на -а (-я), не говоря уже о современных говорах, в которых форма на -а (-я), являясь рудиментом, имеет в общем невысокую частотность по сравнению с формой на -у (-ю). Интересующая нас форма, управляемая переходными глаголами, на всем исторически засвидетельствованном пути развития всегда имела объектное значение, т. е. выполняла функцию винительного падежа.

Примеры, которые допускают двоякое истолкование, ограничены определенными условиями. Это, во-первых, предложения, в которых при перечислении имен во «внутренней речи» пишущего или при диктовке синтаксические связи, в частности управление, могли нарушаться, ср., например: *А се даль есмь сыну своему князю Дмитрю: икону святыи Олександръ, чепъ золоту великую врану с крестомъ золотымъ, чепъ золоту колчату, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, шапка золота, . . . обязъ золота, сабля золота и серга золота с жемчужомъ. . .* (духовная грамота великого князя Ивана Ивановича ок. 1358 г.);⁹ *Оу Тешена возале .к. гривено и гривна из ногато* (новгородская берестяная грамота № 392, XIII—XIV вв.) и т. п. Во-вторых, в записях устной речи, в которых не учитываются интонации и паузы, можно подозревать не винительный падеж, а нечто иное. Ср., например, в приводимом Н. М. Каринским примере из псковских говоров: *а мяня мала-*

⁸ Д. С. Станишева. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966, стр. 50; см. также: Д. С. Станишева. Конструкция типа *земля пахать* в системе синтаксических средств восточнославянских языков. Slavia, XXXV, 1, 1966.

⁹ G. Jacobson. Zur Frage vom Nominativ als Kasus des direkten Objekts im Slawischen. Lingua viget. Helsinki, 1965, стр. 78.

буха с собой появили.¹⁰ Здесь *маладуха* может быть обращением, а не падежом объекта. Наконец, в-третьих, нужно считаться с возможностью описок и ошибок, однако такая возможность не дает еще оснований, например, для решительного утверждения Г. Якобсона, согласно которому в данном случае может быть какая угодно конструкция, но только не падеж объекта.¹¹ Почему подозрительные на ошибку примеры встречаются, как и сама конструкция, главным образом в северной письменности и в современных северновеликорусских говорах, если условия отражения на письме особенностей устной речи всюду одинаковы? Не исключая необходимости осторожного подхода к этим примерам, мы в то же время не можем отрицать их возможной значимости при освещении нашей проблемы.

Спорным для определения падежного значения является сочетание формы на *-а* (*-я*) с предикативными наречиями *надобѣ*, *надо*, *нужно* и пр.: *тажа не надобѣ* (грамота Александра Ярославича 1257—1259 гг.); *а задница неи мужна не надобѣ* (Русская Правда); *мне надо коса*; *шапка нужно* и т. п. А. А. Шахматов определял эту конструкцию как сочетание именительного падежа (подлежащего) с несогласованным наречием и строил на этом свою гипотезу о происхождении формы на *-а* (*-я*) при инфинитиве, которая якобы образовалась путем развития при именительном падеже дополнительного глагольного члена: *Мне надо собака* > *Мне надо собака с собой взять*.¹² В. Л. Георгиева вовсе отделяет конструкцию *мне вода надо* от конструкции *вода пить* и считает, что оба оборота возникли независимо друг от друга и развивались параллельно, что в *мне вода надо* имя до сих пор сохраняет субъектное значение. Для подтверждения своей точки зрения она ссылается на то, что сочетание *мне вода надо* широко распространено в западной части русских говоров, в частности в южнопсковских, где оборот *вода пить* вовсе неизвестен.¹³ Доводы В. Л. Георгиевой не кажутся убедительными. В древнерусских памятниках предложения типа *надобѣ гривна заплатити* обычны, тогда как безинфинитивные предложения типа *тажа не надобѣ* редки, и естественней последние выводить из первых. Если теперь в псковских говорах конструкция *вода пить* встречается очень редко, то в древнепсковской письменности она была распространена так же, как и в новгородской. Видимо, в прошлом ареалы распространения конструкций *мне вода надо* и *вода пить* совпадали.

¹⁰ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909, стр. 190.

¹¹ G. Jacobson. Zur Frage vom Nominativ. . . , стр. 78—79.

¹² А. А. Шахматов. Исследование о давнских грамотах XV в., стр. 131.

¹³ В. Л. Георгиева. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием «надо» в современных русских народных говорах. Матер. и исслед. по русской диалектологии, III. М., 1949, стр. 47 и след.

Вариантное употребление в псковских говорах оборотов *вода надо* и *воды надо*, *шапка надо* и *шапку надо* показывает, что здесь мы имеем дело с объектным, а не субъектным значением. Вопрос о разделении путей развития *вода надо* и *вода пить* подлежит специальному исследованию.

Г. Якобсон видит еще именительный падеж в сочетаниях с причастиями: др.-русск. *закладающе городня*, *куна взяти* (Русская Правда), совр. *у мяня уи карова падаиши* и пр.¹⁴ С этим согласиться невозможно: в первом случае причастие стоит во множественном числе, а *городня* — в единственном числе (нарушение согласования причастий с существительными — явление сравнительно позднее), во втором случае мы имеем дело с поздним расширением конструкции *у меня уж корову подоено* (*у меня уж корову подоиши* 'я корову подоила', а не 'у меня корова подоена'). Таким образом, можно сказать, что форма на *-а* (*-я*) при инфинитиве и других формах переходных глаголов уже в древнерусском языке, не говоря о более позднем времени, всегда (если не нарушались синтаксические связи особенностями устной речи) имела объектное значение, т. е. выступала в функции винительного падежа.

В старом письменном языке и современных говорах форма на *-а*, *-я* в объектном значении употребляется в следующих позициях: 1) при независимом (от другой глагольной формы) инфинитиве как в препозитивном, так и в постпозитивном положении (*такова правда взяти русину*; *надо молодцу душа спасать*); 2) при зависимом инфинитиве (*даи бѣ исправити правда новгородская*, *будем байна топить*); 3) в сочетании с глаголами настоящего и будущего времени (*голова . . . передѣлають*; *а рыба-то уж мы как любим*); 4) в сочетании с причастными формами прошедшего времени на *-лѣ* в изъявительном и других наклонениях (*взялѣ собѣ Степанъ полянка*; *принес бы раньше коса*, *дак накосила б*); 5) в сочетании с другими причастиями действительного залога и отрицательными формами (*закладающе городня куна взяти*; *наносивши вода*); 6) при деепричастиях (*соимя рубашка*; *в Есипове неделя пропустя опять празднуют*); 7) при повелительном наклонении (*не ломай глина*; *почитай газета*); 8) при простых формах прошедшего времени в древнерусских памятниках (*испыташа высота небесная и глубина морская*); 9) при предикативных наречиях *надобѣ*, *надо*, *нужно* и пр. (*тажа не надобѣ*; *мне доска нужно*); 10) при страдательных причастиях на *-н* и *-т* (*у меня вода видено*); 11) в предложных сочетаниях (*он идет на могила*; *квартал дров нарезан на целая верста*). Указанными позициями объектное употребление форм на *-а* (*-я*), по-видимому, не исчерпывается. Если все это взять за одни скобки, можно сказать, что условия употребления объектных форм на *-а*, (*-я*) так же широки, как и форм на *-у* (*-ю*). Однако, как уже достаточно установлено исследователями, степень употребления

¹⁴ G. Jacobson. Zur Frage vom Nominativ. . . , стр. 80—82.

и документации этих условий в памятниках очень различны. Абсолютное большинство примеров в древнерусских памятниках приходится на конструкцию с независимым инфинитивом и гораздо реже — на конструкцию с инфинитивом зависимым. В «Домострое» М. А. Соколова нашла 68 примеров приинфинитивной формы на *-а (-я)* и только два примера — на другие позиции.¹⁵ И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, подытожившие материалы, собранные для диалектологического атласа русского языка, сообщают, что в современных говорах три четверти записанных случаев употребления нашей конструкции приходится на сочетания с инфинитивом, главным образом с независимым, причем в половине примеров инфинитив сочетается с наречиями *надо, нужно*.¹⁶ Та же картина свидетельствуется рядом других исследователей.

Очень важно и другое обстоятельство: количество примеров сочетания формы на *-а (-я)* не при инфинитиве с течением времени относительно возрастает. Если в древних памятниках они редки и составляют всего лишь несколько процентов общего числа примеров употребления конструкции, то в материалах современных говоров их уже около четверти. Такая тенденция развития указывает на то, что исходной формой данной конструкции является сочетание с независимым инфинитивом, что признается почти всеми исследователями. Все остальные разновидности являются вторичными, производными. Правда, в древнерусской письменности приинфинитивные и неприинфинитивные сочетания появляются одновременно, что оставляет возможность иного толкования.

Достаточно хорошо установлена семантика интересующей нас конструкции. В приинфинитивных сочетаниях и в сочетаниях с предикативными наречиями выражается долженствование, необходимость, категоричность и желательность действия.¹⁷ Это значение, являющееся господствующим, утрачивается в других сочетаниях. Такая особенность значения конструкции привела к тому, что в письменном языке она получила отчетливо выраженное жанровое ограничение: объектное употребление формы на *-а (-я)* свойственно главным образом языку деловых памятников. В письменных памятниках других жанров она встречается редко, а в большинстве из них она и вовсе отсутствует. Любопытно, что в новгородских берестяных грамотах, представляющих собой в большинстве своем личные письма, встретился всего лишь один бесспорный

пример объектной формы на *-а (-я)*: *тѣбѣ рѣже свѣа снати* (грамота № 142 второй половины XIII в.). Е. С. Истрина в таком большом по объему тексте памятнике, как Синодальный список 1-й Новгородской летописи, нашла всего четыре примера с формой на *-а (-я)*¹⁸ (при наличии нескольких сот употреблений падежа прямого дополнения). Наоборот, в официальных деловых документах объектное употребление формы *-а (-я)* обычно преобладает над формой винительного падежа *-у (-ю)*. Позже положение изменяется. В XVII—XVIII вв. жанровые ограничения почти снимаются. По наблюдениям Д. С. Станишевой, конструкция с объектной формой *-а (-я)* становится характерной особенностью письменных памятников с диалектной языковой основой.¹⁹ Само значение конструкции и в это время остается в общем прежним. Например, в книге Пососшкова «О скудности и богатстве» форма *-а* в значении аккузатива употреблена 131 раз (при независимом инфинитиве), а форма *-у (-ю)* — только 15 раз (форма *-а* не при инфинитиве отсутствует вовсе), причем в 81 случае она ясно выражает долженствование и императивность (инфинитив сочетается со словами *надо, надобно, подобает, надлежит*).²⁰ Семантика конструкции, так же как и ее структура, указывает на наиболее вероятную исходную точку развития: первоначальным было сочетание формы на *-а (-я)* с независимым инфинитивом.

К этому следует добавить еще одно примечание. Исследователи давно уже отметили, что форма именительного падежа в значении винительного выступает также в словах женского рода единственного числа с основами на *-и*, что обнаруживается через форму определений, стоящих при этих именах (ср. *на том на всем роука дати и печать своа приложити*). Однако эти сочетания и в языке деловой письменности довольно редки (по сравнению с сочетаниями типа *печать свою приложити*). Я. А. Спринчак к тому же предполагает, что «аномальные» сочетания с *-и*-основами становятся относительно употребительными позднее.²¹ Все это наводит на мысль, что подобного рода сочетания являются вторичными, что должно учитываться при постановке вопроса о происхождении конструкции «инфинитив + форма на *-а (-я)*». Известно, что в единственном числе имен одушевленных мужского рода форма винительного падежа, совпадавшая с формой именительного, довольно рано (уже в древнейших письменных памятниках) начала заменяться формой родительного падежа (*и оузвѣрѣти сына чловѣчьскаго*,

¹⁵ М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, стр. 57.

¹⁶ И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, стр. 160—162.

¹⁷ Я. А. Спринчак. Конструкция «инфинитив с именительным падежом существительных женского рода» в истории русского языка. Сб. работ филол. фак. Днепропетровского гос. ун-ва, ХХІХ, 3, 1941, стр. 22—23, и многие другие работы.

¹⁸ Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., ХХІV, кн. 2, 1919. Пгр., 1923, стр. 158.

¹⁹ Д. С. Станишева. Винительный падеж в восточнославянских языках, стр. 229.

²⁰ Там же, стр. 227.

²¹ Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. (Простое предложение). Киев, 1960, стр. 174.

вместо *сынъ чловѣчьскыи*). Если бы именительный приинфинитивный в объектном значении в прошлом охватывал слова всех основ, то при инфинитиве переходных глаголов имена мужского рода одушевленные, в отличие от других позиций, должны были бы сохранять свой старый именительный-винительный падеж (*сынъ*, не *сына*), однако этого не наблюдается: приинфинитивные сочетания не составляют исключения из общего правила. Следовательно, можно полагать, что изучаемая нами конструкция с самого начала своего развития ограничивалась только именами с основой на *-а (-я)*.

Немаловажное значение для выяснения происхождения нашей конструкции имеет вопрос о территориальном ее распространении. Исследователи согласно отмечают, что сочетание «инфинитив + *-а (-я)*» известно только в восточнославянских языках. Похожие обороты в народном чешском языке *je vidět Sněžka, hora je vidět*²³ являются германизмом, синтаксической калькой немецких оборотов типа *der Berg ist zu sehen*. Древнечешские примеры вроде *ovoce jesti bylo nechutné* 'фрукты было невкусно есть' (*ovoce* — им. пад.), соответствующие современным чешским *bylo nechutné jesti ovoce* (*ovoce* — вин. пад.), не совпадают с интересующей нас восточнославянской конструкцией. На самой восточнославянской территории «инфинитив + *-а (-я)*» также распространен не всюду, что еще в прошлом столетии вызвало споры, не окончившиеся и в наше время, было ли это сочетание в древнерусскую эпоху общевосточнославянским явлением или же оно было диалектным. А. А. Потехин решительно настаивал на предположении, что «инфинитив + *-а (-я)*» в прошлом был общерусской особенностью, являющейся архаическим остатком того древнего состояния, когда инфинитив был еще глагольным именем и не утратил своего склонения. Это утверждение вытекало из его гипотезы, согласно которой оборот *такова правда взяти русину* первоначально был личным номинативным предложением, в котором позже была опущена связка (*такова правда есть взяти русину* = *такова правда есть взятию русину*).²³ Согласно гипотезе А. А. Потехина, оборот «инфинитив + *-а (-я)*» должен был быть в праславянском языке, в котором он был унаследован от индоевропейского состояния.

²³ Ф. Т р á в н í њ е к. *Historická mluvnice česká, III, Skladba*. Praha, 1956, стр. 175; В. Н а в г á п е к, А. Ј е d l í љ k а. *Česká mluvnice*. Praha, 1963, стр. 331. Б. Гавранек в статье (В. Н а в г á п е к. *Staroruská osobní konstrukce ryba ловити а její obdoba v severoruských nářečích*. *Bull. ústavu ruského jazyka а literatury*, XII. Praha, 1968, стр. 169—176) считает, что чешские обороты возникли не раньше XVII в. не как немецкие заимствования, а независимо от немецкого языка под влиянием поступательного развития чешского двусоставного предложения как результат движения от безличной конструкции к личной. Во всяком случае Б. Гавранек подчеркивает, что в генетическом отношении чешские обороты не имеют ничего общего с русским *земля пахать*.

²⁴ А. А. П о т е х и н а. Из записок по русской грамматике, I—II. М., 1958, стр. 406.

Однако факты склоняли других ученых к выводу о том, что «инфинитив + *-а (-я)*» всегда был специфической диалектной особенностью восточнославянского севера. Так в 1927 г. полагал С. П. Обнорский,²⁴ так считал и считает В. И. Борковский²⁵ и некоторые другие лингвисты. К настоящему времени накопилось довольно большое количество фактов, которые позволяют объективно судить об этом.

Подавляющее большинство известных современной науке примеров употребления данной конструкции в древнерусской письменности XIII—XIV вв. приходится на северо-западные памятники. Первый датированный пример обнаружен в новгородском Милятином евангелии 1215 г. (*достоит ли мужю жена пустити*). Недавно Д. С. Ищенко обнаружил в новгородском Уставе студийском XII в. самый ранний пример употребления формы на *-а* при личном глаголе: *Вина же всей той недели ни единому причастити ся не достоит. нъ въ него мѣсто чрѣпають мнѣихомъ. ривафинная оуха*.²⁶ Однако несомненно, что на севере этот оборот существовал гораздо раньше: он имеется в разных списках Русской Правды, т. е. по крайней мере восходит к ее начальной редакции XI в. Можно считать, что на севере «инфинитив + *-а (-я)*» употреблялся еще до возникновения письменности. В памятниках южнорусской письменности XI—XIII вв. не найдено ни одного примера (в этом отношении ее показания полностью совпадают с данными старославянского языка и древней письменности других славянских народов). Мы не знаем, как обстояло дело в это время в говорах центральнорусских областей и на современной южновеликорусской территории, так как ранних памятников из этих земель не сохранилось. Письменность XIV—XVII вв. дошла до нас из всех восточнославянских областей, поэтому ее данные можно использовать для широкого лингвогеографического исследования. В это время «инфинитив + *-а (-я)*» по-прежнему широко употребляется на севере (новгородская, псковская, северодвинская и иные областные письменности). Он также обычен в московской письменности, являясь специфической особенностью языка московских приказов и постепенно распространяясь и на другие письменные жанры. С. И. Котков,²⁷ В. И. Собинни-

²⁴ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Единственное число. Л., 1927, стр. 266.

²⁵ В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 345; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 458. Изд. 3. М.: КомКнига, 2006.

²⁶ Д. С. Ищенко. Об одном случае употребления именительного прямого объекта в древнерусском языке. Уч. зап. Тираспольск. ГПИ им. Т. Г. Шевченко, вып. 15. Кишинев, 1967, стр. 199.

²⁷ С. И. Котков. 1) К изучению орловских говоров. Уч. зап. Орловск. ГПИ, VII, 3, 1952; 2) Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров. Изв. Отд. литер. и языка АН СССР, 1953, стр. 45—53.

кова²⁸ и некоторые другие современные исследователи обнаруживают его в южновеликорусской деловой письменности XVI—XVII вв. и видят здесь не влияние языка московских приказов, а отражение исконной южновеликорусской особенности. Однако это положение является спорным. В. И. Борковский по этому поводу не без основания замечает, что историк языка должен считаться не только с тем, что общерусское явление может стать диалектным, но и с тем, что диалектное явление при определенных условиях может получить широкое распространение и превратиться в общерусское.²⁹ В современных южновеликорусских говорах «инфинитив +а (-я)» в отличие от говоров северновеликорусских фактически не употребляется, встречаясь как исключение лишь в немногих местностях. В. И. Собинникова приводит несколько примеров из воронежских говоров,³⁰ Г. В. Денисевич, говоря о наблюдениях С. И. Коткова, подчеркивает, что в курских говорах эти конструкции «крайне редки» (в его личных материалах имеется всего три примера, хотя автор изучает курские говоры десятки лет),³¹ то же подтверждают и другие наблюдатели. Таким образом, пока остается неясным, имеем ли мы дело с исчезновением в южновеликорусских областях одной из исконных синтаксических особенностей или же, наоборот, с экспансией в южновеликорусскую диалектную зону специфической черты языка московских приказов.

Довольно ясно представлен «инфинитив +а (-я)» в смоленско-полоцкой письменности начиная с XIII в. Что касается письменности XIV—XVII вв. других белорусских областей, то сравнительно немногие примеры встречаются главным образом в деловых памятниках севера и северо-запада Белоруссии (Вильно, Троки, Молодечно и др.). В современных белорусских говорах конструкция неизвестна.³² Е. Ф. Карский приводит из фольклорных и диалектных записей четыре примера, в подлинности которых он сомневается.³³ Единственный пример из «Белорусского сборника» Романова (*дать половина Маркового богатця*) вот уже сто лет переходит из одной работы в другую, что свидетельствует

²⁸ В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской обл.). Воронеж, 1961, стр. 23, 192.

²⁹ В. И. Борковский. Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. В кн.: Исследования по славянскому языковедению. М., 1961, стр. 358.

³⁰ В. И. Собинникова. Отношение говоров Гремячского района Воронежской области к другим русским говорам по данным синтаксического строя. Славянский сб., II. Воронеж, 1958, стр. 69.

³¹ Г. В. Денисевич. История изучения говоров курско-белгородского края. (Краткий очерк). Науч.-практ. очерки по русск. языку, 2. Курск, 1968, стр. 141.

³² Нарыш на гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957, стр. 343.

³³ Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 163.

о крайней скудности нужного материала. Довольно много усилий было затрачено на поиски конструкции «инфинитив +а (-я)» в украинском языке. Небольшое количество примеров было найдено в южнорусских грамотах XIV—XVI вв.³⁴ Д. С. Станишева по этому поводу пишет: «Требует дальнейшего наблюдения вопрос, являются ли эти примеры только спецификой актового языка, известными штампами грамот и других деловых документов или они были связаны с живым употреблением, реликты которого могут быть обнаружены в диалектах. Однако до сих пор опубликованные данные относительно конструкции типа *вода пить* в украинских говорах крайне скудны и мало показательны. (В исследованных диалектных материалах бесспорных случаев ее употребления нам не встретилось)». ³⁵ Как было отмечено выше, в южных памятниках XI—XIII вв. нет ни одного примера этой конструкции. В более позднее время она изредка встречается в языке деловой письменности и вообще отсутствует в других жанрах. Следует заметить, что западнорусский канцелярский язык, который был широко распространен в пределах польско-литовских областей с восточнославянским населением, впитал в себя особенности народной речи областей, лежащих вокруг центров литовской государственности. В этом языке достаточно ясно находили свое отражение и особенности местных диалектов формировавшегося украинского языка; в то же время вместе с его распространением распространялись и некоторые особенности, несвойственные этим диалектам. К таким особенностям можно с большой долей вероятности отнести и «инфинитив +а (-я)», изредка встречающийся в украинских грамотах.

В наше время сочетание типа *вода пить* характерно «только для части северновеликорусских говоров, а именно: для говоров новгородских (восточной половины группы), вологодско-вятских и олонечких», изредка встречается в говорах всего русского северо-запада, а также в отдельных (немногих) южновеликорусских и средневеликорусских говорах.³⁶ Следы его были отмечены на севере Белоруссии. По данным старинной письменности, конструкция была распространена шире. Не исключено, что она была известна всем диалектам, вошедшим в состав русского языка, хотя в южновеликорусские говоры могла быть занесена из Москвы. Несомненно исконное ее распространение на восточнославянском севере и северо-западе, включая старинные смоленско-полоцкие,

³⁴ В. Ярошенко. Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв. Зб. комісії для дослідження історії української мови, I. Київ, 1931, стр. 320, и некоторые другие работы.

³⁵ Д. С. Станишева. Винительный падеж в восточнославянских языках, стр. 146—147.

³⁶ И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. 1) К вопросу о конструкциях... стр. 152 и сл.; 2) О синтаксических различиях русских говоров. (По материалам, собранным для составления диалектологических атласов русского языка). Slavia, XXXI, 1, 1962.

герс. кривичские земли. Что касается восточнославянского юга, то наличие там в древнее время этой конструкции является очень сомнительным. Попытки считать ее безусловной древней общевосточнославянской особенностью диктуются общими концепциями авторов без опоры на факты и вопреки фактам.

Переходя к вопросу о происхождении интересующего нас сочетания, мы должны учитывать историю его значения и географического распространения. В лингвистической литературе о его возникновении был выдвинут ряд противоречивых гипотез. Ф. Миклошич в свое время предполагал, что праславянское окончание вин.пад. ед. ч. жен. рода *-an* могло измениться двояко: *-an* > *-a* (что представлено во всех славянских языках) и *-an* > *-a* в результате отпадения конечного *-n*, что и представлено в конструкции «инфинитив + *-a* (*-я*)». Фонетическая гипотеза Ф. Миклошича была забракована А. А. Потемной. О гипотезе А. А. Потемни было сказано выше. Б. А. Ларин оценил ее как неудовлетворительную. Он указал на искусственность реконструкции связки *есть* в предложениях типа *такова правда узяти русину*. В грамоте 1229 г., откуда взят этот пример, сочетание инфинитива с падежом объекта на *-a* употреблено 14 раз и ни одного раза в этом обороте не употреблена связка *есть*.³⁷ Критик работы Б. А. Ларина Г. Якобсон с этим не согласен, указывая на возможность употребления связки, на что, в частности, показывает наличие *быть* в будущем времени: [детям-сиротам] *будет улличка ходить*.³⁸ Как бы предвидя такое соображение, А. А. Шевцова (возможно, незнакома с работой Г. Якобсона) пишет: «Нельзя рассматривать *есть узяти* как сказуемое к подлежащему *правда*, ибо тогда придется признать, что инфинитив образует с глагольной формой *есть* субъективно-подчиненное сочетание. Однако известно, что субъективно-подчиненное сочетание инфинитива с формой будущего времени *быть* возникло позже: не ранее конца XIV в. Нельзя признать инфинитив в этой конструкции и объектным: инфинитив с глаголами *есть*—*быти* не образовывал и не образует объектных сочетаний».³⁹ Гипотеза А. А. Потемни получила широкое распространение, но была принята на веру за неимением лучшего объяснения. А. А. Шахматов в отличие от А. А. Потемни считал «инфинитив + *-a* (*-я*)» явлением поздним, возникшим путем распространения оборота *мне надо коса* в *мне надо коса точить*, причем в одной из своих работ он пишет о замещении исходного винительного падежа именительным: «Замена винительного именительным объясняется, как кажется, тем, что инфинитив, по самому происхож-

ждению своему являясь именем, не имел того полного глагольного значения, которое имели другие глагольные формы».⁴⁰ Впрочем, А. А. Шахматов колеблется. Позже он был склонен исходным считать не *мне надо коса*, а *надо(бъ) + инфинитив*.⁴¹ Во всяком случае доказать, что формы на *-a* (*-я*) при инфинитиве в древнерусском языке имели субъектное, а не объектное значение, не удалось.

В 1941 г. с новой гипотезой выступил Я. А. Спринчак, возводя конструкцию «инфинитив + *-a* (*-я*)» к доисторическому прямому падежу «пассивной стадии».⁴² Позже он отказывается от этой гипотезы, не давая взамен ее какого-либо нового предположения.⁴³ В том же направлении, что и Я. А. Спринчак в 1941 г., пошел Б. А. Ларин. Б. А. Ларин считает, что мы не выйдем из порочного круга несостоятельных гипотез, если не откажемся рассматривать происхождение конструкции «инфинитив + *-a* (*-я*)» с позиций канонизированного индоевропейского номинативного предложения. Истоки этой конструкции лежат в древнейшем «эргативном» или «пассивном» строе предложения, когда форма именительного и винительного падежей была одинаковой и существовал «пассивный именительный», позже переосмысленный в падеж объекта, т. е. в винительный.⁴⁴ Переосмысленный «пассивный падеж» в некоторых языках сохранил свою форму, которая теперь осознается как форма именительного падежа в значении винительного. Такой падеж имеется в тюркских языках (следует ссылка на устное высказывание С. Е. Малова в тридцатых годах без приведения примеров), в финском языке (после повелительного наклонения, инфинитива I или причастного оборота с глаголом долженствования или с предикативными наречиями), в эстонском, в литовском, преимущественно в народных говорах (с инфинитивом и деепричастием), а также в латышском языке (при инфинитиве с управляющим дебитивным глаголом или модальными наречиями при несогласуемой причастной форме страдательного залога прошедшего времени).⁴⁵ Различия по данной особенности между указанными языками Б. А. Ларин считает несущественными. После сравнения всех указанных языков, писал Б. А. Ларин, «нет сомнения в том, что эти конструкции включали в качестве дополнения существительные любого рода (недоказуемые формы именительного падежа мужского рода в русском языке совершенно очевидны в литовском и латышском), что формы повелительного наклонения

⁴⁰ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., стр. 131.

⁴¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, I. Л., 1925, стр. 12. Изд. 2. М.: УРСС, 2001.

⁴² Я. А. Спринчак. Конструкция «инфинитив с именительным падежом существительных женского рода»..., стр. 26.

⁴³ Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса, стр. 78.

⁴⁴ Б. А. Ларин. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе, стр. 10.

⁴⁵ Там же, стр. 11—12, 17—21, 21—23.

³⁷ Б. А. Ларин. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963, стр. 10.

³⁸ Г. Якобсон. Zur Frage vom Nominativ..., стр. 75.

³⁹ А. А. Шевцова. К истории оформления прямого объекта в составе инфинитивных предложений. В кн.: К новым успехам советской науки. Досека, 1966, стр. 169.

и деепричастия были первоначально столь же нормальны в конструкции с именительным прямого дополнения, как и инфинитив». ⁴⁶

Откуда появилась в качестве доминативного пережитка конструкция с именительным прямого дополнения в восточнославянских, балтийских и западнофинских языках? Возможность сохранения ее от эпохи индоевропейской общности отвергается. Б. А. Ларин полагает, что эта особенность — субстратное явление, наследие «племенных диалектов Прибалтики и северо-восточной Европы», с носителями которых «смешались, продвигаясь в места теперешнего расселения, и финские племена, и первые волны балтийских переселенцев с юго-востока, и, наконец, авангард славян, продвигавшихся с юга». Б. А. Ларин добавляет, что его точка зрения может быть подкреплена или опровергнута только с помощью археологов. ⁴⁷

Смелая гипотеза Б. А. Ларина вызвала взрыв критики со стороны шведского профессора Гуннара Якобсона. ⁴⁸ Со своей стороны я также не вижу возможности присоединиться к этой гипотезе.

Восточнославянская языковая общность, противопоставленная западно- и южнославянской, формируется примерно в VII—VIII вв. н. э., тогда как прабалтийцы и предки западных финнов появляются на своих теперешних местах за много столетий до н. э. Предки восточных славян начали продвигаться в верхнее Поднепровье и в более северные районы не раньше VI в. н. э. В своем продвижении на север они ассимилируют балтийские племена и входят в контакт с западными финнами, значительная часть которых тоже ассимилируется. Если отдаленные предки балтов и западных финнов действительно когда-либо смешались с каким-то иноязычным массивом и восприняли от него эргативную конструкцию, то это было так давно, когда ни о каком восточном славянстве не могло быть и речи. Когда выделились восточные славяне, субстратный массив давно уже должен был исчезнуть. В таком случае можно говорить не о каком-то общем восточнославяно-балто-западнофинском субстрате (это нонсенс с исторической точки зрения), а о сравнительно позднем заимствовании в восточнославянские диалекты интересующей нас особенности из западнофинских или балтийских языков. Так и ставят вопрос некоторые исследователи. Далее: сходные в восточнославянских, балтийских и западнофинских языках явления имеют такие существенные различия, что предположение о их едином генетическом источнике крайне сомнительно.

Как считает Ю. С. Елисеев, ⁴⁹ готовящий специальную монографию о западнофинской падежной системе, в финском языке

⁴⁶ Там же, стр. 24.

⁴⁷ Там же, стр. 25.

⁴⁸ G. Jacobson. Zur Frage vom Nominativ. . .

⁴⁹ Пользуюсь случаем выразить свою признательность Ю. С. Елисееву за его указания.

в так называемом аккумулятиве имеется конгломерат различных по происхождению форм, которые относят к аккумулятиву только на основании синтаксических функций этих форм как показателей прямого объекта. Тотальный (или полный) объект, противопоставленный парциальному (или частному), обозначается формой, одинаковой с формой субъекта (номинативом), *n*-овым генитивом, происходящим из *m*-ового аккумулятива, а во множественном числе — формой номинатива на *-t*. При этом падеж партитива противопоставляется всем остальным падежным формам прямого дополнения, что базируется на противопоставлении парциального объекта тотальному, т. е. на смысловом содержании предложения. Только глаголы чувства, отношения, настроения и т. п. (*rakastaa* 'любить', *vihata* 'ненавидеть', *harmittaa* 'огорчать' и т. п.) требуют постоянного употребления партитива. В единственном числе для обозначения полного объекта имеется противопоставление оформленного и неоформленного падежа, т. е. генитива и номинатива (во множественном числе всегда употребляется номинатив). Генитивная форма объекта *-n* употребляется в «обычных» личных предложениях, а номинативная — при 1-м и 2-м лице повелительного наклонения глагола (*anna kirja minulle* 'дай мне книгу', букв. 'книга', *lyökäämme käsi käteen* 'ударим по рукам', букв. 'рука в руку'), при пассивной форме глагола (*poika lähetettiin kouluun* 'мальчика отправили в школу'), при инфинитиве, который непосредственно или опосредованно связан с императивной формой глагола 1-го и 2-го лица или с пассивной формой глагола (*tulkaa ottamaan kuppi kahvia* 'зайдите выпить чашку кофе', букв. 'чашка'), при инфинитиве, который так или иначе связан с безличной формой сказуемого или который зависит от подлежащего (*minun on velvollisuus lausua oma ajatukseni* 'моя обязанность высказать свое мнение'), наконец, в конструкциях долженствования с причастием пассива (*minun on kirjoitettava hänelle kirje* 'мне необходимо написать ему письмо'). Все это в системе взаимосвязано.

Совершенно иной является система обозначения объекта в древнерусском языке (если рассматривать ее во всей совокупности, не изолируя искусственно от всех остальных элементов оборот *вода нить*). В древнерусском языке и современных говорах форма аккумулятива совпадает с формой номинатива только в определенной узкой морфологической категории: в словах женского рода на *-a* (*-я*) при независимом инфинитиве, причем и эта форма является в конструкции лишь вариантом основной формы аккумулятива *-у* (*-ю*). Как было показано выше, можно считать установленным, что употребление формы *-a* (*-я*) при причастиях и деепричастиях, при зависимом инфинитиве и личных формах глагола и в других позициях является производным от оборота с независимым инфинитивом, представляет собой расширение исходной ограниченной позиции. В истории формы *-a* (*-я*) в значении прямого объекта действия имеется определенная тенденция превращения этой формы

в знак общего винительного падежа имен с основой на -а (-я) и отчасти на -ь. Правда, эта тенденция ни в одном из говоров не была доведена до конца: форма -у (-ю) продолжала оставаться основным вариантом обозначения прямого объекта.

Весьма существенны различия между русским *носить вода* и соответствующими балтийскими оборотами. Сравнительно-историческая грамматика славянских языков с очевидностью показывает, что именительный и винительный падежи единственного числа не только женского, но и мужского рода имели различное падежное оформление, что доказать наличие именительного приинфинитивного имен мужского рода невозможно. Происхождение сходных (но только частично) оборотов в балтийских и западнофинских языках толкуется по-разному. Во всяком случае, господствует мнение, что в балтийских и западнофинских языках указанные обороты имеют совершенно различные, генетически не связанные между собой источники. Нет никаких фактов, свидетельствующих в пользу гипотезы о существовании древнейшего языка-субстрата с доминантным строем предложения, якобы нашедшего свое отражение в восточнославянских, балтийских и западнофинских языках. Нет также доказательств, что восточнославянский оборот генетически связан с балтийским и восходит к праиндоевропейскому.

Скорее всего, конструкция *вода пить* имеет локальное и сравнительно позднее происхождение, связана она с лексико-грамматическим значением древнерусского инфинитива. К. А. Тимофеев, обстоятельно исследовавший древнерусские инфинитивные предложения, разделяет по значению собственно инфинитивные предложения на четыре группы: 1) выражающие объективную неизбежность действия, 2) выражающие необходимость действия в форме внутреннего долженствования, 3) выражающие обязательность действия вследствие распоряжения, обязательства или приказания и 4) выражающие фактические действия в условиях прошедшего или постоянно возможные в условиях настоящего. Обороты типа *а та земля очистити Матфѣю и Самули* относятся к третьей группе собственно инфинитивных предложений.⁵⁰ В древнерусском языке форма имени на -а (-я) несомненно обозначала прямой объект, о чем свидетельствует частое употребление в одних и тех же памятниках в аналогичных позициях и формы на -у (-ю). Однако раньше эта конструкция могла осмысляться и иначе: *та земля очистити* = та земля должна быть очищена, *та пожня за росты косити* = та пожня за проценты должна быть скошена, должна коситься, и т. п. Не случайно, что значительная часть примеров на этот оборот имеет предикативные наречия *надобѣ, нужно* и пр. Возможность двупланового в семантико-грамматическом отношении употребления приинфинитивной формы

⁵⁰ К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке. Уч. зап. ЛГУ, 277, Сер. филол. наук, 55, 1959, стр. 23.

на -а (-я) могла осуществиться на севере и северо-западе в условиях контакта с западнофинским и балтийским населением (ассимиляция балтийцев в верхнем течении Днепра, западнофинских племен — в бассейне Волхова и Чудского озера). Роль западнофинских диалектов в сохранении этой конструкции на восточнославянском севере признает В. Р. Кипарский.⁵¹ На возможность объяснить «немаркированный объект» в древнерусском языке западнофинским влиянием указывает В. Фенкер, Д. Дечи⁵² и некоторые другие лингвисты, специально исследовавшие эту проблему. Именительный приинфинитивный в принципе был возможен во всех именах, однако имена среднего и мужского рода на -ь, -ь, женского рода на -ь непоказательны, так как именительный и винительный падежи единственного числа формально в них совпали в результате известных трансформаций, имевших место еще в общеславянском языке. Слова мужского рода одушевленные довольно рано в аккузативе стали получать форму родительного падежа; то же самое имело место в именах, употреблявшихся в отрицательных предложениях. Таким образом, именительный приинфинитивный мог закрепиться в именах с основами на -а (-я) и отчасти распространиться на имена женского рода с основами на -ь (что обнаружилось, когда при них употреблялось определение).

Диалектная северная и северо-западная синтаксическая особенность, возникшая до появления восточнославянской письменности, была воспринята русским литературным языком сначала главным образом в деловой письменности, затем и вне ее рамок. В XVII в. она выходит из употребления под воздействием южных говоров, для которых она была нехарактерна. Вместе со становлением собственно белорусского литературного языка прекращается ее употребление и на территории Белоруссии. Лишившись поддержки со стороны литературного языка, конструкция *вода пить* отстает все далее на север и обречена на вымирание.

ОБОРОТЫ СО СТРАДАТЕЛЬНЫМИ ПРИЧАСТИЯМИ НА -но, -то

Как известно, страдательные причастия на -но и -то в двусоставных предложениях в функции согласуемого сказуемого уходят в глубокую древность. Они являлись составной частью системы

⁵¹ V. K i p a r s k y. Über das Nominativobjekt des Infinitivs. Zeitschr. für slavische Philologie, 28, 1960. Впрочем, В. Кипарский считает, что данная конструкция по своему происхождению является праиндоевропейской, повторяя точку зрения В. Миллера и А. А. Потемни. Ее сохранению на русском севере западнофинское влияние только способствовало, в самих западнофинских языках соответствующее явление не полностью совпадает с русской конструкцией. Г. Якобсон образно назвал гипотезу В. Кипарского «Kühlschranktheorie» (V. K i p a r s k y. Das Nominativobjekt des Infinitivs. . . , стр. 148).

⁵² V. V. V e e n k e r. Die Frage des finnougriischen Substrat in der russischen Sprache. Bloomington, 1967, стр. 120 и след.; G. D é c s y. Is there a Finnic Substratum in Russian? Orbis, XVI, 1, 1967, стр. 156.

прошедших времен, придавая категориям перфекта, плюсквам-перфекта, аориста и имперфекта страдательное значение: ст.-сл. *послѣманъ есмь, създанъ бѣаше, прѣльштени бысте* и т. п. Общеславянское происхождение имеют и безличные предложения с указанными причастиями (ст.-сл. *слышасте, яко речено естъ* и пр.). Как и все в языке, сложившаяся в древнейшем общеславянском языке система прошедших времен (действительного и страдательного залогов) в процессе эволюции видоизменялась. Вероятно, еще до возникновения славянской письменности начинается постепенное вытеснение из языка аориста и имперфекта, функции которых переходили к перфекту. Этот процесс, растянувшийся на столетия, в различных славянских языках и диалектах протекал неодинаково. В южнославянских и серболужицких языках позиции аориста и имперфекта оказались более устойчивыми, чем в других славянских языках, хотя в конечном счете и в них они стали утрачиваться, сохраняясь только в болгарском и македонском, в которых за перфектом закрепилось особое модальное значение. Серьезная перестройка системы прошедших времен повлекла за собой новое синтаксическое использование страдательных причастий. Как пишет А. С. Мельничук, «приобретение старым перфектом новых синтаксических функций привело в ряде славянских языков к зарождению новых средств выражения состояния как результата прошедшего действия (макед. *имаѣ видено, сам дојден*, русск. диал. *у меня корову подоено*, чешск. разг., словацк. диал. *mám napsáno, jsem nastouplý (odejítý)*, польск. диал. *on ma to mieście sprzedane, on jest przyjechany*, возможно также укр. *роботу виконано*, польск. *dom zbudowano*)».⁵³

Такой взгляд на предмет предполагает возникновение специфических безличных односоставных предложений из двусоставных: «Результатом сравнительно позднего видоизменения двусоставной структуры предложений со страдательно-причастным сказуемым в форме среднего рода (на *-no, -to*) являются употребляемые в части современных славянских языков безличные односоставные предложения с причастными формами на *-no, -to*, допускающими при себе прямое дополнение».⁵⁴ Возникновение новых способов передачи страдательного прошедшего действия несомненно связано с общей перестройкой системы прошедших времен. Процесс этот, протекавший во всех славянских языках, заключал в себе общее и различное. В грамматиках славянских языков конструкции со страдательными причастиями на *-no* и *-to* достаточно широко описаны. Нам в данном случае интересуют не общая основа употребления этих причастий, существовавшая и существующая во всех славянских языках, прежде всего восточнославянских, а различие, создававшее специфику диалектных групп.

⁵³ А. С. М е л ь н и ч у к. Развитие структуры славянского предложения. Автореф. докт. дисс. Киев, 1964, стр. 21.

⁵⁴ Там же, стр. 27.

Различие это выявляется прежде всего в двух аспектах, имевших место на разных ступенях исторического развития: 1) изменение значения страдательных причастий как сказуемого (выдвижение формы среднего рода как обобщение страдательного действия, что вызвало сложение двусоставных несогласованных предложений, переосмысление форм *-no, -to*, являющихся *participium praeteriti passivi neutri*, как *verbum finitum activum*, которое привело к созданию безлично-страдательных оборотов с прямым дополнением); 2) отсутствие или наличие в конструкциях с причастиями на *-no, -to* реального субъекта действия, выражаемого косвенными падежами с предлогами или без предлогов. В сферу локальных конструкций со страдательными причастиями в позднее время вовлекаются и образования от непереходных глаголов. Следовало бы также учитывать и лексическую ограниченность (или отсутствие таковой) различных причастных образований, проявляющуюся в разных языковых и диалектных системах неодинаково.

Двусоставные предложения с согласованными страдательными причастиями были нормой древнерусского языка, как несомненно и общеславянского. Однако очень рано появляются конструкции с *-no, -to* с отсутствием согласования: *медъ дано бысть богомъ* (Изборник 1076 г.), *мѣа априла въ .ѿ. день поставлено бы^ѿ вѣдѣна* (граффито XI в. в киевской Софии), *черньци и черници все до наготы излуплено; ано тамо извано вачьшик моч^ѿ* (Новгородская Синодальная летопись XIII—XIV вв.), *и учинено сквозъ мраморъ проходи* (Путешествие Антония XII в. по списку XV в.) и т. п. Сравнительно малое количество примеров не позволяет установить, какое особое значение имела несогласованная конструкция в отличие от согласованной. Можно только предполагать, что обороты типа *медъ дано бысть богомъ* выражали обобщенное страдательное действие, поскольку форма среднего рода использовалась для этой цели. Не случайно форма среднего рода выступает в безличных предложениях, где страдательное действие представлено в отвлечении от его производителя. На то, что эти предложения являются несогласованными двусоставными, показывает отсутствие в памятниках ранней письменности конструкций с бесспорным винительным падежом объекта типа *руку поранено, самого князя ранено*, в изобилии появившихся в более позднее время (пример из Синодальной летописи, где *вачьшик* является как будто передачей винительного падежа, можно истолковать как начало зарождения новой конструкции). Мы не знаем, был ли двусоставный несогласованный оборот общевосточнославянской или диалектной особенностью еще в XI—XIII вв., поскольку для решения этого вопроса не обладаем нужными сведениями. Однако в эпоху сложения современных восточнославянских языков его территориальное распространение стало лока-

лизоваться. На территории русского языка несогласованные конструкции получают главным образом распространение в северных и среднерусских говорах. Исследователь языка русской письменности XVI в. С. Д. Никифоров приводит большое количество примеров типа *и земля, и пожни, и всякие угодыя не делано и не межевано* (Арзамасские акты) и указывает, что эта конструкция обычна «в памятниках, отражающих севернорусские говоры, а также московскую речь».⁵⁵ Употребление и распространение ее в современных говорах наиболее полно описано В. А. Матвеенко.⁵⁶ Она же подробно рассматривает дискуссионный вопрос, как нужно понимать эти предложения — как несогласованные двусоставные или же как односоставные безличные с падежом объекта. После возникновения конструкции *руку поранено*, о которой см. ниже, несогласованное двусоставное предложение формально совпало с безличными предложениями с падежом объекта во всех случаях, когда формы именительного и винительного падежа имени совпадают. В связи с этим среди лингвистов разгорелся спор, к какому типу предложения нужно относить соответствующие примеры. Любопытно, что один и тот же случай расценивается совершенно по-разному: В. И. Борковский предложение *а что головы поимано по всей волости новгородской, а тѣ пойдут к Новгороду безъ окупа* (Новгородская грамота № 12) рассматривает как личное с утратой согласования предикативного страдательного причастия с подлежащим,⁵⁷ тогда как Я. А. Спринчак с этим не согласен и видит здесь безличную конструкцию, в которой существительное *головы* стоит в винительном падеже.⁵⁸ Действительно, форма имени здесь двусмысленна и в одинаковой степени допускает противоположные толкования, которые трудно доказуемы. В. А. Матвеенко по этому поводу пишет: «Мы не знаем критериев, при помощи которых можно было бы однозначно истолковать эти примеры. Во всяком случае должны быть признаны полностью непригодными такие критерии, как порядок слов, сопоставление территорий распространения несогласованных и безличных оборотов, сопоставление их значений. Неприменим здесь и теоретически бесспорный критерий — распознавание конструк-

⁵⁵ С. Д. Н и к и ф о р о в. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 320 и след.

⁵⁶ В. А. М а т в е е н к о. 1) Страдательно-безличный оборот в говорах восточнославянских языков. *Slavia*, XXIX, 3, 1960; 2) Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах. Матер. и исслед. по русской диалектологии, вып. II. М., 1961; см. также капитальный труд И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «Употребление причастных форм в русских говорах» (М., 1970), в котором подробно описываются интересующие нас конструкции.

⁵⁷ В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 74.

⁵⁸ Я. А. С п р и н ч а к. Очерк русского исторического синтаксиса, стр. 99.

ций по форме вспомогательного глагола».⁵⁹ Все же наличие в одном и том же говоре оборотов *рука поранено* и *руку поранено* приводят В. А. Матвеенко к выводу, «что, как правило, обороты случая *рука поранено* нельзя считать страдательно-безличными и для осторожности их лучше отнести к оборотам с нарушенным согласованием».⁶⁰ По-видимому, мы имеем дело со случаем, когда границы между двумя грамматическими категориями ввиду специфических условий их формального выражения стираются и происходит сложное переплетение отживающего с развивающимся. А что развивающимся здесь были нейтрализация страдательного значения и движение функции причастий от обозначения пассивности к активности, к *verbum finitum activum*, представляется несомненным. Несогласованные обороты, если они пережиточны и сохраняются, явно исчезают. В настоящее время эти обороты и страдательно-безличные конструкции распространены на русской территории вокруг Новгорода и Пскова, в районе Череповца и Белого озера, по течениям Северной Двины, Пинеги и Мезени, в западной части средневеликорусских говоров (не только в северной их части, но и около Гжатска, Ржева и Вязьмы, а небольшими островками — в Курской и Орловской областях).⁶¹ В русском литературном языке этих оборотов нет. Если двусоставные несогласованные предложения когда-то были общерусским явлением, то, следовательно, их отмирание началось в южновеликорусских областях в XIV—XVI вв. Наличие и отсутствие данной синтаксической особенности разделяли территорию русского языка на две диалектные зоны: северо-северо-западную и юго-восточную.

Двусоставные несогласованные конструкции хорошо известны в старой письменности на белорусской и украинской территориях: *дано опочинок, ерслимъ взято, а церковь злупено, дети пана моего в долги заводити почато* и т. п.,⁶² *а тои ярлыкъ писано у Орды* (грамота хана Тохтамыша после 1393 г.), *того же часу двери замкнено* (Креховский апостол XVI в.) и т. д. Но уже довольно рано, как отмечено выше, из двусоставных несогласованных предложений возникают односоставные безличные, что происходит и за пределами восточнославянских языков. Например, в любой исторической грамматике польского языка говорится, что формы на *-no* и *-to* являются страдательными причастиями и выполняют соответствующую синтаксическую функцию в пред-

⁵⁹ В. А. М а т в е е н к о. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. . . , стр. 108.

⁶⁰ Там же, стр. 111.

⁶¹ [Редакционная статья]. Некоторые новые данные о русских народных говорах. (По материалам диалектологических атласов). ВЯ, 1957, № 5, стр. 90.

⁶² Т. П. Л о м т е в. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка. Уч. зап. Белорусск. гос. унив., Сер. филол., вып. II. Минск, 1941, стр. 290.

ложении. Однако в современном польском языке эти формы выполняют функцию *verbum finitum activum*. Переход пассивного значения к активному происходил в течение двухсот-трехсот лет, примерно с XV в.⁶³ Бесспорным показателем смены значения формы на *-но* и *-то* является управляемый ими винительный падеж имен на *-а(-я)*, та же падежная форма определений при именах женского рода на *-ь* и родительный-винительный падеж имен одушевленных. Первые примеры объектных предложений относятся к XIV в., позже они получают довольно широкое распространение в украинско-белорусской письменности: *голову его . . . у озеро . . . укинено* (Познанский сборник XVI в.), *дано им таблицю* (сборник XV в.),⁶⁴ *а самого там забито, там и поховано* (Киевский летописец XVII в.), *вола вбито в лѣску и шкуру зодрано* (Полтавские акты книги XVII в.)⁶⁵ и т. п. Эта конструкция становится характерной особенностью синтаксиса украинских говоров и украинского литературного языка. Выражает она перфективное значение, а с вспомогательным глаголом *бити* — абсолютное прошедшее действие: *зрадника Барабаша вбито; німців, що були з ним, шляхтичів знищено* и т. п.,⁶⁶ причем употребляется в различных жанрах литературного языка.⁶⁷ В украинских говорах, по наблюдениям В. А. Матвеевко, распространена она повсеместно, но с убыванием на западе и северо-западе.⁶⁸ Возможно, происходит постепенное вытеснение этой конструкции другими оборотами. В. С. Ващенко отмечает, что в современных полтавских говорах сосуществуют и параллельно функционируют, свободно заменяя друг друга, обороты: *його громом убито, його громом убило* и *його грим убив*, но в записях XIX—начала XX в. П. Котляревского и в полтавских актовых книгах XVII в. распространен только первый оборот: *там убито молодого гусара, яко тих людей на Полузорѣ побито, и ему за працу тушу дано, кожу знято з мене в Яресках*.⁶⁹

Если в украинском литературном языке интересующая нас конструкция является нормой, то белорусскому литературному языку, как и русскому, она несвойственна. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что говоры, легшие в основу белорусского литературного языка, ее не знали. В современных бело-

русских говорах этот оборот употребляется в единичных случаях на северо-востоке в районах, смежных с русской территорией, и на юге неподалеку от границы украинского языка.⁷⁰ Составители атласа белорусского языка вовсе не отмечают этого явления.

Сочетание *-но*, *-то* плюс винительный падеж в своих бесспорных случаях в русских говорах встречается, но редко. В ответах на «Программу» диалектологического атласа обычные пометы: «редко», «единично», «только у стариков» и т. п. По данным В. А. Матвеевко, из 2500 учтенных ею ответов это сочетание встретилось лишь в 100 или даже меньше. Территориально оно отмечается в отдельных говорах «вблизи Онежского, Ладожского и Чудского озер, в Великолукской и Калининской областях, на северо-востоке европейской части СССР. Имеются также единичные примеры, записанные в Курской, Орловской, Брянской, Пензенской областях, т. е. в пределах южнорусского наречия»,⁷¹ встречаются они в северновеликорусском фольклоре (олон. *скільки шито было, вдвое сплакано, всі князя домочичек дождано*). Нужно заметить, что часть положительных ответов на «Программу», содержащая те же немногие примеры, которые помещены в «Программе», является сомнительной (что относится прежде всего к ответам из южновеликорусских областей): неопытные собиратели удовлетворялись ответами местных жителей на свои прямые вопросы, а не выбирали нужные примеры из записей непринужденной речи. По-видимому, на русской территории оборот не получил достаточного развития, а во многих говорах его и вовсе не было.

Был ли оборот *руку поранено* свойственен языку Москвы XVI—XVIII вв.? П. С. Кузнецов отрицательно отвечал на этот вопрос, считая, что наличие его в памятниках московской письменности (например, в сочинениях Курбского) является результатом украинского или польского влияния.⁷² Против этого мнения П. С. Кузнецова высказывались С. Д. Никифоров,⁷³ Л. А. Булаховский,⁷⁴ Я. А. Спринчак,⁷⁵ Н. Н. Арват⁷⁶ и некоторые

⁷⁰ В. А. Матвеевко. Страдательно-безличный оборот. . . , стр. 353.

⁷¹ В. А. Матвеевко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. . . , стр. 106.

⁷² П. С. Кузнецов. 1) Из истории сказуемого употребления страдательных причастий в русском языке. Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ, вып. 6, 1948, стр. 38; 2) К вопросу о сказуемом употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. Матер. и исслед. по русской диалектологии, т. III. М.—Л., 1949, стр. 72—73.

⁷³ С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы. . . , стр. 322.

⁷⁴ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5-е. Киев, 1958, стр. 237.

⁷⁵ Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса, стр. 101 и след.

⁷⁶ Н. Н. Арват. К вопросу об истории безличной конструкции с кратким страдательным причастием в русском языке. Научн. ежегодник

⁶³ А. М. Lewicki. Geneza struktur typu *podano herbatę*. Poradnik językowy. Warszawa, 1966, № 5, стр. 203.

⁶⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 317.

⁶⁵ О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960, стр. 32.

⁶⁶ Курс сучасної української літературної мови, т. II. Київ, 1951, стр. 65.

⁶⁷ Ср., например, в произведениях Ивана Франко: І. З. Петличий. Безособів речення на *-но*, *-то* в мові художньої прози І. Франка. В кн.: Питання українського мовознавства, книга четверта. Львів, 1960, стр. 21—37.

⁶⁸ В. А. Матвеевко. Страдательно-безличный оборот в говорах восточнославянских языков, стр. 353.

⁶⁹ В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків, 1957, стр. 271.

другие авторы. Однако, как замечает В. И. Борковский, примеры, приводимые в пользу исконности данного оборота в русском литературном языке, не показательны, так как в них нет или почти нет бесспорной формы винительного падежа. «Мы полагаем, — пишет В. И. Борковский, — что, по всей вероятности, оборот с формой винительного падежа при употребленном безлично причастии прошедшего времени страдательного залога не был чужд русскому языку XVI—XVII вв., но и не имел в нем широкого распространения, хотя и встречал поддержку в старобелорусских и староукраинских памятниках, в частности в деловой письменности. В дальнейшем он окончательно был вытеснен из русского литературного языка, сохранившись лишь в диалектах (преимущественно западной и восточной группы)». ⁷⁷ Так или иначе, в эпоху формирования восточнославянских языков украинский язык по данной особенности обособился от русского и белорусского. Этот украинский ареал оформляется довольно поздно.

Говоря о конструкциях с формами на *-но*, *-то*, нужно учитывать также наличие или отсутствие в них логического субъекта. С. И. Сятковский считает этот признак особенно важным. Среди славянских ареалов он выделяет польско-украинскую зону, в которой имеются конструкции с отсутствием косвенного падежа в значении логического субъекта действия: *Stefana wzięto do wójzka, a koni giba ne w nich zabrano?, -ac jak stezku umontano* и т. п. ⁷⁸ Сложение этого ареала, по-видимому, происходило в условиях польско-украинских языковых контактов, но о заимствовании тут не может быть и речи, так как предшествующая история предложения подготовила почву для возникновения этих конструкций как в украинском, так и в польском языке независимо друг от друга. Широкое распространение оборота приходится на время формирования украинского языка, а в польском — на XVI—XVII вв.

На севере восточнославянской территории образуется своя специфическая особенность: логический субъект выражается посредством родительного падежа с предлогом *у*. В эту конструкцию вовлекаются причастия не только от глаголов переходных, но и от глаголов непереходных: *эта фуражка у папки куплено, делай, как у меня сказан, у соседей в город уехано, у мальчишки вчера здесь носом падено, у моего сына на ней жененось* (образования от воз-

вратных глаголов также обычны) и т. д. Как я писал в свое время, причастия на *-но*, *-то* в этих говорах теряют свое страдательное значение и выполняют роль глагола, выражающего активное действие. Разница между оборотами *у моего сына на ней жененось* и *мой сын на ней женился* заключается в том, что в первом из них подчеркивается наличие результата действия в настоящем, а во втором выражается простая констатация совершившегося действия. В ряде говоров конструкция *у моего сына на ней жененось* сосуществует еще с оборотом *мой сын на ней женился*. В первом случае мы имеем посессивный перфект (с особым выделением принадлежности действия к действующему лицу), во втором — общий перфект. ⁷⁹ Впрочем, имеются попытки и иного истолкования значения этих оборотов. Например, В. И. Трубинский указывает, что ареалы распространения указанных конструкций не совпадают, а в говорах, где они употребляются вместе, имеется лишь видимость их сосуществования. ⁸⁰ Имеются различные мнения о времени и причинах возникновения посессивного перфекта. В. И. Борковский полагает, что тут мы имеем дело с новгородской особенностью древнейшего происхождения, не попавшей в древненовгородскую письменность. ⁸¹ Так думает и Л. И. Макарова. ⁸² Все же трудно понять, почему оборот *платити гривна* имеется в древнейших новгородских памятниках, а конструкция *у него куплено* (= он купил) проникает в письменность поздно: первые известные нам примеры относятся к XVI в. (ср. в «Домострое»: *а толко у мужа в год все припасено* = муж все припас). По-видимому, развитие этой конструкции — явление позднее (XV—XVII вв.).

Не очень ясна причина происхождения посессивного перфекта. П. С. Кузнецов предполагает, что как посессивный перфект, так и вообще несогласованные причастия на *-но* и *-то* в значении сказуемого возникли так же, как деепричастия из причастий действительного залога, используемые в той же функции. ⁸³ Как краткие действительные причастия теряют способность изменяться по родам и числам, так и страдательные причастия на *-но* и *-то* проходят ту же ступень развития. Та же идея высказывается

⁷⁹ Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. Бюлл. диалектол. сектора Инст. русск. яз. АН СССР, вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 40—50.

⁸⁰ В. И. Трубинский. Взаимотношение лексических и грамматических значений в области глагольных времен. (По материалам русских народных говоров). Вестн. ЛГУ, № 14, 1961, стр. 147.

⁸¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 427.

⁸² Л. И. Макарова. Некоторые особенности предикативного употребления краткой формы страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. Уч. зап. Балашовск. ГПИ, т. I, Истор.-филол. серия, 1956, стр. 177—178.

⁸³ П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 71—72.

Черновицкого гос. ун-ва за 1958 год. Отдельный выпуск. Филол. фак. Черновцы, 1960, стр. 194.

⁷⁷ В. И. Борковский. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968, стр. 112.

⁷⁸ С. И. Сятковский. Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса. (В связи с составлением синтаксического вопросника к общеславянскому лингвистическому атласу). ВЯ, 1963, № 6, стр. 69—71.

и З. М. Петровой.⁸⁴ Однако с этой гипотезой трудно согласиться. Обороты с несогласованными причастиями на *-но* и *-то* в значении сказуемого появляются в письменности еще в XI в., когда не было падения форм кратких причастий, следовательно, происхождение конструкций *владыка бысть поставлено* и *он уезавши* совершенно различно. К тому же посессивный перфект — явление особое, отличное от несогласованных причастных оборотов. Посессивный перфект может употребляться и при наличии согласования: *у отца трава накошена, это у бабушки грабли сделаны, у ребят всё в лесу найдено* и т. п. В. Феевкер предполагает, что оборот *у него уезано* возник в результате западнофинского влияния, что подсказывает самый ареал его распространения.⁸⁵ Такое предположение вероятно. Наличие в русском языке безличных предложений типа *сказано, сделано*, оборотов *у меня есть* (= я имею), *у меня написано* (= все написано) создавало благоприятные условия для широкого распространения реального субъекта действия в родительном падеже с предлогом. Реализация этой возможности произошла прежде всего на северо-западе, где была ассимилирована значительная часть западнофинского населения.

Реальный субъект действия может выражаться и другими косвенными формами. Древнего общеславянского происхождения является сочетание родительного падежа с предлогом *отъ*. Оно характерно для старославянского языка, а на восточнославянской почве обычно имеет книжный характер (ср. *отъ Соломона списано*, Изборник 1073 г.). Впрочем, эта конструкция изредка встречается и в говорах (*эта девочка у нее от дощечки нагуляно; от Петьки писано, что не посылай* и пр.), где она может рассматриваться как сохранение древнего состояния, а может быть, и как результат воздействия церковнославянского языка. Древним общеславянским наследием является выражение реального субъекта действия формой творительного падежа. Этот падеж — единственно возможное средство в страдательно-безличных и безличных конструкциях в русском литературном языке. В русских говорах такая конструкция представлена неравномерно, а с формой *-но, -то* она является редкой. Ответы на соответствующий вопрос «Программы» для диалектологического атласа русского языка очень скудны. Примеры типа *волками телят едено, деньги тестем подарено* встречаются крайне редко. Зато, как отмечает В. А. Матвеевко, «творительный падеж стал характерной чертой структуры страдательно-безличного оборота» в белорусских говорах, где

⁸⁴ З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в церковных говорах. Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 225, 1962, стр. 171 и след.

⁸⁵ W. V e e n k e r. Die Frage des finnougri-schen Substrat in der russischen Sprache, стр. 137—139.

другие формы выражения значения деятеля почти неизвестны»: *86 траву стоптано коровами, хату шча дзедам пастаўлена, тут саями прайехана* и т. п. В украинских говорах в отличие от белорусских употребление указанной конструкции очень редко. Иначе обстоит дело при выражении отдаленной причины действия: обороты *його грожом убито, його осколком поранено* распространены на всей территории украинского языка.

Таким образом, выявляется по крайней мере четыре диалектных ареала: 1) несогласованные двусоставные предложения с причастиями на *-но* и *-то* (в древнерусскую эпоху возможно их общевосточнославянское распространение, затем происходит их неравномерное на разных территориях исчезновение); 2) употребление с формами *-но, -то* винительного падежа прямого объекта (характерная особенность украинского языка, хотя явление известно и в некоторых других восточнославянских областях); 3) конструкция *у него уйдено* (распространена в северновеликорусских говорах, особенно в северо-западных); 4) форма творительного падежа как средство обозначения реального субъекта действия в оборотах с формами *-но, -то* (характерная особенность белорусского языка, в других восточнославянских языках является редкой). Названные диалектизмы заняли теперешние области своего распространения в эпоху формирования восточнославянских языков.

ЗАМЕЧАНИЯ О НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

1. Союзы

Союзы в каждом языке и диалекте составляют сложную систему обозначений определенных синтаксических значений в простом и сложном предложениях, элементы которой зависят друг от друга. Пока мы далеки от того, чтобы представить эту систему в целом, не теряя притом всего ее конкретного многообразия. Даже в грамматических описаниях значения союзов обычно даются в виде своего рода отдельных словарных статей, в которых они представлены разрозненно. Попытки структуралистов описать систему союзов также мало удовлетворительны, поскольку в них живые плоть и кровь языка превращаются в абстрактные схемы, оторванные от реальной действительности. Если нас не удовлетворяет синхронное описание союзов в его современном состоянии, то в диахронном плане в этой области вообще мало что сделано, в связи с чем мы будем вынуждены ограничиться здесь изложением лишь

⁸⁶ В. А. Матвеевко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. . . , стр. 128—129.

отдельных диалектных примет в употреблении союзов в восточнославянских языках. Говоря о союзах, мы в известной мере естественно выходим за пределы грамматики и вторгаемся в область лексики.

Союз а. Союз *а* уже в древнем общеславянском языке был полисемантическим. По-видимому, еще в праславянскую эпоху его значения и место среди близких союзов в разных диалектах были представлены неодинаково. В частности, по разным причинам возникали совпадения (полные и частичные) его значений со значениями других союзов, которые приобретали локальный характер. Одним из древнейших значений союза *а* является соединение однородных членов предложения. Это значение хорошо известно в чешском языке (*otec a syn*), представлено оно и в польском языке (ср. в памятнике XIV в.: *nie bądź jako koń a muł, w jichże nie jest rozum*).⁸⁷ В древнерусском языке чисто соединительное значение обычно выражается союзом *и*, однако в том же значении может употребляться и союз *а*, что обнаруживается «более четко лишь в древнейших списках древнейших памятников; уже для старшей поры — XII—XIII века чисто соединительное „а“ является редким». ⁸⁸ Но и это редкое употребление было не повсеместным. П. В. Попов по этому поводу пишет: «Оно лишь в единичных случаях встречается в памятниках Киевского периода и совсем неизвестно в памятниках, возникших на северо-востоке Руси. Обычным соединительное *а* является лишь в грамотах, написанных на крайнем юго-западе. Это дает основание предполагать, что соединительное *а* при однородных членах . . . представляло собой диалектное явление, ограниченное территорией юго-запада, и лишь иногда проникало в общерусский литературный язык».⁸⁹

Действительно, немногие случаи соединительного *а* в древнерусской письменности ранней поры встречаются только в южных памятниках: *выдадять и всего съ женою съ дѣтьми на потокъ а на разграбление* (Русская Правда по списку 1282 г.; данный текст восходит к киевскому протографу; в других древнерусских памятниках обычно *на потокъ и на разграбление*), *от рыданья а слез его скрачашеся гласъ его* (Иосиф Флавий начала XII в. по списку XV в.), *а полкы имѣю а силы имѣю* (Ипатьевская летопись под 1151 г.), *княземъ слава а дружинѣ* (Слово о полку Игореве) и др. Союз *а* в этом значении не употребляется в древней новгородской письменности. В частности, нет его в берестяных грамотах. В более позднее время соединительный *а*, как отмечает Ф. Ф. Медведев, получает сравнительно широкое употребление в старорук-

⁸⁷ S. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 395.

⁸⁸ И. А. Попова. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке. Научн. бюлл. ЛГУ, № 2, 1945, стр. 31.

⁸⁹ П. В. Попов. Сочинительные конструкции с союзом «а» в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 16.

раинском языке,⁹⁰ причем не только в грамотах, но и в памятниках иных жанров: *стань а ходи* (Креховский апостол XVI в.), *а онъ сѣдитъ межю учителями а слушае ихъ и пытаеи* (Пересопницкое евангелие XVI в.), *это кони пашеть, от коня по полкопи а по осмацѣ жити* (Летопись Самовидца) и т. п.⁹¹ В настоящее время соединительный *а* сохраняется только в ряде юго-западных украинских говоров (ср. *хлѣб а вода*), где он употребляется наряду с союзами *и*, *та*, *тай*.⁹²

Соединительный *а* известен и в старобелорусской письменности. Е. Ф. Карский приводит примеры из старобелорусских памятников XVI в.: *Прокиша а Бѣликъ а Кучукъ а Лисица Жибензтаи, Корачов а Слоним, потопы а воды, рыбы а морьскій потворы, та а ты, толико царя а мене* и т. п. Из современных говоров он смог привести всего два-три примера: *Цимох а Хомжа пойдучъ на работу* и др.⁹³ Распространение соединительного *а* в старой украинской и белорусской письменности, скорее всего, связано с воздействием польского языка, так же как и употребление его в западноукраинских говорах (здесь имеет значение и контакт со словацкими диалектами).

Таким образом, уже в древнекиевскую эпоху по употреблению соединительного *а* восточнославянские диалекты составляли две зоны: юго-западную, где этот *а* мог употребляться наряду с *и*, и северо-восточную, которая не знала этого значения союза *а*. Имели ли чисто соединительное значение союза *а* предки северных и северо-восточных диалектов, мы не знаем. Если отсутствие его в указанных диалектах было исконным (чего, конечно, доказать нельзя), то мы имели бы в данном явлении одну из древнейших диалектных особенностей в славянской языковой области. Во всяком случае наличие или отсутствие соединительного *а* — древняя диалектная черта.

П. В. Попов отмечает также наличие в древнерусском языке (почти исключительно в составе прямой речи) особой сочинительной конструкции с союзом *а*, выражающим причинно-следственное отношение, в которой сказуемое первого предложения выражается глаголом изъявительного наклонения, а сказуемое второго предложения — глаголом повелительного наклонения, или одно из предложений выражает повествование, а второе — вопрос: *се естъ ворогъ нама и вамъ, а ловите его* (Ипатьевская летопись под 1143 г.). «Этот тип сочинительной конструкции был значительно

⁹⁰ Ф. П. Медведев. Система сполучників в українській мові. Харків, 1962, стр. 33—34.

⁹¹ О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови, стр. 7.

⁹² С. П. Бевзенко. До характеристики синтаксичних особливостей українських діалектів. (Из лекцій з української діалектології). Наук. зап. Ужгородського держ. унів., т. XIV, 1955, стр. 217.

⁹³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 461.

распространен в памятниках Киевской Руси (в Повести временных лет, в Галицко-Волынской летописи и особенно много в Киевской летописи), но затем в последующие эпохи (к XV—XVI вв.) он совершенно исчезает из литературного языка. Его исчезновение, возможно, связано с тем, что эта конструкция не была общераспространенным явлением и представляла собой диалектное явление, ограниченное территорией юго-западной Руси.⁹⁴

Союз та. Союз *та* в современном украинском литературном языке выступает в соединительном или присоединительном (=и, да) и противительном (=а, но, да) значениях: *вони довели людям, що не треба палити та руйнувати народне добро; сонце ховалося з гори, і чорний морок вставав із мертвих борів. Та то байдуже.*⁹⁵ Союз этот распространен в украинских говорах. В то же время он отсутствует в русском и белорусском языках, следовательно, *та* является одной из специфических украинских особенностей. Происхождение его древнее, ср. лит. *tuõ* (в *tuõjaj, tuõj*) 'сейчас', 'сразу', 'тотчас', греч. (гомер.) τῷ 'и', 'итак', 'следовательно', хеттск. *ta* 'и'. Предположение о происхождении укр. *та* из *да* в результате ослабления звонкого согласного в быстрой непринужденной речи очень сомнительно. Союз *та* в разных значениях известен в польской языковой области, на украинского и польского проникает в восточнославянские говоры. Употребляется он в древних церковнославянских текстах и в древнерусском языке, который унаследовал его от древнего общеславянского языка. Однако распространение его в древнерусском языке очень неравномерно: обычен он в памятниках южного происхождения и редко встречается в северной письменности (в последней почти исключительно в сочетании *таже*). *Та* в соединительном значении 'и' исключительно южная особенность: *та* *Откуда Турову, а на весну та Перетаславлю, . . . а и Смолинська той же зимѣ та к Новугороду* (Поучение Владимира Мономаха); *оттуда же идоша на Спашь та на Глузовь* (Ипатьевская летопись) и др.

В староукраинском языке *та* известен как в соединительном, так и в противительном значениях: *далек идете? — кажите та а субою ме возмите* (Интермедия до драмы Я. Гаватовича 1616 г.); *Потолем за ним, оповѣщаючи пана Трохиму, отцу пана полковника, та не засталим дома* (Полтавские акты книги XVII в.).⁹⁶

Л. А. Булаховский считает, что союз *та* в соединительном значении можно считать древней особенностью языка племен —

⁹⁴ П. В. Попов. Сочинительные конструкции. . . , стр. 11—12.

⁹⁵ Украинско-росийський словник, т. VI. Київ, 1963, стр. 1.

⁹⁶ О. П. Б е а п а л ь к о. Нариси з історичного синтаксису української мови, стр. 5.

предков украинцев.⁹⁷ Сокращение территории распространения союза *та*, по-видимому, началось еще в конце праславянского периода и продолжалось в течение столетий.

Союз да. В тесной связи с закреплением союза *та* в южных восточнославянских диалектах стоит утрата этими диалектами союза *да*. В современном русском языке *да* употребляется в соединительном, присоединительном и противительном значениях. В тех же значениях этот союз известен и в белорусском языке. В разных значениях *да* представлено во всех современных или древних славянских языках, в том числе в старославянском и древнерусском языках. В современном украинском литературном языке *да* употребляется редко и имеет разговорную окраску. Как отмечает Л. А. Булаховский, редким он был и в староукраинской письменности начиная с XIV в. Один из ранних его примеров *Григорий да Иван Несвизьский* (грамота 1383 г.), вероятно, отражает белорусскую особенность.⁹⁸ Вытеснение союза *да* союзом *та* на юге начинается в процессе формирования украинского языка.

Союз (частица) чи(чили). В древнерусском языке индоевропейского происхождения союз (и частица) *чи* (вариант *чи*) в разных значениях⁹⁹ был распространен в памятниках различных местностей и жанров, в связи с чем можно считать, что это средство выражения синтаксических связей в раннее время было свойственно языку всех восточных славян. В XIV—XVII вв. территория его распространения начинает серьезно сужаться. Прежде всего утрачивается он в русских областях. Русский литературный язык вовсе не знает этого союза, нет его и в подавляющем большинстве русских говоров. *Чи* отмечается в некоторых южновеликорусских говорах, особенно в пограничных. Например, В. И. Собинникова обнаружила *чи* 'что' в гремяченском говоре Воронежской области, но приводит его в единственном примере: *нету с'ляда, чи бы я ни прашол на фсём полю на свасѣм.*¹⁰⁰ В украинском языке союз (частица) *чи* (*чили*) 'или', 'ли', 'разве', 'неужели' и с другими оттенками значений в разных сочетаниях является синтаксической нормой. Известен он и в староукраинской письменности. Е. Ф. Карский приводит примеры из старобелорусской письменности¹⁰¹ и из современных белорусских говоров (*чы киям, чы палкай — усѣ роўна* и др.)¹⁰² и считает это *чы* двойником собственно

⁹⁷ Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них. Наук. зап. Київського держ. унів., т. V, вип. 2, 1946, стр. 32—33.

⁹⁸ Там же, стр. 32.

⁹⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 1516—1517 и 1439—1441.

¹⁰⁰ В. И. Собинникова. Строрение сложного предложения в народных говорах. (По материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958, стр. 51.

¹⁰¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 83.

¹⁰² Там же, стр. 462.

белорусского *чи* (< *ти*), появившимся в белорусском языке под польским влиянием. Л. А. Булаховский, не отрицая исконности *чи* на восточнославянской почве, также считает, что укр. *чили* скорее является полонизмом, нежели продолжением древнерусской традиции.¹⁰³ Между тем А. А. Потехня ставил знаки равенства между укр. *чили* и польск. *су*, что можно понять как признание исконности *чили* в украинском языке.¹⁰⁴ Так или иначе, союз *чи* (*чили*) становится одной из характерных особенностей украинского языка.

Союз (частица) *ти*. В качестве союза и частицы в значении 'и', 'да', 'то', 'же' *ти* было широко распространено в древнерусском языке, но преимущественно в южной и западной письменности.¹⁰⁵ Позже *ти* начинает преимущественно употребляться в старобелорусских памятниках. Е. Ф. Карский определяет частицу *ти* в вопросительном значении как «характерную особенность белорусского языка».¹⁰⁶ В современном белорусском языке *ці* выступает как разделительный (*баліць у вас галава ці перестала?*), условно-разделительный (*ці гэтай дарогай пойдзеш ці той — выйдзеш к лесу*), вопросительный (*ці ж ты не чуў аб гэтым?*) союз и как вопросительная частица (*ці не холадна табе?*).¹⁰⁷ *Ти* в вопросительном (и реже в других) значении известно в западных великорусских говорах (брянских, смоленских, западнокалининских, псковских). А. А. Потехня предполагал, что смоленско-псковское *ти* происходит от древнерусского *чи*, а не от древнерусского *ти*, ссылаясь на утрату в *ці* свистящего компонента (изменение типа *ноць > ноть*, *цвет > твет* и т. п.).¹⁰⁸ Однако это предположение нельзя считать обоснованным.

Союз *але*. Этот противительный союз совершенно чужд как русскому литературному языку, так и русским народным говорам. В украинском языке он обычен в значениях 'а', 'но', 'однако' и других противительных и изредка употребляется в причинном значении 'ведь'. То же мы имеем и в белорусском языке. В юго-западной письменности появляется с XIV в.: *было нас двое, але я далъ за одино* (жалованная грамота Казимира польского после 1340 г.); *просимъ вашей милости, штобы есте учинили иныи листъ, яко и тотъ, што писанъ, но не на 4, але на 3 тысячи* (грамота молдавского воеводы Петра 1388 г.). *Але* широко распространено в западнославянских языках. Не исключено, что *але* в украинском

и белорусском языках является результатом западнославянского (прежде всего польского) влияния. Во всяком случае совпадение с западнославянским *але* не случайно.

Союз *або*. В русском литературном языке неизвестен. Встречается в южных и западных (рязанских, воронежских, курских, донских, калужских, смоленских, псковских) говорах в значении 'или', 'либо', 'когда бы', 'если бы', а также как частица 'разве', 'или', 'лишь бы' и в некоторых соединениях (*або-как* 'как-нибудь', *або-что* 'что ли' и др.).¹⁰⁹ *Або* известен в украинском литературном языке и в говорах как союз разделительный и присоединительный с разными значениями, то же и в белорусском языке. В юго-западной письменности появляется с XIV в.: *то иметь тоє закладывають або ѿ цркви бжъета ѿдавливать и мститъ ему бгъ* (вкладная грамота 1377 г.), *за пнъязи рахуючи або в иншой речи* (жалованная грамота 1388 г.). Можно полагать, что союз *або*, утвердившись в XIV в. на юго-западе, распространяется на северо-восток и проникает в южные и западные говоры русского языка.

Союз *бо*. Союз *бо* несомненно общеславянского происхождения. Судьба его в различных славянских языках была неодинаковой. Т. А. Шуб устанавливает, что в восточнославянской письменности XV—XVI вв. в украинских и белорусских памятниках более характерно препозитивное употребление *бо*, а в книжном русском языке — постпозитивное (в афирмативном и экспликативном значениях). В русских деловых документах, в воинских повестях и хождениях этот союз встречается редко, зато очень часто — в проповедях (*рече бо* и т. п.). «Итак, из всех славянских языков. . . *бо* постпозитивное с семантической объясняюще-утверждающей известно лишь в старославянском и книжном русском языке. В болгарском, сербском, чешском *бо*, архаизируясь, вовсе исчезает, потеряв самостоятельное значение, а в польском, украинском и белорусском, наоборот, приобретая самостоятельное значение, укрепляется, занимая препозитивную позицию. В русском же языке, способствуя восприятию сложившегося в старославянском языке союза *ибо*, в соответствии с общими тенденциями русской речи XVII века, *бо* уступает свое место *ибо*, передавая ему как свое значение, так и свою синтаксическую функцию».¹¹⁰ *Бо* в русском книжном языке сохраняется пережиточно и в XVII в., но в народной речи, надо полагать, начинает выходить из употребления значительно раньше. В русских говорах союз *бо* вовсе не зафиксирован (книжное происхождение имеет и *ибо*). Между тем в украинском языке *бо* 'ибо', 'потому что', 'так как', 'поскольку',

¹⁰³ Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови, стр. 37.

¹⁰⁴ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 239.

¹⁰⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 956—958.

¹⁰⁶ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 83.

¹⁰⁷ Белорусско-русский словарь. М., 1962, стр. 1002.

¹⁰⁸ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 239.

¹⁰⁹ Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров, вып. 1. М.—Л., 1965, стр. 190.

¹¹⁰ Т. А. Шуб. К генезису и истории союза «ибо» в славянских языках. Уч. зап. ЛГПИИ им. А. И. Герцена, т. XV, Фак. языка и литер., вып. 4, 1956, стр. 126.

'оттого что', 'ведь', 'а то' обычен (*Ярема гнуся, бо не знав, Не знав сіромаха, що вирости крила*, Шевченко, и т. п.). В тех же значениях бо свойствен и белорусскому языку.

Союз *албо* (< *алибо*). В юго-западной письменности появляется в XV в.: *Знаменито буди и свѣдочно каждому доброму, кто коли на тот листъ позреть албо услышитъ его чтучи* (грамота русского старосты Ивана Сремского 1412 г.), *по^в дах албо оу подворье албо оу до^м* (Сборник XV в. Публичной библиотеки № 391) и т. п. Союз этот не отмечен в шеститомном украинско-русском словаре, а в белорусско-русском словаре 1962 г. при нем стоит помета «разг.». *Албо* 'или', 'либо' известен в украинских и белорусских говорах. Обычно считается заимствованием из польского.¹¹¹ Однако предположение о заимствовании осложняется наличием *албо* и *алибо* в ряде русских, главным образом северных, говоров: *возьмет кусок меду албо уголь да нарисует лодку* (перм.), *в платке пойду алибо в шляпе* (владимир.) и т. п.¹¹² Не исключено, что сложный разделительный союз *албо* проникает в XV—XVI вв. в юго-западные области из польского языка, а в северновеликорусских говорах возник самостоятельно, но возможно и его исконно-славянское происхождение.

Союз *как*, *како*. В значении союза *как* — типичное явление русского языка. Ему соответствует *як* (ст.-сл. *яко*) в украинском, белорусском, польском, чешском и словацком языках. Это *як* известно в ряде южных и западных говоров русского языка, соседствующих с украинскими и белорусскими диалектами, а также в качестве архаизма в некоторых северновеликорусских говорах (например, беломорских). Уже в древнерусскую эпоху *како*, *какъ* в вопросительном и относительном значениях употребляется преимущественно в северной и северо-восточной письменности. *Како*, *как* во временном значении (обозначение одновременности действия) по предположениям Б. В. Лаврова¹¹³ и А. Н. Стеценко¹¹⁴ возникает в русском языке поздно — лишь в XVI в. В. И. Боровский в эту хронологию вносит существенную поправку: временной союз *како* был довольно широко распространен уже в русской письменности XIV—XV вв.¹¹⁵ Можно считать, что союз *как* становится специфической особенностью языка великорусской народности.

¹¹¹ Л. А. Булаховский. Историчних коментаріів до української мови, стр. 37; О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови, стр. 6.

¹¹² Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров, вып. 1, стр. 237.

¹¹³ Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 97.

¹¹⁴ А. Н. Стеценко. Конструкции временных предложений в древнерусском языке. Уч. зап. Томск. ГИИ, т. XIV, 1955, стр. 301.

¹¹⁵ В. И. Боровский. Придаточные предложения времени в древнерусских грамотах. Отд. литер. и языка АН СССР, 1957, вып. VI, стр. 512.

Союз *когда*. Временной союз *когда* — также характерная особенность русского языка; в украинском и белорусском языках ему соответствует *коли*, *калі*. Впервые его отмечает Е. С. Истрина в Новгородской Синодальной летописи XIII—XIV вв.¹¹⁶ Однако широкое распространение в русском языке он получает поздно. Как полагает Б. В. Лавров, это происходит только в XVI—XVII вв.¹¹⁷ По наблюдениям Э. И. Коротаевой, *когда* еще не характерен для русской деловой письменности XVII в.¹¹⁸ В. И. Собинникова предполагает, что этот союз проникает в русский литературный язык из южновеликорусских говоров,¹¹⁹ что еще требует проверки.

Союз *если*. Весьма распространенный в русском языке условный союз *если*, по данным Б. В. Лаврова, появляется в русской письменности только в XVI в.¹²⁰ В украинском языке ему соответствует *коли*, в белорусском — *калі*.

2. Предлоги

Предлог *до* в значении указания объекта, к которому направлено передвижение. Устранение дательного и винительного беспредложного направления передвижения вызвало диалектные замены беспредложных конструкций предложными и изменения в древних предложных конструкциях. А. А. Потехня отмечает, что уже в галицко-волынской части Ипатьевской летописи довольно часто предлог *до* ставится там, где в русском употребляются предлоги *в* и *к*: *устремишиися побѣгнути до дѣтиньца, иде Воишелкъ до Галича къ Данилови князю, бѣжа до Пиньска и ту живяшеть, посла по брата своего. . . до Полотьска, одва убѣжа Василко до города* и т. п. Еще более последовательно замещаются *в* и *к* через *до* в западнославянских языках.¹²¹ Такое употребление предлога *до* обычно и в староукраинской письменности: *а коли которыи торговецъ поидеть торговать ис Торуня через Берестце до Лучьска, без печали буде* (грамота Кейстута после 1341 г.), *рыбу ему зъ озера того, уловиши, отъвозять до Києва* (Опись Киевского замка 1552 г.), *самъ побѣхалъ до митрополита* («Перестрога» начала XVII в.) и т. д.¹²² Однако параллельно с конструкцией *до* в древних южно-русских памятниках и в староукраинской письменности употреб-

¹¹⁶ Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пгр., 1923, стр. 195.

¹¹⁷ Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 101.

¹¹⁸ Э. И. Коротаева. Временные сложноподчиненные предложения. Вестн. ЛГУ, № 6, 1956, стр. 69.

¹¹⁹ В. И. Собинникова. Строение сложного предложения в народных говорах, стр. 75—76.

¹²⁰ Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 70.

¹²¹ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 262.

¹²² О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови, стр. 55—56.

ляются и конструкции с предлогами *в* и *к*, что представлено и в современном украинском языке (ср. современные *до дому*, *до Одеси*, *до Москви* и *в Одесу*, *в Москву* и пр.). Употребление *до*, аналогичное украинскому, известно и белорусскому языку: *иду да вас*, *пайшоў да суседа* и т. п., как показано на карте № 217 белорусского диалектологического атласа, господствует в западной половине белорусской территории и в рассеянном виде встречается и в восточной. То же явление представлено во многих южновеликорусских и некоторых западных средневеликорусских говорах (курско-орловских, воронежских, донских, смоленских, псковских и др.). Его нет в русском литературном языке и большинстве русских говоров. Ареал явления — восточнославянский юг и запад. Предлог *до* не является исключением. Можно сказать, все предлоги, особенно первичного образования, в своих значениях и сочетаниях с знаменательными словами образуют в восточнославянских языках и диалектах на протяжении их истории своеобразные лексико-грамматические микросистемы («поля»), значительно варьирующиеся от языка к языку, от одной диалектной группы к другой (ср. русск. *мы слышали о нем* — укр. *мы чули за нього*, русск. *плачет о матери* — укр. *плаче за матір'ю* и т. п.). Сравнительно-историческое изучение этих микросистем с их историко-географической локализацией — пока дело будущего.

Повторение предлогов. Как уже было сказано выше, А. А. Никольский установил, что повторение предлогов свойственно не только говорам, но и устной литературной речи. По мнению Г. И. Климовской, повторение предлогов — исконная особенность славянских языков. Г. А. Климовская полагает, что отсутствие этой особенности в старославянском языке — результат калькирования синтаксического строя греческого языка. В истории русской письменности представлены две группы памятников: 1) памятники, написанные под воздействием старославянского языка книжным языком, и 2) памятники, в языке которых преобладает народная разговорная речь. В первой группе повторения предлогов нет или почти нет, тогда как в языке второй группы оно обычно. В современном русском языке сохраняется двойственность древнерусского языка: в письменном литературном языке повторение предлогов, как правило, отсутствует (наследие старославянского языка, восходящее к греческому источнику), тогда как в устной литературной речи оно широко представлено (исконно славянская традиция).¹²³ По поводу этой гипотезы можно сказать следующее. Мы не знаем, было ли повторение одних и тех же предлогов свойством древней славянской речи. Примеры, которые приводят исследователи повторения предлогов, в подавляющем своем боль-

шинстве приходится на письменные памятники XIV—XV и особенно XVI—XVII вв.

Случаи повторения предлогов в оригинальной древнерусской письменности ранней поры (Русская Правда, древнейшие грамоты, народного происхождения статьи древнерусских летописей) единичны и в общем мало характерны для языка этой письменности. Это во-первых. Во-вторых, далеко не во всех памятниках одного и того же жанра и одного и того же времени эта особенность проявляется одинаково. Очень значимы в этом отношении выводы нашего крупнейшего исследователя языка русской народной поэзии А. П. Евгеньевой. По ее наблюдениям, в языке записей былины, исторических и лирических песен XVII в. обнаруживаются большие различия. «Тексты, содержащие яркие южнорусские и среднерусские диалектные особенности (былины о Михаиле Потоке, об Алеше Поповиче, о Ставре Годиновиче), отличаются редким повторением предлогов, причем оно полностью совпадает с тем, которое характерно для письменных памятников, отражающих живую речь. Былина об Иване Годиновиче с яркими диалектными особенностями полностью совпадает по употреблению предлогов с записями П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга».¹²⁴ Повторение предлогов в северных былинах П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, в причитаниях Е. В. Барсова широко распространено, тогда как в южнорусской и донской былине XIX—XX вв. оно явление спорадическое, как и в южновеликорусских письменных памятниках XVI—XVII вв.¹²⁵ Даже в оригинальных памятниках одной и той же местности повторение предлогов проявляется неодинаково. В изданных новгородских берестяных грамотах конструкции с повторением предлогов встретились 50 раз, причем в подавляющем большинстве случаев в грамотах XIV—XV вв.: *ухо к тебе с Васильемъ со Желутковымъ* (грамота № 25), *возми оу Данилки оу Бѣшкова* (№ 186) и т. п. В тех же грамотах имеются случаи, когда в абсолютно идентичных в формальном отношении условиях повторения предлогов нет: *целобѣтьє ѿ Ива кѣ Василью Игнатьєу* (№ 135, XV в.), *поклоно ѿ Наума и ѿ Григории к данику новгородєду* (=новгородскому) (№ 281, XIV в.), *приказъ ѿ Одрѣтана Михайловичи* (№ 303, XV в.) и др.

Если повторение одних и тех же предлогов было свойством разговорной речи всех русских областей, почему в таком случае это явление так неодинаково отражается в письменности одних и тех же жанров различных местностей, а также в диалектологических записях связной речи XIX—XX вв.? На случайности, особые школы письма и какие-либо иные «экстралингвистические» обстоятельства в данном случае сослаться нельзя. По-видимому,

¹²³ Г. И. Климовская. К вопросу о предложном режиме внутри группы согласованных слов в истории русского языка. Лингвистический сб. Томск, 1964, стр. 59—66.

¹²⁴ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX вв. Автореф. докт. дисс. Л., 1950, стр. 9.

¹²⁵ Там же, стр. 8.

мы имеем дело с двумя видами повторения предлогов. 1) Повторения, вызванные паузами и всякого рода перерывами, перебоями в разговорной речи. Повторения здесь обуславливаются необходимостью восстанавливать сочетания слов с предлогами для сохранения связности высказывания. Такое повторение свойственно как литературной, так и диалектной разговорной речи, причем это явление известно в разных языках мира. Оно обычно не фиксируется в письменном языке. В русском языке кроме А. А. Никольского его отмечают В. И. Собинникова,¹²⁶ М. А. Новгородов,¹²⁷ Г. А. Климовская¹²⁸ и некоторые другие исследователи. 2) Повторения, имеющие особое семантико-грамматическое значение, сохраняющееся и при переносе разговорной речи на письмо. Такое повторение не является общераспространенным. В русском языке в наше время и в предшествующие века оно, по всей видимости, было диалектным и имело главным образом в северных говорах (по крайней мере с XVI—XVII вв.). Нас здесь интересует, конечно, второй вид повторения предлогов, специфика которого определяется рядом ученых.

Еще А. А. Потеня собрал большое количество примеров из памятников XIV—XVII вв., преимущественно русских, на «повторение предлога перед дополнением слова, к которому относился предлог», «повторение предлога перед прилагательными обыкновено (но не всегда) апозитивными» и «повторение предлога при двух прилагательных» и сделал заключение: «Основание этого явления не в метрических требованиях, не в поэтических вольностях (которые есть или личное искажение языка, или архаизм), а в свойствах мысли».¹²⁹

Анализируя примеры, которые приводит А. А. Шахматов из двинских грамот XV в., Н. П. Гринкова считает, что это «свойство мысли» заключается в том, что повторение предлогов приходится «на формулы, указывающие, у кого, собственно, куплен тот или иной участок земли и т. п., т. е. повторением предлога как бы подчеркивается, от кого переходит владение к новому лицу, так как старый владелец уже всем хорошо известен и существенно подчеркнуть переход владения именно от него», «постановка предлога при соответствующих именах играла роль семантического акцента на этих именах, была своего рода логическим ударением, она как бы превращала каждую часть словосочетания в самостоятельно значимую, логически важную часть

¹²⁶ В. И. Собинникова. Повторение предлогов в говорах Гремячского района Воронежской области. Тр. Воронежск. гос. ун-ва, т. 29. Харьков, 1954, стр. 129.

¹²⁷ М. А. Новгородов. О повторении предлогов в русском языке. Уч. зап. Даугавпилск. ГПИ, 3, Сер. гуманитар. наук, вып. 4, 1959, стр. 245—259.

¹²⁸ Г. А. Климовская. К вопросу о повторении предлогов при определении и определением слове в русском языке. Уч. зап. Томск. гос. ун-ва, № 34, Сб. работ истор.-филол. фак., 1962, стр. 199—201.

¹²⁹ А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 289.

всего выражения».¹³⁰ Усилительно-выделительная функция повторения предлогов, по наблюдениям Н. П. Гринковой, как архаизм сохраняется в некоторых современных кировских говорах. К этой точке зрения присоединяются В. С. Овчинникова,¹³¹ Р. С. Овчинникова,¹³² В. В. Палагина,¹³³ О. П. Беляева¹³⁴ и некоторые другие исследователи северновеликорусских говоров.

Неоднократно высказывался по интересующему нас вопросу В. И. Борковский. «Нам неоднократно приходилось говорить, что повторяется предлог тогда, когда приложение и определяемое им слово имеют большой удельный вес в тексте. Таким образом, предлог повторялся с целью подчеркнуть данные слова, обратить на них внимание».¹³⁵ И далее: «При повторении предлога логическим ударением наиболее заметно подчеркнуто второе слово (первое тоже подчеркнуто). Это наблюдается и в случаях с приложением, и в случаях с определением. Анализ большого числа случаев с повторением предлога в грамотах на пергаменте, в частности примеров с повторяющимся предлогом при препозитивных и одновременно при постпозитивных определениях, позволил установить, что именно на постпозитивном определении с повторяющимся предлогом наиболее сильное логическое ударение».¹³⁶ Как утверждают исследователи (П. Я. Черных,¹³⁷ Я. А. Спринчак¹³⁸), повторение предлогов, имевшее особую семантико-грамматическую нагрузку, исчезло из русского литературного языка и большинства русских говоров в XVII—начале XVIII в. В говорах оно имело локально ограниченное распространение уже в XVI—XVII вв., а может быть, и раньше, что предстоит выяснить в специальных исследованиях. Предстоит также выяснить, насколько четко один вид повторения предлогов, представленный в устной литературной речи и во всех говорах, отграничивается от второго вида, свойственного только определенным диалектным зонам. Во всяком случае и А. А. Ни-

¹³⁰ Н. П. Гринкова. Некоторые случаи повторения предлогов в кировских говорах. Язык и мышление, т. XI. М.—Л., 1948, стр. 93—94.

¹³¹ В. С. Овчинникова. Очерки по синтаксису позерского говора. Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. ун-ва, т. 52, вып. 5, 1957, стр. 48—49.

¹³² Р. С. Овчинникова. Синтаксические особенности говора д. Большой Кунгур Кировской области. Уч. зап. Томск. гос. ун-ва, № 19. Языкознание, 1954, стр. 38 и след.

¹³³ В. В. Палагина. Синтаксические особенности говора западной части Томского района. Там же, стр. 18—19.

¹³⁴ О. П. Беляева. Из наблюдений над синтаксисом говора юго-западной части Чусовского района. Уч. зап. Пермск. ГПИ, вып. XIV, 1957, стр. 187 и след.

¹³⁵ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 года. М., 1963, стр. 297.

¹³⁶ Там же, стр. 297—298.

¹³⁷ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 290.

¹³⁸ Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса, стр. 158.

кольский, твердо установивший существование первого вида повторения предлогов, допускает, «что развитие этих конструкций происходило неодинаково в различных диалектах».¹³⁹

3. Конструкция «*есть* + родительный падеж имени существительного»

Главным образом в северновеликорусских говорах имеется утвердительная конструкция, описанная в ряде диалектологических работ,¹⁴⁰ в которой вместо обычного для литературного языка именительного падежа стоит родительный падеж: *грибов у нас есть, зайцев было в лесу, сегодня будет дождя* и т. п. Конструкция известна и в других языках. Е. Ф. Карский указывает на ее распространение в белорусских говорах: *у мору гаду есць, у яго грошей есць* и др.¹⁴¹ В небольшом количестве случаев отмечает употребление ее в украинских говорах Е. К. Тимченко: *е двічат боічки мудрих, тут тільки зрана буває сонця*.¹⁴² М. И. Пигин отмечает наличие данной конструкции в балтийских языках, в частности в литовском.¹⁴³ На славянской территории главный массив говоров, имеющих этот оборот, расположен на восточнославянском севере и северо-западе. В. И. Борковский о диалектном характере этой синтаксической особенности пишет: «Таким образом, безличная конструкция с родительным количественным имени существительного имеет место в настоящее время не на всей территории, занятой восточными славянами, засвидетельствована... и памятниками не всех областей. По-видимому, мы можем говорить о некотором расширении границ распространения данного оборота. В прошлом он был принадлежностью областей, в пределах которых сформировались северновеликорусские говоры, и не был чужд одному из диалектов, вошедших в состав белорусского языка и получивших отражение в Смоленской грамоте 1229 г. В дальнейшем эта конструкция стала принадлежностью и северновеликорусских и южновеликорусских говоров, несколько расширив свои границы и в пределах белорусских говоров».¹⁴⁴ Как отмечает В. И. Борковский,

¹³⁹ А. А. Никольский. Очерки по синтаксису русской разговорной речи, 1964, стр. 27.

¹⁴⁰ Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. Бюлл. Диалект. сектора Инст. русск. языка АН СССР, вып. 4, 1948, стр. 50—51; А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 145—146.

¹⁴¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 319, 403.

¹⁴² Е. К. Тимченко. Функция генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913, стр. 77—78.

¹⁴³ М. И. Пигин. Из истории отрицательных безличных предложений в русском языке. Лингвистический сб., вып. 1. Петрозаводск, 1962, стр. 8.

¹⁴⁴ В. И. Борковский. Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. Исслед. по славян. языковедению. М., 1961, стр. 363.

в древних украинских грамотах встретился единственный пример данного оборота в грамоте хана Золотой орды Тохтамыша польскому королю Ягеллу 1392—1393 гт., писец которой принадлежал белорусской диалектной среде.¹⁴⁵

Легко заметить, что *грибов у нас есть* формально полностью совпадает с отрицательным предложением *грибов у нас нет*, имеющим широкое распространение как во всех восточнославянских говорах, так и в литературных языках, поэтому утвердительное предложение естественно рассматривать как производное, своего рода слепок с отрицательного. М. И. Пигин выдвинул «обратную» гипотезу. По его мнению, наоборот, в основе отрицательного предложения лежит предложение утвердительное.¹⁴⁶ В пользу этой гипотезы как будто говорит широкое распространение утвердительной конструкции в прошлом во всех славянских языках, в которых в настоящее время она является архаизмом, а также в балтийский языках. Однако, чтобы доказать широкое распространение этой конструкции, М. И. Пигин неправомерно расширяет ее рамки, ставя за одни скобки *есть у нас детей* и *ой и рыбы тут было, эка народу*, укр. *води набігло*, польск. *było tam hałas* (= было там шуму) и т. п. В первом случае мы имеем дело с утверждением, равным литературному *есть у нас дети, грибы у нас есть* и пр. (прямая противоположность по смыслу отрицанию: *нет у нас детей, грибов у нас нет*), а во втором — с ярко выраженным количественным значением, в котором предполагается обязательно наличие количественных понятий 'много', 'мало' и пр. Это разные синтаксические конструкции, смешивать которые нельзя, хотя между ними имеются и точки соприкосновения. Диалектный характер утвердительного предложения с родительным падежом имени существительного на месте именительного падежа как в настоящем, так и в прошлом представляется несомненным.

* * *

Мы затронули здесь лишь немногие диалектные явления из области синтаксиса восточнославянских языков, оставив в стороне по разным причинам многие другие синтаксические диалектизмы, но и из того, что было сказано, должно быть видно, что диалектные особенности в синтаксисе, как и в других сторонах языка, довольно разнообразны. По времени своего образования они относятся к разным историческим эпохам — от дописьменных времен до XVII—XVIII вв. Их историко-географическое расположение будет включено в общие данные, на основании которых в «Заключении» мы попытаемся дать краткий очерк развития древнерусских диалектов и сложения специфических особенностей, которые стали отличать один восточнославянский язык от другого.

¹⁴⁵ Там же, стр. 362.

¹⁴⁶ М. И. Пигин. Из истории отрицательных безличных предложений в русском языке, стр. 42.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

После выхода в свет моей книги «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи»,¹ в которой впервые была сделана попытка дать общую картину лексических различий древнерусских диалектов, в исторической лексикологии восточнославянских языков наступило заметное оживление. Появляется большое количество монографий, статей, заметок отечественных и зарубежных авторов, посвященных самым различным аспектам изучения лексики древнерусских и более поздних восточнославянских памятников. Серьезно пополняются сведения о словарном составе современных говоров. Исследуются различные отрасли лексики: обозначения неживой и живой природы, бытовая, военная, сельскохозяйственная, строительная, судоходная, промысловая, рыболовная, торговая, общественно-политическая, судебно-правовая и иные терминологии. Изучаются лексические особенности многих памятников: «Русской Правды», «Повести временных лет», Псковской судной грамоты, догородских берестяных грамот и иных грамот, различных летописных сводов, писцовых книг, торговых книг и т. д., и т. п. Ряд авторов поставил перед собой задачу в той или иной мере изучить лексические явления отдельных древнерусских территорий: Новгородской, Псковской, Смоленско-Полоцкой, Рязанской, Галицко-Волынской, Московской и иных земель, южновеликорусских, сибирских и некоторых других областей.

Опубликовано очень много разысканий, относящихся к истории отдельных слов и групп слов. Появляются работы, в которых делаются попытки установить возникновение собственно русской, украинской и белорусской лексики. Ставятся проблемы сложных межславянских словарных взаимоотношений, а также лексических связей восточнославянских языков с языками неславянскими. В этой чрезвычайно обширной новой историко-лексикологической

¹ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). Уч. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена, т. 80, 1949, стр. 288.

литературе имеется немало разного качества наблюдений, имеющих прямое отношение к исследованию диалектной лексики эпохи древнерусского языка и времени его распада и возникновения современных восточнославянских языков.

Для исторической лексикологии первостепенное значение имеют данные современных литературных языков и особенно говоров. И здесь мы имеем значительное продвижение вперед. Опубликованы капитальные словари литературных языков (среди них особо надо выделить семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка»), появляются диалектные словари отдельных восточнославянских областей и районов, начал печататься сводный «Словарь русских народных говоров», в нашем распоряжении имеется большое число разного рода описаний диалектной лексики. Все это позволяет с большей уверенностью обнаруживать древние и поздние лексические диалектизмы, уточнять прежние представления о них и отказываться от необоснованных предположений. Теперь становится очевидным, что диалектные расхождения в лексике своими корнями уходят в глубокую праславянскую древность, что прежние мнение о чуть ли не полной лексической монолитности древнерусского языка является безусловно устаревшим. Не оправдывается также и предположение о том, будто бы ранние лексические диалектизмы обозначают исключительно локальные явления жизни.

Новые данные позволяют нам внести существенные коррективы в наблюдения и выводы, изложенные в вышеупомянутой книге, значительно расширить фактическую базу нашего исследования. И все же, несмотря на заметное продвижение вперед, историческая лексикология восточнославянских языков, в том числе и историко-лексикологическая диалектология, пока находится на начальной ступени своего развития. Объясняется это субъективными и объективными причинами. К субъективным причинам относится прежде всего крайний недостаток обобщающих лексикографических пособий. Словари древнерусского языка и отдельных восточнославянских языков раннего периода их истории еще только подготавливаются. Нет у нас полных сводных диалектных словарей (сводный словарь русских говоров, о котором упоминалось выше, только начал печататься). Многочисленные картотеки неопубликованных лексических материалов разбросаны по разным городам и учреждениям, и их использование одним исследователем — дело практически неосуществимое (таким образом, большие запасы материалов есть, но они остаются недоступными). Даже только полная сводка и систематизация опубликованных работ потребовали бы значительных усилий целого коллектива лексикологов.

Объективная трудность заключается в самой сущности предмета. В современных восточнославянских говорах имеются многие сотни тысяч диалектных слов и диалектных значений слов, отсутствующих в литературных языках. Лексических различий между восточнославянскими литературными языками очень много. Все

это безбрежное море лексических локальных особенностей невозможно охватить никакими исследованиями. Лексикологам волей-неволей приходится ограничиваться выборкой какой-то незначительной части существующей массы диалектных слов. Всякая выборка является в значительной мере субъективной, и чем меньше имеется знаний о предмете, тем больше возрастает степень субъективности. Достаточно сослаться на лексические разделы «программы» и «вопросников» по собиранию материалов для диалектологических атласов, чтобы убедиться, насколько случаен и произволен имеющийся в них «набор» лексико-семантических вопросов. Между тем если бы мы стали претендовать на более или менее полное описание предмета, мы были бы обязаны изучить все, что к нему относится. Что является важным для исторической лингвогеографии в области словаря и что является второстепенным, это можно выяснить лишь в результате анализа всего материала. Лексические диалектные расхождения современных восточнославянских языков возникли в разные исторические эпохи. Если считать несомненным, что большинство из них образовалось в последние столетия (а это нам пока фактически неизвестно), все равно какая-то значительная их часть должна была сложиться в древнее время. Даже хотя бы относительно полно выявить древние лексические диалектизмы мы не в состоянии. Что лексический диалектизм является древним, мы можем быть в этом уверены только в том случае, когда его локальное употребление прослеживается начиная с древнейших письменных памятников и кончая нашим временем (если этот диалектизм не исчез раньше). К сожалению, далеко не все употреблявшиеся слова по разным причинам нашли свое отражение в письменных памятниках. Сами письменные памятники XI—XIV вв. географически распределены крайне неравномерно: от новгородского севера дошло их большое количество, тогда как многие другие древнерусские земли представлены или очень скудно или вовсе являются «белыми пятнами». Это обстоятельство крайне затрудняет лингвогеографические исследования. Мы не должны недооценивать возможностей реконструкции лексической географии прошедших эпох на основе сравнительно-исторического и иных методов изучения истории языка и будем такими возможностями пользоваться. И все же более или менее можно быть уверенным в правильности определения древнего лексического диалектизма только тогда, когда современный ареал его распространения в основном совпадает с ареалом, выявленным по данным письменности начальных и более поздних этапов ее истории. Если таких данных у нас не имеется, реконструкция древних лексических ареалов всегда будет иметь гипотетический характер. Нужно также учитывать, что наличие и отсутствие слова в говоре или памятнике имеет неодинаковую доказательную силу: мы можем быть уверены в существовании слова, если оно фиксируется в говоре или памятнике,

но у нас не может быть такой уверенности в его отсутствии, поскольку оно может быть по разным причинам не зафиксировано.

Можно было бы указать еще на ряд обстоятельств, затрудняющих исследования в области историко-лексикологической лингвогеографии, но и из того, что сказано, должно быть ясно, что мы не можем претендовать ни на хотя бы относительную полноту наших наблюдений, ни на одинаковую точность наших реконструкций. Список лексико-семантических диалектизмов древнерусского языка и современных восточнославянских языков будет оставаться незаконченным в течение неопределенно длительного времени, если не всегда. Возможности уточнений прежних наблюдений и отмены неправильных предположений также будут оставаться неисчерпанными. Из этого, конечно, не следует делать вывод, что историко-лексикологические исследования не имеют никакой цены. Наоборот, лексика является такой стороной языка, в которой исторические перемены в жизни народов находят свое наиболее яркое выражение, следовательно, ее исследования имеют первостепенное значение. Указывая на трудности, стоящие на пути лексиколога, мы только хотели указать на неполноту наших знаний. Свои наблюдения мы делим на две части: 1) лексические диалектизмы ранней поры и 2) лексические диалектизмы позднего древнерусского времени.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ РАННЕЙ ПОРЫ

Этот слой диалектизмов выделяется на основе показаний ранних письменных памятников, данных сравнительно-исторического языковедения, а также общеисторических сведений и истории обозначаемых реалий. Часть из ранних лексических диалектизмов несомненно образовалась еще до возникновения восточнославянской письменности, а некоторые из них, вероятно, восходят к эпохе праславянского диалектного членения. Для удобства изложения наши материалы располагаются по отдельным тематическим группам.

1. Названия явлений неживой природы, особенностей ландшафта и земельных угодий

Багно 'топь, трясина, болото'. По всей вероятности, слово относится к особенностям лексики древней северославянской диалектной зоны: оно представлено в западных и восточных славянских языках и отсутствует в южных.² Однако его распространение в восточнославянских языках своеобразно. *Багно* широко известно на восточнославянском юго-западе: укр. литер.

² Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 207.

багно 'топь', 'грязь', реже 'болото', 'растение багульник (*Ledum palustre* L.)', *багністий* 'топкий', 'болотистый', 'тинистый', *багністість* 'топкость', разг. *багніще* 'болото', 'болотистое место', *багніюка* 'грязища', 'грязь', *баговіння* 'тина', 'растение нитчатка (*Conferva* L.)', белор. литер. *багна* 'топь', 'трясина', 'болото', *багніўка* 'растение водяника, вероника' и др. Слово и его производные широко известны в украинских и белорусских говорах. Т. А. Марусенко, собравшая из многочисленных источников географические апеллятивы, бытующие на Украине, отметила *багва* 'мокрая заболоченная равнина', 'мокрое место между двумя холмами', *багвище* 'мокрая заболоченная равнина', *багна*, *багно* 'мокрая заболоченная низина', 'углубление на месте водоема', 'лужа на дороге', *багніюка* 'мокрая заболоченная равнина', 'углубление на месте водоема', *баговишна* 'мокрая заболоченная равнина', *баговіння* — то же.³ Отмечается это слово и в ряде белорусских диалектных источников.

Иначе обстоит дело с его распространением на территории русского языка. *Багно* неизвестно в русском литературном языке. Исключение представляет собой название растения *багульник*, которое, по всей видимости, попало в литературный язык из юго-западных говоров.⁴ *Багно* с его производными (*багнецб*, *багністий*, *баговінье* и др.) фиксируется исключительно в юго-западных (воронежских, донских, курско-орловских, брянских, смоленских и псковских) говорах, т. е. говорах, географически примыкающих к украинско-белорусской зоне, на остальной же территории русского языка слово неизвестно.⁵ Правда, некоторые следы его бытования в центральных и северо-восточных областях все же имеются. В. Ф. Житников отмечает единичные урал. *багно* 'болото',⁶ ср. также арх. *багбн* 'багульник'. Если бы мы не имели

характерных показаний древней восточнославянской письменности, то из современного противопоставления юго-запада (широкое распространение *багно*) северо-востоку (отсутствие этого слова или незначительные следы его наличия) еще нельзя было бы делать вывод относительно географии *багно* в древнерусскую эпоху.

В ранних памятниках древневосточнославянской письменности слово *багно* отсутствует (по данным словаря Срезневского и материалам картотек ДРС⁷). Нет его и в великорусской письменности XV—XVII вв. Единственная цитата, имеющаяся в картотеке ДРС, взята из «Назирателя» № 371, 2-я половина XVI в. (перевод с польского): *багна именуєт болото, которое травом поросло, да житко — не подымет ни звѣря, ни челоуѣка*. Наоборот, *багно* с его производными с XV в. широко представлено в юго-западной письменности: в *багны* и в *болоты* (1477 г.), в *сажавками*, *крыницями*, *болотами*, *багними*, *реками* (1596 г.) и т. п.⁸ Эти показания письменности с очевидностью свидетельствуют о том, что и в XV—XVII вв. распространение слова *багно* было примерно таким же, как и в наше время. Мы не можем допустить, что на восточнославянской почве *багно* появилось только в XV в. под влиянием польского языка. Такому предположению препятствуют урал. *багно*, арх. *багбн* (см. выше), а также и сама реалья слова: вряд ли у восточных славян была необходимость заимствовать слово для обозначения хорошо известного им предмета. По данным В. М. Мокиенко, только на территории Псковщины записано свыше 300 болотоведческих терминов с их производными (в том числе и *багно*) и почти все они исконного происхождения.⁹ Остается предполагать, что слово *багно* имелось в языке древних восточных славян. Первоначальное его значение, по-видимому, 'топь', 'трясина', и лишь позже оно стало обозначать и 'болото', затем 'растение'. Обилие синонимов приводило к перестройке локальных лексико-семантических групп (микросистем), которая в определенных случаях заканчивалась утратой того или иного члена группы. Утрата слова *багно* по крайней мере в большинстве древних северных и восточных диалектов, конечно, относится не к XV в., а к значительно более раннему времени (если учитывать стойкость диалектных ареалов наличия и отсутствия данного слова в XV—XX вв.). Мы вправе предполагать (но, конечно, только предполагать), что уже в древнюю эпоху имело место диалектное расхождение в употреблении этой лексемы.

³ Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов. (Названия рельефов). В кн.: Полесье. М., 1968, стр. 214.

⁴ В. И. Абаев считает, что слово *багульник* представляет собой контаминацию вят. *вагульник*, которое этимологически связано с осет. *шауулы* 'шиповник' и нем. *Wacholder* 'можжевельник' (вторая часть слова — *der* 'дерево', 'куст') и производных от *багно*. Основанием для этой этимологии являются, во-первых, словообразовательные затруднения в объяснении *багно* > *багульник* (от *багно* нормально *багбнник*), во-вторых, — семантика *багульник* (это полисемантическое слово означает и растения, совсем не связанные с болотом). По В. А. Абаеву, *вагульник* на русской территории раньше было широко распространено и лишь впоследствии было вытеснено контаминированной формой (В. И. Абаев). Этимологические заметки. Русское *багульник*. *Studia linguistica slavica baltica*. Canuto-Olavo Falk sexagenario a collegis amicis discipulis oblata. Lundae, MCMLXVI, стр. 1—4 отдельного оттиска).

⁵ Словарь русских народных говоров, вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 34.

⁶ В. Ф. Житников. Архаические элементы в диалектной лексике севернорусских говоров. Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Тр. 4-й зональной конференции русского языка вузов Урала, вып. 1. Пермь, 1964, стр. 123.

⁷ Хранится в Институте русского языка АН СССР в Москве.

⁸ Историчний словник українського языка, т. I. А—Ж. Под ред. Е. Тимченко. Харків—Київ, 1932, стр. 48.

⁹ В. М. Мокиенко. Славянские географические термины со значением «болото». (На материалах псковских говоров). Тыпалогія і гісторыя славянскіх моў і ўзаемасувязі славянскіх літаратур. Мінск, 1967, стр. 103—104.

Подробно рассмотрены слово *багно* и его производные в недавно опубликованных исследованиях Н. И. Толстого¹⁰ и В. М. Мокиенко,¹¹ в которых содержится много нового интересного материала и наблюдений, в общем не расходящихся с предложенной здесь историко-лингвогеографической трактовкой этого слова.

(*О*) *б о л о н ь* (*е*) 'низменное поречье, луг, пригородный выпас для скота и др.'. История этого слова с его производными (оставляем в стороне, вероятно, родственное *болон*- 'болоня' и другие значения) довольно близка к истории слова *багно*. Как и последнее, *болонь*, по-видимому, принадлежало к древнесеверной славянской диалектной зоне.¹² В современных восточнославянских языках распространение его неравномерно. Оно хорошо известно восточнославянскому юго-западу. Укр. литер. *оболбня* 'низина', *оболбнь* 'низменное место на лугу', 'низина', белор. литер. *абалбна*, *абалбнне* 'пойма'. Распространено это слово и в украинских и белорусских говорах как имя нарицательное и как топоним. Русскому литературному языку оно неизвестно, а в русских говорах встречается в основном в юго-западных областях. Основательную сводку распространения этого слова в русских говорах, а также его употребления в лексикографической традиции дает А. И. Иванова.¹³ По данным А. И. Ивановой, (*о*)*болонь(е)* в двух главных его значениях 'низменный луг', 'пойма' и 'свободное пространство между двумя городскими валами', 'городское предместье', 'площадь' и пр. фиксируется прежде всего в западных говорах русского языка, где оно выступает и как топоним (на Смоленщине А. И. Иванова нашла около 20 сел и деревень с названиями типа *Абалонье*, *Абалонка* и др.). В псковских говорах отмечены единичные случаи употребления *абалёнье* 'сырое и неудобное для покоса место', в том же значении — *абалёнье*. В картотеке Словаря русских народных говоров¹⁴ имеются зап., курск., тамб., смол. *болбнь*, *болбнье* 'заливной луг', 'низменная луговая равнина у реки или озера', жездр. *оболбнье* в том же значении. Вне распространения юго-западных говоров слово отмечается буквально в единичных случаях: нижегор. и владимир. *оболонь*. Примерно с XV—XVI вв. в направлении с запада на восток начинает распростра-

¹⁰ Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. М., 1969, стр. 154—159. Изд. 2. М.: КомКнига, 2006.

¹¹ В. М. Мокиенко. Об одной псковско-западнорусско-литовской изоглоссе (*багно*). Вопр. теории и истории языка. Изд. ЛГУ, 1969, стр. 273—279.

¹² Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 207. Впрочем, вовсе не исключено, что это слово является древнеобщеславянским. Ср. болг. *бланя* 'низина, поросшая травой'.

¹³ А. И. Иванова. К истории слова *болонье* (*блонье*). Тр. второй научно-методич. конф. Московск. зон. межвузовск. объединения кафедр русск. языка пед. ин-тов. Владимир, 1964, стр. 115—129.

¹⁴ Хранится в Словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде.

няться польская форма (*о*)*блонь(е)* (между прочим, от нее фамилия *Облонский*), которая достигает на русской территории калужских пределов. Новая форма на юго-западе во многих местах сосуществует с исконной. В Смоленске в XVIII в. плацардная площадь, позже превращенная в городской сад, получила название *Блонье*. Так или иначе, интересующее нас слово в разных его формах и с указанными или иными значениями распространено на восточнославянском юго-западе и отсутствует (или почти отсутствует) на северо-востоке. Та же картина обнаруживается и в древней и старой письменности.

Впервые слово употреблено в «Повести временных лет» под 1096 г. (в разных списках, следовательно, это употребление можно отнести к началу XII в.): *приде второе Бонякъ безбожнѣи шелудивѣи отай хищникъ з Києву везапу, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града*. Мне в свое время уже приходилось писать, что часто встречающееся в летописях слово *болонь(е)*, как правило, употребляется при описании событий, происходящих на юго-западе. Особенно часто *болонь(е)* встречается в Киевской и Галицко-Волынской летописях.¹⁵ Ср. также *болонь* в «Слове о полку Игореве». С. И. Котков продолжение его видит в *оболонье* письменных памятников Новгород-Северской земли XVI—XVII вв. и современных черниговских говоров.¹⁶ В отличие от северо-восточной письменности *болонь(е)* замечать в юго-западных памятниках XIV—XVII вв. Следует отметить, что древнерусские письменные памятники знают бесприставочную форму, тогда как в современном украинском и белорусском языках и юго-западных русских говорах чаще употребляется производная приставочная форма.

Поскольку по большей части слово употребляется в значениях 'пойма', 'открытое пространство у реки или озера' и пр., следует признать первичным значение 'пространство, окаймляющее реку, озеро' (следовательно, 'низина', 'луг у воды'; это подтверждает и этимологическое сближение *болонье* со словом *болото*), а позже — 'пространство, окаймляющее город, крепость, населенный пункт', 'выгон', 'лужайка', 'околица' и пр. Одно время слово подверглось терминологизации, начав обозначать 'пространство между двумя городскими валами', 'свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое незастроенным для удобства стрельбы по наступающим'. Это терминологизированное значение прежде всего отмечается русскими словарями XVIII—XIX вв. (сопровождается пометой «стар.»), а также и историками, которые не замечали ло-

¹⁵ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка... стр. 249—250.

¹⁶ С. И. Котков. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». Тр. Отд. древнерусск. литер. Инст. русск. литературы АН СССР, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 65 и сл.

кальность распространения слова. В 1869 г. была опубликована характерная в этом отношении заметка о слове *болонье* за подписью «Гр. У.»: «Так называлось пространство между двумя валами, которыми обыкновенно защищены были древние города... Тут бывали огороды, строения, сады и паства для скотины... Такое болонье существовало в Новгороде и во всех древних городах... В Смоленске публичный сад на середине города, возле городской стены, называется доселе Блонья. На древнем плане Новгорода, написанного назади иконы знамения Божией матери в Знаменском соборе, видно болонье с церквами, строениями и садами».¹⁷

Здесь мы имеем образец типичного смешения реалии и слова. «Болонье» в Новгороде, вероятно, существовало, но слова *болонье* древние новгородцы и их потомки не употребляли. В новгородской письменности это слово пока не отыскано.

Надо полагать, что уже в древнерусскую эпоху восточнославянская территория делилась на две диалектные зоны: юго-западную (употребление слова *болонь(е)*) и северо-восточную (отсутствие или почти полное отсутствие этого слова). Не исключено, что начало утраты слов *багно*, *болонье* и им подобных в северо-восточных диалектах относится ко времени славянского заселения северо-восточных земель (т. е. VI—VII вв. н. э.).

Буй и производные 'возвышенное место; место, где стоит церковь, и др.' Мы не будем здесь останавливаться на этимологических связях этого слова, споры о которых ведутся более ста лет и конец которых не предвидится. Для нас важно отметить, что древнее происхождение *буй* в указанном значении несомненно и без точной его этимологии. Производный от него топоним засвидетельствован в грамоте Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 г.: *повелѣлъ ѿсѣмь снѡу своѣмоу Всеволодоу ѿдати Боуицѣ стѡмоу Георгиеви съ даннѡ и съ вирами и съ продажами*. Село *Буица* упоминается в Академическом списке 1-й Новгородской летописи под 1232 г. Топониму всегда предшествует апеллятив, происхождение которого несомненно уходит в дописьменную эпоху.

Обильные сведения о значениях и распространении *буй* и его производных в современных говорах собраны в 3-м выпуске «Словаря русских народных говоров»: *буй* 'возвышенное открытое место' (весь европейский север и северо-запад, тульск., калуж. и другие области средней полосы РСФСР), 'место, где стоит церковь, обнесенное оградой' (пск.), 'церковная ограда' (калин.), 'кладбище' (пск.), 'могила' (пск.), 'гумно' (оз. Ильмень) и др., *бѹево* 'возвышенное открытое место', 'пустырь на возвышенности' (пск., олон., тобол.), 'место, обычно возвышенное, где стоит церковь', 'площадь у церкви' (пск., арх.), 'церковная ограда' (арх.),

'площадь' (олон., арх.), 'кладбище' (олон., арх., сев.-двин., волог., пск.), даже 'дом для престарелых', 'богадельня' (пск.), *бѹевице*, *бѹйвице*, *бѹеице* (арх., твер., пск., сев.), *бѹевка* (олон.), *буйк* (петерб.), *бѹице* (арх., твер., пск.) с теми же и другими взаимосвязанными значениями.¹⁸ «Из современных русских говоров только псковские знают и употребляют существительное „буй“ во многих значениях», — писал Б. А. Ларин.¹⁹ Как видно из приведенных выше материалов, это не так, но верно то, что наибольшее количество значений и все производные от слова *буй* употребляются на северо-западе, в том числе и в псковских говорах. Производные топонимы также истари отмечаются на северо-западе. Кроме упомянутого села *Буици* или *Буица*, ср. еще древненовгородское озеро *Буйце*, *Буец*.²⁰ Наиболее распространенным является значение 'возвышенное открытое место', которое и следует считать исходным (по крайней мере для данной группы значений). Его можно отнести к особенностям лексики древних северных диалектов, откуда оно могло распространиться в неопределимое время и в калужско-тульские горы. На базе этого значения стали развиваться производные, но это уже происходило только на новгородско-псковском северо-западе, как и образование производных слов. Северо-западная активизация жизни слова *буй* явно связана с распространением христианской религии, также городским строительством ('место, где стоит церковь', 'кладбище у церкви' и пр.). Эта новая жизнь слова ориентировочно началась в X—XI вв., а с XII в. нашла свое отражение в письменности. Значения *буй* и производных в новгородско-псковских текстах не поддаются точному определению (ср. в позднем списке грамоты князя Всеволода до 1136 г.: *а бѹевице Петрятино дворище от прежнихъ дверей святаго великаго Ивана до погребя*, в 1-й Псковской летописи под 1438 г.: *того же лѣта здѣлаша притвор новым у святаго Богоявленья и буй намостиша за Домантовою стеною* и т. п.), но совершенно очевидно, что они относятся к кругу реалий церковного и городского строительства.

На северо-западе продолжает сохраняться и старое значение. Б. А. Ларин приводит пример из «Моления» Даниила Заточника: *дивья за буйномъ кони паствити*²¹ 'что особенного за холмом коней пасты'. В. И. Максимов, проверивший употребление слова *буй* и его производных по картотеке ДРС, отмечает его наличие в северо-западных письменных памятниках XV—XVII вв.²²

¹⁸ Словарь русских народных говоров, вып. 3. Л., 1968, стр. 249—250, 260.

¹⁹ Б. А. Л а р и н. Из истории слов. Буй — погост. В сб.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, стр. 6.

²⁰ Н. В. П о д о л ь с к а я. Топонимика Новгородской земли по данным новгородских письменных памятников XI—XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1956, стр. 9.

²¹ Б. А. Л а р и н. Из истории слов, стр. 6.

²² В. И. М а к с и м о в. Местная лексика в Псковской первой летописи. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958, стр. 183—184.

¹⁷ Тр. Московск. археол. общ., т. II, вып. 1. М., 1869, стр. 16.

Взводъ, възводъе 'подъем воды на реке вследствие сильного ветра против течения'. В Синодальном и других списках 1-й Новгородской летописи под 1176 г. сообщается, что *виде Вълхово опять на взводък по еднии*. Берега Волхова невысокие, поэтому подъем воды в реке угрожал новгородцам неприятностями. Это событие оказалось достойным внимания летописца, что сохранило нам одну из лексических особенностей древнего новгородского диалекта. Конечно, слово существовало в этом диалекте раньше его случайной письменной фиксации. Повторение его в 1-й Новгородской летописи под 1415 г. (*иде вода на взводъ*) и распространение в современных севернорусских говорах — потомках древненовгородского диалекта — показывает, что это слово было не окказиональным, а общеупотребительным. Как указывает А. И. Федоров, в других восточнославянских диалектах подъем воды на реке обозначался совершенно иначе (*бысть вода велика, наводие* и др.).²³ Современное новг. *взбда* 'сильная волна на реке при ветре против течения', *плыть на взвод* 'плыть против течения',²⁴ *взвод* 'волна' (сев., олон.), *взводень* 'высокая большая волна' (арх., мурман., сиб., тихв., петрозаводск.), 'сильное волнение на море' (арх., беломор., олон.), 'прибой' (арх., сиб., камч.), 'зыбь на море' (арх., сиб., камч.), 'порог на реке' (пинеж.), 'пруд с мельницей' (пинеж.), *взвѣдень* 'волнение на реке или озере' (яросл.), *взвѣднице* 'большая волна', 'сильное волнение' (Максимов, Год на севере), *взводневатый* 'волнистый', 'бурливый' (сев., олон.),²⁵ *взбдены* 'штормовое состояние на море или озере', 'высокие волны на реках' (арх., помор.), *взбдны* 'высокие волны на реках' (арх.).²⁶ Форма *взвѣдень* проясняет этимологию слова: *възводъ, възводъе* образовано от *възводити(ся)* 'поднимать(ся)' — хорошо известное в этом значении в древнерусском языке. *Възводъ* 'подъем (применительно к движению воды)', отсюда 'большая волна' и пр. Как известно, для древних новгородцев судоходство и рыбная ловля имели очень большое значение с самого начала их поселения в бассейне озера Ильмень и на Волхове. Можно полагать, что *възводъ, възводъе* образовались немного времени спустя после их прибытия с юга в указанную область.

Га й 'роща, небольшой лес'. Слово появляется в письменности только на рубеже XIII—XIV вв.: *село съ землею съ гаѣ и съ дубровами* (жалованная грамота галицкого князя Льва до 1301 г.),²⁷ однако ввиду его широкого распространения в других

славянских языках (польск. *gaj*, ст.-чешск. *haj*, чешск., словацк. *háj*, кашуб. *gój*, полабск. *goj*, н.-луж. *gaj*, в.-луж. *haj*, словенск. *gáj*, сербохорв. *gaj* 'роща', 'лес') можно не сомневаться в том, что слово это восходит к праславянской древности. В настоящее время оно широко известно в украинском и белорусском языках (как в литературной сфере, так и в диалектной речи).²⁸ В русском литературном языке, как и в большинстве русских говоров, этого слова нет. Имеется *гай* в воронежских, тамбовских, донских, курско-орловских, брянских, смоленских и некоторых других русских южных и западных говорах преимущественно в значении 'лиственный (не хвойная) роща', 'небольшой лиственный лесок'.

По данным «Историчного словника українського языка» (т. I), слово *гай*, уменш.-ласк. *гаєк* начиная с XIV в. обычно в юго-западной письменности: *это кому шкоды чинять у гаи а любо въ мѣстѣх* (1349 г.), *от Бреховича дубья по долъшии конць Деречину гайку* (1349 г.) и т. п. Употребляются и производные *гаевище* 'место, где был гай', *гаевникъ* 'лесной сторож', *гаевщина* 'плата, которую брали за пользование гаем', *гаевый* 'относящийся к гаю', появляющиеся в разное время в староукраинских памятниках. Наличие значительного числа производных ясно говорит о жизненной важности слова. *Великий гай* — 'большая роща, лес' (в молдавских грамотах XIV—XV вв.).²⁹ В условиях юга *гай, гаєк* — обычно 'небольшой лиственный лес'.³⁰ Распространено это слово и в старобелорусской письменности.

Совершенно иначе обстоит дело в северо-восточной письменности, в которой слово *гай* отсутствует. В картотеке ДРС имеются три цитаты из юго-западных источников и в переводе с польского языка: *дали есмо и записали землю церковную... а за болотомъ сеножатъ подъ Лисичымъ гаемъ* (жалованная грамота Свидригайла Ольгердовича 1403 г.), *а есть ли бы дома и хutory, гаи, сады, займища, огороды, сѣножати и мѣста казацкія какую поруку и шкоды отъ ратныхъ людей поносили* (грамота XVII в. Коллегии иностранных дел), *приидоша въ нѣкий гай* (Великое зеркало, перевод с польского, сделанный в Москве в 1677 г.). И это все. Если кому-либо на северо-востоке было известно слово *гай*, то оно обозначало чуждое, иноземное понятие. Единственное свидетельство употребления слова *гай* на северо-востоке засвидетельствовано в рязанской грамоте 1522 г. (по списку XVII в.), в которой упоминается урочище *Елфимов Гай*. По-видимому, это один из самых северных пунктов ареала слова *гай*.

²³ А. И. Федоров. Диалектные слова древненовгородского происхождения в составе современных русских говоров Сибири. Изв. Сибирск. отд. АН СССР, Сер. общ. наук, № 6, вып. 2. Новосибирск, 1967, стр. 107.

²⁴ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 256.

²⁵ Словарь русских народных говоров, вып. 4. Л., 1969, стр. 247, 250.

²⁶ А. И. Федоров. Диалектные слова. . . , стр. 107.

²⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 508.

²⁸ Подробные сведения об употреблении этого слова и этимологические соображения о нем см. в кн.: Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология, стр. 48—56.

²⁹ Н. С. Антошин. Состав молдавских грамот XIV—XV веков. Научн. зап. Ужгородск. гос. ун-ва, т. XXVIII. Языковедение, 1957, стр. 87.

³⁰ М. Л. Худаш. Ландшафтні назви в пам'ятках української актової мови XIV—XV ст. В кн.: Дослідження і матеріали з української мови, т. V. Київ, 1962, стр. 147.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что локальное употребление слова *гай* является устойчивым с давних времен (по письменным источникам с XIV в.). Можно с уверенностью предполагать, что *гай* было диалектизмом значительно раньше XIV в. По-видимому, славянские племена, продвигавшиеся с юго-запада на северо-восток, постепенно забывали это слово, поскольку отдельно стоящие листовые рощи не были характерны для северо-восточного ландшафта.

Глей (< *glъjъ) 'глина, ил'. О. Н. Трубачев, подробно разобрав этот термин и связанные с ним названия глиняных сосудов, пришел к выводу, что изогlossы этой группы слов делят восточнославянскую территорию на юго-западную (слова имеются) и северо-восточную (слов нет) зоны, причем это деление является древнейшим, уходящим в глубокую праславянскую древность.³¹ Предположение об очень древнем возникновении указанных диалектных зон не исключено, но доказать его невозможно, тем более что славянское заселение северо-восточных земель произошло в сравнительно позднее время (VI—VII вв. н. э.). Было ли *glъjъ диалектным на среднеднепровской славянской прародине — об этом судить мы не можем ввиду полного отсутствия данных.

Однако диалектный характер *glъjъ и связанных с ним слов в раннюю древнерусскую эпоху представляется вполне вероятным. Первые примеры на употребление *глькъ*, *глькъ* 'глиняный сосуд' приходятся на южнорусскую письменность XII в. (киевское Мстиславово евангелие начала XII в. и др.), свидетельствуя о раннем существовании этих слов, в том числе и *glъjъ. Слова *глькъ*, *гльчикъ*, *гльчокъ* и др. обычны в юго-западной письменности XIV—XVII вв. и нехарактерны для письменности северо-восточных областей. Устойчивое юго-западное употребление указанных слов сохраняется и в наше время: укр. *глей* 'глина', 'ил', *глек* 'кувшин', *гльчик* 'кувшин', 'крынка', 'кувшинка (водяная лилия)', *глюватий* 'глинистый', 'клейкий', 'вязкий' и др.; белор. *глей* 'ил', 'вязкая глинистая почва', *глейкі* 'илистый', *глек* и *гльк* 'кувшин' и т. п.

Распространение *глей*, *глек* и пр. не ограничивается украинским и белорусским языками — слова эти известны и в ряде русских говоров. Ср. курско-орл. *глей* 'клейкая глина', 'грязь', 'ил на дне реки', брянск., смол., торопецк. *глей* 'ил'. *Глей* и производные проникают в русскую техническую литературу (*глеевый* горизонт, *глеевые* почвы и др.) и отчасти в литературу художественную («Рыжая земля возникает под подолом, а еще ниже — серый *глей*», Сафонов, Земля в цвету, и пр.). *Глек*, *гльк*, *гльчик* 'горшок с носиком', 'кувшин для молока' и др. зафиксированы в брянских, курских, смоленских, самарских, орловских

³¹ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 218.

и некоторых других южных и западных русских говорах. Любопытны формы *гльж* (смол.) и *глейчик* (орл., док.). Особняком стоит часто встречающееся в псковских говорах *гльжк* 'умывальник (обыкновенно глиняный)'. Восточнее пролива между Чудским и Псковским озерами имеется деревня под названием *Гологльж*. В «Раздельной Спасо-Мирожского Монастыря» XV в. упоминается топоним *Гльй*, который имеет отношение к нашей группе слов. Следовательно, *glъjъ и пр. были не чужды псковскому, а может быть, и новгородскому северо-западу. Однако подавляющее большинство русских говоров, как и древняя северо-восточная письменность, этой группы слов не знают. Их изогlossы издревле пересекали восточнославянские земли по направлению с крайнего северо-запада на юго-восток, но эти изогlossы не совпадают с теперешними границами восточнославянских языков. К сказанному нужно добавить, что этимологическая связь между *glъjъ, *глькъ* и пр. ввиду особенностей вокализма продолжает оставаться неясной.³² Во всяком случае изогlossы *glъjъ и *глькъ* и пр. очень близки или совпадают.

Ирий, *ирей* 'теплые страны, откуда прилетают птицы'. В древнерусской письменности слово встретилось единственный раз в «Почении» южанина Владимира Мономаха, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1096 г.: *и сему ся повидуемы* [=подивуемы] *како птица нбсны изъ ирья иду*³³. Этимология *ирий* продолжает оставаться загадочной, спорно и его иранское происхождение. Одна из последних заметок Ф. Ойнаса мало что проясняет в этом вопросе.³⁴ Несомненно одно: слово это древнего происхождения. Ввиду отсутствия «внутренней формы» *ирий* в народной этимологии стало сближаться с сочетанием *вы+рай* или же приставка слилась с корнем (*съ ирий*), откуда поздние формы *вырай*, *вырий*, *вырей*.

Позже это редкое слово встречается на юго-западе. Ср. в украинском Сборнике духовных и светских песен XVIII в.: *Синиць... живут в мирѣ а не идуть оу вирій*,³⁵ совр. укр. (фольклорное и поэтическое) *вирій*, редко *ірій* 'теплые края', диал. *ирий*, *вырай*, также *ириця* 'птица, возвратившаяся из зимнего отлета',³⁶ белор. *вырай* 'теплые края' (*птички ляцяць у вырай*), 'стая перелетных птиц'. В. И. Даль образно раскрывает значение южного и украинского слова: «Какой-то сказочный, загадочный край; земной

³² См. одну из попыток этимологизировать слово *глькъ* в заметке: Е. Гавлова. Слав. *глькъ* 'кувшин'. В сб.: Этимология. 1966. М., 1968, стр. 97—99.

³³ Felix J. Oinas. Notes on Russian Etymologies, II. *Lingua viget*. Helsinki, 1965, стр. 105—106.

³⁴ Историчний словник українського язика, I, стр. 255.

³⁵ С. П. Бевзенко. До характеристики складу лексики українських діалектів. Наук. зап. Ужгородськ. держ. унів., Діалектол. вб., вип. 2, 1957, стр. 175.

рай, теплые страны; волшебное царство; перелетная птица летит в *вырей*; даже змеи, около воздвиженья, уходят в *вырей*; туда спускается, временем, зверь, целыми косяками, от злого лешего, проигравшего например всех зайцев своих в карты другому лешему, и перегоняющему их без толку на новые места; почему зверь является и исчезает годом без видимой причины». ⁸⁶ Ю. Тойвонен отмечает, что вера в сказочные южные края была широко распространена у народов Евразии и Северной Америки и что истоки ее уходят чуть ли не в палеолитическое время. ⁸⁷ Во всяком случае в представлении об ирии—вырее сохранились явные отзвуки славянской языческой религии.

На русской территории пока отмечено редкое курское *вырей* 'жаворонок', которое связано с юго-западным *ирий*, смол. 'всякая птица, улетающая на зиму'. ⁸⁸ Правда, М. Спасский записал в 1850 г. в говоре Тороповского прихода Котельнического уезда Вятской губернии: ⁸⁹ «*ирей* — сильный ветер, почти что вихрь. *Иреем* ветер называется только тогда, когда раскрывает разные строения», однако запись эта единична и к тому же отношение вят. *ирей* к юго-западному *ирий* неясно. Можно полагать, что др.-русс. *ирий*, *ирей* было одним из древних лексических диалектизмов восточнославянских племенных диалектов.

Лимень 'лиман, пристань' (< греч. λιμνη, ср.-греч. λιμνας, λιμενιο). Это раннее заимствование из греческого языка получило свое распространение в древних южнорусских диалектах. В известии Владимира на Корсунь сообщается: *и ста Володимеръ объ онъ полъ города в лимени дали града стрѣмиче едино* (Лаврентьевская летопись, 988 г.). Слово имеется и в некоторых других южнорусских памятниках. Вот что пишет о нем Б. Л. Богородский: «Принесенный в Причерноморье за 400—300 лет до нашей эры греками, отразившийся в древнейших крымских географических названиях (*Kalós limén, Sindikés limén*), термин рано был заимствован из языка причерноморских греков живой русской речью, отразился в языке фольклорных произведений, оказавших влияние на „Корсунскую легенду“, внесенную летописцем Никоном в „Повесть временных лет“, проник, по-видимому, раньше всего в Чернигов (Житие и хождение Даниила игумена, 1946 ~ 1107 г.), а потом уже в Киев, где имел книжный характер, выступая в языке переводных сочинений (Хроника Георгия Амартола, История Иосифа Флавия). Варианты *лимѣнь* и *лимѣн* до сих пор сохраняются в украинском языке, а из рус-

ского выпали в начале XVIII в. Пришедший им на смену *лимѣн* не проник ни на север, ни на северо-запад, где был в обращении русский термин *пристань*, а позже — интернациональный *гавань*. Лишь в последнее время *лимѣн*, приобретя дополнительное значение — 'залив, богатый лечебными грязями', вошел в широкий литературный оборот». ⁴⁰ Мы не знаем, проникло ли это слово сначала в Чернигов, а затем в Киев. Скорее, наоборот: истоки «Корсунской легенды» восходят к концу X в. Для нас важно, что слово стало употребляться в древних южнорусских диалектах. Южнорусы постоянно общались с населением Черноморского побережья по крайней мере с IX в., и черноморские лиманы, пристани и морские бухты были для них не в диковинку. В походах на Черное море, как известно, принимали участие и жители севера, но их связи с черноморским побережьем были непостоянными. Во всяком случае в древнегородских и иных северных памятниках слово *лимѣнь* не отмечено, что указывает на его явную южную локализацию. В более поздних северных памятниках *лимѣнь*, *лимен* были чисто книжными словами. ⁴¹ Онежское *Лимень* 'озеро Ильмень' является переделкой названия *Ильмень* и к греческому заимствованию не имеет никакого отношения. ⁴² То же нужно сказать и о *лименеу* 'луг, заливаемый в весеннюю пору водой', встретившемся в посадской книге Хлынова, 1629 г. (*лименеу* < *ильменеу*).

Пуца 'густой дремучий лес, лесные заросли'. Это слово (из *rustja), известное и в западнославянских языках (ср. польск. *puszcza* 'пуща', 'бор', 'девственный дремучий лес', 'лесной массив'), первоначально означало пустое незаселенное место, какими и были огромные древние восточнославянские леса. Это первичное значение сохранилось в «Русской Правде»: *аже погубятъ слѣдъ на гостиницѣ на велицѣ, жєла не будетъ, или на пуци, гдѣ не будетъ ни села, ни людий, то не платити тядбы, ни продажи* (Академический список, в других списках — на *поустѣ*, на *пустынѣ*). ⁴³ Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет: *а се в Черниговѣ дѣялъ есмь. конь дикихъ своима рукама связалъ есмь. в пуцах 10 и 20 живых конь* (Лаврентьевская летопись, 1096 г.). Это довольно точное свидетельство об употреблении слова *кужанином* в применении к черниговским лесам. Позже слово *пуца* в юго-западных памятниках обычно, ⁴⁴ причем к лесам разного

⁴⁰ Б. Л. Богородский. Русская судоходная терминология в историческом аспекте. Автореф. докт. дисс. Л., 1964, стр. 21.

⁴¹ Б. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Повести временных лет» (*лимѣнь* — гавань). Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958, стр. 157.

⁴² Об *ильмень* и пр. см. комментарий Г. П. Блока в кн.: Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М.—Л., 1963, стр. 388—389.

⁴³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стр. 1742.

⁴⁴ М. Л. Худаш. Ландшафтні назви. . ., стр. 147.

⁸⁶ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1956, стр. 310—311.

⁸⁷ У. Н. Тойвонен. Pygmäen und Zugvögel: Alte kosmologische Vorstellungen. Finnisch-Ugrische Forschungen, XXIV. Helsinki, 1937, стр. 86—126.

⁸⁸ Словарь русских народных говоров, вып. 4, стр. 292.

⁸⁹ Архив Всесоюзного географического общества, шифр 10. 1. 28, л. 4.

типа, ср. в «Животах святых отцев» XVII ст.: *Макарий... ишол до пуци багнистой* (=до болотистого леса). В украинском и белорусском языках (литературных и говорах) *пуца* также обычное слово. Иначе обстоит дело на северо-востоке. Слово *пуца* в северо-восточной письменности появляется только в XVII в. как явное заимствование из украинского и белорусского языков. В картотеке ДРС имеются выписки, содержание которых говорит само за себя: [государь в Нежине] *въ лѣсѣхъ и пуцахъ лѣсъ на строенъе города имати велѣлъ* (1669 г.), *и волохи расположились къ Вилнѣ и х Ковнѣ и къ пуцѣ* (XVII в.), *от Минска къ Борисову и отъ Борисова къ Днѣпру великія пуци* (письмо Меншикова к Петру, 1707 г.), *да за Нѣмономъ пуцѣ сыскалъ дѣланого поташу 35 бочекъ* (1660 г.). Ясно, что для русских XVII—XVIII вв. пуцами были только украинские и белорусские леса.

Современные русские говоры слово *пуца* не знают. У Даля стоит при нем помета: «стар. юж. зап.» В картотеке «Словаря русских народных говоров» нашлось всего две записи: *пуца* 'лесная трущоба' (Ельнинский и Красненский уезды Смоленской губ.), 'чащоба в лесу' (муром.). В истолковании здесь нуждается только совершенно одиночное муромское *пуца*. Может быть, оно было занесено когда-то в муромские леса юго-западными поселенцами. И. И. Срезневский приводит еще орл. *пуца* 'лес'.⁴⁵ Таким образом, слово *пуца* уже на начальном этапе истории древнерусского языка было юго-западным лексическим диалектизмом.

Рѣнь 'песчаная отмель, песок, гравий'. Слово это известно только из статьи «Повести временных лет» под 988 г., в рассказе о свержении Перуна в Киеве: [Перун] *проиде сквозѣ пороги и изверже и вѣтрѣ на рѣнь и оттолѣ прослу Перуна рѣнь*. Очень характерно, что это слово в различных списках «Повести» подвергалось «исправлениям»: *рѣцѣ*, *рѣкѣ* (Лавр., Летопись Авраамки, Голицынский список 4-й Новгородской летописи), *рѣль*, *рѣль* (списки Академический и Публичной библиотеки 4-й Новгородской летописи), *на раніе* (Львовская летопись) и др. — переписчики из равных областей Руси не понимали слова *рѣнь*. Между тем это древнее слово (не чуждое и другим славянским языкам: сербохорв. диал. (икавское) *рина* 'песок'; польск. диал. *геі*, *гуі*, *гунја* 'мель', 'песчаная отмель', 'низкий берег (Днепра)' заимствованы из украинского языка) в южных диалектах продолжало существовать и дожило до наших дней: укр. литер. *ринь*, собир. *риння* 'крупный песок', 'гравий', реже 'галька', *ринявий*, *ринистий* 'земля с крупным песком, гравием' и др.,⁴⁶

⁴⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 1742.

⁴⁶ И. О. Дзендзелівський. Сільськогосподарська лексика говорів Закарпаття. *Studia slavica*, т. X, 1—2. Budapest, 1964, стр. 37—38.

риняк 'рень', *риняний*, *ринуватий*, *ринець* 'птица нырок' (харьк.), *ринник* 'водяной воробей',⁴⁷ другие производные — *ринячина*, *ринсько*, *ринище* и пр. Чаще всего слово встречается в западно-украинских говорах. За украинскими пределами не найдено никаких следов слова *рѣнь* ни в древней и старой письменности, ни в современных говорах. По-видимому, это слово было одним из древнейших лексических диалектизмов на восточнославянской территории. Первым на его древний диалектный характер указал А. Е. Крымский.⁴⁸ О. Н. Трубачев относит его к «сербохорватско-украинским изолексам».⁴⁹ Предположение К. Тэрнkvист о заимствовании слова *рѣнь* из древнескандинавского языка⁵⁰ ввиду икавского *рина* 'песок' исключается. Польский лингвист М. Юрковский в своей очень полезной книге «Українська terminologia hydrograficzna» считает, что слово *рѣнь* является «праславянским южнорусским диалектизмом».⁵¹

Соломя 'пролив, проток, проход между двумя островами' (<зап.-финно-угор. *salmi*). В севернорусской письменности слово встречается только с конца XIV в.: *пойдетъ миза... въ большое соломя въ прямѣ на трубу, а съ Куко озера съ большаго соломяни на тетеревиный мохъ* (Обводная межевая запись 1391 г.),⁵² однако вошло оно в словарный состав северных и северо-западных диалектов еще в то время, когда формировалось первое полигласие, т. е. не позже VII—IX вв. А. А. Шахматов относил это заимствование даже к эпохе праславянского языка,⁵³ но ввиду полного отсутствия этого слова во всех других славянских областях, кроме севернорусской, эту гипотезу принять нельзя.⁵⁴ Позже финск. *salmi* было заимствовано вторично, но уже в форме без полногласия, арх. *сѣлма*. По данным картотеки ДРС, это слово в севернорусской письменности XVI—XVII вв. употребляется

⁴⁷ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка... стр. 255.

⁴⁸ А. Е. Крымский. Древнекиевский говор. СПб., 1907, стр. 28.

⁴⁹ О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи). *Славянское языковедение*. Докл. сов. делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 188.

⁵⁰ K. Thörnqvist. Nordische Lehnwörter im Russischen. *Zeitschr. für slavische Philologie*, VIII, 1931, стр. 428—432.

⁵¹ Marian Jurkowski. *Українська terminologia hydrograficzna*. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971, стр. 109. Если бы мы могли учесть распространение всех восточнославянских гидронимических (и иных) терминов, количество выявленных древних лексических диалектизмов несомненно возросло бы во много раз.

⁵² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стр. 461.

⁵³ А. А. Шахматов. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. *Изв. АН*, № 10, 1911, стр. 808.

⁵⁴ Г. А. Богатова. Из истории существительных среднего рода -мя в древнерусском языке. *Вопр. истории русского языка*. М., 1959, стр. 154—155.

исключительно в форме *салма*.⁵⁵ В современных русских говорах *соломя* является архаизмом, встречающимся редко, но важно отметить, что оно известно не только на севере, но и на северо-западе: торжк. *солбмя* 'проток', *солбменный* 'проточный', то же то-ропецк., проточное озеро в Торопце называется *Соломено* (букв. 'Проточное'). Слово *соломя* было заимствовано северными славянскими поселенцами, когда они достигли верховьев Волги, Днепра и Западной Двины. Наличие разных ударений: *сблomia*, *солбмя* и *соломя* указывает на длительную историю слова на восточнославянской почве.

* * *

Мы привели здесь только небольшую часть названий явлений неживой природы и особенностей ландшафта, бывших лексическими диалектизмами в древнерусскую эпоху. На самом деле их было значительно больше. Дальнейшие исследования нарицательных имен и образованных от них топонимов должны значительно расширить круг этой диалектной лексики. Уже теперь на этот счет можно (конечно, с оговорками) делать некоторые предположения. Укр. *багáття* 'костер', диал. 'огонь', белор. *багáцце* — то же, дон., воронеж. *багáтье* 'огонь' (по Далю, «более употребительное об огне, еще не вырубленном или тлеющем под пеплом») не попало в древнерусскую письменность и не имеет себе соответствий в других славянских языках. Однако если верно сближение его с греч. φάω 'жарю', 'поджариваю', др.-в.-нем. *bahhan* 'печь', то это слово принадлежит к древнейшему лексическому пласту. О. Н. Трубачев уверенно относит это слово к «праславянским диалектизмам».⁵⁶

Только с XIV в. в северной письменности начинает употребляться слово *врагъ*, уменьш. *вражекъ*, позже *оврагъ* 'овраг'. Ср. в 1-й Софийской летописи под 1372 г.: *сташа протишу себе обѣ рати, и литовская и московская; въоружася, а промежи ими врагъ крутъ и глубокожъ зѣло, не лзѣ бѣ полкома толь борзо снятися на бой, и бѣше им врагъ той въ спасение*. Слово *врагъ* было широко распространено на территории современного русского языка. Оно довольно обычно в северной и московской письменности, довольно рано вошло как часть составных топонимов, например в Новгородской земле.⁵⁷ Теперь почти всюду господствует форма *овраг*, но следы первичной формы встречаются в разных местах: *Сивцев вражек* в Москве, *Враг* — название погоста на Псков-

щине⁵⁸ и т. п. В то же время *врагъ*, *оврагъ* отсутствуют в украинском и белорусском языках и в ряде юго-западных русских говоров. На украинско-белорусской территории вместо этого слова употребляются *яр*, *яруга*, *роў*, укр. *байрак*, *балка* и др. Я. А. Спринчак, сравнивая лексику «Духовных и договорных грамот»⁵⁹ и «Актів социально-экономической истории»⁶⁰ с лексикой «Українських грамот»,⁶¹ в число русско-украинских лексических расхождений включает и *врагъ*, *вражекъ* — *яръ*.⁶² Производное от *яръ* — *яруга*, как известно, употреблено автором «Слова о полку Игореве» (*яругы имъ знаеми*) и др.). Наличие слов *яръ*, *яруга* в южнославянских языках (польск. *jar* 'овраг', 'лощина', *jaruga* 'топь', 'трясина', 'водоминона', вероятно, заимствованы из украинского языка), по-видимому, говорит о раннем заимствовании из тюркских языков (тюрк. *jar*, *jarug*). Заимствованное (у печенегов, половцев?) *яръ* широко распространилось на восточнославянском юго-западе. Известно оно в значении 'овраг' (русс. *яр* 'крутой, обрывистый берег реки, озера' — позднее заимствование) и в некоторых (курско-орловских, частично тульских и др.) русских говорах. Как назывался овраг на восточнославянском юго-западе до распространения там слова *яр*, нам неизвестно. Может быть, это слово вытеснило там исконное *врагъ* (<*vragъ)? Сомнительно. Во всяком случае можно предполагать, что противопоставление *врагъ*—*яръ*, *яруга* существовало уже в XI—XII вв. Иначе что могло помешать распространению *яръ* далее на север?

Продвигаясь из среднеднепровских земель на север, славянские племена познакомились с открытыми водными пространствами (Ильмень, Чудское озеро, далее Ладога и т. д.). Получили ли эти открытые водные пространства уже в VII—IX вв. свое особое обозначение, мы не знаем. Специальное слово *голомя* (род. пад. *голомыи*) в письменности появляется только в XVI в. Ср. в псковской писцовой книге 1586 г.: *а исацкие рыбные ловцы въ голомя къ голомянымъ ловцомъ съ масленого заговѣнья, рыбы ловить не едять же*. По наблюдению Г. А. Богатовой, *голомя* 'открытое водное пространство, удаленное от берега' преимущественно распространено в севернорусских областях,⁶³ но известно также в псковской и московской письменности. Обращает на себя вни-

⁵⁵ А. И. Лебедева. Значение топонимии для исторической диалектологии. (По материалам топонимии Псковской области). Очерки истории языка. Уч. зап. ЛГУ, № 267, Сер. филол. наук. Л., 1960, стр. 172—173.

⁵⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

⁵⁷ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I. М., 1952.

⁵⁸ Українські грамоти, т. I. Под ред. В. Розова. Київ, 1928.

⁵⁹ Я. А. Спринчак. К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV вв. ВЯ, 1956, № 6, стр. 118.

⁶⁰ Г. А. Богатова. Из истории существительных среднего рода. . . , стр. 151, 153.

⁵⁵ Д. Н. Шмелев. Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности. Вопр. слав. языкозн., вып. 5. М., 1961, стр. 198.

⁵⁶ О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря, стр. 171.

⁵⁷ Н. В. Подольская. Топонимика Новгородской земли. . . , стр. 9.

мание наличие в XVI—XVII вв. производных форм *голомянъ, голомень, голомянный, голоменный*, мн. *голомяни, голомени*, что свидетельствует о жизни слова на русском севере и северо-западе. Если правильно сближение с лит. *gelmė, gilmė* 'глубина', латыш. *dzelme*, лит. *gilūs* 'глубокий', то мы имеем дело с древним диалектным праславянским именем с основой на **-men* (*golmen), которое было применено словенами и кривичами для обозначения открытого водного пространства, обычно глубокого.

Для исторической диалектологии древнерусского языка представляет интерес употребление и распространение слова *губа* 'залив', 'бухта'. В письменности слово известно только с XIV в. (ср. в Обводной межевой записи 1391 г.: *островъ, что надо Уной губой*), но можно не сомневаться в том, что оно в этом значении возникло значительно раньше: оно широко распространено в новгородско-псковской и северной письменности XV—XVII вв., причем часто выступает уже в значении гидронима. Оно является древним метафорическим преобразованием общеслав. *гъба* 'губа', 'рот' и пр. (наименование по сходству, ср.: *хръбѣтъ* 'горный хребет', первоначально 'спинной хребет' и пр.; в говоре д. Селино Тульской области *Матвеева губочка* 'луг, образуемый крутым изгибом реки; похож на выпяченную губу'). Если в настоящее время *губа* обозначает заливы только северных водоемов и Балтийского моря (ср. *Лужская губа*), то раньше в языке севернорусского населения это слово применялось к любым заливам и бухтам: *а от Саяна 30 верст город Бака на берегу в губе Хвалымского моря* (Книга Большому Чертежу, 1627 г.), *Китайское государство стоит на край губы морские* (Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.) и т. п. В Московской Руси слово входит в состав официальной терминологии.

В связи с северными диалектизмами типа *соломя, голомя, губа* и др. встает вопрос о некоторых предположительно ранних заимствованиях из финно-угорских языков, обозначающих особенности природного ландшафта: *согра, лыва, сельга* и т. п. Действительно ли подобные слова являются поздними заимствованиями XIV—XVII вв., или они были усвоены раньше, когда начались тесные связи славян с финно-угорскими племенами севернее Днепра? Возьмем для примера слово *курья* 'узкий речной залив'. В настоящее время *курья* (реже *кърья*) широко распространено в северновеликорусских говорах к востоку от Череповца, на Урале и в Оренбуржье, в Сибири вплоть до Чукотки и Камчатки в значениях 'узкий речной залив', 'старика', 'проток', 'небольшая речка', 'лужа, остающаяся после весеннего разлива', 'мелкое озеро', 'заводь', 'сенокос на островке' и т. п. (в картотеке «Словаря русских народных говоров» много десятков карточек на это слово). Производные от этого слова *курейка, курка* — в тех же значениях. В свое время Калима полагал, что слово *курья* было заимствовано из коми *курья* 'залив', а Вихман, наоборот, считал

комийское слово заимствованием из русского. По мнению А. К. Матвеева, «не исключено, что заимствовано из какого-то вымершего финно-угорского языка, ср. в топонимике бассейна Северной Двины названия *Веишкурье, Устькурья, Вондокурье* и др. (указано А. И. Поповым)»⁶⁴ Если заимствование было произведено на Северной Двине или тем более из коми языка, оно не может быть древним, поскольку славяне начинают расселяться на Северной Двине и восточнее в XI—XIV в. Однако известно, что движение диалектов в северных областях шло (в соответствии с направлением миграции) с запада на восток, а не наоборот. Слово *курья* 'залив', между тем, засвидетельствовано в Смоленской летописи Авраамки под 1419 г., в ряде собственно новгородских документов XIV—XV вв., в повгородской топонимике того же времени (*Великая курья, Малая курья, Рыболовья курья* и т. п.), следовательно, в древнерусскую эпоху оно было известно и в северо-западных землях. Это обстоятельство исключает возможность заимствования этого слова в северо-восточных областях. Можно предполагать, что слово *курья* было заимствовано «из какого-то вымершего финно-угорского языка» во время первых контактов славян с западными финно-уграми.

Возникновение лексических диалектизмов такого рода происходило и на крайнем восточнославянском юго-западе, причем исследователи уже не раз отмечали общность окраинной юго-западной лексики с лексикой южнославянских языков.⁶⁵ В. М. Иллич-Свитыч относит к этому разряду диалектизмов **děľь, *polńь, *polńina, *ryra* и некоторые другие слова, которые появились в языке восточных славян во время проникновения славянских племен в восточные районы Северных Карпат.⁶⁶ Как считает Б. В. Кобылянский, данные диалектизмы могли возникнуть и во время контактов восточнославянских диалектов с южнославянскими эпохи первого Болгарского царства (X—XI вв.), когда владения этого царства достигали Карпат, а также в XI—XII вв., когда земли Галицкого княжества простирались до Черного моря и Дуная.⁶⁷ Во всяком случае можно считать, что диалектизмы **děľь, *polńina* и др. довольно древнего происхождения. *Дěľь* 'гребень горы' (именное образование к *děľiti). Совр. укр. (гугульское) *дїл* 'горная цепь, хребет', польск. (прикарпатское) *dziat* 'взгорье', 'гора' и др. связаны с болг. *дѣл* 'гребень горы',

⁶⁴ А. К. М а т в е е в. Финно-угорские заимствования в русских говорах северного Урала. Уч. зап. Уральск. гос. унив., вып. 32. Свердловск, 1962, стр. 26—27.

⁶⁵ Б. В. К о б и л я н с к и й. Лексичні паралелізи в українських і болгарських говорах. XII республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей. Київ, 1965, стр. 139.

⁶⁶ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. (Географический ландшафт). Изв. Отд. литер. и языка, вып. 3, 1960, стр. 222 и след.

⁶⁷ Б. В. К о б и л я н с к и й. Лексичні паралелізи... стр. 141.

‘водораздел’, ‘перевал’, ‘холм’, серб. (диал.), *dijel* ‘склон горы’, серб. *dlo* ‘холм’, ‘гора’. Слово нередко встречается в украинско-молдавских грамотах XIV—XV вв.⁶⁸ В настоящее время оно употребляется и как топоним: *Дил*, *Дилок*, *Великий Дил*, *Бесоватый Дил*, *Черный Дил*, *Долгий Дил*.⁶⁹

Полонина ‘горная равнина, пастбище на вершинах гор’. В таком значении слово употребляется теперь в украинских гуцульских говорах. Как отмечает В. М. Иллич-Свитыч, слово неизвестно в русском, белорусском, украинском (кроме закарпатских говоров), нижнелужицком языках и, по-видимому, в северопольских диалектах, т. е. на всем славянском севере, в то время как оно обычно в южнославянских языках. Южн.-слав. **plani* (>румын. *platu*) ‘безлесная местность в горах’. На Карпатах много плоских безлесных равнин. «Упомянутая особенность рельефа Карпат объясняет, почему жителями лесистых равнин — славянами было перенесено на эти „верховины“ название „голого пространства“ в лесу: **polnъ/polnina*».⁷⁰ Особый ареал занимает однокоренное с *полонина* слово *полонь* (<**polnъ*), распространенное в полесских говорах в значении ‘чистое, свободное для пастбища или сенокоса место’. По данным Н. И. Толстого, «ареал лексемы **polnъ* (варианта **polnъja* и т. п.) — кроме полесских, словацкие, моравские, южнопольские, словенские и сербохорватские (в основном западные и южные) говоры».⁷¹ Нет никакого сомнения в том, что **polnъ* и его варианты восходят к глубокой праславянской древности. Мы ничего не можем сказать о том, было ли **polnъ* и пр. искони диалектным словом или общеславянским, позже утраченным на других славянских территориях (для решения этого вопроса нет никаких данных). Однако, судя по распространенности этого слова на теперешних восточнославянских землях и его отсутствию в древнерусской письменности и современных литературных языках, можно предполагать, что *полонь* уже в древнерусскую эпоху было западным лексическим диалектизмом.

Рупа ‘яма, пещера, горная котловина’ — слово, имеющее типичный «карпатский ареал». В закарпатских украинских говорах оно означает яму для картофеля. Слово часто встречается в карпатской топонимике. Как полагает В. М. Иллич-Свитыч, это слово субстратного происхождения.

К древним юго-западным лексическим диалектизмам, связанным с южнославянской лексикой, можно отнести укр. (диал.)

⁶⁸ Б. В. Кобиланський. Деякі східнокарпатські архаїми української мови. Мовознавство, 1967, № 6, стр. 46.

⁶⁹ Е. М. Поспелов. Географическая терминология в микротопонимии восточных Карпат. Микротопонимия. Изд. МГУ, 1967, стр. 25.

⁷⁰ В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян, стр. 223.

⁷¹ Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология, стр. 77.

звир, *извир*, увеличит. *зворище* ‘овраг’, ‘ложбина’ (ср. болг. *извор* ‘источник’, ‘родник’, ‘ключ’, ‘исток’, ‘верховье’, сербохорв. *извор* ‘то же’ и др.), а также некоторые другие слова.

Но продолжим наш список вероятных древних лексических диалектизмов, занимающих более обширные ареалы. К одному из таких слов принадлежит укр. *криниця* (диал. *кирниця*, *керниця*) ‘колодец’, ‘родник’, ‘источник’, ‘ключ’, белор. *крынца* ‘ключ’, ‘родник’, ‘источник’.⁷² Слово известно в ряде юго-западных русских говоров: *криница* и *криница* ‘ключ’, ‘колодец’, ‘родник’ (курск., орл., дон., брянск., воронеж., смол.), ‘ручей’ (курск.), ‘вода, вытекающая из родника и собираемая в резервуар небольшой глубины’ (валуйск.) и др. По данным картотек Словарного сектора Института русского языка АН СССР, в двух случаях слово *криница* зафиксировано и севернее: твер. *криница* ‘родник’, ‘ключ воды’ и ряз. *крынца* ‘ключ воды’, но это говоры, примыкающие к русскому югу и западу, так что от этого общие очертания ареала данного слова мало изменяются. Термин этот употребляется в Галицко-Волынской летописи под 1150 г. уже как топоним: *Изяславъ же оттолѣ шедъ и ста оу Святослави Криницѣ*, следовательно, происхождение его можно отнести ко времени до XII в. Образование его от *крина* ‘кринка’, ‘горшок’ могло произойти еще в дописьменную эпоху. *Криница*, *крынца* употребляются в старой украинской и белорусской письменности.

К древним диалектизмам, может быть, относятся слова *корь* ‘роща’ и *лоскъ* ‘вид оврага’ (>*лощина*). Как пишет В. А. Никонов, «микротопонимия писцовых книг XVII в. и генерального межевания XVIII в. очерчивает диалектные ареалы *корь* и *лоскъ* в междуречье Средней Оки и Верхнего Дона (Рязанская, Тульская, Липецкая и смежные области), неизвестные ни по каким иным данным».⁷³ К сожалению, до нас не дошли из этих областей ранние письменные памятники. Не исключено, что в первом случае мы имеем древнее локальное семантическое новообразование, а во втором — сохранение исходного **loskъ*, давно исчезнувшего в других диалектах.

Вероятно, можно «взять под подозрение» слово *рамень(е)* ‘лес у края пахотной земли’, ‘смешанное чернолесье’, ‘дремучий лес’, ‘деревня, селение под лесом’ и др. Этимология этого слова остается неустановленной, поэтому его первичное значение гадательно. Старорусские тексты, в которых встречаются *рамень* и его производные, не позволяют с достаточной точностью определить семантику данного термина, однако несомненно, что он был полисемантичен. В картотеке ДРС имеется много примеров употребления этого слова в северновеликорусских памятниках XV—

⁷² См. об этом слове: там же, стр. 218—220.

⁷³ В. А. Никонов. Научное значение микротопонимии. Микротопонимия. Изд. МГУ, 1967, стр. 7.

XVII вв.: *се язъ князь Иванъ Ондръевич пожаловал, есмь. . . монастырь въ своей вотчинѣ монастырек Юрьи стѣи в Раменецѣ* (грамота 1442—1443 гг.; по-видимому, речь идет о названии местности), *отъ болота поперегъ раменья* (=лес между двумя болотами) *къ другому болоту* (душевная грамота Александра Белеутова 1472 г.); *д. Онфилофово Раменье* (=название деревни) *пуста* (Костромская сотница, 1560—1568 гг.); *грамота вятскому воеводѣ. . . даль церкви Троицы. . . у рѣчки Сингарева дикое раменье* (=чернолесье) *черной лѣсъ подъ пашню* (грамота 1670 г.) и т. п. В современных северных, центральных, восточных и некоторых среднерусских, отчасти рязанских говорах *рамень*, *раменье* явно идут на убыль. В новгородско-псковских говорах слово теперь, кажется, неизвестно, однако оно там когда-то употреблялось, поскольку оставило явные следы в топонимике: д. *Раменье* — под Новгородом, *Раменье*, *Раменка* — на псковской территории.⁷⁴ По-видимому, *Рамень(е)* раньше было распространено на всем восточнославянском севере от р. Великой через верховья Днепра и Волги в междуречье Оки и Волги и далее на север и восток. Многозначность слова уже в памятниках XV—XVI вв. указывает на то, что оно имело к тому времени длительную историю. Между прочим, В. В. Ильенко относит его к севернорусским диалектизмам,⁷⁵ а И. В. Петренко — к собственно русской лексике письменности XIV—XVI вв.⁷⁶

В историко-диалектологическом отношении интересно слово *серень* 'наст', 'корка на поверхности снега, которая проламывается', 'наледь', 'гололедица'. *Серень* слово древнего общеславянского происхождения, представленное также в западно- и южнославянских языках. Однако из этого не следует, что оно из-за такого своего происхождения не может быть на определенной ступени своей истории диалектизмом, как ошибочно полагал Л. А. Булаховский.⁷⁷ Мы имеем основание считать, что в древнерусскую эпоху на восточнославянской территории это слово имело локальное распространение. Оно известно в юго-западной и западной письменности. Ср. в Ипатьевской летописи: *Игорь хотѣ же ѣзати полемъ перекъ возлѣ Соулоу, и бѣшетъ серень великъ, ако же воины не можахотъ зрѣма перейти днемъ до вечера* (1185 г.), *тое же зимы Кондратъ присла посолъ по Василка река, поидемъ на ягвязѣ, пашшоу снегоу и серенюу, не могоша ити и вороти*

⁷⁴ А. И. Лебедева. Значение топонимии для исторической диалектологии, стр. 170.

⁷⁵ В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1961, стр. 12.

⁷⁶ И. В. Петренко. Собственно русская лексика в памятниках деловой письменности русского централизованного государства XIV—XVI вв. Автореф. канд. дисс. Днепропетровск, 1968, стр. 11.

⁷⁷ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови. Київ, 1956, стр. 88.

шася на Ноурѣ (1250 г.). В северо-восточной письменности слово неизвестно. В картотеке ДРС нашелся единственный пример, принадлежность которого ясно указывает на то, что слово бытовало где-то на юге: *снѣгъ, государь, доброму коню по тебенекъ; свергу, государь, серень, а на исподи ледъ толца перста* (Памятники дипломатических сношений с Крымом, 1512 г.). Характерны показания современных говоров, где слово явно идет на убыль: укр. (угор.) *серен* 'замерзший твердый снег' (Гринченко, стр. 1730),⁷⁸ белор. *серен* 'наст', 'снег, замерзший после оттепели' (И. И. Носович, стр. 630),⁷⁹ *шарон*; в русских говорах: *сѣрен*, *сиряно* 'наст', 'снег, скрепленный морозом' (с. Шилевичи Духовицкого уезда Смоленской губ.), *сѣрен* 'наст' (Краснинский уезд Смоленской губ.), *сѣрен* 'ледяной пласт при зимней и весенней оттепели' (Дорогобужский уезд Смоленской губ.), *сѣрен* 'наст' (смол., жиздр., калуж.), *серѣн* 'наст' ('рубил лес по *сереню*, *серѣнный* лес самый лучший'; *сереновать* 'обчищать кору с деревьев зимой', брянск.), *серенѣ* 'зимняя погода, когда после дождя ударит мороз и можно ходить на лыжах (охотничье)' (окрестности г. Трубчевска Орловской губ.),⁸⁰ пск. *шерен* 'наст', 'наледь', орл., калуж. *серень* 'наст, который проламывается и подрезает коню ноги'.

Как видно из этих примеров, слово *серен* известно в ряде южных и западных говоров, примыкающих к белорусско-украинской территории. С юго-запада *серен* могло в отдельных случаях проникать и на северо-восток: в картотеке «Словаря русских народных говоров» найден единственный пример: *по серенюу* 'по насту' — из Судогодского уезда Владимирской губернии.

К ландшафтным названиям примыкают обозначения земельных угодий. Вообще границу между этими названиями и обозначениями провести трудно, поскольку человек пользовался не только полями и лугами, но и лесами, озерами и т. п. И то и другое могло иметь хозяйственное значение. Зброшенные участки пашни и луга переходили в дикое состояние, а прежние их нарицательные обозначения сохранялись. Наоборот, дикие земли, подвергавшиеся культивированию, тоже могли называться по-прежнему. Эта особенность использования земель приводила к тому, что один и тот же термин приобретал самые различные значения (весьма типично в этом отношении слово *лядина*).⁸¹ Впрочем, среди этой группы лексики было немало и однозначных слов. В названиях

⁷⁸ Цит. по: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 259.

⁷⁹ Цит. по: там же.

⁸⁰ Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде).

⁸¹ О. Г. Порохова. *Ляда и лядѣ, лядина и лядина* В кн.: Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, стр. 179—189.

земельных угодий с ранней поры имелось немало диалектизмов. Приведем некоторые примеры.

Веретье, веретья (из *vertje, *vertja) 'возвышенный участок земли, используемый под пашню, луг'. Слово возникло не позже оформления первого полногласия, т. е. довольно рано (значительно раньше проникновения его в письменность). В севернорусской письменности *веретейка*, *веретье*, *веретья* появляются в XIV в. Ср. у И. И. Срезневского: *се купилъ... лоскутъ земли орамой, узкую веретью* (Новгородская купчая XIV—XV вв.). Слово в качестве нарицательного названия и топонима нередко в новгородских документах XIV—XVI вв., в северодвинской, беломорской письменности XVI—XVII вв. и в письменности других севернорусских областей. По данным В. П. Строговой, современное новг. *веретье* 'повышение, гряда между болотами, мокрыми лугами и пр.', то же арх. *веретья* 'небольшой сухой продолговатый участок земли между болотами',⁸² 'возвышенная сухая непоемная пожня близ берега или среди болот'.⁸³ В 4-м выпуске «Словаря русских народных говоров» мы имеем: *веретейка*, *веретейка* 'уменьш. к веретей' (перм., вят., сиб., волог.), *веретьень* 'грядка в огороде' (смол., твер.), *веретья*, *веретья*, *веретия*, *веретия*, *веретья*, *веретья*, *веретья*, *веретья*, *веретья*, *веретья* 'возвышенное сухое место на низменности: среди болот и сырых мест в лесу, на лугах, на берегу реки и т. п. (используемое или не используемое для хозяйственных целей)' (вят., сев.-двин., перм., арх., волог., енис., костром., тобол., ряз., тамб., горьк., якут., урал., новг., пенз., печор., свердл.), 'поляна в лесу' (арх., тобол., киров.), 'отмель' (волог.), 'лесная площадь между двумя озерами' (дон.), 'место рубки леса' (урал.), 'большая дорога' (ряз.) и другие значения, *веретик* 'сухое возвышенное место, грива' (гом.), *веретистый* 'холмистый', 'возвышенный', 'сухой' (йркут.), *веретище* 'возвышенное место' (кадник.), *веретьевина* 'сухое возвышенное место среди болота' (сев.-двин.), 'площадка на вершине или склоне холма', 'гребень холма' (сев.-двин.).⁸⁴ Территория распространения слова суживается. Например, в псковских говорах оно теперь не употребляется, но на Псковщине нередко топонимы *Веретья*, *Веретья Островские*, *Чистое Веретье*, *Веретье Батово*, *Старое Веретье*, *Глухое Веретье* и др.⁸⁵ Ср. также село *Веретье* Воронежской области па р. Тихой Сосне, основанное в XVIII в. Н. И. Тол-

⁸² В. П. Строгова. Микротопонимия с. Березовский Рядок (Бологовский район Калининской области). Микротопонимия. Изд. МГУ, 1967, стр. 128.

⁸³ И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 39.

⁸⁴ Словарь русских народных говоров, вып. 4, стр. 138—142.

⁸⁵ А. И. Лебедева. Значение топонимии для областного словаря. (По материалам топонимии Псковской области). В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, стр. 29.

стой отмечает также *веретье* в западном и центральном Полесье в разных значениях: 'низкое болотистое, труднопроходимое место', 'расчищенная полянка в лесу (5—6 соток)', 'небольшой островок, суша среди болота', 'оторванный, подмытый краем берег', также витеб. *верацья* 'холм среди болота, чаще поросший осинником'. У него же приведен материал по русским говорам. Н. И. Толстой указывает также на словенск. *vrétje*, *rékje* 'источник, ключ', иногда 'место, где несколько источников, ключей', и высказывает соображения относительно этимологии *vertje. Во всяком случае праславянская древность этого слова несомненна. В то же время географическое распространение его ограничено. «В украинских, большинстве южно- и средневеликорусских, а также в западно- и южнославянских языках (кроме словенского) *vertje (*vertja) в качестве географического термина не зафиксировано». ⁸⁶ Семантическая связь с *веретье* 'грубый холст, которым укрывают что-либо от дождя или на котором сушится зерно' (тульск.), 'сшитая редина', 'мешок' и пр., имеющим иную территорию распространения, является отдаленной. Дополнительные данные о слове *веретье* в интересующем нас значении приводятся в новой работе В. П. Строговой, которая считает, что это слово первоначально было распространено на русском северо-западе, откуда оно попало в другие русские говоры.⁸⁷ Как видно из этих данных, *веретье* и его варианты истари были распространены на западе и северо-западе (полесск., смол., пск., твер., новг.), севере и на территории теперешних восточных южновеликорусских говоров.

Зеремля 'место обитания бобров'. В «Материалах» И. И. Срезневского слово отмечено в юго-западных памятниках XV—XVI вв. В архиве княжат Любартовичей Сангушковых (XIV—XVI вв.) в грамоте № 445, написанной на Воляни, имеется место: *и в зеремли бобровыи са уступаешъ*. По наблюдению Г. А. Богатовой, *зеремля* известно и в северо-западных памятниках. Вместе с упадком бобрового промысла термин исчезает, «видимо, в конце XVII—начале XVIII в.».⁸⁸ В других восточнославянских диалектах и славянских языках *зеремля* отсутствует, являясь, таким образом, западным восточнославянским (старобелорусским) лексическим диалектизмом. На других восточнославянских территориях обычным было обозначение *бобровые гоны* (в картотеке ДРС имеются десятки примеров).

По своей структуре слово *зеремля* несомненно архаично. О. Н. Трубочев возводит его к праслав. *zerdmen 'огороженное',

⁸⁶ Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология, стр. 132.

⁸⁷ В. П. Строгова. О слове *веретье* в древнерусском языке и новгородских говорах. Очерки по русскому языку. Уч. зап. Калининск. ГПИ, т. 66, часть первая. Калинин, 1969, стр. 107—113.

⁸⁸ Г. А. Богатова. Из истории существительных среднего рода... стр. 153—154.

которое связано с праслав. *zord (чередование гласных корня),⁸⁹ представленное в белор. *азарод*, *азярод*, сев.-великорусск. *зород*, *зарод* 'длинный стог сена (огораживаемый жердями)'. К этой этимологии О. Н. Трубачев возвращается в другой своей статье.⁹⁰ Мы не знаем, каким был ареал этого слова в глубокой древности (что слово было лексическим диалектизмом еще в праславянскую эпоху, представляется несомненным), но можем с большей или меньшей долей вероятности предполагать, что *вермя* было западным восточнославянским диалектным словом значительно раньше появления его в письменности.

Наволокъ 'заливной луг с наволоченной водою почвой'. Как полагает И. А. Елизаровский, «сначала это наносной песок, а через 5—10 лет поемный луг».⁹¹ В письменности *наволокъ* появляется только в XIV в., но, судя по широкому распространению слова на северо-западе, севере и в центрально-русских областях, этот термин несомненно возник значительно раньше и уже в древнерусскую эпоху был лексическим диалектизмом. В картотеке ДРС имеется большое количество примеров на употребление этого слова в новгородско-псковской, московской, северодвинской и иных областных письменностях. В значениях 'низменный берег', 'низменный мыс, полуостров' севернорусы применяли это слово не только к собственным местностям. Ср. в «Слове о некотором старце» XVII в.: *а около наволока до Кафы 300 верст*. Уже с XIV в. *наволокъ* известно и как топоним: *Наволокъ Скотинъ, Ратаевъ, Петровский Наволокъ, Мар-Наволокъ* и т. п. Наволоки становятся приметными местами, по которым могут проходить границы; *а се рубежъ Озерицкому уѣзду съ Полотцкимъ уѣздомъ: от озера Ордовца на лѣто борожъ на Липовой наволокъ* (Тетрадь, в ней писаны рубежи городу Полотцку и Полотцкому повету, 1563—1571 гг.). Современное распространение слова *наволокъ* в общем совпадает с данными старой письменности. Правда, *наволокъ* как образование от общераспространенного *наволочити* встречается иногда и в других диалектах, но не с тем значением. В. С. Ващенко отмечает, например, в поднепровских говорах *наволік* в кругу неудобных земель (*солонецъ, піски, глей* и пр.).⁹² Термин *наволокъ* 'заливной луг' был северным восточнославянским словом.

По жь ня 'сенокосный участок, луг'. Первоначально техника срезания трав и зерновых хлебов мало чем отличалась друг от друга. Травы не косили (кос не было), а жали серпами и иными примитивными режущими орудиями, в связи с чем и возникло

наименование *пожня*, которое фиксируется в новгородской письменности с XII в., но образование его относится к несомненно более раннему времени. *Пожня* широко представлено в новгородско-псковской письменности (в частности, оно известно в берестяных грамотах: *пожня*, № 53, XIII—XIV вв.; *пож[ня]*, № 103, XII в.; *поженный*, № 187, XIV в.), в других северных и в некоторых московских памятниках. С. И. Котков нашел два примера (только два против огромного количества примеров в севернорусских памятниках) употребления слова *пожня* в южновеликорусской письменности XVI—XVII вв.: в Новосильской грамоте 1570 г. и Севской грамоте 1690 г., происхождение которых может объясняться по-разному.⁹³ Многие десятки примеров имеются на это слово и его производные в картотеке «Словаря русских народных говоров». Поскольку луговые участки бывают очень разные, закрепившиеся за словом *пожня* значения от местности к местности колеблются: 'суходольный луг' (в отличие от *наволока*), 'заливной луг', 'болотистый луг', 'отдаленный от селения луг', 'лесная поляна' и т. п., но чаще всего выступает значение 'любый сенокосный луг'. География слова в общем та же, что и слова *наволокъ*, — это весь русский север начиная с северо-запада и кончая отдаленными восточными районами. *Пожня* известно некоторым белорусским и отчасти польским говорам.⁹⁴ По устному сообщению А. Ф. Манаенковой, в старинном русском говоре с. Леонтьева Добрушского района Гомельской области *пожня* не только 'луг', 'заросшее болото', но и 'полоса земли единоличного хозяина'. Можно считать слово *пожня* одним из древних северо-восточнославянских лексических диалектизмов.

Ролья 'пахотная земля, пашня'. Слово несомненно древнего происхождения, относящееся к начальным этапам полевого земледелия. В письменности оно фиксируется с начала XII в.: *хочемъ погубити смерды и ролью ихъ* (Повесть временных лет под 1103 г. по разным спискам), нередко встречается в южных и западных памятниках и доживает до наших дней: укр. *рілля* 'пашня', 'пахота', *рілляк* 'полевод', 'земледелец' и др., белор. *ралля* 'пашня'. Слово известно и западнославянским языкам: польск. *rola* 'пашня', 'обрабатываемая земля', чешск. *role* 'пашня', 'вспаханное поле' и др., представляя собой один из древних славянских диалектизмов.⁹⁵ На восточнославянском

⁸⁹ С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 63—65.

⁹⁴ Н. П. Грикова. Вопросы исторической лексикологии русского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 231, 1962, стр. 203.

⁹⁵ И. А. Дзедзелевский считает это слово восточно-западнославянским, т. е. по нашей терминологии — лексической особенностью севернославянской зоны (И. О. Дзедзелевский. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969, стр. 117—119). Если это так, то это означает, что слово *роля* на севере восточного славянства очень рано вышло из употребления.

⁸⁹ О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря, стр. 179.

⁹⁰ О. Н. Трубачев. Работа над этимологическим словарем славянских языков. ВЯ, 1967, № 4, стр. 40.

⁹¹ И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов. . . , стр. 39.

⁹² В. С. Ващенко. Лінгвістична географія Наддніпрянщини. Дніпропетровськ, 1968, стр. 49.

севере и северо-востоке слово это не употреблялось: ему противостояли там *орама* земля, *орамица*, *пашня*, общеславянское *нива* и др. Впрочем, на северо-востоке *роля* могло проникать в отдельных случаях вместе с юго-западной книжностью. В картотеке ДРС есть два-три примера на употребление *роля*, *ролейный* в северных областях, но все они приходится на обозначения монастырских (1) земель и работ. В современных русских говорах (исключая некоторые смежные с украинскими и белорусскими) слово *роля* не отмечено. Даже скептически настроенный к возможностям реконструкции древних лексических диалектизмов Л. А. Булаховский допускает, что *роля* представляет собой древнюю юго-западную особенность, общую с западославянскими языками.⁹⁶

Роль 'заливной луг, возвышение среди низменности и др'. Как я писал в свое время,⁹⁷ этимологически еще не проясненное слово *роль* употребляется в новгородских грамотах и летописях начиная с XII в. Сенокосные угодья имели серьезное хозяйственное значение для древних новгородцев. До наших времен луг на левом берегу Новгорода от города до Юрьевского монастыря носил собственное имя *Рель*. Кроме новгородской письменности *роль* употребляется в литературе северных областей, заселявшихся новгородцами, а также и в псковской письменности. В письменности других древнерусских земель слово это не отмечено. Неясно значение *роль*, однажды встретившееся в Ипатьевской летописи под 1230 г.: *вехавашу емоу во Браневичаве рьли и приде емоу соль от тысяцкого его Дъмьяна*. По-видимому, это *роль* не имеет отношения к древнему новгородскому слову. Локальное распространение древнего северного *роль* убедительно подтверждается данными современных говоров. В картотеке «Словаря русских народных говоров» собраны многие десятки записей на употребление этого слова в наиболее распространенной форме *рёлка* (уменьш. *рёлочка*, прилаг. *рёлошный*) и в редких формах *рель*, *релъ*, *орёлка*, *релб*. *Рёлка*, *рель* и пр. известно в говорах от Псковщины на западе до побережья Тихого океана. Не знают его владими́ро-суздальские и поволжские говоры. Наиболее распространено значение 'возвышенность, островок среди низменности', откуда 'холм', 'островок леса', 'поляна в лесу', 'островок на реке', 'чистое водное пространство среди зарослей камышей' (ишим.), 'крутоторот на быстром течении' (весьегон.), даже 'медная бляха узды на лбу лошади' (пск., осташк.) и др. (т. е. все, что напоминает островок, выделяющийся на фоне чего-либо). Широко представлена также группа значений 'заливной луг', 'намывная гряда', 'отмель', 'мыс' и др., а также 'полоса пашни', 'участок поля'

⁹⁶ Л. А. Булаховский. Питание происхождения украинской мови, стр. 86.

⁹⁷ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 253—255.

и т. п. Нам представляется несомненным, что *роль* является одним из древних лексических диалектизмов новгородской группы говоров.

Заключая очерк этой лексико-тематической группы слов, коротко скажем о терминах, связанных с подсечным земледелием. Древние восточнославянские племена, вероятно, все знали подсечное земледелие. На юге замена подсечного земледелия постоянным пашенным началась очень рано. Замена подсеки в лесной полосе пашенным земледелием, как считает Г. Е. Кочин, стала осуществляться в X—XI вв.,⁹⁸ но это происходило на юге. На севере подсечное земледелие просуществовало еще многие столетия, постепенно отступая перед пашенным. Это обстоятельство, да еще наличие в лесостепной полосе исконного пашенного земледелия, привело к тому, что юг и север довольно рано стали отличаться друг от друга в сельскохозяйственной терминологии. В северных памятниках широко представлены такие слова, как *ляда*, *лядина* (в разных значениях); *теребити* 'срубать и жечь лес под пашню'; *тереб*, *притереб*, *потереб*, *дор*, *роздерть* и др. 'вновь приготовленная из-под леса пашня' и в иных значениях, так или иначе связанных с подсекой, которые на юге или вовсе не употребляются, или же сохраняются в рудиментах. Характерны в этом отношении *теребити* и *тереб*, слова несомненно общеславянского происхождения. И. Панкевич в свое время пытался доказать, что *теребити* с производными в сельскохозяйственном значении было так же распространено на юге, как и на севере,⁹⁹ однако сделать это ему явно не удалось. В единственном примере из Ипатьевской летописи под 1229 г. — *о нем же стоящимъ и теребляцимъ лѣсы около града* — он усматривает и возможность земледельческого значения ('расчищать лес все равно для какой цели, или под пашню, или для дороги'), хотя речь в нем идет не о земледельцах, а о воинах. И. В. Данилова, изучавшая древние земледельческие термины, пришла к выводу, что *теребити* в значении 'расчищать лес под пашню' в южных памятниках неизвестно.¹⁰⁰ И. Панкевич ссылается на западноукраинские топонимы *Теребовль* (1097 г.), д. *Теребло* в Закарпатье (1389 г.), города *Требишов*, *Тур-Теребец* и др., однако нам неизвестно точное значение их апеллятивов, а в этой точности и заключается суть дела. Приводимые им примеры из современных украинских говоров не имеют пашенно-земледельческого значения. Вероятно, *теребити* и

⁹⁸ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XV в. М.—Л., 1965, стр. 78.

⁹⁹ И. Панкевич. [Рец. на:] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949. — *Slavia*, XXV, 1, 1956, стр. 87.

¹⁰⁰ И. В. Данилова. Из истории собственно великорусской лексики. (Земледельческие термины). Наук. зап. Дніпропетровськ. держ. унів., т. 63. Мовознавство, вип. 14. Харків, 1958, стр. 65.

производные в X—XI вв. и раньше на юге восточного славянства тоже имели связь с подсечным земледелием, но потом их подсечно-земледельческие значения вместе с отступлением подсечи на север стали исчезать, хотя остатки этих значений на юго-западе могут сохраняться и теперь. В южных памятниках и современных южных говорах отзвуки этих значений могут быть обнаружены как рудименты.

2. Названия грибов, растений, деревьев и кустарников

Специалист по этимологии грибов и растений В. А. Меркулова пишет: «В связи с реконструкцией встает вопрос о географических границах слова. Степень распространенности слов различна, наряду со значительным общеславянским пластом каждый язык и каждый говор создают очень большой процент новообразований. Это соотношение в равной мере относится к разным эпохам».¹⁰¹ Вероятно, это справедливо. К сожалению, в древнерусской письменности эта лексическая группа (как и многие другие) нашла очень слабое и в значительной мере случайное отражение. Восточнославянское слово *береза* принадлежит к одному из древнейших слов, являясь чуть ли не единственным названием дерева, имеющим общеиндоевропейское происхождение. Оно существует, с учетом его первоначальных исходных форм, многие тысячи лет. Между тем слово *береза* в древнерусской письменности впервые появляется только в XV в. Нет никакого сомнения в том, что многие названия растительного мира, появившиеся в письменности поздно или вовсе не нашедшие в ней отражения, существовали издревле, а среди них были и диалектизмы (причем не обязательно новообразования). Однако ввиду отсутствия древних письменных свидетельств наши соображения насчет древних диалектизмов поневоле будут иметь гипотетический характер. Приведем некоторые примеры.

Блицы 'грибы'. В современных восточнославянских говорах слово известно только на северо-западе: *блицы* (ед. ч. *блицца* и *блиц*) (петерб.—ленингр., пск., новг.), *блицына* и *блицина* 'один гриб' (пск., новг.), *блицки* уменьш.-ласк. к *блицы* (пск., новг., зап.), *блицник* и *блицник* 'грибник', 'пирог с грибами' (пск.), *блицница* 'грибница', 'корзина для сбора грибов' (пск.), *блицно* 'много грибов' (пск.), *блицной* 'имеющий много грибов' (пск.), *блицный* 'относящийся к блицам', 'приготовленный из блиц, с блицами' (пск.).¹⁰² В. А. Меркулова, ссылаясь на приведенное Фасмером зап.-слав. *bedta* 'гриб *Agaricus*', пишет: «Праславянская форма в таком случае *bьdla > *bьdlica/*bьdlьka. Ограниченность территории слова

блицы — пограничные псковско-новгородские говоры (на всей остальной территории восточнославянских языков отсутствует) наталкивает на мысль об очень старом (может быть, VII в.) проникновении слова с территории западных славян. Слово проникло до падения редуцированных и претерпело типичные для русского языка изменения. Возможно, что это и не заимствование, а элемент лексической общности, объединявший смежные территории западных славян, древних словен и литовцев».¹⁰³ Последнее предположение вероятнее, так как заимствование от находящихся в VII и более поздних веках в отдалении от западных славян словен объяснить было бы труднее. Слово *блицы* в древнерусской письменности, ранней и поздней, не обнаружено.

Особое место в группе названий растений занимают слова, обозначающие культурные зерновые растения. В земледельческой древней Руси зерновые культуры имели большое хозяйственное значение, поэтому некоторые их названия в древнерусской письменности встречаются сравнительно часто. Уже с ранних времен в группе этих названий намечаются лексико-семантические диалектизмы, которые особенно заметно проступают на новгородско-псковском северо-западе.

Вьришь 'посевы (озимые или яровые), зерно, хлеб, кладь хлеба'. Это слово представляет собой древнее северо-западное отглагольное новообразование, вне новгородско-псковских земель нигде пока не зафиксированное. Если судить по значениям ст.-сл. *вьрѣж*, русск.-церк.-слав. *вьрху*, болг. *вьрѣха*, сербохорв. *вријѣћи*, *вриѣм* 'молочу', первоначально слово *вьришь* имело значение 'обмолоченное' (другая ступень чередования — русск. *ворох*). Тип словообразования достаточно архаичный. Можно полагать, что слово возникло в праславянскую эпоху и было одним из ранних лексических диалектизмов. В древнерусское время значение его достаточно деформировалось и так, как оно представлено в новгородско-псковских текстах, допускает различное истолкование: *а на осень оуби морозъ вьришь всю и озимицѣ* (1-я Новг., 5-я Новг. под 1127 г., в Тверской летописи на поле рукописи помечено: *ярь* = яровые хлеба, убитые ранним заморозком); *и зая князь Ярославъ веришь* (= зерно) *на Торжьку* (1-я Новг. под 1215 г.); *а инии же паки злии чловѣци начаши добрыхъ людеи домы зажигати гдѣ чающе веришь* (4-я Новг. под 1220 г.; в 1-й Новг. и Тверск. в той же записи стоит *рожь*); *и наполнишася рѣки и ручьи и болонья аки веснѣ водою, а у христианъ много по полю веришей* (= урожай на корню) *погнили* (1-я Пск. под 1468 г.); *всякои вериши* (= всякий зерновой злак) *по имени или пшеница ярой или озимой* (Псковская судная грамота). Употребляется слово *вьришь* в новгородских берестяных грамотах: *ожь ти приедя*

¹⁰¹ В. А. Меркулова. О некоторых принципах этимологии названий растений. В сб.: Этимология. 1964. М., 1964, стр. 85.

¹⁰² Словарь русских народных говоров, вып. 3, стр. 26—27.

¹⁰³ В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 173—174.

вѣршь (смысл неясен; А. В. Арциховский ошибочно толкует 'верхом') *а годай* (№ 82, XII в.); *велиле верше* (= какое-то зерно) *имати, творяце и виновати. одну три коробѣ оуе Ыванка оуале* (№ 102, XIV в.); *реклъ еси, былъ во своємъ селѣ, верши* (= всходы хлебов) *всѣ добрыи, араа жита* (№ 195, XIII—XIV вв.); *оу Данешиницы за три гривене вѣзмитъ вершью* (= какое-то зерно; выше идет речь об овсе) *на низъ Саси* (№ 219, XII—XIII вв.); *а жеребета нетоуть ни коунамъ, ни верши* (= по-видимому, тоже какое-то зерно) (№ 322, XIII—XIV вв.); *понеди, господине по свою верешь, дать, господине, не гнее. А нынеца юсме, господине, погибли, верешь* (= зерно; урожай на корню) *позабла, сѣгати, господине, нечего, а юсти такоже нечего* (№ 361, XIV—XV вв.).

Слово *вѣршь* постепенно выходит из употребления. Замечания на полях в разных списках летописей указывают на то, что в древнерусскую эпоху даже на северо-западе оно иногда нуждалось в пояснениях. Составителю одного из списков 5-й Новгородской летописи оно, по-видимому, оказалось непонятным: он написал *верезж*. В картотеках Словарного сектора Института русского языка АН СССР имеются только две карточки: *вершь*, 'хлеб', 'жито' (Словарь 1847 г. с пометой «устар.») и *вершь* 'хлеб, жито в кладях; кладь, стог, скирд' (Даль, с пометой «стар.»). Мною в свое время было отмечено валд. *вѣрешь, вѣрши* 'яровые посевы'.¹⁰⁴

Обилье 'хлеб на корню, урожай, зерно'. Л. А. Булаховский попытался отрицать диалектный характер этого слова (как и некоторых других), ссылаясь на то, что оно распространено во многих других славянских языках.¹⁰⁵ Это слово, как и его производные, в значении 'изобилие', 'множество, полнота чего-нибудь' и пр. широко распространено в славянских языках и является общеславянским, однако в специальном значении 'хлеб', 'зерно' и др. известно только новгородскому северу и в Псковской земле, поэтому возражение Л. А. Булаховского, по-видимому не придававшего значения семантическим диалектизмам, не является серьезным. Вне новгородско-псковской территории слово в специальном значении известно в чешском и словацком языках: *obilí* 'хлеба', 'хлеб', *obilný* 'хлебный', *obilniny, obilnoviny* 'зерновые', 'хлебные злаки', словацк. *obilie* и др. Мы не будем здесь затрагивать проблемы этимологии этого слова, остающиеся спорными, и какое из значений является первичным, а какие — производными. Несомненным остается одно: интересующее нас значение слова является древним, что подтверждается новгородско-псковской письменностью и наличием этого значения в чешском языке. *Обилье* 'зерно', 'урожай' и пр. безусловно относится к

лексико-семантическим диалектизмам праславянской эпохи. Древний ареал его нам неизвестен. Вероятно, этот диалектизм был когда-то распространен в северной зоне будущего восточного славянства и в какой-то части будущей западнославянской группы, представляя собой цельную территорию. Позже эта территория оказалась разъединенной. Так это было или по-другому, но в древнерусскую эпоху *обилье* 'урожай', 'зерно' и пр. был новгородско-псковским диалектизмом. В картотеке ДРС имеется много примеров на употребление этого слова в северо-западной и северодвинской письменности и не оказалось ни одного примера из письменности других областей, в том числе Владимиро-Суздальской и Московской. Единственный пример, который некоторые исследователи пытаются истолковать иначе, имеется в «Повести временных лет» под 1071 г. в сказании о восстании волхвов: *бывши бо единою скудно-сти в Ростовѣсти области, встаста два волъха от Ярославя, глаголюща: яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держитъ; и поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погостъ, ту же нарекаста лучышиѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медь, а си рыбы, а си скору* (здесь *обилье* 'всякое продовольствие и пушнина'). В. И. Довженок, опираясь на этот пример, считает, что *обилье* во всем древнерусском языке означало одновременно хлеб и богатство.¹⁰⁶ Однако такое предположение ничем не подтверждается. Сказание о восстании волхвов имеет белозерское (т. е. новгородское) происхождение: *повѣдаша ему* [Яну Вышатичу, — Ф. Ф.] *бѣлозерци, яко два кудесника избила уже мнози жены по Волзѣ и Шекснѣ, и пришла еста сѣмо* (та же статья «Повести»).

Данные современных говоров совпадают с картиной, которую рисуют нам памятники. Теперь слово *обилье* в семантическом отношении составляет два неравных, примыкающих друг к другу ареала: 1) 'урожай зерновых', 'хлеб на корню', 'необмолоченный хлеб', 'зерно', даже 'ячмень' (онеж.) — новгородские и исторически производные от них говоры и 2) 'огородные овощи' — псковские, изборские, островские и соседние с ними говоры.

*Събожье 'зерно, хлеб'. Если верно, что первоначальным значением слова *обилье* было 'достаток', 'изобилие',¹⁰⁷ то развитие семантики слова *събожье было примерно таким же, как и в *обилье*. Совр. укр. *збіжжя* 'хлеба', 'зерно', разг. 'пожитки', диал. 'добро', 'достаток', 'имущество', белор. *збожжа* 'хлеб на корню или в снопах', собир. 'зерно', 'хлеб', диал. 'пожитки', 'достаток' и др., ст.-польск. *zboże* 'хлеб', 'имущество', 'благополучие', кашуб. *zbyeże* 'хлеб', 'зерно', словацк. *zbožie* 'хлеб', 'зерно', н.-луж. *zbožo* 'скот', в.-луж. *zbožo* 'счастье', ст.-чешск.

¹⁰⁶ В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ, 1961, стр. 15—16.

¹⁰⁷ О. Н. Трубачев считает, что слово *обилье* образовано от 'бить', 'молотить' (О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. Slavia, XXIX, 1, 1960, стр. 21).

¹⁰⁴ Ф. И. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., стр. 265.

¹⁰⁵ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 3-е изд. Киев, 1950, стр. 9.

zboże, чешск. *zboží* 'товар'. Как и в *обилье*, в *сьбожье выделяется, с одной стороны, значение 'достаток', 'имущество', 'добро' и связанное с ним 'счастье', 'изобилие', а с другой стороны, 'зерно', 'хлеб'. *Сьбожье — древнее образование, имеющее соответствие в индо-иранских языках (др.-инд. *bhāgas* 'благосостояние', 'счастье'). По-видимому, первоначальным следует признать значение 'изобилие, достаток средств существования'. Значение 'зерно', 'хлеб' вторично. Оно появилось с развитием земледелия, когда существование людей стало зависеть прежде всего от урожая зерновых. Поскольку семантический параллелизм между *обилье* и *сьбожье как будто является очевидным, надо полагать, что, во-первых, значения 'зерно', 'хлеб' в обоих словах появляются в одно и то же время, во-вторых, оба значения должны были иметь самостоятельные ареалы распространения. Значение 'хлеб', 'зерно' в слове *обилье*, как полагает В. Будисhevская, развилось на всей северославянской территории, исключая, может быть, только лужицкую область, а затем в Польше, на Украине и в Белоруссии было вытеснено словом *zboże*, а в России — словом *хлеб*.¹⁰⁸ На такое вытеснение как будто указывает ст.-польск. *obile* 'зерно', 'хлеб', которое потом вышло из употребления. Однако вряд ли для такой гипотезы найдутся необходимые подтверждения. Сдвиги в употреблении слов *обилье* и *zboże* могут свидетельствовать только о подвижности изоглосс этих лексем. Как уже было сказано выше, в юго-западной древнерусской письменности нет никаких следов употребления слова *обилье* в значении 'хлеб', 'зерно', нет их и во владимири-суздальской и московской письменности. *Обилье* 'зерно', 'хлеб' — северо-западный семантический диалектизм на древней восточнославянской территории. Нет также никаких следов употребления слова *сьбожье (в любых значениях) на территории русского языка (начиная с памятников XI в.), если не считать некоторых современных русских говоров, территориально примыкающих к украинскому и белорусскому языкам. Надо полагать, что северо-западному *обилье* 'зерно', 'хлеб' противостояло юго-западное *сьбожье в том же значении.

Ж и т о 'хлеб, зерно, рожь, ячмень, пшеница и др.'. Это несомненно общеславянское по происхождению и распространению слово часто встречается в древнерусских текстах всех областей, что, по-видимому, обусловлено не только его значимостью, но и тем, что оно было обычным в старославянском языке — языке церковной письменности. Первоначальным значением слова *жито*, скорее всего, было 'пища (любая)', а в процессе развития земледелия слово это стало обычно употребляться в значении 'зерно', 'хлеб'. В этом последнем значении *жито* известно во всех славян-

ских языках. В большинстве случаев точно определить значение слова *жито* в древнерусских памятниках (что имеется в виду — зерно, хлеб вообще или какая-либо отдельная зерновая культура) из-за неясности контекста невозможно. Невозможно также установить, какие оттенки смысла имело *жито* в языке населения, употреблявшего также слова *сьбожье и *обилье*, *врьшь*, хотя какие-то семантические различия между этими словами были и тогда, когда они обозначали любой хлеб, зерно вообще. Все же в древнерусских памятниках различных областей имеются примеры, когда значение 'любой хлеб', 'всякое зерно' представляется несомненным: *и дажь еи десатиноу... ѿ всякого стада и ѿ всякого жита* (Церковный устав Владимира по Синодальному списку XIII в.), *изби мразь всяко жито и бысть дорогость люта* (1-я Пск. под 1314 г.) и т. п. Производные *житница* 'гумно', 'кладовая всевозможных припасов', 'закрома', 'склад' и пр., *житный*, *житничный* (в широком значении) и др. также были в употреблении повсюду.

Наряду с общим значением 'зерно', 'хлеб' рано возникают частные значения: 'рожь', 'ячмень', 'пшеница' и др., которые имели локальное распространение и являются объектом лингвогеографического исследования. Такое сужение значения слова связано с господством какого-либо хлебного злака в той или иной местности. Г. П. Клепикова и В. В. Усачева опубликовали карту распространения (точнее, преимущественного распространения) локальных значений слова *жито* в современных славянских языках.¹⁰⁹ Выявляются четыре основные диалектные зоны: 1) 'ячмень' — новгородско-псковские говоры и говоры новгородских переселенцев в северных областях РСФСР (к этому следует добавить, что говоры, знающие это значение, имеются и в Сибири, и на Дальнем Востоке); 2) 'любое зерно' (частное значение вовсе отсутствует) — междуречье между Окой и Волгой, северо-восточные области, среднее течение Волги (в тульских и некоторых других южновеликорусских говорах слово *жито* неизвестно) и словенский, сербохорватский языки и западноболгарские говоры; 3) 'рожь' — почти вся западнославянская территория, белорусский, украинский языки и западная и южная части южновеликорусских говоров; 4) 'пшеница' — сплошного ареала нет (это значение известно в восточноболгарских, южных македонских, северо-восточных сербохорватских, некоторых словацких и чешских и некоторых южнопольских говорах; изредка оно встречается в разных русских говорах). В северных словенских говорах *жито* означает просо, а в немногих русских говорах — овес. На восточнославянской территории представлены три основных

¹⁰⁸ W. Budiszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, стр. 178—179.

¹⁰⁹ Г. П. Клепикова, В. В. Усачева. Лингвогеографические аспекты семантики слова *жито* в славянских языках. В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965, стр. 51.

ареала: 1) 'ячмень' (северо-запад и север); 2) 'зерно вообще' (русский северо-восток и восток) и 3) 'рожь' (вся южная половина европейской части СССР). Такая локализация значений не случайна. Рожь, пшеница и ячмень обнаружены во всех археологических памятниках X—XIII вв. лесной полосы древней Руси (где были найдены остатки зерен), но в ранней Смоленской земле господствовавшая в то время в других районах рожь вовсе не обнаружена.¹¹⁰ По-видимому, культура ржи на север проникает тогда, когда частные значения слова *жито* уже возникли. На севере *житом* называли ячмень, а рожь, когда она там появилась, сохранила свое собственное название — *рѣжь*. Слово *рѣжь* обычно в новгородско-псковской письменности (в том числе и в новгородских берестяных грамотах, где оно встретилось вместе с производным *рѣжаньи* 15 раз), тогда как для юго-западных письменных памятников оно нехарактерно. Дифференциация частных значений слова *жито* в древнерусских памятниках отражается с ранних пор, ср. *жито* и *пшеница* в Послании Поликарпа игумену Акиндину XII—XIII вв. и т. п.

Можно полагать, что в связи с различным составом терминов, обозначающих злаковые культуры, и их различными значениями рано возникают и локальные микросистемы лексико-семантической группы названий этих культур.

Названия диких растений, кустарников и деревьев в отличие от злаковых культур встречаются в древнерусской письменности крайне редко или вовсе отсутствуют, что весьма затрудняет лингвогеографические исследования в этой области. Наличие в современных говорах огромного количества диалектных особенностей в этой отрасли лексики все же позволяет предполагать, что какая-то часть таких диалектизмов древнего происхождения. Ср., например, значительные диалектные расхождения в названиях ветлы (само слово *ветла* с производными появляется в московской и северной письменности только с конца XV в.) и ряда других деревьев, в названиях земляники (*земляника* — *суника*, *суница* и пр.) и иных ягод и т. п.

Нам остается остановиться здесь на некоторых вероятных древнерусских лексических диалектизмах, случайно попавших в язык письменных памятников.

В о л м и н а 'ивовый кустарник'. Слово встретилось единственный раз в новгородской грамоте Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г.: *се въдале Варламе святому Спасу землю и огородъ и ловища рыбная и гоголиная и пожни ·а· рѣль противу села ва Волховомъ ·в· на Волхевъци коле ·г· корь ·д· лозь ·е· волмина. ·с· на острове и с нивами.* Текст для нас теперь не

совсем ясен, особенно же темным оказалось слово *волмина*, что вызвало противоречивые мнения о его значении. В 1946 г. в д. Горное Морино Новгородского района я слышал рассказ местной жительницы-старушки о разрушенных гитлеровцами улицах Новгорода, которые во многих местах даже в своей проезжей части заросли высоким бурьяном. По этим улицам «ходить страшно: того и гляди волк выскочит из *волмягъ*», т. е. из зарослей бурьяна. Как удалось выяснить, слово *волмяг* в данном случае было употреблено переносно, прямое же его значение — ивовый кустарник (часто образующий сплошные заросли). В той же деревне мною было записано слово *волмяжник* (мн. ч. *волмяжники*) 'съедобный гриб, близкий к рыжику'. Мне представляется, что эти *волмяг* и *волмяжник* — ключ к расшифровке загадочного др.-новг. *волмина*. Совершенно очевидно, что *волмяг* образовано по типу *березняг*, *сосняг*, *малинныг* и т. п. от корня *волм-*. Этот корень хорошо представлен в северновеликорусском названии гриба: *волмяк*, *волмякй* (борович.), *вблменка*, *вблменки* (арх., вят., соликам., кемск., перм., тобол. и др.), *вблмянка*, *вблмянки* (каинск., тобол.), *вблменец*, *вблменцы* (карог.), *вблмейка* (тюмен.), *вблмовик* (беломор.) и др. Эти однокоренные названия обозначают главным образом гриб волнушку — *Agaricus torminosus*. Известно, что грибы нередко называются по именам деревьев, под которыми они чаще всего произрастают (*подберезовик*, *березовик*, *подосиновик*, *дубовик* и т. п.). Волнушки растут и в сырых местах, в которых нередко заросли ивового кустарника. Мысль о том, что древненовгородское *волмина* (*вълмина) обозначало какое-то дерево, скорее всего, иву, была высказана еще Ф. Миклошичем и поддержана Б. М. Ляпуновым, которые сравнивали *вълм с лат. *ulmus* 'вяз'.¹¹¹ Если здесь не случайное совпадение, то древненовгородский диалект сохранил одно из древнейших названий ивы, восходящее к эпохе диалектного членения индоевропейского языкового сообщества.¹¹²

Л ѣ п ѣ к ѣ 'род цветка'. В «Повести временных лет» под 1074 г. в сказании о киево-печерских старцах сказано: (Матфей) *видѣ обиходяща бѣса въ образѣ ляха в лудѣ. и носяща в приполѣ цѣбткы. иже глаголется лѣпокъ. и обиходя подлѣ братью взимая из лона лѣпокъ. вержаше на кого любо. аще прилняше кому цѣбтокъ. в поущихъ от братья мало постоявъ. и расслабленъ оумом вино створиъ какю любо изидяше ис цркви.* Как видно из контекста, *лѣпокъ* — прилипающий цветок вроде репея, само слово относится к образованиям с корнем *лѣп-*, *лип-* (*липнути*). Ср. болг.

¹¹¹ Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899, стр. 78—79.

¹¹² Подробно об этом слове см.: Ф. П. Филин. О древнерусском слове «волмина». Тр. Отдела древнерусск. литер. Инст. русск. литер. АН СССР, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 590—594. Ср. также: В. В. Колесов. Этимология как искусство и как наука. Русская речь, 1971, № 6, стр. 101—106.

¹¹⁰ В. П. Левашева. Сельское хозяйство. В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, стр. 51.

лепка 'репей'.¹¹³ Первым обратил внимание на это слово как на древний южнорусский лексический диалектизм А. Е. Крымский, который писал: «Этот летописный рассказ общеизвестен, но никто до сих пор из русских ученых не дал разъяснения, что это за „лепок“, потому что никакой цветок нигде в Великодержавии, ни в одном великорусском наречии, не называется „лепком“, а к речи современных киевских малорусов обратиться не догадались. В современной же Киевщине (как, впрочем, и во многих других местах Украины) *ліпок* — это *Asperula* (растение из семьи *Rubiaceae*, научно переводимое по русской книжной ботанической терминологии словом «шерошница»). *Ліпком* в Киевщине называется — как грубая *Asperula Aragine* (по-великорусски «сеплюга», по-польски *ostrzyca*), так и приятная *Asperula odorata* (по-великорусски «ясменник» или «есмяник», по-польски *mazanka wonna*). Судя по летописному контексту, обаятельный „ліпок“, находившийся у бесовского ляха „в приполі“, был *Asperula odorata*, т. е. ясенник». ¹¹⁴ Действительно, в карточках Словарного сектора и ДРС не нашлось ни одного примера с территории русского языка на слово *лѣпокъ* 'род цветка'. В современных русских говорах слово *лепок* означает 'глиняный черепок', 'бабочка', 'насекомое', 'обрывок веревки', переносно 'толстяк' и др., но не 'цветок'.

Ушь 'какое-то растение'. В новгородских летописных записях под 1128 и 1230 гг. передается сообщение о голоде, постигшем Новгородскую землю: *и ядяху люди листъ липовъ. . . инии оушь. мѣхъ. жониноу* (1-я Новг.; в Новороссийском списке 4-й Новг. — *оужь*, в Тверской летописи — *ужовой дягиль рекше стволъ*), *и ни же мѣхъ ядяху. оушь. сосну. кору липову. и листъ ильмъ кто что замысля* (1-я Новг., 4-я Новг., 1-я Соф., 5-я Новг.). В свое время я выдвинул предположение, что *ушь* образовалось из *ужь* (оглушение звонкого в конце слова после падения редуцированных), ссылаясь на написание *оужь* и глоссу *ужовой дягиль* (современное *дягиль*, *дягильник* — растение *agchangelica*, *angelica*). *Ужь* — субстантивированное прилагательное диалектного распространения к общеславянскому *дягиль*.¹¹⁵ Именное соответствие этого прилагательного *ožь, ср. в современных русских говорах *узык* — название растений, обладающих вяжущими средствами (**ož-*, **ožz-*). Г. А. Ильинский иначе объяснял слово *ушь*, сопоставляя его с литовским названием чертополоха — *ušnìs*.¹¹⁶ В. А. Меркулова предложила

третью этимологию, которая не снимает «правдоподобности первых двух». ¹¹⁷ Она указывает на распространение на территории древних новгородских поселений современного диалектного *ушѣвник*, *ушнѣк* (новг., черепов., олон.), растение *Menyanthes trifoliata*. Др.-новг. *оушь* образовано от *ухо* (*ухо* как элемент названий растений распространено очень широко). Наличие разных гипотез о происхождении этого слова показывает, что его значение пока остается неустановленным. Однако, на наш взгляд, представляется несомненным, что слово *оушь* является одним из древних новгородских лексических диалектизмов.

Молиць 'мякоть дерева, источенная червями [?]' . Это слово единственный раз встретилось в том же новгородском известии о голоде под 1128 г.: *и ядяху люди листъ липовъ. короу березовоу. инии молиць истълькше мятоуце съ пельми и съ соломоу*. В «Словаре Академии Российской» (т. IV, 1793) есть статья: *Мблица*, цы с. ж., старин. Мякоть дерева, червями источенная и наподобие опилок в древесных дуплах находимая. Та же статья повторена в Словаре 1847 г. со ссылкой на приведенное выше летописное сообщение. Н. Я. Аристов дал иное объяснение значения этого слова: *моль*, *молиць* 'мелкая рыба равного рода', иногда 'сетки'.¹¹⁸ Однако сомнительно, чтобы голодные люди толкли мелкую рыбу с мякиной и соломой.

3. Названия рыб, птиц и животных

Отражение этой лексической группы в письменных памятниках (как, впрочем, и многих других групп) крайне неравномерно. Название домашних животных *конь*, *ягня* (*агньць*), *псь* и некоторые другие встречаются очень часто, поскольку эти животные играли важную военную и хозяйственную роль или же их обозначения использовались как средства образной речи в языке христианской религии. Большинство же названий рыб, птиц и животных попадает в древнюю письменность случайно или совсем не находит в ней отражения, что крайне затрудняет или вовсе исключает установление существовавших в древнерусскую эпоху лексических диалектизмов.

Бебръ 'бобр, шелк (?)'. Можно подозревать, например, что древнейший вариант *бебръ* (из праиндоевр. **bhebhru-* 'коричневый'), издревле вытесняемый формой *бобръ*, имел в древнерусскую эпоху (и раньше) локальное распространение. Вариант *бебръ* в древнерусской письменности крайне редок и семантически двусмыслен, в современных говорах он не сохранился. Н. А. Мещер-

¹¹³ Н. М. Дылевский. Очерк исторической грамматики русского языка. София, 1965, стр. 32.

¹¹⁴ А. Е. Крымский. Древнекиевский говор, стр. 30.

¹¹⁵ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 261—262.

¹¹⁶ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XXIII, кн. 1. СПб., 1918, стр. 171.

¹¹⁷ В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений, стр. 39.

¹¹⁸ Н. Я. Аристов. [Заметки]. Тр. Московск. археол. общ., т. IV, вып. 2. М., 1874, стр. 64.

ский, говоря о выражении *бобрънъ рукавъ* в «Слове о полку Игореве», считает, что его можно истолковать не только как 'бобровый', но и как 'шелковый рукав', поскольку в одном из списков переводной «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия имеется *въ ризахъ бобрънахъ* 'в одеждах шелковых'. По-видимому, и в древней Руси, не имея специального термина для обозначения шелковой ткани, ее называли тем же термином, что и мех.¹¹⁹ В картотеке ДРС имеется единственная цитата из «Повести об Акире премудром» XI—XII вв. (по списку XV в.): *въскоръмѣхъ и медо^м и вино^м и одѣхъ и бобрѣмъ и брачиномъ и възрасте; и научихъ и всакой грамотѣ*, в которой *бобръ* может быть понято и как бобровый мех, и как шелк. В новгородской берестяной грамоте № 7, XII в., читается *сорок лисичъ . . . шестъ бобрѣко*, где ясно, что речь идет о бобровых шкурках. Любопытны данные ономастики; р. *Бобрѣйка* Вяземского уезда, д. *Бобрино* Тверского уезда, в Приходо-расходной книге Волоколамского монастыря 1573—1574 гг. читаем: *дано детеньшию Грише Иванову сѣну Барыжну оброку рубль, порука по нем Семѣ Бобрън*. Эти сами по себе интересные данные не дают возможности хотя бы приблизительно наметить географическую область распространения слова *бобръ*.

Зегзица 'кукушка'. Мы можем предполагать, что разнообразные варианты названия кукушки должны были иметь особые зоны распространения, так как вряд ли можно допустить, что все они совмещались в одних и тех же говорах. Конечно, не все эти варианты возникли одновременно, но несомненно, что многие из них достаточно древни. Только в современных русских говорах зафиксированы *зегзица* (воронеж. 'иволга'; ср. *зегзица* в «Слове о полку Игореве»), *зозуля*, *зузуля*, *язюля*, *зезюля*, *зююля*, *зезюлик*, *загозка*, *загожка*, *загошица*, *загоза*, *жегзуля*, *жегзуля* (из вероятного праслав. *žegъza, *žegъzica, *žegъzula) || *кукушка*, *кокушка*, *кужавка* и др. (это звукоподражательное по происхождению слово в разных вариантах имеется в тюркских, финно-угорских, монгольских и некоторых других языках). Кукушка играла большую роль в поверьях древних племен. П. А. Петров на основании фольклорно-этнографических данных предполагает, что поверие о кукушке, предвещающей смерть, было распространено у древних славян, балтийцев и германцев и связано с глухой кукушкой (*Cuculus saturus horsfieldi* Moore), которая еще со времен плейстоцена обитала в лесной полосе Восточной Европы (от Мурманна на севере до Киева на юге). П. А. Петров зарождение указанного поверия относит в глубочайшую древность.¹²⁰ Коль скоро пове-

рие, связанное с кукушкой, является древним, то, следовательно, должны были существовать в древности и ее названия. Однако древняя письменность содержит очень скудные данные об этих названиях, что лишает нас возможности реконструировать диалектные зоны их распространения. Не можем мы установить диалектные зоны древнерусской эпохи названий аиста (ср. теперешние его диалектные обозначения *бадьян*, *батян*, *бачан*, *ботьян*, *бочан*, *буцян*, *бусел*, белор. *бусел*, укр. *бусел*, *бусол*, *бузько*, *лелека*, *чорногуз* и др.), грача (*грач*, *грак*, *гайворон* и др.), ворона (*заворон*, *гайворон*, *ворон* и др.), стрижа (*стриж*, *воронок*, *веренок* и др.) и многих других птиц, рыб и животных. По-видимому, и в будущем для исторической лингвистической географии здесь мало найдется поживы. Все же в отдельных случаях мы можем выдвигать свои предположения и в этой области лексики.

Вѣверица || *вѣкша*, *вѣкшица* 'белка'. Эти слова довольно хорошо представлены в древнерусской письменности, однако их первоначальные ареалы распространения сильно осложнены тем, что довольно рано они стали обозначать не только белку, но и денежную единицу. Как известно, денежные единицы имели широкое хождение, часто не считаясь не только с диалектными, но и с языковыми границами, а вместе с их названиями распространялись и названия белки. В подавляющем большинстве случаев оба слова в древнерусских текстах означают денежную единицу. Слово *вѣвера*, *вѣверица* в новгородских берестяных грамотах употребляется исключительно в значении денежной единицы. Обычно это слово, когда оно употребляется и в других северных памятниках, именно в этом значении. По-видимому, *вѣвера*, *вѣверица* было древним общевосточнославянским словом (как и общеславянским). Оно вместе с расселением восточнославянских племен продвинулось на север и северо-восток. Может быть, остатком его на севере является редкое современное арх. и новг. *веверица* (*веверица-белочка* взбежала по сосне¹²¹), если это не занесенное с юга вместе с названием денежной единицы слово. Устойчивое распространение слова *вѣверица* в обоих значениях на юго-западе несомненно. Показательны в этом отношении и лексические расхождения в летописях. В «Повести временных лет» в статье под 859 г., несомненно киевского происхождения, сообщается: *имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнх на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ. а Козара имажу на Полянѣхъ и на Сѣверехъ и на вятичѣхъ. имажу по бѣлѣи вѣверицѣ от дыма*; в ряде северных и северо-западных летописей (1-й Софийской, Воскресенской, Типографской, 1-й Псковской, Тверской, Львовской, Ермолинской и др.) вместо *вѣверицѣ* стоит *вѣкицицѣ*.¹²² Лишь позже на

¹¹⁹ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». Уч. зап. ЛГУ, № 198, Сер. филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 6.

¹²⁰ Петър А. Петров. Этнографски елементи на славяно-балтогерманска общност. София, 1966.

¹²¹ Словарь русских народных говоров, вып. 4, стр. 89.

¹²² Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка, стр. 216—217.

юго-западе слово *вѣверица* начинает вытесняться словом *бѣлка*, в настоящее время сохраняясь только в отдельных говорах (ср. укр. диал. *вивірка, віворка, вівериця* и др., белор. диал. *вавѣрка, евѣрка* и др., зап.-русс. *вевѣрка*). Как отмечает В. П. Токар, слово *бѣлка* появляется в юго-западной письменности в XV в.¹²³

На севере и северо-востоке довольно рано распространяется слово *вѣкша* (*вѣкшица*), которое вытесняет исконное *вѣверица*. Слово это финно-угорского происхождения (ср. марийск. *о́кса* 'деньги') и было заимствовано или непосредственно из финно-угорского источника, или же из древнебулгарского языка (ср. чуваш. *vakša* 'белка'). Впрочем, не исключено и собственно славянское образование. *Вѣкша* известно уже в «Русской Правде» и некоторых других ранних памятниках. Встречается это слово в подавляющем большинстве случаев в северных и северо-восточных памятниках, в том числе и в московской письменности, причем известны и производные от него образования: *шутка женская на вѣкошникъ черевахъ* (Отпись Ртищева 1660—1671 гг.), *а иже по селомъ живодать, инии вѣкшину ядятъ* (Правила XV—XVI вв.) и др. В XVI—XVII вв. в московской и северной письменности широкое распространение получает переносное значение 'блок', в связи с чем появляются и *вѣкошный мастеръ, вѣкошное дело* и др. В московских грамотах XVII в. имеется также *вѣкошникъ* 'мастер, изготовляющий посуду'. В более ранних памятниках *вѣкша, вѣкшица* наиболее часто употребляется в значении денежной единицы. Слово *вѣкша* в единичных случаях встречается в южновеликорусской письменности XVI в. Ср., например, его употребление в Путивльской писцовой книге.¹²⁴

Широко фиксируется слово *векша* 'белка' в современных говорах, главным образом северных, начиная от границы с Латвией и кончая Дальним Востоком. В старых диалектологических записях (XIX—начала XX в.) это слово отмечается и в некоторых смоленских, калужских, тульских и рязанских говорах. В северных говорах *вѣкша* сохраняется и в значении 'блок', в олонечских, архангельских, пермских и свердловских говорах *векша* имеет и значение 'сорока'. Ср. еще производные в северных областях: *векшарь* 'гриб козляк', *векшеватик* 'гриб масленок', *векшевод* 'человек, употребляющий в пищу белок'. Сюда же идет и арх. *вѣшка* 'молодая белка, рыжеватая, еще не допешдая до голубизны'.¹²⁵ Данные письменности и современных говоров с очевидностью свидетельствуют о том, что *вѣкша* в древнерусскую эпоху было распространено на Смоленщине, Псковщине, Новгородчине,

в волго-окском междуречье и, может быть, в южном Приочье. Проникновение этого слова в среднее Поднепровье и другие южные области могло осуществляться лишь спорадически в процессе хозяйственно-торговых связей севера и юга. Диалектная зона *вѣкша*, противопоставленная исключительному употреблению *вѣверица* на юге, начала формироваться не позже X—XI вв., а может быть, и несколько раньше. Вытеснение на севере слова *вѣверица* словом *вѣкша* могло сопровождаться попыткой их семантического разграничения: в «Словаре Академии Российской» 1806 г. *веверица* объясняется (со ссылкой на Татищева) как 'ласка и горностаи' (это же толкование повторяет Даль). По устному сообщению А. Н. Котвича, в некоторых белорусских говорах *левюрка, лывюрка* означает 'ласка', 'горностаи'. С XIV—XV вв. во всех восточнославянских языках получает широкое распространение слово *бѣлка*.

Лошадь 'лошадь'. Наряду с общеславянскими *конь, комонь, оръ* в древнерусском языке начинает употребляться тюркизм *лошадь*, о котором существует большая литература.¹²⁶ Как известно, впервые это слово употреблено в летописной записи речи Владимира Мономаха на съезде князей на Долобском озере в 1103 г.: *и рече Володимерь. дивно ми дружино. оже лбшади жалуете. ею же ореть. а сею чему не промыслите оже то начеть орати смердъ. и приѣхавъ половинъ оударить и стрѣлою. а лошадь его поиметь. . . то лошади жалъ. а самого не жалъ ли* (Лавр. и другие летописи; в Ипатьевской — *а кобылу его поиметь*). Все согласны с тем, что здесь рабочая лошадь смерда противопоставлена боевому коню. По одному этому примеру трудно судить, насколько широко было известно это слово в древнекиевском койне и как долго оно в нем употреблялось. Все другие данные говорят о том, что *лошадь* было распространено не на юге, а на территории современного русского языка. Юго-западной письменности оно несвойственно, как и современным украинскому и белорусскому языкам. Укр. диал. *лоша* 'жеребенок', *лошун, лошиця* 'лошаденка', *лошица* 'кобыла по второму или третьему году' и др. свидетельствуют о самостоятельном и более позднем заимствовании из тюркского источника. Между тем в северной письменности слово *лошадь* постепенно приобретает широкое распространение. В духовной грамоте новгородца Климента конца XIII в. читаем: *за все за то два села съ обильемъ и съ лошадьми и съ бортью и съ малыми селищи*, в 1-й Псковской летописи под 1217 г.: *а лошадеи отняли семьсотъ*. В картотеке ДРС имеются многие десятки примеров из русской письменности XVI—XVII вв. разных областей (северновеликорусских и южно-

¹²³ В. П. Токар. Іменники жіночого роду із суфіксом -к(а), утворені від прикметникових основ, в українській мові. Наук. зап. Дніпропетровськ. унів., т. 63, вип. XIV. Харків, 1958, стр. 44.

¹²⁴ С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности. . . , стр. 133.

¹²⁵ Словарь русских народных говоров, вып. 4, стр. 104—106, 79.

¹²⁶ Одна из последних работ принадлежит Г. А. Хабургаеву: Г. А. Хабургаев. *Лошадь, конь* и судьба восточнославянских племенных диалектов. Уч. зап. Моск. обл. пед. инст., 1967, т. 197, вып. 13, стр. 293—309.

великорусских). Появляются и производные: *лошаденка, лоша-денко, лошадишка, лошадка, лошадиный, лошадинникъ*. В Тверской летописи сообщается в статье под 1170 г. о том, что во время голода *ини лошадину ядоша въ великое говѣние* (это может быть записью не XII в., а более позднего времени).

Фиксация слова *лошадь* в киевской летописи в начале XII в. и в новгородско-псковской письменности в XIII в. заставляет предполагать, что заимствование было произведено значительно раньше, так как вряд ли могло это слово распространиться на огромной территории будущих великорусских областей и проникнуть в Киев за короткий срок. То обстоятельство, что слово *лошадь* имеет большую частоту употребления в южновеликорусских говорах (в северновеликорусских оно, конечно, тоже известно всюду, но в них наблюдатели часто отмечали слово *конь* в общем значении 'лошадь' и в значении 'рабочая крестьянская лошадь'), давно уже позволило выдвинуть предположение, что оно появилось прежде всего у вятичей. А. А. Шахматов полагал, что, «судя по современному малорусскому языку, слово это было неизвестно языку полян и древлян. В Киев оно попало с востока, может быть, через посредство вятичей; ср. распространение этого слова в великорусской, преимущественно южновеликорусской области».¹²⁷ Распространение слова *лошадь* на территории русского языка через южновеликорусские говоры предполагают О. Н. Трубачев¹²⁸ и некоторые другие исследователи. Наиболее вероятным источником заимствования был древнебулгарский язык (форма *лаша, *лоша по отсутствию в ней начального *а*-характерна для чувашского языка). Суффикс *-дь*, возникший в этом слове на русской почве, удовлетворительного объяснения пока не получил. В южно-великорусских памятниках XVI—XVII вв. обычны *конь* 'лошадь для всадника' и *лошадь* 'лошадь для тяги'.¹²⁹

Сорога 'плотва'. Слово в северной письменности появляется поздно (в XVI—XVII вв.), что не должно нас удивлять, если мы будем учитывать случайность появления в письменности многих слов. Оно является несомненно финским заимствованием (карел. *särgi*, вепс. *särg*, финск. *särki* 'рыба *leuciscus rutilus*, плотва'), причем ранним. Поздние заимствования из финно-угорских языков с корневыми сочетаниями *-ar-*, *-är-*, *-or-* и пр. остаются в русских говорах неизменными, ср. *корба* (ранний пример 1391 г.), *сельга* (1391 г.), *мерда* (1496 г.) и др., тогда как древние подвергаются преобразованию в полногласия. На этом основании можно

считать, что слово *сорога* было заимствовано в эпоху, когда полногласие было живой фонетической закономерностью, т. е. еще до возникновения древнерусской письменности. Слово это с его производными (*сорожка, сорожий, сорожняк*), по данным картотеки «Словаря русских народных говоров», распространено на севере (от верховьев Волги на западе до Колымы на востоке). В некоторых архангельских говорах оно заимствовано вторично, о чем свидетельствует ее неполногласная форма *сорга*. Как известно, рыболовство у древних словен и кривичей имело серьезное значение, являясь заметным подспорьем к сельскому хозяйству. Войдя в тесный контакт с западнофинскими племенами, славяне заимствовали у них не только название плотвы. Надо полагать, были тогда же заимствованы и названия более ценных рыб, особенно тех, которых не было на славянской прародине. К таким названиям можно отнести *сиэг* (зафиксировано в новгородских берестяных грамотах № 144, XIII—XIV вв.; № 280, XIV в.): финск. *siika*, эст. *siig* (из др.-сканд. *sikr*, норв., швед. *sik* 'сиг'), *хариус, харьус* (финск., карел., вепс. *harjus*), *таймень* (новгородская берестяная грамота № 280, XIV в.) и некоторые другие. Поскольку нет более ранних письменных свидетельств употребления этих слов, вопрос о времени их заимствования остается открытым.

4. Термины материальной культуры и быта

Многие предметы материальной культуры издревле распространялись на широких территориях, пересекая этноязыковые границы, не говоря уже о границах диалектных, а вместе с ними распространялись и их названия, поэтому лексика, относящаяся к обозначению особенностей материальной культуры, в историко-географическом отношении является довольно подвижной. Все же какая-то часть названий, исконных и заимствованных, на определенных этапах истории языка локализируется и относится к диалектной лексике. Лексико-семантические диалектизмы этого рода имелись и в древнерусском языке. Приведем здесь некоторые примеры таких диалектизмов.

Бервь 'помост на воде на вбитых в дно кольях; плот'. Впервые слово зафиксировано в известном новгородском сказании о свержении идола Перуна в Новгороде: *и иде пидьбляинь рано на рѣку, хотя гърнци везти въ городѣ, оле Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ* (1-я Новг. под 989 г., также 2-я Новг., 3-я Новг., 4-я Новг., 5-я Новг., Новг. архивная, Львовская, Воскр., Тверская летописи; в Строевском списке 4-й Новг., — *к берегу*). Ср. еще: *и да усѣкну ти древа кедрова. . . и положу я в бервь на мѣсто дондежъ пустиши къ мнѣ и доведу я тако и ту възмеша я* (Библия новгородского архиепископа Геннадия, 1499 г.), *отъ анбара мостъ пловучей къ берегу да третья бервь съ берегу; а въ томъ ему и въ бервѣхъ и въ мосту плаучемъ половину про-*

¹²⁷ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Пгр., 1916, стр. 81.

¹²⁸ О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 54.

¹²⁹ С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусской письменности. В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, стр. 42.

далъ (купчая Кирилловского монастыря 1544 г.). Вне древнепсковской письменности слово *бервь* пока никем не отмечено, что подтверждается и данными А. Поппе.¹³⁰ По-видимому, мы имеем дело с древним новгородским лексико-семантическим диалектизмом, который образовался из праслав. *brvъ 'бревно', 'свая'. Развитие значения *brvъ в разных славянских областях дало близкие, но неодинаковые результаты: болг. *brъв* 'перекладина, мостик; брод', словенск. *brv* 'мостик; скамья; банка (в лодке)', чешск. *brv* 'перекладина, мостик' и др. В современных восточнославянских говорах др.-новг. *бервь* не сохранилось.¹³¹ Производные *бревно* и пр. имеют общеславянское распространение, хотя каждый из вариантов также локализуется.

Берковъскъ (< *берковъскъ*) 'мера веса (размер ее колебался, обычно же 10 пудов).' Раннее заимствование из древнескандинавского (др.-швед. *biærko*, др.-норв. *biærkey* от *Bjerkö* — названия процветавшего в IX—X вв. древнешведского торгового рода).

Впервые слово встречается в новгородской грамоте кн. Всеволода 1135—1136 гг., хотя, вероятно, заимствовано было не позже XI в.: в 1-й Новгородской, 1-й Софийской, Типографской и некоторых других летописях под 996 г. помещен новгородский вариант сказания о постройке вел. кн. Владимиром церкви Преображения в Василеве под Киевом: *и створяше праздньикъ великъ. 300 берковъсковъ меду розсыти* (в Лавр. и др. — *проваръ*, в Радз. и Акад. — *варъ*). В XII—XIII вв. *берковъскъ* употребляется в северо-западной письменности (ср., в частности, в смоленской грамоте 1150 г. по списку XVI в.¹³²), в том числе известен и в новгородской берестяной грамоте № 219, XII—XIII вв. Совершенно очевидно, что заимствование это вначале имело локальное распространение и было северо-западным лексическим диалектизмом. Однако мера веса вместе с торговлей должна была проникнуть в другие области, что и происходит. В Ипатьевской летописи под 1146 г. сообщается, что во дворе киевского князя Святослава *въ погребѣхъ было 500 берковъсковъ меду*. Впрочем, это единичное употребление в ранней южной письменности в отличие от северо-западной, где слово обычно. Из северо-западных говоров *берковъскъ* попадает в XV в. в язык Москвы. В XVII—XVIII вв. слово в форме *берковец* получает общерусское распространение, употребляясь в письменности самых различных местностей, проникает в украинский и белорусский языки. *Берковъскъ* попадает также в польский язык и в балтийские языки. Любопытна псковская форма *берковко* (*псковичи торговые люди. . . за добрый поташ*

на выѣсъ безъ дерева давали по 8-ми рублей берковко — Акты Моск. государства, II, 1655 г.), а также совр. брянск. *берканец* 'ящик, в который помещается 12 пудов свеклы'.¹³³

Бредньикъ 'бредень'. Ср. в смоленской грамоте 1150 г.: *а у Торачи урока 40 гривенъ. . . неводъ. . . бредникъ, троисани рыбы*. В. Н. Вакуров, исследовавший древнерусскую терминологию рыболовного промысла, утверждает, что слово *бредникъ* и другие словообразовательные формы — *бродник*, *бродок*, *бредень* и др. распространены в русских говорах, преимущественно в северных, а в других славянских языках их нет.¹³⁴ Правда, имеются укр. *бредень*, белор. *браднік*, русское происхождение которых еще надо доказать. Все же можно полагать, что древняя форма *бредньикъ* была распространена на севере и северо-западе. Теперь *брѣдник* и *бреднік* — 'бредень', 'небольшой невод, которым ловят рыбу, бродя на мелком месте у берега' — фиксируются исключительно в северных и северо-западных говорах (арх., волог., новг., яросл., вят., перм., том., смол., твер.).¹³⁵

Вълна, волна 'шерсть'. Как известно, слово принадлежит к древнейшему индоевропейскому слою лексики, имелось оно праславянском языке, широко представлено во всех славянских языках. Однако, по-видимому, очень рано вышло из употребления на восточнославянском севере. Если в юго-западной письменности оно встречается в разных жанрах, то в северных памятниках оно пока никем не зафиксировано. Правда, в картотеке ДРС имеется довольно много примеров из письменности различных местностей, в том числе и северной, но все эти примеры взяты исключительно из церковно-поучительной литературы и произведений переводного характера (Александрия XII в. по спискам XV в., Четьи-Минеи, Измарагд, Слово Ипполита об Антихристе и т. п.), а в памятниках оригинальных, в том числе в деловой литературе, на это слово не нашлось ни одной цитаты. Единственный пример из деловой литературы явно южного происхождения: *и какъ изволишь, государыня, князь Петръ Ивановичъ велѣлъ тенята въ поскони дѣлатъ, и ты какъ изволишь, волну ли дѣлатъ или въ поскони прятъ* (Переписка Хованского, около 1682 г.). Характерно, что монах Лаврентий, в 1377 г. переписывая в «Повести временных лет» известное сказание о добрых и злых женах, не понял слова *волну* и вместо него написал бессмысленное *лну весны* (в статье под 908 г.). В северновеликорусском Алфавите XVII в. слово *волна* подвергается толкованию: *ярину, волну, еже есть шерсть*. Данные древнерусской письменности полностью подтверждаются современными говорами: слово *волна* обычно в украинском и

¹³⁰ А. Поппе. *Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w.* Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 2.

¹³¹ *Словарь русских народных говоров*, вып. 2.

¹³² С. М. Успенский. *Язык смоленских грамот XII—XIV вв.* Филол. сб. Смоленск, 1950, стр. 27.

¹³³ *Словарь русских народных говоров*, вып. 2, стр. 259.

¹³⁴ В. Н. Вакуров. Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке. (На материале деловых памятников XIV—XVI веков). *Вопр. истории русского языка*. Изд. МГУ, 1959, стр. 41.

¹³⁵ *Словарь русских народных говоров*, вып. 3, стр. 171.

белорусском языке (*вобна*), а также в большинстве южновеликорусских говоров, в отдельных случаях проникает в средневеликорусские говоры и несвойственно северновеликорусскому наречию. В XVIII в. из южных говоров оно попадает в русский литературный язык, но не удерживается в нем. Любопытно употребление *вълна* в 1-й Новгородской летописи под 1125 г.: *бше боура веліка съ громомъ и градомъ и хоромы раздъра и съ божницъ вълны раздъра* = крыши (церквей).

В о л о г а 'род пищи (жидкая пища, варево, сало, жир и т. п.)'. Праслав. *volga 'влага', по-видимому, довольно рано приобрело на восточнославянской почве новое значение 'жидкая пища', 'варево' и пр. Однако у восточных славян новое значение развилось не повсеместно. Слово *волога* в новом значении употребляется в ранней новгородской письменности: *а се уроци городнику: . . . за кормъ и за вологу и за масо и за рыбы 7 кунъ на недѣлю* (Синодальный список Русской Правды); *не бився о моклякъ, вологи не видати* (вариант: *не вкусивъ горести, ино сладости не видати*) (Слово Даниила Заточника XII в.); *и вздорожиша все по торгу: и хлѣбъ и волога, и отътолѣ дороговъ* (5-я Новг., 1228 г.; в 4-й Новг.: *и хлѣбъ, и маса, и рыбы*) и др. В ранних юго-западных памятниках *волога* отсутствует (в словаре Е. Тимченко оно не засвидетельствовано). В XIV—XV вв. *волога* 'пища' появляется в псковской письменности. В картотеке ДРС имеется много примеров на употребление этого слова в северных (новгородско-псковских, северодвинских и др.) и московских памятниках XVI—XVII вв. В XVII в. появляются и производные слова: *полба, коимъ обычаемъ прията будетъ, волгость изъ плюча (плеча) выгонить и старый кашель тушить и перси воложить* (Лечебник 1672 г.), *сами всегда ядят воложно да и люди кормят* (Сказание Сибирской земли XVII в.). Слово не сохраняется в русском литературном языке, исчезая из письменности, по-видимому, под воздействием южновеликорусских говоров и ввиду своего несоответствия обычной церковнославянской форме *влага*. Однако в говорах (почти исключительно северных и северо-западных) оно сохранилось в различных значениях: *волога* 'скоромное жидкое съестное', 'похлебка', 'варево' (волог.), 'приварок', 'овощи' (арх., костром.), 'коровье масло, сало', 'подмазка на блины' (пск., нижегор., волог.), 'жир', 'масло' (черепов.), 'вареная говядина, рыба и вообще приправа к щам, ухе, а также вареная жидкая пища' (олон.), 'зимний запас соленья, грибов' (чухлом.), 'пища вообще, харчи' (медвежьегор.) и др., *воложь* 'сало, жир на животном' (арх.), *воложить* 'маслить', а также 'ублажать, улащать кого-либо' (сев.-вост., твер.), *воложный* 'жирный', 'масляной', 'сдобный' (арх., костром.) и т. п. Лишь в отдельных случаях *волога* и его производные выходят за пределы северновеликорусских говоров: *воложный* 'жирный', 'масляной' (ряз., тамб.), *воложное* 'масло, приносимое св. Власию при молебствии ему о скоте' (тульск.), *воложить*

'маслить' (ковельск.) и др. Трудно определить, являются ли отдельные случаи употребления слова *волога* в южновеликорусских говорах архаическими остатками когда-то распространенного здесь слова или же результатом экспансии слова в московскую эпоху. Отметим также, что *волога* 'масло', 'сметана' зафиксировано и в некоторых севернобелорусских говорах. В современном украинском литературном языке полногласная форма *волога* сохраняет праславянское значение 'влага' (*вологий* 'влажный', 'сырой', *вологість* 'влажность', 'сырость', *вологнути* 'влажнеть', 'сыреть', *волого* 'влажно', 'сыро'). Обращает на себя внимание сходство значения сев.-русс. *волога* и балтийских соответствий: лит. *válgyti* 'есть', *pavalgà* 'приправа', 'закуска' и др. Если это не параллельное семантическое развитие, то можно предположить, что *волога* 'пища' появилось у тех восточнославянских племен, которые, продвигаясь на север, ассимилировали древнее балтийское население в верхнем Поднепровье.

В о т о л а 'грубая ткань, одежда, сделанная из этой ткани'. В описании благочестивых подвигов Исаакия в Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской и Академической летописях под 1074 г. сообщается: [Исаакий] *облечеса въ власяницу и на власяницу свиту вотоляну и нача оуродство творити* (в Акад. списке Никоновской летописи *волосяну*). В сказании об убийстве волхва в Новгороде князем Глебом есть место: *Глѣбъ же, возмя топоръ подъ вотолу, приде къ волхву и рече ему: что хочеть утро быти что ли до вечера* (5-я Новг., 1071 г.; в Лавр.: *подъ skutъ*).

Слово *вотол* имеется также в Киево-Печерском патерике по списку XV в., а также в духовном завещании вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г. В картотеке ДРС хранятся также три карточки на слово *вотолка* 'головка кисти, в которой скреплена кисть', извлеченные из описания конского прибора Бориса Годунова 1589 г. и актов Великоустюжского монастыря 1688 г. Эти данные не позволяют судить о зоне распространения слова *вотол* в говорах древней Руси. Только сведения из современных говоров, может быть, проливают свет на его древнюю географию. Совр. *вотбла*, *вотѣла* 'грубая крестьянская ткань', 'дерюга', 'ряднина', 'покрышка для чего-либо', 'одеяло' и пр., *ватѣлка*, *вотбла* 'дерюга', 'веретье', 'ковер' и пр., *ватблѣник* 'пряжа для вотолы', *ватбля*, *ватбла*, *ватблы* 'шерстяные чулки домашней вязки', *ватблѣть* 'плохо пряхть', 'делать грубую толстую нить' и т. д. распространены исключительно на территории русских говоров, особенно их восточной части (как северных, так и южных). Есть и форма с начальным *б*: олон. *батбла* 'охотничья одежда', ряз. *батѣла* 'одеяло, сотканное из очень грубой пряжи'.¹³⁶ Этимология этого слова, к сожалению, пока не установлена. По Фасмеру (I, 358), эст. *vatel* 'крестьянская ткань' и русск. *вотол* «происходят из общего

¹³⁶ Словарь русских народных говоров, вып. 2, стр. 146—147.

источника», а лит. *vātulas* 'небольшая рыбацья сеть' заимствовано из русского. По-видимому, *вотоло* (*ватоло*) — одно из древних заимствований, имевшее распространение в славянских говорах волго-окского бассейна, откуда оно могло проникнуть и в другие области.

Вѣхъть 'тряпка, мочалка, клок, пучок соломы, сена'. Может быть, и это слово, представленное не только в восточнославянских, но и в западнославянских языках, а также в словенском языке, было в древнерусскую эпоху лексическим диалектизмом, рано выйдя из употребления в волго-окских говорах. На эту мысль наводит его употребление в древнерусских текстах и современных говорах. Волхвы, представшие перед судом Яня, излагая свои языческие воззрения, говорили: *богъ мьвѣся в мовници и отерся вѣхтемъ и верже с небесе на землю* (1-я Новг., 4-я Новг., 5-я Новг., 1-я Соф., Ипат., Акад., Типогр., Тверск. и др. под 1071 г.; в Лавр., Никон. — *ветъхомъ*, Радз. — *ветхимъ*, Воскр. — *ветземъ*, Львовск. — *ветхим платомъ*). Как видно из этого, составители некоторых летописей сочли нужным заменить *вѣхтемъ* на *ветъхомъ*. В картотеке ДРС других примеров не оказалось. В московской письменности XIV—XVII вв. слова *вѣхъть*, по-видимому, нет. Как известно, нет его и в современном русском литературном языке. Между тем на близкое по значению слово *ветхий* и его производные (*ветошка*, *ветошник* и др.) имеется большое количество цитат из русских памятников XVI—XVII вв. Своеобразно распределено *вѣхъть* на современной восточнославянской территории. *Вѣхоть*, *вехотка*, *вехотѣк*, *вехотик*, *вѣхтик* и другие формы в значениях 'мочалка', 'тряпка для различных хозяйственных надобностей', 'пучок соломы, сена' и некоторых других хорошо известны на территории русского языка, однако за исключением московских, владимирских, костромских, ярославских, тульских и некоторых других говоров центральной России.¹³⁷ Обычно слово в украинском (*вѣхоть* 'пучок', 'пук', 'клок', 'мочалка', 'щетка') и белорусском (*вѣхаць* 'мочалка') языках.

Гребля, *гробля* 'ров, вал, насыпь, плотина'. Слово известно в ранней южной, а также новгородско-псковской письменности: *и бѣше мостъ черезъ греблю ко вратомъ граднымъ* (Ипат., Радз., 977 г.; в Лавр. 2 раза — *гроблю* и *изъ гробли*), *биша са дружина мота съ нимъ о малу греблю* (Поучение Владимира Мономаха), *а в Людинъ конецъ чрезъ гроблю* (Русская Правда), *нѣлѣ бѣше до тѣргу сквозъ городъ ни по грѣблѣ ни на поле выйти смороды ради* (1-я Новг., 1158 г.), *постави церковь въ свое имя оу Смердина моста надъ греблю* (1-я Пск., 1373 г.) и др. Современное укр. *гребля* 'плотина', 'запруда', белор. *гребля* 'гать', 'плотина'. Т. А. Марусенко отмечает *гребля* 'насыпной холм',

'небольшая земляная насыпь', 'плотина', *гробля* 'горный хребет', 'плотина'.¹³⁸

В поздней новгородско-псковской письменности, а также во всей письменности северо-восточной, по данным картотеки ДРС, слово это не встречается, нет его и в современных новгородско-псковских и почти всех других русских говорах, как и в русском литературном языке. *Гребля* 'плотина', 'гать' отмечено в юго-западных и западных русских говорах, причем чаще всего оно встречается в местностях, соседящих с Украиной и Белоруссией. Любопытно жиздр. *гребля* 'вода в пруде'. Следовательно, *гребля*, *гробля* уже в древнерусскую эпоху было юго-западным лексическим диалектизмом. Можно полагать, что на новгородско-псковский север это слово попало с юга как военно-инженерный термин.

Дертца (*дѣртица*) 'тонкая дощечка для покрытия крыши, драпка'. В древнем сказании о сожжении Ольгой города древлян Изкорогена сообщает: *и тако възгарахуся голубници и дертица* (5-я Новг., 984 г., в списке Публичной библиотеки *дертицы*; в других списках летописей или нет слова, или нет текста). В свое время я предполагал, что это слово — «южнорусский диалектизм, проникший в новгородскую письменность: укр. *дертиця* 'драница, тонкая доска, отколота или отщепленная от дерева (употребляется для кровель и пр.)' (Гринченко, 414, 482)». ¹³⁹ К этому мнению присоединился Л. А. Булаховский, указавший еще на вариант *тертиця*.¹⁴⁰ По данным «Українсько-російського словника», *тертиця*, обл. 'доска'.¹⁴¹ Однако эта гипотеза нуждается в исправлении: слово *дертиця* хорошо известно в новгородских, олонечких, холмогорских и некоторых других северных памятниках XVI—XVII вв.: *а иныя хоромы почиивати и покрывати старыя дертицами* (Акты Холмогорской и Устюжской епархий XVI в.), *дѣлал мастер в лѣтѣ девятсотъ дертиц драк* (Приходо-расходная книга Антониева монастыря, 1588 г.) и т. п. Правда, все северные примеры встречаются исключительно в деловых документах, относящихся к церковно-монастырскому строительству. В современных русских говорах слово не зафиксировано. Только в «Опыте областного великорусского словаря» (1852) отмечена в пенкурском говоре близкая форма *дертьѣ* 'тонкие сосновые пластинки, употребляемые иногда вместо тѣсу для крыш мелких деревянных строений, например бань, погребов'. Вне новгородско-северодвинской письменности слово *дертиця* на русской территории пока неизвестно, поэтому можно полагать, что в древнерусскую эпоху оно было диалектизмом, вероятно, южнорусским, но не исключено,

¹³⁸ Т. А. Марусенко. Материалы к словарю. . . , стр. 224.

¹³⁹ Цит. по: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 241—242.

¹⁴⁰ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 84.

¹⁴¹ Українсько-російський словник, т. VI. Київ, 1963, стр. 38.

¹³⁷ Словарь русских народных говоров, вып. 4, стр. 208—210.

что в то же время оно было известно и древненовгородскому диалекту, хотя на север могло попасть и позже.

Керста, корста 'рака, гробница, гроб'. Слова эти «конкурируют» со словами *гробъ, гробница, рака*, имеющими в древнерусской письменности географически не ограниченное распространение. Термин *керста* изредка встречается в памятниках севернорусской письменности: *тамо же въ керстоу вложень бѣ, вверженъ бѣ в рѣку. по изволеню же бѣжю пришѣдъ бѣжвенный англь и изнесе керсту на соуху* (Пролог XIII в.). Производное *керстица* 'сосуд' отмечается также в новгородской письменности: *чрево его керстица слонова на камени сапфирѣ* (Библия Геннадия 1499 г.), *по вложи и в кожець рѣше в керстицу* (=кожаный мешок?) *и верже в рѣку* (Пролог XV в.). Слово *кѣрста, керста* 'могила' было отмечено только в некоторых северных говорах и находит свое отражение в северо-западной топонимике (ср. д. *Кѣрство* Кингисеппского района Ленинградской области).

Как полагают этимологи, *керста* < *кѣрста* было заимствовано из западнофинских языков (финск. *kirsti* 'ящик', 'сундук', 'тюрьма', эст. *kirst* 'ящик', 'гроб'), причем заимствование произошло до падения редуцированных гласных (*i* > *ь*). Можно считать, что *керста* принадлежит к слою древних новгородских лексических диалектизмов. Сложнее обстоит дело с формой *корста*, известной в древнекиевской письменности, но не чуждой и на новгородском севере. В киевской «Повести временных лет» *корста* впервые употреблено в известии о смерти Владимира под 1015 г.: *и вложиши и в керсту мороморяну* (Лавр.; *в гробъ мраморанъ* — Акад. и Толст. сп. 1-й Новг., Ипат., 1-й Соф. и др.; *в раку* — Рада., Акад., Археограф. сп. 1-й Новг., Львовск., Никон.).

В отличие от мраморной гробницы *корста* означала и дешевый деревянный гроб: *в си же времена мнози человекци умираху различными недугы якоже глаголаху продающе корсты. Яко продахомъ корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ* (Лавр., Никон., 1092 г.; *гробы, гробовъ* — Воскр.; некоторые переписчики сочли нужным изменить смысл текста: *кресты, крестъ* — Рада., Акад., *хрестъ* — Ипат.). В Азбуковнике XVII в. *корста* толкуется как *гробъ*. Слово *корста* употребляется в Киево-Печерском патерике, Хронике Георгия Амартола, Александрии, Житии Андрея Юродивого и некоторых других южнорусских оригинальных и переводных сочинениях. Обычно предполагают, что слово это заимствовано из балтийских языков (в других славянских языках оно неизвестно) — лит. *kařstas* 'гроб', 'могила'. Если это верно, то заимствование было произведено после завершения изменения *tort в *torot*, т. е. не раньше IX в. Впрочем, в «Молении» Даниила Заточника имеется полногласная форма *короста* 'гроб'. Нуждается в расшифровке и иной вокализм: *кѣрста, крѣста*. Так или иначе, можно полагать, что *кѣрста* > *керста* было древ-

неновгородским диалектизмом, а *корста, кѣрста* — древним южным или юго-западным словом.

Лазня, пѣрть 'баня'. Названия бань у восточных славян различны, как и различно их устройство: *баня, лазня, мовь, мовьница, истъбѣка* (истопка), *пѣрть* и др. Вероятно, в древнерусскую эпоху эти названия имели локальное распространение, которое неоднократно изменялось, что является интересным объектом исторического лингвогеографического исследования. Слово *баня*, по-видимому, уже во время нашей ранней письменности было распространено во всех восточнославянских областях (там, где имелись специальные помещения для мытья). Наряду с этим общим словом были и частные обозначения бань. Можно полагать, что на восточнославянском юго-западе издревле употреблялось слово *лазня*, которое широко представлено в западнославянских языках: польск. *łaźnia*, луж. *łaźnja*, др.-чешск. *lázň*, чешск. *lázna*; совр. укр. и белор. *лазня* 'баня'. Слово восходит к праслав. диал. *laznъ, связанному с *laziti, *lězti. На русской территории *лазня* встречается в юго-западных и западных говорах, в основном же массиве русского языка оно неизвестно. В картотеке ДРС имеется 6 примеров на слово *лазня* из произведений XVII—XVIII вв., причем все эти примеры несомненно юго-западного происхождения. В отличие от слова *лазня* слово *пѣрть*, как кажется, было древненовгородским диалектизмом. В «Поучении» новгородского архиепископа Илии 1166 г. (по списку XV в.) имеется место: *а еже о крещеньи дѣтиньмъ, то държите оу себе оуставъ блаженаго Нифонта, якоже и въ молитвѣницѣ кажетъ: въ пѣрвый, егда зовоуть вы къ пѣртьти, творите молитву, юже творите надъ[сѣ] соудомъ оскверньшимся. . . а имени не наричаите тѣгда*. Это одиночно употребленное слово как будто поддерживается арх. *пѣрть* 'жилая карельская изба'. Этимологии слова *пѣрть* посвящена значительная литература, подробно изложенная И. С. Вахросом в его капитальном исследовании, посвященном истории русской бани.¹⁴² Сам И. С. Вахрос вслед за Э. Ниёминеном связывает *пѣрть* с *perati, которое означает 'бить', 'колотить' и 'стирать', 'мыть' и родственно лит. *pėrti*, *periti*. Это *пѣрть* подтверждается новг. *приперток* 'предбанник, сени, передняя у бани'. И. С. Вахрос обнаружил в «Слове» Григория по Чудовскому списку XVI в. другое употребление *пѣрть* в типичном новгородском фонетическом оформлении: *цельи и оуброусъ оу мѣвницѣ вѣшають, мѣвшесе цѣлоуютъ перетъ и кланяются*. И. С. Вахрос пишет: «Я полагаю, что слово *пѣрть стало известно впервые той части северных славян, которые в середине I тысячелетия н. э., продвигаясь на север вверх по Днепру, вошли в контакт с ответвлениями древних балтийских племен. В это время, приблизительно в VI в., славянские племена, еще

¹⁴² Igor V a h r o s. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. Helsinki, 1966, стр. 54—68.

не достигнув бассейна Ильменя (VII—VIII вв.), перенимают у балтийцев срубную технику и начинают возводить наземные постройки (*нъртъ), которые, по крайней мере в холодное время года, могли служить как баней, так и жильем. Поэтому весьма вероятно, что слово *нъртъ является проникновением из словаря тех древних балтийских племен, которые были затем ассимилированы северными славянскими племенами.¹⁴³ Что касается совр. арх. *перть*, с которым связаны карел. *pertti*, олон. *per't'i*, людик. *per(t')t'i*, вепс. *per't'* 'изба', то оно является продолжением жизни др.-новг. *нъртъ*. Восточно-прибалтийские племена заимствовали это слово у древнего севернославянского населения (в отличие от предков финнов, которые заимствовали *pirtti* у балтийцев).¹⁴⁴ А. И. Попов, ссылаясь на чрезвычайную ограниченность распространения диалектного *перть*, наоборот, считает его поздним заимствованием из финских языков,¹⁴⁵ не имеющим связи с древненовгородским *нъртъ*.

Луда 'род верхней одежды'. Слово пока что известно только по двум случаям его употребления в «Повести временных лет» (в картотеке ДРС других примеров нет): *бѣ Якунь съ лѣпъ и луда бѣ оу него золотомъ истъкана* (Лавр. и др., 1024 г.), *Матфей видѣ обиходяща бѣса въ образѣ ляха в лудѣ* (Лавр. и др., 1074 г.). В современном русском и белорусском языках нет никаких следов употребления этого слова, тогда как в некоторых украинских говорах оно сохраняется: гуцул. *лудина*, *лудыне*. На западную его локализацию указывает и др.-чешск. *lúda* 'покрывало'. Наличие слова в чешской области исключает скандинавское заимствование и делает вполне вероятной гипотезу о др.-в.-нем. *ludo*, *lodo* как его источнике. Можно полагать, что слово *луда*, очень рано попавшее к восточным славянам с запада, в древнерусскую эпоху было южным диалектизмом. И. Панкевич¹⁴⁶ и Л. А. Булаховский¹⁴⁷ относят к *луда* слово *лудан* 'ткань камка', 'шелковый платок' и др. Однако никакой этимологической связи между *луда* и *лудан* нет. Слово *лудан* появляется в письменности только в XVII в., причем в памятниках самых различных восточнославянских областей (в том числе и московских). М. Фасмер указывает на возможное его заимствование из н.-в.-нем. *Loden* 'грубое сукно',¹⁴⁸ но более вероятно предположение В. И. Абаева о заимствовании из западнокавказского (адыгейского) *laudan* 'вид шелковой материи', 'шел-

ковый платок' (в русской письменности есть и форма *лаудань*).¹⁴⁹ Любопытно примечание к этому слову в издании «Записок Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г.» (СПб., 1840, стр. 88): «*Луданом* русские называли Лондон, следовательно: камка лондонская».

Насадь 'судно' и некоторые другие термины судоходства. Слово *насадъ* 'судно с набитыми (пасаженными) бортами' рано появляется в древнерусской письменности, а возникло оно, вероятно, еще до появления у восточных славян письма. Одна из первых его фиксаций имеется в «Повести временных лет» под 1015 г. в сказании об убийстве князя Глеба: [Глеб] *приде Смоленску . . . и ста на Смядинѣ в насадѣ* (Лавр. и др.). В картотеке ДРС имеется большое количество примеров на употребление этого слова начиная с XI в., причем подавляющее их большинство приходится на северную письменность. Данные современных говоров также отчетливо указывают на север, где в XIX и отчасти в XX в. *насад*, *насада*, *насадничек*, *насадик* еще обычно.¹⁵⁰ Древним южнорусским памятникам слово *насадъ* не чуждо, но встречается оно в них редко и заменяется вариантами *корабль*, *лодьа* и др. (ср., например, в указанной выше статье «Повести» под 1015 г. и в других произведениях), что позволило мне высказать предположение о проникновении на юг этого слова с севера. В результате переосмысления *насадъ* изменяется в *носадъ*: в Ипатьевской летописи — под 1182 г., в 4-й Новгородской — под 1183 г., *свято-славли носады* — в «Слове о полку Игореве» и др.¹⁵¹ Впрочем, форма *носадъ* как в древнерусской письменности, так и в современных говорах редкая по сравнению с исходной формой *насадъ*. Эти положения позже развивает известный специалист по истории судоходной терминологии Б. Л. Богородский, который пишет: «Новгородский по происхождению (*насадъ*), он оказался в Киеве (*носадъ*), спустившись по великому водному пути „из варяг в греки“; позднее его видим в Москве (стабилизировавшийся вар. *насадъ*), потом в Петербурге, где началось постепенное выпадение термина вследствие исчезновения реалии».¹⁵² Из русских областей слово проникает в польский, чешский, венгерский языки, затем в сербохорватский и, возможно, турецкий. Для нас в данном случае важно то, что первоначальной территорией распространения *насадъ* признается древнерусский север. Слово *насадъ* не в судоходном значении широко известно в восточнославянских и западнославянских языках. Ср. укр. *насад* 'один из двух поперечных

¹⁴³ И. С. Вахрос. К истории бани в свете ее наименований в славянских языках. Scando-Slavica, IX. Copenhagen, 1963, стр. 158.

¹⁴⁴ Там же, стр. 159—161.

¹⁴⁵ А. И. Попов. Из истории лексики языков восточной Европы. Л., 1957, стр. 22—23.

¹⁴⁶ И. Панкевич. [Рец. на:] Ф. П. Филин, стр. 90.

¹⁴⁷ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 83—89.

¹⁴⁸ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 529.

¹⁴⁹ В. И. Абаев. Из истории слов. Русское и украинское *лудан*. В кн.: Этимология. М., 1963, стр. 116—119.

¹⁵⁰ Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, стр. 156—157.

¹⁵¹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 163—164.

¹⁵² Б. Л. Богородский. Русская судоходная терминология в историческом аспекте, стр. 20.

брусев, соединяющих копылья'. Как замечает И. А. Дзевдзелевский, слово это в разных славянских языках могло образовываться параллельно в связи с словообразовательной продуктивностью этого типа (*на+сад*).¹⁵³ Нас в данном случае интересует география и история *насадъ* в значении 'судно'.

Наоборот, с юга на север распространялось слово *корабль*, являющееся ранним заимствованием из греч. *καράβιον, καράβος* 'судно'. В древнерусской письменности оно обычно в южных памятниках, на новгородском севере оно появляется только в XIII в., причем употребляется там первоначально редко. Интересно, что из 18 случаев употребления слова *корабль* в «Повести временных лет» 17 раз оно означает судно, плавающее на Черном море (греческое или русское). По-видимому, *корабль* первоначально означало морское судно и лишь позже (с XII—XIII вв.) этот термин стали употреблять применительно к речным судам. Надо полагать, *корабль* первоначально было южным диалектизмом.¹⁵⁴ К южнорусским диалектизмам относятся *кубара* 'один из видов морских судов', *олядь* 'корабль', 'лодка', *парусь* 'парус' и некоторые другие судходные термины, также довольно рано заимствованные из греческого языка. *Кубара* (греч. *κουβάριον*) впервые употреблено в договоре Игоря с греками 945 г. Что слово было не книжным заимствованием, а употреблялось в древних южных диалектах, об этом свидетельствует не только его фонетический облик (*κουβ- > kqb- > kiv-*), но и наличие его в оригинальных записях: [Иван Берладник] *шедъ с половици и ста в городехъ подунайскиехъ и изби двѣ кубарѣ и взѣи товара много в нею и пакостяши рыболовомъ галичскимъ* (Ипат., 1159 г.). То же можно сказать и о термине *олядь*, *олядь* (*χελάδιον*), впервые встретившемся в «Повести временных лет» под 1043 г. В Ипатьевской и некоторых других летописях в статье под 1224 г. рассказывается, что галичане двинулись на трагическое сражение на Калке сначала морем, а затем по Днепру на тысяче олядьев. *Кубара* и *олядь* так и не попали на восточнославянский север, оставшись южными лексическими диалектизмами. Слово *парусь* (*φάρος* 'полотно') в начальную эпоху древнерусской письменности также не выходило за пределы южных областей и проникло на север спустя столетия.

На севере в свою очередь формировалась своя локальная судходная терминология, исконная и заимствованная. Кроме слова *насадъ* (о нем см. выше), к этой группе лексики относятся *пърѣ* 'паруса', *щъгла* 'столб', 'мачта',¹⁵⁵ *упругъ* 'ребро судна', 'шпан-

¹⁵³ И. О. Дзевдзелівський. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі, стр. 92—93.

¹⁵⁴ См. также: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 81.

¹⁵⁵ См. об этом слове: Н. А. Цомакон. Из истории мангавейско-туруханской лексики. Заметки о словах *сапец*, *щъгла*, *дрог*. (По материалам мангавейских деловых документов XVII в.). В кн.: Материалы и исследования по русской лексикологии. Красноярск, 1966, стр. 16—18.

гоут', *лойва*, *шнека* или *снека* и некоторые другие ранние судходные термины. Общепринято считать *пърѣ* заимствованием из финск. *purje*. Недавно О. Семереньи попытался опровергнуть эту этимологию, считая невероятным, чтобы финское заимствование могло попасть на юг: *пърѣ* известно уже в ранних памятниках южной письменности. О. Семереньи производит *пърѣ* от гипотетического множественного числа греч. *φάρος*—*φάρη* или *φάρια*.¹⁵⁶ Однако эту этимологию трудно принять по разным соображениям. Греч. *φάρη* или *φάρια* дали бы на славянской почве *парѣ* или что-нибудь в этом роде, но отнюдь не *пърѣ*. Непонятно было бы существование обычного на юге мн. ч. *парусы* и редкого *пърѣ*, быстро вышедшего там из употребления, но сохранившегося в течение веков на новгородском севере. Если северное *насадъ* проникло в южные диалекты, то туда же могло попасть с севера и *пърѣ*, пусть даже оно было финского происхождения.

К диалектным техническим терминам относятся *соха*, *плугъ*, *омеши*. Рассматривая эти термины, мы можем опираться на фундаментальное исследование Г. Е. Кочина,¹⁵⁷ в котором отличное знание письменных памятников сочетается с основательным изучением данных истории и археологии. Как указывает Г. Е. Кочин, до XIII в. на юге и на севере было распространено *рало* — орудие пахоты с одним сошником (ральником), который не переворачивал пласт земли. С XIII в. слово *рало* выходит из употребления, лишь изредка встречаясь как архаизм на страницах памятников церковно-поучительной литературы. Кроме *рала*, на юге был известен *плуг* (что подтверждается археологическими раскопками), который на севере применялся лишь изредка. Можно считать, что слово *плугъ* до XIII в. было южным диалектизмом. В XIII—XIV вв. это слово начинает распространяться и на севере, постепенно теряя свой диалектный характер. Иной ареал занимало слово *соха*. *Соха* как орудие пахоты появляется в X—XI вв., когда в лесной полосе начинается замена подсечного земледелия пашенным. Самое раннее упоминание о сохе имеется у В. Н. Татищева в не дошедшем до нас летописном сообщении об уплате дани Золотой орде под 1275 г., но несомненно, что слово *соха* 'пашенное орудие' на севере существовало задолго до этого времени. В украинском языке *соха* в указанном значении появляется поздно под воздействием русского языка. Наконец, узколокальное распространение имело этимологически не проясненное слово *омеши* 'сошники', которое впервые засвидетельствовано в новгородской берестяной грамоте № 142 второй половины XIII в. в написании *омѣшѣ* (в той же грамоте есть и *сѣохѣ*=сохе). Ср. еще то же слово в гра-

¹⁵⁶ О. Семереньи. Славянская этимология на индоевропейском фоне. ВЯ, 1967, № 4, стр. 21—22.

¹⁵⁷ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI в. М.—Л., 1965.

моте № 96, XV в. В картотеке ДРС хранится 12 примеров употребления слова *омеши*. Все эти примеры взяты из новгородско-олодечко-северодвинских памятников XVI—XVII вв. Примерно тот же ареал слово *омеши* (с вариантом *омежи*) занимает и в современных говорах. По мнению И. Калимы, *омеши*, *омежъ* восходят к праславянским формам *āmešъ, *āmežъ, которые были заимствованы из иранского источника.¹⁵⁸ Гипотеза эта спорная, но во всяком случае мы можем предполагать, что *омеши*, как и *сожа*, бытовали на восточнославянском севере задолго до XIII в. Слово *омеши* было свойственно только древненовгородскому диалекту.

Группа древних диалектизмов намечается в названиях обуви.

П р а б о ш ь н и, по-видимому, 'босоножки'. Автор сказания о благочестивых подвигах монахов Киево-Печерского монастыря пишет: [Исаакий] *егда же приспѣаше зима и мрази лютии стояше в прабошнях в черевьях в протоптанных, яко примерзньшета нозѣ его з камени* (Лавр., 1074, также в Акад., Ипат.; в Радз. — *въ умлыхъ ботехъ*, в Никон. — *въ порзшньныхъ*). Тот же текст с словоформой *в прабошняхъ* в Киево-Печерском патерике по списку XV в. Наличие интересующего нас слова в летописных списках различных редакций и в указанном Патерике позволяет предполагать, что оно имелось уже в тексте протографа сказания, следовательно, употреблялось в киевском диалекте XI—XII вв. В то же время замена *прабошни* на *боти* и *поршньни* определенно указывает на то, что в других областях по крайней мере в XV—XVI вв. это слово вышло из употребления: вместо него ставятся не тождественные, но близкие по значению слова. Однако не исключено, что *прабошни* не было свойственно всем древнерусским диалектам и в XI—XII вв. — слово это не встречается ни в каких других письменных памятниках. Это предположение как будто подтверждается следами слова *прабошни* в современных говорах. И. Панкевич указывает, что у Желеховского приводятся из украинских говоров слова: *прабсь*, *прабос* 'на босу ногу в ботинках', 'босой совсем', *прабський* 'об узком сапоге'.¹⁵⁹ Н. В. Попова недавно обнаружила сочетание на *праббе*, на *праббску* в одном из окраинных псковских говоров в 40 километрах к востоку от Опочки: «идти на *праббе* значит 'идти босиком', обуться *напраббску* 'обуться на босу ногу'». ¹⁶⁰ Местность эта в XI в. входила в состав Полоцкого княжества, а с XIV до конца XVIII в. была под властью Литвы и Польши. У Даля отмечено новг. на *проббску* 'на босу ногу', новг., твер. *напробосни* 'босовики', 'домашние башмаки'. Правда, эти косвенные свидетельства прежде всего проливают свет на этимологию *прабошни*, позволяя

связывать это слово с *босъ* (И. С. Вахрос производит его от гипотетического глагола *прабосити 'износить обувь до ветхости'¹⁶¹), все же представляется вероятным, что *прабошни* было юго-западным словом. Из юго-западных областей оно частично могло проникать и на другие территории.

П о р ш ь н и 'обувь, гнутая из сыромятной кожи'. В свое время я считал на основании замены в Никоновской летописи слова *прабошни* словом *поршньни*, что оба эти слова составляли локальную лексическую оппозицию,¹⁶² однако ввиду их семантической нетождественности такое мнение вряд ли справедливо. Все же древность происхождения слова *поршньни*, в котором не сомневается И. С. Вахрос (он производит это слово от праслав. **ръгх-* 'рыхлый', 'мягкий' плюс формат *-нь*),¹⁶³ и особенности его географического распространения позволяют (конечно, предположительно) отнести его к древним северо-восточным восточнославянским лексическим диалектизмам. Кроме летописной статьи в Никоновской летописи под 1074 г. *поршньни*, по данным картотеки ДРС, встречается исключительно в северо-восточных памятниках XVI—XVII вв. (включая и московскую письменность). В настоящее время оно распространено с разными вариантами значения ('лапти, плетенные из бересты', 'опорки', 'рваная обувь', 'мягкая обувь из сыромятной кожи' и т. п.) во многих северновеликорусских, в восточно-среднерусских и восточной части южновеликорусских говоров, иногда выходя за их пределы.¹⁶⁴ Изредка слово встречается в белорусских говорах (*паршні* 'кожаные лапти'). В украинском языке ему соответствуют *постоли*, *моршни* и др. От общевосточнославянского *черевие* 'мягкий башмак', 'поршень' довольно рано образовалось *черевикъ* 'башмак', 'полусапожок'. Ср. в Летописи Переяславля Суздальского в киевской статье о богатыре-кожемяке под 993 г.: *едино ми сварящуся на нь и разгнѣвас(я) и в то время шель черевикъ и претръже его и с подошвою*. Это слово в настоящее время свойственно украинскому (*черевик*, уменьш. *черевичок*) и белорусскому (*чаравік*, *чаравічак*) языкам. Известно оно и в русских юго-западных говорах, примыкающих к украинско-белорусской языковой территории. И. С. Вахрос с основанием относит *черевикъ* к разряду диалектных слов.¹⁶⁵

Т р ь с к а, *т р о с к а* 'кол, заостренная жердь, щепка'. В «Повести временных лет» под 1016 г. читаем: [воевода Буды] *нача укаряти Болеслава гл̑а: да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое*. В «Житии» Бориса и Глеба в том же тексте высту-

¹⁵⁸ I. Kalima. Zur slavischen Etymologie. Zeitschr. für slavische Philologie, XX, 2, 1950, стр. 406—413.

¹⁵⁹ I. Панкевич. [Рец. на:] Ф. П. Филин, стр. 90.

¹⁶⁰ Н. В. Попова. Из материалов для псковского словаря. В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, стр. 63.

¹⁶¹ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, I. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки, 1959, стр. 153.

¹⁶² Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 247.

¹⁶³ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, стр. 160—161.

¹⁶⁴ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 247—248.

¹⁶⁵ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, стр. 191—193.

пает словоформа *троскою*. Трудно определить, о каком оружии здесь идет речь, так как в брани по адресу неприятеля в целях его унижения могла иметься в виду и обыкновенная большая щепка. В значении 'щепка' *трѣска* имеется в южнорусской письменности начиная с XI в. В то же время в картотеке ДРС нет ни одного примера из северной и северо-восточной письменности на слово *трѣска* в указанных значениях (форма *троска* вообще не отмечена). В настоящее время *трѣска* 'щепка' обычное слово в украинском (*триска*) и белорусском (*трэска*) языках. *Треска* 'щепка' изредка встречается в псковских, смоленских и некоторых других западных и южных говорах русского языка. Особняком стоит соликам. *треска* 'тонкие осколки, которые получаются при колке полена на лучину', а также сольвычег. *треска* 'дерево, разбитое громом'. По-видимому, *трѣска*, *троска* 'щепка', 'кол' в древнерусскую эпоху было юго-западным диалектизмом.

Цѣрь 'сухой трут (?)'. В летописном сказании о сожжении Ольгой столицы древлян сообщается: *Вольга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви и повелѣ [къ] комуждо голуби къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, ниткою поверывающе къ коемуждо ихъ* (Лавр. и др., 946 г.; в Ипат. *цѣрь*; в новгородских и других северных и северо-восточных летописях — *сѣру*). Замена в северных рукописях слова *цѣрь* словом *сѣра* свидетельствует лишь о том, что оно было чуждо северянам, которые по смыслу (какое-то горючее) вместо него употребили подходящее к контексту слово. Нам представляется, что загадочный летописный термин разъясняется белор. *цэръ* (И. И. Носович, 693)¹⁶⁶ 'трут, приготовленный из губки, растущей на березах'. И. Панкевич к этому добавляет: «Замечу, что в закарпатских укр. говорах до сих пор употребляется термин *цѣрь* в том же значении и в той же форме, как он приведен в Ипатьевском списке летописи. Его находим тоже в словаре Е. И. Желеховского (II, 1064)».¹⁶⁷ Если наше сопоставление летописного *цѣрь*, *цѣрь* с украинскими и белорусскими диалектными *цэръ*, *цѣрь* правильно, то мы имеем дело с древним юго-западным лексическим диалектизмом. На русской территории пока не обнаружено никаких следов интересующего нас слова.

5. Социальная лексика

Социальная лексика наиболее подвержена прямому воздействию со стороны изменений, происходящих в обществе, поэтому наличие в ней изменчивых элементов особенно высоко. Очень многие социальные термины, бывшие в употреблении в древнерусскую эпоху, не сохранились в современных говорах, что чрезвы-

чайно осложняет поиски в их составе древних диалектизмов, поскольку данные древнерусской письменности часто бывают очень недостаточными. Пожалуй, социальная лексика по сравнению с другими словарными разрядами наименее удобна для историко-диалектологических разысканий, особенно если речь идет о древнем периоде нашей истории. Некоторые предположения в этой области остаются на уровне догадок. В свое время один из крупнейших наших историков, Б. Д. Греков, считал, что слово *вьрвь* 'община' употреблялось только на юге древней Руси, тогда как на севере ему противостояло слово *миръ*. Свое мнение Б. Д. Греков основывал на том, что *вьрвь* известно в киевской «Правде» Ярославичей, составленной в середине XI в., а также в южной «Пространной Правде», тогда как в северной (новгородской) «Правде» этот термин неизвестен и вместо него употребляется слово *миръ*, которое в свою очередь неизвестно в южных по происхождению статьях «Правды».¹⁶⁸ Может быть, догадка Б. Д. Грекова и правильна (к его гипотезе присоединились автор этих строк¹⁶⁹ и Л. А. Булаховский¹⁷⁰), но фактически обосновать ее невозможно: слово *вьрвь* 'община' засвидетельствовано только в «Русской Правде», очень рано вышло из употребления и не оставило несомненных следов в современных говорах. Само территориальное происхождение отдельных статей «Русской Правды» продолжает оставаться дискуссионным. Что касается слова *мир* 'сельская община', то оно в настоящее время известно как на севере, так и на юге восточного славянства, а также представлено в памятниках XV—XVII вв. различных областей. На том же уровне стоят и предположения С. П. Обнорского, который считал, что «Русская Правда» сложилась в X в. на севере, бывшем в это время вне сферы византийского влияния, но связанном с германским и западнославянским миром. «Недаром полному отсутствию в Русской Правде византийских заимствований отвечает как раз относительно густой слой в числе заимствованных элементов именно слов германского происхождения. Ср. такие элементы из лексики Русской Правды, как *вира*, *голважна*, *гридь*, *мытникъ*, *мательникъ*, *тионуть*, *тынъ*, может быть, и слово *орудие* 817, 821 (в значении 'дело', 'занятие'). Не может быть сомнения в том, что если бы Русская Правда составлялась позднее и где-нибудь на юге, многих из перечисленных слов в ее тексте не оказалось бы».¹⁷¹ И все-таки сомнения остаются, так как лингвогеографические исследования всегда должны опираться на массовые показания письменных памятников и современных говоров. Все же разыска-

¹⁶⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. 4-е изд. М.—Л., 1944, стр. 59.

¹⁶⁹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., стр. 231.

¹⁷⁰ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 83—84.

¹⁷¹ С. П. Обнорский. Русская Правда как памятник русского литературного языка. Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1934, стр. 775.

¹⁶⁶ Цит. по: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . .
¹⁶⁷ Г. Панкевич. [Рец. на:] Ф. П. Филин, стр. 95.

ния диалектизмов в сфере социальной лексики не представляются вовсе безнадежными. Некоторые следы древних диалектных расхождений так или иначе сохраняются.

Вячши и ѿ (*вятшиий, вяцшиий*) 'старший по возрасту, а также старший по социальному положению, знатный'. Еще в 1940 г. мною было высказано предположение, что слово *вячшиий* 'богатый', 'знатный', 'именитый' было древненовгородским семантическим диалектизмом.¹⁷² Позже эта мысль была развита в другой моей работе,¹⁷³ а недавно к этому предположению присоединилась Н. Г. Михайловская, исследовавшая синонимическую группу прилагательных, употреблявшихся в указанном значении в древнерусском языке.¹⁷⁴ Древнее праслав. **větŭi-* 'больший', 'большое', известное во всех славянских языках, довольно рано на восточнославянском севере стало приобретать социальный смысл. Возможно, в древнерусскую эпоху *вячшиий* было не только семантическим, но и лексическим диалектизмом: в значении 'большой', 'большое', 'высший', 'старший по положению', 'лучший' выступает исключительно церковнославянская форма *вяцшиий* (*вяцшиий, вяцшиий* и др.), попавшая на древнюю Русь вместе со старославянской письменностью, обычная в высоком стиле еще в XVIII в. (ср. в «Слове о происхождении света» Ломоносова: *чем больше таинства разум постигает, тем вяцшиее увеселение чувствует сердце*). В картотеке ДРС имеется много примеров, выписанных, как правило, из текстов церковного содержания, относящихся к различным территориям и векам, в которых *вяцшиий* является определением к словам *милость, склонение, приготовление, желание, осторожность* и т. п., что явно указывает на книжный характер этого слова. Во то же время все примеры на восточнославянскую форму *вячшиий* (> *вятшиий*), причем взятые из светской письменности, приходится на новгородскую письменность XI—XIV вв., отчасти также на псковскую и московскую письменность XIV—XVII вв. Похоже, что ко времени развития в древней Руси письменности слово *вячшиий* вышло или выходило из употребления, сохраняясь лишь на севере,¹⁷⁵ и уже совершенно определенно можно сказать, что значения 'старший по возрасту' и 'старший

по социальному положению, знатный' фиксируются только в северной (главным образом новгородской) письменности. По-видимому, сначала развилось значение 'старший по возрасту', реализуемое в сочетаниях *вячшиий сынъ, вячшиий братъ* (можно было бы ожидать и *вячшиая дочь, сестра*, которые, однако, в письменных памятниках пока неизвестны). Синонимами *вячшиий* в этом значении выступают слова *больший* и *старший*, обычные в памятниках южных и известные также в новгородско-псковской письменности. Эта синонимичность особенно наглядно выступает в различных списках летописей: [Мстислав Ярослав] *сяди на своемъ столѣ в Киевѣ занеже ты еси вятшиий братъ* (4-я Новг. и 5-я Новг., 1024 г., в списках Никоновской летописи — книжные формы *вяцшиий, вяцшиий*; в Лавр. — *старейшей*; в 1-й Соф., Типогр. и Тверск. — *больший*), *и преставился Ярославъ и осташихъ 3 сынове его: вятшиий Изяславъ а средний Святославъ менший Всеволодъ* (1-я Новг. по списку Археограф. комиссии, 5-я Новг., 1054 г.; Акад. и Толст. списки 1-й Новг. — *болшиий*), *толи же лѣта прѣставися князь Феодоръ сынъ Ярославль вячшиий* (Синод. список 1-й Новг., Акад., Голиц. и Новорос. списки 4-й Новг., 1233 г.; в других списках 1-й Новг., 2-й Новг., 4-й Новг., 5-й Новг., 1-й Соф., Лавр. и Тверск. — *больший*). *Вячшиий* 'старший по возрасту' засвидетельствовано также в псковской письменности: *а которой вятшиий братъ с меньшимъ братомъ жиючи в одномъ хлѣбѣ с вятшиимъ братомъ* (Псковская судная грамота), *преставися князь Иванъ князя великого сынъ вятшией Василья Дмитревича* (Пск. 1-я, 1417 г.). В картотеке ДРС имеется один пример, выписанный из «Памятников Смутного времени» XVII в.: *вяцшиий братъ*.

Когда началось классовое расслоение древнерусского общества, слово *вячшиий* приобретает новое значение 'старший по социальному положению, принадлежащий к феодальной знати', причем обычно оно сочетается со словами *мужи, князи, бояре, купци, люди*. В качестве синонимов к этому слову употребляются слова *больший, лучшиий, великий, велии, добрый, нарочитый, сильный, лѣпшиий*. В новгородских летописях мною отмечены десятки случаев употребления слова *вячшиий* в указанном значении. Ср. характерное употребление: [Ростислав] *позва новгородъце на порядъ: огнищане, грядъ, купце вячшиее* (1-я Новг., 1166 г.). В некоторых случаях прилагательное *вячшиий* субстантивируется: *и бысть въ вятшиихъ свѣтъ золь како побѣдити меншии* (1-я Новг., 1255 г.; в Тверской летописи — *въ болшиихъ*). В картотеке ДРС есть пример *вяцшиая боярыня* из указанных «Памятников Смутного времени».

Как видно из приведенного материала, слово *вячшиий* в социальном значении было безусловно древним северным диалектизмом. Вместе с ним на новгородско-псковском севере выступали различные синонимы, имевшие общевосточнославянское распро-

¹⁷² Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 80.

¹⁷³ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка... стр. 229—234.

¹⁷⁴ Н. Г. Михайловская. 1) Синонимичные прилагательные в древнерусском языке. (На материале письменных памятников XI—XIV вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 15; 2) Синонимические прилагательные в значении 'знатный' в древнерусском литературном языке. В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.

¹⁷⁵ И. А. Дзедзелевский отмечает в некоторых украинских закарпатских говорах *векшиий, векшиий, вячшиий* 'большой', но справедливо определяет это слово как полонизм (И. О. Дзедзель в сь кий. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі, стр. 28).

странение. Впрочем, «частотность» их в разных местностях могла быть неодинаковой. Например, несомненно, что на юге слово *лѣпшии* 'знатный' употреблялось значительно чаще, чем на севере. Особенно часто *лѣпшии* встречается в Галицко-Волынской летописи. Можно считать, что *вячьшии* и *лѣпшии* имели свои особые зоны распространения. После присоединения Новгорода к Москве слово *вячьшии* выходит из употребления. В современных говорах оно не сохранилось.

Исада (*исада, исадъ*) 'пристань, рыбацкий поселок, рыболовное угодие' и другие значения. Обычно производят это слово от **из-сад-* (существительное от глагола *из-садити 'высадить'), хотя ни в письменных памятниках, ни в современных говорах нет формы *иссад* — ни в глагольной форме, ни в форме существительного. Не исключено, что это объяснение является не более чем «народной этимологией». Во всяком случае слово это древнее и в то же время занимало и занимает определенную диалектную зону. О. С. Мжелская,¹⁷⁶ В. И. Максимов¹⁷⁷ и другие авторы попытались классифицировать его значение и установить ареал его распространения. Значения слова *исадъ* в древнерусской письменности не всегда ясны, поэтому целесообразнее сначала обратиться к современному материалу. В современных говорах устанавливаются следующие группы значений: 1) 'место высадки на берегу', 'пристань'; к *исадам* подвозят лес и дрова, чтобы после вскрытия реки спустить их на воду (вят.), 'место стоянок лодок на берегу' (чердын.), 'спуск для саней с берега на лед' (борович., костром.); 2) 'торговая пристань, куда может пристать судно' (вожжск.), 'мясные и рыбные ряды в Астрахани' (*Исады*); 3) 'мелкое место близ берега', 'маленький залив на озере' (пск.); 4) 'отмель (обычно песчаная)', 'песчаный берег реки', 'наносный песок', 'низменный песчаный островок' (арх., волг., перм.); 5) 'заливной луг с хорошей травой', 'заливные места, поросшие кустарником' (арх.); 6) собственные названия различных местностей: 'собственное название пустоши' (черепов.), 'название острова, с которого наблюдают ход рыбы' (пск.); 7) *Исады* — названия населенных пунктов — село на Волге в Горьковской области, село на левом берегу Камы (выше устья Вишеры), село на р. Костроме Ярославской области, деревня в Суздальском районе Владимирской области и др.¹⁷⁸ Больше всего примеров приходится

¹⁷⁶ О. С. Мжелская. Местная лексика в псковской деловой письменности XIV—XV вв. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Уч. зап. ЛГУ, № 198, Сер. филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 164—167.

¹⁷⁷ В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской первой летописи. Уч. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958, стр. 188—191.

¹⁷⁸ Э. М. и В. Г. Мураевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 126; В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 161.

на 4-ю и 5-ю группу значений. Социальный смысл термина в современных говорах явно утрачивается: слово становится главным образом обозначением урочищ, относящихся к особенностям береговой полосы и мелководья, и топонимом. Его употребление явно идет на убыль. В псковских памятниках XV—XVIII вв. оно встречается очень часто в нарицательных значениях, тогда как в современных псковских говорах сохраняются лишь следы его употребления в виде топонимов.¹⁷⁹ Можно сказать, исчезло оно и на Новгородчине. Но так или иначе район его распространения — псковско-новгородские земли, север и северо-восточные области, владими́ро-суздальский район, Горьковская область, Поволжье (до Астрахани). Примерно та же территория очерчивается и по древнерусским памятникам, причем наиболее часто слово встречается в псковской, новгородской и московской письменности. В псковской письменности *исадъ, исады* это прежде всего 'рыбачье поселение',¹⁸⁰ реже 'рыболовный участок';¹⁸¹ в Поволжье слово это рано начинает утрачивать нарицательное значение и превращается в топоним, ср.: *бысть идуциимъ по Волзѣ на болгары, поидоша на мѣсто, идеже островъ, нарѣцаемьи Исады, устье Цѣвиѣ* (Ипат., 1182 г.). Если слово становится топонимом уже в XII в., то, надо полагать, в нарицательном своем значении оно возникло значительно раньше. Восточнославянские племена, попав на север, богатый рыбными угодьями, назвали рыбацьи поселки и пристани возле них, а затем и рыболовные участки словом *исадъ*, этимология которого остается неясной. По-видимому, это произошло еще в эпоху расселения кривичей и словен, на что указывает ареал слова. От слова *исадъ* позже было образовано прилагательное *исадский* (ср. *исадская* грамота в «Псковской судной грамоте»). Конечно, *исадъ* могло быть известно и в других областях древней Руси, но только в качестве топонима (см. вышеприведенный пример из Ипатьевской летописи) или же «чужого слова», лексического экзотизма. Слово *исадъ* было северным и северо-восточным лексическим диалектизмом. Впоследствии его социальное содержание начинает забываться, в нем развиваются значения, которые переводят *исадъ* в разряд лексики, обозначающей особенности озерно-речного и приречного ландшафта.

Каганъ, коганъ 'великий князь, государь'. Так в древней южнорусской письменности называется не только хазарский

¹⁷⁹ А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической диалектологии. (По материалам топонимики Псковской области). Уч. зап. ЛГУ, № 267, Сер. филол. наук, 1960, стр. 176—177.

¹⁸⁰ В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской первой летописи, стр. 188.

¹⁸¹ С. Г. Капранова. Из наблюдений над словарным составом Псковской судной грамоты. Уч. зап. Моск. гор. пед. инст. им. Потемкина, т. XXXIII, вып. 3, 1954, стр. 181.

каган (Повесть временных лет, 965 г., Житие Константина философа) и скифский царь (Поучения Иоанна Златоустого, список XIV в.), но и киевские великие князья Владимир I (Слово о законе и благодати Илариона), Ярослав Владимирович (Исповедание веры Илариона) и, по всей вероятности, Святослав Ярославич (граффито в киевской Софии второй половины XI в.). Форма *каганя* засвидетельствована в «Слове о полку Игореве». Традиция называть киевских князей X—XI вв. каганами безусловно стоит в непосредственной связи с взаимоотношениями древнего русского юга с Хазарией. *Каганъ* был почетным титулом, который, по-видимому, употреблялся в высоком стиле речи. Это древнетюркское слово было заимствовано у хазар и продержалось на юге около ста лет после падения хазарского государства. В северной письменности оно ни разу не встретилось, хотя могло быть известно и на севере, но только как лексический экзотизм. Можно считать, слово *каганъ* (*коганъ*) было в X—XI вв. южнорусским диалектизмом.

М а л ъ ж е н а 'супружеская пара, муж и жена'. О наличии этого слова и производных от него в народном древнерусском языке можно говорить только предположительно. Слово это, широко распространенное в западнославянских языках, известно только в переводных и церковных памятниках древней Руси. Однако встречается оно лишь в южнорусской письменности XV—XVII вв., в поздней украинской и белорусской литературе, в отдельных украинских, белорусских и русских юго-западных говорах (*малжена, малженки, малженство* и др.). Скорее всего, *малжена, малженка* и пр. на позднем восточнославянском юго-западе — результат влияния польского языка. Немногие примеры из русской письменности XVI—XVII вв. ясно свидетельствуют о языковых связях с славянским западом (ср. *малженство* в «Польских делах» 1561 г., *малженка, малженство* в «Римских деяниях» по списку 1688 г.). Все же употребление *малжена* в южнорусских памятниках XI—XIII вв. позволяет предполагать, что в древнюю эпоху на восточнославянском юго-западе слово это было известно. На севере и северо-востоке не было и нет никаких следов его употребления.

Небогъ, небога, небогы 'бедный, несчастный, убогий'. Из этих значений развиваются 'бедняк', 'нищий', 'бедный родственник', 'племянник' и др. Слова эти хорошо представлены в украинском и белорусском языках: укр. *небіж* 'бедняга', 'горемыка', 'племянник', *небога* 'бедняжка', 'племянница', 'голубушка', *небіжчик* 'покойник', *небіжка, небіжчиця* 'бедняжка', 'покойница' и др., белор. (диал.) *нябога* 'бедняга', 'племянница', 'голубушка', *нябожчык* 'покойник', *нябожчыца* 'покойница' и др. В русских говорах эта группа слов встречается только на юго-западных окраинах: *небога, небожечка* 'бедняк', 'сирота', 'бездольный человек' (рыльск., судж.), *небога* 'бедняк', 'убогий', 'нищий', 'калека', 'увечный', 'несчастный', 'бедующий' (южн.,

зап., Даль). Совершенно очевидно, что *небога* и др. занимают юго-западную диалектную зону и полностью отсутствуют на северо-востоке. В древнерусскую эпоху слово употреблялось в церковнославянской литературе (ср. в «Чуде Николая» XI в. по списку XVI в.: *оубы мнѣ глаголюци небогѣ* и др.). Единственное засвидетельствованное на севере употребление его в речи книжника-монаха можно истолковать не как отражение особенности народной речи, а как церковнославянизм (*того же лѣта солнце помърце маяя въ 14. . . и опять наполнися, и ради выхоомъ небози* — 1-я Новг., 1230 г., вариант *убозици*). Иначе обстоит дело на юге. Д. Г. Гринчишин указывает на употребление производного слова *небожчикъ* 'покойник' в украинской письменности XIV—XV вв.¹⁸² А. А. Бурячок отмечает, что в староукраинских памятниках, особенно среднеднепровского происхождения, встречается слово *небож* 'племянник'. Семантическое изменение слов *небогъ, небога* первоначально имело локальный характер (на украинской территории) и отражало социальные условия, в которые попадали дети после смерти родителей, переходя под опеку дядей и теток.¹⁸³ Вряд ли есть основания полагать, что *небогъ* и др. были заимствованы из польского языка, хотя не исключено, что его влияние могло оказывать некоторую поддержку в употреблении этих слов. Переосмысления древнего юго-западного *небогъ* и пр. происходили на украинско-белорусской почве.

О г н и щ а н и н ъ 'княжеский муж, старший дружинник и пр.'. Слово это является производным от общеславянского *огнище*, но в древней восточнославянской письменности встречается только в ранних новгородских памятниках, что дает все основания считать его древним северным (словенским) лексическим диалектизмом. На юго-западе и в волжско-окском междуречье термин был неизвестен. В. М. Туркин считает *огнищанинъ* северо-западным словом,¹⁸⁴ а М. Г. Булахов — новгородским.¹⁸⁵ Термин этот обычен в краткой (новгородского происхождения) «Русской Правде» и в новгородских летописях (в статьях, описывающих события XII—XIII вв.: *приде Ростиславъ ис Кыева на Луки, и позва новгородъце на порядъ: огнищане, гридь, купъце вячьшее*, 1-я Новг., 1166 г. и др.). Один раз слово встретилось в Московском летописном своде конца XV в., но в передаче

¹⁸² Д. Г. Гринчишин. Іменникова синоніміка в українських пам'ятках XIV—XV ст. Дослідження і матеріали з української мови, т. IV. Київ, 1964, стр. 73—74.

¹⁸³ А. А. Бурячок. Назви спорідненості і сваяцтва в українській мові. Київ, 1961, стр. 77—78.

¹⁸⁴ В. М. Туркин. Из спостережень над давньоруською суспільно-політичною термінологією. Зб. наук. праць, т. I. Мовознавство. Київ, 1958, стр. 96.

¹⁸⁵ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка. Начальный этап формирования русского литературного языка. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 213.

новгородского события (тоже в Тверской летописи под 1165 г.). О социальном значении слова *огнищанинъ* имеется большая литература — историки и филологи издавна интересуются этим термином.¹⁸⁶ Вероятнее всего, образование *огнищанинъ* — от *огнище* 'огонь', 'очаг', 'выжженный для посева участок пашни'. В. В. Мавродин с основанием считает, что слово *огнищанинъ* возникло еще в эпоху родового строя и переосмыслилось с развитием феодальных отношений.¹⁸⁷ Уже в пространной «Русской Правде» и летописных статьях XIII в. оно заменяется на *княжь мужь* и *бояринъ*. По-видимому, в XIII в. слово стало выходить из употребления и на новгородском севере. В поздних кратких редакциях «Русской Правды» (XV—XVI вв.) его нет вовсе. В современных говорах от термина *огнищанинъ* не осталось никаких следов, но зато сохранилось слово *огнище* в значениях, которые проливают свет на древнее *огнищанинъ*. *Огнище* 'костер', 'место, где горел костер', 'очаг' (во всех восточнославянских языках, на русской территории, главным образом в северновеликорусских говорах), 'огниво' (волог.), 'очаг на плоту' (яросл.), 'очаг в овине' (урал.), 'лес, вырубленный и сожженный под пашню', 'вспаханная новь' (костром., волог., олон., пск., арх., новг., яросл., сиб.), 'становище на сенокосных угодьях, избушка, шалаш, где пищу приходится готовить на костре' (Усть-Цилиемское Архангельской обл.), 'расстояние около ста или ста пятидесяти шагов' (осташк., пск.). Древнее *огнищанинъ* образовалось от *огнище* 'очаг' или 'пашня на месте подсеки'. Если исходным было значение 'очаг', то не исключено, что слово *огнищанинъ* могло быть общим для всех восточнославянских племен эпохи родового строя, но в XI—XIII вв. бытовало только у новгородцев, если же в его основе лежит значение 'подсека', то оно могло употребляться у племен, занимавшихся подсечным земледелием. В киевской «Правде» Ярославичей его нет, как и в других древних южных памятниках. В XI—XIII вв. оно несомненно было новгородским диалектизмом. Ничто нам не мешает предполагать, что *огнищанинъ* было северным (словенским) диалектизмом и в более раннее время. Любопытно, что *ohniscenin* 'свободный человек' имеется в древнечешском языке, на что указывал еще Ф. И. Буслаев.¹⁸⁸ Следовательно, *огнищанинъ* принадлежит к разряду словенско-западнославянских диалектизмов (типа *обилье* 'хлеб на корню', 'зерно').

О д ь р ь н ь (*д ь р ь н ь*) 'в полную собственность, сполна, совершенно'. Это слово, а также производные от него *дерноватый*, *одерноватый*, *дерный* очень часто встречаются исключительно в севернорусской письменности начиная с XII в. до XVII в.

¹⁸⁶ Правда русская, II. Комментарии. Под редакцией академика В. Д. Грекова. М.—Л., 1947, стр. 138—146.

¹⁸⁷ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 159.

¹⁸⁸ Правда русская, II, стр. 139—140.

(ср. в 1-й Новгородской летописи под 1215 г.: *Тои же осени . . . поби мразь обилье по волости . . . о горѣ тѣгда братѣе бѣше: дѣти свое даяхуть одьренъ; одерноватый холопъ* — Новгородская судная грамота; *дерноватая грамота* — Договор Новгорода с великим тверским князем Михаилом Ярославичем 1317 г.; *дерная закладная* — северные памятники XV—XVII вв.; *дернь* 'одерень' — Русская Правда и др.). В XIX—XX вв. *бдерень* (*вбдерень*) распространено исключительно в северновеликорусских говорах, исключая владими́ро-суздальскую и северную диалектные группы: 'вовсе', 'совсем', 'совершенно' (волог., вят., перм., урал., том., забайкал.), 'насовсем', 'навсегда' (арх., перм.), 'понапрасну', 'попусту' (новг., волог.), 'как раз', 'точно' (иркут.) и др. Б. М. Ляпунов в свое время писал об образовании этого слова: «Это наречное выражение, образованное подобно *посомонь*, производится от слова *дърнь (Срезн. Мат.: *дърнь-дърнь* — *cespes*)=ст. сл. *дърнь* . . ., переносно употреблявшееся в значении 'присяга', откуда *дерноватый*, *одерноватый* в значении 'крепостной', 'находящийся в полной собственности'». ¹⁸⁹ Социальное переносное значение развилось на севере в эпоху становления феодальных отношений, а обычаи клятвы восходят к родовому обществу.

Перевѣтъ 'тайные переговоры, донос, измена и пр.', *перевѣтникъ* 'изменник'. Слово *перевѣтъ* встречается в киевской летописи и некоторых других южных памятниках, однако подавляющее большинство примеров его употребления приходится на северную письменность. Что касается слова *перевѣтникъ*, то все известные нам примеры относятся к новгородско-псковской письменности, за исключением единственного случая: [Владимирский епископ Лука и черниговский Порфирий] *пришедше в Рязань к Роману и Игорю, Володимеру, Святославу и Ярославу, он же Порфирий утаивъся съхъ мужий и посяоеть Всеволожихъ, и шедъ, инако рѣчь извороча к нимъ, не яко святительскы, но яко перевѣтникъ и ложь* (Лавр., 1187 г.). Другое производное от *перевѣтъ* — *перевѣтный* отмечено только в псковской письменности: *Того же лѣта князь великий Свѣтризавло выня грамоты перевѣтныя оу митрополита Герасима и окова его желѣзы и повелѣ его огнем сожеци* (1-я Пск., 1435 г.). По-видимому, *перевѣтъ* и его производные были обычными словами на северо-западе (включая и Смоленско-Полоцкую область),¹⁹⁰ тогда как в других местностях употреблялись только sporadически (где в тех же значениях выступали *извѣтъ*, *лсть* и другие слова). Частота употребления слова, различие его семантических связей с другими словами (однокоренными и равнокоренными) и многие

¹⁸⁹ Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 274.

¹⁹⁰ См. примеры, приведенные в книге: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 236.

иные его особенности также являются дифференциальными признаками, отличающими диалекты друг от друга.

Посадьникъ 'наместник князя, избранный вечаем правителя города и его области'. Уже самые первые летописные примеры употребления этого слова относятся к Новгороду: *Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ и бѣ володѣя единъ в Руси* (Лавр., 977 г.), *такъ дадоху посадници Новгородѣстии, а Ярославъ сего не дающе отъцу своему* (там же, 1014 г.) и др. Употребление этого слова в значении 'наместник князя' по отношению к неновгородским областям древней Руси по своей частоте решительно уступает его употреблению по отношению к Новгороду, а в значении 'избранный вечаем правитель' — явление исключительно новгородское, затем псковское. М. А. Брицын отмечает, что слово *посадьникъ* в языке украинской и белорусской народностей вовсе не представлено, сужается его употребление и в северо-восточной Руси. Всюду начиная с XIII в., за исключением Новгорода и Пскова, это слово вытесняется словом *намѣстникъ*, сохранившимся в социальном значении в восточнославянских литературных языках до настоящего времени.¹⁹¹ Но и до XIII в. *посадьникъ* было по преимуществу новгородским словом. Конечно, *посадьникъ* 'избранный вечаем правитель Новгорода, а позже и Пскова', надо полагать, было известно в древней Руси всюду, но в неновгородских областях оно обозначало явление чужой, не своей жизни, было Fremdwort, своего рода экзотизмом. К. Р. Шмидт пишет, что термин *посадьникъ* в 1-й Новгородской летописи после слова *князь* является наиболее частым социальным термином. В Новгороде с 1118 по 1240 г. было по крайней мере 27 посадников, принадлежавших к немногим семьям. Можно говорить о династиях посадников. Таких «династий» было 7. Роды посадников принадлежали к аристократическим семьям Новгорода, что видно хотя бы из того, что новгородские князья рождались с посадниками.¹⁹² К сказанному следует добавить, что производные слова *посадьничий*, *посадьничество* (ср. в 1-й Новг. по Синодальному списку под 1126 г.: *вѣдаша посадьничество Мирославу Гюрятиницу*) известны исключительно в новгородско-псковской письменности.

Рагоза 'вражда, распря, ссора', *рагозити* (с я) 'враждовать, ссориться', *рагозый* 'враждующий, враждебный' известны из новгородских и особенно псковских текстов: *Ярослав же тогда рагозен с новгородци* (Архивн. сп., 1015 г.), *бѣ бо [Ярослав] и самъ о тѣ чинъ рагозныи с новгородци* (Житие Бориса и Глеба, 1241 г.); *бысть рагоза новгородцемъ со псковичами*

¹⁹¹ М. А. Брицын. Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965, стр. 15—17.

¹⁹² Knud Rahbek Schmidt. Zur Erforschung der sozialen Terminologie in Texten der russischen Mittelalters. Scando-Slavica, IV. Copenhagen, 1958, стр. 109—110.

(2-я Пск., 1391 г.); *того же лѣта на осень бысть рагоза князю Свйтригайлу съ княземъ Жидимонтомъ, з братомъ Витовтовымъ, о княжении в Литовской земли* (1-я Пск., 1433 г.) и др. Возможно, сюда относится прозвище *Рагозка*, встретившееся в Писцовой книге Обонежской пятины под 1563 г. Вне новгородско-псковской письменности эта группа слов с их социальными значениями нигде не зафиксирована. Впрочем, Н. В. Бирило указывает, что в Логойских актах 1582 г. упоминается Григоръ *Рагоза* — прозвище, которое, может быть, имеет прямое отношение к нашему апеллятиву *рагоза* 'вражда', 'распря', 'ссора'.¹⁹³ В современной диалектной речи она распространена на обширной территории северновеликорусского наречия, в псковских, смоленских и калининских говорах: *рагозй* 'упрямый, вздорный, неуживчивый, сварливый человек' (арх., симб., тобол., смол., осташк., волог., пск., киров., олон.), также и о животном (*корова у него рагозй*, д. Гологлык Псковской обл.), *рагоза* 'свара', 'ссора', 'брань' (*такая рагоза идет у них в семье*, пенз.), *рагозй* 'что-либо колючее, цепляющееся' (смол.), *рагозою* 'пескладно', 'без порядка' (смол.), *рагозитъ* 'делать что-либо медленно, грязно, что вызывает насмешку' (черепов.), 'загрязнять', 'пачкать', 'мусорить' (черепов.), 'врать', 'говорить небылицы' (осташк.), 'подукать', 'торопить' (осташк., пск.), 'мешать', 'препятствовать' (шенкур.), 'ругаться' (д. Межники Осташковского р-на Калининской обл.), *рагозитъся* 'ссориться', 'браниться', 'сердиться' (костром., арх., осташк., пск., олон.), *рагозило* 'суетливый, торопливый человек' (судогод., владимир.), *рагозливай* 'непоседливый' (пск.), *рогозно* 'громоздко', *рагозия*, *рагозливая* 'корова бодливая' (арх.).

По-видимому, *рагоза* и производные в указанных значениях можно считать древним лексическим диалектизмом, составлявшим особенность диалектов кривичей и словен. Прояснение развития значений зависит от установления этимологии слова (исходным, вероятно, было «материальное» значение, ср. смол. 'что-либо колючее, цепляющееся').

6. Глагольная лексика и некоторые слова разного значения

Диалектные расхождения в лексике, которая обозначает общие для всех носителей языка понятия, но связанные с различными особенностями местной жизни, считаются особенно показательными, составляющими собственно языковую специфику того или иного диалекта. То же, конечно, относится и к расхождениям между языками. Если северновеликорусское *суслон* 'десять снопов, поставленных стоймя и накрытых сверху одним снопом'

¹⁹³ Н. В. Бирило. Белорусская антропонимия. Автореф. докт. дисс. Минск, 1969, стр. 12.

неизвестно на южновеликорусской территории, где обычно слово *крестец*, то это скорее характеризует различия между севером и югом в материальной культуре, нежели в структурных особенностях самих диалектов. Иное дело, когда общее понятие 'очень' в ряде северных говоров обозначается словом *порато* или *гораз(но)*, а на юге — словом *дюже*. В основе подобного рода расхождений лежат особенности законов внутреннего развития диалектов (языков), которые обусловлены общественным развитием только опосредствованно, в конечном счете. Такие расхождения чаще всего наличествуют в глагольной лексике и словах с отвлеченными значениями, к изложению своих наблюдений о которых мы сейчас и приступаем. Впрочем, не следует преувеличивать различия между словами типа *суслон* — *крестец* и *порато* — *дюже*, поскольку нет пропасти между «внутрилингвистическими» и «внешилингвистическими» факторами в развитии языка, поскольку язык неразрывно связан с обществом и его существование немислимо вне общества, вне зависимости от истории общества.

Брехати — *лаяти*. Эти два древних общеславянских слова, синонимичных в прямом и переносном ('ругать', 'бранить') значениях, имели в славянских языках неодинаковую судьбу. В южнославянских языках первое из них преимущественно имеет другое (может быть, исходное) значение: сербохорв. *брэхати* 'задыхаться', 'громко кашлять', *брэхтати* 'пыхтеть', 'громко кричать', словенск. *brehati* 'кашлять', *brękati* 'кричать', 'тявкать' (по ст.-сл. *брехати* = лаяти, болг. *брэхам* 'лаять', 'тявкать', 'ссориться'), в западнославянских языках оба слова находятся в сложных синонимических отношениях. По-особому сложилась история этих слов на восточнославянской почве. По данным картотеки ДРС Института русского языка АН СССР *брехати* 'лаять', 'бранить' и его производные (*брехание*, *брехатель*, *брехательно*) достаточно широко представлены в древних южнорусских и более поздних южновеликорусских и отчасти московских памятниках, в которых встречается также и *лаяти* в тех же значениях: *лисици брешутъ на чръленья щиты* (Слово о полку Игореве), *лисици часто брешють* (Слово о Задонщине), *лисици на кости брешут* (Слово о Мамаевом побоище), *въ Александрѣи же мнози мужи и жены и дѣти, уязвлени злѣ отъ бѣсъ, напрасно брехашу* 'кричали', 'вопили' (Хроника Георгия Амартола XI в.), *псоу бреханіе . . . дано естъ* (Русская Пчела XIII в. по списку XIV—XV вв.) и т. п. По-видимому, *брехати* более широкое территориальное распространение, особенно в значении 'ругать', 'бранить', имело в церковнославянских текстах, однако данные этих текстов для исторической диалектологии без должного подтверждения другими источниками малопоказательны. В громадной массе оригинальных севернорусских памятников слово *брехати* нам не встретилось. Исключение представляет прозвище *Брехъ* (*Брѣхъ*), которое было известно и на севере (ср.: *отъ Нероуского*

конца Аврамъ . . . , а отъ Гончарского Кривой, а отъ Словенского Захаръ Брехъ — Софийский временник XVI в.; *царь и государь и великий князь Иванъ Васильевичъ всея Руси велѣлъ написати в синодикъ . . . Григорія и сына его Брѣха*, — Синодик Нижегородского Печерского монастыря XVI в.), однако отношение его к *брехати* 'лаять', 'ругать' не совсем ясно. В Московских актах XVI в. упоминается и Иванъ *Брехоу*.

Данные древнерусской письменности совпадают с показаниями современных говоров: *брехать* неизвестно или почти неизвестно в севернорусских говорах, тогда как оно обычно в южновеликорусских говорах, которым в свою очередь почти несвойственно слово *лаять* (в ряде говоров, например тульских, слово *лаять* не только не употреблялось, но было непонятным). В южновеликорусских говорах кроме значения 'лаять', 'ругать' *брехать* означает также 'кашлять' (мещов.), 'ржать', 'мычать', 'блѣять', 'мяукать' (мещов.), 'выть' (о волке) (дон.), 'говорить', 'рассказывать' (новосильск.), 'ворчать', 'брюзжать' (самар.), 'сплетничать', 'наушничать' (брянск.) и др. В тех же говорах обычны производные *брехаться*, *брехач*, *брехачка*, *брехливый*, *брехло*, *брехня* и др. В некоторых северновеликорусских говорах *брэхать* (с другим ударением!) означает 'чихать' (арх.), 'говорить что-либо напрямик' (арх.), 'говорить что-либо неуместное' (твер.),¹⁹⁴ но не 'лаять'. *Брехать* 'лаять', 'ругать' со своими производными обычны в украинском (*брехати*) и белорусском (*брахачь*) языках. Таким образом, на юге, западе и в приокско-донском бассейне издревле употреблялось *брехати*, связанное синонимическими отношениями с *лаяти* (последнее вытеснилось и в ряде мест вовсе вышло из употребления). На севере в значении 'лаять' (также в переносном) употреблялось *лаяти*, а *брехати* если и было известно, то в иных значениях. Ср. в 1-й Новгородской летописи под 1346 г.: *лаялъ ми посадникъ вашъ . . . назвалъ мя псомъ*, под 1412 г.: *ваши люди намъ лаяли, . . . насъ поганьими звали* и др.

Воропъ 'нападение, наскок, натиск, налет' (обычно в сочетании *пустили на воропъ*), *на воропъ* 'разъезд', *на воропити* 'напасть', 'наскочить', *на воропят* 'нападать', 'наскокивать'. Этот военный термин и его производные в древнерусскую эпоху употреблялись исключительно на юге восточного славянства: *и пусти на воропъ Алтуну по въ 50 чади* (Ипат., 1067 г.; Лавр.); *половци пустиша на воропъ межю Киевъ и Вышегородъ* (Ипат., 1093 г.); *о томъ же оуслышавше половци яко оумерлъ естъ Володимеръ князь и присунушася вбозре и наворопиша изгономъ ко Барочю* (Лавр., 1125 г.), *върядиша в наворопъ и Мстислава Романовича* (Ипат., 1184 г.), *наворопници же, перешедше Хоролъ, взидоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѿ* (Ипат., 1184 г.), *хотѣша пустити на воропъ*

¹⁹⁴ Словарь русских народных говоров, вып. 3, стр. 176—178.

по земли и яша языкъ въ *воронцѣхъ* (Ипат., 1190 г.) и др. В картотеке ДРС нашелся только один пример в северной письменности (который приводит и Срезневский, II, стр. 271): *тои же зимѣ придоша Литва, повоеваша около Тържоку беицисла. Князь же Ярославъ съгони е на Вр̄святѣ и наворони на не и тако божиею помощю и святыя Софья отъимаша всѣ полонѣ* (1-я Новг., Синод. сп., 1225 г.; в Акад. сп. — *навороти*). В поздней русской письменности и в современных говорах не найдено ни одного примера употребления *воронѣ* и его производных. По-видимому, *воронѣ* связано с внезапными наездами групп конницы — способ ведения военных действий, очень удобный в степях и, вероятно, перенятый у кочевников. Термин был обычен на юге, составляя лексическую особенность южных диалектов, на севере же он был заимствованным и неупотребительным или малоупотребительным в речи севернорусского (и западнорусского) населения. Церк.-слав. *вр̄сти* 'рвать', 'грабить' (Изборник 1076 г., Житие Феодора Студийского XIII в.), *навранѣ* 'грабеж', 'добыча' (Изборник 1073 г.), польск. *nawrócić na kogo* 'гневаться', 'сердиться', сербохорв. *вр̄полити се* 'беспокоиться' как будто свидетельствуют о праславянском происхождении **vr̄gr-*. Осмысление этого **vr̄gr-* как военного термина в указанных значениях произошло у южных восточнославянских племен, живших на границе леса и степи, вероятно, еще до появления в южнорусских степях половцев.

Гош и ти 'устраивать, делать' и др. Это этимологически неясное слово представлено в исходной форме и в своих производных в новгородской письменности: *тоземьци прядуще гошати порты* (Житие Александра Македонского по Хронографу XVI в.); *столпы и сны и водоважа чудны, бяхоу бо мороморяни гошени з драгымъ каменіемъ* (там же); *Ярославу же бысть вестъ на Тържкѣ и изгоишиа твердь, а пути отъ Новгорода все засекоша* (1-я Новг., Синод. сп., 1225 г.; в 5-й Новг. и Тверск. — *изгониша Тѣвр̄*; в списках 4-й Новг. — *изгонивше, изгнаша, изгониша, изнимаша*); *тоу бо бяху вышши соуждаальци пълкомъ и оугоишили около себѣ твердь* (1-я Новг., Синод. сп.; также Акад., Голиц. и Новоросс. сп. 4-й Новг., 1160 г.; в 1-й Новг. младшего извода — *учиниша, устроиша*, в 4-й Новг. и 5-й Новг. — *устроили*, в 1-й Соф. и Тверск. — *учинили*); в Лавр. в несколько видоизмененном тексте — *оучнившие*); и *тоу оугоиши городъ около себе въ колѣхъ* (1-я Новг., 1224 г.; Акад. и Толст. сп. 1-й Новг. — *сътвори*; 1-я Соф., Тверск., Акад. сп., Лавр. — *учиниша*). Как видно из этих примеров, уже в XIV—XVI вв. *-гошити* заменялось общераспространенными словами, что, возможно, указывает на отмирание слова. В тех же новгородских летописях наряду с *изгоишати*, *угоишати* широко употреблялись обычные *учинити*, *сътворити*, *сѣдѣлати* и др. Вероятно, *-гошити* попало в новгородскую письменность из военного жаргона, поскольку примеры говорят о его употреблении в значении 'устраивать укрепления'. Однако такое значение

было не единственным: в новгородской берестяной грамоте № 155 1-й половины XII в. слово употреблено в трудно определяемом смысле: *а больши ти протера гоши* [ти] (=а больше тебе убытку причинится?). В разных значениях *гошити* и производные выступают в современных говорах: *гошити* 'готовить', 'приготовлять' (с. Драгочево Бельского уезда Смоленской губ., остров., порх., ошачк., пск., смол., черепов., великолуцк., опоч., новг., пошехон., весьегон., ржев., сбб., твер.), 'собирать в дорогу', 'припасать' (яросл.), 'запасать' (д. Савкино Пушкиногорского р-на Псковской обл.), *гошиться* 'готовиться', 'быть в готовности' (новг.), 'припасаться' (черепов.), *изгошиться* 'приготовиться' (новг.), *пригошять* (несов. вид), *пригошить* (сов. вид) 'приготовлять' (опоч., пск., смол., весьегон., великолуцк., пушкиногор., черепов.).

Как видно из этих сведений, *-гошити(ся)* распространено главным образом на северо-западе, лишь в отдельных случаях встречаясь на северо-востоке, куда оно, по-видимому, было занесено новгородской колонизацией. И. Панкевич к этому добавляет, что в словаре Желеховского имеются закарп. *гошити*, *гошати на кло* 'выжидать', 'подстергать, чтобы броситься', *гошитися* 'готовиться', 'поощрять', 'побуждать'.¹⁹⁵ *Гошити* было древним северо-западным лексическим диалектизмом, который был известен и на крайнем юго-западе. Какой была связь между этими двумя ареалами, являются ли они остатком ранее более широкой зоны, из-за недостатка сведений остается неясным.

Жадати, *жадѣти* 'жаждать, желать, хотеть'. Общеславянский корень **žed-* представлен во всех славянских языках и никогда не был диалектизмом. Однако судьба различных образований от этого корня в славянских языковых группах была неодинакова. Прежде всего это относится к инфинитивным формам *жадати*, *жадѣти*, которые нехарактерны для современных южнославянских языков и отсутствуют в русском литературном языке. Отсутствие их в русском литературном языке обусловлено своеобразием их истории в восточнославянской языковой группе. С самого начала развития древнерусской письменности для *жадати*, *жадѣти* были характерны две особенности: 1) широкое их употребление в первонославянских текстах, являющееся продолжением старославянской языковой традиции, однако по преимуществу в текстах южного происхождения, 2) наличие их в оригинальной юго-западной письменности и, можно сказать, полное отсутствие в оригинальных северных памятниках. Ср. *жадание* 'жажда', 'желание', 'стремление' — у Иосифа Флавия, в Повести об Акире премудром XI—XII вв., Житии Саввы Освященного XII в., в юго-западных документах XIV—XV вв. и др., *жадати* — у того же Иосифа Флавия, в Киево-Печерском патерике XIII в., Житии Бориса и Глеба, Житии Феодосия, сочинениях Кирилла Туровского

¹⁹⁵ И. П а н ь к е в и ч. [Рец на:] Ф. П. Филин, стр. 95—96.

и т. д., в юго-западных грамотах XIV—XVII вв., *жадѣти* — в Изборнике 1076 г., Злагоструе XII в. и т. п. Обе формы известны и в московской письменности XV—XVII и XVIII вв., однако в деловой письменности они обычны лишь в тех документах, которые связаны с нашим юго-западом, Польшей и западноевропейскими странами, а в литературных произведениях являются явными церковнославянизмами. Ср. примеры, взятые нами из картотеки ДРС: *наши паны жадали есмо тебѣ князю твою Елену (Польские дела, 1495 г.), а панъ Васовскій велѣлъ вашей ласки любительню поздоровитъ и жадѣть вашей ласки видѣти (Акты археогр. экспедиции, II, 1608 г.), кичливые сѣи властителю жадаю бесмертия и по кончине хотели отличествовати внешностю своею от народа своего (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, 1790 г.)* и т. п. Московские документы, относящиеся к западным делам, очевидно, писались или переводились выходцами из юго-западных областей. Лишь в единичных случаях интересующие нас формы встречаются в документах иного рода: *начто вы ѣдите в острог, почто де русково корму жадѣте (Якутские акты, 1645 г.)*.

Данные письменных памятников в общем совпадают с распространением *жадати* в современных восточнославянских языках: укр. *жадати* 'жаждать', 'хотеть', 'желать', *жадатися* 'хотеться', 'желаться', *жадаючий* 'жаждущий', *жадання* 'жажда', 'желание', *жаданний* 'желанный', 'вождеденный' и др., белор. *жадѣць, жадѣцца, жадаючы, жаданне, жаданы* и др. (как в литературных языках, так и в говорах), тогда как в подавляющем большинстве русских говоров (как и в литературном языке) форма эта неизвестна. В картотеке «Словаря русских народных говоров» имеются следующие сведения: *жадѣть* 'желать', 'хотеть' (волог., кемек., касим., тамб., твер., тавд.), 'сильно, чрезвычайно желать' (тобол.), 'жадничать' (сев.-двин., смол.), 'жраѣть', 'проворно есть' (челяб., оренб.), 'завидовать' (пск., осташк., новорж., смол.), 'братъ чужов' (юрьев.), 'жалеть', 'беречь' (вознесен.), *жадѣтсѣя* 'с нетерпением ожидать чего-либо' (холм., великолуцк.). Часть этих примеров приходится на западные и северо-западные говоры, в которые *жадати* могло проникнуть из белорусского языка. По-видимому, уже в древнюю эпоху *жадати* и *жадѣти* на севере и северо-востоке, как и в приокско-донских областях, выходили из употребления и были редки в отличие от юго-запада, где эти формы были обычны. Не исключено, что редкие случаи употребления *жадати* в современных русских говорах являются следствием воздействия церковнославянского языка, который особенно был в ходу у начетчиков-старообрядцев.¹⁹⁸

¹⁹⁸ О проникновении церковнославянизмов, отсутствующих в литературном языке, в говоры см.: А. И. Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, стр. 7—8.

Заразити 'поразить, сразить, убить, ушибить'. Этот словообразовательно-семантический диалектизм, образованный от общеславянского корня *-raz-, в письменности появляется с XII в.: *въ то же лѣто бысть знамение въ Новѣгородѣ въ святѣи Софѣи. . . единъ отъ дяконъ зараженъ бысть отъ грому, а крилось есъ падоша и с людми ниць, но живи быша (1-я Новг., 2-я Новг., 4-я Новг., 5-я Новг., Сокращенная Новг. лет., 1117 г.); и грому сильноу бышоу яко единѣмъ шибѣнцемъ зарази седмъ человекъ: два попа и дякона а четыре простых (Типогр. лет., 1159 г.)* и т. д. Слово это употребляется исключительно в письменности областей, ставших позже великорусскими. С этим словом связана легенда о достроении собора Николы Заравского и основании города Заравска (теперь Зарайска): *и поставиша над ними кресты камени и отъ сея вины зовется великий чудотворецъ Никола Заравский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣя и съ сыномъ своимъ княземъ Иваномъ сама себѣ зарази (после известия о гибели мужа князя Игоря Игоревича княгиня Евпраксия бросилась вниз с сыном из высокого терема) (Повесть о разорении Рязани, 1237 г., по списку XVI в.)*.

Кроме новгородских памятников *заразити* употребляется в псковской, смоленско-полоцкой, северной, поволжской и московской письменности. В некоторых грамотах XVI—XVII вв. имеется характерное выражение: *заразити (в лесу) деревомъ, древомъ*. От *заразити* образуется *зараза* 'изрытое овражистое место' (где легко ушибиться, убиться): *толики быша тучи силни, яко единьмъ часомъ точию рвы и заразы, яко бездны учинишася (Никон. лет. под 1301 г.); великий государь тѣшилсѣя под селом Хвиллями да в Кунцовскихъ заразах (Дневальные записки приказа тайных дел, 1657—1675 гг.)* и др. Современное значение слов *заразить, зараза* возникает в русском языке в XVII—XVIII вв.,¹⁹⁷ откуда распространяется и в украинском и белорусском языках.

Заразить в старом значении сохраняется в ряде современных русских говоров: 'убить', 'ушибить', 'сильно ударить' (твер., перм., волог., том., арх., онеж., урал.), 'зарезать', 'ранить' (олон.), 'завонять' (рыбин.), *заразиться* 'убиться', 'ушибиться' (ростов., волог., яросл., перм.), 'влюбиться' (яросл., арх.), 'начать усиленно работать' (волог.). Можно полагать, что *заразити* в древнерусское время было северным и северо-западным диалектизмом.

Знатъба 'знак, след, признак'. Подробные сведения об этом слове приводит В. И. Максимов.¹⁹⁸ *Знатъба* известно только в новгородско-псковской письменности: *озеро морози въ ноць. и*

¹⁹⁷ В. Л. Замбржицкий. К истории изменения значения слова «зараза». Лексикограф. сб., вып. VI. М., 1963, стр. 160—163.

¹⁹⁸ В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской первой летописи. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. т. 173, 1958, стр. 186—188.

растьраа вѣтръ. и вѣнесе в волхово [льдины]. и положи мость
д. городнѣ отиноудъ безнатбе (= без знатьбы) занесе (1-я Новг.,
Синод., 1143 г.) (= 4 городни совсем неизвестно, куда занесло);
бысть моръ во Псковѣ. . . а знадба бѣше сицева: аще кому
явится где железа, тои на другии день или на третий умираше
(1-я Пск., 1404 г.). Слово еще дважды употреблено в Поучении
Стефана против псковских и новгородских стригольников 1386 г.,
дважды — во 2-й Псковской летописи, в Сборнике загадок XVII в.

В Словаре Академии наук 1847 г. *знатьба* определяется как старинное слово со значениями 'признак', 'примета' (пример из «Истории государства Российского» Карамзина), 'знак', 'метка' (пример из 1-й Новг. летописи под 1419 г.). В современных говорах слово выступает со значениями 'признак', 'приметы' (у Даля без географических указаний), 'знакомство' (опоч.), 'золотуха' (пск.), 'лишай и другие наклонные болезни' (луж.), 'родимое пятно' (волог.), 'значок', 'заметка' (петрозаводск., лодейноп., пск., остров., порх.) и др. В. И. Максимов приводит также *знатьбо* 'знак', 'метка' (петрозаводск.), *знадбeka* 'родимое пятно', 'родинка', 'приметочка' (пудож.), *знадобиться* 'показываться', 'видеться', 'обнаруживаться' (пск., осташк.), 'кажется', 'должно быть', 'как' (пск., углич.). Все эти материалы указывают, что *знатьба* (от *знати*) было древним новгородско-псковским диалектизмом.

Корочунъ 'зимний солнцеворот, самый короткий день в году'. *Стояше вся осенина дъждева отъ гжина дни до корочюна* (1-я Новг., Синод., 1143 г.). Может быть, это слово также было древнерусским северным диалектизмом, хотя данных о его географическом распространении прежде и теперь у нас нет (за исключением его раннего употребления в новгородской летописи). В картотеке Словарного сектора Института русского языка АН СССР не оказалось каких-либо сведений о слове *корочун* (*карачун*) в указанном значении. Только в «Крылатых словах» С. Максимова сообщается, что этот день 12 декабря (ст. ст.) — зимний солнцеворот, который называется «корочуном» во многих местах Великолорсии¹⁹⁰ (каких?). Так же определяет это слово Даль, но и он не дает никаких географических указаний. В прологе «Снегурочки» Островского читаем: «Потемки, ночи темные, *Карачуна* проводите. Тогда зима изломится, Медведь переверотится». По всей видимости, бытование слова *корочун* (*карачун*) было результатом начитанности, поскольку оно имеется в популярной в XIX в. «Истории государства Российского» Карамзина (со ссылкой на приведенное место из Новгородской летописи). Впрочем, следы его употребления в говорах все же имеются. Б. Прушевская, наблюдавшая говор четырех русских деревень в приходе Муола Выборгской губернии (говор окающий), приводит *корчун* («старые помнят это слово и в полногласной форме „корочун“) «самый корот-

кий день в году».²⁰⁰ Ср. еще болг. *крачун*, *крачунец* 'рождественский день', также '8 июня — день св. Феодора'. Обычно этимологически связывают *корочун* 'зимний солнцеворот' с *корчун* (*карачун*) 'внезапная смерть', широко распространенным в русских говорах и известным также русскому просторечию (белор. *карчун* 'внезапная смерть в молодом возрасте', 'судороги'), диал. 'злой дух', еще 'бранное выражение'. Однако это предположение не объясняет, почему акающее произношение *карачун* широко распространено во многих окающих говорах: в новгородских, вологодских, пермских, костромских, ярославских, казанских, уральских, томских и других.

Л а г о д и т и 'делать приятное, потворствовать' и др. Первый по времени пример имеется в «Поучении» Владимира Мономаха: *на воину вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденю не лагодите, ни спаню* (Лавр., 1096 г.). Слово это, общеславянское по происхождению, имеется в старославянском языке и обычно в древнерусских церковнославянских текстах, поэтому неудивительно, что оно как церковнославянизм встречается в языке Аввакума (*а еретики ему блазнятъ и лагодятъ, глаголя, яко на кроткова, государь, Давида напасти и бѣды на тебѣ и на царстве твое бывають* — Книга толкований и нравоучений, 1677 г.) и некоторых других поздних русских писателей. В деловой и другой светской письменности древнерусского севера слово это никем не отмечено, нет его и в современных русских говорах, за исключением некоторых южных и западных: *лагодить* 'ладить' (курск.), 'мирно улаживать', 'успокаивать', 'мирить', *лагда* 'кроткодушие', 'доброе обращение' (смол.). Между тем в украинском и белорусском языках *лагод-* обычно: укр. *лагода* 'кротость', 'согласие', 'миролюбие', *лагодження* 'починка', 'исправление', 'поправка', 'поделка (о мелкой работе)', 'приготовление', 'сборы', 'снаряжение', *лагодити* 'чинить', 'починять', 'исправлять', 'поправлять', 'готовить', 'собирать', 'снаряжать', *лагодиться* 'чиниться', 'исправляться', 'поправляться', 'ладиться', 'готовиться', 'собираться', 'снаряжаться', *лагодливый* 'сговорчивый', 'миролюбивый' и др., белор. *лагда* 'лад', 'благодать', *лагдавиць* 'ублажать', 'угождать', *лагодны* 'кроткий', 'добродушный', 'незлобивый', 'покладистый', *лагодна* 'кротко', 'добродушно', 'незлобиво' и др. (это только в литературных языках, не считая еще большего разнообразия значений в говорах). Можно считать, что *лагодити* в древнерусскую эпоху было юго-западным диалектизмом. Вероятно, оно еще до возникновения письменности на северо-востоке восточного славянства вышло из употребления. Л. А. Булаховский, пытаясь ослабить мое предположение о юго-западном ареале этого слова, ссылается на то, что *лагодити* принадлежало к ос-

¹⁹⁰ С. В. Максимов. Крылатые слова. М., 1955.

²⁰⁰ Б. Прушевская. Некоторые особенности красносельского говора. Scando-Slavica, VIII. Copenhagen, 1962, стр. 215.

новному словарному фонду древнейшего славянского языка.²⁰¹ Однако хорошо известно, что ареалы распространения слов (как и любых других явлений) с течением времени могут серьезно изменяться.

Новыи 'иной, другой, еще один'. Слово в этом значении выступает в новгородской письменности с XIII в.: *вѣза оу нхѣхъ 7 тысячю новую* (1-я Новг., 1224 г.); *се купи . . . перевѣсичю вь Ненокси Исаковское по новому мѣсту . . . и поженьку на Нижнои рѣки по новому мѣсту* (Новг. купчая XIV—XV вв.).²⁰² Этот древненовгородский семантический диалектизм сохранился в ряде современных северных говоров, причем с окончательным ударением *новѣй*. В Архангельске был *Новѣй базар* 'второй (иной, другой) базарный торг по понедельникам, торжок'. А. И. Федоров отмечает наличие слова *новѣй* 'иной' в современных архангельских²⁰³ и сибирских говорах.²⁰⁴

Объгърнѣти, *огърнѣти* 'окружить, обернуть, покрыть' и др. Слово встречается в древней южной письменности и, по нашим данным, совершенно отсутствует на севере, где ему соответствует в тех же значениях *огънѣти*, а также *окържити*, *покрыти* и др.: *и съочи Володимеръ с коня и огорноу и коръзномъ* (Ипат., 1147 г., северный переписчик исправил на *огъноу*, в Лавр. — *покры*); *обгорненъ бысть отъ всѣхъ странъ множествомъ ратныхъ* (Густинск. летопись, 1174 г.), ср. еще у Срезневского²⁰⁵ *объгърнѣти*, *объгърновати* 'обнимать', 'охватывать', *объгърнѣти* 'охватить' (правда, в церковнославянских текстах). В картотеке ДРС, состоящей главным образом из выборок примеров из русских памятников XV—XVII вв., всех этих слов нет. Интересно, что в северновеликорусских говорах *обогнѣться* 'укрыться одеялом' (устуж., черепов.), *обогѣться*, *обыгѣться* 'укрываться какой-либо одеждой', 'одеваться в верхнюю одежду' и др. (черепов., владимир., костром., твер., яросл.), *обогѣшка* 'какая-либо одежда вместо одеяла' (черепов.) и т. п., тогда как образования с *-гърт-*, *-гърн-* встречаются только в юго-западных говорах: *обгортѣть*, *обгорнѣть* 'обертывать', 'обворачивать', 'окучивать' (краснодар.), *огорнѣть* 'окружить' (курск.), *обгорнѣть*, *огорнѣть* 'покрыть одеждой' (смол., орл.), 'укутать', 'отеплить' (калуж., тульск.) и др. Между тем на украинской территории это слово обычно: укр.

²⁰¹ Л. А. Булаховский. Питання походження української мови, стр. 91—92.

²⁰² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 460—461.

²⁰³ А. И. Федоров. О происхождении словарного состава беломорских говоров. Автореф. канд. дисс. Л., 1952, стр. 15.

²⁰⁴ А. И. Федоров. Диалектные слова древненовгородского происхождения в составе современных русских говоров Сибири. Изв. Сибирск. отд. АН СССР, 1967, № 6, вып. 2.

²⁰⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 563.

обгортѣти(ся), *огортѣти(ся)*, *обгорнѣти(ся)*, *огорнѣти(ся)*, *обгортѣннѣ*, *обгортѣка* и др. с развитой системой значений как в литературном языке, так и в говорах, белор. *абгарнѣць*, *абгарнѣца*, *агарнѣць*, *агарнѣца*. Общеслав. **гърт-* (**гърн-*), по-видимому, было рано утрачено в северных восточнославянских диалектах (если когда-нибудь оно там было).

Окошьное, *некошьное*. В поэтизированном сказании о свержении епископом Иоакимом идола Перуна в Новгороде сообщается: *и иде пидьблянинъ рано, хотя гърнѣци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перушице, досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ поплыви прочь, и плы съ свѣта окошьное* (1-я Новг., 4-я Новг., 989 г.; Ермол. — *в окошьное*; Львовск. — *и поплы свѣта окошинои*; 2-я Новг. и 3-я Новг. — *и плы свѣта некошное сирѣчь во тму кромешную*). Значение здесь не совсем ясно. Пояснение во 2-й и 3-й Новгородских летописях подсказывает, что Перун поплыл во тьму кромешную, следовательно, *окошьное*, *некошьное* (*некошное*) 'преисподняя'. Однако, скорее всего, *окошьное*, *некошьное* — бранное определение Перуна — нечистый, негодный, ненужный (=и поплыл со света нечистый, ненужный бог). Это предположение подтверждается поздними данными. В «Житии» Сергия Радонежского (Епифаниевской редакции) XV в. читаем: *единою обретеся оу них соукуто единою злотворно и не оустроино и некошино, яко и пелесовато, его же и вся братіа негодоующе и гнушахоуся его и отвращахоуся*. Здесь речь идет о явно негодном сукне. О том же говорят и данные современных говоров, в которых широко представлена форма *некошнѣй*, *некошнѣй* (и, к сожалению, не зафиксирована *окошиной*): 'нечистый', 'дьявольский', 'черт', 'леший', 'домовой' и пр. (вят., волог., сиб., перм., сев.-двин., оренб., иркут., якут., урал.), 'необыкновенный', 'проклятый' (волог.), 'некрещеный' (сев.-двин.), 'дурной', 'гадкий', 'безобразный', 'некрасивый' (волог., пск., остапк., арх., вят.), 'нескладный', 'неуклюжий' (волог., перм.), 'неловкий', 'неаккуратный', 'неспособный' (краснояр., яросл.), 'дурной', 'плохой', 'нехороший', 'дрянной' (новг., Киров., костром.), 'чахлый', 'слабый' (вят., новг., арх., волог.), 'нескромный', 'неспокойный', 'упрямый' (перм., свердл.), 'тот, кто мало ест' (новг.), 'несговорчивый', 'необщительный' (нижегор., арх.), 'негодный', 'подлец' (вят.), *некошино* 'нечеловечески' (вят.), *не по кошнѣму* 'плохо', 'нехорошо' (арх.) и др. и, наоборот, *некошнѣй* 'доброкачественный', 'хороший', 'добрый' (пск., остапк.). В положительном значении употребляется *кошнѣй* 'хороший', 'добрый', 'приглядный', 'недурной' (арх. и др.), *кошеѣ* 'лучше', 'добротнее', 'красивее' (нижегор.). Как видно из этих материалов, древнее *кошь (ср. *роскошь* и др.) в указанных значениях и формах было северным диалектизмом.

Осенина 'осеннее время, осень'. Это образование в единственном и множественном числе употребляется в северных памятниках (включая и москзские) начиная с XII в.: *стояше вся осенина*

дъждева (1-я Новг., Синод., 1143 г.); *приде князь Александръ ис Татаръ, велми не здравя, въ осенинѣ* (1-я Новг., 1263 г.); *того же лѣта въ осенинѣ Данило князь московскыи приходилъ на Рязань ратью* (Лавр., 1301 г.), *а въ осенинѣ той много хлѣбъ пошелъ подъ снѣгъ* (Никон., 1371 г.); *по вся годы давати в осенинах на царев и великого князя погреб ключнику 10 бочек огурцов соленых* (Новг. лавочные книги, 1583 г.) и др. По данным картотеки ДРС, слово *осенина* встречается в новгородских, псковских, смоленских (Летопись Авраамки), тверских, ростово-суздальских и московских памятниках. В современных говорах примерно тех же мест это слово сохраняется и теперь: *осенина* 'осеннее время' (иркут.), ср. у С. Максимова: *Вот и осенины вглубь пошли: к Покрову подваливают* (Побирушки и погорельцы); *Где их [сапоги] укупишь теперь, когда заворотят осенины?* (Крылатые слова) и у Григоровича: *В зимнее дело, либо в осенину ходили они по болотам, дичину всякую да зайцев стреляли* (Антон-горемыка); 'осенние поборы духовенства с населения' (волог., сев.-двин.), 'осенняя пахота', 'поле, вспаханное осенью' (онеж., ленингр.), 'сено, скошенное осенью' (пск., смол., перм., твер.), 'шерсть, снятая с овец осенью' (волог., арх., перм., южн.-сиб.). Мы можем отнести этот словообразовательный диалектизм к древней северной и северо-западной зоне.

Смага 'тоска, горе' и др., *смаглый* 'смуглый'. Об историко-географическом употреблении слова *смага* и его семантическом развитии подробные сведения сообщает В. А. Козырев.²⁰⁶ Слову *смага* в «Слове о полку Игореве» (*поскочи по русской земли, смагу мычючи в пламанѣ розѣ*) обычно приписывается значение 'огонь', 'пламя', однако в таком значении оно неизвестно в славянских языках, в которых издревле с этим словом связываются генетически переносные понятия. Даже в родственных образованиях в других индоевропейских языках связь с понятием 'огонь' хотя и имеется, все же преобладают производные значения (лит. *smāigti* 'тушить', 'гасить', латыш. *smakōt* 'издавать запах', англ. *smoke* 'дым', 'дымить' и т. п.). Семантическое изменение *staga 'огонь' 'ожог', 'жар', 'зной', 'сухость во рту' и пр. > 'горе', 'тоска', 'печаль' и пр. произошло в очень раннее время, задолго до XII в. И. И. Срезневский (III, 442) приводит текст из Дубенского сборника по списку XVI в., восходящий к XII в., употребление в котором слова *смага* подтверждает это изменение: *на губах смага падеть и тѣло все загоритса и в лицѣ огонь павитса* (=сухость, жар). По-видимому, следует согласиться с В. А. Козыревым и толковать приведенный выше текст «Слова» как 'горе мыкая в пламенном роге' (ср. совр. *горе мыкать*). Данные современных говоров

²⁰⁶ В. А. Козырев. О слове «смага» в «Слове о полку Игореве». В кн.: Вопросы развития грамматики и лексики русского языка. Л., 1968, стр. 328—338.

также не подтверждают прямого значения 'огонь': *смага* 'жажда' 'сухость во рту' (пск., калуж., смол.), 'изжога' (смол.), 'оскомина' (брянск.), 'накипь на губах от жара, переутомления' (смол., брянск.), 'позыв на пищу' (пск.), 'нужда', 'неприятность' (жиздр.: *смагу принимать*), 'горечь от безысходного горя', 'нервный спазм в горле' (с. Верхозим Петровского р-на Саратовской обл.), 'темнота', 'чернота' (курск.). Как видно из приведенного материала, слово *смага*, а также родственные ему образования (*смагнуть*, курск. *губы посмагли* 'почернели' и др.) занимают исключительно юго-западные области русского языка и лишь в единичных случаях встречаются за пределами этих областей: ярен. *смага* 'черный (о человеке)', волог. *смага* 'сажа', 'копоть', 'чернота'. Следует заметить, что записавший в вологодских говорах в 1847 г. это слово Протопопов помечает его наряду с явно книжными словами как «устар.». Не исключено, что оно было занесено на север книжным путем. Во всяком случае единичное употребление слова в одной местности на фоне массового его употребления в других местностях требует особого объяснения. Нельзя не считаться с тем, что в северной (в широком смысле этого слова) письменности мы не знаем никаких следов его употребления. Между тем в южновеликорусской письменности XVII в. оно имеется: по указанию С. И. Коткова, в воронежской грамоте 1617 г. упоминается *Смага Ветров*.

Широко распространены слово *смага* и родственные образования на украинской и белорусской территориях: укр. *смага* 'жажда', 'налет сухости на губах', *смагнути* 'загорать на солнце', 'сохнуть, пересыхать (о губах)', *смажити* 'калить', *смажений* 'жареный' и т. п., белор. *смага* 'жажда', *смагнуць* 'изнывать от жажды', 'пересыхать (о губах)' и т. д., причем слова эти обычны не только в говорах, но и в литературных языках. Б. В. Кобылянский находит в восточнокарпатских говорах *смага* в значении 'беда', 'лихо' и также считает, что это значение очень близко к тому, что имеется в «Слове о полку Игореве».²⁰⁷

Можно сказать, *смага* и производные были древнерусскими юго-западными диалектизмами. К этому заключению пришел и В. А. Козырев.²⁰⁸ То же относится и к слову *смаглый* 'смуглый', известному в Изборнике 1073 г., Хронике Малалы и других памятниках киевского происхождения и не встречающемся в северной письменности, а также нехарактерному для русских говоров, но обычному в украинском языке (*смаглый* 'смуглый', 'загорелый', *смаглити* 'смуглеть' и др.), белор. *смаглы* 'пересохший, запекшийся (о губах)'. Между прочим, родственное *смуглый* появляется в русском литературном языке не ранее XVII в. и, по всей видимости, попадает в него из южновеликорусских гово-

²⁰⁷ Б. В. Кобылянский. Деякі східнокарпатські архаїзми та історіями української мови. Мовознавство, 1967, № 6, стр. 53.

²⁰⁸ В. А. Козырев. О слове «смага». . . , стр. 333.

ров, а уж потом через литературный язык начинает распространяться по всей русской территории.

У д ъ н ь е 'полдень, послеобеденное время, время перед вечером, перед закатом солнца'. Слово это древненовгородское: *загорѣся. . . въ середѣ оутра почѣне и погорѣ до оудьннл все полѣ, не остана ни хорома* (1-я Новг., 1217 г.); *бысть знамение въ слнцн мсца авгоуста въ Здн. . . въ оуденье* (1-я Новг., 1237 г., 1-я Соф.; в Акад. и Толст., 1-й Новг. и 5-й Новг. — въ *полднн*); *а коли творите вѣнчанье, и вы вѣнчайте въ церкви по обѣднѣ, а въ уденье въ полднн и въ полноци не вѣнчайте* (Послание новгородского митрополита Фотия 1410 г.). Последний пример указывает на распространенность слова по крайней мере среди духовенства новгородских областей. В современных говорах сохранились *уденье* 'время послеобеденного отдыха, особенно в долгие летние дни' (лужск., д. Тайгинцы Медвежьегорск. р-на КАССР, олон.), 'время перед рассветом или зарей' (южн.-сиб.), *удень* 'полдень, самая высокая точка солнцестояния' (д. Унежма Онежского р-на Архангельской обл.), *удновка* 'обеденный перерыв' (там же), *удновать* 'отдыхать, спать после обеда' (олон., арх.), *поудновать* 'отдохнуть, поспать после обеда' (там же). В газете «Новое время» (1903, № 9816) сообщается о празднике *уденья* в Новгородской губернии: *Праздник уденья или праздник холоднойм богу воды совершается* (в Новг. губ.) *не в одно и то же положенное число месяца каждого года, а в первый летний жаркий день. . . При звуке колокола все поголовно крестяне. . . высыпают из изб на улицу. . . Каждый поспешно черпает холодную воду и в изобилии поливает друг друга.*

Б. М. Ляпунов считает, что приставка *у-* в этом слове имеет отрицательное значение и означает убывание, уменьшение солнечного света (т. е. *у < *р < *ап*).²⁰⁹ По-видимому, это так. *Удънье* 'время, когда день идет на убыль'. Впоследствии ввиду утраты этимологического признака слова значение начинает варьироваться. Образования с отрицательным *у-* (*р-*) уже в древности были непродуктивными, поэтому слово *удънье* принадлежит глубокой праславянской старине. Новгородский народный праздник, вероятно, восходит к языческим обрядам. По всей вероятности, территория распространения *удънье* в праславянское время была шире, чем в древнерусскую эпоху. Даль (IV, 472) приводит одиночное калуж. *уденье* 'полдень, полднн или время вскоре после того, когда день начинает убывать'.

К л ю н у т и, у к л ю н у т и 'укусить, ужалить (о змее, насекомом)'. В знаменитом летописном сказании о смерти Олега сказано: *выникнувши змиа изо лба [и] уклону в ногу и с того разболѣся и умре* (Радз., Акад., Ипат., 1-я Новг., 5-я Новг.,

1-я Соф., Никон., Типогр., Переясл., Воскрес., Львовск., Тверск., 912 г.; в Ермолаев. — *оусѣкну*, в Летописи Авраамки — *уляви*, в Западных летописях — *воуци*, а в Ермолинской даже — *уяденз скоропицею*). Наличие слова *уклонути* во многих летописях разных редакций указывает на то, что оно восходит к тексту древнего летописного сказания, а замены его в других летописях свидетельствуют о том, что оно или стало рано выходить из употребления, или же изначально в данном значении было диалектным. В картолке ДРС нашелся еще один пример: *был ми еси, сыну, яко змыя, оустрѣми иглу, клону ея; и рѣче ей игла: уклонула мя еси острѣиши собе* (Повесть об Акире премудром XI—XII вв. по списку XV в.). Среди диалектного материала это слово я нашел только в говорах КАССР и восточных районов Ленинградской области: *змеи до смерти уклонет, он клюёт зубами; гад клбнула; уклевал гад вчерась лошадь — подохла; и оса клевачка и она клонет — так знаешь болько и т. п.*²¹⁰ Известно, что существуют две легенды о месте смерти Олега: 1) Олег умер под Киевом, 2) он умер под Ладогой. Не исключено, что слово *уклонути* 'укусить', 'ужалить' попало в древнекиевскую летопись из текста древненовгородской легенды, хотя, конечно, категорически настаивать на этом предположении нельзя. Данные современных говоров как будто показывают, что *клонути, уклонути* в указанном значении было древненовгородским семантическим диалектизмом.

Т и р о в а т и 'проживать, пребывать'. Это слово в древнерусской письменности встретилось дважды: *и не съмаюу людье тировати въ домѣхъ, но по полю живяхоуть* (1-я Новг., Синод., 1194 г.; в Акад. и Толст. списках 1-й Новг., 2-й Новг., 3-й Новг., 4-й Новг., 5-й Новг. и 1-й Соф. — *жити*); *от посадника Сидора и от Рагоулила и от всѣхъ сътъскихъ и от всѣхъ пльсковиць къ ратьманомъ въ Ригоу и къ всѣмъ рижаномъ. Здѣ тировалъ Нездильце вашъ во Пльсковѣ съ дѣтьми тѣрговалъ съ Коумордою и не доплатилъ Коуморде 20 гривеньъ серебра* (грамота псковского посадника Сидора и псковичей в Ригу о выдаче Нездильца, XIV в.). В современных говорах слово *тировати*, к сожалению, пока не найдено (морской термин *тирова́ть* 'смолить тиром, т. е. полуваром, части корабля' сюда не относится; правда, в д. Сележа Мезенского р-на Архангельской обл. в 1949 г. записано *ти́ровать*, 'отдыхать у берега, бросая якорь', но это слово, скорее всего, является семантическим вариантом морского термина). Все же можно полагать, что *тировати* было древним северо-западным диалектизмом.

* * *

Итак, мы нашли около ста десяти лексических и семантических образований (не считая многих производных или вариантных

²⁰⁹ Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 61—62.

²¹⁰ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . стр. 274.

форм), которые с разной степенью достоверности можно считать диалектными в древнерусскую эпоху. Некоторые из этих лексико-семантических диалектизмов имели диалектное употребление еще в праславянской древности, задолго до возникновения древнерусской письменности (например, *зеремя*, *рѣнь*, *удьные* и др.), другие возникали позже. Абсолютная хронология в определении образования древних лексических диалектизмов, вероятно, никогда не будет установлена (по крайней мере, как правило), речь здесь может идти, да и то не для всех случаев, о хронологии относительной. Точные границы распространения древних диалектизмов также определить невозможно из-за крайней неравномерности географического распределения дошедших до нас древнерусских памятников письменности XI—XIV вв. и по целому ряду других причин. Можно говорить лишь о приблизительных местах распространения диалектных слов («южное», «юго-западное», «северное», «северо-западное» и т. п.). На самом же деле, как можно предполагать с уверенностью, лексические (как и другие) изоглоссы в древнерусскую эпоху, когда были размыты племенные границы и уступаивались изменчивые границы феодальных княжеств, а также имели место постоянные передвижки населения и происходил сложный обмен хозяйственными и культурными ценностями между различными областями, были очень сложными, часто перекрывающимися, подвижными. Впрочем, подвижность изоглоссы несомненно существовала и раньше — восточнославянские племена продвигались в разные стороны, особенно интенсивно на север и восток, постоянно изменялись и группировки племен. Следовательно, когда мы реконструируем древние диалектные зоны, мы поневоле огрубляем и схематизируем действительную картину диалектного членения, точные «фотографические» снимки с которой нам никогда не будут доступны. Из этого, конечно, не следует, что наши реконструкции не имеют никакой познавательной цены. Мы бы сказали, что их познавательность относительна, причем эта относительность различна применительно к каждому конкретному случаю. В дальнейших исследованиях, которые должны накапливать новые сведения, переоценивать старые и совершенствовать самые методы реконструкции, объективность наших познаний и в этой области языковедения должна возрастать.

Можно полагать, что древние диалектные зоны были представлены двумя типами: 1) общеславянское (или общевосточнославянское) явление сузило зону своего распространения и стало диалектным, 2) явление никогда не занимало территорию всего языка, причем оно было или архаичным (остатком иных, более древних языковых или диалектных членений), или сравнительно поздним местным новообразованием. Прокламмирование существования архаических местных особенностей, которое проводится некоторыми современными исследователями, имеет методологическое значение, поскольку оно идет вразрез с традиционными

прямолинейными праязыковыми схемами. Правда, практически отделить архаизмы общезыкового происхождения от архаизмов исконно локальных, существовавших до сложения самого праязыка, по-видимому, чрезвычайно трудно. Однако предположение наличия исконно локальных явлений в теоретическом плане не менее законно, чем обычные гипотезы о первоначальной праязыковой общности. Более или менее определенно выделяются локальные заимствования из других языков (особенно неродственных) и субстратные явления.

По своей тематике древнерусская диалектная лексика, как это вытекает из рассмотренных выше материалов, весьма разнообразна. По-видимому, она имеется во всех тематических группах слов. Важно отметить, что среди древних лексических диалектизмов высок процент слов, которые обозначают явления, не связанные с местными особенностями природы, хозяйства и иных явлений жизни. Ср. *глей* 'глина', 'ил', *пуца* 'густой дремучий лес (незаселенная пустая местность)', *рѣнь* 'песчаная отмель', 'песок', 'гравий', *кришца* 'колодезь', 'родник', *серень* 'наст', *обилье* 'хлеб на корню', 'зерно', *вѣхъть* 'тряпка', 'мочалка', *трѣска* 'кол', 'заостренная жердь', *вячьший* 'старший по возрасту', 'старший по социальному положению', *рагоза* 'вражда', 'распря', 'ссора', *лагодити* 'сделать приятное', 'потворствовать', *смага* 'тоска', 'горе' и многие другие. Эти диалектизмы можно назвать конструктивными, или структурными, поскольку они обусловлены не прямым воздействием на язык внешних факторов, а особенностями внутриязыкового развития, разными способами называния одних и тех же явлений (а значит, и разными представлениями об этих общих для всех явлениях, что уже относится к некоторым особенностям мышления). Наличие структурных лексических диалектизмов в древнерусском языке опровергает господствовавшие ранее naive представления о монолитности древнерусского языка и почти полном отсутствии в нем диалектных расхождений, особенно идущих еще от праславянской эпохи.

Какая-то часть выделенных здесь диалектизмов в результате новых исследований и проверок может оказаться общевосточнославянскими словами. Однако в то же время несомненно и то, что постоянно будут обнаруживаться все новые и новые диалектные слова и их разряды. Общее число лексических и семантических диалектизмов ранней поры достигало многих сотен, а может быть, и тысяч примеров. В составе этих диалектизмов могут оказаться многочисленные слова одиночного употребления, о которых мы пока не можем сказать ничего определенного. Такие слова имеются в самых различных древнерусских памятниках. Например, немало таких слов обнаружил А. И. Генсѣрский в Галицко-Волынской летописи: *палата* 'шатер', *заворь* 'зависть', *перемолвливати* 'переманивать', *вѣсца* (*вѣска?*) 'селение', *стал* 'укрепленное поселение', *исправити* 'исполнить', *солѣтися*

‘собраться’, *жака* ‘хворост (?)’, *кояръ* ‘попона (?)’, *карити* ‘оплакивать умершего’, *сыновица* ‘племянница’ и др. (десятки примеров).²¹¹ По-видимому, значительная часть этих слов представляла собой лексические диалектизмы. Ср. также одиночно употребленные слова в «Поучении» Владимира Мономаха, «Слове о полку Игореве», «Русской Правде», новгородских берестяных грамотах и т. п. Остаются нерасшифрованными даже значения многих таких слов. Л. Марасинова²¹² приводит такие слова, как *слопина*, *перемужга* и некоторые другие, которых нет ни в одном словаре и значения которых совершенно неизвестны.

Можно не сомневаться в том, что в области исторической лексикологии мы стоим на пороге значительных открытий.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Лексический состав памятников письменности XIV—XVII вв. в количественном отношении во много раз превосходит лексику письменности раннего периода. Это объясняется бурным ростом словарного состава восточнославянских языков, отражающим значительное расширение круга обозначаемых понятий, вызванное хозяйственным и культурным развитием. Возникают новые и совершенствуются старые ремесла, поднимается на новую ступень земледелие, усложняется социальная структура общества со всеми вытекающими из этого последствиями, развиваются литература и искусство, а также зачатки наук, интенсифицируется торговля, становится более громоздким государственный аппарат со всеми его институтами и т. д. — все это вызывает все новые и новые потребности в номинации, дает мощный толчок развитию и реализации словообразовательных средств. Однако было бы ошибочно думать, что все новые для письменности XIV—XVII вв. слова действительно являются новообразованиями этого времени. Нужно учитывать, что во много раз возрастает само количество письменных памятников, а также заметно увеличивается их жанровое разнообразие, вместе с чем серьезно расширяется возможность проникновения давно существовавших в устной речи слов в письменность. Следовательно, далеко не все слова и значения слов, появившиеся впервые только в поздней письменности восточных славян (как, впрочем, и в письменности любых других народов), являются новообразованиями. Многие из них употреблялись и раньше, но по разным причинам не попали в произведения письменности раннего времени.

²¹¹ А. И. Генсборский. Галицко-Волинский летопис. Київ, 1961, стр. 55—139.

²¹² Л. Марасинова. Загадки древних псковских грамот. Псковская правда, 1 III 1966.

Вместе с общим ростом лексики увеличивалось и количество лексических диалектизмов. Можно с уверенностью сказать, что сотни тысяч лексических диалектизмов современных восточнославянских языков в большей своей части являются продуктом поздней истории. Новые диалектизмы образовывались не только в XIV—XVII вв., но и в XVIII—XIX вв., отчасти и в XX в., когда литературный язык являлся достоянием лишь сравнительно небольшой части населения, а основная масса народа владела только диалектной речью. Только в наше время диалекты стали интенсивно вытесняться литературным языком и всякого рода лексические новообразования, как правило, не получают достаточно выраженной локальной окраски. Рост лексических диалектизмов прекратился, а сами диалектизмы перешли в разряд особого рода историзмов.

Развитие диалектизмов примерно с XIV в. шло двумя основными путями: 1) возникновение новых слов локального распространения и 2) образование слов, создававших специфику русского, украинского и белорусского языков, выделившихся из их общего источника — древнерусского языка.

1. Новые слова локального распространения

Образование этих слов имело три основных источника: 1) локальные новообразования разных типов, базирующиеся на системе словообразования, свойственной тому или иному диалекту или группе диалектов, 2) заимствования из соседних языков, получавшие местное распространение, и 3) общерусские слова, которые вышли из употребления в других областях и сохранились лишь в одном или нескольких диалектах. Нужно учитывать, что между близкими диалектами одного и того же языка или близкородственными языками всегда существовали контакты более или менее значительной интенсивности, что обуславливало сложный характер изоглосс. Каких-либо четких границ между восточнославянскими диалектами, к которым тяготела бы основная масса изоглосс, не существовало, как не существует и в наше время. Обычно изоглоссы группируются в разного рода «пучки», очерчивающие разные, не совпадающие по своим территориям диалектные зоны. Немало имеется и «произвольных» изоглосс, пересекающих восточнославянские земли в разных направлениях и не входящих ни в какие «пучки». Следовательно, говоря об определенных восточнославянских диалектах, мы не должны забывать об условности их выделения. Как было сказано выше, лексических и семантических диалектизмов в восточнославянских языках имеются сотни тысяч. Точно установить географию их употребления в настоящем и тем более в прошлом, историю каждого диалектного слова (а история каждого слова в некоторых существенных своих сторонах индивидуальна и неповторима) — задача

неосуществимая не только теперь, но, вероятно, и в будущем. Мы всегда будем вынуждены ограничиваться исследованием каких-то отдельных слов или групп и разрядов слов (хотя всякого рода обобщения не исключаются, только эти обобщения применительно к лексике никогда не смогут учесть индивидуальный характер каждого слова), отдельных лексических изоглоссов или групп изоглоссов.

Первая попытка диалектного расчленения древнерусской лексики была сделана мною в 1949 г.²¹³ Было предложено десять диалектных групп древнерусской эпохи по данным лексики, причем в эти группы недифференцированно были включены как диалектизмы позднего происхождения, так и древние: 1) диалект Новгорода и его области, 2) псковский диалект, 3) северо-западные диалекты, 4) севернорусская группа, 5) северо-восточный диалект, 6) восточнорусская группа, 7) южнорусская группа, 8) юго-западный диалект, 9) западнорусская группа и 10) диалектизмы, имевшие широкое в территориальном отношении распространение. Легко заметить, что выделенные группы в иерархическом отношении неравноценны: некоторые частные диалекты входят в состав более обширных зон (новгородский и псковский диалекты, которые вместе составляют ядро северо-западной группы, а сама северо-западная группа по ряду изоглоссов входит в более обширную севернорусскую группу и т. п.). Кроме того, на самом деле диалектных лексических зон, окаймленных пучками изоглоссов, было несравненно больше, причем пучки изоглоссов, безусловно, часто перекрещивались друг с другом.

После 1949 г. опубликовано много работ разных авторов, в результате чего наши знания о лексических диалектизмах значительно расширились, хотя и теперь они очень далеки от охвата всего материала. Некоторые районы подверглись особенно детальному обследованию. В первую очередь нужно отметить большую серию ценных работ о лексике карпатских говоров в ее настоящем и прошлом, выполненную одним из крупнейших украинских диалектологов И. А. Дзедзелевским, автором капитального лексикологического атласа украинского Прикарпатья. Интересные материалы содержатся в двух недавно опубликованных книгах — «Полесье» и «Лексика Полесья»²¹⁴ и во многих других работах. Появилось немало исследований, в которых специально представляются сведения о диалектной лексике в памятниках письменности XI—XVII вв. или же содержатся данные о диалектном распространении отдельных слов. Таких работ уже так много, что не представляется никакой возможности дать их обзор в настоящей книге.

²¹³ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , стр. 226—284.

²¹⁴ Полесье. Отв. ред. В. В. Мартынов и Н. И. Толстой. М., 1968; Лексика Полесья. Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1968.

Мы здесь ограничимся только некоторыми замечаниями о новых словах локального распространения. За последние годы не только шло накопление фактического материала в этой области, но и началось обсуждение вопроса, что следует понимать под лексическим диалектизмом применительно к древнерусскому языку, какой должна быть методика их выделения. Этой проблеме посвящена статья О. С. Мжельской «Диалектизмы в языке памятников средневековой письменности».²¹⁵ О. С. Мжельская отмечает, что древнерусские диалектизмы нельзя сравнивать с лексическими диалектизмами, поскольку литературный язык средневековья сам распадался на ряд местных разновидностей и диалектизмы входили не только в систему местного говора (т. е. устной речи местного населения), но и в систему местной разновидности литературного языка. Нельзя также сравнивать лексику древнерусских диалектов между собой, так как диалектное членение древнерусской лексики — величина пока искомая, а не данная. Автор рекомендует опираться на «учет прямых свидетельств древнерусских памятников и исторических словарей, привлечение данных областных словарей русского языка и лексикографии других славянских языков, сопоставление памятников одного жанра, близких по содержанию», что помогает «лексикологу с известной степенью объективности установить изоглоссу того или иного слова в древнерусский и среднерусский периоды развития языка. Однако всегда нужно быть готовым к исправлению ошибок и уточнениям».²¹⁶ Эти в общем верные замечания, конечно, не исчерпывают всей проблемы, которая подлежит дальнейшей разработке (свою точку зрения на этот предмет я излагаю в разных местах настоящей книги). О. С. Мжельская, опубликовавшая ряд статей о диалектной лексике в древнепсковской письменности,²¹⁷ попыталась установить и типы диалектизмов в древнерусской письменности: 1) слово известно только в локальной группе памятников и имеет параллели в соответствующих группах современных говоров — устойчивый диалектизм; 2) слово известно только в локальной группе памятников, но не сохранилось в современных говорах — такое слово также можно отнести к диалектизмам; 3) слово употребляется и в московской письменности, но всегда лишь при описании новгородских и псковских событий, следовательно, оно является новгородским или псковским диалектизмом.

²¹⁵ О. С. М ж е л ь с к а я. Диалектизмы в языке памятников средневековой письменности. Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 119—126.

²¹⁶ Там же, стр. 125.

²¹⁷ О. С. М ж е л ь с к а я. 1) Местная лексика в псковской деловой письменности. Автореф. канд. дисс. Л., 1956; 2) Местная лексика в псковской деловой письменности XIV—XV вв. Уч. зап. ЛГУ, № 198, вып. 24, 1956; № 267, вып. 40, 1960, и другие работы.

Совершенно очевидно, что третий тип является частным по отношению к первым двум и выделен на ином основании. Таких типов в восточнославянских языках несомненно много (диалектизмы разных местностей в московской, киевской, западнорусской и иных письменностях).

В результате накопления новых материалов особенно выпукло выделяются лексические диалектизмы Псковской и Новгородской областей (исследования О. С. Мжельской, В. И. Максимова, В. В. Ильенко и др.), намечаются и другие диалектные зоны. Конечно, оценивая этот материал, мы в будущем должны быть готовыми к исправлению ошибок и уточнениям. Среди выявленных диалектизмов имеются и древние явления, по разным причинам поздно отразившиеся в письменности, но несомненно наличие среди них и значительного пласта новообразований. Новообразования определяются прежде всего по позднему появлению обозначаемых ими реалий. Большое значение должен иметь также учет словообразовательных типов, но, к сожалению, история восточнославянского словообразования пока не написана и каких-либо точных хронологических ориентиров в этом отношении еще не имеется.

Среди псковских диалектизмов особую группу составляют слова, обозначающие развитое городское строительство: частое в псковских летописях *кремь*, *кромь* 'городская крепость' (слово встречается десятки раз), *костерь* 'башня', 'стрельница' (только в 1-й Псковской летописи употребляется десятки раз), *кутъ* 'угол крепости, крепостной стены' (также обычное именно в этом локальном значении слово, само по себе известное во всех славянских языках),²¹⁸ *охабень*, *захабень* 'часть города, крепости, окруженная отдельной стеной', *пращло* 'часть городской стены' (общераспространенное значение 'часть, звено йгороди'), *перси* 'особый род городских укреплений', 'оборонные стены' (очень распространенное в псковских памятниках слово), *звукъ* 'строительный мусор', 'щебень', 'осколки' (употреблено дважды во 2-й Псковской летописи под 1363 и 1364 гг.), *лавница* 'улица', 'городской район', *судница* 'помещение суда', *лавичина* 'торговое помещение' и др. Часть этих слов, как о том свидетельствуют материалы А. Поппе,²¹⁹ встречается и в письменности Новгорода и его владений, что вполне понятно, если учесть тесные связи Новгорода и Пскова. На позднее образование приведенных терминов указывает и то, что в большинстве своем они представляют семантически производные лексемы, в основе которых лежат широко распространенные значения.

²¹⁸ Подробно об этом слове см. в статье: Ю. Ф. Денисенко. Значение слова *кутъ* в псковских летописях. Вопросы теории и истории языка. Изд. ЛГУ, 1969, стр. 170—178.

²¹⁹ А. Поппе. Materiały do słownika terminów budownictwa staropolskiego. . . , стр. 31—33, 34 и др.

Довольно обширен круг псковских (и отчасти новгородских) диалектизмов, обозначающих разного рода явления общественной жизни, характерные для феодального строя: *изорникъ* 'зависимый земледелец', 'батрак',²²⁰ *дворити* 'служить', 'услуживать', *гостинець* 'процент', *кочетникъ* 'зависимый рыбовод', *лубь* 'грамота', *зблюдение* 'отданное на хранение имущество', *сочити* (чего-нибудь на ком-либо) 'искать, требовать по суду', 'предъявлять иск', *покрута* 'ссуда несостоятельному человеку со стороны хозяина' (слово пока известно только из Псковской судной грамоты) и многие другие слова. Некоторые псковизмы получают впоследствии широкое распространение. Как считает С. С. Волков,²²¹ термин *губа* 'низший территориально-административный округ' первоначально употреблялся в Псковском феодальном княжестве, главным образом применительно к окраинам Псковской земли. В XIV—XV вв. *губа* в этом значении появляется в новгородских и московских актах и летописях, но только когда речь идет о псковской и затем новгородской территориях. В Псковской судной грамоте и псковских летописях появляется производное *губский* — *губские старосты* 'должностные лица в губе', а в Новгородской кабальной книге 1594 г. — *губовство* 'деятельность, должность губского старосты'. С середины XVI в. существительное *губа* и производное от него *губной* широко распространяются в письменности, преимущественно судебно-деловой, всего Московского государства. *Губа* стало означать 'судбно-полицейский округ, где преследование уголовных преступников поручается выборным представителям', а с начала XVII в. — также 'учреждение, ведающее сыском и судом уголовных преступников' и 'помещение, где находилось это учреждение (синоним *губная изба*)'. Появляются сочетания *губной староста*, *губной цѣловальникъ*, *губной дячокъ*, *губное дѣло* и др.

Псковские (как и другие) диалектизмы тематически разнообразны. В. И. Максимов отметил в 1-й Псковской летописи 82 лексических диалектизма, относящихся к разным тематическим и лексико-семантическим группам и показывающих также связи псковского диалекта с разными восточнославянскими диалектными

²²⁰ Впрочем, слово это могло выходить за пределы северо-западных говоров. В суздальских «Книгах ужиных и опытных и посевных Покровского девичья монастыря вотчины села Шипова» 1692 г. читаем: *Ужато на крестьянской пахоте на мнстръскомъ жеребю на взогне и на изорныхъ на пятидесяти на девяти десятинах* (С. И. Котков, Н. Ф. Савченко. Монастырские фонды и рукописи во Владимирском областном архиве (XVII—нач. XVIII в.). Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, стр. 217—218).

²²¹ С. С. Волков. Об административной терминологии Московской Руси. Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 21—27.

зонами.²²² Судьба псковских и других лексических диалектизмов была очень различна: многие из них исчезли, другие сохранились на более или менее прежней территории, ареалы третьих расширились, а четвертых, наоборот, сузились и т. п. Лексические диалектизмы по разным признакам могут классифицироваться по-разному, возможности в этом отношении почти не ограничены, и попытки устанавливать их типы, вероятно, всегда будут неполными.

Тематически разнообразны и многочисленны новгородские диалектизмы (Новгорода и его областей). Часть из них встречается и в псковской, иногда и в смоленской письменности, образуя северо-западный диалектный ареал. К ним относятся заимствованная судоходная терминология (*буса*, *пабуса* 'род судна', *лойва* 'род судна', *лоцманъ*, *ушкуй* с его производными и др.), некоторые термины городской жизни (*уличане* 'жители одной улицы', *ониполовци* 'жители торговой стороны Новгорода', *ливци* 'литейщики', *звонецъ* 'пономарь', *борецъ* 'сборщик налогов', *господа*, *опсода* 'правительственный совет в Новгороде', *стригольники* 'последователи еретической секты в Новгороде' и многие другие), слова, относящиеся к самым различным тематическим группам (*шильники* 'плуты', 'негодяи', откуда современные *шильник*, *шильничать*; *уречище* 'земельное угодье', 'урочище'; *курьяны* 'дикие птицы из семейства куриных' и т. п.). Очень важно отметить, что многие новгородизмы получают широкое распространение в русском языке XV—XVII вв., а некоторые из них входят в словарный состав современного русского литературного языка. В. В. Ильенко приводит ряд примеров такого рода: *обжа* 'мера пахотной земли', 'единица налогового обложения' (в XIV—XV вв. слово обычно в новгородских памятниках или в новгородских известиях в письменности других областей, а с XVI в. приобретает общерусское распространение), *околотокъ* (первоначально часть городской территории Новгорода), *конецъ*, мн. *конци* (первоначально 'улица в Новгороде', 'часть Новгорода', 'центр гражданского самоуправления в Новгороде') и др.²²³ В. П. Строгова указывает, что северное (новгородское) *щепа* 'блюда', 'ставды', 'маслянки' и пр., *щепеть*, *щепетинье* 'мелкий товар', *щепетникъ* 'мастер, изготавливающий мелкий щепной товар' (в тихвинских гаможенных и приходно-расходных книгах XVI—XVII вв. упоминается 56 щепетников), *щепетильникъ* и *щепетинникъ* 'тор-

²²² В. И. Максимов. Лексика 1-й Псковской летописи. Автореф. канд. дисс. Л., 1958.

²²³ В. В. Ильенко. 1) Поздние новгородские диалектизмы в языке Московского летописного свода конца XV века. Наук. зап. Днепропетровского держ. ун-в., т. 64. Мовознавство, вип. 15, 1958; 2) Отражение местной новгородской лексики в литературном языке великорусской народности. (По материалам летописей). Днепропетровск, 1958.

говец мелким товаром' лежат в основе современного литературного слова *щепетильный*, за которым закрепилось переносное значение.²²⁴ По данным С. С. Волкова, новгородским по происхождению является слово *захребетникъ*: «Для конца XV—начала XVI в. *захребетник* является местным новгородским термином и обозначает 'безземельный крестьянин, живущий в чужом дворе'. С конца XVI в. термин этот распространен, как показывает картотека ДРС, по всей территории Московского государства». ²²⁵ То же можно сказать о словах *извет* 'донос' и *изветчик* 'доносчик', которые были сначала новгородско-псковскими диалектизмами (*извѣтъ* 'измена', 'донос', *извѣтъникъ* 'изменщик', 'доносчик'), а в XVII в. распространились в письменности всей Московской Руси (в XVIII в. они стали книжными архаизмами и вышли из употребления).²²⁶ В результате дальнейших исследований список таких примеров несомненно будет возрастать. См. еще у С. С. Волкова *кирпичъ* (в письменности XI—XIV вв. *плинтъ*, *плинтъ* 'кирпич', *плитное дѣло* 'изготовление кирпича'), *кирпичный*, *нарядчикъ* 'распорядитель работ', 'приказчик' и другие слова, бывшие раньше новгородизмами.²²⁷ Довольно много примеров новгородизмов и псковизмов, ставших затем общерусскими словами, можно найти у А. Поппе²²⁸ и некоторых других исследователей. Из этих данных можно сделать по крайней мере два существенных для истории языка вывода: 1) в средневековую эпоху речь городских жителей не только воспринимала диалектизмы окружающего города сельского населения, но и сама была генератором диалектизмов (в современной городской речи локальные особенности тоже иногда возникают, но, во-первых, эти локализмы незначительны и теряются в массе нормативной лексики, во-вторых, обычно они не имеют возможностей широкого территориального распространения и остаются на уровне бытовых словечек, жаргонизмов и пр.); 2) распространенная в историко-лингвистической литературе гипотеза о владими́ро-суздальской основе языка великорусской народности нуждается в пересмотре, по крайней мере на уровне лексики (нельзя не считаться со значительным лексическим вкладом таких культурных центров, как Новгород и Псков, а также и других городов и областей).

²²⁴ В. П. Строгова. О слове «щепетильник» и однокоренных в русском языке. Научно-теоретическая конференция преподавателей и студентов 29 марта—2 апреля 1965 г. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1965, стр. 40—41.

²²⁵ С. С. Волков. Новообразования категории имен существительных со значением лица в «расспросных речах» первой трети XVII века. Уч. зап. ЛГУ, № 267, Сер. филол. наук, 1960, стр. 130.

²²⁶ Там же, стр. 135—136.

²²⁷ Там же, стр. 135—136.

²²⁸ А. Поппе. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego. .

Появляются работы, в которых намечаются лексические особенности других средневековых диалектных областей. Е. Н. Борисова находит некоторое количество лексических диалектизмов в рязанской письменности: *поставня* 'чашка для обваливания хлебов', *севальник* 'лукошко для зерна, которое рассеивается на пашне', *отымальник* 'ухват', *молоств*, *молоство*, *молоствин*, *молоствичко* 'большой горшок для хранения различных продуктов' (слова эти были широко распространены в рязанской письменности XVI—XVII вв.), *лепун* 'топор', *мучня* 'хозяйственная постройка', *ребезье* 'плохое имущество всякого рода', *понка-синятка* 'синяя понева' и др. Автор считает, что эти и другие подобные им слова в XVI—XVII вв. были рязанскими диалектизмами, а отчасти — лексическими особенностями южновеликорусских говоров того времени.²²⁹ Полезные сведения об особенностях архангельской лексики XVI—XVII вв. приводит И. А. Елизаровский,²³⁰ лексику арзамасской письменности исследует В. В. Юрасова²³¹ и т. д. В. В. Ильенко нашел в общерусских летописных сводах XV—XVII вв. свыше 400 диалектных лексических новообразований, которые он делит на северные и северо-западные, новгородские, псковские, устюжские, юго-западные (на великорусской территории), северо-восточные (ростовско-суздальские) и другие.²³² Публикуются исследования, в которых выделяется диалектная лексика на украинской и белорусской территориях, — Д. Г. Гринчишина, который находит диалектизмы в некоторых синонимических рядах украинской письменности XIV—XV вв. (*пашня* — *земля пашная*, *роля* — *земля роляная* только в галицко-волинских грамотах, *товарь* — *крамь*, *душегубство* — *убийство* только в молдавских грамотах и др.),²³³ В. А. Прокопенко о лексических особенностях старых и современных белорусских говоров²³⁴ и т. п. Много ценных сведений о средневековой диалектной лексике в восточнославянской языковой

²²⁹ Е. Н. Борисова. 1) Из истории некоторых слов бытовой лексики. Уч. зап. Балашовск. ГПИ, т. I. Ист.-филол. сер. 1956; 2) Лексика различной домашней утвари в рязанских памятниках XVI—XVII вв. Там же, т. 2, 1957; 3) Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Балашов, 1957.

²³⁰ И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв.

²³¹ В. В. Юрасова. Из истории диалектной лексики. (По материалам «Писцовой книги Арзамасского уезда XVII в.»). Уч. зап. Горьковск. ГПИ, Сер. филол. наук, вып. 62, 1967.

²³² В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов.

²³³ Д. Г. Гринчишин. Іменника синоніміка в українських пам'ятках XIV—XV ст. Тези доповідей V Міжвузівської республіканської славістичної конференції 25—30 вересня 1962 року. Ужгород, 1962.

²³⁴ В. А. Прокопенко. Архаїзми у складі белоруських говірок. Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962.

области имеется в работах М. А. Брицына,²³⁵ И. В. Шадурского,²³⁶ З. П. Даунене,²³⁷ В. Я. Дерягина,²³⁸ И. С. Козырева²³⁹ и ряда других авторов. Однако все это пока начало построения общей лексико-географической истории восточнославянских языков. Полученные сведения в этой области еще крайне недостаточны для широкого систематического обобщения. Во-первых, количество выявленных лексических диалектизмов разных типов пока ничтожно по сравнению с существовавшими в прошлые века, поэтому преждевременно говорить о всем сложном комплексе изоглоссы и диалектных зон (хотя мы хорошо осознаем, что сотни тысяч диалектных явлений исчерпывающе никогда не будут изучены). Во-вторых, многие выявленные факты еще нуждаются в тщательной лингвогеографической проверке. В-третьих, нужно хронологическое уточнение ряда диалектизмов, т. е. основательная их интерпретация в исторической перспективе. Можно было бы привести и другие доводы подобного характера. Все же кое-что начинает проясняться: 1) в XIV—XVII вв. происходит бурный рост диалектных явлений в области лексики, причем эти явления возникают, по-видимому, в одинаковой мере как в речи сельского, так и в речи городского населения, 2) возникает множество диалектных лексических зон, границы которых пересекались в самых различных направлениях, поэтому можно говорить не о десятке или двух десятках «диалектов», а о гораздо большем числе; если бы возможно было изобразить на одной карте все существовавшие (и существующие) изоглоссы лексических диалектных явлений, мы получили бы чрезвычайно сложную мозаику диалектных границ и зон.

2. Лексические особенности русского, украинского и белорусского языков эпохи их становления

Мы не знаем, какое количество лексико-семантических особенностей имеет каждый из восточнославянских языков. Чтобы сделать их полную инвентаризацию, потребовалась бы колоссальная работа по сравнению всех разновидностей лексики, что в настоящее время невыполнимо. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что лексико-семантические своеобразия каждого из этих близкородственных языков исчисляются многими

²³⁵ М. А. Брицын. Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965.

²³⁶ И. В. Шадурский. Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке. Автореф. канд. дисс. Минск, 1967.

²³⁷ З. П. Даунене. Торговая лексика в белорусской деловой письменности XV—начала XVII в. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1966.

²³⁸ В. Я. Дерягин. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

²³⁹ И. С. Козырев. Из истории формирования словарных составов русского и белорусского языков. Изв. АН СССР, Сер. литер. и языка, т. XXVII, вып. 4, 1968.

сотнями тысяч, если не более (если учитывать не только литературную, но и диалектную и профессиональную лексику). Бурному росту своеобразий каждого языка способствовали разные обстоятельства: 1) лексико-семантическое новаторство, возраставшее *спесендо* вместе с ростом хозяйства и культуры, протекавшее в каждом языке в значительной степени по-своему, 2) неодинаковое в каждом языке использование церковнославянского источника, 3) неодинаковые процессы иноязычных влияний.

Все это в конечном счете обуславливалось конкретно-историческими причинами, приведшими к созданию отдельных восточнославянских народностей. Следует отметить особенно интенсивный рост лексико-семантических отличий в украинском и белорусском языках после Октября, когда наступает расцвет украинского и белорусского литературных языков, сопровождавшийся весьма существенным расширением их лексического состава. Естественно поэтому, что русский человек, не владеющий украинским и белорусскими языками, обычно лучше понимает безыскусственную украинскую и белорусскую народную речь, нежели язык современных литературных произведений и печати, — с ростом лексики увеличивается число ее дифференциальных признаков даже в близкородственных языках, каждый из которых развивается самобытно.

Если невозможно фронтальное сравнение всей лексики восточнославянских языков с целью выявления всех лексико-семантических особенностей каждого из этих языков на разных ступенях их развития, то вполне доступно сравнение их лексики на сопоставимых по содержанию и жанру ограниченных письменных источниках. Заслуживает внимания статистический опыт И. И. Меньшикова, который произвел статистическое исследование украинских и русских текстов с XVI по XX в. с интервалами приблизительно в сто лет. И. И. Меньшиков поставил перед собой задачу выявить «средние величины, которые характеризуют степень лексического разнообразия русских и украинских текстов XVI—XX вв.»²⁴⁰

По его данным, это разнообразие возрастает с 33,8—34,9% в XVI в. до 48,6—49,3% в XX в. Статистические исследования лексико-семантических особенностей каждого из восточнославянских языков, по сравнению друг с другом, при надлежащей четкой программе, могут дать важные результаты, но пока все это в будущем. В настоящее время мы имеем лишь случайные сопоставления лексики отдельных памятников, единичных слов или групп слов. Однако и имеющийся крайне неполный материал показывает, что локальные лексико-семантические диалектизмы эпохи древнекиевской Руси постепенно сменяются особенностями,

²⁴⁰ И. И. Меньшиков. Спроба застосування статистичних методів у діакронічній лексикології. Мовознавство, 1969, № 3, стр. 33.

характерными для возникающих и развивающихся отдельных восточнославянских языков (в их письменной и устной разновидности). Эти особенности относятся к самым различным отраслям лексики, в том числе и к словам «основного словарного фонда», обозначающим такие понятия, без которых нельзя обойтись ни в одном из видов нормального речевого общения, а также ко всем частям речи. Приведем здесь некоторые примеры из того громадного лексического своеобразия, которое постепенно складывалось в каждом восточнославянском языке.

Говоря о формировании национальной русской лексики, П. Я. Черных в качестве первого примера приводит глагол *бросать*—*бросить* в общем значении 'кидать', 'метать', имеющий много производных (*бросок*, *бросовой* и т. п.). Слово это само по себе древнее, представлено оно (корень **brъs-*) в различных южнославянских и восточнославянских языках (праславянский юго-восточный диалектизм), но раньше оно имело частные значения 'брить', 'скрести', 'царапать', 'обивать со льна головки' и др. В значении 'кидать', 'метать' *бросать* появляется в собственно русских памятниках только с конца XVI в. («Посольство Василия Тюфякина в Персию» 1595—1598 гг.) и постепенно закрепляется как норма русского языка, включившись в синонимические отношения с *кидать*, *метать*. В украинском и белорусском языках *бросати* в широком значении не получило распространения, в связи с чем синонимические группы этих слов имеют в них иную структуру. Как полагает П. Я. Черных, глагол *бросать* по происхождению является новгородско-псковским диалектизмом, впоследствии получившим общерусское распространение.²⁴¹ Однако С. И. Котков приводит примеры употребления этого слова в южновеликорусских памятниках XVII—XVIII вв., в связи с чем пишет: «В широком и свободном употреблении глагола *бросать* в ту пору в южновеликорусской области, о чем свидетельствует бытовая контекст, трудно сомневаться».²⁴² Так или иначе, слово *бросать* является одним из дифференциальных признаков русского языка.

К специфически русским словам относится *глаз* (укр. *око*, белор. *вока*). Еще А. Л. Погодин написал специальное исследование об этом слове, производя его от заимствованного в общеславянскую эпоху германизма *glāza* (< *glēza) 'камень', 'стекло', 'янтарь'. По А. Л. Погодину, в великорусском языке *глаз* стало означать 'орган зрения' в результате метафорического переноса значения.²⁴³ Имеются и другие этимологии слова *глаз*, на которых мы здесь останавливаться не будем. Самая ранняя фиксация *глаз*

²⁴¹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 156—157.

²⁴² С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников, стр. 49.

²⁴³ А. Л. Погодин. О происхождении русского слова «глаз». Отдельный оттиск, стр. 3—4 (место и год издания не указаны).

(в виде производного уменьшительного слова) имеется в новгородском известии Ипатьевской летописи под 1114 г.: *глазъкы* 'бусы', 'блестящие шарики'. М. А. Соколова, как и А. Л. Погдин, полагает, что значение 'блестящий шарик', 'кругляш' изменилось в 'глазное яблоко', 'глаз'. Эта метафора получила свое отражение в русской письменности конца XVI—XVII в. Широко употребляется слово *глаз* 'орган зрения' в русском фольклоре, особенно в пословицах XVII—XVIII вв.²⁴⁴ Можно полагать, что *глаз* 'орган зрения' возникло в русском языке раньше конца XVI в., но не находило своего отражения в письменности, в которой господствовало традиционное *око*, единственно возможное и в церковнославянском языке.

М. Д. Лесник, рассматривая историю антонимических прилагательных *большой*, *малый*, *маленький*,²⁴⁵ отмечает, что в древнерусском языке обычной была антонимическая пара *великий*—*малый*, сравнительная степень от *великий* — *больший*. Это древнее антонимическое соответствие сохраняется в украинском и белорусском языках. На русской почве в данной лексико-семантической группе слов происходят серьезные изменения, вызванные тем, что в первой половине XV в. возникает прилагательное *большой* в значении положительной степени (в Актах юридических от 1434 г.: *межа по большою кустъ на березѣ, а с большаго куста прямо на малый кустецъ къ лѣсу*). Прилагательные *большой* и *великий* конкурируют друг с другом с XV до середины XVIII в., когда в литературном языке окончательно побеждает *большой*, а *великий* специализируется на суженных значениях (ср. сочетания *великий государь*, *великая орда* и т. п.) или же приобретает ярко выраженную стилистическую окраску (признак книжного, торжественного стиля). Прежнее значение слова *великий* — пережиточно сохраняется в языке фольклора и в некоторых говорах. Русское *большой* соответствует укр. *великий*, белор. *вялікі*. Выдвижение слова *большой* и сужение значения слова *великий* оказало воздействие на антоним *малый*, значение которого тоже начинает сужаться. По данным русской письменности, с XVI в. (в Забелинском списке «Домостроя»: *да с сторон у мѣста поставит двѣ скамейки маленькіе*) основным антонимом слова *большой* становится производное слово *маленький*.

Интересны наблюдения Г. Н. Лукиной, относящиеся к истории другой антонимической пары *легкий*—*тяжелый*.²⁴⁶ В древне-

²⁴⁴ М. А. Соколова. Из истории слов основного словарного фонда русского языка. Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, т. II, М., 1952, стр. 10—13.

²⁴⁵ М. Д. Лесник. Об антонимичности прилагательных *большой*, *малый*, *маленький* и сфере их употребления в современном русском литературном языке. Уч. зап. ЛГУ, № 161, вып. 18, ч. 2, 1952, стр. 85—95.

²⁴⁶ Г. Н. Лукина. Антонимические прилагательные в памятниках древнерусского языка (XI—XVII вв.). В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, стр. 145—155.

русском, как и в старославянском, языке употреблялась устойчивая антонимическая пара *льгъкъ*, *льгъкий* — *тажъкъ*, *тажъкий*. Во второй четверти XIV в. в русских памятниках появляется новое слово *тяжелый*, неизвестное ни в одном из других славянских языков (отыменное образование от *тяжа*) (в грамотах: *тяжелей полупуда* — 1330 г.; *олово тяжело есть, тяжелый поклон* 'глубокий', 'большой', *тяжелый дух* 'неприятный запах'). Русскому *тяжелый* соответствуют укр. *важкий*, *тяжкий*, белор. *цяжкі*. В XVII в. новая антонимическая пара *легкий*—*тяжелый* уже широко распространена в русской письменности, но и в XIV—XVI вв. наряду с *легкий*—*тяжкий* составляла второе возможное противопоставление. Как отмечает Г. Н. Лукина, пара *легкий*—*тяжелый* обычна во всех русских говорах. Образование новых синонимических и антонимических отношений, как и вообще перестройки структуры лексико-семантических групп, показывает, что создание специфических особенностей каждого из восточнославянских языков не ограничивалось только нарастанием слоя особых отдельных слов, но и затрагивало всю лексико-семантическую структуру этих языков. Что касается появления отдельных слов, отличающих русский язык от украинского и белорусского, то наблюдений такого рода сделано довольно много, хотя материал таких наблюдений, как уже было отмечено выше, остается случайным и разрозненным.

Известный историк Г. Е. Кочин устанавливает, что термин *деревня* 'земледельческое поселение' появляется в письменности северо-восточной Руси в XIV в. Сообщение в «Повести временных лет» под 1096 г. *деревне и Германы* содержит в себе испорченный текст и к интересующему нас термину не имеет никакого отношения. В новгородской письменности слово *деревня* появляется только со 2-й четверти или середины XV в., а в псковских документах — только с начала XVI в.²⁴⁷ В XVI в. термин становится общерусским. И. В. Данилова отмечает десятки собственно русских слов, появляющихся в русской письменности XIV—XVII вв.: *бурав* (с XV в.), *напарье* (с XVI в.), *лавка* 'помещение для продажи товара' (с XIV в.), *дровни* (с XVI в.), *рубашка* (с XVI в.) и др.²⁴⁸ И. В. Петренко приводит собственно русские слова *мельница* (укр. *млин*, белор. *млын*), заимствованное *рига* и др.²⁴⁹ П. Я. Черных относит к этой категории *улыбаться* (в письменности только с XVIII в.), *белье* (с XVII в.), *щип* (с XVII в.), *очень* < *очунь* (с XVII в.) и др.²⁵⁰ Б. О. Унбегаун устанавливает первую фик-

²⁴⁷ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси. . . , стр. 100—106.

²⁴⁸ И. В. Данилова. Бытовая собственно русская лексика в памятниках 14—16 вв. Уч. зап. Уссурийск. ГПИ, т. 3, вып. 1. Владивосток, 1960, стр. 77—91.

²⁴⁹ И. В. Петренко. Собственно русская лексика в памятниках деловой письменности. . . , стр. 15.

²⁵⁰ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 188—192.

садию местоимения *этот* в Словаре московитов 1586 г.²⁵¹ В русско-английском словаре Марка Ридлея 1599 г. местоимение *этот* употребляется широко.²⁵² Можно было бы привести еще ряд примеров такого же рода, уже отмеченных исследователями. Наблюдения в этой области, которые крайне необходимо развешивать, будут увеличивать количество собственно русских лексических особенностей, которое, по-видимому, никогда нельзя будет исчерпать.

Не менее интенсивно шло нарастание специфической лексики украинского и белорусского языков. В этих языках, как и в русском языке, появление специфической лексики происходило за счет местных новообразований, заимствований и неординарного использования древнерусского лексического фонда.

Говоря о специфической лексике украинского и белорусского языков, мы сталкиваемся с особой трудностью, обусловленной наличием на украинской и белорусской территориях XIV—XVI вв. общей так называемой западнорусской письменности, употреблявшейся в пределах польско-литовской государственности. Если противопоставление специфической русской и украинско-белорусской лексики вырисовывается довольно отчетливо, то этого нельзя сказать об украинских и белорусских лексических особенностях в их отличии друг от друга. Кроме того, условия заимствований из польского языка (а эти заимствования были значительны) для украинцев и белорусов были очень близкими. Надо также считаться и с особой близостью древнерусских диалектов, из которых сложились украинский и белорусский языки, и с общностью исторических условий образования этих языков. Вместе с тем наличие лексико-семантических особенностей, отличающих каждый из этих языков, несомненно. Исследование возникновения и нарастания указанных особенностей будет успешным, если будут проводиться тщательные и по возможности широкие сравнения лексики письменных памятников, написанных на украинских и белорусских землях, а также лексики современных украинских и белорусских говоров, не говоря уже о лексике современных литературных языков. В основном все это — дело будущего.

О так называемом «западнорусском языке» или «белорусско-украинской языковой общности» писалось много. Один из современных исследователей, В. М. Русановский, пишет об «общем украинско-белорусском языке», приурочивая его к XIV—XV вв.²⁵³ Следует заметить, что это был язык деловых документов, т. е. ограниченного лингвистического жанра, в котором не могло найти

своего отражения все языковое богатство юго-западных восточнославянских областей. Но и в языке этих документов с самого начала проступают фонетические и грамматические особенности, характерные только для украинского или только для белорусского языков, что вытекает из предшествующих глав настоящей книги. В XVI—XVII вв. «украинско-белорусская письменно-языковая общность» постепенно распадается. Возникают новые значительные культурные центры, определяющие направление языкового развития. Одним из таких центров была Киево-Могилянская академия, в значительной мере определившая, как пишет И. К. Белодод, направление развития староукраинского книжного языка.²⁵⁴ Были и другие культурные центры на Украине и в Белоруссии того времени. Сложный комплекс украинско-белорусских связей в сфере письменности довольно подробно исследован В. В. Аниченко в недавно изданной им монографии.²⁵⁵

Особое место в лексической специфике украинского и белорусского языков занимают слова, представленные и в западнорусских языках, но отсутствующие в древнерусском письменном языке и в позднем русском языке. Происхождение этого значительного слоя лексики сложно. Некоторая часть таких слов восходит к древним лексическим общностям, которые начали складываться еще в эпоху праславянского языка, но по разным причинам подобные слова не нашли своего отражения в древнерусской письменности. Подавляющее же большинство этой лексики является заимствованиями, причем заимствования шли в разных направлениях (не только с запада на восток, но и с востока на запад). При решении вопроса о происхождении каждого из слов данной категории нужны специальные исследования, а не общие предвзятые мнения. Известно, что в течение длительного времени в языкознании господствовало мнение, согласно которому почти любое слово, общее украинскому, белорусскому и польскому языкам и неизвестное в древнерусском и русском языках, определялось как несомненный полонизм. Реакцией на эту крайность явилась другая крайность, представленная в работах некоторых украинских и белорусских языковедов: почти полное отрицание роли польского языка в образовании специфической украинской и белорусской лексики. В. Ф. Кривчик, например, считает, что достаточно, если слово имеется в каком-либо из русских диалектов, если оно имеется в белорусской письменности XIV в., когда «нельзя серьезно ставить вопрос о польском влиянии», если оно встречается хотя бы в одном из южнославянских языков или в старославянском языке, чтобы решительно отрицать его польское

²⁵¹ В. О. Унбеган. Das alter von russisch *этот*. Zeitschr. für slavische Philologie, XXIII, 1955, стр. 322—325.

²⁵² В. О. Унбеган. Наблюдения англичанина над русским языком конца XVI в. В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, стр. 301.

²⁵³ В. М. Русановский. Структура украинского глагола. Автореф. докт. дисс. Киев, 1969, стр. 6.

²⁵⁴ И. К. Білодід. Києво-Могилянська академія в мовній ситуації на Україні XVI—XVII ст. Мовознавство, 1969, № 6, стр. 20—30.

²⁵⁵ У. В. Анічєнка. Беларуска-українські письмова-моуныя сувязі. Мінск, 1969, стр. 294.

происхождение.²⁵⁶ Эти положения не могут выдержать серьезной критики. Не следует забывать, что старобелорусский язык (повидимому, в меньшей степени и староукраинский) был активным посредником между польским и русским языками: через старобелорусское посредничество полонизмы проникали как в русский письменный язык, так и в русские диалекты.²⁵⁷ Польское влияние на белорусский и украинский языки в XIV в. и в более раннее время отрицать невозможно. Л. Л. Гумецкая указывает на ряд примеров, когда полонизмы оказываются зафиксированными в староукраинской письменности раньше, чем в письменности польской: *брунатъный* 'рыжий' (от красного до темно-коричневого) (восходит к ср.-в.-нем. *brun*, первоначально 'цвет медведя, бобра') имеется в «Продажной Хоньки Васковой» 1378 г., тогда как первая фиксация этого слова в старопольском и старочешском языках относится к 1458 и 1448 гг.; *габати* 'притеснять, беспокоить' в «Привилегии» Витовта 1389 г. (*габание*), а в старопольском впервые отображено в письменности только во 2-й половине XV в. и др.²⁵⁸ Нельзя также упрощенно представлять себе лингвистическую географию славянских языковых явлений, как это делает В. Ф. Кривчик. Наличие значительного пласта полонизмов в украинском и белорусском языках несомненно. Как замечает И. С. Олейник, в современных пособиях по украинскому языку при объяснении иноязычной лексики обычно приводится лишь несколько примеров заимствований из западославянских языков, в том числе из польского, «между тем, уже беглое сравнение лексики, которая определяется как собственно украинская, свидетельствует о значительной общности этой лексики с лексикой западославянских языков, особенно польской».²⁵⁹ Немалая часть этой лексики польского происхождения.

Так или иначе, слой специфической украинской и белорусской лексики, исконной и заимствованной (прежде всего из польского языка), отличающей эти языки от близкородственного русского языка, оказывается значительным и относится к самым различным сторонам словаря. Ограничимся здесь лишь некоторыми примерами. *Бачити* (польск. *baczyć*) с различными производными в значении 'видеть', 'смотреть' часто употребляется в староукраинской и старобелорусской пись-

²⁵⁶ В. Ф. Кривчик. Специфически белорусская лексика в белорусских переводных повестях второй половины XVI в. Тр. по языкозн. Белорусск. гос. унив. им. В. И. Ленина, вып. 1. Минск, 1958, стр. 28.

²⁵⁷ М. Г. Булахов. Старобелорусский язык как посредник в русско-польских языковых связях XVI—XVII вв. Славянские литературные языки в донациональный период. (Тезисы докладов). М., 1969, стр. 10—11.

²⁵⁸ Л. Л. Гумецкая. К истории украинско-польских языковых связей. Исслед. по польск. яз. М., 1969, стр. 219—228.

²⁵⁹ И. С. Олейник. До питання про взаємозв'язок української мови з західнослов'янськими. Тези доповідей V Міжвузівської республіканської славістичної конференції 25—30 вересня 1962 року. Ужгород, 1962, стр. 5—6.

менности XVI—XVII вв., современное укр. *бачити*, белор. *бачыць*. На русской территории встречается только в некоторых говорах, смежных с украинским и белорусским языками (смол. *побачить, обачить, зобачить* 'посмотреть', 'поглядеть' и др.). Слово изредка встречается в дипломатической переписке Москвы с Польшей XVI—XVII вв.

Буда 'постройка', *будовати* 'строить' (польск. *buda, budować*) с многочисленными производными широко употребляются в украинском и белорусском актовом языке XV—XVI вв., появляются и в русской письменности (главным образом в контекстах, связанных с польскими и юго-западными делами), но в русском языке не удерживаются (исключение *будка* с производными). Современные укр. *будувати* 'строить', *будування* 'стройка', *будова, будівля* 'здание', *будинок* 'дом' и др., белор. *будаваньне, будова, будоўля, будынак* и пр. Слова эти получили распространение на украинско-белорусской территории в связи с постройкой каменных стен, но вскоре получили общее значение.²⁶⁰

Дяковати 'благодарить' попадает на юго-запад через польское посредничество (польск. *dziękować* 'благодарить', *dzięk, dzięka* 'благодарность') в XVI—XVII вв., как обычно считают, из ср.-в.-нем. *danken, dank*. Эти слова обычны в современных украинском и белорусском языках: укр. *дякувати, дяка, подяка*, белор. *дзякаваць, дзякуюць* 'благодарю', 'спасибо'. В русских говорах слова эти встречаются только на юго-западной окраине.

Укр. *мешкати* 'жить', 'проживать', 'квартировать', *мешканець* 'житель', 'квартирант', белор. *мешкаць* заимствовано из польск. *mieszkać*. *Мешкати* как полонизм явно ощущался в XVI—XVII вв. украинско-белорусскими книжными людьми. В Евангелии Василия Тяпинского 1580 г. приводится ряд польских слов, поясняемых словами книжного белорусского языка, среди них имеется *мешкати* — *жити*.²⁶¹

Мѣсто 'городское поселение', 'город'. Слово это в указанном значении широко представлено в западославянских языках (польск. *miasto* и т. п.), довольно рано фиксируется и в юго-западной древнерусской письменности, а также в древнецерковнославянских памятниках. Не исключено, что слово в этом значении было семантическим диалектизмом времени распада праславянского языка, поэтому первоначальный ареал его распространения трудно определить. В юго-западных памятниках XIV—XV вв. оно выступает как синоним слова *город*.²⁶² Польское влияние на

²⁶⁰ Е. С. Мядельская. Уласна беларуская лексіка Супрасльскага летапісу. Тр. по языкозн. Белорусск. гос. унив. им. В. И. Ленина, вып. 1. Минск, 1958, стр. 91.

²⁶¹ W. Aniszewko. Polonizmy w zabytkach białoruskich i ukraińskich XVI—XVIII wieku. *Slavia orientalis*, XVIII, 3. Warszawa, 1969, стр. 327.

²⁶² Д. Г. Гринчишин. Іменникові синонімика в українських пам'ятках XIV—XV ст. Дослідження і матеріали. . . , стр. 68—69.

закрепление слова *мѣсто* 'город' (укр. *місто*, белор. (устар.) *места*) в украинском и белорусском языках вовсе исключить не представляется возможным. Спорным по происхождению оказалось укр. и белор. *мова* 'язык', также широко представленное в западославянских языках (обычно оно считается полонизмом, что вызвало возражения со стороны ряда лингвистов, прежде всего украинцев и белорусов). Под западославянским воздействием появляется с XIV в. *рокъ* 'год', *тыждень* 'неделя' (укр. *тиждень*, белор. *тыдзень*)²⁶³ и многие другие слова, общеупотребительные и специальные, нейтральные и стилистически окрашенные и т. п.

Представляет большой интерес неодинаковое (из-за ряда историко-культурных причин) воздействие книжной церковнославянской традиции на сложение русского, украинского и белорусского языков. А. С. Фидровская, в частности, отмечает широкое распространение в русском языке, оказавшемся под большим влиянием книжной языковой традиции, неполногласных форм, которые в значительно меньшей степени представлены в украинском и белорусском языках.²⁶⁴ Важно также установить словообразовательные своеобразия каждого из восточнославянских языков. Серьезную заявку в этой области сделал И. И. Ковалик, который приводит характерные типы суффиксального словообразования имен существительных для русского, украинского и белорусского языков, а также черты украинско-белорусского, украинско-русского и иных ареальных словообразований.²⁶⁵ Дальнейшие исследования лексико-семантических, словообразовательных, а также и фразеологических локальных явлений славянских языков несомненно принесут много новых и значительных открытий, которые позволят воссоздать историю всех славянских языков и диалектов во всем их многообразии.

²⁶³ Там же, стр. 72, 74—75.

²⁶⁴ А. С. Фидровская. О полногласных и неполногласных формах в белорусском и украинском языках. В сб.: Памяти В. А. Богородицкого. (К столетию со дня рождения). Казань, 1961, стр. 136 и след.

²⁶⁵ И. И. Ковалик. Вопросы словообразования имен существительных в славянских языках в сравнении с другими славянскими языками. Автореф. докт. дисс. Львов, 1961.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главное внимание в этой книге уделяется обнаружению локальных языковых явлений, доставшихся в наследство восточнославянскому (древнерусскому) языку от древней общеславянской эпохи и возникших в самом этом языке в различные эпохи. В результате накопления локальных языковых особенностей, их распределения и перераспределения складываются основы отдельных восточнославянских языков, их отличных друг от друга своеобразных языковых систем. Автор вполне отдает себе отчет в том, что реконструкции древних диалектизмов, их территориального распространения и хронологии (особенно хронологии абсолютной), по-видимому, всегда будут иметь относительную истинность, поскольку существующие в этой области трудности вряд ли можно преодолеть до конца. Специалист по древнерусской диалектологии должен быть всегда готов к тому, что его территориально-хронологические определения во многом будут оспариваться, исправляться или даже отвергаться другими исследователями. Однако, на наш взгляд, наличие значительного количества диалектных расхождений как в древнем общеславянском, так и в древнерусском языках является несомненным фактом. Отрицание этого факта является данью устаревшей традиции, установившейся со времен Шлейхера, или недоразумением. В то же время следует заметить, что развитие диалектных расхождений вовсе не исключает объединительных языковых тенденций как в эпоху родового строя, так и в феодальное время. Относительное единство древнерусского языка эпохи разложения родового строя и перехода к феодальному обществу несомненно. Это единство поддерживалось равного рода экстралингвистическими обстоятельствами: отсутствием территориальной разобщенности между восточнославянскими племенами, а позже отсутствием устойчивых границ феодальных земель, развитием надплеменного языка устной народной поэзии, тесно связанного с языком религиозных культов, распространенных на всей восточнославянской территории, возникновением зачатков публичной речи, звучавшей при заключении межплеменных договоров и судопроизводстве по законам обычного

права (нашедших частичное свое отражение в знаменитой «Русской Правде») и т. п. Резких этноязыковых прерывностей у восточных славян никогда не было. «Процессы создания обобщенных типов речи не только в национальную, но и в донациональные эпохи имели в конечном счете определяющее и решающее значение для языковой истории, потому что именно через них осуществлялся прогресс в развитии форм речевого общения».¹ Существование диалектной дифференциации и обобщающих типов речи — весьма распространенное явление в развитии языков позднего родового строя и феодального периода.

Принципиальное значение имеет понимание характера границ диалектных явлений в различные периоды их истории. В лингвистической литературе широко распространено мнение, согласно которому диалектные изоглоссы обычно совпадают с границами племен в родовом обществе и с границами феодальных земель в более позднее время. Такое понимание диалектных границ в целом соответствует представлению об иерархической структуре языка как совокупности четко выделяющихся диалектов (язык распадается на четко противопоставленные наречия, наречия в свою очередь — на поднаречия, поднаречия — на диалекты, диалекты на поддиалекты и говоры). Нет никакого сомнения в том, что племенные и феодальные членения населения оказывают воздействие на развитие диалектных явлений и их группировки. Однако современная историческая диалектология показывает, что в разных конкретно-исторических условиях это воздействие дает неодинаковые результаты, что представление об иерархическом соотношении диалектов и их четко выраженных границах наталкивается на непреодолимые трудности, как это мы увидим ниже. В диалектных явлениях нужно видеть только то, что в них есть. Вопреки этому диалектологи привыкли мерить диалектные группировки не лингвистическими мерами, а социально-географическими, представляя вместо действительного распространения диалектных особенностей понятие племени, феодальной земли, группировки феодальных княжеств и т. п., в результате чего знания о диалектном членении языка получаются очень поверхностными, приближительными, условными. Совершенно правильно по этому поводу замечает А. В. Десницкая: «Нельзя отрицать того, что в некоторых случаях диалектные границы, выступающие на лингвистических картах в виде пучков изоглосс, действительно соответствуют границам существовавших некогда феодальных территорий. Однако в целом эта точка зрения нуждается в уточнениях и дополнениях. Ни современный уровень диалектологического изучения языков мира, ни соображения общепедагогического по-

¹ А. В. Десницкая. К вопросу об историческом содержании понятия «диалект». В сб.: Ленинизм и теоретические проблемы языковедения. М., 1970, стр. 353.

рядка, основанные на более углубленном исследовании особенностей и вариантов организации феодального общества, не позволяют уже исходить из выше изложенной теории при определении общих характерных признаков языковых отношений феодального строя. Недостаток этой теории и состоит в том, что ею выдвигается в качестве универсального лишь один из возможных при феодализме типов развития диалектных явлений. Такой подход не встречает поддержки ни в фактах социальной истории, ни в фактах истории языков».²

Далеко не во всех странах существовала феодальная раздробленность с более или менее постоянными границами между отдельными княжествами, да и в тех странах Западной Европы, где была такая раздробленность, нередко очень рано возникала бюрократическая централизованная власть, стиравшая внутренние политические границы (Франция и некоторые другие государства). Во многих странах вообще не было устойчивых рубежей феодальных княжеств, границы между локальными политическими объединениями постоянно изменялись и не могли быть сколько-нибудь серьезным препятствием для общения населения разных мест, для разного рода передвижений населения. Население концентрировалось вокруг локальных культурно-хозяйственных центров, которые на протяжении веков не один раз могли перемещаться, держало связь между собой по речным и иным торговым путям и т. п. В частности, так обстояло дело в древней Руси. Естественно поэтому, что всякого рода локальные языковые инновации в своем распространении не образовывали единых и устойчивых границ. Эти инновации создавали многочисленные зоны, границы которых самым сложным образом перекрещивались. Внутри древнерусского языка создавалась лингвистическая непрерывность. Диалектные различия между отдельными местностями выражались в постоянном накоплении локальных языковых признаков. К этому следует прибавить наличие, часто значительно видоизмененное, остаточных диалектных зон эпохи родоплеменного строя, что еще более усложняет общую картину изоглосс.

А. В. Десницкая справедливо пишет: «Что касается диалектных различий русского языка, то хотя тезис об их исторической соотношенности с территориальной раздробленностью феодальной эпохи и считается общепринятым, он до сих пор, однако, остается недоказанным», так как «нельзя не заметить, что в общем все же не удалось привязать границы диалектных единиц русского языка к границам существовавших некогда феодальных территорий... Конкретно-историческое многообразие связей населения на территории распространения русского языка на протяжении ряда столетий определило сложность диалектного членения, отражаемого лингвистическими картами. Эта сложность явно не уклады-

² Там же, стр. 356—357.

вается в принятую до сих пор классификацию наречий и говоров, признаки которых ложатся на карты в виде сложной сети перекрещивающихся и перекрещиваемых одна другую изоглосс». ³ То же самое можно сказать и о диалектном членении украинского и белорусского языков.

Надо полагать, что каждое племя эпохи классического родового строя имело свой диалект как особую языковую систему. Исходя из этой посылки, можно считать, что и древний общеславянский язык распадался в это время на ряд племенных диалектов. Однако и в самое раннее время жизни славян нельзя себе представлять эти диалекты как замкнутые единицы с резко очерченными границами. Древние славянские племенные диалекты имели общую языковую основу и находились в постоянном взаимодействии друг с другом и с соседними языками на протяжении многих веков. Чем ближе в смысле родства диалекты стоят друг к другу, тем больше имеет возможность у языковых инноваций пересекать в своем распространении племенные границы. Картина лингвистических изоглосс становится еще более сложной, когда родовое общество начинает разлагаться. В это время происходит интенсивная перегруппировка племен, создаются и распадаются племенные союзы. Нам ничего не известно (если не считать весьма шатких предположений некоторых исследователей) о диалектном членении древнего общеславянского языка времени классического рода. Самые ранние внутриславянские лингвистические изоглоссы, которые возможно реконструировать, возникли в эпоху распада родового общества и расселения славянства на обширных территориях. Бросается в глаза, что древнейшие более или менее известные нам внутриславянские изоглоссы очерчивают не границы отдельных племен, а большие территории, не совпадающие с племенными землями. Так, по данным лексики прослеживается обширная северославянская зона, причем пучки лексических изоглосс не совпадают друг с другом, то отступая на востоке и юго-западе, то, наоборот, продвигаясь далеко вперед. Намечаются также юго-восточная, южная, восточная и другие зоны. Древнейшие фонетические и морфологические диалектные явления большей частью разделяют славянскую территорию на две противопоставленные области, причем границы зон отдельных особенностей совершенно не совпадают друг с другом. ⁴

Примерно с VII в. н. э. славянские племена, расселившиеся в восточное Карпат и Западного Буга, обособляются от остальной части славянства, что привело к возникновению в их диалектах ряда инноваций, которые составили специфику складывавшегося в это время языка восточных славян. ⁵ Восточнославян-

³ Там же, стр. 360.

⁴ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 152—223.

⁵ Там же, стр. 223—292.

ский (древнерусский) бесписьменный язык имел сложное диалектное членение, которое образовалось из унаследованных и сохранившихся (вероятно, в измененном виде) от праславянской эпохи диалектных зон, по происхождению более древних, чем сам этот язык, и из локальных инноваций, возникших уже в эпоху существования восточного славянства. Из древнерусских летописей и других источников нам известны восточнославянские племена кануна образования древнерусского государства и начальной эпохи его жизни.

Естественно, наше внимание в первую очередь обращается на возможность увязки диалектных границ древнерусского языка первых столетий его развития с границами летописных племен. Попытки сделать такую увязку предпринимались еще в прошлом столетии (П. А. Лавровский, А. И. Соболевский и др.). Однако эти попытки не дали положительных результатов. Можно еще в какой-то степени говорить о некоторых лингвистических особенностях кривичей и словен, но чем в языковом отношении поляне отличались от древлян или северян, радимичи — от дреговичей, тиверцы — от уличей и т. д., для нас остается совершенно неизвестным — то ли эпоха феодализма почти начисто стерла диалектные границы отдельных племен, то ли этих границ вообще не было. Мы не знаем, из каких более древних этнических единиц образовались эти племена, как долго они существовали и насколько они были устойчивы, несмотря на значительные успехи восточнославянской археологии и истории. Высказываются предположения, что по крайней мере некоторые из этих племен, в сущности, были не племенами, а племенными союзами, что летописец перечислил не все реально существовавшие племена (дошедшая до нас летописная запись о племенах относится к началу XII в., когда племен уже не было и о них сохранились лишь воспоминания). Древнерусские племена находились в состоянии ближайшего родства, они были связаны друг с другом разветвленной сетью речных путей, поэтому возможности диалектного взаимовлияния и широкого распространения языковых изменений у них должны были быть большими.

Все слависты, занимавшиеся проблемой древнерусских диалектов, выделяли не узко племенные единицы, а обширные диалектные территории. А. А. Шахматов делил древнерусскую языковую территорию на севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) наречия, Т. Лер-Сплавинский, Н. С. Трубецкой, Р. И. Аванесов и др. — на северное и южное наречия и т. д. Необходимость выделения крупных диалектных территорий диктовалась не только состоянием восточнославянской исторической диалектологии, но и фактическим положением дела — диалектные границы каждого отдельного племени не обнаруживались.

Указанные диалектные реконструкции имеют два существенных недостатка: 1) они опираются лишь на немногие признаки

фонетических различий, вовсе не исчерпывающие диалектного разнообразия древнерусского языка; 2) в теоретическом отношении они исходят из предвзятой посылки иерархического членения исходного праязыка, что предполагает наличие диалектов или диалектных групп (наречий) с более или менее четкими границами между ними. На самом же деле таких монолитных диалектных единиц в древнерусскую эпоху не существовало. Разного рода изоглоссы обычно не совпадали друг с другом, пересекая восточнославянскую территорию в разных направлениях. Если даже предложенные нами в настоящей книге реконструкции не выдержат испытания временем и будут заменены другими, от этого, как я уверен, общая картина диалектного состояния древнерусского языка мало в чем изменится. Древнейшие изоглоссы хронологически разного происхождения, причем в позднее время они подверглись серьезным изменениям.

Архаические рудименты *kv'*-, *gv'*-, *chv'*- (*квет*, *звезда*, *хвист* и пр.) на современной восточнославянской территории постепенно убывают по направлению с запада на восток, а на Украине — с севера на юг. Мы не знаем, какую была граница распространения этого явления в эпоху древнерусских племен, но можно предполагать, что его ареал был продолжением славянского запада. Если верно истолковываются *кежь* 'деж', *кевка* 'девка', *кеп* 'деп' и пр. как показатели отсутствия второго смягчения заднеязычных согласных, в таком случае ареал этого архаизма располагался на восточнославянском севере. Судя по показаниям древне Новгородской письменности, формы *вхе* (= *вьсь*), *къ въхемо*, *въхыхъ* указывают, что древнее праславянское *vъschъ, на остальной территории в результате смягчения изменившееся в *вьсь*, сохранялось на крайнем севере восточнославянского мира. Сохранение сочетаний *dl*, *tl*, изменившихся затем в *gl*, *kl*, надо отнести к древнему восточнославянскому северо-западу, по этой черте и по некоторым другим включившемуся в обширный балтийский языковой союз. То же можно сказать о полном и частичном (цоканье) совпадении шипящих и свистящих, территория которого, однако, была значительно шире ареала *dl*, *tl* (> *gl*, *kl*). Совершенно по-иному расположилось аканье (если верна наша гипотеза о его возникновении примерно в VII—VIII вв.), занявшее центральную полосу восточнославянских земель. Изменение взрывного *g* в фрикативный *γ* составило в свое время центральнославянский диалектный ареал, следовательно, оно вначале появилось на восточнославянском юго-западе и лишь позже продвинулось на север (Белоруссия, а затем южная Псковщина и прилегающие к ней земли) и северо-восток (до Оки).

Географически сложную картину показывают древние грамматические изоглоссы. Разрушение основ склонения на *-ū*-, начавшееся значительно раньше возникновения письменности, протекало неравномерно. Замена формы именительного падежа един-

ственного числа формой винительного падежа (*секръвь*, *ятръвь* вместо *свекры*, *ятры*), можно полагать, шла с запада на восток и с юга на север. Форма *свекры* оказалась устойчивой в говорах бассейна Оки и Дона, однако мы не можем утверждать, что в эпоху племенного строя она была характерна только для диалекта вятичей (всего вероятнее, она была распространена шире). Вариант личного местоимения 1-го лица ед. ч. *я*, употреблявшийся наряду с *язъ*, не был известен на северо-востоке восточнославянских земель, где до XV—XVI вв. была известна только форма *язъ*. Наличие глагольных форм 3-го лица настояще-будущего времени с окончанием *-t*- и без окончания *-t*- относится к древней общеславянской эпохе. Правила употребления обоих вариантов, представляющие собою разные типы в современных говорах, вероятно, были не во всем одинаковы и в древнее время, хотя восстановить их древнее исходное состояние пока не представляется возможным. Однако были и зоны исключительного употребления *-t*-. В древнерусской северо-восточной письменности нашли свое отражение говоры, знавшие только форму с *-t*-. Для северо-востока также было характерно исключительное употребление формы 1-го лица мн. ч. настояще-будущего времени *-мъ*, тогда как в других местностях наряду с этой господствующей формой были известны также и другие: *-мо*, известное на всей остальной восточнославянской территории, и *-ме* — на северо-западе. На крайнем северо-западе была распространена форма им. пад. мн. ч. личного местоимения *мы*, происхождение которой (если прав С. Ф. Самойленко) относится к праславянской древности. Безусловный интерес представляет локализация синтаксической конструкции *пить вода*, которая начиная с ранних памятников письменности была хорошо представлена на севере и постепенно затухала к югу. По-видимому, в языке южных восточнославянских племен ее вовсе не было или она была неактуальна. Специфичным только для юго-запада был союз *а* в чисто соединительном значении. Союз *та* был обычен на юге и нехарактерен для севера.

Многочисленны и разнообразны были древние лексические изоглоссы. Мною обнаружено около ста десяти лексических диалектизмов ранней поры жизни восточного славянства, относящихся к самым различным кругам понятий, но их несомненно было значительно больше. И лексические изоглоссы представляют собой сложную сетку переплетающихся линий, в которой трудно усмотреть четкие границы восточнославянских племен или монолитные диалектные массивы. Если такие слова, как *багно* 'грязь', 'топь', 'болото', *(о)болонь(е)* 'низменный луг', 'выпас' и пр., *глей* 'ил', 'глина', *пуца* 'большой лес' и др. делят восточнославянскую территорию на юго-запад и северо-восток (однако их изоглоссы не совпадают друг с другом и с границами современных восточнославянских наций), то *буй* 'возвышенное место', *възвод(ъе)* 'подъем воды в реке вследствие сильного ветра', *голомя* 'открытое водное

пространство', *губа* 'залив', *рль* 'заливной луг', *пожъня* 'сенокосный участок' и пр. каждое по-разному выделяет север и северо-запад, *рѣнь* 'крупный речной песок', *лѣпкъ* 'род цветка', *черевичь* 'башмак' и др. — юг, *дѣль* 'гребень горы', *полонина* 'горное пастбище', *рупа* 'яма', 'пещера' — крайний юго-запад (Прикарпатье), *зеремя* 'поселение бобров' — одновременно юго-запад и северо-запад, *волмина* 'ивовый кустарник', — только новгородский север, *вълна* 'шерсть' — весь юг и центр (Украина, Белоруссия, теперешние южновеликорусские и частично средневеликорусские области) и т. д.

В общем, древние изоглоссы пересекают восточнославянские земли как в широтном и меридиональном, так и в других направлениях, и мы напрасно пытались бы конструировать из них четко выраженные диалекты, наречия и поднаречия. Реально существовали зоны отдельных диалектных явлений, которые, может быть, частично образовывали группы совпадающих зон, но в большинстве своем были своеобразны. Это, конечно, не означает, что древние говоры различных местностей отличались друг от друга только отдельными, разрозненными особенностями. Каждый говор несомненно представлял собой диалектную систему, в основе которой был единый язык древнерусской народности. Диалектное отличие одного отдаленного района от другого нарастало постепенно. Можно с уверенностью сказать, что поляне и словене замечали друг у друга языковые особенности, как древляне при случае могли замечать, что вятичи говорят несколько иначе, чем они сами. Племена и племенные союзы возникали и распадались, географическая их конфигурация постоянно изменялась, были неоднократные передвижки населения и колонизация новых земель, поэтому при относительной этнографической текучести вряд ли можно было ожидать образования монолитных диалектных массивов.

Важно также отметить, что в эпоху восточнославянских племен и образования древнерусского государства не было еще и зачатков исторически хорошо засвидетельствованных русского, украинского и белорусского языков. До их возникновения было еще далеко, хотя отдельные элементы древней диалектной речи впоследствии вошли в их структуру. Существовал единый язык восточнославянской (древнерусской) народности, который в разных местностях имел диалектные своеобразия. Как следует из всего вышеизложенного, нет фактических оснований говорить о членении древнерусского языка на два или три четко противопоставленных диалектных массива.

После образования древнерусского государства и с развитием феодальных отношений диалектные различия возрастают. Старое племенное членение населения исчезает, возникают феодальные княжества, которые на первых порах объединяются центральным управлением из Киева, а после падения его роли древнерусского столярного города переживают центростремительную эпоху. Особо

выделяются галицко-волынские, киевские, черниговские, владими́ро-суздальские, пинско-туровские, смоленско-полоцкие и новгородско-псковские земли, однако их географические очертания и значимость постоянно изменяются. Происходит заселение новых пространств (прежде всего на северо-востоке), процессы ассимиляции неславянского этноса (финно-угорского, балтийского, тюркского и, вероятно, отчасти иранского), передвижки населения в разных направлениях (по Днепру, из Среднего Поднепровья в Поочье и т. п.). В XIII в. имели место трагические события, связанные с нашествием монголо-татарских орд, вызвавшие, помимо всего прочего, значительные перемещения населения, позже происходят литовско-польские завоевания. При всем при том не было замкнутых феодальных княжеств, которые существовали бы столетия (как это было в некоторых странах Европы, например в Германии). Особо стоят литовско-польские завоевания, обособившие на длительное время восточнославянский юго-запад от северо-востока, но об этом несколько позже.

Все эти исторические события первостепенной важности не могли не сказаться на развитии языка. Сложилась благоприятная условия для интенсификации возникновения диалектизмов, но в то же время обстановка для образования устойчивых диалектов с ограничивающими их массовыми пучками более или менее совпадающих друг с другом изоглосс была мало подходящей.

Ряд диалектных явлений разных языковых уровней возник, как я полагаю, еще до падения древних редуцированных гласных. Примерно в XI—XII вв. на юго-западе древняя интонационная система сменяется новой (возникло экспираторное ударение), тогда как на северо-востоке в это время (до XIII в.) сохранилась старая система, в процессе разрушения которой образовалось противопоставление в определенных позициях *o* (открытый гласный) и *ǫ* (закрытый). Особняком выделялась смоленско-полоцкая зона, где это противопоставление не получило развития. Несколько зон (новгородская, смоленско-полоцкая, ростовско-суздальская, пинско-туровская и др.) наметилось в произношении вариантов *ě* (различного происхождения). В большинстве южных говоров еще в XI в. началось совпадение гласных *ы* и *и*, которое позже стало закономерным, хотя варианты их в различных местностях во всех или некоторых позициях были неодинаковыми и география их была сложной. Примерно в XI в. на юге возникает изменение гласного *e* в *o* после шипящих и *j*, тогда как в других говорах это изменение происходит позже в процессе развития противопоставления твердости и мягкости согласных. В XII—XIII вв. складываются следующие зоны изменения *e*: 1) южная (*e* > *o* после шипящих и *j* независимо от ударения), 2) западная (*e* > *o* после мягких и смягченных согласных под ударением), 3) северная и северо-восточная (*e* > *o* после тех же согласных под ударением повсеместно, а в неудараемом положении — лишь в части говоров), 4) приокско-верхнедонская

(сохранение *e* во всех позициях), 5) прикарпатская (сохранение *e* во всех позициях). Впоследствии указанные зоны претерпевают различные изменения. Примеры географического разнообразия фонетических диалектизмов можно было бы продолжить.

Нарастание диалектизмов в фонетической системе древнерусского языка особенно усиливается после падения редуцированных гласных и вследствие этого падения, но характер географического распространения диалектных инноваций мало в чем изменился. То же можно сказать и о ранних грамматических изменениях, а также и о лексике, т. е. обо всех локальных вариациях восточнославянской языковой системы в целом.

Уже в памятниках XI—XII вв. наблюдается заметное различие в употреблении окончания в дательном падеже единственного числа имен существительных мужского рода *-ови*, *-еви*: в погвородской письменности оно употребляется гораздо реже, чем в киевской. Позже *-ови*, *-еви* вовсе исчезает на севере, причем граница его употребления отодвигалась постепенно на юг в течение нескольких столетий. По крайней мере с XI в. на новгородском севере начинается обобщение основ склонения на согласные *g*, *k*, *z*, затем распространившееся на всю великорусскую территорию. С XI в. на северо-востоке начинается падение звательных форм, причем на северо-западе (включая смоленско-полоцкие земли) звательная форма на *e* стала употребляться в значении именительного падежа.

В XI в. (а может быть, и раньше) особый ареал образует на севере причастная форма прошедшего времени на *-ле*, происхождение которой до сих пор удовлетворительно не объяснено. С XIII в. оформляются три обширные зоны формы глаголов 3-го лица настоящего-будущего времени с их частными подразделениями: 1) северная (преимущественное употребление *-т*), 2) центральная (существование форм *-ть* и без *-ть*), 3) юго-западная (наличие в разных вариациях форм *-ть*, *-т* и без *-т*).

Надо полагать, довольно разнообразные изоглоссы возникали и в локальных лексических инновациях ранней феодальной поры: ср. *вячьший* 'знатный' (новгородский север), *одьрънь* 'сполна', 'совсем' (северо-восток), *раменье* 'опушка леса' (север и центр), *лѣпний* (в новых значениях — юго-запад) и т. д.

Новые (для древнерусского периода) диалектные изоглоссы накладывались на изоглоссы древнего происхождения, так что общая картина диалектного членения древнерусского языка была очень сложной. Говоря об этой сложности, мы вовсе не отрицаем возможности совпадения отдельных изоглосс с племенными и тем более феодальными границами. Такие совпадения должны были быть, и их, по-видимому, можно будет обнаружить (частично они предположительно уже обнаруживаются), однако они являются исключением, а не общим правилом.

Современные восточнославянские языки возникают не на базе племенных подразделений и феодальных княжеств. Восточно-

славянское население, занявшее обширные пространства, постепенно разъединилось на крупные территориально-этнические массивы, образование которых во многом остается еще неясным и является объектом всякого рода догадок. Вместе с этим происходит накопление на этих территориях локальных языковых особенностей и ослабление, а затем и почти полное прекращение общих всему древнерусскому языку новообразований. Уже падение редуцированных гласных, имевшее место в XII—первой половине XIII в. и охватившее все восточнославянские говоры (как и все славянские языки, правда, не одновременно), дало в разных местностях во многих отношениях неодинаковые результаты. Независимое в разных районах образование диалектных инноваций при ослаблении и тем более отсутствии единых изменений является началом распада языка: на генетически общей основе пласт за пластом нарастают локальные различия, которые если не разрушают, то во всяком случае затрудняют взаимопонимание населения. Н. С. Трубевкой особое значение придавал росту различий в лексике и лексической семантике. Это положение верно, поскольку основное содержание информации заключается в значениях слов, поскольку одно количество слов и возможных сочетаний их значений неизмеримо больше всех фонетико-фонологических и грамматических явлений. Можно считать установленным, что в лексике восточнославянских языков, несмотря на сохранение между ними близкородственных отношений, имеются сотни тысяч различий в словаре и лексической семантике. Уже в XIV—XV вв. лексико-семантические различия языка северо-восточных, западных и южных памятников становились заметными, хотя на юго-западе в это время был распространен общий для этой территории язык деловой письменности. В XIV—XV вв. получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков. Эти особенности многократно описывались в лингвистической литературе, хотя их исследование (особенно в области словообразования, синтаксиса и лексики) не завершено или даже только начато. Ср. рефлекс *ǰ* и *ǰ'* в русском, украинском и белорусском, совпадение *ы* и *и* в украинском, отвердение согласных перед *e* и *i* в украинском, дзеканье и цеканье, отвердение *p* во всех позициях в белорусском, возникновение окончания *-ово*, *-ево*, исчезновение звательных форм в русском и т. д.

Явления, специфические для каждого восточнославянского языка, продолжали нарастать и в более позднее время, не прекратился этот процесс и в наши дни (прежде всего в лексике и словообразовании). Например, характерное для русского языка окончание *-а* в им.-вин. пад. мн. ч. существительных мужского рода в XIV—XV вв. было представлено лишь единичными примерами, оно редко встречается и в XVI—XVII вв. Заметный рост слов с этим окончанием наблюдается только в XVIII—XIX вв., продолжается он и теперь. Иными словами, распад древнерусского языка и сло-

жение на его базе восточнославянских языков — не кратковременный акт языкового развития, а длительный исторический процесс.

Возникнув и обособившись, русский, украинский и белорусский языки сохранили заметные следы иных лингвистических делений восточнославянской территории, предшествовавших их образованию, а также оказывали и оказывают влияние друг на друга. Имеется немало древних изоглосс, не совпадающих с теперешними границами языков (ср. аканье, распространение билабиального *w* и его замен, цоканье и т. п.). В XIV—XVII вв. значительному белорусскому воздействию подверглись южнополюсские и другие северо-западные и западные говоры. Между русским и белорусским языками образовалась широкая полоса переходных говоров, поэтому какой-либо четкой территориальной границы, отделяющей эти языки, не существует. Диалектологи давно уже отметили известную близость между белорусским языком и южновеликорусскими говорами. Значительная (если не большая) часть особенностей, составляющих эту близость, возникла в XIV—XVII вв. Более определенной является граница между русским и украинским языками, которые больше противопоставлены друг другу (белорусский язык занимает срединное положение в группе восточнославянских языков). Однако различия между русским и украинским языками не настолько велики, чтобы быть непреодолимым препятствием для взаимопроникновения на диалектном уровне фонетических, грамматических и тем более лексических явлений. На территории Белгородской, Воронежской, Брянской и некоторых других южновеликорусских областей имеются русские говоры с украинскими чертами. Наоборот, окраинные украинские говоры подверглись заметному русскому влиянию (ср., например, акающие северноукраинские говоры).

Выше было сказано, что еще до возникновения Восточнославянских языков существовали различные зоны диалектных явлений, образовавшиеся в разное время (частично еще в общеславянскую эпоху). Это означает, что начала современных наречий каждого из этих языков старше самих языков. Северновеликорусское и южновеликорусское наречия, также северноукраинское и южноукраинское, юго-западное и севернобелорусское наречия своими истоками восходят ко времени до XIV—XV вв. Однако, говоря о наречиях, мы не должны забывать об известной условности этих понятий. Диалектологи, выделяющие эти диалектные единицы, основываются на немногих и в значительной степени произвольно выбранных диалектных явлениях. В этом отношении не представляет собой исключения и последний опыт деления русского языка на наречия в книге «Русская диалектология» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Особенно спорным в этой книге является расширение границ среднерусских говоров. Даже Новгород, по их схеме, оказывается крайним пунктом среднерусской полосы, в частности, потому, что в его современном говоре нет такого противо-

поставленного южновеликорусскому наречию северновеликорусского отсутствия интервокального *j* и соответствующего стяжения гласных (*делаат*, *делат* и т. п.). Между прочим, это явление известно и в ряде южновеликорусских говоров, так что оно не противопоставляет север югу. В указанной книге имеется богатый материал, указывающий на наличие в русском языке большого числа изоглосс, пересекающих русскую территорию в разных направлениях. Не случайно авторы широко пользуются понятием «диалектная зона», которую составляют изоглоссы нескольких отдельных явлений, причем хронология северновеликорусских и южновеликорусских противопоставленных особенностей и явлений, образующих зоны, остается неизвестной. Авторы сознательно устраняют из своего описания исторический аспект и стараются дать чисто синхронное деление русских говоров по признакам структурной противопоставленности или непротивопоставленности диалектных явлений. Конечно, такой метод изучения говоров правомерен и представляет определенный интерес. Все же главная задача диалектологии — исследование исторического прошлого локальных особенностей языка, их возникновения и развития. Как известно, в настоящее время диалекты разрушаются под мощным воздействием литературного языка, и сдвиги, происходящие в изоглоссах, имеют сугубо временный характер. Синхронное и структурно-системное описание говоров в настоящее время должно отразить картину диалектного умирания, полнокровная жизнь говоров может свидетельствоваться документами прошлого и историко-лингвистическими реконструкциями.

Говоря о происхождении русского, украинского и белорусского языков, мы должны сказать о том, что позволяет называть их самостоятельными языками. Вряд ли можно найти четкие критерии различия между близкородственными языками и значительно расходящимися диалектами одного и того же языка, если учитываются только собственно лингвистические признаки. Северные и южные немецкие диалекты настолько разошлись в своем развитии, что их носители не понимают друг друга и общаются между собой только на литературном языке, но никто их не считает отдельными языками. Примеров такого рода, когда отдельные диалекты одного и того же языка отличаются друг от друга значительно больше, чем восточнославянские языки, можно было бы привести много. При определении самостоятельности близкородственных языков нужно учитывать не только лингвистические, но и историко-культурные данные. В VIII—X вв. северо-восточные восточнославянские племена отличались по языку от юго-западных больше, чем южная группа — от западной. В XI—XII вв. север (Новгород) также имел больше языковых отличий от Киева, чем Киев — от Турова и Пинска. Можно полагать, что этноязыковая картина восточного славянства была бы иной, если бы не было грозных событий XIII—XV вв. Северо-восточные и северные земли на двести пятьдесят

лет попадают под тяжкое монголо-татарское иго. Население этих земель в борьбе за свое существование сплачивается. Возникают культурно-политические центры, развивающиеся независимо от потерявшего свою объединительную роль Киева и других южных и западных городов. В XIV в. на передний план выходит Москва, которая постепенно становится столицей централизованного государства. Центробежные тенденции в политике, литературе, вообще культуре не находят себе простора. Восточные славяне северо-востока проникаются сознанием своего внутреннего единства и обособленности. Возникает русская народность, а вместе с ней и свой народный язык, начавший развиваться только по ему присущим внутренним законам.

Исторические события на юге и западе складываются по-иному. Западные земли попадают под власть Литвы и становятся главной базой Русско-Литовского государства. Сильное Галицко-Волинское княжество какое-то время отстаивает свою независимость, но затем и оно становится добычей польских панов. Затем возникает польско-литовский государственный союз, в котором решающую роль стала играть Польша. Юго-западные и северо-восточные славяне оказываются надолго разобщенными. В тяжелой борьбе за свою этнокультурную самобытность возникают две близкие друг другу народности: украинская и белорусская. У украинцев вновь начинает играть объединяющую роль разрушенный татарами Киев, у белорусов поднимается Минск. Обязательным признаком народности является свой особый язык, каким бы он близким ни был к другим родственным языкам. Образовавшийся до этого сложный комплекс диалектизмов у каждой восточнославянской народности возводится в ранг отличительных языковых признаков. Поздние инновации в основном получают свое распространение в пределах территории каждой народности, тем самым усиливая дифференциацию языков. В украинский и белорусский языки проникает много полонизмов (прежде всего в лексику и лексическую семантику).

События, приведшие к образованию отдельных восточнославянских народностей, сами по себе не вызвали возникновения тех или иных языковых явлений (за исключением определенных пластов лексики), но давали направление языковому развитию, были социальной базой реализации закономерностей, заложенных в самом языке. В конечном результате различия между восточнославянскими языками оказались гораздо более существенными, чем различия между любыми говорами в пределах каждого языка. Иными словами, начиная с XIII—XV вв. языковое различие между отдельными восточнославянскими территориями серьезно изменяется по сравнению с предшествующим временем.

В сложении восточнославянских языков большую роль сыграли своеобразие развития письменности, а в позднее время литературные языки стали определяющими факторами их существования, но об этом будет идти речь в особой книге. Все же я не могу не ска-

зать несколько слов о дискуссии, которая ведется по поводу генетических основ русского литературного языка. Как известно, в этом вопросе были выдвинуты две противоположные друг другу гипотезы. С. П. Обнорский считал, что древнерусский литературный язык возник на народной основе вне всякой зависимости от старославянского языка и только лишь со времени так называемого второго южнославянского влияния подвергся «болгаризации» или «церковнославянизации». Нападки на гипотезу С. П. Обнорского оказались малоаргументированными, настоящего ее критического разбора, основанного на привлечении большого фактического материала, пока не имеется. Другую крайнюю точку зрения выдвинул Б. О. Унбегаун. Он пошел дальше известной гипотезы А. А. Шахматова, полагая, что русский литературный язык является в своей основе старославянским (церковнославянским) не только по происхождению, но в некоторых своих сторонах (в синтаксисе и в значительной степени в лексике) остается старославянским и теперь. Эта гипотеза основывается, скорее, на общих соображениях, нежели на фактах. Для решения проблемы происхождения восточнославянских литературных языков нужны большие исследования с привлечением данных как письменности на всем протяжении ее истории, так и устных разновидностей речи с более или менее точными определениями, что пужно считать церковнославянизмами на всех уровнях языка и каков был их удельный вес в разные исторические эпохи как в отдельных жанрах письменности, так и в языке обиходном. А пока что мы имеем дело со схемами, которые могут изменяться в зависимости от всякого рода обстоятельств.

Между прочим, я всегда придерживался мнения, что старославянский язык играл существенную роль в возникновении и развитии русского (древнерусского) литературного языка во все эпохи. Однако что было ведущим, определяющим в его составе? Если была бы ведущей стороной старославянская стихия, было бы непонятным, почему в конечном счете возникли особые восточнославянские языки, а не локальные разновидности старославянского языка, хотя общий источник у них был один — язык древнеруской письменности XI—XIII вв. Самые характерные признаки, отличающие один восточнославянский язык от другого, и литературные языки в том числе, начиная с XIII—XV вв. возникли в народноязыковой среде. Если бы не было известных исторических событий и развития диалектноязыковых особенностей, не было бы и самих восточнославянских языков как близких, но все же особых языков. Не отрицая важной роли старославянской (церковнославянской) языковой стихии в развитии их литературных языков, особенно русского литературного языка, мы все же должны сказать, что главным творческим началом в их истории была народная речь, которая приспособлялась к себе, сама видоизменяясь, все и всяческие иноязычные влияния.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

алт. — алтайский
англ. — английский
арх. — архангельский
белозерск. — белозерский
беломор. — беломорский
белор. — белорусский
болг. — болгарский
борович. — боровичский
брянск. — брянский
валд. — валдайский
валуйск. — валуйский
великолуцк. — великолуцкий
великорусск. — великорусский
венг. — венгерский
вепс. — вепсский
весьегон. — весьегонский
витеб. — витебский
владимир. — владимирский
в.-луж. — верхнелужицкий
вознесен. — вознесенский
волжск. — волжский
волог. — вологодский
воронеж. — воронежский
вост.-белор. — восточнобелорусский

вят. — вятский
галицк. — галицкий
герм. — германский
гдов. — гдовский
горьк. — горьковский
грайвор. — грайворонский
греч. — греческий
гуцул. — гуцульский
дедов. — дедовичский
диал. — диалектный
дон. — донской
др.-в.-нем. — древневенно-немецкой

др.-греч. — древнегреческий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-новг. — древненовгородский
др.-норв. — древненорвежский

др.-прусс. — древнепрусский
др.-русск. — древнерусский
др.-сканд. — древнескандинавский

др.-словенск. — древнесловенский
др.-чешск. — древнечешский
др.-швед. — древнешведский
енис. — енисейский
жиздр. — Жиздринский
забайкал. — забайкальский
закарп. — закарпатский
зап. — западное
зап.-русск. — западнорусский
зап.-слав. — западнославянский
зап.-финно-угор. — западнофинно-угорский
индоевр. — индоевропейский
иркут. — иркутский
ипшим. — ипшимский
кадник. — кадниковский
каинск. — каинский
калин. — Калининский
калуж. — калужский
камч. — камчатский
каргоп. — каргопольский
карел. — карельский
карпат. — карпатский
касим. — касимовский
кашуб. — кашубский
кемск. — кемский
кинеш. — кинешемский
киров. — Кировский
козельск. — козельский
костром. — костромской
краснодар. — Краснодарский
краснояр. — Красноярский
курс. — курский
курско-орл. — курско-орловский
лат. — латинский
латыш. — латышский
ленингр. — Ленинградский
лит. — литовский

литер. — литературный
лодейноп. — лодейнопольский
луж. — лужицкий
лужск. — лужский
людик. — людиковский
лядск. — лядский
макед. — македонский
малорусок. — малорусский
марийск. — марийский
медвежьегор. — медвежьегорский
мещов. — мещовский
моложск. — Моложский
моск. — московский
мурман. — Мурманский
муром. — Муромский
н.-в.-нем. — нововеннонемецкой

н.-луж. — нижнелужицкий
нем. — немецкий
нижегор. — нижегородский
новг. — Новгородский
новорж. — Новоржевский
новосильск. — Новосильский
норв. — норвежский
няндом. — Няндомский
обл. — областной
обоян. — Обоянский
общеслав. — общеславянский
олон. — олонечский
онеж. — Онежский
опечен. — Опецкий
опоч. — опочечский
оренб. — Оренбургский
орл. — Орловский
осет. — осетинский
осташк. — Осташковский
островск. — островский
павск. — Павский
палк. — Палкинский
пенз. — Пензенский
перм. — Пермский
петерб. — Петербургский
петрозаводск. — Петрозаводский
печор. — Печорский
пинеж. — Пинежский
полабск. — Полабский
полесск. — Полесский
полнов. — Полновский
полтав. — Полтавский
польск. — Польский
помор. — Поморский
порх. — Порховский
пошехон. — Пошехонский
праслав. — праславянский
пск. — Псковский
пудож. — Пудожский
путивл. — Путивльский
пушкиногор. — Пушкиногорский
разг. — разговорное

ржев. — ржевский
романо-борисоглеб. — романо-борисоглебский
ростов. — Ростовский
румын. — Румынский
рыбин. — Рыбинский
рыльск. — Рыльский
ряв. — Рязанский
самар. — Самарский
свердл. — Свердловский
сев. — северное
сев.-велико-русск. — северновеликорусский
сев.-вост. — северо-восточный
сев.-двин. — северодвинский
сев.-зап. — северо-западный
сев.-русск. — севернорусский
сев.-укр. — северноукраинский
селигер. — Селигерский
серб. — Сербский
сербохорв. — сербохорватский
середк. — Середкинский
сиб. — Сибирский
симб. — Симбирский
слав. — славянский
славк. — славковский
славец. — Славцевский
словацк. — Словацкий
словенск. — Словенский
смол. — Смоленский
смолянск. — Смоленский
собр. — Собираемое
совр. — современное
соликам. — Соликамский
сольвычег. — Сольвычегодский
ср. — ср. — сравни
ср.-в.-нем. — средневерхне-немецкой

ср.-греч. — среднегреческой
ст.-ладож. — старолadoжский
ст.-польск. — старопольский
ст.-серб. — старосербский
ст.-сл. — старославянский
ст.-чешск. — старочешский
стругокрасн. — стругокрасненский
судж. — Суджанский
судогод. — Судогодский
тавд. — Тавдинский
тамб. — Тамбовский
твер. — Тверской
тихв. — Тихвинский
тобол. — Тобольский
том. — Томский
торжк. — Торжокский
торопецк. — Торопецкий
тульск. — Тульский
тюмен. — Тюменский
тюрк. — Тюркский
увеличит. — увеличительное

углич.	— угличский	чешск.	— чешский
угор.	— угорский	чуваш.	— чувашский
укр.	— украинский	чудов.	— чудовский
уменьш.	— уменьшительное	чухлом.	— чухломской
уменьш.-ласк.	— уменьшительно-ласкательное	швед.	— шведский
урал.	— уральский	шенкур.	— шенкурский
устюж.	— устюжский	аст.	— астонский
финск.	— финский	южн.	— южное
харьк.	— харьковский	южн.-белор.	— южнобелорусский
хеттск.	— хеттский	южн.-велико-	— южновеликорус-
холм.	— холмский	русск.	— русский
церк.-слав.	— церковнославянский	южн.-сиб.	— южносибирский
челяб.	— челябинский	южн.-слав.	— южнославянский
чердын.	— чердынский	юрьев.	— юрьевский
черепов.	— череповецкий	якут.	— якутский
		ярен.	— яренский
		яроsl.	— ярославский

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И. 15, 16, 249, 250, 520, 572, 573
 Аванесов Р. И. 63—70, 72, 76, 80—82, 86, 98, 104—107, 128, 130, 132, 138, 140, 147, 157, 169, 180, 196, 197, 220, 247, 249, 252, 293, 294, 312, 322, 326, 327, 336, 340, 364, 409, 411, 413, 438, 629, 636
 Аввакум 412, 597
 Авдусин Д. А. 118
 Авраамка 127, 167, 168, 217, 258, 268, 389, 395, 414, 532, 537, 600, 603
 Азарх Ю. С. 311, 312
 Айцетмюллер Р., см. Aizetmüller
 Акивдин, игумен 554
 Акир премудрый 593, 603
 Александр литовский 327
 Алексеев Д. И. 232
 Алексей Михайлович 300, 316
 Амартол Георгий 368, 395, 530, 570, 590
 Ананьева В. П. 393
 Андреева, княгиня 192
 Андреева Л. К. 325, 327—329
 Андрейчин Л. 464
 Аниченко В. В. (У. В. Анічэнка) 621, 623
 Анна 175
 Анна Ярославна 253
 Антиох 447
 Антоний 493
 Антоний, архиепископ 370
 Антошин Н. С. 182, 207, 373, 390, 406, 527
 Арват Н. Н. 497
 Аристов 557
 Аристэ П. А. 12
 Артамонов М. И. 24
 Артемий, черноризец 301
 Арумаа П., см. Arumaa P.
 Арциховский А. В. 206, 268, 370, 382, 462, 513, 550
 Атрахович (Крапива) К. К. 378
 Багрянородный Константин 74, 174, 251, 252
 Баранникова Л. И. 134
 Баранов М. Т. 186, 194
 Барсов Е. В. 511
 Бартек X., см. Bartek H.
 Бархатова О. Т. 444, 445, 448, 465
 Бевзенко С. П. 183, 374, 376, 407, 420, 442, 446, 468, 503, 529
 Безпалько О. М. 200, 299, 420, 496, 503, 504, 508, 509
 Болеутов Александр 540
 Белич А. И. (Белій А.) 401
 Белодед И. К. (Білодід І. К.) 624
 Беляева О. П. 513
 Бенк, староста 301
 Бергманн Ф., см. Bergmann F.
 Берков П. Н. 178
 Берладник Иван 574
 Бернекер Э. 163, 450
 Бернштейн С. Б. 114, 141, 296, 472.
 Берында Памва 234, 337
 Бярило Н. В. (Бірыла М. В.) 198, 589
 Бирнбаум Г., см. Birnbaum H.
 Блок Г. П. 531
 Богатова Г. А. 533, 535, 543
 Богдан 373
 Боголюбский Андрей 31
 Богораз В. Г. 83
 Богородицкий В. А. 127, 309, 452, 624
 Богородский В. Л. 530, 531, 573
 Богослов Григорий 73, 251
 Богша Лазорь 118
 Бодуэн де Куртене И. А. 265, 398, 408
 Болгарский Константин 191, 284

Борис Васильевич 413
Борис и Глеб 73, 391, 573, 577, 589, 593
Борисова Е. Н. 614
Борковский В. И. 121, 167, 169, 188, 206, 257, 288, 274, 286, 293, 332, 370, 382, 448, 461, 462, 474, 483, 484, 494, 498, 499, 508, 513, 514
Брайчевский М. Ю. 22
Брандт Р. Ф. 163, 193, 228, 241, 451, 452
Братилю, мастер 370
Брицын М. А. 588, 615
Бровович Д., см. Brozović D.
Брок О. 101, 102, 150, 271
Бругман К., см. Brugmann K.
Бубрих Д. В. 266
Будде Е. Ф. 31, 98, 102, 163, 184, 196, 228, 241
Будилович А. С. 447
Будишевская В., см. Budiszewska W.
Буды, воевода 577
Бузник Л. Ф. 379
Бузук П. А. 205, 333
Булатова Л. Н. 232
Булахов М. Г. 378, 413, 425, 446, 585, 622
Булаховский Л. А. (Булаховский) 70, 72—77, 80, 121, 123, 174, 181, 197, 200, 221, 241, 252, 284, 291, 315, 330, 340, 351, 361, 377, 384, 390, 398, 400, 427, 428, 455, 456, 474, 475, 497, 504—506, 508, 540, 546, 550, 569, 572, 579, 597, 598
Булич, см. Bulitsch
Бунак В. В. 26
Бурячок А. А. 585
Буслаев Ф. И. 162, 397, 476, 586
Бучинский И. Е. 18

Вавилов Н. И. 18, 19
Важны В. 408
Вайян А., см. Vaillant A.
Вакуров В. Н. 565
Валк С. Н. 207, 361
Ван-Вейк Н., см. van Wijk N.
Варлам 330, 457, 554
Варченко I. O. 176
Васеко Е. Ф. 187, 192
Василий Васильевич 301
Василий Дмитриевич 413, 425
Васильев Л. Л. 105, 150, 152, 154—156, 168, 172, 192, 228, 229, 315, 337
Васкова Хонька 622
Вахрос И. С. 571, 572, 577
Ващенко В. С. 176, 237, 290, 298,

317, 375, 379, 442, 453, 468, 496, 544
Венева Л. В. 373, 390, 406, 446
Веркович 327
Верхратский И. (Верхратский I.) 392
Веселовская З. М. (Веселовська З. М.) 337, 338
Вилинбахов В. Б. 83
Виноградов В. В. 168, 170, 171, 173, 228, 229, 231
Витовт 234, 465, 467, 622
Вихман 536
Владимир 1-й 530, 553, 564, 570, 584
Владимир Андреевич 425
Владимир Давидович (Давыдович) 47, 119, 252
Войнег 175
Войнег Журыгович 258
Войтович Н. Т. 132, 133, 135, 139, 142
Волков С. С. 611, 613
Вольман Ф., см. Wollman F.
Вондрак В., см. Vondrák V.
Востоков А. Х. 30, 31, 59, 339, 396, 476
Врачу А. 116
Всеволод 524, 525
Вульф Е. В. 18
Высотский С. С. 157
Высоцкий С. А. 90, 175, 181, 258, 304, 432

Гаватович Я. 504
Гавлова Е. 529
Гаврачек Б., см. Havránek B.
Гадолина М. А. 422, 423, 425, 426, 430, 431, 433, 434
Гартнер Ф., см. Gartner Th.
Гвоздев А. Н. 196
Гебауэр Я., см. Gebauer J.
Геннадий, архиепископ 563, 570
Генсёрский А. И. (Генсёрский А. I.) 605, 606
Георгиев В. И. 25, 112, 113, 115, 116, 141, 148, 164
Георгиева В. Л. 478
Герасим 320
Геровский Г. И. 287, 288
Геродот 20, 250
Гецова О. Г. 439, 440
Гильфердинг А. Ф. 511
Глеб, князь 567
Глускина С. М. 280, 281, 283, 284, 380, 381
Годинович Иван 511
Годинович Ставр 511
Годунов Борис 567
Голанов И. Г. 130

Голыщенко В. С. 214
Гордый Семен 125, 192
Гордунг Б. В. 7, 9, 10
Горшкова К. В. 158, 252, 292, 338
Греков Б. Д. 579, 586
Грибоедов А. С. 364
Григорий 571
Григорович Д. В. 226, 404, 600
Гринкова Н. П. 215, 216, 270, 321, 512, 513, 545
Гринченко Б. Д. 541, 569
Гринчипин Д. Г. 585, 614, 623
Грузинский А. Е. 34
Грунский Н. К. (Груньский М. К.) 376, 407
Гумецкая Л. Л. 622

Даль В. И. 75, 149, 529, 530, 532, 550, 561, 576, 585, 596, 602
Дамаскин Иоанн 305
Даниил, игумен 362, 387, 391, 530
Данилова И. В. 547, 619
Даумене З. П. 615
Деко Е., см. Desaux E.
Демидова Г. И. 384, 393, 395, 397, 398
Демьянчук В. (Дем'янчук В.) 390, 391, 406
Денисевич Г. В. 131, 135, 145, 157, 484
Денисенко Ю. Ф. 610
Дерягин В. Я. 615
Десницкая А. В. 626, 627
Дечи Г., см. Décsy G.
Дзендзелевский И. А. (Дзендзелівський I. O.) 78, 532, 545, 574, 580, 608
Дмитрий Иванович 122, 425, 567
Дмитрий Юрьевич 413
Добровский И. 31, 57
Добромыслова А. Н. 190, 363, 365
Довженок В. И. 551
Долобо М. Г. 155
Домин Я. 396
Дубровская А. И. 4
Дуриданов И. 141
Дурново Н. Н. 53, 54, 56, 68, 102, 109, 145, 146, 155, 166, 184, 186, 286, 302, 309, 310, 380, 427, 442
Дылевский Н. М. 304, 556
Дэже Л. 446

Евгеньева А. П. 134, 435, 511
Евпраксия, княгиня 595
Еленски И. 342
Елизаровский И. А. 542, 544, 614
Елисеев Ю. С. 488
Еремин С. А. 171, 231, 295
Еселевич И. Э. 361, 462

Желеховский Е. И. 218, 576, 578
Желябужский 573
Жилико Ф. Т. 77—80, 133, 176, 182, 183, 204, 223, 224, 227, 306, 376, 407, 442, 453
Житников В. Ф. 520
Жуковская З. В. 134
Жуковская Л. П. 257
Журавлев В. К. 116, 148, 163, 164, 178, 296, 302, 303

Закревская Я. В. (Закревська Я. В.) 298
Залесский А. М. (Залеський А. М.) 183, 205, 206
Зализняк А. А. 15, 16
Замбрыцкий В. Л. 595
Зараский Никола 395
Заремба А., см. Zaręba A.
Заточник Давид 525, 566, 570
Захарова К. Ф. 145
Зволинский П., см. Zwoliński P.
Здобнова З. П. 459
Зелонин Д. К. 82, 83, 321
Зелинский И. (Зелиньский I.) 222
Златоустый Иоанн 584
Зубатый И., см. Zubatý J.

Иakov полоцкий 292
Иван Васильевич 413
Иван Иванович 477
Иваницкая Е. Н. 195
Иванов В. В. 107, 127, 137, 155, 202
Иванов Вяч. Вс. 10
Иванова А. И. 522
Иванова Т. А. 395—397, 400
Ивич П. 147—149
Игорь, князь 574
Игорь Игоревич 595
Имайлова Л. С. 362, 372, 387, 391
Иларион, митрополит 332, 584
Илия 571
Иллич-Свитыч В. М. 537, 538
Ильенко В. В. 540, 610, 612, 614
Ильинский Г. А. 163, 324, 379, 414, 556
Индикоплов Козьма 395
Иоаким 175, 599
Иордан 13
Иорданский А. М. 401
Ипполит 190, 565
Иречек И., см. Iręceck J.
Исаакий, монах 567, 576
Исакин А. Г. 257
Истрина Е. С. 481, 509
Ищевко Д. С. 483

Казимир польский 506
Калима Я. 12, 536
Калита Иван 206, 300, 402, 424
Калнынь А. Э. 331
Кандраурова Т. Н. 122, 269
Кантемир 388
Капралова С. Г. 583
Карамзин Н. М. 596
Каринская Е. Н. 261
Каринский Н. М. 122, 138, 180,
257, 279, 286, 316, 379, 395,
445, 455, 459, 477, 478
Карнеева М. 169
Карский Е. Ф. 88, 89, 119, 122, 123,
127, 138, 158, 159, 167, 182,
190, 192, 193, 217, 228, 236,
240, 253, 258, 268, 271, 297, 305,
312, 313, 315, 318, 319, 325, 326,
328, 329, 365, 372, 378, 392,
395, 407, 408, 440, 454, 484,
496, 503, 505, 506, 514
Касаткин Л. Л. 321—323
Кедайтене Е. И. 402, 403
Кейстут 509
Керницкий И. М. (Керницький И. М.)
182, 373, 374, 376, 385, 394,
406, 447, 467
Киевлянин Моисей 190
Кипарский В. Р., см. Kiparsky V.
Кипрский Епифаний 190
Кирилл 30, 116
Клепикова Г. П. 553
Климент, новгородец 240, 561
Климовская Г. И. 510, 512
Кнабе Г. С. 25
Князевская О. А. 120, 173, 194,
259, 306
Кобылянский Б. В. (Кобиланський
Б. В.) 392, 537, 538, 601
Ковалев П. К. (Ковалів П. К.) 407
Ковалев Стефан 289
Ковалик И. И. 624
Козырев В. А. 600, 601
Козырев И. С. 615
Колесов В. В. 95, 108, 121, 122, 150,
155, 156, 161, 162, 217, 230, 231,
256, 279, 337, 338, 555
Колесса А., см. Kolessa A.
Коломиец Л. И. (Коломієць Л. І.)
373
Колосов М. А. 149, 163, 185, 186,
415, 416, 459, 460
Комарович В. 169
Конрад Н. И. 25
Константин болгарский 284
Константин, философ 584
Копко М. П. 447
Копорский С. А. 172, 231, 261, 270,
313

Коротаева Э. И. 509
Корш Ф. Е. 165
Котков С. И. 120, 121, 125, 126,
156, 173, 174, 193, 254, 292,
316, 320, 328, 360, 371, 414,
417, 426, 446, 449, 483, 484,
523, 545, 560, 562, 601, 611, 617
Котляревский П. 496
Котляренко А. Н. 371, 387, 393
Котович А. Н. 561
Кочин Г. Е. 547, 575, 619
Кочубинский А. А. 12
Кошмидер Е. 219
Кравченко П. М. 424
Крайчович Р., см. Krajčovič R.
Кривчик В. Ф. 621, 622
Крижанич Ю. 313
Крутова А. В. 459
Крыўіцкі А. А. 422
Крымский А. Е. 47, 123, 180, 225,
374, 533, 556
Крымский М., см. Kryński M.
Крюкова М. С. 434
Кузнецов П. С. 49, 107, 108, 139,
167, 172, 188, 192, 259, 274,
286, 293, 332, 369, 394, 413, 414,
421, 427, 450—454, 463, 483,
497, 499
Кузнецова О. Д. 434
Кузьмина И. Б. 480, 485, 494
Куликов Б. В. 371, 383, 387
Курашкевич В., см. Kuraszkie-
wicz W.
Курбский А. 497
Курило О. Б. 100, 111
Курилович Е. 153, 154, 223
Кухаренко Ю. В. 10

Лаврентий, монах 565
Лавров А. 404
Лавров Б. В. 508, 509
Лавровский П. А. 31, 59, 339, 366,
394, 476, 629
Ламанский В. И. 211
Ларин Б. А. 268, 486—488, 525
Латга В. П. 176
Лебедева А. И. 208, 278, 313, 318,
535, 540, 542, 583
Лев, князь 526
Левашова В. П. 554
Леков И. 452
Леонова М. В. 209
Лер-Славинский Т., см. Lehr-Sławiński T.
Лескин А., см. Leskien A.
Лесник М. Д. 618
Ливер Ф., см. Liewehr F.
Лихачев Д. С. 190

Логвин В. П. 375, 407
Ломоносов М. В. 396
Ломтев Т. П. 361, 454, 495
Лопушанская С. П. 446, 449
Лорентц Ф., см. Lorentz F.
Лось 408
Лука, епископ 587
Лука перемышльский 327
Луккина Г. Н. 618, 619
Лукьяненко А. М. 448
Луппова Е. П. 267, 323
Лыткин В. И. 147, 157, 158, 265
Ляпунов Б. М. 57—60, 62, 123,
124, 163, 180, 239, 279, 378,
379, 453, 461, 555, 587, 602
Ляпушкин И. И. 24

Мавродин В. В. 586
Магин В. А. 126
Магура Е. С. 446
Мазон А., см. Mazon A.
Макаев Э. А. 13
Макарова Л. И. 499
Македонский Александр 592
Максимов В. И. 525, 582, 583,
595, 596, 610—612
Максимов С. В. 526, 596, 600
Малала 601
Малеча Н. М. 271
Малиновский Л., см. Malinowski L.
Малкова О. В. 219, 220, 291
Малов С. Е. 487
Маловицкий Л. Я. 435
Мальцев М. Д. 364
Манаenkova А. Ф. 545
Манасий 404, 405
Марасинова Л. 606
Мареш Ф. В. 118, 210
Марков А. 74
Марков В. М. 124, 127, 174, 210,
213—215, 259, 410
Марр Н. Я. 59
Мартьянов В. В. 11, 608
Марусенко Т. А. 520, 568, 569
Матвеев А. К. 21, 537
Матвеев И. И. 119
Матвеевко В. А. 461, 462, 494—
497, 500, 501
Маценко И. В. 410
Мацкевич Ю. Ф. 238, 407, 441,
442
Машкин Н. 101, 149
Медведев Ф. Ф. (Медведев Ф. П.)
182, 252, 292, 309, 327, 333,
373, 391, 502, 503
Мейе А., см. Meillet A.
Мейер К. Х., см. Meyer K. H.
Мельников Е. И. 257
Мельничук А. С. 492

Меншиков Александр 532
Меньшиков И. И. (Меншиков I. I.)
616
Меркатор 39
Меркулова В. А. 548, 549, 556, 557
Меркурьев И. С. 143, 144, 198
Метьюс В. К., см. Matthews W. K.
Мефодий 30, 116
Мещанинов И. И. 121
Мещерский Н. А. 279, 557, 558
Мжельская О. С. 582, 609, 610
Миккола Й. 163
Миклошач Ф., см. Miklosich F.
Милевский Т. 162
Милетич Л. 114, 115, 246
Миллер В. 491
Мильков Ф. Н. 18
Мирецкий А. Л. 364
Мирчев К. 114, 405
Михайловская Н. Г. 580
Михальчук К. 375, 442
Младенов М. С. 114, 115
Могилла А. П. 176
Можайский Андрей 122
Мокиенко В. М. 17, 521, 522
Молодых Л. И. 361, 363, 387
Монгайт А. Л. 118
Мономах Владимир 504, 529, 531,
561, 568, 597
Мошинский К. 11
Мошинский Л., см. Moszyński L.
Мстислав 367, 581
Мстислав Володимирович 524
Мстислав Давыдович 124, 258
Мурашко А. Г. 407, 441
Мурзаевы Э. М. и В. Г. 582
Мюленбах К. 402
Мягченкова Г. П. 382
Мяцельская Е. С. 623

Назарова А. М. 445
Назарова Т. В. 142
Названзян Григорий 291, 447, 467
Наконечный М. Ф. 177, 190, 309
Налепа Е., см. Nalera J.
Нахтигаль Р., см. Nachtigall R.
Невский Александр Ярославич 330,
478
Неэдилец 603
Некрасов Н. П. 172, 304, 402
Немченко Е. В. 480, 485, 494
Нестор летописец 31
Нидерле Л. 11
Ниёминен 571
Ниянфоров С. Д. 372, 446, 494,
497
Никольский А. А. 475, 510, 512—514
Никон летописец 930
Никонов В. А. 539, 582

- Нитш К., см. Nitsch K.
Нифонт 214, 216, 239, 259, 284, 305, 334, 424
Новак Л., см. Novák L.
Новгородов М. А. 512
Новицкая И. С. 126, 174
Новопокровская В. Н. 143
Носович И. И. 217, 541, 578
- Обнорский С. П. 91, 102, 193, 194, 197, 337, 362, 365, 379, 394, 396, 400, 408, 447, 448, 449, 451, 452, 454—456, 459, 460, 466, 483, 579
Овчинникова В. С. 434, 513
Овчинникова Р. С. 135, 261, 513
Огоновский 218
Ожеховская Г., см. Otzechowska H.
Ойнас Ф., см. Oinas F.
Олег, князь 602, 603
Олег Иванович 425
Олейник И. С. (Олійник І. С.) 622
Ольга, княгиня 569, 578
Ондрус П., см. Ondrus P.
Орешонкова А. В. 441
Орлов А. С. 118, 125, 170, 258, 458
Орлова В. Г. 88, 98, 128, 130, 131, 132, 173, 197, 259—262, 264, 265, 267, 272, 290, 291, 293, 294, 312, 336, 364, 410, 413, 438, 439, 636
Освященный Савва 76, 175, 226, 236, 284, 292, 593
Оссовский Л., см. Ossowski L.
Остафий Аваньевич 425
- Палагина В. В. 513
Панкович И. (Панькевич І.) 183, 200, 209, 218, 222, 225, 236, 267, 306, 317, 331, 375, 385, 392, 406, 420, 442, 547, 572, 576, 578, 593
Папанайтеску П. П. 405
Парахина М. Ф. 361, 363, 382
Парикова Н. В. 145, 146
Партенадзе М. Х. 371
Пауфопима Р. Ф. 184, 311
Педерсен Х. 163
Пеньковский А. Б. 254
Перевозчикова Ф. Д. 434
Петлин Иван 536
Петличный І. З. 496
Петр I 532
Петр, воевода 506
Петр, митрополит 424
Петренко И. В. 540, 619
Петров В. П. 12, 21
Петров П. А. 558
Петрова З. М. 500
- Петровский Г. 304
Печерский Феодосий 73, 305, 330, 360, 448
Пещак М. М. 253, 254, 306
Пигин М. И. 514, 515
Пизани В., см. Pisani V.
Пирогова Л. И. 269
Плотникова З. К. 415
Погодин А. Л. 617, 618
Погодин М. П. 32, 35
Подольская Н. В. 525, 534
Пожарицкая С. К. 195
Покровская В. Н. 126, 127
Поликарп 554
Полоцкая Евфросинья 118, 370
Полоцкий Иосиф 320
Полоцкий Симеон 119
Попов А. И. 388, 537, 572, 594
Попов Б. В. 459
Попов П. В. 502—504
Попова И. А. 502
Попова Н. В. 576
Попович Алеша 911
Попович И., см. Popović I.
Поппе А., см. Poppe A.
Попруженко М. 447
Поржезинский В., см. Porzeziński W.
Порохова О. Г. 541
Порфирий черниговский 587
Порциг В., см. Porzig W.
Посошков 481
Поспелов Е. М. 538
Потебня А. А. 185, 186, 460, 476, 482, 486, 491, 506, 509
Поток Михаил 511
Преображенская М. Н. 208
Приступа П. И. (Пристуна П. І.) 175, 223
Прозорова А. Д. 434
Прокопенко В. А. 614
Протопопов 601
Прушевская Б. 596, 597
Пушкин А. С. 365, 459
Пшеничнова Н. Н. 237, 238, 242
Пыпин А. Н. 252
- Радищев А. Н. 594
Радонежский Сергей 599
Рамовш Ф., см. Ramovš F.
Рассторгуев П. А. 136
Риглер Я. 113, 115, 140, 141, 147—149
Ридлей Марк 620
Розвадовский Я. 340
Розенфельд А. 447
Розов В. 373, 406, 535
Романов 484
Роспонд С., см. Rospond S.
Ростислав, князь 581
- Ростовцева Н. А. 173
Ртищев 560
Руделев В. Г. 102
Рудницкий М., см. Rudnicki M.
Русановский В. М. (Русанівський В. М.) 327, 620
Рыбаков Б. А. 90, 118, 119, 124, 125, 170, 175, 192, 370
Рыбников П. Н. 511
Рязанский Олег 301
Рясины Иван и Катерина 300
- Савченко А. Н. (Савченко О. Н.) 309
Савченко Н. Ф. 127, 156, 611
Самилов М., см. Samilov M.
Самовидец 503
Самойленко С. Ф. (Самійленко С. П.) 428, 429, 432, 433, 435, 436, 631
Сангушки Любартовичи 543
Сафонов 528
Свашенко А. О. 176, 227
Свидригайло 288, 527
Святослав Ярославич 174, 564, 584
Седельников А. 268
Седов В. В. 24
Селищев А. М. 54—56, 72, 83, 120, 166, 186, 187, 220, 233, 241, 242, 274, 286, 340, 404, 433, 448, 451, 452, 464
Семен Иванович 424
Семенова М. Ф. 275
Семеренья О. 575
Сергий 122
Сетеле Э. 12
Сиверс Э. 162
Сидор, посадник 603
Сидоров В. Н. 107, 146, 174, 187, 188, 196, 211, 212, 219, 229—231
Симонова В. Я. 414
Сирия Ефрем 226, 268
Скитова Ф. Л. 408, 410
Скоблякова Е. С. 426, 430, 433
Словьский С., см. Słowski S.
Смаль-Стоцкий Ст., см. Smal-Stocki St.
Смирнов И. Т. 270
Смолицкая Г. П. 439, 440
Смолякова Л. П. 267
Собинникова В. И. 483, 484, 505, 509, 512
Соболевский А. И. 31, 32, 35, 45, 46, 59, 120, 122, 123, 167, 175, 180, 186, 190, 191, 193, 206, 224, 225, 241, 259, 282, 284—286, 288, 300, 334, 335, 339, 360, 362, 364, 373, 374, 378, 381, 384, 386, 389, 395, 397, 410, 415, 424, 427, 429, 459, 462, 465, 629
- Соколов Н. Н. 194, 195
Соколова М. А. 102, 284, 315, 372, 386, 393, 413, 446, 480, 618
Соловьева Г. Ф. 24
Сорокина Е. В. 172, 232
Сороколетов Ф. П. 4
Сосюра 420
Соцкова О. А. 364, 434
Спасский М. 530
Спринчак Я. А. 480, 481, 487, 494, 513, 535
Срезневский И. И. 31, 59, 75, 93, 300, 339, 505, 506, 526, 531—533, 542, 543, 587, 592, 598, 600
Сремский Иван 508
Станг Хр., см. Stang Chr. S.
Станіський М. Ф. 207
Станіслав Й., см. Stanislaw J.
Станішева Д. С. 477, 481, 485
Стефан 596
Стефан молдавский 327
Стещенко А. Н. 508
Стольник Симеон 300
Стойков Ст. И. 114, 115, 140, 148, 443, 464
Строганова Т. Г. 107, 130, 131, 134
Строгова В. П. 542, 543, 612, 613
Студийский Феодор 592
Сятковский С. И. 498
- Тагунова В. И. 336
Танфильев Г. Н. 10
Татищев В. Н. 561, 575
Тапицкий В., см. Taszycki W.
Телентюк Д. С. 227
Темиркютлуй, хан 467
Теодоров-Балан А. 464
Теолог Феодор 47
Теплова В. Н. 333
Тилков Д. 179
Тимофеев К. А. 490
Тимошенко П. Д. 324, 376, 468
Тимченко Е. К. 71, 203—205, 514, 521, 566
Тимчинова И. М. 117, 124
Тихвинский А. 448
Тихомиров М. Н. 118
Тойвонен Ю., см. Toivonen Y. H.
Токар В. П. 560
Токарев С. А. 23
Толкачев А. И. 251, 412, 414—417, 419, 456, 462
Толстов С. П. 7
Толстой Н. И. 95, 522, 527, 538, 542, 543, 608
Томсон А. И. 178, 179, 222, 351, 402
Топоров В. Н. 12, 13, 16, 20, 21, 452, 454

Тот И. X. 369
Тохтамыш 288, 495, 515
Травничек В., см. Trávníček
Третьяков П. Н. 10
Трубачев О. Н. 10, 12, 13, 15, 20,
86, 253, 528, 533, 534, 543, 544,
551, 562
Трубачева А. З. 434
Трубецкой Н. С., см. Trubetzkoj N.
Трубинский В. И. 499
Туркин В. М. (Туркин В. М.) 585
Туrowsкий Кирилл 593
Тычина П. 420
Тэрнквист К., см. Thörnquist K.
Тюфякин Василий 617
Тяпинский Василий 217, 285, 623

У.[варов] 524
Узбек 424
Узбек К. К. 7
Ульянов Ю. П. 387
Унбеггаун В. О., см. Unbegaun V. O.
Усачева В. В. 553
Успенский С. М. 564
Ушаков В. Е. 172, 192, 259, 306,
445

Фалей 334
Фальк К. О., см. Falk K. O.
Фасмер М., см. Vasmer M.
Федоров А. И. 526, 598
Феенкер В., см. Veenker W.
Феодор 597
Феодосий печерский 330, 593
Фидровская А. С. 396, 397, 624
Филин Ф. П. 5, 25, 33, 59, 62, 75,
90, 91, 111, 121, 136, 139, 148,
189, 192, 207, 210, 275, 278, 289,
294, 343, 364, 379, 416, 428,
456, 460, 462, 499, 507, 508,
514, 516, 519, 522, 523, 526,
533, 541, 546, 547, 550, 555, 556,
559, 569, 572, 573, 576—580,
587, 593, 603, 628
Флавий Иосиф 502, 930, 593
Фодор И. 116
Форрер Э. 7
Фортунагов Ф. Ф. 162, 163, 165,
211, 246, 428, 444, 449—452,
461
Фотий митрополит 602
Франко И. 496
Фролова С. В. 368, 372
Фурдаль А., см. Furdal A.

Хабургаев Г. А. 108, 126, 137, 561
Хадрович Л., см. Hadrovics L.
Хамм И. 163

Хованский 565
Ходова К. И. 214
Худаш М. Л. 527, 531

Царева Л. И. 270, 364
Цомакион Н. А. 574
Цыпин С. И. 212

Чагишева В. И. 144, 270
Чекман В. Н. 271, 272
Чемоданов Н. С. 14
Чередниченко И. Г. (Чередниченко
И. Г.) 406, 407
Черногорец Никон 236, 257, 301,
330, 447, 448
Черных П. Я. 83, 118, 173, 186,
253, 288, 379, 380, 387, 388,
394, 412, 416, 417, 423, 453,
513, 617, 619
Чернышев В. И. 265, 270, 280, 283,
307, 396, 455, 459

Шадурский И. В. 615
Шайтапов А. 149
Шайтапова Г. В. 146
Шапиро А. Б. 514
Шахматов А. А. 32—47, 49—51,
53, 57, 59, 61—64, 68, 69, 71,
80, 83, 86, 91, 92, 99—105, 108,
109, 111, 118, 121, 140, 141,
143, 150—152, 154, 157, 163,
165, 166, 181, 186, 187, 193,
203, 210—213, 216, 218—220,
225, 234, 239, 241, 246, 247,
249, 257—259, 263, 268, 278,
282, 285, 286, 289, 292, 296,
297, 301, 305, 308, 312—318, 321,
328, 329, 339, 340, 343, 347,
360, 362, 367—369, 372, 378,
381, 383, 384, 389, 391, 393, 399,
400, 407, 409, 426—428, 430,
431, 444, 447, 452, 457, 460, 461,
476, 478, 486, 487, 512, 533,
562, 544, 629

Шашкевич М. 407
Шварц Е., см. Schwarz E.
Шевцова А. А. 486
Шевченко Т. Г. 420, 508
Шейн П. 392
Шереметьев 206
Шорер А. 9
Шило Г. Ф. 112, 267, 298—300, 303
Шимановский 447
Шлейхер А. 50, 51, 345, 625
Шмелев Д. Н. 534
Шмидт И. 51
Шмидт К. Р., см. Schmidt K. R.
Шнехт Ф. 9
Штегман-Притцвальд К. 9

30a
Фил. 3928

Штибер Э., см. Stieber Z.
Шуб Т. А. 507
Шустер-Шевц Х., см. Schuster-
Sevc H.
Шютц И., см. Schütz I.

Щепкин В. Н. 170, 268, 282
Щерба Л. В. 111, 130, 139
Щербакова И. М. (Щарбакова И. М.)
392, 395, 404

Экблом Р., см. Ekblom R.
Эндзелин И. 275

Юрасова В. В. 614
Юрий Дмитриевич 425
Юрковский М., см. Jurkowski M.
Юродивый Андрей 570

Ягайло 288
Ягелло 515
Ягич И. В. 31, 32, 161, 186, 210,
304, 339, 367, 397, 427, 429, 531
Ягодинский А. С. 111
Якобсон Г., см. Jacobsson G.
Якобсон Р. О. 102—104, 118, 163,
196, 200, 247, 286, 287
Яковлева Г. А. 386
Якубайтис Т. А. 369, 371
Якубинский Л. П. 49, 186, 462
Янь 568
Ярослав, князь 581
Ярослав Владимирович 90, 253, 584
Ярославичи 579
Ярошенко В. 182, 376, 485

Aizetmüller 189
Aniczonko W., см. Аниченко В. В.
Arumaa P. 117, 452

Bartek H. 248
Bergmann F. 247
Birnbach H. 27
Bosch-Gimpera P. 6
Brozovič D. 5
Brugmann K. 450
Budiszewska W. 552
Bulitsch S. 245

Decaux E. 248
Décsy G. 491
Devoto G. 6
Dolobko M., см. Долобок М. Г.
Durnovo N., см. Дурново Н. Н.

Ekblom R. 273
Endzelin J. (Endzelins J.), см. Энд-
зелин И.

Falk K. O. 251, 520
Furdal A. 343

Garther Th. 32, 50
Gebauer J. 247, 408
Głuskińska Z., см. Глускина С. М.

Hadrovics L. 443
Havránek B., 482

Jacobsson G. 477—479, 486, 488
Jagič V., см. Ягич И. В.
Jakobson R., см. Якобсон Р. О.
Jedlička A. 482
Jireček I. 247
Jurkowski M. 343, 344, 533

Kalima I., см. Калима Я.
Kiparsky V. 12, 104, 116—118, 121,
124, 162, 178, 310, 337, 389,
398, 400, 401, 418, 424, 476, 491
Klemensiewicz Z. 443, 502
Kolesa A. 175, 284, 351
Krajčovič R. 248
Krogmann W. 6
Kryński M. Z. 414
Kuraszkiewicz W. 50, 159, 175, 207,
222, 312, 376, 437, 458

Laubert I. 275
Lehr-Sptawiński T. 20, 21, 43—51,
63, 64, 71, 72, 86, 141, 159, 222,
248, 249, 309—311, 340, 347,
443, 502, 629
Leskien A. 163, 427
Lewicki A. M. 496
Liewehr F. 450
Lorentz F. 161

Mackiewicz J., см. Мацкевич Ю. Ф.
Mahnken I. 114
Malinowski L. 416
Matthews W. K. 170, 219
Mazon A. 55, 247
Meillet A. 111, 163, 281, 402, 415,
418, 450, 452, 464
Melin E. 253
Meyer K. H. 428
Miklosich F. 163, 476, 486, 555
Moszyński L. 28
Mrozówna (Ostrowska) E. 274
Muraszka A., см. Мурашко А. Г.

Nachtigall R. 161, 401
Nalepa J. 273, 274, 342
Nitsch K. 266, 274, 347
Novák L. 245

Obreńska-Jabłońska A. 407
 Oinas F. 529
 Ondrus P. 276
 Orzechowska H. 405, 406, 408, 409
 Ossowski L. 154, 155

Pisani V. 5, 7, 85, 94
 Popović I. 27, 93
 Poppe A. 564, 610
 Porzig W. 9
 Porzeziński W. 163, 343

Ramovš F. 163, 405, 422
 Rospond S. 248
 Rudnicki M. 273, 277

Samilov M. 162—164, 170
 Schmidt K. R. 588
 Schuster-Ševc H. 273
 Schütz I. 428
 Schwarz E. 247
 Stoński S. 185
 Smal-Stocki St. 32, 43, 50, 71
 Smutkova E. 407
 Stang Chr. S. 168, 383, 394, 452
 Stanislav J. 248, 274, 276, 406
 Steinitz W. 12
 Stieber Z. 28, 164, 165, 179, 185,
 248, 266, 274, 380, 381
 Streitberg 415
 Szober S. 366

Taszycki W. 267, 274
 Thieme P. 6

Thörnquist K. 533
 Toivonen Y. H. 530
 Trávníček F. 247, 248, 277, 366,
 482
 Trubetzkoy N. 7, 43, 50—52, 54—56,
 63, 64, 72, 86, 102, 103, 137,
 140, 152—155, 222, 235, 241,
 246—249, 273, 277, 286, 301,
 302, 307, 309, 328, 340, 347,
 351, 629.

Unbegaun B. O. 383, 393, 394, 398,
 422, 619, 620
 Urbańczyk S. 248, 443, 502

Vahros I., см. Вахрос И. С.
 Vaillant A. 99, 111, 112, 118, 141,
 143, 162, 189, 201, 247, 444, 452
 Van Wijk N. 55, 108—111, 140,
 141, 162, 310, 400, 415, 444,
 452
 Vasmer M. 11, 15, 93, 162, 266, 567,
 572
 Veenker W. 418, 491, 500
 Vondrák V. 161, 402, 428, 449

Wissman W. 6
 Wójtowicz J. 267
 Wollman F. 248

Zaręba A. 179
 Zubatý J. 161
 Zwoliński P. 179

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
О прародине славян, распаде общеславянского языка и образовании языка восточных славян	6
Из истории вопроса о древнерусских диалектах и происхождении русского, украинского и белорусского языков	30
1. «Трехчленная» концепция А. А. Шахматова	33
2. «Двухчленная» гипотеза Т. Лер-Сплавинского и Н. С. Тру- бецкого	43
3. Работы советских языковедов тридцатых-сороковых годов	57
4. Исследования пятидесятых-шестидесятых годов	70
Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов	84
Часть первая. Фонетические диалектизмы древнерусского языка	97
Аканье, его происхождение и история	—
1. К истории вопроса	98
2. Данные восточнославянской (древнерусской) письменности	117
3. Свидетельства современных говоров	128
4. Заключение	136
Судьба гласных <i>б</i> и <i>ѣ</i>	149
О фонеме <i>ѣ</i> и ее истории	160
Совпадение гласных <i>ы</i> и <i>и</i> в южных диалектах	178
Изменение <i>е</i> в <i>о</i>	184
Изменение <i>'а</i> в <i>е</i>	203
Второе полногласие	210
Диалектные явления в системе гласных, обусловленные падением ре- дуцированных	219
1. Судьба исконных <i>о</i> и <i>е</i> в новых закрытых слогах	221
2. Отпадение начального <i>*jъ</i>	233
3. Изменения в сочетаниях <i>trъt</i> , <i>ilъt</i> , <i>trъt</i> , <i>ilъt</i>	234
4. О рефлексах редуцированных <i>ŷ</i> и <i>ŷ</i>	237
Возникновение и распространение фрикативного <i>γ</i> и фарингального <i>ħ</i>	244
К истории свистящих и шипящих согласных	255
1. Цоканье	256
2. Совпадение <i>з</i> и <i>ж</i> , <i>с</i> и <i>ш</i>	267
О происхождении сочетаний <i>kl</i> , <i>gl</i>	272
К истории согласного <i>χ</i>	279
Упрощение групп согласных <i>oa</i> , <i>an</i>	282

	Стр.
О локальных особенностях рефлексов *zdj, *zgj, *zg' и *dj	284
Билабиальный w — губно-зубной v	290
Протетические согласные	296
Отверждение и смягчение согласных	303
1. Изменение сочетаний <i>кы, гы, хы</i> в <i>ки, ги, хи</i>	304
2. Отверждение согласных перед <i>е</i> и <i>и</i>	307
3. Дзеканье и цеканье	312
4. Отверждение плавного согласного <i>р</i>	314
5. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных <i>к, е, з</i>	319
6. Судьба согласных в их сочетаниях с <i>й</i>	323
7. Отверждение губных согласных	329
Изменение согласного <i>л</i> в <i>ль</i>	331
Сохранение звонкости согласных на конце слова и перед глухими согласными	334
Несколько дополнительных замечаний	336
О чем говорят фонетические ареалы	339
 Часть вторая. Возникновение и развитие диалектных явлений в морфологии	 357
Диалектизмы в склонении имен существительных	—
1. Формы родительного падежа единственного числа основ на <i>-а (-я)</i>	360
2. Окончания дательного падежа единственного числа имен существительных мужского рода	366
3. Обобщение основ на заднеязычные согласные	377
4. К истории звательных форм	384
5. О распространении форм именительного падежа множественного числа <i>-оге, -еге</i>	390
6. Возникновение окончаний <i>-а, -я</i> в именительном и винительном падежах множественного числа мужского рода	395
7. Развитие родительного-винительного падежа имен одушевленных	401
8. О возникновении и распространении падежной формы <i>-оць</i>	404
Диалектные новообразования в местоименном склонении	411
1. Окончание родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода	—
2. Разные явления	419
О диалектных формах личных местоимений	421
К истории глагольных диалектных форм	437
1. Формы 3-го лица настоящего и будущего времени	438
2. Глагольные формы 3-го лица прошедшего времени <i>-ле, -ло</i>	456
3. Формы 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени	463
Несколько общих замечаний о диалектных особенностях в морфологии	468
 Часть третья. О некоторых синтаксических диалектизмах	 474
Форма именительного падежа имен женского рода на <i>-а (-я)</i> в значении accusativa	476
Обороты со страдательными причастиями на <i>-но, -то</i>	491
Замечания о некоторых других диалектных особенностях в области синтаксиса	501

	Стр.
1. Союзы	—
Союз <i>а</i>	502
Союз <i>та</i>	504
Союз <i>да</i>	505
Союз (частица) <i>чи (чили)</i>	—
Союз (частица) <i>ти</i>	506
Союз <i>але</i>	—
Союз <i>або</i>	507
Союз <i>бо</i>	—
Союз <i>альбо (< алибо)</i>	508
Союз <i>как, како</i>	—
Союз <i>когда</i>	509
Союз <i>если</i>	—
2. Предлоги	—
Предлог <i>до</i> в значении указания объекта, к которому направлено передвижение	—
Повторение предлогов	510
3. Конструкция « <i>есть</i> +родительный падеж имени существительного»	514
 Часть четвертая. Диалектные явления в лексике	 516
Лексические диалектизмы ранней поры	519
1. Названия явлений неживой природы, особенностей ландшафта и земельных угодий	—
2. Названия грибов, растений, деревьев и кустарников	548
3. Названия рыб, птиц и животных	557
4. Термины материальной культуры и быта	563
5. Социальная лексика	578
6. Глагольная лексика и некоторые слова разного значения	589
Лексические диалектизмы эпохи становления русского, украинского и белорусского языков	606
1. Новые слова локального распространения	607
2. Лексические особенности русского, украинского и белорусского языков эпохи их становления	615
Заключение	625
Список сокращений	640
Указатель имен	643

Федот Петрович ФИЛИН
(1908–1982)

Выдающийся отечественный языковед, член-корреспондент АН СССР (1962). Окончил Московский государственный университет в 1931 г. Занимал должности директора Института языкознания АН СССР (1964–1968), Института русского языка АН СССР (с 1968 г.). Лауреат Ленинской премии (1970). Главный редактор журнала «Вопросы языкознания» (с 1971 г.).

В область научных интересов Ф. П. Филина входили история русского и других славянских языков, лексикология и лексикография. Он исследовал проблемы этногенеза славян, русской диалектологии и лингвистической географии, общего языкознания и социолингвистики, развития, структур и функций, стилевых разновидностей литературных языков, их историко-сопоставительного изучения. За книгу «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк», представляющую собой итог многолетней работы автора в области истории восточнославянских языков. Президиумом Академии наук СССР Ф. П. Филину была присуждена Премия им. А. С. Пушкина за 1977 г.

Ф. П. Филин

Член-корреспондент
АН СССР
Лауреат Ленинской премии

Ф. П. Филин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РУССКОГО,
УКРАИНСКОГО
И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Наше издательство рекомендует следующие книги:

3928 ID 36785

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

9 785484 005185

Тел./факс: 7 (495) 135-42-16
Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

URSS

URSS

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Историко-
диалектологический
очерк

Капитальный труд
о происхождении
восточнославянских
языков

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>